

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ ІІ

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ І І

1893

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ЯНВАРЬ, 1893

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой дсвицей. Историческій романъ. I—V. П. Н. Полеваго	7
II. Разказы о Гоголѣ. Б. П. Ободовскаго	35
III. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. I—III.	39
IV. Потревоженныя тѣни. Дворянинъ Евстигней Чарыковъ. С. Н. Терпигорева	87
V. Предверіе литературы. (Страничка изъ воспоминаній). I. I. Ясинскаго	109
VI. Катастрофа на Ладожскомъ озерѣ. П. И. Жудры	122
VII. Воспоминанія клоуна А. Л. Дурова. I—II.	155
Иллюстрація: Портретъ Анатолія Леопидовича Дурова.	
VIII. Къ біографіи А. В. Кольцова. Л. Б. Вейнберга	183
IX. Современная Италия. Королевство, папство, республика. I—III. В. И. Модестова	198
X. Воспоминаніе о Н. П. Сивельниковѣ. П. С. Слетова	231
XI. Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ. (Біографическій очеркъ). М. П. Мазеева	238
XII. Памяти К. Ѳ. Калайдовича. Н. Л. Ширяева	257
XIII. Изъ воспоминаній о Японіи. I—III. А. А. Черевковой	262
Иллюстрація: 1) Японскій домъ.—2) Храмъ Сува, покровителя города Нагасаки.—3) Японскія няньки.—4) Японскій обѣдъ.—5) Гейши (японскія тацшцацц).	
XIV. Критика и бібліографія	281
1) Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг., собранные генераль-маіоромъ Д. Ѳ. Масловскимъ, ординарнымъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1892. Н. Орлова.—2) Исторія англійскаго народа. Джона Ричарда Грина. Томъ третій. Пуританская Англія. 1603—1660. Революція. 1660—1683. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Москва. 1892. А. Л.—нѣ.—3) Историческіе разказы и повѣсти П. Н. Полеваго. Съ 65 оригинальными рисунками и виветками К. В. Лебедева. Спб. 1893. С. Ш.—4) Матеріалы для живописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ VI. Спб. 1892. А. Л.—5) La Russie géologique, ethnologique, historique, administrative, économique, religieuse, littéraire, artistique, scientifique etc. Paris. 1892. В. С. Россоловскаго.—6) Триумфы женщины. Спб. 1893. А. Фаресова.—7) Халдеи. Повѣсть изъ новгородскаго быта XV вѣка, Н. Привольева. Спб. 1893. Анат. Лемана.—8) А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй. Москва. 1892. В. Б.	
XV. Историческія мелочи	298
1) Кармскіе узники.—2) Манчестерскіе мученики.—3) Евангеліе апостола Петра.—4) Рукоищъ перевода Семидесяти Толковниковъ.	

См. слѣд. стран.

XVI. Заграничныя историческія новости	СТР. 305
XVII. Смѣсь	315

1) Столѣтняя годовщина рожденія А. М. Княжевца. — 2) Пятидесятилѣтіе «Руслана и Людмилы» и музей Глиники. — 3) Библиографическая находка. — 4) Некрологи: А. А. Феть; В. П. Ключниковъ; П. И. Дитятинъ; Н. Д. Масловъ; Н. И. Витковскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. Д. Галахова. — 2) Два поэта. Съ двумя портретами. В. Л. Т. — 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. — 4) Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНО-СТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Годовое изданіе состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 35 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ Читеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 рублей въ Москвѣ и 8 рублей 50 коп. съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины И. Глазунова (на Кузнецкомъ мосту), Карбасникова и Ѳ. А. Богданова (въ Петровскихъ лпніяхъ).

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЕВИЧЪ ГАЛАХОВЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПЕ., 9 ДЕКАБРЯ 1892 Г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1893 году
(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1893 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тринадцать лѣтъ (1880—1892).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНИЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дефтфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габріелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ.

Il y a dans le coeur humain des abîmes impossibles à sonder... En présence de ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée: Dieu seul peut les juger avec *Equité*...

(Mém. du prince P. Dolgorouky, 39).

I.

ТЯЖЕЛЕНЬКА, о-о-охъ, тяжеленька ты иной разъ приходишься, служба царская-государская! — проговорилъ, вставая изъ-за стола, князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, назначенный начальникомъ Стрѣлецкаго приказа на время отъѣзда царя Петра Алексѣевича за границу.

— Любишь, князь, кататься, люби и саночки возить! — замѣтилъ, шепелевя, старый бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ, лукаво улыбаясь и спѣша допить свой кубокъ бастру.

— Тутъ ужъ какія саночки? Друзья вы мои, благодѣтели, сами посудите! Тутъ на себѣ гору придется везти! Вотъ что!... Я бы, кажется, отъ всякаго катанья на-вѣкъ радъ отказаться...

— Эхъ ты куда хватилъ, князь! — насмѣшливо замѣтилъ бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, ставя на столъ свою чарку стараго меда. — Можно подумать, пожалуй, что намъ съ тобою и невѣсть-какая напасть на руки навязалась? А и дѣло-то все въ томъ, чтобы ѣдить царицѣ Евдокии письмо великаго государя Петра Алексѣевича!.. Что-жъ тутъ мудренаго?

Князь Троекуровъ уперся въ бока руками и посмотрѣлъ на Льва Кирилловича съ нескрываемымъ укоромъ.

— Э-эхъ, Левъ Кириллычъ! письмо письму—розъ! Забылъ ты, видно, пословицу: «чужую-то бѣду...?»... То-то вотъ и оно! А я тебѣ такъ скажу (коли ужъ на правду пошло): вѣдь будь жива теперь блаженной памяти сестрица твоя, Наталья Кирилловна, такъ ты бы съ этимъ письмомъ государевымъ не поѣхалъ, небось, въ Теремной дворецъ!

— Отчего бы это такъ? — поспѣшилъ возразить Левъ Кирилловичъ.— Съ чего ты это взялъ? Развѣ я не усердный слуга великому государю? Развѣ я...

— А отъ того, пріятель,—перебилъ его Троекуровъ:—что если бы ты только заикнулся о томъ письмѣ царя къ царицѣ, Наталья-то Кирилловна такъ бы на тебя глянула, что ты бы по пупъ въ землю ушелъ!.. Тоже вѣдь взглядъ къ сынку-то отъ матушки перешель,—не отъ «Тишайшаго», небось!..

— Ужъ это само собой! Ужъ это вѣрно! Чтò и говорить!—подтвердилъ Тихонъ Стрѣшневъ, высасывая послѣднія капли дорогаго заморскаго вина изъ своего кубка.—Пожалуй, что и самъ государь-то еще подумалъ да подумалъ бы, прежде чѣмъ то письмо написать...

— Да что вы меня съ толку сбиваете!—крикнулъ Нарышкинъ, сверкнувъ черными, недобрыми очами.—Развѣ не воленъ государь своей женѣ путь въ монастырь указать? А? Не воленъ съ нею развестись, коли она ему опостылѣла?

— Каковъ царь? Иной, пожалуй, что и воленъ!—сказалъ, пожимая плечами и посмѣиваясь, Троекуровъ.

— Царь Иванъ Грозный вонъ и на семи женахъ переженился, однако его митрополитъ и съ третьей супругой ужъ въ соборъ-то не впустилъ: въ притворѣ вѣнчалъ... Слыхалъ-ли ты это? А ужъ на что грозенъ былъ! А нонѣ патріархъ-то у насъ властью повыше митрополита! — вступился Стрѣшневъ, вторя Троекурову и подъ шумокъ подливая себѣ бастру изъ братины.—И не спросивъ его, да вдругъ бухъ въ большой колоколь!

— Митрополитъ ли, патріархъ ли, и разрѣшить ли, вѣтъ ли? Намъ что за дѣло?—еще громче прежняго крикнулъ Нарышкинъ, грубо отталкивая руку Троекурова, который собирался подлить ему еще меду въ чарку. — Намъ присланъ приказъ—ѣхать къ царицѣ Евдокии и явить ей письмо самого царя! Ну, и должны мы ѣхать не медля: не кряхтѣть, не охать, не разводить бобы...

— Опять не то ты говоришь, Левъ Кириллычъ!—сказалъ Троекуровъ.—Кабы мы только явить должны были письмо государево государынѣ-царицѣ, такъ это бы еще съ пола—гòря!.. А то мы должны его не только явить, но и прочесть ей, и еще склонить ее къ тому, чтобъ не противилась волѣ государевой... Ну, а это, самъ посуди, легко ли? Изъ дворца да въ келью! Охъ Господи! Кажись, въ могилу, и то лучше!

— Вотъ то-то! Всѣ вы не кстати жалостливы бываете! Въ царѣ Петрѣ вамъ все нѣ мило, такъ вотъ и тутъ его вините и судите!— заговорилъ быстро и отрывисто Нарышкинъ.—А сами что дѣлаете? Сплошь да рядомъ женъ въ обители ссылаете! Чуть стала не милà или другая приглянулась и въ мѣру при живой женѣ пришлась,—сейчасъ съ жены кикю долой, а черный шлыкъ ей на голову... И правъ, и словно дѣло сдѣлалъ!.. Эхъ вы!..

И, поднявшись съ лавки, онъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сердито оглядываясь на своихъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ, это ты напрасно насъ коришь пристрастиемъ къ царю Петру Алексѣевичу!—сказалъ Тихонъ Стрѣшневъ.—Мы ли его не любимъ, мы ли ему не поважаемъ, мы ли не готовы всему ему служить?! Да только точно, что намъ тутъ словно бы въ чужомъ пиру похмелье! Статочное ли дѣло—жену съ мужемъ разводить?..

— А я все же одно скажу,—настойчиво проговорилъ Нарышкинъ.— Не статочное дѣло намъ рядить и обсуждать объ этомъ: мы ѣхать должны и не медля приказъ царскій исполнить!..

Троекуровъ не вытерпѣлъ наконецъ и разсердился.

— Ну, что ты заладилъ одно да одно!—сказалъ онъ, обращаясь къ Нарышкину, который останвился среди комнаты.— Должны исполнить, такъ и исполнимъ... Что-жъ подѣлаешь? Но я то тебѣ скажу: будь царица не изъ Лопухиныхъ, а изъ Нарышкиныхъ, примѣрно,— ты бы не такъ спѣшилъ отвезть ей царскій указъ!

— Не смѣешь ты мнѣ этого сказать!—крикнулъ Нарышкинъ, топая ногою.— Мнѣ для великаго государя Петра Алексѣевича никого не жалко... Весь я въ его руку...

— Полно, Левъ Кириллычъ, не кричи, да не сердись подпусти!— перебилъ его Троекуровъ.— Вѣдь мы съ тобой не опричники: тѣ только клятву-то царю Ивану давали, что по его слову и на отца, и на мать руку поднимуть... А тутъ ужъ какъ, чтобы своему челоуѣку не помирволить, своячествомъ не посчитаться? А вѣдь великая-то государыня мнѣ своячина, моей Настасьѣ Ѳедоровнѣ сестра родная? Хоть это-то въ расчетъ прими!..

— Царь Петръ Алексѣевичъ ни родства, ни свойства въ расчетъ не беретъ! Хорошъ ты, милъ ему, да нуженъ,—такъ ты и братъ, и свать, и кумъ... А не хорошъ, такъ кто-ни-будь, сестра-ли, братъ-ли—въ дугу свернулъ, съ дороги сбросилъ... Такъ и мы должны на лица не зрѣть...

— На царя Петра за то и страху-то нѣтъ! Ему никто не въ мѣру!—проговорилъ со вздохомъ Троекуровъ.—А я ужъ знаю, что мнѣ отъ моей Настасьи Ѳедоровны будетъ, послѣ сегодняшней поѣздки... Отъ слезъ ея никуда не уйдешь!.. Ну, да ужъ ѣхать уговорились, такъ поѣдемъ, что ли?.. Развѣ только вотъ для бодрости еще по кубочку меду пропустить...

При этихъ словахъ князь Троекуровъ налилъ меду себѣ и На-

рышкину изъ серебрянаго пузатаго жбана, а Тихонъ Стрѣшневъ нацѣдилъ себѣ бастру изъ сулеи, приговаривая:

— Медкомъ да ладкомъ, братцы мои,—и поѣхали!

Самъ Левъ Кирилловичъ, хотя все еще хмурый, на этотъ разъ не отказался отъ угощенья: подошелъ къ столу и протянулъ къ кубку руку.

— Пойдите, братцы, вотъ, кажется, не наши ли ходоки отъ патріарха воротились? Вонъ во дворъ вѣзжаютъ!—сказалъ Троекуровъ, заглядывая въ окно.

Глянули въ окно и его собесѣдники, не выпуская кубковъ изъ рукъ, и увидѣли тяжеловѣсную коляску, обитую внутри краснымъ сукномъ и медленно вползавшую въ ворота. Въ ней сидѣли рядомъ старый бояринъ Бутурлинъ и молодой государевъ стольникъ князь Куракинъ, своякъ Троекурова, женатый на Ксеніи Лопухиной, другой сестрѣ царицы.

Минуть пять спустя, и Куракинъ, и Бутурлинъ, вступивъ въ комнату, уже кланялись боярамъ, сидѣвшимъ за столомъ, и, поклонясь, цѣловались съ ними чинно и молча.

— Уфъ! Упарились мы съ княземъ, други сердечные! — залепеталъ, шамкая и присвистывая, беззубый Бутурлинъ. — Жарища этакая страшная... Кажись бы, Успеневъ день миновалъ, откуда и жарѣ-то быть! Иванъ Борисычъ, будь другъ, расхолоди ты мнѣ утробушку кваскомъ! Вели холопамъ со льду принесть...

И онъ въ изнеможеніи опустился на лавку около стола, обмахиваясь спущеннымъ рукавомъ кафтана и вытирая красную потную лысину ширинкой.

Хозяинъ кликнулъ ключника и шепотомъ отдалъ ему какой-то приказъ; но не успѣлъ онъ еще и договорить, какъ Левъ Кирилловичъ обратился къ Бутурлину:

— Ну, сказывай, что ли! Съ чѣмъ отъ патріарха обернулъ? Утробу и послѣ охолодить успѣешь, а дѣло государево впередъ всего идти должно...

— Молоденекъ ты меня учить, Левъ Кириллычъ!—огрызнулся Бутурлинъ, преспокойно принимаясь за поднесенный ему жбанъ съ квасомъ и снова подставляя ключнику ковшъ.—Уфъ, Господи! Вотъ благодать-то! Налей-ка еще, Евстигнеичъ!

Нарышкинъ отвернулся и сталъ у окна, барабани пальцами по косяку. Всѣ остальные выжидали молча, пока старый Бутурлинъ утолитъ свою ненасытимую жажду. Наконецъ, допивъ третій ковшъ, онъ крякнулъ, утеръ рукавомъ кафтана сѣдые усы и, поглядѣвъ на окружающихъ, прошамкалъ:

— Преосвященнѣйшій государь патріархъ не изволяетъ.

— Во-во-во! Я такъ и зналъ!—поторопился сказать Троекуровъ.

— Да чего онъ не изволяетъ-то?—крикнулъ Нарышкинъ такъ неожиданно и рѣзко, что Бутурлинъ даже привскочилъ на лавкѣ.—

Кто его изволенія просить? Кто и васъ-то къ нему соваться просить по государеву дѣлу?

— Мы просили, — сказалъ Троекуровъ, указывая на себя и Куракина, который попрежнему сидѣлъ молча въ сторонѣ, не вступая въ общую бесѣду. — Хотѣли знать, какъ государь патріархъ на это дѣло взглянетъ...

— Да, не одобряетъ, — подтвердилъ Бутурлинъ, пожимая плечами. — Говорить — незаконно. Ино дѣло: будь она неплодна, или къ супружескому сожителю негожа, либо смиреніемъ проникновенная сама въ обитель удалиться пожелала... Тогда иное дѣло!

— Да что онъ тамъ задумалъ еще!? — крикнулъ нетерпѣливо Нарышкинъ: — законно-ли, нѣтъ-ли, пусть объ этомъ съ государемъ говорить и его увѣщаетъ! Намъ надо сейчасъ же ѣхать и царскій приказъ исполнить; а тамъ ужъ пусть и судить государь-патріархъ и рядить по канонамъ... Кто со мною?

Нарышкинъ взялся за шапку и ступилъ два шага къ двери. Троекуровъ и Стрѣшневъ, вскочивъ со своихъ мѣсть, бросились къ нему съ обѣихъ сторонъ, ухватили за руки и всѣми силами пытались уломать усерднаго сторонника Петрова.

— Да полно, Левъ Кириллычъ, повремени маленько... Дѣло-то вѣдь не медвѣдь — въ лѣсъ не уйдетъ... Еще успѣемъ... А если и не успѣемъ, завтра можемъ... Вѣдь спѣхомъ тутъ не возьмешь...

Но упрямый Левъ Кирилловичъ вырвался изъ рукъ пріятелей и направился спѣшно къ двери. На порогѣ онъ еще разъ обернулся и сказалъ:

— Вотъ вамъ мой послѣдній сказъ! Либо сейчасъ со мной поѣдемъ, какъ собирались, какъ сговаривались... Либо я одинъ поѣду, исполню по приказу государеву и донесу ему на завтра съ нарочнымъ въ Амстрадамъ, что вы со мною ѣхать не захотѣли. Ну, выбирайте, что ли?

— Да ужъ что же дѣлать! Видимъ, что съ тобою сладу не взять, — проговорилъ Тихонъ Стрѣшневъ, съ неудовольствіемъ отрываясь отъ бастру. — Ыдемъ, что ли, Иванъ Борисовичъ?

— Ыдемъ, охъ! Ыдемъ, — проговорилъ со вздохомъ Троекуровъ какимъ-то упавшимъ голосомъ и тоже взялся за шапку. — Евстигнейчъ, скажи, чтобы колымагу подавали. А вы, дружки, — добавилъ онъ, обращаясь къ Бутурлину и Куракину, — не увѣжайте. Прогостимъ во дворцѣ не долго, потому не за радостью туда ѣдемъ... Охо-хо-охъ!

И, низко понуря голову, онъ вышелъ изъ комнаты вслѣдъ за Стрѣшневымъ и Нарышкинымъ, переступая такъ медленно, будто на ногахъ несъ пудовые кандалы.

— Охъ, служба наша боярская-холопская! — овлбленно шепталъ онъ про себя, готовясь спускаться съ лѣстницы...

II.

Бояре, спозаранку собравшись въ домѣ Троекурова для совѣщанія объ исполненіи государева порученія, такъ занялись своими толками и спорами, что и къ обѣднѣ не попали, и о праздничномъ днѣ забыли... Только уже подъѣзжая къ дворцовой оградѣ, они вспомнили, что третій Спасъ на дворѣ.

— Нечего сказать! идемъ къ государынѣ съ радостью для праздника!—проворчалъ Троекуровъ.—Стыдно будетъ ей въ глязыньки-то глянуть.

Оба спутника его промолчали и стали торопливо вылѣзать изъ колымаги у воротъ, охраняемыхъ дворцовой жилецкою стражею.

Сѣздъ у рѣшетки дворца былъ большой; много боярскихъ колымагъ, каретъ и колясокъ, много и верховыхъ коней стояло по обѣ стороны широкаго вѣзда во дворъ, окруженныхъ толпою боярской челяди, вершниковъ и конюховъ. Стрѣшневъ, окинувъ взглядомъ все повозки и прислугу, ихъ окружавшую, сразу замѣтилъ, что праздничный сѣздъ у царицы былъ очень значителенъ, и что въ числѣ гостей были и князья Долгорукіе, и Ромодановскій, и дядя государыни, бояринъ Петръ Абрамовичъ, завѣдывавшій приказомъ Большаго Дворца и Дворцовымъ Суднымъ.

— Ну, Иванъ Борисовичъ,—шепнулъ Стрѣшневъ, наклоняясь къ Троекурову:—быть бѣдамъ! Петръ Лопухинъ у государыни... Какъ встрѣтятся со Львомъ Кириллычемъ—и не рознять ихъ будетъ.

— А, можетъ, оно и къ лучшему, — также шепотомъ отвѣчалъ ему Троекуровъ: — какъ сѣпятся, такъ наше дѣло, поди-ка, и замнется.

Взойдя во дворецъ Постельнымъ крыльцомъ и пройдя обширныя сѣни, въ которыхъ толпились монахини и игумены изъ разныхъ дальнихъ монастырей, странники, пришедшіе съ Аеона и изъ Іерусалима, и монахи изъ Печерской и Почаевской обителей, — бояре вошли въ переднюю государыни, въ которой отъ стольника узнали, что государыня еще не изволила возвратиться отъ обѣдни изъ дворцовой церкви Благовѣщенія.

— Какъ изволишь вернуться, — сказалъ Левъ Кирилловичъ старику стольнику, — такъ доложишь великой государынѣ, что мы къ ней отъ великаго государя съ письмомъ присланы. Слышишь?

— Какъ не слышать, батюшка, Левъ Кирилловичъ! Даже очень слышимъ! Да вѣдь великая-то государыня здѣсь изъ церкви шествовать изволишь... Такъ, чай, сама увидитъ васъ?

Троекуровъ и Стрѣшневъ усѣлись въ углу пріемной на лавкѣ у стѣны и понурили головы въ тягостномъ ожиданіи; а Нарышкинъ сталъ нетерпѣливо шагать изъ угла въ уголь, заложивъ руки за спину и какъ бы обдумывая ту краткую рѣчь, которую ему

предстояло сказать государинѣ-царицѣ при явкѣ письма государева. И старый стольникъ, и бояре молчали: каждый думалъ про себя свою думу, и только громкій торжественный благовѣстъ соборныхъ колоколовъ, гудѣвшихъ надъ Кремлемъ, вносилъ жизнь въ ту мертвую, беззвучную тишину, которая царила въ покояхъ теремнаго дворца, на половинѣ царицы.

Бояре ожидали уже около получаса, когда стряпчій царицы вошелъ въ переднюю изъ боковой двери и объявилъ, что великая государыня Евдокія Ѳеодоровна и государь царевичъ Алексѣй Петровичъ изволятъ жаловать въ переднюю. Бояре поднялись съ своихъ мѣстъ, стольникъ и стряпчій стали по бокамъ двери, въ которую, нѣсколько минутъ спустя, вступила государыня, окруженная боярами, боярынями и ближайшими родственниками. Она сама вела за руку царевича Алексѣя, мальчика лѣтъ восьми, темноволосаго, худенькаго и блѣднаго. Вслѣдъ за царицею шли ея родныя сестры — княгини Настасья Троекурова и Ксенія Куракина—а о-бокъ съ царицею Евдокіею Ѳеодоровною шелъ ея родной дядя Петръ Абрамовичъ Лопухинъ, высокій и сановитый мужчина, лѣтъ шестидесяти, съ очень красивымъ и пріятнымъ лицомъ и длинною, окладистою сѣдою бородою.

Царица Евдокія Ѳеодоровна была въ ту пору молодою женщиной въ полномъ расцвѣтѣ силъ, здоровья и красоты. Незадолго передъ тѣмъ ей минуло 25 лѣтъ. Богатый и широкій царскій нарядъ, ниспадавшій съ ея плечъ величавыми складками, прикрывая ея роскошно-развитыя формы, придавалъ всей ея фигурѣ своеобразную грацію и всѣмъ ея движеніямъ пріятную плавность. Она высоко держала голову, прикрытую богатой кикой съ камнями и жемчужнымъ низаньемъ; мягко выступая неспѣшною, ровною поступью, она видимо старалась поддержать свое царское достоинство, но взглядъ ея прекрасныхъ, большихъ, черныхъ очей не рѣдко измѣнялъ ей: въ немъ мелькало по временамъ что-то робкое, тревожное, почти пугливое...

— Великая государыня!—произнесъ старый стольникъ.—Бояре и ближніе государевы люди, князь Троекуровъ, Нарышкинъ и Стрѣшневъ, тебѣ челомъ бьютъ!

Бояре поклонились низко, низко...

— Великая государыня!—продолжалъ стольникъ по обычному дворцовому церемоніалу:—бояре пришли явить тебѣ письмо великаго государя Петра Алексѣевича.

— Государя?!—невольно сорвалось съ устъ царицы, которая нѣсколько прищурила глаза, чтобы скрыть свое волненіе; но тотчасъ же ласково обратилась въ сторону бояръ и произнесла пріятнымъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Рада васъ видѣть, бояре. Рада слышать отъ васъ о здравіи великаго государя, супруга моего.

Бояре опять поклонились, а царица Евдокія, обращаясь къ столънику, сказала:

— Проби князя Троекурова и бояръ Нарышкина и Стрѣшнева ко мнѣ въ комнату. А дорогихъ сестрицъ моихъ и гостей и ближнихъ проби прямо пройти въ столовую палату. Мамушка, возьми съ собою царевича!

Мама царевича Алексѣя, Марѳа Колычева, и пѣстунъ его, Никифоръ Вяземскій, выдѣлились изъ свиты и подошли къ ребенку.

Но царевичъ взглянулъ въ лице матери, вдругъ прижался къ ней и, крѣпко ухвативъ ее за руку обѣими руками, прошепталъ:

— Не хочу! Хочу съ тобою быть!

— Нельзя, дружечекъ, лапушка моя, Алѣшенька. Дѣло есть — ступай и ты въ столовую палату. Я за тобою слѣдомъ...

Мама и пѣстунъ, отвѣдя царевича отъ царицы Евдокіи, подхватили его на руки и быстро унесли изъ передней. За ними двинулись и всѣ лица, сопровождавшія царицу въ ея шествіи изъ церкви на ея половину. Но Евдокія Ѳеодоровна быстро обернулась въ сторону своихъ приближенныхъ и почти съ испугомъ проговорила:

— Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ и ты, бояринъ Петръ Абрамовичъ... васъ прошу остаться и слѣдовать за мною въ комнату...

И она направилась къ широко раскрывшимся передъ нею дверямъ комнаты. За нею вошли туда князь Ромодановскій и бояринъ Лопухинъ, за ними бояре, привезшіе письмо государево.

Вступивъ въ комнату, царица Евдокія Ѳеодоровна сѣла въ кресло съ высокою рѣзною, золоченою спинкою, стоявшее у окна, и обратилась къ боярамъ.

— Письмо... отъ государя... у васъ ко мнѣ?—сказала она, протягивая руку за письмомъ и вперя тревожный, вопрошающій взоръ въ лице Нарышкина, который держалъ въ рукахъ какую-то синюю четверо сложенную бумагу.

Кончики ея тонкихъ, красивыхъ пальцевъ чуть примѣтно дрожали; высокая грудь замѣтно поднималась подъ парчевымъ, тяжелымъ плечемъ, усаженнымъ крупными жемчугами и каменьями...

Въ отвѣтъ на спросъ царицы, Нарышкинъ выступилъ нѣсколько впередъ и, указывая на бумагу, которую держалъ въ рукахъ, сказалъ не совѣмъ твердо:

— Великая государыня! Письмо отъ государя, писанное въ Амстрадамѣ городѣ, прислано въ Москву ко мнѣ, да къ князю Троеурову, да къ боярину Стрѣшневу, и съ симъ письмомъ приказано намъ отъ государя... тебѣ... тебѣ... напомнить... волю его... какъ онъ уже и раньше писалъ черезъ князя Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго...

И Нарышкинъ запнулся на этомъ словѣ, потому что взоры его встрѣтились со взорами царицы, и онъ прочелъ въ нихъ такой

ужась, такое волненіе, что смѣло задуманная рѣчь замерла у него на устахъ. Пораженный выраженіемъ ея лица, ея смертною блѣдностью, ея поблѣвшими трепетными устами, онъ вдругъ потерялъ всю бодрость духа и смущенно опустилъ глаза, вертя въ рукахъ роковое письмо Петра.

Царица Евдокія выручила его изъ тяжелаго затрудненія:

— Знаю... знаю, о чемъ пишетъ вамъ великій государь, бояре!— чуть слышно проговорила она.—Дивлюсь только тому, что не ко мнѣ... горемычной, обездоленной... онъ пишетъ о такомъ... дѣлѣ, а къ вамъ...

— Не прогнѣвайся, государыня!—въ одинъ голосъ сказали изъ-за спины Нарышкина Троекуровъ и Стрѣшневъ.—Горько намъ и тяжело было къ тебѣ идти, да государевъ строгій приказъ должны были исполнить.

Нарышкинъ гнѣвно оглянулся на своихъ товарищей:

— Приказъ государя еще не выполненъ, а вы ужъ и не повелѣнное сказываете?—сказалъ онъ въ полголоса.

Потомъ, обращаясь къ царицѣ, добавилъ:

— Намъ велѣно явить тебѣ письмо государево, прочесть его и...

— Не трудись, бояринъ!—перебила его царица Евдокія, вдругъ вспыхнувъ и засверкавъ огневыми глазами...—Не трудись и уговаривать, уламывать меня, какъ тебѣ приказано!!... Да еще и повернется ли у тебя языкъ уговаривать меня, чтобы я, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ обитель шла, заживо погребла бы себя,—чтобы я разлучилась съ сыномъ моимъ... О!... Съ Алешенькой! Съ дорогимъ моимъ дѣтищемъ!...

Она закрыла лице руками и зарыдала...

Бояре стояли передъ ней, хмурые, безмолвные и безгласные, выжидая, что будетъ далѣе...

Но вдругъ рыданіе словно оборвалось... Царица Евдокія быстро поднялась съ своего мѣста... Лице ея было красно; крупныя слезы еще блистали въ ея прекрасныхъ очахъ. Но она сказала твердо и ясно:

— Я великому государю раба покорная... Не смѣю ему противиться... Но пусть онъ самъ пріѣдетъ, самъ оторветъ меня отъ дѣтища, самъ укажетъ мнѣ путь въ обитель... Кромѣ его, никому не покорюсь... Такъ и знайте!...

И, не выжидая отвѣта на эти слова, царица Евдокія быстро удалась во внутренніе покои, оставя Нарышкина въ весьма неприятномъ и тягостномъ недоумѣніи.

Онъ обратился къ боярамъ, стоявшимъ позади его, пожимая плечами и довольно неопредѣленно разводя руками, какъ бы желая передъ ними извиниться въ неудачномъ исполненіи своей роли, и вдругъ замѣтилъ тотъ насмѣшливый взглядъ, который устремилъ на него бояринъ Петръ Абрамовичъ Лопухинъ.

— Какъ же быть, бояре? — сказалъ Нарышкинъ, стараясь не выдать своего смущенія...— Должны ли мы великому государю передать отвѣдъ царицы? Да и должны ли мы ея слова считать отвѣдью?...

Князь Ромодановскій, князь Троекуровъ и Стрѣшневъ молчали, поглаживая свои бороды, и ни единымъ звукомъ не выразили своего мнѣнія. Одинъ только Лопухинъ, сложа руки на груди и по-прежнему продолжая окидывать Льва Кирилловича насмѣшливымъ взглядомъ, проговорилъ:

— Дивлюсь я тебѣ, Левъ Кириллычъ!... Ну, что ты стараешься... Въ толкъ, право, не возьму—чего ты хочешь еще? и о какой отвѣди такъ хлопчешь?

— Радѣю о дѣлѣ государевомъ... Его приказъ исполняю! — отрѣзалъ Нарышкинъ, бросая гнѣвный взглядъ на Лопухина.

— Ну, что же? Отзвонилъ, и съ колокольни долой?! Другаго выхода вѣдъ не дождешься сегодня — такъ и отгѣзжай, не солоно хлебавши! — продолжалъ все такъ же насмѣшливо Лопухинъ.

— Не съ тобою пришелъ я рѣчь вести, непрощенный указчикъ! Ты и не суйся между мной и государыней...

— Государыня мнѣ приказала быть здѣсь съ боярами, — сурово отозвался Лопухинъ, мѣряя Нарышкина вызывающимъ взглядомъ: — и ты мнѣ глотки не заткнешь! Ищи другихъ, кто потрусливѣй меня, царскій угодникъ!

— Бояре! Слышите его слова? Какъ онъ смѣеть... какъ смѣеть? — крикнулъ Нарышкинъ, колотя себя въ грудь кулакомъ и указывая на Лопухина.

— Да полно вамъ, бояре! — заговорилъ Троекуровъ. — Пойдемте всѣ по домамъ и потолкуемъ...

— Нѣтъ! Пусть онъ знаетъ, — настойчиво и строго продолжалъ Лопухинъ: — пусть онъ знаетъ, за какой кусъ хватается... Онъ долженъ бы помнить, кто великую-то государыню въ супруги царю Петру Алексѣевичу избралъ! Кто? Помнишь? Блаженной памяти твоя же сестрица, государыня Наталья Кирилловна! А ты ея-то память ногами попираешь!

— Замолчишь ли ты, окаянный! — закричалъ Нарышкинъ, трясясь отъ злости и бросаясь на Лопухина со сжатыми кулаками...

Но Ромодановскій, Стрѣшневъ и Троекуровъ ухватили его за руки и потащили къ двери въ переднюю, уговаривая прекратить начатую ссору.

— Ты бы должень, какъ дядя-то, отговорить царя отъ этого великаго грѣха! А ты въ его же руку тянешь... Все только потому что вишь Лопухины у тебя въ горлѣ костью застряли! — продолжалъ отчитывать бояринъ Петръ Абрамовичъ вслѣдъ Нарышкину, увлекаемому боярами.

— А! коли такъ,—проговорилъ Нарышкинъ, оборачиваясь въ сторону Лопухина и грозя ему кулакомъ:—такъ знай, что я тебя сумѣю смирить! Дай только государю вернуться изъ Нѣметчины!... Намъ двоимъ нѣтъ мѣста здѣсь! Съ тобою не добромъ, а можемъ сводить расчеты придется! Спокаешься, да...

Но Ромодановскій и Стрѣшневъ сдвинули его дружными усилиями съ мѣста, вывели въ переднюю, и словъ его скоро уже не стало слышно за дверью; а Троекуровъ, улучивъ минутку, вернулся таки изъ передней и, быстро подойдя къ Лопухину, успѣлъ шепнуть ему:

— Пресвященнѣйшій не изволяетъ на разводъ!... Да что ты станешь съ этимъ чортомъ Нарышкинымъ дѣлать? Всполохился ѣхать, приказъ государевъ исполнить... Да грозитъ, братъ, что обо всемъ доложить,—ну, мы со Стрѣшневымъ и поѣхали... А ты—будь другъ, Петръ Абрамовичъ, оправь ты меня передъ государыней-то!... Мнѣ и безъ того отъ моей Настасьи Ѳедоровны претерпѣть не мало придется...

И онъ поспѣшно юркнулъ въ переднюю, чтобы нагнать остальныхъ бояръ.

Петръ Абрамовичъ съ грустью и негодованіемъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ:

— Правители! — проговорилъ онъ про себя.—Куда вѣтеръ дунеть, туда и клонятся! Не то, чтобы поудержать звѣря да когти-то ему поукоротить... Всѣ ему же мирволятъ! Да постоитъ, онъ вамъ себя покажетъ: Лопухиныхъ не пожалѣетъ, такъ доберется и до васъ!... Всѣмъ свой чередъ!

Онъ покачалъ головою и въ глубокомъ раздумьѣ направился въ столовую палату.

III.

Прошло нѣсколько дней очень грустныхъ, очень печальныхъ для царицы Евдокіи Ѳеодоровны, которая провела ихъ въ слезахъ и сокрушеніяхъ, почти не выходя изъ своей опочивальни, никому не показываясь и ни съ кѣмъ не выдаясь. Ея тяжкое, безысходное горе, которое всѣ окружающіе царицу вполнѣ раздѣляли и понимали, налагало на ея приближенныхъ и даже на слугъ оттѣнокъ молчаливой печали и скорбнаго унынія... Словно облако темное надвинулось и бросило тѣнь на всѣхъ, начиная отъ боярынь и комнатныхъ людей царицы, до ея нисшей служни и дворни... Всѣ притихли, присмирѣли, сумрачно замокли; всѣ чувствовали на себѣ гнетъ какой-то, чего-то ждали, опасались и съ невольной тревогой вглядывались въ темную даль, не сулившую ничего добраго... У всѣхъ глубоко запалъ въ душу одинъ и тотъ же страшный вопросъ:

— Что-то будетъ съ нами со всѣми, какъ царь-то изъ Нѣмечины вернется? Куда мы дѣнемся, какъ онъ царицу-матушку въ монастырь запретъ? А вѣдь съ него станется! Отъ него всего ждать можно... О-охъ! Всего...

Шепотомъ сообщая другъ другу подобныя опасенія, они вздыхали, покачивая головами, и въ то же время какъ-то боязливо оглядывались по сторонамъ: не подслушалъ бы кто-нибудь, не посмотрѣлъ бы ихъ общей печали и сокрушеній...

Это грустное настроеніе особенно тяжело отзывалось на юномъ восьмилѣтнемъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, который, какъ и всѣ дѣти, былъ замѣчательно чутокъ къ различнымъ вѣяніямъ среди окружающей его среды...

Незамѣтно присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что около него происходило и что говорилось, онъ смутно понималъ только одно, что отецъ его, тотъ строгій и суровый царь Петръ, котораго онъ видалъ очень рѣдко и очень боялся,—замыслилъ что-то недоброе по отношенію къ его матери.

— Когда батюшка пріѣдетъ?—спрашивалъ царевичъ своего пѣстуна Никифора Вяземскаго, стараясь уловить его взглядъ и внимательно вслушиваясь въ то, что ему отвѣтитъ пѣстунъ:

— А кто его знаетъ?—съ небреженіемъ и недовольствомъ отвѣчалъ пѣстунъ, отворачиваясь отъ царевича и видимо не желая вести рѣчь о царѣ Петрѣ.

Царевичъ по тону отвѣта, по выраженію лица своего пѣстуна, заключалъ, что тотъ не любитъ его отца и не хочетъ о немъ говорить; а потому, уловивъ минуту, когда Вяземскій отъ него отошелъ и около него оставалась одна его мама, боярыня Колычева, вдругъ озадачивалъ ее вопросомъ:

— А куда батюшка хочетъ отослать матушку изъ Москвы?

И опять вопросъ сопровождался пристальнымъ, пронизательнымъ взглядомъ встревоженнаго ребенка.

— Что это ты выдумалъ, батюшка!—отзывалась мама съ притворнымъ негодованіемъ.—Откуда тебѣ такое въ голову приходитъ?

Ребенокъ отлично понималъ, что мама хочетъ сбить его съ толку, и, не смущаясь, за первымъ вопросомъ ставилъ второй:

— А меня-то мама возьметъ съ собой? Я не хочу здѣсь оставаться безъ нея...

— Да вѣкуда матушка-государыня не поѣдетъ?... Развѣ къ Троицѣ на богомолье?... Тогда и тебя возьметъ... А гдѣ твои игрушки? куда ты ихъ разсовалъ?...

— Нѣтъ!—рѣшительно отвѣчалъ боярынѣ-мамѣ царевичъ.—Матушка не къ Троицѣ поѣдетъ, а то бы она не плакала... А вотъ съ того дня, когда къ ней послѣ обѣдни бояре пришли,—она все плачетъ, все плачетъ...

И боярыня-мама, удивленная наблюдательностью ребенка, на-

прасно старалась отклонить его вопросы и отвлечь его вниманіе въ другую сторону.

Однако же облако грусти и унынія, надвинувшееся на всю царицыну половину Теремнаго дворца, вдругъ разсѣялось самымъ неожиданнымъ образомъ.

Недѣли полторы спустя послѣ посѣщенія боярѣ, являвшихъ письмо государево, царица Евдокія сидѣла у себя въ комнатѣ съ сестрами-княгинями Троекуровой и Куракиной и вела съ ними обычную, давно прискучившую бесѣду, прерываемую неоднократными слезами и вздохами...

— Сами посудите, сестрицы-голубушки, каково мнѣ все это сносить да терпѣть!—говорила, печально покачивая головою, молодая царица.—Вѣдь онъ меня живую въ гробъ хочетъ положить, онъ...

— Да нѣтъ же, сестрица! — перебила Евдокію Феодоровну ея сестра Настасья Троекурова.— Не сокрушайся по-пустому: преосвященнѣйшій сказалъ, что онъ постриженія твоего не допуститъ! Такъ именно и говорилъ наемни боярину Бутурлину, Ивану Ивановичу... Не допущу, говорить, такого соблазна!... Хопа моль онъ и царь, а все же не по прихоти своей долженъ разводиться, а по канонамъ...

— Не посмотритъ на это государь Петръ Алексѣевичъ! — по-прежнему печально проговорила Евдокія Феодоровна.— Чуетъ мое сердце, что прошли мои красные денечки, что кончено житіе мое, красованье!...

И она утерла тонкой ширинкой наворачившіяся слезы.

— На себя бы оглянулся!—заговорила, въ утѣшеніе сестрѣ-царицѣ, Ксенія Куракина.—Самого бы подѣ строгій началъ въ обитель заточить!... Какую жизнь ведетъ по смерти блаженной памяти царицы Натальи Кирилловны?... Только и всего, что блудъ, да пьянство, да табашничество...

Въ это время вошла въ комнату одна изъ верховныхъ боярынь и доложила государынѣ о приѣздѣ во дворецъ княгини Настасьи Феодоровны Ромодановской, супруги князя-кесаря.

— Прикажешь ли принять, государыня?—спросила боярыня.

— Проси княгиню Настасью Феодоровну, — сказала царица Евдокія и добавила, обращаясь къ сестрамъ, когда боярыня удалась:

— Я ее люблю... Она своей сестрицы не въ примѣръ добрѣе...

И, какъ бы въ подтвержденіе своего отзыва, царица вмѣстѣ съ сестрами поднялась съ мѣста и пошла на встрѣчу гостѣ, которая не замедлила войти въ комнату.

Княгиня Настасья Феодоровна Ромодановская, супруга грознаго князя-кесаря, была родною сестрою царицы Прасковьи, вдовы царя Ивана Алексѣевича. Она очень напоминала сестру свою и лицомъ, и всѣмъ складомъ своей высокой, дородной фигуры; только

глаза у ней были не каріе, а голубые, и въ улыбкѣ было больше пріятности. На этотъ разъ, однако же, княгиня Настасья Ѳеодоровна была, видимо, чѣмъ-то такъ озабочена, что даже не отвѣсила обычнаго поклона царицѣ, а постаралась только покрѣпче припереть за собою дверь и, слѣшно подойдя къ царицѣ Евдокіи, проговорила, наклонясь къ ней на ухо:

— Осуши слезы, государыня! Есть у меня до тебя вѣсти важныя... тайныя...

— Охъ, не пугай ты меня!—проговорила царица, простирая къ Настасьѣ Ѳеодоровнѣ руки и бросая на нее умоляющій взглядъ.— Не пугай, и такъ во мнѣ вся душа изныла, изстрадалась.

— Говорю тебѣ, государыня, осуши слезы!... Кажись, услышаны молитвы наши!—проговорила княгиня Ромодановская, усаживая царицу и видимо слѣша сообщить ей привезенныя вѣсти.

— Охъ говори же! Говори скорѣе! При сестрахъ говори: не выдадутъ! — прошептала Евдокія Ѳеодоровна, опускаясь въ свое кресло и собирая около себя всѣхъ трехъ княгинь.

Княгиня Ромодановская, нагнувшись къ царицѣ и сторожливо оглядываясь по сторонамъ, произнесла таинственно:

— Вѣсти изъ-за моря запали! Писаль все грозно таково: буду такъ скоро, какъ и не чаете, а вотъ ужъ третья недѣля къ концу идетъ... и ни гу-гу!

Царица посмотрѣла на княгиню Ромодановскую съ мучительнымъ сомнѣніемъ во взорахъ и какъ бы ждала отъ нея еще чего-то новаго...

— Бояре всѣ въ тревогѣ, впопыхахъ... Даже и ближніе-то его, самые что ни на есть довѣренныя люди, кто всякую-то думку его знаетъ, и тѣ трепещутъ и мнутся духомъ... Пронесся слухъ, что Богъ по душу его послалъ...

— А-ахъ!—неволью вырвалось у всѣхъ трехъ сестеръ.

— И кабы ты видѣла, — продолжала съ особеннымъ удовольствіемъ княгиня Ромодановская, — кабы ты могла видѣть, государыня, какъ иноземцы всѣ переполошились! Какъ забѣгали! Ни дать ни взять, словно мураши, какъ ихъ мурашевникъ размечешъ! Къ мужу-то, безъ перестани, то Гордонъ, то Виніусъ, то другіе нѣмцы забѣгаютъ со спросомъ, нѣтъ-ли вѣстей, нѣтъ-ли гонцовъ отъ государя изъ-за рубежа... А мой-то имъ всѣмъ одно и благовѣстити: по сей часъ вѣстей нѣтъ...

— Знаютъ, проклятые, что какъ царя Петра не станеть, такъ и ихъ всѣхъ отсюда помеломъ выметутъ, — съ злобной радостью проговорила княгиня Троекурова.

— Богъ съ ними! Я бы не велѣла ихъ трогать! — сказала царица Евдокія, у которой лице оживилось, и глаза блеснули лучемъ надежды.

— Изъ иноземцевъ ближнихъ къ царю Петру,—добавила княгиня Ромодановская,—только одна особа спокойна... и беззаботна..

— Кто же это?—живо спросила Куракина.

— Анна Монсова съ сестрицей,—отвѣтила ей Ромодановская, лукаво взглянувъ въ сторону царицы.

— Монсова! А! Вотъ кто!—вспыхнувъ, проговорила царица.—Этой колдуньѣ, разлучницѣ проклятой, я бы не спустила... Я бы ей голову сняла....

И она отвернулась къ окну, сверкая глазами и судорожно сжимая порученья кресла. Эти слова царицы какъ будто развязали уста ея собесѣдницамъ. Онѣ заговорили уже не шепотомъ о томъ, чего слѣдуетъ «чаять и ожидать», когда слухи о смерти царя за границею оправдаются. У всѣхъ явилась и улыбка на устахъ, и рѣчи веселыя, свободныя, вливавшія бодрость въ душу царицы, которая мало-по-малу разцвѣла и оживилась, и окрылатѣла духомъ...

И когда черезъ нѣсколько времени Никифоръ Вяземскій и боярыня-мама ввели въ комнату государыни царевича Алексѣя, царица Евдокія не выдержала: бросилась къ нему навстрѣчу, обняла его, крѣпко прижала къ груди и проговорила горячо, порывисто, страстно:

— Сыночекъ мой, безцѣнный мой! Никто тебя у меня не отниметъ, никто не возьметъ!

Ребенокъ, не ожидавшій такого порыва, испугался его и вдругъ расплакался какъ-то тихо, сдержанно, но горько...

— Ахъ, батюшки! А я совсѣмъ запамятовала,—сказала княгиня Ромодановская, подбѣгая къ царевичу и ласково его подхватывая на руки.—Вѣдь князь-то мой тебѣ, царевичъ, подарочекъ прислалъ... Ученый медвѣженокъ, да презабавный какой! Шапку ему надѣнуть, кафтанецъ напялять—и какъ ударять въ бубень, онъ и пляшетъ!... При немъ и платья цѣлый коробъ... Вотъ!

Царевичъ, слушая эти рѣчи, улыбнулся сквозь слезы.

— Вотъ послѣ стола, какъ отдохнемъ,—сказала ему мать въ утѣшеніе:—всѣ придемъ къ тебѣ на веселье... Всѣхъ позовемъ: шутовъ и дуракъ, и пѣсни пусть поютъ, и пляшутъ вмѣстѣ съ медвѣженкомъ... Такъ ли, княгини?

— Такъ, такъ!—заговорили княгини, наперерывъ лаская царевича, все еще озадаченнаго порывомъ материнской нѣжности, который онъ истолковалъ посвоему...

Вечеромъ царица сдержала слово: въ теплыхъ сѣняхъ царевичевой половины была затѣяна немалая потѣха... Созваны были всѣ шуты и дурки, всѣ карлики и карлицы придворнаго царицына штата. «Рябятки» изъ придворныхъ подьячихъ пѣли веселыя шуточные

пѣсни, подыгрывая на гудкахъ и гусельцахъ, стуча въ мѣдныя торели и бубны. Звѣровой мастеръ, присланный отъ княгини Ромодановской съ ученымъ медвѣженкомъ, показывалъ царевичу, царицѣ и царевнамъ, Маріи и Екатеринѣ Алексѣевнамъ, уморительныя штуки своего питомца, наряженнаго въ красный кафтанецъ и такой же колпакъ съ побрякушками.

Царевичъ Алексѣй, сидѣвшій рядомъ съ матерью на небольшой лавочкѣ, покатывался со смѣху, глядя на неуклюжую повадку медвѣженка, который тяжело топтался на заднихъ лапахъ, сторожливо оглядываясь изъ-подъ колпака на кнутъ своего мастера, когда тотъ ему громогласно приказывалъ:

— А ну-ка, Михайло Ивановичъ, перевернися! А ну-ка, государю царевичу въ землю поклонися...

— Ахъ, хорошо! Ей же ей, хорошо! — приговаривала царевна Марья Алексѣевна, подзадоривая мастера къ новымъ шуткамъ и прибауткамъ.—А хорошо бы вотъ еще что, невѣстуха!—добавила царевна, обращаясь къ царицѣ Евдокии.—Хорошо бы карлицъ твоихъ заставить съ медвѣженкомъ поплясать!

— И то, пускай попляшутъ для потѣхи Алѣшеньки!—съ улыбкой согласилась царица.—Мамушка, заставь ихъ поплясать!

«Ребятки» грянули веселую плясовую, къ которой ловко подлачился и звѣровой мастеръ на своемъ бубнѣ, и двѣ старыя, неуклюжія, уродливыя карлицы пустились въ плясъ, то присядая, то подергивая плечами, то подпрыгивая и потряхивая сѣдыми космами волосъ, торчавшими изъ-подъ ихъ шапокъ.

Смѣхъ, возгласы присутствующихъ, звуки музыки, ревъ медвѣженка и топотъ пляшущихъ карлицъ слились въ какой-то дикій, безобразный шумъ и хаосъ звуковъ. Давно уже отвыкнувшіе отъ веселья ближніе люди государыни, ея служня и челядь такъ были увлечены потѣхой, что даже и не примѣтили, какъ къ одному изъ оконъ, выходящихъ въ сѣни, приблизилась со стороны переходовъ громадная мужская фигура, закутанная въ темный плащъ. Въ высокой шапкѣ, нахлобученной на самыя брови, этотъ скрытый въ темнотѣ и никому не зримый посѣтитель-великанъ казался какимъ-то мрачнымъ, зловѣщимъ духомъ стараго дворца, потревоженнымъ людскою суетою и безтолковымъ гамомъ веселья... Грозно хмурилъ онъ густыя брови, поглядывая изъ-за слюдяныхъ оконницъ на пляску и кривлянье карлицъ; грозно сверкали его огненные черныя очи, когда онъ прислушивался къ звукамъ нестройной музыки, къ раскатистому смѣху царицыной служни и челяди...

— Веселитесь!—шепталъ онъ сумрачно и злобно.—Тѣшьте дурацкими забавами своими! Не долго ужъ вамъ красоваться! Всѣхъ васъ переверну, всѣхъ заставлю плясать по своей дудкѣ!

И, отшатнувшись отъ окна сѣней, онъ быстро зашагалъ по переходамъ и исчезъ во мракъ.

IV.

На спускъ къ Москвѣ-рѣкѣ, пониже Покровскихъ воротъ, выше Живаго моста и невдалекѣ отъ Рыбниковъ, прилѣпившись, какъ ласточкино гнѣздо, къ высокому холмистому побережью, стоялъ въ ту пору царевъ кабакъ, извѣстный подъ названіемъ «Залёты». Этотъ кабакъ, помѣщавшійся въ высокой избѣ-пятистѣнкѣ, прикрытой шатровою кровлею и выходившей всѣми своими тремя разукрашенными окнами на Москву-рѣку, стоялъ тутъ еще со временъ царя Алексѣя Михайловича и пользовался такою обширною и лестною извѣстностью среди московскаго площаднаго и уличнаго люда, среди всѣхъ низшихъ слоевъ населенія Бѣлаго и Китай-города, что съ утра и до ночи былъ постоянно биткомъ набитъ народомъ. Первые посѣтители являлись въ «Залёты» спозаранокъ, лишь только распаивались настезь, выходившія на улицу, гостепріимныя двери этого заведенія, и такъ, съ утра до вечера, чередуясь и смѣняя другъ друга, толкались они, шумя и галдя, и въ грязныхъ сѣняхъ, и въ темныхъ углахъ избы, и передъ стойкой, тѣсно заставленной ковшами, крючками, чарками и иной кабацкой посудой, покрупнѣе и помельче. И кого только тутъ не было, въ этой пестрой толпѣ, двигавшейся ежедневно мимо стойки, за которой засѣдалъ пузатый и плѣшивый дядя Климъ и около него вѣчно суетились его бойкіе помощники и подручные. Сюда шли и дворовые люди съ окрестныхъ боярскихъ дворовъ, и мелкіе торговцы, промышленявшіе всякимъ переноснымъ товаромъ съ лотковъ, и солдаты, урвавшіеся на время отъ безысходной солдатской лямки, и извозчики, и монахи, бродившіе за сборомъ для обители, и странники, не уходившіе далѣе подмосковныхъ монастырей, и всякій темный сбродъ и людъ, ютившійся во время дня въ недоступныхъ труппахъ и притонахъ, а подъ вечеръ выходившій изъ нихъ, чтобы погулять и пожитья на чужой счетъ.

О дядѣ Климѣ ходили въ пестрой толпѣ его завсегдатаевъ разные толки, можетъ быть, нѣсколько преувеличенные, но все же такіе, которые внушали къ нему большое уваженіе и придавали значеніе и вѣсъ каждому его слову. Одни говорили о немъ, что онъ очень богатъ и давно могъ бы бросить свое дѣло, да ужъ такъ обидѣлся за своей стойкой въ «Залётахъ», что ему жаль покинуть это теплое мѣстечко; другіе толковали о какихъ-то связяхъ дяди Клима съ московскими ворами и грабителями, будто бы сбывающими дядѣ Климу свою добычу; третьи поговаривали о сношеніяхъ дяди Клима съ Преображенскимъ Приказомъ и утверждали даже, будто бы къ нему благоволить и самъ грозный князь-кесарь... Несомнѣнно было, однако же, только то, что дядя Климъ пользовался въ «Залётахъ» неограниченною властью, и что всѣ

посѣтители этого заведенія относились къ нему не только съ величайшимъ почтеніемъ, но даже съ нѣкоторымъ подобострастіемъ; и не смотря на все разнообразіе, или, лучше сказать, разношерстность той толпы, которая постоянно наполняла «Залѣты» своимъ шумомъ и гамомъ, никто не смѣлъ здѣсь заводить ни ссоръ, ни дракъ, ни ножевой расправы...

— Пришелъ пить, пей!—говаривалъ дядя Климъ въ назиданіе своимъ посѣтителямъ. — Пришелъ потолкаться да побесѣдовать, другимъ пить не мѣшай... А станешь мѣшать, такъ чтобы и духу твоего въ моихъ «Залѣтахъ» не было...

И это разсужденіе онъ примѣнялъ безпрекословно, ко всѣмъ безъ различія и пристрастія. Зорко и сурово наблюдалъ онъ изъ-за своей стойки за всѣми, поворачивая то въ ту, то въ другую сторону свою бородатую плѣшивую голову и, не шевеля своими, сложенными на толстомъ брюхѣ, могучими руками, внимательно прислушивался ко всему, что говорилось около его стойки или въ углахъ кабацкой избы, которая служила постояннымъ базаромъ городскихъ сплетенъ, слуховъ и толковъ... И чуть только гдѣ-нибудь заводилась перебранка, и обычное теченіе жизни заведенія нарушалось слишкомъ рѣзкими нотами, дядя Климъ приподнимался на своемъ мѣстѣ за стойкою, хмурилъ брови и начиналъ наблюдать. Если наблюденія приводили его къ тому убѣжденію, что его вмѣшательство необходимо, онъ выходилъ изъ-за стойки, медленно пробирался между тѣсною толпою своихъ обычныхъ гостей и становился между расходившимися буянами.

— Ну! чего вамъ надѣть? — говорилъ онъ своимъ густымъ и нѣсколько сиплымъ басомъ.—Здѣсь не базаръ, не улица, а царевъ кабакъ. Хотите ссориться али драться, проваливай на просторъ!

— Вѣрно, вѣрно, дядя Климъ! Гони ихъ на просторъ, чтобы намъ пить да гуторить не мѣшали! — кричала вся толпа кругомъ, да такъ дружно и громко, что буянамъ приходилось только прикусить языкъ и убираться подобру да поздорову, пока имъ боковъ не намяли.

Особенное оживленіе было замѣтно въ «Залѣтахъ» въ день св. Адриана и Натальи, 26-го августа. Народъ такъ и валилъ на горку къ излюбленному заведенію.

Не только самая изба и сѣни къ ней были полны народомъ, но и на крыльцѣ сѣней, и около крыльца толпился народъ кучами, о чемъ-то разсуждая и переговариваясь между собою.

Среди общаго обычнаго гама и гула голосовъ слышалась главнымъ образомъ одна надъ всѣмъ преобладавшая новость:

— Царь пріѣхалъ!.. Царь вернулся!..

— Вчера подъ вечеръ пріѣхалъ... Никто его и не чаялъ...

— Перво-на-перво въ Преображенское прикатилъ съ Францкомъ

Лефортомъ да съ Головинымъ. Бояръ всѣхъ, говорятъ, на смерть перепужаль...

Эта новость, передаваемая изъ устъ въ уста и сильно волновавшая толпу въ «Залѣтахъ», обсуждалась въ одномъ изъ угловъ заведенія тремя странниками. Въ засаленныхъ подрясникахъ и скуфейкахъ, сложивъ свои потертыя котомочки и составивъ посохи около самой стойки дяди Клина, они рядили и судили во всеуслышаніе, видимо желая привлечь общее вниманіе окружающихъ.

— Чай въ конецъ его обусурманили нѣмцы проклятые?—говорилъ старшій изъ странниковъ, мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ сильною просѣдью въ длинной и жидкой бородѣ.

— Пушай бы самъ бусурманился, отче Ѳеодоре! Онъ ужъ, все одно, чорту барашекъ, — замѣтилъ съ злобной усмѣшкой другой, смуглый, съ густой и курчавой черной бородою.—Лишь бы насъ-то не бусурманилъ, наши-то души въ адъ кромѣшный не тянулъ!

— И сказать страшно, братія!—проговорилъ, закатывая глаза, отецъ Ѳеодоръ.—Что на немъ на одномъ грѣховъ, грѣховъ накопилось... И кровей что пролито, и кощунственныхъ рѣчей что изрыгнуто, и пьянства, и блуда...

— Полно врать, отцы!—вступился въ рѣчь странника дюжій монастырскій конюхъ, порядкомъ уже успѣвшій отяжелѣть отъ жбана хмѣльной браги.—Другихъ въ пьянствѣ корите, а сами небось изъ кружки тоже не ключевую воду тянете... Эхъ вы!

— Ты знай помалкивай, овца безъимянная! — сурово цыкнулъ на конюха отецъ Ѳеодоръ. — Питіе не воспрещается, коли въ мѣру да въ пору... Отцы святые и тѣ до трехъ чаръ разрѣшали... Питіе пьянству—розъ!

— Я-то овца безъ имени? Я? А?—крикнулъ конюхъ, подступая къ страннику.—Меня здѣсь всѣ знаютъ!.. Конюха монастырскаго Никиту Кузьмина! А вотъ ты-то кто, скуфѣй прикрылся, козлиная борода!?

— Дядя Климъ, уйми этого буяна! Чего онъ лаетъ? Чего онъ лѣзетъ къ намъ?—заговорили странники, указывая на конюха.

Дядя Климъ повелъ было бровями и собирался сдѣлать внушеніе конюху, когда къ стойкѣ подошелъ, пробившись сквозь толпу, его старый знакомецъ, Житнаго двора стряпчій, Василій Костюринъ, и протянулъ ему руку, приговаривая:

— Давай крючекъ, что ли? А тамъ тебѣ такую диковинку скажу, что и-и-и!

Дядя Климъ мигнулъ одному изъ подручныхъ, и тотъ, живо зачерпнувъ крючекъ вина изъ ведра, поднесъ его стряпчему не отряхивая. Василій Костюринъ выпилъ крючокъ залпомъ, крикнулъ и, передавая его въ руки подручнаго, наклонился къ дядѣ Климу черезъ стойку.

— Вотъ такъ царь! — проговорилъ онъ въ полголоса, но такъ,

что всё кругомъ легко могли разслышать. — Вчера приѣхаль — у жены-царицы не былъ, а въ Нѣмецкой слободѣ побывать успѣлъ!

— Полно врать, Васька! — крикнулъ ему Никита Кузьминъ, пошатываясь и придерживаясь за стѣну. — Ну, откуда тебѣ знать? По пятамъ ты за нимъ ходилъ, что ли?

— Ты-то вотъ не суйся, не спросясь броду! А я-то знаю: не даромъ у меня племянникъ во дворѣ у Францка Лефорта служить...

— Ну, и племянникъ твой совреть — недорого возьметъ! А ты языкъ попридержи!

Нѣсколько человекъ, ближайшихъ къ стойкѣ, тотчасъ подоодвинулись къ спорившимъ, ожидая новыхъ свѣдѣній о царѣ отъ стряпчаго, который сталъ горячо возражать Никитѣ-конюху:

— Нечего мнѣ языкъ держать! Пусть всё знаютъ, каковъ у насъ царь-бусурманъ!.. Годъ, почитай, дома не былъ, а приѣхаль изъ Нѣметчины, не къ себѣ во дворецъ, не въ соборы кремлевскіе — молебень отслужить; а на треклятый Кокуй нѣмецкій... Тамъ съ Франчкомъ со своимъ весь вечеръ прображничаль и къ нѣмкѣ своей спать поѣхаль!..

— Къ какой нѣмкѣ, къ какой? — раздались вопросы среди окружающихъ.

— Вѣстимо, къ какой? Къ Монсовой!

— Ай, батюшки! Послѣднія времена пришли! — завопилъ, вскакивая съ своего мѣста, отецъ Ѳедоръ. — Великихъ перемѣнъ, страшныхъ преставленій ждять слѣдуетъ...

— Видно, забылъ, что въ писаніи сказано: бѣги грѣха, яко ратника! — воскликнулъ, вторя Ѳедору, чернобородый странникъ. — Бусурманъ, какъ есть, всѣмъ намъ на сорѣмъ и на горе!

— Молчать! — крикнулъ вдругъ, среди общаго ропота, охмелѣвшій конюхъ. — Не дозволю... порочить... мовѣ... государя!

Общій хохотъ былъ ему отвѣтомъ.

— Ну, и ступай къ нему на Кокуй! Цѣлуйся съ нимъ! — крикнулъ ему въ отвѣтъ стряпцій. — Давай еще крючокъ, дядя Клима, нѣмцамъ на погибель выпить хочу.

— И мы! И я! И я!! — раздались кругомъ голоса, и отовсюду протянулись руки за стойку. Алтыны и деньги загремѣли со всѣхъ сторонъ. Но проворные подручники дяди Клима не успѣли еще подать вина всѣмъ, кто его требовалъ, какъ къ Василью Костюрину подошелъ высокій и плотный мужчина, съ темнорусой курчавой бородой, одѣтый въ синій кафтанъ и колпакъ того же цвѣта, обшитый позументомъ.

— Узналъ вѣдь я! Все узналъ, Василій Петровичъ... Сейчасъ изъ Преображенскаго...

— Говори скорѣе! — заторопилъ пришедшаго стряпцій, хватая его за руку лѣвой рукой, а въ правой держа крючокъ съ виномъ.

— Всѣхъ сюда везти приказано! На розыскъ! Всѣхъ!—внушительно проговорилъ пришедшій.

— Кого? кого—на розыскъ?—послышались голоса той кучки, которая столпилась у стойки около Василя Костюрина.

— Кого? Стрѣльцовъ, что по тюрьмамъ въ городахъ рассажены!—крикнулъ мужчина въ синемъ кафтанѣ и колпакѣ.

— Н-не слушай его, ребята! Это, кажись, Лопухинскій Мишка Ослопъ!—крикнулъ въ свою очередь крѣпко охмѣлѣвшій конюхъ Никита.—Не слушай! Лопухинскимъ вѣры не давай...

— Прочь поиди, гужеѣдъ! Знаю, что говорю: самъ отъ подьячихъ въ Преображенскомъ слышалъ! Нарочные за стрѣльцами всюду посланы...

— Всѣхъ, значить, ихъ извести хочеть! — заговорили кругомъ въ толпѣ.—Хочеть, чтобы стрѣльцовъ и на сѣмена не осталось!

— Горе всѣмъ намъ! Горе!!—завопилъ опять дикимъ голосомъ отецъ Ѳедоръ, поднимаясь со своего мѣста. — Предсказываю вамъ: грядутъ на насъ бѣды, бѣды великія!

Всѣ оглянулись въ его сторону, смолкнувъ и ожидая, что онъ далѣе скажетъ: старецъ Ѳедоръ Пустынный былъ въ «Залѣтахъ» многимъ извѣстенъ своимъ даромъ провидѣнія и пророчествами.

Но въ сѣняхъ раздались новые крики, шумъ и хохоть, и челоуѣкъ десять семеновцевъ ввалились въ избу веселой гурьбой.

— Дядя Климы! — горланили передовые вожаки солдатъ, расталкивая всѣхъ кругомъ и пробиваясь къ стойкѣ. — Наливай десять чарокъ!

Глухой ропотъ недовольства загудѣлъ кругомъ, въ мрачно настроенной толпѣ.

— Куда прете? Вино пролили! Тутъ и безъ васъ тѣсно!—раздались около стойки недовольные голоса.

— А ты въ вино не глядись — не зеркало! — смѣясь замѣтилъ кому-то одинъ изъ солдатъ.—Налили, такъ пей, мимо не лей!

— Здравія государю великому, царю Петру Алексѣевичу, на многая лѣта!—заорали солдаты въ одинъ голосъ, молодецки опрокидывая свои чарки на голову и разомъ ставя ихъ на стойку, какъ по командѣ.

— Здравія великому государю!—крикнулъ, вторя имъ, и конюхъ Никита, уже едва державшійся на ногахъ, съ трудомъ донося свою чарку до рта.

— Подавиться бы тебѣ его здравіемъ!—злобно проворчалъ Мишка Ослопъ, отодвигаясь отъ конюха и шумной ватаги семеновцевъ.

— Что-о? Что ты сбрыхнулъ, песъ?—крикнулъ на него одинъ изъ семеновцевъ, хватая его за воротъ. Но въ ту же минуту полетѣлъ съ ногъ отъ здоровой затрещины, которою надѣлил его Мишка.

— Нашихъ бьютъ! Бери его! Держи!—закричали солдаты, набрасываясь на Мишку.

— Не выдавай, братцы!—гаркнулъ Мишка, бросаясь въ толпу.

— Онъ за государево здоровье пить не хочетъ!—крикнулъ во всю глотку солдатъ, получившій затрецину.—Бей его, братцы!

— Дядя Климыч! Гони солдатъ въ шею!—раздались голоса изъ толпы, которая сомкнулась стѣною и готовилась дать крѣпкій отпоръ семеновцамъ.

— За государя пить не хотѣлъ!..—Врете! Кто слышалъ?..—Мы слышали!..—А мы не слышали!—гудѣли голоса около стойки, изъ-за которой медленно и спокойно вылѣзаль дядя Климычъ.

— Тутъ тебѣ не улица! Не Москва-рѣка! — пробасилъ дюжій дѣловальникъ, становясь по срединѣ, между двумя сторонами, готовыми вступить въ бой.—Въ царевомъ кабакѣ на кулачки драться не приказано.

— А какъ онъ смѣлъ меня ударить?—закричалъ солдатъ, получившій затрецину отъ Мишки.

— Ты его самъ за воротъ взялъ, а онъ тебѣ сдачи далъ! Только и всего!—преспокойно разсудилъ дядя Климычъ, упираясь въ толстое брюхо своими огромными кулачищами и недружелюбно поглядывая на солдата.

— Такъ провались же ты съ своимъ кабакомъ въ тартарары!—съ досадою крикнулъ солдатъ, топая ногой.—Пойдемъ, товарищи, отсюда! Ну его!.. И не заглянемъ больше къ нему...

Семеновцы повернулись было отъ стойки, собираясь уходить, какъ новая гурьба всякаго люда хлынула въ кабакъ, гудя разноголосыми возгласами:

— Ай, да Лопухинскіе! Отличились!.. Разбойники, ей-ей, разбойники! Девятерыхъ убили!—слышалось въ этой гурьбѣ.

— Кого убили? Кто убилъ?—послышались тревожные голоса съ разныхъ концовъ избы.

— Лопухинскіе крестьяне, боярина Петра Лопухина холопи, съ соборными крестьянами вечеръ задрались здѣсь, въ подмосковной! И смертнымъ боемъ соборныхъ били, девятерыхъ убили, а сколькихъ изувѣчили—не перечесть!

— Ахъ, грѣховодники!.. Да такъ ли, полно?.. Ай-ай!.. Отколѣ вѣсть пришла?

— Мы сами слышали отъ тѣхъ же соборныхъ крестьянъ, что съ челобитной сюда пріѣхали...

Толпа зашумѣла снова, позабывъ о солдатахъ и жадно прислушиваясь къ новой вѣсти, требуя подробностей, дополненій, перебивая рассказчиковъ то возгласами негодованія, то вопросами.

Только двое какихъ-то темныхъ людей, преспокойно сидѣвшіе въ углу за жбаномъ браги, поднялись среди общаго шума и гама со своихъ мѣстъ, пробрались къ выходу и, выйдя на улицу, пріостановились за угломъ «Залѣтовъ».

— Ты куда?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Вѣстимо, къ князь Ѳедоръ Юрьичу... А ты?

— А я съ той же доброй вѣстью къ боярину моему, Льву Кирилловичу. То-то, чай, обрадуется, сердешный!

И оба собесѣдника, простившись, спѣшно разошлись въ разные стороны.

V.

Во дворѣ Льва Кирилловича Нарышкина въ этотъ день вся дворня была на ногахъ, и хлопоть у нея было, что называется, «полонъ ротъ». Вся Нарышкинская челядь сновала изъ конца въ конецъ дома, тамъ подметая, а тутъ прибирая и переставляя мебель, развѣшивая по стѣнамъ шатерный нарядъ, перетирая посуду въ поставцахъ, выхлопывая пылъ изъ ковровъ и подушекъ. Старый дворецкій Льва Кирилловича, кривой Аѳоничъ, всюду поспѣвалъ самъ, кричалъ, распоряжался, грозилъ, поучалъ и наставлялъ, всѣмъ повторяя одно и то же:

— Царь Петръ Алексѣевичъ вернулся... Вечерась вернулся, а завтра, того гляди, что и къ намъ пожалуетъ... Такъ вы смотрите, ухо востро держать!

Побывавъ вездѣ въ домѣ, Аѳоничъ спустился и во дворъ посмотрѣть, какъ тамъ холопи подметають и собирають соръ въ кучи, и, остановившись около нихъ, сказалъ имъ въ видѣ поученія:

— Чище мети, ребята! Бояринъ нашъ готовится къ приему дорогого гостя и вѣ-какъ строго велѣлъ за всѣмъ присмотрѣть!.. Вернулся вишь племянничекъ-то! Чай насмотрѣлся тамъ за моремъ всякихъ диковинокъ, такъ чтобы намъ передъ нимъ въ грязь лицомъ не ударить!.. А какъ подметете, пескомъ весь дворъ усыпьте безпремѣнно! Чтобы все въ порядкѣ было!

Съ «бѣлаго» боярскаго двора неугомонный старикъ не утерпѣлъ— заглянулъ и на черный дворъ, и въ кладовую, гдѣ его пріятель, ключникъ Селиверстъ, перебиралъ запасы.

— Ну, Селиверстъ Матвѣичъ, — сказалъ Аѳоничъ, похлопывая пріятели по плечу, — дождались мы наконецъ нашего сокола яснаго... А? Нашъ-то бояринъ вечерась, какъ получилъ отъ князя Юрья вѣсть, такъ-то расхлопотался, такъ-то засуетился! Сейчасъ за мной: туда пойди, сюда пойди, да Селиверсту, говоритъ, скажи, чтобы погребнаго запаса досмотрѣлъ... Племянникъ-царь, молъ, найдетъ, того и гляди, со своей кумпаніей, такъ чтобы было чѣмъ потчевать... Алкantu, говоритъ, чтобы припасъ онъ побольше, да катнарскаго, да чтобы медовъ да водокъ разныхъ было вдосталь...

— Слушаю, отецъ родной! И досмотрю, и припасу! — отвѣтилъ ключникъ, отрываясь отъ своей работы.

— Да, другъ! Ты насъ съ бояриномъ не выдай! А бояринъ-то ужъ обо всемъ подумалъ, обо всемъ со мною посовѣтовалъ. Велѣлъ,

на случай прїѣзда, очистить рядомъ со столовой палатой три комнаты, да приготовить въ нихъ кровати, пуховики и зголовья, на случай, если бы царь задумалъ отдохнуть съ кумпаніей послѣ обѣда аль послѣ ужина заночевать. Вѣдь онъ теперь, вернувшись, чай, и повеселиться захочетъ на всю руку... Молодое дѣло, и то сказать!

— Молодое-то молодое, да не простое!—сказалъ ключникъ, почесывая въ затылкѣ.—Кто его знаетъ, что онъ теперь изъ Нѣметчины за пазухой вывезетъ? Бояре-то вонъ какъ его бояться, въ струнѣ передъ нимъ ходятъ!... Небось, вонъ и дядя-то къ племяннику чѣмъ свѣтъ на прїемъ поѣхалъ?

— Чѣмъ свѣтъ! Вѣстимо! Такъ и сказалъ, что я молъ знаю, каковъ онъ: онъ и съ дороги не заспится...

— Ну, а не сказывалъ тебѣ бояринъ,—спросилъ Аеонича ключникъ вполголоса, нагибаясь къ самому уху старика:—что отъ него сказать Прасковья?

— Прасковья Сенихъ?

— Ну, да! Какой же еще?... Вѣдь сколько времени онъ ее, бѣднягу, маетъ... Ни да, ни нѣтъ...

— Да и она-то тоже дура баба! Сказалъ ей: дочку приводи... Чего же она ломается? Вѣдь ужъ коли челомъ бьешь, такъ и гостинецъ носи...

— И то хотѣла нонче съ дочкой прійти... Мужа-то жалко... и дочку-то тоже! Эхъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе!... Да вотъ никакъ и она жалуется, и не одна.

Селиверстъ указалъ Аеоничу на бабу въ золоченой кикѣ, прикрытой убрусомъ, и въ тѣлогрѣѣ изъ масаковаго сукна, пробиравшуюся съ задворковъ къ людскимъ избамъ. Слѣдомъ за ней шла другая молодая и стройная женщина въ опашнѣ съ длинными разрѣзными рукавами. Лице ея были прикрыто легкою фатою съ вышивными цвѣтами и узорами. Аеоничъ, какъ увидалъ ее, такъ и выкатился изъ кладовой ей на встрѣчу.

— Прасковья Тимошеевна, здравствуй! Здравствуй, милая. Какъ можешь? Какъ живешь?

— О-охъ, кормилецъ! Какое житье безъ мужа, самъ знаешь!—отвѣчала баба, печально покачивая головой.—Мы всѣ, стрѣльчихи, теперь что сироты беззащитныя... Одинъ лѣнливый насъ не обидитъ!

— Ну, ну, не жался! Авось все перемелется—мука будетъ?... А это не доченька ли твоя?

— Дочка, кормилецъ,—отвѣчала Прасковья какъ-то нехотя и съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Ну, такъ вотъ съ дочкой-то ко мнѣ пожалуй, въ мою избенку. А тамъ, какъ бояринъ отъ царя вернется, и доложу ему.

И Аеоничъ ввелъ обѣихъ женщинъ въ свою избу. Переступивъ порогъ и перекрестившись на иконы, Прасковья указала дочкѣ

мѣсто на лавкѣ, около дверей, а сама отошла съ Аеоничемъ въ противоположный уголъ и стала перешептываться...

— Онъ о тебѣ и нонче, на отъѣздѣ въ Преображенское, мнѣ наказывалъ: коли прійдетъ Прасковья съ дочкой, пусть обождетъ... А коли одна, пускай ко мнѣ и глазъ не кажетъ!...

— Грѣховодникъ твой бояринъ! — прошептала стрѣльчиха:— знаетъ, что я для мужа ничего на свѣтѣ не пожалѣю... Пусть онъ отвѣтитъ Богу!

— Да мужъ-то гдѣ у тебя?—спросилъ Аеоничъ, лукаво подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ.

— Извѣстно гдѣ? Въ тюрьмѣ, въ Преображенскомъ. Какъ привезли изъ-подъ Воскресенскаго монастыря, такъ вотъ тамъ уже третій мѣсяцъ и сидитъ... Вотъ твой бояринъ и обѣщалъ мнѣ... и сказывалъ... Дочка вишь моя приглянулась ему на грѣхъ... Обѣщавалъ, коли ее не пожалѣю... просить у князя Федора Юрьевича, чтобы Семена моего мнѣ на поруки отдалъ...

— Обѣщавалъ? Что-жъ, можетъ, и точно выпросить у князя Федора? Пріятели вѣдь закадычные... Да только вотъ теперь-то удастся ли?

— Теперь? А что же бы такое?—тревожно спросила стрѣльчиха, вглядываясь въ лицо стараго дворецкаго.

— А то, что царь пріѣхалъ! Не знаешь развѣ?

— Такъ царь-то вѣдь вашему боярину племянникъ: теперь ему, пожалуй, еще легче будетъ просить...

— Племянникъ-то племянникъ...—сказалъ старый дворецкій и, не докончивъ своей мысли, оглянулся въ сторону Прасковьиной дочки, которая неподвижно, безучастно и безмолвно, какъ статуя, сидѣла попрежнему на лавкѣ у дверей, прикрытая фатой.

— А дочку-то твою какъ звать?—сказалъ Аеоничъ, неожиданно обернувшись къ Прасковѣ.

— Акулиной попъ крестилъ.

Она хотѣла и еще что-то добавить, какъ вдругъ дверь въ избу распахнулась настежь, и боярскій холопъ крикнулъ на всю избу:

— Ёдетъ! бояринъ ёдетъ!

Молодая дѣвушка вскрикнула, вскочила со своего мѣста и бросилась къ матери... Аеоничъ поспѣшно поднялся съ лавки и побѣжалъ на встрѣчу боярину, который уже подѣвжалъ къ крыльцу въ своей тяжеловѣсной колымагѣ, запряженной шестерикомъ дюжихъ гнѣдыхъ коней. Когда колымага остановилась у крыльца, а холопы бросились отпирать дверцы и высаживать Льва Кирилловича, Аеоничъ, стоя на нижней ступени лѣстницы, уже скроилъ свою обычную при встрѣчѣ съ бояриномъ постную и подобострастную рожу, уже готовился привѣтствовать его и спросить о здоровьѣ. И вдругъ—весь обомлѣлъ... Такъ обомлѣлъ, что и слова произнести не могъ, когда глянулъ въ лице боярину...

Онъ увидалъ передъ собою Льва Кирилловича; но не того, котораго онъ утромъ усаживалъ въ колымагу — красиваго, свѣжаго и виднаго мужчину, съ окладистою черною бородой... Бояринъ вылъзалъ изъ колымаги блѣдный, взволнованный, и бороды его какъ не бывало... Только два какихъ-то неровныхъ клочка торчали по сторонамъ обнаженнаго подбородка...

Мрачнѣе тучи прошелъ Левъ Кирилловичъ мимо Аеоича и недоумѣвающей челяди, которая переглядывалась между собою, украдкой кивая на боярина и не смѣя проронить ни звука. Аеоичъ тоже словно остолбенѣлъ и въ великой тревогѣ, въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго, послѣдовалъ за бояриномъ. Левъ Кирилловичъ, вступивъ въ сѣни, сбросилъ дворецкому на руки свое верхнее платье и прямо прошелъ въ опочивальню.

Аеоичъ на мгновенье приостановился у дверей, помялся, почесалъ въ затылкѣ, что-то обсуждая и обдумывая, и затѣмъ тихо-хонько, какъ котъ къ воробышку, прокрался въ опочивальню и сталъ у притолки дверей, которыя плотно притворилъ за собою.

Левъ Кирилловичъ, не раздѣваясь, лежалъ ничкомъ на постели, уткнувши голову въ пуховое изголовье...

Аеоичъ долго переминался съ ноги на ногу у порога, пока наконецъ набрался духу, чтобы повести рѣчь къ боярину.

— Батюшка бояринъ! — началъ было, откашлявшись, Аеоичъ самымъ нѣжнымъ, самымъ вкрадчивымъ голоскомъ, какой у него водился въ запасѣ.

Левъ Кирилловичъ вдругъ вскочилъ съ постели и, какъ звѣрь, бросился къ Аеоичу. Глаза его пылали, ноздри раздувались, судорожныя движенія подергивали его щеки и губы... Онъ былъ страшень...

— А! Песъ паршивый! Дьяволъ... Рабъ презрѣнный! — вскричалъ онъ, схватывая стараго дворецкаго за плеча и потрясая его изо всей силы. — Кто тебя звалъ? Зачѣмъ пришелъ? Полюбоваться пришелъ... на мой позоръ... на мой соромъ... Постою же!.. Я покажу тебѣ, я...

— Смилуйся, батюшка! — взмолился перепуганный старикъ. — Не зналъ, ей-ей, не зналъ... За дѣломъ шелъ... за спросомъ... Не погуби, кормилецъ, батюшка!

Левъ Кирилловичъ, очнувшись отъ своего бѣшенаго порыва, оттолкнулъ отъ себя Аеоича такъ, что тотъ ударился въ притолку, молча провелъ рукою по волосамъ и, отойдя къ кровати, присѣлъ на край ея, понуривъ голову.

— За какимъ дѣломъ?.. За какимъ спросомъ шелъ? — проговорилъ бояринъ въ полголоса и не поднимая глазъ на Аеоича.

— Стрѣльчиха эта самая пришла... которой ты изволилъ обѣщать... на счетъ мужа... чтобы его на поруки взять, — торопливо заговорилъ Аеоичъ дрожащимъ отъ страха голосомъ.

— Н-ну! Что же ей надо?

— Да дочку привела, какъ ты приказывалъ... Говорить: пущай останется... Лишь бы мужа-то изъ тюрьмы ты вызволилъ у князя Ѳедора Юрьича...

— Князь Ѳедоръ Юрьича?—проговорилъ глухо Нарышкинъ.— Да что онъ можетъ теперь?.. Что я могу? Вотъ полюбуюся, что племянничекъ со мною сдѣлалъ,—со мной и со всѣми боярами?!. И слова ему никто не молвилъ поперекъ: всѣ только бороды подставили!

Онъ поднялся съ постели и прошелся нѣсколько разъ по опочивальнѣ, потомъ, остановившись передъ Аеоничемъ, добавилъ:

— Гони стрѣльчиху вонъ... И съ дочкой! Никто теперь не вызволить стрѣльцовъ изъ рукъ его... Всѣ въ розыскъ пойдутъ, всѣмъ головы поснимаетъ... Рычитъ на нихъ, какъ звѣрь...

Нарышкинъ смолкъ, отвернувшись къ окошку, выходящему во дворъ. Аеоничъ стоялъ попрежнему на вытяжкѣ у притолки, не смѣя дохнуть и не сводя глазъ со спины боярина.

Вдругъ Левъ Кирилловичъ быстро обернулся къ нему и проговорилъ скороговоркой:

— Зови его, скорѣ зови! Митьку Алтынова зови! Вонъ черезъ дворъ идетъ къ хоромамъ...

Аеоничъ бросился со всѣхъ ногъ въ сѣни и почти носомъ къ носу столкнулся съ Митькой Алтыновымъ.

— Ступай скорѣ къ боярину! Зоветь! — сказалъ онъ, хватая Митьку за рукавъ и таща его за собою.

Одновременно съ Аеоничемъ Митька переступилъ порогъ боярской опочивальни и отвѣсилъ Нарышкину низкій поклонъ.

— Ну, что скажешь? — спросилъ его Левъ Кирилловичъ, не оборачиваясь къ нему отъ окна.

— Сейчасъ въ «Залѣтахъ» былъ... Слышалъ, что вечае Лопухина боярина, Петра Абрамыча, холопы съ соборными крестьянами Архангельскаго собора разодрались и смертнымъ боемъ крестьянъ соборныхъ били, будто по приказу боярскому, и изъ крестьянъ девятерыхъ убили... И тѣ крестьяне прѣѣхали попамъ соборнымъ битъ челомъ на боярина въ бою и въ увѣчѣ...

Нарышкинъ быстро обернулся къ Митькѣ и, подойдя къ нему, воскликнулъ съ радостнымъ волненіемъ:

— Девятерыхъ убили?.. Ай, да Лопухинцы! Чисто разбойное дѣло ведутъ! И по приказу боярскому? Ай да бояринъ!.. Аеоничъ, угости его за добрую вѣсть доброй чаркой меду! А тамъ, ступай сейчасъ же къ протопопу соборному, скажи, что я самъ къ нему сегодня вечеромъ прѣѣду, самъ помогу ему добиться въ этомъ дѣлѣ правды...

Митька поклонился и выпелъ изъ опочивальни вмѣстѣ съ Аеоничемъ; а Левъ Кирилловичъ, злобно посмѣиваясь, быстро и оживленно зашагалъ по опочивальнѣ.

— А! Петръ Абрамычъ!—думаль онъ про себя.—Бояринъ ближній... опора и надежа опальныхъ братьевъ и самой царицы! Теперь я покажу тебѣ, каково со мною не дружить да чваниться! Узнаешь Льва Нарышкина!... Сумѣю на тебя племянничка натравить... Сегодня онъ надъ нашими бородами шутить и тѣшиться изволилъ, а завтра, можетъ статься, и надъ твоею головою потѣшится... Ужъ я такъ подведу, такъ подготовлю все, что ты не уцѣлѣешь!

И онъ радовался, искренно радовался тому, что нашелъ возможность отомстить своему давнему сопернику,—нашелъ возможность излить на врага всю злобу, всю желчь, всю горечь оскорбленнаго самолюбія, которыми въ этотъ день съ утра было переполнено его сердце.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗСКАЗЫ О ГОГОЛѢ.

ВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ годахъ, бывая у извѣстнаго поэта Я. П. Полонскаго, мнѣ приходилось у него встрѣчать одного изъ дѣятелей бывшаго Славянскаго Комитета — Ивана Фѣдоровича Золотарева ¹⁾.

Въ то время ему было лѣтъ шестьдесятъ слишкомъ; но годы, казалось, не коснулись его. Полный энергіи, отзывчивый на каждое доброе дѣло, живо интересующійся политикой, литературой, искусствомъ, онъ походилъ не на старца, заканчивающаго свое земное поприще, а на юношу въ лучшую пору жизни.

Многое видѣлъ и наблюдалъ на своемъ вѣку И. Ф., да и поле для наблюденій у него было широкое, такъ какъ, постоянно вращаясь въ разныхъ литературныхъ кружкахъ, онъ былъ болѣе или менѣе близко знакомъ со многими извѣстными литераторами 30-хъ, 40-хъ и послѣдующихъ годовъ.

Особенно былъ онъ близокъ съ Гоголемъ. Разказы И. Ф. о знаменитомъ писателѣ показались мнѣ столь интересными, что я тогда же записалъ то, что мнѣ казалось наиболѣе заслуживающимъ вниманія.

Если мои краткія, отрывочныя замѣтки объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ» прибавятъ хотя бы незначительную черту къ характеристикѣ великаго писателя, я считалъ бы тогда эти замѣтки вполне достигшими ихъ цѣли.

¹⁾ Скончался въ началѣ 80-хъ годовъ.

И. Ѳ. Золотаревъ жилъ съ Гоголемъ въ 1837 и 1838 гг. въ Римѣ. Жили они на одной квартирѣ и видѣлись постоянно втеченіе почти двухъ лѣтъ пребывания И. Ѳ. въ Италіи.

Это была лучшая пора жизни писателя.

Въ то время, по словамъ И. Ѳ., Гоголь былъ совсѣмъ не тѣмъ мрачнымъ мистикомъ, почти анахоретомъ, какимъ онъ является въ послѣдній періодъ своей жизни.

Напротивъ, въ описываемую эпоху писатель былъ полонъ жизни: веселый, разговорчивый, онъ былъ весь, такъ сказать, охваченъ красотою римской природы и подавленъ массою памятниковъ искусства, которыми былъ окруженъ.

До какой степени былъ онъ увлеченъ окружавшей его обстановкою вѣчнаго города, указываетъ эпизодъ, происшедшій при самомъ пріѣздѣ И. Ѳ. Золотарева въ Римъ.

«Первое время, отъ новости ли впечатлѣній, отъ переутомленія ли дорогой, или отъ чего другаго, рассказывалъ И. Ѳ., я совершенно лишился сна.

«Совсѣмъ спать не могу, просто въ отчаянье прихожу, пожаловался я разъ какъ-то Гоголю. Велико же было мое удивленіе, когда, вмѣсто сочувствія къ моему тяжелому положенію, Н. В. пришелъ въ восторгъ.

— «Какъ ты счастливъ, Иванъ,—воскликнулъ онъ:—что не можешь спать!

— «Да какое же тутъ счастье, помилуй,—возразилъ я:—что можетъ быть тяжелѣе, мучительнѣе безсонницы!

— «Какъ тебѣ не стыдно это говорить,—закричалъ Гоголь:—не горевать ты долженъ, а радоваться!

— «Да почему же?—спросилъ я уже въ совершенномъ изумленіи.

— «А потому, что твоя безсонница указываетъ на то, что у тебя артистическая натура, такъ какъ ты пріѣхалъ въ Римъ, и онъ такъ поразилъ тебя, что ты не можешь спать отъ охватившихъ тебя впечатлѣній природы и искусства. И послѣ этого ты еще не будешь считать себя счастливымъ!

«Убѣждать въ дѣйствительной причинѣ моей безсонницы великаго энтузіаста, цѣлые дни безъ отдыха проводившаго въ созерцаніи римской природы и памятниковъ вѣчнаго города, я счелъ бесполезнымъ».

Въ описываемую эпоху, какъ сказано выше, Гоголь вовсе не ходилъ на того мрачнаго мистика, которымъ онъ сдѣлался впоследствии, но уже въ 1837—1838 гг. намѣчалось кое-что изъ тѣхъ чертъ, которыя сдѣлались господствующими въ послѣдній періодъ его жизни.

Во-первыхъ, онъ былъ крайне религіозенъ, часто посѣщалъ церкви и любилъ видѣть проявленіе религіозности въ другихъ.

Во-вторыхъ, на него находилъ иногда родъ столбняка какого-то: вдругъ среди веселаго, оживленнаго разговора замолчить, и слова у него не добьешься. Являлось это у него, повидимому, безпричинно.

Затѣмъ въ немъ иногда проявлялась странная застѣнчивость. Бывало разговорится и говорить весело, живо, остроумно. Вдругъ входитъ какое нибудь новое лице. Гоголь сразу смолкаетъ и, какъ улитка, прячется въ свою раковину.

Къ числу особенностей Гоголя принадлежали, по словамъ И. Ѳ., его оригинальность въ одеждѣ и чрезвычайный аппетитъ.

Оригинальность Гоголя въ выборѣ костюмовъ доходила иногда просто до смѣшнаго. Такъ, когда онъ былъ въ Гамбургѣ, то заказалъ себѣ все платье изъ тика, и когда ему указывали на то, что онъ дѣлаетъ себя смѣшнымъ, писатель возражалъ: «что же тутъ смѣшнаго: дешево, моется и удобно».

Между прочимъ, сдѣлавъ себѣ упомянутый костюмъ, онъ написалъ четверостишіе:

«Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ
 Въ Гамбургѣ штанишки,
 Благодарень онъ судьбѣ
 За свои дѣлишки».

Четверостишіе это онъ повторялъ потомъ цѣлую недѣлю.

Вообще у Н. В. была привычка, поймавъ какое нибудь слово или риему, которыя ему почему либо понравились, повторять ихъ втеченіе нѣсколькихъ дней.

Аппетитомъ Гоголь обладалъ чрезвычайнымъ. Онъ любилъ и много и хорошо покушать.

«Бывало зайдѣмъ мы, рассказывалъ И. Ѳ., въ какую нибудь трактирную пообѣдать; Гоголь покушаетъ плотно, обѣдъ уже конченъ. Вдругъ входитъ новый посѣтитель и заказываетъ себѣ какое нибудь кушанье. Аппетитъ Гоголя вновь разгорается, и онъ, не смотря на то, что только-что пообѣдалъ, заказываетъ себѣ или то кушанье, которое потребовалъ вновь пришедшій посѣтитель, или что нибудь другое».

Изъ наиболѣе любимыхъ писателемъ кушаній было козье молоко, которое онъ варилъ самъ особымъ способомъ, прибавляя туда рому (послѣдній онъ возилъ съ собою во флаконѣ). Эту стряпню онъ называлъ гоголь-моголемъ и часто, смѣясь, говорилъ:

— Гоголь любитъ гоголь-моголь.

Когда Н. В. начиналъ писать, то предварительно дѣлался задумчивъ и крайне молчаливъ. Подолгу, молча, ходилъ онъ по комнатамъ, и когда съ нимъ заговаривали, то просилъ замолчать и не мѣшать ему. Затѣмъ онъ залѣзалъ въ свою дырку: такъ называлъ онъ одну изъ трехъ комнатъ квартиры, въ которой жилъ съ И. Ѳ. Золотаревымъ, отличавшуюся весьма скромными размѣрами, гдѣ и проводилъ въ работѣ почти безвыходно нѣсколько дней.

По убѣжденіямъ своимъ Гоголь былъ чисто-русскій человѣкъ, а не малороссъ, какимъ его желаютъ представить.

Согласно убѣженію, вынесенному И. Ѳ. Золотаревымъ изъ со-вмѣстной жизни съ Гоголемъ въ Римѣ, писатель горячо любилъ именно Россію, а не Малороссію только.

Любимою литературою его была литература русская, причемъ наиболѣе излюбленными Гоголемъ писателями были Жуковскій и Пушкинъ.

Когда послѣдній былъ убитъ, и вѣсть объ этомъ чрезъ посольство достигла до Рима, Н. В. былъ глубоко пораженъ. Цѣлый день онъ не могъ придти въ себя и долгое время спустя послѣ этого событія, поразившаго горемъ всю Россію, былъ молчаливъ и задумчивъ.

И. Ѳ. Золотаревъ разстался съ Гоголемъ въ 1838 г., чтобы ужъ больше никогда съ нимъ не встрѣчаться. Втеченіе года послѣ того, какъ они разстались, они были въ перепискѣ, но черезъ годъ переписка прекратилась, и затѣмъ уже И. Ѳ. не имѣлъ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ творцемъ «Мертвыхъ Душъ».

К. Ободовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО.

ВЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій, старшій сынъ тверскаго губернскаго предводителя дворянства Алексѣя Марковича Полторацкаго, родился 16-го сентября 1828 года и получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1846 году прапорщикомъ въ Куринскій князя Воронцова полкъ, расположенный на Кавказѣ. Въ рядахъ этого, знаменитаго тогда, полка Полторацкій участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ экспедиціяхъ и сраженіяхъ, происходившихъ втеченіе 1847 — 1854 годовъ въ Большой и Малой Чечнѣ и Азіатской Турціи. Тяжело раненный нѣсколькими пулями въ битвѣ при Чолокѣ, Полторацкій вынужденъ былъ выдти въ отставку и, женившись на С. Д. Левшиной, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, селѣ Завражѣ, Новоторжскаго уѣзда, гдѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ предался сельскому хозяйству и псовой охотѣ. Освобожденіе крестьянъ вызвало Полторацкаго къ общественной дѣятельности. Выбранный новоторжскимъ предводителемъ дворянства, онъ энергично работалъ по введенію мировыхъ учрежденій; но въ 1869 году, вслѣдствіе разстройства своихъ имущественныхъ дѣлъ, снова поступилъ въ военную службу съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Туркестанскаго генераль-губернатора. Шахрисябская экспедиція и Хивинскій походъ дали В. А. случай къ новымъ боевымъ отличіямъ. По возвращеніи изъ Туркестана, ему поручается формированіе крымско-татарскаго дивизиона, а во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ онъ командуетъ Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ. По заключеніи мира, Полторацкій назначается состоять въ распоряженіи

намѣстника Кавказскаго, великаго князя Михаила Николаевича, и въ 1882 году, по производствѣ въ генераль-маіоры, выходитъ въ отставку, поселяется сперва въ Кіевской губерніи у своего сына, а затѣмъ въ Крыму. Здѣсь, уступая настоятельнымъ просьбамъ близкихъ людей, Полторацкій началъ приводить въ порядокъ свои воспоминанія, которыя вель аккуратно, въ формѣ дневника, съ 1846 года до самой своей кончины, послѣдовавшей 16-го августа 1889 года. Воспоминанія эти составляютъ 27 рукописныхъ томовъ и, обнимая сороколѣтній періодъ времени, представляютъ большой интересъ, такъ какъ Полторацкій, человекъ наблюдательный, правдивый и остроумный, живыми красками рисуетъ не только событія своей жизни, но и то общество, среди котораго онъ вращался и въ которомъ всегда занималъ видное мѣсто.

Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ, печатаніе воспоминаній Полторацкаго вполнѣ теперь еще несвоевременно; пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ его сына, Анатолія Владиміровича, мы имѣемъ возможность помѣстить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» лишь нѣсколько отрывковъ изъ нихъ.

Ред.

I.

Производство въ офицеры.—Представленіе императору Николаю въ Аничковомъ дворцѣ.—Баль у Е. В. Апраксиной.— Столкновеніе съ хозяйкой бала.— Приключеніе съ коляской.—Великій князь Михаилъ Павловичъ.—Пикникъ на императорской фермѣ.—Встрѣча съ государемъ и государыней.—Князь Багратионъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Графъ П. Д. Киселевъ.—Д. А. Милютинъ.—Процанье.—Грузины.—Софья Борисовна и Константинъ Марковичъ Полторацкіе.—Московская станція.—Ставрополь.—Эггеръ и его рассказы.—Плѣнь Глѣбова.—Кавказскія горы.—Владикавказъ.—Кайшуръ.—Тифлисъ.

Августа 11-го, 1846 года, въ послѣдній разъ явился я въ корпусъ уже довольно поздно. Ночь эту я провелъ почти безъ сна. Нетерпѣливое ожиданіе на столько волновало меня, что я вскочилъ съ постели и въ десятый разъ сталъ пересматривать всѣ приготовленные къ моему обмундированію доспѣхи, начиная съ сапогъ и кончая темлякомъ. Итакъ, я офицеръ! Да, егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка прапорщикъ. Какое счастье быть свободнымъ, быть признаннымъ человекомъ, а не ребенкомъ! Утромъ послышался шумъ подъѣхавшихъ дрожекъ, за нимъ другихъ, и на верхъ вбѣжалъ Лобановъ, затѣмъ два брата Гербель, графъ Пушкинъ и, спустя пять минутъ, всѣ выпускные. Николай Пушкинъ подбѣжалъ ко мнѣ и вручилъ еще сырой, только что отпечатанный высочайшій приказъ о нашемъ производствѣ. Мы обнялись и, сбросивъ съ себя пажеское бѣлье и платье, стали облакаться въ новую собственную форму. Черезъ нѣсколько минутъ

я былъ кавказскимъ офицеромъ. Когда послѣ привѣтствій и поздравленій прибывшаго инспектора Жирардота мы записали подробные наши адреса, намъ разрѣшили отправляться куда угодно, но съ тѣмъ, чтобы 16-го утромъ всѣмъ собраться въ корпусъ для представленія генералу Зиновьеву, а затѣмъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

До отхода поѣзда въ Павловскъ оставалось довольно времени, а потому въ новенькомъ съ иголочки мундирѣ я пошелъ по Невскому. Все кругомъ улыбалось мнѣ; казалось, всѣ встрѣчные смотрѣли на меня съ почтениемъ и завистью. Лишній разъ прошелъ я мимо Аничкова дворца, тамъ часовой дѣлалъ мнѣ на караулъ, не догадываясь, конечно, что онъ въ русской арміи первый оказывалъ мнѣ эту воинскую почесть... Вездѣ было хорошо, весело, отрадно. Такихъ дней въ жизни немного. Послѣдующіе дни прошли въ хлопотахъ по случаю принесенія присяги въ пажеской церкви и затѣмъ общемъ сборѣ нашемъ въ Аничковомъ дворцѣ (въ Зимнемъ шли капитальныя передѣлки) для представленія государю Николаю Павловичу. 25-го августа мы нарядились въ парадную форму, отправились во дворецъ и ожидали пріѣзда государя императора. Построили насъ по корпусамъ: гвардейскихъ съ праваго фланга, потомъ артиллерійскихъ, рядомъ съ ними армейскихъ и на каждомъ лѣвомъ флангѣ заведеній—штатскихъ. У насъ тутъ фигурировалъ одинъ Пушкинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Въ часъ по полудни раздались крики: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ!..», а затѣмъ команда: «Господа офицеры, смирно!». Величественною походкой государь въ преображенскомъ мундирѣ вступилъ въ первую, нами занятую, залу и вмѣсто прежняго привѣтствія: «Здорово, мои дѣти!»—онъ молча, но съ привѣтливой улыбкой, раскланялся съ нами, а мы вмѣсто отвѣта: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество», почтительно и низко ему поклонились.

— Поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ офицеры и вполнѣ увѣренъ, что вы всѣ безъ исключенія будете всегда и вездѣ достойными слугами престола и отечеству!—громко сказалъ государь.

Съ нашей стороны опять поклоны и при нихъ звонкое побрякиваніе шпоръ у счастливецъ-кавалеристовъ. Его величество подходилъ ко всѣмъ поочередно и каждому съ улыбкой сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Меня же государь разсмотрѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ: нѣсколько разъ вертѣлъ во всѣ стороны, причѣмъ приказалъ надѣть папаху и остался вполнѣ доволенъ новою, высочайше утвержденною имъ, формою бывшаго Куринскаго, нынѣ Егерскаго князя Воронцова полка.

— Молодецъ! и я надѣюсь будешь имъ и на Кавказѣ!—выразился государь.

Черезъ два дня былъ балъ у статсъ-дамы Екатерины Владиміровны Апраксиной, куда мать съ сестрами и я были заранѣе приглашены. Въ началѣ 11-го часа карета подвезла насъ къ подъѣзду ея дворца. Яркое освѣщеніе, нескончаемый лѣсъ тропическихъ растений на лѣстницѣ, вереница напудренныхъ лакеевъ—все было по строгому порядку вещей. Но вотъ за тремя залами богато убранная гостинная, обтянутая вся отъ панели до золоченаго карниза пунцовымъ сукномъ съ золотыми звѣздами, переполненная вся мебелью à la Louis XV, загроможденная зеркалами, жардиньерками, козетками и саксонскими куклами и бездѣлками. Гостинная эта множествомъ разнокалиберной мебели, картинъ, зеркалъ и ковровъ напоминала скорѣе складъ старинный *bris à braque*, чѣмъ пріемный залъ большой барыни. Я еще болѣе удивился, когда вмѣсто ожидаемой величественной хозяйки отдѣлилась отъ дивана и сдѣлала три шага, припадая на лѣвую ногу, на встрѣчу матери, la grande dame Екатерина Владиміровна Апраксина; маленькая, не болѣе двухъ аршинъ ростомъ, сморщенная старушка, съ громаднымъ горбомъ на спинѣ, приняла величественный видъ и гордымъ взглядомъ окинула насъ всѣхъ, снизу вверхъ, конечно! Съ важностью Апраксина пригласила насъ садиться и сѣрыми глазками своими не переставала разбирать туалеты сестеръ моихъ. Вслѣдъ за нами большая гостинная стала наполняться приглашенными, и я, чтобы избѣжать инспекціи внушавшей мнѣ страхъ хозяйки, счелъ благоразумнымъ уйти въ другіе залы, гдѣ, встрѣтивъ много знакомыхъ, вздохнулъ свободно. Прошло съ четверть часа, какъ вдругъ передъ нами явилась сама Екатерина Владиміровна. Окинувъ издали всѣхъ мужчинъ инквизиторскимъ взглядомъ, она внезапно направила быстрые пажки свои прямо въ мою сторону и, пожирая меня своими глазками, какъ ястребъ, налетѣла и неистово-раздраженнымъ голосомъ сказала:

— Comment, monsieur, vous ne saviez donc pas qu'à un bal chez moi il fallait se présenter en uniforme? (Какъ, милостивый государь, развѣ вы не знаете, что на мои балы нужно являться въ мундирѣ?).

— Mais oui, madame, —почтительно отвѣтилъ я: — je ne le sais que trop! (Какъ же, сударыня, я это очень хорошо знаю).

— Et dans ce cas, —сердито возразила старуха: — veuillez m'expliquer, monsieur, de quel droit vous êtes arrivé chez moi en redingote? Il faut bien, jeune homme, connaître les devoirs du monde et ne pas oser les paralyser, dès le premier jour de votre apparition dans la société choisie!.. (Въ такомъ случаѣ потрудитесь объяснить мнѣ, по какому праву вы пріѣхали ко мнѣ въ сюртукѣ? Необходимо, молодой человекъ, знать обычаи свѣта и не смѣть нарушать ихъ съ перваго же дня вашего появленія въ избранномъ обществѣ).

Удивленный неожиданнымъ обвиненіемъ, я всячески сталъ ей доказывать, что на Кавказѣ, въ этомъ полку, другаго мундира

нѣтъ, какъ мой, однобортный, но съ фалдами, только что утвержденный. Статсъ-дама сердито и недовѣрчиво выслушивала мои объясненія, и не знаю, чѣмъ бы они кончились, если бы на мое счастье вблизи не оказался старый мой знакомый, гусаръ Манзей. Онъ во время подоспѣлъ и энергически отстоялъ правоту мою передъ грозной старухой. Она, смягчивъ свои взоры, что-то пробормотала мнѣ вслѣдъ и заковыляла во внутренніе свои покои.

Баль былъ блистателенъ, но для меня значительно испорченъ сценою съ хозяйкой дома. Я даже не танцевалъ, хотя въ волю любовался прекрасными парами, особенно красивымъ и статнымъ кирасиромъ полка его величества барономъ Дризеномъ и внушающей удивленіе Hedvige Штрандманъ.

Послѣ бала у Апраксиной пришлось мнѣ быть еще на нѣсколькихъ балахъ, пикникахъ и базарахъ, до моего отъѣзда на Кавказъ. Однажды, катаясь съ матерью и сестрами по парку, остановились мы передъ самымъ вокзаломъ, противъ оркестра. Здѣсь нашли мы много знакомыхъ; въ десяти же шагахъ отъ насъ оказалась коляска Свистуновой, а около нея стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Я открылъ дверцу и, чтобы размять ноги, выскочилъ изъ экипажа, мать же велѣла поворачивать назадъ, такъ какъ сопровождавшей насъ кавалькадѣ барышень и молодыхъ Татищевыхъ не стоялось на мѣстѣ. При оборотѣ довольно крутомъ, подручная лошадь заступила постромку и начала бить. Форрейторъ съ испуга затянулъ свою подсѣдельную лошадь, обѣ уносныя осадилъ на дышловыхъ, весь четверикъ спутался и сталъ на мѣстѣ бить задомъ и передомъ. Я бросился къ коляскѣ и поспѣшилъ вытащить испуганныхъ барынь, а великій князь въ то же мгновеніе съ немовѣрнымъ присутствіемъ духа въ три прыжка очутился у дышла съ одной стороны, а артиллерійскій генералъ Бибиковъ съ другой, и, не взирая на усиленное ляганье задомъ передней пары, они натянули наносныя постромки, сорвали ихъ съ дышловаго крюка и крикнули форрейтору убираться вонъ. «Теперь,—сказалъ великій князь,—они могутъ бить сколько имъ угодно!» и, подойдя къ моей матери, его высочество любезно ее успокоилъ и, снова посадивъ въ коляску, приказалъ кучеру проѣхать сначала шагомъ, затѣмъ раскланялся и, какъ будто ничего не случилось, вернулся къ Свистуновой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія устроивался пикникъ на императорской фермѣ. Общій сборъ былъ назначенъ въ 11 часовъ утра у Штрандмана, въ Константиновскомъ дворцѣ. Графиня Блудова и Ковальковы везли завтракъ, а Штрандманы, Ушаковы, Татищевы и мы обязаны были доставить вина. Согласно программѣ, поѣздъ двинулся по парку, а мы, верховые, разсыпались во всѣ стороны, рассчитывая собраться снова всѣмъ на фермѣ. Подъѣзжая къ ней, увидали мы скачущаго всадника на сѣрой лошади; узнаемъ Леонида Татищева.

— Государь, самъ государь и вся царская фамилія здѣсь на фермѣ!—еще издали кричалъ онъ.

— Какимъ образомъ? Что такое?—разспрашивали мы.

— Очень просто, — взволнованнымъ голосомъ объяснялъ Татищевъ:—государь вздумалъ воспользоваться сегодня хорошей погодой и предложилъ императрицѣ и всему семейству своему ѣхать въ видѣ прогулки изъ Царскаго въ Павловскъ завтракать молокомъ.

Государь, уже прежде замѣтившій сдѣланныя приготовленія къ нашему пикнику, изволилъ очень милостиво встрѣтить нашихъ матушекъ и любезно предложилъ имъ соединить оба завтрака въ одинъ общій. А теперь его величество ждалъ еще прибытія кавалькады.

«Но очень ли просто,—подумалъ каждый изъ насъ,—такъ неожиданно представиться на глаза его величества Николая Павловича?» Каждый осмотрѣлся, оправился и не съ спокойнымъ духомъ подвигался къ фермѣ. На балконѣ ясно выдѣлялся силуэтъ императора. Онъ издали очаровательной улыбкой уже привѣтствовалъ всю компанію, а когда кавалькада подъѣхала ближе, его величество быстро сошелъ по внутренней лѣстницѣ и внизу на подъездѣ встрѣтилъ нашихъ амазонокъ. Здѣсь государь, повторивъ привѣтствія свои всему обществу, поочередно помогъ обѣимъ сестрамъ моимъ слѣзть съ лошадей и, взявъ Ольгу и Софью подъ руку, онъ улыбаясь сказалъ имъ:

— Il y a longtemps que j'attends en vain que votre oncle me demande votre présentation; il faut bien, mesdemoiselles, se passer de lui. (Я уже давно тщетно жду, чтобы вашъ дядя просилъ у меня позволенія представить васъ; приходится обойтись безъ него).

И съ этими словами государь, поднявшись съ ними по лѣстницѣ въ залу фермы, подвелъ и лично представилъ ихъ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

Вся компанія наша, по приглашенію его величества, также поднялась наверхъ, и глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: большой по срединѣ комнаты столъ, весь заставленный блюдами общаго завтрака, былъ занятъ государыней и членами императорской фамиліи попеременно съ нашими старыми барынями. Такъ, около ея величества по одну сторону сидѣла старуха Н. Ѳ. Плещеева, а по другую моя мать. Возлѣ великой княгини Маріи Николаевны—графиня Блудова и т. д. Поодаль между амазонками нашими расположились молодые великіе князья Михаилъ и Николай Николаевичи, а противъ государыни—Николай Павловичъ, предложившій около себя мѣста Софьѣ и Машѣ Ковальковой. Необыкновенная простота въ обращеніи и удивительная любезность императрицы скоро развязали языкъ нашимъ дамамъ, и черезъ нѣсколько минутъ возникъ непринужденный и веселый разговоръ. Ея величество неоднократно повторить изволила, что всѣ присут-

ствуюція дамы такія же здѣсь хозяйки дома, какъ и она сама, и что ея величество очень довольна этимъ милымъ, неожиданнымъ пикникомъ, причемъ изъ особенной любезности похваливала все привезенное на завтракъ нашими барынями и съ большимъ аппетитомъ кушала печеный картофель съ сливочнымъ масломъ, тутъ же купленнымъ на фермѣ.

Государь былъ также въ особенно хорошемъ расположеніи духа и, расточая любезности всѣмъ дамамъ, молодымъ и старымъ, обратилъ вниманіе на насъ, офицеровъ, съ замѣчаніемъ, «что, если нѣкоторымъ изъ насъ не достаетъ мѣстъ за общимъ столомъ въ ротондѣ, то это только по милости непрошенныхъ гостей изъ Царскаго Села», причемъ его величество отдалъ приказаніе накрыть столъ въ той же залѣ, рядомъ съ первымъ и совершенно успокоился, когда увидѣлъ, что всѣ мы до одного за нимъ размѣстились. Болѣе полутора часа продолжался оживленный завтракъ. Всѣ безъ исключенія были въ своей тарелкѣ, и всякая тѣнь смущенія исчезла, когда его величество, замѣтивъ, что, «кажется, все съѣдено и выпито, теперь пора и по домамъ», изволилъ встать, и по его примѣру всѣ поднялись изъ-за стола. Передъ отъѣздомъ государь обратился къ каждому изъ насъ съ милостивыми словами, а меня спросилъ, скоро ли собираюсь на Кавказъ, и на мой отвѣтъ: «черезъ недѣлю, ваше императорское величество», государь замѣтилъ: «Какъ? Уже? Желая тебѣ всякаго счастья!»...

По возвращеніи съ пикника, мы застали у насъ въ гостинной драгунскаго офицера, насъ ожидавшаго, князя Багратіона, пріѣхавшаго нарочно условиться со мной о днѣ нашего выѣзда на Кавказъ. Онъ обязательно предложилъ матери, въ качествѣ моего попутчика до Воронежа, взять на себя заботу покупки экипажа и договорился заѣхать за мной окончательно 18-го сентября.

Такъ какъ передъ отъѣздомъ надо было еще побывать въ Петербургѣ, то я и двинулся туда 15-го числа. Получивъ въ штабѣ казенную дорожную до крѣпости Грозной и по выданному мнѣ талону изъ казначейства 92 р. 60 к. прогонныхъ денегъ, я забралъ всѣ заказанныя вещи у портного и сапожника и поѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ къ дядѣ, графу Павлу Дмитріевичу Киселеву, но попалъ къ нему не въ время, такъ какъ онъ очень старался скорѣе меня выпроводить. Обнявъ, перекрестивъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ напутствовалъ меня фразой: «Богъ съ тобой!», Павелъ Дмитріевичъ далъ мнѣ уже время пройти всю залу и вдругъ громко позвалъ меня обратно. Въ дверяхъ своего кабинета дядя меня встрѣтилъ и, сунувъ что-то въ руку, прибавилъ скороговоркой: «Это тебѣ на путевыя издержки!». И самъ, не давъ мнѣ опомниться и поблагодарить его, заперъ дверь въ кабинетъ свой. Въ рукѣ моей оказалось 200 рублей... Отъ Киселева я поѣхалъ на Васильевскій Островъ къ Дмитрію Милютину. Когда я входилъ въ его столовую,

слышны были дѣтскіе крики; вскорѣ ко мнѣ вышла Наташа и объявила, что мужа нѣтъ дома, а если я соглашусь у нихъ обѣдать, то скоро его увижу. Въ сосѣдней комнатѣ опять раздался крикъ ребенка, Nathalie ушла къ нему, а я вошелъ въ кабинетъ Дмитрія и, найдя на этажеркѣ книгу: «Войны Суворова въ Италіи въ 1799 году», составленную имъ же, увлекся ею и прочелъ три главы, не замѣтивъ времени и вошедшаго Дмитрія. Обѣдъ былъ простой, но очень радушный; послѣ кофе я распростился съ хозяевами, такъ какъ зналъ, что у Дмитрія слишкомъ мало времени для послѣобѣденнаго кейфа.

Дома засталъ Булгакова и Сологуба. Послѣдній привезъ нѣсколько писемъ и двѣ книги своего сочиненія, съ порученіемъ передать ихъ въ Тифлисѣ княгинѣ Воронцовой, а письма молодому князю, ея сыну, и Мишкѣ Глѣбову.

17-го мать заказала обѣдню и затѣмъ напутственный молебень, послѣ котораго всѣ провожающіе меня сѣли въ экипажи и двинулись со мной до Ижоры.

«Дальніе проводы, лишніе слезы»,—говорилъ всегда графъ Павелъ Дмитріевичъ, и мать моя была того же мнѣнія, а потому совѣтовала мнѣ сейчасъ же потребовать лошадей и я, какъ ни крѣпился, но, простившись со всѣми, въ слезахъ бросился въ фургоны и крикнулъ: «Пополь! пополь! Цѣлковый на водку!»... По дорогѣ заѣхалъ сначала въ наше имѣніе Вельможье (Тверской губ.), а затѣмъ въ Грузины къ любимѣйшему моему дядѣ Константину Марковичу Полторацкому. Съ распростертыми объятіями встрѣтилъ меня дядя; очень любезно принялъ онъ и Багратіона, приказавъ сейчасъ же приготовить мнѣ рядомъ съ галлереей красную комнату, а ему другую возлѣ. Даже Софья Борисовна снизошла со мной до нѣкоторой нѣжности и на первыхъ порахъ осыпала любезностями моего князя, но ея благоволеніе къ нему длилось недолго, и воспослѣдовало разочарованіе, когда она узнала, что сіятельный гость не говоритъ даже пофранцузски, что въ ея глазахъ было не малое преступленіе.

За обѣдомъ, пока я весело болталъ съ старинной пріятельницей моей Анной Львовной Трунсковой, князь Багратіонъ расхвастался о роднѣ своей: Альбединской, княгинѣ Багратіонѣ, Солнцовой, Гагариной и проч. Послѣ обѣда мы перешли въ кабинетъ Константина Марковича, гдѣ онъ расположился въ покойномъ креслѣ, противъ камина и, пригласивъ насъ курить, просилъ меня рассказать ему подробно, какъ и почему случился мой выпускъ изъ Пажескаго корпуса въ армію, равно какъ и отъѣздъ на Кавказъ. На возраженіе мое, что это длинная и скучная исторія, дядя съ усиленнымъ любопытствомъ пожелалъ ее услышать и заставилъ меня начать рассказъ. Но я не дошелъ еще до первыхъ каверзъ на экзаменахъ Игнатьева, какъ замѣтилъ неровное, но очень сильное его дыханіе;

взглянувъ ближе, я увидѣлъ, что милый старикъ давно уже храпитъ. На ципочкахъ вышелъ я изъ комнаты, но, когда за мною неосторожно всталъ и Багратионъ, Константинъ Марковичъ проснулся, вскочилъ на ноги и съ безпокойствомъ спросилъ: «А гдѣ же Володя? Онъ вѣрно подумалъ, что я заснулъ! Нисколько, я все его слушалъ!»... Вечерній чай пили въ гостиной, на половинѣ Софьи Борисовны. Она очень серьезно вязала на спицахъ какую-то полосу къ одѣялу, задавала вопросы и, не дожидаясь отвѣта, заботливо и вслухъ пофранцузски считала петли на своей работѣ, а потомъ внезапно обращалась съ вопросомъ: «А *ou en sommes nous?*» (на чемъ мы остановились?). Дядя съ длинною въ зубахъ трубкою не всегда впадедъ поддерживалъ разговоръ своей супруги и, пробуждаясь отъ дремоты, не разъ вставлялъ совѣмъ не кстати: «*oui, oui, comme de raison, ma chère amie!*» (да, да, это правда, милый другъ). На другой день, въ воскресенье, я проснулся очень поздно и, когда поднялся на верхъ, засталъ уже тетюшку, возвратившуюся отъ обѣдни, за чайнымъ столомъ, въ обществѣ священника грузинской церкви, отца Василія. Когда я входилъ, она объясняла почтенному старцу о необходимости для блага отечества нашего большихъ преобразованій во всемъ организмѣ государства. Священникъ слушалъ ее внимательно и, выпивъ уже третью большую чашку чая, опрокинулъ ее на блюдечко вверхъ дномъ; затѣмъ, вынувъ изъ кармана клѣтчатый платокъ, усердно утиралъ съ лица потъ, выступившій на челѣ его отъ теплаго напитка или отъ усиленнаго вниманія его къ поучительной рѣчи Софьи Борисовны. Не сводя глазъ съ генеральши, старикъ священникъ видимо не понималъ всего имъ слышаннаго, а Софья Борисовна, въ полголоса выговоривъ цѣлыя фразы пофранцузски, переводила ихъ буквально на русскій языкъ и громко, внушительно обращалась тогда къ отцу Василью. Милостиво протянувъ мнѣ бѣлую руку свою, покрытую дюжиной дорогихъ колець, къ которой поспѣшилъ я почтительно приложиться, и спросивъ меня, по обыкновенію, въ носъ: «*Et comment, mon cher, avez vous passé la nuit?*» (какъ провелъ ты ночь, мой милый?), она, не дожидаясь моего отвѣта, продолжала: «Итакъ, батюшка, *ou en sommes nous?*» (гдѣ я остановилась?). Священникъ, наклонившись къ ней, подобострастно выговорилъ: «Ваше превосходительство изволили выразиться о необходимости для блага отечества большихъ преобразованій во всемъ орг...» — «*Oui, oui, c'est ça,* — перебила Софья Борисовна, — да я помню. Для блага отечества большихъ преобразованій во всемъ организмѣ государства, *à fin que la Russie puisse renaître avec gloire de ses cendres*»... — вполголоса, почти про себя, докончила она и затѣмъ громко повторила: «въ конецъ, чтобы Россія возродилась со славою изъ золы своей». Она подняла когда-то прекрасные глаза свои на отца Василія, чтобы насладиться произведеннымъ на него

впечатлѣніемъ краснорѣчивой своей тирады, но тутъ же увидѣла по смущенному лицу его, что онъ ничего не понималъ. «Вы меня, кажется, не поняли, батюшка?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, сознаюсь, не уяснилъ себѣ послѣдняго». Софья Борисовна, съ чуть замѣтною ироническою улыбкою на губахъ, слово въ слово опять повторила послѣднюю фразу и на этотъ разъ, не спуская глазъ съ бѣднаго старика, безошибочно убѣдилась, что и теперь онъ ничего не уяснилъ себѣ. Тутъ она, не скрывая отгѣнка презрѣнія къ тупости отца Василія, обратилась ко мнѣ со словами: «Il n'y est pas, mon cher! Et c'est si clair: la Russie doit renaître de ses cendres!» (Онъ ничего не понималъ, а между тѣмъ это такъ ясно, что Россія должна возродиться изъ пепла). — «Да, тетушка, Россія должна возродиться изъ-подъ пепла», — рѣшился замѣтить я. — «Ah oui, oui, изъ-подъ пепла, изъ-подъ пепла», — улыбаясь начала опять пилить она отца Василія, но послышались шаги дяди и Багратиона, и политическій диспутъ самъ собою прекратился.

Дядя Константинъ Марковичъ вошелъ къ намъ совершенно не въ духѣ. Онъ былъ очень недоволенъ Багратиономъ, et roug cause. Утромъ старикъ, выйдя въ садъ, черезъ окно увидѣлъ уже одѣтаго князя и воспользовался случаемъ похвастать ему своимъ хозяйствомъ. Дядя на своемъ вѣку прожилъ громадныя деньги, сначала при началѣ службы своей въ Семеновскомъ полку, потомъ во время Отечественной войны и въ Парижѣ, гдѣ, командуя бригадой въ отрядѣ Воронцова, онъ вошелъ въ составъ оккупационнаго нашего корпуса во Франціи, а наконецъ впоследствии губернаторомъ въ Ярославлѣ. Вездѣ и всюду онъ извѣстенъ былъ своею щедростью, гостепріимствомъ и роскошью, а потому изрядно разстроилъ финансовыя дѣла свои. У него были серьезные долги, его не мало беспокоившіе, но этого добраго и радушнаго, стараго вѣка, барина утѣшало то, что при всѣхъ критическихъ переворотахъ онъ сумѣлъ сохранить за собою родовое имѣніе, завѣтное наслѣдіе матери своей, Агафоклеи Александровны. Усадьба поражала своей громадностью. Домъ въ Грузинахъ по масштабу и отдѣлкѣ могъ назваться дворцомъ. Кромѣ огромной съ хорами залы и знаменитой внизу галлерей, въ его трехъ этажахъ и двухъ смежныхъ флигеляхъ было до 120 комнатъ. Всѣ хозяйственныя постройки соответствовали главному дому. Конный дворъ вмѣщалъ до 250 лошадей. Скотный дворъ изъ жженаго кирпича, какъ и конный, съ черепичною крышею, отличной старинной выдѣлки, вмѣщалъ въ себѣ до 600 штукъ рогатаго скота, крупнаго, независимо отъ отдѣльныхъ помѣщеній для мелкаго. Въ такихъ же размѣрахъ обширныя риги, оранжереи, теплицы, грунты, мастерскія и проч. Церковь во имя Грузинской Божіей Матери напоминала скорѣе соборъ; крестьянскія даже избы и тѣ построены вдоль большой Старицкой дороги, изъ жженаго кирпича съ черепичными кры-

шами. Кромѣ того, тамъ находился еще каменный старинный винокурный заводъ, въ послѣднее время перестроенный и приспособленный къ новой системѣ, со всѣми вновь изобрѣтенными аппаратами, ежегодно выкуривающій до 200 тысячъ ведеръ спирта. Наконецъ, въ довершеніе полноты усадьбы, передъ господскимъ домомъ садъ, съ роскошными цвѣтниками, а за нимъ паркъ на 25 десятинахъ земли, съ рѣкой, прудами, островами, мостиками, бесѣдками, статуями и безчисленными затѣями. Милѣйшій владѣлецъ, какъ истинно-радушный хозяинъ, самъ повелъ всюду дорогаго гостя. Но тутъ-то мой князь и показалъ свою безтактность. Онъ не только ничему не удивлялся, ничему не отдавалъ должнаго, но напротивъ все безъ исключенія критиковалъ безпощадно, нагло увѣряя дядю, что у него въ Курской губерніи домъ вдвое больше, конный и скотный заводъ гораздо обширнѣе и удобнѣе, а что касается прочаго, то и смотрѣть не стоитъ. Константинъ Марковичъ, какъ старинный благовоспитанный баринъ, ничего не возразилъ своему гостю, но успѣшилъ сократить свою прогулку и возвратиться въ домъ. Здѣсь я постарался развлечь его, и благодаря безграничной добротѣ этого идеально добродушнаго чловѣка, мнѣ удалось заставить его забыть испытанное непріятное впечатлѣніе, и часъ спустя онъ былъ уже веселъ, разговорчивъ, какъ всегда. Въ кабинетѣ своемъ Константинъ Марковичъ, распахнувъ фалды сюртука своего, у камина, усердно грѣлъ спину и безъ умолку рассказывалъ намъ эпизоды изъ войнъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а особенно подробно объ Аустерлицѣ, за который въ петлицѣ его красовался Георгіевскій крестъ.

Только на четвертый день, вмѣсто двухъ, пребыванія нашего въ Грузинахъ, мы *soi-disant* послѣ ранняго обѣда выѣхали прямо на Мѣдное. Софья Борисовна передъ моимъ отъѣздомъ нѣжно поцѣловала меня на воздухъ и въ промежутокъ съ большимъ чувствомъ повторила просьбу не пить кофе: «il porte à la tête, mon cher!», а дядя отъ души цѣловалъ, крестилъ, благословлялъ, выражая сожалѣніе, что не можетъ проводить меня до Москвы, гдѣ бы онъ непременно свозилъ меня къ старому, высоко имъ чтимому начальнику и другу своему Алексѣю Петровичу Ермолову, такъ какъ, по его убѣжденію, всѣмъ проѣзжающимъ на Кавказъ черезъ Москву безусловно подобаетъ поклониться Иверской Божіей Матери въ Кремлѣ и Ермолову на Пречистенкѣ...

Въ Воронежѣ разстался я съ своимъ спутникомъ, не скажу, чтобы съ большимъ сожалѣніемъ. Отъ Воронежа до Новочеркасска 533 версты я осилилъ въ трое сутокъ. Около Аксея встрѣтилъ лихую тройку въ саняхъ, съ сѣдокомъ въ адъютантской формѣ. Кавказъ-ямщикъ мой, обернувшись, пояснилъ мнѣ, что «это кульерь, вишь какъ гонить». Когда я наконецъ дотащился до станціи, смотри-

тель успѣшилъ сообщить мнѣ, что проѣхавшій курьеромъ адъютантъ намѣстника кавказскаго отправленъ въ Петербургъ съ донесеніемъ государю императору о славной побѣдѣ надъ самимъ Шамилемъ, у котораго отняли пушку и сѣкиру; что послѣднюю адъютантъ везетъ съ собой и только-что ее показывалъ ему. «Важнѣющая штука, — добавилъ онъ про сѣкиру:—но ужъ не очень, чтобы сказать, вострая!»—Заглянувъ въ книгу проѣзжающихъ, я увидѣлъ, что курьеръ былъ адъютантъ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ поручикъ Давыдовъ (Ростиславъ).

Увидѣвъ курьера, спокойно катившаго въ саняхъ, мнѣ страшно захотѣлось тоже продолжать путь мой не на колесахъ: до того измучилъ и избилъ мнѣ бока мой грустный экипажъ; но смотритель ни за что не соглашался отправить меня въ саняхъ; даже приобрѣтеніе безвозмездно фургона въ свою пользу не соблазняло его. «Да отчего же курьеру вы дали сани, а мнѣ не хотите?»—«То адъютантъ намѣстника, князя Воронцова, онъ можетъ все требовать и внѣ закона, не только на Кавказѣ, но и во всей Россіи!» — порѣшилъ смотритель, наотрѣвъ отказавъ исполнить просьбу прапорщика. Дѣлать нечего, опять поплелись черезъ пень-колоду. Съ каждымъ днемъ погода портилась, шелъ дождь со снѣгомъ, потомъ стало студить, повалилъ снѣгъ хлопьями, прилипалъ къ колесамъ и ступицамъ. Подвигались мы безобразно тихо, по 5 и 6 верстъ въ часъ, на душѣ было не весело, а тѣлу очень холодно. За 30 верстъ до Ставрополя, на станціи Московской, познакомился я съ милѣйшимъ, добродушнѣйшимъ инженеръ-полковникомъ Эггеромъ, который сжалился надо мною, взялъ меня въ свой дормезъ, и мы уже вмѣстѣ продолжали путь. Артуръ Федоровичъ Эггеръ былъ старый кавказскій служака, много видѣвшій и слышавшій на своемъ вѣку. Словоохотливый отъ природы, онъ своими рассказами доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. Зеленому прапорщику очень интересно было узнать особенности кавказской войны и жизни, которыя сложились здѣсь совсѣмъ иначе: иные обычаи, исключительныя отношенія.

Около Ставрополя, миновавъ вторую станцію, мы проѣхали казачій постъ, привлекшій мое вниманіе. Эггеръ по этому случаю рассказалъ мнѣ грустное происшествіе, три года назадъ случившееся на этомъ самомъ мѣстѣ съ Глѣбовымъ, тѣмъ самымъ Глѣбовымъ, которому въ чемоданѣ я везъ письмо отъ графа Сологуба. Въ концѣ 1843 года Глѣбовъ, будучи адъютантомъ командира кавказскаго корпуса генерала Нейдгарта, отправленъ былъ курьеромъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Отъ Владикавказа до ст. Прохладной былъ колесный путь, а тутъ уже выпалъ снѣгъ, и хотя зимній путь еще не установился, но Глѣбовъ, разбитый скачкой на перекладной, потребовалъ сани и покойно уже поскакалъ далѣе. Передъ сумерками, въ семи верстахъ отъ станціи Базовой, на

самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли казачій постъ, изъ глубокой, съ крутыми берегами балки на проѣзжающаго Глѣбова бросилось 8 человекъ горцевъ; ямщикъ погналъ лошадей, а всадники пустились въ погоню. До станціи оставалось версты 4, не болѣе, но на самой дорогѣ былъ курганъ, который обыкновенно объѣзжаютъ кругомъ. Глѣбовъ, взглянувъ назадъ и видя непріятеля очень близко, желая сократить путь свой, приказалъ ямщику валить напрямикъ черезъ курганъ. Лихая тройка быстро вынесла сани на вершину, но здѣсь на верхней точкѣ кургана вѣтромъ смело снѣгъ, желѣзные подрѣза вѣхали въ песокъ, и тройка сразу стала, какъ вкопанная. Нѣсколько мгновеній спустя, горцы окружили сани, выстрѣломъ убили коренника, а на пристяжныхъ лошадей посадили со связанными ногами Глѣбова и деньщика его и быстро увезли ихъ по балкѣ, наутекъ. Ямщикъ, въ первую же минуту бросившійся бѣжать, добрался до станціи благополучно и, конечно, поднялъ тамъ тревогу. Казаки выскочили и погнались за хищниками, но при наступившей темнотѣ ночи потеряли слѣдъ и дали возможность горцамъ увести плѣнниковъ за Кубань. Храбрый всегда до безумія, Глѣбовъ въ этомъ несчастномъ случаѣ, не имѣя оружія въ рукахъ, былъ взятъ въ плѣнъ, какъ баранъ, и втеченіе болѣе года у шапсуговъ переиспыталъ неимовѣрныя истязанія и муки. Въ выкупѣ его, какъ общаго любимца всего Кавказа, приняли участіе не только мѣстныя войска, но и гвардія, такъ какъ онъ, Мишка Глѣбовъ, служилъ въ Конной Гвардіи, гдѣ оставилъ о себѣ лучшія воспоминанія. Такъ какъ катастрофа съ Глѣбовымъ и другіе подобные случаи еще были свѣжи въ памяти, то въ горахъ отъ самаго Ставрополя до станціи Ларсъ проѣзжающихъ не пускали ночью со станціи; курьеровъ же и почту сопровождали конные казаки. Утромъ, въ ясный ноябрьскій день, дивная панорама представилась глазамъ моимъ! Я увидѣлъ отчетливо передъ собой весь Кавказскій хребетъ, съ высокою бѣлою шапкою Казбека, а на западѣ величественный Эльбрусъ. Освѣщеніе самыхъ вершинъ всего снѣжнаго хребта красными лучами восходящаго солнца было чудно-неподражаемо. Я разинулъ ротъ и отъ восторга не могъ вымолвить слова. «А какъ вы думаете, юноша, близко отъ насъ эти горы?» — спросилъ меня Эггеръ. — «Версты три или четыре», — съ убѣжденіемъ отвѣчалъ я. — «До Казбека, который какъ будто бы виситъ надъ нами, около 150 верстъ, а до Эльбруса гораздо болѣе», — съ улыбкой осадилъ меня Эггеръ. Я не вѣрилъ словамъ его, но двое сутокъ пути нашего по прямому направленію къ горамъ поневолѣ убѣдили меня въ истинѣ его словъ. Великолѣпный видъ на Кавказскія горы скоро исчезъ, небо заволочло густыми облаками, и за ними скрылись Казбекъ, Эльбрусъ и весь хребетъ.

24-го ноября, въ третьемъ часу по полудни, торжественно вѣхали мы наконецъ въ градъ Тифлисъ и остановились на Головинскомъ

проспектъ, въ лучшей тогда гостинницѣ Крылова. Ухъ!—сказаль я съ облегченіемъ: не легко одолѣть было въ осеннюю пору три тысячи верстъ отъ Петербурга.

II.

Знакомство съ Кауфманомъ.—Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; княгиня и князь Simon. — Новая знакомства, нравы и обычаи; Глѣбовъ, Щербининъ, Дондуковъ, Васильчиковъ и друг.—Грузинскій праздникъ.—Прощаніе съ Тифлисомъ.—Терская линия.—Крѣпость Грозная.—Фрейтагъ и баронъ Меллеръ-Закомельскій.—Пріемъ и письмо намѣстника. — Приготовленіе къ походу. — Выступленіе.—Алдинскіе хутора.—Костырко, Греченевскій и 7-я рота.—Дѣло 15-го декабря.—Обычай походной жизни.—Опять Грозная.—Воздвиженское.—Жизнь въ штабѣ полка.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ Эггеръ первымъ дѣломъ еще въ гостинницѣ поспѣшилъ навести справки, въ Тифлисѣ ли теперь другъ его инженеръ Кауфманъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сейчасъ же на извозчикѣ, послалъ за нимъ. Не успѣли мы еще расположиться въ отведенномъ намъ номерѣ, какъ на зовъ явился Кауфманъ; послѣ самыхъ искреннихъ объятій старыхъ друзей, Эггеръ познакомилъ меня съ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ, инженеръ-штабсъ-капитаномъ, очень тогда добродушнымъ, любезнымъ и сообщительнымъ. Обѣдъ и весь вечеръ прошли въ разсказахъ Кауфмана о всемъ случившемся въ Тифлисѣ и на всемъ Кавказѣ; говорилъ онъ умно, весело и пріятно, и время пролетѣло незамѣтно.

На другой день, съ утра, надѣвъ парадную форму, мы вмѣстѣ съ Эггеромъ явились въ комендантское управленіе, откуда старикъ комендантъ повелъ насъ всѣхъ, къ нему явившихся, во дворецъ главнокомандующаго. Представляющихся намѣстнику было два генерала, кажется, пять штабъ-офицеровъ и до 20 оберъ-офицеровъ. Насъ выстроили всѣхъ въ большой пріемной залѣ и, конечно, меня съ лѣваго фланга. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, вошелъ съ дежурнымъ адъютантомъ и нѣсколькими лицами своей свиты главнокомандующій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Я прежде еще, при вступленіи моемъ въ предѣлы Кавказа, на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ смотрѣлъ и внимательно изучалъ фигуру и фізіономію князя по литографированнымъ его портретамъ, но когда я его увидѣлъ не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, то не могъ не удивиться. Славный участникъ всѣхъ войнъ съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, герой Отечественной войны, безсмертный виновникъ Краона и побѣдоносный полководецъ въ столькихъ битвахъ, кончая знаменитой здѣсь Даргинской экспедиціей,—князь Воронцовъ наружностью своей и манерами былъ

болѣе похожъ на высшаго дипломата, на гражданскаго сановника, но не на военнаго, закаленнаго въ дѣлахъ генерала...

Высокаго роста, стройный, худоцавый, съ очень тонкими чертами лица и тончайшими губами, съ сѣдыми, подъ гребенку остриженными волосами, тщательно выбритымъ подбородкомъ и безъ малѣйшаго признака усовъ,—вотъ по наружности князь Михаилъ Семеновичъ, однимъ только куринскимъ мундиромъ и большимъ крестомъ св. Георгія 2-го класса напоминавшій о своемъ военномъ званіи, о боевыхъ заслугахъ, оказаннымъ имъ такъ безпримѣрно славно своему отечеству. Даже аристократическіе его приемы, изысканные и исполненные утонченной вѣжливости, не обнаруживали вовсе солдата, проливавшаго столько разъ кровь свою на поляхъ битвъ...

Съ улыбкой на тонкихъ губахъ, князь привѣтливо и ласково разговаривалъ со всѣми ему представлявшимися, любезно пожимая имъ руки. Дошла очередь до меня.

— А, здравствуй, мой милый Полторацкій, очень радъ тебя видѣть,—три раза обнявъ меня, сказалъ главнокомандующій.—Какъ ты чувствуешь себя въ твоемъ здоровьѣ?—отведя меня на пять шаговъ въ сторону, продолжалъ онъ, распечатывая мною поданное ему письмо Киселева.—Очень, очень радъ твоему пріѣзду. Теперь поживи съ нами, ознакомься въ Тифлисѣ, и прошу тебя, когда не будешь имѣть другаго ангажемента, то, пожалуйста, приходи къ намъ обѣдать, всегда къ 6-ти часамъ.

Обвороженный ласковымъ приемомъ князя, я доложилъ его сіятельству, что желалъ бы представиться супругѣ его, имѣя къ ней порученія и передачу книгъ отъ графа Сологуба, на что князь Михаилъ Семеновичъ не только изъявилъ согласіе, но предложилъ мнѣ лично отрекомендовать меня княгинѣ, а потому, раскланявшись со всѣми остальными, князь приказалъ узнать, приметъ ли его съ гостемъ Елизавета Ксаверьевна, и въ ожиданіи отвѣта отошелъ къ окну залы и сталъ читать письмо графа Павла Дмитриевича.

Когда камердинеръ княгини доложилъ, что она принимаетъ, князь Михаилъ Семеновичъ, взявъ меня за руку, повелъ по длиннымъ переходамъ и заламъ на половину его супруги. Княгиня Елизавета Ксаверьевна встрѣтила насъ въ своей богатой гостиной и, допустивъ меня къ ручкѣ, очень милостиво выслушала переданныя мною порученія отъ графа Сологуба и выразила желаніе получить книги, на что князь-супругъ поспѣшилъ сказать ей, что я буду къ обѣду и, вѣроятно, привезу ей посылку.

Елизавета Ксаверьевна, рожденная графиня Бралицкая, дочь знаменитаго графа Ксаверія, была не первой молодости, но еще на столько свѣжа и привлекательна, что вѣрится легко о воспѣтой ея красотѣ. Довольно полного сложенія, она сохранила чудный цвѣтъ лица, много оживленія въ прекрасныхъ глазахъ и очарова-

ніа въ обращеніи. Выслушавъ и отъ княгини приглашеніе къ обѣду, я вернулся домой, захватилъ письма къ молодому князю Семену Михайловичу и Глѣбову и, заѣхавъ сначала къ Глѣбову, не оказавшемуся дома, представился молодому князю. Молодой Воронцовъ, лѣтъ 25 или 26, не болѣе, былъ высокаго роста, блондинъ, съ большими рыжеватыми баками и представлялъ изъ себя типъ Джонъ-Буля. Рѣзкія черты лица его съ нависшими густыми бровями придавали ему очень угрюмый видъ, а туалетъ дэнди и непринужденныя движенія носили особый отпечатокъ своеобразія и оригинальности заморскихъ друзей нашихъ—англичанъ. Не будучи наружностью вовсе похожъ на отца своего, онъ и характеромъ и гибкостью ума не напоминалъ его. Принявъ меня вѣжливо, даже любезно, князь Семень Михайловичъ внимательно прочелъ посланіе къ нему Сологуба, черезъ письмо пристально разглядѣлъ меня и, не зная, съ чего начать разговоръ, долго жевалъ что-то въ роту и наконецъ, предложивъ мнѣ прекрасную одесскую папиросу, причемъ обязательно подаль мнѣ зажженную свѣчу, началъ разговоръ съ вопроса: «какихъ лошадей предпочитаю я, англійскихъ или русскихъ». Не ожидая вовсе подобнаго предмета разговора, я что-то пробормоталъ въ отвѣтъ, по поводу чего князь Simon оживился и сталъ доказывать мнѣ несравненныя превосходства кровныхъ англійскихъ лошадей надъ нашими скаковыми, даже лучшихъ заводовъ, и въ подтвержденіе доводовъ своихъ пригласилъ меня взглянуть на двухъ гунтеровъ, только что доставленныхъ ему изъ Лондона. Лошади, въ особенности одна, темно-гнѣдая, были по правдѣ прекрасныя, но и цѣна имъ была немалая, до 500 фунтовъ стерлинговъ каждая. Вернувшись въ гостинную князя, я познакомился съ рыжимъ барономъ Николаи, очень натянутымъ чиновникомъ особыхъ порученій при канцеляріи намѣстника, и отъ него узналъ адресъ Щербинина, къ которому у имѣлъ письмо изъ Петербурга отъ князя Вяземскаго.

За обѣдомъ у главнокомандующаго, роскошно сервированнымъ, было до двадцати приглашенныхъ. Хозяинъ былъ очень внимателенъ и разговорчивъ, но я замѣтилъ, что самъ онъ почти не ѣлъ и ничего не пилъ. Послѣ обѣда я познакомился съ ротмистромъ и адъютантомъ князя Глѣбовымъ и, передавъ ему письмо Сологуба, тутъ же получилъ приглашеніе непременно переѣхать къ нему изъ гостинницы. Удивительно была симпатична личность Глѣбова, съ первой минуты внушающая любовь и довѣріе. «Какъ могли шапсуги,—вотъ первая мысль, мелькнувшая во мнѣ, когда я глядѣлъ на открытую, полную добродушія и честности фізіономію Глѣбова:—мучить и терзать подобнаго человѣка!» Вечеръ провелъ въ гостинницѣ съ Эггеромъ, Кауфманомъ и Вастеномъ, тоже чиновникомъ канцеляріи намѣстника, очень веселымъ, игривымъ и умнымъ.

Слѣдующая затѣмъ недѣля прошла крайне безпорядочно, но быстро. Перебравшись къ милѣйшему Глѣбову, я въ нѣсколько дней познакомился съ массою личностей, частныхъ и по службѣ. Первый визитъ послѣ главнокомандующаго былъ къ начальнику штаба Кавказскаго округа, генераль-адъютанту Коцебу. Очень маленькій ростомъ, но крупный по способностямъ, Коцебу, хотя, какъ начальникъ, далеко не мягкій, пользовался репутаціей весьма дѣльнаго и честнаго генерала. Приѣмъ его былъ вѣжливъ, но не выходилъ изъ рамки строгихъ служебныхъ отношеній. Второй визитъ былъ къ тифлисскому губернатору Сергѣю Николаевичу Ермолову, племяннику Алексѣя Петровича. Онъ былъ первоклассный добрякъ; со мною былъ не только любезенъ, но познакомилъ меня даже съ своимъ семействомъ, отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ на обѣдъ по случаю именинъ жены. Изъ штабныхъ я познакомился почти со всѣми, кто былъ тогда на лицѣ: Минквицъ, бывшій лейбъ-гусарь, теперь полковникъ и адъютантъ князя, пріятный, веселый и хорошій господинъ, Моллеръ Эдуардъ, старшій братъ нижегородскаго драгуна Александра; Лисаневичъ—адъютантъ главнокомандующаго; князь Дондуковъ-Корсаковъ, Виртембергскаго гусарскаго полка штабъ-ротмистръ; онъ былъ раньше при генералѣ Нейгардтѣ, и вмѣстѣ съ Глѣбовымъ они только двое были оставлены княземъ Воронцовымъ изъ всего штаба его предмѣстника. Дондуковъ очень бойкій, ловкій и способный, но, по общимъ о немъ отзывамъ, не чуждъ интриги; тѣмъ не менѣе, игривостью и гибкостью ума, развязностью разговора и всѣмъ свѣтскимъ обращеніемъ онъ едва ли по умственнымъ способностямъ и образованію не занималъ перваго мѣста въ блестящей свитѣ князя Воронцова. Но кто особенно завладѣлъ моимъ сердечнымъ расположеніемъ, это—князь Сергѣй Васильчиковъ, сынъ друга отца моего, князя Иллариона Васильевича. Трудно было найти чловѣка честнѣе, добрѣе и съ болѣе возвышенными правилами. Васильчиковъ пользовался общимъ расположеніемъ какъ въ средѣ сослуживцевъ своихъ, такъ и во всемъ тифлисскомъ обществѣ. Меня онъ совсѣмъ побѣдилъ теплыми воспоминаніями о покойномъ отцѣ моемъ, котораго онъ хорошо зналъ и очень уважалъ со времени пребыванія его у нихъ въ селѣ Выбити, Псковской губ., когда наши старики охотились въ 1840 году вмѣстѣ съ дядей его, оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ.

Встрѣтился я здѣсь и съ княземъ Иракліемъ Грузинскимъ. Онъ уже былъ поручикомъ и адъютантомъ главнокомандующаго; злополучный выходъ его юнкеромъ изъ пажескаго корпуса не повредилъ его карьерѣ. Хотя Ираклій среди туземцевъ игралъ исключительную роль по своему царскому происхожденію, но со мною встрѣтился, какъ со старымъ пріятелемъ и однокашникомъ. Графъ Галатери, князь Андронниковъ, графъ Гейденъ-Фрицъ, князь Ггаринъ, Понсетъ, братъ Натали Милутиной, князь Сергѣй Кочу-

бей, Вастень, Токаревъ, Челяевъ, Крузенштернъ, Кулебакины и многіе другіе быстро стали моими добрыми знакомыми.

Тифлисъ, какъ городъ, замѣчательнъ своей наружностью; раскинутый въ котловинѣ, по обоимъ берегамъ быстрѣйшей въ Грузіи рѣки Куры, онъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ высокими скалами. По наружному же виду, по внутреннему образу жизни, по населенію и даже по обычаямъ, Тифлисъ представляетъ смѣсь Европы съ Азіей. Дома строгой европейской архитектуры красуются рядомъ съ восточными постройками и плоскими крышами. На Головинскомъ проспектѣ и Эриванской площади зданія большія, высокія, прекрасно отдѣланныя, съ магазинами всѣхъ европейскихъ національностей, съ галантерейными предметами высшей роскоши и цивилизаціи, а рядомъ армянскій базаръ, гдѣ на узкихъ улицахъ олицетворялась восточная жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ: мастерскія, пекарни, кухни, лавки, кузницы и проч., все это наружу, на виду, съ непрерывной толкотней, вонью, криками на всѣхъ нарѣчіяхъ востока. Въ то время былъ тамъ театръ русскій и армяно-грузинскій, но что удивительнѣе всего—и итальянская опера. Князь Михаилъ Семеновичъ горячо содѣйствовалъ развитію общественной жизни въ Тифлисъ, и благодаря его инициативѣ, скоро европейская цивилизація должна была вытѣснить оттуда остатки полудикихъ обычаевъ Азіи. Балы и праздники у намѣстника и представителей какъ русскаго, такъ и грузинскаго общества по богатству могли соперничать съ обѣими нашими столицами, но по роскошной красотѣ своихъ женщинъ они, конечно, стояли гораздо выше. Общество, окружавшее князя Воронцова, было изысканное. Онъ употребилъ всѣ силы, чтобы привлечь сюда на службу людей съ блистательнымъ положеніемъ, образованіемъ, именемъ и средствами, и, надо сознаться, успѣлъ въ этомъ.

На одномъ изъ обѣдовъ князя я получилъ приглашеніе вечеромъ на грузинскій праздникъ, въ своемъ родѣ очень любопытный и веселый, хотя, къ сожалѣнію, на это собраніе не допустили женщинъ, а приглашенные были одни мужчины, всѣ молодые люди свиты и канцеляріи намѣстника. Въ большихъ, высокіхъ комнатахъ князя Чавчавадзе вся компанія расположилась на тахтахъ и лежа на коврахъ, по восточному обычаю; подавали шербетъ и сласти, играла персидская музыка, которую заглушала пронзительная зурна, а нѣсколько туземцевъ виртуозовъ выводили горломъ непостижимо высокія и протяжныя ноты, убійственно грустнаго тона. Когда на столѣ появился шашлыкъ изъ молодаго барашка въ разныхъ формахъ и видахъ, а вмѣстѣ съ нимъ громадныя горы пилава, четверо бичо втащили за ноги бурдюкъ, т. е. шкуру съ цѣлаго вола, налитую сполна лучшимъ кахетинскимъ виномъ. Не хозяинъ, а избранный тулумъ-башъ князь Тумановъ вступилъ въ свои обязанности и права. Тулумъ-башъ на всѣхъ пиршествахъ

Грузіи есть неприкосновенный деспотъ и распорядитель. Его велѣніямъ должны всѣ подчиняться, и тосты, имъ предложенные, осушаться быстро и безапелляціонно. Когда все общество пришло въ оживленіе, на арену залы вышелъ сначала одинъ, а за нимъ другой изъ туземной аристократической молодежи. Музыка заиграла веселый мотивъ, и ловкіе юноши пустились танцовать лезгинку, подъ хлопанье ладошами въ тактъ всей окружающей публики. Замѣчательно граціозный и вмѣстѣ воинственный танецъ лезгинка! Безъ нея здѣсь не проходитъ празднества какъ у туземцевъ, такъ и у европейцевъ. На балахъ у князя намѣстника, мнѣ рассказывали очевидцы, когда среди французскихъ кадрили, полекъ и вальсовъ вдругъ раздается туземная музыка, и на средину залы выйдутъ танцующія пары для лезгинки, то зрители изъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ бѣгутъ въ залу, а самъ хозяинъ главнокомандующій бросалъ партію свою въ карты и спѣшилъ туда же полюбоваться танцемъ, выполняемымъ обыкновенно мужчиной и женщиной. Послѣднихъ на нашемъ праздникѣ не было, а, всетаки, неподражаемая лезгинка и вино сдѣлали свое — черезъ нѣсколько часовъ во всѣхъ углахъ неподвижно покоились трупы гостей, а посреди комнаты — одного пустаго бурдюка!

Нѣсколько дней спустя, обѣдалъ я опять у намѣстника. Вставъ изъ-за стола, князь съ улыбкой спросилъ меня, нравится ли мнѣ Тифлисъ, веселился ли я, многихъ ли приобрѣлъ знакомыхъ, а затѣмъ, пожимая мнѣ руку, ласковымъ голосомъ добавилъ: «завтра, мой милый Полторацкій, заѣзжай ко мнѣ, мы поговоримъ съ тобою». Когда князь отошелъ отъ меня, я долго не могъ сообразить, о чемъ именно можетъ быть разговоръ его сіятельства главнокомандующаго съ прапорщикомъ Куринскаго полка. Но когда на слѣдующій день князю угодно было потребовать меня изъ пріемной комнаты, гдѣ я съ часъ проболталъ съ дежурнымъ адъютантомъ, — въ кабинетъ свой, я робко вошелъ и раскланялся.

— Садись, милый другъ, и потолкуемъ, — встрѣтилъ меня князь прежней фразой, а затѣмъ продолжалъ: — я увѣренъ, что ты не только стремишься нести честно службу на Кавказѣ, но и теперь желаешь уже принять участіе въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, не такъ ли? А потому я пригласилъ тебя, мой другъ, чтобы передать и мое желаніе объ отправленіи твоёмъ въ полкъ, для участія въ зимней экспедиціи. Когда думаешь ты ѣхать?

— Завтра, ваше сіятельство! — вставъ съ мѣста, доложилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, не завтра, а послѣзавтра, — возразилъ князь. — Я приготовлю съ тобою письмо твоему полковому командиру, барону Меллеръ-Закомельскому, которому тебя отрекомендую и попрошу взять тебя въ экспедицію, а затѣмъ я увѣренъ, что ты, мой другъ, съ честью выйдешь изъ испытанія и вполнѣ заслужишь доброй славы въ отличномъ Куринскомъ полку. Не правда ли? —

любезно протягивая мнѣ руку, спросилъ князь Михаилъ Семеновичъ и тутъ же добавилъ:—А когда ты послужишь во фронтѣ и приобрѣтешь нѣкоторую опытность въ пороховомъ дыму, я съ особеннымъ удовольствіемъ исполню желаніе моего душевнаго друга, графа Павла Дмитріевича, и возьму тебя къ себѣ адъютантомъ.

Три раза обнявъ меня, но еще не простившись со мною окончательно, главнокомандующій отпустилъ меня, съ приглашеніемъ сегодня къ себѣ обѣдать. Послѣ обѣда, вручивъ мнѣ собственноручное письмо свое на имя Меллеръ-Закомельскаго, поцѣловаль три раза, перекрестилъ и простился со мною. Елизавета Ксаверьевна тоже очень любезно протянула мнѣ свою изящную руку и выразила сердечныя пожеланія всего лучшаго. Отъѣздъ мой изъ Тифлиса, конечно, лишаль меня веселой здѣсь жизни и пріятнаго общества, но съ другой стороны вѣдь не бражничать я сюда пріѣхалъ; надо было себя испытать. Глѣбовъ и Васильчиковъ отъ души меня благословили и напутствовали самыми искренними совѣтами. На душѣ у меня было свѣтло, какъ на воздухѣ. Въ этотъ день, 3-го декабря, на солнцѣ было 26° тепла, и на Головинскомъ проспектѣ всѣ барыни гуляли въ однихъ кисейныхъ платьяхъ, а тамъ, за сѣвернымъ склономъ, куда я отправлялся, морозъ и снѣгъ, но Глѣбовъ увѣрялъ, что и тамъ можетъ быть жарко, смотря по ходу экспедиціи.

Обратное путешествіе мое изъ Тифлиса по Военно-Грузинской дорогѣ до Екатеринодара, а затѣмъ по Терской линіи до станицы Червленной, совершилось благополучно. На перекладной отъ Тифлиса до Квишета, на шести парахъ воловъ въ Кайшаурскую анаеескую гору, съ Кайшаура до Ларса на саняхъ и опять на перекладныхъ до Владикавказа—провезли меня безъ всякихъ приключеній въ тридцатичасовой путь. Миновавъ Екатеринодаръ, а съ нимъ вмѣстѣ предѣлъ возмутительной грязи, ямщикъ оправился, подобрался, вскрикнулъ, и лихая тройка вихремъ понесла по гладкой дорогѣ неизмѣримо просторной степи. Гдѣ же эти кавказскія трущобы? Гдѣ черкесы въ ихъ кольчугахъ и злые чеченцы, ползущіе съ кинжалами на берегъ Терека? Терекъ вправо отъ насъ течетъ уже здѣсь широкою рѣкою, но такъ же спокойно и безобидно для проѣзжающихъ, какъ Волга или Тверца въ Тверской губерніи. Быстро проѣхавъ въ два перегона 35 верстъ, мы очутились въ Моздокѣ, болѣе, чѣмъ Екатеринодаръ, имѣвшемъ гражданскія права на званіе города. На улицахъ въ немъ хотя и была та же убійственная грязь повсюду, но и красовалось не мало каменныхъ, даже двухъ-этажныхъ домовъ и лавокъ, а на базарной площади толпилось такое множество народа, всевозможныхъ націй и восточныхъ костюмовъ, что мы съ трудомъ добрались до станціи. Пообѣдавъ здѣсь какимъ-то супомъ и жаренымъ фазаномъ и захвативъ нѣсколько великолѣпныхъ арбузовъ, которыхъ здѣсь въ изобиліи,

я поспѣшилъ выѣхать по дорогѣ къ станицѣ Науръ, гдѣ смотритель задержалъ меня на ночлегъ, причемъ въ видѣ утѣшенія сообщилъ мнѣ, что и пріѣхавшій раньше меня господинъ офицеръ тоже по необходимости остался ночевать на станціи. При извѣстіи, что я силою случайныхъ обстоятельствъ встрѣчаюсь и могу сойтись съ кавказскимъ офицеромъ, можетъ быть, даже и Куринскаго полка, который посвятить меня во всѣ тайны предстоящей драмы въ Чечнѣ,—я не только смиренно покорился, но даже мысленно возрадовался. Перешагнувъ черезъ порогъ указанной мнѣ комнаты, я увидѣлъ растянувшуюся на диванѣ фигуру офицера; при появленіи моемъ онъ вскочилъ на ноги и съ замѣтнымъ удовольствіемъ неожиданной встрѣчи съ новымъ спутникомъ поспѣшилъ отрекомендоваться: «Кременчугскаго егерскаго полка подпоручикъ Дорошенко». Увы, разочарованіе мое было полное! Но по забавному совпаденію обстоятельствъ и російскій офицеръ испытывалъ его въ той же степени. При видѣ входящаго офицера въ буркѣ, башлыкѣ и прочихъ походныхъ принадлежностяхъ, онъ въ полумракѣ счелъ его за закаленнаго въ бояхъ стараго кавказца; но когда этотъ грозный воинъ сбросилъ съ себя доспѣхи, а смотритель внесъ въ комнату свѣчу, г. Дорошенко увидѣлъ передъ собою безусаго прапорщика. Но что дѣлать? Мы одинаково горько ошиблись и, откровенно разъяснивъ ошибку, отъ души расхохотались.

Дорошенко былъ не первой молодости; долго тянулъ онъ ляжку юнкеромъ, а затѣмъ прапорщикомъ, и наконецъ вынулъ жребій ѣхать на годъ на Кавказъ. Нѣсколько часовъ проболтали мы о его житьѣ-бытьѣ въ полку, о службѣ, караулахъ, смотрахъ и парадахъ, и рѣшили дальше продолжать путь вмѣстѣ, такъ какъ намъ обоимъ одинаково приходилось представляться Фрейтагу и Меллеръ-Закомельскому.

10-го декабря, отдохнувъ въ первой попавшейся хатѣ въ Грозной, мы оба облеклись въ парадную форму, въ сущности присвоенную обычаями только на Кавказѣ, а именно: мундиръ безъ эпюлетъ, форменная папахъ, верблюжьяго желтаго сукна съ малиновымъ шелковымъ канаусовымъ очкуромъ, широкіе шаровары, заправленные въ высокіе походные сапоги, чеченская шапка на тонкомъ черезъ плечо ремнѣ и шарфъ съ кистями. Въ этомъ блестящемъ нарядѣ мы долго, но напрасно, хлопотали о средствахъ къ передвиженію въ экипажѣ; всѣ усилія оказались, по неимѣнію такового, тщетными, и волей-неволей пришлось по невообразимой грязи понтировать пѣшкомъ сначала къ коменданту крѣпости, полковнику Невѣровскому, а отъ него къ начальнику 20-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ лѣваго фланга Кавказской линіи, знаменитому Фрейтагу. Невѣровскій насъ принялъ свисходительно-ласково, просилъ присѣсть и въ разговорѣ, между прочимъ, сообщилъ, что командиръ Куринскаго полка Меллеръ-Закомельскій живетъ

постоянно въ штабѣ полка, въ крѣпости Воздвиженской, за 30 верстъ отъ Грозной, но завтра ожидается сюда, для окончательнаго обсуждения съ начальникомъ фланга предстоящей экспедиціи, а слѣдовательно намъ обоимъ надо дожидаться его пріѣзда въ Грозной. Отъ коменданта мы поплелись къ дому его превосходительства начальника дивизіи. Генераль былъ дома. Около четверти часа провозились мы въ передней съ приведеніемъ въ приличный видъ ногъ нашихъ и затѣмъ уже вступили въ залу.

Дорошенко, какъ старшій чиномъ, сталъ правѣе меня, и мы молча и недвижимо стали ожидать появленія начальства. Впереди насъ была анфилада комнатъ, и въ дверяхъ между второй и третьею изъ нихъ, на взгроможденномъ сверхъ стола стулѣ, а сверхъ стула на скамейкѣ, копошилось какое-то живое существо, повидимому, прибывающее молоткомъ портьеру.

Ординарецъ, присѣдая на ципочкахъ, чтобы не произвести сапогами своими непочтительнаго при начальствѣ стука, устремился прямо къ этому призраку, и по докладѣ о нашемъ прибытіи мы услышали отрывистый отвѣтъ: «сейчасъ!», а вслѣдъ затѣмъ увидѣли слѣзающую, какъ съ эшафота, небольшую, лысую фигурку, со спущенными на животѣ военными рейтузами, безъ помочей, безъ галстука, безъ сюртука, въ одной рубашкѣ, быстрыми шагами направившуюся къ намъ. По описанію наружности, но никакъ не по костюму, мы узнали генерала Фрейтага. Легкимъ наклоненіемъ головы и вопросительнымъ на насъ взглядомъ онъ вызвалъ на стереотипный, закономъ указанный, речитативъ:

— Вашему превосходительству честь имѣю явиться, Кременчугскаго егерскаго полка, подпоручикъ Дорошенко, назначенный въ прикомандированіе къ Егерскому князя Воронцова полку, на время зимней экспедиціи.

— Хорошо!—былъ отвѣтъ Фрейтага, уже обратившаго голову ко мнѣ.

— Вашему превосходительству и т. д. прапорщикъ Полторацкій,—проговорилъ въ свою очередь и я.

— Хорошо!—былъ снова лаконическій привѣтъ его превосходительства, не замедлившаго движеніемъ головы показать на дверь, за которой мы и поспѣшили исчезнуть.

Очутившись на улицѣ, мы въ одинъ голосъ разразились въ порицаніяхъ прославленному герою за неблагоклонный пріемъ.

На слѣдующій день, узнавъ о пріѣздѣ командира полка въ Грозную, мы опять облеклись въ парадную форму и съ прежними же маневрами на путикъ дому Меллеръ-Законельскаго побѣдили всѣ жидкія препятствія. Причалили къ берегу, но, увы! на вопросъ, обращенный къ куринцу-ординарцу, дома ли командиръ, получили отвѣтъ: «дома, кушаютъ, ваше благородіе!». Что дѣлать? уходить, чтобы возвратиться опять по грязи, въ наступающихъ сумеркахъ было не-

возможно; рѣшили посидѣть у дома, на заваленкѣ. Проходить полчаса, опять вопросъ и тотъ же отвѣтъ куринца: «еще кушаютъ, ваше благородіе!». Ждемъ еще; въ окнахъ сосѣднихъ домиковъ показались уже огни, на улицѣ же стало темно, хоть глазъ выколи. Опять встаемъ и съ тѣмъ же вопросомъ обращаемся на этотъ разъ не къ ординарцу, а къ партикулярно-одѣтому приличному человѣку.

— Сейчасъ доложу,—отвѣтилъ онъ и черезъ минуту объявилъ:— пожалуйста!

Мы вошли: Дорошенко впереди, я за нимъ. Въ первой комнатѣ, въ столовой, гдѣ еще не убраны были со стола приборы,—сначала ничего не было видно. Съ трудомъ оглядѣвшись, замѣтилъ я вдоль стѣны нѣсколько человѣческихъ фигуръ, а одну—сидящую у окна на стулѣ; во рту у нея былъ длинный чубукъ, а огонь въ трубкѣ служилъ единственнымъ освѣщеніемъ всей комнаты. Тѣнь эта встала и размахистыми шагами, перекачиваясь изъ стороны въ сторону, приблизилась къ намъ.

— Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться, подпоручикъ Дорошенко,—стоя на вытяжку, отчеканилъ мой сожитель.

— Хорошо-съ!—съ прищелкомъ отвѣтила темная тѣнь.

— Господинъ полковникъ, ввѣреннаго вамъ полка прапорщикъ Полторацкій.

— Хорошо-съ!—еще болѣе прищелкнувъ, повторила та же фигура.— Ступайте.

Дорошенко уже повернулъ въ переднюю, а я осторожно, вынувъ изъ кармана письмо князя Воронцова, несмѣлыми шагами подошелъ къ тѣни, уже усѣвшейся на прежнемъ своемъ мѣстѣ.

— Что вамъ угодно?—рѣзко обратилась она.

— Позвольте, полковникъ, передать вамъ письмо,—протягивая руку, скромно промолвилъ я.

— Какое письмо?—чуть не съ крикомъ, еще рѣзче оборвала меня фигура.

— Отъ главнокомандующаго князя Воронцова.

— Алексѣй, Алексѣй, подай скорѣе огня!—закричала вскочившая на ноги тѣнь.—Полторацкій, садитесь, пожалуйста, будьте, cher ami, какъ дома!—нѣсколько разъ повторила засуетившаяся около меня тѣнь, пока двѣ свѣчи, внесенныя Алексѣемъ, не освѣтили его наружности.

Въ то время, какъ онъ распечатывалъ и внимательно разбиралъ не четкое, но длинное письмо князя Михаила Семеновича Воронцова, я успѣлъ разсмотрѣть таинственную до той минуты фигуру Петра Петровича, подъ прямымъ начальствомъ котораго мнѣ, по волѣ судьбы, суждено было начать боевую мою службу. Средняго роста, съ рыжими волосами и того же цвѣта густыми усами, съ лицомъ, сплошь покрытымъ веснушками, но съ очень умными и выразительными глазами, Петръ Петровичъ движеніями и ухватками

своими показался мнѣ сразу какимъ-то развинченнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинально-симпатичнымъ. Вдоволь насмотрѣвшись на него, я окинулъ глазами и остальныхъ.

— Ярцевъ,—сказалъ Меллеръ одному изъ нихъ, не отводя, однако, своихъ глазъ отъ священнаго талисмана, письма князя Воронцова:—прапорщика Полторацкаго приказомъ по полку сейчасъ же зачислить въ 7-ю егерскую роту прибывшимъ къ полку... Съ котораго, mon cher, желаете числа?—обратился онъ ко мнѣ.— Вы вѣдь, вѣроятно, просрочили?

— Нѣтъ, полковникъ, я произведенъ 12-го августа, а сегодня 11-е декабря,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ покажите, Ярцевъ, прапорщика Полторацкаго прибывшимъ въ полкъ до опредѣленнаго срока,—порѣшилъ полковникъ и, взявъ меня за руку, ввелъ въ сосѣднюю комнату.—Садитесь, пожалуйста, mon cher, хотите курить? Расскажите мнѣ про Тифлисъ, про главнокомандующаго, какъ вы доѣхали, какъ устроились. Не нужно ли вамъ чего нибудь передъ выступленіемъ въ экспедицію? Вѣдь я назначилъ васъ, по желанію главнокомандующаго, въ 3-й батальонъ, который идетъ въ походъ, въ 7-ю роту, къ хорошему командиру. А обѣдать прошу васъ являться ежедневно. Да, можетъ быть, вамъ, юноша, нужны деньги?—забрасывалъ меня вопросами командиръ полка любезно, ласково, предупредительно до-нельзя.—Чаю, Алексѣй! Чаю, скорѣе! Вы вѣрно еще не пили?

Черезъ полчаса въ теплой и свѣтлой гостиной барона, за третьимъ стаканомъ чая, поданнымъ въ щегольскомъ сервизѣ, я совершенно былъ въ своей тарелкѣ и, забывъ прежнее смущеніе, откровенно рассказалъ Петру Петровичу о всемъ случившемся со мною со дня отъѣзда изъ Петербурга. Въ два часа ночи, узнавъ о моихъ скудныхъ финансахъ и ссудивъ мнѣ 200 рублей, онъ привѣтливо простился, пригласивъ меня назавтра къ себѣ обѣдать.

«Вотъ оно» письмо-то отъ главнокомандующаго, — думалъ я, входя къ себѣ въ комнату, гдѣ шагаль еще, прозябшій на заваленкѣ, бѣдный подпоручикъ Дорошенко.

На другой день я еще не былъ одѣтъ, какъ вошелъ ко мнѣ поручикъ Ярцевъ, полковой адъютантъ. Онъ пріѣхалъ верхомъ отъ барона Меллера съ порученіемъ научить меня уму-разуму, другими словами подробно объяснить мнѣ все, о чемъ заблаговременно я долженъ позаботиться къ завтрашнему выступленію въ экспедицію, а именно: покупкой верховой лошади, сѣдла, полушубка и прочихъ хозяйственныхъ мелочей. Съ его помощью я за 24 рубля купилъ очень хорошее съ полнымъ приборомъ кабардинское сѣдло и за 35 рублей добраго коня, хотя и не кабардинскаго. Къ вечеру я уже былъ готовъ. На другой день, на разсвѣтѣ, выступили мы

изъ Грозной, переправились черезъ Сунжу и среди Алдинскихъ хуторовъ соединились съ Фрейтагомъ. Люди шли бодро и весело, но безъ пѣсенъ и громкихъ разговоровъ. Всюду царил тишина, спокойствіе и нѣкоторая торжественность. Мы вступили въ предѣлы непріятели—Малую Чечню. Фрейтагъ на ворономъ конѣ, извѣстномъ въ краѣ своимъ ходомъ, двигался вслѣдъ за линейцами, впереди пѣхоты и, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, упорно хранилъ молчаніе. Гдѣ-то былъ онъ мысленно? Впереди среди видящихся Чеченскихъ хуторовъ или позади въ будуарѣ своей молодой жены? Я съ любопытствомъ разсматривалъ фигуру и осанку знаменитаго кавказскаго бойца, такъ непохожаго теперь на нѣжнаго поклонника прекраснаго пола... Гурьбой за нимъ толпилась свита его, среди которой, въ двухъ шагахъ отъ генерала, молодецъ-казакъ съ крестомъ и бантомъ везъ значекъ большой, бѣлой, шелковой матеріи, съ вышитымъ фамильнымъ гербомъ его. У линейцевъ-казаковъ тоже въ каждой сотнѣ на высокихъ древкахъ яркихъ цвѣтовъ значки развѣвались по вѣтру и очень оживляли общую картину. Увидѣвъ меня, Меллеръ подозвалъ меня къ себѣ и со словами: «поѣдемте со мною!»—пустился къ своей колоннѣ. Указавъ рукою въ лѣвую отъ насъ сторону, онъ обратился ко мнѣ: «вонъ 3-й батальонъ, ступайте туда и тамъ найдете 7-ю роту». Ёду по назначенному направленію и, встрѣтивъ на пути двухъ солдатиковъ, спрашиваю ихъ, гдѣ командиръ 3-го батальона. «А вотъ они, ваше благородіе, стоятъ верхомъ, въ шинели!»—Тогда только замѣтилъ я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя оригинальную по наружности фигуру, въ длинной съ кашюшономъ шинели, въ папахѣ на самомъ затылкѣ и съ длиннымъ хлыстомъ въ рукѣ. То былъ подполковникъ Ѳома Васильевичъ Костырко, ветеранъ кавказскій, старѣйшій курионецъ, командиръ 3-го батальона. Приложивъ руку къ папахѣ, я явился ему по общепринятой формѣ, но къ удивленію замѣтилъ, что неожиданность моего появленія какъ будто бы смутила его. Поправивъ рукою папаху и при этомъ почесавъ себѣ голову, Костырко несвязно проговорилъ: «Да, да, да, да, я уже знаю, баронъ уже говорилъ, да—да, въ 7-ю егерскую роту, такъ, такъ! да, да, вонъ она!»—и, хлыстомъ указавъ мнѣ направленіе, круто повернулъ лошадь и сталъ ко мнѣ спиной.—«Что за оригиналъ?»—подумалъ я, подѣзжая къ указанной мнѣ кучкѣ солдатъ, стоявшихъ тутъ невдалекѣ. Я впился глазами въ эти фигуры, достойныя удивленія и той громкой славы, которая гремитъ о нихъ на всемъ Кавказѣ... Со вниманіемъ разсматривалъ я ихъ энергическія лица, осанку и костюмы. Всѣ до одного были въ исправныхъ дубленыхъ полушубкахъ, папахахъ чернаго курнея, въ высокихъ сапогахъ по колѣно, а черезъ плечо въ черныхъ ремняхъ, поддерживающихъ поясные патронташи; у каждаго въ рукахъ было со штыкомъ ружье, которое держали они свободно, у

ноги. Нѣсколько минутъ я любовался этими молодцами, какъ вспомнилъ, что надо прежде всего представиться командиру роты, о которомъ я уже такъ много слышалъ и отъ начальства, и отъ сослуживцевъ его, а потому, увидѣвъ отдѣльно стоявшаго человѣка, въ такомъ же полушубкѣ, какъ были всѣ остальные, и не разсмотрѣвъ, что вмѣсто ружья у него была черезъ плечо пашка, я обратился къ нему съ вопросомъ: «Любезный, а гдѣ здѣсь ротный командиръ?» — «Я-съ ротный командиръ. Что вамъ угодно?» — скромно отвѣчалъ мнѣ подпоручикъ Греченевскій. Смущенный своею неловкостью, я соскочилъ съ лошади и, желая поправить свою невѣжливость, поднялъ руку къ папахѣ и только успѣлъ сказать: «Господинъ подпоручикъ, имѣю честь...» — какъ онъ схватилъ меня за руку и въ самыхъ радушныхъ выраженіяхъ сталъ упрекать въ излишнихъ, нигдѣ на Кавказѣ не принятыхъ формальностяхъ и кончилъ свою не краснорѣчивую, но сердечную рѣчь предложеніемъ жить и служить потоварищески, дружно; при этомъ онъ успѣшилъ объявить мнѣ, что самъ полковникъ ему уже говорилъ обо мнѣ, и что онъ весьма доволенъ и польщенъ назначеніемъ меня въ 7-ю роту.

— Почему же вы довольны, господинъ подпоручикъ?

— Не называйте меня такъ, это у насъ не принято: я-съ Александръ Григорьевичъ, а попросту Греченевскій,—радъ же очень, что вы назначены ко мнѣ потому, что въ ротѣ нѣтъ настоящаго субалтернъ-офицера, то-есть, если хотите, есть одинъ, да болѣзненный и для службы совсѣмъ бесполезный. Вотъ и теперь его нѣтъ на лице. А васъ-то я еще немного побаивался,—тихимъ голосомъ прибавилъ Греченевскій.

— Меня побаивались? Почему же?—съ изумленіемъ спросилъ я.

— Да вѣдь вы, говорили мнѣ, аристократъ.

— Какъ? Чѣмъ? Объясните Бога ради!

— Да какъ же, вѣдь вы изъ Пажескаго корпуса, значить сынъ генерала, да притомъ и фамилія, и связи, и все прочее... да вотъ хоть бы и шинель у васъ съ бобрами, а мы вѣдь голь отпѣтая, мы-съ безъ образованія.

Я остановилъ потокъ рѣчей его искренними увѣреніями въ моемъ къ нему уваженіи и, тотчасъ же попросивъ его познакомить меня съ его лихою ротой, какъ видно, доставилъ ему этимъ большое удовольствіе.

Пока мы, усѣвшись на барабанахъ, болтали съ Греченевскимъ, люди 7-й роты развели костры и разбили палатки. Принесли приказаніе: на завтрашній день, въ 8 часовъ утра колонна въ составѣ трехъ батальоновъ Егерскаго князя Воронцова полка, восьми орудій и полка кавалеріи подъ командой полковника Меллеръ-Закомельскаго назначалась идти жечь непріятельскіе аулы, слѣдовательно вѣрно ожидается дѣло.

Наступило это завтра, 15-е декабря. Въ этотъ день я узналъ, что такое опасность, и сдѣлалъ экзаменъ самому себѣ. Подробно помню я мое первое дѣло. Было еще темно, когда я вскочилъ на ноги, одѣлся, вооружился, у костра выпилъ стаканъ горячаго чаю и нетерпѣливо ожидалъ выступленія нашего батальона. Скоро зашевелились всѣ роты, выстроились и двинулись впередъ, послѣ чего, сомкнувшись въ общую колонну, встрѣтили барона Меллера. Онъ торопливо объѣхалъ роты, поздоровался съ ними и повелъ впередъ, но куда?—никто опредѣлить не могъ, такъ какъ кругомъ была мгла, туманъ ложился сильный, въ воздухѣ было сыро, моросилъ мельчайшій дождь. Впереди за Меллеромъ и его проводниками, вслѣдъ за кавалеріей, шель 1-й батальонъ нашъ, за нимъ 2-й и 3-й. Разсыпанные стрѣлки отъ ротъ 1-го батальона, съ ихъ резервами, тотчасъ же исчезли у насъ изъ виду; мѣстность была пересѣченная, лѣсистая. Мы шли усиленнымъ шагомъ, солдатамъ случалось даже бѣжать, чтобы не отстать отъ переднихъ и не потерять направленія пути. Въ двухъ шагахъ въ сторону нельзя было разглядѣть окружающей мѣстности; знаю только, что изъ лѣсу мы шли, или полубѣжали, по полянамъ, потомъ опять лѣсомъ, опять полянами; на дорогѣ нашей встрѣчались одиночныя чеченскія сакли, со свѣжими признаками недавняго жилья въ нихъ; но мы не останавливались, спѣшили впередъ и совершенно неожиданно наталкивались на остановившіяся впереди части. Опять маршъ! Двигаемся впередъ то медленно, то бѣгомъ; растягиваемся по узкому пути, а, выйдя на поляну, чтобы стянуться, бѣжимъ опять со всѣхъ ногъ. Опредѣлить время и пройденное пространство было бы невозможно. Стало нѣсколько свѣтлѣе въ воздухѣ, туманъ рѣдѣлъ, и сквозь него иногда и кое-гдѣ различались фигуры солдатъ сосѣднихъ ротъ.

Насъ остановили. Батальонъ въ ротныхъ колоннахъ взялъ ружья къ ногѣ и отъ безтолковой бѣготни перевелъ духъ. Ома Васильевичъ Костырко, на томъ же, какъ и вчера, конѣ, въ той же шинели, съ хлыстомъ въ рукѣ, еще глубже насунувъ папаху свою, смотрѣлъ какъ-то сумрачно и, не обращаясь ни къ кому отдѣльно, непрерывно шевелилъ губами и что-то шепталъ себѣ подъ носъ. Греченевскій, очень сосредоточенный, обходилъ ряды своей роты, о чемъ-то внушительно толкуя въ полголоса съ унтеръ офицеромъ. Бернардъ съ Оболенскимъ въ сосѣдней 8-й ротѣ тянули изъ фляги водку, закусывая холодною курицей, разложенной кусками на бумагѣ на ротномъ барабанѣ. Солдатики садились на корточки и, застилая съ вѣтренной стороны свои полушубки, зажигали отсырѣвшія сѣрныя спички и закуривали тютюнъ въ безобразно короткихъ своихъ трубочкахъ. Не разъ сквозь густой туманъ виднѣлись намъ одиночныя всадники, подѣзжавшіе къ Костыркѣ и тотъ-

часть же снова исчезавшіе. Но вотъ выстрѣлъ, одинъ, другой, точно щелкнули орѣхи: звукъ короткій и сухой. А нѣсколько секундъ спустя раздаются выстрѣлы громкіе и протяжные. «Ага, вотъ онъ начинается!»—послышалось въ рядахъ. И точно: щелкнувшіе орѣхи оказались чеченскими выстрѣлами изъ винтовокъ, а звукъ протяжный—изъ нашихъ кремневыхъ ружей. «3-й батальонъ, въ поль-оборота налѣво, впередъ, бѣгомъ!»—торопясь передалъ Костыркѣ подскакавшій поручикъ Ярцевъ, и въ мгновеніе роты одна за другой бѣжали, путались, спотыкались. Впереди раздающіеся выстрѣлы трудно различить: чеченскіе и наши слились въ одно, и въ ушахъ раздавалась общая, единая трескотня... Выбѣжавъ на ближайшую поляну, батальонъ развернулся фронтомъ, въ ротныхъ колоннахъ, карабинеры на правомъ флангѣ, а 9-я рота на лѣвомъ, тутъ же вызваны стрѣлки въ цѣпь. Я повелъ своихъ 7-й роты, въ связи съ цѣпью слѣва 8-й роты и имѣя съ правой стороны 3-ю карабинерную роту при двухъ полевыхъ орудіяхъ.

Впереди насъ увидѣли мы разбросанныя сакли, на этотъ разъ не пустыя. Между ними замелькали тѣни, и при приближеніи нашемъ щелканье орѣшковъ разъяснило положительно, въ чемъ дѣло. Не отвѣчая на первые выстрѣлы, мы ринулись впередъ и, занявъ сакли, оттѣснили чеченцевъ въ лѣсъ, примыкающій къ самымъ хуторамъ. Приказывать, указывать и распоряжаться мнѣ не приходилось. Люди мои такъ твердо знали дѣло свое, такъ проворно и находчиво занимали мѣстныя прикрытія и съ такою увѣренностью и хладнокровіемъ осматривали свои ружья, готовясь встрѣтить непріятеля дружнымъ свинцовымъ гостинцемъ, что мнѣ пришлось только удивляться и самому учиться у нихъ. Но вотъ чаще защелкали пули, открыли огонь и наши, пошла потѣха опасная, страшная... но опяняющая. За цѣпью, шагахъ въ полтораста сзади, спокойно стояли резервы нашихъ ротъ. Обернувшись къ нимъ, я увидѣлъ Греченевскаго, посылавшаго горниста взять у меня лошадь, такъ какъ она при препятствіяхъ въ занятой нами мѣстности стѣсняла всѣ мои движенія. Проворно соскочилъ я и пѣшкомъ пошелъ вдоль цѣпи. Перестрѣлка разгоралась съ обѣихъ сторонъ. Подходя къ четвертой парѣ, я увидѣлъ пошатнувшася солдатика: со стономъ выронилъ онъ изъ рукъ ружье свое и грохнулся на землю. Подбѣгаю узнать, въ чемъ дѣло: раненъ бѣдный въ животъ пулей. Унтеръ-офицеръ Ефремовъ живо распорядился унести раненаго къ резерву. Пули щелкаютъ близко и почти непрерывно. Туманъ, немного порѣдѣвшій, отъ пороховаго дыма становится еще гуще и плотнѣе. Въ десяти шагахъ впереди нельзя ничего разсмотрѣть, и наши пули пускаются въ тьму, наугадъ, безъ всякаго прицѣла. А чеченцы близко: ихъ голоса, крики и ругань слышны внятно. «Не зѣвай, ребята!»—рѣшился наконецъ и я вставить внушеніе свое солдатамъ...

— Прапорщикъ Полторацкій! Гдѣ прапорщикъ Полторацкій?— неистово кричалъ въ туманѣ голосъ слѣва.

Спѣшу въ ту сторону и вижу бѣгущаго ко мнѣ штабсъ-капитана Бернарда.

— Бога ради, прикажите вашимъ лѣво-фланговымъ не отрываться отъ моихъ! Бѣда будетъ при отступленіи!—предсказывалъ разгоряченный эксъ-гусарь.— Съ моими стрѣлками въ цѣпи князь Оболенскій, не теряйте, Христа ради, ихъ изъ виду.

Отдавъ приказаніе лѣво-фланговому унтеру быть постоянно въ связи со стрѣлками 8-й роты, я повернулъ назадъ и пошелъ вдоль своей цѣпи. Солдаты зорко всматривались передъ собою и, только что замѣчали мелькавшія въ туманѣ тѣни, вскидывали ружья и пускали пулю. Со всѣмъ тѣмъ, проходя мимо самыхъ паръ, я замѣтилъ, что при приближеніи моемъ они съ видимымъ любопытствомъ глядѣли на меня, изучали мое состояніе духа... На душѣ было жутко. Раненыхъ прибывало ежеминутно. На глазахъ вотъ двое убито наповаль, а третій Мамченко, падая возлѣ меня съ разбитою въ дребезги головою, мозгами своими обрызгалъ мой полубубокъ. Я вынулъ платокъ и обтеръ имъ платье, повидимому, невозмутимо, но сердце стучало сильно, и подлѣя кошки скребли его... Въ эту минуту я не взглянулъ на ближайшихъ ко мнѣ людей, но инстинктивно чувствовалъ, что всѣ взоры ихъ непремѣнно устремлены на меня, и что репутація моя теперь, въ эту минуту, поставлена на карту. Облегчивъ свои нервы, я твердымъ голосомъ и громко сказалъ: «Царство ему небесное, братцы!». Человѣкъ пять сняли шапки, перекрестились, но никто не молвилъ слова, со всѣмъ тѣмъ я уже чувствовалъ нѣкоторую побѣду надъ собою и надъ ними...

Направившись къ правому флангу моей цѣпи, я наткнулся на близъ стоящую карабинерную роту, среди которой въ ухарской позѣ громко ораторствовалъ усатый Доможировъ. Прикрытый спереди высокою саклей, онъ избралъ себѣ, ротѣ и орудіямъ безопасное мѣстечко и, не принимая къ сердцу положенія сосѣднихъ цѣпей нашихъ, какъ у себя дома, распоряжался закуской своей. Меня поразило его равнодушное бездѣйствіе, о чемъ я и сказалъ ему, но получилъ въ отвѣтъ: «вотъ при отступленіи я вамъ покажу себя и каковы орудія мои, а теперь еще рано». Я слѣпо повѣрилъ ему и отошелъ къ срединѣ моей цѣпи. Подѣхалъ Греченевскій узнать, все ли у меня благополучно, и, отозвавъ меня отъ солдатъ, на нѣсколько шаговъ въ сторону, не обращая вниманія на летающій рой пуль, отчетливо передалъ мнѣ приказаніе: когда будетъ поданъ сигналъ къ отступленію, вести людей какъ можно тише и въ порядкѣ, строго слѣдя за равеніемъ цѣпи. «Поддерживать васъ я буду, но вмѣшиваться въ ваши распоряженія не стану»,—добавилъ онъ, уѣзжая. Черезъ нѣсколько времени

по приказанію начальника колонны вспыхнули всѣ окружающія насъ сакли. Туманъ, дымъ пороховой и дымъ пожарища сгустили воздухъ до неимоверной степени. Вѣтеръ урывками наносилъ на насъ тучи чернаго дыма, который страшно ѣлъ глаза; хаосъ спереди и съ боковъ, а стрѣльба не умолкаетъ, напротивъ крики чеченцевъ слышны отчетливѣй и гораздо ближе. Раздается сигналъ отступленія. Не успѣли стрѣлки мои сдѣлать и пяти шаговъ назадъ, какъ раздались отчаянные крики чеченцевъ, и оглянувшись мы ясно увидѣли громадную толпу ихъ, съ обнаженными пашками, бросившуюся вслѣдъ за нами. «Стой, налѣво кругомъ!»—громко на всю цѣпь закричалъ я, и солдаты ружейнымъ огнемъ, а нѣкоторые штыками, отбили яростный натискъ, но не успѣли мы отойти и десяти шаговъ, какъ крикъ тысячи шакаловъ оглушилъ воздухъ, и чеченцы насѣли на насъ снова. Впереди ихъ, въ бѣлой чалмѣ мулла, прыгая, какъ звѣрь, и громко вызывая къ сынамъ Магомета, собственнымъ примѣромъ увлекалъ ихъ за собою. Насъ раздѣляло шаговъ 10, много 15. «Стой, стой, стой! Налѣво кругомъ, ура!»—крикнулъ я, бросаясь назадъ... «Ура, ура, ура!»—услышалъ я сзади себя и дѣйствительно, оглянувшись, увидѣлъ, какъ за мною вся цѣпь перешла опять въ наступленіе и снова ударила въ штыки. Исходъ былъ тотъ же. Съ быстротой улетучились чеченцы и будто провалились сквозь землю. «Вотъ бы теперь ихъ картечью», мелькаетъ въ мысляхъ у меня, но орудій нашихъ не видно, не слышно, напротивъ, унтеръ-офицеръ Подколодный съ праваго фланга цѣпи бѣжитъ ко мнѣ и въ смущеніи докладываетъ, что 3-я карабинерная рота съ орудіями давно уже отступила, и что справа у насъ нѣтъ никого, а непріятель сильно насѣдаетъ. Я сейчасъ же стянулъ недостающія пары къ моему обнаженному флангу и приказалъ отступать. Оставалось до открытой поляны шаговъ двѣсти, но до нея надо было пройти между пылающими саклями и плетнями. Здѣсь услѣдить за порядкомъ отступленія было крайне трудно, даже невозможно. Я запыхался и въ нѣсколько минутъ потерялъ голосъ. Едва горцы замѣтили опять наше движеніе, какъ густою толпою съ пронзительнымъ, потрясающимъ гикомъ снова ударили въ пашки. «Стой, налѣво кругомъ!»—что было силы, крикнулъ я, но не всѣ люди мои исполнили приказаніе, нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы не слышавъ словъ моихъ, удвоили шаги по направленію къ резерву. «Стой!»—изо всей мочи, осипшимъ голосомъ повторилъ я команду, но и на этотъ разъ было тоже. «Стой, а то убью»,—заревѣлъ я въ изступленіи, уже видя наступающихъ чеченцевъ въ пяти шагахъ отъ цѣпи... Но паника взяла свое, и я уже предвидѣлъ роковую развязку... Не одни только передніе солдаты прибавляли шагу, но и всѣ остальные въ поспѣшномъ отступленіи видимо искали своего спасенія. Крики мои не помогали, а во что бы то ни стало надо было остановить оро-

бѣвшихъ людей. Впереди одинъ струсившій окончательно солдатикъ пустился бѣжать. Примѣръ этотъ грозилъ общемою гибелью... Я выхватилъ пашку и, бросившись за нимъ, въ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ черезъ горящія головни и тлѣющій плетень нагналъ его и со всего маху нанесъ ему по плечу ударъ. Клинокъ, разрубивъ ремень и полубубокъ, какъ по маслу, дошелъ до поясицы. Ударъ былъ смертельный... Какъ снопъ, свалился несчастный къ ногамъ моимъ, и я съ трудомъ и ужасомъ выдернулъ изъ него пашку, обагренную теплою, алою кровью... Мгновенно отрезвленный убійствомъ, я былъ пораженъ; сердце во мнѣ остановилось, но... моментально остановилась и вся цѣпь моя. «Ура, ура!» — раздались крики въ рядахъ, магическою силой обращенныхъ снова лицомъ къ чеченцамъ. «Ура!» — послышался мнѣ внятно голосъ Греченевскаго... Нѣсколько минутъ спустя, я вздохнулъ свободно, непріятель отсталъ отъ насъ, и я со взводомъ своимъ вышелъ изъ ада на поляну, среди которой стояла 7-я рота. «Ура, Полторацкому, и вамъ, ребята!» — поднявъ шапку, вскрикнулъ Греченевскій. Выѣстъ съ командиромъ все люди 7-й роты были очевидцами происшедшей драмы, но приняли ее посвоему. Греченевскій соскочилъ съ лошади и бросился обнимать меня, а старые солдаты вслухъ повторяли: «молодецъ, ай да молодецъ!». Мои же нервы были жестоко потрясены всеѣмъ случившимся. На обратномъ пути къ лагерю извѣстіе это быстро разнеслось. Меллеръ, переговоривъ съ Греченевскимъ, тоже подѣхалъ ко мнѣ и, подавъ мнѣ руку, во всеуслышаніе сказалъ: «Поздравляю васъ съ крещеньемъ въ бою! Вы были совершеннымъ молодцомъ и со славою понюхали пороку». Фрейтагъ также выразилъ мнѣ свое одобреніе. Погибшій отъ руки моей Ковальчукъ, прости мнѣ смерть свою! Потеря въ трехъ взводахъ нашего батальона была свыше 40 человекъ. Но отчего произошла она, когда при поддержкѣ насъ дѣйствіемъ артиллеріи мы могли бы отступить благополучно? Разъясненіе сначала передавалось шепотомъ, а потомъ и громко. Доможировъ, какъ только зажглись сакли, подѣ предложомъ опасенія взрыва ящиковъ со снарядами, заблагоразсудилъ улепетнуть съ ротою и орудіями во svoysi въ самую критическую минуту нашего отступленія.

Снова вернулись мы въ Алдинскіе хутора. Погода стояла холодная, днемъ еще сносная, но ночью, особенно передъ разсвѣтомъ, совсѣмъ жутко становилось. Солдатики вырыли среди моей палатки яму и съ вечера наносили жаръ, т. е. горячіе уголья, прямо на лопатахъ изъ костровъ своихъ, а во избѣжаніе угара посыпали ихъ поваренной солью. Безъ всякаго приказанія съ моей стороны они постановили между собою, «жалѣючи своего прапорщика», попеременно носить жаръ въ яму, и я, благодаря имъ, могъ даже спать раздѣвшись, какъ дома. Время проходило въ постоянныхъ тревогахъ и экскурсіяхъ; отражали набѣги кабардинцевъ, навагинцевъ и опять

чеченцевъ; мѣстность кругомъ Алдинскихъ хуторовъ все пустѣла: аулы сожигались, и ихъ обитатели оттѣснялись дальше въ лѣса. Цѣль экспедиціи въ Малой Чечнѣ была достигнута вполне и съ незначительною потерею. Теперь черкесы были лишены возможности безнаказанно уходить обратно въ лѣтнее время въ трупцы свои въ Алдахъ, такъ какъ плоскость Малой Чечни въ треугольникѣ между крѣпостями Грозной, Воздвиженской и Закать-Юртомъ очищена совершенно отъ жилищъ и лѣсовъ. Отданъ былъ приказъ къ возвращенію въ Грозную и Воздвиженскую. Переправа черезъ Сунжу совершилась благополучно, не смотря на немолкаемый огонь чеченцевъ. Въ Грозной мы пробыли только день и двинулись въ Воздвиженскую, гдѣ и пришлось коротать скучнѣйшее мирное время. Самое положеніе крѣпости безотрадное. За стѣнами къ Грозной прилегаетъ степь, къ Аргунскому ущелью дремучій лѣсъ, а за р. Аргуномъ хищное гнѣздо злѣйшихъ враговъ нашихъ на всемъ Кавказѣ — жителей Большой Чечни. За крѣпостныя ворота выйти было нельзя изъ опасенія быть подстрѣленнымъ, какъ ворона; даже въ мирные аулы, построенныя подъ самой крѣпостью, ходить было строго воспрещено, слѣдовательно не только охота, но и всѣ остальные развлечения деревни здѣсь были не мыслимы. Журналы и письма приходили съ оказіей, и то устарѣлыя, съ двухнедѣльными новостями. Годъ подходилъ къ концу, но впереди предвидѣлось мало разнообразія. Оказіи или командировки частей въ лѣсъ за дровами и строительнымъ матеріаломъ набивали оскомину самымъ терпѣливымъ, а прогулки въ лѣсъ бывали черезъ день и съ утра до вечера, подъ дождемъ и снѣгомъ или густымъ туманомъ. Всегда коварные чеченцы мастерски пользовались выгодными для нихъ обстоятельствами, чтобы нанести намъ существенный вредъ. Зная отлично незнакомую намъ въ ихъ дремучихъ лѣсахъ мѣстность, чеченцы подползали незамѣтно къ нашимъ цѣпямъ и, увидавъ оплошность солдатъ, какъ хищные звѣри, бросались на свои жертвы и безпощадно рубили и кололи несчастныхъ зѣвакъ. Поэтому требовалось непрерывно-напряженное вниманіе, конечно, очень утомительное для солдата. Въ лѣсъ ходило всегда шесть ротъ при двухъ орудіяхъ, которыя сразу строились ящикомъ, среди котораго помѣщались повозки; кромѣ того, вездѣ въ чащѣ разставлялись сторожа изъ стрѣлковъ попарно. Чинарь и карагачъ гигантскихъ размѣровъ падали подъ ударами сотенъ топоровъ, тутъ же распиливались и съ дружнымъ крикомъ вваливались на распуски, запряженныя тройками полковыхъ лошадей. Матеріала требовалось много, такъ какъ Меллеръ строилъ въ этомъ году новыя, просторныя и свѣтлыя казармы на каждую роту отдѣльно и самъ съ утренней зари былъ на ногахъ и бѣгалъ по всѣмъ закоулкамъ крѣпости.

III.

1847-й годъ.—Отпускъ Греченевскаго и назначеніе меня командующимъ 7-й ротой.—Окложію.—Набѣгъ Дубы.—Смерть Сухецаго.—Мщеніе—тризна по павшимъ товарищамъ въ аулѣ наба.—Одобреніе намѣстника.—Пріѣздъ его и свиданіе съ нимъ въ Сунженской станицѣ.—Иедлинскій.—Представленіе главнокомандующему въ Грозной.—Обѣдъ; вѣсти о Русановѣ.—Отказъ взять меня подъ Гергебиль.—Отпускъ.—Свиданіе съ матерью и графомъ Киселевымъ.—Разочарованіе и обида.—Возвращеніе въ Воздвиженское.—Жизнь съ Ушаковымъ и Голицынымъ.—Разказы о Гергебилѣ.—Смерть Миши Глѣбова.—Холера на Кавказѣ.

Перваго февраля уѣхалъ въ отпускъ Греченевскій послѣ пятилѣтней разлуки съ семьей, а наканунѣ состоялся приказъ о назначеніи меня командующимъ 7-й ротой; я былъ очень этимъ польщенъ, сожалѣлъ только, что подъ командой у меня не было офицеровъ: *j'étais seul et unique dans mon genre* въ 7-й егерской ротѣ. Пріѣдя однажды къ барону утромъ съ донесеніемъ, я засталъ у него новаго подпоручика—Окложію; тутъ я вспомнилъ, что въ бытность мою въ Тифлисѣ въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ, проѣзжая по Головинскому проспекту, я замѣтилъ проходящаго по тротуару статнаго, высокаго, въ очень оригинальномъ костюмѣ: фескѣ, широкой бѣлой юбкѣ, яркихъ шароварахъ и гетрахъ, красиваго собою черногорца. Изъ богатой шали кушакъ его, за которымъ былъ воткнутъ дорогой съ золотою насѣчкою кинжалъ, прочее блестящее оружіе и общій воинственный видъ чужеземца привлекали вниманіе встрѣчной публики, а толпа любопытныхъ мальчишекъ неотвязно слѣдила за нимъ. Въ тотъ же вечеръ, на мои разспросы, князь Сергій Васильчиковъ сообщилъ мнѣ, что это черногорецъ по фамиліи Окложію фонъ Кокбургъ (почему было послѣднее прилагательное, онъ, впрочемъ, объяснить не сумѣлъ), австрійской службы подпоручикъ, желающій перейти на нашу службу, и что князь-намѣстникъ, въ силу ходатайства о немъ сестры своей леди Пемброкъ, вошелъ въ Петербургъ съ представленіемъ о принятіи Окложію въ егерскій его имени полкъ, въ томъ же подпоручичьемъ чинѣ. И дѣйствительно объ этомъ состоялся Высочайшій приказъ, и Окложію явился въ нашъ полкъ, но уже не въ національной своей юбкѣ, а въ мундирѣ Куринскаго полка, который съ непривычки онъ носилъ далеко не съ тою граціей, какъ свой оригинальный. Окложію порусски не зналъ ни единого слова и съ командиромъ объяснялся на ломанномъ французскомъ языкѣ, что, однако, не помѣшало Меллеру не только хорошо понять, но и очень ласково обойтись съ нимъ по той же причинѣ, которая такъ рѣзко измѣнила его тонъ при пріемѣ и меня въ Грозной, т. е. по милости собственноручно писанной рекомендаціи князя Воронцова. Окложію зачислили въ 1-й батальонъ и въ числѣ немногихъ избранныхъ пригласили ежедневно бывать и обѣдать.

Нѣсколько дней спустя, утромъ, когда я еще лежалъ въ постели и спокойно попивалъ чай, мой кейфъ внезапно былъ нарушенъ возгласомъ: «тревога!». Въ нѣсколько секундъ я вскочилъ, одѣлся и поскакалъ на площадь; моя 7-я рота, запыхавшись, уже выбиралась изъ низоваго укрѣпленія на кручу. Что случилось? Гдѣ непріятель? Оказалось нападеніе на нашихъ въ лѣсу близъ Аргунскаго ущелья. Выскочивъ съ ротой за Чахъ-Кириискія ворота и соединившись по дорогѣ съ 6-ю ротой поручика Шидловскаго, мы устремились на выручку нашей колонны. Приближаясь къ лѣсу, мы отчетливо слышали ружейную и орудійную пальбу, а дальше и крики нападающихъ, стоны умирающихъ и раненыхъ. У опушки лѣса мы пустились бѣжать по плохо наѣзженной лѣсной дорогѣ, перепрыгивая черезъ поваленныя деревья и подготовленные края. Наконецъ наткнулись на нѣсколько солдатъ 2-й карабинерной роты и, между прочимъ, на юнкера Желтухина. Боже, въ какомъ видѣ былъ злополучный юноша! Блѣдный, пѣна у рта, все лице, замаранное порохомъ, онъ въ изступленіи не могъ дать мнѣ должнаго объясненія, бессильно махая руками и что-то бормоча. Сосѣдній съ нимъ карабинеръ тоже не совсѣмъ ясно доложилъ мнѣ, «что онъ (непріятель) напалъ на ихъ цѣпь и пашками зарубилъ командира и видимо-невидимо карабинеровъ»... Дальше представилось раздражающее зрѣлище. Около оставшихся въ живыхъ людей 1-го взвода лежала большая груда тѣлъ, порубленныхъ на смерть солдатъ 2-й карабинерной роты, а впереди ихъ обезображенный трупъ храбраго капитана Сухецакаго. Тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ на перевязочномъ пунктѣ охали и стонали раненные, всѣ безъ исключенія холоднымъ оружіемъ. Подѣзжая къ нимъ, я встрѣтилъ двухъ конныхъ «гаврилычей» (такъ зовутъ на Кавказѣ донскихъ казаковъ). Они на длинной веревкѣ волокли за собою привязанный за голыя ноги истерзанный трупъ чеченца, бритая голова котораго вся въ крови и грязи, съ открытыми глазами, подпрыгивала по неровностямъ дороги... Это было мщеніе надъ единственнымъ трофеемъ неравносильнаго боя.

Пальба утихла, непріятеля не было ни видно, ни слышно. Онъ сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ восвояси. Начальникъ колонны, линейнаго баталіона майоръ Ароновъ, сумрачный и совершенно растерянный, молча, какъ автоматъ, сидѣлъ на пнѣ; не завидно было въ ту минуту положеніе злополучнаго полководца. Когда, наконецъ, тронулась колонна въ обратный путь къ Воздвиженскому, впереди вытянулись донцы, прискакавшіе въ лѣсъ на тревогу; въ поводу вели они тощихъ коней своихъ съ перекинутыми черезъ сѣдла пятидесятью трупами павшихъ карабинеровъ, а вслѣдъ за ними на рукахъ несли куринцы еще до 30 раненыхъ товарищей своихъ... Случилось это такъ: баронъ Меллеръ, имѣя часть своего полковаго хозяйства на Терской линіи, отправился черезъ Гроз-

ную въ станицу Щедринскую, передавъ на время командованіе линейнымъ баталіономъ полковнику Гюлингу. Вопреки инструкціи, данной Меллеромъ, ничего не изобрѣтать новаго въ его отсутствіе, Гюлингъ вздумалъ выкинуть особенную штуку.

Вечеромъ 26-го февраля, узнавъ отъ лазутчиковъ, что сосѣдній намъ набѣгъ Дуба собралъ большую партію и тронулся съ нею за Сунжу, черезъ Малую Чечню, Гюлингъ, думая похвастать своею распорядительностью, отправилъ колонну въ 6 ротъ подъ начальствомъ неопытнаго Аронова въ цѣльный, никому изъ насъ незнакомый, участокъ дремучаго лѣса, близъ самаго Аргунскаго ущелья. Чеченцы напали такъ неожиданно, такъ изумительно быстро на цѣпь, что большинство карабинеровъ не успѣли даже дать хоть одинъ выстрѣлъ, а самъ ихъ капитанъ Сухецкій не имѣлъ времени даже сбросить бурку и обнажить пашку, какъ уже палъ отъ удара по головѣ, смертельно раненный. Порубивъ почти безнаказанно до 80 солдатъ, чеченцы, при видѣ бѣгущаго секурса съ другихъ фасовъ нашей позиціи, бросились наутекъ.

Меллеръ съ экстренной оказіей вернулся въ Воздвиженское; онъ былъ страшно огорченъ происшествіемъ и рѣшился жестоко отомстить за него Дубѣ.

5-го марта, въ 10 часовъ ночи, фельдфебеля принесли командирамъ ротъ приказъ о немедленномъ выступленіи, и черезъ полчаса всѣ были на мѣстѣ сбора, за Атагинскими воротами. Меллеръ лично повторилъ намъ внушеніе принять всѣ возможныя мѣры къ соблюденію во время движенія полной тишины, строго запретивъ не только громкіе разговоры, но даже куреніе табаку, а затѣмъ, возгласивъ: «съ Богомъ», тронулся въ головной части. Солдатики набожно перекрестились и въ торжественномъ молчаніи зашагали впередъ. Ночь была звѣздная, совершенно тихая, но темная и очень свѣжая. Отрядъ ходко подвигался по открытой мѣстности къ рѣкѣ Голтѣ. Шли мы часа два, соблюдая мертвую тишину и молчаніе, и уже было далеко за полночь, когда голова колонны, взявъ правымъ плечемъ впередъ, втянула за собой весь отрядъ въ сплошную, лѣсную трущобу, къ гнѣзду, густо тогда населенному всѣми жителями Малой Чечни, бѣжавшими сюда изъ разоренныхъ нами Алдинскихъ хуторовъ. Здѣсь движеніе колонны встрѣчало затрудненія на каждомъ шагу, а необходимая расчистка пути для провоза орудій вызывала нѣкоторый шумъ и говоръ людей. Тѣмъ не менѣе непріятель, повидимому, спалъ мертвымъ сномъ. Нигдѣ не слышно было выстрѣла тревоги, кругомъ царил тишина и глубокое спокойствіе. Медленно подвигаясь впередъ, мы наткнулись на одинокую на полянкѣ саклю. Наружная дверь ея отворилась, и пылающій въ очагѣ огонь ярко освѣтилъ глазамъ нашимъ показавшійся на порогѣ силуэтъ старухи-марушки; молча взглянувъ на массу тянувшихъ мимо нея солдатъ, она быстро

захлопнула за собою дверь, и мы снова очутились въ глубокой тьмѣ, но ни крика, ни жалобъ, къ великому удивленію нашему изъ сакли не раздалось, и мы безпрепятственно продолжали путь нашъ впередъ еще версты двѣ или три.

Остановились. Я вынулъ часы и съ трудомъ разглядѣлъ черную стрѣлку на бѣломъ циферблатѣ Мозеровскаго хронометра и увидѣлъ ее на четверти четвертаго. До разсвѣта было близко. Черезъ часъ, а можетъ и раньше, должна была разыгратъся ужасная драма. Казаки спѣшились, пѣхота повалилась на землю, сырую отъ ночной росы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, въ сторонѣ, слѣзъ съ лошади Меллеръ и, присѣвъ на брошенной буркѣ, сталъ шептаться съ переводчикомъ Али-Бекомъ и другимъ чеченцемъ-проводникомъ, наглухо закутавшимъ свою голову бѣлымъ башлыкомъ. Это былъ родной племянникъ наиба Дубы, подкупленный вмѣстѣ съ братомъ своимъ за хорошій кушъ изъ кармана Меллера. Оба родственника наиба вошли въ соглашеніе съ русскимъ военнопольникомъ не только за деньги указать путь отряду въ аулъ ихъ роднаго дяди, но и по возможности его самого предать въ наши руки. И вотъ въ то время, какъ одинъ изъ двухъ былъ, какъ аманатъ (заложникъ), арестованъ на гауптвахтѣ въ Воздвиженскомъ, другой съ спокойной совѣстью и духомъ вель непріятельскій отрядъ въ родное гнѣздо свое. И не одинъ племянникъ Дубы помрачилъ совѣсть свою преступною измѣной. Многие изъ довѣренныхъ стражниковъ наиба и даже старуха-марушка, подкупленные Меллеромъ, своимъ упорнымъ молчаніемъ много содѣйствовали успѣху нашего дѣла. Правда, нашлись и истинно преданные Дубѣ люди изъ нашихъ же мирныхъ ауловъ, постѣжившіе заблаговременно предупредить наиба о грозившей ему опасности; но онъ не повѣрилъ имъ, возражая, какъ мы потомъ узнали, что Меллеръ слишкомъ хитрый человекъ, чтобы гласно собираться къ нему въ гости, и разъ онъ объ этомъ говорилъ, то это вѣрнѣйшее доказательство, что никогда не дерзнетъ онъ показать свой носъ въ окружающія наиба страшныя трупобы.

Итакъ, онъ мирно спалъ, а съ нимъ и все населеніе аула, въ ту роковую минуту, когда за полъ-версты отъ него таился отрядъ людей, жаждущій крови и мщенія. Мало-по-малу стало свѣтлѣе. Заря занималась на востокѣ, и всѣ таинственно окружающіе насъ предметы, деревья, кусты и люди стали яснѣе выдѣляться на сѣромъ фонѣ. «Марш!» — передалось изъ роты въ роту, и колонна заколыхалась впередъ. Въ аулѣ, за нѣсколько сотъ сажень, слышался усиленный лай собакъ, но выстрѣла... ни одного. Казаки пошли рысью въ обхватъ аула и скоро перешли въ каррьеръ, чтобы занять оврагъ въ лѣсу. 1-й баталіонъ широкимъ шагомъ направился налѣво, а нашъ 3-й направо къ самымъ стѣнамъ селенія. Двѣ роты 2-го баталіона оставлены въ резервѣ на мѣстѣ,

а 2-я карабинерная и за нею 6-я приготовились ринуться въ самое сердце вражяго аула. Высоко взлетѣла ракета и, обрисовавъ спиралью яркій путь свой по темно-сѣрому небосклону, съ трескомъ разорвалась на противоположной сторонѣ аула. Съ разрывомъ ракеты слилось громкое неистовое «ура!», и ожесточенные, вновь наэлектризованные возбуждательными возгласами своихъ начальниковъ, разъяренные мстители за павшихъ братьевъ, карабинеры и егеря страшною волною ворвались въ аулъ, безпардонно на всемъ пути обливая все теплою чеченскою кровью... Ружейныхъ выстрѣловъ послышалось два, три, не больше,—видно, что въ ходу былъ русскій штыкъ, безъ промаха и милосердія разившій виновныхъ и невинныхъ. Стоны умирающихъ, застигнутыхъ врасплохъ, доносились со всѣхъ сторонъ и раздирали душу. Рѣзня людей всѣхъ половъ и возрастовъ совершалась въ широкомъ, ужащающемъ размѣрѣ...

Кавказки, подсакивая къ оврагу, пересѣкающему весь аулъ, увидѣли двухъ людей, бѣжавшихъ къ лѣсу. Передовому удалось вскочить въ опушку, втораго же достигъ «гаврилычъ», уже нацѣлившійся пронизать бѣглеца пикой. «Не тронь, я русскій»,—падая на колѣни, вскричалъ онъ. Его связали; это былъ за два мѣсяца назадъ бѣжавшій ночью изъ крѣпости деньщикъ штабсъ-капитана Бернарда—Фроль Матвѣевъ, служившій наibu Дубѣ въ почетной должности его лейбъ-повара. «А гдѣ, говори, мерзавецъ, самъ наибъ?»—допрашивали окружающіе его донцы. «А вотъ впереди меня бѣжавшій, то и былъ самъ Дуба»,—дрожа всѣмъ тѣломъ, проговорилъ оробѣвшій Фроль... Но изъ всѣхъ жителей обширнаго аула врядъ ли кому нибудь, кромѣ одного грознаго повелителя ихъ, Дубы, удалось еще разъ увидѣть восходящее солнце. При самомъ отчаянномъ сопротивленіи нѣкоторыхъ, большинство, застигнутое врасплохъ полунагими, старъ и младъ, женщины, дѣти и грудные младенцы, утонули въ своей крови отъ остро наточенныхъ штыковъ, никого не помиловавшихъ, не пощадившихъ...

Минуть десять послѣ начала кровавыхъ дѣйствій на улицахъ и въ сакляхъ, когда Меллеръ подъѣхалъ къ расположенію нашего 3-го баталіона, къ нему подсакалъ ординарецъ его, разжалованный въ рядовые, Лауданскій, съ докладомъ, что разъяренные солдаты обѣихъ ротъ не внемлютъ его убѣжденіямъ и наотрѣвъ отказываются кого либо брать въ плѣнъ. «Избіеніе въ аулѣ,—добавилъ Лауданскій,—идетъ страшное, невообразимое!» Меллеръ отправился къ 1-му баталіону, пославъ ординарца куда-то съ новыми приказаніями.

Движимый любопытствомъ поближе взглянуть на разгорѣвшуюся драму, я толкнулъ лошадь и пустился по улицѣ, ведущей къ двухъ-этажной саклѣ, среди аула, но жестоко былъ наказанъ за мое малодушіе. Глазамъ моимъ представились картины ужаснаго крова-

ваго погрома, жертвы котораго, въ самыхъ отвратительныхъ позахъ, своею массою загроудили мой проѣздъ по узкимъ переулкамъ селенія. Гнѣдой мой, прижавъ уши, во многихъ мѣстахъ отказывался идти далѣе, и потребовалась нагайка, чтобы принудить его перескакивать черезъ груды тѣлъ, валявшихся по дорогѣ. И какъ изуродованы были трупы эти! Тамъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, съ глубокими ранами отъ штыка въ животъ и грудь, распростертый, почти нагой, среди улицы, успѣлъ уже остыть, а возлѣ него, не обращая вниманія на кровь, алой струей бьющую изъ порубленной руки своей, миловидный мальчуганъ лѣтъ пяти силится крикомъ и слезами добудиться старика, вѣроятно, дѣда своего... Здѣсь въ двухъ шагахъ отъ сакли, совершенно обнаженная, навзничъ растянулась красивая, лѣтъ 17, дѣвушка. Роскопная черная коса ея купалась въ лужѣ крови, а подъ лѣвымъ соскомъ дѣвственной груди бросалась въ глаза темная, уже запекшаяся, трехгранная рана... Нѣсколько десятковъ тѣлъ, съ отрубленными ногами и руками, валялись тутъ же въ разныхъ положеніяхъ; обезображенные лица ихъ явно указывали на мученическія истязанія насильственной смерти, жестоко косившей всѣхъ безъ разбора.

Вижу у плетня двухъ человѣкъ, обнявшихся между собою. Подѣзжаю къ нимъ... Оба—мертвецы со сквозными трехгранными отверстіями въ груди, поставленные въ стоячее положеніе, какъ бы въ приманку хищнымъ птицамъ. Подло, омерзительно! Спазмы схватили горло, а слезы такъ и просились наружу. Вотъ она, неизбѣжная обстановка ремесла военнаго. Въ бою, честномъ и равномъ, нѣтъ убійства, потому что, убивая, подвергаешь опасности въ равной мѣрѣ и свою жизнь, но тутъ... Повернувъ обратно лошадь и сильно ударивъ ее плетью, я, не помня себя и зажмуривъ глаза, стремглавъ выскочилъ изъ этого душу раздирающаго ада. Уже подскакавъ къ моей ротѣ, я оглянулся назадъ и увидѣлъ высокую саклю Дубы, пылающую со всѣхъ сторонъ. Она какъ будто послужила сигналомъ къ общему пожарищу, и вслѣдъ за нею со всѣхъ концовъ аула вспыхнули всѣ до единой сакли. Густой черный дымъ и столбы огненныхъ языковъ съ мириадами искръ понеслись высоко къ облакамъ, затмивъ собою красное, восходящее солнце. Рѣзко раздался сигналъ штабъ-горниста: «слушайте всѣ!», а затѣмъ «отступленіе». Бѣгомъ стянувшіеся люди 2-й карабинерной роты приволокли за собою 9 человѣкъ плѣнныхъ: трехъ беззубыхъ стариковъ и шесть женщинъ, оборванныхъ, жалкихъ и, вѣроятно, сильно избитыхъ, но единственныхъ счастливецъ, для которыхъ Лауданскому удалось завоевать пощаду. Послѣ пребыванія въ аулѣ Дубы приблизительно около часа началось обратное движеніе. Не смотря на краткость срока нашего пребыванія, одного часа было достаточно, чтобы вызвать общую по сосѣдству тревогу. Безпрерывные сигнальные выстрѣлы по всѣмъ направленіямъ въ густо населенной той мѣстности

сти по сѣверному склону Черныхъ горъ и въ лѣсной равнинѣ возвѣстили на десятки верстъ кругомъ о появленіи въ ихъ предѣлахъ незваныхъ гостей—русскихъ. Какъ саранча, массами и со всѣхъ сторонъ слетались къ мѣсту побоища громадныя толпы пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ. Въ цѣпяхъ завязалась живая перестрѣлка, ежеминутно усиливающаяся въ арріергардѣ. Минуты были дороги, надо было спѣшить скорѣе выбраться изъ дремучаго лѣса на поляну, но до нея было добрыхъ три версты. Задача нелегкая, при ожесточенномъ преслѣдованіи непріятели въ густомъ лѣсу, среди заваловъ и природныхъ препятствій, безъ малѣйшаго признака дороги. Уже не слышны были голоса людскіе: трескъ ружейной пальбы и залпы батареи картечью заглушали командныя слова, и всякій инстинктивно шелъ и дѣйствовалъ по собственному внушенію или по примѣру другихъ. «Въ арріергардѣ очень плохо!»—подскакивая къ полковнику, доносить одинъ изъ его ординарцевъ. «Капитанъ Доможировъ!—пискливымъ голосомъ кричить Меллеръ:—стяните вашу роту и ведите ее въ арріергардѣ!» Отчетливо долетали крики «ура» 1-го батальона. Опять несется ординарецъ съ извѣстіемъ, что чеченцы съ остервенѣніемъ бросаются въ пашки на арріергардныя роты, и что два фейерверкера у орудій убиты изъ пистолетовъ. «Подпоручикъ Руденко, ведите одинъ взводъ вашъ на помощь 1-му батальону!»—раздается снова суетливая команда Меллера. Но не прошло и пяти минутъ, какъ прискакавшій изъ арріергарда Ярцевъ докладываетъ барону, что въ 1-мъ батальонѣ очень большая потеря отъ холоднаго оружія, и что два наши орудія уже были захвачены непріателемъ... «Подпоручикъ Мерклинъ, ведите бѣгомъ вашъ взводъ въ арріергардѣ, скорѣе, скорѣе!»—засуетился опять Меллеръ, хватая изъ лѣвой цѣпи все, что ближе попадалось ему подъ руку. Мерклинъ подбѣжалъ къ арріергарду въ ту минуту, когда два орудія, влекомыя за колеса чеченцами, въ третій уже разъ переходили изъ рукъ въ руки. Медленно подвигались мы лѣсомъ, ежеминутно останавливаясь, чтобы не оторваться отъ арріергарда, гдѣ, не смотря на громадную потерю въ людяхъ, роты 1-го батальона всецѣло на плечахъ своихъ совершали неимоვნно трудное отступленіе. По нѣскольکو шаговъ дѣлая впередъ, они на пронзительный гикъ свирѣпыхъ чеченцевъ снова съ отчаяннымъ «ура» бросились назадъ въ штыки. Жестокій бой уже длился около двухъ часовъ, убитыхъ и раненныхъ выносили много, и все чаще и чаще. Двѣ сотни донцевъ посланы со спеціальнымъ назначеніемъ поднимать тѣла убитыхъ и подвозить раненныхъ, безпрерывно выходящихъ изъ строя, со всѣхъ фасовъ. У меня пока потеря была не велика. Но вотъ просвѣтъ, уже проглядываетъ поляна. Вотъ, наконецъ, кавалерія, авангардъ и головы цѣпей уже выбрались на просторъ. Горцы въ отчаяніи, сознавая наше спасеніе, съ напряженными усиліями лѣзутъ въ арріергардъ и дорого

продаютъ жизнь свою. Въ свою очередь и куринцы дерутся стойко, отлично; ни одна часть въ самыя критическія минуты не показала тыла. Когда на чистую поляну вытянулась вся лѣвая цѣпь, оказалось, что единственный ротный командиръ въ 3-мъ батальонѣ былъ я, такъ какъ всѣ прочіе со взводами были посланы въ аррьергардъ, и потому тотчасъ же я принялъ надъ нею начальство. Меллеръ неоднократно вертѣлся около меня и поощрялъ всѣ мои распоряженія. Онъ видимо переживалъ тяжелыя минуты и старался казаться болѣе спокойнымъ, чѣмъ былъ на дѣлѣ; нѣсколько минутъ назадъ еще нельзя было ручаться за благополучное отступленіе аррьергарда, но теперь, хотя рыло въ крови, но наша взяла! Однако горцы не унимались, и когда отрядъ выбрался на поляну изъ лѣса, пѣшій непріятель смѣнился коннымъ, большими партіями. Со всѣхъ сторонъ, какъ пчелы, они окружили колонну нашу и, поочередно подсакивая къ цѣпямъ на полружейный выстрѣлъ, разряжали по насъ свои винтовки. Вотъ мчится ко мнѣ горсть всадниковъ; одинъ изъ нихъ на темно-сѣромъ конѣ пригнулся къ передней лукѣ, изъ чехла выхватилъ винтовку и, граціозно-ловко перекидывая ее со стороны на сторону, стремительно во весь карьеръ несется вдоль всей моей цѣпи. Батальнымъ огнемъ, на удалую, провожаютъ молодца всѣ семь взводовъ нашихъ, но онъ, цѣлый и невредимый, вихремъ летитъ впередъ къ авангарду и, завернувъ коня вправо, врѣзывается одинъ въ средину ошеломленныхъ его дерзостью донскихъ казаковъ. Ловко, отважно и лихо всадникъ сдѣлалъ между ними обширный вольтъ и тѣмъ же путемъ не далѣе, какъ на 20 шаговъ отъ цѣпи, скачетъ снова мимо нея, не обращая вниманія на возобновившуюся по немъ пальбу, а только, поровнявшись со мною, даетъ, наконецъ, выстрѣлъ и самъ невредимо и безнаказанно сворачиваетъ скакуна своего къ восторженно встрѣтившей его толпѣ чеченцевъ. Но пуля этого сорви-головы джигита не пропала даромъ, а верхка на два отъ моего лѣваго колѣна глубоко засѣла въ животъ моего бѣднаго гнѣдаго. Онъ ткнулся передомъ къ землѣ и отказался двигаться дальше; пришлось соскочить съ него и, снявъ сѣдло и уздечку, двигаться дальше пѣшкомъ; такъ какъ это было за 15 верстъ отъ Воздвиженскаго, то я сильно сталъ роптать на судьбу, когда Меллеръ, очевидецъ всего этого, прислалъ мнѣ лошадь одного изъ раненныхъ казаковъ, на которой я и добрался съ грѣхомъ пополамъ въ крѣпость.

Непріятель, утомленный, наконецъ, безуспѣшнымъ преслѣдованіемъ, мало-по-малу отсталъ, и Меллеръ остановилъ отрядъ для отдыха и перевязки раненныхъ, причемъ приказалъ собрать свѣдѣнія объ общихъ потеряхъ. Вся убыль наша: оберъ-офицеровъ ранено двое: Мансурадзе въ голову и Шидловскій въ шею, нижнихъ чиновъ убито 32, ранено 144 и безъ вѣсти пропало 6; но, не смотря на это, Меллеръ ликовалъ, что отомстилъ Дубѣ и нагналъ холоду на остальныхъ горцевъ.

По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, отважный джигитъ на сѣромъ конѣ, ворвавшійся въ самую средину «гаврилычей» и ранившій затѣмъ моего гнѣдаго, былъ не кто иной, какъ знаменитый наибъ Саибдула, ближайшій сосѣдь и другъ Дубы. Этотъ наѣздникъ и богатырь не впервые оказывалъ чудеса храбрости, чѣмъ и славился въ Большой и Малой Чечняхъ и высоко цѣнился самимъ Шамилемъ.

Много было рассказовъ и анекдотовъ послѣ нашего набѣга. Въ иныхъ изъ нихъ наивно выступала незнакомая до той поры натура нѣкоторыхъ товарищей. Такъ одинъ изъ нихъ, Кавешниковъ, съ особеннымъ юморомъ повѣстествовалъ, какъ одинъ карабинеръ въ саклѣ наиба второяхъ рванулъ съ полки жестяной ящикъ-сахарницу, вѣроятно, изъ русскаго погребца и рассыпалъ на полъ хранящіяся въ немъ до тридцати серебряныхъ рублей. Карбованцы, конечно, разсѣялись по всей саклѣ, и толкавшіеся тутъ солдаты жадно бросились подбирать ихъ.

— Въ карманѣ у меня уже двѣ недѣли не было ни гроша,—говорилъ Кавешниковъ,—но хватать разбросанные рубли хотя и представляло громадный соблазнъ, но на глазахъ солдатъ мнѣ казалось слишкомъ постыднымъ, и я рѣшился въ ожиданіи ихъ ухода только одну монету прикрыть ногою, крѣпко нажавъ ее ступней. Какъ только послѣдній изъ мародеровъ оставилъ саклю, я поспѣшилъ нагнуться и взять изъ-подъ ноги завѣтный цѣлковый. Но каково удивленіе мое? Разбойники ухитрились и его стянуть изъ-подъ подошвы совершенно для меня незамѣтно.

— Однако, какъ не стыдно было вамъ, Кавешниковъ,—вмѣшался Швахгеймъ:—допустить въ аулѣ звѣрское избіеніе неповинныхъ женщинъ и дѣтей? Вѣдь вы могли многихъ изъ нихъ спасти.

— Нѣтъ, трудно было обуздать злобное настроеніе солдатъ. Они не слушали ни просьбъ, ни приказаній и, опираясь на разрѣшеніе командира мстить за убитыхъ товарищей, не давали никому спуска. Вскочивъ въ одну саклю въ дальней части аула, около оврага, я засталъ молодцовъ въ разгарѣ работы штыками. Они перекололи тамъ мужчинъ и женщинъ, оставались въ живыхъ одни лишь дѣти. Дай, думаю я, спасу этихъ малолѣтковъ, по истинѣ жаль мнѣ стало невинныхъ душъ, и тутъ же схвативъ двухъ ребятшекъ, лѣтъ пяти, шести, вытащилъ на улицу и, не довѣряя ихъ солдатамъ, повелъ обоихъ самъ за руки. Что же вы думаете? Кричатъ пострѣлята благимъ матомъ. Я ихъ утѣшать, говорю—молчите, вамъ ничего дурнаго мы не сдѣлаемъ, чурекъ кушать дадимъ, а они орутъ еще пуще. Не кричите, все якши будетъ, говорю имъ, но ничего не беретъ. Кажется, дуракамъ и порусски, и поихнему толковалъ—ничего не вышло. Ревутъ, какъ будто ихъ рѣжутъ. Какъ ни жаль ихъ, но ничего не подѣлаешь. Подадутъ сигналъ отступленія, надо собирать людей, а тутъ возжайся съ этимъ добромъ...

— Ну, что же вы придумали, Кавешниковъ? — нетерпѣливо спросилъ Руденко.

— Да что же оставалось мнѣ дѣлать?—какъ бы оправдываясь, замылся мягкосердый поручикъ.— Жаль ихъ отъ души, но помочь нѣтъ возможности, все кричатъ громче и громче... Да что, господа, я предъ вами покаюсь. Взялъ ихъ обоихъ за шиворотъ, потрясъ немного, стукнулъ одного объ другаго и швырнулъ въ кучу. Богъ съ ними!..

Нѣсколько дней спустя, за обѣдомъ у Меллера, явился къ нему начальникъ колонны изъ Грозной и передалъ конвертъ на его имя. Баронъ сорвалъ печать, просіялъ и, не скрывая полного удовольствія, прочелъ намъ громко его содержаніе. Письмо было отъ князя намѣстника, переполненное выраженіями самой искренней благодарности, самыхъ лестныхъ похвалъ, какъ самому барону Меллеръ-Закомельскому, такъ и всему полку своему за дѣло 6-го марта. Независимо отъ частнаго письма главнокомандующаго, прилагалось и форменное извѣщеніе начальника штаба о назначеніи его сіятельствомъ, помимо ожидаемаго представленія къ наградамъ за отличія, 128 знаковъ отличія военнаго ордена для раздачи нижнимъ чинамъ всего отряда. Къ сожалѣнію, большей половинѣ изъ нихъ пришлось навѣшивать его въ лазаретъ на койкахъ.

Дни стояли хорошіе, теплые, подошло и Благовѣщеніе, когда по повѣрью «даже птица гнѣзда не вьетъ»; у насъ въ тѣни было 16° по Реомюру. Войска отдыхали. 7-го апрѣля вернулся мой сожитель и отецъ-командиръ, Греченевскій, и я сложилъ съ себя свое высокое званіе. Праздникъ Пасхи прошелъ очень скромно; изъ офицерства я сошелся еще съ вернувшимся изъ отпуска маіоромъ Ушаковымъ, бывшимъ пажемъ, выпущеннымъ изъ корпуса въ 1839 году, въ одно время съ Лисаневичемъ, адъютантомъ князя Воронцова. Ушаковъ былъ замѣчательный оригиналь, но умный человекъ и отличный офицеръ, заявившій свои военныя доблести во всѣхъ дѣлахъ на Кавказѣ съ 1844 года. Особенно оказалъ онъ мужество въ Даргинской экспедиціи, считающейся эрой войны кавказской. Онъ былъ тогда тяжело раненъ въ бедро пулей, получилъ чинъ маіора и уѣхалъ поправляться къ себѣ въ деревню, въ Симбирскую губернію, а также въ Петербургъ. Теперь онъ вернулся, и мы довольно близко сошлись съ нимъ. Рѣдкій вечеръ мы со скуки не устраивали партіи, но постояннымъ партнеромъ нашимъ была далеко не симпатичная личность, Вадковскій. Бывшій капитанъ гвардейской артиллеріи, этотъ господинъ, въ итальянской оперѣ, въ присутствіи государя императора, далъ пощечину совершенно неповинному Савѣ Яковлеву, извѣстному богачу-золотопромышленнику. Черезъ три дня, когда выяснилось, что Вадковскій всячески отклоняется дать требуемое Яковлевымъ удовлетвореніе, онъ былъ разжалованъ въ рядовые, но въ уваженіе государственныхъ

заслугъ его тестя, свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, въ тотъ же день произведенъ въ прапорщики и высланъ на Кавказъ для выслуги полного помилованія. Когда-то красавецъ собой, Вадковскій въ мое время уже очень обрюзгъ, опустился, но не прочь былъ сильно похвастать и присочинить...

3-го мая, послѣ прогулки по Сунженской линіи, мы выступили къ Казакичу, гдѣ кое-какъ устроились бивуакомъ и ночевали подъ открытымъ небомъ, даже безъ палатокъ. На другой день вѣстовой требуетъ меня къ полковому командиру.

— Главнокомандующій вызываетъ меня, — объявилъ мнѣ баронъ:— въ станицу Сунженскую и добавляетъ въ своей запискѣ, что если Полторацкій въ здѣшнемъ отрядѣ, то привезти его съ собою. Итакъ, ѣдемте сейчасъ же!

Я бросился одѣться и черезъ пять минутъ былъ уже верхомъ у ставки Меллера, гдѣ конвой изъ полусотни казаковъ съ неизмѣннымъ спутникомъ Али-бекомъ ожидалъ его выхода. 12 верстъ до Сунженской прорысили мы менѣ чѣмъ въ часъ времени и около 4-хъ часовъ по полудни слѣзли съ лошадей у крыльца дома знаменитаго командира Сунженскаго полка, Слѣпцова, у котораго временно помѣщался князь Воронцовъ. Въ первой залѣ мы застали массу народа, а также и самого хозяина дома. Меллеръ былъ немедленно приглашенъ въ смежную комнату къ намѣстнику, а я, къ своему удовольствію, успѣлъ познакомиться съ храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ, Николаемъ Павловичемъ Слѣпцовымъ. Трудно представить наружность симпатичнѣе, открытѣе и энергичнѣе этого рыцаря безъ страха и упрека. Смуглое и выразительное лицо его оживлялось блестящими черными глазами, внушающими полное довѣріе къ его честности, рѣшительности, соединеннымъ вмѣстѣ съ скромностью красной дѣвушки. Слѣпцовъ въ нѣсколько минутъ обворожилъ меня. Не прошло и четверти часа болтовни моей въ залѣ со старыми знакомыми: Дондуковымъ, Васильчиковымъ, Иракліемъ Грузинскимъ, Щербининымъ и многими другими, какъ дежурный адъютантъ князя, Лисаневичъ, пригласилъ меня къ его сіятельству, занятому разговоромъ съ Меллеромъ. Главнокомандующій при входѣ моемъ въ его комнату всталъ съ дивана и, сдѣлавъ ко мнѣ на встрѣчу нѣсколько шаговъ, обнялъ меня и осыпалъ самыми добрыми, самыми ласковыми выраженіями высокаго благоволенія за мою службу.

— Полковой командиръ твой, баронъ Петръ Петровичъ, — сказалъ князь, — такъ лестно отзывается о тебѣ, мой любезный Полторацкій, что я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу повторить обѣщаніе скоро взять тебя въ мои адъютанты, а въ настоящее время позволь мнѣ выразить мою полную благодарность за отличную службу твою. — И при этихъ словахъ снова обнявъ меня, князь пригласилъ садиться, чѣмъ далъ мнѣ возможность изъ устъ его

услышать личное мнѣніе о громадной пользѣ и важности для общаго дѣла погрома 6-го марта.

Съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ князь у Меллера о мельчайшихъ подробностяхъ боя, особенно о сумашедшей отвагѣ и дерзости наиба Саибдулы.

— А ты, любезный Полторацкій, видѣлъ его? — ласково обратился ко мнѣ Михаилъ Семеновичъ.

— Не только видѣлъ, ваше сіятельство, — поспѣшилъ за меня отвѣтить Меллеръ: — но Саибдула изъ винтовки убилъ подъ Полторацкимъ лошадей.

На это главнокомандующій выразилъ мнѣ свое сожалѣніе и тутъ же предложилъ Меллеру на будущее время принять за непремѣнное правило частно сообщать ему объ убитыхъ офицерскихъ лошадяхъ своего полка, за которыхъ онъ будетъ высылать на имя командира по 60 рублей за каждую.

— Надѣюсь, — вставъ на ноги и щелкнувъ шпорами, добавилъ главнокомандующій: — что ты, милѣйшій другъ Полторацкій, не откажешь мнѣ сдѣлать честь откушать съ нами.

Окончательно изумленный не только лестнымъ пріемомъ, но признаюсь даже слишкомъ утрированную любезностью мастистаго старца въ отношеніи безусаго прапорщика, я почтительно поблагодарилъ его сіятельство и, раскланявшись, поспѣшилъ выйти въ общую залу.

— От-то мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться! — радушно пожимая мнѣ руку, особеннымъ, ломаннымъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и страннымъ оборотомъ рѣчи атаковалъ меня эсаулъ линейнаго казачьяго войска, Моздокскаго полка. — От-то, я Гедлинскій! — отрекомендовался оригинальнѣйшій изъ кавказцевъ, о которомъ я только зналъ по наслышкѣ.

Послѣ получаса оживленнаго и самаго забавнаго разговора съ моимъ новымъ знакомымъ, дверь изъ кабинета отворилась, вошелъ князь Михаилъ Семеновичъ въ сопровожденіи Меллера, и всѣ мы усѣлись за столъ. Обѣдъ мнѣ въ этотъ день показался особенно вкуснымъ, и я не доставилъ случая гостепрїимному хозяину меня особенно потчевать, хотя и за столомъ главнокомандующій съ полнымъ радушіемъ и вниманіемъ неоднократно обращался лично къ моей особѣ.

Часу въ 10-мъ вечера мы выѣхали обратно къ Казакичу, откуда завтра же должны были двинуться въ штабъ-квартиру полка, Воздвиженское, а къ 15-му маю всѣмъ полкомъ въ Грозную для встрѣчи его сіятельства, шефа нашего. Я твердо рѣшилъ, во что бы ни стало, упросить главнокомандующаго взять меня въ Дагестанскую экспедицію, а потому, когда послѣ 15-го миновались всѣ парады, пріемы и смотры, я черезъ князя Сергѣя Васильчикова просилъ разрѣшенія лично представиться его сіятельству. Съ зами-

раніемъ сердца явился я въ его приѣмную. Князь встрѣтилъ меня очень милостиво, но не такъ отнесся къ изложенной мною просьбѣ; онъ выставилъ всѣ препятствія къ прикомандированію меня къ войскамъ, назначеннымъ въ составъ Дагестанской экспедиціи, такъ какъ всякій временный переводъ съ одного фланга кавказской линіи на другой влечетъ, по мнѣнію князя, одинъ только вредъ.

— Что же касается назначенія тебя, любезный Полторацкій,—добавилъ князь съ неизмѣнною своею улыбкой,—въ мою свиту, то оно въ настоящее время совершенно невозможно, въ силу увѣдомленія, только что полученнаго отъ военнаго министра, о высочайшемъ замѣчаніи, что при мнѣ состоитъ въ прикомандированіи слишкомъ большое число лицъ.

— Но что же буду я дѣлать здѣсь? — невольно вырвалось у меня, причемъ голосъ мой задрожалъ, и на глазахъ навернулись слезы.—Здѣсь, ваше сіятельство, на лѣвомъ флангѣ не предстоитъ теперь никакихъ военныхъ дѣйствій, кромѣ гарнизонной службы подъ палящимъ солнцемъ.

— А въ такомъ случаѣ, мой милый, поѣзжай къ своимъ въ отпускъ, я съ удовольствіемъ отпущу тебя на лѣтніе мѣсяцы, подъ предлогомъ болѣзни твоей матушки,—порѣшилъ главнокомандующій, снова ласково обнявъ меня.

Соблазнъ увидать семью, друзей, а къ тому же предаться въ сласть моей страсти къ охотѣ, былъ слишкомъ великъ, а потому, отъ души выразивъ его сіятельству мою признательность за милостивое разрѣшеніе, я поспѣшилъ къ барону Меллеру съ докладомъ о результатѣ моего представленія.

Наканунѣ выѣзда намѣстника изъ Грозной въ Дагестанъ черезъ Кумыкскую плоскость, я снова удостоился приглашенія обѣдать, причемъ князь повторилъ мнѣ увѣреніе въ своемъ расположеніи и любезно поручилъ кланяться отъ него моему дядѣ Павлу Дмитриевичу (Киселеву) и передать ему, что онъ очень и очень мною доволенъ. Приказъ о моемъ отпускѣ уже состоялся по отдѣльному кавказскому корпусу, и я могъ ѣхать въ края родные.

За обѣдомъ у главнокомандующаго услышалъ я о странномъ приключеніи съ бѣжавшимъ весной изъ Воздвиженской въ горы прапорщикомъ Русановымъ. Повидимому, его благородію не очень-то повезло у Шамиля на службѣ, такъ какъ на прошлой недѣлѣ казаки укрѣпленія Ачхая, преслѣдуя незначительную партію горцевъ, напавшую на ихъ скотъ, захватили въ плѣнъ, умышленно отставшаго отъ чеченцевъ, оборваннаго въ черкескѣ всадника, назвавшаго себя русскимъ офицеромъ. То былъ Русановъ, немедленно препровожденный за конвоемъ сюда на гауптвахту. Главнокомандующій полюбопытствовалъ его видѣть. Арестованнаго дезертира приводили къ нему, и самъ князь Семеновичъ его разспрашивалъ о причинахъ, побудившихъ его къ такому позорному

6*

и пошлomu проступку. Свидѣтели говорили, что отвѣты Русанова были непомерно глупы и несвязны, и вообще самъ прапорщикъ производилъ жалкое впечатлѣніе. Замѣчательно сообщенное мнѣ извѣстіе, будто князь-намѣстникъ написалъ письмо государю съ изложеніемъ всеподданнѣйшаго ходатайства: «Прапорщика Русанова не въ примѣръ прочимъ, безъ преданія военному суду, лишитъ эполетъ и офицерскаго званія, возвративъ на годъ или два въ кадетскій корпусъ, гдѣ и наказать публично розгами, какъ мальчика, не заслуживающаго серьезнаго къ нему примѣненія, какъ къ офицеру, общихъ военно-законоположеній».

Такъ и осталось неизвѣстнымъ, какая воспослѣдовала на это высочайшая резолюція, а только прапорщикъ Русановъ въ то же лѣто умеръ отъ холеры, посѣтившей его на Грозненской гауптвахтѣ.

Переѣздъ изъ Грозной въ Петербургъ совершился безъ особенныхъ приключеній, но здѣсь ждало меня великое разочарованіе. Мать, не предупрежденная мною о пріѣздѣ, очень удивилась ему, и когда я бросился обнять ее, первымъ съ ея стороны вопросомъ было: «Какимъ образомъ такъ скоро уже вернулся ты? Вѣрно съ тобою случилось что дурное?!». Всѣ увѣренія мои, что главнокомандующій князь Воронцовъ остался мною очень доволенъ и самъ мнѣ предложилъ съѣздить въ отпускъ для свиданія съ семьей, очень слабо убѣдили мать, и на лицѣ ея—увы!—прочелъ я не счастье увидѣть сына цѣлымъ и невредимымъ, а только изумленіе и недоумѣніе. Никогда и прежде я не увлекался вѣрованіемъ въ любовь матери, какъ существовала она, на примѣръ, у ней къ Алешѣ, но такого холоднаго пріема я, всетаки, не ожидалъ. У дядюшки Павла Дмитриевича пріемъ былъ не лучше. Видно, мать его предупредила и въ немъ также возбудила недоувѣріе къ моимъ словамъ, потому что, когда я передалъ ему во всѣхъ подробностяхъ обѣщанія и порученія къ нему князя Михаила Семеновича, онъ тоже съ сомнѣніемъ повторилъ тотъ же вопросъ, что задавала мнѣ и мать: «А почему же Воронцовъ не захотѣлъ тебя взять подъ Гергебиль (въ Дагестанъ)?». При этомъ Павелъ Дмитриевичъ посвятилъ меня въ полученныя отъ главнокомандующаго донесенія на высочайшее имя о неуспѣшной осадѣ неприступнаго въ Дагестанѣ аула, о громадныхъ потеряхъ въ дѣлахъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, свирѣпствующихъ въ дѣйствующихъ войскахъ, и о малыхъ надеждахъ довести экспедицію до желаемаго конца въ текущемъ году. «А тебя-то тамъ и нѣтъ!»—какъ бы съ упрекомъ добавилъ Павелъ Дмитриевичъ. — Такъ и отъ него не удостоился услышать я слова одобренія за мою, хотя кратковременную, но всеже добросовѣстную службу на Кавказѣ. «Нѣтъ про рока въ своемъ отечествѣ», — подумалъ я, прощаясь съ дядюшкой.

Дома, при одномъ разговорѣ ничего не смыслящихъ резонеровъ о послѣднемъ пораженіи нашихъ войскъ въ Дагестанѣ, гдѣ будто бы, бросивъ осаду Гергебиля, *au sais-aller*, подступили уже къ другому аулу—Салты, моя матушка, какъ бы скорбя за сына своего, не участвовавшаго въ этой неудачной, но очень опасной экспедиціи, при постороннихъ свидѣтеляхъ такъ многозначительно на меня взглянула, что я, не имѣя возможности провалиться сквозь землю, выскочилъ изъ ея гостинной, убѣжалъ въ глубину сада и тамъ, каюсь, залился горячими слезами. Нервы были ужъ очень натянуты. На другой день я уѣхалъ въ Вельможье, гдѣ весь остатокъ отпуска предался своей страсти къ охотѣ и частымъ посѣщеніямъ милѣйшаго Константина Марковича Полторацкаго въ Грузинахъ.

По возвращеніи въ Воздвиженское, я поселился съ Ушаковымъ и Голицынымъ. Жизнь потекла съ прежнимъ однообразіемъ, но съ несравненно бѣльшими удобствами. Маіоръ очень любилъ поѣсть, Козьма его былъ отличнымъ поваромъ, и мы поэтому продовольствовались на славу. Для большаго удобства совмѣстной жизни, Ушаковъ выпросилъ у Меллера перевести меня изъ 3-го въ его 2-й баталіонъ, въ 4-ю егерскую роту, къ трижды раненному Руденкѣ. Кромѣ Руденки, остальные командиры ротъ были слѣдующіе: князь Голицынъ, подпоручикъ Дробышевъ, подпоручикъ Вельяминовъ, а субалтернъ-офицеры—Кирхманъ, Неѣловъ, Мухановъ, Вальбекъ, Юргенсонъ и я.

Въ разговорахъ съ Ушаковымъ подробно узналъ я о всѣхъ неудачахъ, болѣзняхъ и очень чувствительныхъ потеряхъ въ Дагестанѣ, изъ которыхъ самую главною, невознаградивою была смерть Миши Глѣбова, убитаго въ Гергебильскихъ садахъ, при штурмѣ аула, наповаль. Этотъ честный храбрецъ и погибъ славно, какъ подобаеть герою. Сидя верхомъ передъ баталіономъ молодцовъ ширванцевъ, Глѣбовъ подъ градомъ пуль блестящимъ хладнокровіемъ подавалъ изумительный примѣръ отваги, пока внезапно не рухнулъ съ коня на руки до безумія его полюбившихъ солдатъ. Со смертью Глѣбова, Кавказъ лишился одного изъ храбрѣйшихъ своихъ дѣтищъ.

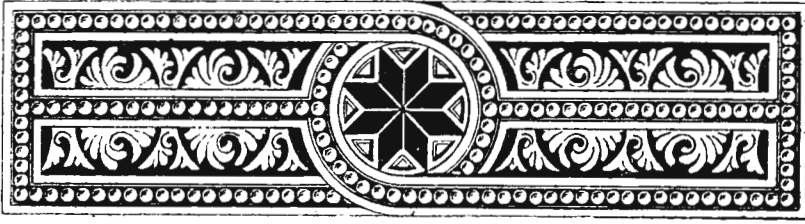
Всѣ усилія начальствующихъ лицъ подъ Гергебилемъ не довели дѣла до желаемыхъ результатовъ, такъ какъ въ довершеніе всѣхъ неожиданныхъ препятствій отъ климатическихъ условій и эпидеміи выяснилось, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, что безъ крѣпостныхъ, большаго калибра орудій и мортиръ бомбардированіе аула было невозможно. Гергебиль представлялъ необычайную твердыню. Весь аулъ былъ расположенъ по отвѣснымъ террасамъ, амфитеатромъ. Всѣ отчаянныя попытки штурмующихъ колоннъ разбивались, какъ мыльные пузыри, оставляя за собою лишь одни

потоки бесполезно пролитой крови. Въ одной изъ такихъ атакъ сложилъ голову дорогой Миша Глѣбовъ, въ другой лишился ноги Юрій Гагаринъ, и сколько еще храбрецовъ поплатились жизнью. Между прочимъ, при одной изъ болѣе другихъ удавшейся атакъ, гдѣ самурцы и апшеронцы уже достигли едва ли не пятой террасы и съ бѣшеной отвагой бросились на штурмъ ближайшихъ сакель, — крыши подъ ними провалились, и они моментально всѣ безъ исключенія рухнули во внутрь подземныхъ мазанокъ, гдѣ и нашли ужаснѣйшую смерть на кинжалахъ ждавшихъ ихъ тавлицевъ. Тогда обратились всѣми силами на сосѣднее большое же селеніе Салты, и это удалось вполне и очень быстро. Роспускъ Дагестанскаго отряда былъ необходимъ по многимъ причинамъ: по безуспѣшной тратѣ силъ, болѣзни князя Михаила Семеновича, который за послѣдній періодъ экспедиціи очень страдалъ глазами, и, наконецъ, по случаю появленія страшной гостыи — холеры, которая не мало вырвала жертвъ и на лѣвомъ флангѣ въ лѣтніе мѣсяцы.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Дворянинъ Евстигней Чарыковъ.

I.

НО ДОРОГѢ въ Покровское, имѣніе бабушки, куда мы ѣзжали каждый годъ два раза, весною, ко дню ея именинъ, и осенью, на Покровъ, престольный праздникъ, особенно ею чествуемый, — намъ приходилось проѣзжать черезъ большое село Всесвятское, сплошь состоявшее изъ мелкопомѣстныхъ. Маленькія усадбцы съ домиками и надворными строеніями, крытыми соломой, при нихъ садики съ густо разросшимися яблонями, грушами, вишнями, рябиной, черемухой, сиренью, а недалеко три-четыре крестьянскихъ двора — ихъ крѣпостные. Изъ такихъ усадебъ попережку съ крестьянскими избами состояло все Всесвятское. Когда-то давно оно принадлежало тремъ помѣщикамъ (земли которыхъ сходились тутъ клиньями), поселившимся недалеко другъ отъ друга, по причинѣ красивой здѣшней мѣстности, а также чтобы жить было веселѣе, люднѣе, не въ одиночку, въ глухой степи. Но это было давно, и съ тѣхъ поръ наслѣдники ихъ, множась, подѣлили ихъ земли, расселились и обстроились каждый отдѣльно, и оттого стало во Всесвятскомъ такое множество помѣщиковъ, хотя всѣ они носили всего три фамиліи: Зыбиныхъ, Чарыковыхъ и Нещлюевыхъ.

Бдемъ мы, бывало, мимо этихъ ихъ усадебцевъ, смотримъ въ окна кареты и слушаемъ, какъ матушка съ нянькой нашей говорятъ: «вотъ это Ивана Ивановича Зыбина усадьба... А это вотъ Петра Ивановича... А это Райсы Степановны, вдовы Василя Ивановича»... Проѣдемъ Зыбиныхъ, начнутся Чарыковы, и опять онѣ говорятъ: «вотъ это усадьба Григорія Григорьевича Чарыкова... А это вотъ Евстигнея Григорьевича»... Кончатся Чарыковы, пойдутъ Неплюевы, и опять та же исторія. Очень много было этихъ усадебцевъ, и почти всѣ одинаково маленькія, полуразвалившіяся, съ заросшими садиками. Только двѣ или три между ними были хотя нѣсколько побольше и попривольнѣе, то-есть сколько нибудь походили на обыкновенныя помѣщичьи усадьбы средней руки.

Проѣзжая, мы видали нѣкоторыхъ изъ владѣльцевъ, расхаживающихъ у себя по двору въ красныхъ рубахахъ, совсѣмъ какъ кучера, или въ широкихъ, грязныхъ парусинныхъ пальто, какъ старые повара, дворецкіе отставные и прочіе заштатные дворовые. Видали и ихъ женъ, вдали, сидѣвшихъ въ усадьбѣ или на берегу, окруженныхъ бѣдно и грязно одѣтыми дѣтьми.

Но они всѣ живо чувствовали себя дворянами потому, что мужики ихъ, вообще, ихъ крѣпостные, какъ мы видѣли это изъ кареты, стояли передъ ними безъ шапокъ, а они, напротивъ, расхаживали и сидѣли съ важностью, не забывая своего достоинства.

Это, однако, нисколько не мѣшало намъ и теперь, проѣзжая мимо нихъ, и дома, слышать рассказы о ихъ дракахъ, какъ люди какого нибудь Зыбина, по приказанію своего господина, побили кого нибудь изъ Чарыковыхъ, или наоборотъ. Другъ съ другомъ всѣ они были постоянно въ ссорахъ, и хотя никто изъ нихъ у насъ не бывалъ, но слухи объ этомъ и о ихъ взаимной враждѣ и побоищахъ не рѣдко доходили до насъ. Мы знали также, что большинство изъ нихъ не только безъ всякаго образованія, но даже прямо безграмотные, не умѣютъ ни читать, ни писать.

И люди у нихъ были все самаго жалкаго вида, какіе-то несчастные, забитые, запуганные, оборванные, грязные. Крестьянскія избы были у нихъ совсѣмъ закоптѣлыя,—черныя лачужки съ крохотными закоптѣлыми же окнами и съ обнаженными крышами, точно послѣ пожара.

— И живутъ у нихъ люди хуже, чѣмъ на каторгѣ,—слышали мы, рассказывала про нихъ нянька.

— Самимъ ѣсть нечего и людямъ тоже, — отвѣчала ей на это матушка.

Но мы слышали однажды и цѣлое большое разсужденіе объ этихъ Всесвятскихъ помѣщикахъ. Былъ у насъ однажды дядя Сережа, братъ отца, который былъ въ то время предводителемъ, и при немъ кто-то пріѣхалъ изъ сосѣдей и рассказывалъ, что сейчасъ, проѣзжая по Всесвятскому, видѣлъ возмутительную сцену,

драку Зыбиныхъ съ Чарыковыми, въ которой принимали участіе и ихъ крестьяне, вооруженные чѣмъ попало и бившіе господъ тоже по чѣмъ попало.

Этотъ сосѣдъ пріѣхалъ передъ самымъ обѣдомъ и, когда сѣли за столъ, онъ началъ рассказывать.

Слушая его, дядя былъ возмущенъ и все говорилъ, что допускать существованіе подобныхъ дворянъ — это значитъ позорить всѣхъ остальныхъ, все сословіе.

— Но что же съ ними дѣлать?—возражали ему.

— Приписать ихъ куданибудь, къ другому какомунибудь сословію. Тѣ сословія податныя—имъ все равно.

— Но это значитъ лишить ихъ дворянскаго званія.

— Объ этомъ я и говорю.

— Но тогда, по произволу, можно будетъ, чуть что, и другихъ лишать дворянскаго званія.

— Непремѣнно!

— Но къ чему же тогда это поведетъ?

— А вотъ къ тому, что этой срамоты не будетъ.

— Все равно они будутъ драться.

— Но тогда не будутъ говорить, что это дворяне дерутся. Позора сословнаго не будетъ, соблазна не будетъ. Мужики, мѣщане дерутся, это ничего, это нисшія сословія, податныя; но дворяне, господа, вы не забывайте, вѣдь это высшее въ государствѣ сословіе, оно владѣетъ крѣпостными людьми, оно несетъ государственную службу, оно ставится примѣромъ для всѣхъ другихъ сословій, и вдругъ эдакія представленія и еще съ участіемъ въ нихъ ихъ крѣпостныхъ людей!.. Какое они могутъ имѣть уваженіе къ дворянину! Эти господа своимъ недостойнымъ поведеніемъ не только себя роняютъ, но они подрываютъ въ народѣ уваженіе къ дворянству вообще.

Дядя очень долго говорилъ, и такъ какъ онъ былъ очень умный человѣкъ, о чѣмъ мы постоянно слышали, то его слова невольно нами запоминались, и мы, слушая его, соглашались съ нимъ и такъ его глазами смотрѣли на Всесвятскихъ помѣщиковъ, и безъ того казавшихся намъ нисколько не симпатичными.

Этотъ взглядъ на дворянское достоинство, на словахъ по крайней мѣрѣ, тогда былъ общій, всѣми исповѣдуемый, и если запоминались разсужденія объ этомъ собственно дяди, то это потому только, что онъ говорилъ необыкновенно торжественно, краснорѣчиво, и такъ какъ онъ былъ авторитетный человѣкъ, то слова его были для всѣхъ закономъ, который, конечно, можно было и нарушать.

II.

Никто изъ Всесвятскихъ помѣщиковъ, какъ я сказалъ уже, у насъ не бывалъ, и вообще мы съ ними не были знакомы. Но у

сосѣдей мы встрѣчали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Съ нашимъ и вообще съ чѣмъ бы то ни было прїѣздомъ, они исчезали куда-то, а сосѣди, у которыхъ они были, рассказывали потомъ, какіе они несчастные, жалкіе и какіе вмѣстѣ съ тѣмъ необразованные и вообще невоспитанные.

— Вообразите,—рассказывали тѣ, у которыхъ они были, которые ихъ принимали или допускали до себя, — вообразите, не возможно за столъ съ собою посадить: сморкаются въ салфетки, ѣдятъ руками... А между тѣмъ вѣдь, всетаки, и неловко какъ-то не принять, не посадить съ собою: всетаки, вѣдь дворяне..

И они точно сами сознавали свое ничтожество и, говоря по-старинному, свою подлость передъ крупными, или по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе крупными въ сравненіи съ ними помѣщиками.

Бывало, ѣдемъ куда нибудъ, дорогой вдругъ встрѣчается въ телѣжкѣ въ одну лошадь или на бѣговыхъ дрожкахъ кучеръ не кучеръ, дворовый не дворовый, сворачиваетъ въ сторону, кланяется. Ему едва отвѣчаютъ и спрашиваютъ лакея, сидящаго на козлахъ:

— Это кто?

— Всесвятскій баринъ.

И называетъ одну изъ трехъ фамилій.

А то встрѣтится бывало въ телѣжкѣ; парой, цѣлая семья такихъ помѣщиковъ. Самъ глава семьи сидитъ на облучкѣ и править, а въ телѣжкѣ жена, дѣти, и съ ними, въ качествѣ няньки, какая-то баба.

Но особенно возмутительное чувство, съ дворянской точки зрѣнія, вызывали ихъ дѣти, бывшія ужъ на возрастѣ. Сыновья по виду и по всему—совершенно конюхи, охотники изъ псовой охоты; дочери—поповны, мѣщанки подгородныя, горничныя.

Старики были, всетаки, приличнѣе какъ-то, вѣжливыѣ, умѣли хоть заискивать, а эти были совершенно дички: при встрѣчахъ притаивались, прятались за сидѣвшихъ съ ними мужиковъ, вообще старались избѣгать всѣхъ встрѣчъ и точно боялись, чтобъ съ ними не заговорили.

Однажды, на какой-то плотинѣ мы вышли изъ экипажа,—плотина была узкая, пристяжныхъ отпрягли и ихъ велъ въ поводу бывшій съ нами лакей. Впереди съ одними дышловыми ѣхала карета, за ней мы шли, а позади лакей велъ въ поводу отпряженныхъ пристяжныхъ. Когда мы переправились черезъ плотину, и кучеръ остановилъ лошадей, чтобы снова припрячь пристяжныхъ, и мы усаживались въ карету, невдалекѣ, въ кустахъ, мы увидели какую-то телѣжку и въ ней мужика и кого-то, точно прятавшагося за нимъ. Лакей, которому было неловко припрягать одну лошадь и держать въ поводу въ это время другую, крикнулъ сидѣвшему въ телѣжкѣ: «Что сидишь-то, иль не видишь? Трудно небось

сойти помочь?». Прятавшійся за мужика слѣзъ съ телѣжки и помогъ припрячь пристяжныхъ. Это былъ одинъ изъ молодыхъ Всесвятскихъ помѣщиковъ, малый лѣтъ восемнадцати, краснощекий, въ розовой ситцевой рубашкѣ, совсѣмъ конюхъ.

— Это какой же? — потомъ спросила матушка лакея, и онъ назвалъ ей одну изъ Всесвятскихъ фамилій и сказалъ, чей это сынъ.

Другой разъ, подобнымъ же образомъ, то-есть тоже какъ-то въ дорогѣ, на постояломъ дворѣ, гдѣ мы кормили лошадей,—мы повстрѣчали какую-то не то мѣщанку пригородную, не то дочь чьего нибудь управляющаго, дѣвушку замѣчательной красоты, но совершенно простую и по одеждѣ, и по манерамъ. Матушка справилась, кто это, и она оказалась дочерью тоже какого-то Всесвятскаго помѣщика.

Матушкѣ очень понравилось ея лице, и она потомъ долго все вспоминала объ ней, говорила, что какъ это, всетаки, сейчасъ видна благородная кровь. Я помню, слушая ее, все удивлялся, почему же она тогда не узнала по этой благородной крови сразу, кто она такая...

Ближе мы не подходили къ нимъ, короче мы ихъ не знали, и они такими мнѣ представлялись, какими я вотъ ихъ описываю: отчасти любопытными, отчасти жалкими и вызывающими полубрезгливое къ нимъ отношеніе.

Съ годами я узналъ ихъ лучше, потому что узналъ покороче и осмысленнѣе сталъ вообще относиться къ обстановкѣ и нашей жизни и ихъ, и увидалъ, что разница вся тутъ только въ средствахъ.

III.

Я былъ уже въ пятомъ классѣ нашей губернской гимназіи, гдѣ я учился, и пріѣхалъ на Рождественскіе праздники домой, въ деревню. Въ эту зиму, тотчасъ послѣ праздниковъ, должны были быть дворянскіе выборы. Дома я засталъ отца и всѣхъ пріѣзжавшихъ къ намъ сосѣдей, всецѣло поглощенныхъ этими выборами. Толковали, кого выбрать въ предводители, кого въ судьи, въ исправники, въ засѣдатели и проч. Взявшивали шансы однихъ, права, ихъ достоинства и недостатки, потомъ принимались за другихъ, расцѣнивали и подробно рассматривали этихъ. Но такъ какъ, въ сущности, все дѣло было въ томъ, у кого больше сторонниковъ, чья партія сильнѣе, то всѣ эти расцѣнки достоинствъ и недостатковъ намѣченныхъ или предполагаемыхъ кандидатовъ на всѣ эти должности, въ концѣ концовъ, сводились на сосчитываніе шаровъ, кто сколькими располагалъ или кто на сколько шаровъ могъ рассчитывать.

И вотъ при этихъ сосчитываніяхъ и расчетахъ я то и дѣло, не безъ удивленія для меня, слышала, какъ все повторялись фамиліи Всесвятскихъ помѣщиковъ.

— У Зыбиныхъ одинъ купонъ.

— Нѣтъ, они въ этомъ году два составятъ.

— Это какъ же?

— А очень просто: у нихъ у всѣхъ оказывается двѣсти пять душъ.

— Вотъ такъ сюрпризъ!..

— Это что такое купонъ?—спросилъ я какъ-то.

Мнѣ объяснили.

Изъ этого объясненія и изъ дальнѣйшихъ ихъ разговоровъ и споровъ я понялъ, что обитатели Всесвятскаго, Всесвятскіе помѣщики, всѣ, въ общей сложности, представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ силу, такъ какъ всѣ они образуютъ четыре купона, слѣдовательно имѣютъ на баллотировкѣ четыре шара, чтѣ въ общемъ числѣ всѣхъ двадцати шаровъ въ уѣздѣ вовсе не пустяки, и въ спорахъ и разсужденіяхъ о шансахъ на выборъ того или другаго кандидата совѣмъ не напрасно такъ постоянно и настойчиво ихъ вспоминаютъ. Они настоящая сила, которой нельзя пренебрегать, и ими въ данномъ случаѣ и не пренебрегаютъ. Ими пренебрегаютъ вообще, въ смыслѣ знакомства съ ними, но теперь, во время баллотировки, ими нельзя и не слѣдуетъ пренебрегать. Ими надо заручиться. Они могутъ въ рѣшительный моментъ дать тому или другому кандидату перевѣсъ.

Вмѣстѣ съ этимъ я услышалъ и фамиліи знакомыхъ помѣщиковъ, которые, какъ говорили, заигрываютъ съ ними, ласкаютъ ихъ, помогаютъ имъ и обѣщаютъ еще больше помочь въ случаѣ полученія ихъ содѣйствія на предстоящихъ выборахъ.

Это была новость, которая меня заинтересовала, и я не безъ любопытства слѣдилъ за разговорами о предстоящихъ выборахъ, интересуясь главнѣйше этимъ ухаживаніемъ за захудалыми и находившимися все время въ общемъ пренебреженіи Всесвятскими помѣщиками.

Вскорѣ какъ-то у насъ былъ «дядя Сережа», такъ громко возмущавшійся поведеніемъ Всесвятскихъ помѣщиковъ и доказывавшій въ интересахъ поднятія дворянскаго достоинства необходимость ихъ уничтоженія, разжалованія ихъ изъ дворянъ. У дяди были соперники. Кромѣ того, дѣла у него поразстроились за время его двукратнаго предводительства, а между тѣмъ ему хотѣлось быть вновь избраннымъ и на этихъ предстоящихъ выборахъ.

И вотъ, за тѣмъ же обѣденнымъ столомъ, за которымъ онъ тогда такъ ораторствовалъ противъ Всесвятскихъ помѣщиковъ, называя ихъ не дворянами, а сбродомъ, я услышалъ ужъ совѣмъ другое объ нихъ.

— А я сейчасъ былъ въ Всесвятскомъ, — сказалъ онъ: — несчастные!

— А что? — спросилъ отецъ, и, мнѣ показалось, какъ будто стараясь не встрѣтиться съ дядей глазами.

— Ужасная бѣднота!

И, помолчавъ немного, дядя продолжалъ:

— Вотъ настоящая обязанность правительства помочь кому — это имъ! И въ самомъ дѣлѣ, мало развѣ у насъ казенной свободной земли, мало развѣ у насъ государственныхъ крестьянъ?.. Я не говорю, чтобы имъ дать по нѣскольку тысячь десятинъ земли, по нѣскольку сотенъ душъ, но дать имъ столько, чтобы они могли быть самостоятельными хоть на выборахъ.

— Это значить по сту душъ? — замѣтилъ кто-то.

— Ну, конечно, — отвѣтилъ дядя.

— И по тысячь десятинъ земли.

— Да, около.

— Чтобы Всесвятскіе помѣщики имѣли, если ихъ всѣхъ сосчитать, тысячь тридцать десятинъ земли и тысячи три душъ?

— По крайней мѣрѣ, дать нѣкоторымъ изъ нихъ, которые приличнѣе держатъ себя.

— То-есть тѣмъ, которые посытѣе и теперь?

Кто-то изъ обѣдавшихъ сосѣдей при этомъ ядовито замѣтилъ дядѣ, сказавъ:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, Сергѣй Павловичъ, обѣщалъ имъ, въ случаѣ избранія, поднять этотъ вопросъ, начать для нихъ объ этомъ ходатайство. Тогда они навѣрное были бы всѣ за васъ...

Дядя далъ этому замѣчанію шуточный характеръ, но оно видимо было непріятно для его самолюбія, такъ какъ укололо его въ больное его мѣсто — заискиваніе у Всесвятскихъ помѣщиковъ, что онъ, скрѣпя сердце, дѣлалъ, лишь бы только ему быть вновь избраннымъ.

— Ничего, — заключилъ сосѣдь: — выберутъ васъ и безъ нихъ, да и они что же могутъ имѣть противъ васъ?

— Я вовсе не за этимъ ѣздилъ въ Всесвятское, — вспыхнувъ, возразилъ дядя: — а по должности предводителя, такъ какъ я обязанъ же былъ вновь повторить имъ ихъ права, разъяснить ихъ обязанности. Вѣдь вы знаете, въ какомъ они состояніи: они отъ нужды совсѣмъ одичали почти.

— О! это они, будьте покойны, отлично всѣ знаютъ и понимаютъ. Это вы напрасно трудились. Они отлично понимаютъ и знаютъ, что теперь, во время выборовъ, и они не послѣдняя спица въ колесницѣ. Свои права и свои интересы они понимаютъ нисколько не хуже кого бы то ни было.

IV.

Но дядя былъ видимо раздраженъ и настаивалъ все на томъ, что это совершенно напрасно его подозрѣваютъ въ заискиваніи не только у Всесвятскихъ помѣщиковъ, но и у кого бы то ни было.

— Я не отказываюсь и долженъ служить дворянству,—говорилъ онъ:—какъ я служилъ и эти два трехлѣтія, но только я шагу не сдѣлаю, чтобы самому готовить свое избраніе. Хотятъ меня выбрать, пусть выбираютъ, но самъ я ничего для этого не намѣренъ дѣлать.

Однако, онъ не безъ сожалѣнія сообщилъ, что его противникъ, тоже кандидатъ на предводителя, за день до него былъ вовсе ужъ не для какой обязанности, а прямо, чтобы заручиться содѣйствіемъ, въ Всесвятскомъ и тамъ пообѣщавъ одному опредѣлить сына на казенный счетъ, другому—дочь, третьему—мѣстечко смотрителя магазиновъ, четвертому—протоколиста опеки и проч., и проч.

— Это кто же вамъ говорилъ? Откуда же вы это знаете?—спросилъ его сосѣдь.

— Они же сами все это мнѣ выболтали.

— По какому случаю?... Какъ зашелъ у васъ съ ними объ этомъ разговоръ?

И сосѣдь, улыбаясь, углубился въ тарелку.

— Я ихъ сманивалъ обѣщаніями на свою сторону, а они торговались и сказали мнѣ, что Александръ Николаевичъ (его противникъ, другой кандидатъ на предводителя) обѣщавъ имъ больше,—отвѣтилъ ему дядя, зло и съ презрѣніемъ посматривая на него.

Сосѣдь ничего ему не отвѣчалъ и только пожалъ плечами, дескать, къ чему это, развѣ я на это намекалъ.

Но и всѣ, и я повимали, что онъ на это именно, а не на что другое намекалъ, и хотя заискиваніе у Всесвятскихъ помѣщиковъ передъ баллотировкой и было, какъ оказывалось, обычное явленіе, однако положеніе дяди было неловкое.

Въ моихъ же собственно глазахъ это противорѣчіе дяди въ разсужденіяхъ о Всесвятскихъ помѣщикахъ и теперь изворачиваніе и запирательство въ дѣйствительной причинѣ его поѣздки къ нимъ уронили его въ моихъ глазахъ, и съ этихъ поръ онъ пересталъ быть для меня авторитетомъ.

А потомъ, позже, ужъ лѣтомъ, я узналъ, что Всесвятскіе эти помѣщики дорого ему стали. Его выбрали таки при помощи ихъ, но онъ раздарилъ имъ кому лошадь, кому двухъ, кому далъ прямо денегъ и, кромѣ того, надавалъ всякихъ обѣщаній относительно разныхъ опредѣленій на службу и помѣщенія дѣтей ихъ въ казенныя учебныя заведенія на дворянскій счетъ.

Но съ избраніемъ его кончились и всякія его съ ними любезности, и онъ въ качествѣ предводителя ужъ болѣе не находилъ нужнымъ заѣзжать къ нимъ и объяснять имъ ихъ интересы и права.

Такъ обыкновенно все поступали, такъ поступалъ и онъ, исполнивъ, разумѣется, относительно ихъ все свои обѣщанія объ опредѣленіяхъ и помѣщеніяхъ, благо это ничего ему не стоило.

V.

Дядя Сергѣй Павловичъ жилъ верстахъ въ шестнадцати отъ насъ. Имѣніе его, Павловское, по усадьбѣ, по обширному и богатому дому тамъ, по всемъ удобствамъ и затѣямъ, считалось однимъ изъ наилучшихъ въ губерніи.

Въ Павловскомъ были пруды, наполненные удивительными карпами и карасями. Въ паркѣ были устроены отдѣленія для дикихъ козъ, для лосей, которые водятся въ сѣверныхъ уѣздахъ нашей губерніи, откуда привозили ихъ ему маленькими, и онъ ихъ выращивалъ. Были отдѣленія и для зайцевъ, и для молодыхъ и старыхъ лисицъ, для молодыхъ и старыхъ волковъ. Въ паркѣ же у дяди былъ устроенъ и медвѣжатникъ—огромная яма, обнесенная высокимъ частоколомъ, въ которой жило пять или шесть медвѣдей, лазавшихъ очень ловко на стоявшее посреди ямы подобіе дерева и оттуда просившихъ себѣ подачки или водки.

Въ саду и по двору ходили, гордо выступая, павлины, съ роскошными длинными хвостами, на которыхъ изумрудно-золотистые глазки такъ и горѣли подъ солнцемъ. Бѣгали, согнувшись и издавая пронзительный, надоедливый крикъ, хорошенькія сѣренькія цесарки съ красными гребешками. На кухнѣ, подъ лавками, жили задернутые сѣткой перепела. Кромѣ того, постоянно на дворѣ была какая нибудь рѣдкостная птица—ручной журавль, говорящая сорока и т. п. Для скворцевъ были устроены десятки скворешень, и они летали цѣлыми стадами.

Борзой охоты, вопреки тогдашнему обычаю, дядя, однако, не держалъ. Но это не мѣшало его любви къ собакамъ. Въ домѣ у него постоянно было штукъ пять ихъ разныхъ величинъ и породъ, и онѣ порядочно надоедали гостямъ, особенно во время обѣда и ночью, шляясь по комнатамъ. Собаки эти дѣйствительно были распущены и избалованы у него донельзя и оттого не всегда и держали себя опрятно.

Кромѣ того, у жены его, у тетупки Дарьи Николаевны, было нѣсколько любимыхъ кошекъ какой-то пестрой, трехцвѣтной породы, приносившихъ дому, въ которомъ онѣ жили, счастье, но также, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дурной запахъ.

Обо всемъ этомъ я говорю потому, что дальше это будетъ служить объясненіемъ къ одному случаю, сдѣлавшемуся любимой те-

мой для разговоръ всего уѣзда чуть ли не втеченіе цѣлаго года, а, можетъ быть, и больше.

Въ серединѣ лѣта, пятого іюля, дядя Сергѣй Павловичъ бывалъ именинникомъ, и къ этому дню въ Павловское съѣзжались родственники и предводительствуемые имъ дворяне съ женами и дѣтьми. Такъ было заведено изстари, это было въ тогдашнихъ обычаяхъ, и такъ было и въ этомъ году, то-есть въ первое лѣто по избраніи дяди на третье трехлѣтіе, о которомъ говорено было выше.

Мы пріѣхали въ Павловское еще наканунѣ и застали тамъ уже порядочное таки общество. Между прочимъ, пріѣхалъ и богатый помѣщикъ, другъ дяди, генераль Луневъ, служившій еще въ двѣнадцатомъ году и гдѣ-то раненный. Это былъ очень полный, со-всѣмъ бѣлый старикъ съ рѣдкимъ и въ то время Кульмскимъ крестомъ, который у него всѣ разсматривали почему-то съ особеннымъ почтеніемъ. Луневъ никогда одинъ не ѣздилъ, а всегда непремѣнно съ кѣмъ нибудь,—съ адъютантами, какъ называли его спутниковъ.

На этотъ разъ такимъ адъютантомъ онъ привезъ съ собою одного изъ Всесвятскихъ помѣщиковъ, Евстингея Лукича Чарыкова, высокаго, худаго старика, съ бритымъ скуластымъ лицомъ, съ необыкновенно выдающимися челюстями и большими черными глазами, какъ-то страшно глядѣвшими изъ глубокихъ темныхъ впадинъ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то сѣренькій костюмъ, висѣвшій на немъ какъ на вѣшалкѣ: до того онъ былъ тощъ и изможденъ. Я даже остановился и не могъ отвести отъ него глазъ, когда въ первый разъ увидалъ его.

Онъ явился къ дядѣ поздравить его съ ангеломъ, кромѣ того, еще и потому, что дядя, послѣ избранія своего, согласно обѣщанію, доставилъ ему мѣсто магазиннаго смотрителя, то-есть ревизора хлѣбныхъ магазиновъ, которые въ то время должны были быть у всѣхъ помѣщиковъ и которыхъ ни у кого никогда не было. Это была должность чисто фиктивная, какъ и сами эти магазины, но на ней кормились, то-есть этимъ магазиннымъ смотрителямъ (всегда изъ бѣдныхъ дворянъ), когда они являлись, давали «сѣнца», «овсеца», «ржицы», гусятины, курятины, масла и проч. Эти былъ, всетаки, доходшко въ общемъ очень даже порядочный, а для бѣдняка дворянина, какими были всѣ Всесвятскіе помѣщики, и даже хорошій.

Чарыковъ поэтому дядю называлъ не иначе, какъ «мой благодѣтель».

Теперь, наканунѣ праздника, когда были еще только свои и ближайшіе, Чарыковъ былъ допущенъ и въ зало и въ столовую и даже въ гостиную, гдѣ почтительно сидѣлъ въ углу, у самой входной въ зало двери. Къ нему даже иногда обращались съ какими

нибудь вопросами, и онъ отвѣчалъ на нихъ своимъ глухимъ, надтреснутымъ и какъ-то дрожащимъ голосомъ.

Я вдоволь насмотрѣлся на него, и онъ показался мнѣ несказанно жалкимъ, а эти всѣ родственники и знакомые, относившіеся къ нему свысока и пренебрежительно, такими пошляками.

Но тутъ, въ домѣ, надъ нимъ никто еще не насмѣхался. Нѣсколько разъ только вспоминали какіе-то случаи, бывшіе съ нимъ, причемъ Чарыковъ ежился, болѣзненно какъ-то улыбался, а всѣ начинали смѣяться. Дальше этого не шло.

Но вотъ пообѣдали, дамы отправились на балконъ сидѣть, гдѣ имъ подавали кофе, десертъ, а мужчины пошли отдыхать, и имъ подали шампанское и разныя настойки. Увели они съ собою и Евстигнея Лукича.

VI.

Что у нихъ тамъ происходило, я не былъ ничему свидѣтелемъ, такъ какъ къ нимъ не ходилъ, а оставался на балконѣ и въ саду, но когда отдохнувшіе наконецъ гости начали одинъ по одному являться на балконъ,—всѣ они были въ отличномъ расположеніи духа и рассказывали, что дурачились долго и смѣялись надъ потѣшавшимъ всю компанію Чарыковымъ.

— Григорій Николаевичъ (тоже нашъ родственникъ) ему кобылу рыжую подарилъ,—сказалъ кто-то.

— За что?—спросили его.

— Да такъ, досада эдакая вышла... Григорій Николаевичъ хотѣлъ перешагнуть черезъ него, а тотъ поднялся, Григорій Николаевичъ и зацѣпилъ его каблукомъ. Пошла кровь... Старикъ заплакалъ... Ну, онъ, чтобы утѣшить его, и подарилъ ему кобылу.

— Бѣдный. И что вамъ за охота такъ шутить и смѣяться надъ нимъ!—замѣтила одна изъ дамъ.

— Ничего. Ему приложили англійскій пластырь... Въ два-три дня заживетъ,—успокивалъ рассказчикъ.

Вечеромъ, когда заглодало, мужчины всѣ собрались идти на конюшню смотрѣть на выводку лошадей.

У дяди былъ очень хорошій конскій заводъ; я всегда любилъ лошадей и тоже пошелъ со всѣми. На крыльцѣ къ намъ присоединился и что-то дѣлавшій тамъ Чарыковъ. Онъ былъ съ огромнымъ чернымъ кружкомъ англійскаго пластыря на щекѣ и, кромѣ того, имѣлъ у самага виска еще синякъ.

Теперь никто съ нимъ не шутилъ, не смѣялся надъ нимъ, напротивъ, всѣ были какъ-то съ нимъ ласковы, точно жалѣли его и точно чувствовали себя неловко отъ этой неудачной шутки, причинившей ему и боль и слезы.

Прогулка до конюшни, отстоявшей на довольно порядочномъ разстояніи отъ дома, выводка лошадей, проѣздка нѣкоторыхъ изъ нихъ передъ конюшней на выгонѣ прошли благополучно, т. е. никто не позволилъ себѣ никакихъ шутокъ надъ Чарыковымъ.

Я любовался лошадьми, но посматривалъ и на Чарыкова, стараясь разгадать по его лицу его настроеніе,—дѣйствительное, а не то веселое, въ которомъ онъ, повидимому, находился. Я все никакъ не могъ понять, какъ можетъ себя весело чувствовать человекъ въ обществѣ, гдѣ съ нимъ такъ обращаются. Но я ничего не подмѣтилъ и не разгадалъ на его лицѣ. Онъ только часто измѣнялся, изъ суроваго дѣлаясь вдругъ подобострастнымъ и заискивающимъ, когда къ нему обращался или только глядѣлъ на него кто нибудь изъ вліятельныхъ крупныхъ гостей.

Также благополучно всѣ вернулись и обратно домой. Вскорѣ, по деревенскому тогдашнему обычаю, подали и ужинъ, т. е. полное повтореніе обѣда, начиная съ супа и до пирожного включительно.

Въ концѣ ужина отъ выпитаго вина почти всѣ мужчины повеселѣли, начались громкіе разговоры, шутки, смѣхъ. Дамы ушли. Матушка посовѣтовала и мнѣ уходить спать. Въ столовой оставалась одна мужская компанія, и въ ней порядочно-таки подвыпившій (ему все подливалъ Григорій Николаевичъ) Евстигней Лукичъ.

Моя комната, гдѣ я спалъ, была недалеко отъ столовой, и я такъ и заснулъ, а они все разговаривали, рассказывали, шумѣли и хохотали.

VII.

Утромъ я проснулся довольно рано, умылся, одѣлся, вошелъ въ залъ, намѣреваясь пройти черезъ балконъ въ садъ, и вдругъ, къ удивленію моему, встрѣтилъ тоже ужъ вставшаго дядю Сергѣя Павловича въ халатѣ и страшно взбѣшеннаго.

Онъ мелькомъ поздоровался со мною и продолжалъ что-то толковать съ лакеями, стоявшими тутъ со щетками, тряпками и тазами.

— Такъ гдѣ же онъ?—спрашивалъ дядя.

— Да нѣтъ-съ его. Искали вездѣ и въ саду, и на дворѣ. Пальто и фуражка его тутъ, въ передней.

— Эдакій свинья! Отыщите мнѣ его непременно. Не сбѣжалъ же онъ,—говорилъ дядя.

Лакеи полусерьезно, полуулыбаясь, продолжали увѣрять, что вездѣ уже его искали,—нѣтъ, не нашли, и никто не видалъ его: какъ въ воду кануль...

Въ это время вошелъ въ зало, тоже въ халатѣ, еще кто-то изъ гостей, и дядя сталъ объяснять происшествіе.

— Чарыковъ пропалъ. Скрылся неизвѣстно куда,—говорилъ дядя.—Чортъ бы съ нимъ совѣмъ, но что онъ тутъ надѣлалъ. Онъ мнѣ весь кабинетъ загадилъ. Я вхожу сегодня—не продохнуть... А его самого нѣтъ... Оказывается, вчера, послѣ ужина, какъ ушли, его никто не замѣтилъ, онъ и проспалъ всю ночь на диванѣ, а сегодня рано проснулся, увидалъ, что надѣлалъ, и скрылся...

Сосѣдъ принялся смѣяться, а дядя обиженнымъ и раздраженнымъ голосомъ возразилъ:

— Я терпѣть не могу этихъ шутокъ. Это все Григорій Николаевичъ. Подсыпаетъ ему всякой дряни въ вино, съ нимъ Богъ знаетъ что и дѣлается. Ну, что за мерзости! Теперь въ кабинетъ войти нельзя...

Вдругъ въ отворенной балконной двери показалась странная личность, не то одѣтая, не то завернутая (во что-то бѣлое, и съ обѣихъ сторонъ лакеи.

— Гдѣ его нашли?—крикнулъ дядя.

— На рѣчкѣ, на плоту... Мысля,—отвѣчали, едва сдерживаясь отъ смѣха, лакеи.

Человѣкъ, завернутый въ бѣлое, медленно подавался, упираясь; лакеи его подталкивали.

Это былъ Чарыковъ. Страшно испуганное и болѣзненно-блѣдное лице его осунулось еще болѣе, и какая-то мертвенная синева покрывала его; глаза ввалились еще глубже въ впадины и глядѣли оттуда съ неизобразимымъ испугомъ.

— Ты это что же?.. Въ хлѣвъ пріѣхалъ?—обратился къ нему дядя.

Чарыковъ молчалъ.

— Напивается до безчувствія и потомъ...

Чарыковъ сталъ опускаться на колѣни.

— Скотина ты эдакая! Не нужно этого!—крикнулъ дядя.— Поднимите его!

Лакеи его подняли.

— Ты понимаешь свой поступокъ?—продолжалъ дядя.—За это что съ тобою, по настоящему, надо сдѣлать? Носомъ тебя туда...

Чарыковъ заплакалъ.

— Григорій Николаевичъ все подливаютъ мнѣ и порошки какіе-то сыплютъ,—оправдывался онъ.

— А ты и радъ! Шута изъ себя корчить! А тоже дворянинъ!

Дядя смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, брезгливо, но сердце у него, видимо, ужъ прошло. Стоявшій тутъ сосѣдъ смотрѣлъ на всю эту сцену и улыбался.

Въ это время черезъ залъ, выскочивъ изъ угольной, пробѣжала одна изъ трехцвѣтныхъ тетупкиныхъ кошекъ, очевидно, тоже сдѣлавшая «шалость», и за ней съ тряпкой побѣжалъ было лакей.

Вдругъ Чарыковъ, гробовымъ голосомъ, сквозь слезы и какъ-то торжественно воскликнулъ:

— И развѣ это я нарочно! И чтожъ тутъ позорнаго для вашего дома?... Собакамъ — можно... Кошкамъ — можно... А дворянину — нельзя!..

Дядя точно остолбенѣлъ отъ удивленія и молча долго смотрѣлъ на него. Собравшіеся сосѣди разразились хохотомъ. Лакеи закрыли рты руками и еле держались отъ смѣха.

— Фу, негодяй! — проговорилъ наконецъ дядя, посмотрѣлъ на смѣявшихся, пожалъ плечами и ушелъ изъ зала. Лакеи куда-то повели Чарыкова.

Онъ сдѣлался, благодаря этой выходкѣ, героемъ дня въ этотъ день.

Начавшіе съ утра съѣзжаться сосѣди, узнавая о сравненіи, сдѣланномъ Чарыковымъ, приходили въ восторгъ и хохотали. Приѣзжали слѣдующіе, узнавали и тоже восторгались и хохотали. Приѣхали, наконецъ, почетнѣйшіе люди въ уѣздѣ и тоже были въ восхищеніи отъ сравненія Чарыкова...

По секрету, кто-то сообщилъ объ этомъ и дамамъ, тѣ дѣлали гримасы и тоже смѣялись.

За часъ или за два до обѣда приѣхалъ губернаторъ, объѣзжавшій въ это время ввѣренную ему губернію для ревизіи; дядя шутя рассказалъ ему о происшествіи, и губернаторъ пришелъ въ восторгъ.

— Покажите мнѣ его. Гдѣ онъ?

Позвали и привели Чарыкова.

— Этотъ самый? — взглядываясь въ него въ монокль, спросилъ губернаторъ.

— Этотъ самый.

— Какъ это вы выразились? Собакамъ — можно... кошкамъ — можно... а дворянину — нельзя...

— Точно такъ.

— И вы завидуете по этому случаю кошкамъ и собакамъ?

— Точно такъ.

— И желали бы быть на ихъ мѣстѣ для этого?

— Точно такъ.

— Пользоваться этими ихъ правами?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Вотъ примѣръ, — сказалъ губернаторъ: — до чего можетъ опуститься человѣкъ, будучи даже дворяниномъ...

Одинъ только архіерей, разѣзжавшій по епархіи, подобно губернатору, для ревизіи и тоже заѣхавшій на именины къ предводителю, когда ему въ видѣ шутки рассказали о сравненіи, сдѣланномъ Чарыковымъ, сдѣлалъ серьезное и грустное лице и проговорилъ:

— Несчастный человѣкъ... опустившійся. Что же надъ нимъ смѣяться! Его жалѣтъ надо...

Выраженіе Чарыкова: «собакамъ можно, кошкамъ можно, а дворянину нельзя», сдѣлалось въ уѣздѣ любимымъ, и его повторяли кстати и не кстати, находя верхомъ остроумія.

VIII.

Прошло два года. Я былъ уже въ университетѣ и пріѣхалъ на каникулы въ деревню. Пятаго іюля у дяди, все еще служившаго предводителемъ, по обыкновенію собрался весь уѣздъ.

Я какъ-то вспомнилъ о Чарыковѣ и спросилъ, гдѣ онъ и будетъ ли сегодня.

— За чѣмъ? Нѣтъ — отвѣтили мнѣ:—онъ лишился ногъ и лежитъ, почти не вставая, у себя въ усадебцѣ.

Время тогда было для дворянъ не веселое, готовилось объявленіе освобожденія крестьянъ. Не до Чарыкова ужъ было. Всѣ говорили только о дѣлѣ и притомъ говорили или только между собою, или обиняками и намеками, если была тутъ прислуга. Веселья, по крайней мѣрѣ, того веселья, которое было еще такъ недавно, какихъ нибудь два года назадъ, не было теперь и въ поминѣ. Дядины дѣла къ этому времени были такъ запутаны, состояніе распатано, что онъ тянулъ, что называется, на послѣднія, занимаемая подъ будущій умолотъ, сдавая на нѣсколько лѣтъ землю купцамъ съ условіемъ полученія впередъ денегъ и проч. Онъ дослуживалъ послѣдніе, оставшіеся до выборовъ, мѣсяца, уже и не помышляя о слѣдующемъ избраніи. Не было того разливаннаго моря и въ этотъ знаменательный для него день, которое обыкновенно всегда бывало и къ которому всѣ привыкли. Не было и почетныхъ гостей — губернатора и архіерея. Лежала на немъ и на всемъ въ домѣ у него тѣнь унынія.

Вдругъ кто-то неожиданно увидѣлъ въ окно подѣхавшаго къ крыльцу Чарыкова и сообщилъ объ этомъ.

Всѣ почему-то заинтересовались имъ и хотѣли поскорѣй его увидать. Всѣ знали, что онъ уже съ годъ какъ никуда не показывался изъ дому.

— Это онъ васъ поздравить пріѣхалъ. Больной, а вспомнилъ, пересилилъ себя, пріѣхалъ,—говорили дядѣ.

Въ другое время, два года назадъ, онъ бы не обратилъ на это вниманія, да и никто бы не обратилъ, но теперь другое было время, а главное другія были у дяди дѣла, и онъ,—я ясно это прочелъ на его лицѣ,—заинтересовался Чарыковымъ и былъ доволенъ его пріѣздомъ.

Кое-кто пошелъ къ нему даже навстрѣчу въ переднюю.

Вскорѣ, опираясь на костыль, въ дверяхъ того самаго зала, гдѣ тогда разыгралась такая печальная и унижительная сцена, пока-

залась согбенная фигура высокаго старика, ставшаго отъ болѣзни совсѣмъ уже бѣлымъ.

— Здравствуй, Евстигней Лукичъ!—проговорилъ дядя и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, Сергѣй Павловичъ!—отвѣтилъ съ передышкой Чарыковъ.

Дядя поцѣловался съ нимъ.

— Да ты еще молодецъ. А мнѣ сказали, что ты ужъ совсѣмъ плохъ.

— Плохъ и есть. Не выхожу. Это вотъ только къ вамъ пріѣхаль...

— Ну, спасибо... спасибо...

Чарыковъ, едва передвигая ноги, подошелъ къ стулу, стоявшему совсѣмъ у входной двери, возлѣ окна, и тихо, медленно на него опустился, стукнувъ своимъ костылемъ.

Его обступили и стояли вокругъ него.

Онъ отдышался и заговорилъ:

— Послѣдній разъ пріѣхаль.

— Ну, что такое... Богъ дастъ, еще проживете.

— Послѣдній разъ хочу посмотреть на все собравшееся здѣсь почтенное дворянство,—не обращая вниманія на возраженіе, продолжалъ съ обычной своей разстановкой Чарыковъ.— Да и у нашего почтеннаго предводителя оно, вѣроятно, собирается тоже въ послѣдній разъ... Вѣдь ужъ вы больше выбираться, вѣроятно, не будете?

— Нѣтъ. Довольно съ меня, послужилъ и будетъ!.. Теперь пускай другіе послужать,—съ горечью сказалъ дядя.

— Довольно,—рѣшающимъ тономъ заключилъ Чарыковъ и опять закашлялся и умолкъ.

Что-то странное, загадочное мнѣ сразу показалось и въ этомъ пріѣздѣ его, и теперь въ его тонѣ, съ которымъ онъ говорилъ. Было что-то такое, что наводило на мысль, что это не просто, не одно только расположеніе къ предводителю его привело сюда. И всѣ это замѣтили и почувствовали. Особенно на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе этотъ новый тонъ его—не привыкли къ нему, совсѣмъ другой онъ у него былъ. И это не потому, что онъ былъ обезсиленъ, боленъ, зналъ, что съ него за это взять уже нечего, и позволялъ его себѣ поэтому. Нѣтъ. Чувствовалось что-то другое, какаютъ другая причина давала ему право на этотъ необычный его тонъ... Но какая?.. Плохія, запутанныя дядины дѣла? Увѣренность, что онъ больше уже не будетъ предводителемъ?

И всѣ, хотя не высказывались, но ходили съ этою маленькою загадкой.

Чарыкова за обѣдомъ посадили за общій столъ, накрытый лакеями въ залѣ,—не на почетныхъ мѣстахъ, но и не на самыхъ от-

даленныхъ. Это было тоже не обычное явленіе, потому что его никогда прежде на этихъ мѣстахъ не сажали, да въ торжественные дни и вообще не сажали: онъ куда-то на время обѣда исчезалъ.

За обѣдомъ дядя нѣсколько разъ обращался къ нему, а обходя, по обычаю, гостей, сидѣвшихъ за столомъ, и потчuya ихъ, онъ останавливался возлѣ Чарыкова и разговаривалъ съ нимъ.

Когда пили шампанское и всѣ начали поздравлять именинника чокаться съ нимъ и пить его здоровье, дядя самъ подошелъ къ Чарыкову, стоявшему у своего стула и не рѣшавшемуся переступить своими больными ногами.

Совсѣмъ другія вдругъ установились къ нему отношенія. Всѣ замѣчали это, видѣли, понимали, но никто не находилъ этого страннымъ, точно это всегда такъ и было и иначе и не было.

И послѣ обѣда, когда всѣ встали изъ-за стола, онъ не остался одинъ. Около него собралось человѣкъ пять, сѣли къ окну и разговаривали съ нимъ, разспрашивали его, онъ рассказывалъ.

Въ кучкахъ, на которыя разбились всѣ послѣ обѣда, нѣсколько разъ были слышны отзывы о немъ, какъ объ очень неглупомъ человѣкѣ.

— Напускалъ это онъ тогда юродство на себя.

— Нужда!

— Совсѣмъ сталъ старикъ.

— А всетаки пріѣхалъ. Вы слышали: «посмотрю, говоритъ, хотъ въ послѣдній разъ на дворянство»...

— М... да. Что-то будетъ...

И разговоръ переходилъ на злобу дня, на ожидавшееся объявленіе воли...

IX.

Вечеромъ, пользуясь прекрасной погодой, всѣ, кто не отправился на конюшню смотрѣть выводку и пробѣздку лошадей, разбрелись по обширному Павловскому саду, гуляли, сидѣли на скамейкахъ.

На одной изъ нихъ сидѣлъ Чарыковъ съ костылемъ въ рукѣ и что-то ораторствовалъ. Вокругъ него стояло человѣкъ пять и слушали его.

Я подошелъ къ группѣ.

— И всѣ вы сойдете на одно и будете всѣ такими же,—говорилъ онъ.—Я ужъ, можетъ быть, не доживу, не увижу этого, но вы вотъ попомните мое слово. Потому подъ самый корень подсакаютъ...

Его слушали съ мрачными лицами.

— Потому,—продолжалъ онъ,—дворянинъ безъ слуги своего быть не можетъ. Какой же послѣ этого онъ можетъ быть дворянинъ,

когда слуга его будетъ равный съ нимъ. И на что онъ, дворянинъ, нуженъ послѣ этого? Дворянинъ высокое слово. Онъ отецъ—все равно худой или добрый—своимъ дѣтямъ, людямъ своимъ; но если у него этихъ дѣтей, людей его, берутъ,—зачѣмъ и кому тогда онъ нуженъ? Что онъ безъ нихъ?.. Торговать ему пойдти?.. Служить?.. На что онъ служить будетъ? Изъ-за жалованья? На это чиновники есть... Землю частью, говорятъ, оставляютъ. Что онъ съ землей будетъ дѣлать? Самъ пахать ее не можетъ. Нанимать,—какъ это дѣлается теперь у купцовъ на ихъ хуторахъ,—да развѣ это дворянское дѣло? Тѣ барышники, а развѣ дворянинъ сидѣлъ на землѣ изъ-за барышей? Онъ сидѣлъ, чтобъ и самому жить, и дѣтей, своихъ людей, кормить. Ему ничего не надо было, потому что все его было, и дѣтямъ, людямъ его, ничего не надо было, потому что онъ имъ все давалъ, они все отъ него получали. Онъ жилъ съ дѣтьми, своими людьми, кормился на землѣ, а не барышничалъ на ней. И тотъ дворянинъ былъ честенъ, который сытно и самъ жилъ и дѣти, люди его, сытно жили, а не тотъ, который скоплялъ, и оттого самъ голодалъ и люди его голодали...

Онъ говорилъ это срывающимся, высокимъ голосомъ, поднимая руку, какъ бы пророчествуя, и во всей фигурѣ его и въ лицѣ его было что-то пророческое, точно этотъ человѣкъ пришелъ оттуда, гдѣ никто не былъ, и рассказываетъ о томъ, чего никто не видалъ, наставляя и вразумляя слушающихъ его.

Подходили другіе гуляющіе въ саду, останавливались, слушали, молчали.

Наконецъ онъ закашлялъ, умолкъ и въ раздумьѣ и усталости опустилъ голову на грудь.

— А вѣдь правда это все, что онъ говоритъ,—прерывая общее молчаніе, сказалъ кто-то въ числѣ собравшихся.

— Конечно, правда,—отозвались ему.

И начались разговоры, самые обыкновенные, которые велись тогда, о несправедливости реформы, о неблагодарности и проч. Эти разговоры, не заключавшіе въ себѣ никакой мысли, кромѣ узкой и эгоистичной, мнѣ надоѣли ужъ по горло, и я отошелъ.

— А вѣдь, пожалуй, правъ онъ,—думалъ и я про Чарыкова.— Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, они всѣ будутъ дѣлать безъ мужиковъ, безъ всей этой крѣпостной прислуги?!

Я походилъ съ часъ по саду. Начинало ужъ темнѣть, въ домѣ ужъ зажгли огни. Я пошелъ къ дому. Когда я проходилъ мимо той скамейки, на которой часъ назадъ сидѣлъ и ораторствовалъ Чарыковъ, я невольно вспомнилъ его и опять задумался о немъ.

Поднимаясь на террасу, я услышалъ смущенно-встревоженный голосъ стоявшихъ и разговаривающихъ на верху.

— Все время говорилъ, рассказывалъ, потомъ закашлялся. и вдругъ это съ нимъ...

— Можетъ быть, еще это и пройдетъ. Просто, можетъ быть, дурно съ нимъ сдѣлалось.

— Съ кѣмъ? — будучи почему-то увѣренъ, что это произошло съ Чарыковымъ, и говорятъ о немъ, спросилъ я.

— Съ Чарыковымъ обморокъ сдѣлался... а можетъ, и, разрывъ сердца,—отвѣчалъ кто-то мнѣ.

Въ домѣ были всѣ смущены, встревожены и говорили только о немъ. Дяди не было. Онъ былъ тамъ, куда изъ сада на рукахъ отнесли его, во флигелѣ для гостей, возлѣ дома.

Я пошелъ было туда, но на встрѣчу мнѣ попались дяди и другіе возвращавшіеся оттуда.

— Нѣтъ, разрывъ сердца, — говорилъ дядя. — Удушье у него было... закашлялся и... Но это ужасно... ужасно! —повторялъ онъ.

— Что умеръ?—спросилъ я.

— Скончался...

Я не пошелъ туда.

Неожиданная смерть его произвела на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. И безъ того довольно унылое общее настроеніе смѣнилось настоящимъ удручающимъ. Всѣ говорили тихо, точно боясь нарушить чей-то покой. Разбились всѣ на кучки и передавали другъ другу разныя подробности кончины. Многіе собрались уѣзжать... Дядя ходилъ совсѣмъ разстроенный. Подходилъ къ однимъ, говорилъ: «да, ужасный случай», потомъ шелъ къ другимъ и повторялъ то же самое: «ужасно, ужасно»...

— И утромъ, какъ еще онъ только вошелъ, онъ показался мнѣ страннымъ какимъ-то,—слышалось въ одной группѣ.

— И вообще все это... Этотъ пріѣздъ его... это какой-то намекъ его..

— «Хочу послѣдній разъ видѣть все дворянство», —вспомнилъ кто-то его слова.

Въ гостиной кто-то, желая, можетъ быть, разсѣять, разогнать общее тяжелое настроеніе, отвести мысли отъ печальнаго происшествія, заигралъ было на рояли, но всѣ начали говорить, что теперь это не идетъ: въ домѣ покойникъ...

— Да вѣдь онъ не въ домѣ, а во флигелѣ.

— Все равно.

И игра прекратилась.

Чтобы какъ нибудь убить, сократить время, велѣли раньше собирать ужинъ и раньше всѣ сѣли за столъ.

Но и это не помогло. Всѣ никакъ не могли отрѣшиться отъ происшествія, или молчали, или говорили все о немъ же.

— Да, вотъ подите. Всю жизнь велъ себя такъ... а передъ смертью чтò высказывалъ. И точно нарочно за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы все это высказать...—говорили заужиномъ.

— Всю жизнь велъ такъ... а умеръ дворяниномъ...

Начали по этому поводу вспоминать другихъ изъ достаточныхъ,

настоящихъ помѣщиковъ, которые всю жизнь играли не то шутовъ, не то юродивыхъ, а между тѣмъ несомнѣнно чувствовали въ себѣ дворянство.

И всѣ были согласны, что это общая русская черта, характерная особенность русскаго ума—скрывать настоящаго себя, каковъ есть на самомъ дѣлѣ, подъ личиной.

Х.

Дядя устроилъ приличныя, даже богатыя похороны Чарыкову. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ и какъ предводитель, желая показать, какъ онъ высоко ставилъ дворянское званіе, хотя бы носитель его и былъ бѣднѣйшій человекъ въ уѣздѣ, и—это, пожалуй, главное—подъ впечатлѣніемъ какого-то страннаго, особеннаго въ немъ чувства, имѣвшаго своимъ источникомъ угрызение совѣсти и суевѣрный страхъ...

Мы пробыли въ Павловскомъ похороны Чарыкова и еще одинъ день послѣ этого. Я былъ и на похоронахъ, и потомъ, послѣ похоронъ, на поминальномъ обѣдѣ, который былъ устроенъ во флигелѣ, гдѣ лежалъ покойный и гдѣ теперь всѣмъ распоряжалась, угощала всѣхъ на дядинъ счетъ пріѣхавшая изъ Всесвятскаго жена Чарыкова.

Вынесли гробъ съ покойникомъ самъ дядя съ бывшими у него гостями, остававшимися въ Павловскомъ со времени именинъ. И дядя, и всѣ шли за гробомъ до церкви, которая была въ полтора верстахъ, на концѣ села, за мостомъ, по той сторонѣ рѣки.

Это было въ воскресенье; народа, одѣтаго попраздничному, въ церкви было много, день къ тому же былъ ясный, солнечный, и картина похоронъ была торжественная и величественная, особенно когда несли гробъ отъ церкви до могилы. Дьяконъ, съ очень хорошимъ голосомъ, провозгласилъ вѣчную память боярину Евсигнею. Отецъ Онисимъ сказалъ краткое слово, въ которомъ очень тепло и сердечно отозвался о покойномъ, сказавъ, что онъ, будучи любимъ многими «сильными мѣстными владѣтелями», никого изъ нихъ не подвигнулъ на гоненіе и притѣсненіе подданныхъ, но, напротивъ, умѣрялъ ихъ гнѣвъ, склонялъ къ милосердію и кротости...

— А вѣдь это вѣрно, въ самомъ дѣлѣ онъ постоянно упрашивалъ и заступался, — замѣчали въ толпѣ, окружавшей могилу, точно будто сейчасъ только догадались объ этомъ...

Гробъ опустили въ могилу, засыпали ее, постояли и начали расходиться.

Во флигелѣ для гостей, въ той самой даже комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ съ покойникомъ и на томъ же самомъ, вѣроятно, столѣ былъ приготовленъ «поминальный столъ», кувертовъ на тридцать для

приглашенныхъ и пріѣхавшихъ изъ Всесвятскаго родственниковъ покойнаго.

Съѣздъ этихъ Всесвятскихъ дворянъ, черезъ три дня послѣ имениннаго съѣзда помѣщиковъ достаточныхъ и богатыхъ, представлялъ своего рода тоже назидательное и поучительное даже какъ бы пророческое отчасти зрѣлище... Глядя на нихъ, невольно вспоминались слова покойнаго, сказанныя имъ не далѣе, можетъ быть, какъ за часъ до смерти: «И всѣ вы сойдете на одно, и будете такими же»...

Пріѣхавшіе родственники покойнаго, никогда не бывавшіе въ Павловской усадьбѣ, только издали видавшіе ея великолѣпіе, какъ-то озирались, всматривались.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ дядя зналъ и разговаривалъ съ ними, стоя на дворѣ, съ другими только раскланивался.

Въ свою очередь и я всматривался съ меньшимъ любопытствомъ въ нихъ. Я видѣлъ всѣхъ ихъ въ первый разъ и вообще въ первый разъ видѣлъ дворянъ такого разбора и собравшихся въ такомъ количествѣ. Покойный былъ, конечно, аристократъ между ними и по уму, и по образованію, и по манерамъ. Его жена, какъ ни ничтожна казалась ея маленькая подсохшая фигура, все же неизмѣримо была выше другихъ по умѣнью держать себя. Остальные всѣ были просто или старые, отставные, на покоѣ, дворовые или пригородные мѣщане и мѣщанки.

Теперь, въ присутствіи дяди и другихъ достаточныхъ и богатыхъ помѣщиковъ, они держали себя крайне стѣсненно. Теперь, глядя на нихъ, не могло и въ голову придти, чтобы эти люди могли повелѣвать кѣмъ нибудь, судить, жаловать, наказывать и миловать кого нибудь. А между тѣмъ, на дѣлѣ, это было такъ: они и повелѣвали, и судили, и наказывали, и жаловали, миловали. И были люди, ихъ люди, которые ихъ боялись, трепетали, которые отъ нихъ вполне зависѣли, которыхъ судьба была всецѣло въ ихъ рукахъ...

Нѣкоторые изъ Всесвятскихъ, осмѣлившись отъ ласковаго обращенія съ ними дяди и другихъ помѣщиковъ, тоже вышедшихъ на дворъ посмотреть на нихъ,—спрашивали, таинственно оглядываясь, не скажетъ ли кто чего насчетъ упорно ходившихъ въ народѣ слуховъ о волѣ.

И дядя, и другіе отвѣчали имъ, что опредѣленнаго и вѣрнаго и сами они ничего не знаютъ, но что воля, по всей вѣроятности, дѣйствительно болѣе или менѣе въ скоромъ времени будетъ объявлена.

— И какъ же тогда: мы лишимся нашей собственности? Вѣдь они не мною пріобрѣтены, достались мнѣ отъ родителя,—говорилъ одинъ совсѣмъ ужъ сѣдой старикъ.

Дядя въ отвѣтъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: не отъ меня это зависитъ, я не при чемъ тутъ, я самъ теряю, какъ и всѣ.

— Ну, а земля?

— И часть земли.

— Да у меня всего-то семьдесятъ десятиныхъ.

— А душъ у васъ сколько?

— Четыре.

— Ну, значить, при трехдесятинномъ надѣлѣ двѣнадцать десятиныхъ потеряете.

— Да вѣдь семьдесятъ-то десятиныхъ у меня всего: и съ усадьбой, и съ удобной, и неудобной.

Дядя опять грустно-сочувственно къ его бѣдѣ пожалъ плечами.

Старикъ развелъ руками, вздохнулъ, опустилъ голову и потомъ, вновь поднимая ее и глядя жалобно въ глаза дядѣ, проговорилъ:

— Вѣдь она же, земля, не краденая, моя... Вѣдь люди мои же...

Въ это время отъ флигеля, гдѣ готовъ былъ имъ обѣдъ, черезъ дворъ шелъ посланный оттуда конюхъ, приблизился и сказалъ, что все готово.

И старикъ, этотъ властелинъ, владѣтель людей, не понимавшій, какъ ихъ могутъ отнять у него, былъ жалокъ и казался ничтожнымъ передъ молодецкатою, красивой, молодой фигурой конюха, смотрѣвшаго на него не то съ любопытствомъ, не то съ презрѣнiемъ.

— Пойдемте, — сказалъ дядя.

Старикъ съежился и какъ-то бокомъ прошелъ мимо дяди и конюха, чуть-чуть, на полшага отступившаго, чтобъ пропустить мимо себя, дать ему дорогу...

Доживались послѣднiе крѣпостные дни!..

С. Терпигоревъ.

ПРЕДДВЕРІЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Страничка изъ воспоминаній).

ВЕСНОЮ 1876 года, не помню, какого мѣсяца и числа, да это и не важно, я сидѣлъ въ Черниговской губернской земской управѣ и держалъ корректуру «Земскаго Сборника», находившагося частнымъ образомъ подъ моимъ редакторствомъ. Вдругъ почталіонъ подалъ мнѣ письмо отъ издательницы газеты «Кіевскій Телеграфъ», въ которой я отъ времени до времени пописывалъ корреспонденціи и печаталъ фельетоны крайне темнаго и загадочнаго характера, выводя черниговскихъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей подъ видомъ попугаевъ, сорокъ, воронъ и тому подобныхъ представителей пернатаго царства. Издательница, г-жа Гогоцкая, жена извѣстнаго профессора, писала мнѣ: «Въ Черниговѣ было два подписчика на нашу газету, теперь ихъ сорокъ восемь. Всего на всего у насъ двѣсти подписчиковъ. Если вы увеличите ихъ число въ двадцать пять разъ, то вы сдѣлаете только то, въ чемъ я заранѣе не сомнѣваюсь. Мы можемъ вамъ дать двѣсти рублей жалованья въ мѣсяцъ, квартиру въ помѣщеніи редакціи и почтовую плату». Другое письмо въ тотъ же день я получилъ отъ редактора «Кіевскаго Телеграфа», г. К. Онъ убѣждалъ меня согласиться на предложеніе г-жи Гогоцкой и ссылаясь на разстроенное здоровье, которое мѣшаетъ ему продолжать редакторскую дѣятельность. Я сложилъ корректуру «Земскаго Сборника», отправился къ бывшему тогда предсѣдателемъ земской управы Карпинскому

(нынѣ умершему) и показалъ ему оба письма. Онъ поздравилъ меня, выдалъ причитающіяся мнѣ съ управы деньги, и, кажется, на другой же день я поѣхалъ въ Кіевъ. Надо было спѣшить; дѣло представлялось живое, новое, къ которому я стремился и о которомъ мечталъ. Положеніе редактора щекотало мое самолюбіе; я строилъ по пути тысячи различныхъ плановъ, какъ поднять газету, какъ сдѣлать ее интересной, какіе завести отдѣлы, какихъ привлечь сотрудниковъ.

Стояла необыкновенно жаркая погода. Редакція помѣщалась на Бульварной улицѣ. Раскаленная пыль раскаленными вихрями носилась по городу. Солнце ослѣпляло. Я позвонилъ. Меня встрѣтилъ мой предмѣстникъ К. въ блузѣ и въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ и сейчасъ же сдалъ мнѣ всѣ дѣла, всѣ портфели, посвятилъ въ разныя редакціонныя тайны, въ числѣ которыхъ не было, впрочемъ, ни одной предосудительной, и просилъ меня не измѣнять круто городской политики, такъ какъ «Кіевскій Телеграфъ» поддерживалъ кандидатуру въ головы какого-то купца, совершенно мнѣ неизвѣстнаго, проживавшаго на Подолѣ и содержавшаго тамъ бани. Покончивъ съ дѣлами, г. К. повезъ меня къ издательницѣ. Это была пожилая дама, извѣстная своей благотворительной дѣятельностью въ Кіевѣ. Она нашла, что толковать со мной о направленіи газеты лишнее, потому что оно будетъ зависѣть отъ меня; ничего «вреднаго» я не буду, по всей вѣроятности проводить, потому что все «вредное» вредно и ведетъ къ закрытію газеты. Вручивъ мнѣ впередъ мѣсячное жалованье, она разсталась съ нами, и съ тѣхъ поръ я видѣлъ ее не больше двухъ разъ. Черезъ три дня г. К. уѣхалъ въ деревню. Я быстро вошелъ въ роль редактора, обязанности котораго не были сложны, хотя мнѣ приходилось сидѣть по восемнадцати часовъ за работой. Контингентъ сотрудниковъ былъ не великъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ ихъ, меня поразило, что они всѣ въ блузахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, а одинъ былъ въ туфляхъ на босу ногу. Потомъ оказалось, что скольконибудь сносный гонораръ получалъ только редакторъ; сотрудникамъ платилось по три копейки, по двѣ, и даже по полторы за строчку. Время было «радикальное», и молодые люди щеголяли нѣкоторой небрежностью костюма, стараясь ничѣмъ не отличаться отъ наборщиковъ.

Чрезвычайно выгодно для новой редакціи, если въ городѣ случаются какія нибудь сенсаціонныя событія. Мое вступленіе въ «Кіевскій Телеграфъ» ознаменовалось печальнымъ происшествіемъ, отчеты о которомъ вызвали интересъ къ умирающей газетѣ, такъ что нѣкоторые номера пришлось печатать двумя изданіями. Доставляетъ большое удовольствіе молодому редактору собственноручно написать: «Четверговые номера всѣ разошлись. Къ вечеру было выпущено второе изданіе для удовлетворенія иногороднихъ подписчи-

ковъ». Одинъ изъ моихъ блузниковъ, милѣйшій, безпечнѣйшій юноша Р., проникся даже американскими правами и упросилъ частнаго пристава посадить его въ кутузку. На другой день утромъ онъ доставилъ мнѣ плоды своихъ ночныхъ наблюденій. Всѣ мы вели себя положительно самоотверженно. Убѣдившись, что касса у насъ слаба, мы, въ порывѣ желанія служить только дѣлу и презирая корысть, отказались отъ нѣкоторыхъ пріятныхъ преимуществъ. Напримѣръ, я уклонился отъ построчной платы; С. сталъ писать передовыя статьи не въ пятьсотъ строкъ, а въ сто двадцать, причемъ ясность изложенія и убѣдительность доводовъ его отъ этого нисколько не пострадали; Р. рѣшилъ брать въ счетъ гонорара столько денегъ, сколько надо для удовлетворенія аппетита и жажды; наша кассирша, которую блузники называли «рыбкой», и которая составляла странный контрастъ съ нами своей институтской внѣшностью, объявила, что жажда Р. неутолима, а конца жаровъ, вызывающихъ жажду, не предвидится. Тѣмъ не менѣе издательница была довольна и сообщила намъ, что наша самоотверженность есть признакъ нашей необыкновенной литературности.

Какого направленія мы держались? Радикально-автономическаго. Мы хотѣли самоуправленія на широкихъ началахъ. Мы не желали освобожденія Малороссіи и возвращенія къ гетманщинѣ, но мы не прочь были основать Черниговскіе соединенные штаты. Намъ мѣшала только Петербургъ и полное несочувствіе самой радикальной петербургской печати къ нашимъ автономическимъ вождельніямъ. Поэтому мы рѣшили вести войну съ Петербургомъ, мы всячески задирали Петербургъ, мы высмѣивали петербургскіе журналы и петербургскія газеты. Кто-то, кажется, г. Мордовцевъ, напечаталъ въ тогдашнемъ «Дѣлѣ» статью противъ провинціализма и даже противъ націонализма, предрекая, что будетъ время, когда всѣ народы станутъ говорить на одномъ языкѣ, который будетъ называться «буль-булемъ». Въ то время еще не былъ изобрѣтенъ волапюкъ и эсперанто. Буль-буль петербургскаго публициста послужилъ отправной точкой нашего юмористическаго отношенія къ столицамъ. Долой центры! Да здравствуетъ периферія!

Въ числѣ блузниковъ былъ и знаменитый кіевскій литераторъ, нынѣ покойникъ, Иванъ Петровичъ Новицкій. Строго говоря, это былъ единственный настоящій литераторъ въ Кіевѣ; всю жизнь онъ остался вѣрнень Кіеву. Никто не зналъ лучше его мѣстныхъ интересовъ и мѣстной исторіи; онъ былъ археологъ съ глубокими познаніями и мѣстный библиографъ, какихъ рѣдко встрѣтишь: вся его квартира была увѣшана проволоками, на которыхъ нанизаны были безчисленные билетки съ разными археологическими и библиографическими отгѣтками и справками. Онъ могъ въ любое время написать какую угодно серьезную статью, не выходя изъ своего кабинета, причемъ онъ никогда не писалъ легкомысленно, безъ фак-

товъ, безъ точныхъ основаній. Весь арсеналь его у него былъ всегда подъ рукой и постоянно накоплялся и умножался. Одна бѣда была, Иванъ Петровичъ чувствовалъ жажду гораздо сильнѣе, чѣмъ самоотверженный юноша Р.,—чувствовалъ ее, по его собственнымъ словамъ, съ пеленокъ и, наконецъ, отъ нея умеръ (лѣтъ пять тому назадъ). Входилъ онъ, бывало, въ редакцію, пошатываясь, а иногда тутъ же въ передней располагался спать; его обыскивали, вынимали изъ кармана клочки, на которыхъ была написана статья, и отдавали въ типографію. Пилъ онъ мрачно и поэтому ничѣмъ не былъ собутыльникомъ, на всѣхъ наводилъ ужасъ, да и самъ предпочиталъ уединеніе. Загадочно было, что, при такомъ образѣ жизни, онъ отличался странной аккуратностью; всегда во время доставлялъ матеріалъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что относилось къ его специальности—къ этнографіи и статистикѣ края.

Изъ профессоровъ Кіевскаго университета тайно участвовалъ у насъ покойный Кистяковскій, нерѣдко заходилъ въ редакцію, сочувствовалъ намъ и давалъ совѣты. Сотрудничать явно онъ не рѣшался, такъ какъ направленіе наше было «молодо». Мы весьма цѣнили дружбу Кистяковскаго, въ свою очередь сочувствовали ему, и его враговъ считали своими, острили на нихъ стрѣлы и готовили перуны.

Заходилъ къ намъ также ранними утрами профессоръ Гогоцкій. супругъ нашей издательницы. Редакція была въ первомъ этажѣ. Онъ стучалъ въ окно моего кабинета, длинный, худой, въ старомодномъ сѣромъ сюртукѣ, настоящій призракъ. Я открывалъ окно, и начиналась философская бесѣда. Профессоръ былъ а priori убѣжденъ, что я не только нигилистъ, но и отчаянный матеріалистъ, и совѣтовалъ мнѣ читать сочиненія Ульрици, какъ единственныя, которыя могутъ направить меня на истинный путь. О газетѣ своей жены онъ имѣлъ смутное представленіе, но считалъ ее страшно вредной. «Я, кому слѣдуетъ, объ этомъ уже писалъ и искренно былъ бы радъ, если бы ее закрыли. Въ васъ философія пріобрѣла бы лишняго друга, кіевскія мостовыя нѣсколько лишнихъ рабочихъ (тутъ профессоръ указывалъ рукой на моихъ блузниковъ), а дѣтямъ моимъ осталась бы лишняя тысяча рублей». Почтеннаго философа мы считали чудакомъ, неспособнымъ ни на какое зло, и относились къ его признаніямъ, какъ къ шуткамъ, свойственнымъ преклонному возрасту. Но философъ былъ слишкомъ серьезенъ, и онъ никогда не шутилъ.

Отъ времени до времени посѣщалъ насъ также нѣкто Снѣжко-блоцкій, официальный редакторъ «Кіевскаго Телеграфа», слѣпой и тугой на ухо. Конечно, онъ совершенно не вмѣшивался въ дѣла, и даже вмѣшательство его въ кассу выражалось въ самой слабой степени: получалъ онъ въ мѣсяць пятьдесятъ рублей. Посѣщалъ также нѣкто П., бывшій цензоръ «Кіевскаго Телеграфа», лишившійся мѣ-

ста, благодаря своему либеральному отношенію къ газетѣ и наводившій на насъ ужасъ своей болтовней, жалобами на судьбу и на литераторовъ, которые подвели его. Тутъ, кстати, я узналъ, что въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» перепечатывались безъ особыхъ сокращеній статьи изъ революціоннаго журнала «Впередъ», и что объ этомъ производится еще секретное слѣдствіе. «Подождите, господа, влетитъ и вамъ, — предвѣщалъ намъ пострадавшій цензоръ. — Всѣмъ достанется на орѣхи! А другаго такого цензора, какъ я, уже на Руси не будетъ».

Какъ будто дѣла «Кіевскаго Телеграфа» стали поправляться. Сколько прибавилось подписчиковъ, было бы слишкомъ нескромно вспоминать объ этомъ. Правда, вѣроятно, нечѣмъ было бы особенно и похвастать, но, во всякомъ случаѣ, ихъ не убавилось, а прибыло. Семья сотрудниковъ-блужниковъ сплотилась, сліяніе съ наборщиками шло, постепенно возрастая; самоотверженный Р. сталъ задумываться о томъ, какъ бы составить какое нибудь общество съ опредѣленными соціальными задачами (не мѣшало бы привлечь приказчиковъ и писцовъ присутственныхъ мѣстъ; автономія — такъ ужъ автономія, чортъ возьми!).

15-го іюня были отпразднованы, на мой счетъ, при участіи всѣхъ сотрудниковъ и наборщиковъ, именины редактора, и выпито было такъ много пива, что номеръ своевременно не вышелъ. Но какіе же номера лѣтомъ? Слѣдующій номеръ мы дадимъ двойной. Мы пишемъ даромъ и, слѣдовательно, по вдохновенію. На другой день, когда, наконецъ, вдохновеніе осѣнило насъ, ко мнѣ пришелъ со статьей одинъ кіевскій старожилъ, бывшій учитель латинскаго или греческаго языка, г. И. Прославился онъ въ свое время тѣмъ, что старался о введеніи новаго правописанія въ русскій языкъ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, свойственныхъ нашей рѣчи: напимѣръ, онъ требовалъ, чтобы говорили не «первый классъ», а «первая классъ», и убѣдилъ своего друга, директора одной кіевской гимназіи, написать на вывѣскѣ: «Классическое гюмназіе». Вывѣска красовалась нѣкоторое время, но потомъ была убрана по приказанію высшаго начальства. Г. И. былъ извѣстенъ, кромѣ того, какъ страстный борець съ украинизмомъ. Статья его была направлена противъ «Кіевскаго Телеграфа» предыдущей редакціи; нелѣпо было бы напечатать ее. «Да и вопросъ, можно ли вообще еще допустить ваше сотрудничество? — спросилъ изъ-за моего плеча самоотверженный Р. — Мы, батюшка, радикалы». Покраснѣвъ до корней волосъ, достопочтенный реформаторъ русскаго языка не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на блужника; онъ только сдѣлалъ гримасу въ его сторону и, желая видѣть лишь во мнѣ представителя «Кіевскаго Телеграфа» и отчасти джентльмена, потому что я не обидѣлъ его ни однимъ словомъ, началъ мнѣ доказывать, что, ведя газету такъ, какъ я веду ее, можно

«истор. вѣстн.». январь, 1893 г., т. LI.

добиться успѣха и поставить ее на ноги, но что необходимо отрѣшиться разъ навсегда отъ украинофильства и отъ какого бы то ни было направленія, что «только при такомъ условіи газета будетъ существовать»,—многозначительно заключилъ онъ свою рѣчь.

У меня не хватило мужества остановить грубую ретивость Р., который громко позволилъ себѣ назвать почтеннаго И. доносчикомъ. Я никого не зналъ въ Кіевѣ и не былъ достаточно знакомъ съ интимными профессіями тѣхъ и другихъ его обывателей. Я извинился передъ И., а, оставшись наединѣ съ моимъ сотрудникомъ, нашель умѣстнымъ сдѣлать ему строжайше внушеніе. Окончилось внушеніе тѣмъ, что Р. отправился въ кассу и взялъ три бутылки пива; гонорара ужъ онъ давно не считалъ на деньги.

Номеръ вышелъ. Редакціонная жизнь вошла въ свою колею. Кончился жаркій день, наступилъ прохладный вечеръ. Звонокъ. «Кто тамъ такой? Это вы Р.?»—«Это я. Но тутъ, кромѣ меня, еще полицеймейстеръ. Съ пріятной новостью!».

Полицеймейстеръ сконфуженно вошелъ въ кабинетъ, извинился, вздохнулъ и вынулъ предписаніе генераль-губернатора, который, въ силу распоряженія, полученнаго изъ Петербурга, приказывалъ немедленно снять вывѣску съ редакціи «Кіевскаго Телеграфа» и обязать редакцію подпиской не выпускать больше газеты, изданіе которой считается впредь прекращеннымъ безъ права возобновленія.

Меня точно громомъ поразило. Я видѣлъ, какъ моя рука протянула обязательному полицеймейстеру папиросы, какъ онъ взялъ одну изъ нихъ, закурилъ и сѣлъ. Нѣсколько минутъ мы всѣ молчали. Наконецъ, полицеймейстеръ всталъ, сложилъ бумагу, въ прочтеніи которой я росписался, и, поклонившись, ушелъ.

— Что же дѣлать теперь?—вскричалъ Р.

— А ничего не дѣлать. Кончено.

— Нѣтъ! Траурные флаги надо вывѣсить, надо составить и напечатать циркуляръ всѣмъ подписчикамъ на траурной бумагѣ—вотъ что надо сдѣлать!

Я махнулъ рукой.

Траурные флаги не были повѣшены, а траурные анонсы были напечатаны. Въ газетахъ появилось лаконическое извѣстіе о нашей смерти: «По распоряженію начальства, газета «Кіевскій Телеграфъ» прекращена». Ни одного слова утѣшенія или сочувствія Проклятый Петербургъ! Анаемская Москва! Центры радуются, что периферія погибаетъ! Не смѣйтесь—мы были искренно огорчены

Но самое скверное было то, для меня, по крайней мѣрѣ, что участь «Кіевскаго Телеграфа» была рѣшена заранѣе, и что, по всей вѣроятности, объ этомъ зналъ мой предмѣстникъ, но утаилъ отъ меня по своимъ собственнымъ соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ дружелюбными чувствами, которыя онъ ко мнѣ питалъ. Горделивые мои планы и замыслы разлетѣлись, какъ дымъ, и я остался,

какъ ракъ на мели. Пришлось всѣмъ разбрестись, куда попало. Одинъ изъ блузниковъ ушелъ въ Сербію сражаться, другой женился, и я былъ у него посаженнымъ отцомъ (онъ тоже могъ быть моимъ посаженнымъ отцомъ, мы были однолѣтки), третій пристроился къ желѣзнодорожной службѣ и теперь занимаетъ, кажется, весьма видный постъ. «Рыбка» вышла замужъ. Новицкій напился до изступленія. А я вернулся вспять въ любезный Черниговъ, былъ обратно принятъ на службу въ земство и жилъ тамъ до весны слѣдующаго года, когда судьба бросила меня, наконецъ, въ Москву.

Еще живя въ Черниговѣ, я сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ: въ «Кругозорѣ» и «Пчелѣ» печаталъ стихи, а въ московскомъ «Будильникѣ» мелкіе рассказы. Впрочемъ, ихъ было не много. Я забылъ рассказать, что послѣ закрытія «Кіевскаго Телеграфа» возбужденіе противъ столичной прессы, равнодушной совершенно къ судьбамъ провинціальной печати, было у насъ такъ велико, что мы составили протоколъ и подписали. Въ немъ торжественно заявлялось, что ни одинъ изъ подписавшихся никогда не дастъ ни строки русской столичной литературѣ. Едва ли русская столичная литература отъ этого пострадала-бы. Впрочемъ, тѣ изъ насъ, которые обладали какимъ нибудь талантомъ или, по крайней мѣрѣ, способностью писать, не преминули въ весьма скоромъ времени нарушить свою торжественную клятву. Да проститъ меня провинціальная автономія и кіевская печать, но я былъ изъ числа первыхъ, нарушившихъ клятву. Потребность писать и работать на литературномъ поприщѣ у меня развилась до болѣзненности. Годъ, проведенный въ Черниговѣ, между прочимъ, былъ употребленъ мною на научную подготовку: мнѣ хотѣлось получить ученую степень, и я усиленно занимался, изучая естественныя науки. Въ Черниговѣ я сблизился съ кавказскимъ героемъ, генераломъ Новоселовымъ, жившимъ въ отставкѣ въ своей подгородной усадьбѣ. Генераль Новоселовъ отличался рѣдкой любовью къ печатному слову; онъ выписывалъ много журналовъ и газетъ, и верхомъ его честолюбія было бы издавать самому какой нибудь органъ. Съ этой цѣлью еще въ 1876 году, зимою, онъ ѣздилъ со мной въ Петербургъ, гдѣ я составилъ программу ежедневнаго изданія, подъ названіемъ «Россія». Генераль долго стоялъ на томъ, чтобы газетѣ дать названіе «Духъ журналовъ». По моему совѣту, онъ обратился къ А. С. Суворину. Я не знаю, что сказалъ генералу знаменитый публицистъ, но, кажется, у Новоселова оказался недостатокъ въ деньгахъ, рисковать же всѣмъ своимъ состояніемъ онъ не рѣшился. Въ то время, когда я редактировалъ «Кіевскій Телеграфъ», генераль Новоселовъ командовалъ второй сербской арміей и изъ главной квартиры своей прислалъ мнѣ дипломъ на званіе поручика, которымъ я не воспользовался, не смотря на необыкновенное увлеченіе «братушками».

Между прочимъ, оно выразилось въ стихотвореніи, напечатанномъ потомъ съ цензурными поправками въ Москвѣ въ журналѣ «Будильникъ» и иллюстрированномъ страшной картинкой: на ней лились потоки крови, и турки разсѣкали младенцевъ кривыми ятаганами. Картинка поправилась московской публикѣ и попала, вмѣстѣ съ моимъ стихотворнымъ грѣхомъ, даже на коробки со спичками. Кстати упомяну, что это патріотическое стихотвореніе было въ послѣдствіи прислано однимъ моимъ другомъ при анонимномъ письмѣ въ редакцію толстаго журнала, гдѣ я былъ главнымъ сотрудникомъ, вмѣстѣ съ М. А. Антоновичемъ,—въ доказательство того, что я не либераль. Теперь я объективно отношусь къ прошлому; но, помню, меня порядкомъ огорчила выходка друга, руку котораго я сразу узналъ по тонкому, благообразному почерку. Вернувшись изъ Сербіи, генераль Новоселовъ бросилъ совѣмъ мечту о газетѣ, уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ арендѣ и тамъ скончался. Пребываніе мое въ Черниговѣ становилось все несноснѣе и несноснѣе. Тоска грызла меня страшная. И вотъ въ одинъ прекрасный день, съ шестьюдесятью тремя рублями въ карманѣ, я отправился въ Москву, да не одинъ, а съ женой. Большой былъ рискъ бросить мѣсто, которое меня обезпечивало, и ринуться въ незнакомый городъ, не имѣя ни имени, ни связей, ни литературной опытности — прямо изъ периферіи въ «анаемскій центръ»! Когда мы приѣхали въ Москву, у насъ оставалось всего пять рублей; кромѣ того, у меня были серебряные часы, у жены золотой крестикъ. Мы поселились, буквально, на чердакѣ; комнатка похожа на гробъ; можно было стоять по срединѣ, но возлѣ стѣнокъ приходилось только сидѣть. Прислуга ходила черезъ нашу комнату вѣшать бѣлье на чердакѣ. Готовили мы обѣдъ на бумагѣ—я самъ готовилъ. Отличные выходили обѣды, только съ дымомъ. Кухонная лабораторія помѣщалась на единственномъ подоконникѣ; устанавливался крошечный треножникъ, зажигался кусокъ газеты, и на тоненькой жестяной сковородкѣ мигомъ начинала шипѣть яичница или котлета, купленная за пятнадцать копеекъ въ мясной лавкѣ. Сколько я ни читалъ воспоминаній бѣдныхъ людей, достигшихъ кое-какого благополучія въ послѣдствіи, все у нихъ я встрѣчалъ проклятіе минувшимъ чернымъ днямъ, но что касается меня, то о московской жизни на чердачкѣ въ Большой Бронной улицѣ я вспоминаю скорѣе съ удовольствіемъ. Стояла весна. Шли шумные проливные дожди и необыкновенно громко барабанили по нашей крышѣ. Самый неудобный столикъ въ мірѣ былъ моимъ письменнымъ столомъ. Немудрено, что рассказы, которые были написаны на немъ, вышли весьма неудачны. Впрочемъ, они были приняты редакторомъ «Будильника» Н. П. Кичеевымъ. Я долго ждалъ денегъ, которыя мнѣ слѣдовало за эти рассказы, и, бывая въ конторѣ журнала, познакомился тамъ съ сотрудниками. Изда-

вала журналъ какая-то дама, содержавшая меблированныя комнаты. Своему редактору она платила семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, за комнату брала съ него сорокъ пять. Только все же Кичеевъ ухитрился франтить и преило разыгрывать изъ себя жеманнаго барченка. Онъ былъ любезный молодой человѣкъ, считалъ себя большимъ юмористомъ и шутникомъ хорошаго тона и предложилъ мнѣ завести какой нибудь отдѣлъ въ журналѣ. Еще въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» я пытался высмѣивать столичную прессу; я завелъ отдѣлъ, который назывался: «Курьезы и раритеты большой и малой прессы».

Все было нелѣпо въ юмористическомъ журналѣ; мой отдѣлъ не составлялъ исключенія. Черезъ два мѣсяца сотрудничества въ «Будильникѣ» я принужденъ былъ продать свои часы, а жена заложила крестикъ. На голодный желудокъ юморъ плохая затѣя. Я узналъ, что въ типографіи Гатцука требуется карректоръ, и отправился туда съ предложеніемъ услугъ. Управляющій послалъ меня къ самому Гатцуку. Гатцукъ жилъ на Арбатѣ, и тамъ же помѣщалась редакція его еженедѣльной иллюстрированной газеты.

По имени я давно зналъ Гатцука; онъ былъ издателемъ безчисленныхъ календарей, всевозможныхъ величинъ, наводнявшихъ тогда Россію. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, я увидѣлъ очень пожилаго, сморщеннаго, торопливо улыбающагося человѣка и удивился потомъ, что ему всего сорокъ пять лѣтъ—на видъ ему было лѣтъ шестьдесятъ. Узнавъ, что я землякъ,—Гатцукъ былъ малоросъ по происхожденію и когда-то читалъ лекціи въ Рипельевскомъ лицей въ Одессѣ,—онъ благосклонно засмѣялся: «Вмерла, вмерла маты Украина», задумчиво юмористически проговорилъ онъ. «У меня былъ Кулишъ помощникомъ,—сказалъ онъ:—писалъ замѣчательно звучные стихи, но потомъ поссорился. Я теперь какъ безъ рукъ. Мнѣ необходимъ человѣкъ, на котораго я могъ бы положиться». Дальше онъ мнѣ объяснилъ, что ему нуженъ корректоръ именно въ этомъ смыслѣ: человѣкъ, обладающій литературной техникой и который могъ бы подъ его руководствомъ составлять номера газеты и выпускать ихъ. А такъ какъ вскорѣ изъ разговора выяснилось, что я былъ (хотя и весьма короткое время) редакторомъ газеты, то Гатцукъ предложилъ мнѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и пригласилъ завтра же начать работу.

Я давно ужъ неспособенъ такъ работать, какъ работалъ у А. А. Гатцука. Всѣ политическія новости за недѣлю я втискивалъ въ извлеченіи въ газету; я втискивалъ въ нее всѣ внутреннія извѣстія; пересказывалъ въ двухъ строкахъ содержаніе каждой корреспонденціи; втискивалъ всѣ анекдоты и совершенно наново писалъ дамскіе романы, къ которымъ издатель чувствовалъ большую слабость, потому что они были. дешевы. О эти дамскіе романы! Не забуду ихъ. Приходилось передѣлывать все, начиная

съ заглавія, съ порядка расположенія главъ, съ вступительныхъ фразъ, съ заключительныхъ, съ каждаго абзаца, выкидывать на каждой страницѣ по полустраницѣ, на каждой страницѣ вставлять новую полустраницу, приходилось измѣнять содержаніе, «шить и запошивать», приходилось распарывать юбку и вновь выкраивать изъ нея пиджакъ. Для будущаго беллетриста, какъ бы скромно ни было его дарованіе, то была унижительная работа.

Гатцукъ, показавшійся мнѣ при первой встрѣчѣ старикомъ, велъ жизнь необыкновенно дѣятельную и, когда онъ бѣгалъ по типографіи и взбѣгалъ по лѣстницѣ въ редакцію, онъ казался молодымъ человѣкомъ. Вѣчно его что-то озабочивало, вѣчно была лихорадка, въ головѣ роились проекты обогащенія. Подписка могла быть значительная, если не ударить лицомъ въ грязь. Россія объявила войну Турціи, и кто знаетъ, долго ли продержится война, что—если она продлится годъ, или два, или даже три? какая тогда будетъ подписка?

Теперь А. А. умеръ, и можно сдѣлать характеристику его. Былъ онъ человѣкъ маленькій, невидный дѣятель, но весьма типичный. Меня сразу же поразило, что у него нѣтъ никакихъ убѣжденій; онъ лавировалъ между мелями и приспособлялся къ обстоятельствамъ. Началъ онъ съ грошоваго предпріятія, съ копеечнаго календаря-крошки, а нажилъ домъ и развилъ дѣло, приносившее большой доходъ; онъ былъ собственникомъ лучшей типографіи въ Москвѣ и журнала, который на моихъ глазахъ сталъ конкурировать съ «Нивой». Издавалъ онъ журналъ не для малой, а для большой публики, и, не будучи человѣкомъ набожнымъ, чуть ли не въ каждомъ номерѣ печаталъ портреты архіереевъ, въ надеждѣ на подписку среди духовенства. Съ глазу на глазъ сужденія у Гатцука были рѣзкія, опредѣленные и крайне отрицательныя. Въ газетѣ же онъ проводилъ мнѣнія, о которыхъ заранѣе зналъ, что они понравятся толпѣ. Москву онъ ненавидѣлъ и тоже, кажется, считалъ ее «анаемскимъ центромъ», хотя по другимъ соображеніямъ; но всячески поддѣлывался къ ней, заискивалъ, ѣздилъ къ Каткову и на все испрашивалъ его одобреніе. Въ то же время онъ былъ человѣкомъ заносчивымъ, и самъ желалъ имѣть вліяніе на Москву. Когда, благодаря протекціи Каткова, его газетѣ, не смотря на то, что она была съ иллюстраціями, разрѣшено было выходить безъ цензуры, и у нея стало чуть не тридцать тысячъ подписчиковъ, А. А. Гатцукъ задрался съ Катковымъ, сталъ либеральничать и радикальничать, сталъ разсылать провинціальнымъ подписчикамъ особые номера съ «предосудительными» статьями и, наконецъ, погубилъ дѣло, надъ которымъ трудился столько лѣтъ. Типографію его закрыли, газета попала подъ цензуру и затѣмъ перешла въ другія руки.

Видя, какъ я тружусь, издатель удвоилъ мнѣ жалованье, но онъ ревниво относился къ моему досугу. Доказательствомъ того, что у меня бываетъ досугъ, служили мои статьи, за которыя слѣдовало мнѣ кое-что заплатить; я долженъ былъ отдавать ихъ даромъ, и досуга у меня не было.

Въ іюлѣ онъ уѣхалъ въ Казань на археологическій съѣздъ. Оттуда онъ присылалъ корреспонденціи, а я редактировалъ газету самостоятельно. Въ это время я познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, который пожелалъ дать нашей газетѣ фантастическую повѣсть подъ названіемъ «Сорокъ лѣтъ». Костомаровъ остановился въ Лоскутной гостинницѣ, и я бывалъ у него по вечерамъ, вмѣстѣ съ сотрудникомъ «Газеты Гатцука» Лавромъ Лавровичемъ Бѣлянкинымъ, весьма образованнымъ человекомъ для художника—онъ доставлялъ намъ рисунки. Бѣлянкинъ былъ большой говорунъ и умѣлъ занимать Костомарова. Какъ-то мы стали съ Бѣлянкинымъ восторгаться доблестью запорожцевъ. Какъ набросился на насъ Костомаровъ! Онъ сталъ кричать, что это разбойники, грабители, и, признаюсь, мигомъ насъ убѣдилъ въ этомъ. У него болѣли тогда глаза, и Бѣлянкинъ, бывший врагомъ куренія, посоветовалъ ему бросить табакъ, увѣряя, что никотинъ губительно дѣйствуетъ на зрѣніе. Костомаровъ сказалъ, чтобъ я тоже бросилъ курить. Черезъ недѣлю я посѣтилъ его, и, узнавъ, что я дѣйствительно отсталъ отъ куренія, Костомаровъ съ раздраженіемъ закричалъ: «А я не могу. Вотъ до сихъ поръ не курилъ, и до сихъ поръ здѣсь болитъ!»—и сталъ стучать себѣ въ грудь. Разумѣется, онъ началъ курить. Повѣсть «Сорокъ лѣтъ» я и Бѣлянкинъ въ присутствіи автора читали вслухъ въ помѣщеніи редакціи, когда пріѣхалъ Гатцукъ. На всѣхъ она произвела необыкновенное впечатлѣніе. Ужъ не помню, купилъ ли ее Гатцукъ, хотя она осталась у насъ въ портфель; при мнѣ она не была напечатана.

Л. Л. Бѣлянкинъ свелъ меня съ покойнымъ Ѳедоромъ Богдановичемъ Милеромъ, московскимъ поэтомъ, издававшимъ сатирический журналъ «Развлеченіе». Я Милера засталъ въ кабинетѣ съ открытой дверью въ садъ въ маленькомъ мѣщанскомъ домикѣ въ Мошковомъ переулкѣ. Это былъ красивый старикъ. На шкафахъ его кабинета стояли гипсовые бюсты писателей, пожелтѣвшіе отъ времени. Съдая жена поэта сидѣла рядомъ съ нимъ. На меня повѣяло миромъ отъ этой сцены. Журналъ «Развлеченіе» дѣло семейное; мнѣ представилось, что оба супруга обсуждаютъ вмѣстѣ тотъ или другой способъ варки варенья и содержаніе номера; вмѣстѣ они смѣются надъ задуманной каррикатурой. Впрочемъ, Ѳедоръ Богдановичъ издавалъ юмористическій журналъ по недоразумѣнію; самъ онъ былъ склоненъ къ торжественнымъ стихамъ, и даже высокопарнымъ.

Я написал шутку о корреспондентѣ, который отправляется на театр войны, но, получивъ авансъ, предается неумѣренному пьянству, впадаетъ въ бѣлую горячку, принимаетъ Москву за непріятельскій лагерь, дебоширитъ, теряетъ образъ человѣческой и, наконецъ, совершенно оболдѣлый, попадаетъ въ балаганъ, гдѣ его наряжаютъ дикимъ индѣйцемъ и заставляютъ ѣсть живыхъ голубей. Бѣлянкинъ иллюстрировалъ разсказъ и придалъ чертамъ корреспондента сходство съ чертами одного, уже извѣстнаго въ то время, а теперь гремящаго на всю Москву, репортера. Прошло много лѣтъ. Въ минувшемъ году я былъ въ Москвѣ, и вдругъ мнѣ разсказываютъ объ этомъ репортерѣ, нынѣ собственникѣ большой газеты: «Что, каковъ, батюшка! миллионеръ! А вѣдь было время, глоталъ живыхъ голубей. Честное слово; многіе еще помнятъ!». Такъ создаются литературные легенды и мифы.

Изъ другихъ литературныхъ знакомствъ, заключенныхъ мною въ то время въ Москвѣ, упомяну о покойномъ Гавріилѣ Александровичѣ Хрущовѣ-Сокольниковѣ. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго севастопольскаго героя и владѣлецъ маіората. Лицо у него было каторжника, души онъ былъ добрѣйшей и благороднѣйшей. Неугомонный духъ предприимчивости жилъ въ немъ и портилъ ему существованіе. Большія деньги затратилъ онъ на устройство фотографіи въ Москвѣ, цинкографіи, на изданіе журнала, который назывался: «Московское Обзорѣніе», и который былъ радикаленъ и нѣсколько безграмотенъ. Квартира Хрущова-Сокольникова напоминала собою лабораторію какого-то мага и волшебника: электрическія машины, батареи, камеръ-обскуры разныхъ системъ, сулей съ химическими жидкостями, и посреди всей этой груды вещи самъ Гавріилъ Александровичъ, улыбающійся, суеятящійся, объясняющій свои изобрѣтенія, которыя должны имѣть будущее. Онъ былъ старше меня лѣтъ на семь. Тогда онъ еще не былъ русскимъ Габоріо, но ужъ на языкѣ у него вертѣлись уголовныя исторіи и разсказы о сложныхъ мошенническихъ продѣлкахъ. Этотъ честный и милый человѣкъ постоянно лелѣялъ въ душѣ кровожадные замыслы или, по меньшей мѣрѣ, плутовскіе: онъ былъ уголовный романистъ по призванію и черезъ нѣсколько лѣтъ, попавъ въ Петербургъ, онъ наводнилъ литературный рынокъ произведеніями своей плодovitой фантазіи. Романы его расходились нерѣдко въ пяти тысячахъ экземпляровъ. Ему доставляло удовольствіе самому торговать книжками, и въ одинъ мѣсяць онъ получилъ такую массу денежныхъ пакетовъ, что набилъ ими два ящика комода. Онъ съ гордостью указывалъ мнѣ на свои трофеи. Ничѣмъ подобнымъ я не могъ похвастать.

«Московское Обзорѣніе» Хрущовъ - Сокольниковъ уступилъ братьямъ Пушкаревымъ, изъ которыхъ старшій Н. Л. Пушкаревъ пользовался репутаціей поэта. «Московское Обзорѣніе» было

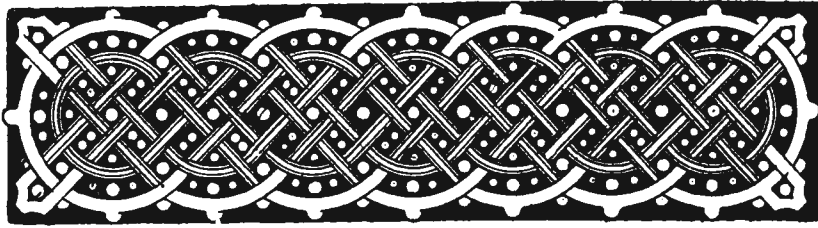
передѣлано въ иллюстрированный журналъ «Свѣтъ и тѣни», пользовавшійся сначала громаднымъ успѣхомъ. Я раза два былъ у Пушкиревыхъ. Редакторъ лежалъ въ постели и диктовалъ стихи, братъ записывалъ. Духъ изобрѣтенія тоже царилъ въ этой редакціи. Поэтъ выдумалъ «свѣчку», она еще не была въ ходу, но ужъ показывалась всѣмъ любопытнымъ.

Газета Гатцука, благодаря войнѣ, быстро росла, и мнѣ было обѣщано тройное содержаніе съ января мѣсяца. Однако же, чѣмъ дальше, тѣмъ тягостнѣе становилось мнѣ работать у Гатцука. Это не было дѣло, съ которымъ бы я могъ сростись всѣми своими нервами; духовно оно мнѣ не принадлежало, хотя трудъ мой былъ литературный, но въ немъ было мало литературности. Къ тому же, напряженная дѣятельность, — я нерѣдко не спалъ ночей, — разстроила мнѣ нервы. Случился пожаръ въ типографіи Гатцука. Пожаръ былъ потушенъ, а на другой день громадный желѣзный котелъ, стоявшій на дворѣ, оказался лопнувшимъ. Гатцукъ, показывая мнѣ на котелъ, сказалъ: «Какой страшный былъ пожаръ! Замѣтите, лучистая теплота накалила котелъ, и онъ не выдержалъ!». На самомъ дѣлѣ котелъ лопнулъ потому, что въ немъ была вода, она замерзла, и чугунокъ треснулъ. Но Гатцукъ стоялъ на своемъ и сталъ смѣяться, когда я ему сказалъ, что можно разорвать чугунную бомбу, заморозивъ въ ней воду. Невѣжество издателя показалось мнѣ достаточной причиной для того, чтобы бросить мѣсто, которое перестало мнѣ нравиться. Мы разошлись. Я знаю, что А. А. Гатцуку я былъ полезенъ, и что я сторицей вознаградилъ его за тѣ деньги, которыя онъ мнѣ платилъ, но всеже скажу, что безъ его помощи мнѣ, должно быть, скверно пришлось бы въ Москвѣ. Миръ его праху!

Ушелъ я изъ «Газеты А. Гатцука» въ началѣ декабря. Денегъ, само собой разумѣется, у меня не было ни копейки. Но тутъ выручилъ редакторъ журнала «Природа». Въ типографіи Гатцука или той, гдѣ печаталось «Московское Обозрѣніе», онъ увидѣлъ мою корректуру и явился ко мнѣ съ предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ и слить въ одинъ общій журналъ еженедѣльную «Охоту» и трехмѣсячную «Природу», выпустивъ первый номеръ «Природы и охоты», пока онъ справится со своими домашними дѣлами. Предложеніе было выгодное, о Петербургѣ я мечталъ, и вотъ я пріѣхалъ въ другой «анаѣемскій центръ». Это было въ день похоронъ Некрасова.

Наконецъ-то повѣяло сколько нибудь осмысленной работой!

І. Ясинскій.

КАТАСТРОФА НА ЛАДОЖСКОМЪ ОЗЕРѢ.

I.

ОВНО ВЪ ПОЛНОЧЬ съ 29-го на 30-е сентября 1885 года, пароходъ «Александръ Свирскій» отчалилъ отъ Петрозаводской пристани. Судьбѣ угодно было, чтобы пишущій эти строки, пробывъ короткое время въ Петрозаводскѣ по дѣламъ службы, возвращался обратно именно съ этимъ пароходомъ, съ которымъ приключилась трагическая катастрофа.

«Александръ Свирскій» былъ не хуже и не лучше остальныхъ трехъ пароходовъ, совершавшихъ рейсы между Петербургомъ и Петрозаводскомъ. Всѣ они принадлежали къ типу плоскодонныхъ судовъ, не имѣли почти вовсе киля, что давало имъ возможность проходить безопасно мелкими, каменистыми порогами, которыми усѣяна рѣка Свирь, но зато въ Онежскомъ и въ особенности въ Ладожскомъ озерѣ эти плоскодонные пароходы подвергались зачастую жестокой качкѣ, даже при небольшомъ, сравнительно, вѣтрѣ. Впрочемъ, «Александръ Свирскій» имѣлъ одно важное преимущество передъ прочими своими коллегами: онъ состоялъ подъ командою въ высшей степени любезнаго и предупредительнаго, молодаго капитана Л., которымъ петрозаводскіе граждане не могли нахвалиться. Капитанъ Л. обладалъ такою способностью утѣшать и успокоивать своихъ пассажировъ, что даже во время силь-

нѣйшаго шторма они не испытывали страха и съ покорностью переносили припадки морской болѣзни, отъ которой, кстати, у предупредительнаго капитана всегда было подъ рукой «вѣрное» средство. Одно жаль — онъ не былъ морякъ по профессіи, вслѣдствіе этого, а, быть можетъ, по врожденной склонности къ веселому обществу, его чаще можно было видѣть въ рубкѣ I класса, чѣмъ на мостикѣ судна... Но эта слабость милѣйшаго капитана отнюдь не ставилась ему въ упрекъ, а, напротивъ того, главнымъ образомъ содѣйствовала его популярности.

Личность капитана Л. выступала въ особенно привлекательномъ видѣ, при сравненіи съ командиромъ парохода «Царь», флотскимъ офицеромъ Б. Этотъ Б. смотрѣлъ такимъ морскимъ волкомъ, относился такъ сухо и даже невѣжливо къ пассажирамъ и пассажиркамъ, что окончательно уронилъ не только свою собственную репутацію, но и репутацію «Царя», считавшагося раньше самымъ надежнымъ и ходкимъ пароходомъ. Правда, суровый капитанъ цѣлыми часами не сходилъ съ мостика, не оставлялъ своего поста ни при какихъ обстоятельствахъ, но—о, ужасъ—отдалъ строжайшій приказъ всей командѣ не разговаривать съ пассажирами о постороннихъ предметахъ и даже не отвѣчать на предлагаемые вопросы. Исключенія не полагалось и для дамъ, а этого было вполне достаточно, чтобы разъ навсегда отшатнуть петрозаводскихъ жителей отъ любимаго нѣкогда «Царя». На его долю осталась только сѣрая, палубная публика, но зато эта публика относилась съ искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ командиру, свято исполняющему свой долгъ,—къ командиру, который, не смотря на свой военный, благородный мундиръ, мокнулъ и зябнулъ на мостикѣ въ то время, когда они, мужики лапчатые, лежали на боку подъ крышей. Я ѣхалъ съ «Царемъ» въ Петрозаводскъ и на себѣ испыталъ не совсѣмъ любезное обращеніе капитана Б., но въ то же время не могъ не отдать ему справедливости, что онъ безукоризненно отправляетъ свои обязанности, и что пассажиры «Царя» гарантированы отъ всякихъ случайностей, доступныхъ предвидѣнію опытнаго моряка. Глядя втеченіе трехъ сутокъ на суровое, загорѣлое лицо Б., я никакъ не воображалъ, что лицо это запечатлѣется въ моей памяти на всю жизнь и будетъ связано съ катастрофой, воспоминаніе о которой никогда изгладиться не можетъ.

И такъ, въ полночь на 30-е сентября 1885 г., на «Александрѣ Свирскомъ» раздался третій свистокъ. Всѣ провожающіе и масса любителей напутствовать отправленіе каждаго парохода поспѣшили на пристань, и рубка I класса замѣтно опустѣла. Пассажировъ, ѣдущихъ въ Петербургъ, оказалось немного: молодая дама — госпожа В., съ дочерью-подросткомъ, пожилая дама и какой-то капитанъ, очень угрюмаго и воинственнаго вида. Господъ В. я былъ представленъ ей мужемъ передъ самымъ уходомъ парохода; онъ убѣ-

дительно просилъ меня не оставлять во время небезопаснаго, по его мнѣнію, плаванія жену и дочь, съ которыми очень нѣжно простился и преподаль массу различныхъ наставленій, взявъ между прочимъ слово, что онѣ въ Сермаксѣ сойдутъ съ парохода, если можно будетъ ожидать въ Ладожскомъ озерѣ малѣйшей качки. Госпожа В. церемонно отвѣтила на выраженную мною готовность быть ей полезнымъ и тотчасъ удалилась съ дочерью въ отдѣльную каюту.

Ночь стояла темная и холодная, но вѣтра не было, и пароходъ шель полнымъ ходомъ, не испытывая вовсе качки. Я взшелъ на мостикъ полюбоваться своеобразной картиной темной, сѣверной ночи и бросить послѣдній взглядъ на Петрозаводскъ, съ которымъ связывали меня многія пріятныя и грустныя воспоминанія. Но, кромѣ снопа искръ, вылетающихъ изъ пароходной трубы, я за темнотою ничего не могъ разглядѣть и потому поспѣшилъ въ каюту съ твердымъ намѣреніемъ хорошенько выспаться. На палубѣ я столкнулся съ капитаномъ Л.

— Какова погода!—сказаль онъ весело.—Мы дойдемъ до Вознесенья меньше чѣмъ въ шесть часовъ.

— Хорошо бы было, еслибъ такая тихая погода стояла и завтра, когда мы пойдемъ Ладожскимъ озеромъ,—замѣтилъ я любезному капитану.

— Всенепремѣнно такъ будетъ. Я извѣстный счастливчикъ: какъ только войду въ озеро, вѣтра какъ не бывало.

Мы пожали другъ другу руки и разстались.

Я долго, однако, не могъ заснуть, не свыкнувшись еще съ грохотомъ машины, и непрерывно подходилъ къ иллюминаторамъ, стараясь сквозь непроглядную темень различить очертанія берега, вблизи котораго пароходы держать курсъ все время. Мнѣ вспомнилось почему-то, какъ 12 лѣтъ тому назадъ, въ такую же тихую, осеннюю ночь, безъ всякаго повода и причины, «Царица» столкнулась съ «Царемъ», и послѣдній моментально пошелъ на дно Ладожскаго озера, увлекая съ собою сотню людей, не успѣвшихъ даже взглянуть въ лице смерти, которая снесла ихъ однимъ взмахомъ, среди разгара житейскихъ тревоженій. Я зналъ, что «Царь» (замѣнившій погибшаго) долженъ сейчасъ съ нами встрѣтиться, и мнѣ вдругъ жутко стало на сердцѣ... Черезъ нѣкоторое время дѣйствительно раздались пронзительные свистки; я, какъ угорѣлый, выскочилъ на верхъ, вбѣжалъ на мостикъ и чуть не спибъ съ ногъ шкипера, управлявшаго рулевымъ колесомъ.

— Это «Царь»?—спросилъ я его взволнованнымъ голосомъ.

Тотъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и утвердительно кивнулъ головой.

Въ эту минуту «Царь» проходилъ мимо нашего парохода въ разстояніи какихъ нибудь двадцати сажень, разводя своими ко-

лесами сильное волненіе. Какъ только корпусъ «Царя» очутился въ сферѣ нашихъ огней, я узналъ явственно характерную фигуру капитана Б., неподвижно стоящаго на своемъ посту. Черезъ минуту оба парохода были уже далеко другъ отъ друга, и «Александръ Свирскій» пошелъ снова прежнимъ ровнымъ ходомъ. Удаляющійся же «Царь», съ отбрасываемымъ назадъ громаднымъ столбомъ искръ и дыма, представлялъ великолѣпную картину, озаряя таинственнымъ свѣтомъ, одинъ за другимъ, клочки озера, гладкаго и блестящаго, какъ сталь, и частички свинцоваго неба съ низко нависшими облаками причудливой формы.

Вернувшись снова въ каюту, я заснулъ наконецъ крѣпкимъ сномъ и проснулся только въ Вознесенѣ, когда пароходъ стоялъ уже у пристани.

II.

Вознесенская пристань, находящаяся въ центрѣ Маринской системы и отличающаяся втеченіе всей навигаціи необыкновеннымъ оживленіемъ, представляла теперь картину запустѣнія; судовъ почти не было, за исключеніемъ немногихъ «отсталыхъ», расположившихся уже на зимовку. Впрочемъ, въ ожиданіи нашего парохода, на пристани толпилась масса народа, среди которой замѣтно выдѣлялись приземистыя фигуры бѣлоруссовъ-землекоповъ, возвращавшихся на родину съ Маткозерскаго канала, на которомъ они работали цѣлое лѣто. Вслѣдъ за бѣлоруссами на палубу взошла, гремя кандалами, группа «рѣшенныхъ» арестантовъ, сопровождаемая конвойными солдатами. Далѣе—десятокъ или полтора здоровенныхъ бабъ съ младенцами на рукахъ, завернутыми во множество какихъ-то невообразимыхъ тряпокъ. Эти бабы съ ребятами, которыхъ онѣ спѣшатъ доставить въ воспитательный домъ, составляютъ отличительную особенность осеннихъ рейсовъ. Это не родныя матери несчастныхъ малютокъ; доставка послѣднихъ въ воспитательный домъ—ихъ профессія, и профессія не безвыгодная, если судить по ихъ веселому и самоувѣренному виду. Родныя же матери остались въ своихъ деревушкахъ, разсѣянныхъ по лѣсамъ и болотамъ, и оглашаютъ теперь воздухъ раздражающими душу воплями, которые такъ и замрутъ, никому невѣдомые, въ этихъ пустынныхъ и печальныхъ дебряхъ. А бѣдныя малютки лежатъ себѣ спокойно въ своихъ тряпкахъ, и не слышно ихъ дѣтскаго крика—оттого ли, что онѣ не чувствуютъ разлуки съ единственнымъ для нихъ въ мірѣ близкимъ существомъ, или потому, что кричать и плакать имъ не хватаетъ болѣе силенки...

Палуба нашего парохода быстро наполнилась пассажирами III класса. Въ числѣ послѣднихъ находились также олонецкіе крестьяне и мелкіе лѣсопромышленники, выдѣлившіеся сразу въ особую группу,

которая занялась утренним чаепитіемъ, между тѣмъ какъ бѣлоруссы расположились бивуакомъ вблизи машины и, развернувъ свои «торбы», стали жевать хлѣбъ съ солью, съ недоумѣніемъ поглядывая на процессъ чаепитія, совершаемый палубной аристократіей. II классъ тоже не замедлилъ наполниться пассажирами: то были купцы, крупные лѣсопромышленники и нѣсколько загадочныхъ личностей, съ рѣзкимъ южнымъ типомъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. Загадочныя личности оказались греками, работавшими въ качествѣ мастеровъ при землечерпательной машинѣ, на томъ же Маткозерскомъ каналѣ. Старшій изъ нихъ, Константинъ Комнино, оказалъ намъ въ послѣдствіи громадныя услуги, и, быть можетъ, единственно ему мы обязаны жизнью. Комнино, родомъ изъ Родоса, былъ настоящій морякъ по профессіи, избородилъ въ молодости всѣ моря на коммерческихъ судахъ, но уже лѣтъ 20 тому назадъ, какъ промѣнялъ бурную жизнь моряка на болѣе спокойныя занятія землекопа. Онъ работалъ, между прочимъ, на Суэзскомъ каналѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи и Алжира и попалъ недавно въ Олонецкую губернію, въ качествѣ главнаго мастера. Энергическое, умное лице этого грека сразу привлекло къ нему симпатіи всѣхъ пассажировъ, но, къ несчастью, онъ говорилъ свободно только погречески и пофранцузски, а потому объясненія его съ пассажирами ограничивались больше мимикой и тѣлодвиженіями. Къ намъ въ I классъ прибыло также цѣлое общество: кавалерійскій полковникъ съ семьей и нѣсколько путейцевъ изъ Вытегры. Эта компанія тотчасъ устѣлась за завтракъ, потребовала шампанскаго и вообще обнаружила твердое намѣреніе весело провести время предстоящаго плаванія. Капитанъ Л. едва успѣвалъ обмѣниваться любезностями со всѣми пассажирами I класса и задержалъ пароходъ на цѣлый лишній часъ у пристани, тѣмъ болѣе, что и на берегу у него была масса «хорошихъ» знакомыхъ. Наконецъ, въ 10 часовъ утра раздался послѣдній свистокъ, и «Александръ Свирскій», повернувъ корпусъ по теченію рѣки, быстро пошелъ впередъ. Въ это же самое время по телеграфной проволоцѣ шла и моя депеша въ Петербургъ, къ женѣ, слѣдующаго содержанія: «Завтра, въ 10 часовъ утра приѣду на «Александрѣ Свирскомъ». Жди на пристани». Депеша эта дошла своевременно по назначенію, но, увы, «Александрѣ Свирскому» не пришлось уже больше разсѣкать волны красавицы Невы.

Рѣка Свирь имѣетъ около 200 верстъ длины, изъ коихъ три четверти представляютъ почти непрерывную цѣпь пороговъ. Плаваніе по нимъ весьма пріятно и притомъ оригинально, въ особенности внизъ по теченію. Свирскіе пороги представляютъ какъ бы два различныя типа: одни изъ нихъ отличаются чрезвычайно быстрымъ теченіемъ и крайне узкимъ русломъ, сжатымъ между высокими берегами; другіе представляютъ нѣчто въ родѣ кипящаго,

громднаго котла, усьяннаго множествомъ камней и гранитныхъ утесовъ. Въ порогахъ перваго типа пароходъ несется плавно, ровно, хотя съ захватывающей духъ быстротой, о которой можно судить только по убѣгающимъ назадъ берегамъ. Опасности при этомъ нѣтъ ни малѣйшей, — развѣ какое нибудь судно, проглядѣвъ сигналъ, пойдетъ на встрѣчу, но подобныя катастрофы чрезвычайно рѣдки. Въ порогахъ второй категоріи дѣло иное: два здоровенные лодмана, при содѣйствіи матросовъ, шкипера и капитана, едва въ силахъ справиться съ рулемъ, сдерживая пароходъ въ границахъ фарватера, который представляетъ самые неожиданные изгибы; малѣйшая оплошность, и судно можетъ разбиться, натолкнувшись на какой нибудь «кормилецъ». Этимъ именемъ береговые жители окрестили въ старину нѣкоторые болѣе опасные камни и утесы. Послѣдніе были для нихъ истыми «кормильцами» въ томъ смыслѣ, что всякое крушеніе судна доставляло окружающимъ жителямъ заработокъ и возможность очень дешево купить подмоченный хлѣбъ, а то и просто стянуть въ общей суматохѣ, что попадется подъ руку. По Свири ходитъ много разсказовъ о злоумышленныхъ крушеніяхъ, о томъ, какъ лодмана нарочно направляли суда на «кормильца», но все это давно отошло въ область преданій, благодаря улучшенію фарватера и пароходамъ, которыхъ лодмана не даромъ сильно не долюбливаютъ. Кажется, и знаменитые «кормильцы» не существуютъ больше, — динамитъ покончилъ и съ ними. Теперь иная злоба тяготѣетъ надъ Свирью, какъ и надъ всѣми рѣками земли Русской: мелководіе, увеличивающееся изъ года въ годъ въ поражающей прогрессіи. Противъ этой злобы безсиленъ динамитъ и всѣ чудеса инженерной техники.

«Александръ Свирскій», благодаря высокой водѣ, проходилъ пороги легко и скоро. Погода стояла отличная, даже солнышко показывалось временами, и въ воздухѣ значительно потеплѣло. На палубѣ раздавались пѣсни, смѣхъ и звуки неизбежной гармоникки. На мостикѣ собралось цѣлое общество «чистыхъ» пассажировъ. Капитанъ Л. появлялся то здѣсь, то тамъ, стараясь быть пріятнымъ и угождать каждому порознь и всѣмъ вообще. Въ рубкѣ I класса то и дѣло хлопали пробки, звенѣли бокалы, и веселый говоръ не умолкалъ ни на минуту. Лакеи, съ озабоченными лицами, съ салфеткой подъ мышкой и нумерной бляхой на груди, какъ угорѣлые, носились по палубѣ, едва успѣвая исполнять разнородныя приказанія.

Въ 6 часовъ мы прошли послѣдній порогъ и вскорѣ причалили къ пристани у Лодейнаго Поля. Пользуясь часовой остановкой парохода, я сошелъ на берегъ и поднялся на крутую гору, на которой расположенъ городъ Лодейное Поле, гордящійся главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ старше Петербурга на нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, наступившая ночь воспрепятствовала мнѣ насладиться

какъ слѣдуетъ зрѣлищемъ старшаго брата Петербурга. На обширной площади, на которой я очутился, ясно выдѣлялись два предмета: соборъ во имя св. Петра и Павла, да внизу, на рѣкѣ, нашъ собственный пароходъ, на которомъ зажглись уже сигнальные огни. Погода попрежнему стояла тихая и теплая, лишь по временамъ какой-то загадочный зефиръ чуть-чуть потягивалъ съ юга. Вернувшись на пароходъ, я прежде всего спросилъ капитана о состояніи барометра.

— Стоить отлично, сейчасъ отчаливаемъ,—сказалъ онъ весело и подалъ свистокъ.

Пароходъ тронулся. Всѣ пассажиры I класса собрались въ рубкѣ и начали расчитывать, въ которомъ часу пріѣдутъ завтра въ Петербургъ. По словамъ капитана, мы должны были пріѣхать очень рано, такъ какъ онъ зѣвать не намѣренъ, пользуясь прекрасной погодой, столь рѣдкой въ это время года.

Спустя, однако, короткое время, капитанъ вошелъ въ рубку и, какъ громомъ, поразилъ насъ слѣдующими словами:

— Немножко свѣжо становится,—сказалъ онъ:— но вѣтеръ южный, и большаго волненія въ озерѣ ожидать нельзя.

— Ради Бога, вы не пойдете въ озеро, если вѣтеръ будетъ сильный?—съ ужасомъ спросила госпожа В., схвативъ обѣими руками свою дочь, словно собираясь защищать ее до послѣдней капли крови отъ грозной стихіи.

— Конечно, сударыня, цѣлую недѣлю простою въ Сермаксѣ, а не подвергну васъ ни малѣйшей опасности. Даю честное слово — качки не будетъ.

Торжественное заявленіе капитана не вполне, однако, успокоило пассажировъ. Говоръ и смѣхъ затихли.

Компанія путейцевъ единогласно порѣшила сойти въ Сермаксѣ и отправиться въ Петербургъ каналомъ, хотя такимъ образомъ имъ придется потерять сутки. Къ путейцамъ тотчасъ присоединился кавалерійскій полковникъ и съ военной быстротой приказалъ своимъ чадамъ укладываться и собираться.

Госпожа В., растерявшись отъ предстоящей альтернативы, обратилась ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ, что качки не боюсь, опасности не предвижу, а потому отправляюсь прямымъ путемъ, тѣмъ болѣе, что послалъ телеграмму женѣ, и она завтра утромъ будетъ ждать меня на пристани; ей же я совѣтую ѣхать каналомъ, памятуя убѣдительную просьбу мужа. Она рѣшилась уже послѣдовать моему совѣту, но снова явился капитанъ и представилъ въ столь яркихъ краскахъ всѣ неудобства путешествія каналомъ и такъ настойчиво увѣрялъ, что въ озерѣ качки не будетъ, что наконецъ доводы его подѣйствовали, и г-жа В. осталась на «Александрѣ Свирскомъ».

III.

Было 9 часовъ вечера, когда пароходъ нашъ подошелъ къ Сермакской пристани, послѣдней передъ выходомъ въ Ладожское озеро. Рубка I-го класса опустѣла. Пароходъ сталъ выпускать пары; значить, капитанъ опасается идти въ озеро и рѣшился здѣсь переночевать.

Вдругъ, къ великому моему изумленію, раздался пронзительный свистокъ, и вслѣдъ за тѣмъ послышалось на палубѣ необычное движеніе. Я поспѣшилъ на верхъ и обратился за разъясненіемъ къ капитану.

— Мы сейчасъ отправляемся,—сказалъ онъ совершенно равнодушно.—Вѣтеръ не сильный, а если будемъ ждать, то, пожалуй, дождемся настоящаго шторма. Не нужно забывать, что теперь октябрь, а отъ октября нельзя требовать лучшей погоды; притомъ я увѣренъ, что въ озерѣ мы не встрѣтимъ большаго волненія.

— Но вы дали слово переждать до утра.

— Не могу. Если въ озерѣ дѣйствительно встрѣтимъ сильный вѣтеръ, то пойдемъ южнымъ фарватеромъ, и во всякомъ случаѣ качки не будетъ. Я свое слово сдержу.

Что такое «южный фарватеръ», я не имѣлъ въ то время ни малѣйшаго понятія, но не имѣлъ также повода сомнѣваться въ распорядительности и опытности капитана; что же касается опасности, представляемой этимъ фарватеромъ, то о ней не могло быть и рѣчи, такъ какъ вообще никакихъ несчастій съ пароходами въ Ладожскомъ озерѣ до сихъ поръ не случалось, за исключеніемъ столкновенія «Царя» съ «Царицей», не могущаго служить прецедентомъ по своей исключительной, такъ сказать, нелѣпости. Штормы и качки, конечно, въ счетъ не идутъ; это—явленіе обыкновенное въ большомъ озерѣ, въ особенности въ осенніе мѣсяца.

За исключеніемъ полковника съ семействомъ и путейцевъ, никто съ парохода не сошелъ; напротивъ того, въ Сермаксѣ прибыло вновь нѣсколько палубныхъ пассажировъ. Всего, включая команду, на «Александрѣ Свирскомъ» находилось 150 человекъ. Въ 10 часовъ онъ отчалилъ отъ пристани и полнымъ ходомъ направился къ Ладожскому озеру. Я оставался на мостикѣ, желая воочию убѣдиться, на сколько въ озерѣ силенъ вѣтеръ, который здѣсь, въ устьѣ Свири, казался мнѣ очень умѣреннымъ. Кругомъ царствовала непроглядная тьма, сквозь которую едва можно было различить постепенно растулавшіеся берега рѣки.

Вѣтеръ нѣсколько усилился; мы вошли въ озеро, но пароходъ продолжалъ идти совершенно покойно. Я собрался было лечь спать, вполне увѣренный, что намъ не угрожаютъ никакія случайности, но шкиперъ поколебалъ нѣсколько эту увѣренность.

— Вот погодите, — сказалъ онъ: — пройдемъ «Торпачекъ»¹⁾, тогда насъ маленько потреплетъ.

— А скоро Торпачекъ?

— Вотъ онъ, виднѣется. Черезъ часъ дойдемъ.

Я рѣшился подождать Торпачка, тѣмъ болѣе, что было очень тепло, и окружающая картина представляла своеобразную и таинственную прелесть. Огни Торпачка ясно мерцали на горизонтѣ. Тамъ, за этими огнями, начиналось настоящее озеро-море, такъ называемая «волчья губа». Земля, виднѣвшаяся до сихъ поръ съ лѣвой стороны и защищавшая насъ отъ южнаго вѣтра, куда-то скрылась. Водная стихія, съ каждымъ поворотомъ колеса, давала себя чувствовать все сильнѣе и настойчивѣе. Палубные пассажиры уже устроились какъ могли на ночлегъ, и на пароходѣ воцарилась почти абсолютная тишина, нарушаемая лишь правильнымъ и однообразнымъ шумомъ машины. Капитанъ, окончивъ ужинать, появился на мостикѣ.

— Вы еще не спите? — спросилъ онъ меня.

— Жду Торпачка, хочу посмотрѣть, на сколько сильно насъ будетъ трепать.

— Пустяки, ничего не будетъ. Южный вѣтеръ не разводитъ большого волненія.

Шкиперъ, однако, не раздѣлялъ оптимизма капитана и пристально вглядывался въ маячные огни, которые сіяли все ярче и ярче.

— Вы, слѣдовательно, южнымъ фавватеромъ не пойдете? — спросилъ я его.

— Если вѣтеръ усилится, пойду.

На мою просьбу объяснить значеніе «южнаго фавватера» любезный капитанъ сообщилъ, что есть два пути черезъ Ладожское озеро: одинъ обыкновенный, по которому всегда почти ходятъ пассажирскіе пароходы, огибаетъ маякъ «Сухо», находящійся въ центрѣ обширной и опасной мели, съ сѣверной стороны; другой же путь, котораго держатся главнымъ образомъ парусныя суда, проходитъ по южной сторонѣ означеннаго маяка, ближе къ берегу. Если мы пойдемъ этимъ путемъ, то южный вѣтеръ не будетъ насъ беспокоить, такъ какъ превратится въ береговой. Я все понялъ, но, все-таки, цѣлюбопытствовалъ узнать, ходилъ ли когда нибудь капитанъ южнымъ фавватеромъ.

— Разъ или два, — отвѣтилъ онъ небрежно. — Мы избѣгаемъ этого пути, потому что онъ длиннѣе сѣвернаго, но парусныя суда, особенно при южномъ вѣтрѣ, всегда имъ ходятъ.

Я промолчалъ, но въ душѣ у меня зашевелилось смутное недовѣріе къ этому «новому» пути, раздѣляемое, повидимому, и шкиперомъ, который то и дѣло бросалъ на капитана удивленные взоры.

¹⁾ Маякъ.

Около полуночи мы прошли мимо «Торпачка»; «Александръ Свирскій» почти коснулся правымъ бортомъ каменистаго, искусственно сложеннаго островка, на которомъ выстроены этотъ маякъ. Едва промелькнули маячные огни, какъ пароходъ нашъ пришелъ въ колебаніе: началась отвратительная боковая качка, при которой нѣтъ никакой возможности держаться въ вертикальномъ положеніи. Словно по мановенію волшебнаго жезла, все на пароходѣ закопошилось, засуетилось, въ разныхъ мѣстахъ раздались плачь, крики и стоны: жестокая морская болѣзнь моментально поразила многихъ пассажировъ, съ болѣе слабой натурой. Я, разумѣется, поторопился сойти съ мостика и чуть не ползкомъ добрался до рубки, гдѣ засталъ г-жу В. въ страшномъ отчаяніи. Я старался успокоить ее, на сколько могъ, клятвенно увѣряя, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, и что качка скоро прекратится, такъ какъ капитанъ пойдетъ «новымъ» путемъ. Между тѣмъ, какъ бы къ вящему опроверженію моей клятвы, пароходъ качнулся съ такою силою, что всѣ вещи съ грохотомъ попадали со своихъ мѣстъ и меня самого, какъ мячикъ, отбросило въ противоположный уголъ рубки.

Сильная качка, не представляющая, однако, ничего необыкновеннаго, продолжалась уже часа два. Моя роль утѣшителя становилась крайне тягостной, тѣмъ болѣе, что и я началъ испытывать нервное безпокойство—предвѣстникъ болѣе острой формы морской болѣзни. Въ эту критическую минуту вошелъ въ рубку капитанъ.

— Сударыня,—сказалъ онъ, обращаясь къ г-жѣ В.,—ради Бога успокойтесь. Я сію минуту переменяю курсъ и качку какъ рукой сниметь. Ложитесь и спите до самаго Петербурга. Спокойной ночи!

Онъ галантно раскланялся, на сколько это представлялось возможнымъ по условіямъ времени и мѣста, и, ловко маневрируя ногами и руками, благополучно скрылся за дверью рубки, впустивъ къ намъ, на прощаніе, цѣлый потокъ воды, такъ какъ въ эту самую минуту пароходъ порядочно «черпнулъ» однимъ изъ бортовъ.

Спустя немного времени послѣ ухода капитана, послышался рѣзкій лязгъ рулевой цѣпи, пароходъ нѣсколько разъ отчаянно качнуло въ ту и другую сторону, но вскорѣ затѣмъ наступило относительное спокойствіе, показавшееся намъ истиннымъ раемъ. Капитанъ сдержалъ слово: мы свернули на «новый» путь. Я взглянулъ на часы: стрѣлки показывали половину втораго.

Мои спутницы тотчасъ удалились на покой. Я тоже направился въ каюту, но почему-то раздумалъ и рѣшилъ провести ночь въ рубкѣ, кое-какъ пристроившись на диванѣ. Завернувшись пледомъ, я почти моментально заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ больной, у котораго сразу прекратилась острая боль, мучившая его втеченіе нѣсколькихъ сутокъ.

Ужасный трескъ, раздавшійся какъ бы въ два приема, съ про-

межуткомъ между ними въ нѣсколько секундъ, заставилъ меня вскочить на ноги. Что такое случилось? Въ первую минуту я подумалъ, что брошенъ якорь, но тотчасъ оставилъ эту мысль, такъ какъ сообразилъ, что мы находимся въ открытомъ озерѣ, гдѣ стать на якорь невозможно. Пароходъ, однако, не двигался; ни единого звука ни откуда не слышалось, словно не произошло ничего особеннаго. Волнуемый зловѣщимъ предчувствіемъ, я выбѣжалъ на палубу, гдѣ меня чуть не сшибъ съ ногъ спѣшившій за чѣмъ-то матросъ, лице котораго въ полумракѣ показалось мнѣ блѣднѣе смерти.

— Что такое случилось?—спросилъ я его, хватая за руку.

Онъ посмотрѣлъ на меня широкими глазами и задыхающимся шепотомъ, котораго я во всю жизнь не забуду, произнесъ:

— Пароходъ сломался, мы тонемъ!...

Что произошло со мною въ слѣдующую затѣмъ минуту, я положительнаго не помню; я хорошо помню лишь одно, что всѣ мои чувства, помыслы, желанія, сосредоточились въ одномъ дикомъ, беспощадномъ стремленіи къ самосохраненію. Я ничего не слышалъ, кромѣ учащеннаго біенія собственнаго сердца, и ничего не сознавалъ, кромѣ стихійной, внутренней силы отстаивать личное существованіе какою бы то ни было цѣною. Первой моею мыслью было вскочить въ шлюпку, которая видѣлась какъ разъ противъ меня, на высотѣ не менѣе сажени отъ борта. Я уже занесъ ногу, въ безумномъ порывѣ сдѣлать невозможный скачекъ, какъ вдругъ чья-то сильная рука схватила меня за плечо.

Это былъ грекъ Комнино.

— Стойте покойно и не отходите отъ меня, — сказалъ онъ по-французски.

Я взглянулъ ему въ лице: оно выражало несокрушимую энергію и спокойствіе. Я тотчасъ пришелъ въ себя и началъ собираться съ мыслями. Вдругъ изъ трубы вылетѣлъ громадный столбъ искръ и дыма, и пароходъ пришелъ въ движеніе. Онъ дѣлалъ поворотъ съ невѣроятными, казалось, усиліями, словно преодолевая невиданную преграду, и медленно пошелъ впередъ. Тутъ только я замѣтилъ, что корма значительно выше носа, и этотъ послѣдній съ каждой секундой какъ будто опускается все ниже и ниже.

Комнино толкнулъ меня и указалъ рукою на ярко сіявшіе впереди насъ какіе-то огни.

— Маякъ, — сказалъ онъ, — если успѣемъ дойти до него, мы спасены.

— Это и есть маякъ Сухо,—подумалъ я, вспомнивъ объясненія капитана о «новомъ» пути.

Между тѣмъ, наступилъ рѣшительный моментъ, при воспоминаніи о которомъ и теперь сжимается сердце и кровь леденѣетъ въ жилахъ. Всѣ несчастные пассажиры злополучнаго «Александра

Свирскаго» сразу поняли, что спасеніе ихъ зависить отъ того, достигнемъ ли мы маяка раньше, чѣмъ окончательно затонетъ носъ парохода, который съ каждымъ мгновеніемъ глубже опускался въ воду. Машина дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы заставить идти впередъ разбитый пароходъ, превратившійся теперь въ безпомощнаго раненнаго гиганта, который трясся, скрипѣлъ и стоналъ, не повинуюсь больше ни силѣ пара, ни дѣйствию руля. Ни одного звука не вылетало изъ груди этихъ 150 человѣкъ, которые съ жадно устремленными на маякъ глазами, озаряемые свѣтомъ искръ, казались неподвижными статуями. Никто изъ нихъ ни словомъ, ни мыслію не молился въ эти минуты; но, тѣмъ не менѣе, всѣ сердца ихъ слились въ одну общую, безмолвную и непроизвольную мольбу къ Тому, отъ Котораго единственно зависѣло склонить въ нашу сторону слѣпую случайность судьбы!...

Еще—трескъ, еще—отчаянное сотрясеніе, и пароходъ остановился на мели, въ 30 саженьяхъ отъ маяка Сухо...

IV.

Маякъ Сухо находится въ южной части Ладожскаго озера, почти по срединѣ между Сермаксомъ и Шлиссельбургомъ. Онъ представляетъ круглый островокъ, сложенный изъ камней, въ діаметрѣ не болѣе 100 шаговъ. Маячныя постройки состоятъ изъ деревянной башни, семи-аршинной избы, раздѣленной перегородкой на двѣ крошечныя комнаты, въ которыхъ помѣщается сторожъ съ женой и помощникомъ, и бани. Между этими строеніями имѣется маленькая площадка, шаговъ 30 въ діаметрѣ, съ твердой, земляной почвой, по которой можно безопасно двигаться, тогда какъ все остальное пространство «острова» представляетъ голые, острые камни, сквозь которые явственно просвѣчивается вода, и подъ которыми свободно разгуливаютъ волны. Версть на 10 кругомъ маяка Сухо озеро усѣяно подводными камнями и скалами, слѣдовательно назначеніе этого маяка — предупреждать суда и пароходы, чтобы они держались какъ можно дальше отъ столь опаснаго мѣста. Сигнальные огни состоятъ изъ весьма обыкновенныхъ керосиновыхъ лампъ, поднятыхъ на высоту 85 футовъ. На южномъ берегу островка устроена микроскопическая гавань, гдѣ укрываются лодки во время бури; входъ въ эту «гавань» защищенъ каменной грядой, къ сожалѣнію, давно уже разрушенной¹⁾.

Крушеніе «Александра Свирскаго», какъ выяснилось впоследствии, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: капитанъ Л., желая избѣжать качки, которая сама по себѣ не представляла положительно никакой опасности, рѣшился обогнуть маякъ Сухо съ

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 1885 году.

южной стороны. Замѣтивъ огни послѣдняго и рассчитавъ приблизительно, въ какомъ разстояніи пароходъ находится отъ этихъ огней, онъ перемѣнилъ курсъ, не сомнѣваясь въ правильности своего расчета. Къ несчастью, въ тотъ роковой моментъ, когда «Александръ Свирскій» дѣлалъ поворотъ на югъ, онъ находился къ маяку несравненно ближе, чѣмъ предполагалъ капитанъ. — Дѣло въ томъ, что керосиновыя лампы безпрестанно гасли вслѣдствіе сильнаго вѣтра, и сторожъ, которому надоѣло зажигать ихъ и опускать и подымать раму, разсудилъ не подымать ея вовсе. Такимъ образомъ, маячные огни находились въ эту ночь не на высотѣ 85 фут., какъ полагалось по правиламъ, а на высотѣ въ два или три раза меньшей, что и было причиной ошибочнаго расчета капитана и ближайшимъ поводомъ крушенія. Само собою разумѣется, это несчастное стеченіе обстоятельствъ не оправдывало вполнѣ дѣйствій капитана Л., который не могъ не знать, что маякъ Сухо временный, деревянный, что лампы на немъ часто гаснутъ, въ особенности во время южнаго вѣтра, а потому обязанъ былъ удвоить предосторожность и во всякомъ случаѣ не отыскивать безъ надобности «новыхъ» путей. Наконецъ, рискнувъ идти этимъ путемъ, онъ долженъ былъ воспользоваться находящимся въ его распоряженіи надежнымъ средствомъ для повѣрки своего расчета — лотомъ. Бросивъ нѣсколько разъ лоть, онъ сейчасъ же убѣдился бы, что находится не въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаетъ, и опасность могла быть заблаговременно устранена. Но капитанъ поступилъ иначе: сдѣлавъ роковой поворотъ, онъ преспокойно отправился въ свою каюту, приказавъ шкиперу идти по намѣченному курсу, безъ всякихъ разсужденій. Шкиперъ въ точности исполнилъ приказаніе и шелъ впередъ до тѣхъ поръ, пока носъ парохода не наскочилъ на подводную скалу. Ударъ былъ такъ силенъ, что въ носовой части образовалась громадная расщелина, сквозь которую вода моментально хлынула въ трюмъ и каюту II класса. Къ счастью, машинная камера, огражденная непроницаемыми переборками, оказалась въ цѣлости, что и дало возможность пароходу подвинуться впередъ и стать на мель.

Въ первый моментъ катастрофы капитанъ и его сотрудники до того растерялись, что вздумали было направить пароходъ къ Новой Ладогѣ и тамъ выброситься на песчаный, безопасный берегъ, хотя между маякомъ и Новой Ладогой не менѣе 25 верстъ разстоянія. Но нашъ добрый геній—Комнино, моментально сообразивъ угрожающую опасность, силой почти заставилъ капитана оставить этотъ безумный планъ и повернуть къ маяку. Какъ только пароходъ остановился вторично на мели, капитанъ нашъ ушелъ въ свою каюту и заперся на ключъ.

Между тѣмъ маячные сторожа при видѣ парохода, крейсирующаго столь близко къ нимъ, пришли въ крайнее недоумѣніе и по-

рѣшили, что это одинъ изъ небольшихъ казенныхъ пароходовъ, поддерживающихъ изрѣдка сообщеніе съ ними, хотя зимніе запасы провизіи уже были доставлены, и пароходъ не имѣлъ, повидимому, никакой надобности заходить на маякъ, да еще ночью и притомъ въ такую бурную погоду. Только тогда они узнали досканально, въ чемъ дѣло, когда «Александръ Свирскій» началъ выпускать пары, и раздались крики съ требованіемъ лодокъ. Увы, это законное требованіе не могло быть исполнено: всѣ лодки находились въ гавани, запертыя тамъ волненіемъ такъ крѣпко, что никакими способами ихъ нельзя было вывести въ открытое озеро.

Когда разбитый пароходъ нашъ остановился на мели, въ 30 саженьяхъ отъ маяка, всѣ пассажиры, кромѣ невозмутимыхъ бѣлоруссовъ, бросились въ беспорядкѣ къ шлюпкамъ. Поднялась страшная суматоха, могшая окончиться новой катастрофой. Звали капитана, но его и слѣдъ простылъ. Въ эту минуту снова выступилъ на сцену Комнино: съ быстротой и ловкостью истаго матроса, при содѣйствіи одного матроса, сохранившаго больше другихъ присутствіе духа, онъ спустилъ въ воду одну изъ шлюпокъ, вскочилъ въ нее однимъ прыжкомъ, схватилъ въ руки весла и прежде, чѣмъ мы успѣли опомниться, отчалилъ отъ парохода. Шкиперъ изъ всѣхъ силъ старался увѣрить обезумѣвшихъ пассажировъ, что шлюпка скоро вернется, что необходимо протянуть канатъ на маякъ, безъ чего переправляться невозможно, но его никто не слушалъ,—отчаянные вопли и угрожающіе крики оглашали воздухъ, сливаясь съ завываніемъ вѣтра, шумомъ волнъ и свистомъ вылетавашаго изъ трубы пара. Къ счастью, отчалившая отъ парохода шлюпка подхвачена была волнами съ такою силою, что вся эта толпа, опасавшаяся сначала, что грекъ измѣннически овладѣлъ шлюпкой для собственнаго спасенія, моментально притихла, воочію убѣдившись, что переѣзжать на маякъ несравненно опаснѣе, чѣмъ оставаться на пароходѣ. Теперь эта борющаяся съ бурунами шлюпка вызывала всеобщее сочувствіе, и раздававшіяся по адресу грека проклятія смѣнились молитвами за него... Шлюпка то вскакивала на гребень волнъ, то падала въ пѣнящуюся бездну, ни на шагъ почти не подвигаясь къ цѣли, не смотря на нечеловѣческія усилія Комнино и сопровождавшаго его матроса. Прошло не менѣе часа, пока бравый грекъ добрался наконецъ до маяка, о чемъ мы могли, впрочемъ, только догадываться, такъ какъ за темнотой и ревомъ бури нельзя было ничего ни видѣть, ни слышать.

«Александръ Свирскій» сталъ на мель лишь носовою своею частью, между тѣмъ какъ корма свободно раскочивалась, по волѣ волнъ, въ ту и другую сторону. Не надо было быть морякомъ, чтобы понять всю опасность нашего положенія: при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра пароходъ могъ быть сброшенъ съ мели и пойти моментально ко дну, такъ какъ, не смотря на энергическую работу

помпъ, вода въ трюмѣ ни на юту не убывала. Мы съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждали возвращенія храбраго грека и возможности скорѣе перебраться на твердую землю, но эта желанная минута наступила лишь на разсвѣтѣ.

Едва, однако, протянуть былъ наконецъ канатъ между маякомъ и пароходомъ, поднялась снова невообразимая суматоха, такъ какъ каждому казалось, что если онъ не попадетъ въ числѣ первыхъ въ лодку, то его ждетъ неминуемая гибель. Всѣ пассажиры столпились къ одному борту, гдѣ былъ спущенъ трапъ, и ждала первая шлюпка, управляемая Комнино, который могъ взять одновременно не болѣе 5—6 человекъ. Снова раздались крики, призывающіе капитана для восстановленія порядка, но капитанъ не подавалъ признака жизни. Возбужденіе росло съ каждой минутой; какой-то купецъ все порывался броситься за бортъ, крича въ какомъ-то безумномъ экстазѣ: «тонемъ, тонемъ! спасайтесь, православные!..». Находчивый Комнино и здѣсь не потерялся: замѣтивъ, что происходитъ на палубѣ, онъ оттолкнулъ шлюпку отъ парохода, какъ бы намѣреваясь бросить всѣхъ насъ на произволъ судьбы.

Ошеломленная толпа притихла на мгновеніе.

— Прежде женщины и дѣти!—закричалъ Комнино съ шлюпки, держась въ почтительномъ отдаленіи отъ парохода.

Я перевелъ порусски ультиматумъ грека, но голосъ мой затерялся въ неистовомъ ревѣ толпы.

Въ эту минуту меня окружила небольшая кучка «стариковъ» изъ купцовъ и крестьянъ.

— Ваше благородіе,—заговорили они въ одинъ голосъ,—распоряжайтесь вы, будьте нашимъ командиромъ, а то не миновать бѣды. Сдѣлайте эту милость...

Слова эти произвели на меня дѣйствіе электрической искры. Почти не помня себя, я бросился въ средину бующей толпы.

— Смирно! — заревѣлъ я что было мочи. — Никто въ шлюпки не долженъ самовольно садиться. Прежде всѣхъ перевезутъ бабъ и дѣтей. Кто ослушается, въ того стрѣлять стану!..

Послѣдняя угроза не имѣла, впрочемъ, никакого смысла: ни револьвера, ни иного оружія при мнѣ не было.

— Такъ, такъ, спасибо родной,—одобряли меня «старики».

Мой «энергическій» маневръ произвелъ, повидимому, нѣкоторое дѣйствіе, и толпа отступила отъ борта. Въ то же время всѣ консервативные элементы, въ лицѣ лѣсопромышленниковъ, зажиточныхъ крестьянъ и пароходной команды, обнаружили явное намѣреніе поддерживать мои распоряженія.

Нежданно, негаданно я сдѣлался диктаторомъ.

Началась правильная переправа. Г-жа В. съ дочерью вошли въ шлюпку однѣ изъ первыхъ, но, замѣтивъ въ толпѣ недовольство на оказанное имъ предпочтеніе, я въ слѣдующую шлюпку

посадил бабъ съ грудными ребятами, заставивъ прочихъ «дамъ» терпѣливо ждать очереди. Это приказаніе вызвало взрывъ одобренія, и авторитетъ мой укрѣпился еще больше. Какой-то молодой человѣкъ, пассажиръ II класса, вздумалъ было насильно ворваться къ бабамъ въ шлюпку, но получилъ отъ одного изъ моихъ тѣлохранителей такой здоровенный ударъ въ шею, что съ позоромъ вынужденъ былъ ретироваться. Этотъ молодой человѣкъ сдѣлался впоследствии главой «крайней» партіи, которая пыталась оспаривать мою власть...

Всѣ женщины и пассажиры первыхъ двухъ классовъ перевезены были на маякъ къ 9 часамъ утра. Вѣтеръ значительно стихъ, и волненіе въ озерѣ улеглось. Изъ своей каюты явился вдругъ капитанъ и объявилъ категорически, что палубныхъ пассажировъ не выпустить, такъ какъ они обязаны выкачивать воду. Не считая себя вправѣ входить съ нимъ въ пререканія и противопоставлять свою случайную власть законной власти капитана, я безмолвно съ нимъ простился и тоже переѣхалъ на маякъ, на который вступилъ уже въ качествѣ неограниченнаго диктатора...

V.

Роль «начальника штаба», естественнымъ образомъ, выпала на долю Комнино. Онъ торжественно встрѣтилъ меня на «пристани», на которую пришлось взбираться помощью веревокъ, и повелъ на «площадь», гдѣ собрались всѣ пассажиры, въ числѣ, пока, около 60-ти. Первое мое распоряженіе заключалось въ томъ, чтобы очистить для дамъ одну изъ комнатъ 7—10 аршинной избы, во второй же комнатѣ я помѣстилъ деревенскихъ бабъ съ дѣтьми, а мужчинамъ разрѣшилъ входить въ нее по очереди погрѣться и выпить чаю; баня и площадка предоставлены были въ пользованіе всѣмъ вообще, безъ всякаго ограниченія. Куреніе табаку, по совѣту Комнино, я разрѣшилъ только на открытомъ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что свѣжіе еще слѣды бывшаго здѣсь пожара указывали на необходимость крайней осторожности въ обращеніи съ огнемъ. Это распоряженіе вызвало протестъ «крайнихъ», но я настоялъ на своемъ, опираясь на «умѣренныхъ», составлявшихъ покамѣстъ значительное большинство.

Убѣдившись, что подъ ними твердая почва, хотя и не совсѣмъ надежная, злополучные пассажиры разбрелись по разнымъ уголкамъ маячнаго острова, съ намѣреніемъ нѣсколько отдохнуть и успокоить свои распатанные нервы. На пароходѣ, между тѣмъ, усиленно работали помпами, что внушало намъ надежду на возможность исправленія его; но Комнино относился къ этому съ полнымъ недоувѣріемъ и совѣтовалъ отнюдь не рассчитывать на «Александра Свирскаго» и на капитана Л., а полагаться только на соб-

ственные силы. О настоящем своемъ положеніи мы не имѣли пока яснаго понятія, а оно, между тѣмъ, во всѣхъ отношеніяхъ представлялось далеко не завиднымъ. Въ случаѣ, если разразится сѣверный вѣтеръ, мы надолго будемъ отрѣзаны отъ остальнаго міра, такъ какъ при сѣверномъ вѣтрѣ ни одно судно не въ состояніи будетъ приблизиться къ маяку и подать намъ помощь. А если наступятъ ранніе морозы, и навигація совсѣмъ прекратится, что въ это время года не невозможно? А если рухнетъ маячный островъ, строитель котораго никакъ не рассчитывалъ на 150 обитателей. А холодъ, голодъ, болѣзни? Всѣ эти вопросы мелькали пока не ясно въ нашемъ воображеніи, и большинство находилось въ счастливой увѣренности, что угрожавшая опасность устранена окончательно.

Послѣ полудня погода вдругъ рѣзко измѣнилась. Вѣтеръ сталъ сильнѣе, порывистѣе, перейдя отъ юга къ западу. На «Александрѣ Свирскомъ» работы прекратились; отъ него отчалили шлюпки съ пассажирами, которыхъ капитанъ рѣшилъ наконецъ отпустить на маякъ. Сообщение съ пароходомъ оказывалось, однако, не только затруднительнымъ, но и крайне опаснымъ, такъ какъ вѣтеръ крѣпчалъ съ каждой минутой и развелъ вскорѣ такое волненіе, что маякъ нашъ дрожалъ до основанія; шлюпки съ бѣдными пассажирами III класса приставали съ величайшимъ трудомъ, переполненные водой; одну изъ нихъ волна унесла въ озеро, и для переправы осталась единственная шлюпка, такъ какъ маячныя лодки стояли попрежнему въ гавани, наглухо запертыя волненіемъ. Весь видимый горизонтъ окутался густымъ туманомъ, небо слилось съ водою въ одну сѣрую массу, сквозь которую еле просвѣчивался мрачный силуэтъ нашего разбитаго парохода... Къ тремъ часамъ перевезены были всѣ пассажиры, команда и арестанты съ ихъ конвойными. Блескъ штыковъ и звонъ цѣпей производилъ какое-то странное и удручающее впечатлѣніе на этой грудѣ камней, отдѣленной бушующими волнами отъ остальнаго міра, съ его страстями и преступленіями, и среди этой толпы людей, готовящихся ежеминутно предстать на высшее и послѣднее судилище...

Ночь быстро наступила. Вѣтеръ все продолжалъ усиливаться и перешелъ наконецъ въ настоящій штормъ. Я искалъ капитана, но, къ ужасу своему, узналъ, что онъ остался на пароходѣ, а такъ какъ единственная шлюпка, на которой переѣхали послѣдніе матросы, находилась на маякѣ, то въ случаѣ окончательнаго крушенія судна ему угрожала неминуемая гибель. Бѣдный капитанъ! Своей безумной рѣшимостью оставаться до конца на ввѣренномъ посту онъ думалъ искупить свою ошибку...

Быстро и неожиданно наступившая буря помѣшала перевезти на маякъ пассажирскій багажъ; только буфетчикъ успѣлъ доставить свой запасъ провизіи и спиртныхъ напитковъ и тотчасъ от-

крылъ было торговлю, восторженно привѣтствуемый «крайними». Я, однако, энергически воспротивился этой торговлѣ, съ твердымъ намѣреніемъ употребить въ случаѣ надобности самыя крутыя и рискованныя средства, хорошо сознавая, что вино можетъ привести къ роковымъ послѣдствіямъ. Къ счастью, всѣ консервативные элементы маячнаго населенія поддержали меня и на этотъ разъ, и буфетчикъ долженъ былъ подчиниться. Мало того, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, я отобралъ у него всѣ спиртные напитки и приказалъ снести ихъ въ «дамскую». Здѣсь же, въ «дамской», возлѣ печки помѣщена уже была пароходная касса, и устроено нѣчто въ родѣ походной канцеляріи.

Между тѣмъ положеніе наше становилось по истинѣ трагическимъ. На пространствѣ 10 кв. сажень помѣщалось 150 человекъ подъ крышей могли укрываться одновременно лишь 30—40 человекъ; баню пришлось предоставить арестантамъ и конвойнымъ. Въ «дамскую» я перевелъ всѣхъ вообще женщинъ, не смотря на протестъ нѣкоторыхъ «дамъ», заявившихъ рѣшительно, что онѣ ни за что не будутъ спать вмѣстѣ съ бабами. Это былъ уже протестъ съ «правой» стороны, и я съ нимъ легко справился, растолковавъ прекраснымъ дамамъ, на сколько неумѣстенъ и даже опасенъ ихъ протестъ при данныхъ условіяхъ времени и мѣста, хотя дѣйствительно въ «дамской» сдѣлалось теперь невообразимо тѣсно и душно. По странной случайности здѣсь же очутился и старый капитанъ, заявившій себя окончательно больнымъ; я пытался нѣсколько разъ выселить его, но безуспѣшно: онъ бормоталъ какія-то несвязныя слова и не двигался съ мѣста; я махнулъ рукой и оставилъ его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что дамы обнаруживали полное равнодушіе къ присутствію почтеннаго капитана. Я находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, что тотчасъ чувствовалъ малѣйшія перемѣны въ настроеніи толпы и, спасая свой авторитетъ, вынужденъ былъ переходить понемногу въ сторону «крайнихъ», которые, повидимому, овладѣвали положеніемъ. Мнѣ казалось, что своими послѣдними распоряженіями я заручился ихъ симпатіей и поддержкой, не смотря на то, что въ числѣ вліятельныхъ членовъ этой «партіи» находился буфетчикъ, не могшій забыть запрещенія «розничной продажи», и молодой человекъ, съ которымъ пришлось поступить довольно невѣжливо во время переправы на маякъ.

Большинство мужчинъ, какъ сказано, вынуждены были находиться на площадкѣ, и потому для пользованія кровлей и тепломъ нужно было установить строгую очередь, для наблюденія за которой я нарядилъ особыхъ караульныхъ. Эти послѣдніе весьма добросовѣстно исполняли свои обязанности, и если какой нибудь толстый купчина долго засиживался за самоваромъ, его безъ церемоніи выпроваживали вонъ. Въ избѣ люди стояли такъ плотно другъ къ другу, что лечь на полъ не было никакой возможности; но нѣ-

которые, измученные усталостью и нервнымъ возбужденіемъ, очутившись въ теплѣ, падали замертво, ихъ выносили обратно на площадку и съ невѣроятными усиліями ставили снова въ вертикальное положеніе. Одни бѣлоруссы, казалось, не испытывали ни усталости, ни холода и голода; прижавшись какъ можно крѣпче другъ къ другу, они неподвижно стояли все время на площадкѣ и не только не стремились въ избу, но съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ отказывались отъ своей очереди.

Войдя въ арестантскую камеру, т. е. въ баню, я былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ. Арестанты, страшно возбужденные, со слезами на глазахъ, бросились цѣловать мои руки и благодарили за спасеніе. Несчастные!.. Они рады были, что сохранили свою страдальческую жизнь несравненно больше, чѣмъ мы, честные и свободные люди!.. Я далъ имъ хлѣба, который они принялись ѣсть тотчасъ съ нескрываемой жадностью.

— Ваше благородіе, — шепнулъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня «стариковъ», — конвойные тоже, чай, голодны, сутки ничего не ѣли.

Я невольно взглянулъ на солдата, который стоялъ противъ меня, вытянувшись во фронтъ, на сколько позволяла высота помѣщенія, и уловилъ его взглядъ, жадно устремленный на хлѣбъ... Мнѣ сдѣлалось почему-то очень неловко... Бѣдныхъ солдатиковъ, разумѣется, накормили досыта.

Послѣ этого эпизода вопросъ о провизіи началъ меня сильно тревожить. Правда, разныхъ закусокъ и деликатесовъ буфетчикъ захватилъ порядочное количество, но въ хлѣбѣ могъ оказаться недостатокъ, не взирая на то, что на маякѣ былъ уже полный запасъ муки на зиму. По заявленію сторожихи, подтвержденному «стариками», болѣе 30 фунтовъ хлѣба въ сутки не было возможности приготовить въ здѣшней крошечной печкѣ, а это составляло бы всего на всего 6 лотовъ на человѣка. Я рѣшилъ съ завтрашняго же дня начать раздачу провизіи по раціонамъ, если буря не утихнетъ, и мы осуждены будемъ на продолжительное сидѣніе.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, и наступила полночь. Буря не утихала. Громадныя волны съ страшной силой, шумомъ и трескомъ вкатывались со всѣхъ сторонъ на нашъ островъ, обдавая мириадами брызгъ его безпомощныхъ обитателей. По мѣрѣ того, какъ усиливалась и ожесточалась окружающая насъ грозная стихія, среди обитателей маяка воцарялось спокойствіе, перешедшее наконецъ въ абсолютную тишину. Всякіе разговоры и пререканія прекратились. Я уложилъ Комнино спать, а самъ вызвался дежурить всю ночь, такъ какъ не въ состояніи былъ не только заснуть, но даже забыться на минуту. Въ воображеніи моемъ постоянно возставали образы жены и дѣтей, ожидающихъ меня въ настоящую минуту на Петербургской пристани. Что они должны были почувствовать, пережить за это время? Какъ дать имъ знать,

что я живъ и здоровъ? Отъ этой мысли я готовъ былъ, казалось, сойти съ ума... Но сознание и энергія возвращались ко мнѣ снова, при видѣ этой безпомощной, темной толпы, въ отношеніи которой случай наложилъ на меня великую обязанность... Проведя всю ночь среди этой толпы, я выросъ въ ея глазахъ чуть не до размѣровъ сказочнаго героя.

— Спасибо тебѣ, родной!

— Что бы мы, глупые, безъ тебя дѣлали!

— Благослови тебя Богъ, что бережешь насъ, темныхъ людей!

— Не оставляй насъ, не допусти умереть безъ покаянія!

Такіе возгласы и напутствія раздавались по адресу моему со всѣхъ сторонъ, вызывая во мнѣ рядъ новыхъ, неизвѣданныхъ ощущений. Въ эти минуты, для спасенія этихъ людей, я съ радостью готовъ былъ отдать жизнь, принести величайшія жертвы. И это не была пустая фраза, или вспышка возбужденныхъ до нельзя чувствъ; это былъ, если можно такъ выразиться, истинный, глубокій подъемъ духа, когда въ человѣческой натурѣ беретъ рѣшительный перевесъ все то, что вложено въ нее Богомъ лучшаго, благороднѣйшаго и прекраснаго. Такія минуты не исчезаютъ изъ памяти безслѣдно, и счастливы тотъ, кто хоть разъ въ жизни пережилъ ихъ...

VI.

Въ три часа ночи я разбудилъ Комнино, который по уговору долженъ былъ стать вмѣсто меня на дежурство, а самъ занялъ его «уголь», съ неизмѣннымъ намѣреніемъ уснуть и возобновить свои силы; впрочемъ, въ случаѣ непредвидѣнныхъ событій, онъ обязанъ былъ тотчасъ разбудить меня, такъ какъ, не зная русскаго языка, не могъ дѣлать никакихъ самостоятельныхъ распоряженій. Подъ свистъ вѣтра и шумъ волнъ я старался забыться; я вспомнилъ, что вѣтеръ западный, съ моря, значитъ въ Петербургѣ раздаются теперь пушечные выстрѣлы, и къ нимъ прислушивается съ тоской бѣдная жена моя. Боль сжала сердце, и съ этой болью, побѣжденный усталостью, я впалъ въ глубокій сонъ.

Когда я открылъ глаза, было свѣтло; возлѣ меня стоялъ Комнино.

— Вставайте, — сказалъ онъ, — вѣтеръ стихаетъ, нужно торопиться послать на берегъ лодку.

Я быстро вскочилъ на ноги и послѣдовалъ за Комнино на площадку—центральный пунктъ всѣхъ совѣщаній и распоряженій. Вѣтеръ, дѣйствительно, замѣтно ослабѣлъ, но озеро волновалось попрежнему. На мое предложеніе снарядить на берегъ лодку сторожъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Я сказалъ объ этомъ Комнино, который, подумавъ минуту, спросилъ:

— А сколько верстъ до ближайшаго берега?

Сторожъ заявилъ, что не менѣе 25-ти.

Грекъ обвелъ глазами горизонтъ и съ рѣшимостью произнесъ:

— Я поѣду. Дайте мнѣ только компасъ и двухъ человекъ, знающихъ мѣстность. Прикажите сейчасъ же вывести лодку изъ гавани, а то погода съ часу на часъ можетъ измѣниться къ худшему и вѣтеръ изъ попутнаго сдѣлается встрѣчнымъ.

Я громогласно перевелъ предложеніе грека и вызвалъ охотниковъ.

Никто не шевелился.

— Приготовьте телеграммы и пошлите къ капитану за компасомъ, — продолжалъ Комнино, словно не допуская мысли, чтобы среди этихъ людей не нашлось никого, готоваго рискнуть жизнью.

Я зналъ, что въ числѣ пассажировъ есть много олончаниновъ, привычныхъ къ озерамъ, а потому употребилъ все краснорѣчіе, чтобы склонить ихъ сопутствовать храброму греку; но, увы, мое краснорѣчіе должнаго дѣйствія не оказывало.

— Я самъ поѣду, — воскликнулъ я въ порывѣ увлеченія, хорошо впрочемъ, сознавая, что мое участіе въ экспедиціи было бы совершенно бесполезно.

— Тебѣ, баринъ, ѣхать нельзя, ты долженъ здѣсь оставаться, — послышался голосъ одного изъ авторитетныхъ «стариковъ», и вслѣдъ затѣмъ толпа вытолкнула впередъ нѣсколькихъ молодыхъ парней, но тѣ, бросивъ украдкой взглядъ на бушующее озеро, моментально ступевались.

Наконецъ, одинъ пожилой олончанинъ вышелъ изъ толпы, снялъ шапку, перекрестился и робко произнесъ:

— Я поѣду, баринъ.

Въ толпѣ пронесся гулъ одобренія. Въ нѣсколько минутъ лодка была выведена изъ гавани и снаряжена въ плаваніе. Я послалъ капитану записку, сообщая о нашемъ проектѣ и требуя присылки компаса, а самъ занялся составленіемъ телеграммъ, которыя Комнино обязался сдать на первый телеграфной станціи, если смѣлая попытка его достигъ берега увѣнчается успѣхомъ. Официальная телеграмма на имя министра путей сообщенія написана была мною въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Пароходъ «Александръ Свирскій» потерпѣлъ крушеніе въ ночь на 1-е октября, близъ маяка Сухо. 150 человекъ съ женщинами и дѣтьми находятся на маякѣ и ждутъ помощи. Всѣ пассажиры и команда спасены. Молимъ Бога, чтобы телеграмма эта скорѣе дошла до вашего высокопревосходительства». Прочитавъ эту депешу во всеуслышаніе, я составилъ еще нѣсколько частныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ, разумѣется, къ своей женѣ. Деньги на путевые расходы Комнино мы собрали между собою и вручили ему въ безконтрольное распоряженіе съ просьбой не щадить никакихъ издержекъ лишь бы скорѣе добратся до телеграфной станціи.

Послѣ продолжительнаго ожиданія, втеченіе котораго мы потеряли всякое терпѣніе и порѣшили уже обойтись безъ содѣйствія капитана, послѣдній прислалъ наконецъ компасъ, нѣсколько телеграммъ и приказаніе одному изъ своихъ матросовъ ѣхать вмѣстѣ съ Комнино. Между тѣмъ небо прояснилось, вышло солнышко, и предложенія сопутствовать греку посыпались отовсюду; но первенство я оставилъ за первымъ добровольцемъ — старикомъ олончаниномъ. Опасаясь, что это эмиграціонное движеніе разростется теперь въ сильной степени и вызоветъ какія нибудь новыя осложненія, я приказалъ немедленно готовиться къ отъѣзду. «Экипажъ» размѣстился уже въ лодкѣ, какъ вдругъ раздались крики: «пароходъ идетъ! пароходъ идетъ!». Дѣйствительно, верстахъ въ 15-ти къ сѣверу, виднѣлся пассажирскій пароходъ, идущій на всѣхъ парахъ обыкновеннымъ фарватеромъ. Это была «Царица», дѣлающая свой очередной рейсъ изъ Петербурга въ Петрозаводскъ. Немедленно на маякѣ были приняты всѣ мѣры, чтобы привлечь ея вниманіе. За неимѣніемъ другихъ сигналовъ, на вершину маячной башни я приказалъ поднять рогожу, пледъ и красный женскій платокъ: «Александръ Свирскій» выкинулъ кормовой флагъ на срединѣ мачты—печальный знакъ постигшаго бѣдствія; кромѣ того, обитатели маяка, не довѣряя оптическимъ сигналамъ, разразились по адресу «Царицы» неистовыми криками, и мнѣ стоило большого труда остановить этотъ громоносный хоръ, убѣдивъ исполнителей въ совершенной его безцѣльности. Увы, всѣ наши усилія оказались напрасными! «Царица», повидимому, не замѣтила насъ и вскорѣ скрылась за горизонтомъ, сопровождаемая единодушными ругательствами. Какъ только исчезла надежда на помощь «Царицы», я поспѣшилъ снова на пристань, откуда, къ удивленію, неслись также ругательства и крики.

— Ваше благородіе, — доложилъ мнѣ одинъ изъ «адъютантовъ», — разрѣшите, кому командовать лодкой—греку или матросу: грекъ не хочетъ ѣхать, коли онъ не будетъ командиромъ.

Разумѣется, я, не колеблясь, назначилъ «командиромъ» Комнино, который тотчасъ усѣлся на руль, а матросъ и олончанинъ начали ставить паруса.

Комнино снялъ шапку, перекрестился и, весело махнувъ намъ рукою, scomандовалъ: маршъ! Лодка отчалила, парусъ сильно вздулся и накренилъ ее почти вертикально, но опытный грекъ ловко возстановилъ равновѣсіе, и черезъ нѣсколько минутъ на горизонтѣ виднѣлось лишь бѣловатое пятно, скользящее по волнамъ... Обитатели маяка долго стояли съ обнаженными головами, слѣдуя взоромъ за удаляющейся лодкой и вознося горячія молитвы о счастливомъ исходѣ отважной попытки доблестнаго грека... Я съ сердечнымъ трепетомъ вглядывался въ небо и въ безбрежный горизонтъ, стараясь предугадать погоду. Что если вдругъ задуетъ

«сиверъ»? Тогда утлой лодкѣ нашей не сдобровать въ открытомъ озерѣ! Но Богъ услышалъ наши молитвы, къ полудню небо совершенно очистилось отъ тучъ, и солнце засіяло полнымъ блескомъ. Наступилъ прекрасный осенній день, сразу измѣнившій картину крушенія. Всѣ воспрянули духомъ, не сомнѣваясь болѣе, что Комнино благополучно достигнетъ берега, телеграфъ скоро разнесетъ повсюду вѣсть о насъ, и къ намъ явится помощь, а, главное, всѣ близкіе намъ люди узнаютъ, что мы живы и не станутъ преждевременно оплакивать.

Капитанъ Л., проведеній ужасную ночь на «Александрѣ Свирскомъ», до сихъ поръ не сходилъ съ его борта. Онъ долженъ былъ переживать очень скверныя минуты, такъ какъ не могъ не сознавать себя виноватымъ въ крайней небрежности, не смотря на разныя роковыя случайности, при которыхъ произошло крушеніе. Въ первые часы послѣ катастрофы возбужденіе противъ капитана достигло такихъ размѣровъ, что, не скройся онъ благоразумно съ глазъ ожесточенной толпы, ему угрожала бы серьезная опасность. Какъ я ни старался примирить пассажировъ съ бѣднымъ капитаномъ, указывая, между прочимъ, на то, что, благодаря ему, пароходъ благополучно добрался до маяка, но мои старанія не имѣли успѣха; продолжая же защищать его во что бы то ни стало, я рисковалъ уронить свой личный авторитетъ, а потому волей-неволей принужденъ былъ предоставить злополучнаго Л. его собственной участи. Когда въ минувшую ночь, во время свирѣпствовавшей бури, я указывалъ толпѣ на блѣдный огонекъ, мерцавшій въ окнѣ капитанской каюты и заикнулся о томъ, что капитанъ своей рѣшимостью не покидать до конца ввѣренный ему постъ, не смотря на угрожающую ежеминутно опасность, хотя отчасти искупилъ сдѣланный промахъ, то услышалъ изъ всѣхъ почти устъ одинъ и тотъ же сухой отвѣтъ: «такъ ему и надо!». Пережитыя ужасныя волненія были еще слишкомъ свѣжи и заглушали всѣ иныя чувства.

Погода, между тѣмъ, разгуливалась на славу. Солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ, и озеро совсѣмъ успокоилось. Вчерашнія сцены страха и отчаянія смѣнились совершенно мирной идилліей. Воспользовавшись общимъ благодушнымъ настроеніемъ, я отправился въ лодкѣ къ «Александру Свирскому», который, съ своей уродливо приподнятой кормой и съ печальнымъ флагомъ на склонившейся мачтѣ, лежалъ неподвижно на зеркальной поверхности озера. Едва я взобрался на палубу, какъ меня обдало холодомъ смерти. Вся носовая часть находилось во власти водной стихіи, трюмъ и каюта II класса были буквально залиты водою, и только хорошо памятная мнѣ рубка представляла прежній видъ; здѣсь я засталъ капитана, смущеннаго и растеряннаго, съ застывшими слезами на глазахъ. Я старался его утѣшить, на сколько могъ, звалъ на маякъ, но онъ уклонился отъ всякихъ объясненій, хотя

сказалъ, что, быть можетъ, приѣдетъ къ намъ и будетъ просить подписать протоколъ; надъ составленіемъ этого протокола онъ, вѣроятно, и трудился все время своего добровольнаго заточенія. Я крѣпко пожалъ ему руку и поспѣшилъ вернуться на маякъ.

VII.

На маякѣ я засталъ необыкновенно оживленную и пеструю картину. Все его населеніе высыпало на площадку и размѣстилось въ самыхъ живописныхъ группахъ. Предпримчивый буфетчикъ, не теряя драгоцѣннаго времени, открылъ торговлю залежавшимися лакомствами, а его мальчикъ подручный шмыгалъ среди толпы, предлагая желающимъ сигары и папирсы «самыя лучшія»; откуда-то появился татаринъ съ ситцами и платками, и шустрый еврейчикъ съ «золотыми» вещами; молодой парень олончанинъ вытащилъ гармонію, и толпа молодежи окружила его, вторя знакомой мелодіи голосомъ и ногами. Всѣмъ сдѣлалось на душѣ необыкновенно легко и весело. Къ сожалѣнію, недостатокъ женскаго элемента лишалъ эту картину надлежащей полноты, хотя кое-гдѣ образовались веселыя парочки... Однимъ словомъ, обыденная, будничная жизнь закипѣла ключомъ на этой микроскопической площадкѣ, при чемъ не обошлось безъ споровъ, драки и даже преступленія. Какой-то бѣлоруссъ уличалъ олончанина въ кражѣ куска кожи; тотъ и другой выставили своихъ свидѣтелей, составившихъ двѣ враждебныя партіи, для умиротворенія которыхъ потребовалось мое энергическое вмѣшательство. Я произвелъ формальное слѣдствіе, но дѣла не выяснилъ: фактъ пропажи установленъ былъ незыблемо, но съ другой стороны къ обвиненію олончанина не оказывалось рѣшительно никакихъ данныхъ. Убѣдившись въ невозможности склонить вѣсы Феиды въ ту или другую сторону, чему въ душѣ я былъ очень радъ, я предложилъ обоимъ, въ виду исключительнаго нашего положенія, чистосердечно помириться другъ съ другомъ. Но бѣлоруссъ оставался глухъ къ моему краснорѣчію и упрямо повторялъ, что кожу у него украли и должны возвратить.

— Сколько же стоитъ твой кусокъ кожи? — спросилъ я наконецъ.

— Пятьдесятъ копѣекъ, — отвѣтилъ онъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что я ему тутъ же уплатилъ эту сумму съ условіемъ, чтобы онъ чистосердечно простилъ неизвѣстнаго вора.

Бѣлоруссъ, огорошенный такимъ оборотомъ дѣла, бросился цѣловать мои руки, и прерванная идиллія снова воцарилась на маякѣ, не нарушаемая болѣе никакими инцидентами.

Уже солнце склонялось къ закату, когда отъ «Александра Свирскаго» отчалила шлюпка съ единственными его обитателями:

капитаномъ и шкиперомъ. Я торжественно встрѣтилъ ихъ на пристани, принявъ предварительно всѣ мѣры для огражденія капитана отъ враждебныхъ манифестацій. До нѣкоторой степени мнѣ удалось это, но капитанъ Л. самъ испортилъ дѣло, предложивъ подписать протоколъ, въ которомъ онъ на столько оправдывалъ всѣ свои дѣйствія, что крушеніе парохода оказывалось не слѣдствіемъ его неосторожности и стеченія неблагоприятныхъ случайностей, а чуть не результатомъ геройскаго подвига. Я наотрѣзъ отказался подписать этотъ оправдательный документъ прежде, чѣмъ онъ будетъ одобренъ всѣми пассажирами, причѣмъ замѣтилъ, что чтеніе подобнаго протокола произведетъ на нихъ крайне дурное впечатлѣніе. Но капитанъ настаивалъ, и мнѣ ничего не оставалось, какъ прочесть протоколъ во всеуслышаніе, что я и сдѣлалъ, созвавъ на площадку всѣхъ пассажировъ. Едва я успѣлъ огласить первыя строки этого неудачнаго документа, какъ «крайніе» подняли страшный шумъ; капитанъ Л. поспѣшно вырвалъ бумагу изъ моихъ рукъ и, ни съ кѣмъ не простившись и не сказавъ болѣе ни одного слова, удалился обратно на пароходъ. «Крайніе» провожали его ругательствами, «умѣренные» безмолвствовали.

Короткій октябрьскій день смѣнился ночью, столь же тихой и ясной. На небѣ вспыхнули безчисленныя звѣзды, а вслѣдъ затѣмъ выплылъ мѣсяцъ, въ видѣ широкаго блестящаго серпа, озаривъ своимъ фантастическимъ свѣтомъ маякъ, маячныхъ обитателей, безбрежное озеро и нашъ разбитый пароходъ. Передъ нами возстала по истинѣ волшебная картина, которою нельзя было не любоваться, не смотря на всю неприглядность нашего положенія и нашей обстановки. Въ особенности поражала воображеніе чудная игра лунныхъ лучей, на ровной и чистой, какъ сталь, поверхности озера, которое до того казалось тихимъ и неподвижнымъ, что жутко становилось на сердцѣ, словно за этимъ абсолютнымъ спокойствіемъ могучей стихіи должно неминуемо послѣдовать страшное возмездіе. Маячные огни сіяли теперь необыкновенно ярко, поднятые на надлежащую высоту; ночныя птицы густою стаей увивались вокругъ фонарей, стараясь проникнуть въ этотъ загадочный источникъ свѣта, нарушавшій спокойствіе ночи; одна изъ птицъ, какъ бы повинуваясь страстному желанію сразу открыть мучившую ее тайну, ударилась о рефлекторъ съ такою силою, что упала мертвой къ нашимъ ногамъ. Маячный сторожъ объяснилъ намъ, что въ хорошую погоду всегда пропадаетъ много этой твари, потому «тварь неразумная—сама на смерть лѣзетъ». Долго любовалась толпа этой борьбой пернатыхъ тварей съ огненной стихіей, ожидая новыхъ жертвъ, но ожиданія ея не сбылись на этотъ разъ.

Что же нашъ Комнино? Добрался ли онъ благополучно до берега? Сдалъ ли наши телеграммы? Какъ оказалось въ послѣдствіи,

онъ, благодаря попутному вѣтру, еще въ 3 часа по полудни достигъ берега и очутился въ какой-то деревушкѣ Новоладожскаго уѣзда, отстоящей отъ телеграфной станціи (Сясскіе рядки) всего въ 10 верстахъ. Депеша министру путей сообщенія доставлена была около 6-ти часовъ, и министръ въ ту же минуту распорядился отправить къ намъ на помощь казенный пароходъ «Озерной», нагрузивъ его, на сколько оказалось возможнымъ, провизіей и теплой одеждой; къ несчастью, «Озерной» стоялъ на якорѣ на р. Невѣ, ниже Николаевского моста, и прошло много времени, пока удалось поднять его вверхъ по рѣкѣ, такъ какъ разводка мостовъ въ неурочные часы сопряжена съ значительными затрудненіями. Только въ 10 часовъ вечера «Озерной» прошелъ всѣ мосты и полнымъ ходомъ направился къ маяку Сухо. Одновременно съ этимъ, правленіе пароходнаго общества, на основаніи депеши капитана Л., отправило телеграмму командиру «Царя», который возвращался изъ Петрозаводска въ Петербургъ и долженъ былъ находиться въ эти часы близъ Сермакса; въ послѣдней депешѣ предписывалось «Царю» идти къ маяку Сухо и снять съ него всѣхъ пассажировъ, если къ тому не встрѣтятся непреодолимыхъ препятствій. Такимъ образомъ на помощь къ намъ шли два парохода, съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Что касается «Царицы», прошедшей утромъ мимо маяка Сухо, то она, какъ и слѣдовало ожидать, не могла не замѣтить нашихъ сигналовъ, но капитанъ этого парохода ограничился тѣмъ, что по прибытіи въ Сермаксы оставилъ на пристани записку слѣдующаго страннаго содержанія: «Близъ маяка Сухо стоитъ, повидимому, на мели какой-то пароходъ; близъ устья Свири усмотрѣна шлюпка, принадлежащая «Александрѣ Свирскому». Эта записка предназначалась для свѣдѣнія «Царя», который лишь черезъ 12 часовъ долженъ былъ войти въ Ладожское озеро. А что могло стать съ нами втеченіе этихъ полусутокъ!

Не смотря на увѣренность въ близкой помощи, временные обитатели маяка съ наступленіемъ ночи начали приходиться въ безпокойство. Безпокойство еще больше усилилось, когда сіявшій ярко до сихъ поръ мѣсяцъ вдругъ покрылся тучей, неизвѣстно откуда набѣжавшей, и вслѣдъ затѣмъ сталъ накрапывать дождикъ. Снова пришлось установить очередь для пользованія кровлей. Къ довершенію бѣды обнаружались случаи заболѣванія: сначала свалился бѣлоруссъ, а за нимъ одинъ изъ арестантовъ; и тотъ, и другой переданы были на попеченіе дамъ, у которыхъ нашлись кое-какія лекарственныя средства. Между тѣмъ мелкій дождикъ перешелъ въ настоящій осенній дождь, которому, казалось, не предвидится конца. Промокшіе и прозябшіе пассажиры плотно жались другъ къ другу, съ тоской посматривая на полуотворенную дверь избы, гдѣ горѣлъ неугасаемый огонь, и кипѣлъ безсѣбно самоваръ; но

попасть туда удавалось не многимъ, такъ какъ изба переполнилась слабосильными, выселить коихъ не было возможности. Къ счастью еще, бѣлоруссы стойчески переносили холодъ и непогоду, не издавая ни одного звука, ни единой жалобы. Съ нахлобученными на глаза своими мѣховыми шапками, съ согнутыми спинами, словно приросшія къ землѣ и другъ къ другу, ихъ неподвижныя фигуры, при мерцающемъ свѣтѣ маячныхъ огней, производили какое-то фантастическое впечатлѣніе. Изрѣдка лишь въ этой толпѣ слышался тихій, робкій вздохъ или шепотъ творимой молитвы... Я не смыкалъ глазъ въ эту ночь, обдумывая всѣ возможныя случайности, изъ которыхъ наиболѣе опасной представлялся сѣверный вѣтеръ, могущій заковать насъ здѣсь на неопредѣленное время. Я прислушивался къ каждому звуку, старался уловить малѣйшій признакъ, по которому можно было бы судить объ измѣненіяхъ въ атмосферѣ, но кругомъ все было тихо, озеро словно застыло въ своихъ берегахъ, и только однообразный шумъ дождя нарушалъ безмолвіе ночи.

VIII.

Ровно въ два часа прибѣжалъ ко мнѣ караульный и, согласно полученной инструкціи, чтобы не вызывать напрасно тревоги, шепотомъ произнесъ:

— Пожалуйте на берегъ—огонь видѣнъ.

Я послѣдовалъ за нимъ и дѣйствительно гдѣ-то далеко на горизонтѣ явственно увидѣлъ бѣлый огонекъ, движущійся въ разныхъ направленіяхъ.

— Что это можетъ быть?—спросилъ я.

— Можетъ, рыбаки, а, можетъ, и пароходъ.

— Развѣ рыбаки выѣзжаютъ такъ далеко въ открытое озеро?

— Въ хорошую погоду случается.

Наши наблюденія не остались, разумѣется, тайной, и всѣ пассажиры собрались на берегъ, жадно впиваясь глазами въ загадочный огонекъ. Но огонь погасъ... Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился и казался ярче прежняго.

— «Если это пароходъ,—подумалъ я,— то почему не видно цвѣтныхъ огней?»

Какъ бы въ отвѣтъ на мой мысленный вопросъ разомъ выступили надъ поверхностью озера красный огонь справа и зеленый—слѣва.

Сомнѣнія больше быть не могло: это пароходъ, пришедшій за нами. Маякъ огласился восторженными кликами... Еще нѣсколько минутъ, и разноцвѣтные огни перестали двигаться; раздался отдаленный протяжный свистокъ, по низкому тембру котораго мы до-

гадались, что передъ нами «Царь», попавшійся намъ на встрѣчу въ Онежскомъ озерѣ.

— «Царь»!.. «Царь»!.. Ура!..—кричали на маякѣ.

Я спросилъ сторожа, что по правиламъ онъ долженъ сдѣлать въ отвѣтъ на свистокъ парохода, несомнѣнно обращенный къ намъ.

— Ничего не знаю,—отвѣчалъ тотъ:—мое дѣло зажигать и тушить огни, а больше я ничего не знаю.

— Можетъ быть, ты долженъ подать на пароходъ лодку?

— У него есть свои лодки, а мнѣ къ нему въ этукую темень не попасть.

Раздался второй еще болѣе продолжительный свистокъ.

Я хотѣлъ было зажечь костеръ, чтобы дать, по крайней мѣрѣ, знать «Царю» о нашемъ присутствіи на маякѣ, но опасался ввести въ заблужденіе какое нибудь парусное судно, которое могло находиться теперь вблизи нашего маяка и ориентироваться по его сигнальнымъ огнямъ. Я рѣшился ждать разсвѣта, до котораго оставалось еще добрыхъ 3—4 часа. Эта оплошность могла стоить намъ жизни, но озеро оставалось спокойнымъ попрежнему, и «Царь» не двигался съ мѣста, бросивъ, повидимому, якорь.

Едва забрезжилъ первый лучъ разсвѣта, обрисовавъ мощный силуэтъ «Царя», какъ этотъ послѣдній сталъ медленно къ намъ приближаться, дѣлая непрерывно промѣры, и снова бросилъ якорь, въ полуторыхъ верстахъ отъ маяка. Отъ «Царя» отчалила тотчасъ шлюпка, на рулѣ которой сидѣлъ самъ капитанъ Б. въ полной парадной формѣ.

— Живѣй въ лодки!—крикнулъ онъ, что было силы, не успѣвъ еще сойти на маякъ.

— Давай всѣ лодки, какія у тебя есть,—продолжалъ онъ кричать, обращаясь къ сторожу, который съ обнаженной головой дожидался его на берегу, между тѣмъ какъ помощникъ сторожа торопливо усаживалъ въ одну изъ маячныхъ шлюпокъ двухъ толстыхъ купцовъ, посулившихъ ему крупную сумму за скорѣйшую переправу на пароходъ.

Капитанъ Б., замѣтивъ этотъ маневръ, какъ разъяренный тигръ, бросился къ шлюпкѣ, которая приготовилась уже отчалить отъ берега.

— Это что такое? Назадъ! Перевозить по очереди женщинъ впередъ, по 10 человекъ сразу!..

— Помилуйте, мы деньги заплатили,—вздумали было протестовать господа купцы.

— Назадъ!—заревѣлъ капитанъ «Царя» такимъ голосомъ, что всѣ маячныя зданія едва не рушились отъ сотрясенія воздуха,—или я васъ, мерзавцевъ, брошу совсѣмъ на маякѣ.

Господа купцы мгновенно ступевались.

Вслѣдъ затѣмъ энергическій капитанъ быстро организовалъ

переправу, которая, однако, не смотря на всѣ принятыя мѣры, продолжалась очень медленно, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи находились только 4 шлюпки, а, чтобы добраться до «Царя», требовалось три четверти часа времени. Капитанъ Б. выходилъ изъ себя, приказывалъ по столько людей брать въ лодки, что тѣ, нагруженные до послѣднихъ предѣловъ возможности, при малѣйшемъ колебаніи, черпали воду то однимъ, то другимъ бортомъ. Крики ужаса и отчаянія то и дѣло оглашали воздухъ, но капитанъ оставался неумолимъ, угрожая чуть не смертью, если приказанія его не будутъ въ точности исполняемы. Бѣдные пассажиры, которыхъ капитанъ Б. подвергалъ новой явной опасности, безъ всякаго разумнаго повода, пришли наконецъ въ страшное негодованіе и готовы были поднять открытый бунтъ, если бы не опасеніе, что капитанъ броситъ ихъ на маякъ. Зная характеръ Б., нельзя было сомнѣваться, что онъ способенъ на такой поступокъ, поэтому изъ двухъ золь приходилось выбирать меньшее. Одна изъ «дамъ», увидѣвъ, что ей приходится садиться въ лодку, до краевъ нагруженную деревенскими бабами, подняла отчаянный вопль, но ее безъ церемоніи схватили въ охапку и бросили внизъ какъ попало; лодка накренилась въ сторону, черпнула массу воды, раздался ужасный визгъ 10 женщинъ, и если бы не подоспѣла во время помощь, то всѣ онѣ покоились бы теперь на днѣ Ладожскаго озера. Что же заставляло, однако, капитана Б. такъ торопиться, подвергая жизнь столькихъ людей очевидной опасности?... Вопросъ этотъ разрѣшился очень скоро.

Переправа окончилась наконецъ благополучно, и «Царь» снялся съ якоря въ 9 часовъ утра. Лавируя между подводными камнями, онъ скоро выбрался въ открытое озеро и взялъ прямой курсъ на Шлиссельбургъ. Вступивъ на палубу «Царя», я поспѣшилъ прежде всего къ капитану, желая получить отъ него интересующія меня свѣдѣнія; но онъ рѣзко прекратилъ всякія объясненія и, указавъ рукою на анероидъ, быстро ушелъ на мостикъ. Стрѣлки анероида показывали уклоненіе влѣво почти на 15 дѣлений! Теперь я понималъ, что означала его поспѣшность, принятая нами за непростительный капризъ, и съ ужасомъ подумалъ о томъ, что ждетъ насъ еще впереди...

Дѣйствительно, не прошло и четверти часа послѣ выхода «Царя» за предѣлы подводныхъ камней, окружающихъ маякъ Сухо, какъ по озеру пронесся отдаленный гулъ, и все его видимое пространство покрылось мелкою зыбью; сѣверный горизонтъ окутался густымъ туманомъ, который надвигался на насъ все ближе и быстрѣе. Пароходъ стало покачивать сначала еле замѣтно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе. Прошло еще нѣсколько минутъ, и «сиверъ» задулъ съ неукротимымъ бѣшенствомъ. Мы попали въ настоящій штормъ, который рѣдко проходитъ благополучно для застигнутыхъ

имъ судовъ. Свинцовыя волны съ серебристыми гребнями ударились о пароходъ съ все возрастающей силой. Онѣ то приближались другъ къ другу, сливаясь между собой въ одну водяную массу, выросавшую до громадной высоты, выше, казалось, мачты парохода, то отталкивались и разступались на далекое разстояніе, образуя страшную клокочущую бездну. Температура сразу понизилась на нѣсколько градусовъ, водяныя брызги жгли лице, какъ раскаленное желѣзо. «Царь» стоналъ и скрипѣлъ, бросаемый, какъ соломинка, по разъяреннымъ волнамъ; онъ поминутно то однимъ, то другимъ бокомъ становился почти въ вертикальное положеніе, причемъ колеса его поочередно то безпомощно болтались на воздухѣ, то погружались въ глубину озера, обращая всю свою наступательную силу на несчастный корпусъ парохода, который трещалъ по всѣмъ швамъ, съ трудомъ подвигаясь впередъ...

Трудно вообразить, что происходило на палубѣ «Царя» въ разгаръ разразившагося шторма. Пассажиры «Александра Свирскаго» не испытывали уже ни страха, ни приступовъ морской болѣзни, а въ какомъ-то тупомъ оцѣненіи ожидали новой катастрофы. Благословляя Творца недавно за свое спасеніе, они готовы были теперь богохульствовать и проклипать судьбу, которая такъ ехидно послала имъ лучъ надежды, чтобы тотчасъ снова ввергнуть въ бездну отчаянія.

— Ложись!—раздался вдругъ среди рева бури громовой голосъ капитана.

Всѣ пассажиры, которыхъ засталъ на палубѣ этотъ возгласъ капитана, бросились на землю, какъ одинъ человекъ, и въ ту же почти секунду пароходъ такъ сильно накренился, и громадная волна влетѣла на него такъ неудержимо, что если бы не предусмотрительность капитана, то многіе изъ пассажировъ очутились бы за бортомъ. Девятый валъ пронесся такимъ образомъ благополучно, хотя нѣкоторыя части такелажа волна снесла въ озеро; обоихъ кожуховъ и одной шлюпки—какъ не бывало. Колеса съ оторванными на половину спицами работали плохо, и набѣжи второй «девятый» валъ, «Царю», какъ и «Александрю Свирскому», не видать бы больше красавицы Невы...

Во все время шторма я не спускалъ глазъ съ капитана Б., который, привязавъ себя къ периламъ мостика, держа бинокль въ одной рукѣ, а другой—опираясь на рулевое колесо, съ несокрушимой энергіей и хладнокровіемъ слѣдилъ за борьбой вѣтреннаго ему судна съ разъяренной стихіей. Казалось, никакія силы небесныя не въ состояніи сбросить его съ занятаго поста... Видъ мужественнаго капитана возвратилъ мнѣ увѣренность, что «Царь» выйдетъ побѣдителемъ. Эту увѣренность я старался внушить и своимъ товарищамъ по несчастью, которые до сихъ поръ не переставали считать меня «командиромъ» и возлагали почему-то на меня всѣ

свои надежды. А «сиверь», между тѣмъ, дѣлалъ свое дѣло, превративъ озеро въ какую-то клокочущую массу. Пароходъ изъ послѣднихъ силъ взбирался на страшную высоту волнъ и вслѣдъ затѣмъ падалъ въ разверстую бездну, гдѣ, казалось, его ждетъ неминуемая гибель. Но Всемогущій Богъ смилостивился наконецъ надъ нами! Раздался страшный трескъ, лѣвый бортъ погрузился въ воду, громадная волна пронеслась черезъ палубу, сбросивъ въ озеро все, что встрѣтилось ей на пути, но потомъ сразу наступило относительное спокойствіе. Это «Царь» дѣлалъ крутой поворотъ на югъ и, выдержавъ съ честью послѣдній, отчаянный натискъ волнъ, сталъ приближаться къ устью Невы.

Всякая опасность миновала.

IX.

Снова все забыто! Снова обычная суета, шумъ, говоръ — такова упругость людской природы. Всѣ почти пассажиры выползли изъ своихъ норъ на палубу. «Царь» подходилъ къ Кошкину маяку, за которымъ чуть-чуть виднѣлся Шлиссельбургъ съ его мрачною крѣпостью; возлѣ маяка стоялъ на якорѣ пароходъ «Озерной», который посланъ былъ къ намъ на выручку министромъ путей сообщенія, но который по случаю сильнаго шторма не могъ войти въ озеро. Поровнявшись съ «Озернымъ», «Царь» замедлил ходъ, и между капитанами обоихъ пароходовъ произошелъ черезъ рупоръ слѣдующій обмѣнъ словъ:

- Вы сняли съ Сухо пассажировъ «Александра Свирскаго»?
- Сняли.
- Всѣхъ?
- Всѣхъ.
- Что въ озерѣ?
- Свѣжо.

Этотъ терминъ «свѣжо» показался черезчуръ ужъ наивнымъ...

Въ Шлиссельбургѣ пароходы обыкновенно останавливаются, но на этотъ разъ капитанъ Б. пошелъ прямо въ Петербургъ, желая сократить намъ томительныя минуты ожиданія. Не смотря на полученные увѣчія и довольно жалкій внѣшній видъ, «Царь» быстро мчался внизъ по Невѣ. Стукъ его поломанныхъ колесъ сливался съ ударами нашихъ сердецъ, переполненныхъ неизъяснимымъ чувствомъ благодарности къ Тому, Кто, послѣ столькихъ тяжелыхъ испытаній, привелъ насъ снова на жизненную стезю. Мы плакали, смѣялись, молились въ одно и то же время, цѣловали, обнимали другъ друга, вспоминали съ удовольствіемъ малѣйшія подробности пережитыхъ минутъ, и только неизвѣстность о близкихъ людяхъ омрачала нѣсколько это торжественно-свѣтлое настроеніе духа.

Только теперь капитанъ Б. нашель время поговорить со мною и сообщить подробности, при которыхъ онъ явился къ намъ на помощь. «Царь» вышелъ изъ Петрозаводска въ назначенное время, то-есть въ ночь съ 1 на 2 октября, не имѣя никакихъ свѣдѣній объ участи «Александра Свирскаго» и о томъ, что послѣдній свое-временно не прибылъ въ Петербургъ. Въ Лодейномъ Полѣ капитанъ Б. получилъ сказанную выше записку командира «Царицы», приведшую его въ крайнее недоумѣніе, такъ какъ записка эта противорѣчила всѣмъ морскимъ правиламъ и традиціямъ. Дѣйстви-тельно, какъ объяснить, что «Царица», проходя мимо маяка Сухо днемъ, въ отличную погоду и замѣтивъ пароходъ, потерпѣвшій крушеніе, не подала никакой помощи? Никакія оговорки въ этомъ случаѣ, въ родѣ переполненія парохода пассажирами и грузомъ, не могли имѣть мѣсто. Если капитанъ «Царицы» не въ состояніи былъ снять насъ съ маяка, то обязанъ былъ, по крайней мѣрѣ, узнать досконально, въ чемъ дѣло, и по прибытіи на ближайшую пристань сообщить кому слѣдуетъ о крушеніи. Капитанъ Б., будучи увѣренъ, что въ Сермаксѣ получитъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, не сказалъ никому о запискѣ командира «Царицы», не желая преждевременно тревожить своихъ пассажировъ; но въ Сермаксѣ не было никакихъ извѣстій, а потому, простоявъ часа три или четыре у пристани, онъ рѣшился идти прямо въ Петербургъ. Уже «Царь» началъ отчаливать, когда раздавшіеся на берегу крики остано-вили его; это былъ рассыльный съ телеграфной станціи, съ цѣлой кипой депешъ къ капитану. Прочитавъ депеши, капитанъ Б., не задумываясь ни секунды, объявилъ пассажирамъ, что идетъ на маякъ Сухо, а такъ какъ въ случаѣ наступленія неблагоприятной погоды пароходъ можетъ подвергнуться опасности, то предоставляетъ всѣмъ желающимъ сойти на берегъ и получить обратно внесенную за проѣздъ плату. Большинство пассажировъ I и II классовъ тот-часъ оставили пароходъ, который смѣло направился въ Ладожское озеро по нашимъ слѣдамъ.

Капитанъ Б. не сводилъ все время глазъ съ анероида, отъ дви-женія стрѣлки котораго зависѣло наше спасеніе: поверни стрѣлка влево, хотя на одну только линію, онъ не рѣшился бы идти на маякъ. Къ счастью, этого не случилось, но, принимая во вниманіе время года и общее состояніе атмосферы, можно было ожидать, что случится ежеминутно. Очутившись, при совершенно тихой погодѣ, въ виду огней маяка Сухо, «Царь» сталъ приближаться къ нему до тѣхъ поръ, пока была какая нибудь возможность лавировать между подводными камнями; въ 5-ти верстахъ отъ маяка онъ остано-вился и подалъ свистокъ, на который, какъ извѣстно, мы не дали никакого отвѣта. Капитанъ Б. подумалъ было сначала, что пассажиры «Александра Свирскаго» взяты уже другимъ парохо-домъ, хотя, судя по полученнымъ имъ въ Сермаксѣ депешамъ, это

представлялось почти невозможнымъ. Между тѣмъ и пассажиры «Царя», напуганные нашимъ крушеніемъ, подняли отчаянный протестъ противъ дальнѣйшаго пребыванія парохода среди подводныхъ камней и утесовъ, и капитанъ Б. не могъ не признать этого протеста вполне законнымъ. Взявъ всѣ обстоятельства и возможные случайности, онъ объявилъ своимъ пассажирамъ, что будетъ ждать здѣсь до утра, если барометръ не укажетъ на малѣйшую возможность переменъ погоды къ худшему, въ противномъ случаѣ онъ тотчасъ снимется съ якоря и броситъ насъ на произволъ судьбы. Это рѣшеніе капитана успокоило нѣсколько пассажировъ, а участь и жизнь нашу поставило въ зависимость отъ ничтожнѣйшаго колебанія стрѣлки анероида... Эта стрѣлка, къ счастью, приняла гибельное для насъ положеніе лишь въ самую послѣднюю минуту, когда наступившій разсвѣтъ обнаружилъ уже передъ капитаномъ «Царя» полную картину крушенія, и когда онъ не могъ уже не прійти къ намъ на помощь, не измѣнивъ своему долгу, какъ морякъ, человекъ и христіанинъ. Отсюда понятна та суровая и почти безчеловѣчная поспѣшность, съ которой онъ «снялъ» съ маяка несчастныхъ пассажировъ «Александра Свирекаго»; не будь этой поспѣшности, одному Богу извѣстно, чтоъ стало бы съ нами...

Невозможно выразить чувство, испытанное мною при приближеніи парохода къ Петербургу, когда среди толпы, ожидавшей насъ на пристани, я увидѣлъ свою жену и уловилъ ея тревожный взглядъ, устремленный на палубу «Царя». Мнѣ казалось, что «Царь» никогда не подойдетъ къ пристани... Наконецъ, послѣдній поворотъ сдѣланъ, канаты брошены, трапъ положенъ, и я опять дома, живъ и невредимъ, среди существъ, дорогихъ моему сердцу!.. Не дай Богъ никому испытать при подобныхъ условіяхъ эти «счастливыя» ощущенія, но только тотъ, кто хоть разъ пережилъ ихъ, въ состояніи понять, что значитъ въ жизни истинно счастливая минута...

Бывшіе обитатели маяка Сухо сговорились между собою, еще во время пути, отслужить всѣмъ вмѣстѣ благодарственный молебенъ въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, ближайшей къ пароходной пристани. Всѣ 150 человекъ должны были идти гурьбой въ церковь прямо съ парохода. Я сталъ въ послѣдній разъ во главѣ этой случайной артели, но прежде, чѣмъ войти въ храмъ Божій, мнѣ суждено было пережить еще одну тяжелую минуту. Не успѣлъ я сойти на трапъ, какъ подошелъ ко мнѣ конвойный унтеръ-офицеръ и, сдѣлавъ честь по всѣмъ правиламъ воинскаго устава, съ грустью произнесъ:

— Намъ никакъ нельзя, ваше благородіе.

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— По закону, арестанты въ кандалахъ не могутъ входить въ церковь... Простите насъ, ваше благородіе...

Мнѣ сдѣлалось невыразимо больно и за себя, и за него, и за

этихъ «несчастныхъ», которые сквозь окружавшую ихъ цѣпь часовыхъ, стараясь скрыть звонъ своихъ кандаловъ, съ болѣзненнымъ вниманіемъ слѣдили за докладомъ унтеръ-офицера.

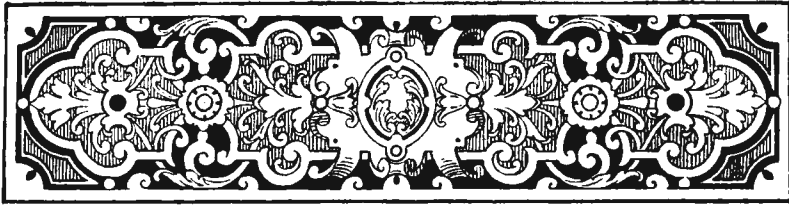
— Что же сдѣлать, братецъ, — отвѣтилъ я, протягивая ему на прощаніе руку: — если нельзя по закону, то помолимся отдѣльно.

Оригинальную картину представляли пассажиры «Александра Свирскаго», шествующіе гурьбой ко храму Всѣхъ Скорбящихъ... Старикъ священникъ, предупрежденный заранѣе нашимъ матросомъ, ждалъ уже въ алтарѣ, и вся эта разношерстная толпа, охваченная единымъ чувствомъ, какъ одинъ человекъ, разомъ опустилась на колѣни, огласивъ церковь рыданьями и молитвой...

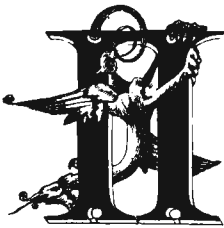
Дѣло о крушеніи «Александра Свирскаго» не достигло суда, такъ какъ человѣческихъ жертвъ не было, парходное общество отказалось отъ взысканія убытковъ съ капитана Л., и никто изъ пассажировъ не подалъ частной жалобы, вполне довольный тѣмъ, что вышелъ цѣль и невредимъ изъ ужасной катастрофы. Изувѣченный «Александръ Свирскій» простоялъ еще нѣкоторое время около маяка, но, не смотря на всѣ принятыя мѣры, не удалось его сдвинуть съ мели и задѣлать пробоину; въ концѣ концовъ, раскачиваемый «сиверомъ», бѣдный парходъ разбился о подводные камни, и обломки его волны разметали по всему озеру. Капитанъ Л. остался вѣренъ себѣ до конца: онъ оставилъ ввѣренное ему судно лишь въ послѣднюю минуту его существованія...

П. Жудра.

ВОСПОМИНАНІЯ КЛОУНА А. Л. ДУРОВА.

ОМЪЩАЯ воспоминаія извѣстнаго и, какъ онъ называетъ себя, «оригинальнаго русскаго соловклоуна» Анатолія Леонидовича Дурова, считаемъ велишнимъ предпослать имъ нѣсколько строкъ.

Дворянинъ по рожденію, воспитанникъ кадетскаго корпуса, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, покровительствуемый лицомъ, имѣвшимъ связи и положеніе въ обществѣ, Дуровъ пожертвовалъ всеѣмъ этимъ изъ непреодолимой страсти къ цирку и добровольно промѣнялъ жизнь спокойную и обезпеченную на жизнь, полную лишеній, тяжелаго труда и униженій. Не смотря на то, что первые шаги его на оригинальномъ поприщѣ клоуна встрѣтили самую неблагопріятную обстановку и всевозможныя препятствія, онъ терпѣливо перенесъ все испытанія и горькія разочарованія и, не унывая, упорно стремился къ цѣли, которой, наконецъ, и достигъ, сдѣлавшись въ своемъ родѣ извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей.

Жизнь и приключенія такого человѣка любопытны сами по себѣ; но, помимо этого, воспоминаія Дурова знакомятъ насъ съ совершенно неизвѣстными до сихъ поръ нравами цирка и тѣснаго, замкнутаго кружка «циркистовъ», дающихъ богатый матеріалъ для бытописателя. Въ своихъ отрывочныхъ разсказахъ Дуровъ бойко и яркими красками рисуетъ картинки закулиснаго міра въ циркѣ, гдѣ люди и характеры складываются, большею частью, по одному шаблону, а исключенія являются рѣдкими и всегда чрезвычайно оригинальными.

Ред.

I.

Мои родители.—Мой крестный отецъ Н. З. Захаровъ.—Мое пребываніе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и исключеніе изъ него. — Страсть къ акробатству и къ цирку. — Дрессировка собакъ. — Учитель-гимнастъ Анжело Бриаторо. — Его хлысть. — Изгнаніе Бриаторо крестнымъ отцомъ. — Наказаніе. — Балаганщикъ Отто. — Его уроки. — Изгнаніе Отто. — Первый публичный дебютъ и его послѣдствія. — Строгія мѣры. — Мое бѣгство въ Тверь. — Поступленіе въ труппу Вальштока. — Цирковые нравы. — Мои товарищи. — Первая любовь. — Разочарованіе. — Кутежъ и расхищеніе моего имущества. — Каучуковый человѣкъ. — Безвыходное положеніе. — Благодѣтельные подовые. — Участіе желѣзнодорожныхъ кондукторовъ. — Возвращеніе въ Москву.

Автобіографія клоуна — это что-то необычайное, сомнительное. Поэтому съ первыхъ же строкъ приходится просить у читателя «благосклонности», той самой благосклонности, которой живетъ на цирковой аренѣ клоунъ и ради которой онъ продѣлываетъ всевозможные головоломные кунштуки. Для клоуна благосклонность тоже, что для обыкновеннаго человѣка воздухъ, для рыбы — вода и т. д.

Въ литературу проникали люди всевозможныхъ званій, профессій и образованій, но ни одинъ еще цирковый дѣятель не попадалъ въ царство печатнаго слова, почему, должно быть, нашъ закулисный мірокъ и пребываетъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ и загадочнымъ для всѣхъ, не имѣющихъ отношенія къ цирку.

Я родился въ Москвѣ въ 1863 году. Родителей своихъ едва помню. Отецъ мой служилъ въ полиціи, онъ былъ приставомъ Тверской части. Не ради матеріальныхъ недостатковъ занималъ онъ эту должность, къ слову сказать, незавидную, — онъ всегда считался человѣкомъ со средствами, — а потому, что ему нравилась полицейская обязанность. Это слѣдуетъ приписать къ странностямъ его характера. Впрочемъ, вся отцовская линія, со включеніемъ дѣдовъ и бабушекъ, отличалась склонностями къ оригинальничанью. А одна изъ нашего рода, моя бабушка Надежда Александровна Дурова даже извѣстна въ литературѣ подъ именемъ кавалеристъ-дѣвицы Александровой-Дуровой. Развѣ ея похожденія въ военномъ мундирѣ не особенность, присущая только оригинальнымъ натурамъ?

Я осиротѣлъ въ раннемъ дѣтствѣ. Когда я лишился матери, мнѣ было не болѣе пяти лѣтъ. Отецъ мой, обожавшій жену, не перенесъ ея смерти, и тотчасъ же началъ тянуть, какъ говорится, мертвую чашу. Въ винѣ онъ забывалъ тяжелую потерю и въ немъ же находилъ отраду, загубившую его въ цвѣтъ лѣтъ. Продолжительное и постоянное употребленіе спиртныхъ напитковъ довело его до бѣлой горячки, отъ которой онъ и умеръ вскорѣ послѣ матери. По существу своему трагическая смерть отца произвела на меня, тогда подростка, такое сильное впечатлѣніе, что я и теперь не рѣ-

шаюсъ пить что либо спиртное, за исключеніемъ слабаго винограднаго вина. Это органическое отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ я приписываю именно столь грустному случаю, близкимъ свидѣтелемъ котораго мнѣ привелось быть въ дѣтствѣ. Впрочемъ, это не единственный случай, подѣйствовавшій на меня такимъ рѣшительнымъ образомъ. Къ этому можно присовокупить мое отвращеніе къ картамъ и куренію, къ которымъ въ юности у меня была охота и страсть, однако сразу исчезнувшія подъ вліяніемъ двухъ фактовъ, также совершившихся на моихъ глазахъ. Карты погубили моего крестнаго отца и воспитателя Николая Захаровича Захарова, который послѣ большаго проигрыша лишилъ себя жизни, а куреніе табака мнѣ стало страшно съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ одного юношу, накурившагося до дурноты и вслѣдствіе этого заболѣвшаго. Всѣмъ этимъ печальнымъ фактамъ я обязанъ своею воздержностью отъ трехъ золъ, имѣющихъ иногда большое значеніе въ жизни человѣка.

Лишившись родителей, я былъ взятъ моимъ крестнымъ на воспитаніе. Его трогательныя заботы обо мнѣ до сихъ поръ занимають и, вѣроятно, всегда будутъ занимать самое почетное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Быть можетъ, потому, что Николай Захаровичъ не имѣлъ своихъ дѣтей, я былъ предметомъ его нѣжныхъ попеченій и безграничной любви, въ которой, впрочемъ, не было недостатка и со стороны его жены, Татьяны Даниловны.

Захаровъ жилъ очень богато и даже роскошно. Онъ имѣлъ деньги и собственный домъ въ Чернышевскомъ переулкѣ ¹⁾. Будучи присяжнымъ стряпчимъ, онъ пользовался въ Москвѣ прекрасной репутаціей и имѣлъ большую практику, доставлявшую ему хорошій доходъ.

Это былъ очень умный и образованный человѣкъ, уважаемый всею московскою знатію, цѣнившею его личныя качества. Свободное отъ юридическихъ занятій время Николай Захаровичъ посвящалъ литературѣ и написалъ нѣсколько оригинальныхъ пьесъ, которыя имѣли успѣхъ на сценѣ московскаго Малаго театра. Благодаря этому, онъ былъ друженъ почти со всѣми выдающимися артистами того времени, которые часто посѣщали его и устраивали импровизированныя вокально-литературныя вечера. Все это очень мнѣ нравилось и производило на меня впечатлѣніе, но къ театру, въ которомъ я бывалъ вмѣстѣ съ крестнымъ много разъ, у меня душа не лежала. Неизмѣримо большее вниманіе я удѣлялъ цирковой аренѣ, которая мнѣ казалась кульминаціонной точкой веселости.

Когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, Захаровъ отдалъ меня въ первый кадетскій корпусъ, изъ котораго черезъ два года меня ис-

¹⁾ Домъ этотъ въ настоящее время принадлежитъ г. Келлеру.

ключили за неспособность къ наукамъ и склонность къ акробатству.

Директоръ корпуса призвалъ крестнаго и прямо ему сказалъ:

— Вашъ родственникъ не терпимъ въ стѣнахъ нашего заведенія.

— Почему?

— Потому что онъ весь свой классъ превратилъ въ клоуновъ и гимнастовъ, да и въ другихъ классахъ стали ему подражать.

— Вы подвергайте его наказанію.

— Не помогаетъ. По недѣлямъ въ карцерѣ высиживалъ и, все-таки, не исправлялся. Онъ и въ карцерѣ все время норовитъ на головѣ простоять. Вообще онъ странный ребенокъ. Ни малѣйшей любознательности къ наукамъ, полнѣйшій индифферентизмъ къ окружающему и вѣчныя гимнастическія упражненія.

— Онъ еще такъ малъ, — замѣтилъ смущенный Захаровъ, — и мнѣ кажется, что со временемъ онъ будетъ старательнымъ кадетомъ.

— О, нѣтъ-съ. Все на немъ перепробовали — ничего подѣлать нельзя. Кромѣ того, всѣ наши служащіе на него жалуются...

— Чѣмъ же онъ имъ помѣшалъ?

— Всѣхъ собакъ и кошекъ изъ нашего дома разогналъ, благодаря дрессировкѣ. Онъ у насъ всѣхъ животныхъ перемучилъ...

Никакія просьбы крестнаго не подѣйствовали, и я былъ взять изъ корпуса, въ которомъ дѣйствительно больше стоялъ на головѣ, нежели работалъ головой. Учитель чистописанія мнѣ часто повторялъ одну и ту же фразу, которую онъ, кажется, считалъ весьма остроумною:

— Чѣмъ ходить на рукахъ, гораздо было бы лучше, если бы ты ихъ приспособлялъ къ писанію.

Изъ корпуса накануне каждого праздника я пріѣзжалъ домой и непремѣнно проводилъ вечеръ въ циркѣ. Я покупалъ билеты на самыя дешевыя послѣднія мѣста и съ большимъ наслажденіемъ наблюдалъ за работой ¹⁾ циркистовъ, которые давали мнѣ богатый матеріалъ на цѣлую недѣлю. Тотчасъ же по возвращеніи въ корпусъ я рассказывалъ товарищамъ все выдающееся изъ видѣннаго мною въ циркѣ и тутъ же являлся посильнымъ раздражателемъ.

Преподаватели, корпусное начальство и впоследствии крестный считали меня пропащимъ и часто въ разговорѣ со мной старались меня пристыдить, осмѣять, но всѣ ихъ поползновенія оставались тщетными. Я очень равнодушно относился къ ихъ осужденіямъ и разсужденіямъ, что, конечно, ихъ раздражало и заставляло смотрѣть на меня враждебно. Впрочемъ, крестный, хотя и прикидывался опечаленнымъ моимъ поведеніемъ, но, все-таки, попрежнему питалъ ко мнѣ привязанность и любовь.

¹⁾ Техническое выраженіе цирка. Всякія представленія называются работой.

По выходѣ моемъ изъ корпуса онъ опредѣлилъ меня въ частный пансіонъ, помѣщавшійся въ одномъ изъ переулковъ близъ Трубы ¹⁾, и нанялъ репетитора, на обязанности котораго лежало какъ можно чаще быть въ моемъ обществѣ и удерживать меня отъ шалостей. Однако, этотъ репетиторъ, какъ и многіе другіе впослѣдствіи, отказался, не смотря на хорошее вознагражденіе, руководить мною. Мое непослушаніе и несвоевременныя гимнастическія упражненія выводили изъ терпѣнія этихъ «вольнораемныхъ дядекъ», и они благоразумно отказывались отъ дальнѣйшаго менторства надо мною.

Живя дома, я занялся дрессировкой дворовыхъ собакъ, изъ которыхъ особенно понятлива и талантлива была кудлатая собаченка Марька. Она ежедневно утромъ провожала меня до пансіона и ровно къ тремъ часамъ по полудни приходила за мной. Возбуждая удивленіе товарищей и обращая вниманіе прохожихъ, она носила туда и обратно мой ранецъ, наполненный учебными книгами и тетрадами.

Такъ продолжалось года два. Хотя пансіонъ я посѣщалъ и исправно, однако въ наукахъ подвигался слишкомъ медленно. Гораздо большіе успѣхи я дѣлалъ въ любимомъ мною занятіи. Къ пятнадцатому году, благодаря неустаннымъ упражненіямъ, у меня выработались легкость и проворство, которыми я могъ бы соперничать съ завзятыми гимнастами.

Въ это время моя страсть къ цирку была особенно сильна. Одинъ изъ многочисленныхъ сараевъ, находившихся при нашемъ домѣ, я превратилъ въ школу, устроилъ трапеціи, завелъ извѣстнаго типа стулья, протянулъ канатъ, сдѣлалъ ходули и т. д. На деньги, щедро рукою даваемыя мнѣ крестнымъ на лакомства, я нанялъ себѣ въ учителя гимнаста Анжело Бриаторо, служившаго въ циркѣ Гине. Онъ славился прыжками и носилъ поэтому специальную кличку прыгуна. Я ему платилъ по рублю за урокъ.

Бриаторо являлся ко мнѣ въ сарай съ большимъ хлыстомъ, который часто прогуливался по моему тѣлу. Я, разумѣется, на это не претендовалъ, а напротивъ упрасивалъ его самъ обращаться со мною поостроже.

— Ты настоящій ученикъ!—говорилъ онъ мнѣ ломанымъ русскимъ языкомъ.—Ты хорошо выносишь мой кнутъ.

— Да вѣдь я знаю,—отвѣчалъ я ему въ тонъ:—что безъ битья не выучишься.

— О, да! Все дѣло въ кнутѣ... вся сила въ немъ... меня въ молодости каждый день по десяти разъ пороли, и вотъ видишь, какъ это хорошо! Теперь я самъ по десяти разъ въ день другихъ колочу...

Влюбленный въ гимнастическую профессію, я съ восторгомъ позавидовалъ ему. Когда онъ меня хлесталъ за мою неловкость

¹⁾ Названіе одной изъ центральныхъ мѣстностей Москвы.

Анатолій Леонидович Дуровъ.

или неосторожность, я рыдалъ, но, всетаки, продолжалъ обученіе, наивно утѣшая себя: «Ну, что-жъ, пусть бьетъ, — когда выучусь, самъ бить буду».

Мое ученіе происходило, разумѣется, втихомолку. Но однажды какъ-то нечаянно во время урока зашелъ въ сарай Захаровъ и съ такой злобой накинулся на Бриаторо, что тотъ бросился бѣжать и уже болѣе никогда не отваживался посѣтить своего ученика.

Не прошло это безслѣдно и для меня. Крестный придумалъ мнѣ наказаніе, которое дѣйствительно было для меня тяжело и неприятно.

«Истор. вѣстн.», январь, 1893 г., т. II.

11

Онъ отправилъ меня гостить на недѣлю во вдовій домъ, къ проживавшей тамъ пансіонеркой моей бабушкѣ Прасковѣ Семеновѣ Соболевой. Скука была тамъ страшная, и никакъ нельзя было отсюда уйти. Здоровенные церберы, въ видѣ сторожей и швейцаровъ, ревниво охраняли входъ. Въ особенности замучило меня меню вдовьяго дома, которое почти безсмѣнно состояло изъ киселя или картофеля на второе блюдо. Это тюремное заключеніе мнѣ приходилось испытывать нѣсколько разъ, и я боялся его до крайности, такъ что угроза отправить меня къ бабушкѣ была единственной угрозой, дѣйствовавшей на меня благотворно, на все же остальное я смотрѣлъ равнодушно.

Вторымъ моимъ учителемъ былъ балаганщикъ Отто, съ которымъ я познакомился на Дѣвичьемъ полѣ. Онъ бралъ съ меня на половину дешевле Бріаторо и являлся ко мнѣ безъ хлыста, къ которому, однако, я такъ привыкъ, что безъ него не могъ работать съ воодушевленіемъ. На собственные деньги я купилъ хлыстъ и подарилъ его своему учителю, съ просьбой не жалѣть меня и при моей невнимательности или неисправности хлестать безъ всякаго стѣсненія.

Это можетъ быть краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ степени моей страсти къ цирку. Мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало сдѣлаться выдающимся гимнастомъ, клоуномъ же быть я въ то время вовсе и не думалъ.

Мои уроки съ Отто происходили въ томъ же злосчастномъ сарайчикѣ, въ которомъ крестный поймалъ меня съ Бріаторо. Это были упражненія на трапеціяхъ, кувырканию же и сальтомортале я учился на вольномъ воздухѣ, въ саду. Къ этому принуждали меня милостивыя барышни, жившія въ сосѣднемъ домѣ и наблюдавшія за моими работами. Желая передъ ними порисоваться, я не безъ гордости продѣлывалъ хитроумные скачки и различные *qui pro quo*, за которые онѣ мнѣ аплодировали и даже биссировали. Эти первыя мои зрительницы своими неподдѣльными восторгамъ доставляли юному и непризанному артисту невыразимое удовольствіе, не забытое до сихъ поръ. Я кокетничалъ съ ними, какъ настоящій любимецъ публики, и съ непринужденной граціей откланивался на ихъ дружныя рукоплесканія. Хорошее было время! Теперь аплодисменты тысячной толпы народа не приводятъ меня въ то сладостное настроеніе, какое я испытывалъ тогда отъ небольшой группы симпатичныхъ пріятельницъ. Если имъ доведется читать эти строки, пусть знаютъ, что и онѣ въ моей цирковой карьерѣ играютъ не послѣднюю роль, такъ какъ онѣ первыя пробудили во мнѣ ревнивыя артистическія чувства, настойчивыя и упорныя въ своихъ требованіяхъ и ожиданіяхъ...

Въ концѣ концовъ съ Отто произошло то же, что и съ Бріаторо. Захаровъ засталъ насъ въ саду за кувырканьемъ, схватилъ моего

учителя за шиворотъ и ловко выбросилъ его на улицу. Послѣ этого неожиданнаго сартомортале и Отто пересталъ меня посѣщать. Съ недѣлю я погоревалъ, а потомъ отправился къ нему извиняться за крутой нравъ крестнаго отца.

— Онъ совсѣмъ не деликатный,—отвѣтилъ мнѣ Отто, говорившій порусски плохо, но крайне наивно и смѣшно.—У меня была надѣта новая визитка, а онъ хватилъ прямо за воротникъ. Вѣдь могъ оторвать его... Такихъ шутокъ я не понимаю...

— Онъ не шутилъ,—замѣтилъ я обиженному клоуну.

— Какъ не шутилъ? Непремѣнно шутилъ.

— Увѣряю васъ, не шутилъ.

— Такъ какое же имѣлъ онъ право бить меня серьезно? Вѣдь я бы могъ самъ немножко закипятиться и погрозить кулакомъ...

Послѣ этого предисловія я сговорился съ нимъ относительно продолженія нашихъ занятій. Мы условились работать у него въ квартирѣ. И съ слѣдующаго же дня я сталъ посѣщать его по вечерамъ ежедневно.

Уроки шли хорошо. Моею понятливостью и переимчивостью онъ былъ доволенъ, я же въ свою очередь былъ доволенъ его раздражительностью, которая нагоняла на меня страхъ и заставляла быть точнымъ исполнителемъ его указаній и приказаній.

Лѣтомъ, въ какой-то торжественный день, на Дѣвичьемъ полѣ должно было состояться народное гулянье. На открытую эстраду съ воздвигнутой трапеціей Отто по обыкновенію взялся доставить труппу акробатовъ, которые въ продолженіе цѣлаго дня, безъ антрактовъ, обязаны были давать свои представленія.

Для этой цѣли Отто нанялъ какихъ-то двухъ бродячихъ комедіантовъ и сдѣлалъ предложеніе мнѣ вступить въ составъ его «ансамбля». Онъ пообѣщалъ мнѣ за это два рубля деньгами, даровую водку и закуску.

Мнѣ, клоунскому ученику, это такъ польстило, что я, ни на минуту не задумываясь, согласился вступить въ его акробатическую труппу, и за недѣлю до торжественнаго дня у насъ начались усиленные репетиціи.

Въ день моего перваго публичнаго дебюта я былъ въ очень большомъ волненіи. Наканунѣ почти всю ночь не спалъ. Все время мечталъ объ успѣхѣ, апплодисментахъ и придумывалъ различныя комическія антре, которыя, однако, въ исполненіе привести не удалось.

Рано утромъ уходя изъ дома, я сказалъ, что иду въ церковь, а самъ между тѣмъ опрометью бросился на Дѣвичье поле, гдѣ уже поджидалъ меня импрессарио.

По приказанію Отто, я раздѣлся и на голое тѣло напялилъ какой-то грязный, засаленный клоунскій костюмъ, по свѣтлому фону котораго были аляповато нарисованы уродливыя рожи. Потомъ

онъ усадилъ меня передъ зеркаломъ и подвергъ мою фізіономію ужасной гримировкѣ.

Я былъ въ восторгѣ и не могъ налюбоваться на себя. Когда же наступило время представленія, я со смѣлостью и апломбомъ стараго комедіанта, ловко взобрался на трапецію и началъ работать. Тысячная толпа народа почему-то гоготала, хотя въ моихъ упражненіяхъ смѣшнаго не было ничего, и аплодировала. Я съ достоинствомъ раскланивался по сторонамъ и безъ усталости продолжалъ свои представленія, по окончаніи которыхъ, уступая мѣсто коллегамъ, скрывался на четверть-часовой отдыхъ въ подпольѣ, устроенномъ подъ эстрадой.

— Ты хорошо и много работаешь,—поощрялъ меня время отъ времени Отто и предлагалъ водки. — Для укрѣпленія мускуловъ прекрасно... Я всегда ею подкрѣпляюсь... пей, глупый... всѣ артисты пьютъ...

Послѣдняя аргументація на меня подѣйствовала, и я было взялся за стаканъ съ водкой, но, при всемъ своемъ желаніи, не могъ къ ней прикоснуться, что крайне удивило Отто, печально проговорившаго:

— Ну, какой же ты послѣ этого гимнастъ?! Даже пить не можешь... Эхъ, ты... Когда я былъ вдвое меньше тебя, то такъ водку сосалъ, что взрослые завидовали!..

Однако, и это почтенное заявленіе не подбило меня «подкрѣпиться» водкой.

Прошло болѣе полдня. Я все такъ же энергично и охотно ломался на трапеціяхъ, толпа все такъ же глупо смѣялась и рукоплескала.

Окончивъ свой номеръ, я сталъ спускаться въ подполье. Не успѣлъ я переступить его порога, какъ около меня раздался знакомый голосъ:

— Анатолій!

Точно предчувствуя что-то нехорошее, я вздрогнулъ и обернулся. Передо мной стоялъ крестный отецъ съ полицейскимъ.

— Анатолій! — сказалъ онъ съ укоризной. — Какъ не стыдно тебѣ...

Я молча склонилъ свою напудренную голову.

— Сейчасъ же долой съ себя это тряпье!—произнесъ онъ требовательно и строго.

Я не трогался съ мѣста. Ко мнѣ на выручку явился Отто.

— Онъ мой артистъ,—сказалъ балаганщикъ.—Онъ по условію долженъ у меня играть весь день...

— Да, да,—добавилъ я,—я обязанъ работать до конца.

— Безъ разговоровъ! Долой съ себя этотъ позорный костюмъ и маршъ домой! Въ противномъ же случаѣ я тебя вмѣстѣ съ этимъ нѣмцемъ сдамъ полиціи...

— Что у васъ за странныя шутки?—заискивающе проговорилъ Отто.

— Это не шутки!—отвѣтилъ Захаровъ.—Это голосъ отца, сынъ котораго обѣщаетъ быть безпутнымъ... Э! впрочемъ, что съ вами говорить, вы не поймете меня, господинъ уличный комедіантъ...

Я принужденъ былъ во избѣжаніе скандала переодѣться и пойти за крестнымъ, который вмѣсто дома отправилъ меня прямо къ бабушкѣ на исправленіе. Послѣ двухнедѣльной воркотни и мученической жизни въ богадѣльнѣ, я водворенъ былъ къ себѣ домой, гдѣ тоже ожидали меня воркотня и упреки.

Меня подвергли строгой жизни. Изъ дома я не смѣлъ никуда выходить и дома не смѣлъ предаваться своему любимому занятію. Ко мнѣ наняли нѣсколькихъ учителей, дядьку и репетитора, на обязанности которыхъ лежало приохотить меня къ наукамъ и приготовить къ тому классу реального училища, къ которому я буду подходить по лѣтамъ.

Меня учили, учили, но толку изъ всего этого вышло мало. Науки мнѣ не давались, я всецѣло былъ поглощенъ цирковой ареной. Преподаватели бились со мной, бились и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день явились къ крестному заявить, что они отказываются отъ продолженія уроковъ, такъ какъ находятъ это бесполезной тратой времени.

— Съ нимъ ничего не подѣлать, — заключили они. — У него какая-то большая фантазія и непонятная страсть къ цирку. Относительно этого слѣдовало бы посоветоваться съ опытными психіатрами...

И я снова почувствовалъ себя свободнымъ. Опять пошло учащенное посѣщеніе цирка и знакомство съ различными акробатами, отъ которыхъ я перенималъ хитроумныя qui pro quo и кунштюки.

Такъ шель день за днемъ...

Когда мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, я сталъ просить крестнаго разрѣшить мнѣ стать циркистомъ. Онъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ.

— Ты ужъ взрослый,—сказалъ онъ:—и скоро будешь гражданиномъ отечества. Неужели ты не можешь понять всю фальшь и мерзость своей охоты? Ты по своему происхожденію не смѣешь быть какимъ-то отщепенцомъ общества, акробатомъ. Тебѣ, дворянину, вовсе не мѣсто быть между уличными комедіантами, не имѣющими ни рода, ни племени, не далеко ушедшими отъ карманниковъ... Образумься, постыдись! Твоя страсть нелѣпа, дерзка...

— Но мнѣ больше цирка ничего не нравится...

— Вадоръ!.. Ты приневоливаешь самого себя любить грязную клоаку, прикрытую блестящей мишурой... Жизнь клоуна бесполезна, а тебѣ надлежитъ быть сыномъ своей родины, быть ея дѣятелемъ и принести ей посильную пользу... Клоунъ же тунеядецъ,

живущій тѣмъ, что умѣетъ казаться болѣе глупымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ...

Я снова притихъ, хотя не разочаровался въ циркѣ, а тѣмъ болѣе не переставалъ его посѣщать. Моимъ постояннымъ спутникомъ былъ давнишній мой пріятель Китаевъ, который тоже во дни юности увлекался клоунскою дѣятельностью, хотя никогда не выказывалъ настойчивыхъ поползновеній сдѣлаться циркистомъ. Я съ нимъ бывалъ въ самыхъ дешевыхъ, тридцати-копеечныхъ мѣстахъ. Мы являлись раньше всѣхъ и уходили позже всѣхъ.

Мнѣ въ циркѣ было все пріятно. Даже газъ и навозъ, запахомъ котораго обыкновенно напоенъ цирковый воздухъ, были мнѣ милы и симпатичны. Скажу болѣе, онъ просто дѣйствовалъ на меня одуряюще: вотъ какъ сильна была любовь къ цирку.

Во время, мною описываемое, въ Москвѣ гостилъ циркъ Соломонскаго, у котораго служилъ извѣстный клоунъ Танти, считавшійся любимцемъ публики вообще, а мнѣ въ частности казавшійся идеаломъ. Мое обожаніе его таланта было до такой степени сильно, что я часто говаривалъ Китаеву:

— Господи! Ужъ не только клоуномъ быть мнѣ бы хотѣлось, а хотъ ковры разстилать для клоуна.

Были моменты дѣйствительно такіе, когда я завидовалъ всею силою души даже цирковымъ служителемъ, развертывавшимъ ковры для Танти, съ которымъ нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ пришлось конкурировать и даже какимъ-то образомъ, выражаясь закулиснымъ языкомъ, «забить».

Не смотря на неудовольствіе крестнаго и не обращая вниманія на голосъ разсудка не обижать моего воспитателя, я не могъ побороть въ себѣ страсти и осенью 1880 года рѣшился сбѣжать въ Тверь, куда пригласилъ меня ярмарочный балаганщикъ Вальштокъ, обѣщавшій за двѣ недѣли труда дать мнѣ двадцать рублей. Разумѣется, соблазнилъ меня не гонораръ, — крестный былъ щедръ, и въ деньгахъ я никогда не нуждался,—а соблазнило сознаніе, что меня признають артистомъ.

Однако бѣжать совершенно тихонько я не посмѣлъ, потому что отлично зналъ, что меня скоро спохватятся, найдуть, и моя затѣя пропадетъ даромъ. Здравый расчетъ заставлялъ посвятить когонибудь изъ домашнихъ въ мою тайну. Но кого? Думалъ я, думалъ, и не нашелъ лучшаго сообщника, какъ только Татьяну Даниловну, любившую и жалѣвшую меня, какъ пропащаго сына.

— Что ты, что ты!—воскликнула она, узнавъ мое смѣлое намѣреніе.—Что Николай Захаровичъ скажетъ!..

— Вы уговорите потомъ его.

— И не уговоришь. Онъ послѣ этого, не смотря на всю свою доброту, и знатъ-то тебя не захочетъ... Не дѣлай этого, не хорошо... Не огорчай отца, онъ и такъ за тебя болѣетъ душой и мучается...

— Напрасно! Я буду отличнымъ гимнастомъ... Превосходная карьера, а главное по сердцу...

— Еще добро бы гдѣ нибудь здѣсь, въ циркѣ, а то вѣдь попадешь въ балаганъ.

— Въ театр! —

— Нѣтъ, въ балаганъ... на ярмаркахъ бываютъ только балаганы...

— Театры!

Я не ради спора увѣрялъ, что ѣду въ театр, а не въ балаганъ, а потому, что самъ былъ крѣпко увѣренъ въ своихъ словахъ. Балаганомъ я называлъ только открытую эстраду, въ родѣ той, на которой я уже подвизался на Дѣвичьемъ полѣ, въ труппѣ Отто.

Послѣ долгихъ слезъ и увѣреній, я упросилъ ее не говорить Николаю Захаровичу о моемъ путешествіи въ Тверь и сказать ему, что я по собственному желанію гощу у бабушки.

На дорогу Татьяна Даниловна дала мнѣ пять рублей деньгами, шелковое одѣяло и подушку. Бывшую у меня дорожную сумочку я наполнилъ письмами моихъ сестеръ, какъ самыми дорогими для меня предметами, и, забравъ весь этотъ багажъ, тронулся въ путь. На вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги мои будущіе сослуживцы во главѣ съ Вальштокомъ были уже въ сборѣ и ожидали отхода поѣзда.

Приѣхавъ въ Тверь, Вальшокъ быстро построилъ балаганъ, и съ открытіемъ ярмарки у насъ начались представленія. Публики бывало у насъ много, и всѣ мы пользовались большимъ успѣхомъ. Моею специальностью были гимнастическія упражненія на трапеціяхъ и хожденіе на канатѣ.

Въ одной большой уборной вся труппа одѣвалась вмѣстѣ. Циркистки не особенно стѣснялись циркистовъ, и, не смотря на это, наши закулисные нравы были чисты... Впрочемъ, въ стѣнахъ цирка безнравственность вообще считается рѣдкостью, хотя посторонній наблюдатель всегда почему-то склоненъ предполагать, что за нашими кулисами грязно и мерзко. На самомъ же дѣлѣ строгость нашихъ дамъ можетъ быть названа даже замѣчательною, хотя, конечно, въ семьѣ не безъ уroda, но я говорю не про исключенія. По своему незавидному положенію и профессіи, онѣ не въ состояніи никакимъ своимъ поведеніемъ разубѣдить «публику» въ ложномъ взглядѣ на нихъ, но, тѣмъ не менѣе, многіе поклонники циркистокъ оставались только въ пріятныхъ ожиданіяхъ. По свидѣтельству опытныхъ директоровъ цирка, это случается не потому, что онѣ дорожатъ своею репутациею, а потому, что сознаютъ свою пригодность только до тѣхъ поръ, пока ведутъ регулярную, аккуратную жизнь. Вѣрнѣе же, онѣ просто боятся за свою будущность, которая, по ихъ вполнѣ основательнымъ расчетамъ, зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ. Пока молода она, должна копить деньги, такъ какъ

карьера циркистки не продолжительна и обезпечиваетъ только тѣмъ, что пріобрѣтено въ молодости. А чтобы въ молодости имѣть такія средства, отъ которыхъ можно было бы удѣлять что либо на старость, нужно быть старательной и хорошей работницей, дабы оплачивали трудъ большимъ гонораромъ. Поэтому постоянныя заботы объ усовершенствованіи своихъ способностей отдаляютъ представительницу арены отъ мысли заняться интригами, хотя бы даже въ матеріальномъ отношеніи и выгодными, но не продолжительными. Она превосходно знаетъ, что жизнь, исполненная кутежа, гулянья и разврата, пріохотитъ ее къ праздности, она облѣнится, потеряетъ свое положеніе въ циркѣ, перестанетъ первенствовать и тогда она совершенно безпомощна. Цирковый заработокъ сократится, а самолюбивые поклонники, которымъ нравилась она, какъ своего рода извѣстность, выдѣлявшаяся изъ семьи служителей арены, отъ нея отшатнутся. Кому же охота ухаживать за какой-то заурадной, неискусной акробаткой или наѣздницей?!

Вотъ причины, на которыхъ зиждется чистота цирковыхъ нравовъ. Это можетъ послужить опроверженіемъ извѣстнаго ходячаго выраженія, что у акробатовъ физическая сила развивается въ ущербъ умственной. Развѣ эти дѣйствія нашихъ дамъ не доказываютъ совершенно обратнаго?

Какъ въ уборной балагана, такъ и въ домашней жизни своей, мы были упрощены до крайности. Наша невзыскательность была поразительна, и теперь, при воспоминаніи о томъ въ сущности недалекомъ времени, мнѣ какъ-то самому не вѣрится въ возможность того прозябанія, каковое мы называли жизнью. Вальштокъ нанялъ для всего мужскаго персонала одну большую комнату безъ всякихъ признаковъ какой либо мебели. Она служила нашей общей спальней. Цѣлый день мы пребывали на ярмарочной площади, а поздно вечеромъ собирались въ эту комнату, и измученные, голодные и холодные предавались крѣпкому сну. Всѣ спали буквально на голомъ полу, безъ подушекъ и одѣяль, часто даже не раздѣваясь. Одинъ я имѣлъ и то, и другое, благодаря заботамъ Татьяны Даниловны. Но моему имуществу никто не завидовалъ, такъ какъ всѣ коллеги мои свыклись съ своимъ печальнымъ, нищенскимъ положеніемъ. Подушку для нихъ замѣняло полѣно, обернутое въ какія-то грязныя, засаленныя тряпки, издававшія зловоніе на всю комнату, въ которой насъ помѣщалось шестнадцать человѣкъ. Что это были за люди, описывать не берусь. Скажу только, что добрая половина изъ нихъ была безъ паспортовъ и происхожденія своего не знала. Въ общемъ они производили впечатлѣніе бѣглыхъ каторжниковъ, въ частности это были пьяницы, циники, обманщики, преслѣдовавшіе жульническое правило: «что твое—то мое».

Эта ужасная компанія быстро посвятила меня въ свои мелочныя и подозрительныя интересы. Не умѣя еще анализировать свои

поступки и не заглядывая въ перспективу будущаго, я съ ними сошелся и сталъ непремѣннымъ членомъ ихъ общества. Принималъ участіе въ ихъ разгулѣ, скрывалъ ихъ продѣлки и дѣлился съ ними своими скудными средствами. Изъ этого омута случайнымъ образомъ я спасся, но большинство дѣтей, попадающихъ въ школу этихъ ярмарочныхъ балаганщиковъ, пропадаетъ навсегда, въ молодыхъ лѣтахъ спивается и умираетъ подъ заборомъ. Ничего нельзя представить себѣ ужаснѣе жизни бродячихъ комедіантовъ. Это не только отбросы общества, тунеядцы, но прямо-таки кандидаты въ острогъ, до котораго ихъ можетъ довести не одна безысходная нужда, но и безотчетная жизнь, непониманіе стыда и полнѣйшее равнодушіе къ завтрашнему дню. Это въ большинствѣ люди черствые, грубые, безжалостные...

Они водили меня съ собой въ трактиръ, гдѣ за рюмку водки передъ мелкимъ купечествомъ и состоятельными мѣщанами давали свои «экстраординарныя» представленія. Не отставалъ отъ нихъ и я, за чтò мнѣ, какъ не пьющему, давали пирожки, бутерброды. Захмелѣвшіе посѣтители трактира безумно хохотали и не въ счетъ абонеента заставляли нѣкоторыхъ изъ акробатовъ проглатывать столовую ложку горчицы или чайную перцу, за чтò полагалась денежная плата въ размѣрѣ двугривеннаго. За такую же сумму акробаты выпивали рюмку керосину, чернилъ или деревяннаго масла.

При частыхъ посѣщеніяхъ трактира, мнѣ понравилась одна изъ арфистокъ, труппа которыхъ обитала въ этомъ «распивочномъ» заведеніи для «развлеченія» разгулявашагося купечества, соблазнявашагося развратомъ и глупо сорившаго деньгами. Въ то время во многихъ провинціальныхъ рестораціяхъ для поддержки торговли держали ораву безголосыхъ, безобразныхъ женщинъ, которыя разоряли и обирали подвыпившихъ посѣтителей, съ которыми онѣ были слишкомъ нещепетильны и обходительны. Въ настоящее время эта грязь въ провинціи уничтожена, и даже на знаменитой Нижегородской ярмаркѣ она является только исключеніемъ, тогда какъ во времена прошедшія Нижній былъ разсадникомъ арфистокъ, безчисленное количество которыхъ дневало и ночевало въ трактирахъ, имѣвшихъ видъ мерзкаго притона.

Мои ухаживанія за арфисткой выражались въ подношеніи ей тѣхъ сладостей, въ видѣ яблоковъ, апельсиновъ или сладкихъ пирожковъ, которые я иногда получалъ въ трактирѣ вмѣсто бутербродовъ за свои сальтомортале. Она все это охотно отъ меня принимала и, по своей склонности видѣть во всемъ дурное, смотрѣла на меня, какъ на маленькаго развратника. Она вела со мной скабрезные разговоры и нагло смѣялась надъ моею наивностью и способностью при видѣ дурнаго краснѣть. Тѣмъ не менѣе она не переставала мнѣ нравиться, и я смотрѣлъ на нее съ нѣжнымъ чув-

ствомъ влюбленнаго. Между подругами она была лучшая: молода, весела и обладала звонкимъ, симпатичнымъ голосомъ. Почувствовавъ первый разъ въ жизни влеченіе къ женщинѣ, я не разбиралъ ея отвратительнаго положенія въ трактирномъ притонѣ, я не хотѣлъ замѣчать ея отталкивающей доступности и слабости къ пьянству.

Я былъ влюбленъ и предавался сладкимъ, впрочемъ, чисто мальчишескимъ мечтаніямъ, которымъ, однако, суждено было разбиться наканунѣ окончанія ярмарки, то-есть за день до нашего отъѣзда, кажется, въ Вышній-Волочекъ, гдѣ Вальштокъ предполагалъ дать нѣсколько представленій.

Въ этотъ памятный вечеръ я по обыкновенію со своими товарищами находился въ трактирѣ. По обыкновенію ухаживалъ за арфисткой, но вдругъ въ трактиръ вваливается какой-то подвыпившій купецъ, очевидно, пользующійся въ околodкѣ почетомъ за свой толстый карманъ, и къ своему столу, моментально уставленному услужливымъ буфетчикомъ всевозможными питіями и яствами, требуетъ мою собесѣдницу,

— Не ходи!—шепнулъ я ей.—Видишь, пьяный, гадко тѣшиться будетъ...

— А и пусть! — беззаботно отвѣтила она. — Зато сколько денегъ-то дастъ!

— Не хорошо! Не хорошо вѣдь!

У меня къ горлу подступили слезы.

— Что ты, дурень!—засмѣялась арфистка.—Поди и ты къ нему, онъ тебѣ за твои фокусы не то что пирожкомъ попотчуетъ, но даже и деньгами дастъ.

— Не ходи, ей-ей, не ходи! — повторилъ я свою просьбу. — Я тебѣ всѣ деньги отдамъ, что завтра съ Вальштока получу, только не ходи къ нему.

— Очень мнѣ нужны твои гроши,—проговорила она и пошла къ раскутившемуся купцу.

Я наблюдалъ за ней издалека. Она пила водку, вино и вскорѣ захмелѣла. Купецъ заставлялъ ее пѣть, плясать, отъ дикаго удовольствія плескалъ въ нее изъ бутылокъ виномъ и время отъ времени давалъ ей деньги, которыя она жадно вырывала изъ его рукъ и прятала къ себѣ за корсетъ.

Мнѣ стало грустно и обидно.

Подошелъ я къ товарищамъ, которые расположились за однимъ изъ столовъ пить водку, и, къ неописуемому ихъ удовольствію, влилъ въ себя три или четыре стакана живительной влаги. Разомъ сдѣлалось и хорошо и дурно.

Опьянѣвъ, я сдѣлался несносно придиричивымъ, что повлекло за собою крупную ссору. Я переругался со всѣми своими товарищами и, какъ попалъ домой, рѣшительно не помню.

Мстительные товарищи, воспользовавшись моимъ невмѣняе-

мымъ состояніемъ, въ ту же ночь поступили со мною поразбойнически. Они присвоили мою подушку и стали тащить съ меня одѣяло. Я разсердился и, приподнявшись, крикнулъ:

— Когда такъ, берите все! Ничего мнѣ не нужно... Тащите!

Комедіанты точно этого только и ожидали. Какъ голодные собаки на кость, набросились они на мое убогое имущество, и въ мигъ я остался въ одномъ бѣльѣ...

Проснувшись рано утромъ, я чувствовалъ страшную головную боль. Одѣться было не во что, и я, послѣ долгаго раздумья и раскаянія, зарыдалъ. На мои слезы откликнулся «каучуковый человекъ» Юматовъ, старый бродячій клоунъ, за свою гибкость и ловкость носившій названіе на афишахъ «каучуковаго человека».

— Ну, что ты? Чего ревешь?

— Обобрали меня...

— Такъ и нужно. Не пьянствуй, коли молоко на губахъ не обсохло. Держись.

— Нечаянно я...

— Знаю я это «нечаянно»... Всѣ такъ начинаютъ... А потомъ втягиваются... Вотъ и я изъ-за этой самой проклятой водки страдаю...

— Не буду я, никогда не буду... Это въ первый и послѣдній разъ.

— То-то! Не дай Богъ никому пить.

— Честное слово въ послѣдній разъ.

И сдержалъ я свое слово. Послѣ этого я уже никогда не пилъ.

— Глупый ты мальчишка! — произнесъ наставительно Юматовъ, подавая мнѣ куртку и брюки. — На, вотъ возьми свою аммуницію. Ночью-то я нарочно это на свою долю взялъ, а то бы эти злодѣи забрали, и ничего бы ты не получилъ.

— А сапоги?

— Пиши пропало! Теперь ихъ со всѣми городскими собаками не отыщешь. Лучше и не ищи своего добра. У насъ обычай такой: что съ возу упало, то и пропало. Это только я такой старый дуракъ, что изъ жалости отдалъ тебѣ нажитое...

Проснулись и остальные члены нашей труппы. Я къ нимъ:

— Отдайте мое... не могу же я босикомъ ходить, безъ подушки спать!...

Въ отвѣтъ слышался дружный хохотъ.

— Не хорошо вѣдь...

— Что мы—дураки что ли? Да и не воры мы: самъ ты разбогатѣлъ да свои пожитки раздаривать началъ...

— Пьянъ былъ... ничего не помнилъ...

— А вольно тебѣ было напиваться!

Подошелъ ко мнѣ «каучуковый человекъ» и шепнулъ:

— Не хорошіе мы люди! Уходи отъ насъ, если добра себѣ желаешь. Не оставайся у насъ ни минуты, иди съ Богомъ домой. По-

слушайся моего добраго совѣта, если не хочешь пропасть. Ты еще молодой, можетъ быть, къ какому нибудь дѣлу приспособишься, родителямъ помощь оказывать станешь...

Убѣдительный тонъ Юматова на меня подѣйствовалъ, и я отправился къ Вальштоку просить расчесть.

— Чего?— заоралъ на меня хозяинъ.—Какого расчета? А заслужилъ ты его? Что же ты полагаешь, что на одну ярмарку я тебя только взялъ? Нѣтъ, ты послужи, а я посмотрю, на что ты годенъ, да сколько заслуживаешь. Вы у меня только даромъ хлѣбъ жрете, квартиры не стоите... Вамъ бы ночевать въ балаганѣ нужно, а я васъ чистой комнатой балую. Это ты ни во что не считаешь? Вонъ!

Я къ «каучуковому человѣку». Передалъ ему залпъ хозяйскаго монолога.

— Ну, ужъ какая тамъ получка,—махнулъ онъ рукой:—слава Богу, что держитъ да жрать даетъ. А если ты не врешь, что у тебя въ Москвѣ есть гдѣ жить, такъ убѣгай. Право слово, убѣгай!

Я такъ и сдѣлалъ: убѣжалъ, послушался его настойчиваго совѣта, за который я ему буду всегда благодаренъ. Этотъ добрый геній моей юности уже давно умеръ, но имя его еще до сихъ поръ памятно многимъ циркистамъ. Онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ провель на цирковой аренѣ, и многіе знаменитые впослѣдствіи акробаты проходили его своеобразную школу «ломкости и гибкости». Онъ неимоვნю много пилъ и свою блестяще начатую въ большихъ циркахъ карьеру окончилъ въ мусорномъ балаганѣ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ. Мнѣ кто-то рассказывалъ, что умеръ онъ въ клоунскомъ костюмѣ и въ немъ же похороненъ, такъ какъ переодѣтъ его было не во что. Можно представить себѣ, каково было его носильное платье, если предпочли ему гаерскую отрепанную ветошь!.. Послѣдніе годы жизни онъ особенно опустился. Во время моего совмѣстнаго съ нимъ служенія въ Твери, онъ не зналъ ни прачки, ни перемѣны бѣлья и платья. Спалъ всегда не раздѣваясь и вмѣсто подушки употреблялъ постоянно собственныя ноги. Юматовъ былъ каучукомъ и въ жизни. Онъ такъ удобно и съ такимъ комфортомъ располагался на своей ногѣ, что нѣкоторые ему даже завидовали и пытались было приловчиться къ этому удобству, но никому не удавалось достигнуть такой замѣчательной ловкости. Обыкновенно ноги у него чередовались: сперва спитъ на одной; устанетъ она, отлежится,—перевернется на другой бокъ и подкладываетъ другую ногу. Это былъ незаурядный оригиналъ и чуть ли не послѣдній изъ представителей старой комедіантской команды, ходившей въ Москвѣ по дворамъ и не гнушавшейся грошовыми подачками случайныхъ зрителей, въ лицѣ дворниковъ, кухарокъ и кучеровъ...

Сбѣжавъ отъ Вальштока, я не зналъ, куда мнѣ дѣться. Въ трактиръ, гдѣ мы постоянно бывали, зайти посовѣтился, такъ

какъ я былъ босикомъ и безъ шапки. Меня главнымъ образомъ мучила мысль, что можетъ подумать обо мнѣ обожаемая мною арфистка. Въ другой какой либо трактиръ я не могъ зайти потому, что у меня не было ни гроша денегъ. И прогулялъ я весь день голодный по городу. Хотѣлъ было просить милостыню, да не хватило духа и смѣлости. Къ вечеру я порядкомъ усталъ, проголодался и промерзъ. Осень была холодная и давала себя чувствовать черезчуръ. Я подолгу останавливался подъ окнами хлѣбныхъ лавокъ, трактировъ, кабаковъ, съ завистью поглядывая на съѣдобное и на потребителей, лѣниво услаждавшихъ себя различными вкусными яствами.

Поздно вечеромъ я не выдержалъ. Голодъ одержалъ верхъ надъ конфузливостью. Забрался я на окраину города, неподалеку отъ желѣзнодорожнаго вокзала, и вбѣжалъ въ первый попавшійся кабакъ. Въ немъ было очень много народу, царилъ шумъ, гамъ, пьяная пѣсня, площадная брань.

Сдѣлавъ двойное сальтомортале, я опрокинулся на руки и пошелъ внизъ головой. Толпа разступилась и на мигъ смолкла. Всѣ были удивлены неожиданностью. Черезъ нѣсколько минутъ, когда съ моимъ присутствіемъ освоились, по моему адресу посыпались глупыя остроты и глумленія. Сперва я ихъ не понималъ и судорожно улыбался, но зато потомъ, когда я могъ уяснить себѣ всю позорность своего положенія, изъ глазъ срывались слезы и щеки рдѣли отъ стыда.

Когда, утомявшись, я остановился, кто-то щелкнулъ меня по затылку, и я, какъ по инерціи, подскочилъ къ буфету съ словами:

— Ъсть!... Ъсть хочу!

Цѣловальникъ отрѣзалъ мнѣ большой кусокъ хлѣба и сказалъ:

— Обойди почтенную публику, можетъ, гривну и заплачешь.

— Ладно... хорошо...

Утоливъ свой голодъ, я опять застыдился и опрометью бросился вонъ изъ кабака. Не успѣлъ я отбѣжать отъ него и десяти сажень, какъ догналъ меня какой-то старикъ, повидимому, изъ отставныхъ солдатъ и проворчалъ:

— Ишь ты приткйй какой!... Чего изъ кабака убѣгъ? Тебѣ бы въ шапченку набросали грошей.

— Да у меня, дядевька, и шапченки-то нѣтъ...

— Ахъ, ты, горемыка! Вотъ тебѣ пятакъ. Поминай Матвѣя.

Крѣпко сжавъ въ рукѣ эту милостыню, пошелъ я искать мѣста, гдѣ бы могъ на ночь преклонить голову. Усталъ, измучился, прозябъ. Ноги отказывались отъ повиновенія. Наступила ночь. Я тихонько прокрался на желѣзнодорожную станцію и устроилъ было на одной изъ скамеекъ себѣ ночлегъ, но дежурный сторожъ крайне безцеремонно выгналъ меня на улицу. Черезъ часъ я снова про-

брался на станцію, но снова былъ замѣченъ бдительнымъ аргусомъ и опять позорно изгнанъ, съ внушительнымъ замѣчаніемъ:

— А ежели ты, пострѣленокъ, еще разъ отъявишься, такъ я тебя не только изуродую, но и въ часть отправлю.

Послѣ такого обѣщанія я не отважился проникнуть въ третій разъ въ столь строго охраняемую станцію и вплоть до пяти часовъ утра прогулялъ около нея. Въ это время у меня созрѣлъ планъ дароваго проѣзда въ Москву, съ первымъ же поѣздомъ. Я рѣшился на смѣлый поступокъ: забраться подъ пассажирскую скамейку, и такимъ образомъ, никѣмъ незамѣченнымъ, доѣхать до столицы.

Стало разсвѣтать. Открылся трактиръ, находившійся противъ вокзала. Я вошелъ на черную половину и попросилъ подать себѣ чаю. Хотѣлось ѣсть, но не посмѣлъ требовать хлѣба, такъ какъ только имѣлъ пять копѣекъ, то-есть такую сумму, которую стоилъ чай. Просидѣвъ часа три за однимъ чайникомъ, я замѣтилъ, что половые ¹⁾ стали косо на меня поглядывать. Чтобы задобрить ихъ въ свою пользу, я вступилъ съ ними въ разговоръ:

— А вы, братцы, фокусы любите?

— Ужъ не ты ли показывать хочешь?

— А хоть бы и я.

— Ха-ха-ха!... Ишь тоже шустрый какой!... Знаемъ вашего брата, фокусника: поди, не заплативши удрать норовишь.

— Кто? я-то не заплативши? — обидѣлся я. — Вотъ вамъ пять копеекъ за чай, получайте. Я не мазурикъ какойнибудь... А если я хотѣлъ вамъ фокусъ показать, такъ это просто по дружбѣ... Я вѣдь много фокусовъ знаю... Я учился имъ...

— Ну, а коли ты и взаправду не жуликъ, показывай, пока гостей нѣтъ.

— Ладно! Принесите мнѣ хлѣбнаго мякиша для шариковъ.

Дали мнѣ ломоть хлѣба, изъ мякоти котораго я скаталъ нѣсколько шариковъ, а корки съѣлъ.

Фокусы были простые: исчезновеніе шариковъ изъ-подъ рукъ. Однако, я дѣлалъ ихъ такъ чисто, что половые заинтересовались и требовали повторенія. Я, разумѣется, охотно исполнилъ ихъ просьбу и даже разъяснилъ свои немудрыя манипуляціи, основанныя на ловкости рукъ.

— Э, да ты мастеръ! — одобрительно произнесъ кто-то и спросилъ: — можетъ, и другое что дѣлать умѣешь?

— Умѣю.

— Что же?

— Фликъ-флякъ, трампаинъ, сальтомортале...

— Это что же?

¹⁾ Прислуживающіе въ трактирахъ.

— Кувыркаться, ходить на головѣ...

— А ну-ка, продѣлай...

И эту просьбу половыхъ исполнилъ. Они дивились моему проворству и рукоплескали. Я съ серьезнымъ видомъ имъ откланивался.

— Можетъ, ты и анекдоты рассказывать умѣешь?

— Умѣю.

— Двинь чтонибудь посмѣшнѣе...

Рассказалъ нѣсколько анекдотовъ и въ заключеніе прочелъ стихотвореніе.

— Молодецъ! Право-слово, молодецъ! Изъ какихъ же ты это будешь?

— Я изъ цирка.

— Изъ цирка?—удивились собесѣдники.

— Да.

— Это изъ того, что на площади?

— Да.

— У, да ты, значить, ученый?

— Да, обученый.

— А почему ты не на дѣлѣ?

— Съ хозяиномъ поссорился. Денегъ не платить и ругается...

— А отчего ты такой ободранный?

— Товарищи обокрали.

— Ахъ, ты горюнь! Можетъ, поѣсть хочешь, мы тебя попотчужемъ.

— Да, я голоденъ.

Принесли мнѣ хлѣба и какихъ-то испортившихся обрѣзковъ мяса, колбасы и пр. Я ѣлъ, не разбирая свѣжести. Принявшіе во мнѣ участіе половые сгруппировались около меня и сердобольно посматривали на голоднаго акробата, за кусокъ хлѣба устроившаго имъ литературно-гимнастическое утро.

Насытившись, я рассказалъ имъ свои злоключенія и закончилъ свое повѣствованіе объясненіемъ моего рѣшительнаго предпріятія относительно проѣзда въ Москву.

— Опасно, братъ! — предупредили они меня. — Шею накостыляютъ... Тебѣ какънибудь подругому нужно устроиться.

— Пѣшкомъ идти?

— Нѣтъ, это тоже не ловко...

— Такъ какъ же иначе?

— А такъ, что тебѣ надлежитъ прежде всего отдохнуть и отогрѣться. Ты вѣдь всю ночь не спалъ.

— Гдѣ ужъ спать! Скорѣй бы въ Москву...

— Не торопись, поспѣешь!.. Сперва у насъ передохни, а потомъ мы тебѣ чѣмъ либо поможемъ.

Отвели меня въ темную, затхлую конуру, сплошь уставленную

нарами, на одной изъ которыхъ нашель я себѣ пріютъ. Когда въ полдень я проснулся, меня уже ожидалъ обѣдъ. Я былъ счастливъ и доволенъ. Поблагодаривъ своихъ благодѣтелей за радушный пріемъ и сердечное отношеніе, я было хотѣлъ оставить ихъ гостепріимное убѣжище, но они меня задержали.

— Что ты, что ты! Куда теперь пойдешь! Оставайся у насъ. Утро вечера мудренѣе. Завтра, когда соберутся кондуктора на чистой половинѣ, ты сходи къ нимъ да и произведи какую ни на есть комедь. Мы ужъ имъ про тебя говорили,—общають тебя за дарма провезть...

Такое благопріятное положеніе дѣла заставило меня воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ половыхъ переночевать у нихъ, и я остался до слѣдующаго дня.

Утромъ, когда я въ ихъ компаніи занимался чаепитіемъ, пришелъ человекъ изъ чистой половины и объявилъ:

— Кондуктора пришли! Иди къ нимъ...

Не заставляя повторять приказанія, я быстро перебѣжалъ въ чистую половину и, ни слова не говоря, началъ продѣлывать различныя гимнастическія упражненія передъ столомъ, за которымъ степенно засѣдали желѣзнодорожные кондуктора.

— Ишь вѣдь какой изломанный!—убѣдительно говорилъ одинъ изъ половыхъ кондукторамъ, желая ихъ разжалобить въ мою пользу.—Точно пружинный весь... Ужъ, пожалуйста, какъ нибудь провезите его зайцемъ¹⁾.

— Что говорить, какъ видно, мальчишка балованный и смышленный, но только самъ знаешь, какъ намъ теперь за слѣпыхъ²⁾ попадаетъ. Строгости на линіи громадныя.

— Очень ужъ несчастный. Ни жрать, ни квартиры... Теперь у насъ мыкается...

Этотъ разговоръ меня сконфузилъ, и я, какъ только окончилъ свой репертуаръ, моментально скрылся на черную половину. Въ концѣ концовъ половые убѣдили кондукторовъ доставить меня въ Москву. Послѣ этого я долженъ былъ предстать предъ ихъ покровительственные очи и обстоятельно рассказать продѣлку со мной Вальштока и его акробатовъ. Кондуктора были возмущены, и по адресу балаганщиковъ летѣла довольно крѣпкая брань, доставлявшая мнѣ такое удовольствіе, какъ будто я отмщаль имъ съ прибыткомъ за все то, что перенесъ въ однѣ эти сутки.

Вмѣстѣ съ кондукторами отправился я на станцію. Тамъ встрѣтилась вся труппа Вальштока, перебивавшаяся въ Вышній-Волочекъ. У одного изъ гимнастовъ я замѣтилъ мою сумочку, въ которой хранились у меня письма сестеръ.

¹⁾ Безъ билета.

²⁾ Безбилетныхъ.

- Отдай мнѣ,—говорю ему,—мою сумочку... она мнѣ дорога...
- Съ ума ты сошелъ, что ли?—нагло отвѣтилъ онъ.—Ты какой-то бѣглый бродяга, откуда у тебя могутъ быть такія вещи?..
- Она для тебя ничего не стоитъ, а мнѣ дорога... отдай.
- Убирайся ты, пока не изуродоваль...

За меня вступились кондуктора. Обидчику моему погрозили жандармомъ и приказали тотчасъ же возвратить мнѣ сумочку, что тотъ съ неудовольствіемъ и сдѣлалъ.

Вскорѣ пришелъ поѣздъ, и я отправился въ Москву, а балаганщики остались на станціи ожидать другаго поѣзда, который долженъ былъ отвезти ихъ въ противоположную сторону.

Меня запрятали въ багажный вагонъ, въ которомъ на грудѣ различныхъ сундуковъ и узловъ я устроился комфортабельно и проѣхалъ до Москвы, не замѣченный никакимъ желѣзнодорожнымъ начальствомъ.

II.

Путешествіе съ фокусникомъ Ринальдо.—Поступленіе въ труппу гимнаста Робинзона.—Московскій полицеймейстеръ Н. П. Огаревъ.—Путешествіе съ циркомъ Соломонскаго въ Ригу.—Пожары.—Приключеніе съ евреемъ.—Ужасный день.—Паника въ циркѣ.—Ссора съ Робинзономъ.—Моя женитьба.—Поступленіе въ циркъ Труцци въ качествѣ соло-клоуна.—Удачный дебютъ.—Зависть товарищей и ихъ месть.—Приключеніе на германской границѣ.—Нѣсколько словъ о нѣмцахъ.

Грустнымъ и уничтоженнымъ появился я на порогѣ дома крестнаго. Меня встрѣтила Татьяна Даниловна и съ ужасомъ всплеснула руками.

- Что это, Анатолій?
- Я конфузливо опустилъ глаза.
- До чего ты дошелъ?
- Несчастье, маменька, но не отчаивайтесь: это—неудача на аренѣ.
- Ахъ ты, артистъ!
- Да, я артистъ!—гордо подхватилъ я ея насмѣшливое восклицаніе.—И своего добьюсь.
- Какъ? Неужели тебѣ мало этого? Неужели ты еще когда нибудь сунешься?
- Это—не доказательство моей бездарности. Это—несчастный случай.
- И ты смѣешь утверждать, что это—не урокъ? Да ты просто не въ своемъ умѣ...
- Не сбивайте меня. Я иду по своему пути, и никакія препятствія не въ силахъ заставить меня свернуть въ сторону.

Проживя въ домѣ крестнаго около мѣсяца, я снова пустился въ путешествіе. На этотъ разъ съ фокусникомъ Ринальдо, въ качествѣ его помощника. Я побывалъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ городахъ и много перенялъ отъ него замысловатыхъ фокусовъ. Но вскорѣ мы съ нимъ разошлись, и я вернулся опять обратно домой.

Въ это время въ Москвѣ въ циркѣ Соломонскаго подвизались братья Робинзонъ, выступавшіе подъ фамиліей Николэтъ. Ихъ было трое. Старшій былъ очень ловокъ и талантливъ. Они работали все вмѣстѣ. Самыми лучшими ихъ номерами были «пирамида изъ стульевъ», «полетъ колпаковъ» и «группы».

Жажда къ новостямъ и любознательность во всемъ, что касалось цирка, заставила меня обратиться къ старшему Робинзону съ просьбой «пріучить меня къ его работѣ». Онъ началъ со мной заниматься. Я быстро усвоилъ его приемы и особенности.

Братья почему-то не поладили между собой, и одинъ изъ нихъ ушелъ изъ состава труппы. А такъ какъ съ Соломонскимъ у нихъ былъ заключенъ контрактъ такой, что ихъ должно быть непременно трое въ работѣ, то мой учитель сдѣлалъ мнѣ предложеніе поступить въ его настоящіе ученики съ обязательствомъ выступать въ циркѣ. Это для меня было ужъ просто честью. Разумѣется, я охотно согласился и заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому я отдалъ себя въ полное его распоряженіе на два года, за вознагражденіе по шестидесяти рублей въ мѣсяць.

Въ короткое время я успѣшно замѣнилъ скрывшагося брата Робинзона и дѣлалъ все то, что и онъ. Соломонскій тогда же обратилъ на меня вниманіе и предвѣщалъ мнѣ завидную будущность гимнаста.

Захаровъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ московскимъ полицеймейстеромъ Н. П. Огаревымъ, типичнымъ представителемъ добраго стараго времени, извѣстнымъ оригиналомъ и анекдотистомъ. Огаревъ часто бывалъ у насъ, и Николай Захаровичъ любилъ съ нимъ откровенничать.

— Я не знаю, что дѣлать съ Анатоліемъ, — сказалъ онъ ему однажды. — Бредитъ циркомъ, а другаго ничего знать не хочетъ.

— Положимъ, хоть циркъ и прекрасная штука, — отвѣтилъ полицеймейстеръ, страстный любитель лошадей вообще, а цирковыхъ въ особенности: — но, всетаки, совѣтую его выпоротъ. Вся дурь мигомъ изъ головы повывлетитъ. Оно бы и ничего, но больно мелкій народъ въ циркѣ служить. Испортится мальчишка. Ни за грошъ пропадетъ...

— Хоть бы вы его какъ нибудь постращали. Можетъ быть, васъ послушается.

— Ладно. Пусть только попадетъ на глаза. Я ему такихъ страховъ насажу, что онъ и въ циркъ никогда не заглянетъ.

Крестный проводилъ его до моей комнаты. Огаревъ вошелъ ко мнѣ, серьезный и нахмуренный.

— Ты это чего неповиновеніе оказываешь?—строгимъ голосомъ спросилъ онъ меня.— А? Тебя родители жалѣютъ, а ты никакого вниманія не оказываешь къ ихъ увѣщаніямъ!

— Да вы на счетъ чего?

— На счетъ всего, а цирка въ особенности. Еще добро бы наѣздникомъ быть готовился, а то, кажется, въ клоуны мѣтишь?

— А развѣ наѣздникомъ быть лучше?—перешелъ я на любимую тѣму его разговоръ.

— Еще бы!—увлекаясь, отвѣтилъ Огаревъ.—Вѣдь лошадь такая изумительно-умная тварь, что съ ней цѣлую жизнь безъ скуки пробить можно...

— Это-то правда.

— Еще бы не правда! На ней какіе угодно фокусы показывать можно, и они гораздо занимательнѣе всякихъ ломаній да кувырканій.

— Дѣйствительно.

— А верхомъ ѣздить на ней какое наслажденіе?!

— Я люблю.

— Молодецъ!

— Такъ вы думаете наѣздникомъ быть лучше?

— Разумѣется... Это не работа, а удовольствіе... И если ты станешь готовиться къ наѣзднической дѣятельности, я самолично для тебя буду тренировать лошадей. Я вѣдь отлично ихъ дрессирую...

— Я знаю.

— Изъ дикаго жеребца могу шелку надѣлать... Иди, иди въ наѣзники!

— Непремѣнно.

— Молодецъ!.. За успѣхъ не бойся. Помни, что первыми твоими шагами я самъ руководить буду. Ты у меня чуднымъ наѣздникомъ будешь...

Позабывъ о своей миссіи, Огаревъ возвратился въ кабинетъ Николая Захаровича и торжественно объявилъ:

— Кончено! Уговорилъ!

— Ну?—обрадовался крестный.—Неужели послушался?

— Съ первыхъ словъ сдался.

— Не можетъ быть!

— Честное слово.

— Я ужъ не знаю, какъ васъ и благодарить. Вы меня по гробъ жизни обязали... Благодаритель вы мой...

— Да-съ, теперь шабашъ!—самодовольно произнесъ Огаревъ.— Гимнастика по боку...

— Ну, слава Богу...

— Дѣлается благоразумнымъ и переходитъ на лошадей.

— Какъ на лошадей!

— А такъ: наѣздникомъ будетъ...

Съ Николаемъ Захаровичемъ, послѣ такого разочарованія, чуть дурно не сдѣлалось.

— Да не все ли равно, — сказалъ онъ раздраженно, — кувыркается Анатолий на землѣ, или то же продѣлываетъ на лошади?

— Разумѣется, не все равно, — спокойно замѣтилъ Огаревъ. — Лошадей-то я и самъ люблю, а этихъ пустозвоновъ не одобряю...

Крестный отчаянно махнулъ рукой и съ горечью произнесъ:

— Лучше бы и не просилъ васъ!

— Ну, что дѣлать, какъ умѣлъ, такъ и уломалъ мальчишку, — сказалъ въ свое оправданіе неудачный посредникъ.

— Вижу, вижу...

— А вы не сердитесь. Вѣдь какъ бы тамъ ни было, а я, подойдя къ нему, строго и внушительно обругалъ его за циркъ, который дѣйствительно ему не къ лицу. Тамъ вѣдь публика съ бору да съ сосенки... Дѣлать ему тамъ совершенно нечего, это правда, но за страсть къ лошадямъ, какъ угодно, не похвалить не могу. Молодецъ! Всегда скажу — молодецъ!

Покойный Огаревъ былъ большимъ любителемъ лошадей и въ циркъ Соломонскаго почти каждое утро занимался тренировкой мѣстныхъ скакуновъ. Для этой цѣли у него былъ особенный костюмъ, состоявшій изъ шведской кожанной куртки и высокихъ сапоговъ.

По окончаніи сезона въ Москвѣ, я вмѣстѣ съ братьями Робинсонами поѣхалъ въ Ригу, въ циркъ Соломонскаго же. Этотъ годъ въ исторіи Риги былъ, кажется, самымъ ужаснымъ. Ежедневные пожары, бывшіе, какъ говорятъ, слѣдствіемъ злонамѣренныхъ поджоговъ, истребили лучшую часть города. Мнѣ привелось быть свидѣтелемъ ужасныхъ и возмутительныхъ сценъ, которыя врѣзались въ мою память, кажется, на вѣчныя времена. Вмѣстѣ съ постоянными обывателями Риги, вся наша семья циркистовъ была наготовѣ во всякую минуту дня и ночи. Мы, какъ и другіе, ожидали постоянно, что вотъ-вотъ загорится нашъ домъ или циркъ, и мы останемся безъ крова. Поэтому на всякій случай спали мы полураздѣтыми, впрочемъ панической страхъ не давалъ намъ спокойнаго сна, и мы чуть не каждый часъ просыпались, подходили къ окну и вглядывались въ небо, чтобы опредѣлить по зареву, далеко ли пожаръ. Очень часто мы отправлялись на пожарище и принимали участіе въ его прекращеніи, работая вмѣстѣ съ пожарными, за что получали не однократную благодарность отъ начальства.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Ригу, какъ-то на утренней репетиціи, когда я съ старшимъ Робинсономъ былъ на крышѣ цирка и привязывалъ трапеціи, раздается тревожный звонъ съ церковныхъ колоколенъ. Мы оглянулись и видимъ, что рижскій театръ весь во огнѣ. За минуту же до этого, когда мы смотрѣли на него, онъ

не внушаль никакихъ опасеній. Очевидно, поджигатели дѣйствовали чрезвычайно умѣло и энергично.

Тотчасъ же мы оставили свои работы и бросились на выручку къ «собрату». Однако, никакая помощь ему не могла быть полезна: онъ весь охваченъ былъ пламенемъ, и никоимъ образомъ къ нему нельзя было подступитья.

Актеры, дѣлавшіе въ это злосчастное утро генеральную репетицію какой-то классической пьесы, захваченные врасплохъ на сценѣ, прямо въ мишурныхъ костюмахъ выпрыгивали изъ оконъ уборныхъ. Какіе-то старательные театральные рабочіе, изъ желанія спасти что либо изъ бутафорскихъ вещей, бросали на улицу зеркала, мебель. Все это, разумѣется, разбивалось вдребезги и только затрудняло проѣздъ и проходъ пожарнымъ. Изъ-за этого же бесполезнаго усердія многіе изъ рабочихъ не успѣли во время покинуть пылающее зданіе и поплатились обжогами, ушибами, переломами костей и т. п. Вообще картина была ужасная.

Тутъ же я подмѣтилъ одну изъ несимпатичныхъ чертъ толпы. Когда на крышѣ театра появился еврей, съ крайне типичной физиономіей и уже достаточно старый, толпа засмѣялась. Онъ былъ кѣмъ-то при театрѣ; по своей врожденной трусости вмѣсто того, чтобы прыгать изъ нижняго этажа, онъ взобрался на самый верхъ и очутился въ безысходномъ положеніи. Онъ метался изъ стороны въ сторону и что-то кричалъ съ ужасомъ. Толпа, которой, очевидно, онъ былъ хорошо знакомъ и которая, вѣроятно, всегда смотрѣла на него съ улыбкой, заливалась дружнымъ смѣхомъ, какъ будто дѣло шло не о жизни человѣческой, а о чемъ нибудь совершенно ничтожномъ.

Наконецъ, послѣ томительной паузы, когда ѣдкій дымъ началъ душить еврея, онъ сложилъ руки крестообразно на груди и бросился на землю. Ловкіе пожарные подхватили его на лету. Сначала толпа взвизгнула, потомъ опять разразилась смѣхомъ. Такая необычайная смѣлость еврея ее восхитила.

Однако, не смотря на счастливое паденіе его въ объятія пожарныхъ, этотъ прыжокъ окончился трагически. Еврей былъ мертвъ. Оказалось, что онъ умеръ отъ страха во время полета.

Я былъ около происшествія, и на меня оно произвело глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что я всегда обладалъ, къ своему несчастію, мнительностью и впечатлительностью, которыя дѣлали меня наиболѣе положительнымъ трусомъ.

Въ эти же сутки я пережилъ еще многое, что свалило меня въ постель и довело даже до галлюцинацій, отъ которыхъ я еле-еле излечился впоследствии.

Не успѣлъ я съ Робинзономъ возвратиться съ этого пожара домой и пообѣдать, какъ слышимъ опять тревожный, призывающій къ помощи звонъ.

— Это ужасно, это невозможно! Надо идти,—сказалъ старшій Робинзонъ, съ которымъ я жилъ вмѣстѣ на правахъ третьяго брата.—Пойдемъ!

Не отдѣлавшись отъ впечатлѣнія утренняго пожара, я согласился пойти съ нимъ на новое зрѣлище.

— Только раньше узнать нужно, гдѣ горитъ,—проговорилъ онъ, выходя изъ воротъ нашего дома.—Пойдемъ на колокольню, посмотримъ.

Мы отправились по направленію къ церкви, съ колокольни которой раздавался нестройный звонъ. Но когда мы подошли къ церковному входу, вдругъ набатные звуки сразу оборвались, а колоколъ загудѣлъ уныло и протяжно. Мы взошли на темную винтообразную лѣстницу и стали медленно взбираться по ея крутымъ и узенькимъ ступенямъ. Когда мы поднялись до верхней площадки, я наткнулся на какой-то большой и мягкій предметъ.

— Тутъ кто-то спитъ,—сказалъ я Робинзону, ощупывая случайную преграду.

— Вѣрно такъ что нибудь?

— Нѣтъ, человѣкъ...

— Ну, и пусть себѣ спитъ... иди дальше...

— Черезъ него не пройти, онъ лежитъ вдоль лѣстницы.

— Ну, давай его стащимъ.

Мы приподняли этого мнимо спящаго человѣка и донесли до средней площадки, на которой, съ помощью зажженной спички, увидѣли передъ собою окровавленный трупъ.

Я въ ужасѣ отшатнулся и пришелъ въ сознаніе только дома. При разслѣдованіи оказалось, что это звонарь, должно быть, нечаянно разбившій себѣ голову тяжеловѣснымъ колокольнымъ языкомъ. Должно быть, онъ заглядѣлся на пожарище и неудобно пошевелинулся подъ колоколомъ.

И это еще не конецъ моимъ ужасамъ!

Вечеромъ, когда я немного успокоился, Робинзонъ пошелъ въ Bier-Halle пить пиво и прихватилъ съ собой брата, а я остался дома tête-à-tête съ квартирной хозяйкой. Это была несчастная женщина, терпѣвшая вѣчную нужду и забитая обстоятельствами. Ея мужъ былъ разнузданный гуляка и грубый, деспотическій дебоширъ. У нея былъ грудной ребенокъ, болѣзненный, чахлый, однако очень любимый горемычной матерью.

Позднимъ вечеромъ ко мнѣ въ комнату приходитъ эта женщина и проситъ поддержать ея ребенка на рукахъ, пока она сходитъ на ледникъ за молокомъ.

— Да я вѣдь не умѣю...

— Чего-жь тутъ умѣть? Поддержать и все... Онъ тихенькій...

— Я, право, боюсь...

— Онъ и не шелохнется... смирнехонько пролежить.

Дѣлать было нечего, пришлось отвѣчать за няньку.

Она ушла на ледникъ, а я занялся качаніемъ на рукахъ ребенка, который оказался дѣйствительно тихимъ и смиреннымъ.

Черезъ четверть часа возвратилась и хозяйка, которая, взявъ отъ меня малютку, дико вскрикнула и упала въ обморокъ.

Меня одолѣлъ страхъ. Взглянулъ я на младенца, онъ былъ мертвъ. Тутъ ужъ не выдержалъ и я. Ноги подкосились, голова закружилась...

Вотъ она ночь ужасовъ, во вкусѣ французскихъ бульварныхъ романовъ.

Однако расчетливые циркисты долго хворать мнѣ не дали. Они быстро поставили меня на ноги, предоставивъ на мое благоусмотрѣніе ультиматумъ: болѣть въ больницѣ, или работать въ циркѣ. Перспектива больничной койки, разумѣется, заставила меня напрячь всѣ силы и подняться съ постели. Въ первый же день моего участія на аренѣ въ циркѣ произошла фальшивая тревога, окончившаяся не совсѣмъ благополучно.

Вдругъ, во время самага остроумнаго номера программы, гдѣ-то въ дешевыхъ мѣстахъ пронеслось зловѣщее слово «пожаръ». Суматоха поднялась невообразимая. Вся публика, какъ одинъ человѣкъ, поднялась со своихъ мѣстъ и бросилась къ выходу. Давка образовалась ужасная. Визгъ, плачь, стоны... На верхахъ же, гдѣ было особенно много народу, стоялъ ревъ оглушительный и душу надрывающій.

Циркисты выбѣжали на арену и, сами не довѣряя своимъ словамъ, начали успокоивать публику, но ихъ въ общей сутолокѣ, разумѣется, никто не слышалъ, да и никто бы не повѣрилъ; печальные примѣры были такъ близки и такъ чувствительны.

Хотя вся труппа и распиналась передъ публикой, увѣряя, что тревога напрасна, однако нашъ директоръ приказалъ какъ можно скорѣе отвязать лошадей и вывести ихъ на улицу, что ловкими конюхами и было исполнено въ точности. Такъ же заблаговременно вынесенъ былъ и весь цирковый скарбъ.

Я все время старался быть спокойнымъ и, нарочно не торопясь, одѣвался въ уборной въ тѣ минуты, когда въ публикѣ происходила паника. Мнѣ хотѣлось подать окружающимъ примѣръ хладнокровія, но прежде всего я обманывалъ самого себя и, какъ оказалось, больше другихъ былъ встревоженъ происшествіемъ. Когда вмѣстѣ съ коллегами я вышелъ на арену убѣждать народъ возвратиться на свои мѣста и не вѣрить недѣшной выдумкѣ какого-то негодяя, мой костюмъ выдалъ мое противорѣчіе. Я былъ въ какой-то женской кацавейкѣ, одна нога босая, другая въ неимоვნно большомъ сапогѣ...

Результатами этой фальшивой тревоги были поломанныя ребра, разбитыя физіономіи и масса кражъ, что заставляло предполагать,

что вся эта суматоха была умышленно поднята любителями чужой собственности, то-есть, попросту говоря, мошенниками...

Рижскіе пожары намъ повредили. Въ матеріальномъ отношеніи мы потерпѣли фіаско, которое и принудило насъ раньше предполагаемаго времени окончить представленія въ Ригѣ и отправиться въ другіе болѣе благопріятные города. Мы побывали въ Либавѣ, Митавѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Въ Одессѣ я крупно поспорилъ съ Робинзонами и, не смотря на наше нотаріальное условіе, разошелся окончательно. Пребывая безъ занятій и не имѣя знакомствъ въ цирковомъ мірѣ, я не зналъ, что мнѣ предпринять и чѣмъ обезпечить дальнѣйшее свое существованіе, тѣмъ болѣе затруднительное, что я уже былъ не одинокимъ. Будучи еще совершенно юношей, я связалъ судьбу свою съ одной изъ симпатичныхъ наѣздницъ нашего цирка, которая была всегда лучшимъ моимъ помощникомъ и вмѣстѣ со мной перенела всѣ невгоды и радости первоначальной моей дѣятельности.

По ея совѣту, написалъ я смѣлое письмо директору воронежскаго цирка Труцци. Я предложилъ ему свои услуги въ качествѣ клоуна-соло, за двухсотрублевое вознагражденіе въ мѣсяць. Труцци отвѣтилъ согласіемъ принять меня въ составъ своей труппы, но только съ полтора-ста-рублевою платою. Конечно, я согласился и, шивъ себѣ цвѣтной коленкоровый костюмъ, отправился въ Воронежъ.

Я удивлялся своей собственной храбрости: никогда не выступая въ качествѣ клоуна, а въ особенности соло-клоуна, какъ можно съ такимъ апломбомъ вести переговоры съ новымъ своимъ директоромъ, какіе велъ я. А вдругъ, думалось мнѣ, провалюсь и этимъ проваломъ испорчу всю свою карьеру, на которую возлагалъ такія большія надежды... Эта мысль гвоздила меня всю дорогу, и я готовъ былъ свернуть въ Москву, чтобы избѣжать публичнаго позора въ Воронежѣ.

Жена, подбившая меня на этотъ рискованный шагъ, руководствовалась исключительно тѣмъ, при совѣтѣ мнѣ выступить соло-клоуномъ, что мною придуманными шутками и остротами пользовались всѣ клоуны нашего цирка.

— Зачѣмъ тебѣ терять свои выдумки, — сказала она: — ты можешь ихъ самъ утилизировать. Клоунъ-импровизаторъ — неоцѣнимый сюжетъ для цирка...

Приѣхавъ въ Воронежъ, идти прямо къ директору и рекомендоваться я не рѣшился, а, остановившись въ первой попавшейся гостинницѣ, отправился въ циркъ взглянуть на силы участвующихъ. По скудости средствъ, я приобрѣлъ самый дешевый, четвертаковый билетъ и высидѣлъ весь вечеръ. Мои предварительныя наблюденія были не лишены основательности. Я присмотрѣлся къ будущимъ моимъ конкурентамъ и заранѣе приготовился къ такому жанру, который, повидимому, воронежцамъ не былъ знакомъ,

хотя, впрочемъ, на его успѣхъ я не особенно надѣялся и съ приущею каждому новичку робостью ожидалъ своего перваго выхода, долженствовавшаго рѣшить мою участь.

На другой день я представился Труцци, а на третій состоялся мой дебютъ. Передъ выходомъ на арену, меня одолѣвала такая трусость, что мнѣ становилось дурно, и, если бы не стыдъ передъ незнакомыми коллегами, я бы сказался больнымъ и свое выступленіе отложилъ бы до болѣе удобнаго времени. Однако, какъ ни чувствовалъ я себя не хорошо, а долженъ былъ по истеченіи извѣстнаго времени появиться на аренѣ. Ужъ какъ я попалъ на арену, не помню, знаю только, что произвелъ на зрителей недоумѣвающее впечатлѣніе. Я говорилъ что-то очень много, но такъ скоро и безсвязно, что никто не понималъ меня, а мои различныя антре и гимнастическія упражненія, при всемъ моемъ стараніи выдвинуть ихъ на первый планъ, оказались заурядными и далеко не оригинальными номерами, такъ что первый мой выходъ вызвалъ очень жиденькіе аплодисменты зрителей. Зато второе появленіе въ третьемъ отдѣленіи произвело сенсацію, и на мою долю досталось шумное одобреніе публики. Ко второму явленію я совершенно успокоился и вышелъ, уже ничуть не пугаясь, что, разумѣется, значительно вліяло на мои работы. Въ виду крупнаго успѣха, Труцци въ тотъ же вечеръ предложилъ мнѣ законтраговаться къ нему на годъ. Я не заставилъ повторять предложеніе и на слѣдующій же день подписалъ его условія.

Въ его обширной труппѣ я былъ единственный русскій работникъ, всѣ остальные иностранцы, преимущественно нѣмцы, которые и до сихъ поръ главенствуютъ въ русскихъ циркахъ.

Путемъ упорнаго труда я добывалъ себѣ успѣхъ, на который первоначально сослуживцы смотрѣли только завистливо, а потомъ враждебно. Въ особенности неистовствовали клоуны. Они злились и придумывали всякія мерзости, изъ которыхъ не многія достигали своей цѣли, благодаря моей предусмотрительности, но нѣкоторыя, всетаки, причиняли мнѣ неприятности. Такъ, однажды въ мой ящикъ съ мѣломъ, которымъ я гримировался, кто-то изъ нихъ насыпалъ известки. Я положилъ ее на лице въ большомъ количествѣ и до тѣхъ поръ не почувствовалъ ея присутствія, пока не вышелъ на арену. Когда, послѣ нѣсколькихъ минутъ работы, на лицѣ выступилъ потъ, страшная боль заставила прервать упражненія. Я поспѣшилъ мыться, но было поздно: известка успѣла воспалить всю мою физиономію. Этотъ обжогъ принудилъ меня пролежать около двухъ недѣль въ постели, и съ тѣхъ поръ я сталъ осторожно обращаться съ мѣломъ, дабы не повторилась эта безчеловѣчная месть за успѣхъ когда нибудь опять. Удивляюсь, какъ тогда я не лишился зрѣнія, что вполне могло произойти послѣ такой убійственной гримировки.

Впрочемъ, это не единственный случай дикой мести изъ зависти. Мнѣ на моемъ, въ сущности, небольшомъ вѣку случалось быть жертвой такого рода неоднократно. Если не могли досадить мнѣ, то досаждали моимъ животнымъ. Моему дрессированному барану какой-то извергъ воткнулъ въ животь иголку, и несчастный баранъ издохъ; лучшаго моего дрессированнаго пѣтуха кто-то изъ недруговъ ошцпалъ живаго и въ такомъ видѣ пустилъ его бѣгать по цирку. И мнѣ пришлось собственноручно лишить жизни своего любимца. Это одно изъ самыхъ тяжелыхъ мщений мнѣ. А ужъ сколько потравили моихъ животныхъ, такъ не стоитъ и вспоминать. Замѣчу только, что даже въ Петербургѣ, въ послѣдній мой прїѣздъ, мнѣ пришлось испытать чью-то дикую расправу съ моей старой собакой Гекторомъ. Онъ былъ со мной неразлученъ, постоянно находился при мнѣ на квартирѣ, тогда какъ всѣ остальные пребывали въ зданіи цирка. То, что Гекторъ пользовался наибольшею моею симпатіей, знали всѣ, и потому постарались его отравить, чтобы причинить мнѣ наибольшую непрїятность.

За границей мнѣ никогда не случалось видѣть такого гнуснаго, мелкаго сведенія счетовъ. Тѣ же иностранцы держатъ себя даже гораздо тактичнѣе и честнѣе, нежели у насъ, въ Россіи. Атмосферныя перемѣны на нихъ такъ скверно вліяютъ, что ли? Только въ нашемъ отечествѣ они крайне безцеремонны и такъ нагло посягаютъ на карманъ російскаго гражданина, что сами дивятся своимъ подвигамъ.

Впрочемъ, нѣмцы и у себя дома таковы: также мелочны, жадны, завистливы. Мнѣ приходилось быть въ Германіи нѣсколько разъ, и всегда я больше и больше привыкалъ ненавидѣть нѣмцевъ, относящихся къ русскимъ съ какою-то затаенною злобой. Меня это возмущало. Я вступалъ въ споры и всегда терпѣлъ полнѣйшее поражение. Оппоненты съ пѣной у рта набрасывались на меня и такъ дерзко отстаивали свои мнѣнія, что я, щадя свою собственную шкуру, замолкалъ въ полномъ безсиліи отпарировать ихъ, грозящихъ каждую минуту судомъ за всякое неосторожно произнесенное слово. «Мы, молъ, у себя дома и можемъ тебя ругать, какъ намъ угодно, съ нами ты ничего не подѣлаешь, а если ты, выведенный изъ терпѣнія, обмолвишься, этого намъ только и нужно: пожалуйте на цугундеръ!»

Читающей публикѣ, разумѣется, не безызвѣстенъ фактъ моего ареста на германской границѣ, когда лѣтомъ 1892 года я ѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ. Этого печальнаго эпизода въ подробностяхъ описывать не стану, скажу только, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за официанта, который оказался къ моему недоумѣнію чрезвычайно либеральнымъ и такимъ политикомъ, что въ своихъ сношеніяхъ со мною позволялъ себѣ слишкомъ рискованные поступки и даже въ концѣ-концовъ началъ говорить грубо-

сти. Этотъ глупый малый, начитавшійся не менѣе глупыхъ статей въ своей отечественной мелкой прессѣ и почувствовавшій въ своей «патріотической груди» неприязнь къ Россіи, захотѣлъ видѣть во мнѣ не просто мимо-проѣзжающаго туриста, а непременно «русскаго злоумышленника». Я говорю понѣмецки не совсѣмъ правильно, онъ придрался къ одной моей фразѣ, поднялъ страшнѣйшій скандалъ, взбудоражилъ мѣстную полицію; та, не понимая, въ чемъ дѣло, подняла на ноги чуть не всю германскую администрацію, и въ результатѣ меня признали почти «политическимъ преступникомъ».

Аркашка въ «Лѣсѣ» Островскаго непременно бы сказалъ:

— Изъ клоуновъ да въ политическіе преступники! Обидно!

Кстати объ отношеніяхъ нѣмцевъ къ русскимъ. Въ бытность мою въ Берлинѣ, мнѣ понадобилось купить нѣсколько клѣтокъ. Зашелъ въ спеціальнй магазинъ и попросилъ показать необходимыя мнѣ вещи. По моему неправильному выговору, хозяинъ магазина призналъ иностранца и спросилъ:

— Ein Russe? (Вы—русскій?).

— Ja. (Да).

Передо мной произошло моментальное превращеніе. Съ виду тихій и спокойный торговецъ мигомъ превратился въ какого-то дикаря и съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ крикнулъ:

— Heraus! (Вонъ!).

За что такая немилость къ намъ,—просто даже поразительно.

Но достаточно о нѣмцахъ, обращусь къ дальнѣйшимъ подробностямъ моего пребыванія въ Воронежѣ.

А. Дуровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ БІОГРАФІИ А. В. КОЛЬЦОВА.

«На людей сердиться нельзя и требовать строго отъ нихъ нельзя: кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше криваго и суковатаго, чѣмъ равнаго». (Письмо Кольцова къ одному изъ своихъ московскихъ друзей).

ВТЕЧЕНІЕ пятидесяти лѣтъ, истекшихъ со дня кончины А. В. Кольцова, появилось не мало біографій его, изъ которыхъ однѣ разсматривали Кольцова, какъ поэта, другія—какъ человѣка. Оцѣнка первыхъ, то-есть оцѣнка поэтическихъ произведеній народнаго поэта, на столько полна и вѣрна, что едва ли возможно прибавить теперь что либо новое, но зато біографическіе очерки жизни Кольцова, какъ человѣка, представляются далеко незаконченными. Строго говоря, біографій второй категоріи, самобытныхъ, почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ, только двѣ: «О жизни и сочиненіяхъ Кольцова» Бѣлинскаго и статья де-Шуле «Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ», являющаяся критическою оцѣнкою первой. Всѣ остальные жизнеописанія представляютъ собою только болѣе или менѣе удачную «компиляцію», «пережевываніе» на тотъ или другой ладъ того, что было высказано Бѣлинскимъ или де-Шуле. Но Бѣлинскій, какъ извѣстно, восхищался Кольцовымъ, какъ поэтомъ, любилъ его, какъ человѣка, горячо сочувствовалъ его страданіямъ и негодовалъ на виновниковъ этихъ страданій, и въ результатѣ получилось жизнеописаніе Кольцова нѣсколько одностороннее. Нѣкоторые факты, не провѣренныя Бѣлинскимъ лично, а принятые имъ на вѣру отъ нервнаго и огорченнаго поэта, получили не надлежащее освѣщеніе. Съ другой стороны, де-Шуле, задавшись цѣлью «поставить Кольцова на историческую почву», нерѣдко впадаетъ въ другую крайность и мѣстами даже въ противорѣчіе. Такъ, на-

примѣръ, онъ говоритъ по поводу біографическихъ матеріаловъ о жизни Кольцова, что «впродолженіе послѣдняго двѣнадцатилѣтняго пребыванія нашего въ Воронежѣ мы интересовались мельчайшими подробностями, относящимися до жизни Кольцова, но, увы! всѣ наши попытки остались тщетными. Мы пришли къ неутѣшительному, но, тѣмъ не менѣе, вѣрному результату, что въ Воронежѣ нѣтъ никакой возможности собрать что либо относящееся до біографіи Кольцова...»; тутъ же, не замѣчая явнаго противорѣчія, де-Пуле продолжаетъ: «не только въ Воронежѣ, но и въ другихъ городахъ нашей губерніи, даже по селамъ, даже по постояннымъ дворамъ, вы встрѣтите не мало лицъ, знавшихъ Кольцова. Всѣ они съ самой лучшей стороны отзываются о покойномъ Алексѣѣ Васильевичѣ, какъ о человѣкѣ. Какъ-то тепло становится на душѣ отъ этихъ добродушныхъ разсказовъ, и невольно свѣтлый образъ поэта рисуется передъ нами то въ дѣтскихъ играхъ съ сверстниками, то за чайнымъ столикомъ небогатаго чиновника, то въ умной бесѣдѣ съ людьми, болѣе или менѣе развитыми». Опровергнувъ самого себя относительно скудости біографическаго матеріала, де-Пуле черезъ нѣсколько строкъ противорѣчитъ себѣ и въ отношеніи только что описаннаго сочувствія населенія къ поэту: «Не совѣтуемъ тому, кто не хочетъ разочароваться обаятельной статьей Бѣлинскаго, разспрашивать въ Воронежѣ о покойномъ Кольцовѣ, какъ о человѣкѣ въ послѣдній періодъ его жизни: посыплется жалобы на надменность, насмѣшки надъ непониманіемъ разыгрываемой имъ и несвойственной ему роли, сарказмы, конечно, и клевета, конечно, и вопли мелочнаго, раздраженнаго самолюбія» и т. п. Въ общемъ, однако, обѣ статьи, и Бѣлинскаго и де-Пуле, взаимно разъясняя и дополняя одна другую, являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для біографіи Кольцова, какъ человѣка.

Проживъ пятнадцать слишкомъ лѣтъ въ Воронежѣ, пишущій эти строки, по примѣру де-Пуле, также интересовался подробностями жизни Кольцова, гдѣ можно было, собиралъ матеріалы или же разспрашивалъ у стариковъ, современниковъ покойнаго поэта, о подробностяхъ его жизни и пришелъ къ нѣсколько иному заключенію, чѣмъ де-Пуле, относительно возможности собрать матеріалы: теперь это еще возможно, хотя, понятно, уже не на столько легко, какъ это несомнѣнно было въ пятидесятыхъ годахъ, то-есть въ бытность де-Пуле въ Воронежѣ. Онъ многое могъ бы, при добромъ желаніи, узнать любопытнаго изъ жизни покойнаго поэта, хотя бы, на примѣръ, отъ воронежскихъ мѣщанъ З—ва и П—ва, служившихъ приказчиками у отца поэта и постоянно сопровождавшихъ А. В. Кольцова въ поѣздкахъ его въ степи. Еще лучшимъ источникомъ для подобныхъ свѣдѣній являлась сестра покойнаго поэта, г-жа Андропова, жившая въ Воронежѣ въ собственномъ домѣ, на Большой Садовой

улицѣ. Всѣ эти лица сравнительно недавно сошли въ могилу и въ пятидесятыхъ годахъ были еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Пишущій эти строки засталъ гораздо позднѣе (1876—1891) еще въ живыхъ современниковъ А. В. Кольцова, знавшихъ его достаточно близко. Кое-что удалось узнать, хотя и изъ вторыхъ рукъ, но отъ лицъ, заслуживающихъ полного довѣрія.

Надѣясь современемъ составить болѣе подробное жизнеописаніе А. В. Кольцова, ограничусь пока сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ жизни покойнаго поэта, проверенныхъ на мѣстѣ.

Родъ Кольцовыхъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Воронежѣ. Вначалѣ, съ самаго основанія города, Кольцовы служили стрѣльцами и въ то же время занимались торговлею, прасольскимъ же промысломъ они стали заниматься со временъ Петра I. Однако «богатыми купцами» и «богачами», какъ величаютъ предковъ поэта многіе изъ его біографовъ, они никогда не были, а считались не бѣдными, «средняго достатка». Впрочемъ, имущественное положеніе семейства Кольцовыхъ, какъ и остальнаго купечества, завися во многомъ отъ успѣшности торговыхъ операцій, часто колебалось. Нѣсколько удачныхъ торговыхъ оборотовъ, совершенныхъ незадолго до рожденія поэта, настолько поправили дѣла семьи Кольцовыхъ, считавшихся въ то время мѣщанами, что они покинули слободку Гусиновку, предмѣстье Воронежа, и поселились на Большой Дворянской—лучшей изъ тогдашнихъ улицъ Воронежа, переѣхавъ въ собственный двухэтажный каменный съ мезониномъ домъ.

Первые годы жизни Кольцова ничѣмъ не выдѣлялись изъ жизни другихъ дѣтей купческаго сословія того времени. Онъ былъ въ дѣтствѣ мальчикомъ весьма способнымъ, бойкимъ и живымъ, а не флегматичнымъ, какъ его описываютъ. По словамъ знавшихъ его въ молодости, онъ сталъ сосредоточеннымъ уже позднѣе, подъ вліяніемъ весьма суроваго воспитанія, или точнѣе обращенія отца, наказывавшаго ребенка за малѣйшія шалости и нерѣдко вымещавшаго на женѣ и дѣтяхъ неудачи по торговымъ дѣламъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главной причиной неудачно сложившейся жизни поэта и его преждевременной кончины былъ суровый характеръ отца, который словомъ и дѣломъ изводилъ сына, не будучи, по незрелости, въ состояніи разгадать его призваніе.

Родившись въ средѣ малограмотныхъ торговцевъ-прасоловъ, старикъ видѣлъ идеалъ жизни исключительно въ ловкихъ торговыхъ оборотахъ. Питая страхъ къ «генераламъ» и «важнымъ господамъ», онъ въ то же время въ душѣ презиралъ ихъ, какъ и всѣхъ остальныхъ смертныхъ, за исключеніемъ только капиталистовъ-купцовъ, къ которымъ питалъ самое искреннее уваженіе, смѣшанное съ завистью. При подобномъ взглядѣ на вещи, Кольцовъ-

отець, естественно, не могъ мириться съ убѣжденіями и наклонностями сына. По словамъ одного старика (А. В. Попова), нѣкогда служившаго приказчикомъ у Василья Кольцова, послѣдній, презирая поэтовъ и литераторовъ, отзывался о нихъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что старикъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ считалъ поэтическія наклонности сына такой же позорной и опасной для купца страстью, какъ пьянство и разгуль. «За грѣхи мои тяжкіе,—выразился однажды старикъ въ сердцахъ,—Господь мнѣ далъ такого сына. Видно, ужъ намъ судьба по міру пойти. Вотъ ужъ Божье попущеніе». Въ другомъ случаѣ, рассказывалъ мнѣ упомянутый Поповъ, когда у Кольцовыхъ гостилъ какой-то дальній родственникъ (кажется, это было въ 1828 году), старикъ жаловался гостю на сына въ такихъ выраженіяхъ: «Эхъ, что говорить, Алешка-малый непутящій, совсѣмъ отъ дѣла отсталъ. Въ шуты записался». Суровая расправа ожидала несчастнаго «поэта-пѣсенника» въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, увлекшись природою и поэзіею, позабывалъ о дѣлахъ, порученныхъ отцомъ. Въ подобныхъ случаяхъ, рассказывалъ упомянутый Поповъ, «отець крутенекъ бывалъ: однажды Лексѣя Васильевича мало на смерть не убилъ, когда отъ его недосмотру нѣсколько головъ скота покрали».

Подъ вліяніемъ подобнаго рода обращенія складывался характеръ будущаго творца народныхъ пѣсенъ. Онъ рано возненавидѣлъ торговлю и, въ свою очередь, презиралъ купеческій міръ. Считаая торговлю и обманъ синонимами, а торговцевъ людьми, погибшими для ума и сердца, онъ иногда неосторожно, вслухъ, высказывалъ свои убѣжденія и возстановилъ противъ себя самое многочисленное сословіе, къ которому по происхожденію принадлежалъ и самъ. Своєю несдержанностью А. В. Кольцовъ создалъ себѣ положеніе, изъ котораго вырваться не позволялъ недостатокъ средствъ и образованія. Купеческій міръ не остался въ долгу (быть можетъ, ему принадлежитъ и починъ) и, въ свою очередь, при всякомъ удобномъ случаѣ уязвлялъ самолюбіе поэта. Его прозвали «чудакомъ», и это мнѣніе о поэтѣ сохранилось за нимъ долго спустя послѣ его кончины. Упомянутый выше приказчикъ Поповъ такъ отзывался о личности покойнаго: «Малый-то онъ ничего былъ, царство ему небесное, да, знаете, чудаковать былъ: въ сочинители записался. Гдѣ бы дѣломъ заняться, а онъ пѣсни сочинять». Такъ же, или почти такъ, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ помѣщиковъ Воронежской губерніи, Ѳедоръ Дмитріевичъ Чертковъ, отзывался о покойномъ и другой приказчикъ старика-Кольцова, Занфировъ (или Зензиновъ, точно не упомню), сопровождавшій нерѣдко Алексѣя Васильевича въ его поѣздкахъ по губерніи¹⁾.

¹⁾ Считаю долгомъ выразить здѣсь мою глубокую признательность Ѳ. Д. Черткову какъ за приведенное сообщеніе словъ упомянутаго приказчика, слу-

То обстоятельство, что Кольцовъ казался «чудакомъ» даже такимъ близко стоявшимъ къ нему людямъ, какъ упомянутые два приказчика, подолгу сопровождавшіе и жившіе съ нимъ въ Придонскихъ степяхъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Подобное впечатлѣніе «поэтъ-пѣсенникъ» впервые произвелъ на своихъ приказчиковъ на девятнадцатомъ году его жизни. Варварская расправа старика съ предметомъ пламенной страсти юноши, таинственное исчезновеніе дѣвушки, которую Кольцовъ любилъ до безумія, не могли пройти безслѣдно. Онъ дѣйствительно опасно заболѣлъ, хворалъ долго, и когда выздоровѣлъ, то впалъ въ тоску, «не находилъ себѣ мѣста», и это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Адскія муки, испытанныя имъ въ это время, Кольцовъ высказалъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Побывали, унеслися
 «Дни моей златой весны,
 «Въ сердцѣ горестномъ слилися
 «Лишь отзвѣвы старины.
 «Мнѣ-ль привѣтливимъ казаться,
 «Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
 «Мнѣ-ль надеждой обольщаться?—
 «Безиробудно другъ мой спать».

Оставшись одинокимъ, онъ чаще прежняго сталъ всматриваться въ окружающую природу. Проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ, среди Придонскихъ степей, Кольцовъ все чаще и чаще сталъ углубляться въ таинственный смыслъ природы, оживляя ее фантазією. Въ припадкѣ тоски, избѣгая людей, чтобы остаться одному съ своими мыслями, Алексѣй Васильевичъ часто долженъ былъ казаться малоразвитымъ лицамъ, его окружавшимъ, «чудакомъ», въ особенности въ минуты вдохновенія, готовый создать какую либо поэтическую думу. Подобное душевное состояніе поэта было, разумѣется, загадкою для окружавшихъ его. «Бывало, лѣтомъ, въ степи, — рассказывалъ старикъ, — особенно по вечерамъ, при солнечномъ закатѣ, уже смеркаться начнетъ, а онъ, сердечный, и ну писать, и ну писать. Я его—Лексѣй Васильевичъ! Лексѣй Васильевичъ! Куды тебѣ, не слышитъ, глядитъ, какъ истуканъ. Въ ту пору совсѣмъ чудакомъ глядѣлъ».

Въ подобныя минуты одиночества Кольцовъ искалъ утѣшенія въ окружающей природѣ. Безбрежная степь, зеленый лѣсъ, серебристый свѣтъ луны, мерцающій вдали огонекъ, одинокая, забытая могила, завываніе бури—все это приобрѣло для поэта особен-

жившаго впоследствии въ одномъ изъ его имѣній, такъ и за любезное разрѣшеніе воспользоваться нѣкоторыми матеріалами изъ фамильной бібліотеки. Изъ предоставленныхъ въ мое распоряженіе фамильныхъ документовъ я воспользовался, между прочимъ, помѣщенными ниже письмами Краевского и Кольцова къ А. В. Черткову и стихотвореніемъ «Военная пѣснь».

ную прелесть и навѣяло на душу его не мало прекрасныхъ, вдохновенныхъ образовъ.

Попытка жениться на дѣвушкѣ не купеческаго происхожденія и притомъ безприданницѣ явилась въ глазахъ старика отца вторымъ непростительнымъ проступкомъ сына послѣ стихотворства. Выбора подобной невѣсты, какъ своего рода *mésalliance*, не могли простить и оскорбленные родственники, и близкіе знакомые. Всѣ принялись читать нравоученія «чудаку». Кольцовъ сталъ все болѣе и болѣе удаляться отъ «кривыхъ и суковатыхъ». Онъ чувствовалъ себя гораздо лучше среди сельскаго люда, съ которымъ сжился и среди котораго находилъ свои поэтическіе образы. Чудныя пѣсни Кольцова, одинаково близкія и уму и сердцу крестьянина, скоро полюбилися послѣднему. Нерѣдко, въ особенности лѣтомъ, можно было видѣть поэта, окруженнаго толпою крестьянъ, жадно внимающихъ ему. Онъ имъ пѣлъ пѣсни о крестьянской долѣ, написанныя крестьянскимъ языкомъ. Этимъ, кажется, можно объяснить то странное на первый взглядъ явленіе, что сельскій людъ, «деревня», оцѣнилъ поэта сравнительно ранѣе болѣе развитаго купеческаго сословія. Послѣднее, какъ показало недавнее чествованіе (не говоря уже о прискорбномъ примѣрѣ съ памятникомъ), и теперь еще не вполне оцѣнило талантъ и значеніе покойнаго поэта...

Непонятый и поэтому неоцѣненный въ своей средѣ, Кольцовъ неожиданно нашелъ себѣ друзей и покровителей въ лицѣ лучшихъ представителей воронежскаго дворянства, принимавшихъ живое участіе въ судьбѣ поэта. Воронежскимъ помѣщикамъ-дворянамъ, Алексѣю Николаевичу Черткову и Николаю Владиміровичу Станкевичу, принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ львиная доля заслуги. Они первые обратили вниманіе на самобытный талантъ Кольцова. Они первые, послѣ Кашкина, снабдили его книгами и добрыми совѣтами и своимъ нравственнымъ авторитетомъ защищали его отъ самодурства родныхъ. Они познакомили Кольцова съ литературными знаменитостями и неизмѣнно покровительствовали ему до послѣднихъ дней его жизни. Въ домѣ А. Н. Черткова Кольцовъ былъ принятъ какъ домашній другъ. Необходимо замѣтить, что люди интеллигентные, литераторы и ученые, помимо искренняго расположенія къ Кольцову, старались, при всякомъ удобномъ случаѣ, выказать какъ можно замѣтнѣе свое уваженіе къ таланту поэта. Въ особенности они объ этомъ заботились, находясь въ самомъ Воронежѣ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы возвысить поэта въ глазахъ его согражданъ. Такъ поступалъ, какъ извѣстно, Жуковский, такъ поступала и мѣстная интеллигенція.

Первое знакомство Кольцова съ Чертковымъ, Станкевичемъ и прочими воронежскими дворянами-помѣщиками, произошло, какъ говорятъ, черезъ дворовыхъ крестьянъ. Являясь въ какое нибудь

имѣніе по торговымъ дѣламъ, привемистый, сутоловатый прасоль-поэтъ подчасъ забывалъ о послѣднихъ. Увлечшись поэтическимъ вдохновеніемъ, онъ пѣлъ собравшимся вокругъ него дворовымъ свои чудныя пѣсни. Отъ дворовыхъ узнавали о Кольцовѣ помѣщички, знакомились и любили его.

Знакомство Кольцова съ А. Н. Чертковымъ началось, какъ кажется, еще ранѣе, чѣмъ съ Н. В. Станкевичемъ. Въ фамиліныхъ бумагахъ Ѳ. Д. Черткова хранится стихотвореніе А. В. Кольцова «Военная пѣсня», написанное имъ въ первой редакціи неизвѣстно когда. Поправки, сдѣланныя рукою Кольцова, заставляютъ предполагать, что стихотвореніе написано поэтомъ не у себя на дому, а въ гостяхъ у А. Н. Черткова. Вотъ содержаніе этой патристической пѣсни въ первоначальномъ не сокращенномъ видѣ:

«Военная пѣсня».

«Затрубила труба бранная:
«Ополчилась рать могучая,
«Стала грудью противъ недруга—
«За царя, за домъ, за родину.

«Ты прости теперь, отецъ и мать,
«Ты прости теперь, мой милый другъ,
«Ты прости теперь, и степь, и дѣсь,—
«Дорогая жизнь, весь бѣлый свѣтъ.

«Гой, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
«Послужи-жь ты мнѣ постарому,
«Какъ служилъ ты, при Суворовѣ,
«Мому дѣду, храбру воину ¹⁾.

«Гой, сестра, ты—сабля острая!
«Попируемъ мы у недруга,
«Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
«Выпьемъ брагу бусурманскую!

«Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
«Присудилъ Богъ сложить голову:
«Не на землю же сложу ее,
«А сложить-сложу на груди тѣлѣ...

«Труба бранная военная ²⁾,
«Затруби же ты въ послѣдній разъ,
«На врага-злодѣя глянувши—
«Я душой тебя посаушаю.

«Труба бранная, военная.
«Не молчи, труба, дай волю мнѣ ³⁾.
«Въ груди сердцѣ богатырское
«Закипѣло-расходилося».

¹⁾ Въ рукописи Имп. Публ. Библ.: «Силачу-отцу, дѣду-воину».

²⁾ Въ рукописи Имп. Публ. Библ. этихъ 4 строкъ нѣтъ совсѣмъ.

³⁾ Что молчишь? Труба, дай волю мнѣ:

Дружескія отношенія А. Н. Черткова къ Кольцову не прерывались, какъ кажется, до кончины поэта. Это видно изъ сохранившагося письма А. В. Кольцова, помѣченнаго 28 декабря 1839 года. Привожу его дословно, съ сохраненіемъ правописанія подлинника:

«Любѣзный, добрый
Алексѣй Николаевичъ.

«Съ праздникомъ васъ! почтенье вамъ! привѣтъ вамъ отъ души... Еще бы чего? Гармоническаго состоянія вашей душѣ. Все теперь! благодарю за исторію. Извините, что не могу быть у васъ, простудился—болень немного; въ комнатѣ сижу. Если есть у васъ весь Луганской, то пожалуйста, дайте прочесть.

«Съ душевнымъ уваженіемъ вашъ покорнѣйшій Алексѣй Кольцовъ».

Отношенія В. Н. Станкевича къ поэту хорошо извѣстны, и я поэтому распространяться не буду, скажу только, что кругъ знакомства Кольцова въ литературномъ мірѣ, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается весьма обширнымъ. Въ числѣ интересовавшихся судьбою поэта находились также и Павелъ Петровичъ Свиньинъ и Андрей Александровичъ Краевскій.

По случаю предполагавшагося изданія сочиненій Пушкина, Краевскій вступилъ въ переписку¹⁾ съ А. Н. Чертковымъ. Между прочимъ, въ письмѣ отъ 8-го октября 1841 года, Краевскій пишетъ послѣднему: «Еще покорнѣйшая до васъ просьба: взять на себя трудъ извѣстить меня, что дѣлается съ нашимъ Алексѣемъ Васильевичемъ Кольцовымъ, отъ котораго ни я, ни общіе мои съ нимъ знакомые, давно уже не имѣемъ никакого извѣстія».

«Извѣстія» о жизни поэта въ самомъ дѣлѣ прекратились около этого времени. Измученный душою и тѣломъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, Алексѣй Васильевичъ сталъ удаляться отъ интеллигентныхъ людей. Онъ сознавалъ, что, какъ человѣку малограмотному и безъ средствъ, ему трудно устроиться въ Петербургѣ или въ Москвѣ, въ центрѣ умственной жизни, но ему становилось тяжело при мысли, что многочисленный кругъ столичныхъ вліятельныхъ друзей, восторгавшихся его поэтическими произведеніями, высказывавшихъ ему на каждомъ шагѣ свою сердечную преданность, не находилъ возможности вырвать его изъ ненавистнаго ему Воронежа, гдѣ онъ столько вытерпѣлъ отъ гнета отца, отъ зависти и насмѣшекъ постороннихъ людей. Кольцовъ, подъ вліяніемъ мрачныхъ мыслей, готовъ былъ объяснить подобное поведеніе друзей недостаткомъ искренности, нежеланіемъ помочь ему выбраться изъ засасываваго его провинціального болота.

Даже самые проекты Бѣлинскаго и другихъ пристроить его въ качествѣ управляющаго книжною лавкою или завѣдывающимъ

¹⁾ Эту переписку надѣюсь напечатать въ скоромъ времени.

Авт.

конторою журнала «Отечественныя Записки», незадолго передъ тѣмъ перешедшаго отъ П. П. Свиньина къ А. А. Краевскому, показались и безъ того огорченному поэту новымъ оскорбленіемъ. Онъ стремился въ Петербургъ въ надеждѣ разстаться съ презираемою имъ средою, а они, лучшіе друзья его, готовятъ ему мѣсто приказчика за прилавкомъ. Чтобы умѣрить свои душевныя страданія, Кольцовъ сталъ искать развлеченій. Онъ началъ бывать на семейныхъ вечерахъ и балахъ; сравнительно еще недавно сошла въ могилу одна старушка, съ которою поэтъ нерѣдко танцевалъ. На одномъ изъ подобныхъ вечеровъ А. В. Кольцовъ встрѣтился съ одной вдовою, въ свое время извѣстною Воронежю своею красотою и легкомысленнымъ кокетствомъ. Кольцовъ увлекся ею для новыхъ страданій, быстро поведшихъ къ развязкѣ. Уже въ началѣ 1842 года стало несомнѣнно ясно, что у Кольцова развилась чахотка. Болѣзнь шла все хуже и хуже, больной сдѣлался необыкновенно раздражительнымъ, а родные не заботились объ его удобствахъ. Казалось, они не вѣрили возможности близкой кончины страдальца...

Когда изъ воротъ двухэтажнаго каменнаго дома на Большой Дворянской медленно выходила погребальная процессія, то за гробомъ шли только родственники покойнаго, нѣсколько знакомыхъ купцовъ и мѣщанъ, да два или три учителя мѣстной гимназіи и нѣсколько гимназистовъ и семинаристовъ. Правда, погода была осенняя, ненастная, но при всемъ томъ похороны вышли болѣе чѣмъ скромныя. На могилѣ появился памятникъ съ безграмотною надписью, поставленный отцомъ, несвоевременно понявшимъ сына, и Воронежъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать забылъ о поэтѣ. Даже позднѣйшія заботы о постановкѣ памятника А. В. Кольцову принадлежать преимущественно или начальникамъ Воронежской губерніи, или же другимъ лицамъ, уроженцамъ другихъ губерній. Ко дню открытія памятника, 27-го октября 1868 года, въ числѣ нарочно пріѣхавшихъ почтить память поэта оказался консулъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Е. Шейлеръ, прожившій въ Воронежѣ, въ ожиданіи торжества открытія памятника, цѣлую недѣлю и нѣсколько англичанъ. Иностранцы удивили воронежцевъ своимъ глубокимъ уваженіемъ къ Кольцову и его таланту. Памятникъ, болѣе чѣмъ скромный, поставленъ въ скверѣ (а не на бульварѣ, какъ значитъ у многихъ), находящемся на Большой Московской улицѣ и названномъ «Кольцовскимъ».

Въ заключеніе остается еще упомянуть о долго существовавшемъ въ Воронежѣ слухѣ, будто Кольцовъ, какъ человекъ малограмотный, ничего хорошаго самъ создать не могъ, что всѣ лучшія его стихотворенія принадлежатъ Сребрянскому. Нѣтъ сомнѣнія, что Сребрянскій (а не Серебрянскій, какъ его неправильно называютъ) поправлялъ кое-какія стихотворенія Кольцова и даже до нѣкоторой степени содѣйствовалъ образованію поэта, но, во всякомъ случаѣ,

заслуги Сребрянскаго даже въ этомъ отношеніи кажутся нѣсколько преувеличенными.

Въ Воронежѣ, въ юго-восточной части города, на Новомъ, или такъ называемомъ Митрофановскомъ кладбищѣ, находятся почти рядомъ могилы двухъ поэтовъ. Оба они вышли изъ народа и жили среди него, оба они пѣли его пѣсни и сошли въ могилу послѣ кратковременной, полной страданій жизни. Оба они жертвы чухотки и умерли почти однихъ лѣтъ. Наконецъ, оба скончались въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ октябрѣ и покоятся рядомъ.

Памятники изъ каррарскаго мрамора прикрыли эти двѣ могилы близнецовъ поэзіи. Въ одной изъ нихъ покоится И. С. Никитинъ, въ другой—Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Леонидъ Вейнбергъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛІЯ.

Королевство, папство, республика.

*Sine ira et studio, quorum
causas procul habeo.*

Тацитъ.

ИАШЕ столѣтіе было свидѣтелемъ не малаго числа крупныхъ политическихъ переворотовъ. Образовывались новыя государства, исчезали старыя; падали династіи и замѣнялись другими; старыя формы правленія уступали мѣсто новымъ; объединялись политически одноплеменные народы, жившіе прежде раздробленною государственною жизнью; не разъ перемѣщался центръ тяжести въ политическомъ мѣрѣ отъ одного народа къ другому. Перевороты этого рода проходятъ черезъ все девятнадцатое столѣтіе. Но многое происходило и на нашихъ глазахъ, такъ что въ какія нибудь тридцать, сорокъ лѣтъ политическое положеніе въ европейскихъ государствахъ и сама карта Европы измѣнились поразительнымъ образомъ.

Однимъ изъ такихъ крупныхъ политическихъ переворотовъ, происшедшихъ на нашихъ глазахъ, было политическое объединеніе Италіи. Страна, еще въ началѣ 1859 года раздѣленная между семью государствами (не считая двухъ крохотныхъ областей, и теперь самостоятельныхъ), изъ которыхъ одно было иностранное, въ концѣ 1870 года составляла единое государство съ двадцатью шестью милліонами населенія и заняла мѣсто въ числѣ великихъ державъ, которыя со времени Вѣнскаго конгресса (1815 г.) распоряжаются судьбами Европы. Переворотъ этотъ сопровождался важными со-

бытіями, внутренними и внѣшними. Онъ потребоваль прежде всего изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, что нанесло тяжкій ударъ застарѣлому деспотизму въ центральной Европѣ, остановило развитіе реакціонной политики Наполеона III, явившагося въ 1859 году на помощь Италіи, повело затѣмъ къ союзу Италіи съ Пруссіей, благодаря которому Австрія не только была окончательно (1866 г.) вытѣснена съ Апеннинскаго полуострова, но и потеряла свое мѣсто въ Германскомъ союзѣ. Завершиться же этотъ переворотъ могъ только тогда, когда вступившая въ роковую войну съ Германіей Франція была принуждена (1870 г.) вывести свои войска изъ Рима, который поэтому и могъ безъ труда быть занятъ (20-го сентября 1870 г.) итальянскими войсками и вслѣдъ затѣмъ сдѣлался столицей Италіи. Этотъ послѣдній шагъ къ объединенію Италіи былъ соединенъ съ новымъ фактомъ крупнѣйшаго значенія: съ лишеніемъ папы, главы католическаго міра, свѣтской власти, которою папскій престоль пользовался втеченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія. Фактъ лишенія папы престола свѣтскаго государя своею важностью безконечно превосходитъ важность изгнанія династій изъ Пармы, Модены, Тосканы и королевства обѣихъ Сицилій. Это было дѣло внутреннее и задѣвавшее чувствительно интересы развѣ одной Австріи, а измѣненіе въ положеніи папства—дѣло не столько внутреннее, сколько международное, притомъ же касающееся не одной Европы, а интересовъ двухъ сотъ милліоновъ католиковъ, разсѣянныхъ по государствамъ всѣхъ частей свѣта.

Такими крупными событіями въ политической жизни Европы сопровождалось объединеніе Италіи, прежде чѣмъ оно совершилось,—событіями, которыя ему помогали и его обусловливали. А затѣмъ начались его послѣдствія. Послѣдствія эти, правда, еще не могли проявиться во всей полнотѣ, такъ какъ со времени занятія итальянцами Рима не прошло еще и четверти столѣтія, и многое какъ въ нынѣшнихъ европейскихъ, такъ и во внутреннихъ итальянскихъ отношеніяхъ пока еще является запутаннымъ, но нѣкоторыя послѣдствія сказались немедленно. Самымъ важнымъ изъ нихъ было громкое утвержденіе принципа національностей, который сдѣлался въ нашемъ столѣтіи господствующимъ политическимъ принципомъ въ Европѣ и повелъ, съ одной стороны, къ политической эманципации разныхъ мелкихъ народовъ, съ другой—къ политическому объединенію такого выдающагося народа, какъ германскій. Хотя германское политическое единство было скрѣплено почти въ одно время съ занятіемъ итальянцами Рима, какъ столицы Италіи, но не подлежитъ сомнѣнію, что политическое объединеніе Италіи, состоявшееся въ главныхъ чертахъ еще за десять лѣтъ до занятія Рима, дало главный толчекъ къ осуществленію германскаго единства, сдѣлавъ стремленіе къ нему въ германскомъ народѣ неудержимымъ и заставивъ политическихъ вождей его воспользоваться

первымъ благопріятнымъ моментомъ для того, чтобы привести національную идею въ исполненіе. Образование же объединенной Германіи, совершившееся подъ формой военной имперіи, явилось событіемъ такой огромной важности въ Европѣ, что оно измѣнило теченіе международной жизни, чувствуется ежеминутно на всѣхъ европейскихъ отношеніяхъ и грозитъ въ ближайшемъ будущемъ новыми переворотами. Того политическаго прогресса въ жизни европейскихъ народовъ, который представлялся неразрывнымъ съ идеей политическаго возрожденія Италіи главнымъ апостоламъ этого возрожденія, объединенная Италія пока еще не внесла въ европейскую жизнь, а нѣкоторыя ея дѣянія, какъ, напримѣръ, ея африканская политика и вступленіе въ союзъ съ двумя центральными имперіями, даже прямо идутъ въ разрѣзъ съ принципами, во имя которыхъ совершалось ея національно-политическое возрожденіе. Но что самый фактъ италіянскаго единства, хотя и заслоненный теперь отчасти фактомъ германскаго объединенія, есть одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ европейской политической жизни нашего столѣтія, что онъ немедленно отразился на ходѣ дѣлъ въ международной политикѣ, давалъ себя чувствовать въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ во всѣхъ ея комбинаціяхъ и не останется безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу Европы,—это ясно для каждаго политическаго мыслителя.

Народы объединяются главнымъ образомъ для того, чтобы быть сильнѣе въ государственномъ отношеніи и легче отстаивать свою національную независимость отъ покушеній на нее другихъ народовъ. И дѣйствительно, нынѣшняя Италія, какъ всякій видитъ, стоитъ передъ другими державами совсѣмъ въ другой позѣ, чѣмъ въ какой стояли Сардинія, Неаполитанское королевство, не говоря о Тосканѣ, Моденѣ и Пармѣ. Нынѣшняя Италія есть великая держава, старающаяся стоять на равной ногѣ не только съ Австріей, въ глазахъ которой она еще недавно была лишь географическимъ терминомъ, но и съ самой Германіей, самой грозной военной державой въ Европѣ. Теперь она не только не заискиваетъ униженно у Франціи, не смѣя шагу ступить безъ ея позволенія, какъ то было еще во времена Кавура, но и по временамъ покрикиваетъ на свою бывшую покровительницу и даже имѣетъ поползновеніе вступить съ нею въ войну, какъ только явятся благопріятныя къ тому обстоятельства. У ней готова всякую минуту къ бою полумилліонная армія, какой не имѣлъ и Наполеонъ III, вступая въ бой съ Пруссіей, увлекшей за собой всю Германію,—армія, хорошо обученная, прекрасно вооруженная, хотя и не такъ хорошо дисциплинированная, какъ армія германская; у нея большой военный флотъ, имѣющій претензію, правда, не безъ помощи Англій, отнять у Франціи первенствующее положеніе въ Средиземномъ морѣ. Все это плоды политическаго объединенія.

Хорошіе плоды, что говорить! Но счастлива ли, обладая ими, Италия?—вотъ вопросъ.

Вопросъ этотъ стѣбитъ того, чтобы надъ нимъ задуматься. Внутреннее положеніе Италии въ данную минуту таково, что оно невольно обращаетъ на себя вниманіе. - Что оно не изъ завидныхъ, это знаютъ всѣ, кто читаетъ газеты. Но еще болѣе оно кажется незавиднымъ, когда смотришь на него ближе, наблюдая экономическую жизнь страны и политическій ходъ дѣлъ въ ней своими глазами, или изучая это положеніе въ произведеніяхъ мѣстной печати. Авторъ этихъ строкъ всю прошлую осень и зиму, а равно и часть весны, прожилъ въ Италіи, на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Апеннинскаго полуострова, наблюдалъ, читалъ, бесѣдовалъ по разнымъ вопросамъ съ людьми всякаго рода, но не всегда случайными. Онъ полагаетъ, что нѣсколько предлагаемыхъ имъ строкъ о нынѣшнемъ положеніи объединенной Италіи не будутъ лишены интереса для русскихъ читателей.

I.

Одинъ государственный человѣкъ Италіи, бывшій министръ, человѣкъ очень умѣреннаго образа мыслей, большой патріотъ и оптимистъ, обозрѣвая въ своей довольно объемистой брошюрѣ ¹⁾ нынѣшнее положеніе Итальянскаго государства, говоритъ, что онъ могъ бы заключительную главу своего труда озаглавить: Недовольство. Правда, онъ удержался отъ этого, частію, какъ онъ самъ заявляетъ, изъ скромности, частію изъ патріотизма, но, все-таки, какъ бы противъ воли произноситъ то слово, которое лучше всего опредѣляетъ внутреннее положеніе Италіи въ настоящую минуту. Дѣйствительно, недовольство есть самый характеристическій признакъ этого положенія, недовольство всеобщее, всюду раздающееся, всюду слышимое, всюду видимое, недовольство политическое, недовольство экономическое, недовольство общественное, недовольство во всѣхъ классахъ и положеніяхъ. Надъ всѣми недовольствами царитъ и поддерживаетъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности недовольство экономическое. Страна обременена налогами до того, что трудно уже придумать что либо новое въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ нужды государственныйя требуютъ новыхъ расходовъ, бумаги государственныйя и акціонерныя падаютъ, національное богатство, слѣдовательно, уменьшается, вывозъ произведеній страны сокращается, плата за трудъ уменьшается, работы сокращаются или и совсѣмъ пріостанавливаются, внутренняя тор-

¹⁾ Lo Stato Italiano nelle condizioni presenti. Sua separazione dalla Chiesa. Per un ex ministro. Torino, 1889.

говля приходитъ въ застой, эмиграція усиливается, количество нищихъ увеличивается, общественная безопасность уменьшается, ходящіе въ городахъ безъ дѣла многочисленными толпами рабочіе требуютъ хлѣба и по временамъ принимаютъ угрожающее положеніе. Этой массой накопившагося недовольства, питаемаго крупными ошибками правительства по внѣшней и внутренней политикѣ, пользуются враждебныя настоящему государственному строю партіи—клерикальная и республиканская, и поддерживаютъ недовольство политическое и общественное. Всѣ чего-то ждутъ, ждутъ переменъ; многіе опасаются за будущее. Вотъ какую картину долженъ былъ бы нарисовать въ заключеніи своей книги бывшій итальянскій министръ, если-бъ онъ не отказался отъ своей заключительной главы подъ указаннымъ имъ заглавіемъ, хотя мы должны еще присовокупить, что положеніе вещей съ октября 1889 года, когда онъ заключалъ эту книгу, значительно обострилось къ настоящему времени.

Еще въ первые годы итальянскаго объединенія, когда столица королевства была еще въ Туринѣ, во всей, поступившей подъ власть Виктора-Эммануила, Италіи можно было слышать жалобы на то, что налоги стали гораздо больше, что жить стало труднѣе. Оно и понятно. Война съ австрійцами за освобожденіе Ломбардіи, присоединеніе новыхъ областей въ средней и южной Италіи, усиленіе вооруженій для дальнѣйшаго освобожденія итальянской территоріи отъ иностранцевъ, все это стоило денегъ, которыя новому королевству надо было занимать, а по займамъ надо было платить проценты и погашеніе. Для этого приходилось устраивать новые налоги, которые были тѣмъ обременительнѣе, что сардинская система взиманія налоговъ была изъ самыхъ сложныхъ и дорого стоящихъ (14⁰/₀). Въ 1866 году возгорѣлась новая война съ австрійцами, и хотя она не принесла особенной славы итальянскому оружію, но стоила денегъ (372.000,000 франковъ). Даже военное занятіе Рима, при которомъ всѣ подвиги итальянской арміи ограничились ненужною брешью въ стѣнѣ Porta Pia, стоило 20 милліоновъ. Усмиреніе разбойничества въ южныхъ провинціяхъ также обошлось въ копейку (30.256,780 франковъ). Пришлось издержать на поддержку венеціанскихъ и римскихъ эмигрантовъ отъ 1860 до 1868 года тоже не мало (15.257,245 франковъ). Перенесеніе столицы изъ Турина сначала во Флоренцію, а потомъ въ Римъ обошлось также не дешево. Вообще въ десятилѣтіе своего освобожденія (1860—1870 г.) сдѣлано было Италіей экстраординарныхъ расходовъ 1.200,000,000 франковъ. По умѣренному расчету, послѣ окончательнаго утвержденія итальянскаго единства приходилось налоговъ до 45 франковъ на человѣка, тогда какъ римское населеніе при папахъ платило лишь 12¹/₂ франковъ на человѣка. Какъ ни страшно, однако, было отягощеніе населенія налогами въ пер-

вое время по занятіи Рима, тѣмъ болѣе, что казалось, что всѣ уже источники къ увеличенію государственныхъ доходовъ были исчерпаны ¹⁾, но увеличеніе налоговъ на этомъ не остановилось. Послѣ нѣкотораго промежутка въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда хроническій дефицитъ былъ уничтоженъ, и даже появилось превышеніе дохода надъ расходами (въ 1880 году оно достигло семи милліоновъ), желаніе Италіи играть роль большой державы, ея несчастная колониальная политика въ Африкѣ и особенно участіе въ тройственномъ союзѣ, наложившее на страну несоразмѣрныя съ ея силами тяжести, повысили ея налоги до такой цифры, какой они не достигаютъ пропорціально средствамъ въ самыхъ богатыхъ странахъ Европы. Теперь Италия платитъ, какъ говорилъ еще около двухъ лѣтъ назадъ въ Миланѣ Каваллотти своимъ избирателямъ ²⁾, 69% своего достатка, тогда какъ Франція платитъ 44, Англія 14, а Бельгія 12, и стала, по словамъ того же депутата, «истинною мученицей между народами, которой ничего болѣе не остается для обложенія, кромѣ воздуха». Ея государственный долгъ, который въ 1862 году составлялъ всего три съ половиною милліарда, въ 1867 году удвоился, въ 1877 году дошелъ до 11 милліардовъ съ половиною, въ 1891 году достигъ уже 14 милліардовъ. Ея бюджетъ, который былъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ 800—900 милліоновъ, теперь представляетъ цифру въ 1.600 милліоновъ, изъ которыхъ болѣе третьей части идетъ на военныя издержки. вмѣстѣ съ этимъ налоги за послѣднее десятилѣтіе возросли на 313 милліоновъ, такъ что въ 1890—1891 гг. страна, какъ не безъ ѣдкости замѣчаетъ дѣлающая эти вычисления миланская газета «Secolo» ³⁾, платила ежедневно чуть не на милліонъ больше налоговъ, чѣмъ сколько она платила въ 1880 году.

Хорошо было бы еще, еслибъ попутно съ этими налогами увеличивалось въ Италіи національное богатство; но этого въ настоя-

¹⁾ Интересна въ этомъ случаѣ статья «Times» отъ 24-го декабря 1871 года. Тамъ вслѣдъ за упрекомъ итальянскому правительству въ административной неспособности говорилось: «Нѣтъ источника доходовъ, котораго итальянцы въ эти немногіе годы конституціоннаго режима не исчерпали бы; нѣтъ почти гроша находящагося въ распоряженіи капитала, котораго бы они не бросили въ бездонный колодезь ихъ издержекъ. Всѣ государственный имуществва, значительнѣйшая часть церковной собственности, желѣзныя дороги, табачная монополія—все то, что иностранные капиталисты сочли за благо потребовать въ залогъ подъ заемъ денегъ, отдано. Лоттерея стала въ десять разъ больше производительною, чѣмъ когда нибудь была въ старой Италіи; соль, хлѣбъ, жалованье нисшихъ чиновниковъ (дурно оплачиваемыхъ), билеты государственнаго долга, находящіеся въ рукахъ иностранцевъ, все обложено пошлиной». беру эту цитату изъ книги: «Storia di un biennio. Considerazioni sui primi due anni del governo italiano in Roma, dell'Avv. Luigi Dubino. Roma, 1872. Pag. 121.

²⁾ См. брошюру: *L'Italia sotto Crispi e la democrazia. Pensieri di Felice Cavallotti etc.* Milano, 1891. Pag. 29.

³⁾ Отъ 14—15 марта 1892 года.

щее время нѣтъ. Я говорю въ настоящее время, такъ какъ еще недавно ростъ народныхъ сбереженій былъ гораздо больше, чѣмъ въ послѣдніе годы. Моментомъ быстрого уменьшенія этого роста было вступленіе въ управленіе, въ качествѣ министра-президента, Криспи (2-го іюля 1887 г.) и его союзъ съ Бисмаркомъ, подбитый недружелюбными отношеніями къ Франціи. Въ то время, какъ народныя сбереженія въ 1883—1886 гг. представляли среднюю годовую цифру около 113 милліоновъ, достигши въ 1886 г. 143 милліоновъ, въ 1877—1878 гг. (когда началось политическое хозяйничанье Криспи) они пали до 16 милліоновъ 800 тысячъ средней цифры, спустившись именно въ 1888 г. до 11 милліоновъ. Эта несчастная, или лучше, безразсудная политика Криспи, плоды которой теперь Италія пожинаетъ и которую, судя по его недавней палермской рѣчи, онъ самъ уже осуждаетъ, уронила всѣ денежные цѣнности въ странѣ, и потеря, оттуда происшедшая, только въ три года (1888—1890 г.), по исчисленію Каваллотти ¹⁾, равняется тремъ милліардамъ франковъ. Одна итальянская рента, павшая при немъ съ 103 на 95, дала въ три года потерю цѣлаго милліарда. Потомъ рента упала еще ниже: въ 1891 году она спустилась ниже 88 и поднялась не многимъ выше 90 лишь въ апрѣлѣ 1892 г. Бумаги Національнаго банка (Banca Nazionale), которыя стояли еще въ 1888 г. 2116, спустились въ 1889 г. на 2028, а въ 1890 г. уже на 1740, (въ апрѣлѣ 1892 г. онѣ стояли 1285); акціи Banca Romana въ апрѣлѣ 1888 г. ходили 1225, а въ апрѣлѣ 1889 г.—1130, въ октябрѣ 1890 г.—1047 (въ апрѣлѣ 1892 г. стоили всего 1001); акціи Banca Generale въ 1888 г.—663, въ 1889 г.—610, въ 1890 г.—470 (въ апрѣлѣ 1892 г.—260), и соотвѣтственно тому спустились и всѣ другія цѣнности ²⁾.

Такое паденіе денежныхъ цѣнностей ясно указывало на крупное финансовое и экономическое разстройство, которое стояло въ связи съ сокращеніемъ торговыхъ сношеній Италіи, особенно съ паденіемъ вывоза, какъ результатомъ разрыва франко-итальянскаго торговаго трактата въ 1888 г. Общая цифра международной торговли Италіи десять лѣтъ тому назадъ составляла 2.379 милліоновъ франковъ (1.227 ввоза и 1.152 вывоза); въ 1891 г. цифра эта, повышавшаяся до 1887 г. включительно (2.608 милліоновъ франковъ, или 1.606 ввоза и 1.002 вывоза), въ 1891 г. упала до 2.000 милліоновъ франковъ (1.122 ввоза и 878 вывоза), то-есть за четыре года въ международной торговлѣ Италіи произошло паденіе общей суммы на цѣлыя 6.000 милліоновъ франковъ, причемъ вывозъ ея

¹⁾ L'Italia sotto Crispi etc., p. 22.

²⁾ Въ министерство Джолитти, подъ влияніемъ слуховъ о сокращеніи бюджета, цѣнныя бумаги стали подниматься, и въ августѣ 1892 г. вышеозначенныя цѣнности на римской биржѣ котировались такъ: пятипроцентная рента 95, 65. Banca Nazionale 1350, Banca Romana 1015, Banca Generale 375.

упалъ съ 1.002 миллионѣвъ на 878, то-есть сократился на 124 миллиона. Но это паденіе не останавливается, а идетъ дальше. Опубликованныя за первые два мѣсяца 1892 г. данныя таможенныхъ сборовъ, которыя мнѣ пришлось прочесть еще въ Италіи, показывали уменьшеніе доходовъ на 5.565.490 франковъ сравнительно съ тѣмъ же періодомъ 1891 года.

Тяжелыя экономическія обстоятельства, въ которыя въ настоящее время поставлена страна, изнуряемая тяжестью налоговъ, обезсиливаемая сокращеніемъ вывоза своихъ продуктовъ за границу, паденіемъ курса денежныхъ цѣнностей, привели Италію къ обѣднѣнію, выражающемуся многими краснорѣчивыми фактами. Населеніе все болѣе и болѣе суживаетъ свои потребности, уменьшая потребленіе предметовъ даже первой необходимости, не говоря о роскоши. По изслѣдованіямъ Бенини, напечатаннымъ въ февральской книжкѣ «Giornale degli Economisti», оказывается, что съ 1884 по 1889 г. въ Италіи сократилось потребленіе муки и риса на 4%, виннаго спирта на 21%, кофею на 20%, сахару на 12%, табаку на 6%, керосина на 9%. Этимъ сокращеніемъ соотвѣтствуетъ и уменьшеніе валоваго сбора желѣзныхъ дорогъ за то же время на 9%. Для кого эти печальныя цифры, свидѣтельствующія не только объ уменьшеніи народнаго богатства, но и объ очень тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ вращается народная жизнь, не достаточно краснорѣчивы, тотъ можетъ обратить вниманіе на фактъ необыкновенно быстрого усиленія итальянской эмиграціи.

Трудность прокормиться, заработать въ своей странѣ достаточно средствъ для себя, для своей семьи и для удовлетворенія фиска, вездѣ приводитъ людей къ печальной необходимости покидать свою родину и искать счастья на чужбинѣ. Часть такихъ тружениковъ идетъ въ сосѣднія страны для заработка, часть отправляется за океанъ для поселенія на новомъ мѣстѣ. Тѣ изъ итальянцевъ, которыхъ знаютъ всѣ большіе города Европы, но которыхъ особенно много во Франціи, рано или поздно стараются вернуться на свою родину, къ своимъ семьямъ, которыя остаются дома. Тѣ же, которые плывутъ за океанъ, обыкновенно остаются тамъ навсегда, унося съ собою туда свое послѣднее достояніе. Иногда имъ удается хорошо устроиться и даже обогатиться вдали отъ родины, но не рѣдко они и пропадаютъ отъ незнакомства съ страной, отъ вреднаго климата, а еще больше по безсовѣстности агентствъ, занимающихся вербовкой эмигрантовъ. Для своей страны переселеніе въ чужія страны этихъ обыкновенно здоровыхъ и молодыхъ (большею частію отъ 20 до 40-лѣтняго возраста) людей представляетъ чистую потерю, тѣмъ болѣе, что съ ними уходитъ изъ нея и часть національнаго вещественнаго достоянія. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ легальная эмиграція изъ Италіи, то-

есть эмигранты, получившіе паспорта, заходила за 25,000 человекъ въ годъ (26,183 въ 1873 г.). Но эта цифра и тогда далеко не соотвѣтствовала дѣйствительной эмиграціи. Рядомъ съ эмигрантами, отправляющимися съ правильными паспортами изъ Генуи, существуетъ эмиграція тайная, которая еще въ 1869 г. доходила до 14,000. На этомъ основаніи Флоренцано въ своемъ изслѣдованіи объ итальянской эмиграціи въ Америку полагалъ среднюю цифру итальянскихъ эмигрантовъ за океанъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ 50,000 человекъ¹⁾. Въ 1878 г. итальянская статистика отмѣчала уже 96,000 эмигрантовъ; въ 1887 г. уже 215,000, а въ 1888 г. цифра эта доходила до 300,000.

Но отправляются искать поселеній за морями преимущественно люди деревни, люди не только трудолюбивые, но и бережливые, скопившіе трудомъ или составившіе себѣ продажей собственности извѣстный капиталецъ, необходимый для путевыхъ издержекъ и обзаведенія хозяйствомъ на мѣстахъ новаго поселенія. Для массы городскихъ рабочихъ, привыкшихъ жить изо дня въ день и обыкновенно ничего не имѣющихъ, переселеніе въ далекія страны гораздо труднѣе по осуществленію и рискованнѣе по результатамъ, и потому она остается дома, выжидая болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, и даже увеличивается деревенскими ремесленниками, не находящими работы въ своемъ мѣстѣ. Она-то, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и представляетъ самый печальный элементъ итальянскаго общества. При застоѣ въ дѣлахъ, вызванномъ общимъ обѣднѣніемъ, тысячи, десятки тысячъ пролетаріевъ большихъ городовъ не находятъ себѣ работы и не знаютъ, что дѣлать, чтобы выйти изъ критическаго положенія. Такимъ образомъ открылась и въ Италіи широкая дорога для развитія социалистическаго движенія, котораго лѣтъ 15—20 назадъ тамъ почти совсѣмъ не было, и на отсутствіе котораго еще въ семидесятыхъ годахъ съ удовольствіемъ указывала итальянская публицистика. Теперь это движеніе распространилось всюду въ Италіи и представляетъ уже опасность для общественнаго спокойствія. Долго тянувшійся въ Римѣ процессъ по безпорядкамъ 1-го мая 1891 года достаточно показалъ, какими стремленіями движутся вожаки этой голодной массы, все болѣе и болѣе увеличивающейся. Въ прошлую зиму, холодную въ Сѣверной Италіи и голодную вездѣ по причинѣ сокращенія работъ, особенно въ Римѣ, гдѣ, за недостаткомъ средствъ, пріостановились почти всѣ общественныя работы по перестройкѣ и расширенію столицы, итальянское правительство имѣло много хлопотъ для поддержанія общественной безопасности въ виду уси-

¹⁾ Della emigrazione italiana in America, comparata alle altre emigrazioni europee. Studi e proposte per l'avvocato Giovanni Florenzano. Napoli. 1874. P. 127.

ливавшагося волненія между незанятыми рабочими. Въ Римѣ массы голодныхъ собирались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, для обсужденія своего отчаяннаго положенія, посылали депутатовъ къ министрамъ, бросались къ властямъ муниципальнымъ и, нигдѣ не находя облегченія своему положенію, являлись передъ дворцомъ короля и сотнями голосовъ кричали: «ѣсть хотимъ!» (abbiamo fame). Правительство, понимая серьезность положенія, согласилось возстановить нѣкоторыя работы и дѣйствительно въ концѣ января дало занятіе нѣсколькимъ сотнямъ каменщиковъ и землекоповъ, обѣщая по мѣрѣ надобности и возможности открывать новыя работы, и въ то же время не малое количество рабочихъ было отправляемо на родину. Но такъ какъ обѣщанія относительно новыхъ работъ не исполнялись, то въ февралѣ положеніе въ Римѣ стало рѣшительно тревожнымъ, хотя Никотера и задерживалъ отправлявшіяся въ провинціальныя и иностранныя газеты телеграммы, въ которыхъ находилъ слишкомъ мрачныя краски. Еще на митингѣ 3-го февраля, который былъ одинъ изъ самыхъ бурныхъ, говорилось: «У насъ нѣтъ работы, нѣтъ хлѣба для насъ и семействъ нашихъ; правительство, которое находитъ денегъ для всего остальнаго, не имѣетъ ихъ для доставленія намъ работы и водить насъ за носъ ложными обѣщаніями. Слѣдовательно, намъ предстоитъ умирать; но въ такомъ случаѣ смерти отъ голода мы предпочитаемъ смерть отъ свинца; если насъ не слушаютъ, пойдемъ на площадь пролить нашу кровь» ¹⁾. Къ счастью, дѣло до пролитія крови не дошло, а все ограничивалось шумомъ, неважными столкновеніями съ полиціей, протестами, да распространеніемъ нищенства. Было, впрочемъ, не мало случаевъ открытаго грабежа на улицахъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ. Былъ случай (18 февраля) попытки, въ отсутствіе начальника полиціи, отнять ружье у берсальера, стоявшаго на караулѣ у зданія парламента, но это повело лишь къ удвоенію караула и къ нѣсколькимъ арестамъ. Въ бурномъ засѣданіи палаты депутатовъ 19-го февраля министръ внутреннихъ дѣлъ Никотера считалъ себя въ правѣ заявить, что нѣтъ основаній опасаться вооруженнаго столкновенія съ рабочими, и что у массы пролетаріата нѣтъ къ тому охоты (такъ какъ въ возбужденіяхъ къ бунту не было недостатка). Но что положеніе было, все-таки, серьезно, это несомнѣнно: такимъ считали его газеты всѣхъ партій, о немъ свидѣтельствовали принятыя правительствомъ мѣры къ поддержанію порядка, на него отчасти указывала и необыкновенная убыль въ эту зиму иностранцевъ, составляющихъ одну изъ самыхъ важныхъ статей дохода для обитателей вѣчнаго города. Собственно для иностранцевъ была въ этомъ рабочемъ движеніи чувствительна лишь стачка извозчиковъ, вслѣдствіе которой Римъ

¹⁾ Capitale, 3 февраля 1892 г.

втеченіе нѣсколькихъ дней (отъ 24 до 28 декабря) оставался безъ другихъ средствъ коннаго сообщенія, кромѣ омнибусовъ да нѣсколькихъ десятковъ экипажей, доставленныхъ товариществомъ омнибусовъ, причеиъ, въ огражденіе сѣдковъ и кучеровъ этихъ экипажей отъ насилій со стороны стачниковъ, на козлахъ вмѣстѣ съ кучерами возсѣдали полицейскіе. Гораздо чувствительнѣе этихъ неприяностей для иностранцевъ въ Римѣ ночныя безобразія на улицахъ, эти неумолкающія пѣсни пьяныхъ или вообще гулящихъ ватагъ, заставляющія поминутно просыпаться,—безобразія, которыхъ не допускаетъ ни одна полиція въ Европѣ, но противъ которыхъ римская полиція оказывается положительно безсильною ¹⁾).

Таково экономическое и полицейское состояніе Италіи въ послѣдніе годы. Посмотримъ теперъ, каково ея политическое состояніе.

II.

Начавшаяся въ августѣ 1870 года война Франціи съ Германіей заставила Наполеона III отозвать изъ Рима пятнадцатитысячный корпусъ французскихъ войскъ, стоявшій тамъ гарнизономъ для защиты папы. Вслѣдъ затѣмъ сорокъ тысячъ итальянскихъ солдатъ подъ предводительствомъ генерала Кадорны двинулись къ Риму. 20-го сентября 1870 года, послѣ продолжавшейся пять часовъ перестрѣлки съ папскими войсками, была сдѣлана брешь въ стѣнѣ Porta Pia, и въ столицу папы стала входить армія короля Италіи. Входила она туда не въ качествѣ защитника неприкосновенности святаго престола, на который жители Рима, и по уходѣ французскихъ солдатъ, не дѣлали никакого нападенія, а въ качествѣ непріятели, который долженъ былъ лишитъ главу католической церкви свѣтской власти, а столицу католическаго міра сдѣлать столицей Итальянскаго королевства подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

Масса римскаго населенія, долго страдавшая подъ невыносимымъ политическимъ гнетомъ безконтрольнаго правительства, измученная шпіонствомъ и полицейскими строгостями, все усиливавшимися по мѣрѣ приближенія опасности присоединенія Рима къ Италіи, приняла какъ своихъ возвращавшихся вмѣстѣ съ итальянскою арміей эмигрантовъ, такъ и самыя войска Виктора-Эммануила, съ энтузіазмомъ. Энтузіазмъ этотъ, охватывая все большую и большую часть населенія, повелъ къ тому, что Пій IX поспѣшилъ освободитъ свое войско отъ присяги, чтобы предупредить возмож-

¹⁾ Въ августѣ 1892 года газеты говорили о появленіи даже разбойничества къ сѣверу отъ Рима, причеиъ было сдѣлано нападеніе на почту и пассажирскій почтовый дилижанса между Витербо и Тосканеллой.

ность ея нарушенія. Такимъ образомъ, упорная иллюзія римскаго духовенства, до послѣдней минуты выражавшаго увѣренность, что дѣло не дойдетъ до отнятія итальянцами Рима у папы, падала сама собой передъ лицомъ очевиднаго факта, и постановленіе итальянскаго парламента, сдѣланное еще въ 1861 году при Кавурѣ, о томъ, что Римъ долженъ быть столицей Италіи, осуществлялось на дѣлѣ. И дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль, какъ Римъ достался Итальянскому королевству не только въ силу завоеванія его генераломъ Кадорной, но и по рѣшенію самого римскаго населенія. 2-го октября 1870 года произошло народное голосованіе (плебисцитъ), въ которомъ 40.785 голосовъ было подано за присоединеніе къ единой Италіи; противныхъ ему голосовъ было насчитано всего 40. Отказываясь отъ папскаго управленія, Римъ сдавался итальянскому королю безъ всякихъ условій (другія итальянскія столицы такъ не поступали), что повело потомъ ко многимъ непріятнымъ столкновеніямъ между дѣйствіями новаго правительства и интересами римскаго населенія: идя подавать свои голоса на Капитолій, римляне какъ бы не имѣли никакого другого желанія и никакихъ интересовъ, кромѣ политическаго присоединенія къ общему отечеству и поступленія «подъ конституціонную власть Виктора-Эммануила II и его наслѣдниковъ», «*sotto il costituzionale governo di Vittorio Emanuele II e suoi successori*», какъ это значитъ и въ капитолійской надписи, сдѣланной по этому случаю.

Присоединеніе Рима къ Итальянскому королевству было, конечно, естественнымъ шагомъ итальянскаго государственнаго объединенія, достиженіемъ цѣли, къ которой королевство это, провозглашенное 17-го марта 1861 года въ Туринѣ, стремилось постоянно, не смотря на видимое противодѣйствіе революціоннымъ попыткамъ Гарибальди, объявивъ Римъ законною столицей Италіи. Но оно совершилось какъ-то втихомолку, будучи заглушено шумомъ громкихъ событій франко-прусскаго войны, поглощавшей собой тогда все вниманіе образованнаго міра. Между тѣмъ это было событіе первостепенной важности, въ которомъ была заинтересована не одна Италія. Не будь этой ужасной войны 1870 года, не будь этой грозной седанской катастрофы, присоединеніе Рима къ Итальянскому королевству не совершилось бы такъ просто. Не говоря уже о томъ, что въ Римѣ стоялъ бы французскій гарнизонъ, который, еслибъ на него было сдѣлано нападеніе, былъ бы поддержанъ всѣмъ могуществомъ Франціи, на пути къ присоединенію Рима стояли важныя, казавшіяся непреодолимыми, затрудненія. Въ Римѣ жилъ и управлялъ имъ законный государь, состоявшій въ правильныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ со всѣми державами, всѣми признаваемый, какъ неоспоримый глава государства. Ни въ самомъ городѣ, ни въ его области не было возстанія подданныхъ, какъ это было въ Мархіяхъ и Умбріи, пожелавшихъ присоединиться къ ко-

ролевству Виктора-Эммануила. Въ стѣнахъ его было много недовольныхъ отжившими правительственными формами, отсутствіемъ свободы печати, отсутствіемъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ народныхъ представителей, какъ это уже повсюду установилось въ западныхъ европейскихъ государствахъ и считалось азбукой новой государственной жизни; но было много и довольныхъ, не желавшихъ никакой политической перемѣны. Парма, Модена, Флоренція, Неаполь, были заняты итальянскими войсками уже послѣ того, какъ оттуда удалились прежніе государи, подъ давленіемъ народнаго недовольства ихъ управленіемъ. Тутъ же государь и не думалъ двигаться съ мѣста, считая свою столицу для другого государства неприкосновенною. Онъ зналъ къ тому же, что конвенціей съ французскимъ правительствомъ 15-го сентября 1864 года итальянское правительство обязалось не дѣлать покушенія на Римъ, какъ на законное достояніе папы, и что лишь въ силу этого обстоятельства Франція согласилась тогда вывести свои войска изъ Рима. Если черезъ три года она ввела ихъ снова въ вѣчный городъ, то это потому, что, не смотря на означенную конвенцію Франціи съ итальянскимъ правительствомъ, гарибальдійцы сдѣлали снова попытку овладѣть Римомъ, за чтò и потерпѣли отъ французовъ жестокое пораженіе при Ментавѣ (1867 г.). Папа съ своей стороны войны итальянскому правительству не объявлялъ, какъ не объявляло ему войны и итальянское правительство. Такимъ образомъ съ международной точки зрѣнія походъ на Римъ генерала Кадорны и вступленіе въ него черезъ пробитую брешь въ стѣнѣ Porta Pia были незаконны и при нормальныхъ обстоятельствахъ Европы были бы невозможны. Но этого мало. Папа былъ не просто итальянскій государь: онъ былъ глава католическаго міра. Поэтому Римъ не былъ только столицей его владѣній, но онъ былъ и есть столица всего католическаго міра, у котораго къ этой столицѣ, къ ея святынямъ, къ ея древнѣйшимъ памятникамъ христіанства, къ находящимся въ ней религіознымъ учрежденіямъ, къ существующему въ ней главному управленію церковью существуетъ ближайшее отношеніе. Слѣдовательно, лишити этой столицы папу и сдѣлать ее столицей Итальянскаго королевства значило лишити ее характера всемірной столицы католичества. Ясно, что въ такомъ вопросѣ заинтересованными сторонами являются не только папа, какъ итальянскій государь, и Итальянское королевство, но и католическія державы. Поэтому присоединеніе Рима къ итальянскому королевству не могло произойти безъ согласія другихъ державъ, не могло быть внутреннимъ итальянскимъ дѣломъ, а могло быть лишь актомъ международнымъ.

Но ни одно изъ этихъ соображеній не остановило итальянскаго правительства. Оно воспользовалось первымъ удобнымъ въ матеріальномъ отношеніи случаемъ къ приведенію въ исполненіе на-

ціонального рѣшенія и взяло Римъ, какъ свою законную добычу. Оно овладѣло въ сентябрѣ 1870 г. Римомъ лишь потому, что почувствовало въ себѣ матеріальную силу овладѣть имъ. Сила эта, правда, была подкрѣплена и нравственною силою, т. е. національнымъ итальянскимъ стремленіемъ, желаніемъ самихъ римлянъ ввести у себя свободныя учрежденія, какими пользовалась уже вся остальная Италия, сочувствіемъ либеральнаго общественнаго мнѣнія въ Европѣ; но она не была подкрѣплена силой легальной, силой международнаго права. Это обстоятельство и создало для Италии роковой папскій вопросъ, который выражается, во-первыхъ, въ не прекращающихся протестахъ главы католической церкви противъ причиненнаго ему насилія, во-вторыхъ, въ непризнаніи законности для Италии владѣнія Римомъ со стороны многихъ милліоновъ католиковъ другихъ державъ и, въ-третьихъ, въ непризнаніи этой законности сильнымъ меньшинствомъ населенія самой Италии, которое продолжаетъ видѣть въ папѣ единственно законнаго владыку Рима и такъ же, какъ и остальной католическій міръ, находитъ, что совершенно лишенный свѣтской власти преемникъ св. Петра не можетъ свободно исполнять своихъ обязанностей главы католической церкви.

Папскій вопросъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ нашего времени, служитъ для новой великой державы въ Европѣ источникомъ большой слабости. Онъ подтачиваетъ непрерывно ея внутреннія силы и является тормазомъ для ея внѣшняго вліянія.

Коль скоро значительная часть гражданъ не признаетъ законности установленнаго порядка, то это не можетъ не отражаться на стройности и правильности отправленій всей государственной жизни, не можетъ не ослаблять всего государственнаго тѣла. Въ Италии это прежде всего отражается въ томъ, что католики, приверженцы папы, не принимаютъ никакого участія въ законодательной жизни государства, не являясь на политическіе выборы и не принимая на себя депутатскихъ полномочій. *Né eletti, né elettori!* Но эта часть гражданъ не есть, однако, для государства какъ бы атрофированная часть его организма: нѣтъ, она живетъ среди этого организма, пользуясь его отправленіями, но не даетъ ему своихъ соковъ и представляетъ собой нѣчто ему чуждое, даже враждебное. Она руководится духовенствомъ, которое, будучи враждебно существующему порядку вещей въ своей странѣ, не признавая его законности, считаетъ своею обязанностью твердить при всякомъ случаѣ, и временнѣ и безвременнѣ, и съ церковной каюедры и внѣ ея, въ той или другой формѣ, что новый порядокъ вещей въ Италии незаконенъ, что церковь въ этой странѣ находится въ угнетеніи, религія въ преслѣдованіи, а глава церкви, лишенный своего законнаго достоянія, находясь въ заключеніи, не можетъ свободно отправлять своихъ высокихъ обязанностей, что это составляетъ

важный ущербъ для духовныхъ интересовъ не только Италіи, но и всего христіанства, и что поэтому надо ждать, желать, надѣяться, домогаться, возвращенія преемнику апостола Петра Рима, который былъ достояніемъ римскихъ первосвященниковъ втеченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтія. Такъ какъ Италія страна свободная, и слѣдовательно стѣснить этихъ тайныхъ и публичныхъ проявленій вражды къ установившемуся государственному порядку, не смотря на строгости новаго уголовного кодекса (1890), нельзя, и такъ какъ католическое духовенство, превосходно дисциплинированное, дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи дружно и настойчиво, то легко себѣ представить, что нравственный вредъ этого неустаннаго и всюду развѣтвленнаго протеста не можетъ быть маловажнымъ для государства. Онъ поддерживаетъ въ значительной части населенія мысль, что нынѣшній порядокъ вещей въ Италіи не проченъ, что не сегодня-завтра онъ будетъ измѣненъ,—мысль, которая всегда и вездѣ была червемъ, подтачивающимъ государственную крѣпость. Населеніе, на которое съ своей стороны въ такомъ же духѣ дѣйствуютъ разныя крайнія партіи противоположнаго клерикализму лагеря, приучается къ неуваженію правительства, къ несочувствію его цѣлямъ, планамъ и распоряженіямъ. Такъ какъ за одно съ духовенствомъ смотритъ на вещи и значительная часть аристократіи (римская почти поголовно), то убѣжденіе въ незаконности или всячески въ ненормальности существующаго государственнаго порядка укореняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ непріязненное отношеніе въ странѣ къ правительству находитъ себѣ поддержку и оправданіе.

Особенно рельефно все это выдѣляется въ самомъ Римѣ. Для римскихъ патриціевъ итальянскій король въ Римѣ какъ бы не существуетъ. Они поддерживаютъ дѣятельныя связи съ Ватиканомъ, но, за малыми исключеніями, знать не хотятъ Квиринала, предоставляя его разнымъ выскочкамъ, провинціаламъ и жадному до королевскихъ ужиновъ чиновничеству. Рядомъ съ патриціатомъ идутъ въ этомъ отчужденіи отъ итальянскаго правительства, равно какъ и отъ принадлежащихъ ему учреждений, разные другіе видныя и вліятельныя люди, между прочимъ, и ученые. Когда явившіеся въ Римъ «итальянцы» захватили въ свои руки академію Линчевей, назвавши ее королевскою, 14 членовъ этой древнѣйшей академіи наукъ въ Европѣ тотчасъ же ее оставили и образовали новую (или, если угодно, стали продолжать самостоятельно старую), которая попрежнему называется папскою (pontificia) и продолжаетъ труды прежней, какъ бы не произошло съ ней никакого инцидента. Для множества римлянъ король, его министры, чиновники, являются до сихъ поръ пришельцами, о которыхъ они говорятъ съ отчужденіемъ, съ пренебреженіемъ, съ гримасами, обращая взоры къ Ватикану, гдѣ у нихъ сочувствіе, любовь, надежды. Того энтузіазма, съ какимъ было встрѣчено 20 сентября

1870 г. вступление въ Римъ итальянскихъ войскъ, нѣтъ теперь у коренныхъ римлянъ (Romani di Roma) и слѣда. Онъ исчезъ подъ вліяніемъ обидъ, причиненныхъ имъ пришельцами, которые стали распоряжаться въ чужомъ городѣ, какъ хозяева, обнаруживая заносчивость и жадность, подъ вліяніемъ неуваженія ихъ къ римскимъ обычаямъ, сравнительной грубости нравовъ, ухудшенія экономическихъ условій, непомернаго увеличенія налоговъ, общаго обѣднѣнія. Гнетъ папскаго управленія забыть, осталось воспоминаніе о блескѣ церковныхъ празднествъ, о десяткахъ тысячъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Римъ, чтобы видѣть торжество папскаго служенія, о мягкости налоговъ, о развлеченияхъ, доставлявшихся народу римскими патриціями, обо всемъ томъ, чего теперь нѣтъ и въ поминѣ. Папа теперь публично не служитъ, нигдѣ внѣ Ватикана не показывается; иностранцевъ, оставившихъ въ Римѣ въ былое время добрыхъ 15—20 милліоновъ за зиму, пріѣзжаетъ все меньше и меньше, что лишаетъ мелочную промышленность значительнаго денежнаго оборота; римскіе патриціи, какъ бы продолжая трауръ по лишенію папы свѣтской власти, или не живутъ въ Римѣ, или не принимаютъ участія въ жизни сдѣлавшагося для нихъ чужимъ города. Захвативъ Римъ, савойская династія нравственно его себѣ еще далеко не завоевала. Министерства, начальство, полиція, пожалуй и масса пришлаго населенія, настоящая чернь, просящая хлѣба и не находящая его въ мѣру своей потребности,—все это принадлежитъ завоевателямъ; но памятники величавой древности, многочисленныя святины, музеи и катакомбы, дворцы и виллы, архивы и библіотеки—все, чѣмъ великъ и красенъ Римъ, для чего пріѣзжаютъ въ него тысячи и тысячи иностранцевъ, принадлежитъ, если не всегда фактически, то нравственно не имъ, а кореннымъ римлянамъ, которые, какъ и пріѣзжающіе иностранцы, обращаютъ свой взоръ не къ Квириналу, гдѣ имъ нечего видѣть, кромѣ королевскихъ конюшенъ (помѣщаемыхъ теперь въ списокъ достопримѣчательностей Рима), а къ Ватикану, гдѣ собраны несравненные памятники искусства, и гдѣ все полно великолѣпія для вѣрующихъ и невѣрующихъ. Куда это въ извѣстные дни тянутся необозримымъ рядомъ сотни или даже тысячи каретъ одна за другою съ нарядно одѣтыми дамами и кавалерами? Къ Квириналу? Никогда!.. Онѣ тянутся черезъ мостъ св. Ангела, мимо превращеннаго въ крѣпость Адріанова мавзолея, къ Ватикану, гдѣ папа въ открытомъ засѣданіи консисторіи посвящаетъ когонибудь въ кардиналы, или по какому либо случаю служитъ у себя обѣдню въ Сикстинской капеллѣ. Смотри на эту притягательную силу жилища «ватиканскаго узника», невольно чувствуется, что и теперь Римъ нравственно принадлежитъ папѣ, а не королю Италіи, о которомъ приверженцы Ватикана иногда не безъ язвительности замѣчаютъ, что это—человѣкъ, наименѣе имѣющій значенія въ Римѣ.

Ослабляя Итальянское королевство внутренне, нерѣшенность папскаго вопроса связываетъ его по рукамъ и по ногамъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Не прекращающіеся протесты папы хотя и не ведутъ къ вмѣшательству въ его дѣло со стороны иностранныхъ державъ, но не остаются безъ вліянія на положеніе итальянскаго правительства среди другихъ державъ и на дипломатическія къ нему отношенія. Не даромъ до сихъ поръ ни одинъ государь, кромѣ молодого германскаго императора, не посѣтилъ итальянскаго короля въ Римѣ, да и посѣщеніе Рима Вильгельмомъ II, какъ ни капризенъ этотъ государь, было обставлено такъ, что невольно констатировано ненормальное положеніе короля Италіи въ его новой столицѣ. Первый визитъ былъ сдѣланъ императоромъ, всетаки, папѣ, и притомъ въ каретѣ и на лошадахъ, нарочно привезенныхъ изъ Берлина. Австрійскій императоръ и не думаетъ отдавать итальянскому королю стараго визита, котораго слуги королевства напрасно ждутъ, не смотря на то, что Италія и Австрія считаются союзными державами. Подобныя обстоятельства сильно подрываютъ престижъ итальянскаго короля въ населеніи и служатъ хорошимъ оружіемъ борьбы противъ монархіи въ рукахъ республиканской партіи. Но если государи Европы, не вступаясь за папу, всетаки, свидѣтельствуютъ о ненормальности существующихъ въ Римѣ съ конца 1870 года отношеній, то въ средѣ католическихъ народовъ не прекращаются громкія заявленія о необходимости возвращенія преемнику св. Петра Рима, какъ его законнаго наслѣдія. Такого рода заявленія не разъ дѣлались на католическихъ съѣздахъ въ Бельгіи, въ Австріи, въ Германіи, въ Англии, во Франціи, въ самой Италіи, въ Испаніи, равно какъ и въ заатлантическихъ республикахъ Южной Америки, не говоря о протестахъ, постоянно заявляемыхъ многочисленными паломниками со всѣхъ странъ католическаго міра въ самомъ Римѣ, — протестахъ, выражающихся устно и письменно и причиняющихъ итальянскому правительству иногда не малыя затрудненія¹⁾. Какъ бы ни холодно правительства относились къ вопросу о свѣтской власти папы и какъ бы ни были они враждебны усиленію клерикализма въ ихъ странѣ, они не могутъ не принимать въ расчетъ чувствъ значительнаго числа своихъ согражданъ, а это не можетъ не отражаться на ихъ отношеніяхъ къ итальянскому правительству.

¹⁾ Одно изъ такихъ затрудненій доставила итальянскому правительству исторія въ церкви Пантеона 2-го октября 1891 года, когда однимъ изъ французскихъ паломниковъ въ росписной книгѣ близъ гробницы Виктора-Эммануила было сдѣлано заявленіе въ пользу свѣтской власти папы, показавшееся оскорбительнымъ для памяти «великаго короля». Возникшія по этому поводу грубыя уличныя сцены со стороны римской черни по отношенію къ попадавшимъ навстрѣчу паломникамъ очень болѣзненно отозвались въ сердцѣ преданнаго католицизму населенія Франціи и повели къ рѣзкимъ парламентскимъ запросамъ. Впрочемъ, никто изъ серьезныхъ и свѣдущихъ людей въ Римѣ не думаетъ, что въ этомъ случаѣ римская чернь дѣйствовала *propter motu*...

Отнимая у папы Римъ, итальянское правительство, конечно, исполняло національную волю, на сколько она выражалась постановленіемъ парламента и неоднократными попытками партіи дѣйствія завладѣть городомъ, безъ котораго итальянское единство немыслимо. Король Викторъ-Эммануиль и его министры были увѣрены, что и сами римляне примутъ итальянское войско, какъ своего освободителя, и что если клерикальная партія, противившаяся съ самаго начала образованію Итальянскаго королевства подъ скипетромъ Савойской династіи, объявитъ ему, по вступленіи его въ Римъ, войну еще болѣе непримиримую, то съ этимъ напередъ надо считаться, какъ съ однимъ изъ тѣхъ внутреннихъ затрудненій, безъ которыхъ не могло состояться единство Италіи. Но король, министры и парламентъ понимали и то, что тутъ надо считаться не съ внутренними только затрудненіями, но и съ внѣшними. Поэтому нужно было такъ или иначе успокоить католическій міръ увѣреніемъ, что потеря свѣтской власти, связанная съ присоединеніемъ Рима къ Итальянскому королевству, не влечетъ за собою никакого ущерба для папы, какъ для главы католической церкви, что въ этомъ отношеніи онъ можетъ исполнять свои обязанности такъ же свободно и независимо, какъ въ то время, когда онъ былъ свѣтскимъ государемъ. Въ этихъ видахъ былъ предложенъ парламенту и принятъ имъ такъ называемый законъ о гарантіяхъ (обнародованъ 13-го мая 1871 г.).

Этимъ закономъ личность папы объявлялась, какъ личность государя, священною и неприкосновенною; назначалась ему почетная гвардія для его охраны и для блеска его званія; предоставлялось право принимать посланниковъ иностранныхъ государствъ, равно какъ и самому посылать къ нимъ таковыхъ же; предоставлялась свобода созывать синоды, соборы и т. п.; объявлялась неприкосновенность территоріи его городскихъ и загородныхъ дворцовъ (за исключеніемъ, конечно, Квиринала, сдѣланнаго резиденціею короля); гарантировалась свобода отъ таможенныхъ пошлинъ, свободное пользованіе почтой и телеграфомъ; обезпечивались разныя другія права и вольности, и, сверхъ всего этого, назначалось ежегодное содержаніе въ три милліона франковъ слишкомъ (3.225.000). Гарантіи эти такого рода, что, пересчитывая ихъ одну за другой, нельзя не придти къ заключенію, что, хотя папа и лишенъ свѣтской власти, для него сдѣлано все, чего только можно желать, въ обезпеченіе неприкосновенности его высокаго достоинства, какъ главы католической церкви, и въ обезпеченіе независимости отправленія имъ его священныхъ обязанностей. Съ этимъ соглашаются и сами противники Итальянскаго королевства, то-есть соглашаются съ тѣмъ, что принятый итальянскимъ парламентомъ и скрѣпленный королемъ законъ о гарантіяхъ надѣляетъ папу всевозможными почестями и обезпеченіями. Они только не соглашаются придавать

ему какое либо серьезное значеніе, они надъ этимъ закономъ просто смѣются. «Когда Магометъ II,—пишетъ «Voce della verità»¹⁾, одна изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ газетъ католическаго лагеря въ Римѣ,—завладѣль Константинополемъ, то обнародовалъ законъ о гарантіяхъ для тамошняго греческаго патріархата... Такъ же и итальянская революція, по завоеваніи Рима, продиктовала законъ о гарантіяхъ и думала, что она можетъ подчинить церковь и ея главу видамъ своего завоеванія. Но Римъ—не Византія; на Ватиканской скалѣ оберегается свобода, съ каковою Христосъ сдѣлалъ насъ свободными; въ сердцѣ папы—духъ Божій и въ немъ же священный и высокій духъ истинной свободы. Римскій первосвященникъ отвергъ, какъ оскорбленіе для христіанскаго права, законъ, продиктованный силой побѣдителя, и законъ этотъ упалъ, какъ досадное затрудненіе, на руки тѣхъ самыхъ людей, которые его соорудили». «Законъ этотъ,—пишетъ далѣе газета,—есть насмѣшка, съ какою революція привѣтствуетъ своего плѣнника, онъ есть багряница изъ лохмотьевъ и скипетръ изъ тростника, которыми завоеватели Рима предлагаютъ намѣстнику Христа, крича ему: Здравствуй, царь (ave rex!)» Совершенно въ такомъ же духѣ выражаются по данному вопросу и другіе публицисты этого лагеря. Вотъ мѣсто для примѣра: «Даютъ званіе государя чело-вѣку безъ подданныхъ, даютъ багряницу, даютъ скипетръ, багряницу и скипетръ, точь-въ-точь похожіе на тѣ, какіе были даны въ насмѣшку во время страданія Христу его распинателями, которые, называя его своимъ царемъ, прибываютъ этотъ титулъ на томъ самомъ крестѣ, гдѣ онъ виситъ, пригвожденный между двумя разбойниками, привѣтствуемый царемъ: ave, rex Judaeorum! Если бы нужно было искать сюжеть, способный вызывать смѣхъ, то нельзя было бы найти лучшаго, какъ законъ о гарантіяхъ, со включеніемъ (да будетъ миръ съ ними!) законодателей, которые его придумали и одобрили»²⁾.

Почему же съ такимъ рѣшительнымъ пренебреженіемъ католическая партія и ея публицисты относятся къ закону о гарантіяхъ, который неоспоримо ставитъ папу въ положеніе почетное и предоставляетъ ему такія права и привилегіи, какихъ не имѣетъ въ Европѣ ни одинъ представитель какой бы то ни было церкви?

Да потому, что законъ этотъ, въ глазахъ папы и его приверженцевъ, во-первыхъ, незаконенъ, а, во-вторыхъ, возвѣщаемыя въ немъ гарантіи ничего въ сущности не гарантируютъ.

«Чтобъ законъ имѣлъ силу, прежде всего требуется, чтобы онъ изданъ былъ законною властью, а эта послѣдняя должна быть ком-

¹⁾ Отъ 19-го декабря 1891 г.

²⁾ Sul dominio temporale dei papi. Chi ha ragione, il re, o il papa? Opuscolo di C. S. Roma. 1891. P. 62.

патентна; законъ долженъ относиться къ предмету позволительному, не противному законамъ естественнымъ, нравственнымъ, религіознымъ или божественнымъ; долженъ касаться подданныхъ законодателя, а не чужестранцевъ, то-есть такихъ людей, которые могутъ подлежать ему; долженъ быть постояненъ, вѣченъ и не быть подверженнымъ капризу; долженъ быть всеобщъ, ясенъ, направленъ ко благу всѣхъ; долженъ быть скрѣпленъ достаточной санкціей и законнымъ образомъ обнародованъ»¹⁾.

Поставивъ такія требованія отъ закона, противъ которыхъ, пожалуй, мало что можно возразить, авторъ только что указаннаго въ выноскѣ сочиненія «О свѣтскомъ владычествѣ папъ» спрашиваетъ²⁾: какимъ же изъ этихъ необходимыхъ качествъ закона удовлетворяетъ законъ о гарантіяхъ?

Оказывается, никакому. И, во-первыхъ, законъ изданъ итальянскимъ правительствомъ, будучи проведенъ имъ въ парламентѣ, за сѣдавшемъ въ Римѣ, гдѣ имѣетъ резиденцію папа, лишенный насильственно престола государь, который требуетъ возвращенія своихъ правъ и въ силу ихъ протестуетъ, что всякое дѣйствіе находящагося въ Римѣ другого правительства не законно и не имѣетъ силы. Правда, оговаривается указанный католическій публицистъ, по новому праву насильственное присоединеніе, скрѣпленное плебисцитомъ, законно; но право, замѣчаетъ онъ, старое ли, новое ли, можетъ вытекать только изъ справедливости, которая вѣчна. Что же касается плебисцита, то это изобрѣтеніе древнихъ римлянъ не можетъ быть причиной права, а можетъ имѣть дѣйствіе его, да и то лишь тогда, когда плебисцитъ признанъ или утвержденъ закононою властью (въ древнемъ Римѣ сенатомъ); но если бы даже плебисцитъ и могъ быть самъ по себѣ закономъ, то «не годится вмѣстѣ съ этимъ устанавливать, что царства, имперіи, короны и династіи можно перемѣнять при каждомъ шумѣ листьевъ, такъ какъ нѣтъ болѣе подвижной вещи,—и, можетъ быть, она подвижнѣе тростинки, колеблемой вѣтромъ,—какъ народная воля». Во-вторыхъ, гдѣ же у свѣтскаго правительства компетентность издавать законы, касающіеся дѣлъ церковныхъ, «въ высокой степени церковныхъ», каковы дѣла, касающіяся главы церкви, хотя бы даже его отношенія къ государству? Это все равно, какъ если бы церковь стала издавать законы, касающіеся короля, арміи, морской службы, военныхъ кораблей, офицеровъ, ихъ повышенія, наказанія преступниковъ, взаимныхъ отношеній между гражданами. Можетъ ли быть рѣчь о компетентности свѣтской власти позволять или запрещать папѣ пользоваться своимъ словомъ, обнародывать законы относительно проповѣдей, постовъ, соборовъ, браковъ, таинствъ, назна-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem, p. 63.

ченій епископовъ и т. п., позволять имѣть общеніе съ иностранцами, не запрещаемое даже и частнымъ лицамъ, писать, посылать телеграммы, имѣть неприкосновенность жилища, признаваемую даже варварами, и много другихъ вещей, которыя свѣтская власть или не въ силахъ запретить, еслибъ и хотѣла, или которыя совсѣмъ не подлежатъ ея компетенціи?

Изданный незаконною въ Римѣ властью, притомъ по предмету, въ которомъ свѣтская власть вообще не компетентна, еслибъ даже она была и законна, законъ о гарантіяхъ,—разсуждаетъ далѣе защитникъ свѣтской власти папы,—не можетъ имѣть силы и потому, что касается вещей, явно непозволительныхъ. Развѣ позволительно лишать папу власти свѣтскаго государя? Развѣ позволительно опредѣлять границы власти всемірной, свободной и независимой, по своей природѣ, отъ какой бы то ни было другой власти? Развѣ не бессмыслица позволять папѣ на основаніи чловѣческаго права (*de jure humano*) то, что принадлежитъ ему по праву божественному (*de jure divino*)? Такимъ образомъ законъ о гарантіяхъ не можетъ быть законенъ уже и потому, что разсуждаетъ о вещахъ, относительно которыхъ мірскому законодательству вообще разсуждать не подобаетъ.

Далѣе, какой же это законъ, когда онъ не имѣетъ силы заставить повиноваться себѣ того, для кого онъ изданъ? Развѣ можно помѣшать папѣ, обязанность котораго обращаться съ своимъ словомъ и декретами къ цѣлому міру, развѣ можно помѣшать ему говорить, издавать постановленія? Позволять ему это все равно, что позволять пользоваться даромъ лучами солнца, а запрещать это есть то же самое, что мѣшать заслоняющему свѣтъ тѣлу давать позади себя тѣнь или тѣлу, близкому къ огню, нагрѣваться. И послѣ этого, — восклицаетъ панскій публицистъ, — вы называете себя законодателями!

Какъ видитъ читатель, законъ о гарантіяхъ, попавъ подъ молотъ папской логики, послѣ двухъ-трехъ ударовъ разбитъ ею окончательно, такъ что останавливаться на немъ дольше можетъ показаться дѣломъ уже совсѣмъ не нужнымъ. Но намъ кажется, что эта замѣчательная своеобразность папскихъ разсужденій, ихъ побѣдоносный, всесокрушающій тонъ до того интересны, что уже это одно заставляетъ насъ не лишать читателя удовольствія познакомиться и съ дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ. Итакъ, пойдѣмъ далѣе.

Поставивъ однимъ изъ необходимыхъ свойствъ каждаго закона постоянство, неизмѣнность, даже вѣчность, папскій публицистъ спрашиваетъ: какое постоянство можетъ имѣть законъ, истекающій отъ конституціоннаго правительства? Каждый министръ можетъ предложить его измѣненіе; небольшое число депутатовъ можетъ рѣшить вопросъ объ измѣненіи его какъ въ формѣ, такъ

и въ содержаніи. Развѣ уже не было говорено въ итальянскомъ парламентѣ о необходимости этихъ измѣненій? Папскій публицистъ могъ бы прибавить, что въ настоящее время все громче и громче раздаются на Monte Citorio голоса въ пользу совершенной отмѣны закона о гарантіяхъ.

Каждый законъ долженъ быть направленъ къ общему благу. А можетъ ли считаться направленнымъ къ общему благу законъ, стремящійся дать матеріальному благу господство надъ благомъ нравственнымъ, духовнымъ и религіознымъ?

Законъ долженъ быть ясенъ. Но тутъ ясно и даже очень ясно лишь то, что хотятъ связать церковь и ея главу, а затѣмъ тамъ и сямъ видны недоговорки, ограниченія, дающія поводъ къ различнымъ толкованіямъ, которыя всегда могутъ быть направлены къ ограниченію сдѣланныхъ уступокъ. Вѣдь кто, въ случаѣ несогласнаго пониманія сторонъ, будетъ судьей между ними? Будетъ, конечно, государство, издавшее законъ, которое будетъ такимъ образомъ и стороной и судьей. Гдѣ же въ такомъ случаѣ гарантія непристрастности?

Что же касается до санкціи, безъ которой нѣтъ закона, то кто далъ ее закону о гарантіяхъ? До сихъ поръ онъ оставался мертвой буквой, хотя итальянское правительство, съ своей стороны, и пыталось дѣлать его примѣненія. Примѣненія эти, говоря правду, оно пыталось дѣлать до сихъ поръ въ пунктахъ благопріятныхъ папѣ. Но кто поручится за будущее?

Законъ долженъ быть правильнымъ образомъ обнародованъ. Но можетъ ли быть рѣчь о правильномъ обнародованіи закона, имѣющаго по существу своему международный характеръ, а между тѣмъ обнародованнаго лишь какъ законъ, составленный для внутреннихъ потребностей Италіи? Законъ о гарантіяхъ въ пользу папы естественно долженъ былъ бы быть одобренъ, по крайней мѣрѣ, католическими державами, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ должны были бы взять на себя обязанность быть судьями между папой и итальянскимъ правительствомъ въ случаяхъ разногласія между ними относительно толкованія самаго закона.

Такимъ образомъ, по заключенію католическаго публициста, законъ о гарантіяхъ не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ условий, которыя бы дѣлали его настоящимъ закономъ, а потому для всякаго должно быть понятно, что папа не могъ и не можетъ на него смотрѣть, какъ на нѣчто обезпечивающее его независимость въ отправленіи своихъ обязанностей, и перестать протестовать передъ католическимъ міромъ противъ причиненнаго ему насилія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разногласія между публицистами католическаго лагеря. Всѣ они заявляютъ, что законъ о гарантіяхъ не есть настоящій законъ, который, съ одной стороны, былъ бы правленъ по формѣ, а съ другой — созидаль бы для папы, какъ

главы католической церкви, дѣйствительныя гарантіи свободы и независимости въ исполненіи его обязанностей. И нельзя сказать чтобы возраженія ихъ были лишены основанія.

«Есть ли этотъ законъ,—спрашиваетъ одинъ генуэзскій публицистъ ¹⁾,—законъ государственный, или онъ есть международный договоръ?»

«Законъ о гарантіяхъ, чудовищный гермафродитъ, не есть ни то, ни другое, не есть ни внутренній, ни внѣшній законъ, ни законъ частнаго, ни законъ публичнаго права.

«Онъ не есть законъ внутренній: внутреннему закону обыкновенно подчиняется гражданинъ, а папа не есть гражданинъ, такъ какъ самъ этотъ законъ дѣлаетъ его государемъ и, прикрывая его правомъ экстерриториальности, ставитъ его внѣ государства. Теперь я спрашиваю: можетъ ли быть нелѣпость больше той, чтобы законъ, составленный въ извѣстномъ государствѣ и только гражданами этого государства, имѣлъ силу внѣ этого государства и надъ гражданами, къ нему не принадлежащими?»

«И какая можетъ быть бѣлая нелѣпость, чѣмъ законъ, который, будучи составленъ въ извѣстномъ государствѣ, создаетъ прерогативы верховной власти (*le sovranità*) внѣ этого самаго государства? И создаетъ притомъ верховную власть, которая, оставаясь таковою, находится отъ этого государства въ зависимости. Въ силу какого права это дѣлается?»

«Но пойдемъ еще дальше. Верховная власть, такимъ образомъ происшедшая, есть настоящая, или не есть настоящая (*vera*): если она настоящая, то всякій видитъ, что, такъ какъ главное требованіе государей есть право составлять и отмѣнять законы, созданная верховная власть можетъ свободно кассировать законъ о гарантіяхъ и издать для себя свой собственный; или эта верховная власть—не настоящая, въ такомъ случаѣ законъ о гарантіяхъ нелѣпъ, какъ такой, который порождаетъ прерогативы верховной власти, которыя не суть таковыя.

«Но, можетъ быть, это международный трактатъ? Нисколько! Онъ не есть трактатъ, потому что для составленія трактата, который затѣмъ становится контрактомъ, требуются двѣ договаривающіяся стороны, а здѣсь договаривающійся одинъ: здѣсь на лицѣ одно только итальянское правительство, которое составляетъ законъ, не заботясь о папѣ, даже противъ его воли. Кто же послѣ этого осмѣлится видѣть здѣсь трактатъ?»

Итальянцы, какъ извѣстно, во всѣ вѣка были хорошими юристами. Но королевскіе юристы видимо должны уступить преимущество папскимъ. Эти провести себя никому не позволять.

¹⁾ Mastro Rollino dall'Aquila, Religione e patria, ovvero della costituzione di un partito politico cattolico ed italiano. Genova, 1887, p. 19.

Пусть, наконецъ, этотъ законъ о гарантіяхъ будетъ законъ правильный по формѣ; въ такомъ случаѣ, разсуждаютъ католики, опять-таки позволительно спросить: что же собственно онъ гарантируетъ? Да ровно ничего,—отвѣчаютъ они. Какія гарантіи можетъ дать законъ, который одна и та же власть и издаетъ, и толкуетъ, и приводитъ въ исполненіе? Что можетъ помѣшать итальянскому правительству измѣнить статьи этого закона, если того потребуетъ большинство парламента? Что можетъ удержать отъ нарушенія его, если то будетъ внушено правительству требованіями государственнаго интереса, для чего всегда можетъ быть выдвинута впередъ *salus publica*, именемъ которой можно заставить замолчать всѣ возраженія? Да если бы даже итальянское правительство и искренно хотѣло исполнять законъ и оставаться вѣрнымъ ему при всякихъ обстоятельствахъ, факты показываютъ, что оно не въ состояніи защитить даже неприкосновенность папы, гарантируемую этимъ закономъ. Нападеніе римской черни на похоронную процессію Пія IX и угроза ея бросить тѣло покойнаго въ Тибръ, всюду продаваемыя въ Римѣ карикатурныя и грязныя фотографіи, изображающія папу, оскорбительныя статьи въ газетахъ, не встрѣчающія отпора со стороны королевской власти, рѣзкія выходки нѣкоторыхъ членовъ парламента противъ особы римскаго первосвященника не показываютъ, чтобъ эта статья закона о гарантіяхъ была строго соблюдаема. Помѣшалъ ли, далѣе, законъ о гарантіяхъ захвату сотни римскихъ монастырей, помѣшалъ ли онъ захвату имущества конгрегаціи пропаганды и превращенія его въ ренту, такъ что теперь конгрегація эта должна стучать въ двери итальянскаго правительства, чтобъ получать свои собственные средства, необходимыя для существованія? Какъ были, наконецъ, охранены достоинство и права папы 2-го октября 1891 г., когда, съ одобренія правительства, была собрана римская чернь и направлена противъ паломниковъ, когда она, втеченіе двѣнадцати часовъ, нападая на путешественниковъ на улицахъ, угрожая имъ въ гостинницахъ, бѣгая по всему городу, кричала: «Смерть паломникамъ! Смерть папѣ!»¹⁾

Заключеніе отсюда ясно: принятъ такой законъ, подчиниться ему было бы ни съ чѣмъ несравнимое униженіе для папы, и онъ поступаетъ вѣрно и съ достоинствомъ, когда отказывается отъ всякихъ сдѣлокъ съ итальянскимъ правительствомъ, равно какъ и отъ ассигнуемаго ему болѣе чѣмъ трехмилліоннаго содержанія, и не перестаетъ заявлять, что только возстановленіе свѣтской власти въ состояніи оградить независимость римскаго первосвященника въ отиравленіи его священныхъ обязанностей.

¹⁾ «Voce della verita» отъ 10-го декабря 1891 г.

III.

При такомъ взглядѣ на законъ о гарантіяхъ, раздѣляемомъ безъ исключенія всей католической іерархіей, естественно, что папа не только не перестаетъ протестовать противъ захвата его владѣній, но и постоянно думаетъ о средствахъ къ возвращенію утраченной свѣтской власти, безъ которой ни самъ онъ, ни вдохновляемые римской куріей публицисты, не видятъ ни достойнаго существованія для преемника апостола Петра, ни возможности для него исполнять вполне свободно свои обязанности, какъ главы католической церкви. Протестуетъ онъ прямо или косвенно при всякомъ случаѣ: въ энцикликахъ, въ консисторскихъ аллокуціяхъ, въ посланіяхъ къ епископамъ, въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, во всякаго рода обращеніяхъ къ вѣрнымъ католикамъ, посѣщающимъ «ватиканскаго узника». Когда папа молчитъ, за него говорятъ другіе. Скорбятъ о положеніи св. отца епископы Италіи, Франціи, Бельгіи, Австріи, Германіи, Англіи, Испаніи и проч., протестуютъ противъ незаконнаго занятія Рима итальянскимъ королемъ католическіе съѣзды, собираются ли они въ Антверпенѣ, въ Мюнхенѣ, въ Кобленцѣ, въ Сарагоссѣ, въ Майнцѣ или въ другихъ мѣстахъ; говорятъ о необходимости вернуть Римъ папѣ католическіе ораторы въ австрійскомъ, германскомъ и другихъ парламентахъ; протестуютъ въ церквяхъ проповѣдники, протестуютъ въ своихъ собраніяхъ повсюду устроиваемыя католическія общества.

Но дѣло не ограничивается одними протестами. Принимаются мѣры къ возвращенію утраченнаго, къ измѣненію порядка, установленнаго въ 1870 году итальянскимъ вторженіемъ. Но какъ вернуть утраченное, какъ измѣнить порядокъ вещей, столь глубоко, повидимому, вошедшій въ общій строй европейскаго положенія и еще болѣе связанный съ судьбою объединенной Италіи? Средствами къ этому могутъ быть, съ одной стороны, иностранное вмѣшательство, съ другой—внутренній переворотъ въ Италіи.

Самое простое средство было бы прямое иностранное вмѣшательство, при помощи котораго Пій IX былъ возстановленъ на престолѣ въ 1850 году. Но гдѣ найдется теперь Наполеонъ III, который бы рѣшился не только водворить папу, но и поддерживать его своими войсками? Здѣсь можетъ быть расчетъ только на случай большой европейской войны, въ которой Италія будетъ разбита, единство ея уничтожено, и въ заключеніе которой возстановленіе папы на престолѣ является естественнымъ актомъ со стороны побѣдителя. Расчетъ этотъ несомнѣнно до нѣкоторой степени существуетъ въ клерикальномъ лагерѣ, хотя громко и не высказывается ни въ самомъ Ватиканѣ, ни въ католической публицистикѣ, которая, напротивъ, даже дѣлаетъ видъ, что совершенно

устраняетъ его. Но эта комбинація—очень гадательнаго свойства, и потому въ Ватиканѣ, гдѣ умѣютъ все такъ хорошо взвѣшивать, не предаются большимъ иллюзіямъ на счетъ вооруженнаго иностраннаго вмѣшательства. Не многимъ больше тамъ надеждъ и на дипломатическое вмѣшательство католическихъ державъ. Равнодушное допущеніе послѣдними занятія Рима въ 1870 году до сихъ поръ еще производитъ угнетающее дѣйствіе на римскую курію, а также и на публицистическихъ защитниковъ папы, какъ только они подумаютъ объ иностранномъ дипломатическомъ вмѣшательствѣ, хотя они и знаютъ и говорятъ, что съ того времени симпатіи къ папѣ увеличились въ правительствахъ не только странъ католическихъ, но и протестантскихъ, каковы Германія и Англія. Единственная услуга, на которую они могутъ почти безошибочно рассчитывать со стороны дипломатическихъ канцелярій католическихъ державъ, это—недопущеніе Италіи до грубаго нарушенія правъ папы, какъ главы католической церкви. Но и въ этомъ отношеніи правительства, о которыхъ идетъ рѣчь, проявили бы энергію не столько по собственной инициативѣ, сколько подъ давленіемъ католическихъ чувствъ населеній своихъ государствъ.

Понимая положеніе дѣла, римская курія обращаетъ теперь все вниманіе на возбужденіе симпатій къ папскому престолу въ народныхъ массахъ, къ пробужденію въ нихъ сознанія, что въ лицѣ лишеннаго свѣтской власти и ограбленнаго папы страдаетъ вся католическая церковь, страдаетъ христіанская религія. Въ этомъ духѣ неустанно говорятъ въ церквахъ всего католическаго міра проповѣдники, въ этомъ духѣ говорятъ католическіе ораторы на митингахъ, въ немъ исключительно пишутся статьи католическихъ газетъ и издаются брошюры, эти именно мысли внушаются массамъ всякій разъ, какъ въ обращеніи къ нимъ рѣчь заходитъ о Римѣ и о находящемся тамъ въ печали «ватиканскомъ узникѣ». Пропаганда эта не ограничивается только вкорененіемъ сознанія, что занятіемъ Рима итальянцами церковь поставлена въ недостойное положеніе, но соединяется съ внушеніемъ, что такое положеніе требуетъ измѣненія, что измѣненіе это необходимо въ интересахъ церкви, которая до тѣхъ поръ будетъ связана въ своемъ дѣйствіи, пока папа не будетъ возстановленъ, какъ свѣтскій государь, пока ему не будетъ возвращено въ цѣлости наслѣдіе апостола Петра. А чтобы пропаганда этой идеи не ослабѣвала, для этого во всѣхъ странахъ увеличивается число католическихъ обществъ, которыя должны и поддерживать и въ другихъ вѣрующихъ, и сами выражать собою жизнь католической идеи, связанной съ освобожденіемъ папы отъ узничества черезъ возвращеніе ему Рима и свѣтской власти. Главнымъ центромъ этого движенія является, какъ и всегда, Франція, гдѣ въ концѣ 1891 года образовался въ Парижѣ даже особый комитетъ, *comité des droits du pape*, который

обратился къ католикамъ всего міра, приглашая ихъ пристать къ этой новой ассоціаціи и поддержать ее своими усиліями. Для вступленія въ члены ея требуется не больше 30 сантимовъ (7¹/₂ коп.) въ годъ, а между тѣмъ программа дѣятельности комитета задумана въ самомъ широкомъ объемѣ: лекціи, съѣзды, паломничества, петиціи къ государственнымъ властямъ всѣхъ католическихъ странъ о возстановленіи церкви принадлежащаго ей наслѣдія. Говоря объ этомъ, радостномъ для католиковъ, событіи, главная католическая газета Рима, «Voce della Verita» (отъ 8—9 декабря 1891 года), съ удовольствіемъ приводитъ для своихъ читателей слѣдующее мѣсто изъ парижской католической газеты «Univers», гдѣ и появилось воззваніе новаго католическаго комитета. «Нужно, чтобы въ католическихъ народахъ всѣми средствами поддерживалась бдительность относительно состоянія подчиненности, до котораго доведенъ викарій Иисуса Христа. Нужно, чтобы посредствомъ все болѣе и болѣе громкихъ протестовъ правители нашей и другихъ странъ были поставлены въ извѣстность на счетъ высокаго интереса, какой имѣетъ для католиковъ свобода папы, и затѣмъ были приглашены сговориться между собой о томъ, чтобы возвратить верховному первосвященнику его свободу». Такова господствующая цѣль этихъ католическихъ обществъ, всюду въ Западной Европѣ образуемыхъ и дѣйствующихъ подъ неусыпнымъ окомъ той же римской куріи.

Предоставляя другимъ народамъ вести агитацію передъ своими правительствами въ пользу возстановленія свѣтской власти папы, Ватиканъ обращаетъ въ послѣдніе годы особое вниманіе на организацію католическихъ силъ въ самой Италіи. Цѣль онъ имѣетъ при этомъ ту же самую: возвращеніе папству наслѣдія св. Петра, то-есть удаленіе итальянскаго правительства изъ Рима. О необходимости сплоченія, соединенія, организованнаго дѣйствія къ достиженію этой цѣли, неустанно говорятъ теперь проповѣдники, газеты и брошюры. На первомъ планѣ стоятъ тутъ проповѣдники. Кто не бывалъ въ Римѣ или другихъ городахъ Италіи и не слышалъ знаменитыхъ въ данную минуту проповѣдниковъ, тотъ не можетъ представить себѣ, какое это могучее орудіе католической церкви къ распространенію идей, составляющихъ въ ней злобу дня, и къ вліянію на общество. Авторъ этихъ строкъ не одинъ разъ присутствовалъ въ церкви del Gesù, роскошной іезуитской церкви неподалеку отъ Капитолія, на проповѣдяхъ главнаго въ настоящее время оратора іезуитскаго ордена, padre Zocchi. Нужно было забираться заранѣе въ эту огромную, вмѣщающую въ себя тысячи народу, церковь, чтобы найти мѣсто для сидѣнья, когда долженъ былъ говорить этотъ мощный проповѣдникъ. Церковь наполнялась быстро и почти исключительно избранной публикой. Такъ сильно было обаяніе проповѣдника! И о чемъ же говорилъ

о. Цокки? Да все о папѣ, о папствѣ, объ его величїи въ прошедшемъ, объ его приниженомъ состоянїи въ настоящемъ, объ его несокрушимомъ будущемъ. Папа и папство—это альфа и омега проповѣдей моднаго іезуитскаго оратора. И эта, повидимому, до крайности избитая тема не только не надоѣдала слушателямъ, но привлекала къ нему все больше и больше вниманїя. Говорилъ ли онъ о томъ, что Италия своимъ спасенїемъ послѣ крушенїя Западной Римской имперїи, даже своимъ нынѣшнимъ существованїемъ, обязана папству, или о необходимости приготовиться къ достойному празднованїю пятидесятилѣтняго епископскаго юбилея Льва XIII, или о лептѣ для преемника ап. Петра, или, наконецъ, о томъ, что, среди приближающихся грозныхъ событїй на европейскомъ горизонтѣ, можетъ все обрушиться, все погибнуть, но несомнѣнно устоитъ и возвысится папство, какъ якорь всемірнаго спасенїя,— онъ былъ одинаково интересенъ и производилъ на своихъ слушателей одинаковое обаянїе. Во всемъ, что онъ ни говорилъ, слышался чловѣкъ идеи, которую онъ проповѣдуетъ съ любовью, со страстью, видѣнъ былъ чловѣкъ, который этой идеѣ посвятилъ свою жизнь, которой онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнитъ, за которую онъ готовъ, если нужно будетъ, и положить свою голову. Поэтому въ его рѣчахъ, какъ бы часто ни повторялась на его языкѣ одна и та же тема, ничто не казалось банальнымъ, а все казалось естественнымъ, все было такимъ, что другимъ оно какъ бы и быть не могло. Онъ обращался къ уму, онъ обращался къ сердцу своихъ слушателей, и всегда находилъ въ нихъ отзывчивыя струны, находилъ готовность слѣдовать за нимъ, повиноваться его руководству. Вотъ такой-то, между прочимъ, ораторъ явился проповѣдникомъ необходимости организациі католическихъ силъ, ихъ объединенїя, подчиненїя единому руководству. Цокки выступилъ ораторомъ идеи организациі католическихъ силъ для борьбы за восстановленїе свѣтской власти папы еще въ 1890 году на католическомъ съѣздѣ въ Лоди, гдѣ онъ говорилъ: «Соединимъ наши силы: вотъ самое пылкое желанїе, вотъ самая настоятельная нужда итальянскихъ католиковъ, если они хотятъ соперничать съ своими братьями по ту сторону Альпъ и по ту сторону моря, и дать міру дивныя зрѣлища вѣры, какія были даны на съѣздахъ въ Антверпенѣ, въ Лютихѣ, Кобленцѣ, Сарагоссѣ. *Nos opus, hic labor.* Къ этому нужно всѣмъ постоянно стремиться, на этомъ нужно настаивать. Важно не разсѣиваться, бѣгая къ знаменамъ, къ манипуламъ по всѣмъ лугамъ, бросааясь туда и сюда, гдѣ только заблеститъ новый огонекъ, или останавливаясь у каждаго новаго очажка для согрѣванїя, тогда какъ *Italia Cattolica*¹⁾ дрожитъ окоченѣлая отъ холода. Вѣдь дѣло

¹⁾ Названїе центрального католическаго общества.

«Истор. вѣстн.», январь, 1893 г., т. LI.

въ томъ, что насъ, воинствующихъ католиковъ, не слишкомъ много, и потому намъ нужно оставаться всѣмъ соединенными и связанными въ одной мысли, въ одномъ дѣйствіи, съ одной цѣлью передъ глазами, чтобъ ея достигнуть, рано или поздно, во что бы то ни стало, восполняя численность компактностью и согласіемъ, которое добавляетъ, умножаетъ силы, дѣлаетъ ихъ во сто разъ больше. *Viribus unitis!*²⁾).

Вотъ этотъ-то первоклассный ораторъ, на проповѣдь котораго всякій разъ торопливо стекается римская публика, пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ говорить уже не на сѣздѣ католиковъ, а съ высоты своей церковной кафедрѣ о необходимости для католиковъ соединяться для борьбы за папу, за его вѣковыя права на Римъ, или, какъ тамъ принято выражаться, за наслѣдіе св. Петра (*Patrimonio di S. Pietro*). Особеннымъ и постояннымъ поводомъ къ тому служить теперь приготовленіе къ юбилею Льва XIII, падающему на февраль 1893 года. Для организаціи достойнаго празднованія этого юбилея католикамъ необходимо совѣщаться, сходиться, поддерживать болѣе живыя взаимныя сношенія. У католическихъ кружковъ и обществъ явилась такимъ образомъ ближайшая цѣль для совокупнаго дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость слѣдовать общему руководству, которое и возложено на центральную исполнительную комиссію, подъ руководствомъ монсиньора Джакомо Радина-Тедески. Образованіе этой исполнительной комиссіи одобрено самимъ папой, что выразилось въ официальномъ его посланіи отъ 18-го января 1892 года къ своему «возлюбленному сыну» съ возвѣщеніемъ въ немъ апостольскаго благословенія и всѣмъ членамъ комиссіи. Сила вліянія этой центральной комиссіи сказалась тотчасъ же, образовались многочисленные комитеты дѣйствія, не только мужскіе, но и женскіе. Въ римскихъ газетахъ то и дѣло встрѣчаются воззванія этихъ комитетовъ и обратившихся въ комитеты католическихъ обществъ, между которыми первенствуетъ *Società primaria Romana per gli interessi cattolici*, общество, предсѣдательствуемое графомъ Пьянчани. Всѣ эти воззванія говорятъ о необходимости выразить въ большой демонстраціи любовь и преданность «намѣстнику Іисуса Христа и общему отцу вѣрующихъ», какъ, напримѣръ, выражается аристократическій комитетъ римскихъ дамъ въ своемъ воззваніи отъ 20-го декабря 1891 года. Такимъ образомъ пущена въ ходъ дѣятельность всей римской знати, которая теперь не пассивно, а активно проявляетъ свои чувства горести по поводу насилія, учиненнаго итальянскимъ правительствомъ по отношенію къ папѣ, какъ законному государю Рима. Въ февралѣ 1893 года на-

²⁾ G. Faust Pucci, *L'unione delle forze cattoliche in Italia*. Roma, 1891, pp. 47—48.

добно ожидать демонстраціи необыкновеннаго рода, въ которой рядомъ съ депутаціями отъ католическихъ обществъ цѣлаго міра, вся римская знать громко и торжественно выскажетъ, какъ она огорчена судьбою папы, лишеннаго престола, причемъ болѣе или менѣе прозрачно выразитъ надежду, что это горе католической церкви будетъ продолжаться не долго.

Но воинствующіе католики служатъ дѣлу возстановленія свѣтской власти папы не однѣми демонстраціями. Оставшимся вѣрными католикамъ въ Италіи не дано «ватиканскимъ узникомъ» позволенія вмѣшиваться въ политическую борьбу участіемъ въ парламентской жизни страны, дабы это участіе не было сочтено за признаніе законности существующаго съ 1870 года порядка дѣлъ; но дѣлать все, чтò можетъ располагать народъ въ пользу папства, ихъ прямая обязанность. Въ настоящее время передъ ними разстилается огромное поле дѣятельности. Католическая церковь обнаружила явное стремленіе овладѣть рабочимъ движеніемъ, которое вмѣсто того, чтобы сдѣлаться социалистическо-анархическимъ, должно стать демократически-христіанскимъ. Этимъ стремленіемъ и вызвана была замѣчательная папская энциклика *Novum regum*, отъ 15-го мая 1891 года, энциклика «О положеніи рабочихъ» (*De conditione orificum*), прямо заявившая, что рабочій вопросъ, самый жгучій вопросъ нашего времени, не можетъ быть рѣшенъ внѣ церкви, безъ ея руководства и спасительнаго участія.

Еще недавно католическая церковь въ Италіи, видя страданія рабочаго, эксплуатируемаго капиталистомъ, часто совѣмъ не находящаго работы, нерѣдко при видѣ своихъ полунагихъ и голодныхъ малютокъ раздираемаго отчаяніемъ, не находила для него другого утѣшенія, кромѣ религіи и обѣщанія мзды на небесахъ. Въ этомъ отношеніи стѣбитъ припомнить то, чтò самый популярный проповѣдникъ въ Италіи, очаровательный, гениальный ораторъ, францисканскій монахъ о. Августинъ, говорилъ въ одной изъ своихъ великопостныхъ проповѣдей въ 1890 году въ Миланѣ.

«Есть въ мірѣ классъ людей, къ которому поочередно, съ странной перемѣной, обращаются поклоненіе и презрѣніе, ненависть и любовь, классъ людей, который былъ для общества попеременно залогомъ спасенія или гибельной опасностью, принципомъ жизни или элементомъ дезорганизаціи, классъ людей, нужды, стремленія и чаянія котораго въ высшей степени занимаютъ экономистовъ, философовъ, политиковъ, истинныхъ друзей отечества, человечества. Поднимается единодушный крикъ: вотъ вопросъ дня, вопросъ капитальный, вопросъ социальный!

«Вы уже понимаете, чтò это за классъ людей, предметъ вашей, какъ и нашей любви. Это—бѣдный классъ рабочихъ. Рабочій находить, это правда, великодушныя сердца, которые благородно трудятся надъ поднятіемъ его достоинства; но у него нѣтъ недо-

статка и во врагахъ, которые, угнетая ли, или обольщая его, одинаково хотятъ принести его въ жертву.

«Къ первому классу этихъ враговъ принадлежатъ промышленники-материалисты: они вмѣсто того, чтобы видѣть въ рабочемъ брата, созданнаго на служеніе Богу, видятъ въ немъ орудіе, предназначенное на служеніе имъ, машину изъ плоти и костей для обогащенія человѣка. Когда машина изнасилась, ее перемѣняютъ; такъ и они, когда у рабочаго нѣтъ больше для службы имъ пота и крови, его бросаютъ.

«Другіе враги тѣ, которые, будучи слишкомъ слабы, чтобы надъ нимъ господствовать, хотятъ усилиться его силой и сегодня его обманываютъ, чтобы воспользоваться имъ завтра.

«Кто истинный другъ рабочаго? Тотъ, кто открываетъ ему его истинное достоинство. На всякой ступени общественной іерархіи чувство достоинства составляетъ потребность, подкрѣпленіе. Кто же открываетъ рабочему его истинное достоинство? Быть можетъ, литераторъ, экономистъ, философъ, политикъ? Нѣтъ... истинный другъ рабочаго—религія; она одна можетъ его утѣшить, она одна можетъ поднять его къ достоинству, которое принадлежитъ ему. Рабочій, говоритъ религія, ты великъ, и знаешь ли, почему? Потому, что Богъ, источникъ всякаго величія, не далъ ни одному общественному классу столько чести быть подобнымъ ему, сколько рабочему классу. Созерцай Бога въ его твореніи, созерцай его въ искупленіи и благословляй достоинство, къ которому онъ тебя поднимаетъ.

«Подними чело, бѣдный рабочій. Цѣна твоего труда не есть та малая мзда, какую ты получаешь отъ человѣка здѣсь на землѣ. Религія указываетъ тебѣ гораздо болѣе высокую награду на небѣ, гораздо болѣе возвышенную, отъ руки Бога. Земная плата за труды скудна, но плата неба безконечна. Это вѣра, надежда, любовь, что тебя оживляютъ, облагороживаютъ, утѣшаютъ»¹⁾.

Намъ не извѣстно, какъ въ великопостныхъ проповѣдяхъ 1892 года, произносившихся въ церкви S. Maria Nuova въ Неаполѣ, отнесся къ рабочему вопросу о. Августинъ, которому было достаточно времени изучить энциклику *Novum regim*, но, вообще говоря, какая со времени этой энциклики перемѣна отношеній у воинствующихъ католиковъ къ рабочему вопросу!

«Истинные послѣдователи папства,—говоритъ авторъ брошюры объ «Единеніи католическихъ силъ въ Италіи»,—должны помогать народу фактически, помогать ему въ настоящемъ значеніи

¹⁾ Приведенный отрывокъ я взялъ изъ брошюры подъ заглавіемъ: «Biografia del padre Agostino da Montefeltro. Resoconto delle prediche di padre Agostino da Montefeltro. Quaresimale tenuto nella chiesa di s. Marco in Milano, nell'anno 1890. pp. 15—16.

слова и сдѣлать его способнымъ познать истинный источникъ благосостоянія, который на его пользу можетъ истекать изъ Ватикана. Для этой цѣли подобаетъ основать въ Италиі съ разсудительностью и предусмотрительностью настоящія благотворительныя учрежденія, настоящія, а не ложныя рабочія общества. Въ этихъ послѣднихъ особенно можно руководить избирательными массами, въ этой интеллигентной, дѣятельной, трудолюбивой чести народа. Слѣдовало бы предложить итальянскому рабочему за ничтожную цѣну: католическіе рабочіе дома, католическія экономическія кухни, католическіе рабочіе банки, католическіе рабочіе клубы, католическія рабочія товарищества и типографіи, и эти выгоды должны были бы находиться во всякомъ городѣ Италиі, во всякой провинціи, во всякой общинѣ, во всѣхъ частяхъ, во всѣхъ кварталахъ, въ каждой деревушкѣ, въ каждой мѣстности,—выгоды, устроенныя такимъ образомъ, чтобы въ Италиі могла образоваться народная масса дѣятельная, трудолюбивая и интеллигентная, движимая благодарностью къ тому, чтобъ питать любовь къ папѣ, преданная Ватикану и, когда потребуется, готовая въ общемъ католическомъ законномъ актѣ, въ силу внутренней политической эволюціи, признать добровольною и единодушною подачей своего голоса права римскаго первосвященника»¹⁾).

Кажется, ясно. Ясно то, что отъ смягченія тяжелой доли рабочаго утѣшеніемъ вѣры, воздаяніемъ на небесахъ вожди воинствующаго католицизма прямо шагнули къ рѣшенію рабочаго вопроса чисто земными средствами, которыя гораздо болѣе даютъ возможности овладѣть совершающимся социальнымъ переворотомъ; но не менѣе ясно и то, чего они хотятъ достигнуть въ ближайшихъ цѣляхъ папства учрежденіемъ по всей Италиі католическихъ рабочихъ обществъ, банковъ, домовъ, кухонъ, клубовъ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что брошюра г. Пуччи написана прямо въ истолкованіе того мѣста энциклики, гдѣ Левъ XIII говоритъ объ образованіи рабочихъ обществъ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе законныхъ, естественныхъ и спасительныхъ путей къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ, основываясь между прочимъ и на словахъ Писанія: «Лучше быть двумъ вмѣстѣ, чѣмъ одному, ибо они имѣютъ выгоду отъ своего сообщества; если падеть одинъ, его будетъ поддерживать другой. Горе одному! ибо когда онъ падетъ, нѣтъ человѣка, который поднѣлъ бы его» (Эккл. IV, 9—12).

Но эти рабочія католическія общества, образованія которыхъ нынѣшній папа такъ настойчиво желаетъ, эти католическіе банки, кухни, рабочіе дома, все то, что должно, по расчетамъ католическихъ публицистовъ, создать безчисленную армію въ рукахъ Ватикана,—все это разомъ не создается и требуетъ времени. Между

¹⁾ Pucci, L'unione delle forze cattoliche in Italia, p. 45.

тѣмъ обстоятельства не ждутъ. Рабочее движеніе въ Италіи разростається, экономической кризисъ въ этой странѣ обострѣется. Какъ упустить такой моментъ, какъ отчаянное положеніе многихъ тысячъ рабочихъ въ Римѣ, оставшихся безъ работы въ прошлую зиму! Тутъ выступаетъ на сцену агитація католическихъ газетъ. Ловко пользуясь затрудненіями правительства, которое теряло голову въ присканіи средствъ, какъ успокоить голодную и бродящую безъ дѣла массу, служащія Ватикану газеты стали печатать воззванія къ рабочимъ, указывая имъ на папу, который одинъ можетъ возвратитъ имъ благосостояніе, лишь бы только пали цѣпи, наложенныя на него итальянскимъ правительствомъ. Такова, на примѣръ, горячая статья, появившаяся 14-го февраля (1892 г.) въ газетѣ «Vera Roma» подъ заглавіемъ: «Братья рабочие!» Статья эта начиналась словами: «Vera Roma васъ привѣтствуетъ въ торжественный моментъ, въ моментъ несчастія», и оканчивалась такъ: «Обратите же, братья рабочие, ваши взгляды, ваши надежды къ старцу, заключенному въ Ватиканѣ, и скажите ему: святой отецъ, спасите насъ, или мы умремъ, всеми оставленные. Да сокрушатся и падутъ ваши цѣпи, и да возвратится къ вашему народу изобиліе и миръ!»

Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, на сколько эти воззванія къ рабочимъ дѣйствуютъ на рабочія массы, какъ и о томъ, на сколько вообще успѣшна пропаганда о возстановленіи свѣтской власти папы, не касаюсь отчасти и потому, что отвѣтъ на него пока труденъ, особенно для иностранца, для наблюденія котораго доступны по преимуществу лишь болѣе или менѣе рѣзко выступающія наружу явленія. Что въ октябрьскихъ событіяхъ 1891 года римская чернь была настроена враждебно противъ папства, это не подлежитъ сомнѣнію. Эта чернь, по крайней мѣрѣ, пришлые ея элементы, видимо находится болѣе подъ вліяніемъ вождей краснаго, чѣмъ чернаго лагеря. Но, съ другой стороны, организація систематическаго дѣйствія на рабочіе классы въ своихъ видахъ у клерикальной партіи въ Италіи только что начинается, и потому плодовъ ея надобно ждать въ будущемъ. Пока я выставляю на видъ лишь самый фактъ этой новой пропаганды, какъ одно изъ средствъ, которыми Ватиканъ думаетъ подкопать положеніе новыхъ хозяевъ Квиринала и возвратитъ себѣ отнятыя въ 1870 году владѣнія. Что такая пропаганда не остается безъ вреда для итальянскаго правительства и для прочности монархіи, это едва ли нужно доказывать.

В. Модестовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. П. СИНЕЛЬНИКОВѢ.

И ЕДАВНО скончавшійся сенаторъ, генераль-отъ-инфантеріи, Николай Петровичъ Синельниковъ былъ, безспорно, замѣчательной личностью во многихъ отношеніяхъ. Имя его пользовалось, въ свое время, большою популярностью во всей Россіи, такъ какъ онъ послѣдовательно губернаторствовалъ въ Житомирѣ, Воронежѣ, Москвѣ, Владимірѣ и, наконецъ, въ Восточной Сибири и всюду оставилъ по себѣ неизгладимую память. Неутомимый, энергичный, неподкупный, справедливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно вспыльчивый и рѣзкій, Синельниковъ являлся грознымъ бичомъ взяточничества и всякихъ непорядковъ; онъ входилъ во всѣ мелочи и, неутомимый самъ, требовалъ такой же неутомимости и отъ своихъ подчиненныхъ; при немъ апатія и распущенность быстро смѣнялись лихорадочною дѣятельностью. Безъ сомнѣнія, ктонибудь изъ близко знавшихъ его людей займется его обстоятельной біографіей; съ этой цѣлью я рѣшаюсь сообщить здѣсь нѣсколько фактовъ, касающихся административныхъ распоряженій Синельникова, которыхъ я былъ очевидцемъ. Какъ ни ничтожны эти факты, все-таки они могутъ, по моему мнѣнію, пригодиться для его характеристики.

Когда Синельниковъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Воронежъ, я находился, въ качествѣ подрядчика, при постройкѣ новыхъ тюремъ въ двухъ уѣздныхъ городахъ Воронежской губерніи. Вскорѣ распространились слухи, что новый губернаторъ очень строгъ, во все вникаетъ и всѣхъ изрядно пробираетъ, что онъ встаетъ въ четыре часа утра и въ сопровожденіи полицеймейстера, или частнаго пристава, обходитъ городъ и, какъ только замѣтитъ какуюнибудь неисправность, тотчасъ на мѣстѣ отдаетъ приказаніе

объ ея устраненіи. Рассказывали, что, увидѣвъ позади лавокъ груды сложенныхъ бочекъ съ дегтемъ, онъ велѣлъ убрать ихъ въ 24 часа и, когда это не было исполнено, распорядился черезъ полицію собрать ломовыхъ извозчиковъ и при себѣ отправить бочки за городъ, гдѣ устроилъ постоянный ихъ складъ, разрѣшивъ держать при лавкахъ только такое количество дегтя, какое расходовалось втеченіе сутокъ. Городской голова, Веретенниковъ, вздумалъ было ходатайствовать объ отмѣнѣ такого распоряженія, ссылаясь на его стѣснительность для торговли, но губернаторъ обругалъ голову и выгналъ его вонъ. Приѣзжіе рассказывали, что внѣшность Воронежа въ короткое время сдѣлалась неузнаваемой, всюду явилась чистота, порядокъ, мостовыя улучшились и т. п.

Однажды, когда я возвратился въ пять часовъ утра въ Новохоперскъ изъ Саратова, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, меня встрѣтилъ десятникъ и объявилъ, что сейчасъ приѣхалъ въ городъ губернаторъ, останавливался у нашей постройки, обошелъ ее всю, осматривалъ лежавшій кругомъ матеріалъ, раскричался и «надавалъ ему въ зубы» за дурно сложенную перемышку надъ однимъ окномъ, приказалъ сломать ее и сдѣлать черезъ три часа, когда онъ приѣдетъ опять, новую, а хозяину передать, «что ему достанется». Дѣйствительно, перемышка эта была сдѣлана не по формѣ (въ затирку, а не въ подрѣзъ шва) противъ другихъ и бросалась въ глаза; но по контракту, заключенному моимъ отцомъ, подрядчикъ обязанъ былъ только выставять потребное, согласно смѣтѣ, число рабочихъ и матеріаловъ, а вся техническая часть находилась подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью особой комиссіи, которая лишь изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ, наѣзжала свидѣтельствовать работы и матеріалы и выдавала мнѣ квитанціи на полученіе денегъ въ Воронежѣ, изъ строительной комиссіи. Нечего дѣлать, перемышку «подрумянили». Въ это же время въ Новохоперскѣ у меня оканчивалась исправленіемъ старая деревянная тюрьма, изъ которой арестанты часто бѣгали, вынимая рѣшетки изъ сгнившихъ оконъ. Предполагая, что губернаторъ, можетъ быть, захочетъ осмотрѣть и эту постройку, я отправился туда. Приближаясь къ тюрьмѣ, я увидѣлъ у воротъ нѣсколько экипажей и узналъ, что губернаторъ со свитой ходитъ по двору и осматриваетъ мою работу. Мнѣ шель тогда двадцать второй годъ и, хотя у меня работа производилась хорошо, я, всетаки, трусилъ. Я остановился у воротъ, не рѣшаясь идти дальше. Предводитель дворянства, замѣтивъ меня, что-то сказалъ губернатору; тотъ оглянулся и далъ мнѣ знакъ пальцемъ подойти.

— Сколько укралъ ты на этой работѣ?—спросилъ онъ.

— Я ничего не укралъ,—отвѣчалъ я въ волненіи:—а осталось мнѣ противъ смѣты 800 рублей.

— А сколько ты взялъ всего?

— 1.860 рублей.

— Это грабежъ; но спасибо, сдѣлано хорошо, и, кажется, арестанты перестанутъ бѣгать.

Предводитель пофранцузски отозвался о добросовѣстномъ исполненіи мною всѣхъ вообще работъ.

— Я видѣлъ его розмазню въ новомъ острогѣ, — строго замѣтилъ губернаторъ:—и хорошо, что мнѣ подъ руку попался его десятникъ, а не самъ онъ.

Эти слова обидѣли меня до того, что на глазахъ невольно выступили слезы, и я рѣшился сказать, что начальникъ губерніи можетъ все дѣлать, не разобравъ, кто правъ, кто виноватъ, что недѣлю тому назадъ пріѣзжала цѣлая коммиссія изъ Воронежа, осматривала работы, видѣла перемычку, обратившую на себя его вниманіе, и не сдѣлала мнѣ никакого замѣчанія, и что, наконецъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ, я не отвѣчаю за работы, и эта обязанность всецѣло лежитъ на техникѣ.

— Ну, посмотримъ,—сказалъ губернаторъ:—я пришлю къ тебѣ свою коммиссію подробно изслѣдовать работы, и тогда держись!

Предводитель, замѣтивъ, что я хочу опять возражать, перебилъ меня и началъ расхваливать третью мою работу—постройку плоскодонныхъ паромовъ для перевозки черезъ Хоперь, въ полую воду, почты и пассажировъ, и предложилъ осмотрѣть и ее. Всѣ поѣхали туда. Губернаторъ, увидѣвъ паромы, пришелъ въ восхищеніе и спросилъ, по чьимъ планамъ я строю паромы. Я отвѣчалъ, что по плану простаго плотника, который работаетъ тутъ же. «А что же наши инженеры?»—замѣтилъ онъ.

Послѣ этого, Синельниковъ сдѣлался мягокъ и веселъ. Онъ поѣхалъ дальше осматривать другія учрежденія, и потомъ служащіе въ нихъ благодарили меня за то, что я угодилъ губернатору, и онъ никого не распекъ.

Предводитель пригласилъ меня обѣдать; послѣ обѣда, губернаторъ, подойдя ко мнѣ, ласково сказалъ, чтобы я лично обращался къ нему въ случаѣ какой либо надобности.

— Я твой защитникъ,—прибавилъ онъ:—и за это ты сдѣлаешь мнѣ такіе же паромы въ Воронежѣ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхала назначенная имъ коммиссія, подробно осмотрѣла всѣ мои работы, нашла ихъ въ порядкѣ, о чемъ и донесла ему.

Мѣсяца два спустя послѣ этого, я пріѣхалъ въ Воронежъ за полученіемъ въ строительной коммиссіи денегъ по квитанціямъ. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось пріѣзжать по этому дѣлу, я долженъ былъ жить, вслѣдствіе канцелярской волокиты, дня два-три, а иногда и больше. Настоящій пріѣздъ мой пришелся подъ какой-то праздникъ, и я убѣдительно просилъ присутствіе не тянуть дѣла и отпустить меня въ тотъ же день. Мнѣ отвѣчали, что все зависитъ

отъ губернатора: если подпишетъ журналъ безъ задержки, то сейчасъ же и выдадутъ мнѣ деньги. Около четырехъ часовъ, передъ закрытіемъ присутствія, являюсь справиться. Чиновникъ говоритъ мнѣ, что губернаторъ журнала не пропустилъ. Волей-неволей приходилось оставаться до слѣдующаго присутственнаго дня. Отъ нечего дѣлать, въ праздникъ, вечеромъ, отправился я въ театръ. Вижу, что въ первомъ ряду кресель сидитъ губернаторъ. Въ антрактѣ онъ всталъ, обернулся спиной къ оркестру и началъ лорнировать сперва ложи, а потомъ партеръ. Я сидѣлъ въ седьмомъ ряду. Вдругъ взглядъ его остановился на мнѣ. Я привсталъ, поклонился и сѣлъ опять. Онъ упорно продолжаетъ глядѣть на меня. «Ну, думаю, лучше уходить»,—и направился въ фойе; однако, не успѣлъ еще я дойти до выхода, какъ впереди меня полиція засуетилась. Оборачиваюсь и сталкиваюсь лицомъ къ лицу съ губернаторомъ.

— Вы какъ здѣсь?—спрашиваетъ онъ.—А работы на кого оставили? Безъ хозяина тамъ плохо.

— Ваше превосходительство, я пріѣхалъ за деньгами.

— Знаю. Вчера я твой журналъ подписалъ первымъ.

— А мнѣ сказали, что ваше превосходительство его не пропустили.

— Кто тебѣ сказалъ?

Я замаялся и только что хотѣлъ отвѣчать, какъ кто-то изъ знати подошелъ къ губернатору, заговорилъ съ нимъ, и я вынужденъ былъ отойти.

На другой день, въ семь часовъ утра, является ко мнѣ посланный изъ строительной комиссіи и приглашаетъ пожаловать къ предсѣдательствовавшему въ ней полковнику. Прихожу.

— Вы что же это вздумали жаловаться на насъ?—говоритъ онъ съ неудовольствіемъ.—Въ пять часовъ утра меня разбудилъ жандармъ съ запиской отъ губернатора. Вотъ прочтите ее.

Въ запискѣ спрашивалось у полковника, почему до сихъ поръ не отпущенъ подрядчикъ Слетовъ, журналъ о выдачѣ денегъ которому еще третьяго дня подписанъ губернаторомъ. При этомъ, предлагалось немедленно расплатиться со мной и впредь не допускать ничего подобнаго.

Я рассказалъ полковнику все, какъ было. Черезъ часъ я уже получилъ деньги, а чиновникъ, задержавшій журналъ, былъ уволенъ отъ службы.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ пріѣздовъ въ Воронежъ, едва успѣлъ я войти въ номеръ гостинницы и началъ снимать верхнее платье, какъ корридорный потребовалъ у меня видъ. Я очень удивился, потому что до этого ничего подобнаго не было.

— Это что за новость?—говорю я:—ты вѣдь меня знаешь. На кой шутъ тебѣ нуженъ мой видъ?

— Такъ новый губернаторъ распорядился, — отвѣчалъ корридорный.

— Ну, ладно, достану; дай мнѣ прежде умыться и чаю.

Когда корридорный принесъ мнѣ чай, то снова присталь, требуя паспортъ и повторяя: «иначе никакъ нельзя». Я отдалъ паспортъ и велѣлъ ему сказать въ полицейской части, чтобы мнѣ вернули его тотчасъ, такъ какъ я сегодня же уѣзжаю обратно. Черезъ нѣсколько минутъ корридорный вернулся и потребовалъ двадцать копеекъ за прописку. Я усомнился и спрашиваю: такъ ли это? «Подите сами,—отвѣчаетъ онъ:—иначе намъ не отдадутъ сегодня вашего паспорта».

Я пошелъ въ часть. Дежурный подтверждаетъ, что нужно уплатить двадцать копеекъ, и говоритъ, что могу получить мой видъ лишь тогда, когда придетъ частный приставъ. Обдѣлавъ очень скоро свои дѣла, я вернулся въ гостинницу и послалъ корридорнаго за паспортomъ. Онъ вернулся съ отвѣтомъ, что частнаго пристава нѣтъ, и неизвѣстно, когда будетъ. Это меня раздосадовало. Я поѣхалъ къ полицеймейстеру, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли заведены такіе стѣснительные порядки. Дорогой спрашиваю гордоваго, гдѣ мнѣ найти сейчасъ полицеймейстера. «Только что изволили проѣхать къ губернатору»,—отвѣчаетъ онъ. Ёду туда. Войдя въ пріемную, прошу чиновника вызвать на минуту полицеймейстера. Только было поднялся онъ со стула, какъ входитъ полицеймейстеръ. Не успѣлъ я сказать ему нѣсколько словъ, вдругъ отворяется дверь, и показывается самъ губернаторъ.

— Вы за чѣмъ?—спрашиваетъ онъ, увидѣвъ меня.

— Къ господину полицеймейстеру по дѣлу,—отвѣчаю я.

— У полицеймейстера дѣловыхъ секретовъ отъ губернатора не можетъ быть. Говорите, какое дѣло.

Я сказалъ.

— Это что такое, полковникъ?—обратился губернаторъ къ полицеймейстеру.—Жандармъ, сейчасъ же позови ко мнѣ частнаго пристава. А вы, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — посидите здѣсь.

Черезъ полчаса явился частный приставъ.

— Сію минуту отпустите этого молодаго человѣка, — грозно крикнулъ Синельниковъ,—сами на недѣлю на гауптвахту, а дежурнаго по части прогнать.

Разскажу еще одинъ случай. Какъ-то разъ, выѣзжая изъ Воронежа на тройкѣ, спустился я къ рѣкѣ, у того мѣста, гдѣ прежде былъ мостъ, и вижу здѣсь губернатора, губернскаго архитектора и полицеймейстера. Замѣтивъ меня, губернаторъ крикнулъ:

— А! Поди-ка сюда.

Я подошелъ; смотрю, у него въ рукахъ смѣта, а у архитектора планъ новаго, предполагаемаго моста.

— Я у тебя видѣлъ прекрасный, толстый дубовый лѣсъ. Гдѣ ты покупалъ, какой мѣры и почему?—спрашиваетъ Синельниковъ.

Я сказалъ цѣну деревъ разной мѣры, а онъ смотритъ въ смѣту и качаетъ головой.

— А что бы ты взялъ за доставку лѣса такой-то мѣры, длины и толщины?

Не помню ужъ, какую я сказалъ цѣну, только онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и замѣтилъ:

— Смотри, не ошибись; убытку будетъ тебѣ много.

— Сейчасъ трудно будетъ доставить,—отвѣчалъ я:—а зимнимъ путемъ, или весной, по окончаніи полевыхъ работъ, подешевле можно нанять воловъ и привезть. Да и здѣсь, изъ ближайшихъ лѣсовъ, можно недорого купить.

— Ну, хорошо,—говоритъ онъ:—я сверхъ твоей цѣны, для свай, дамъ тебѣ по десяти рублей на штуку дороже, только надѣюсь, что дерева будутъ хорошія.

При этомъ онъ показалъ мнѣ цѣну, выставленную въ смѣтѣ, чуть ли не въ четверо дороже назначенной мною, и сказалъ:

— Когда приѣдешь въ Новохоперскъ, справься хорошенько и напиши мнѣ рѣшительную цѣну съ доставкою по первому зимнему пути,—я твой покупатель.

Возвратившись въ Новохоперскъ, я поспѣшилъ справиться о цѣнахъ на лѣсной пристани. Оказалось, что я назначилъ цѣны правильно, о чемъ и написалъ губернатору. Кончилось тѣмъ, что онъ назначилъ торги на постройку моста, и хотя было сбавлено двадцать пять процентовъ противъ смѣты, онъ, всетаки, не утвердилъ торговъ, а построилъ подъ своимъ наблюденіемъ, хозяйственнымъ способомъ, прекрасный мостъ, обошедшійся, какъ тогда говорили, чуть ли не на сорокъ процентовъ дешевле. При первой же встрѣчѣ со мной, Синельниковъ поблагодарилъ меня за сообщеніе, извинился, что обманулъ, не купилъ лѣса черезъ меня, и прибавилъ:

— Ты и такъ услужилъ мнѣ, а тебя мнѣ не хотѣлось отвлекать отъ твоего дѣла.

Прошло много лѣтъ послѣ того, какъ Синельниковъ оставилъ Воронежъ. Однажды я сѣлся въ Козловѣ на желѣзную дорогу, чтобы доѣхать до Грязей. Вдругъ на платформѣ станціи вижу, что онъ садится въ первый классъ. Мнѣ захотѣлось поклониться ему и напомнить о себѣ. Я долго колебался, но, наконецъ, вошелъ къ нему въ вагонъ и, поклонившись, говорю:

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Вы почему меня знаете?—спросилъ онъ.

Я напомнилъ, что пользовался его расположеніемъ въ Воронежѣ, и назвалъ свою фамилію.

— Ахъ, да, вспоминаю. Садитесь-ка, расскажите, что подѣлываете, бываете ли въ Воронежѣ, гдѣ живете?

Я сталъ рассказывать и прибавилъ, что воронежскіе его очень помнятъ.

— Небось, бранять! Нѣтъ, батинька, теперь такіе губернаторы, какъ я, не годятся.

— За что же васъ бранить,—отвѣтилъ я.—Вы были строги и требовательны, но всегда справедливы. Васъ такъ всѣ уважаютъ, что даже польская банда во время возмущенія не тронула.

— А вы объ этомъ знаете?—съ живостью замѣтилъ онъ.—Какія минуты въ то время я пережилъ! Знаете, если бы эта банда догадалась, что со мной были большія казенныя деньги! Я увѣренъ, что и тогда она не тронула бы меня, но деньги отобрала бы. Этого-то именно я и боялся. Ну, скажите, что бы я тогда дѣлалъ ¹⁾!

Къ сожалѣнію, въ эту минуту мы подъѣхали къ Грязямъ, и мнѣ надо было выходить. Синельниковъ подаль мнѣ руку и ласково простился. Послѣ этого я уже болѣе съ нимъ не встрѣчался.

II. Слетовъ.

¹⁾ Въ 1863 году Синельниковъ, исполнявшій обязанности генераль-интенданта въ Польшѣ, ѣхалъ изъ Варшавы въ Брестъ-Литовскъ, имѣя при себѣ 250.000 казенныхъ денегъ. Подъѣзжая къ Бресту, онъ неожиданно былъ окруженъ въ лѣсу шайкой повстанцевъ, подъ начальствомъ Шимановскаго. Когда послѣдній узналъ фамилію проѣзжаго, то сказалъ ему: «ваше имя произносится въ нашемъ царствѣ съ величайшемъ уваженіемъ, какъ имя честнаго русскаго генерала. Мы просимъ, ваше превосходительство, доложить государю императору, что сражающіеся за отчизну умѣютъ цѣнить его истинно вѣрныхъ слугъ». Синельникову данъ былъ отъ банды конвой, который и сопровождалъ его почти до самаго Бреста.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЕВИЧЪ ГАЛАХОВЪ.

(Биографическій очеркъ).

СОРОКОВЫЕ ГОДА создали цѣлую плеяду людей, свѣтлыя имена которыхъ надолго запечатлѣются въ памяти потомства. Это было время нашего развитія въ сферѣ политическихъ и общественныхъ интересовъ, впервые серьезно сознанныхъ и вызвавшихъ въ послѣдствіи съ одной стороны движенія въ пробудившемся обществѣ, съ другой стороны — реформы правительства, одушевленнаго лучшими стремленіями. Можетъ быть, и «идеалисты» сороковыхъ годовъ не совершенно свободны отъ суда критики, и черезчуръ фанатическое поклоненіе имъ наряду съ шестидесятниками и съ плевками въ ихъ недостойныхъ потомковъ только мѣшаетъ установить прочно и опредѣленно ихъ несомнѣнныя заслуги; но мы не будемъ касаться столь широкаго вопроса и укажемъ лишь на то, что сороковые годы дали намъ первыхъ истинно-интеллигентныхъ людей, не только даровитыхъ (такіе были и прежде), но и сумѣвшихъ развить и выказать свое дарованіе и силою послѣдняго создать вокругъ себя множество просвѣщенныхъ единомышленниковъ. Эти второстепенные дѣятели эпохи являлись ревностными миссіонерами тѣхъ ученій, которыя они приняли отъ своихъ учителей, и по мѣрѣ умѣнія и возможности проводили ихъ въ жизнь. Къ числу этихъ, стоявшихъ во второмъ ряду, двигателей просвѣщенія, и притомъ какъ наиболѣе выдающійся изъ нихъ, хотя бы по практическимъ результатамъ своей дѣятельности, долженъ быть отнесенъ и скончавшійся недавно Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ.

I.

«Мнѣ трудно,—говоритъ Галаховъ,—забыть день своего рожденія: я родился 1-го января 1807 года» ¹⁾. Мѣсто его рожденія—г. Сапожокъ, Рязанской губерніи. Семья Галаховыхъ была довольно состоятельная, изъ дворянъ средняго круга. Дѣдъ и бабука А. Д. принадлежали къ той именно средѣ, изъ которой почерпнулъ незабвенный Д. И. Фонвизинъ своихъ Простаковыхъ. «Бабушка моя,—сообщаетъ Галаховъ,—писать не умѣла, а знала только славянскую грамоту, и иногда сама читала молитвы во время молебновъ, пѣтыхъ у нея на дому. Это чтеніе не мѣшало ей нисколько обращать вниманіе на предметы посторонніе, совершенно чуждые богослуженію. Внѣшняя набожность шла параллельно съ хозяйственными заботами, и мы, внуки и внучки ея, исподтишка подсмѣивались надъ нежданнѣмъ вопросомъ или замѣчаніемъ, которые странно прерывали псаломъ или молитву. «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ», читала бабушка и вдругъ, взглянувъ въ окно, кричала дѣвкѣ: «Никакъ пріѣхалъ кто-то? вѣрно, Акулина Ивановна? посмотри-ка», и проч. въ томъ же родѣ. По окончаніи молебна священникъ получалъ десять копеекъ (мѣдью), ни больше, ни меньше, но зато былъ непремѣнно угощаемъ закуской. Незнаніе какого бы то ни было предмета бабушка считала незнаніемъ ариѳметики, какъ такой науки, которую всего труднѣе знать. «Такъ, по вашему, Іоанна Богослова празднуютъ 27-го сентября? хорошъ же вы ариѳметикъ!» Все, противное тѣмъ обычаямъ, посреди которыхъ она выросла и состарѣлась, казалось ей смѣшнымъ; на каждое нарушеніе преданій она смотрѣла, какъ на преступленіе» ¹⁾. Дѣдъ Галахова, какъ водилось, служилъ, съ первымъ чиномъ вышелъ въ отставку и прожилъ въ деревнѣ до 90 лѣтъ, причемъ на послѣдокъ своей жизни онъ «потѣшался двумя забавами: дракою гусей да узкими сапогами, до того узкими, что онъ съ четверть часа натягивалъ ихъ на ноги, а снималъ, разумѣется, вдвое дольше». Родители Галахова стояли по своему развитію уже нѣсколькими ступенями выше его дѣда и бабуки. Отецъ А. Д. въ молодости служилъ въ гвардіи. Выйдя въ отставку онъ женился на дочери райскаго помѣщика и поселился въ своемъ имѣніи Мордовѣ, Сапожковскаго уѣзда. По выборамъ, онъ отиралялъ три трехлѣтнія должности уѣзднаго судьи. Это былъ, повидимому, человекъ довольно ограниченный, практическаго направленія, почему и снискалъ себѣ репутацію искуснаго стряпчаго. Жена его была полною

¹⁾ Первые годы жизни до поступленія въ школу (Изъ записокъ человека), «Русскій Вѣстникъ», 1876 г., май.

¹⁾ Изъ записокъ человека, 1847 г., № 12, стр. 303—304.

противоположностью: подъ вліяніемъ, надо полагать, господствовавшего въ современной жизни сентиментализма, она была склонна къ мечтательности и идеализму и совершенно неспособна вникать въ житейскія мелочи и домашнее хозяйство. Эти качества, бывшія причиною разлада съ мужемъ, имѣли несомнѣнно благотворное вліяніе на сына. Мать была первою учительницею А. Д. и обучала его письму, а приходскій священникъ чтенію, и уже шести лѣтъ Галаховъ читалъ «Сѣверную Пчелу». Былъ потомъ еще учитель изъ отставныхъ моряковъ, частенько запивавшій и пропадавшій дня на три, на четыре; его предметами были ариѳметика и грамматика.

Въ 1816 г. Галаховы переѣхали въ Рязань, чтобы дать дѣтямъ образованіе. Въ Рязани была четырехклассная гимназія, находившаяся въ одномъ домѣ съ двухкласснымъ уѣзднымъ училищемъ, для всѣхъ сословій. А. Д. вмѣстѣ съ своимъ братомъ прошли курсъ уѣзднаго училища, гдѣ они были единственными учениками изъ дворянскаго сословія, и поступили въ гимназію. Въ училищѣ царствовали, конечно, бурсацкіе нравы, и хотя розогъ почти не употребляли, но потасовки, пощечины и затрецины были обыкновенными и весьма употребительными педагогическими приѣмами. Еще будучи въ училищѣ, Галаховы брали вмѣстѣ съ тѣмъ уроки французскаго языка въ пансіонѣ m-me Pelouse. Въ первый годъ пребыванія А. Д. въ гимназіи директоромъ былъ Воскресенскій, рѣдко бывавшій въ трезвомъ видѣ, рѣдко посѣщавшій гимназію и распустившій донельзя учителей. Вскорѣ его замѣнилъ Иванъ Михайловичъ Татариновъ, супругъ той самой пресловутой Татариновой, которая ударила въ хлыстовщину. Татариновъ былъ масонъ, человекъ умный и образованный; онъ предался всей душой своему дѣлу и поставилъ на столько хорошо гимназію, что дворяне, прежде избѣгавшіе ея, стали отдавать туда своихъ дѣтей гораздо охотнѣе. Единственнымъ недостаткомъ новаго директора было то, что онъ, отдавая дань времени, увлекался мистицизмомъ. Это увлеченіе отразилось и на юномъ Галаховѣ: онъ зачитывался такими книгами (онъ получалъ ихъ отъ Татаринова), какъ: «Приключенія послѣ смерти», «Тоска по отчизнѣ» Юнга Штиллинга, «Божественная философія» Дю-Туа, «Путеводитель къ совершенству жизни христіанской» и т. п. Дѣло доходило до того, что даже въ награду лучшимъ гимназистамъ раздавали одно изъ твореній г-жи Пюнь «Легчайшій способъ молиться». Галаховъ, погружаясь въ чтеніе произведеній этихъ полупомѣшанныхъ фанатиковъ, разумѣется, туго вникалъ въ ихъ туманную и экзальтированную философію, и особенно озадачилъ его загадочный «звѣздный духъ», часто упоминаемый въ книжкѣ Дю-Туа. Эта нездоровая умственная пища едва ли бы не повлекла за собой дурныхъ результатовъ, если бы не парализовалась тѣми интересами, которые возбуждалъ въ гимназистахъ учитель словесности И. А.

Гаретовскій. Совсѣмъ недюжинный педагогъ для своего времени, онъ сумѣлъ вызвать къ себѣ уваженіе, совершенно необыкновенное со стороны тогдашняго общества по отношенію къ какому-то учителю, а въ ученикахъ возбудить любовь къ русской литературѣ. По его почину, въ рязанской гимназіи образовался «кабинетъ для чтенія», гдѣ ученики двухъ старшихъ классовъ, собираясь еженедѣльно, читали новые журналы и книги. Говоря объ увлеченіи мистицизмомъ, нельзя не привести выдержки изъ записокъ Галахова, гдѣ онъ повѣствуетъ о своемъ стремленіи къ нравственному совершенству, явившемся подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, книги Амвросія Ломбеза «Брань духовная». «Дѣйствія моего подвижничества выражались различно,—говоритъ Галаховъ,—по мѣрѣ моихъ силъ. вмѣсто обычныхъ двухъ чашекъ чаю я выпивалъ одну; дадутъ мнѣ какое нибудь лакомство, я отдавалъ его дворовому мальчику; помогу брату или товарищу въ приготовленіи задачи, и учитель похвалитъ ихъ: я радовался похвалѣ, какъ награждѣ моему смиренію, отсутствію во мнѣ зависти и честолюбія; если прислуга разобьетъ стаканъ или тарелку, я принималъ вину на себя, за чтѣ получалъ выговоръ, а иногда и стоялъ въ углу: наказаніе не огорчало меня, такъ какъ я видѣлъ въ себѣ своего рода мученика за любовь къ ближнему. Въ послѣобѣденное время, когда отецъ и мать отдыхали, а братъ и сестры рѣзвились въ саду, я уходилъ въ пустой залъ и молился втайнѣ: это нужно было для искуса въ мысленной молитвѣ, въ умѣннѣ поклоняться Отцу духомъ и истиной, по ученію Гюйонъ. Въ классѣ я уступалъ товарищамъ, не ссорился съ ними, пересталъ участвовать въ общихъ играхъ»¹⁾. Несомнѣнно, что въ мальчикѣ были добрые задатки, но не мистики развили ихъ; напротивъ, съ этой стороны, была опасность возникновенія того «уничженія», которое «паче гордости». Мистическое увлеченіе только разстроило временно его здоровье; между тѣмъ «и до знакомства съ «Духовною бранью»,—говоритъ Галаховъ,—я обращался съ дворнею не по крѣпостному обычаю: я не оскорблялъ ее ни дѣломъ, ни словомъ, за чтѣ и былъ любимъ ею особенно».

За все время пребыванія своего въ училищѣ и гимназіи А. Д. былъ первымъ ученикомъ и первымъ же окончилъ въ 1822 году курсъ пятнадцати съ половиною лѣтъ отъ роду. Торжество его усугубила раздача посѣтителемъ на торжественномъ актѣ его сочиненія «Объ истинной славѣ». Это первое печатное произведеніе Галахова, напечатанное въ мѣстной губернской типографіи, представляло изъ себя образчикъ схоластической хрии и въ примѣрѣ ложной славы приводило «кроваваго честолюбца» Наполеона. По

¹⁾ Время школьнаго ученія, «Русскій Вѣстникъ», 1876 г., № 10, стр. 828—829.

окончаніи гимназіи, Галаховъ долженъ былъ, по плану отца, поступить на службу; но мать всѣми силами воспротивилась этому и настояла, чтобы онъ шелъ въ университетъ. А. Д. былъ принятъ московскимъ ректоромъ А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ слѣдующими словами: «аттестатъ твой очень хорошъ, директоръ хвалитъ тебя, какъ прилежнаго юношу, и потому можешь подать прошеніе, хотя тебѣ и не достааетъ трехъ мѣсяцевъ до положеннаго возраста». Въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ Галаховъ добросовѣстно, но безпощадно указываетъ на недостатки тогдашняго высшаго образованія. Тутъ онъ совершенно диссонируетъ съ хоромъ тѣхъ старичковъ, которые утверждаютъ, что въ ихъ де время меньше учились, а знали лучше. Курсъ въ университетѣ въ то время былъ трехлѣтній, причемъ первый курсъ былъ общій, и лишь со втораго шло подраздѣленіе на факультеты. Студенты въ своихъ шалостяхъ мало чѣмъ отличались отъ школьниковъ; составъ ихъ былъ пестрый: были богатые, были и бѣдняки, а «иные даже не снимали съ себя фризovýchъ шинелей, прикрывая ими ветхость своихъ платьевъ». Большинство профессоровъ никоимъ образомъ не олицетворяли собою интеллигентныхъ людей; они были грубы въ обращеніи, говорили съ студентами на «ты» и, главное, притомъ обладали весьма скудными знаніями, когда-то давнымъ-давно приобрѣтенными и отнюдь не освѣжаемыми новымъ запасомъ. Таковы были, на примѣръ, Н. А. Бекетовъ, профессоръ древностей, П. В. Побѣдоносцевъ, декламировавшій Державина, С. А. Смирновъ, читавшій лекціи прямо по книгѣ, И. М. Снегиревъ, позволявшій себѣ глумленія надъ студентами и со студентами надъ другими профессорами. Болѣе достойными и уважаемыми личностями были профессора математики Д. М. Перевощиковъ и П. С. Щепкинъ. Умѣло держали себя въ аудиторіи также Каченовскій, Лодеръ, Рихтеръ и Альфонскій. Кромѣ того, появились молодые профессора со свѣжими взглядами на науку—М. Г. Павловъ и И. И. Давыдовъ. Въ лицѣ двухъ послѣднихъ въ университетъ проникла философія Шеллинга. Галаховъ поступилъ было на этико-политическій (юридическій) факультетъ, но вскорѣ перешелъ на физико-математическій, обладавшій лучшимъ составомъ профессоровъ. Всѣхъ студентовъ на факультетѣ вмѣстѣ съ Галаховымъ было десять человекъ. Въ виду многочисленности предметовъ каждый изъ нихъ избралъ одинъ своею спеціальностью, поступивъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ протекторатъ своего профессора. Галаховъ избралъ извѣстнаго зоолога Фишера-фонъ-Вальдгейма. По окончаніи курса каждый изъ профессоровъ представилъ своего протежѣ въ кандидаты, но, такъ какъ выпустить всѣхъ кандидатами по тогдашнимъ порядкамъ было немислимо, то и рѣ-

¹⁾ «Время высшаго образованія», «Русскій Вѣстникъ», 1876 г., № 11.

шили, по совѣту декана И. А. Двигубскаго, чтобы никого не обидѣть, выпустить всѣхъ дѣйствительными студентами. Это было въ 1825 году. Для полученія кандидатской степени они остались еще на годъ и наконецъ добились желаннаго результата, причемъ Галаховъ и здѣсь получилъ первое отличіе: золотую медаль за работу по физикѣ «о дѣйствіяхъ теплорода на тѣла».

Въ послѣднее время своего студенчества А. Д. занялся литературою; занятія эти выразились въ переводахъ съ французскаго языка, а цѣлью ихъ было желаніе напрактиковаться въ послѣднемъ. Такимъ образомъ въ 1826 году онъ перевелъ двѣ книжки: «Искусство не платить долговъ, или дополненіе къ искусству занимать, сочиненное человѣкомъ порядочнымъ», и «Правила биллиардной игры». Кромѣ того, въ журналѣ Двигубскаго «Новый магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи» онъ помѣстилъ компиляцію «О различіи человѣческаго рода» и переводъ «Объ ископаемыхъ слоновыхъ костяхъ».

Окончивъ университетъ, Галаховъ въ немъ же началъ свою службу. Онъ получилъ Стевенскую стипендію (300 р. асс. въ годъ), а съ ней соединялась простая и легкая обязанность давать объясненія публикѣ, посѣщавшей по воскресеньямъ зоологической музей. Въ 1827 г. А. Д. временно замѣнялъ переводчика и писца при цензурномъ комитетѣ¹⁾ и тутъ онъ имѣлъ случай ознакомиться ближе съ литературнымъ міромъ. Въ томъ же году инспекторъ казенно-коштныхъ студентовъ Котельницкій уговорилъ его принять должность субъ-инспектора при немъ. Взаимныя отношенія между студентами и тогдашней инспекціей были самыя благодушныя, и служить въ инспекціи не представлялось ни труднымъ, ни предосудительнымъ. Въ то же время А. Д. продолжалъ свои занятія по литературѣ, дѣлая переводы для журнала Двигубскаго и участвуя косвеннымъ образомъ въ литературныхъ упражненіяхъ своего внучатнаго дѣда, вольтерьянца, весьма своеобразнаго и интереснаго человѣка, о которомъ А. Д. оставилъ воспоминанія²⁾. Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г. статью «Четыре возраста естественной исторіи», съ направлениемъ въ духѣ профессора Павлова; это доставило ему знакомство съ М. И. Погодинымъ и С. П. Шевыревымъ. Но, тѣмъ не менѣе, по собственному сознанію А. Д.³⁾, это время своей жизни проводилъ довольно бесплодно и, проживая у своей тетки въ Замоскворѣчьи, предавался главнымъ образомъ мѣщанскимъ удовольствіямъ, пустоты которыхъ долго не замѣчалъ. Обратила его на путь истинный «холера».

1) Цензурный комитетъ былъ тогда при университетѣ и цензорами состояли профессора.

2) «Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ», «Русскій Вѣстникъ», 1875, ноябрь.

3) См. «Отъ окончанія университетскаго курса до начала педагогическихъ занятій», «Русскій Вѣстникъ», 1877, ноябрь.

II.

Послѣ эпидеміи 1830—1831 гг. для сиротъ, родители которыхъ умерли отъ холеры, былъ устроенъ на средства частной благотворительности пріютъ въ домѣ князя П. П. Гагарина. Послѣдній чрезъ «Московскія Вѣдомости» приглашалъ учителей помочь доброму дѣлу, путемъ безвозмездныхъ уроковъ. Галаховъ вызвался давать уроки русскаго языка, и съ этого времени начинается его педагогическая дѣятельность, совершенно уклонившая его отъ избранной прежде специальности и обратившая математиканатуралиста въ даровитаго словесника. Одновременно съ преподаваніемъ въ пріютѣ, Галаховъ занялся частными уроками, и прежде всего ему пришлось заниматься съ сыномъ самого Гагарина; затѣмъ онъ давалъ уроки дочерямъ Есиповой, Ѳ. Ѳ. Лубяновскаго и др. Успѣхъ свой въ качествѣ домашняго учителя объясняетъ А. Д. тѣмъ, что онъ былъ дворянинъ и зналъ французскій языкъ, посредствомъ котораго ему и приходилось ввѣрять правила русскаго грамматики въ умы дѣтей русскихъ аристократовъ. Что касается запроса на русскій языкъ, то, по словамъ Галахова, онъ «проистекалъ не изъ настоятельной въ немъ потребности, еще менѣе изъ любви къ родному слову, какъ бы внезапно восчувствованной. Ни то, ни другое не могло явиться тамъ, гдѣ безъ роднаго слова обходились очень удобно, гдѣ каждый и каждая гораздо свободнѣе объяснялись на французскомъ діалектѣ». Причина была свыше: согласно намѣренію и волѣ государя, народное образованіе должно было вестись «въ духѣ православія, самодержавія и народности».

Пріютъ пробылъ около двухъ лѣтъ въ домѣ кн. Гагарина, затѣмъ былъ переведенъ въ домъ гр. Разумовскаго, и, наконецъ, изъ него было образовано въ 1832 г. новое учебно-воспитательное заведеніе—Александринскій сиротскій институтъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины, мужскую и женскую, по двѣсти человекъ въ каждой, и былъ ввѣренъ управленію директора В. Н. Ш—на, ничего общаго ни съ педагогикой, ни вообще съ наукой не имѣвшаго. Онъ получилъ это мѣсто, благодаря покровительству кн. С. М. Голицына, и былъ преисполненъ необыкновенной ревнивой чувствительности къ неожиданно попавшей въ его руки власти; превосходства ни въ чемъ онъ не терпѣлъ, почему и относился къ педагогамъ враждебно. Каждый день онъ совершалъ выходъ въ классы, и при этомъ, по свидѣтельству Галахова, происходила при входѣ его слѣдующая курьезная церемонія: «воспитанницы, по заведенному обычаю, потому отмѣненному, гурьбой сходили съ мѣстъ своихъ, окружали директора и здоровались съ нимъ, цѣлуя его въ губы. Этотъ обрядъ

цѣлованія отнималъ у урока минутъ десять или пятнадцать» ¹⁾. Въ преподаваніе директоръ, къ счастью, не мѣшался и ограничивался только воспитательными мѣрами, которыя выражались иногда крайне своеобразно: одной шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, чѣмъ-то провинившейся и отвѣтившей ему не совсѣмъ вѣжливо, директоръ «въ присутствіи всего класса надавалъ пощечинъ, а потомъ оттрепалъ за косу». Не смотря на такую обстановку, учебная часть въ институтѣ шла довольно успѣшно, благодаря тому, что она находилась въ вѣдѣніи инспекторовъ, которые были всѣ людьми просвѣщенными. До 1847 года эту должность исполнялъ профессоръ И. И. Давыдовъ, затѣмъ—П. Г. Рѣдкинъ, а въ 1849 г. С. И. Баршевъ. Въ этотъ послѣдній годъ Александринскій институтъ кончилъ свое существованіе: мальчики были переведены въ Петербургъ во вновь устроенный корпусъ, а дѣвицы перемѣщены доучиваться въ Николаевскій сиротскій институтъ.

Кромѣ занятій въ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ, Галаховъ съ 1837 г. занялъ должность преподавателя русской словесности въ старшемъ отдѣленіи Александровскаго института или училища, учрежденнаго исключительно для дѣвицъ дворянскаго происхожденія. Само собою разумѣется, что здѣсь и порядки, и нравы были иные, болѣе соотвѣтствующіе программѣ учебнаго заведенія. Уроки русскаго языка съ поступленіемъ Галахова и здѣсь выиграли въ своемъ содержаніи: онъ вооружился противъ царствовавшей до него схоластики и сталъ знакомить ученицъ съ современной литературой. вмѣстѣ съ П. Н. Кудрявцевымъ, также преподававшимъ въ институтѣ, они устроили особый классъ чтенія, во время котораго ученицы съ понятнымъ удовольствіемъ читали произведенія Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова.

Съ упраздненіемъ Александринскаго сиротскаго института А. Д. вышелъ въ отставку и занялся частною практикой, давая уроки въ домахъ и пансіонахъ. Въ періодъ 1830—1850 гг. развилась и его литературная дѣятельность. Въ 1832 году Галаховъ напечаталъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» разборъ книги профессора А. Л. Ловецкаго: «Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ», и это послужило его знакомству съ братьями Полевыми. О Николаѣ Алексѣевичѣ онъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія, а въ то время относился къ нему даже съ восторженнымъ благоговѣніемъ. При свиданіи, — говоритъ Галаховъ, — «онъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ, послѣ чего я почувствовалъ себя какъ бы выросшимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ» ²⁾.

¹⁾ Изъ записокъ челоѣка. Педагогическія занятія въ Москвѣ (1832—1849), женское образованіе за этотъ періодъ времени, «Русскій Вѣстникъ», 1876 г., № 6, стр. 539.

²⁾ «Мое сотрудничество въ журналахъ», «Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 11.

Но противъ Н. И. Надеждина, у котораго въ «Телескопѣ» онъ помѣщалъ статейки по вопросамъ грамматики, А. Д. «имѣлъ зубъ»: тогдашняя передовая молодежь помнила его нападки на Пушкина въ «Вѣстникѣ Европы». Постоянная литературная работа началась у Галахова одновременно съ развитіемъ издательскихъ предпріятій А. А. Краевского. Мать послѣдняго, Варвара Николаевна, содержала въ Москвѣ пансіонъ, и Галаховъ давалъ у нея уроки. Когда въ 1836 году къ Краевскому перешли «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», А. Д. предложилъ свое сотрудничество, которое на первыхъ порахъ ограничилось разборомъ книгъ по русскому языку и словесности. Разборъ «Основаній русской грамматики» Вѣлинскаго доставилъ Галахову знакомство съ авторомъ книги. Въ 1839 году къ Краевскому перешли и «Отечественныя Записки». Галаховъ принялъ на себя обязанность давать отзывы о всѣхъ книгахъ, выходящихъ въ Москвѣ. Такъ какъ одному такая работа была не подъ силу (притомъ же онъ, кромѣ отдѣла библиографической хроники, участвовалъ и въ отдѣлѣ критики), то ему пришлось позаботиться о помощникахъ. Эта плодотворная дѣятельность шла безъ перерыва вплоть до 1860 года. Рецензіи большею частію не подписывались, но А. Д. велъ списокъ, какія книги къ кому поступили, въ особыхъ тетрадяхъ. «Я берегу ихъ, — писалъ онъ ¹⁾, — какъ сокровище и по временамъ перелистываю... Сколько свѣтлыхъ, пріятныхъ воспоминаній! сколько дорогихъ незабвенныхъ именъ! Нѣтъ нужды, что мои тетради обветшали, чернила полиняли, да и бумага грубая, ручнаго издѣлія: онѣ—живая хроника литературнаго, современнаго мнѣ движенія; онѣ—личная хроника моихъ литературныхъ понятій и взглядовъ». Лицами, раздѣлявшими съ Галаховымъ этотъ трудъ, были: В. Г. Вѣлинскій (съ 1837 по 1839 годъ), М. Н. Катковъ (съ 1839 по 1841 годъ), П. Н. Кудрявцевъ (съ 1839—1845 годъ), К. Д. Кавелинъ (1844—1847 годъ); непостоянное участіе принимали также В. П. Боткинъ, К. Ф. Рулье и Ѳ. И. Буслаевъ. Этотъ талантливый кружокъ принадлежалъ къ тому направленію, которое его противники называли «западничествомъ». Галаховъ не былъ изъ крайнихъ представителей этого движенія, но онъ не былъ и перебѣжчикомъ и всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ и благодарностью это лучшее время своей жизни. О нѣкоторыхъ дѣятеляхъ этой эпохи онъ оставилъ свои воспоминанія ²⁾, а внѣшней и внутренней жизни московскихъ литераторовъ посвятилъ статью «Литературная кофейня въ Москвѣ въ 1830—1840 годахъ» ³⁾. Кромѣ критики, Га-

¹⁾ Ibid.

²⁾ «Воспоминанія о журнальномъ сотрудничествѣ М. Н. Каткова въ 1839 и 1840 годахъ», «Историческій Вѣстникъ», 1888 годъ, № 1; «Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ въ 1842—1845 годахъ», «Русская Старина», 1885 годъ, № 1.

³⁾ «Русская Старина», 1886 годъ, №№ 4 и 6.

лаховъ написалъ и нѣсколько беллетристическихъ произведеній, которыя онъ называетъ «покушеніями или грѣхами»: «Старое зеркало», «Ошибка», «Кукольная комедія», «Изъ записокъ чело-вѣка» («Отечественныя Записки», 1845—1847 гг.) и «Превраще-ніе» («Современникъ», 1847 г.). Но гораздо большее практиче-ское значеніе имѣли учебныя руководства Галахова, вытѣснившія старыя схоластическіе учебники и благополучно дожившія до на-шихъ дней. Въ 1842 году А. Д. издалъ «Русскую христоматию» въ 2-хъ томахъ, которая до нынѣшняго времени выдержала 22 из-данія, въ 1843 году — «Русскую христоматию для дѣтей», потре-бовавшую шести изданій, и въ 1848 году — «Историческую хри-стоматию церковно-славянскаго и русскаго языка», т. I-й (IX—XVIII вв.). Объ всѣхъ этихъ, равно какъ и о прочихъ трудахъ Галахова, скажемъ ниже.

1850 годъ былъ весьма знаменательнымъ въ педагогической дѣятельности Галахова. Въ октябрѣ этого года онъ получилъ отъ К. Д. Кавелина, бывшаго начальникомъ учебнаго отдѣленія въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, письмо, приглашавшее его за-няться выработкой программъ по русскому языку и словесности согласно «наставленію для преподаванія въ военно-учебныхъ за-веденіяхъ, одобренному государемъ 24-го декабря 1848 года». Со-образно съ этимъ «наставленіемъ» всѣ предметы преподавались уже по новымъ программамъ, но русскій языкъ шелъ все еще прежнимъ схоластическимъ путемъ. Это обстоятельство сильно оза-бочивало начальника штаба Я. И. Ростовцева и Наслѣдника Але-ксандра Николаевича, бывшаго въ то время главнымъ начальни-комъ военно-учебныхъ заведеній. Предложеніе понравилось Гала-хову, особенно, какъ исходившее отъ лица, знакомство съ которымъ онъ считалъ «счастіемъ въ прямомъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова»; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и пугало его потому, что въ программахъ 1848 года ясно обозначился тотъ крутой поворотъ, который совершился въ направленіи русской политики. «Т. Н. Грановскій открыто говорилъ, что по такой инструкціи нѣтъ воз-можности ни проходить исторію, ни писать для нея руководства» ¹⁾. Къ счастью, инструкція относительно программъ по русскому языку предъявляла такія требованія, что можно было взяться, «не боясь ни оскорбить достоинства науки, ни покривить своею совѣстью». Притомъ же самъ Кавелинъ писалъ, что Ростовцеву «хочется осво-бодить преподаваніе русскаго языка и словесности отъ напыщен-ныхъ фразъ, схоластики и школьнаго педантизма». А. Д. присту-пилъ къ работѣ, и черезъ годъ программа была готова; составивъ конспектъ предмета, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не удержался отъ кри-

¹⁾ Галаховъ, «Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ», «Русская Ста-рина», 1879 годъ, № 2.

тическихъ замѣчаній на существовавшіе методы преподаванія. Это обстоятельство послужило къ тому, что комиссія педагоговъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, подъ предсѣдательствомъ И. П. Шульгина, увидѣла въ программѣ личности, между тѣмъ, какъ Галаховъ не зналъ ни одного изъ этихъ учителей,—и только И. И. Введенскій оказался на его сторонѣ. Чтобъ уладить дѣло, А. Д. обратился къ Ѳ. И. Буслаеву, и они совмѣстно переработали программу, которая и была утверждена 25-го іюня 1852 года въ видѣ опыта на пять лѣтъ. Галахову было объявлено высочайшее благоволеніе и пожалована тысяча рублей. Въ ноябрѣ того же года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и здѣсь на диспутѣ съ преподавателями военно-учебныхъ заведеній, отнесшимися къ Галахову крайне враждебно, долженъ былъ защищать свою программу; на его сторонѣ, кромѣ Введенскаго, были только Г. Е. Благосвѣтловъ и В. Ѳ. Кеневичъ. А. Д. говоритъ, что онъ ошибочно велъ диспутъ, пустившись въ толки о самомъ содержаніи науки, а не ограничившись защитой рекомендуемаго практическаго метода: аудиторія не могла его понять. Результатомъ получилось то, что «въ состязаніи съ моими оппонентами,—говоритъ онъ,—я не одержалъ побѣды, но программа, мною составленная, взяла верхъ». Программа эта легла въ основаніе многихъ слѣдующихъ программъ вплоть до программы 1872 года для гимназій и прогимназій. Вслѣдъ за утвержденіемъ программы, Ростовцевъ поручилъ Галахову и Буслаеву составленіе учебныхъ руководствъ. Галаховъ взялся за составленіе учебника по исторіи русской литературы и исторической христоматіи къ новому періоду русской словесности. Представляя отчетъ Ростовцеву о ходѣ работъ, А. Д. долженъ былъ выдержать состязаніе съ Н. И. Гречемъ. Съ послѣднимъ еще ранѣе и ему и Буслаеву пришлось вести войну путемъ печати, такъ какъ ихъ реформа сильнѣе всего задѣвала Греча, учебники котораго неограниченно царили въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій и о грамматикѣ котораго Галаховъ выразился такъ: «это—не грамматика русскаго языка, а грамматика языка Греча». Личное состязаніе произошло на домашнемъ собраніи у Ростовцева, куда, кромѣ Буслаева и Галахова, были приглашены въ качествѣ специалистовъ И. П. Шульгинъ, Гречъ и А. Х. Востоковъ. Гречъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, и притомъ пораженію не мало способствовала его же собственная грамматика. Я. И. Ростовцевъ былъ очень доволенъ такимъ исходомъ. «Словно желая утѣшить Греча,—передаетъ Галаховъ,—онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «не смотря на все это, любезнѣйшій Н. И., я увѣренъ, что грамматика ваша просуществуетъ еще лѣтъ десять». Тутъ Гречъ разгорячился: «да что вы, ваше превосходительство, все толкуете о моей книгѣ? Я вовсе не дорожу ею: пусть она хоть сквозь землю провалится». Я. И. Ростовцевъ засмѣялся: «ну, полно, не серди-

тесъ, я ошибся: ваша книга проживетъ еще не десять, а двадцать лѣтъ». Гречъ не брезговалъ и окольными путями, чтобы натравить кого слѣдуетъ на Галахова: указывалъ на его сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ», называлъ его проповѣдникомъ гибельнаго ученія О. Конта и Литтре и намекалъ, что подобные ему люди «могутъ быть не образователями, а развратителями юношества». Живя еще въ Москвѣ, А. Д. сдѣлался преподавателемъ во второмъ спеціальномъ классѣ перваго московскаго кадетскаго корпуса, причемъ ему было поручено вообще неофициальное наблюденіе за преподаваніемъ русскаго языка и словесности во всѣхъ московскихъ корпусахъ. Въ ноябрѣ 1856 года Галаховъ переселился въ Петербургъ, назначенный преподавателемъ русской словесности въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Кромѣ лекцій, онъ занялся составленіемъ двухъ капитальныхъ трудовъ: это были — «Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности» въ двухъ томахъ, вышедшая въ 1861—1864 годахъ и выдержавшая шесть изданій, и «Исторія русской словесности, древней и новой», также въ двухъ томахъ (во второмъ томѣ двѣ части), напечатанная въ 1863—1875 годахъ (второе изданіе вышло въ 1880 году). Послѣдній трудъ академія наукъ удостоила преміи графа Уварова. Въ 1863 году, А. Д. былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1865 году избранъ въ ординарные профессора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института. Полезную дѣятельность Галахова Московское общество любителей русской словесности почтило избраніемъ его въ 1867 году въ дѣйствительные члены, а академія наукъ въ 1868 году—въ члены-корреспонденты по второму отдѣленію. Кромѣ того, въ 1868 году А. Д. былъ приглашенъ святѣйшимъ синодомъ въ число членовъ временной комиссіи по пересмотру существующаго и начертанію новаго устава духовныхъ академій. Изъ историко-филологическаго института онъ вышелъ въ отставку въ 1882 году, а остальные занятія продолжалъ по день смерти 14-го ноября 1892 года¹⁾. Лекціи Галахова за послѣднее время представляли живую анекдотическую лѣтопись литературы: ему приходилось говорить не о дѣятеляхъ русскаго слова, а о своихъ почившихъ друзьяхъ и непріятеляхъ, о томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ, который составлялъ и его собственную прошлую жизнь. Слушателямъ въ свою очередь было любопытно видѣть свидѣтеля отдаленнаго прошлаго, человѣка, видѣвшаго своими глазами Пушкина, пріятели Бѣлинскаго, Кудрявцева, Грановскаго, до конца жизни преданнаго всей душой ихъ свѣтлой памяти.

Все это время Галаховъ не оставлялъ и литературной дѣятель-

¹⁾ Послѣднія формулярныя свѣдѣнія о Галаховѣ провѣрены нами по автобіографіи его, сообщенной ямъ въ 1887 году Семѣну Аванасьевичу Венгерову.

ности. Кромѣ участія въ названныхъ выше изданіяхъ, онъ помѣщалъ свои статьи въ «Атенеѣ» Е. О. Корша, «Библиографическихъ Запискахъ» А. Н. Аванасьева, «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ» (редакціи Некрасова и Панаева), «Вѣстникѣ Европы», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (редакціи Краевского и В. О. Корша), «Новомъ Времени», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и др. Послѣднія статьи его (также и ранѣе въ «Русскомъ Вѣстникѣ») посвящены главнымъ образомъ литературнымъ, частью автобіографическимъ воспоминаніямъ. По словамъ самого А. Д., «всѣхъ статей нѣтъ возможности указать: такъ ихъ много». Перечень главнѣйшихъ былъ имъ переданъ М. И. Семевскому.

Галаховъ дожилъ до той поры, когда смерть перестаетъ страшить человѣка, видящаго въ ней неизбѣжный и законный исходъ. Потому-то онъ могъ, какъ говорятъ, замѣтить съ улыбкой доктору, опредѣлявшему его болѣзнь: «Вы не указали, докторъ, моей главной болѣзни: мнѣ 86 лѣтъ». И онъ, въ самомъ дѣлѣ, скончался отъ старости, безъ всякихъ внѣшнихъ или внутреннихъ случайныхъ причинъ.

III.

Литературное наслѣдство Галахова довольно объемисто и весьма различно по качеству. Онъ является и педагогомъ, и историкомъ литературы, и критикомъ, и даже беллетристомъ. И при всемъ томъ его замѣчательная скромность и непристрастное отношеніе къ своимъ трудамъ несомнѣнно подкупаютъ всякаго приступающаго къ нему съ аршиномъ критики. Въ беллетристическихъ попыткахъ Галахова Бѣлинскій признавалъ «если не дарованіе, то способность писать повѣсти», хотя и ругалъ ихъ за элегико-романтическій пафосъ. Повѣсть «Старое зеркало» заслужила одобреніе славянофиловъ за высказываемое въ ней сочувствіе къ крѣпостному сословію. Полубеллетристическая статья Галахова «Записки человѣка» («Отечественныя Записки» 1847 г., № 12)¹⁾ произвела даже нѣкоторый фуроръ. Бѣлинскій писалъ о ней В. П. Боткину: «Я съ удовольствіемъ прочелъ повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ и разсужденіе не разсужденіе—«Записки человѣка», да еще съ какимъ удовольствіемъ». Боткинъ устроилъ въ честь автора

¹⁾ Эта статья, какъ и многія другія изъ произведеній Галахова, подписана псевдонимомъ Сто одинъ. Въ то время Смирдинъ предпринялъ изданіе «Старушскихъ литераторовъ», и Галаховъ, увидѣвъ, какъ немного нужно было заслугъ, чтобы попасть въ эту сотню, рѣшилъ назваться сто первымъ и съ такою подписью отправилъ статью въ «Отечественныя Записки». Но въ редакціи не поняли мысли Галахова и измѣнили псевдонимъ «Сто-первый» на «Сто одинъ», сопоставивъ послѣдній съ названіемъ французскаго сборника «Cent un».

обѣдъ и очень былъ недоволенъ, что виновникъ торжества уклонился отъ этой оваціи. Зато нѣкоторыя мѣста этой статьи, въ которыхъ авторъ касается вліянія на себя мистицизма, приплысь не по вкусу митрополиту Филарету и нѣкоторымъ профессорамъ Московской духовной академіи, которые объясняли статью, «какъ явное отверженіе религіозно-нравственныхъ истинъ», и были увѣрены, что «подъ книгой «мрачнаго противника жизни» авторъ разумѣетъ священнѣйшую изъ книгъ». Наконецъ, съ другой стороны ходилъ слухъ, будто при описаніи характера своего дѣда авторъ «мѣтилъ на высокопоставленное лице, имѣвшее такія же привычки». Для Галахова дѣло ничѣмъ не разыгралось, но сыскалось оно вотъ на комъ: «Записки человѣка» посвящались П. Н. Кудрявцеву, и отецъ послѣдняго, священникъ, былъ потребованъ къ владыкѣ, получилъ нагоняй и внушеніе «испытать» сына, который, очевидно, «единомыслить» съ авторомъ.

Гораздо обильнѣе и интереснѣе критическая дѣятельность Галахова. Кто-то изъ отозвавшихся о немъ по поводу его смерти обзвалъ критику Галахова «библіографической», желая этимъ, вѣроятно, выразить ея ничтожность. Но названіе это вовсе не характеризуетъ направленія Галахова и развѣ только съ натяжкой можетъ быть примѣнено ко второму періоду его критической дѣятельности. Гранью этихъ двухъ періодовъ является злополучный 1848 годъ, когда едва ли была возможна какая нибудь критика, не только что проводящая опредѣленную тенденцію. До этого года Галаховъ стойко слѣдовалъ тому направленію, выразителемъ котораго былъ Бѣлинскій, и до чего онъ былъ вѣренъ традиціямъ своего литературнаго путеводителя, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Галаховъ написалъ статью «Русская литература въ 1847 году» («Отечественныя Записки», 1848 г., № 1), которая произвела впечатлѣніе своей вступительной частью, обрисовывавшей направленіе современнаго интеллигентнаго общества; самый разборъ литературныхъ явленій былъ менѣе удовлетворителенъ. Бѣлинскій, помѣстившій свой обзоръ литературы за тотъ же годъ въ «Современникѣ», писалъ Галахову слѣдующее: «Кто прочтетъ общую часть и моей, и вашей статьи, тотъ, право, подумаетъ, что мы согласились говорить одно и то же. Но какъ только дойдетъ дѣло до оцѣнки литературныхъ произведеній, тогда иная исторія: посылай за старикомъ Бѣлинскимъ, а безъ него плохо». Критика Галахова и лицъ, совмѣстно съ нимъ работавшихъ, прежде всего, по его собственному сознанію, клонилась къ тому, чтобы противоборствовать тремъ современнымъ «мошенникамъ печати», Булгарину, Гречу и Сенковскому. Это было, такъ сказать, отрицательное выраженіе ихъ дѣятельности. Но была у нихъ, учениковъ Бѣлинскаго, и положительная заслуга: они явились вѣрными адептами принципа, разсматривавшаго литературу не только какъ источникъ

эстетическаго наслажденія, но и какъ могущественное орудіе, при помощи котораго можно сотворить новаго человѣка, облагородивъ его и вдохнувъ въ него міръ новыхъ идей и стремленій. Конечно, дѣло не обходилось и безъ увлеченій. Со всею горячностью молодости они прилагали свою критическую мѣрку и къ такимъ литературнымъ явленіямъ, къ которымъ она была совершенно неприложима. Набросившись на переводъ извѣстнаго романа прошлаго вѣка «Векфильдскій священникъ» Гольдсмита, критикъ разнесъ его за то, что онъ «не къ лицу современнымъ стремленіямъ: теперь де нужны не векфильдскіе священники, а люди бодрые, дѣятельные, которые смотрѣли бы на вещи прямо и любили бы землю, какъ наше жилище». Съ другой стороны въ критическихъ статьяхъ Галахова въ первое время отражалось увлеченіе естественной философіей Окена, обоснованной на романтическомъ міросозерцаніи Шеллинга; впоследствии онъ сдѣлался поклонникомъ Огюста Конта и Литтре и даже замышлялъ въ особой статьѣ изложить основы позитивной философіи.

Съ 1848 года критическая дѣятельность Галахова носитъ иной характеръ, и мы уже указали общія причины такого измѣненія. Другимъ поводомъ послужило къ тому Смирдинское изданіе сочиненій русскихъ писателей. Это собраніе русскихъ «классиковъ» имѣетъ свою цѣну; но издавалось оно небрежно, неряшливо, страдало неполнотой, отсутствіемъ критики матеріала и было лишено какихъ бы то ни было указаній на жизнь и дѣятельность тѣхъ писателей, произведенія которыхъ появлялись въ свѣтъ въ маленькихъ сѣренскихъ томикахъ, большею частію впервые извлеченныя и соединенныя воедино со страницъ достопочтенныхъ, но почти забытыхъ періодическихъ изданій. Пополнить указанные недостатки и было задачей Галахова. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» онъ далъ рядъ критико-біографическихъ статей о Кантемирѣ, Д. Давыдовѣ, Богдановичѣ, Княжнинѣ, Костровѣ, Аблесимовѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, А. Измайловѣ и др. Въ этихъ историко-литературныхъ этюдахъ Галаховъ указывалъ на пропуски Смирдинскаго изданія, старался установить сбивчивыя біографическія данныя о писателяхъ, вырисовать ихъ литературныя фізіономіи. Чтобы выяснитъ всю важность этихъ статей, достаточно указать, что онѣ послужили для Галахова базисомъ его послѣдующихъ объединительныхъ трудовъ по исторіи литературы. Да не только ему самому, но и для другихъ изслѣдователей эти статьи явились важнымъ матеріаломъ при изученіи русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка. Этими статьями, такъ сказать, заключился періодъ журнальной дѣятельности Галахова. Статьи послѣ 1857 года носятъ случайный характеръ и состоятъ изъ литературныхъ и автобіографическихъ воспоминаній, или некрологовъ, когда сходилъ въ могилу который нибудь изъ его почтенныхъ сверстниковъ.

Центръ дѣятельности Галахова составляютъ педагогическіе труды, которые начали появляться съ 1842 года, когда вышла въ свѣтъ его «Русская христоматія». Появленіе ея, какъ это ни странно для учебника, было настоящимъ событіемъ. Дѣло въ томъ, что его христоматія была крайне смѣлымъ въ глазахъ современныхъ педагоговъ новшествомъ. Она посягала на такіе авторитеты, которые, правда, въ литературѣ и въ публикѣ были давнымъ-давно и въ то время забыты, но въ школѣ царствовали безгранично, и ихъ произведенія должны были служить неудобоваримою пищею для дѣтей, какъ бы для оправданія того, что «корень ученія горекъ». Сборникомъ такихъ лекарственныхъ средствъ служила «Русская христоматія, или отборныя (!) сочиненія русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ» Ивана Пенинского. Это былъ хламъ, извлеченный изъ вдохновеній творцовъ Россіады, Хорева, Синава и Трувора и др., долженствовавшихъ изображать собою образцы литературнаго языка! Поэтому мнѣніе Галахова, что христоматія, имѣющая цѣлю представить образцы изящнаго и правильнаго языка, должна почерпать свой матеріалъ изъ новой литературы, показалось дерзкимъ и неблагонамѣреннымъ посягательствомъ. Мало того, Галаховъ не только стѣснилъ до крайности архивныхъ классиковъ, которымъ онъ, всетаки, далъ мѣсто на страницахъ своей христоматіи, какъ бы дѣлая уступку и не рѣшаясь на открытую революцію, не только ввелъ образцы изъ писателей Карамзинской и Пушкинской эпохи, но помѣстилъ и произведенія своихъ юныхъ современниковъ: Кольцова, Майкова, Фета и др., репутація которыхъ еще далеко не была установлена въ литературѣ. По этому поводу А. Д. говорилъ въ своемъ предисловіи: «Рядомъ съ именами «извѣстными» читатель найдетъ нѣкоторыя піесы писателей еще «малоизвѣстныхъ», но талантливыхъ. Увлекаясь достоинствомъ языка и мыслей, а не авторитетомъ, я часто припоминалъ слова графа С. С. Уварова: «Въ большей части Европы, кажется, въ словесности власть единаго таланта или немногихъ слабѣетъ: наступаетъ эпоха, которую одинъ умный писатель вѣрно изобразилъ названіемъ эпохи «безыменной». Новаторство Галахова нашло, разумѣется, сейчасъ же яростныхъ обличителей, и прежде всего въ лицѣ С. Шевырева, находившагося въ лагерѣ того славянофильства, которое истекало прямо изъ Шишковскаго мракобѣсія и шло почти рядомъ съ тенденціями «Маяка». Шевыревъ напиралъ на то, что изученіе языка должно идти путемъ историческимъ, забывая о томъ, что цѣль христоматіи не научная, а практическая, и совершенно упуская изъ виду задачи и средства средней школы. Полемика его съ Галаховымъ,—одинъ писалъ въ «Москвитянинѣ», другой—въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1843 года),—задѣвала попутно и другіе острые вопросы, и надо отдать справедливость, что противники не щадили другъ друга. Гораздо удивительнѣе

враждебное отношеніе къ хрестоматіи со стороны Н. А. Полеваго, хотя онъ въ это время и перекочевалъ изъ лагеря передовыхъ людей въ конклавъ хранителей всяческихъ «преданій». Полевой далеко не «ограничился письмомъ, въ которомъ высказалъ свое мнѣніе», какъ сообщаетъ Галаховъ¹⁾; въ предисловіи къ собранію сочиненій Державина онъ метнулъ въ автора хрестоматіи слѣдующей рѣзкой и крикливой тирадой: «Какой-то литературный судья сшилъ недавно «Русскую хрестоматію», и послѣ сора и грязи, выметенныхъ изъ современной литературы, которые кажутся ему образцовыми, удостоилъ помѣстить нѣсколько стихотвореній Державина, отмѣтивъ ихъ, какъ устарѣлыя, звѣздочками. За такой подвигъ стоило бы поставить звѣздочку на челѣ собирателя «Хрестоматіи». Разумѣется, что подобная смѣлость уже не подходитъ подъ судъ здраваго смысла, но грустно думать, если собиратель хрестоматіи назначалъ свою книгу для юныхъ читателей, и ему могутъ повѣрить не только они, но и учитель ихъ, не дерзающій сомнѣваться въ томъ, что напечатано». Все это свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ далеко отсталъ отъ духа времени критикъ, недавно передъ тѣмъ ратовавшій за все молодое и свободное отъ узкихъ и обветшалыхъ формулъ. Не былъ ли оскорбленъ бывшій издатель «Московского Телеграфа» тѣмъ, что не попалъ въ число образцовыхъ писателей на страницы «Хрестоматіи» Галахова? Врагомъ «Хрестоматіи» оказался и И. И. Давыдовъ, задержавшій ее въ качествѣ цензора при шестомъ изданіи въ 1853 году, мстя за то, что составитель изъ числа пособій по теоріи литературы исключилъ его «Чтенія о словесности», провозглашавшіяся во времена оны съ кафедръ въ Московскомъ университетѣ. Хрестоматію выручило предстательство Я. И. Ростовцева. Но каково было изумленіе Галахова, когда онъ увидѣлъ, что въ похвальномъ словѣ Карамзина Екатеринѣ Великой исключено вездѣ выраженіе: «Сограждане!» съ которымъ авторъ обращается къ читателямъ. Виною подобной кастраціи оказался «переворотъ, учиненный во Франціи Наполеономъ III», когда французы также, по словамъ цензора, не смѣли называть другъ друга: *compitoyen*.

Другимъ важнымъ трудомъ Галахова является «Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности», отъ Петра I до Пушкина. Масса біо- и библиографическихъ примѣчаній дѣлаютъ эту книгу необходимымъ пособіемъ при изученіи исторіи литературы. Эти примѣчанія въ связи съ тѣми статьями, которыя писалъ Галаховъ по поводу Смирдинскаго изданія русскихъ писателей, во многомъ облегчили послѣдующій трудъ его «Исторію русской словесности древней и новой». Трудъ этотъ явился въ трехъ

¹⁾ «Исторія одной книги», «Историческій Вѣстникъ», 1891 г., май, стр. 566.

книгахъ: первая обнимаетъ исторію устной словесности и книжной до Петра, вторая посвящена XVIII вѣку, а въ третьей авторъ излагаетъ литературныя событія XIX вѣка до Пушкина. «Исторія» Галахова вызвала обстоятельный разборъ профессора Н. С. Тихонравова, разборъ, признавшій трудъ А. Д. достойнымъ Уваровской преміи. Рецензія московскаго профессора всею тяжестью сосредоточилась на допетровскомъ періодѣ литературы, удѣливъ лишь нѣсколько послѣднихъ своихъ страницъ на вторую часть «Исторіи». Г. Тихонравовъ оказался несогласнымъ съ самымъ методомъ изслѣдованія Галахова: на всемъ пространствѣ своей рецензіи онъ не перестаетъ указывать на эстетическое отношеніе автора къ литературнымъ явленіямъ, совершенно не подходящее къ задачамъ историческаго труда, по мнѣнію рецензента, который единственно возможнымъ считаетъ здѣсь методъ сравнительно-историческій. Галаховъ, по замѣчанію рецензента, при оцѣнкѣ литературныхъ явленій руководствовался, главнымъ образомъ, соображеніемъ, соответствуетъ ли извѣстный частный случай общему теоретическому опредѣленію. Другой справедливый упрекъ рецензента направленъ на то, что историкъ, вопреки своему желанію, не избѣгъ подчиненія литературной табели о рангахъ. Притомъ, прибавимъ отъ себя, у Галахова слишкомъ иногда выступаютъ личныя симпатіи: Карамзину въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось, и характеристика его вышла поэтому односторонней, черезчуръ идеализированной; Сергѣю Глинкѣ также воздано ужъ очень не по заслугамъ. Исторію древней литературы Галаховъ писалъ компилятивно, не будучи знакомъ съ подлинными произведеніями допетровскаго періода, въ чемъ онъ открыто и признавался. Всѣ многочисленные промахи и неточности за этотъ періодъ были отмѣчены и исправлены въ рецензіи Тихонравова, и это-то и составляло главную задачу послѣдней. За новымъ періодомъ рецензентъ призналъ полную самостоятельность и несомнѣнную важность и ставилъ эту часть труда на высоту изслѣдованія, выполнѣ отвѣчающаго научнымъ требованіямъ. Другой компетентный судья по исторіи литературы, профессоръ Сухомлиновъ ¹⁾, указывая, какъ на достоинство труда Галахова, на «строгую опредѣленность, симметрію» критическихъ приѣмовъ—выраженіе того, что Галаховъ «былъ математикомъ», въ слабомъ изложеніи древняго періода литературы усматриваетъ не простое незнакомство съ предметомъ, а вліяніе Вѣлинскаго, начинавшаго исторію русской литературы съ Ломоносова. Галахову, по словамъ Сухомлинова, «пришлось говорить о литературѣ, существованія которой онъ въ душѣ не признавалъ».

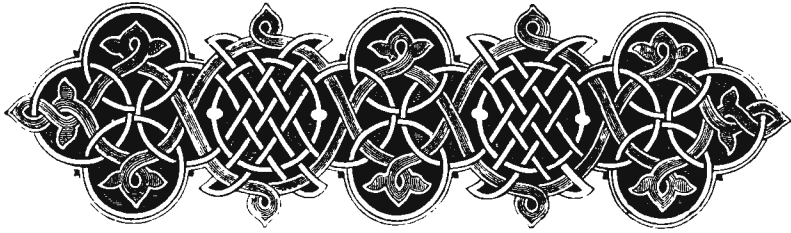
¹⁾ См. «Исторія русской литературы». Лекціи, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1879—80 г. Литограф.

Галаховъ преклонился передъ справедливыми указаніями своего официальнаго оппонента и во второмъ изданіи своей «Исторіи русской словесности» нѣкоторые отдѣлы поручилъ лицамъ вполне компетентнымъ: отдѣлъ древнихъ повѣстей переработалъ академикъ А—дръ Н. Веселовскій, о былинахъ и историческихъ пѣсняхъ написалъ О. Э. Миллеръ, духовные стихи разобралъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ и, наконецъ, П. О. Морозову принадлежитъ отдѣлъ о народной лирикѣ, сказкахъ, пословицахъ, заговорахъ и загадкахъ. Хотя и въ этомъ изданіи трудъ Галахова не вполне свободенъ отъ ошибокъ¹⁾, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что онъ остается пока лучшимъ и почти единственнымъ. *La critique est aisée, l'art est difficile*, и наши ученые, прощая А. Д. Галахову опытъ диллетанта, не рѣшаются подарить русскую публику и науку изслѣдованіемъ, которое бы уничтожило значеніе этого опыта. Правда, мы имѣемъ еще трудъ профессора Порфирьева, который древнюю словесность, разумѣется, зналъ лучше Галахова, но что касается новаго періода, начиная съ XVIII вѣка, то въ этой части курсъ профессора Порфирьева стоитъ далеко позади, будучи уже по самой системѣ изслѣдованія лишенъ историческаго характера.

М. Мазаевъ.

¹⁾ См. рецензію профессора А. И. Соболевскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1881 г., № 1.

ПАМЯТИ К. Θ. КАЛАЙДОВИЧА.

ВЪ ДЕКАБРѢ истекшаго года минуло сто лѣтъ со дня рожденія Константина Ѳеодоровича Калайдовича. Имя его справедливо пользуется почетною извѣстностью въ русской наукѣ, и полная біографія его составила бы объемистый трудъ. Еще въ 1860-хъ годахъ одинъ изъ лучшихъ біографовъ Калайдовича, П. А. Безсоновъ, указывалъ въ «Русской Бесѣдѣ» (1860 г., т. II), что всестороннее изслѣдованіе жизни Калайдовича неразрывно связано съ изслѣдованіемъ и всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ по русской исторіи и филологіи за первую треть настоящаго столѣтія. Но, кромѣ того, біографія Калайдовича представляетъ высокій интересъ и по трагической судьбѣ этого замѣчательнаго человѣка. К. Θ. Калайдовичъ родился въ 1792 г. въ городѣ Ельцѣ, отъ родителей, имѣвшихъ нѣкоторый достатокъ. Семи лѣтъ Калайдовичъ поступилъ въ Московскую гимназію, а 15 лѣтъ былъ уже въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь началъ онъ изученіе русской археологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался прилежно естественными науками, а также, уступая духу времени, пробовалъ писать стихи. Въ 1807 г. онъ издалъ въ Москвѣ книжку подъ заглавіемъ: «Плоды трудовъ моихъ, или сочиненія и переводы». Математическими науками и иностранными языками онъ занимался менѣе; но послѣднее обстоятельство, вслѣдствіе природнаго дарованія, не помѣшало ему сдѣлаться замѣчательнымъ филологомъ, превосходившимъ во многихъ случаяхъ тѣхъ, для кого филологія была спеціальностью. Любопытенъ рассказъ самого Калайдовича, находящійся въ его письмѣ къ Сергѣю Нико-

лаевичу Глинкѣ о началѣ своихъ ученыхъ занятій: «Еще до 1812 г., не имѣя отъ роду 20 лѣтъ, я былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества исторіи и древностей россійскихъ. Съ тѣхъ поръ я часто бесѣдовалъ съ своимъ наставникомъ, несравненнымъ профессоромъ Романомъ Федоровичемъ Тимковскимъ; не разъ повторялъ съ нимъ оныя достопамятныя слова Залевковыхъ законовъ: «Да не возлюбить никто чужаго града болѣе своего отечества, и да не подвергнется черезъ то гнѣву отечественныхъ боговъ; такое помышленіе есть уже начало измѣны». Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, для меня въ то время еще непонятнымъ, читалъ я вашъ «Русскій Вѣстникъ»: я тогда учился исторической критикѣ у великаго Шлецера въ его «Несторѣ», а у васъ—святой любви къ отечеству. Еще много, много я обязанъ и тогдашнему достопочтенному нашему предсѣдателю, Платону Платоновичу Бекетову; несравненно болѣе—исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ исторію отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ; всегда укрѣплялъ на томъ пути, на который я не смѣлъ и не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовію къ славѣ Россіи, вопрошатель и судья давно почившихъ, окрилялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ и къ пылу юности приливалъ огня божественнаго. О время незабвенное!.. Въ 1811 и 1812 годахъ я училъ россійской исторіи въ благородномъ пансіонѣ и въ университетской гимназіи, въ самомъ университетѣ читалъ лекціи россійской исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ, и занимался изданіемъ «Русскихъ достопамятностей», въ то время, когда престолу и отечеству угрожало бѣдствіе неимовѣрное». Патриотизмъ Россіи, проявленный всѣми сословіями въ 1812 году, и чувства благоговѣнія къ императору Александру I возбудили въ Калайдовичѣ самые высокіе патріотическіе порывы, и онъ поступилъ подпоручикомъ въ «Московскую военную силу». Военная служба Калайдовича продолжалась до распущенія ополченія въ іюль 1813 года, и объ этой эпохѣ своей жизни Калайдовичъ хотѣлъ было издать свои воспоминанія, но напечатаніе этихъ воспоминаній почему-то не состоялось. О томъ, какъ самъ Калайдовичъ смотрѣлъ на свою военную службу, видно изъ словъ его въ одномъ изъ писемъ 1813 года: «Моя награда—общій на голубой лентѣ знакъ (медаль) и одно то утѣшеніе, что я сдѣлалъ доброе дѣло, въ которомъ я никогда не буду раскаиваться». Послѣ войны Калайдовичъ остался безъ всякихъ средствъ; все его имущество состояло въ одной рубахѣ и въ военномъ мундирѣ; ему было 22 года отъ роду, но здоровье было уже надломлено. На первыхъ порахъ Калайдовича пріютилъ въ Москвѣ М. Т. Каченовскій; денежные средства Калайдовича ограничивались тогда 4 рублями, присланными матерью, и 220 рублями, выданными разомъ въ видѣ жалованья за 11-мѣсячную службу въ ополченіи. Въ этомъ стѣснен-

номъ положеніи Калайдовичъ просилъ Московскій университетъ о принятіи снова на службу. Университетъ, въ уваженіе ученыхъ заслугъ Калайдовича, разрѣшилъ выдавать ему годовое магистерское жалованье, что было сдѣлано не въ примѣръ другимъ, такъ какъ онъ былъ тогда только кандидатомъ и по гражданской службѣ имѣлъ чинъ 12 класса. Послѣ того Калайдовичъ сталъ готовиться къ ученой степени магистра и даже доктора, но скоро обстоятельства его жизни получили другой, печальный оборотъ. Но пока это случилось, онъ всею душою предался русской археологіи и уже въ началѣ 1815 г. по порученію общества исторіи и древностей издалъ въ свѣтъ 1-ю часть «Русскихъ достопамятностей». Къ этому времени относится обширная его переписка съ Н. М. Карамзинымъ, которому онъ содѣйствовалъ въ изданіи его «Исторіи государства Россійскаго», съ Н. Н. и Д. Н. Бантышъ-Каменскими, съ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, съ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, съ библіографомъ В. С. Сопиковымъ; кромѣ того, Калайдовичъ въ 1813—1815 годахъ напечаталъ разныя археологическія статьи въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Сынѣ Отечества» и другихъ изданіяхъ¹⁾. Особенно занимала тогда Калайдовича суздальская старина, и преимущественно лѣтописныя сказанія о Суздальѣ. Онъ самъ отправился во Владиміръ и Суздаль, собралъ здѣсь много матеріаловъ, но въ 1815 году съ нимъ произошло случайное обстоятельство, до сихъ поръ не выясненное положительнымъ образомъ; но послѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что отецъ Калайдовича, во избѣжаніе оффиціальнаго наказанія, объявилъ сына помѣшаннымъ и въ февралѣ 1815 года отправилъ его въ московскій домъ умалишенныхъ, откуда черезъ пять съ половиною мѣсяцевъ перевелъ его «на исправленіе» въ пустынную Николо-Пѣшношскую обитель; здѣсь Калайдовичъ пробылъ ровно годъ и освобожденъ по просьбѣ и желанію отца, причемъ настоятель выдалъ свидѣтельство о поведеніи и «исцѣленіи». Въ домѣ умалишенныхъ Калайдовичъ писалъ стихи грустнаго направленія, а изъ монастыря письма къ родителямъ, въ которыхъ каялся въ своихъ «беззаконныхъ поступкахъ». Изъ писемъ отца за это время видно, что вина Калайдовича заключалась отчасти въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ; такъ въ одномъ письмѣ отецъ Калайдовича писалъ сыну: «Ты читалъ Штиллинга, и ежели понималъ его, то видѣлъ, сколь онъ нагородилъ вракъ». Но въ 1816 году оффиціальное наказаніе Калайдовича окончилось, и онъ въ іюлѣ былъ уже на свободѣ и въ Москвѣ. Находясь въ монастырѣ, Калайдовичъ занимался археологи-

¹⁾ Списокъ этихъ мелкихъ, но весьма любопытныхъ трудовъ Калайдовича напечатанъ въ статьѣ П. А. Безсонова въ «Русской Бесѣдѣ» (1860 г., т. II, стр. 24—25).

ческимъ изслѣдованіемъ о «Паломникѣ Данила» и составилъ исторію монастыря, напечатанную въ 1837 году. Освободившись изъ заключенія, Калайдовичъ жилъ одно время въ Калугѣ и въ Мещовскѣ (Калужской губерніи), гдѣ также писалъ стихи, а вскорѣ (въ 1817 году), вслѣдствіе трудовъ по описанію древнихъ московскихъ монастырскихъ рукописей, сдѣлался близко извѣстенъ знаменитому собирателю русскихъ древностей канцлеру графу Н. П. Румянцеву. По приглашенію графа, Калайдовичъ принялъ участіе въ изданіи II части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» и поступилъ на службу въ комиссію, завѣдывавшую этимъ изданіемъ; впрочемъ, служба въ комиссіи не была тогда для Калайдовича officialною должностію, и онъ продолжалъ числиться при университетѣ, откуда не былъ уволенъ и во время несчастія, о которомъ сказано выше. Отдавая должную справедливость трудамъ Калайдовича, графъ Румянцевъ поручалъ ему покупку древностей, изъ которыхъ составилаь потомъ значительная часть предметовъ, находящихся въ Румянцевскомъ музеѣ. Въ томъ же 1817 году Калайдовичъ нашелъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ) знаменитый памятникъ древне-славянской письменности — «Изборникъ Святослава». Не исчисляемъ здѣсь ученыхъ сношеній Калайдовича съ графомъ Румянцевымъ, что очень подробно изложено въ вышеупомянутой статьѣ П. А. Безсонова; скажемъ только, что въ то же время (съ 1818—1824 годъ) Калайдовичъ издалъ: «Древнія Россійскія стихотворенія Кирши Данилова», «Законы великаго князя Іоанна III и царя Іоанна IV» (издано вмѣстѣ съ П. Строевымъ), «Памятники російской словесности XII вѣка» (трудъ, удостоенный Россійскою академіею серебряной медали), «Опытъ о посадникахъ новгородскихъ», «Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи», «Іоаннъ, эксархъ Болгарскій», «Описаніе славяно-россійскихъ рукописей въ библиотекѣ графа Толстаго» (издано вмѣстѣ съ П. Строевымъ). Служебная дѣятельность Калайдовича выражалась главнымъ образомъ въ участіи въ изданіи государственныхъ грамотъ и договоровъ; кромѣ того, онъ участвовалъ въ трудахъ общества исторіи и древностей. Въ 1822 году Калайдовичъ получилъ орденъ св. Анны и монаршее благоволеніе; въ 1824 году императрица Елисавета Алексѣевна пожаловала ему золотую табакерку, а императрица Марія Ѳеодоровна объявила свое благоволеніе; въ 1826 году пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ и (въ чинѣ титулярнаго совѣтника) орденомъ св. Владиміра 4 степени. Послѣднее литературно-ученое предпріятіе К. Ѳ. Калайдовича было изданіе многообъщавшаго по содержанію журнала «Русскій Зритель» (съ 1827 года).

Въ 1826 году скончался покровитель Калайдовича графъ Н. П. Румянцевъ. Послѣ этого Калайдовичъ впалъ въ грусть, а напри-

женныя занятія ускорили печальную развязку. Въ 1828 году Калайдовичъ (имѣвшій тогда 36 лѣтъ) признанъ былъ официально помѣшаннымъ. Впрочемъ, вскорѣ разсудокъ отчасти вернулся, но здоровье его было совершенно потрясено. Кончина К. Θ. Калайдовича послѣдовала 19 апрѣля 1832 года (на 40 году отъ роду). Незадолго до кончины онъ получилъ (въ 1831 году) перстень отъ наслѣдника цесаревича (почившаго государя Александра Николаевича) за поднесеніе «древняго и весьма рѣдкаго атласа». Калайдовичъ былъ женатъ на дочери бронницкаго уѣзднаго судьи Катеринѣ Никитичнѣ Исаковой (съ 1820 года). Отъ этого брака были сынъ и дочь. Въ послѣдніе годы семейство Калайдовича существовало пенсіей въ 1.000 рублей.

По словамъ П. А. Безсонова, недоконченныя сочиненія, оставшіяся по смерти Калайдовича, отличались замѣчательнымъ обиліемъ свѣдѣній и обширностью плановъ...

Къ сожалѣнію, портретъ Калайдовича никогда не былъ воспроизведенъ, и мы, не смотря на всѣ старанія, нигдѣ не могли его розыскать.

Н. Ширяевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНИИ.

I.

Первый день въ Японіи.

ПАРОХОДЪ Добровольнаго флота «Петербургъ» оставилъ 15-го октября 1888 года унылую, холодную бухту Золотаго Рога, вдоль которой растянулся городъ Владивостокъ. Сѣбря цѣпи холмовъ, окружающихъ бухту, были покрыты снѣгомъ, обильно выпавшимъ въ послѣднюю ночь. Тоскливый видъ имѣлъ городъ съ его грязными улицами и кучами потемнѣвшаго снѣга, и еще тоскливѣе глядѣли сего бѣдные обыватели, пришедшіе сказать «прости» роднымъ и знакомымъ, уѣзжавшимъ на далекую родину. Переходъ нашъ до Нагасаки, продолжавшійся трое сутокъ, былъ довольно спокойный. На половинѣ пути сдѣлалось значительно теплѣе, а весь день 17-го октября было и совсѣмъ тепло. 18-го октября показались берега Японіи, въ видѣ зеленыхъ островковъ, разбросанныхъ въ одиночку и группами; между ними сновали рыбацьи лодки, бѣлыя паруса которыхъ красиво отгѣнялись синею неба и моря. Острова стали попадаться чаще и чаще. Мы проходимъ совсѣмъ близко отъ нихъ и различаемъ полосы селеній, раскинувшихся вдоль морскаго берега. Нагасаки ужъ близко. Вотъ высокій, скалистый островъ, покрытый щетиной угрюмыхъ сосенъ: это—Паппенбергъ; въ концѣ XVII столѣтія, во время начавшихся тогда въ Японіи гоненій на христіанъ, съ этой скалы были сброшены въ море около 17-ти тысячъ туземцевъ-католиковъ. За Паппенбергомъ начинается входъ въ Нагасацкую бухту. Мы теперь плывемъ

по длинному заливу, окруженному со всѣхъ сторонъ высокими горами, покрытыми густой растительностью. Въ долинахъ межъ ними разбросаны группы селеній. Свѣтло-зеленныя террасы полей расположились по склонамъ холмовъ, а на нѣкоторыхъ виднѣются до самой вершины ихъ. Вотъ гора, вся покрытая сосновымъ лѣсомъ, только верхушка ея представляетъ обнаженную скалу. Вотъ промелькнула стройная бамбуковая рощица. И вездѣ люди, движеніе, жизнь. Какая рѣзкая разница между этой жизнерадостной картиной и той тоскливой пустыней, которая зовется русскимъ Дальнимъ Востокомъ, и отъ которой насъ отдѣляютъ только три дня пути.

Пароходъ нашъ сталъ на якорь, и я могла теперь подробно осмотрѣть эту чудную, ни съ чѣмъ несравнимую Нагасакскую бухту, охваченную со всѣхъ сторонъ горами, покрытыми яркой сочной зеленью. Нагасаки расположился въ вершинѣ бухты, по склонамъ холмовъ и въ долинахъ между ними. Городъ, очевидно, большой; а между тѣмъ чего-то какъ будто не достаетъ, чтò присуще большому городу. Вслушиваясь и всматриваясь больше въ окружающее, я, наконецъ, понимаю, чего именно не хватаетъ: не достаетъ шума, того неопредѣленнаго гула, который слышенъ еще издали при приближеніи къ каждому болѣе или менѣе значительному европейскому населенному пункту.

Рейдъ очень оживленъ. Масса различныхъ коммерческихъ и военныхъ пароходовъ подъ различными флагами, парусныхъ судовъ и простыхъ рыбацкихъ лодокъ, покрываютъ бухту; все это представляетъ какой-то лѣсъ трубъ, мачтъ и флаговъ. Кромѣ того, множество шлюпокъ страннаго вида снуютъ по рейду въ разныхъ направленіяхъ, и лишь только пароходъ нашъ отдалъ якорь, онѣ, точно мухи, облѣпили его со всѣхъ сторонъ. Съ шлюпокъ глядятъ веселыя, улыбающіяся лица туземцевъ, и слышится ломаная русская рѣчь. Я беру одну изъ нихъ, хозяйка которой мнѣ показалась говорящей порусски бойчѣе другихъ, и ѣду на берегъ. Японская шлюпка (фунэ) представляетъ плоскодонную лодку довольно большихъ размѣровъ; по срединѣ ея находится маленькая, низенькая каюта, снабженная дверью и парой оконъ и выстланная чистой цыновкой; въ углу каюты виднѣется маленькій алтарь съ крошечнымъ идоломъ, а въ передней открытой части шлюпки, на маленькой жаровнѣ съ углями, готовится какое-то кушанье. Моя перевозчица оказывается очень любопытной особой и задаетъ мнѣ рядъ вопросовъ. Я съ трудомъ понимаю эту своеобразно-изломанную рѣчь. Въ свою очередь я тоже разспрашиваю ее и узнаю, между прочимъ, что фунэ, на которой я ѣду, служить единственной собственностью и единственной доходной статьей моей перевозчицы и ея мужа, что такой шлюпкой всегда управляютъ два человѣка, и что мѣстная полиція строго слѣдитъ за такимъ порядкомъ; обыкновенно эти гребцы члены одной семьи: мужъ и жена, отецъ съ

сыномъ, братья или сестры и т. д. Переѣздъ нашъ продолжался минутъ пятнадцать. Какъ только мы вышли на берегъ, насъ обступило множество извозчиковъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Японскій извозчикій экипажъ, такъ называемая дженерикша, есть легкая, изящная колясочка на двухъ высокихъ тонкихъ колесахъ, на лежачихъ рессорахъ, съ откиднымъ верхомъ. Особенность дженерикши та, что ее везетъ не лошадь, а человѣкъ. Трудно передать ощущеніе, которое испытываешь, когда ѣдешь въ первый разъ въ такой колясочкѣ: чувствуешь, какъ будто дѣлаешь и дѣтское, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хорошее дѣло; какъ-то неловко становится и предъ собою, и предъ встрѣчными, и при ѣздѣ инстинктивно стараешься сдѣлаться полегче. Впослѣдствіи я убѣдилась, что очень скоро привыкаешь и къ этому безобразному обычаю, какъ и ко многому другому на бѣломъ свѣтѣ. Не дешево достается хлѣбъ этимъ бѣднымъ японскимъ извозчикамъ. Между ними, какъ показали это изслѣдованія иностранныхъ и туземныхъ врачей, наблюдается значительное распространеніе сердечныхъ заболѣваній, въ особенности въ формѣ расширенія сердца. Мы велимъ везти себя въ городъ. Проѣзжаемъ сначала набережную, красивую улицу, обнесенную со стороны бухты каменнымъ парапетомъ, прекрасно вымощенную и посаженную деревьями. Предъ нами мелькаетъ рядъ европейскихъ двухэтажныхъ домовъ съ цвѣтниками и садами, наполненными камеліями, лимонными, апельсинными и другими фруктовыми деревьями, усыпанными спѣлыми плодами. Колесимъ по городу въ разныхъ направленіяхъ, чтобы получить общее представленіе о его фізіономіи. Улицы узки, извилисты; невысокіе деревянные дома крыты черными черепичными крышами; снаружи они не крашены, и такъ какъ дерево скоро темнѣетъ отъ погоды и времени, то общій тонъ города темный. По улицамъ снуютъ взадъ и впередъ много народа. Мы обгоняемъ группу попарно идущихъ молодыхъ дѣвушекъ въ изящныхъ свѣтлыхъ туземныхъ костюмахъ: веселыя, удивительно добродушныя личики. Одна изъ дѣвушекъ — премиленъкая; я два раза оглядываюсь на нее; она, очевидно, польщена вниманіемъ чужестранки; но, всетаки, считаетъ долгомъ скромно и конфузливо опустить глазки. Повсюду группы дѣтей. Играютъ дѣти не возлѣ домовъ, а по самой срединѣ улицы, гдѣ просторнѣе. Наши возницы еще издали начинаютъ кричать имъ, чтобы они побереглись; не тутъ-то было: дѣти продолжаютъ себѣ спокойно играть, не обращая вниманія ни на какіе крики; въ концѣ концовъ мы принуждены осторожно объѣзжать такія группы. Японскія дѣти, на мой взглядъ, далеко не привлекательны и, конечно, не выдерживаютъ никакого сравненія съ маленькими европейцами. Дѣти постарше таскаютъ своихъ крошечныхъ сестеръ и братьевъ, которые привязаны за спиною у нихъ такъ, чтобы, по возможности, не мѣшать имъ ходить и бѣгать. Обычай этотъ поразилъ меня

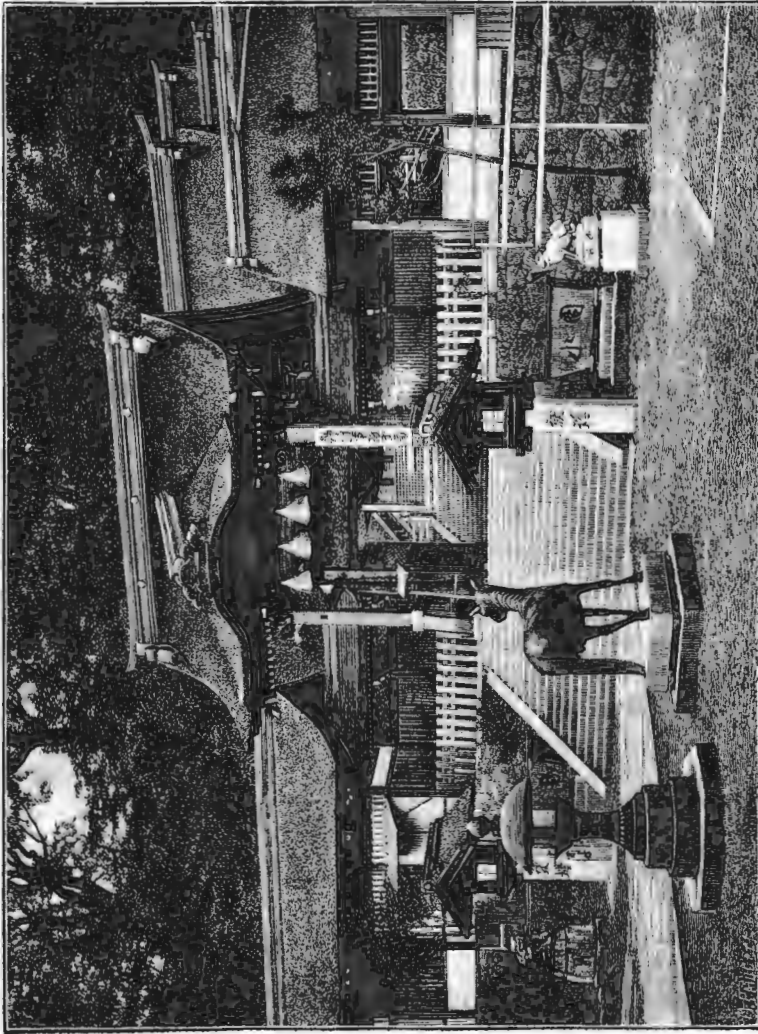

Японскій домі.

своей негигиеничностью. Не трудно понять, въ самомъ дѣлѣ, на сколько онъ вреденъ и для крошечныхъ ребятъ, и для ихъ маленькихъ нянекъ, начинающихъ таскать свою ношу съ 5—6 лѣтняго возраста: тяжесть, давящая на спину ребенка-няньки, мѣшаетъ свободнымъ дыхательнымъ движеніямъ грудной клѣтки и способствуетъ застоямъ крови въ легкихъ, а неокрѣпшій позвоночный столбъ отъ постоянного давленія предрасполагается къ заболѣваніямъ позвонковъ. Не меньшій вредъ приносить этотъ обычай и груднымъ дѣтямъ: тѣло ихъ все время согнуто; руки и ноги поджаты; голова спящаго ребенка болтается изъ стороны въ сторону, совершая при каждомъ движеніи няньки розмахи, обусловленные исключительно собственной тяжестью; о свободномъ кровообращеніи и дыханіи не можетъ быть и рѣчи при подобномъ положеніи.

Какая масса торговыхъ заведеній повсюду: буквально, въ каждомъ домѣ какая нибудь лавка; кто только покупаетъ всю эту массу товаровъ? Тамъ и сямъ бросаются въ глаза овощныя, фруКТовыя и рыбныя лавки, съ грудями наваленныхъ въ нихъ продуктовъ. Среди фруКТовъ преобладаютъ апельсины и красныя, крупныя плоды, величиною съ большое крымское яблоко: это — кѣки, приторносладкій, сочный фруКТъ, созрѣвающимъ только въ Японіи. Запахъ и паръ отъ горячаго кушанья вдругъ рѣзко бьетъ въ носъ: передъ нами подвижная кухня, которую одинъ человѣкъ перевозитъ на рукахъ, предлагая грошова яства своимъ невзыскательнымъ потребителямъ. Кромѣ этихъ бродячихъ кухмистерскихъ, мы встрѣчаемъ и осѣдлыя; ихъ можно видѣть во всѣхъ пунктахъ города. Остановливаемся передъ одной изъ такихъ кухмистерскихъ: она представляетъ крошечную кухню, гдѣ стоятъ двѣ жаровни, по полкамъ разложены сырые продукты, а на прилавкѣ уже лежатъ готовыя кушанья: кусочки соленой и свѣжей рыбы, вареный горячій картофель, рисъ и проч. Все очень чисто. Подходитъ потребитель, беретъ палочку съ воткнутой на нее картофелиной, или крошечную чашечку рису, или такую же миниатюрную чашечку не то съ соусомъ, не то съ ухой, съѣдаетъ свою порцію, кладетъ очень мелкую монету и уходитъ, уступая мѣсто другому. Все это совершается тихо, спокойно, безъ громкихъ, рѣзкихъ словъ и движеній, очень часто съ добродушной улыбкой. Не смотря на большое оживленіе, царствующее на улицахъ, меня удивляетъ тишина и, если можно такъ выразиться, порядочность японской улицы: не видно ни пьяныхъ, ни драки, не слышно грубыхъ голосовъ. Улица имѣетъ какой-то своеобразно-праздничный видъ: все дѣлается какъ будто не въ серьезъ, шутя. Знакомые, при встрѣчахъ, до комизма вѣжливо раскланиваются другъ съ другомъ, низко-низко сгибая спину и упираясь иногда при этомъ руками въ колѣни. Не видно озабоченныхъ лицъ: все кажется довольнымъ и счастливымъ среди этой ласково улыбаю-

щейся природы, подъ лучами этого горячаго солнца. Туземные костюмы (кимоно) мужчинъ и женщинъ покроемъ своимъ очень схожи: это длинные халаты или капоты до пять, съ широкими рукавами. Женщины здѣсь щеголяютъ своими куафюрами и поя-

Храмъ Сува, покровителя города Нагасаки.

сами. У эlegantной женщины прическа непременно трехэтажная; въ ней торчатъ одна-двѣ шпильки, иногда искусственный дѣвѣтокъ; волосы — рѣзко-чернаго цвѣта и сильно блестятъ. Что касается поясовъ (оби), то они очень нарядны, очень широки и граціозно завязаны сзади широкимъ бантомъ.

Главная улица Нагасаки (Мото-Каго-мачи) представляет изъ себя цѣлую выставку. Мы останавливаемся у одного изъ большихъ магазиновъ ея. Насъ встрѣчаетъ съ любезными поклонами хозяинъ и, узнавъ тотчасъ, что мы русскіе, заводитъ разговоръ на русскомъ языкѣ. Чего-чего только нѣтъ здѣсь: фарфоръ, бронза, лакированные вещи, ширмы, издѣлія изъ слоновой кости, и проч., и проч. Просто глаза разбѣгаются при видѣ этого множества пестрыхъ, оригинально-красивыхъ вещицъ. Отсюда мы отправляемся въ магазинъ шелковыхъ вышивокъ. Магазинъ и мастерская помѣщаются вмѣстѣ. Работаютъ исключительно мужчины. Въ мастерскихъ черепаховыхъ издѣлій—то же самое.

— Скажите, пожалуйста, что это значитъ? Почему женщинъ совсѣмъ не видно въ вашихъ мастерскихъ?—обращаюсь я къ одному изъ туземныхъ купцовъ.

Его, очевидно, удивляетъ мой вопросъ.

— Зачѣмъ же женщинамъ идти въ мастерскія?—отвѣчаетъ онъ мнѣ вопросомъ.

— Но вѣдь такая работа, какъ вышиванье или выдѣлка черепаховыхъ бездѣлушекъ, болѣе сподручна женщинамъ.

— О, нѣтъ! Мужчины у насъ очень хорошо дѣлаютъ всѣ эти вещи, женщинамъ и не угоняться за ними.

Дѣйствительно, я узнаю потомъ, что купецъ говорилъ мнѣ правду: лучшія японскія вышивки, лучшія японскія издѣлія вообще, до самыхъ мелкихъ включительно, созданы не женскими, а мужскими руками.

Изъ множества магазиновъ, въ которыхъ я побывала въ этотъ день, упомяну еще только о магазинѣ Іезаки. Нагасаки славится своими черепаховыми издѣліями, и Іезаки считается лучшимъ мастеромъ по этой части. Дѣйствительно, мы видѣли у него прелестныя вещицы: модели дженерикшъ и фунэ, шкатулки, клѣтки для птицъ, крышки для альбомовъ, и проч., и проч.; но больше всего меня поразили модели нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ судовъ.

Отъ Іезаки мы попали въ какой-то магазинъ туземныхъ рѣдкостей, гдѣ мнѣ удалось, между прочимъ, осмотрѣть впервые подробно японскій домъ. Первое, что бросилось намъ въ глаза при входѣ въ домъ, это—необыкновенная чистота и отсутствіе мебели; полы были покрыты толстыми, мягкими циновками, совершенно заглушающими шаги. Мы переходимъ изъ одной комнаты въ другую; вездѣ одно и то же: ни стола, ни стула, ни кровати,—ни признака той обстановки, безъ которой у насъ немыслима домашняя жизнь даже въ самой бѣдной избѣ. Я спрашиваю у хозяйки: на чемъ вы спите? какъ вы обѣдаете?

Хозяйка подходитъ къ одной изъ стѣнъ, быстро раздвигаетъ ее, и предо мной открывается вдругъ цѣлый складъ подушекъ и одѣ-

Яповскія няньки.

яль, скрытыхъ въ этомъ оригинальномъ шкапу. Постель стелется прямо на полу, на циновкахъ.

Затѣмъ хозяйка раздвигаетъ другую стѣну, и предо мною буфетъ, уставленный всевозможной посудой, необходимой въ японскомъ быту. Если надо одѣться, изъ такихъ же скрытыхъ шкаповъ достаютъ принадлежности туалета.

Въ этотъ же день я осмотрѣла еще самый замѣчательный изъ мѣстныхъ храмовъ—храмъ патрона города Нагасаки, духа Сува. Мы остановились у одного изъ холмовъ сѣверной части города. Массивная, широкая каменная лѣстница, прерываемая площадками и обставленная высокими, каменными портиками—Тори, ведетъ по склону холма къ святилищу; всѣхъ ступеней болѣе 200. На обширномъ дворѣ верхней площадки, окруженномъ сквозными галереями, стоитъ бронзовая статуя лошади, немного меньше натуральной величины; здѣсь же находятся высокія фарфоровыя вазы-курильницы очень хорошей работы и большіе бронзовые чаны съ освященной водой. Самый храмъ внутри имѣетъ видъ комнаты обыкновеннаго японскаго дома: тѣ же деревянные рамы-стѣны, тѣ же циновки на полу. Только противъ входа видна рѣшетчатая дверь, запертая засовомъ, да на стѣнѣ висятъ двѣ деревянныя картины, съ изображеніемъ священныхъ процессій. Крыша храма представляется на видъ весьма тяжелымъ сооруженіемъ. Общія контуры ея, толстые края и темный цвѣтъ, очень напоминаютъ издали старья, почернѣвшія отъ времени соломенные крыши амбаровъ въ нашихъ южно-русскихъ деревняхъ. Она состоитъ изъ слоевъ множества тонкихъ деревянныхъ досчечекъ, плотно пригнанныхъ другъ къ другу. Это — традиціонная форма крыши всякаго храма: она должна напоминать первобытную хижину боговъ, жившихъ нѣкогда въ Японіи. Выйдя изъ храма и поднимаясь въ священную рощу, раскинувшуюся надъ нимъ по склонамъ холма, мы увидѣли, что отъ главнаго храмоваго зданія идетъ вверхъ закрытый со всѣхъ сторонъ корридоръ, кончающійся маленькимъ деревяннымъ домикомъ, съ такой же темной крышей. Мы говорять, что здѣсь, въ этомъ домикѣ, на столѣ, имѣющемъ форму алтаря, помѣщается главная святыня храма—круглое металлическое зеркало, по обѣимъ сторонамъ котораго подвѣшены узкія полоски бѣлой бумаги (гохеи), расположенныя зигзагообразно. Это зеркало и гохеи составляютъ нераздѣльные атрибуты древнѣйшей національной религіи Японіи, такъ называемаго культа Синто.

Рядомъ съ храмомъ, на обширной площадкѣ, усыпанной мелкими камешками и пескомъ, среди зелени развѣсистыхъ деревьевъ, пріютилось нѣсколько чистенькихъ домиковъ, съ цѣлымъ полчищемъ веселыхъ прислужницъ, предлагающихъ зайти и освѣжиться чаемъ или прохладительными напитками. Вокругъ храма раскинулась прелестная роща, наполненная гигантскими камфарными де-

ревьями, криптомеріями, японскими соснами и камеліями, насчитывающими не одну сотню лѣтъ. Какъ чудно-хорошо въ этой священной роцѣ, полной глубокой тишины и покоя, составляющаго столь рѣзкій контрастъ съ кипучей людскою жизнью, оставшейся тамъ, внизу, у подножія холма.

Порядочно утомившись пестрыми впечатлѣніями промышленной части японскаго города, мы отправились въ европейскій кварталъ Нагасаки. Дома европейцевъ окружены глубокими верандами для защиты отъ лучей лѣтняго солнца; на эти веранды выходятъ *portes-fenêtres* всѣхъ комнатъ; возлѣ каждаго дома — тѣнистые сады, цвѣтники, огороды. Русское консульство и лазаретъ Тихоокеанской эскадры расположились очень живописно на склонѣ холма въ лучшей части европейскаго квартала. Консульство наше буквально утопаетъ въ зелени и цвѣтахъ, такъ что со стороны улицы его почти не видно. Европейская часть содержится идеально-чисто.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ городомъ, я вернулась на пароходъ. Здѣсь я нашла цѣлый базаръ: тысячи бездѣлушекъ, издѣлій мѣстной промышленности, покрывали всю верхнюю палубу; масса японцевъ въ своихъ длиннополыхъ платьяхъ толкалась возлѣ выставленныхъ товаровъ, съ поклонами, присѣданіями и ласковыми улыбками. Пассажиры прицѣнивались къ этимъ красивымъ вещицамъ и дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями. Повсюду слышался оживленный говоръ. Господствовало то особое возбужденіе, которое является на всякомъ пароходѣ, приходящемъ въ новый портъ.

«Петербургъ» простоялъ въ Нагасаки нѣсколько дней; я успѣла ближе ознакомиться съ городомъ, осмотрѣла еще нѣсколько храмовъ, кое-какія производства, и все это было полно для меня захватывающаго интереса, все говорило о самобытной высокой культурѣ, о своеобразной цивилизаціи. Я съ грустью покинула этотъ городъ, возбудившій во мнѣ такой глубокой интересъ къ Японіи и давшій мнѣ только жалкія отрывочныя свѣдѣнія о ней. Меня тянуло узнать ее поближе.

Японскій отдѣлъ на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ лучшихъ. Онъ занималъ громадное помѣщеніе, былъ великолѣпно обставленъ и давалъ точное представленіе о многихъ сторонахъ японской культуры. Я часто бывала въ этомъ отдѣлѣ, и интересъ мой къ этой далекой странѣ возросъ все больше и больше.

Обстоятельства мои сложились такъ, что зимою 1889 года я получила возможность опять поѣхать въ Японію; но на этотъ разъ уже не на нѣсколько дней, а на гораздо болѣе продолжительное время: я пріѣхала въ Японію въ декабрѣ 1889 года и покинула ее въ концѣ апрѣля 1891 года.

Не буду описывать подробно день за днемъ мое пребываніе въ этой странѣ. Сообщу здѣсь лишь нѣсколько эпизодовъ, имѣющихъ болѣе общій интересъ.

II.

Японскій званный обѣдъ.

Много лѣтъ уже существуетъ въ Нагасаки богатая японская фирма, занимающаяся главнымъ образомъ поставкой разныхъ припасовъ и матеріаловъ на русскія военныя суда (откуда и пошло ея богатство) и получившая имя отъ своего основателя, нѣкогда Кихэ. Всѣ главные члены компаніи Кихэ говорятъ порядочно по-русски и стараются оказать русскимъ, имѣющимъ какое либо отношеніе къ флоту, всевозможныя услуги и вниманіе. Когда русское военное судно приходитъ въ Нагасаки, эта компанія обыкновенно даетъ офицерамъ обѣдъ въ японскомъ вкусѣ, съ японскими танцовщицами и пѣвицами, и на этихъ обѣдахъ, говорятъ, бываетъ очень весело. Въ февралѣ 1890 года компанія Кихэ устроила такой же обѣдъ съ гейшами, то-есть танцовщицами и пѣвицами, для русскихъ дамъ, проводившихъ зиму въ Нагасаки. На обѣдъ приѣхало болѣе десятка русскихъ дамъ, женъ офицеровъ эскадры. Мѣстомъ собранія была избрана огромная зала втораго этажа одной изъ лучшихъ японскихъ гостинницъ. Вокругъ залы снаружи шла открытая галлерей. Не смотря на холодъ, стѣны комнаты были раздвинуты, и свѣжій, наружный воздухъ свободно проникалъ въ нее. Съ галлерей открывался красивый видъ на окрестныя горы, а внизу виднѣлся небольшой очень изящный садикъ, съ нѣсколькими странно-изогнутыми деревьями, съ искусственными крошечными водопадами и такимъ же миниатюрнымъ озеромъ. Тутъ же весело журчалъ свѣтлый, прозрачный ручеекъ, нарушавшій своимъ поэтическимъ шумомъ окрестную тишину, а кругомъ виднѣлись холмики, мостики, извилистыя дорожки, деревья-карлики, и проч., и проч.

Обѣдъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Мы сѣли на цыновки пояпонски, поджавъ подъ себя ноги. Передъ каждой изъ насъ стоялъ отдѣльный обѣденный столикъ, въ видѣ крошечной скамеечки, уставленной миниатюрными лакированными чашечками съ кушаньями; чашечки были закрыты такими же лакированными крышками. Наши ложки, ножъ и вилка замѣняются у японцевъ парой деревянныхъ палочекъ, которыми они очень ловко управляютъ при употребленіи густой и твердой пищи, а жидкую просто выпиваютъ изъ чашекъ. Намъ къ каждому прибору, или, вѣрнѣе, столику, была подана пара тонкихъ, длинныхъ деревянныхъ палочекъ въ запечатанномъ конвертѣ, что являлось доказательствомъ ихъ полной чистоты и того, что онѣ вообще ни разу не были въ употребленіи. Рисовая бумага, находящаяся въ рукавахъ платья, замѣняетъ у японцевъ салфетку во время ѣды и носовой платокъ въ остальное время. За обѣдомъ каждой изъ насъ прислуживала молоденькая

Японскій обѣдъ.

японка, а хозяева переходили от одной гостыи къ другой, предлагая угощеніе; время от времени они обращались къ намъ съ просьбой выпить вина изъ ихъ чашечекъ, причемъ тутъ же споласкивали ихъ чистой водой, вытирали, наливали виномъ и предлагали выпить, послѣ чего, уже не вымывая чашекъ, пили изъ нихъ сами. Вотъ краткое меню этого параднаго обѣда: 1) рыба уха съ угремъ, 2) рыба уха съ яйцами, 3) уха изъ омаровъ, 4) сырая рыба съ соей, 5) тай, очень вкусная, жареная рыба, 6) какая-то крошечная вареная рыбешка, 7) корень бамбука отварной, 8) корень лиліи, отваренный и замаринованный, 9) большіе бобы подъ сахарнымъ соусомъ, 10) рисовыя лепешки съ рыбой, причемъ рыба и рисъ, наръзанные правильными кубиками, расположены слоями и рыба окрашена въ красный цвѣтъ, 11) такой же формы рисовыя лепешки съ яйцами, причемъ яичный слой окрашенъ въ розовый цвѣтъ; 12) цѣлый рядъ маринадовъ: рыбокъ, рѣдьки, бамбуковаго корня и проч. Маринованная морская капуста мнѣ показалась очень вкусной. На сладкое были поданы: неподражаемо сдѣланныя вѣтки красныхъ и бѣлыхъ камелій въ натуральную величину, съ листьями и стеблями, вѣтви цвѣтущихъ вишенъ, сливъ и абрикосовъ,—все это изъ сахара; затѣмъ рисовыя булочки въ формѣ крошечныхъ островковъ и горъ, покрытыхъ сахаромъ, сдѣланнымъ въ видѣ густой, свѣжей зелени. Питье состояло изъ зеленого чая и саки, японской рисовой водки, которую пьютъ подогрѣтой въ крошечныхъ чашечкахъ-наперсткахъ. Обыкновенно на такихъ обѣдахъ всѣмъ присутствующимъ даютъ по хорошенькому деревянному ящичку, въ который бываютъ уложены всѣ блюда обѣда, кромѣ суповъ: это—для домашнихъ.

Многимъ европейцамъ не нравится японскій обѣдъ. Это зависитъ, конечно, прежде всего отъ вкуса; но, кромѣ того, здѣсь играютъ, вѣроятно, роль и тѣ особенности японскаго обѣда, которыя такъ сильно идутъ въ разрѣзъ нашимъ привычкамъ: для европейскаго желудка, привыкшаго къ мясному столу, этотъ растительный и рыбный столъ кажется и недостаточно питательнымъ, и слишкомъ прѣснымъ; почти всѣ блюда жарятся и варятся совершенно безъ соли; если подается жареная птица и дичь, то ихъ часто обливаютъ сладкимъ соусомъ; хлѣба нѣтъ, вмѣсто него подается рисъ; обѣдъ начинается теплымъ саки и кончается рисомъ; всего этого достаточно, чтобы сбить съ толку европейскій желудокъ и не влюбить сразу японскій обѣдъ. А извѣстно, какъ много значитъ въ такомъ дѣлѣ первое впечатлѣніе. Компания Кихэ приготовила для насъ обѣдъ съ солью, и всѣ блюда показались мнѣ очень вкусными.

Музыка, пѣніе, танцы и театральное представленіе составляютъ неизбѣжную принадлежность каждаго порядочнаго званнаго обѣда. И за нашимъ обѣдомъ, тотчасъ по его окончаніи, начались танцы, для которыхъ были устроены въ одномъ углу залы подмостки. Во

Гейши (японскія танцовщицы).

время танцевъ оркестръ японскихъ гейшъ исполняли какія-то пьесы на туземныхъ арфахъ и гитарахъ, аккомпанируя себѣ пѣньемъ. Японская музыка и пѣніе, на мой взглядъ, нѣчто до того убійственное, что, услышавъ ихъ разъ, не испытываешь ни малѣйшаго желанія подвергнуться этой мукѣ вторично. Совсѣмъ другое дѣло танцы. Танцовали двѣ молоденькія дѣвушки, лѣтъ 15—16. Одна была одѣта мужчиной, другая женщиной. Шеи и лица ихъ были сильно набѣлены, а губы подкрашены. Изображали онѣ рядъ сценъ изъ прежней придворной жизни. Втеченіе вечера онѣ разъ семь мѣняли костюмы, которые отличались большой пестротой, роскошью и богатствомъ. Танцы и мимика были полны граціи и выразительности. Содержаніе пьесы составляли перипетіи ссоры и примиренія принца и принцессы при дворѣ Микадо. Капризы принцессы были переданы съ большой граціей и женственностью. Далѣе слѣдовало представленіе различныхъ бытовыхъ сценъ.

Танцы затянулись до 10 часовъ вечера, и мы разошлись по домамъ, порядочно усталыя, какъ отъ необычнаго зрѣлища, такъ главнымъ образомъ отъ ужасной музыки, способной разстроить самыя крѣпкіе нервы.

Пѣніе и инструментальная музыка въ Японіи составляютъ предметъ упражненія только для дѣвицъ. Тѣ, которыя сдѣлаютъ себѣ изъ этихъ занятій ремесло, называются гейшами. Большею частью гейши происходятъ изъ низшихъ классовъ общества. Иногда это—сироты, о которыхъ некому позаботиться. Маленькими дѣвочками попадаютъ онѣ въ руки предпринимателей, спеціальность которыхъ приготовленіе гейшъ. Кромѣ обученія пѣнію и музыкѣ, онѣ получаютъ также порядочное общее образованіе по части литературы, поэзіи и декламации; ихъ учатъ также изящнымъ манерамъ и умѣнью вести непринужденный свѣтскій разговоръ. Онѣ иногда очень остроумны, чѣмъ, въ связи съ ихъ молодостью и красотой, объясняется то обстоятельство, что эти дѣвушки дѣлаютъ иногда блестящія партіи въ среднихъ слояхъ японскаго общества.

III.

Буддійскія похороны.

Зимою 1891 года мнѣ представился случай близко видѣть буддійскія похороны. У одного японскаго доктора, профессора мѣстной медицинскои школы, умеръ тесть. Я, вмѣстѣ съ А. А. Сига ¹⁾,

¹⁾ Александръ Алексѣевичъ Сига, православный японецъ, бывшій лѣтъ 20 тому назадъ секретаремъ при японскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, живетъ теперь постоянно въ Нагасаки, владѣетъ довольно хорошо русскимъ языкомъ и оказываетъ много услугъ русскимъ по части осмотра и ознакомленія съ городомъ.

отправилась въ домъ покойника. Старикъ умеръ три дня тому назадъ. По обычаю, тѣло послѣ смерти обмывается и оставляется лежать 48 часовъ; затѣмъ, послѣ предварительной панихиды на дому, его кладутъ въ деревянный ящикъ въ сидячемъ положеніи и отправляютъ въ трупо-сжигательную печь, находящуюся за городомъ. По сожженіи, пепелъ помѣщаютъ въ фарфоровую посуду, которую ставятъ затѣмъ въ чистенькій деревянный ящикъ, имѣющій форму маленькаго домика. Этотъ-то ящикъ и относятъ на кладбище. Когда я пришла въ домъ, гдѣ лежалъ прахъ покойника, то нашла уже все готовымъ къ похоронамъ. Зала была уставлена искусственными деревцами съ цвѣтами, прекрасно сдѣланными; особенно хороши были камелии и цвѣты лотоса, смотрѣвшіе со-всѣмъ живыми. На почетномъ мѣстѣ комнаты, на столѣ, покрытомъ златотканной парчей и уставленномъ цвѣтами, стоялъ ящикъ съ останками; предъ нимъ курились благовонія. Буддѣйскій священникъ читалъ молитвы. Хозяинъ былъ одѣтъ въ европейскій черный костюмъ; дочь покойника, вдова и сестра его — въ японскіе сѣрые шелковые кимоно, изъ-подъ которыхъ видѣлись бѣлые креповые; на головѣ у каждой — плоская креповая наколка, приколота шпилькой (въ Японіи траурнымъ цвѣтомъ служитъ бѣлый). Лица у всѣхъ были серьезныя, но не заплаканныя. При нашемъ появленіи, хозяева очень вѣжливо раскланялись съ нами и попросили войти. Я опустила на колѣни въ углу комнаты. Ко мнѣ сейчасъ же подошла хозяйка съ чашечкой зеленого чая и угощеніями, состоявшими изъ трехъ пряниковъ, бѣлыхъ и розовыхъ, очень красивыхъ на видъ; такія же угощенія были положены и предъ остальными посѣтителеми, которые потомъ при уходѣ завертывали пряники въ лежавшую тутъ же бумагу и уносили ихъ домой. Всѣ входящіе опускались на полъ и раскланивались съ хозяевами, касаясь лбами пола; хозяйка такимъ же образомъ раскланивалась со всѣми. Затѣмъ, каждый изъ гостей подходилъ къ останкамъ покойника, отвѣшивалъ низкій поклонъ, оставался нѣкоторое время въ такомъ положеніи, шепча молитву, потомъ зажигалъ курительную свѣчу и отходилъ въ сторону, уступая мѣсто другому. Выносъ тѣла послѣдовалъ въ такомъ порядкѣ: сперва вынесли всѣ цвѣты, потомъ укрѣпили фундаментъ домика, содержавшаго сосудъ съ пепломъ; на этотъ фундаментъ оставили и увязали самый сосудъ съ пепломъ, на который надѣли парчевый чехоль, и, наконецъ, закрыли все сверху домикомъ, точно футляромъ.

Въ домикѣ этомъ — 4 полукруглыхъ окна, затянутыхъ внутри зеленымъ шелковымъ фуляромъ; стѣны же его покрыты золотистой парчей, въ тонъ съ деревомъ. Когда выносили гробъ, женщины на порогѣ простились съ нимъ, причемъ вдова покойнаго горько заплакала; по лицу ея обильно текли слезы, но она не из-

дала ни одного звука. Передъ воротами дома священники опять прочитали молитвы, и процессія двинулась къ храму. Впереди несли нѣчто въ родѣ хоругвей: на длинныхъ шестахъ были прикрѣплены бѣлыя шелковыя полосы, длиною въ сажень, шириною около трехъ четвертей аршина, съ священными буддѣйскими надписями. Такихъ хоругвей было, кажется, восемь. Затѣмъ 40 человѣкъ, шедшихъ попарно, несли цвѣты. За цвѣтами шли священники; ихъ было 9 человѣкъ: 8 шли попарно, а одинъ, старшій, непосредственно предшествовалъ гробу. Гробъ несли кўли (японскіе черно-рабочіе). Одинъ кўли держалъ надъ нимъ длинный шестъ, къ которому были прикрѣплены вѣтки лотоса и множество бѣлыхъ полотницъ, большихъ и малыхъ, съ буддѣйскими изреченіями. Тотчасъ за гробомъ шелъ зять покойнаго докторъ N., весь въ черномъ, съ цилиндромъ на головѣ, а за нимъ его знакомые и всѣ воспитанники Нагасакской медицинской школы, гдѣ докторъ N. состоитъ преподавателемъ. Ни одной туземной женщины не участвовало въ процессіи; онѣ пріѣхали въ храмъ послѣ. Передъ воротами храма священники снова читали молитвы, сопровождавшіяся ударами въ гонги. Эта литія дала время установить цвѣты. Храмъ представлялъ длинную залу, середину которой занимало возвышеніе для алтаря. Колонны были всѣ обтянуты красной матеріей; балдахинъ надъ алтаремъ — тоже красный. Самый алтарь деревянный рѣзной, золоченый. Изъ цвѣтовъ сдѣлали цѣлую аллею во всю длину прохода; противъ алтаря поставили, на высокихъ подмосткахъ, урну съ прахомъ покойника, а передъ ней курильницу съ благовоніями. Между гробомъ и алтаремъ размѣстились четырехугольникомъ священники, числомъ 22. Всѣ они стояли, главный же сѣлъ лицомъ къ покойнику и спиной къ алтарю. У всѣхъ (опять-таки за исключеніемъ главнаго) головы были обнажены. Одѣты они въ нѣсколько роскошныхъ шелковыхъ одеждъ, вѣроятно, по причинѣ холоднаго времени. Верхняя риза — парчевая, или же атласная, вышитая цвѣтами. Главный священникъ былъ въ парчевой красной ризѣ, шитой золотомъ; изъ той же парчевой ткани былъ сдѣланъ у него высокий, своеобразный головной уборъ. Ни одинъ костюмъ не походилъ на другой. Всѣ священническія одежды были самыхъ веселыхъ, свѣтлыхъ тоновъ и оттѣнковъ, и вообще весь храмъ имѣлъ странно-радостный видъ. По ученію буддистовъ, смерть, какъ освобожденіе человѣка отъ земныхъ страданій, какъ одинъ изъ этаповъ къ достиженію человѣческимъ духомъ блаженства нирваны, должна считаться радостнымъ явленіемъ, а вовсе не несчастьемъ.

Родственники и знакомые покойника размѣстились такъ, что по правую сторону усѣлись мужчины, а по лѣвую — женщины. Церковная служба продолжалась около часа и состояла изъ однообразнаго пѣнія и какихъ-то словъ, произносимыхъ въ носъ нараспѣвъ.

По окончаніи службы, одинъ изъ присутствующихъ всталъ и произнесъ надгробную рѣчь, которую читалъ по бумагѣ, повернутой на палку и по мѣрѣ чтенія развертывавшейся. Затѣмъ четыре священника поочередно благословили покойника. Каждый изъ нихъ подходилъ къ курильницѣ, натиралъ ладони куревомъ, торжественной походкой приближался къ гробу и граціознымъ движеніемъ руки, въ которой находился закрытый вѣеръ, описывалъ надъ гробомъ два круга; затѣмъ такой же размѣренной походкой возвращался назадъ и, обратясь лицомъ къ гробу, читалъ молитвы. Главный священникъ произнесъ слово, сидя на своемъ мѣстѣ, и, кончивъ говорить, всталъ, подошелъ къ курильницѣ въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ съ обрѣтыми головами (это—будущіе священники) и совершилъ благословеніе не вѣеромъ, а длинной кистью изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ. Теперь церковный обрядъ кончился, и началось прощаніе родныхъ и знакомыхъ. Сначала подошелъ зять покойника съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ; оба насыпали благовоннаго порошку въ курильницу и отвѣсили нѣсколько земныхъ поклоновъ; затѣмъ ту же церемонію продѣлали всѣ присутствующіе, за исключеніемъ женщинъ. Изъ храма гробъ понесли уже безъ всякой помпы на кладбище, которое помѣщается тутъ же, на склонѣ высокаго холма за храмомъ. Гробъ провожали зять и внукъ покойнаго и только одинъ священникъ. Урну съ останками опустили въ яму, положили сверху камни, засыпали землей, поверхъ которой поставили деревянный домикъ съ цвѣтами, фонарями, съ чашечками рису и рисовой водки для души умершаго; затѣмъ здѣсь же помѣстили деревянную колонну съ надписью: она должна стоять, пока не изготовятъ настоящаго каменнаго памятника.

По окончаніи погребенія, ближайшій родственникъ покойнаго сталъ при входѣ у воротъ храма и благодарилъ всѣхъ пришедшихъ на похороны за оказанную ему честь. Кромѣ того, болѣе интимнымъ или важнымъ знакомымъ онъ дѣлаетъ потомъ личные визиты, другимъ разсылаетъ свои карточки, а третьихъ благодарить въ газетахъ. На поминальный обѣдъ приглашаются только самые близкіе родственники и друзья.

Трауръ въ Японіи состоитъ въ ношеніи, во-первыхъ, траурнаго костюма, во-вторыхъ, въ воздержаніи отъ животной пищи. Самые продолжительные сроки установлены для траура по мужу и по родителямъ: ношеніе траурнаго костюма въ этихъ случаяхъ обязательно втеченіе 13-ти мѣсяцевъ, а воздержаніе отъ животной пищи—втеченіе 50-ти дней. Трауръ по женѣ носится 20 дней и 20 дней не ѣдятъ животной пищи; для прочихъ родственниковъ эти сроки колеблются между 7 и 150 днями (послѣднее для дѣдовъ, напимѣръ) и 3 и 30 днями.

Втеченіе первой недѣли послѣ похоронъ, священникъ того прихода, къ которому принадлежалъ покойникъ, ежедневно является

въ домъ, гдѣ жилъ послѣдній, и молится здѣсь. Затѣмъ, самъ, безъ всякаго приглашенія со стороны родственниковъ, приходитъ сюда разъ въ мѣсяцъ для краткой поминальной молитвы. У каждого такого священника имѣется списокъ всѣхъ семей его прихожанъ, съ обозначеніемъ дней, въ которые умеръ тотъ или другой членъ семьи, такъ что онъ впередъ знаетъ, гдѣ ему надо побывать. Прийдя въ домъ для поминальной молитвы, онъ прямо отправляется въ самую дальнюю комнату, гдѣ находится кіотъ съ изображеніями буддійскихъ святыхъ и стоятъ таблички съ посмертными именами покойныхъ членовъ семьи. Здѣсь всегда находится одна, или нѣсколько чашечекъ съ рисомъ, который варится специально для душъ покойниковъ и мѣняется ежедневно. Интересно, что посуда, служащая для приготовления этого риса, лопаточка, которою онъ накладывается въ чашечки, самыя эти чашечки и даже огонь, на которомъ онъ варится, никогда не употребляются для приготовления пищи живымъ людямъ. За всѣмъ этимъ «покойничкиимъ», такъ сказать, хозяйствомъ смотритъ какая нибудь древняя бабушка, вообще самая старая по возрасту женщина въ семьѣ. Она же убираетъ ту комнату, гдѣ стоятъ боги, и спитъ въ ней. Впрочемъ, убирать эту комнату можетъ также и молодая, чистая дѣвушка. Священникъ, явившись сюда, зажигаетъ свѣчи, стоящія предъ образами, читаетъ краткую поминальную молитву, тушитъ затѣмъ свѣчи, но не руками, или своимъ дыханіемъ, которыми онъ осквернилъ бы святыню, а просто легкимъ взмахомъ вѣера, получаетъ ничтожную плату и удаляется.

Сожженіе умершихъ, о которомъ я упоминала выше, введено въ Японіи около 700 года нашей эры вмѣстѣ съ буддизмомъ; хотя оно и получило широкое распространеніе, но не вытѣснило собою древнѣйшаго туземнаго обычая погребенія труповъ въ землѣ.

Прежде какъ трупы, такъ и пепель отъ нихъ, хоронились на городскихъ кладбищахъ, находящихся въ Японіи съ ближайшемъ сосѣдствѣ съ людскими жилищами; но при нынѣшнемъ правительствѣ изданъ былъ законъ, позволяющій хоронить на такихъ кладбищахъ только пепель отъ сожженныхъ тѣлъ, для труповъ же отведены особыя кладбища, вдали отъ жилыхъ мѣстъ.

А. Черевкова.

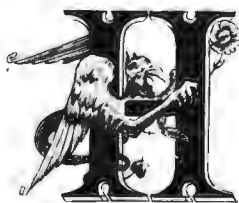
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг., собранные генераль-маіоромъ Д. Ѳ. Масловскимъ, ординарнымъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. Спб. 1892.

ИМЪЯ не признать, что исторія иностраннаго военнаго искусства обладаетъ множествомъ превосходныхъ образцовъ, данныхъ великими военными людьми за многіе вѣка; но нельзя отрицать, что исторія русскаго военнаго искусства также заключаетъ въ себѣ много поучительнаго: люди, работающіе на военномъ поприщѣ, найдутъ въ ней прекрасныя примѣры, уясняющіе тревожныя вопросы и настоящаго времени. Для насъ, русскихъ, особенно важно знать свою военную исторію предпочтительно передъ иностранной. Мы говоримъ не только о положительныхъ примѣрахъ, славныхъ подвигахъ русской арміи и ея полководцевъ, но и о примѣрахъ отрицательныхъ, о нашихъ ошибкахъ, нашемъ безславіи. Эти послѣднія дѣла, быть можетъ, еще поучительнѣе первыхъ, потому что послужатъ къ нашему отрезвленію, научатъ избѣгать постоянныхъ ошибокъ, повторяющихся въ русскихъ войнахъ различныхъ временъ, какъ точная копія. Но почему же, является вопросъ, мы въ такомъ случаѣ не пользуемся нашей военной исторіей, не изучаемъ ея? Отвѣтъ довольно простъ: она крайне мало разработана. Горазда проще взять примѣры изъ иностраннаго военнаго искусства, уже давно отлично разработанные авторитетами, такъ сказать, отшлифованные, чѣмъ рыться у себя въ матеріалахъ, чтобы съ большимъ трудомъ извлечь немного, за которое вдобавокъ можно подвергнуться нареканіямъ, ибо нельзя опереться на всепокрывающій авторитетъ какого нибудь патентованнаго иностранца.

По русской военной исторіи можно мало указать капитальных трудов; многія эпохи вовсе не тронуты разработкой¹); о массѣ военно-историческихъ фактовъ и военныхъ дѣятелей до сихъ поръ въ обществѣ, на основаніи иностранной литературы, существуютъ самыя нелѣпныя представленія. Странно сказать, даже наши великіе полководцы, Петръ I и Суворовъ, до сихъ поръ не объяснены должнымъ образомъ; ихъ операціи, за недостаткомъ документовъ, часто непонятны, не доищешься въ нихъ смысла, а между тѣмъ это произведенія людей гениальныхъ. Вотъ почему для серьезнаго изученія военной исторіи весьма важно изданіе покоящихся въ архивныхъ безднахъ документовъ, этого могущественнаго фундамента для будущаго правильнаго, стройнаго зданія военной исторіи.

Г. Масловскій не ограничивается простымъ печатаніемъ матеріаловъ: онъ добросовѣстно ихъ изслѣдуетъ, освѣщаетъ въ своемъ цѣнномъ предисловіи.

Въ настоящемъ выпускѣ собраны, извлеченные изъ архивовъ, документы Сѣверной войны за 1705—1708 гг. (гродненско-полтавская операція), но неизвѣстно, почему въ книгѣ находится много матеріаловъ за послѣдующіе годы, даже до 1751 года, что, конечно, не отвѣчаетъ заглавію.

Документы (письма Меншикова, Петра, его указы, затѣмъ таблицы, вѣдомости и пр.) чрезвычайно характерно представляютъ военную дѣятельность Петра въ періодъ Сѣверной войны.

Во главѣ выпуска поставленъ дополнительный къ «Уставу» 1716 года пунктъ, собственноручно писанный Петромъ въ 1722 году. Этимъ пунктомъ, по словамъ г. Масловскаго, «великій полководецъ завѣщалъ свой основной взглядъ на военное искусство, въ которомъ первое мѣсто отведено человеку, какъ главному дѣятелю, не формѣ, а мысли». Дѣйствительно, въ «пунктѣ» высказываются высокія истины, которыми не худо руководствоваться и въ настоящее время: «офицеры сугь салдатамъ яко отцы дѣтемъ... ни единой народъ всѣмъ такъ послушлие, яко росискиі... не теготитъ ихъ (то-есть солдатъ) лишними церемоніями, караулами и прочимъ, а особливо во время компаней... тамъ (то-есть въ уставѣ) порядки писаны а временъ і случаетъ нѣтъ, того ради ему (то-есть офицеру) надлежитъ разсужденіе имѣтъ... многія не смотря на трудной маршъ и прочія тягости салдатъ, когда кто изъ вышнихъ поѣдетъ, тотчасъ встатъ велитъ і ружье на караулъ поднятъ... чинятъ безъ разсужденія держася воинско устава яко слѣпой стѣны... дабы офицеры въ таковыхъ нужныхъ случаяхъ на крѣпко разсужденіи дѣлали, безъ чего обоитца невозможно для облегченія людямъ, опасаясь жестокаго істезанія за неразсужденіе». Вотъ гдѣ проведенъ истинный взглядъ на дисциплину!

Повелѣвая начальникамъ имѣть самое заботливое попеченіе о солдатахъ, Петръ приказываетъ принимать самыя крутыя мѣры противъ мародеровъ, этой язвы, подтачивающей дисциплину въ самомъ корнѣ. Такъ въ приказѣ по арміи 19-го апрѣля 1706 года было отдано (стр. 306—307): «Дабы каждый офицеръ своей роты, собравъ сержантовъ и капраловъ, сказалъ, чтобы они объявили всѣмъ солдатамъ явственно, повеже многожды имъ приказано, чтобы отъ строю отнюдь не отставали и въ стороны не

¹) Прошло 15 лѣтъ со времени послѣдней нашей войны съ турками, а солиднаго описанія ея еще не появлялось. Сочиненіе прусскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1870—1871 гг. начало печататься уже въ 1873 году.

отлучались и обывателямъ обидь не чинили, но тотъ указъ презирають, чего ради нынѣ устроенъ будетъ офицеръ, вмѣсто генерала-гевальдигера, при которомъ будетъ 30 человекъ солдатъ и палачъ, которому велѣно смотрѣть позади и по сторонамъ и вышепоставленныхъ слушниковъ ловить и вѣшать, а которыхъ они ротъ и капральствъ, и тѣхъ ротъ сержанты и капралы бивъ кнутомъ сосланы будутъ на каторгу вѣчно, а офицерамъ по артикулу штрафъ».

Съ офицерами за нарушение правилъ службы поступали весьма строго. Такъ въ одной выпискѣ (стр. 211; откуда сдѣлана выписка, не указано) приведено: «Лейбъ-гвардіи Семеновскаго регимента офицеры въ прошломъ 1707 году отпущены были за нуждами къ Москвѣ, а на срокъ въ полки не явились и за оное написаны въ солдаты, а кто именно, писано ниже сего: капитаны:—князь Василій Вяземскій, Василій Чаадаевъ, князь Алексѣй Хованскій, поручикъ князь Иванъ Барятинскій, прапорщикъ Петръ Вельяминовъ-Зерновъ».

На основаніи нынѣ изданныхъ документовъ можно выслѣдить, когда именно Петръ лично былъ при арміи и когда его не было, а это для оцѣнки операций, конечно, совершенно необходимо. Напримѣръ, во время весьма важнаго періода кампаніи 1708 года, сосредоточенія русской арміи для встрѣчи Карла XII подъ Головчинымъ, гдѣ мы были разбиты на голову 3-го іюля, Петра при войскахъ не было. Оказывается, что онъ не могъ прибыть къ арміи вслѣдствіе болѣзни и настоятельнаго требованія докторовъ предпринять продолжительное лѣченіе. Вотъ отрывки изъ собственноручныхъ писемъ царя Меншикову, подтверждающіе сказанное. Въ письмѣ отъ 6-го апрѣля (стр. 56) говорится: «... о себѣ же хотя-бъ и не хотѣлъ вамъ писать, однакожь объявляю для того, чтобъ отъ постороннихъ инако вамъ къ пущей печали не разнеслось, ибо я паки проклятую лихорадку досталъ, которою всю страшную недѣлю мучимъ былъ, и въ самый праздникъ превеликую мочь, только для людей, у начала заутрени былъ; нынѣ, слава Богу, отъ оной свободился, только еще отъ вербнаго воскресенья и по сей день улицы не знаю; надѣюсь завтра или четвергъ выттиять, сія лихорадка сама перестала безъ удерживанія лѣкарствъ, и злой матеріи много вышло (къ тому-жъ гортанная и грудная болѣзнь была не легче лихорадки, которою здѣсь почитай всѣ напереваль лежать), и хотя зѣло трудно терпѣть было, однакожь докторъ не нерадь, что такая матерія вышла предъ начинаніемъ лѣченія отъ скорбутика, которое начнется съ 20-го апрѣля»...

Въ другомъ письмѣ отъ 14-го апрѣля (стр. 58) проситъ, чтобы его звали для участія въ операциі противъ Карла, «понеже я вѣдаю, что сія игрушка меня не минеть», лишь въ самую послѣднюю минуту, «дабы миѣ хотя мало исправиться отъ болѣзни, ибо сегодня отъ той еще только день, какъ сталъ на дворъ выходить, о чемъ изволь спросить Хмѣлева; такъ же съ 20 дня сего мѣсяца буду починать лѣкарства принимать отъ скорбутика первыя, а въ концѣ сего мѣсяца или въ первыхъ мая меркуріальныя, для которыхъ дохтуръ сказалъ десять дней не ходить тогда изъ хоромъ; а самъ ваша милость вѣдаетъ, что николи я такъ не писывалъ, но Богъ видетъ, когда мочи нѣтъ, ибо безъ вдоронья и силы служить не возможно...». Эти краснорѣчивыя выдержки могутъ, какъ намъ кажется, многое объяснить въ исторіи Петра.

Не смотря на большую заботливость г. Масловскаго при изданіи матеріаловъ, должно поставить въ упрекъ примѣчаніе на 316 стр.: «мы иногда сохраняемъ ороографію подлинника». Но вѣдь это слѣдуетъ дѣлать всегда, ибо какая бы то ни было «обработка» документовъ не должна быть допускаема, если не желаютъ подорвать довѣріе къ матеріалу.

Точно также замѣтимъ, что документы значительно выигрываютъ, если указано, не только когда и гдѣ они написаны, но когда и гдѣ получены. Послѣднія свѣдѣнія могутъ повести къ весьма плодотворнымъ заключеніямъ, но правда—они требуютъ трудныхъ розысканій и соображеній историка.

Г. Масловскій печатаетъ курсивомъ тѣ выраженія, которыя считаетъ особенно важными или на которыя желаетъ обратить вниманіе. Такъ въ «Сказкѣ о службѣ перваго солдата русской регулярной арміи Сергѣя Бухвостова» напечатано курсивомъ (стр. 335): «въ 1683 году опредѣленъ въ службу въ Преображенскій полкъ въ потѣшныя». Какое значеніе историкъ придаетъ этимъ словамъ? Если здѣсь имѣется въ виду указать, будто Преображенскій полкъ сформированъ въ 1683 году, то приведеннымъ словамъ нельзя придать въ этомъ отношеніи никакой цѣны. Дѣло въ томъ, что «сказка» помѣчена 1726 годомъ, когда Преображенскій полкъ уже давно существовалъ, къ названію его привыкли, и составитель сказки приводитъ названіе полка, существовавшее въ его время, хотя и говорить о времени прошедшемъ. Точно также въ сказкѣ написано, что Бухвостовъ опредѣленъ въ 1683 году «по именному же его императорскаго величества указу». Значитъ ли это, что въ 1683 г. Петръ уже имѣлъ титулъ императора? Конечно, нѣтъ.

Придавая настоящему сборнику документовъ большую цѣнность, мы должны оговориться, что хотя остается еще масса неизданныхъ весьма важныхъ матеріаловъ, но вѣдь много уже и напечатано, однако не разработано, не приведено въ стройное историческое изложеніе. Кажется, пора бы приниматься за сводку и обработку.

Н. Орловъ.

Исторія англійскаго народа. Джона Ричарда Грина. Томъ третій. Пуританская Англія. 1603—1660. Революція. 1660—1683. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1892.

Шестая книга «Исторіи англійскаго народа» заканчивалась картиною Англіи въ послѣдніе годы правленія Елизаветы, или, по терминологіи Грина, въ концѣ вѣка возрожденія и новой монархіи. Спасенное отъ опасностей, угрожавшихъ его существованію и національному единству, королевство стояло теперь на ряду съ великими государствами Европы; внутренніе раздоры утихли; продолжительный миръ обогатилъ страну, выдвинувъ при этомъ изъ среднихъ классовъ общества цѣлый рядъ лицъ съ значительными капиталами и выдающимся политическимъ значеніемъ; нація выучилась полагаться на себя, вѣрить въ свою собственную силу, и естественно въ ней появилось вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ свободѣ и самоуправленію. «Нація,—читаемъ мы,—отдавшаяся теперь подъ власть Стюартовъ, была совсѣмъ не похожа на пораженный ужасомъ народъ, предавшійся во время періода разрушенія общественнаго и религіознаго порядка въ руки Тюдоровъ. Было

очевидно, что должна была начаться новая эра в нашей истории, когда возвышенный патриотизмъ, необузданная энергія, всепожражающее сознание національныхъ триумфовъ, достигшія своего апогея во времена войны съ Испаніею, найдутъ исходъ не въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, а въ энергической внутренней дѣятельности». Рядомъ съ тѣмъ на народъ, жившій втеченіе послѣднихъ ста лѣтъ въ атмосферѣ религиозной революціи, должна была лечь особая печать библейской религиозности, составлявшей характерную черту пуританской Англiи первой половины XVII вѣка. Англійскіе пуритане, строго консервативные по своимъ убѣжденіямъ, не были, однако, безсловесною массою, которая принимаетъ, какъ законъ, всякое проявленіе верховной власти. «Пуритане,—говоритъ Гринъ,—на столько же твердо вѣрили въ божественное право государя, въ священный характеръ трона, какъ и весь народъ Англiи... Но для пуританъ и нація, стоящая вокругъ трона, представлялась тоже имѣющей божественное происхождение: она была устроена тоже волею Божіею; голосъ Бога живаго, и управляющей, и вдохновляющей людей, говорилъ въ исторiи и законахъ народа: Богъ руководилъ по пути мудрости сердца англичанъ, собравшихся въ парламентъ, также какъ Онъ руководилъ по пути мудрости сердца королей». Въ представленіи пуританъ существовала лишь одна законная королевская власть—это та, которая правила согласно конституціоннымъ законамъ страны, и не самовластно, а въ добромъ согласіи и единеніи съ тѣми выборными конституціонными совѣтниками, которые въ обѣихъ палатахъ представляли «мудрость и волю» королевства. Въ народѣ имѣлись всѣ задатки для быстрого мирнаго прогресса: нуженъ былъ теперь гениальный правитель, который могъ бы угадать направленіе націи и стать во главѣ общественнаго движенія. Однако, къ несчастью Англiи, она получила короля, нисколько не отличавшагося гениальностью, но тѣмъ болѣе настойчиваго въ своихъ правахъ, государя, который столкновеніемъ между страной и ея королемъ прервалъ естественное прогрессивное движеніе народа. Началась борьба, но въ ней народъ уже не могъ быть побѣжденъ. «Палата общинъ сдѣлалась силою, съ которой монархіи приходилось считаться. Не смотря на бурные врывы гнѣва короля, парламентъ отстаивалъ свое исключительное право собирать налоги; онъ уничтожилъ привилегіи; онъ исправлялъ злоупотребленія въ судебномъ вѣдомствѣ; онъ обвинялъ и прогонялъ со службы самыхъ высшихъ сановниковъ королевства; онъ смѣло отстаивалъ свои привилегіи на свободное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ благосостояніемъ королевства; онъ защищалъ свои притязанія обсуждать религиозные вопросы; онъ даже объявилъ свою волю вмѣшиваться въ священныя «мистеріи» иностранной политики». Сынъ Якова I, съ большею еще энергіею, чѣмъ отецъ, продолжавшій борьбу съ народомъ, долженъ былъ заплатить за нее жизнью, оправдавъ такимъ образомъ сказанныя въ 1629 г. Эллиотомъ при распусценіи парламента слова: «Всякій, кто пробовалъ нарушать права парламента, въ концѣ концовъ былъ пораженъ парламентомъ». Послѣдовало правленіе вооруженнаго народа въ лицѣ его протектора Оливера Кромвеля. Характеръ послѣдняго изображался и теперь еще многими изображается въ отрицательныхъ чертахъ; его выставляютъ, какъ уваго фанатика, ханжу, чело-вѣка съ замашками безцѣльной жестокости и, при всемъ этомъ, полного невѣжду въ государственныхъ знаніяхъ. Противъ этихъ нападокъ въ свое время возставалъ уже знаменитый историкъ партіи виговъ. Въ разговорѣ

между Мильтономъ и Авраамомъ Коули, онъ первому, между прочимъ, влагаетъ въ уста слѣдующую тираду про Оливера: «Было много людей, несвѣдущихъ въ наукахъ, не имѣвшихъ ни остроумія, ни краснорѣчія, которые, однако, обладали мудростью для придумыванія и мужествомъ для выполнения того, чего они не могли выразить. Такіе люди въ смутныя времена часто выработывали освобожденіе народовъ и свое собственное величіе, не логикой, не риторикой, но осмотрительностью среди успѣха, спокойствіемъ въ опасности, сосредоточенною и непреклонною рѣшимостью во всякомъ бѣдствіи. Сердца такихъ людей—ихъ книги; событія—ихъ наставники; великія дѣла—ихъ краснорѣчіе: и таковъ былъ, по моему мнѣнію, протекторъ». Нельзя сказать, чтобы у Грина въ характеристикѣ Кромвеля не сказалась старая торійская закваска, но и онъ не отрицаетъ свѣтлыхъ чертъ въ этомъ дѣйствительно замѣчательномъ человѣкѣ: онъ признаетъ его государственную мудрость, то умѣніе, съ которымъ онъ довелъ до конца начатое долгимъ парламентомъ дѣло соединенія трехъ королевствъ, пророчливость его иностранной политики и способность протектора ясно видѣть и понимать положеніе дѣлъ въ окружающемъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Гринъ, «никогда англійскій народъ не проявлялъ такого истиннаго благородства своего характера и своихъ стремленій, какъ въ ту минуту, когда даже гениальность Кромвеля не могла соблазнить его уклониться отъ пути свободы; никогда онъ не проявлялъ такой истинной мудрости, какъ въ то время, когда всѣ ослѣпительные соблазны пуританскаго идеала не могли заставить его отказаться отъ его традицій практической политики». Великій вождь пуританъ сошелъ со сцены, но пуританство не потеряло своего значенія вмѣстѣ съ удаленіемъ вождя. Гринъ указываетъ на это въ слѣдующихъ прекрасныхъ строкахъ, заключающихъ седьмую книгу его «Исторіи». «По дорогѣ въ столицу Карлъ смотрѣлъ войска, собранныя въ Блэкгитѣ. Ихъ генералы имъ измѣнили, ихъ вожди ихъ оставили, они были окружены со всѣхъ сторонъ вооруженной націей, и имъ пришлось молчать. Но это мрачное молчаніе даже въ такомъ беззаботномъ человѣкѣ, какъ Карлъ, должно было возбудить опасеніе и сознаніе опасности. Тѣмъ не менѣе ни одна изъ побѣдъ этой славной арміи не была столь славной, какъ ея побѣда надъ собой. Спокойно, безъ борьбы, какъ люди, преклонившіеся передъ неисповѣдимыми судьбами Божиими, эти фермеры и купцы, разбившіе на голову кавалерію Рупперта на поляхъ Назеби, расцѣпившіе при Ворчестерѣ армію «чужестранцевъ» и прогнавшіе государя, теперь явившагоса «за полученіемъ своего достоинства», восстановившіе за моремъ славу Креси и Азинкура, господствовавшіе надъ парламентомъ, предавшіе своего короля суду и пославшіе его на плаху, дававшіе законы Англии и внушавшіе страхъ даже самому Кромвелю,—эти люди снова сдѣлались фермерами и торговцами, и отличались отъ своихъ собратьевъ только своей трезвостью и трудолюбіемъ. Съ ихъ паденіемъ пуританизмъ вложилъ въ ножны свой мечъ. Онъ оставилъ навсегда свои попытки создать насиліемъ и силой оружія царство Божіе и началъ создавать царство правды въ сердцахъ и въ совѣсти людей. Со времени этого кажущагоса паденія пуританизма начинается его истинное торжество... Прошла дикая оргія реставраціи... и революціею 1688 года пуританизму удалось добиться гражданской свободы, которой ему не удалось добиться революціею 1642 года».

Гринъ—мастеръ въ описаніи массовыхъ движеній, перемѣнчиваго общественнаго настроенія, въ изложеніи парламентскихъ споровъ и обрисовкѣ

характеровъ «людей народа», и это въ высокой степени сказывается въ настоящемъ томѣ. Если и есть мелкіе недочеты въ фактическомъ отношеніи (англійская критика указала цѣлый рядъ таковыхъ), то всё они искупаются вѣрностью общаго тона и блестящимъ, литературнымъ изложеніемъ, вполне объясняющимъ тотъ успѣхъ въ англійской публикѣ, который Гринъ раздѣляетъ лишь съ Макколеемъ. Любопытно при этомъ обратить вниманіе на условія, при которыхъ писалась «Исторія англійскаго народа». Обремененный работами проповѣдникъ въ многолюдномъ лондонскомъ приходѣ, сильно стѣсненный въ своихъ денежныхъ средствахъ, Джонъ Гринъ взялся за писаніе своей «Исторіи», когда, повидимому, не многіе мѣсяцы отдѣляли его отъ гроба. Обращаемъ на это вниманіе потому, главнымъ образомъ, что обстоятельства жизни недавно умершаго труженика науки подверглись подробному освѣщенію лишь въ послѣднемъ, вышедшемъ этимъ лѣтомъ, англійскомъ изданіи «Исторіи» (Short History of the English People, by Mr. J. R. Green, revised by Mrs. Green and Miss. Norgate). А. Л—нъ.

Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полеваго. Съ 65 оригинальными рисунками и виньетками К. В. Лебедева. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1893.

Давно уже не появлялось у насъ такой прекрасной во всёхъ отношеніяхъ книги, какъ «Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полеваго», изданныя г. Марксомъ. По своей внѣшности, книга эта можетъ смѣло поспорить съ лучшими заграничными изданіями, а по своему внутреннему содержанию представляетъ пріятное явленіе для каждаго, кто любитъ русскую исторію.

П. Н. Полевой давно извѣстенъ своими учеными и педагогическими трудами, изъ которыхъ иные, какъ, напримѣръ, «Очерки русской литературы», пользуются вполне заслуженнымъ успѣхомъ и выдержали въ короткое время нѣсколько изданій. На поприще историческаго романиста г. Полевой выступилъ всего года четыре тому назадъ и, по нашему мнѣнію, занимаетъ въ настоящее время одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ среди представителей этого рода литературы. Уступая, можетъ быть, нѣкоторымъ нашимъ историческимъ романистамъ въ силѣ дарованія, онъ безспорно превосходитъ ихъ обширностью и солидностью знанія русской исторіи и быта, во всёхъ ихъ малѣйшихъ подробностяхъ. Всѣ его романы, повѣсти и рассказы изображаютъ характеры историческихъ лицъ и картины быта не на основаніи фантазіи и поверхностнаго знакомства съ источниками, а на основаніи тщательнаго изученія документовъ и строгой ихъ провѣрки. Важная заслуга г. Полевого заключается въ томъ, что онъ, въ формѣ легкихъ, живыхъ очерковъ, добросовѣстно популяризируетъ русскую исторію и, такъ сказать, невидимо и невольно заставляетъ читателя пріобрѣтать, кромѣ массы полезныхъ свѣдѣній, правильный взглядъ на историческія событія и лица и знакомитъ его не съ вымышленнымъ, а съ дѣйствительнымъ бытомъ стариннаго русскаго общества.

Мы считаемъ излишнимъ говорить подробно о содержаніи рассказовъ вошедшихъ въ настоящую книгу, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны въ нашемъ журналѣ; при томъ, мы затрудняемся указать, который изъ рассказовъ лучший, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ свои

достоинства и свой интересъ. Въ общемъ же они даютъ рядъ правдивыхъ и яркихъ картинъ прошлой русской жизни, начиная съ XIV и кончая XVIII столѣтиемъ.

Приложенныя къ книгѣ 24 гравированныя на мѣди картины и болѣе 40 небольшихъ рисунковъ и виньетокъ К. В. Лебедева выказываютъ во всемъ блескѣ дарованіе этого талантливаго художника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго знатока бытовой обстановки древней Руси. Въ этихъ картинахъ, помимо художественности рисунка, все вѣрно до мелочей, и потому онѣ интересны не только для простыхъ любителей, но и для художниковъ, театровъ и археологовъ. Ко всему этому, книга выпущена въ продажу по недорогому цѣнѣ (5 рублей), что дѣлаетъ еще болѣе чести ея издателю г. Марксу.

С. Ш.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ VI. Спб. 1892.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ четвертую часть издаваемыхъ г. Брикнеромъ матеріаловъ, именно документы, касающіеся непродолжительнаго, но богатаго событіями завѣдыванія граф. Панинымъ вѣдѣнію политикою Россіи въ первый годъ царствованія императора Александра. Эта дѣятельность началась тотчасъ же по кончинѣ императора Павла и продолжалась лишь до 30-го сентября того же 1801 года. Помѣщенные здѣсь документы, изъ которыхъ лишь небольшая часть была напечатана раньше, можно раздѣлить на три группы: 1) документы, относящіеся къ дѣятельности Панина по вѣдѣнію политики, которые, главнымъ образомъ, касаются сношеній нашего правительства съ Франціей и Англіею, 2) бумаги, характеризующія отношенія графа Никиты Петровича къ императору и Маріи Ѳеодоровнѣ, и, наконецъ, 3) переписка Панина съ Воронцовымъ и Куракинымъ. Во вѣдѣнію политикѣ наибольшее вниманіе обращаютъ на себя трактаты между Россіею съ одной стороны и Англіею и Франціею съ другой. Исторія вѣдѣнію политикѣ Александра въ первые годы его царствованія въ послѣднее время обогатилась многими цѣнными пріобрѣтеніями, и переписка графа Панина представляетъ далеко не лишнее дополненіе къ нимъ. Во всѣхъ событіяхъ того времени графъ Панинъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе, ведя переговоры съ представителями иностранныхъ державъ и переписываясь съ русскими дипломатами, находившимися за границею. Въ исторіи отношеній графа Никиты Петровича къ Александру наиболѣе интересно выясненіе причинъ внезапнаго удаленія Панина отъ дѣлъ. Эти причины пока еще не поддаются точному опредѣленію. Проф. Брикнеръ указываетъ прежде всего на то, что императрица Марія Ѳеодоровна не можетъ считаться виновницею этого удаленія: вдовствующая императрица къ графу Никитѣ Петровичу относилась въ 1801 году сравнительно благосклонно и не могла быть причиною охлажденія къ Панину государя. Можно предполагать, что разногласіе между Александромъ и его министромъ по вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи было главной причиною разлада, но къ этой главной причинѣ присоединялась еще масса второстепенныхъ: множество недоброжелателей, вражда графа Семена Романовича Воронцова, столкновеніе съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ. Въ сентябрѣ 1801 года навсегда прекратилась поли-

тическая дѣятельность графа Никиты Петровича. «Вся остальная жизнь его,—замѣчаетъ профессоръ Брикнеръ,—была посвящена попыткамъ быть полезнымъ отечеству; онѣ оставались тщетными; всѣ старанія привести въ исполненіе свое положеніе, оправдать себя, доказать неосновательность подозрѣній, въ силу которыхъ онъ считался какъ бы опасѣйшимъ государственнымъ преступникомъ, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Труды графа на пользу Россіи, продолжавшіеся лишь нѣсколько лѣтъ, благодаря трагическому перелому въ его жизни, оставались какъ бы эпизодомъ въ исторіи». Въ слѣдующемъ томѣ г. Брикнеръ обобщаетъ «вкратцѣ изложить частную жизнь талантливаго и всецѣло преданнаго интересамъ Россіи патріота».

А. Л.

La Russie géologique, ethnologique, historique, administrative, économique, religieuse, littéraire, artistique, scientifique, etc.
Paris. 1892.

Въ средѣ современныхъ писателей Франціи имѣется довольно уже многочисленная группа лицъ, на столько близко и обстоятельно знакомыхъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ съ Россіей, что самое имя каждого изъ нихъ ручается за основательность и дѣльность статьи, подъ которой оно поставлено, за достовѣрность свѣдѣній, сообщенныхъ подъ его отвѣтственностью. Анатолий Леруа-Болье, Альфредъ Рамбо, Луи Леже, де-Вогюз, Вандаль—давно пользуются заслуженной извѣстностью и компетентностью въ сужденіяхъ и сообщеніяхъ о Россіи. Парижскому издателю Ларуссу (Larousse) пришла счастливая мысль издать при помощи этой группы писателей, въ которой названные выше авторы составили главное ядро, энциклопедическій сборникъ о Россіи, подъ заглавіемъ: «Россія въ геологическомъ, этнологическомъ, историческомъ, административномъ, экономическомъ, религіозномъ, литературномъ, художественномъ, научномъ и друг. отношеніяхъ».

Маленькой «энциклопедіей» изданіе Ларусса можетъ быть названо, однако, лишь относительно. Это, всетаки, весьма объемистый томъ въ 500 страницъ убористаго шрифта, испещренный множествомъ портретовъ, видовъ, снимковъ съ художественныхъ произведеній, факсимиле съ рукописей, съ заглавныхъ листовъ рѣдчайшихъ русскихъ изданій, съ грамотъ, печатей. И если вспомнить, что все это предлагается читателю за какіе нибудь 5 франковъ, то приходится сказать, что ничего подобнаго по внѣшности, по изобилію рисунковъ и особенно по содержанію, нельзя найти ни въ нѣмецкой, ни въ англійской литературѣ о Россіи. Даже среди русскихъ изданій о Россіи не имѣется ни одного такого, которое давало бы въ одной книжкѣ, въ такомъ сжатомъ видѣ, съ такимъ богатствомъ иллюстрацій, столь полное, точное понятіе о нашемъ отечествѣ и объясняло бы такъ сжато, отчетливо и всесторонне процессъ его историческаго и культурнаго развитія.

«La Russie» Ларусса открывается географическимъ очеркомъ Россіи, принадлежащимъ перу Луи Делаво (Delavaud), который даетъ столь рельефную, пластическую картину Россіи, что она сразу врѣзывается въ память. Это не сухой перечень именъ городовъ, рѣкъ, плоскихъ возвышенностей, которымъ убиваютъ всякій интересъ къ географіи наши землевѣды въ ихъ одобренныхъ учебникахъ: чтаяя этотъ очеркъ, какъ бы присутствуешь при

томъ, какъ авторъ его мастерски, быстро и опытной рукой лѣпитъ изъ воска рельефную карту Россіи. Рядомъ съ отчетливой топографической картинкой Россіи онъ даетъ ясное представленіе о климатѣ, о характерѣ почвъ, о растительности, о выгодахъ, или вѣрнѣе въ большинствѣ случаевъ, о невыгодахъ географическихъ и климатическихъ условій Россіи для успѣховъ ея внутренняго развитія. Конечно, Delavaud въ значительной степени пользовался капитальнымъ трудомъ Элизе Реклю, одинъ изъ томовъ «Всеобщей географіи» котораго посвященъ, какъ извѣстно, Россіи. Но его личному таланту принадлежитъ тотъ живой наглядный очеркъ Россіи, въ которомъ онъ крупными штрихами, легко усвояемыми памятью, набросилъ вѣншній обликъ Русской земли.

Какіе народы и племена населяютъ необъятныя пространства Россіи, поясняютъ французскому читателю два автора: Жираръ де-Риаль (de-Rialle, директоръ архива министерства иностранныхъ дѣлъ) и Шарль Рабо. Первый изъ нихъ, благодаря своей начитанности и солидной эрудиціи, второй же, кромѣ того, какъ и воочію на мѣстѣ ознакомившійся съ населеніемъ финскаго происхожденія Приволжья и Сибири,—выполнили задачу съ успѣхомъ. Оба автора вполне владѣютъ своимъ предметомъ, прекрасно знакомы съ русской археологической литературой, съ трудами русскихъ антропологовъ. Шарль Рабо совершилъ такое путешествіе отъ Казани по Волгѣ, Камѣ, чрезъ Пермь, Чердынъ, волокомъ изъ бассейна Камы въ бассейнъ Печоры и снова волокомъ въ бассейнъ Оби, какое доводилось совершать лишь весьма немногимъ русскимъ.

Какъ сложилась и выросла русская народность и Русское государство, излагаетъ въ живомъ, талантливомъ очеркѣ проф. Альфредъ Рабо. Задача эта, въ особенности по отношенію къ исторіи образованія Русскаго государства,—не легкая. Одна сложность отношеній въ удѣльный періодъ достаточна для того, чтобы сильно затруднить всякую попытку приведенія въ систему разныхъ моментовъ государственнаго развитія древней Руси. Но Рабо, благодаря своему выдающемуся таланту историка, и благодаря основательному знакомству съ литературой русской исторіи, преодолѣлъ блистательно всѣ трудности и сумѣлъ дать въ ясныхъ контурахъ, вѣкъ за вѣкомъ, такой историческій очеркъ сложенія и роста Русскаго государства, который съ удовольствіемъ и пользой прочтется и многими россиянами.

Альбертъ Вандаля и Максимъ Пети помѣстили въ русской энциклопедіи Ларусса очерки политическихъ отношеній, существовавшихъ между Россіей и Франціей до и послѣ реставраціи. Хотя это предметъ далеко не новый, и тема довольно знакомая русскимъ читателямъ, но нельзя сказать, чтобы вопросъ этотъ былъ исчерпанъ. Вотъ почему и очерки Вандаля и Пети прочтутся съ удовольствіемъ и многими русскими читателями.

Распространенію русскаго могущества въ Азіи, особенно въ Средней, и параллельно указаніямъ на англійскіе прояски, направленные къ умаленію успѣховъ Черняева, Кауфмана, Скобелева, посвященъ очеркъ Густава Регельшпергера. Онъ составленъ ясно, толково, достоверно.

Эрнестъ Леръ (Lehr), профессоръ университета въ Лозаннѣ, знакомитъ читателя съ политическимъ строемъ и административнымъ и судебнымъ устройствомъ Россіи. Достаточно сказать, что новая реформа въ земствѣхъ и въ крестьянскомъ управленіи не обойдена молчаніемъ, чтобы дать поня-

тіе о полнотѣ статьи г. Лера, не смотря на ея краткость. Впрочемъ, эта краткость восполняется, по отношенію къ крестьянскому управленію и самоуправленію, интересной статьей Анатоля Леруа-Болье. «Если бы меня спросили, что является самымъ оригинальнымъ, самымъ типичнымъ въ строѣ русскихъ учреждений,—говорить Леруа-Болье,—то я несомнѣнно отвѣтилъ бы—міръ, русская община». Указавъ на то, какъ много община и общинное землевладѣніе способствовали улаживанію многихъ затрудненій въ переходный моментъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, охарактеризовавъ двѣ главныя стороны русской общины, какъ типъ землевладѣнія и какъ зерно административной единицы, перечисливъ всѣ ея выгодныя и невыгодныя стороны, Леруа Болье высказывается за сохраненіе общины, міра, находя, что съ умственнымъ и культурнымъ развитіемъ крестьянина и міръ и община могутъ и должны будутъ видоизмѣниться, но это будетъ развитіе естественное, естественный ростъ этихъ учреждений, а не ломка ихъ примѣнительно къ тѣмъ или инымъ кабинетнымъ воззрѣніямъ. Что именно создастъ при этомъ народная мудрость, какъ она приспособитъ міръ и общину къ новымъ требованіямъ,—предсказать трудно, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это приспособленіе древнихъ общинныхъ началъ къ новой жизни будетъ столь же органически, типично связано съ ея требованіями, какъ была связана нынѣшняя община со старой Русью.

Оба очерка исторіи умственнаго развитія Россіи, за время «до Екатерины II»—Луи Леже, и «послѣ Екатерины» до нашихъ дней, принадлежащій г. де-Вогюэ,—написаны блестяще и представляютъ значительный интересъ даже для русскаго читателя. Это прекрасный сжатый курсъ русской литературы. Хорошимъ интереснымъ дополненіемъ къ нему является далѣе статья г. Мориса Турне «О литературныхъ сношеніяхъ Франціи и Россіи до XVIII вѣка». Очень интересенъ очеркъ исторіи русской карикатуры и русскихъ народныхъ картинъ. Авторъ его Джонъ Гранъ-Картеръ, извѣстный французскій каррикатуристъ. Помимо литературнаго достоинства этого очерка, онъ интересенъ еще и тѣмъ, что въ немъ художественно воспроизведены, въ уменьшенномъ fac-simile, въ довольно значительномъ числѣ, старинныя и новѣйшія русскія каррикатуры и народныя картины. Въ особой главѣ описаны встампы, печатавшіеся въ Парижѣ съ 1816 до 1825 г. и относящіеся къ русскимъ катальнымъ горамъ (*Iconographie des estampes sur les Montagnes Russes*).

Наконецъ, въ нѣсколькихъ главахъ «Дополненія» описаны и даны планы и виды главныхъ большихъ городовъ Россіи; помѣщены свѣдѣнія о русской азбукѣ, о русскомъ календарѣ, и т. п. Помѣщены fac-simile дарственной грамоты Филиппа I, короля Франціи, женатаго на дочери великаго князя Ярослава, съ подписью буквами славянскаго характера *Апа гина* (*Anna regina*); эта подпись считается древнѣйшей извѣстной подписью русской княгини. Затѣмъ не забыты русскіе чины, ордена. Книга Ларусса о Россіи достойно завершается статьей Луи Леже (*Leger*) о французскихъ авторахъ, писавшихъ о Россіи. Леже даетъ интересный историко-библиографическій очеркъ этихъ французскихъ изслѣдованій о Россіи и сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ поставлено въ настоящее время во Франціи дѣло изученія Россіи.

По недостатку мѣста мы упомянемъ лишь, что въ книгѣ Ларусса имѣется еще очеркъ состоянія военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи,

предметъ, впрочемъ, довольно знакомый иностранцамъ въ наши дни преобладанія военныхъ бюджетовъ надъ всѣми остальными; статья о промышленности и торговлѣ г. Раффаловича, постояннаго сотрудника по русскимъ дѣламъ въ «Economiste Français» Поля Леруа-Болье. Менѣе интересны, страдаютъ частью неполнотою, частью неточностью и односторонностью, статьи: Лежала о религіи и сектахъ въ Россіи, о ходѣ и развитіи у насъ просвѣщенія; Мариуса Вашонъ—о русскомъ искусствѣ; Делина—о русскихъ ученыхъ. Зато русскіе музыканты въ чести: А. Пужанъ, лично знакомый съ большинствомъ русскихъ современныхъ музыкальныхъ гениевъ, до гениевъ «завтрашняго дня» (maître de demain) включительно, какъ онъ язвительно замѣчаетъ,—далъ интересный этюдъ о русской музыкѣ.

Просматривая симпатичный, почтенный и добросовѣстный трудъ группы французскихъ литераторовъ и ученыхъ о нашемъ отечествѣ, мы невольно наталкиваемся на мысль: не слѣдуетъ ли и намъ, русскимъ, отвѣтить Франціи такимъ же изданіемъ о ней на русскомъ языкѣ? При всемъ томъ знакомствѣ съ Франціей, которымъ, по общему убѣжденію, мы, русскіе, обладаемъ, такая же книжка о Франціи, какую издалъ Ларуссъ о Россіи, составленная съ той же добросовѣстностью и дѣловитостью, раскрыла бы намъ многія неизвѣстныя и симпатичныя стороны этой страны, многія поучительныя страницы въ исторіи политическаго, культурнаго и экономическаго развитія этого народа, съ которымъ насъ связываютъ теперь не только исконныя дружескія чувства, но и общность политическихъ интересовъ.

В. Россоловскій.

Тріумфы женщины. Спб. 1893.

Составитель означенной книги г. С. знакомитъ насъ съ интимной жизнью классическихъ поэтовъ: Овидія, Данте, Петрарки и Боккаччіо, стараясь показать державные надъ ними «тріумфы женщины», свидѣтельствующіе, по мнѣнію г. С., о минувшемъ идеализмѣ любви въ укоръ современной любви «безъ элементовъ личности и психологіи». Не признавая въ наше время идеальной любви, полной личныхъ и субъективныхъ особенностей, г. С. знакомитъ насъ съ ними въ прошедшихъ вѣкахъ; но онъ выбралъ для этого недостаточно достойныхъ женщинъ. Если Коринна, Беатриче, Лаура и Фіаметта занимали слишкомъ много мѣста въ жизни своихъ знаменитыхъ поклонниковъ, то ихъ тріумфы надъ послѣдними были весьма дешеваго сорта, и современная женщина едва ли позавидуетъ подобному идеализму любви. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что всѣ классическія произведенія по женскому вопросу всегда полны чаръ и обольщеній; матеріалистическій и чувственный духъ исключительно создаетъ любовь и поэзію. Такова, между прочимъ, любовь Овидія съ Коринной. Онъ проситъ у нея даже не взаимности, а только позволенія любить ее, обѣщая, что она будетъ его постоянной мечтой.. Но уже очень скоро онъ посвящаетъ ее во всѣ тайны римскихъ вечеровъ. Собираясь на вечеръ, онъ совѣтуетъ ей: «Приди раньше мужа. Не думаю, чтобы изъ этого что нибудь могло выйти, но, всетаки, приходи раньше. Когда онъ ляжетъ на свое мѣсто, скромно подойди къ нему и по дорогѣ тихонько дотронься до моей ноги. Смотри на меня и на мое лицо, замѣчай мои знаки и знаками же отвѣчай на нихъ. Пальцы и брови заговорятъ у меня вмѣсто языка. Читай, что я буду писать виномъ на столѣ. Если ты

вспомнишь наши недавнія ласки, тихонько дотронься рукой до розовых щекъ. Если о чемъ нибудь незамѣтно захочешь спросить меня, обопрись щекою на руку такъ, чтобы пальцы опустились внизъ. Если тебѣ понравится что нибудь, что я буду дѣлать или говорить, верти кольцо на своей рукѣ. Когда ты пожелаешь своему мужу,—этого онъ вполне заслуживаетъ,—чтобы онъ провалился сквозь землю, дотронься рукою до стола, какъ это дѣлають во время молитвы. Проси мужа, чтобы онъ больше пилъ, но къ просьбамъ не присоединяй поцѣлуевъ. Незамѣтно подливай ему въ бокаль вина; было бы хорошо, если бы онъ напился. Когда надо будетъ уходить домой, замѣшайся въ толпу гостей. Тамъ ты найдешь меня». Въ лучшій періодъ взаимной влюбленности, онъ воспитываетъ Коринну во лжи и преуспѣваетъ въ этомъ отношеніи до такой степени, что вскорѣ начинаетъ бить Коринну и съ ужасомъ кричать: «Скорѣе, если ты другъ мнѣ, скорѣе, пока еще не улеглось мое бѣшенство, закуй мои руки въ желѣзо. Онъ достойны цѣпей. Онъ поднялся сегодня на мою госпожу, и плачетъ милая женщина, оскорбленная преступною рукою. Пусть, властная, ты сама будешь рвать волосы на моей головѣ, пусть подъ твоей ручкой мое лицо покроется сивьяками». Такое возмездіе, очевидно, не смущаетъ влюбленнаго классика, а между тѣмъ Коринна охотно слушаетъ постыдныя предложенія одной старухи о томъ, что какой-то богачъ ищетъ съ нею знакомства... «Ну, что твой поэтъ? Какіе подарки онъ тебѣ приноситъ, кромѣ новыхъ стихотвореній? Лучше посчитай-ка ты тысячи новаго любовника... Кто даетъ деньги, пусть будетъ для тебя выше великаго Гомера. Повѣрь мнѣ, геніальность—это умѣнье давать деньги». Совѣты старухи не были болѣе безразличны, чѣмъ и отношенія поэта къ Кориннѣ. Онъ не только не воспользовался лучшимъ моментомъ женщины для ея облагораживанія, когда она влюблена, но, напротивъ, все это время провелъ съ Коринной исключительно чувственнымъ образомъ, избаловалъ ее ласками, разстроилъ нервы, направляя всѣ мысли къ наслажденію и ничего не сказавъ о смыслѣ жизни и женской любви. Удивительно ли, что «тріумфы» Коринны выражались потомъ исключительно ревностью, обвиненіями и обманами своего поклонника? «Стоитъ мнѣ,—говоритъ поэтъ,—кого нибудь похвалить, и тотчасъ ты же вцѣпишься пальцами въ мои бѣдные волосы. Стану хаять, и ты говоришь, что все это только отводъ глазъ. Явлюсь къ тебѣ веселый и румяный, ты твердишь, что я къ тебѣ охладѣлъ; приду блѣднымъ, ты увѣряешь, что я страдаю отъ любви къ другой». Она успокоила чувство ревности только тогда, когда сама стала измѣнять поэту. Я видѣлъ,—жалуется онъ,—какъ отъ тебя уходилъ утомленный соперникъ. Но это еще ничего, что я его видѣлъ, гораздо хуже то, что и онъ меня видѣлъ. Я помню, разъ мнѣ сказали, что ты больна. Безумный, я слома голову бросился къ тебѣ, но для моего соперника ты была здорова. Я не стану упрекать тебя за то, что ты мнѣ измѣняешь. Это понятно, ты такъ красива. Мнѣ бы хотѣлось только, чтобы ты дала себѣ трудъ притворяться. Та не грѣшна, которая можетъ сказать, что она не грѣшна; обвиняють только ту, которая не хочетъ скрывать своихъ продѣлокъ. Что дѣлаешь, дѣлай, только ни въ чемъ не признавайся. Обманывай людей и меня». Поэтъ молитъ Коринну подарить ему ложъ и разрѣшаетъ ей подъ этимъ условіемъ «подражать порядочнымъ женщинамъ»... Таковъ идеализмъ миновавшей любви! Не менѣе низменны «тріумфы» и женщины Боккаччіо. «Каждая изъ нихъ,—говоритъ

поэтъ,—не считаетъ себя красивою или привлекательною до тѣхъ поръ, пока по манерамъ, украшеніямъ и костюму не станетъ походить на публичныхъ блудницъ, у которыхъ всегда столько новыхъ одеждъ. Будь увѣренъ, что даже самая цѣломудренная, по твоему мнѣнію, и самая приличная изъ женщинъ охотнѣе согласится имѣть одинъ глазъ, чѣмъ одного только любовника. Бѣдные труженики науки терпятъ и холодъ, и голодъ, не спятъ по ночамъ и только черезъ много лѣтъ приобрѣтаютъ себѣ кое-какія свѣдѣнія; но женщины достаточно одного утра, достаточно постоятъ въ церкви, пока идетъ месса, чтобы узнать, какъ движется небесный сводъ, сколько на небѣ звѣздъ и т. д. Онѣ возвращаются изъ церкви съ большимъ запасомъ самыхъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній. И потому онѣ болтаютъ объ этомъ съ кухаркой, съ булочницей, съ торговкой, съ прачкой, болтаютъ съ ними, если не найдутъ никого другаго, кто захотѣлъ бы пожертвовать ими своими ушами, болтаютъ безъ умолку и прихляты въ страшный гнѣвъ, если встрѣтятъ какое либо противорѣчіе». Удивительно ли, что, посмотрѣвшись на этихъ Фіаметтъ и Крессидъ, Боккаччіо восклицаетъ: «Поклонники философіи должны предоставить семейную жизнь богатымъ дуракамъ, а сами должны находить свое счастье въ философіи, потому что это лучшая изъ женъ». Такимъ образомъ, если чувственность занимала слишкомъ много мѣста въ сердцѣ Овидія и Боккаччіо, а развратницы торжествовали надъ ними, то едва ли подобные «тріумфы женщины» завидны, и едва ли намъ слѣдуетъ сожалѣть объ утратѣ оныхъ.

Не болѣе понятны и симпатичны для насъ другія крайности въ женскомъ вопросѣ: это мистическіе восторги Данте и Петрарки передъ духовной женщиной съ полнымъ забвеніемъ того, что съ этой женщиной придется жить вмѣстѣ, думать за одно, добывать средства къ жизни, воспитывать дѣтей и стараться не портить характера другъ другу. Дѣйствительно, Беатриче у Данте ровно ничего не говоритъ о томъ, что собственно въ ней плѣвило поэта, и скорѣе можно думать, что онъ самъ опозтизировалъ ее своею собственною добродѣтелью. Въ честь ея онъ пишетъ: «Способность смотрѣть на нее—доказательство добродѣтели и благородства. И кто не достоинъ ея привѣта, тотъ опускаетъ глаза; немощный и безсильный, онъ вдыхаетъ о каждомъ изъ своихъ недостатковъ. И сладость и мирныя мысли рождаются въ сердцѣ того, кто слышитъ звуки ея голоса. Всякій, кто въ первый разъ ее видитъ, чувствуетъ въ сердцѣ блаженство. А когда онъ увидитъ улыбку на ея губахъ, онъ не найдетъ ни словъ, чтобы говорить о ней, ни мысли, чтобы удержать ее въ памяти: такъ ново удивительное благородство этой улыбки». «Любовь Данте,—говоритъ одинъ изъ его изслѣдователей,—вся создана изъ эфира и высоко поднимается надъ плоскостью чувственности. Любимая женщина предстала передъ поэтомъ въ тканяхъ «благороднѣйшаго цвѣта», въ «блоснѣжныхъ тканяхъ», какъ видѣніе свыше. Онъ почти не рѣшается произнести имя Беатриче, когда же позволяетъ себѣ это, имя любимой женщины для него не просто собственное имя. Это прежде всего блаженство (Беатриче — *beatitudine*). Очевидно, поэтъ создаетъ женщину для стиховъ, а не для совмѣстной жизни, гдѣ бы женщина учила его добру и возвышала его своею близостью. Такой женщины нѣтъ у нашихъ классиковъ. Лаура Петрарки тоже фантастическій и безтѣлесный призракъ, сентиментальная нимфа, «тріумфы» которой надъ мужчиною далеко не высокаго сорта. Петрарка насъ увѣряетъ, что «передъ ней нѣтъ

мѣста въ груди низкому желанію, передъ ней все стремится къ добродѣтели, къ чести. Но когда же погаснуть во мнѣ низкія желанія передъ чудною красою?». Такимъ образомъ весь «триумфъ» Лауры въ ея красотѣ. Если прежняя женщина заставляла своею красою мужчину стремиться къ добродѣтели и чести, то современная женщина къ этому средству присоединяетъ еще умственную подготовку понимать идеалы своего мужа, и потому ея триумфы болѣе прочны и нравственнѣе. Петрарка жалуется на то, что «рука и вуаль скрываютъ отъ него любимое лице и отлучаютъ его отъ высшаго счастья въ жизни». Онъ радъ, что ему удалось видѣть, какъ горничная полощетъ ея тонкій вуаль въ холодной водѣ. Онъ сердится на зеркало, которое отражаетъ въ себѣ ея красоту,—ту красоту, которою ему такъ рѣдко приходится любоваться. Онъ шлетъ свой привѣтъ рѣкѣ, въ которой она купалась, и хотѣлъ бы умереть на ея берегу» и т. д. Дѣйствительно, женская красота можетъ обворожить мужчину до такой степени, что онъ начнетъ отождествлять ее съ добродѣтелью и высшимъ счастьемъ въ жизни; но на этой почвѣ «триумфы женщины» суть только побѣды надъ чувственностью мужчины. Не даромъ св. Августинъ стыдитъ Петрарку тѣмъ, что его Лаура «не удержала его отъ дурныхъ поступковъ, но научила презирать всѣ земныя явленія, кромѣ себя», сдѣлала его рабомъ красоты и «удалила его духъ отъ неба». «Почему же,—говоритъ онъ,—эта чудная женщина, на которую ты смотришь, какъ на свою лучшую руководительницу, почему она не повела тебя, робкаго и трепетнаго, къ Богу, не взяла тебя, какъ это дѣлаютъ со слѣпыми, за руку и не указала тебѣ дороги и тропинки?» Очень просто—почему. Эти небесныя созданія не только не способны указать любимому человѣку «дороги и тропинки», но даже не способны поспѣвать за нимъ на трудномъ жизненномъ поприщѣ и въ концѣ концовъ сумѣютъ отравить его жизнь. Въ чемъ же ихъ «триумфы» надъ человѣчествомъ? Если для нихъ мужчина забываетъ жить и для себя и для родины, то кто же пожалѣетъ о томъ, что теперь такое порабощеніе его невысказано ни чувственными Кориннами, ни безтѣлесными Беатриче и Лаурой? Между тѣмъ составитель книги, г. С., полагаетъ, что только и свѣтъ въ этихъ женщинахъ; что въ нихъ «всѣ элементы любви, какъ они отражаются въ литературѣ, были на лице. Послѣдующія поколѣнія имѣли въ своемъ распоряженіи все, изъ чего можно было создавать идеалы женщины и любви». Позволяемъ себѣ думать, что чувственный темпераментъ однихъ женщинъ и небесная красота другихъ представляютъ изъ себя весьма небогатый матеріалъ для идеальной любви. Потребность боготворить женщину не глохнетъ въ человѣчествѣ; но только будущіе «триумфы женщины» будутъ не развращать мужчину, а вести его къ добру и постоянству. Такимъ образомъ книга г. С. не оправдываетъ своего заглавія и нисколько не помогаетъ намъ понимать въ лучшемъ смыслѣ женскую любовь и ея вліяніе на человѣчество; а что касается полемическихъ выходовъ г. С., разбросанныхъ въ книгѣ, противъ Шопенгауэра, Дарвина, Л. Толстого и др., то онѣ совершенно не умѣстны въ книгѣ о триумфахъ женщины и, кромѣ того, свидѣтельствуютъ о какомъ-то странномъ непониманіи авторомъ собственныхъ противниковъ.

А. Фаресовъ.

Халдей. Повѣсть изъ новгородскаго быта XV вѣка, И. Привольева. Спб. 1893.

Въ послѣднее время все чаще и чаще начинающіе авторы, не отдавая своихъ произведеній въ журналъ, издаютъ ихъ прямо отдѣльной книгой. Повидимому, такъ распорядился съ своей повѣстью и г. Привольевъ, имени котораго мы еще не встрѣчали въ литературѣ. Выказывая такую самостоятельность, авторъ является единственнымъ отвѣтчикомъ за свои промахи, и по этому самому критика должна болѣе строго отнестись къ нему, такъ какъ онъ имѣлъ полную свободу какъ въ выборѣ сюжета, такъ и въ масштабѣ изложенія.

Повѣсть г. Привольева написана не безъ таланта и читается легко. Несомнѣнно и то, что въ основаніе ея авторъ положилъ не мало труда, изучая бытъ XV вѣка. Но при всемъ томъ она представляетъ интересъ развѣ лишь для читателя средней руки, для котораго, пожалуй, и не нужны тѣ бытовые мелочи, поиски за которыми отнимаютъ столько времени. Причиной всего этого является ошибка молодого автора, не выяснившего себѣ ни цѣли своей повѣсти въ частности, ни значенія исторической беллетристики вообще.

Главная задача всякаго художественнаго произведенія слова есть изображеніе человѣческаго характера во времени. Поэтому большое заблужденіе думать, что весь интересъ исторической повѣсти или романа сводится къ болѣе или менѣе точному воспроизведенію взятой эпохи. Никакія самыя мелкія черты быта, разбросанныя въ изобиліи и умѣлой опытной рукой, не оживятъ историческаго беллетристическаго произведенія, если намѣченные авторомъ характеры слабы и нетипичны. Но зато если они ярки, оригинальны и вѣрны своей эпохѣ, то какимъ подспорьемъ для автора является хорошая историческая эрудиція. Только при совокупности этихъ двухъ условий и можно написать настоящій историческій романъ.

Содержаніе «Халдея» заключается въ изложеніи похощеній «халдея» Кондыря и его товарищей, помогающихъ ему освободить свою невѣсту изъ рукъ сына боярина Тучина, похитившаго эту дѣвушку со своимъ приспѣшникомъ Рубнемъ. «Халдей», зажегши боярскіе хоромы въ вотчинѣ, куда была увезена плѣнница, возвращаютъ ее Кондырю, который вскорѣ умираетъ, застрѣленный татаринѣмъ-холопомъ Тучина, а дѣвушка замерзаетъ.

Таковъ незамысловатый сюжетъ повѣсти. Нѣсколько торопливый рассказъ перемежается съ разговорами, часто незначительными и ненужными. Картинъ почти нѣтъ, и авторъ, повидимому, не отдаетъ себѣ отчета, въ чемъ должна заключаться беллетристическая картина. Отъ этого у него пропали многіе прекрасные моменты, какъ, напримѣръ, описаніе «дѣйства» и печи огненной, стоявшей въ храмѣ на назиданіе народу, какъ это дѣлалось въ то время, съ тремя отроками («актерами-халдеями»). Личности же Кондыря, Назара, Илюхи, Селезня, Ведерка и другихъ на столько блѣдны и безсодержательны, что на нихъ нельзя останавливаться. Вотъ это именно и низводитъ повѣсть г. Привольева, написанную съ вѣйшней стороны вполнѣ литературно и не дурнымъ слогомъ, на уровень нетребовательнаго читателя, о чемъ можно пожалѣть. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что у г. Привольева есть несомнѣнные задатки таланта, надъ которымъ онъ долженъ поработать.

Анат. Леманъ.

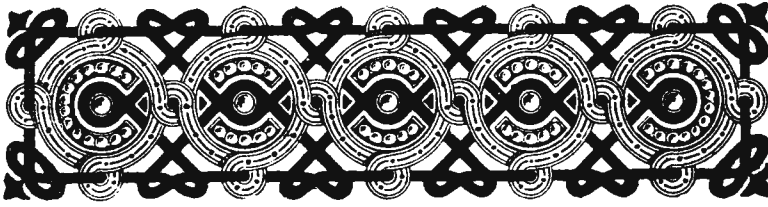
**А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія
И. А. Вахрамѣву. Выпускъ второй. Москва. 1892.**

Настоящій томъ охраннаго каталога библиотеки И. А. Вахрамѣва включаетъ въ себѣ описаніе рукописей, которыя принадлежали В. И. Лѣствицynu, извѣстному изслѣдователю мѣстной исторіи, редактировавшему подъ конецъ жизни «Ярославскія Губернскія Вѣдомости». Общее число рукописей равняется 430 номерамъ. Большая ихъ часть относится къ XVIII в. (разнаго рода поученія, сборники, хронографы, исторіи, синопсисы и др.), а нѣкоторыя даже къ началу XIX. Въ числѣ послѣднихъ, напримѣръ, находимъ всѣ 12 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», переписанные въ 1827—1829 гг. домашнимъ учителемъ Иваномъ Рукинымъ, вѣроятно, по порученію своего патрона, помѣщика (стр. 320); евангеліе, кѣмъ-то переписанное въ 1836 г. съ печатнаго изданія «библейскаго общества» «для пользы души своея» (стр. 5), и др.

При составленіи описанія г. Титовъ держался системы, принятой имъ и для перваго тома, т. е. группировалъ рукописи по ихъ содержанію и сообразно съ этимъ дѣлилъ томъ на 7 отдѣловъ, хотя вышнимъ образомъ этого и не обозначилъ, вслѣдствіе чего пользоваться каталогомъ не такъ удобно. Справки, впрочемъ, значительно облегчаетъ, приложенный въ концѣ, общій для двухъ томовъ, указатель.

Въ приложеніи, подъ заглавіемъ «О князѣ Дмитріи», напечатанъ памятникъ, представляющій собой краткое повѣствованіе о времени, начиная со смерти Ивана IV Грознаго и кончая первымъ самозванцемъ. Памятникъ этотъ, если вѣрить припискѣ, сдѣланной въ концѣ его, относится къ 1621 году, но особеннаго интереса и значенія имѣть не можетъ. Это простая компиляція, составленная на основаніи такъ называемаго «Иного сказанія» (Р. И. Б., т. XIII, стр. 2) и «Сказанія о Гришкѣ Отрепѣвѣ» (ibid., стр. 719 и сл.). Авторъ памятника, напечатаннаго г. Титовымъ, сдѣлалъ выдержки изъ обоихъ сказаній, причемъ удержалъ обороты, даже отдѣльныя выраженія оргиналовъ, и расположилъ эти выдержки въ хронологическомъ порядкѣ. Ничего новаго такимъ образомъ здѣсь нѣтъ, а потому и за цѣлой повѣстью нельзя признать значенія, тѣмъ болѣе, что текстъ ея очень неисправенъ и безъ контекста не всегда понятенъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто «не единне съ нимъ матере» (Р. И. Б., т. XIII, стр. 2) здѣсь напечатано: «не единне есмь матере...», вмѣсто «... и повелѣ его погresti... во убозѣмъ монастырѣ дѣвичѣ, иже именуется Варсуноіевѣ» (Р. И. Б., т. XIII, стр. 5), напечатано: «... повелѣ погresti его во... отъ монастырей въ дѣвичьи» (стр. 20) и т. д. Жаль также, что г. Титовъ не сдѣлалъ описанія этого памятника, чтó было бы очень важно. Здѣсь же, въ приложеніи, напечатаны, кромѣ того: сочиненіе Т. Каменевича-Рвовскаго «Божій градъ», написанное Каріону Ирюмину по поводу его женитьбы, портретъ В. И. Лѣствицyna, снимокъ съ города Ярославля въ 1731 г., видъ Свято-Толгскаго монастыря въ 1731 г. и автографы вологодскихъ, ростовскихъ іерарховъ—Симона, Маркелла, Варлаама, Ионы Сысоевича, Каменевича-Рвовскаго съ краткими ихъ біографіями.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Кармскіе узники.—Манчестерскіе мученики.—Евангеліе апостола Петра.—Рукопись перевода Семидесяти Толковниковъ.

КАРМСКІЕ УЗНИКИ. Настоящій годъ, вѣроятно, послѣдній въ существованіи одного изъ стариннѣйшихъ и памятливейшихъ зданій Парижа — Кармскаго монастыря, свидѣтеля кровавыхъ сентябрьскихъ драмъ французской революціи.

Событіе это переноситъ насъ въ то время, когда на границахъ Франціи шла *la guerre contre les rois*, а въ столицѣ вся власть находилась въ рукахъ революціонной коммуны. Въ эти дни, стѣны Кармскаго монастыря служили темницей для массы духовныхъ лицъ, монаховъ, аббатовъ и епископовъ, не пожелавшихъ дать присягу конституціи. Возможность какихъ нибудь интригъ или козней со стороны заключенныхъ не давала правителямъ успокоиться, и поэтому скоро положено было порѣшить съ ними. Не прошло и дня со знаменитаго заявленія Дантона, что, «въ виду внутреннихъ крамоль роялистовъ, правленіе должно быть основано на ужасѣ», какъ однажды утромъ кармскіе узники увидѣли вокругъ стѣнъ монастыря перемѣну, не предвѣщавшую имъ ничего добраго. Національная гвардія, охранявшая ихъ до сихъ поръ, куда-то исчезла, а мѣсто ея заступили какіе-то оборванцы, безъ формы, съ нахлобученными на голову красными шапками и съ пиками въ рукахъ. Узники поняли, что гибель ихъ близка. Преклонивъ колѣни на полу часовни, служившей имъ темницею, они съ удвоеннымъ усердіемъ стали молиться и ободрять другъ друга не падать духомъ въ виду близкаго мученичества. Пробыло четыре часа. Пришли тюремщики и приказали всѣмъ идти въ садъ; туда же вытолкнули и больныхъ и старыхъ, еле передвигавшихъ ноги.

Люксембургская секція правителей въ это время спорила о средствахъ для «спасенія отечества». Нѣкій Пріеръ съ высоты священнической кафедры,

передѣланной въ трибуну, восклицалъ, что онъ съ своей стороны не тронется изъ Парижа на помощь войскамъ раньше, какъ не покончатъ съ опасными субъектами, собранными въ тюрьмахъ и, главнымъ образомъ, въ Кармской. «Я увѣренъ,—говорилъ онъ,—что лишь только мы, граждане, отправимся на границу, какъ тотчасъ же попы, заключенные въ тюрьмахъ, какимъ нибудь колдовствомъ выберутся изъ нихъ и перебьютъ женъ и дѣтей защитниковъ отечества». Предложеніе нѣкоторыхъ членовъ комитета, первоначально обсудить степень виновности узниковъ, было отвергнуто: правосудіе народа не имѣло времени судить, оно могло лишь казнить за преступленія.

Толпа черни, въ которой марсельцы играли очень видную роль, тотчасъ бросилась къ Кармскому монастырю и, разсѣявшись въ кельяхъ, выходившихъ въ садъ, стала осыпать узниковъ угрозами и оскорбленіями. Заключенные старались укрыться въ глубинѣ сада и въ небольшой молельнѣ, находившейся тутъ же. Вскорѣ послышался новый вой десятковъ голосовъ съ сосѣдней улицы Cassette; ворвавшіеся первыми, отворили ворота сада и дали войти новой толпѣ. Полагая, что теперь ихъ собралось достаточное число, они начали свое дѣло. Съ пиками и ружьями они накинулись на беззащитныхъ арестантовъ. Аббатъ Жирр, настоятель монастыря св. Елисаветы, былъ первою жертвою; колѣнопреклоненный около бассейна въ срединѣ сада, онъ не приподнял даже глазъ при видѣ убійць, и въ этомъ положеніи былъ достигнутъ смертью. Другая группа палачей направилась къ молельнѣ; епископъ Арлскій первый палъ здѣсь подъ ихъ ударами. Въ самой молельнѣ цѣлая толпа священниковъ на колѣняхъ ждала своей участи. Тутъ началась настоящая бойня.

Все это продолжалось не болѣе какихъ нибудь четверть часа.

Въ это время Мальяръ, начальникъ второй банды, прибылъ сюда изъ аббатства, замѣтивъ, что тамъ уже нечего больше дѣлать ему. Оставшихся еще въ живыхъ, среди криковъ и стонovъ умерщвляемыхъ и при воѣ палачей, повели въ часовню. Здѣсь Мальяръ досталъ откуда-то списокъ узниковъ и началъ переключку. Парно приводили къ нему приговоренныхъ и предлагали имъ присягнуть конститудіи. Всѣ рѣшительно отказались. По минутно поэтому раздавалась циничная команда: «На волю!», и священниковъ опять отводили по узкому корридору на площадку, гдѣ палачи безъ устали работали.

Менѣе чѣмъ въ два часа погибло такимъ образомъ сто двадцать священниковъ. Очень немногимъ удалось спастись, перескочивъ черезъ стѣны или спрятавшись въ укромныхъ мѣстечкахъ, откуда послѣ бойни можно было выбраться.

За казнями послѣдовала грабежъ. Городская чернь нахлынула на монастырь, чтобы потѣшиться видомъ тѣлъ и поживиться чѣмъ было возможно. Тѣла, во избѣжаніе заразы для окрестныхъ домовъ, на слѣдующее же утро были убраны.

Долгое время глубокая тайна покрывала мѣсто погребенія жертвъ 2-го сентября. Кармскій монастырь испыталъ цѣлый рядъ метаморфозъ. Сначала онъ былъ увеселительнымъ заведеніемъ, въ родѣ танцевальнаго зала, потомъ арестнымъ домомъ, затѣмъ его выкупила благочестивая кармелитка въ память о своемъ отцѣ, заточенномъ здѣсь во времена Террора; кармелитка уступила его потомъ нѣкому Афрре, устроившему здѣсь училище и кол-

легію, но и эти послѣднія просуществовали не долго. Эти перемены не могли не ослабить воспоминаній, но народная молва все еще продолжала указывать въ Кармскомъ саду мѣсто избіенія и погребенія священниковъ. Указывали, кромѣ того, и на улицу d'Assas, гдѣ находится заваленный колодець съ водруженнымъ на немъ деревяннымъ крестомъ, какъ на мѣсто, куда Мальяръ распорядился сбросить трупы убитыхъ. Этотъ колодець такъ и назывался *le puits des martyrs* (колодець мучениковъ).

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда не такъ давно парижская дума рѣшилась удлинить улицу Rennes. Для работъ, производившихся при этомъ, понадобилось задѣть часть и улицы d'Assas, какъ разъ по близости «колодца мучениковъ». На послѣдній было обращено вниманіе и рѣшено было изслѣдовать его содержимое. Результатъ, однако, не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ: на днѣ колодца оказались лишь кости животныхъ и всякаго рода обломки. Приходилось обратиться къ розыскамъ въ другомъ мѣстѣ.

Справившись съ старинными планами, архитекторы, завѣдывавшіе раскопками, обратили вниманіе на другой колодець вблизи монастыря, въ настоящее время исчезнувшій съ поверхности земли. Обратились теперь къ нему. По даннымъ плана отыскиали его мѣстоположеніе, подняли пластъ земли съ дерномъ и, наконецъ, нашли то, чего искали. Прежде всего глазамъ изслѣдователей представился пластъ, толщиною въ тридцать сантиметровъ и діаметромъ въ восемьдесятъ, который состоялъ исключительно изъ смѣшанныхъ, полукостлявыхъ человѣческихъ костей. Затѣмъ слѣдовалъ пластъ извести, а за нимъ опять громадный пластъ костей, толщиною почти въ два метра. Такимъ образомъ найдено было мѣсто, гдѣ болѣе чѣмъ три четверти столѣтія скрывались подъ землею останки кармскихъ мучениковъ вѣры. Цѣлая группа ученыхъ медиковъ и антропологовъ ввязалась за изслѣдованіе найденныхъ костей. Въ концѣ концовъ удалось опредѣлить, что число всѣхъ сброшенныхъ въ колодець равнялось приблизительно девяносто или девяносто пяти. Въ этомъ числѣ были двѣ, можетъ быть, три женщины, и три ребенка моложе десяти лѣтъ. О судьбѣ этихъ послѣднихъ исторія сентябрьскихъ убійствъ не даетъ указаній, и она остается для насъ загадочной. Замѣчательно, что кости носили еще отчетливые слѣды тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ убійцами, у большинства на головахъ.

Научное изслѣдованіе окончательно подтвердило, что останки кармскихъ жертвъ были найдены. Тогда, съ благословенія папы и на добровольныя пожертвованія вѣрующихъ католиковъ, была подновлена часовня монастыря и устроена великолѣпная усыпальница для погребшихъ священниковъ. На гробницѣ былъ высѣченъ на латинскомъ языкѣ стихъ изъ книги Маккавеевъ: «Не пожелали преступить святаго Божьяго закона и были казнены».

Благоговѣніе вѣрующихъ пока сохраняетъ отъ разрушенія послѣднее убѣжище жертвъ 2-го сентября. Но своды монастыря, вѣкогда укрывавшіе подъ своей сѣнью погибшихъ ужасною смертью монаховъ, ожидаютъ изо дня на день своего уничтоженія. Во вниманіе ихъ ветхости парижскимъ муниципалитетомъ рѣшено ихъ уничтожить.

— Манчестерскіе мученики. Въ предыдущей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» намъ, по поводу книги Лекарона, пришлось говорить о пресловутомъ заговорѣ феніевъ противъ Англій. Въ настоящее время, въ виду громадныхъ демонстрацій, которыми вся Ирландія вспоминала 25 лѣтъ

тому назадъ происшедшую казнь такъ называемыхъ «манчестерскихъ мучениковъ», не безынтересно будетъ въ немногихъ словахъ разказать этотъ полузабытый эпизодъ изъ новѣйшей исторіи Англіи.

11-го сентября новаго стіля 1867 года, англійскимъ властямъ удалось захватить въ руки полковника Келли, начальника феніевъ, пріѣхавшаго изъ Америки, чтобы приготовить предполагавшееся тогда возстаніе, и его адъютанта, капитана Дизи. Эти важные аресты были сдѣланы въ Манчестерѣ. Въ среду, 18-го сентября, арестантовъ привели въ полицейскую управу и сняли съ нихъ здѣсь показанія. Вечеромъ того же дня тюремная повозка должна была изъ полицейской управы препроводить ихъ въ Сальфордскую тюрьму. Телеграммы изъ Дублина и лондонскаго министерства внутреннихъ дѣлъ извѣщали манчестерскихъ властей о намѣреніи феніевъ освободить заключенныхъ. Въ виду этого стража, сопровождавшая обыкновенно повозку, была увеличена съ двухъ до двѣнадцати человѣкъ: восемь человѣкъ сидѣло въ повозкѣ, а четверо слѣдовали назадъ въ особомъ кэбѣ.

Въ повозкѣ къ числу арестантовъ принадлежали: два вождя феніевъ, двѣ проститутки и какой-то мальчикъ. Феніи были въ ручныхъ кандалахъ, и каждый изъ нихъ былъ прикованъ въ особомъ отдѣленіи повозки. Главная дверь повозки снаружи была заперта, и ключи ея находились въ рукахъ полицейскаго сержанта Бретта, сидѣвшаго внутри.

Отъ манчестерской полицейской управы до Сальфордской тюрьмы двѣ англійскихъ мили разстоянія. Проѣхавъ приблизительно треть дороги, повозка приблизилась къ пустынной и мало посѣщаемой въ вечернее время мѣстности. Кучеръ, не подозрѣвавшій ничего дурнаго, вдругъ былъ остановленъ громкимъ окликомъ: «Стой!» По срединѣ дороги стоялъ какой-то человѣкъ и прицѣливался пистолетомъ въ его голову. Въ тотъ же моментъ около тридцати человѣкъ перелѣзло черезъ изгородь, отдѣлявшую шоссе отъ соседнихъ каменоломенъ и глиняныхъ ямъ. Кучеръ попробовалъ было погнать лошадей, но долженъ былъ остановиться, такъ какъ одна изъ нихъ была подстрѣлена. Полицейскими въ кэбѣ овладѣла настоящая паника и черезъ минуту, не оказавъ и тѣни сопротивленія, они улетучились. Напавшіе были вооружены молотками, ломами и топорами, которыми они сначала старались пробить крышу и стѣны повозки. Ни та, ни другая не поддавались ихъ усиліямъ. Одинъ изъ банды черезъ рѣшетку прокричалъ сержанту Бретту, чтобы тотъ выдалъ ключи. На это изъ повозки послышались вопли и визгъ испуганныхъ женщинъ, а Бреттъ наотрѣвъ отказался. Тогда раздался выстрѣлъ, направленный въ замочную скважину, съ цѣлью, какъ говорила защитительная рѣчь, расшатать замокъ, и пуля, пробивъ замокъ навывлетъ, поразила Бретта въ високъ. Несчастный полицейскій упалъ, наповаль убитый. Одна изъ женщинъ достала ключи и выбросила ихъ за рѣшетку. Ихъ снаружи подхватили заговорщики, открыли повозку и пробрались въ отдѣленіе своихъ вождей. Черезъ немного минутъ послѣдніе уже были на свободѣ и успѣли скрыться вмѣстѣ съ освободителями. Ни Келли, ни Дизи потомъ ни разу не попадались въ руки полиціи.

Въ эту же ночь почти сто человѣкъ ирландцевъ было арестовано въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ, и по предварительному слѣдствію пять человѣкъ изъ нихъ были найдены заслуживающими смерти. Казалось слишкомъ большимъ промедленіемъ ожидать декабрскихъ засѣданій суда, и правительство поэтому назначило особую комиссію изъ трехъ судей для немедленнаго су-

допроизводства. Пять арестованных были: Алленъ, О'Бріенъ, Ларкинъ, О'Магеръ Кондонъ и Тома Магэйръ. Всѣ они были приговорены къ повѣшенію.

Тома Магэйръ потомъ былъ прощенъ, такъ какъ ему удалось доказать, что во время нападенія онъ находился въ Ливерпулѣ. Приговоръ надъ О'Магеромъ Кондономъ, американскимъ гражданиномъ, подъ вліяніемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ былъ смягченъ. Алленъ, Ларкинъ и О'Бріенъ публично были повѣшены передъ Сальфордской тюрьмой, 23-го ноября 1867 года, при громадномъ стеченіи народа. О'Магеръ Кондонъ нѣсколько лѣтъ провелъ на каторжной работѣ и потомъ былъ освобожденъ. Теперь онъ занимаетъ выгодную государственную должность въ Нью-Йоркѣ и хвалится на разныхъ ирландско-американскихъ митингахъ феніевъ, что честь выстрѣла, поразившаго Бретта, принадлежитъ ему.

— Евангеліе апостола Петра. Еще одной интересной находкою обогатилась наука въ недавнее время, на этотъ разъ въ области древне-христіанской апокрифической литературы. Когда въ 1891 году производили раскопки въ одной гробницѣ, найденной въ Нижнемъ Египтѣ, изслѣдователи рядомъ съ мумією наткнулись на папирусъ съ арифметическими вычисленіями и на пергаментный свитокъ въ тридцать три листа. Въ послѣднемъ, какъ потомъ оказалось, заключались слѣдующія интересныя вещи: выдержки изъ книги Еноховой, которая, по предположенію нѣкоторыхъ, была извѣстна уже апостолу Іудѣ, такъ называемое Петровское евангеліе и Петровскій апокалипсисъ. Всѣ эти произведенія, какъ извѣстно, принадлежатъ къ новозавѣтнымъ апокрифамъ, съ третьяго по шестое столѣтіе были извѣстны въ христіанской церкви. Потомъ они какъ-то исчезли. Отцы и учителя церкви знали ихъ, и, хотя называли ихъ апокрифическими, все-таки чтеніе этихъ произведеній считали дозволительнымъ и даже полезнымъ для вѣрующихъ. Епископъ антиохійскій Серапіонъ, жившій около 200 года по Р. Х., дозволилъ чтеніе Петровскаго евангелія дома и даже въ церкви, но потомъ приказалъ изъять его изъ употребленія, найдя въ немъ зачатки ереси докетизма. Оригенъ упоминаетъ объ этомъ евангеліи при вопросѣ о братѣ Господнемъ: въ евангеліи Петра и Іакова,—говоритъ онъ,—написано, что эти послѣдніе были братья Иисусовы. Но и Оригенъ не считаетъ Петровскаго апокрифа равнымъ Четвероевангелію. Позднѣйшіе учителя церкви въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяли чтеніе этой книги. Апокалипсисъ же Петровскій еще въ 430 году читался на пасхальной заутренѣ въ палестинскихъ общинахъ.

Найденный отрывокъ содержитъ описаніе страданій и смерти Иисуса Христа. Отъ всего разсказа вѣтъ чѣмъ-то страннымъ и чуждымъ для насъ. Іосифъ Аримаѳійскій еще до распятія проситъ тѣла Иисуса; разсказчикъ говоритъ о немъ, какъ о «другѣ Пилата и Господа». При перечисленіи тѣлесныхъ мучъ Иисуса говорится: «онъ же молчалъ, не чувствуя страданій», въ чемъ выражается докетическое воззрѣніе автора. Одинъ изъ разбойниковъ обращается къ евреямъ и укоряетъ ихъ; за это его наказываютъ рѣшеніемъ оставить его голени не перебитыми и такимъ образомъ продолжатъ мученія. Слова Иисуса на крестѣ: «Или, Или, ламѣ савахані», переводятся въ греческомъ переводѣ: «Сила моя, сила моя, зачѣмъ ты меня оставила?» Говорится о гвоздяхъ только на рукахъ; землетрясеніе происходитъ при снятіи со креста. Про учениковъ Христа думали, что послѣ

смерти учителя они подождутъ храмъ. Разсказъ о воскресеніи гораздо длиннѣе, чѣмъ въ Евангеліи отъ Маттея, и со многими легендарными подробностями. На гробницу наложили семь печатей, въ утро на Пасху камень самъ подвинулся съ мѣста, изъ могилы вышли три мужа, причѣмъ двое поддерживали третьяго, крестъ двигался по слѣдамъ ихъ, и отъ него раздавался голосъ; небо разверзлось, и откровеніе провозгласило, что Иисусъ есть Сынъ Божій. Имя римскаго военачальника—Петроній, Пилатъ умываетъ руки лишь послѣ воскресенія. Заключение гласитъ слѣдующимъ образомъ:

«То былъ послѣдній день опрѣсноковъ, и много богомольцевъ возвращалось уже на родину. Мы, двѣнадцать учениковъ, плакали и горевали, и каждый изъ насъ отъ могилы пошелъ обратно на родину. Я же, Петръ, и братъ мой Андрей, пошли къ морю, взявъ съ собою наши сѣти, и Левій, сынъ Алфея, котораго Господь...». На этомъ словѣ рукопись обрывается.

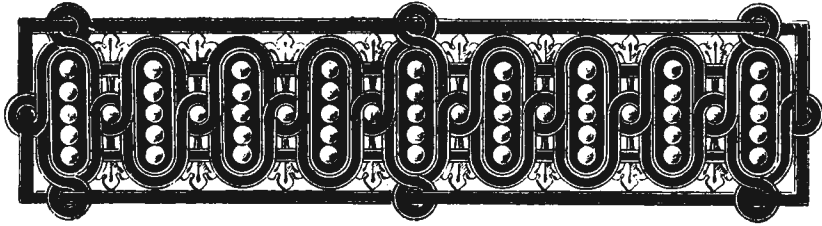
— Рукопись перевода Семидесяти Толковниковъ. Немного ранѣе предыдущей, была сдѣлана въ минувшемъ году другая чрезвычайно важная находка: былъ открытъ древнѣйшій манускриптъ греческаго перевода Ветхаго Завѣта. Интересная рукопись эта написана на папирусѣ и такого древняго характера буквами, что ее приходится отнести не позже, чѣмъ къ самому началу третьяго вѣка до Рождества Христова. Уцѣлѣли лишь отрывки, въ которыхъ удалось разобрать часть книги пророка Захаріи и кое-что изъ книги пророка Малахіи. На основаніи разобраннаго можно предполагать, что переписчикъ имѣлъ передъ собою прекрасную копию перевода Семидесяти Толковниковъ. До того текстъ передавъ хорошо съ значительнымъ количествомъ такихъ разночтеній, которыя приходятся предпочтѣсть даваемымъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ перевода Семидесяти.

Такъ называемый «переводъ Семидесяти Толковниковъ» началъ быть при Птоломееѣ Филадельфѣ въ 280 году до Р. Х. и оконченъ около 150 года. Это тотъ текстъ, на который чаще всего находимъ мы ссылки какъ въ Евангеліяхъ, такъ и въ Дѣянїяхъ и въ Посланїяхъ апостоловъ, хотя въ единичныхъ случаяхъ и тутъ и тамъ попадаются и непосредственные переводы съ еврейскаго подлинника. Историческое значеніе перевода Семидесяти весьма важно: это первый случай такого громаднаго дословнаго перевода во всемирной литературѣ. Преданіе гласитъ, что Законъ или Пятиквїяіе были прежде всего переведены на островѣ Фарѣ близъ Александріи 70-ю, или вѣрнѣе 72-мя, іудеями по подлиннику, вывезенному изъ Палестины царемъ Птоломеемъ, собиравшимъ тогда всевозможныя книжныя рѣдкости въ свою бібліотеку. Пространно и подробно объ этомъ разсказываетъ въ своихъ «Иудейскихъ Древностяхъ» Іосифъ Флавій. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, дѣло было немного иначе. Въ Александріи жило много богатыхъ еврейскихъ аристократовъ, совершенно подчинившихся греческому вліянію и забывшихъ свой языкъ по возвращеніи изъ Вавилона. Случилось такъ, что имъ самимъ понадобился переводъ ихъ священныхъ книгъ. Въ наше время этотъ переводъ былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію, и найдено было, что сами переводчики были весьма непохожи другъ на друга и по знанїямъ и по способностямъ; кромѣ того, родившись въ Александріи или въ другихъ мѣстахъ Египта, они писали не на чистомъ, а приправленномъ діалектическими особенностями греческомъ языкѣ. Радость говорившихъ погречески египетскихъ евреевъ была весьма велика, когда переводъ Семидесяти былъ законченъ, и много благочестивыхъ іудеевъ счи-

тали своимъ долгомъ посѣтить мѣсто перевода — островъ Фаръ. Правовѣрное, однако, палестинское іудейство всегда смотрѣло на переводъ еврейской Библии на греческій языкъ, какъ на большую ошибку. Талмудъ свидѣтельствуеть, что день перевода Библии для истыхъ іудеевъ былъ тѣмъ же, чѣмъ и день воздвиженія золотого тельца въ пустынь: дѣло въ томъ, что тору, т. е. законъ, по ихъ возрѣніямъ, нельзя было безъ ошибокъ передать по-гречески. Въ другомъ мѣстѣ талмуда читаемъ мы: «день этотъ считался днемъ несчастія и на него назначенъ былъ постъ, какъ на восьмой день мѣсяца Тебета» (память осады Іерусалима Титомъ), и, по преданію, «по окончаніи перевода трое сутокъ не показывалось солнце, и господствовала полная мгла». Таковъ былъ протестъ талмуда противъ перевода Семидесяти, главнымъ образомъ, въ виду многихъ неточностей и иногда даже погрѣшностей въ передачѣ еврейскаго текста. И въ настоящее время научная критика доказала, что толковники работали далеко не тщательно. Однако, такъ какъ въ первыя времена христіанства греческій языкъ былъ языкомъ всего цивилизованнаго міра, то и переводъ Семидесяти вошелъ во всеобщее употребленіе.

Найденные въ настоящее время отрывки, по мнѣнію ученыхъ, много могутъ содѣйствовать объясненію значенія и характера перваго греческаго перевода Ветхаго Завѣта.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Записки мелкихъ людей о великихъ событіяхъ.—Мемуары наполеоновскаго солдата о кампаніяхъ 1808—1815 годовъ.—Французскій писатель-авантюристъ, въ роли предтечи франко-русскихъ симпатій.—Французская развязность и нецеремонность.—Книга о старинныхъ чешскихъ костюмахъ.—Елисавета Фарнезе, какъ женщина и королева.—Современная Персея, изображенная англійскимъ публицистомъ.—Неизданныя воспоминанія Токвиля.

ВЪ РЯДУ историческихъ трудовъ литература мемуаровъ, по численности и занимательности относящихся къ ней произведеній, занимаетъ первое мѣсто. На ряду съ такими цѣнными для исторіи трудами, какъ стратегическія записки маршала Макдональда или мемуары генерала Марбо, являются воспоминанія скромныхъ участниковъ міровыхъ событій начала нашего столѣтія: капитана Куанье, сержанта Фрикасса, канонира Брика. Конечно, чтобы имѣть полное и точное понятіе объ этихъ событіяхъ, надо обратиться къ тѣмъ, кто игралъ въ нихъ первую роль. Но свидѣтельство главныхъ дѣйствующихъ лицъ недостаточно для историка: они представляютъ только общую картину совершившихся фактовъ, оставляя по неволѣ въ сторонѣ второстепенныя явленія, рисующія, однако, болѣе любопытную сторону событій. Описывая войну, полководцы объясняютъ планы воюющихъ сторонъ, ихъ силы, передвиженія, побѣды и пораженія, но не изображаютъ подкладки всѣхъ этихъ фактовъ интимной жизни армій. Только солдаты могутъ рассказать то, что скрываютъ отъ генерала, или что онъ самъ хочетъ скрыть. Разъясненія подчиненныхъ дополняютъ показанія начальниковъ, и эти показанія тѣмъ дороже, что почти всегда они болѣе правдивы и положительно всегда болѣе откровенны. Такими досто-
«истор. вѣстн.», январь, 1893 г., т. LI.

инствами отличаются «Воспоминанія» (Mes Souvenirs) Жанъ-Батиста Мерля, простого солдата, участвовавшего въ наполеоновскихъ войнахъ съ 1808 по 1815 годъ. Когда Бурбоны распустили армію императора, Мерль вернулся въ свою деревню, близъ Безьера, и сорокъ лѣтъ прожилъ въ своей семьѣ, обрабатывая свой клочокъ земли. Онъ былъ очень доволенъ, когда власть захватилъ другой Наполеонъ. Крымская кампанія напомнила ему походъ въ Россію въ 1812 году, и старый солдатъ рѣшилъ написать для своихъ дѣтей воспоминанія о своей военной жизни. Онъ писалъ, конечно, не для печати, не думалъ, что потомки будутъ интересоваться его скромными записками. Въ школьной тетради, на сорока листахъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ, рассказываетъ онъ исторію своихъ восьмилѣтнихъ странствованій съ арміей по Италиі, Голандіи, Германіи, Австріи, Россіи. Воспоминанія его раздѣляются на двѣ части: въ первой онъ описываетъ всѣ города, въ которыхъ ему пришлось побывать; во второй рассказываетъ съ большими подробностями походъ въ Россію. Мы остановимся на этой части мемуаровъ.

Взятый конскрипціею въ наборъ 1808 года восемнадцатилѣтній Мерль вступилъ въ 37-й пѣхотный полкъ и съ нимъ исколесилъ въ три года сѣверную Италію, Австрію, Голандію, Германію, не принимая участія ни въ какихъ сраженіяхъ и занимая только караулы въ разныхъ городахъ. Но переходы приходилось дѣлать порядочные и, между прочимъ, пройти однажды 15 миль съ своимъ полкомъ, чтобы участвовать на смотру, который Наполеонъ дѣлалъ своей арміи. Въ Гамбургѣ и Любекѣ онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы не провозили контрабанду и, разумѣется, пропускалъ, не задерживая горожановъ съ кофеемъ и колониальными товарами, такъ какъ учрежденіе континентальной системы на громадномъ протяженіи береговой линіи Европы было нецѣлостью и несправедливостью. Въ Гарлемѣ Мерль былъ свидѣтелемъ исполненія правосудія, «немыслимаго во Франціи»: на главной площади красивой торговкѣ дали сто ударовъ розогъ по голому тѣлу за обвѣщиваніе покупателя. Въ Вестфалии ему предсказывали въ 1811 году, что когда они пойдутъ въ Россію, ихъ обезсилятъ голодомъ, холодомъ и потомъ истребятъ. Солдаты смѣялись надъ предсказателями. Въ Польшѣ ихъ приняли хорошо. Въ Торнѣ Наполеонъ дѣлалъ смотръ двадцати племенамъ, вступившимъ въ Россію. Мерль подтверждаетъ слова Тьера, что дезорганизація арміи, дезертирства, грабежи, неповиновеніе начальникамъ, начались съ первыхъ дней похода. Какъ поступали солдаты въ занятыхъ ими городахъ, видно изъ словъ Мерля, рассказывающаго, какъ въ домѣ одного купца въ Вилькомирѣ онъ «нашелъ» множество провизіи, которую купецъ не успѣлъ спрятать. Все это Мерль захватилъ и принесъ въ полкъ, также какъ и 155 франковъ «русскимъ серебромъ», чтобы подѣлиться съ товарищами. Командиръ полка напомнилъ солдату, что изданъ приказъ разстрѣливать грабителей, но отобралъ только у него въ свою пользу окорокъ, кофе и нѣсколько бутылокъ водки. Тьеръ описываетъ, какъ при вступленіи въ Вильпу 30.000 виртембергцевъ, баварцевъ, итальянцевъ, французовъ, они, оставивъ свои корпуса, принялись грабить домашнихъ жителей. Въ Борисовѣ у Мерля свои же товарищи артиллеристы украли «найденную» имъ провизію, и когда онъ потребовалъ ее обратно, только разсмѣялись и пригласили его раздѣлить трапезу. Въ Мианскѣ карабинеры при Мерлѣ отобрали у какого-то барона въ его домѣ на 12.000 франковъ аси-

гнацій синяго цвѣта и отняли у дочери барона золотое кольцо, снявъ его съ пальца у дѣвушки. Самъ Мерль «нашелъ» въ этомъ домѣ только запасъ провизіи да 85 франковъ. Онъ говоритъ, впрочемъ, что въ корпусѣ Удино, къ которому принадлежалъ и 57-ой полкъ, было больше всего мародеровъ. Мерль описываетъ подробно сраженіе подъ Полоцкомъ, гдѣ его полкъ потерялъ 1.200 человекъ убитыми и ранеными, и гдѣ корпусъ Удино простоялъ два мѣсяца въ бездѣйствіи. Принужденный очистить этотъ городъ, онъ оставилъ въ немъ 3.000 раненыхъ, поручая ихъ благосклонности Витгенштейна. Корпусъ Удино, не бывшій такимъ образомъ въ Москвѣ и потерявшій 14.000 баварцевъ отъ дисентеріи, отступилъ отъ Полоцка къ Смоленску и Оршѣ и дѣлалъ потомъ демонстраціи противъ Борисова, чтобы центръ арміи могъ переправиться черезъ Березину. Объ этой переправѣ Мерль не сообщаетъ ничего новаго, но говоритъ, что послѣ нея въ арміи исчезла уже всякая дисциплина. Проходя лѣсами на пространствахъ десятковъ миль и видя только снѣгъ да сосны, солдаты ждали только смерти. Ихъ и умерло, на пути до Вильны, до десяти тысячъ. Подъ этимъ городомъ произошло трагическое событіе: Мерль съ нѣсколькими товарищами остановился на ночь въ отдѣльномъ домикѣ одной деревни. Вдругъ, среди ночи, въ тотъ же домъ явилось нѣсколько штабныхъ офицеровъ съ генераломъ и потребовали, чтобы солдаты очистили имъ комнаты и искали себѣ другого ночлега. Между солдатами былъ одинъ раненый при переходѣ черезъ Березину, онъ сказалъ генералу: «я сильно страдаю отъ раны и боюсь разбередить ее, отыскивая другое помѣщеніе; позволте мнѣ провести остатокъ ночи гдѣ нибудь на полу». «Нѣтъ,— отвѣчалъ генераль,— убирайся вмѣстѣ съ другими!» Солдатъ вышелъ со слезами на глазахъ и рѣшился отомстить безсердечному начальнику. Когда офицеры уснули, онъ загородилъ бревнами, съ помощью товарищей, входную дверь въ хижину и потомъ зажегъ ее. Офицеры не могли выйти изъ заколоченной двери, ни вылѣзти въ единственное узкое окно. «Мы оставили деревню при свѣтѣ пожара»,—оканчиваетъ Мерль свой рассказъ, не прибавляя никакихъ коментарій къ этому «веселенькому пейзажу» военной жизни.

Въ Вильнѣ бѣдняки надѣялись найти запасы провiанта, но все было захвачено гвардіей, опередившей армейскіе полки. Въ предмѣстьѣ города восемь «страшныхъ казаковъ» (qui faisaient frayeur à voir) окружили Мерля съ его товарищами и потребовали, чтобы они сдались: тѣ не сопротивлялись, и ихъ отвели въ монастырь, гдѣ было уже около полутора тысячи плѣнныхъ. Два дня ихъ не кормили, потомъ роздали немного хлѣба и объявили, что скоро отправятъ ихъ въ Сибирь. Тогда плѣнники рѣшились бѣжать и въ одну ночь, вырвавшись изъ монастыря, бросились изъ города. Въ нихъ стали стрѣлять, убили нѣсколько человекъ, но остальные черезъ три дня добрались до Ковна. Въ этомъ городѣ Мерль нашелъ при провiантскомъ складѣ стараго сослуживца, который накормилъ его досыта и далъ ему въ запасъ столько хлѣба, что, продавая его по пяти франковъ за кусокъ, Мерль выручилъ 400 франковъ. Онъ, впрочемъ, и даромъ раздавалъ хлѣбъ товарищамъ, но принужденъ былъ дѣлать это такъ, чтобы этого не видѣли другіе. Бѣсть надо было тайкомъ и прятася, потому что сильный прямо отнималъ у слабѣйшаго кусокъ изо рта. Но, и перейдя границу, остатки великой арміи не могли считать себя въ безопасности. Въ Кенигсбергѣ, когда Мерль

съ десяткомъ товарищей явился въ трактиръ, назначенный имъ для поста, хозяинъ рѣшительно отказался впустить ихъ, а когда они силою вошли въ домъ, онъ позвалъ солдатъ національной стражи, которые начали стрѣлять въ французовъ, и они должны были спасаться въ окна. Бродя холодной ночью по городу, они чуть не замерзли, но нашли себѣ пріютъ въ одномъ домѣ, гдѣ могли уснуть на соломѣ. Они заплатили за нее по пяти франковъ за связку, унесли эти связки съ собою, подложили ихъ подъ домъ трактирщика, такъ дурно принявшаго ихъ, и подожгли его. Мерль могъ отдохнуть и собраться съ силами только въ Кюстринѣ, куда онъ пришелъ больной, въ рубищѣ, въ часоткѣ, покрытый паразитами. Въ этотъ городъ изъ 37-го полка вернулось только 200 человекъ; на родину въ 1814 году ихъ вернулось 33. Мерль принималъ участіе и въ саксонской кампаніи, былъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ и Лейпцигѣ, которыя описываетъ подробно, но не говорятъ, дѣлалъ ли кампанію 1815 года. Общій выводъ изъ его мемуаровъ тотъ, что онъ не былъ героемъ, но исполнялъ свой долгъ, какъ и всѣ, не давая себѣ отчета, для чего онъ это дѣлаетъ, и почему все это дѣлается вкругъ него. Никакихъ мыслей и чувствъ не возбуждаютъ въ себѣ эти безконечные переходы изъ одной страны въ другую, эта бессмысленная бойня, превращающая въ нѣсколько минутъ сотни дышавшихъ жизнью людей въ окровавленные трупы. Законъ войны, или истребленія братьевъ, является для война такимъ же неизбѣжнымъ, обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и законъ жизни. Наполеонъ для него богъ, какую бы нелѣпость онъ ни придумывалъ. Вавилонскіе и римскіе владыки объявляли себя богами и требовали, чтобы имъ приносили жертвы. Нынче такихъ объявленій не знаютъ, но жертвы, вѣстакъ, приносятъ, и зачастую безъ всякаго разумнаго основанія.

— Другой мелкій дѣятель въ литературѣ и обществѣ, Ипполитъ Оже, оставилъ свои мемуары, написанныя, когда ему было уже за 70 лѣтъ (*Mémoires d'Hippolite Auger*). Многіе изъ петербургскихъ старожиловъ помнятъ еще этого бойкаго, умнаго француза, долго жившаго въ нашей столицѣ и съ восторгомъ отзывавшагося о Россіи еще задолго до проявленія всякихъ франко-русскихъ симпатій. Записки его интересуютъ насъ болѣе всего картинами русской жизни, хотя его рассказы изъ исторіи реставраціи, июльской монархіи и послѣдняго времени также любопытны во многихъ отношеніяхъ. Принадлежа къ среднему классу общества, онъ вращался въ высшемъ и интеллигентномъ кругахъ; не имѣя состоянія, былъ другомъ миллионеровъ, хотя не занималъ никакого выдающагося мѣста и велъ самую скромную жизнь. Онъ родился въ 1796 году и умеръ въ 1881 году въ Ментонѣ. Сынъ оксерскаго купца, онъ 14-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Парижъ и поступилъ приказчикомъ въ магазинъ. Веселый, услужливый, любезный, Оже нравился всѣмъ и началъ свою литературную карьеру писаніемъ стиховъ въ альбомы дамъ; читая въ салонахъ свои произведенія, онъ печаталъ ихъ во «Французскомъ Меркуріи». Однажды, въ Елисейскихъ поляхъ онъ на ходу записывалъ въ книжку свои стихи и натолкнулся на прохожаго, сказавшаго ему очень любезно: «вы мнѣ прочтете ихъ». Они разговорились, и новый знакомецъ подаль ему свою карточку со словами: «мы братья по Аполлону». Это былъ членъ государственнаго совѣта и секретарь герцога Ангулемскаго. Но молодой поэтъ совершенно спокойно далъ ему карточку «Ипполитъ Оже, приказчикъ въ магазинѣ «Мамелюкъ», улица Сент-Оноре». Не всѣ поэты того времени были въ магазинахъ или въ государственномъ совѣтѣ: прія-

тель Оже, Огюсть Жиро, занималъ офіціальную должность «распечатывателя (désacheteur) писемъ» въ «черномъ кабинетѣ» реставраціи. Другой товарищъ Оже, романистъ Брифо, исполнялъ офіціальныя обязанности въ домѣ герцогини д'Юезель, и старуха, умирая, оставила ему по завѣщанію карету и золотой столовый приборъ. Во время пребыванія въ Парижѣ русскихъ войскъ, Оже сошелся съ нѣсколькими офицерами и отправился вмѣстѣ съ ними, когда полки выступили въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ на службу гвардейскимъ офицеромъ, представлялся Александру I и выучился русскому языку, который онъ называетъ легкимъ и богатымъ, достойнымъ быть всемірнымъ языкомъ. Оже и ко всему относился съ такимъ же увлеченіемъ. Здѣсь онъ сблизился съ братьями де-Местръ и перевелъ порусски разсказъ Ксаверія де-Местръ «Прокаженный Асоты». Но неусидчивость была отличительною чертою характера Оже. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ Парижъ, сопровождая кирасирскаго полковника, написавшаго французскую комедію и желавшаго поставить ее на парижскомъ театрѣ. Въ Парижѣ онъ сошелся съ Бенжаменъ Констаномъ, съ Эмилемъ Жирарденомъ, Бальзакомъ, Россини, г-жею Свѣчиной, Баяромъ, Рашелью, сенсимонистами Бюше и Ру, сдѣлался масономъ, былъ секретаремъ англійскаго дипломата Друмонда и спутникомъ будущаго министра Джона Росселя во время его путешествія по Италіи, гдѣ Канова, называвшій Оже маленькимъ Адонисомъ, сдѣлалъ его бюстъ, а Ало, директоръ французской школы въ Римѣ, написалъ его портретъ. Первая пьеса его, поставленная на сценѣ, называлась «Нравы и законъ». Ансело сократилъ ея пять актовъ въ два, и комедія имѣла успѣхъ подъ названіемъ «Обольщеніе». Еще двѣ пьесы его: «Севильскій Корехидоръ» и «Марсель», были даны на сценѣ французской комедіи, но денежныхъ выгодъ ему не принесли. Писалъ онъ и романы, но и они расходились плохо. Въ мемуарахъ онъ обвиняетъ Дюма отца, что тотъ взялъ у него романъ «Фернанду» и выдалъ за свое произведеніе. Но въ то же время онъ хвалитъ Дюма за его доброту. Они поссорились, и Дюма, встрѣтивъ однажды Оже, не поклонился ему.—Вы, стало быть, больше не нуждаетесь во мнѣ, г. Дюма?—спросилъ Оже.—Нисколько,—отвѣчалъ романистъ.—А я такъ очень нуждаюсь въ васъ.—Тогда это другое дѣло: разскажите, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ,—сказалъ Дюма и исполнилъ желаніе Оже.

Одинъ изъ его романовъ «Свѣтская женщина и артистка» имѣлъ для него печальныя послѣдствія. Онъ вывелъ въ романѣ профессора, громившаго съ каеэдры правительство, а потомъ, когда получилъ орденъ, начавшаго восхвалять его. Лерминье узналъ себя въ портретѣ и далъ Оже пощечину. Они стрѣлялись въ Булонскомъ лѣсу, обмѣнялись двумя выстрѣлами, и тѣмъ все кончили. Но Оже чувствовалъ необходимость, чтобы о немъ забылъ Парижъ на нѣкоторое время, и отправился въ Россію, предложивъ написать опроверженіе на появившійся тогда пасквиль Кюстина о Россіи, взволновавшій весь дворъ, такъ какъ въ публику книга эта, запрещенная цензурой, не проникала. Оже получилъ даже деньги на поѣздку въ Россію, но когда пріѣхалъ въ Петербургъ, ему сказали, что не желаютъ никакихъ опроверженій грязной книги грязнаго автора, вымещавшаго всю досаду на русскомъ правительствѣ за то, что оно отказало маркизу въ помилованіи его протеже, молодого поляка, жившаго у Кюстина въ Парижѣ, гдѣ обѣ ихъ отношенія ходили весьма нелестныя для обоихъ слухи. Оже

упоминаетъ въ мемуарахъ объ этихъ слухахъ, но въ очень темныхъ выраженіяхъ, избѣгая вообще всякихъ скандальныхъ и безнравственныхъ сплетенъ. Въ Петербургѣ ему надо было, однако, чѣмъ нибудь жить, и онъ началъ писать водевили для французской труппы. Одна изъ этихъ пьесъ понравилась Николаю I, и императоръ спросилъ его, не желаетъ ли онъ писать постоянно для петербургско-французской сцены и разрѣшилъ въ случаѣ согласія заявить свои предложенія дирекціи театровъ. Оже взялся поставять по восьми пьесъ въ году за восемь тысячъ рублей. Геденовъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, конечно, безъ объясненія причинъ. Но у француза были покровители при дворѣ, и Николай I приказалъ причислить его къ театральн^но дирекціи, хотя и съ ничтожнымъ содержаніемъ. Оже занялся въ то же время постановкой балетовъ и спектаклей у великой княгини Маріи Николаевны, переводилъ проповѣди митрополита Филарета, писалъ романы для французскихъ журналовъ въ Россіи. Въ этой части мемуаровъ много любопытныхъ подробностей о русскомъ дворѣ и петербургскомъ обществѣ; но Оже увѣряетъ, что врагъ его Геденовъ, чтобы избавиться отъ него, далъ ему порученіе ѣхать въ Парижъ и уговорить тамъ актера Брессана, нарушившаго свой контрактъ съ дирекціей, вернуться въ Петербургъ. Оже предоставлялось въ случаѣ необходимости обратиться къ суду, но въ то время, когда онъ посылалъ рапортъ за рапортомъ въ министерство двора, Брессана увѣдомляли, чтобы онъ не смѣлъ возвращаться въ Россію. Убѣдившись въ этомъ, Оже вышелъ изъ русской службы и началъ работать въ парижскихъ журналахъ. Одну изъ его пьесъ «Книга III, глава I», написанную имъ въ Петербургѣ, Лаферрьеръ поставилъ подъ своимъ именемъ. Оже началъ процессъ и по суду получилъ право на половинный авторскій гонораръ. Онъ писалъ также корреспонденціи въ «Revue étrangère», издававшееся въ Петербургѣ. Однажды, уже при Александрѣ II, къ Оже явился Бибииковъ, адъютантъ шефа жандармовъ, и сказалъ, что онъ составляетъ, по порученію князя Долгорукова, извлеченія изъ замѣчательныхъ книгъ, выходящихъ во Франціи и не допускаемыхъ къ обращенію въ Россію. Тогда появилось трехтомное сочиненіе Прудона «Justice», и Бибииковъ, незнакомый съ теоріями социалиста, просилъ составить разборъ этой книги, назначивъ себѣ вознагражденіе за трудъ, какое самъ сочтетъ достаточнымъ. Оже, принеся свою работу, не постѣснился спросить за нее 500 рублей, на томъ основаніи, что «Бибииковъ женатъ на богатѣйшей (richissime) Шереметьевой, и я нашелъ, что не должно упускать изъ виду случая получить выгодную плату. Двѣ тысячи франковъ были мнѣ выданы, хотя и не безъ гримасы, но я заслужилъ эти деньги, потому что слѣдовало заплатить и за мое молчаніе объ этомъ дѣлѣ». Эти слова свидѣлствуютъ и объ откровенности Оже, о нецеремонности французскихъ авантюристовъ въ денежныхъ дѣлахъ, и даже о логикѣ автора, приводящаго въ оправданіе своего литературнаго грабежа даже такую совершенно не относящуюся къ дѣлу причину—богатство адъютанта, не изъ своихъ же денегъ платившаго гонораръ. Изъ мемуаровъ видно, однако, что это обстоятельство нѣсколько тревожило автора, такъ какъ онъ старается всячески объяснить свой неделикатный поступокъ и приводитъ съ свое оправданіе даже то обстоятельство, что не задолго передъ тѣмъ прекратилъ, въ желанію III Отдѣленія, свою корреспонденцію въ газету «Pays», враждебную Россіи. Зато обо всѣхъ русскихъ Оже, въ своихъ мемуарахъ, отзывается вообще съ похвалою. Такъ, онъ говоритъ, что извѣстный каламбуръ Талей-

рана на обѣдѣ, гдѣ одинъ гость заставилъ ждать себя всѣхъ приглашенныхъ, относился вовсе не къ русскому дипломату, а къ французскому графу Дарсенну. «Военному простительно опаздывать,—замѣтилъ Талейранъ.—Но я не военный,—отвѣчалъ графъ.—Все равно: nous appelons militaire tout ce qui n'est pas civile». Такихъ анекдотовъ множество въ мемуарахъ Оже.

— По исторіи искусства и археологіи вышла замѣчательная книга, къ сожалѣнію, на чешскомъ языкѣ, мало доступномъ въ Европѣ. Она касается собственно «мѣстной одежды въ Чехіи отъ древнѣйшихъ временъ до гуситской войны» (*Dějiny kraje v zemiach ceskych oddob najstarsich do woiny husitske. Spisald-Cenek Zibrť*). Авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о бытѣ и обычаяхъ чеховъ, съ отдаленныхъ временъ; 235 иллюстрацій, помѣщенныхъ въ книгѣ, взяты изъ рѣдкихъ рукописей. Любопытны и въ лингвистическомъ отношеніи названія многихъ частей стариннаго чешскаго костюма. Такъ, латинская: *casula*, рубашка, *caligae*, сандали, превратились въ чешскихъ *kocile*, *kaliholy*. Грубый шерстяной плащъ носилъ въ средне-вѣковой латыни названіе *slavinia*; чешское слово *sukne* перешло въ *Roman de la rose*, во французскій терминъ *soiepenille*, по словарю Лотре, неизвѣстнаго происхожденія. Въ Англіи во времена Виклефа носили остроконечные башмаки—*crakowes*. Авторъ описываетъ подробно чешскій костюмъ X вѣка, на основаніи арабскаго писателя Аль-Бекра, бывшаго въ Прагѣ въ 965 году. Крестьяне носили тогда кожанныя шляпы и ноговки—*ponavices*. Женщины носили такія же рубашки, какъ и мужчины, но тщательно вышивали свои платья, въ уши продѣвали дорогія серьги, носили кольца и брошки. Любопытны печати короля Премысла Оттокара, павшаго въ битвѣ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, и слѣпотаго Іоанна Люксембургскаго, сражавшагося за французовъ въ битвѣ при Креси. Рисунки вооруженія и конскаго убранства очень разнообразны. Въ XIII вѣкѣ любимый цвѣтъ одежды блѣлый, матеріи привозились изъ Фландрій и Италіи. Шелкъ назывался *hedwab* (по польски *jedwab*)—слово уже дѣйствительно неизвѣстнаго происхожденія. У евреевъ была особенная одежда, и они обязаны были носить рогатыя шапки. Объ эпохѣ Карла IV авторъ заимствуетъ свѣдѣнія у богослова Тома Ститнаго и у писателя Смиля Фласки изъ Пардубица. Костюмы королей и обряды коронаціи описаны со всѣми подробностями. Нарядъ духовенства относится къ XV вѣку. Авторъ обѣщаетъ продолженіе своего любопытнаго труда.

— Англійскій историкъ, Эдуардъ Армстронгъ написалъ біографію «Елисаветы Фарнезе» (*Elisabeth Farnese*), игравшей видную роль въ теченіе подустолѣтія, прошедшаго отъ Утрехтскаго мира до Семилѣтней войны, въ эту эпоху, полную дипломатическихъ интригъ, возникавшихъ отъ притязаній и честолюбія королей. За исключеніемъ Фридриха II, королева Елисавета была алчѣе всѣхъ монарховъ въ достиженіи намѣченной ею цѣли. А между тѣмъ она не была великой правительницей и даже, какъ женщина, не привлекала къ себѣ никакими достоинствами. Она пренебрегала даже интересами своей страны и прогоняла опытныхъ министровъ, мѣшавшихъ ей достигнуть своихъ личныхъ видовъ; нерѣдко она поступала странно, неблагоприятно, но стремилась неуклонно къ расширенію власти своей, своего мужа и своихъ дѣтей, съ такою упорною алчностью, что ей нельзя не удивляться, тѣмъ болѣе, что ея стремленія увѣнчались успѣхомъ. Авторъ извлекъ свѣдѣнія о дѣятельности этой испанской мегеры, какъ ее называли въ народѣ, изъ не-

изданныхъ архивныхъ документовъ. Дочь герцога Пармскаго, воспитанная при маленькомъ итальянскомъ дворѣ, она не имѣла понятія о ходѣ европейской политики, но, выйдя за испанскаго короля, тотчасъ выказала твердость характера, потребовавъ удаленія отъ двора эгеріи своего мужа и шпіонки Франціи, принцессы Дезюрсенъ. На отставку фаворитки могли впрочемъ, вліять и совѣты кардинала Альберони, но Елисавета въ нѣсколько недѣль подчинила себѣ вполнѣ надменнаго, безхарактернаго и полупомѣшаннаго Филиппа V. Въ теченіе 30 лѣтъ она была настоящимъ королемъ Испаніи, хотя у нея и были два опытныхъ министра, но заботилась гораздо больше о благосостояніи своего семейства, чѣмъ о нуждахъ королевства. Желая доставить французскій престолъ Филиппу V, давшему клятву никогда не вступать на него, Елисавета вовлекла Испанію въ войну съ Франціей и Англіей и была причиною уничтоженія испанскаго флота. Желая женить своего сына Довъ-Карлоса на Маріи-Герезіи, она заключила союзъ съ австрійскимъ императоромъ Карломъ VI и составила съ нимъ планъ завоеванія и раздѣла Франціи, не осуществившейся не по ея винѣ. Своими интригами въ Неаполѣ и Польшѣ, все съ цѣлью посадить на троны своихъ сыновей, она не разъ подвергала опасности Испанію, а воюя съ Англіею, потеряла свои колоніи. Черною неблагодарностью заплатила она Альберони за его служеніе интересамъ страны. Частная жизнь ея была безупречна, и она была сердечно привязана къ своему жалкому мужу. При дворѣ ея не было распущенности, господствовавшей во Франціи въ время регентства, въ Англіи при Георгѣ I и при итальянскихъ дворахъ. Но, какъ королева, Елисавета не заслуживаетъ уваженія.

— Извѣстный публицистъ и путешественникъ, Джоржъ Курзонъ, издалъ двухтомное изслѣдованіе «Персіи и персидскаго вопроса» (*Persia and the persian question*). Книга эта имѣетъ болѣе всего политическое значеніе: все, что авторъ говоритъ о Персіи въ географическомъ, этнографическомъ и вообще въ научномъ отношеніи, не отличается новостью свѣдѣній; страна эта была подробнѣе и обстоятельнѣе описана другими путешественниками и учеными. Въ полгода Курзонъ объѣхалъ границы Хорасана, на протяженіи 850 миль, посѣтилъ Тегеранъ, изъ него проѣхалъ 300 миль верхомъ до Бушира, спустился по Шатель-арабу и рѣкѣ Карунъ и объѣхалъ берега Персидскаго залива. Онъ былъ первый членъ парламента, проникнувшій въ Мешхедъ, и подробно описываетъ этотъ городъ. Состоя теперь при управленіи англійской Индіи, Курзонъ называетъ «непростительной ошибкой» неосуществленіе плана Биконсфильда въ 1878 году—отдать Персіи Герать. Хорасанъ, по мнѣнію автора, «можетъ легко перейти, безъ пролитія одной капли крови, подъ власть другой державы» (то-есть Россіи), но кто хочетъ владѣть Индѣйскимъ океаномъ, долженъ занять Сеистанъ. Тегеранъ авторъ называетъ самымъ населеннымъ городомъ въ Персіи и насчитываетъ въ немъ 200.000 жителей, но Тавризъ, гдѣ Курзонъ не былъ, населенъ еще болѣе. Описывая дворецъ сына шаха Зиль-ес-султана, онъ замѣчаетъ, что стѣны дворца увѣшаны фотографическими портретами женщинъ въ разныхъ видахъ, и голыми Венерами, и Магдалинами, работы плохой итальянской школы. Курзонъ убѣжденъ, что принцъ этотъ, послѣ смерти отца, вступить на престолъ Персіи безъ всякаго затрудненія, хотя его мать простая крестьянка, дочь плотника. Зиль очень обидѣлся, прочитавъ въ Times это показаніе Курзона, и возражаетъ, что его мать была дочерью егеря, служившаго

дядѣ шаха. Вся система управленія въ Персіи состоитъ въ томъ, что сильный угнетаетъ слабого и, если можно, обираетъ его. Наказанія тамъ очень жестоки, но сомнительно, чтобы за неважный проступокъ назначалось по 6.000 ударовъ по пятамъ, какъ утверждаетъ авторъ. Христіанство дѣлаетъ очень слабыя успѣхи во всей странѣ, въ послѣдніе годы; только шестеро мусульманъ перешло въ эту вѣру. Въ арміи шаха считается 200.000 войска, но Курзонъ говоритъ, что ихъ не болѣе 30,000, и объ офицерахъ отзывается съ полнымъ пренебреженіемъ: достаточно 15-ти-тысячнаго европейскаго корпуса, чтобы покорить всю страну. Россія давно уже собирается присоединить сѣверную Персію. Торговля съ нею была бы весьма выгодна для Англіи, и напрасно Салисбюри такъ плохо повелъ дѣло, навязавъ персіянамъ табачную монополію и возставивъ этимъ жителей противъ англичанъ. Авторъ говоритъ, однако, что въ Тегеранѣ они пользуются большимъ вліяніемъ «за ихъ безкорыстную политику». Что это? иронія или наивность? Послѣдняя проявляется, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ у автора. Такъ, онъ увѣряетъ, что женщины простого класса разводятъ шелковыхъ червей,нося на своемъ тѣлѣ подъ одеждой тутовые листья съ яичками червей, которые вылупляются отъ теплоты тѣла. Странное сравненіе встрѣчается у него между Японіей и Персіей, только потому, что въ первой есть гора Фузійама, а въ Персіи Демавендъ. Но въ Японіи это едва ли не одна высокая гора, а Персія вся страна гористая, и ея плоскогорье поднимается высоко надъ морскимъ уровнемъ. Общій выводъ изъ этого сочиненія, любопытнаго не смотря на его многословіе и односторонность, можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ: земледѣліе въ странѣ плохое, ея богатства не разрабатываются, торговля ведется дурно, правительство деспотическое и продажное, армія—только на бумагѣ. Авторъ не прибавляетъ, однако, что такое положеніе азіатской страны требуетъ надъ нею европейскаго протектората, въ родѣ такого, какимъ ошастливила Остндію безкорыстная политика Англіи.

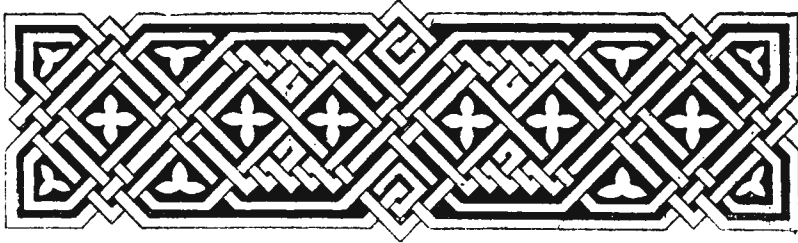
— Въ скоромъ времени у извѣстнаго парижскаго издателя Calmann Lévy появятся неизданныя до сихъ поръ «Воспоминанія» извѣстнаго французскаго публициста и политическаго дѣятеля А. Токвиля (род. 29-го іюля 1805 г., ум. 16-го апр. 1859 г.). Эта интересная рукопись перешла по наследству къ внучатному племяннику талантливаго автора «Старога порядка и революціи» и «Американской демократіи», графу Э. Токвилю, который и рѣшилъ теперь опубликовать «Воспоминанія» своего дѣда. Парижскій «Фигаро», имѣющій завидную привилегію знать содержаніе интересныхъ произведеній ранѣе ихъ выхода въ свѣтъ, знакомитъ своихъ читателей съ содержаніемъ этого посмертнаго сочиненія Токвиля. «Воспоминанія» обнимаютъ собою небольшой періодъ времени, всего около двухъ лѣтъ, но къ этимъ годамъ относится одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ новѣйшей исторіи Франціи, и не одной Франціи: это 1848 — 1849 г., именно съ послѣднихъ мѣсяцевъ іюльской монархіи до паденія министерства Одиллона Барро (въ октябрѣ 1849 года), въ составъ котораго входилъ и авторъ «Воспоминаній» въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. «Воспоминанія» блестятъ живыми характеристиками современныхъ политическихъ дѣятелей, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ характеристика самого «короля-гражданина» Луи-Филиппа. Характеристики эти отличаются энергіею языка, и нельзя сказать, чтобы сами оригиналы остались ими довольны, еслибъ были живы. Предъ глазами читателя проходитъ одинъ за другимъ—Гизо «съ го-

довою, почти перекинутою за спину, чтобы она не показалась склоненною», «Марра—республиканецъ на манеръ Барраса, всегда предпочитающій хороший столъ и женщинъ демократіи въ лохмотьяхъ, и потѣшающій своихъ собесѣдниковъ разсказами о своихъ нескромныхъ похожденияхъ, между тѣмъ какъ Волабелль сыплеть крѣпкими словами»; «Дюпенъ, лавирующій между партіями и умѣющій всегда оказаться во время на сторонѣ побѣдившей, вѣчно съ ужимками, прыжками и оскаленными зубами, готовый каждое мгновеніе броситься на всякаго, кто имѣетъ несчастье упасть».

«Воспоминанія» блещутъ тѣмъ родомъ остроумія, который составляетъ отличительную черту французскаго языка и французскаго ума, и которымъ такъ мастерски владѣлъ Токвиль. Оно разбросано яркими брызгами въ «Воспоминаніяхъ» то въ неожиданномъ оборотѣ, то въ смѣломъ сопоставленіи, то въ изящномъ афоризмѣ, въ родѣ слѣдующаго: «Мірѣ—это странный театр: бывають моменты, когда самыя плохія пьесы имѣютъ въ немъ большій успѣхъ». Любопытны передаваемые въ «Воспоминаніяхъ» отдѣльныя историческія эпизоды, изъ которыхъ мы приведемъ два-три, характеризующіе, между прочимъ, тогдашнія франко-русскія отношенія. Въ 1847 году Токвиль, бывшій тогда въ числѣ «сорока безсмертныхъ», былъ приглашенъ въ Тюльери по поводу выборовъ во французскую академію. «Король,—передаетъ авторъ,—говорилъ много о русскомъ императорѣ и въ крайне враждебномъ духѣ, причемъ называлъ его *Monsieur Nicolas*. Другой эпизодъ относится уже ко времени послѣ февральской революціи, когда Токвиль былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ назначилъ посломъ въ Петербургъ генерала Ламорисьера, пріобрѣвшаго скоро большую благосклонность Николая I. 9-го августа 1849 года, посоль сообщилъ Токвилю въ секретной депешѣ: «Сегодня утромъ, въ разговорѣ со мной, императоръ сказалъ: «Съ давняго времени я былъ того мнѣнія, что легитимисты дѣлаютъ невозможно старшую линію Бурбоновъ; это было одною изъ причинъ, почему я призналъ республику». Другой разъ между императоромъ Николаемъ I и французскимъ посломъ зашелъ разговоръ о Германіи, причемъ оба собесѣдники сходились въ мнѣніи о «химеричности» идеи объединенія Германіи. Но, точно подъ вліятіемъ какого-то предчувствія, государь произнесъ слѣдующія слова, въ подлинности которыхъ можно было бы сомнѣваться, если бы они не были закрѣплены официальнымъ документомъ (секретная депеша посла къ министру иностранныхъ дѣлъ):

«Если объединенію Германіи,—которое для васъ, безъ сомнѣнія, столько же мало желательно, какъ и для меня,—суждено осуществиться, то понадобится еще человѣкъ, который былъ бы способенъ сдѣлать то, чего не могъ осуществить самъ Наполеонъ; и если этотъ человѣкъ найдется, если эта масса предстанетъ во всеоружіи, угрожая,—это будетъ наше дѣло, ваше и мое».

С М Ъ С Ъ.

СОЛѢТНЯЯ годовщина рожденія А. М. Княжевича. Однимъ изъ выдающихся дѣятелей преобразовательной эпохи царствованія Александра II былъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, со дня рожденія котораго недавно минуло сто лѣтъ. Отецъ его, переселившійся въ Россію въ царствованіе Екатерины II, происходилъ изъ знатнаго сербскаго рода. Отличаясь красотою и очень высокимъ ростомъ, онъ былъ принятъ въ кавалергарды, а впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу, былъ прокуроромъ въ Уфѣ и предѣвателемъ казенной палаты въ Казани. А. М. Княжевичъ родился въ Уфѣ въ 1792 г., учился въ Казанскомъ университетѣ, выдавался способностями и успѣхами и 15-ти лѣтъ, за болѣзнію профессора, читалъ студентамъ лекціи чистой математики. Въ 1811 году А. М. переселился въ Петербургъ и здѣсь протекла вся его 60-ти-лѣтняя служба. Дополнивъ свое солидное образованіе постояннымъ чтеніемъ и расширивъ свой кругозоръ въ литературныхъ кружкахъ, къ которымъ А. М. примкнулъ съ ранней молодости, онъ въ 1822 году издавалъ вмѣстѣ съ своими братьями «Библіотеку для чтенія», продолжая въ то же время служить въ министерствѣ финансовъ. Трудлюбиве и выдающіяся способности А. М. обратили на него вниманіе министра финансовъ Е. Ф. Канкринна, который назначилъ его въ 1831 году директоромъ своей канцеляріи. Въ этой должности онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ своего министра, разработывалъ его проекты и, прекрасно владея перомъ, давалъ бумагамъ, исходящимъ отъ министра, плохо знавшаго русскій языкъ, литературную форму. Въ 1844 году А. М. былъ назначенъ директоромъ департамента государственнаго казначейства, которымъ управлялъ 10 лѣтъ и въ 1855 году назначенъ сенаторомъ. 22-го марта 1858 года А. М. былъ призванъ на трудный постъ министра финансовъ. Назначивъ директоромъ кредитной канцеляріи извѣстнаго экономиста Гагемейстера и привлекиши въ министерство даровитыхъ молодыхъ людей, А. М. въ четыре

года управленія министерствомъ осуществлялъ цѣлый рядъ весьма крупныхъ и чрезвычайно важныхъ реформъ, необходимость которыхъ вызывалась печальными послѣдствіями недавно кончившейся войны и поворотомъ въ области русской экономической и правовой жизни. Освобожденіе крестьянъ, которому онъ горячо сочувствовалъ, требовало отъ министра финансовъ напряженной дѣятельности, для подготовленія средствъ, необходимыхъ къ осуществленію великой реформы, и А. М. сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ главнаго комитета по устройству быта крестьянъ. Въ то время финансовая и экономическая наука имѣли весьма немногихъ представителей, а потому печать своими практическими указаціями и обсужденіемъ экономическихъ вопросовъ могла оказать весьма существенную услугу финансовому управленію; это очень хорошо понималъ А. М. и не только не стѣснялъ печати, но и испросилъ разрѣшеніе допустить ее до свободнаго обсужденія вопросовъ по его вѣдомству.

Главнѣйшими преобразованіями и мѣропріятіями, которыя навсегда останутся замѣчательными памятниками управленія А. М. министерствомъ финансовъ, были слѣдующія: опубликованіе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ во всеобщее свѣдѣніе. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ А. М. въ совѣтѣ министровъ въ 1859 году, но былъ отвергнутъ и лишь въ 1862 году послѣдовало утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ опубликованіи росписи; замѣна винныхъ откуповъ акцизной системой; введеніе акциза на табакъ; пересмотръ устарѣлой системы податей и сборовъ; ликвидація прежнихъ казенныхъ кредитныхъ учреждений, не соответствовавшихъ потребностямъ времени; учрежденіе государственнаго банка; изданіе нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ, вызвавшего къ жизни сотни новыхъ кредитныхъ учреждений; учрежденіе въ Ригѣ политехническаго института и преобразованіе технологическаго института.

Утомившись дѣятельностью, требовавшею громаднаго ежедневнаго труда, и встрѣчая противодѣйствіе въ господствовавшемъ стремленіи поставить въ главѣ министерства лицъ, вышедшихъ изъ передоваго въ то время и вліятельнаго морского министерства, А. М. неоднократно просилъ объ увольненіи его отъ должности и, наконецъ, въ мартѣ 1862 года просьба его была принята, и онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Проживъ еще 10 лѣтъ и сохраняя свѣтлость ума и физическую бодрость, А. М. умеръ 2-го марта 1872 года, 80-ти лѣтъ.

Пятидесятилѣтіе «Руслана и Людмилы» и музей Глинки. 27-го ноября 1892 г. Петербургъ праздновалъ пятидесятилѣтнюю годовщину постановки «Руслана и Людмилы». Москву въ этотъ день дирекція театровъ заставила слушать «Гугенотовъ». Въ Петербургѣ русская опера прошла съ особымъ торжествомъ. Выставленный г. Стасовымъ въ фойѣ Маріинскаго театра, въ день празднованія, музей Глинки заключалъ въ себѣ слѣдующія девять группъ предметовъ: бюсты и портреты гениальнаго творца «Руслана». Между послѣдними особенно любопытны были: портретъ Глинки, писанный на эмали въ 1817 г., на табакеркѣ отца композитора, на которой онъ изображенъ въ 13-ти-лѣтнемъ возрастѣ; акварелью, 1824 г., изображающій Глинку 20 лѣтъ; рисованный въ Парижѣ въ 1845 г.; сдѣланный артистомъ Самойновымъ въ 1854 г., и масляными красками, писанный въ 1887 г. художникомъ Рѣпинымъ, на которомъ Глинка представленъ полубольнымъ и сочиняющимъ «Руслана». Вторую группу составляли карикатуры на него, сдѣланныя художниками Брюловымъ и Степановымъ; послѣдняго—двѣ; любопытна вторая изъ нихъ: «М. И. идетъ въ погоство. не ломая шапки передъ современниками». Третья группа—рукописи и письма; четвертая—рояль, на которомъ Глинка сочинялъ многія части «Жизни за Царя» и «Руслана» во время пребыванія между 1830 и 1840 гг. въ с. Новоспаскомъ, Смоленской губерніи. Въ пятой

группѣ—письменный столъ; въ шестой—перстни Глинки: одинъ съ фамильнымъ гербомъ, другой — сдѣланный изъ булавки; въ седьмой — голубая шелковая шапочка, вышитая жемчугомъ сестрою композитора, Л. И. Шестаковой въ 1853 г. и съ тѣхъ поръ постоянно носимая имъ дома. Осьмую группу составляли эскизы декораций для «Руслана», рисованные масляными красками и акварелью академикомъ Роллеромъ въ 1842 г., также эскизы акварелью декораций и костюмовъ для постановки «Руслана» въ Прагѣ въ 1866 г., принадлежашіе академику Горностаеву. Последняя группа—рисунки для «Руслана» (декорации и костюмы) академика Гартмана (въ 1871 г.), професора г. Шишкова, академика г. Бочарова и художниковъ гг. Григорьева и Пономарева.

Библиографическая находка. Приватъ-доцентъ Петербургскаго университета, магистръ древней русской литературы, И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ прошлымъ лѣтомъ цѣнную находку. Ему случайно удалось купить весьма рѣдкій экземпляръ описанія древностей Устюжскаго собора, составленный въ сороковыхъ годахъ протоіереемъ Румовскимъ. Въ числѣ различныхъ достопримѣчательностей собора, хранившихся въ ризницѣ и бібліотекѣ, было обозначено въ сборникѣ одиннадцать пьесъ петровскаго времени, до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстныхъ. Заинтересовавшись этой книгой, г. Шляпкинъ рѣшилъ для розысковъ лично отправиться въ Устюгъ. Получивъ разрѣшеніе осматривать и искать все, что угодно, послѣ нѣсколькихъ дней розысковъ въ углу одной изъ книжныхъ полокъ бібліотеки собора, г. Шляпкинъ нашелъ рукопись, писанную такъ называемой «южно-русской скорописью» и отлично сохранившуюся вмѣстѣ съ переплетомъ. Рукопись не содержитъ въ себѣ ни года своего появленія на свѣтъ, ни именъ авторовъ пьесъ: пьесъ въ смыслѣ цѣльныхъ произведеній тамъ, впрочемъ, не было: это одиннадцать различныхъ ролей, помѣщавшихся подъ заглавіемъ одиннадцати «комедій». Копія рукописи привезена въ Петербургъ, а оригиналъ остался въ Устюгѣ. Вотъ заглавія всѣхъ этихъ комедій: комедія Хрисанфа и Дарія-Евдокіи мученицы; Петра Златыхъ ключей; Олоферна; пророка Давіила; объ итальянскомъ мариграфѣ и безмѣрной уклонности графини его; Олундина; комедія Рождеству; Андрея Первозваннаго; о прекрасной Мелюзинѣ; Варлаама и Иоасафата.

На переплетѣ книги достаточно четко написанъ тропарь «Спаси, Господи, люди Твоя», въ которомъ вмѣсто словъ «побѣды благовѣрному императору нашему» стояло «побѣды благовѣрному царю нашему Петру Алекѣевичу»... Для приблизительнаго опредѣленія года рукописи этого указанія вполне достаточно; остается только припомнить день принятія императорскаго титула Петромъ I—22-го октября 1721 года, и комедіи окажутся написанными между 1705 и 1720 г., такъ какъ въ древне-русской литературѣ «южно-русская скоропись» уже стала исчезать съ самаго начала воцаренія Петра...

Объ имени автора или авторовъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ верхней части переплета написано однимъ почеркомъ: «сія книга глаголемая комедія раба Божія Георгія Кордовскаго». Ниже, другимъ почеркомъ: «Карлика Юрьки маленькаго. Вотъ образецъ прозы, монологъ султана изъ комедіи Олундину, которымъ онъ представляется публикѣ»...

«Азъ есмь царь преславный и превеликій, предпочтенъ есмь всѣми обитающими подъ солнцемъ. Преславно есть имя мое во всей вселенной и превознесена есть слава моя даже до облаковъ. Вся призывна пріянь отъ десницы махометовъ. Совѣтницы мои, объявляю вамъ, понеже предѣльнымъ огня пламенемъ сердце мое запали король французскій, возбуди утробу мою, да яростью на него подвижусь бранію, пожду друга моего ко мнѣ, альбримскаго (короля) на помощь»...

Послѣ этихъ словъ къ султану моментально является король альбримскій, и разговоръ продолжается далѣе въ этой же формѣ...

Стихотворная рѣчь встрѣчается здѣсь только въ формѣ двустишія... Приводимъ за образецъ размѣра и рѣзмы два возгласа «совѣтника» изъ комедіи «Петра золотыхъ ключей». Первый: «Здравствуй, государь нашъ, на многія лѣта, да дастъ тебѣ Магометъ славу и честь выше всего свѣта»... Второй: «И азъ его послѣдній рабъ государу своему поздравляю, много лѣтъ и спасенія желаю и вамъ въ толикой радости поздравляю»... Эти комедіи для исторіи древне-русской словесности имѣютъ значеніе первыхъ извѣстныхъ намъ самостоятельныхъ русскихъ пьесъ, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ романовъ того времени... Древне-русскія пьесы, до найденныхъ образцовъ, обыкновенно переводились съ французскаго языка, причемъ переводъ дѣлался прежде всего на нѣмецкій, затѣмъ на польскій, и потомъ уже на русскій языкъ... Одинадцать комедій Устюжскаго собора представляютъ исключеніе изъ этого репертуара. Онѣ, несомнѣнно, написаны самостоятельно и, кромѣ нѣкоторыхъ заимствованныхъ фабулъ, представляютъ настоящій продуктъ чистѣйшаго древне-русскаго творчества...

† 21 го ноября, въ Москвѣ Аванасій Аванасъевичъ Фетъ. Имя его извѣстно всей образованной Россіи, стихи его, какъ образцы русской поэзіи, занимаютъ видное мѣсто съ давнихъ поръ во всѣхъ хрестоматіяхъ. Фетъ, крупный талантъ, умѣвшій художественно изображать картины природы, выражать душевныя ощущенія и грезы, увлекаетъ читателей, какъ соловей въ лѣтнюю ночь. Стремленіе выражать свои чувства въ стихахъ появилось у него, когда ему не было еще семнадцати лѣтъ. «Въ тихія минуты полной беззаботности я какъ будто чувствовалъ подводное вращеніе цвѣточныхъ спиралей, стремящихся вынести цвѣтокъ на поверхность; я чертилъ на аспидной доскѣ какіе-то стихи и снова стиралъ ихъ»,—такими словами описываетъ Фетъ начало своего поэтическаго творчества. Когда онъ поступилъ въ Московскій университетъ, у него уже накопилась полная тетрадь стихотвореній. Они были показаны Гоголю, который первый призналъ несомнѣнное дарованіе въ ихъ авторѣ, и затѣмъ въ 1840 году напечатаны особымъ сборникомъ подъ заглавіемъ «Лирическій Пантеонъ». Побочный сынъ помѣщика Шеншина, Фетъ землякъ и сверстникъ Тургенева. Родился онъ 22 ноября 1820 г. въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1844 г. опредѣлился юнкеромъ въ кирасирскій полкъ, затѣмъ служилъ въ л.-гв. уланскомъ полку. Военная карьера его продолжалась 12 лѣтъ. Выйдя въ отставку, Фетъ уѣхалъ за границу и въ Парижѣ женился на сестрѣ покойнаго С. П. Богкина. Въ 60-хъ годахъ онъ поселился въ деревнѣ и съ тѣхъ поръ почти не разставался съ нею, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, принималъ участіе въ дѣятельности орловскаго земства и служилъ по выборамъ мировымъ судьей Мценскаго округа. Служа въ гвардіи, онъ печаталъ свои стихотворенія въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ написалъ рядъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1877 г. подъ общимъ заглавіемъ «Изъ деревни», въ крайне консервативномъ духѣ. Помимо стихотвореній, послѣднее изданіе которыхъ вышло въ 1891 году, подъ названіемъ: «Вечерніе огни», Фетъ извѣстенъ переводами древнихъ классиковъ, впрочемъ очень слабыми, и философскихъ сочиненій. Такъ имъ переведены произведенія Горация, сатиры Ювенала, «Энеида» Виргилія, «Превращенія» Овидія, элегіи Проперція и Тибула, стихотворенія Катулла, «Фаустъ» Гете, «Міръ, какъ воля и представленіе» и «О четвертомъ коряѣ закона достаточнаго основанія» Шопенгауера. До послѣдняго дня своей жизни Фетъ высоко держалъ знамя даровитаго представителя сороковыхъ годовъ и не выпускалъ изъ рукъ пера...

† Белетристъ, получившій извѣстность въ шестидесятыхъ годахъ, Викторъ Петровичъ Ключниковъ. Онъ родился 10-го марта 1841 г. въ Смоленской губерніи, въ Гжатскомъ уѣздѣ. Дѣтство провелъ въ Москвѣ. Поступивъ въ

1851 г. въ гимназію, Ключниковъ учился хорошо и съ переходомъ въ пятый классъ почувствовалъ наклонность къ литературѣ, чему не мало способствовалъ учитель русской словесности, членъ кружка Станкевича—поэтъ Красовъ, живые и интересные уроки котораго имѣли большое вліяніе на развитіе эстетическаго вкуса въ воспитанникахъ гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса съ золотою медалью, онъ поступилъ въ Московскій университетъ на естественное отдѣленіе. Окончивъ курсъ въ 1861 г., Ключниковъ пробовалъ служить сперва въ департаментѣ сената, затѣмъ на педагогическомъ поприщѣ, но дѣятельность эта не удовлетворяла его стремленій. Онъ оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ 1864 г. былъ напечатанъ его первый романъ «Маревъ», надѣлавшій много шума и сразу доставившій автору извѣстность. Покойный не сочувствовалъ движенію 60-хъ годовъ и въ своемъ романѣ представилъ поборниковъ этого движенія въ видѣ горсти честолюбцевъ, жадно рвущихъ другъ у друга первое мѣсто. Послѣ напечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романа Ключникова, Катковъ пригласилъ его въ число постоянныхъ сотрудниковъ и поручилъ ему переводы съ англійскаго языка. Въ 1866 г. былъ напечатанъ въ «Литературной Библіотекѣ» второй романъ Ключникова «Большіе корабли». Въ концѣ 1868 г. издатель «Зари» В. Б. Кашперевъ пригласилъ его принять дѣятельное участіе въ издаваемомъ имъ журналѣ. В. П. переѣхалъ въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ работалъ на журнальномъ поприщѣ до послѣдняго дня. Когда, въ 1870 г., былъ основанъ журналъ «Нива», Ключниковъ явился его редакторомъ, въ 1876 г. онъ издавалъ свой иллюстрированный журналъ «Кругозоръ», затѣмъ редактировалъ «Всенаучный (энциклопедическій) словарь» и писалъ одновременно романы, мелкіе рассказы и научныя статьи. Въ 1880 г. онъ вернулся въ Москву и сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», съ 1883 г. по 1886 г. завѣдывалъ редакціей «Русскаго Вѣстника», а затѣмъ съ 1887 г. вновь редактировалъ «Ниву». Изъ послѣднихъ произведеній покойнаго выдѣляется романъ-фантазія «Danse masabre», напечатанный въ 1891 г. въ «Русскомъ Обзорѣніи».

† 29-го октября въ Дерптѣ докторъ государственнаго права Иванъ Ивановичъ Дитятинъ, принадлежавшій къ числу выдающихся знатоковъ нашей старины и талантливыхъ изслѣдователей развитія государственной власти въ Россіи. Сынъ крестьянина, занимавшагося въ Петербургѣ извозомъ, по окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата правъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Профессоръ А. Д. Градовскій обратилъ вниманіе на выдающіяся способности Дитятина и постарался направить ихъ на изученіе исторіи русскаго права. Съ одной стороны руководство Градовскаго, съ другой—замѣчательное трудолюбіе Дитятина въ разработкѣ богатаго историческаго матеріала и умѣнье ориентироваться въ прошломъ русскихъ городовъ—были благоприятными условіями для блестящей защиты диссертации подъ заглавіемъ «Устройство и управленіе городовъ Россіи», за которую покойный въ 1875 году былъ признанъ магистромъ государственнаго права. Ярославскій Демидовскій юридическій лицей пригласилъ молодого магистра занять вакантную кафедру государственнаго права. Въ 1877 году Дитятинъ вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и защищалъ докторскую диссертацию подъ названіемъ «Городское самоуправленіе въ Россіи». Новая диссертация представляла второй томъ его трудовъ по исторіи русскихъ городовъ. Съ 1879 г. по 1887 г. въ качествѣ ординарнаго профессора читалъ государственное право въ Харьковскомъ университетѣ, съ 1888 г.—въ Дерптскомъ. Помимо своей главной работы, направленной къ изслѣдованію самоуправленія въ Россіи и выразившейся въ диссертацияхъ и отдѣльномъ сочиненіи «Наше городское самоуправленіе», Дитятинъ занимался разработкой другихъ вопросовъ: о «роли челобитій земскихъ соборовъ

въ Московскомъ государствѣ», о «верховой власти въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», «Екатерининской законодательной комисіи», и пр., и пр. Статьи по этимъ вопросамъ печатались въ «Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея», «Русской Мысли», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и др.

† 18-го ноября, **Николай Дмитріевичъ Масловъ**, авторъ нѣсколькихъ романовъ, рассказовъ и повѣстей. Одинъ изъ первыхъ рассказовъ Маслова появился въ 1866 г. въ Астрахани, подъ заглавіемъ «Анна Алексѣевна». Изъ послѣднихъ произведеній покойнаго можно назвать романы: «Затрата юныхъ силъ» (1877 г.), «Изыяны воли» (1891 г.) и повѣсть «Другъ друга не поняли» (1892 г.). Въ качествѣ сотрудника журнала «Нива», Масловъ свои послѣднія произведенія печаталъ въ прибавленіяхъ къ этому журналу. Кромѣ романовъ и повѣстей, покойный писалъ статьи по военнымъ и общественнымъ вопросамъ («Очеркъ дѣятельности и положенія податныхъ инспекторовъ» и др.). Масловъ умеръ на 60-мъ году. Большую часть жизни онъ находился на военной службѣ. въ главномъ госпитальномъ комитетѣ при военномъ совѣтѣ, гдѣ считался знатокомъ госпитальнаго дѣла и нѣсколько разъ получалъ командировки для осмотра провинціальныхъ госпиталей. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ состоялъ членомъ отъ военнаго министерства въ совѣтѣ Туркестанскаго округа. Съ 1884 г. онъ служилъ по министерству финансовъ, занимая должности управляющаго казенною палатою сначала въ Ковно, затѣмъ въ Калугѣ. Какъ человекъ, онъ отличался высокою честностью, добротой и строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ.

† Въ Иркутскѣ консерваторъ музея восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, **Николай Ивановичъ Витковскій**. Онъ произвелъ рядъ цѣнныхъ археологическихъ изслѣдованій въ долинѣ Ангары. Имъ открыты въ прибрежныхъ отложеніяхъ разнообразныя предметы эпохи каменнаго вѣка. Свои изслѣдованія Витковскій печаталъ въ «Извѣстіяхъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества», въ «Археологическихъ древностяхъ» и «Трудахъ тифлискаго археологическаго съѣзда».

ДВА ПОЭТА

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ

В. Л. Т.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИИ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

ДВА ПОЭТА.

ВЪ КОНЦѢ 1892 года, англо-американская литература лишилась двухъ поэтовъ, которые занимали въ Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ первое мѣсто среди современныхъ писателей обѣихъ странъ. Почти одинаковыхъ лѣтъ, равно уважаемые и любимые ихъ соотечественниками, оба не первоклассные геніи, но талантливые авторы длиннаго ряда поэмъ, они на девятомъ десяткѣ своей долговременной жизни уже давно мирно покоились на лаврахъ, тихо, безмятежно доживая свои дни. Такъ же тихо и безмятежно перешли они въ вѣчность и преданы землѣ, среди всеобщаго сожалѣнія и сочувствія. Но этимъ исчерпывается все, что было между ними сходнаго, и во всемъ остальномъ они представляли разительный контрастъ: англичанинъ былъ придворнымъ поэтомъ, а американецъ поэтомъ свободы. Этими двумя титулами, изъ которыхъ первый былъ пожалованъ королевой, а послѣдній созданъ пламенной любовью цѣлаго народа, ясно обозначаются внутреннія и внѣшнія качества того и другаго. Эти титулы такъ вполне соответствовали ихъ разнороднымъ національностямъ, темпераментамъ и характеристамъ, что, казалось, по происхожденію, положенію въ свѣтѣ, обстоятельствамъ жизни и особому роду своей поэзіи, одинъ былъ столь же созданъ быть поэтомъ лавриатомъ, сколько другой поэтомъ свободы. Первый былъ англичаниномъ, аристократическаго происхожденія, сыномъ богатаго пастора, воспитывался въ Кембриджскомъ университетѣ, всю жизнь провелъ среди роскоши, гордаго одиночества и презрѣнія къ народнымъ нуждамъ, написалъ миллионъ своими книгами, подъ старость произведенъ въ лорды, похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ и во всѣхъ многочисленныхъ своихъ произведеніяхъ былъ поэтомъ изящной

формы, поэтомъ словъ, поэтомъ привилегированныхъ классовъ, которые видѣли въ немъ блестящаго представителя своихъ аристократично-буржуазныхъ идеаловъ. Второй былъ американцемъ, потомкомъ отцовъ пилигримовъ, создавшихъ Новый Свѣтъ, сыномъ поселянина, обучался въ сельской школѣ, самъ многіе годы обработывалъ землю, всю жизнь посвятилъ борьбѣ за освобожденіе угнетенной, хотя и чуждой ему расы, принималъ горячее участіе въ политической и общественной жизни, хотя никогда не искалъ ни власти, ни почестей, преданъ землѣ на маленькомъ деревенскомъ кладбищѣ и во всѣхъ своихъ разнообразныхъ сочиненіяхъ былъ поэтомъ не формы, а существа, поэтомъ идеи, поэтомъ народа, который его зналъ и боготворилъ, какъ вдохновеннаго носителя тѣхъ возвышенныхъ идеаловъ, которые положены въ основу республики Вашингтона. Первый былъ лордъ Альфредъ Теннисонъ, а второй Джонъ Гринлифъ Виттіеръ.

Эти два поэта очень мало извѣстны русскимъ читателямъ, и если существуетъ нѣсколько переводовъ мелкихъ поэмъ и стихотвореній англійскаго пѣвца буржуазной нравственности и бездушной мелодичной формы, то, если не ошибаемся, вдохновенныя произведенія американскаго пѣвца освобожденія негровъ никогда не переводились на русскій языкъ. Хотя ни одинъ изъ нихъ не займетъ въ исторіи всеобщей литературы мѣста рядомъ съ гениальными поэтами XIX вѣка, какъ Гете, Байронъ, Шелли, Викторъ Гюго, и они даже уступаютъ въ поэтическомъ творествѣ своимъ соотечественникамъ: первый Браунингу и Свинборну, а второй Лонгфелло, но, являясь достойными представителями той отрасли поэзіи, которой они себя посвятили, а вмѣстѣ съ тѣмъ типичнымъ воплощеніемъ буржуазной Англійи и народной Америки, Теннисонъ и Виттіеръ заслуживаютъ полнаго вниманія. Всѣмъ, кому дорога поэзія, какъ поэзія, найдутъ художественное наслажденіе въ безупречномъ, ласкающемъ слухъ стихѣ Теннисона, который, по остроумному замѣчанію одного французскаго критика, «былъ поэтомъ, и болѣе ничѣмъ», а тотъ, кто ищетъ въ поэзіи чего-то большаго, чѣмъ звучнаго пятистопнаго ямба, прочтетъ съ сердечнымъ сочувствіемъ поэмы и баллады Виттіера, этого поэта-человѣка. Авторъ «Идилій короля» и творецъ «Голосовъ Свободы» вполне понимали значеніе и смыслъ своей музыки; первый говорилъ, что «умъ не долженъ возмущать души поэта, чистой и блестящей, чистой какъ вѣтеръ и блестящей какъ свѣтъ»; къ этому онъ прибавлялъ: «что такое я? дитя, плачущее ночью, слезами зовущее свѣтъ и не имѣющее другаго языка, какъ беспомощный плачъ». Второй въ двухъ стихотвореніяхъ, отличающихся поразительной силой, и глубокимъ чувствомъ, объяснилъ призваніе своей музыки и ея скромную роль. По его словамъ: «Богъ сказалъ поэту: порви тяжелыя оковы, сними гнетущее ярмо, всю жизнь борись, работай и страдай, брось мечты

о сладостяхъ науки и пера; права народа выше ихъ; поэтъ услышалъ и сказалъ: я твой слуга». Какъ онъ исполнилъ это служеніе, пѣвецъ американскаго народа высказываетъ въ слѣдующихъ строфахъ: «Въ моемъ стихѣ я искренно стоялъ за право человѣка, за благоденствіе людей и бичевалъ тирановъ, словно горе ближнихъ—мое горе. О, свобода! Если во мнѣ нѣтъ Мильтонова генія и остроумія Марвеля, то кипить, какъ въ ихъ груди, любовь къ тебѣ, и на твой алтарь я душу въ жертву приношу».

Во всякомъ случаѣ и поэтъ-поэтъ и поэтъ-человѣкъ представляютъ въ прозаической Европѣ и еще болѣе прозаической Америкѣ такое любопытное и характерное явленіе, что стоитъ на немъ остановиться; постараемся хоть въ бѣгломъ очеркѣ обрисовать главные черты жизни и поэтической дѣятельности этихъ замѣчательныхъ личностей, ярко выдѣляющихся изъ общаго сѣраго тона современной жизни.

I.

Среди зеленыхъ холмовъ, окружающихъ долину Меримэка, въ старинномъ штатѣ Масачусетъ, скрывается колыбель трехъ главныхъ американскихъ поэтовъ: Лонгфелло, Ловеля и Виттиера. Относительно своего рожденія послѣдній остроумно сказалъ: «Я не могу положительно самъ засвидѣтельствовать, когда я родился, но моя мать мнѣ говорила, что это произошло 17-го декабря 1807 года въ Гавергилѣ, а она была очень правдивая женщина». Его родители были почтенными, набожными квакерами и владѣли небольшою фермой, на которой жизнь протекала патриархально и счастливо, какъ самъ Виттиеръ художественно описалъ въ своей поэмѣ: «Занесенные снѣгомъ». На восьмомъ году, онъ сталъ ходить въ сельскую школу, и этимъ элементарнымъ обученіемъ ограничилось все его воспитаніе; рано началъ онъ работать на фермѣ и только уже двадцати лѣтъ, заработавъ небольшую сумму шитьемъ сапоговъ, чему онъ научился въ зимніе мѣсяцы, Виттиеръ провелъ годъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, называвшемся академіей въ Гавергилѣ. Свое дальнѣйшее образованіе онъ докончилъ чтеніемъ всевозможныхъ книгъ, которыя доставалъ у двухъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Случайно попавшіяся ему подъ руку стихотворенія англійскаго поэта-поселянина Борнса развили въ немъ рано поэтической талантъ, и шестнадцати лѣтъ онъ написалъ свое первое стихотвореніе въ честь Вильяма Пенна; чрезвычайно характерно, что это первое произведеніе будущаго поэта свободы начиналось словами: «Тиранъ на золотомъ престолѣ и воинъ въ своихъ боевыхъ доспѣхахъ никогда не вѣдали такого славнаго торжества, какъ ты, основатель Пенсильваніи, позналъ, когда твоими словами мира ты убѣдилъ индѣйцевъ прекратить роковую

военную пляску». Онъ въ это время былъ такой застѣнчивый юноша, что не смѣлъ думать о напечатаніи своихъ стиховъ, и его старшая сестра тайно послала его маленькую поэму «Божество» въ редакцію газеты «Свободная Пресса», которую издавалъ въ соѣднемъ городѣ Ньюберипортъ Вилліамъ Гаррисонъ, глава аболиціонистскаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ съ удивленіемъ привѣтствовалъ новаго поэта, напечаталъ его поэму и, лично розыскавъ юношу, совѣтовалъ его отцу дать мальчику хорошее образованіе, съ цѣлью развить его талантъ. Но старикъ на это отвѣчалъ: «Сэръ, поэзія не дастъ ему куска хлѣба; прошу васъ, не вбивайте ему въ голову подобныхъ идей». Однако онъ продолжалъ заниматься поэзіей, хотя и не прекращалъ своихъ земледѣльческихъ работъ. Съ теченіемъ времени онъ занялъ видное мѣсто среди интеллигентной молодежи въ Гавергилѣ и, подружившись съ Гаррисономъ, началъ не только писать статьи въ журналахъ, но даже редактировалъ одну газету въ Гавергилѣ и «Новоанглійское Еженедѣльное Обзорѣніе» въ Гарфордѣ. Наконецъ, онъ отправился на цѣлый годъ въ Бостонъ для окончанія своего образованія и тамъ сдѣлался редакторомъ «Американскаго Мануфактуриста», а въ 1833 году напечаталъ на свой счетъ брошюру о необходимости освобожденія негровъ, подъ заглавіемъ: «Справедливость и цѣлесообразность». Этимъ произведеніемъ Виттіеръ началъ свою литературную дѣятельность въ пользу свободы невольниковъ, и затѣмъ быстро слѣдовала втеченіе тридцати лѣтъ безконечная серія его поэмъ и стихотвореній, доставившихъ ему славу поэта свободы. Хотя въ послѣдствіи, когда великое дѣло всей его жизни было выиграно, и въ Американской республикѣ не осталось ни одного раба, онъ сталъ писать народныя баллады и дѣтскія сказки, но болѣе трети всѣхъ его поэтическихъ произведеній, составляющихъ 7 томовъ, навѣяны прямо или косвенно идеей о свободѣ.

Чтобы судить о значеніи и важности аболиціонистской пропаганды Виттіера, надо принять въ соображеніе, что когда онъ началъ воспѣвать свободу негровъ и клеймить рабовладѣльцевъ, аболиціонисты составляли маленькую группу смѣльчаковъ подъ предводительствомъ Гаррисона, и ихъ подвергали всякаго рода преслѣдованіямъ, клеймили названіемъ разбойниковъ, воровъ и т. д.; всѣ отъ нихъ отворачивались съ презрѣніемъ, хотя въ ихъ числѣ были способнѣйшіе и лучшіе люди страны, противъ нихъ производились всякаго рода насилія, ихъ сажали въ тюрьму и даже предавали смерти, какъ знаменитаго Джона Брауна. «Но, — справедливо замѣчаетъ біографъ Виттіера, Вилліамъ Кенеди, въ своей любопытной книгѣ, вышедшей въ началѣ прошедшаго года, подъ заглавіемъ: «Джонъ Виттіеръ, поэтъ свободы», — преданные аболиціонисты, дожившіе до настоящаго времени, вполне отомщены. На нихъ прежде

смотрѣли, какъ на презрѣнныхъ отверженцевъ, а теперь ихъ превозносятъ, какъ героевъ и мучениковъ. Прежде ихъ побивали камнями, а теперь имъ воздвигаютъ статуи и бюсты. Прежде Фредерикъ Дугласъ, какъ бѣглый невольникъ, преслѣдовался ищейками, а теперь онъ американскій посланникъ въ Гаити. Тѣ самые люди, которые считали Гаррисона общественнымъ зломъ, собрали по подпискѣ въ его пользу 30.000 долларовъ, и какъ онъ, такъ и Виттиеръ дожили до того, что ихъ и Линкольна стали считать благодѣтелями всего американскаго народа. Когда вышелъ первый номеръ главнаго аболиціонистскаго органа «Освободитель», то считалось уголовнымъ преступленіемъ учить грамотѣ негровъ, но съ 1865 года болѣе пятидесяти милліоновъ долларовъ израсходовано на образованіе негровъ, и въ 1888 году было на югѣ 15.000 элементарныхъ школъ и семьдесятъ среднихъ учебныхъ заведеній для негровъ, которые теперь издають 150 газетъ. Что же касается до враговъ аболиціонистовъ, то они теперь пользуются общимъ презрѣніемъ».

Дѣятельное участіе Виттиера въ аболиціонистскомъ движеніи началось съ избранія его въ секретари антиневоличьяго конвента въ Филадельфіи въ 1833 году; тутъ былъ выработанъ проектъ новой американской конституціи, который получилъ названіе «декларациі чувствъ»; въ основѣ этого проекта лежало немедленное признаніе, что освобожденіе негровъ было нравственнымъ долгомъ американскаго народа, и что къ достиженію этой цѣли слѣдовало стремиться мирными средствами. Подписавъ этотъ документъ, копія котораго всегда висѣла въ его кабинетѣ, Виттиеръ говорилъ не разъ: «Я цѣню гораздо дороже нахожденіе моего имени подъ антиневоличьяей декларацией, чѣмъ на заглавномъ листѣ моихъ сочиненій». Послѣдующіе года были самыми тяжелыми для аболиціонистовъ, и ихъ бардъ естественно выносилъ на себѣ всю тяжесть преслѣдованій какъ правительства, такъ и черни; нѣсколько разъ его жизнь находилась въ прямой опасности, и онъ самъ рассказывалъ подъ старость, что однажды разъяренная толпа закидала его камнями, изъ которыхъ одинъ значительнаго размѣра попалъ ему въ лице, а въ другой разъ хотѣли вымазать его сажей, чтобъ онъ походилъ на негра, но онъ успѣлъ скрыться. При сожженіи чернью дома, въ которомъ помѣщалась типографія издававшейся имъ газеты «Пенсильванскій свободный гражданинъ», онъ лишился всего своего имущества, но все это не уменьшало его энергіи, и онъ краснорѣчиво протестовалъ въ своей газетѣ противъ подобныхъ недостойныхъ насилій, говоря, что никто не заставитъ его и друзей бросить начатаго дѣла, и что они ничего не боятся, возлагая свою надежду на Божію помощь. Но ему приходилось бороться не только съ врагами, но и съ друзьями: къ несчастью, между нимъ и Гаррисономъ произошелъ раз-

ривъ потому, что онъ не соглашался поддерживать военный пылъ своего друга и доказывалъ, что даже для совершенія святаго дѣла освобожденія не надо прибѣгать къ убійству. Но, конечно, когда возникла война между Сѣверомъ и Югомъ, то они помирились и стали дѣйствовать за одно; даже Виттиеръ возставалъ противъ осторожной, выжидательной политики Линкольна, который до послѣдней возможности отстрочивалъ объявленіе негровъ свободными, съ цѣлью оставить себѣ возможность прійти къ соглашенію съ Югомъ, но когда, наконецъ, появилась знаменитая прокламація освобожденія, то Виттиеръ написалъ краснорѣчивую, торжественную оду въ честь расторженія оковъ рабства не путемъ любви, какъ онъ проповѣдывалъ, но боевымъ мечемъ. Естественно, что, выражая всегда въ качествѣ квакера искреннюю, пламенную ненависть къ войнѣ, какъ войнѣ, Виттиеръ презрительно отворачивался и отъ политической борьбы партій. Хотя онъ постоянно принималъ участіе въ избирательныхъ агитаціяхъ въ интересѣ аболіціонистовъ, но самъ не хотѣлъ служить примѣромъ жадной погони за властью. Онъ только два раза былъ членомъ Массачусетскаго законодательнаго собранія, и относительно общественной его дѣятельности можно сказать только, что сверхъ аболіціонистской агитаціи онъ былъ членомъ совѣтовъ Гарвардскаго и Браунскаго университетовъ и вице-предсѣдателемъ Массачусетскаго общества для отмѣны смертной казни. Послѣ окончанія войны за освобожденіе негровъ, когда цѣль всей его жизни была достигнута, поэтъ свободы опочилъ на лаврахъ въ скромномъ домикѣ въ Эмсбюри близъ своего роднаго Гавергиля, и только по временамъ въ газетахъ появлялись его письма въ защиту кандидатуры того или другаго кандидата республиканской партіи, которая почтительно включила въ свои ряды старыхъ аболіціонистовъ. Въ послѣдніе годы онъ часто страдалъ невралгіей, но вообще былъ бодрымъ старикомъ и человѣчно отзывался на всѣ либеральныя реформы какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и внѣ его. Напримѣръ, узнавъ объ освобожденіи невольниковъ въ Бразиліи, онъ послалъ поздравительную телеграмму императору Донъ-Педро, который его очень любилъ и уважалъ. Онъ также сочувственно слѣдилъ за движеніемъ въ пользу женскихъ правъ и прямо говорилъ, что распространеніе на женщинъ права голоса на выборахъ было хорошимъ, неизбѣжнымъ дѣломъ, хотя безъ болѣе практическаго образованія, болѣе высокихъ политическихъ цѣлей и болѣе глубокаго сознанія своего долга, избирательное право въ рукахъ женщины не принесетъ болѣе пользы, чѣмъ въ рукахъ мужчинъ. Въ соціальныхъ вопросахъ онъ держался того мнѣнія, что коммунизмъ не можетъ повести къ окончательному благу, но спокойно смотрѣлъ на общую ломку стараго строя, результаты которой нисколько его не пугали. Отстаивая всегда прогрессъ и либеральныя идеи, Виттиеръ очевидно и въ религіозномъ

отношеніи не могъ быть узкимъ сектантомъ; онъ самъ говорилъ: «не смотря на то, что я по рожденію и убѣжденію квакеръ, но всѣ мои симпатіи на сторонѣ широкой церкви человѣчества». По еврейскому вопросу три года тому назадъ онъ высказался очень характерно: «я не знаю, что чувствуетъ еврей, но знаю чувства христіанина, который не имѣетъ основанія ссориться съ другими насчетъ ихъ религіи и можетъ любить, даже уважать еврея, честно исповѣдующаго вѣру своихъ отцевъ и исполняющаго двѣ

Джонъ Гринляфъ Виттиеръ.

великія заповѣди: люби Бога и люби ближнихъ». Вотъ какимъ человѣкомъ былъ поэтъ свободы, поражавшій всѣхъ въ своей скромной, одинокой частной жизни (онъ никогда не былъ женатъ) добротой, искренностью, простотой, любовью ко всѣмъ униженнымъ, оскорбленнымъ и страждущимъ. Теперь бросимъ взглядъ на поэзію этого поэта-человѣка.

Главное мѣсто среди поэтическихъ произведеній Виттиера занимаютъ четыре сборника: «Голоса свободы», «Поэзія свободы»,

«Антиневольничьи баллады» и «Поэмы, написанные по вопросу объ освобожденіи негровъ». Въ нихъ соединено почти все, что онъ писалъ о предметѣ, которому посвящена была всецѣло его жизнь, и отличительный характеръ всей этой поэзіи—пламенное человѣколюбіе, искренняя вѣра въ равенство людей и энергичное воззваніе къ расторженію оковъ рабства путемъ братской любви, а относительно формы она отличается силой, простотой и звучнымъ, хотя не всегда безупречнымъ стихомъ. Бѣольшая часть этихъ поэмъ, балладъ и стихотвореній распространялась по всей странѣ въ отдѣльныхъ листкахъ и распѣвалась всюду, гдѣ сочувствовали несчастной долѣ рабовъ, а во время войны между Сѣверомъ и Югомъ нѣкоторыя изъ произведеній Виттиера сдѣлались любимыми пѣснями въ сѣверной арміи, которая подъ ихъ звуки ходила въ бой за ту свободу, которую воспѣвалъ ея вдохновенный пѣвецъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенной популярностью пользовались воинственные стансы подъ заглавіемъ: «Ein Feste Burg», которые были напечатаны въ день объявленія войны. Извѣстная по своему вокальному таланту многочисленная семья Гучинсонъ раздѣлилась на нѣсколько группъ и распѣвала это патріотическое стихотвореніе въ различныхъ отрядахъ сѣверной арміи; но главнокомандующій Макклеланъ запретилъ это пѣніе, находя, что оно уничтожало всякую возможность примиренія съ Югомъ, въ особенности конецъ, въ которомъ говорилось: «Что подняло колосистую ниву мечей? Что направляетъ орудія мятежа? Что побуждаетъ Югъ нарушить клятву и поднять руку на звѣздное знамя? Что заставило его покуситься на жизнь союза? Одинъ отвѣтъ — рабство» ¹⁾. Но Гучинсоны обратились съ жалобой къ президенту Линкольну, и такъ было важно значеніе поэзіи Виттиера, что президентъ нарочно созвалъ министерскій совѣтъ; государственный секретарь Чезъ громко прочелъ запрещенную поэму. «Я именно желаю, чтобъ солдаты пѣли такіа пѣсни»,—сказалъ Линкольнъ, и по единогласному рѣшенію совѣта пѣвцы и вдохновенный гимнъ свободы были снова водворены въ сѣверной арміи. Изъ другихъ аболіціонистскихъ стихотвореній Виттиера заслуживаютъ особаго вниманія «Плачь матери Вергинскаго невольника», о которомъ знаменитый Джонъ Брайтъ говорилъ, что «этихъ немногихъ строфъ, возбуждающихъ невольню слезы, было достаточно, чтобы побудить пѣ-

¹⁾ «What gives the wheat field blades of steel?

«What points the rebel canon?

«What sets the roaring rables heel

«On the old star spangled pennan?

«What breaks the oath

«Of the men o' the South?

«What whets the knife

«For the Union life?

«Hark to the answer: Slavery!»

люю націю къ уничтоженію постыднаго рабства», «Клейменная рука», краснорѣчивая баллада о капитанѣ Валькерѣ, который спасъ изъ рабства нѣсколько негровъ и за это былъ заклеименъ на правой рукѣ двумя буквами В. Н. (воръ негровъ); «Отвѣтъ губернатору Магдуду», пламенный протестъ противъ заявленія губернатора одного изъ южныхъ штатовъ, что «рабство краеугольный камень республиканскаго зданія», причемъ Виттиеръ съ огненнымъ пыломъ восклицаетъ: «Рабовъ въ странѣ янки никогда не будетъ, наши горы и утесы вѣчно свободными были и вѣчно свободными будутъ; прежде море унесетъ наши утесы, и гранитныя горы повергнутся въ прахъ, чѣмъ ненавистное ярмо рабства согнетъ выю янки»¹⁾; наконецъ, «Стансы настоящему времени», написанные по случаю измѣны аболиціонистамъ пенсильванскаго губернатора Портера и которые оканчиваются слѣдующими строфами необыкновенной силы: «Мы не сдадимъ! А еслибъ сдали, то камни возопіютъ, и вѣтеръ станетъ шептать о нашемъ позорѣ; нѣтъ, пусть буря поколеблетъ всю страну, а наша вѣра, наша правда устоитъ»²⁾. Самъ Виттиеръ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему изданію своихъ сочиненій, вышедшему въ 1888 году, признаетъ, что въ художественномъ отношеніи эти поэмы свободы отличаются многими недостатками. «Это было искреннее, часто пламенное выраженіе моихъ мыслей и чувствъ,—говоритъ онъ,—въ критическіе періоды великой борьбы между свободой и рабствомъ; это были протесты, сигналы объ опасности, звуки боевой трубы, слова, вырванные изъ сердца автора и кованныя до бѣлаго каленія, а потому естественно, что въ нихъ не достаесть той отдѣлки и того старательнаго подбора словъ, которыхъ можетъ только дать долгое и терпѣливое размышленіе».

Что подобная отдѣлка и болѣе изящная поэтическая форма доступны Виттиеру, онъ доказалъ своими народными балладами, легендами объ индѣйцахъ и поэмами о старыхъ обитателяхъ Новой Англии, которыя имъ написаны по окончаніи боеваго періода его литературной дѣятельности. Конечно, эти произведенія не имѣютъ

-
- 1) «Slaves in the rugged Yankee land!
 «I tell thee, Carolinian, never!
 «Our rocky hills and iron strand
 «Are free, and shall be free forever.
 «The surf shall mead that strand away,
 «Our granite hills in dust shall moulder,
 «Ere slavery's hateful yoke shall lay,
 «Unbroken, on a Yankee's shoulder!»
- 2) «We cannot falter! Did me so,
 «The stones beneath would murmur out,
 «And all the winds that round us blow
 «Would whisper of our shame about
 «No, let the tempest rock the land.
 «Our faith shall live, our truth shall stand.

громаднаго національнаго значенія всего, что онъ писалъ въ качествѣ пѣвца свободы, но они, отличаясь идиллической простотой, глубокимъ чувствомъ и болѣе правильнымъ, болѣе блестящимъ стихомъ, пользуются популярностью не только въ Америкѣ, но и въ Англии, гдѣ строгіе критики ставятъ его лучшее сочиненіе въ этомъ родѣ «Занесенные снѣгомъ» наравнѣ съ поэмами Борнса. Кромѣ того, Виттиеръ еще писалъ дѣтскія сказки въ стихахъ и религиозные гимны, которые ставятся очень высоко любителями этихъ отраслей поэзіи. Но и тутъ его муза никогда не жертвуетъ идеей формѣ, и онъ, всетаки, всегда и вездѣ остается поэтомъ-человѣкомъ.

II.

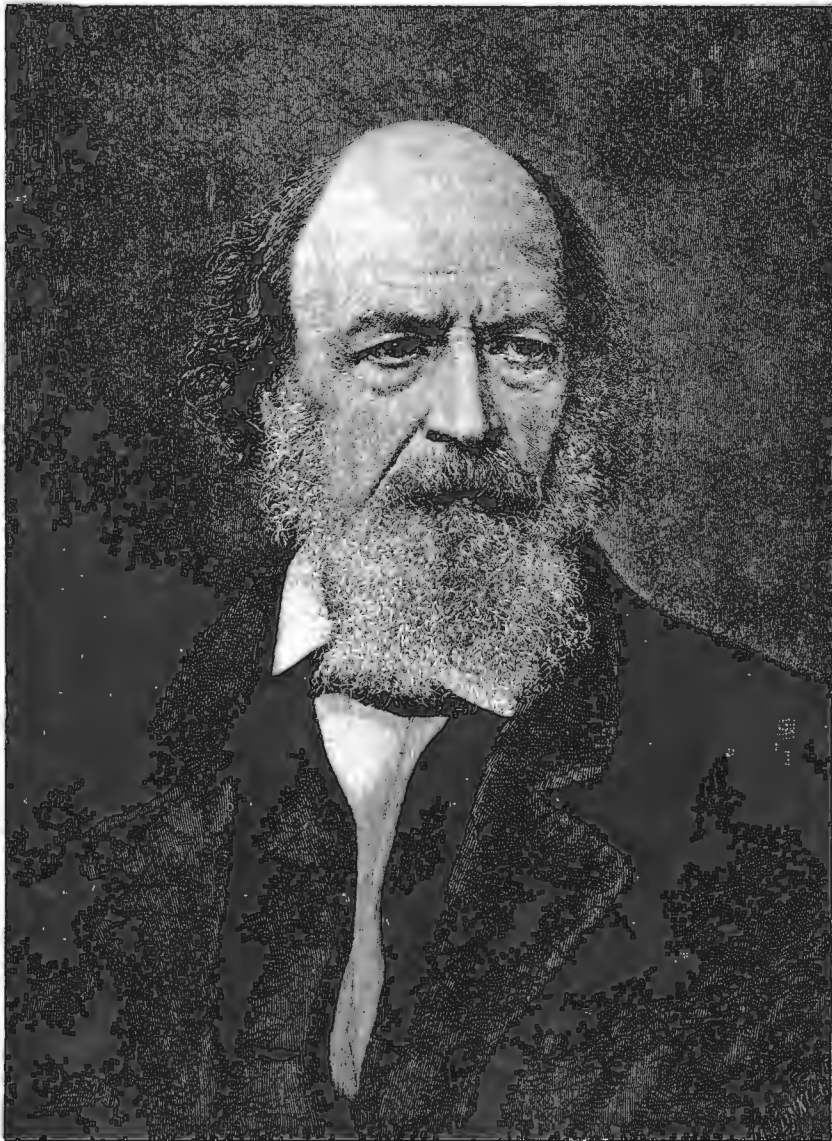
Есть въ англійскомъ графствѣ Ликольнширѣ селенъе, называемое Сомерсби; оно расположено у подножія высокихъ горъ, и при сліяніи двухъ журчащихъ ручьевъ, изливающихся подъ тѣнью старыхъ дубовъ. Тутъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія среди мирныхъ красотъ природы и невозмутимаго спокойствія старосвѣтской жизни въ пасторскомъ домѣ росъ красивый, бѣлокурый мальчикъ. Бѣгая и рѣзаясь въ большомъ саду, онъ часто говорилъ, что слышитъ въ свистѣ вѣтра между деревьями какіе-то, голоса и съ шести лѣтъ началъ писать стихи, подражая то слащавому Томсону, то огневому Байрону, хотя никто не поощрялъ его таланта, а старый дѣдъ, заплативъ ему десять шиллинговъ за заказанную ему элегію на смерть тетки, сказалъ: «Вотъ первыя деньги, которыя ты заработалъ своей поэзіей, и вѣрь моему слову, онѣ будутъ послѣдними». Мальчику уже минуло пятнадцать лѣтъ, когда въ этотъ уединенный уголокъ случайно дошла вѣсть, повергнувшая всю страну въ мрачное отчаяніе, вѣсть о смерти Байрона. «Байронъ умеръ! Я думалъ, что наступилъ конецъ свѣта,—разсказывалъ этотъ красивый, бѣлокурый мальчикъ черезъ много лѣтъ, когда онъ уже сталъ знаменитымъ поэтомъ и нажилъ миллионъ своей забракованной дѣдомъ поэзіей:—я думалъ, что для всѣхъ все кончилось, что не стоило долѣе существовать. Я вышелъ одинъ въ садъ и сталъ вырѣзывать ножикомъ на деревьяхъ «Байронъ умеръ, Байронъ умеръ!».

Прошло 68 лѣтъ. Умиралъ другой поэтъ, тотъ самый поэтъ, который красивымъ, бѣлокуримъ мальчикомъ такъ поэтически оплакивалъ Байрона. Вся страна прислушивалась къ ежеминутно ослабѣвавшему біенію его сердца. Утро послѣдняго дня его восьмидесятитрехлѣтней жизни наступило съ неописаннымъ великолѣпіемъ при лучезарномъ свѣтѣ солнца, озарявшаго горы и долины, видъ на которые открывался изъ оконъ Альвортскаго замка въ Сурреѣ, гдѣ умиралъ поэтъ. Лежа на кровати, онъ могъ въ это окно видѣть мирныя поля, отдаленныя горы и безоблачное синее

небо подъ ними. Онъ просыпался не разъ изъ своего безболѣзненнаго забытья и тихо смотрѣлъ на солнечный свѣтъ, на безмолвную природу. Послѣ полудня онъ вполне сознательно спросилъ Шекспира и, тихо перевертывая страницы, остановился на послѣдней сценѣ «Симбелина». Глаза его были долго устремлены на страницы, которыя онъ всегда считалъ самыми нѣжными во всемъ Шекспирѣ, и его рука покоилась на тѣхъ строфахъ, въ которыхъ говорится: «Вѣси тутъ душа моя, какъ плодъ, доколѣ древо не умретъ». Но читалъ ли онъ великаго сердецѣда, никто, конечно, не знаетъ, и потомъ снова его глаза закрывались или смотрѣли въ окно. Чѣмъ болѣе день близился къ вечеру, тѣмъ угрюмѣе становился видъ изъ этого окна. Медленно сѣло солнце, небо поблѣднѣло, и въ долину поднялся бѣловатый туманъ. На окружавшихъ горизонтъ горахъ догорали послѣдніе отблески зари; все было тихо, и на чистомъ небѣ не было видно ни одного облака. Вся природа, казалось, притаила дыханіе и ждала. Мало-по-малу показались звѣзды и лица, окружавшія кровать умирающаго, видѣли, какъ эти звѣзды, начинали блестятъ все ярче и ярче. Наконецъ, полная луна явилась на небѣ и залила своимъ серебристымъ свѣтомъ комнату, гдѣ поэтъ тихо приближался къ смерти. Кровать, гдѣ онъ лежалъ, все еще держа лѣвую руку на открытомъ Шекспирѣ, находилась во мракѣ, а остальная часть комнаты была освѣщена луной. И вскорѣ въ эту ночь мирно безболѣзненно поэтъ перешелъ въ вѣчность.

Трудно себѣ представить болѣе поэтическаго начала и болѣе поэтическаго конца для жизни поэта, чѣмъ эти двѣ сцены, и онѣ служатъ самой лучшей рамкой для всей долговременной жизни Теннисона, который началъ жить, сочиняя стихи и горюя о смерти величайшаго поэта своего вѣка, провелъ всю жизнь, только существуя поэзіей и для поэзіи, а умеръ, устремивъ глаза на безсмертныя строфы величайшаго поэта всѣхъ временъ. Какъ блестящій представитель чистой поэзіи, искусства для искусства, Теннисонъ провелъ свои восемьдесятъ три года если не самымъ поэтическимъ образомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ такой обстановкѣ, которая вполне способствовала достиженію его призванія въ жизни. Онъ поставилъ себѣ цѣлью писать стихи и писалъ ихъ, когда хотѣлъ и сколько хотѣлъ, окруженный спокойствіемъ, уединеніемъ, богатствомъ, роскошью, славой и всеобщимъ уваженіемъ. О всемъ его долгомъ существованіи можно только сказать, что онъ жилъ и писалъ стихи. Въ общественной жизни онъ не принималъ никакого участія и, выйдя изъ университета, только одинъ разъ появлялся въ общественномъ собраніи, именно при вступленіи въ палату лордовъ, когда онъ былъ произведенъ въ пэры. Онъ презиралъ шумъ, толпу и гордо уединялся въ очень тѣсномъ кружкѣ друзей и семьи, состоявшей изъ жены и двухъ сыновей. Проведя безупречную молодость, онъ женился сорока лѣтъ и былъ такимъ же образцовымъ

мужемъ, какъ сыномъ, братомъ и отцемъ. Все въ жизни ему постоянно улыбалось, и единственнымъ облакомъ, омрачившимъ ее, была смерть его молодого друга, Артура Галама; но и это печальное обстоятельство принесло ему пользу, такъ какъ внушило одно изъ популярнѣйшихъ его произведеній, именно сборникъ элегій подъ названіемъ «In memoriam». Посвятивъ себя исключительно поэзіи, онъ не хотѣлъ знать ни о чемъ, что дѣлалось внѣ области этой поэзіи, и былъ въ полномъ смыслѣ поэтомъ, но болѣе ничѣмъ. Съ подобной исключительностью, замкнутостью и узкостью кругозора Теннисона можно было бы легко помириться, если бы онъ въ своей поэзіи дѣйствительно былъ гениальнымъ поэтомъ или, по крайней мѣрѣ, поэтомъ возвышенныхъ, хотя бы и отвлеченныхъ идей, но, по несчастью, Теннисонъ, при безупречной изящной формѣ стиха, довольствовался одной этой формой. Онъ не думалъ и не мечталъ, а только подбиралъ слова и заботился о мелодичности своей поэзіи; онъ не углублялся ни въ какіе вопросы, не изслѣдовалъ никакого человѣческаго чувства, не зналъ ни исторіи, ни психологіи, ни даже религіи, хотя славился своей набожностью, воспроизведеніемъ рыцарскихъ нравовъ и чуткимъ отношеніемъ къ человѣческимъ чувствамъ. Но въ сущности онъ ко всему относился поверхностно, его историческіе характеры были не живыми образами, а куклами въ блестящихъ одеждахъ, его религіозныя и нравственныя проповѣди звучали пошлой буржуазной моралью, а то, что англійскія кисейныя барышни умильно принимали за выраженіе человѣческаго чувства, было большей частью манерной сентиментальностью. Поэтому нельзя не согласиться съ мѣткой, хотя и злобной характеристикой Теннисона въ исторіи англійской литературы Тэна, который говоритъ: «Этотъ поэтъ относится ко всему гладко, мягко, прилично; онъ трактуеть о нравственности безъ скучнаго педантизма, а о Богѣ и душѣ безъ клерикальнаго задора; онъ не выражаетъ никакихъ сильныхъ чувствъ и не скандализируетъ никого; онъ не возстаетъ ни противъ общества, ни противъ жизни. Онъ не возбуждаетъ въ своихъ читателяхъ ни сомнѣнія, ни недовольства, а, напротивъ, подноситъ всякому то, что ему нравится. Любитель путешествій и археологіи найдетъ у него ловкое подражаніе языку и чувствамъ древнихъ и чужестранныхъ людей. Дамы прельщаются красивыми и лестными портретами выведенныхъ имъ героинь, всегда нравственныхъ и безупречныхъ. Молодые дѣвушки плачутъ отъ его деликатныхъ описаній любви, причемъ онъ никогда не прикасается къ истинной страсти. Онъ мягко скользитъ по всему, не говоритъ ни рѣзкой правды, ни явной лжи. Онъ черпаетъ въ природѣ и исторіи только то, что прилично и пріятно; онъ тщательно подыскиваетъ предметы своей поэзіи и еще тщательнѣе отдѣлываетъ слова, замѣняющія ему идеи; онъ поддѣлывается изяществомъ своего стиха

Лордъ Альфредъ Теннисонъ.

подъ изящество того свѣтскаго общества, къ которому обращена его муза. Его поэзія походитъ на тѣ золоченныя и раскрашенныя жардиньерки, въ которыхъ мѣстныя цвѣты и экзотическія растенія гармонично соединяють свой блескъ и свое благоуханіе; она, повидимому, создана для богатой буржуазіи, которая замѣнила въ новой Англіи старинную аристократію и составляетъ часть окружающій ея роскоши, руководящей ея нравственности; это красно-рѣчивое подтвержденіе ея принциповъ и красивая мебель въ ея гостинныхъ».

И однако при всемъ этомъ поверхностный, буржуазный поэтъ такъ мило, такъ красиво рисуетъ свои картинки, такъ мелодично ласкаетъ слухъ своимъ стихомъ, что его мелкія поэмы, въ родѣ «Годивы», «Доры», «Эноха Ардена», «Лэди Клара Веръ-де-Веръ», «Двухъ сестеръ», «Майской королевы» и т. д., производятъ на читателей самое пріятное впечатлѣніе. Напримѣръ, въ «Годивѣ» какъ ловко, какъ деликатно онъ передаетъ легенду о томъ, какъ эта героиня проѣхала черезъ городъ Ковентри верхомъ, совершенно нагая, чтобъ вырвать у мужа отмѣну налога, ненавистнаго жителямъ города:

«И на конѣ поѣхала Годива,
«Одѣта цѣломудріемъ. Казалось,
«Вокругъ нея весь воздухъ притаился,
«И вѣтерокъ едва дышалъ изъ страха,
«И щурились исподтишка лукаво
«На желобахъ широкой пастью рожи.
«Дворняшка гдѣ-то тяфкнула, и щеки
«Годивы вспыхнули. Шаги коня
«Ее кидали и въ ознобъ и въ трепетъ.
«Казалось ей, что всѣ въ щеляхъ коварныхъ
«Глухія стѣны, что затѣмъ тѣнятся
«Надъ головой у ней шпиги домовъ,
«Чтобъ на нее взглянуть изъ любопытства.
«Но ѣхала и ѣхала Годива,
«Пока предъ ней въ готическія арки
«Градской стѣны не показалось поле,
«Сіяя бѣлымъ цвѣтомъ бузины» ¹⁾.

Столь же деликатно и мило Теннисонъ смѣется надъ кокетствомъ и аристократической исключительностью лэди Клара Веръ-де-Веръ, причемъ съ удивительной, безобидной легкостью указываетъ на то, что аристократки лучше оказывали бы добро бѣднымъ, чѣмъ заниматься однимъ кокетствомъ.

«О, лэди Клара, вѣрьте мнѣ:
«Садовнику съ его женой

¹⁾ Англійскіе поэты, Гербеля. «Годива», Теннисона. Переводъ М. Михайлова.

«Не снится даже и во снѣ,
 «Что длинной предковъ чередой
 «Гордитесь вы. Всего важнѣе
 «Любви священные законы,
 «А міру доброта нужнѣй,
 «Чѣмъ всѣ гербы и всѣ короны».

«О, леди Клара Веръ-де-Вергъ,
 «Вамъ все даровано судьбой,
 «И милосердія примѣръ
 «Могли бы вы явить собою.
 «Больныхъ и нищихъ развѣ нѣтъ,
 «Въ тоскѣ напрасно вопіющихъ?
 «Въ сердца пролейте знанья свѣтъ
 «И приотрите неимущихъ!»¹⁾.

О красотѣ изящныхъ картинокъ, рисуемыхъ Теннисономъ, не можетъ быть ни малѣйшаго спора. Такъ трудно представить себѣ что нибудь милѣе и художественнѣе описанія въ «Королевѣ Мая» чувствъ молодой дѣвушки наканунѣ праздника, когда ее выберутъ въ королевы. Прося мать разбудить ее какъ можно раньше на слѣдующее утро, она, между прочимъ, говоритъ:

«Надъ лугами стемнѣло, родная,
 «Вѣтерокъ тамъ гуляетъ ночной.
 «Каждый разъ какъ повѣетъ онъ, звѣзды
 «Словно ярче горять надъ землей.
 «Нѣтъ ни облака въ небѣ! Ненастье
 «Не отравитъ веселаго дня.
 «Королевой Майской я буду,—
 «Разбуди же на разсвѣтѣ меня.

«Вся объята и тишью и мглою,
 «Спитъ долина, свѣжа—зелена,
 «И на склонѣ холмовъ что-то шепчутъ
 «Листья темныхъ деревьевъ сквозь сна,
 «А въ оврагѣ чуть слышно журчаще
 «Утомленнаго бѣгомъ ручья.
 «Завтра все оживится, и буду
 «Королевою Майскою я»²⁾.

Болѣе обширныя и самолюбивыя произведенія Теннисона: «Идилліи короля», «Принцесса» и т. д., отличаются большой манерностью формы и пустотой содержанія, а потому гораздо скучнѣе и возбуждаютъ мало интереса. Что касается до драматическихъ опытовъ

¹⁾ «Леди Клара Веръ-де-Вергъ» въ переводѣ О. Михайловой, «Вѣстникъ Европы», 1892 г., 12.

²⁾ Англійскіе поэты, Гербеля. «Королева Мая», Теннисона, въ переводѣ А. Плещеева.

поэта-лавріата, то они вполнѣ неудачны, а тѣ стихотворенія, которыя онъ обязанъ былъ писать въ качествѣ придворнаго поэта по случаю различныхъ торжественныхъ событій, не имѣютъ ничего общаго съ поэзіей, кромѣ элегіи на смерть принца-супруга и оды на кончину Велингтона. Вообще трудно понять, почему такой исключительный поэтъ, какъ Теннисонъ, принялъ званіе лавріата и получалъ, не смотря на свое богатство, незначительное содержаніе, присвоенное этой должности. Подобный титулъ не имѣетъ никакого смысла, и если принять въ соображеніе, что большая часть поэтовъ-лавріатовъ Англіи въ прежнія времена были второстепенными литераторами, то даже въ этомъ званіи нѣтъ ничего лестнаго. Поэтому Гладстонъ вполнѣ правъ, что отложилъ назначеніе преемника Теннисону. Еще страннѣе отношеніе этого поэта къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ; если уже онъ совершенно отрѣшился отъ внѣшней жизни и всецѣло посвятилъ себя поэзіи, то ему не слѣдовало вовсе касаться этихъ вопросовъ, а, напротивъ, хотя и рѣдко, но онъ, всетаки, высказываетъ по временамъ въ своихъ произведеніяхъ самые узкіе отсталые буржуазные взгляды. Онъ врагъ всякихъ либеральныхъ реформъ, высказываетъ шовинистскія стремленія, отстаиваетъ пользу войны и, однажды высказавъ какъ бы не нарочно въ своей поэмѣ «Loksley Hall» сочувствіе къ мечтаніямъ о золотомъ вѣкѣ всеобщаго равенства и счастья, онъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ новой поэмѣ отрекся отъ своихъ словъ и предалъ проклятію современный прогрессъ, что возбуждало гнѣвъ Гладстона, который, не смотря на дружбу къ нему, въ громовой статьѣ доказалъ всю пользу, принесенную современнымъ прогрессомъ, и всю неосновательность ретроградныхъ идей поэта-лавріата. Конечно, жаль для полноты впечатлѣнія, производимаго поэзіей этого поэтического поэта, что она такимъ образомъ служитъ выраженіемъ далеко не поэтическихъ идей, но еслибъ было иначе, еслибъ онъ не сходилъ съ высотъ Парнаса, то не былъ бы Теннисономъ, не былъ бы поэтомъ-лавріатомъ, поэтомъ аристократично-буржуазной Англіи.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

~~~~~

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ **А. С. СУВОРИНА**. ВЪТЕНЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1893

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. VI—XII. (Продолженіе). П. Н. Полеваго	321
II. Разказы объ И. С. Тургеневѣ. К. П. Ободовскаго	359
III. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. IV—VII. (Продолженіе)	367
IV. Не въ Жоржъ-Зандін. (Очеркъ изъ сороковыхъ годовъ). Г. И. Ясинскаго	411
V. Воспоминанія клоуна А. Л. Дурова. III—IV. (Окончаніе)	424
VI. Очерки Москвы. I—V. Д. А. Покровскаго	451
VII. Къ исторіи либерализма. Р. И. Сементковскаго	481
VIII. Лѣтописецъ крестьянскаго освобожденія. (По поводу 50-лѣтія службы сенатора Н. П. Семенова). С. С. Трубачева	502
Иллюстрація: Портретъ Николая Петровича Семенова.	
IX. Памяти М. С. Сабининой. Н. А.	510
Иллюстрація: Портретъ Марьи Степановны Сабининой.	
X. Современная Италия. Королевство, папство, республика. IV—VI. (Окончаніе). В. И. Модестова	518
XI. Изъ воспоминаній о Японіи. IV—VII. (Продолженіе). А. А. Черевковой	540
XII. Смерть Густава III. Эрнста Виллиса. (Переводъ съ шведскаго)	559
Иллюстрація: 1) Портретъ короля шведскаго Густава III. — 2) Портретъ убійцы Густава III, капитана Анкарстрема. — 3) Одинъ изъ пистолетовъ, бывшихъ у Анкарстрема при совершеніи имъ убійства Густава III. — 4) Камзолъ, который былъ на Густавѣ III въ моментъ покушенія на его жизнь. — 5) Анкарстремъ у позорнаго столба. — 6) Наказаніе Анкарстрема розгами. — 7) Анкарстремъ, везомый къ мѣсту казни на позорной колесницѣ.	
XIII. Воспоминанія англійскаго дипломата XIX столѣтія. В. Т.	582
XIV. Критика и библиографія	608
1) В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, томъ I, кн. 1—2. Кіевъ. 1891—1892. Дм. Цвѣтаева. — 2) Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній). Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Спб. 1892. Томъ II. Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вв. Спб. 1893. Е. Д.—3) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть I, томъ 3. Письма 1851—1860 гг. Поѣздка въ Малороссію. Ополченіе. Путешествіе за границу. Москва. 1892. В. С. Р.—4) Историческіе очерки и разказы С. Н. Шубинскаго. Третье изданіе, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями. Спб. 1892. С—снго.—5) Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ. Спб. 1892. А. Фаресова.—6) Н. А. Осокинъ. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изданіе второе. Казань. 1892. А. Л.—на.—7) Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ. 1892; Библиографія Ермака. Составилъ Е. В. Кузнецовъ. Тобольскъ. 1892. С. А—ва.—8) Русскіе путешественники-ислѣдователи. Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные. М. А. Лялиной. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. А. Л.—9) Полное собраніе пѣсенъ Беранже, въ переводѣ русскихъ псалодателей. 14 выпусковъ. Тифлисъ. 1892. В. З.—10) А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену императорскаго Русскаго археологиче-	

Сл. слѣд. строкъ.

	СТР.
скаго общества И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ третій. Сергіевъ Посадъ. 1892. М. М.— 11) Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и одиѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ III. Алфавитные указатели. Составилъ И. В. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1892. С. А—ва.	
XV. Историческія мелочи	624
1) Правда о смерти Гамбетты.—2) Англійскій посланецъ въ Бухару въ 1840 году.—3) Чешское возстаніе въ недѣлю св. Троицы 1848 года.	
XVI. Заграничныя историческія новости	633
XVII. Изъ прошлаго.	641
Мысли императора Александра I о крестьянскомъ вопросѣ. А. Орельскаго.	
XVIII. Смѣсь	644
1) Значеніе русской архитектуры.—2) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—3) Восемьдесятлѣтіе академика Я. К. Грота.—4) Юбилей «Недѣли».—5) Отчетъ комитета народныхъ чтеній въ городѣ Орлѣ за пять лѣтъ (1887—1892 гг.).—6) Некрологи: Н. И. Ковшаровъ; Н. Л. Ломанъ; В. В. Черняевъ; П. П. Максимовичъ; Р. В. Орбянскій; Э. П. Тилло.	
XIX. Замѣтки и поправки	651
Нѣсколько словъ о разсказахъ пзъ жизни высокопреосвященнаго архіепископа Никанора. С. П.	
 ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ царицы Евдокіи Феодоровны.—2) Дочь народа. (La tribuna). Историческая новелла Эмилии Пардо-Базанъ. Переводъ съ испанскаго Е. И. Уманецъ. I—XII.—3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

Il y a dans le coeur humain des abîmes impossibles à sonder... En présence de ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée: Dieu seul peut les juger avec équité...

(Mém. du prince P. Dolgorouky, 39).

VI.

НЕДОБРАЯ вѣсть о внезапномъ прїѣздѣ царя Петра и слухи о первыхъ двухъ дняхъ пребыванія его въ Москвѣ, повторяемые стоустою городскою молвою, быстро долетѣли въ палаты Кремлевскаго дворца... Трепетно внимали этой молвѣ всѣ окружавшіе царицу Евдокію Теодоровну и не знали, какъ имъ быть, что предпринять, куда голову приклонить отъ надвигавшейся грозы.

— Тошныя, страшныя времена пришли! — безпрестанно слышалось между служащими на царицыной половинѣ. — Словно тучу грозную надъ собою чуешь... Вотъ-вотъ разразится громомъ-молоньей, градомъ-прѣливнемъ... А куда брести, гдѣ пріютъ обрѣсти, никому невѣдомо!

Между тѣмъ, слухи, доходившіе о дѣяніяхъ царя Петра, становились все грознѣе и грознѣе. На каждомъ шагу выказывалась его ненависть къ царицѣ, его пренебреженіе, его желаніе порвать съ нею, во что бы то ни стало...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. I, стр. 7.
«Истор. вѣстн.», февраль, 1893 г., т. II.

— Не сегодня-завтра соплеть онъ ее въ монастырь, какъ пить ей дастъ! А и насъ-то всѣхъ размечеть, разбросаетъ... Говорять, и грозёнь, и бѣшенъ, словно звѣрь на всѣхъ рычить.

— Пока кровушки стрѣлкой не напьется, не уймется!— мрачно добавляли многие.— Стрѣльцовъ, слышно, всѣхъ въ розыскъ разомъ поставить хочеть: самъ допрашивать, самъ пытатъ собирается... Охъ, горюшко бѣдной царицѣ и всѣмъ намъ горе лютое!

И вдругъ царицына половина дворца опустѣла... Монахини, приходившія къ ней на поклонъ съ посильными приношеніями отъ обителѣй, странники и странницы, являвшіеся во дворецъ за подаяніемъ, вдовы и сироты, являвшіяся къ царицѣ съ челобитными,— всѣ куда-то попрятались, словно сквозъ землю провалились. Даже и въ самой средѣ лицъ, составлявшихъ придворный штатъ царицы, обнаружилась и шатость и колебаніе.

— Матушка-царица! — украдкой шептала преданная Евдокіи Феодоровнѣ мама царевича.— Дарья-то Косова у тебя на богомолье хочеть проситься, а сама въ другую сторону лыжи вѣстрить!... А Феодора Алѣева, что третьяго дня больноі сказала, вчера успѣла къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ на поклонъ сбѣгать...

— Что же? Пускай—Богъ съ ними... Тяжко подъ страхомъ жить!—отвѣчала царица боярынь-мамѣ съ глубокимъ вздохомъ.

— Безстыжія,—продолжала боярыня-мама.—Пока можно было отъ тебя милостей да подарковъ ждать, всѣ тебѣ были вѣрны... А теперь смотрять, откуда вѣтеръ дуетъ.

— Пусть хоть всѣ уйдутъ! Диво ли? Меня и такъ всѣ покинули, всѣ забросили... Лишь бы только дитяtko мое при мнѣ осталось, лишь бы сыночекъ-то...

И царица Евдокія Феодоровна, не договоривъ своей рѣчи, заливалась слезами.

— Охъ, ужъ о сыночкѣ-то ты мнѣ не говори, государыня! Такъ-то онъ тебя любитъ, такъ-то тебя на сердцѣ держитъ, что отъ тебя ни за что не отстанеть... Все о тебѣ со мною рѣчь ведетъ: куда-де матушка въ отъѣздъ собирается? взяла бы и насъ тоже съ собою? Я, говорить, тутотка безъ нея не останусь...

Прошло еще нѣсколько дней между страхомъ, слезами, опасеніями грядущихъ напастей и сокрушеніями, которыя царица Евдокія рѣшалась высказывать только боярынь-мамѣ и сестрамъ своимъ, княгинямъ Троекуровой и Куракиной.

— Ума не приложу,—говорила она имъ однажды, сидя у себя въ комнатѣ, подъ своимъ любимымъ стекольчатымъ окопечкомъ,— что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть? Посовѣтуйте хоть вы мнѣ, сестрички родненькія!

Но и Ксенія Феодоровна, и Настасья Феодоровна сидѣли около сестры-царицы, печально понутивъ голову, и хранили глубокое молчаніе.

— Всѣхъ-то царь Петръ Алексѣевичъ у меня отнялъ, всѣхъ кругомъ меня разогналъ! Не на кого опереться мнѣ, не къ кому и голову приклонить. Батюшку родимаго еще до отъѣзда въ Нѣметчину на Тотьму на воеводство послалъ; дядей Василя и Сергія Абрамычей на Чаронду да въ Вязьму... Братца моего любимаго, надѣжу мою, дружка милаго, сердечнаго, Абрама Феодоровича за море учиться отправилъ... Одинъ у меня остался опора и оборона дядя Петръ Абрамовичъ!.. Да и тотъ съ пріѣзда царя Петра глазъ ко мнѣ не кажетъ... Вчера къ нему Василя Колычева, маминаго мужа, посылала: приказалъ сказать, что все-де не досугъ ему, что авось нынче заглянетъ... Охъ, хоть бы онъ-то пришелъ, грусть, тоску мою разговорилъ да развѣялъ... А то ужъ такъ-то тяжело, такъ-то горько мнѣ, что кабы не сыночекъ мой, не Алѣшенька, руки бы на себя наложила!..

— Что ты! что ты сестрица-государыня? Ахъ, грѣхъ какой и думать-то такое?—заговорили одновременно сестры-княгини, привѣтливо глядя въ очи царицѣ.

— Да на что мнѣ жить-то? На что?—съ горечью сказала царица Евдокія, ломая свои прекрасныя руки и крѣпко, до боли, сжимая длинныя, тонкіе пальцы, увязанныя перстнями.—Что ждетъ меня впереди:—дальняя обитель?... тѣсная келья! одинокая, горькая доля—безъ воли, безъ свѣта, безъ всякой радости! Опять и то возьмите: какво мнѣ знать о мужѣ, что онъ себя и блудомъ, и пьянствомъ срамить, что онъ душеньку свою къ преисподней готовитъ, якшается съ бусурманами, перенимаетъ ихъ гнусныя обычаи и веселье бѣсовское, и машкеры, и ни-вѣсть что... Охъ, Господи!

— Да что ты сокрушаешься, государыня! На тебѣ его грѣхи не спросятъ!—сказала княгиня Троекурова.—Ты въ томъ не причинна, что онъ отъ тебя ушелъ, да тебя, красавицу писанную, на нѣмецкихъ дѣвокъ промѣнять вздумалъ... Одно бы только я тебѣ посовѣтовала, кабы ты меня слушать захотѣла...

— Посовѣтуй, сестрица, голубушка! Рада слушать тебя, сама весь свой умъ въ бѣдахъ истерявши.

— А вотъ видишь ли: сказывала мнѣ стольница Волынская, что къ ея дворовой женкѣ, Авдотѣ Нелидовой, ходитъ старица Юіона, такая-то искусная на привораживанье... Говорятъ, она пѣвчаго Головленкова такъ къ царевнѣ Марѣ Алексѣевнѣ приворожила, что та теперь въ немъ души не чаеъ... Такъ вотъ не привести ли тебѣ старицу-то?... Авось она и къ тебѣ царя Петра приворожить?

— Что-жь! Приведи, сестрица. Отчего же не попытать... Авось Богъ проститъ: вѣдь не чужаго-чужанина привораживать задумываю, а своего мужа—свою ладу...

Въ это время дверь въ комнату пріотворилась, и маленькая, уродливая карлица царицы, войдя въ комнату, объявила:

— Матушка царица! Гостья дорогая къ тебѣ жаловать изволить... Прикажешь ли царевну Марью Алексѣевну принять?

— Ахъ, какая ты глупая, Тимоеевна!—съ досадой проговорила царица Евдокія Θεодоровна!—Проси царевну, въ поясъ кланяйся, чтобы жаловала...

И царица поднялась съ кресла на встрѣчу гостѣ, полной, некрасивой и смуглой, какъ и всѣ дѣти царя Алексѣя отъ Маріи Милославской. Однако же некрасивое и немолодое лицо царевны, которой было тогда уже подъ сорокъ лѣтъ, казалось гораздо пріятнѣе, по выраженію, чѣмъ болѣе красивыя и болѣе моложавыя лица ея сестеръ. Во всѣхъ чертахъ лица царевны Марьи было много добродушія, а въ ея улыбка много искренности... Но на этотъ разъ улыбки не было на устахъ царевны, и лице ея выражало такую тревогу, что царица Евдокія, едва успѣвъ поздороваться съ царевной, проговорила въ испугѣ:

— Что съ тобой, царевна, голубушка! Чуетъ мое сердце, что ты ко мнѣ не съ радостью!...

Царевна Марья Алексѣевна, не отвѣчая на вопросъ царицы, поспѣшно поздоровалась съ ея сестрами и, опустившись на лавку около стѣны, закрыла лицо руками.

— Говори, сестрица! Не жалѣй меня! Я ко всякой напасти готова,—сказала царица, присаживаясь къ царевнѣ Марьѣ и опираясь о ея плечо рукою.

— Въ себя еще прійти не могу,—прошептала царевна Марья, опуская безпомощно руки и зажмуривъ глаза.—Напугалась я очень...

И царица Евдокія, и ея сестры княгини, молча смотрѣли въ лице царевнѣ, въ ожиданіи того, что она скажетъ...

— Дядюшка-то твой, Петръ-то Абрамычъ! Ахъ, и вымолвить страшно!

— Умеръ?.. Убился?—прошептала царица, блѣдная.

— Охъ! Лучше бы ужъ умеръ!—сказала царевна.—А то—сама посуды: изъ собора въ застѣнокъ угодилъ...

— Въ застѣнокъ?—переспросила царица, очевидно, не понимая страшнаго смысла словъ царевны, не довѣряя ушамъ своимъ.

— Это все Левъ Нарышкинъ такъ подвелъ да подстроилъ! Кому-жъ другому?—продолжала царевна.—Царь Петръ въ Архангельскій соборъ пришелъ поутру и видитъ на гробу отцовскомъ челобитную... «Что за бумага?»—спрашиваетъ гнѣвно, а протопопъ ему и скажи: «отецъ твой просить защититъ соборную церковь... Бояринъ Петръ Лопухинъ побиваетъ на смерть ея крестьянъ, и суда на него нѣтъ». Царь принялъ съ гроба челобитную, брови насушилъ, губу закусилъ, и вышелъ на паперть... И видитъ—рядкомъ на паперти стоятъ девять гробовъ: лежатъ въ нихъ соборные крестьяне, убитые дворовыми людьми Петра Абрамовича... Какъ ихъ царь увидалъ, вскипѣлъ, и прямо изъ собора въ Константи-

новскій застѣнокъ... Да туда же и боярина Петра Абрамыча велѣлъ послать... Охъ, Боже ты мой! Что это за страсти кругомъ творятся?.. Что за страсти!..

Царевна тихо заплакала... Заплакали и сестры царицы, тихо всхлипывая и приговаривая:

— Бѣдный Петръ Абрамовичъ! Что съ нимъ будетъ! Охъ, не пережить ему такого позора, не пережить...

Одна царица Евдокія не плакала. Блѣдная, молчаливая, она сидѣла, опустивъ голову и сложивъ руки, неподвижная, словно окаменѣлая. Она съ ужасомъ видѣла, что царь Петръ отнимаетъ у нея послѣднюю опору, что она остается одинокою, безпомощною, ничѣмъ не защищенною отъ грозящихъ ей ударовъ судьбы, и ею начинало овладѣвать то мрачное отчаяніе, которое такъ часто укрывается подъ личиною внѣшняго равнодушія, спокойствія, оцѣпенѣнія.

— Жестокій онъ, братъ-то, безжалостный,—шептала, всхлипывая, царевна Марья:—роднаго дядю, старика, пытать затѣялъ! Господи! подумать даже больно!

«Страшно!—думала царица Евдокія,—а впереди еще страшнѣе будетъ... Ко всему готова, ко всему...».

И она дѣлала надъ собою усиліе, пытаясь заглянуть въ будущее и угадать то, что ждетъ ее, что наступаетъ грозовою тучею... Но у ея воображенія не хватало крыльевъ, передъ ея душевными глазами разстилалась туманная пелена, за которою какъ бы кончалась ея молодая жизнь, и наступалъ безнадежный сумракъ смерти. И чѣмъ болѣе она вглядывалась въ этотъ сумракъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе начинали выступать изъ него страшныя картины пытокъ и истязаній, происходившихъ въ застѣнкѣ... Скрипѣла, поднималась дыба... Хрустѣли кости рукъ, перетянутыя туго-на-туго ремнями... трещали суставы...

— «Ты мнѣ за все отвѣтишь!»—слышался царицѣ грозный голосъ Петра, злобно сверкавшаго гнѣвными глазами.

— «Ни въ чемъ не повиненъ!»—шепталъ старецъ, измозженный страданіями душевными и тѣлесными, и безпомощно опускалъ голову на грудь...

— О, какой ужасъ... ужасъ!—вскрикнула вдругъ царица Евдокія, всплеснувъ руками, и упала на колѣни передъ иконою.

— Матерь Божія! Заступница Пресвятая! Дѣва Пречистая!—завопила она въ какомъ-то изступленномъ порывѣ.—Пощади его: сжался, умѣрь его страданія! Пусть лучше я за него... Пусть на меня обрушатся всѣ бѣды... на мою горемычную, сиротливую голову, пусть...

— Что ты! что ты, сестрица, голубушка!—въ испугѣ заговорили царицыны сестры, стараясь поднять ее и усадить въ кресло.—Какъ это можно? Наше мѣсто свято!.. Накликаешь сама на себя

бѣды тяжкія... Испытуешь Матерь Премилосердную! Не дай Богъ, коли услышитъ твою молитву.

— Стойте, стойте! Молчите! — шепнула княгинямъ царевна Марья, приподнимаясь съ лавки и осторожно прислушиваясь. — Кто-то идетъ сюда!

И точно: вошелъ старый стольникъ царицы и доложилъ о прѣздѣ боярина Тихона Никитича Стрѣшнева со «словомъ государевымъ».

«Вотъ оно! Начинается!» — подумала про себя царица съ замираніемъ сердца и, обратясь къ стольнику, сказала съ достоинствомъ:

— Прости боярина войти. А вы, сестрицы, — добавила она, обращаясь къ царевнѣ и къ княгинямъ-сестрамъ, — ступайте ко мнѣ въ моленную, и тамъ дождитесь меня.

Черезъ нѣсколько минутъ, оставшись одна въ комнатѣ, царица Евдокія приняла боярина Стрѣшнева привѣтливо и ласково:

— Рада видѣть тебя, бояринъ, — сказала она, кивкомъ головы отвѣчая на низкій поклонъ стараго царедворца. — Смѣю ли спросить о здравіи... ца...

Она хотѣла сказать «о здравіи царя Петра Алексѣевича», но голосъ у нея оборвался, и ею овладѣло такое волненіе, что она добавила просто:

— Говори скорѣе, съ чѣмъ присланъ.

— Завтра, въ вечерню, великій государь царь Петръ Алексѣевичъ повелѣтъ изволилъ тебѣ великой государынѣ Евдокіи Θεодоровнѣ — прибыть въ почтовый домъ Виніуса для тайной бесѣды съ нимъ, государемъ, — произнесъ Тихонъ Никитичъ сухимъ, офиціальнымъ тономъ.

Евдокія Θεодороона сдѣлала страшное усилие надъ собою, чтобы не вскрикнуть, не потерять самообладанія, и чуть слышно прошептала въ отвѣтъ боярину:

— Скажи... исполню волю государеву...

Стрѣшневъ отвѣсилъ царицѣ поклонъ и съ видимой поспѣшностью удалился...

Когда полчаса спустя сестры-княгини и царевна Марія заглянули украдкой въ комнату царицы, онѣ нашли ее на полу, около кресла... она лежала въ обморокѣ.

VII.

Чудный, яркій и тихій сентябрскій день сіялъ и радовалъ Москву, блистая надъ нею безоблачнымъ и глубокимъ небомъ, обливая главы ея церквей и стѣны домовъ мягкими, теплыми лучами солнца, расписывая пестрыми оттѣнками и рѣзкими крас-

ными и желтыми пятнами густую зелень московскихъ садовъ и рощей. Солнце, тепло и тишь—манили на воздухъ... Поддаваясь этому невольному соблазну, Сенихина дочь, Акулиша, покинула свою работу, вышла изъ дома въ садъ и по тропинкѣ, протоптанной среди высокой травы, заполонившей все пространство сада между яблонь, пошла къ своему излюбленному, укромному мѣстечку—къ скамеечкѣ около вышки, построенной въ саду.

Садъ, примыкавшій одною стороною къ довольно обширному и тщательно обработанному огороду, другими сторонами прилегаль къ владѣнιάмъ сосѣдей, также стрѣльцовъ и стрѣльчихъ, заселявшихъ Лубянскую стрѣлецкую слободу. Въ огородъ смотрѣлъ всѣми окнами и домъ Прасковьи Сенихи, просторный и удобный, съ рѣзными коньками на высокой крышѣ, съ расписными ставнями и столбиками у крылецъ. Самый садъ состоялъ, по тогдашнему московскому обычаю, изъ нѣсколькихъ десятковъ старыхъ, раскидистыхъ яблонь и грушъ, и густыхъ, сильно разросшихся, кустовъ смородины, малины и крыжовника, непроницаемой шпалерой вытянувшихся вдоль садоваго частокола.

Акулиша, съ дѣтства выросшая въ этомъ домѣ матери и привыкшая лѣтомъ проводить большую часть времени въ саду и огородѣ, очень любила на досугѣ посидѣть въ тѣни старыхъ яблонь подъ вышкою, на лавочкѣ, прислушиваясь къ шороху листьевъ, къ отдаленному чуть-чуть доносившемуся шуму городской жизни, къ свисту и щебетанью птичекъ, мелькавшихъ въ небѣ высоко, высоко, надъ зеленымъ, прозрачнымъ сводомъ листвы. Ей было посидѣть въ этомъ уединенномъ, тѣнистомъ и тихомъ уголкѣ, позабывъ на время о суетливой домашней дѣятельности, къ которой постоянно побуждала ее мать, вѣчно занятая своими торговыми расчетами или нескончаемою бесѣдою съ сосѣдними кумушками о базарныхъ толкахъ, о городскихъ слухахъ и сплетняхъ.

— Ну, опять къ себѣ подъ вышку забралась! — выговаривала ей мать, когда, возвратясь съ базара, заставала дочь въ саду, на любимомъ мѣстѣ.—Ровно курица на нашести! Ступай-ка въ домъ, около печи похлопочи, работницу поучи! Полно сложа руки сидѣть... Скоро, небось, своимъ гнѣздомъ обзаведешься! Съ Покрова семнадцатый годъ пойдетъ!

Акулиша исполняла волю матери, шла въ домъ, становилась къ указанному дѣлу; но голова ея еще долго не повиновалась ей, долго носила въ себѣ тѣ затаенныя мечты, которыми она была полна въ уединеніи сада, подъ успокоивающимъ трепетомъ листьевъ и звонкимъ щебетаніемъ птичекъ...

Въ послѣдніе мѣсяцы Акулишѣ жилось тяжело и грустно. Кругомъ ея творилось что-то невольное понятное для нея... Жизнь, къ которой она привыкла съ дѣтства, принимала какое-то новое, необычное теченіе, въ которомъ, очевидно, и сама Прасковья Сениха,

умная и энергичная мать Акулиши, не могла разобраться... Стрѣльцовъ и стрѣльчихъ, привыкнувшихъ къ богатой и спокойной жизни, вдругъ почему-то стали тѣснить и гнать; отецъ ея, Сеня Уховъ, стрѣлецкій десятникъ, въ послѣдніе два года совѣмъ не жилъ въ Москвѣ, потомъ весною явился было не надолго, словно украдкой, пожилъ съ недѣлю дома и все время былъ въ тревогѣ, то совѣщаясь съ товарищами стрѣльцами, которые вернулись въ Бѣлокаменную вмѣстѣ съ нимъ, то исчезая изъ дома на цѣлыя сутки. Акулиша слышала толки отца съ матерью о какой-то челобитной, о царевнѣ Софьѣ, о боярахъ, и потомъ вдругъ отецъ ушелъ изъ дому, не протѣсясь, сказалъ, что вернется къ обѣду, и не вернулся совѣмъ...

— Да гдѣ же батюшка?—спрашивала Акулина у матери.

— Проклятыхъ дьяволовъ солдатъ противъ нихъ бояре вывели, съ площади ихъ сбили и изъ Москвы выслали! — гнѣвно отвѣчала ей мать.

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— Въ полкъ обратно сосланъ!—отвѣчала мать, какъ бы нехотя, словно стараясь отдѣлаться отъ разспросовъ дочери, и потомъ добавила:—Да нѣтъ же! Шутки шутятъ бояре! Стрѣльцы имъ не дадутся въ руки...

Прошло послѣ этого сколько-то времени, и вдругъ, однажды, мать вернулась съ базара раскраснѣвшаяся, взволнованная, впопыхахъ, и прямо подошла къ дочери...

— Молись, Акулиша! Молись, чтобы Богъ даровалъ нашимъ мужьямъ и братьямъ одолѣніе надъ солдатами да надъ нѣмцами...

Акулиша смотрѣла на мать, ничего не понимая.

— Молись!—крикнула ей мать, хватая ее за руку и насильно ставя около себя на колѣни передъ темною иконою, висѣвшею въ углу родительской опочивальни.

И Акулиша, стоя на колѣняхъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, крестилась и клала земные поклоны рядомъ съ матерью, которая горячо молилась, повторяя безпрестанно:

— Разрази ихъ, Господи! Наведи на нихъ и слѣпоту, и трусь, и морь... Покажи намъ милость свою, да не рекутъ окаянїи: гдѣ есть Богъ ихъ!

Дня три спустя,—три тяжкихъ дня, проведенныхъ Прасковьей въ тревогѣ и непрерывныхъ ожиданїяхъ какихъ-то новостей, по всей Москвѣ разнеслась вѣсть о разгромѣ стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, о гибели многихъ, и о томъ, что всѣ, кто остался въ живыхъ, закованы въ желѣза и рассажены по тюрьмамъ.

Вопль, стоны и раздирающій плачь наполнили всю слободу... Акулиша, напуганная страшными слухами, считала отца своего погибшимъ и оплакивала его горько, неутѣшно... Потомъ ея мать уходила куда-то далеко изъ дома дня на четыре, оставивъ Акулишу на попеченїе ея тетки, и вернулась утѣшенная, обрадованная вѣстью

о томъ, что Сеня, ея мужъ, живъ и даже не раненъ, и что онъ сидитъ съ другими колодниками-стрѣльцами въ подвалахъ Симонова монастыря.

— Охъ, смиловался надъ нами Богъ,—твердила мать дочери.— Не убить и не раненъ, не изувѣченъ; а изъ тюрьмы-то вызволимъ его какъ никакъ...

Начались усиленные хлопоты. Мать исчезала на цѣлые дни и возвращалась домой только къ вечеру, большею частію, съ вѣстями довольно утѣшительными.

— У боярина Петра Абрамовича, у твоего крестнаго, была, въ ножки ему кланялась за Семена-то: общалъ словечко за него князю Ромодановскому замолвить...

Потомъ наступали разочарованія, хлопоты оказывались напрасными; бояринъ Петръ Абрамовичъ, оказывалось, и самъ «въ загонѣ», и самъ ничего не можетъ сдѣлать, и начались хожденія по другимъ боярамъ, подкупы подъячихъ, сторожей и солдатъ, которые охраняли стрѣльцовъ въ Симоновомъ монастырѣ... И опять на нѣкоторое время Прасковья утѣшала себя надеждою на возможность спасти мужа...

— Видѣла его... отца твоего, голубчика мово... видѣла сегодня изъ-за рѣшетки, въ ножки ему кланялась, слезами обливалась... въ хлѣбъ ему грамотку передала, что бояринъ Левъ Нарышкинъ за него хлопотать взялся...

Послѣ этого заявленія, — Акулиша это очень отчетливо и ясно помнила, — мать втеченіе двухъ дней никуда не выходила изъ дома, не говорила ни слова съ Акулишей и все сидѣла взаперти у себя въ опочивальнѣ. На третій день, поднявшись раненько, еще до свѣта, мать пришла къ Акулишѣ и сказала ей какъ-то странно, стараясь не глядѣть ей въ глаза:

— Одѣвайся, да поживѣ! Вмѣстѣ пойдемъ...

— Куда, матушка?

— А туда... Къ боярину Нарышкину во дворъ... За отца просить...

Акулиша стала поспѣшно одѣваться и расчесывать свою чудесную косу. Мать помогала ей и все старалась ее принарядить, приукрасить...

— Надо, чтобы ты боярину приглянулась... Онъ прихотливый такой... Приглянешься, и челобитѣ твое приметь... А не приглянешься, все прахомъ пошло...

И вырядила Акулину, и повела за собой, и все твердила ей во время пути:

— Да будь ты попривѣтливѣе съ бояриномъ... Да ты его не бойся... Да ты помни, что онъ одинъ только и можетъ отца твоего изъ тюрьмы вызволить...

Итакъ запугала Акулишу этими уговорами и предупрежденіями

что та пришла на подворье къ Нарышкину ни жива, ни мертва, и когда дворецкій вышелъ и объявилъ Прасковью, что бояринъ ея челобитья принять не можетъ, Акулиша чуть не расплакалась отъ радости... Спѣша удалиться съ боярскаго двора, спѣша вернуться домой, она сама испытывала то же, что птичка, выпущенная на волю изъ клѣтки... А Прасковья, едва поспѣвавшая за дочкой, была такъ глубоко поражена, такъ удручена своей неудачей, что все время, на пути къ дому, вслухъ говорила сама съ собой, безпрестанно повторяя:

— Не можетъ, и онъ не можетъ! Антихристовъ сынъ пріѣхалъ... Теперь никто не можетъ... Дворецкій говоритъ, что и самому боярину онъ бороду оголилъ... Бороды своей отстоять не могъ, такъ гдѣ ужъ ему другихъ защитить...

И опять пошли хлопоты, заботы, суетливыя исканія новыхъ милостивцевъ, новыхъ способовъ къ спасенію мужа... И опять Акулиша стала по цѣлымъ днямъ, сидя одна-одинѣшенька дома, трепетно ожидать прихода матери и предаваться своимъ юнымъ мечтамъ въ уединеніи излюбленнаго уголка... И ей все чаще и чаще приходило на память одно воспоминаніе изъ недавняго прошлаго, и думалось:

— Вотъ еслибъ Абрамъ Ѳеодоровичъ былъ здѣсь, ужъ батюшку-то навѣрно бы изъ тюрьмы выпустили... О! Абрамъ Ѳеодоровичъ все можетъ... Онъ государыни-царицы братъ родной: ему бы бояре отказать не посмѣли!..

И, развивая далѣе ту же мысль, молодая дѣвушка добавила:

— Да и кто ему отказать можетъ? Въ чемъ? Красавецъ этакій, и умница... Вотъ его, Абрама Ѳеодоровича, я бы сама просить пошла, ему бы все готова была отдать... за батюшку...

И ей припоминалось первое знакомство съ Абрамомъ Лопухинымъ, въ домѣ у его дяди, боярина Петра Абрамовича, который былъ ей крестнымъ отцомъ.

Юный стольникъ, вернувшись съ загороднаго гулянья съ пріятелями и сверстниками, вошелъ въ сѣни съ чернаго крыльца и изъ сѣней прямо въ дѣвичью, гдѣ Акулиша сидѣла съ боярскими сѣнными дѣвухами. Дѣвухи, увидавъ юношу, всѣ съ визгомъ бросились въ рассыпную и попрятались по угламъ, какъ бы вызывая его на игру и шутки... Одна Акулиша осталась на своемъ мѣстѣ и смѣло смотрѣла въ лице Абраму Лопухину.

Онъ обратилъ на нее вниманіе...

— Это чья такая, дѣвочка-красоточка?—сказалъ онъ, поглядывая на Акулишу.

— Твоего дядюшки крестница, Сеникина Акулиша,—смѣясь закричали ему дѣвухи.

— Крестница? Значитъ и мѣ родня!—весело воскликнулъ юноша и, прежде чѣмъ Акулина успѣла оглянуться и опомниться,

онъ подскочилъ къ ней, взялъ ее за плечи и крѣпко поцѣловаль въ уста...

— Будь ты повзрослѣе, я бы никого, кромѣ тебя, любить не сталъ!—шепнулъ юноша раскраснѣвшей Акулишѣ и выбѣжалъ изъ дѣвичьей въ сѣни.

Эти слова юноши, кинутыя имъ на вѣтеръ, этотъ горячій поцѣлуй, сорванный имъ такъ неожиданно и смѣло, его красивая и стройная наружность и ясный соколиный взглядъ, брошенный на дѣвушку, — однимъ словомъ, всѣ впечатлѣнія этой первой встрѣчи съ Абрамомъ Лопухинымъ глубоко запали въ душу Акулишѣ. Она въ мечтахъ своихъ всегда вспоминала о немъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, которому ея молодое, неопытное сердце не умѣло еще подыскать подходящее названіе... Абрамъ, уже почти два года назадъ посланный царемъ въ Италію, не выходилъ у нея изъ памяти и представлялся ей почему-то идеаломъ всѣхъ лучшихъ качествъ мужчины, образцомъ всѣхъ достоинствъ и добродѣтелей...

Нужно ли къ этому добавить, что однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній ея было желаніе еще разъ встрѣтиться съ нимъ, еще разъ взглянуть ему прямо въ очи, еще разъ...

Но что это за шумъ? Кто это воетъ, плачетъ? Кажется, за чостоколомъ, у сосѣдей!... А вотъ и въ домѣ, и на дворѣ...

Акулиша вскочила со своего мѣста и бѣгомъ пустилась къ дому...

А говоръ и плачъ, и вой, и причитанія все слышнѣе и слышнѣе... Вотъ она вбѣжала въ избу и уже на порогѣ увидала свою мать въ толпѣ другихъ бабъ-стрѣльчихъ, которыя вмѣстѣ съ нею выли и плакали, причитая на всѣ лады.

— Голубчики наши, батюшки, кормильцы! Страдалцы горе-мычные, отцы родные! О-о-охъ! Охъ!

— Матушка! Что случилось?—крикнула въ испугѣ Акулиша, пробиваясь сквозь толпу стрѣльчихъ и бросаясь къ матери на шею.

— Охъ, доченька! Охъ, поддержи свою матку, охъ! Видѣла, своими глазами видѣла, какъ ихъ всѣхъ изъ Симонова на подводахъ повезли въ Преображенское, въ розыскъ, по царскому указу.

— Въ розыскъ? Какой розыскъ... что это значить?—проговорила растерянно Акулиша.

— А то и значить, что пытать ихъ стануть, розыскивать,—пояснила Акулишѣ сосѣдка-стрѣльчиха.—Огнемъ жечь, кости имъ на дыбѣ ломать, кнутовьями кожу съ нихъ сдирать, мучить ихъ всѣми муками...

— Да за что же, Господи! За что же!?—въ отчаяніи, со слезами на глазахъ, воскликнула Акулиша.

— За то, что они свою старину отстоять хотѣли, что они царскимъ вѣмцамъ не кланялись, что они отъ своихъ правъ не отступались,—продолжала ей пояснять сосѣдка.

— Мнѣ сказывали, что онъ—тотъ, что царемъ-то нашимъ име-

нуется,—всѣхъ ихъ погубить хочетъ!—воскликнула Прасковья въ какомъ-то страшномъ изступленіи, сжимая кулаки и сверкая глазами.—Кровью ихъ напиться хочетъ, звѣрь ненасытный! Да только пускай же и онъ помнитъ, что у стрѣльцовъ матери, жены, сестры, дочери останутся и сумѣютъ за нихъ отомстить ему, окаянному!..

— О-охъ, тошныя, охъ, страшныя времена! Куда мы дѣнемся, сироты безпокровныя, какъ лютый звѣрь-то ихъ растерзаетъ—охъ! Погибли тогда наши головушки безталанныя!

И вопли отчаянія, и горькія слезы,—слезы несчастныхъ, обездоленныхъ женщинъ, смѣшались съ громкими и страшными проклятіями, которыя сыпались на голову суроваго царя Петра, умолимаго, какъ смерть, неотразимаго, какъ судьба.

VIII.

Въ низкихъ, тѣсныхъ и темныхъ покояхъ стараго Преображенскаго дворца съ самаго ранняго утра толпились всякаго званія люди. У каждаго было свое дѣло, свое челобитье къ царю, который долженъ былъ скоро выйти изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную. Скудныя красноватые лучи солнца, которое еще не успѣло высоко подняться надъ горизонтомъ, проникая въ узкія, рѣшетчатые окна дворца, причудливо освѣщали эту пеструю, разнохарактерную толпу, погруженную въ глубокое молчаніе, проникнутую тревожнымъ ожиданіемъ царскаго выхода... Лишь очень немногіе изъ присутствующихъ позволяли себѣ на ушко перешептываться съ сосѣдомъ-пріятелемъ.

— Чего онъ тутъ насъ томить?—говорилъ одинъ весьма почтенный старый стольникъ, обращаясь къ стоявшему съ нимъ рядомъ купцу.—Ей-ей, моченьки нѣтъ стоять! Душина тутъ такая, что вотъ если часъ еще тутъ простою,—не выдержать будетъ.

— Часъ-то еще навѣрно простоишь,—сказалъ пріятель-купецъ.—Говорятъ, онъ только еще недавно изъ дворца вышелъ да по застѣнкамъ пошелъ—судей провѣрять да пытокъ досматривать...

— Тссъ! Чтò ты, чтò ты!—прошепталъ въ испугѣ стольникъ.—Такое непутное сказываешь, когда тутъ ушей такъ много...

И стольникъ боязливо оглянулся на окружающую толпу.

— Въ четырнадцати застѣнкахъ работаютъ,—шептались двое какихъ-то посадскихъ въ другомъ углу пріемной.—Заплечныхъ мастеровъ изо всѣхъ подмосковныхъ городовъ сюда обрали...

— Здѣсь пытаются и допрашиваютъ, а въ городѣ по площадямъ да по базарамъ подслушиваютъ—будь имъ пусто!

Въ то время, какъ въ пріемной стояли, выжидая, просители и боязливо перешептывались между собою для препровожденія времени, въ сосѣдней комнатѣ собрались бояре и тоже вполголоса вели

между собою бесѣду, въ ожиданіи царя, которому они должны были подать доклады.

— Скажи, пожалуй, что бы это значило?—спрашивалъ князь Троекуровъ у Куракина:—у Ромодановскаго рука въ повязкѣ? Медвѣдь, что ли, ему на травлѣ руку-то помялъ?

— Какой медвѣдь? Неужто ты не знаешь? Вчера случилось дѣло за столомъ... У Лефорта на обѣдѣ... Выпито было много, и, признаться, въ головѣ у всѣхъ шумѣло... Вдругъ царь на Шеина набросился—давай его корить посулами... Тотъ такъ и этакъ, вилать... А царь-то выбѣжалъ да справился въ своей запискѣ, сколько Шеинъ въ полковники за деньги вывелъ, и вдругъ со шпагой кинулся на Шеина. Ну, всѣ, вѣстимо, разнимать... А онъ кричитъ: убью мерзавца, обманщика, посульщика! Князь Юрій за руку и ухвати царя,—а тотъ его съ размаха по рукѣ... Чуть чуть всѣхъ пальцевъ не отсѣкъ... Досталось и Лефорту, и Зотову, да ужъ спасибо Меншикову Алексашкѣ, тотъ выручилъ: сумѣлъ унять царя и гнѣвъ утишить...

— Новый любимецъ царскій,—процѣдилъ сквозь зубы Троекуровъ:—безъ роду, безъ племени...

— А гляди-ка, какъ умѣетъ ладить съ нимъ!.. Особенно теперь, когда къ нему никто и приступить не смѣетъ. Всѣмъ голову сорвать готовъ! Такъ и пышетъ гнѣвомъ!

— А что, князь Ѳедоръ?—говорилъ, обращаясь къ Ромодановскому, бояринъ Шереметевъ.—Далеко-ль въ розыскѣ ушли? Добились ли чего?

Ромодановскій повернулъ къ нему свое хмурое и недовольное лице и проговорилъ съ нескрываемой досадой:

— По правдѣ, по дружбѣ, тебѣ скажу, что не добились ничего.. Всѣ, какъ одинъ, стоятъ на томъ, что «виноваты де и Богу и государю», а подстрекателей и зачинщиковъ не выдаютъ и о высокой персонѣ до сихъ поръ словечкомъ не обмолвились...

— А вѣрно ни кнутовья, ни дыбы, ни огня вы не жалѣли? Да ужъ, видно, ихъ не скоро проймешь!...

— Чего и понимать?—мрачно перебилъ князь-кесарь.—Знаютъ и такъ, что никому изъ нихъ отъ плахи да отъ петли не уйти...

Въ это время дверь изъ внутреннихъ покоевъ отворилась настежь, и царь Петръ быстрыми, большими шагами вошелъ въ комнату, держа въ рукахъ какую-то бумагу, которую онъ быстро и жадно пробѣгалъ глазами. Его смуглое, выразительное лице (сильно похудѣвшее и осунувшееся за послѣднее время) подергивалось легкими судорожными движеніями... На высокомъ челѣ ясно проступала зловѣщая морщина надъ правымъ глазомъ.

Бояре встрѣтили царя низкимъ поклономъ и смолкли въ ожиданіи бури...

Царь дочиталъ бумагу до конца и вдругъ вскинулъ на бояръ пламенными очами.

— Кланяйтесь вы всѣ горазды... всѣ! На видъ—всѣ слуги вѣрные!—съ горечью проговорилъ Петръ.—А каждый изъ васъ продать меня готовъ,—не хуже послѣдняго холопа!

Бояре молча стояли передъ Петромъ, изрѣдка переглядываясь между собой, и ожидая, на кого обрушится царскій гнѣвъ...

— Куда ни обернусь — обманы, подкупъ, мирволенье роднѣ, грабежъ казны государственной, посулы,—мерзость и запустѣніе! И еще дивитесь, что я къ вамъ суровъ! Да такъ ли съ вами вѣдаться нужно? Вотъ тутъ доносъ на одного изъ вашей братьи... И если въ немъ только десятая доля правды, такъ его повѣситъ мало!

Петръ съ озлобленіемъ швырнулъ бумагу на столъ и заходилъ по комнатѣ тяжелыми шагами. Потомъ, остановившись посрединѣ, проговорилъ громко, какъ бы отвѣчая на какой-то свой внутренній запросъ:

— Ну, да не уйдетъ онъ отъ меня! Да и никто не уйдетъ... А теперь есть поважнѣе дѣла! Кто здѣсь съ докладами?

Трое изъ бояръ выступили впередъ и подали доклады государю.

— Посмотрю, и завтра возвращу съ помѣтками, — сказалъ Петръ: — а теперь ступайте въ приемную и принимайте челобитныя... Я сегодня не выду, мнѣ надо съ княземъ-кесаремъ здѣсь остаться наединѣ.

Всѣ бояре тотчасъ удалились, и князь-кесарь остался съ глазу на глазъ съ государемъ.

— А скажи-ка ты мнѣ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, — сказалъ Петръ, присаживаясь на столъ, складывая руки на груди и устремляя взоръ прямо въ очи князю-кесарю:—скажи-ка ты мнѣ, почему ты одни доносы принимаешь, а другіе подъ сукно кладешь?

— Мало ли ихъ подаютъ? — спокойно отвѣчалъ Петру князь-кесарь.—Не всѣмъ же вѣру давать! И то ужъ про тебя толкуютъ въ народѣ, что «Богъ любить праведника, а ты любишь ябедника»...

— Я тебѣ довѣрилъ вести весь розыскъ, такъ ты обязанъ во все вникать, всѣхъ слушать! Всюду правды искать...

— Ну, и ищу, и убиваюсь надъ твоимъ розыскомъ,—рѣзко отвѣтилъ Ромодановскій.—Скажи: коли въ чемъ слукавилъ...

— Да ты не вилай хвостомъ, старая лиса!—крикнулъ, вспливы, Петръ,—а прямо мнѣ отвѣть, почему не разсмотрѣлъ доноса Митьки Алтынова? Почему?

— А потому, что считаю вздорнымъ...

— Да какъ ты смѣешь такъ считать, коли ты по этому доносу не розыскалъ, не дозналъ, не досмотрѣлъ? И какъ ты до того допустилъ, что тебѣ вздорные доносы смѣютъ подавать? Или позабылъ, что доносчику первый кнутъ?

— Да вѣдь, чтобы дознать, государь, я долженъ былъ бы взять въ розыскъ всю служню твоихъ государевыхъ сестеръ, и самихъ царевенъ допрашивать... Самъ посуди,—оправдывался Ромодановскій.

— Такъ что же? Я тебѣ далъ власть, а ты не смѣешь допросить моихъ сестеръ? Не дерзаетъ даже и служню ихъ взять въ розыскъ?... Это ли служба, которой я жду отъ тебя? Или ты меня не понялъ, не уразумѣлъ, что я тебѣ сказалъ: никого не пощажу, ни передъ чѣмъ не остановлюсь, лишь бы дознаться правды!...

— Да вотъ же, государь—самъ изволишь видѣть, самъ по застѣнкамъ ходишь,—развѣ щадимъ мы ихъ, развѣ не пытаемъ на смерть; а о царевнѣ Софьѣ изъ трехсотъ человѣкъ ни одинъ словечкомъ не обмолвился... Какъ же тутъ Алтынову вѣрить, что стрѣльцы въ сношеніяхъ съ царевной были?

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ лучше, какъ ему не вѣрить, когда онъ берется указать постельницу царевенъ, которая носила письмо Софьи въ стрѣлецкую слободу? Вотъ, если всѣхъ постельницъ переберешь, и если онъ не укажетъ, тогда я его тебѣ же головою выдамъ, и дѣлай ты съ нимъ, что хочешь...

— Твоя воля, государь! Приказывай—исполню! — съ нескрываемымъ недовольствомъ проговорилъ Ромодановскій.

— Да, да! теперь я точно прикажу, и ты исполнишь! — настойчиво сказалъ Петръ.—Теперь ужъ я самъ распоряжусь... Эй, кто тамъ есть?

Въ комнату вошелъ высокій, статный юноша, въ мундирѣ сержанта Преображенскаго полка.

— А, это ты Алексаша?—ласково обратился къ нему царь и потомъ добавилъ, обращаясь къ князю-кесарю:

— Вотъ за этого я поручусь... Вѣрный рабъ, въ немъ же лести нѣсть! Все исполнить, что прикажу... Скажу ему: руби головы, и станетъ рубить! Вѣрно ли, Алексаша?

— Коли прикажешь, государь, срублю—и глазомъ не сморгну!—смѣло отвѣтилъ царскій любимецъ, не сводя глазъ съ царя.

— Ну, такъ ступай и приведи мнѣ человѣка, что ждетъ въ сѣняхъ моего приказа.

Меншиковъ вышелъ и черезъ минуту вернулся съ Митькой Алтыновымъ, который вошелъ въ дверь какъ-то бокомъ и не безъ смущенія сталъ около притолки, исподлобья бросая безпокойные, недовѣрчивые взгляды то на царя, то на князя-кесаря.

— Ты въ своемъ доносѣ пишешь, что берешься указать ту постельницу царевенъ, которая будто бы послана была съ письмомъ царевны Софьи въ Лубянскую слободу? — грозно произнесъ Петръ, пристально взглядываясь въ понурую и сумрачную фигуру доносчика.

— Берусь!—отвѣчалъ Митька глухо.

— Берешься отыскать и ту стрѣльчиху, которой постельница письмо передала для относа стрѣльцамъ?

— Берусь, вѣстимо! Ни той, ни другой назвать не умѣю, а въ лице какъ увижу, сейчасъ и признаю!—подтвердилъ Митька, переминаясь съ ноги на ногу.

— Такъ вотъ, Алексаша,—сказалъ Петръ, обращаясь къ Меншикову,—бери команду, ступай въ теремной дворецъ, обирай всѣхъ постельницъ у сестеръ-царевенъ и у моей жены, и всѣхъ вези сюда наспѣхъ... Чтобы къ полудню всѣ здѣсь были въ сборѣ...

— Слушаю, государь! — быстро проговорилъ Меншиковъ, торопливо направляясь изъ комнаты въ сѣни.

— Всѣ въ сборѣ?... Половина, чай, помретъ со страха, какъ узнаютъ, что въ Преображенское везутъ? — проворчалъ Ромодановскій съ досадою.

— А ты, князь-кесарь,—обратился Петръ къ Ромодановскому, прикидываясь, что не слышитъ его замѣчанія, — возьми-ка этого молодца, да припрячь его покамѣсть, чтобы съ постельницами съ очей на очи свести... А когда онъ постельницу укажетъ, тогда его отправить съ надежными ребятами стрѣльчихъ смотрѣть по слободамъ...

Ромодановскій захопалъ въ ладоши. Изъ сѣней явились на зовъ два дюжихъ вершника, которымъ князь-кесарь кивнулъ головой на Митьку и пробурчалъ:

— Подъ замокъ, въ ближнемъ подпольѣ.

Вершники разомъ подхватили Митьку подъ руки и мигомъ исчезли съ нимъ за дверью.

Петръ усмѣхнулся вслѣдъ имъ и проговорилъ, обращаясь къ князю-кесарю:

— Команда у тебя исправная... Чай, тоже и у этого гуся душа-то въ пятки ушла...

Потомъ, пройдясь еще нѣсколько разъ по комнатѣ, Петръ остановился рядомъ съ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ и сказалъ:

— Тогда лишь успокоюсь, когда дознаюсь, что не было подсылокъ со стороны Дѣвичьяго монастыря!... Что и сестрица рѣдвая забыла о старинѣ, когда она, бывало, пойдетъ на богомолье и въ храмъ слушаетъ, какъ пѣвчіе поютъ: «Спаси Господи, люди твоя»,— а на паперти ея же пособники на насъ ножи точатъ! Нѣтъ! Будеть ужь... Потѣшилась!

Петръ провелъ рукою по лбу, какъ будто стараясь отдѣлаться отъ какой-то тревожившей его мысли... Вдругъ раздались чьи-то спѣшные шаги въ сѣняхъ, и дьякъ Иванъ Безсоновъ, приземистый и дородный мужчина съ очень краснымъ и полнымъ лицомъ, въ величайшихъ попыхахъ вбѣжалъ въ комнату.

— Государь!—чуть не крикнулъ онъ, подходя къ Петру и едва переводя духъ:—открыли вѣдь мы... открыли...

— Что открыли? Что? Говори толком! — крикнулъ царь, быстро оборачиваясь къ Безсонову.

— Стрѣлецкій десятникъ, Сенька Уховъ, изъ Лубянской слободы, съ третьяго огня сознался, что носилъ письмо царевны въ Великія Луки... къ товарищамъ!

— А!?—протянулъ многозначительно Петръ, сверкая глазами.— Вотъ какъ! Ну, теперъ что ты скажешь, князь-кесарь?

И онъ пристально посмотрѣлъ на Ромодановскаго, который насутился и не отвѣчалъ ни звукомъ на его вопросъ.

— Ну, да теперъ время некогда терять! Сейчасъ пойду и самъ допрошу того стрѣльца! Ты, князь-кесарь, всѣхъ постельницъ, какъ приведуть ихъ, допроси съ пристрастіемъ.. И если станутъ запираяться,—всѣхъ подъ одно греблò, всѣхъ перепытай!... А потомъ, запасшись здѣсь уликами, поѣду самъ допрашивать сестрицъ-царевенъ... По ниткѣ до клубка дойдемъ!

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи дьяка Безсонова, который бѣгомъ бѣжалъ за нимъ, указывая ему путь къ одному изъ застѣнковъ...

IX.

Сѣренькое сентябрьское утро заглянуло уже давно въ небольшія оконца царицыной опочивальни въ Теремномъ дворцѣ, пропуская тусклые лучи свѣта сквозь частый свинцовый перешлетъ слюдяныхъ оконницъ; къ ранней обѣднѣ уже отблаговѣстили въ кремлевскихъ соборахъ; постельницы и дневальныя боярыни царицы успѣли уже насидѣться въ ея передней и перебрать всѣ городскіе и дворскіе слухи и сплетни, а государыня Евдокія Феодоровна все еще не поднималась со своего ложа.

— Что бы это значило?—переговаривались между собою и постельницы, и боярыни.

— Никогда съ ней прежде того не бывало, чтобы раннюю обѣдню проспала... И не запомнимъ.

— Ужъ не понедужилось ли?.. Грѣхъ какой не приключился ли?.. Она и такъ ужъ всѣ эти дни недомогала... а тутъ еще какъ эти бабы-то знахарки у нея побывали, и того хуже ей стало...

— Право, не заглянуть ли къ ней? Не окликнуть ли, или хоть подъ дверью не пошевелить ли чѣмъ? А то еще въ отвѣтъ будешь, пожалуй...

— И-и-и! Въ какомъ отвѣтъ? Съ царицей что ни приключись, никто и не спросить... А самъ-то небось еще радѣшенекъ былъ бы, кабы его Богъ съ нею развязалъ. О-о-охъ!

И всѣ эти женщины, которыхъ еще не успѣла разогнать гроза, надвигавшаяся на царицу, охали и вздыхали, ничего не предпринимая, подходили на цыпочкахъ къ дверямъ опочивальни, осто-

рожно прислушивались, прилагая ухо къ дверной скважинѣ, и опять принимались за свои толки, пересуды и вздохи, въ ожиданіи обычнаго оклика проснувшейся царицы Евдокіи Феодоровны...

Но боярыни и постельницы ошибались: царица давно не спала, хотя и лежала недвижно на своемъ широкомъ супружескомъ ложѣ, уткнувши лице въ пуховое изголовье и запустивъ тонкіе пальцы бѣлыхъ полныхъ рукъ въ густыя пряди своихъ распустившихся волосъ. Третьи пѣтухи еще не пропѣли, какъ она уже проснулась, очнувшись отъ страшнаго сна, который ужъ третью недѣлю грезилъ ей каждую ночь, съ ужасающею ясностью образовъ и поразительною отчетливостью подробностей возстановляя въ ея памяти объясненіе съ грознымъ мужемъ-царемъ въ домѣ почтмейстера Винюса. И вотъ съ тѣхъ поръ, переживая все тѣ же ощущенія, передумывая до одуренія все тѣ же страшныя думы, царица Евдокія лежала не шевелясь, въ какомъ-то полудремотномъ, полусознательномъ состояніи, далекая отъ всѣхъ житейскихъ побужденій и помысленій, погруженная въ свое безысходное, тяжелое, гнетущее горе, какъ въ непроглядную мглу бездонной глубокой пропасти. Она съ отвращеніемъ думала о томъ, что ей опять придется встать и волей-неволей вступить въ ту противную, до смерти надоѣвшую ей колею дворцовой жизни, которая представлялась ей теперь какимъ-то временнымъ тюремнымъ заключеніемъ, какимъ-то послѣднимъ искусомъ передъ вступленіемъ въ невѣдомое и мрачное грядущее, полное мукъ, страданій и лишеній. Она знала, что каждый шагъ ея, каждый взглядъ, брошенный вокругъ на всю эту давно знакомую ей обстановку теремныхъ покоевъ, каждое слово окружающихъ ее женщинъ и приближенныхъ людей будутъ ей напоминать о томъ, что она не болѣе какъ временная гостыя въ этихъ стѣнахъ, что она не царица, не раба нѣжная своего господина и повелителя, а отверженная, несчастная, всѣми покинутая женщина, обреченная на трепетное ожиданіе послѣдняго удара, который уже виситъ у нея надъ головой...

— Зачѣмъ вставать, зачѣмъ и жить-то мнѣ? Зачѣмъ опять въ люди выходить? Въ глаза всѣмъ смотрѣть, и себя обманывать, и имъ лгать... Какъ въ чаду бродишь, съ утра, не зная гдѣ къ вечеру приклонишь голову?..

Не шевельнулась она и тогда, когда первый ударъ колокола раздался съ Ивановой колокольни и гулко пронесся надъ Теремнымъ дворцомъ. Рука ея не подымалась, чтобы сотворить крестное знаменіе—мысль о Богѣ, въ эти нескончаемыя минуты томленія и душевныхъ терзаній, была далека отъ изнемогшей души... Колоколь этотъ возвѣщалъ ей не часъ молитвы, а начало постылаго дня, который долженъ былъ принести съ собою рядъ новыхъ оскорбленій, новыхъ ожиданій, новыхъ мукъ, новыхъ опасеній.

«Богъ!!—думала она съ горечью.—Богъ забылъ меня горемыч-

ную, раньше смерти предалъ меня на муку, на истязаніе, на по-смѣхъ ему... Не доходчивы мои молитвы до Его престола... не услышаны... и Богомъ забыта, и Богъ не защититъ, не укреотъ меня отъ *его* злобы, отъ *его* ярости».

И воображенію ея вдругъ представился Петръ такимъ, какимъ онъ ей явился при послѣднемъ свиданіи въ домѣ у Виніуса: грозный, пылающій гнѣвомъ, съ молніями во взглядахъ, онъ стоялъ передъ нею, разъяренный, бѣшенный, неумолимый, и прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ говорилъ ей:

— Моли ты Бога за того, кто меня отъ тебя остудилъ... Кабы не то, не такъ бы я съ тобой разговаривалъ... Я бы тебя...

И страшныя судороги, подергивавшія и искривлявшія лице его, лучше словъ дополняли и выражали высказанную имъ мысль.

— Покорись, повинуйся мнѣ!—продолжалъ онъ, совладавъ съ своимъ бѣшенымъ порывомъ.—Уступи, не то изломаю, съ лица земли сотру!.. Не постую ни передъ чѣмъ... Не пощажу, коли ужъ ты мнѣ опостылѣла!

«Да! Онъ не пощадитъ, онъ не пожалѣетъ... Онъ весь обусурманился... Онъ...

Но усиленныя покашливанья у дверей опочивальни и какое-то тревожное перешептыванье заставили, наконецъ, царицу Евдокію выйти изъ ея тягостнаго, полудремотнаго состоянія и окликнуть боярынь и постельницъ, которыя тотчасъ отворили двери и, съ поклонами вступая въ опочивальню, спѣшили помочь царицѣ въ ея утреннемъ туалетѣ. При этомъ одна изъ боярынь сообщала ей, что сыночекъ государыни, царевичъ Алексѣй Петровичъ, «тревожно почивать изволилъ», и съ утра все къ государынѣ на половину просится.

— Такъ отчего же не ведутъ его? Пусть приведутъ... Сходите, передайте мой приказъ боярынь-мамѣ, а я пойду пока въ моленную...

И вошла въ узенькій и тѣсный покойчикъ около опочивальни. Единственное окошечко его, выходившее на теплыя сѣни, было завѣшено, и моленная была освѣщена только красноватымъ свѣтомъ лампадъ, которыя горѣли передъ иконами, отражаясь ярко-блестящими бликами и разноцвѣтными искрами на богатыхъ окладахъ и вѣнцахъ, усаженныхъ каменьями. Царица Евдокія, въ томъ же полусознательномъ состояніи отупѣнія и равнодушія ко всему окружающему, опустила передъ аналоемъ, на которомъ лежалъ животворящій крестъ съ частицей мощей, подняла руку для крестнаго знаменія, и не могла припомнить словъ своей обычной утренней молитвы, не могла отвлечься отъ страшныхъ образовъ, всю ночь не давшихъ ей покоя... Ей хотѣлось произнести: «спаси и сохрани», а ея уста, не повинувась ей, шептали:

— Не спасетъ, не услышитъ, не сохранитъ отъ его злобы, отъ его ярости...

И рука ея опустилась невольно, и голова поникла, а потускнѣвшія очи, пристально устремленныя въ дальній и темный уголь моленной, словно застыли, безъ мысли, безъ движенія, безъ жизненнаго блеска... Царица Евдокія впала снова въ то же оцѣпенѣніе, въ которомъ она провела большую часть ночи и все утро наступавшаго дня. Она не слыхала даже, какъ тихо скрипнула дверь моленной, и царевичъ Алексѣй, блѣдный и перепуганный, въ нерѣшительности остановился на порогѣ.

— Не ходи туда, батюшка! Не гоже, не ходи! Не мѣшай матушкѣ-царицѣ на молитвѣ! — слышались изъ-за двери шепотомъ произносимыя предостереженія мамы и боярынь.

— Она не молится!—какъ бы про себя прошептала мальчикъ, и еще мгновеніе простоялъ въ нерѣшительности.—Мама! — вдругъ крикнулъ онъ, стремительно бросаясь къ матери.

Евдокія Θεодоровна вздрогнула и сразу очнулась отъ своего оцѣпенѣнія, вскочила на ноги и бросилась страстно обнимать сына, который расплакался, уткнувъ лице въ складки ея мягкой шелковой фѣрязи.

— Алѣшенька! Голубчикъ! Что съ тобой?

— Мама! Прогони ихъ... Куда... куда они везутъ меня? Я не хочу...

И онъ зарыдалъ пуще прежняго.

— Кто тебя напугалъ? Куда везутъ? — прошептала царица, трепетно цѣлуя и лаская своего сына, и вопросительно обводя испуганнымъ взглядомъ своихъ боярынь и постельницъ, столпившихся въ дверяхъ моленной.

— Матушка царица!—печально заговорила боярыня-мама, едва сдерживая слезы, которыя слышались въ ея голосѣ. — Приспѣлъ для тебя часъ разлуки съ дорогимъ твоимъ дѣтищемъ...

— Разлуки? Да ты въ своемъ ли умѣ?.. Кто смѣетъ мать съ сыномъ разлучить!—крикнула царица во весь голосъ.—Кто?! Покажи мнѣ его, покажи разлучника проклятаго!

И она, сверкая глазами, крѣпко обхватила царевича, прижимая его къ груди своей.

— Матушка-царица! Великій государь Тихона Никитича съ боярами... прислалъ; хотѣли увести его прямо, съ тобой не повидавшись, по царскому приказу... Да царевичъ испугался, вырвался и убѣжалъ къ тебѣ...

— Не отдамъ! Скажи имъ: не отдамъ я сына! — кричала царица, сама не сознавая, что она говоритъ, не вполне понимая то, что ей говорятъ.

Царевичъ, ободренный ея словами, пересталъ плакать и оглянулся на боярыню-мату.

— Такъ изволь сама къ нимъ выйти, государыня! А я царскаго приказа смѣю ли послушаться?.. Вонъ они сюда пришли...

Не выпуская сына изъ тѣсныхъ объятій, царица быстро вышла изъ моленной въ комнату и почти наткнулась на Тихона Никитича Стрѣшнева, который выступилъ отъ дверей на середину комнаты. Изъ-за его спины, около дверей, видны были еще двое бояръ и двое стольниковъ съ гладко-выбритыми бородами.

— Государыня!—сказаль, почтительно кланаясь, Стрѣшневъ.— Мы присланы отъ государя Петра Алексѣевича, супруга твоего, взять у тебя царевича Алексѣя Петровича и отвезти его къ государынѣ-царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Не учинись волѣ государевой противна и ослушна, ибо онъ приказаль сказать тебѣ: буде къ полудню царевичъ не будетъ у царевны, онъ самъ за нимъ пріѣдетъ и возьметъ его...

— Самъ пріѣдетъ... самъ возьметъ?—прошептала царица, чувствуя, что при этой угрозѣ у нея холодѣетъ на сердцѣ и руки опускаются безсильныя. Въ ухахъ ея все еще звучали грозныя слова Петра: «уступи, не то изломаю, съ лица земли сотру!».

Прошла минута тяжелаго, нерѣшительнаго молчанія. Старикъ Стрѣшневъ ждалъ отвѣта царицы, тревожно перебирая свою бороду, пощаженную неумолимыми ножницами Петра; а царица, на смерть перепуганная, блѣдная, дрожащая, все еще держала сына трепетными руками, обводя кругомъ неопредѣленный, блуждающій взглядъ и, видимо не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ.

— Мама! — вдругъ проговорилъ царевичъ Алексѣй.— Поѣзжай и ты со мною... Одинъ я боюсь!

Эти слова ребенка ножемъ кольнули въ сердце несчастной матери. Завѣса разомъ упала съ глазъ ея: она увидѣла себя на краю пропасти, увидѣла, что влечетъ за собою и свое любимое дитя, и вдругъ затряслась всѣмъ тѣломъ и залилась слезами, закрывъ лице одной рукою, а другой все еще крѣпко держа сына. Боярыня, опасаясь обморока, бросились къ царицѣ съ обѣихъ сторонъ и подхватили ее подъ руки. Но она отшатнулась отъ нихъ, опустилась на колѣни передъ сыномъ, обняла его, рыдая, и проговорила тихо:

— Прощай, прощай, голубчикъ мой! Не забывай, не забывай своей матери... своей...

Она договорить не могла, поцѣловала еще разъ царевича и поклонилась ему до земли. Тихія, сдержанныя рыданія раздались въ толпѣ женщинъ, окружавшихъ царицу. Самъ старикъ Стрѣшневъ не могъ вынести этого тягостнаго прощанія и поспѣшилъ воспользоваться удобной минутой общаго тихаго горя.

— Ну, и вотъ... Ну, и вотъ... вотъ и простился государь-царевичъ съ матушкой-царицей. Ну, вотъ и поѣдемъ! Боярыня-мама! тебѣ приказано туда же ѣхать...

И, крѣпко ухвативъ царевича за руку, Стрѣшневъ отвелъ

его отъ матери, которая все еще стояла на колѣняхъ и не спускала съ сына своего пристального, какъ бы застывшаго взгляда.

— Богъ дастъ, увидите еще!—проговорилъ Стрѣшневъ.—Прощенья просимъ, государыня.

И, спѣшно поклонившись царицѣ, старый бояринъ быстро направился къ двери, уводя за собою царевича, который былъ чрезвычайно удивленъ перемѣной, происшедшей въ настроеніи матери, и никакъ не могъ разобраться въ томъ, что происходило передъ его глазами... Онъ только еще разъ, на ходу, ѣскаоса оглянулся на царицу, какъ бы вопрошая ее, какъ бы зывая къ ней въ послѣдній разъ о помощи и защитѣ,—но тутъ дюжіи молодой стольникъ подхватилъ его на руки, и царевичъ скрылся за дверью.

X.

Съ тѣхъ поръ, какъ начался въ застѣнкахъ села Преображенскаго страшный розыскъ надъ стрѣльцами, Прасковья Сениха жила только одной мыслью, однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ—жаждою мести, которая не давала ей ни сна, ни покоя, отбивала ее отъ пищи, заставляла забывать объ всемъ... Едва поднявшись съ постели и кое-какъ справивъ домашнія работы, Прасковья уходила изъ дома и все утро бродила по стрѣлецкимъ слободамъ, по люднымъ московскимъ крестцамъ и базарамъ, прислушиваясь къ толкамъ, собирая слухи, разузнавая о томъ, что творилось въ разныхъ концахъ Москвы. Ея сердцу, переполненному желчью и злобой, любо было слышать все то, что говорилось всюду въ народѣ о Петрѣ и его «приспѣшникахъ-бусурманахъ», о боярахъ-предателяхъ, которые Петру и вѣмцамъ весь православный русскій народъ предали, а душу свою чорту заложили. Она видѣла всюду озлобленныя лица, чужла въ толпѣ то недовольство и затаенное броженіе, которыя часто приводятъ къ страшнымъ взрывамъ и находятъ себѣ удовлетвореніе въ дикихъ, разнузданныхъ проявленіяхъ своеволия, въ потокахъ слезъ и крови... Нерѣдко случалось, что, пробродивъ цѣлое утро по улицамъ Москвы, Прасковья возвращалась домой, не распродавъ изъ своего лукошка и половины пироговъ, съ которыми вышла поутру на торгъ и раздавала эти пироги нищей братіи, ожидавшей у воротъ ея дома... Раздавала, а сама приговаривала:

— Помолитесь за раба Божія Симеона, да просите Господа, чтобы разразилъ онъ бусурмановъ окаянныхъ и лишилъ бы ихъ части въ семъ свѣтѣ и въ будущемъ.

— Разрази, Господи, табашниковъ проклятыхъ!—вторила Сенихѣ одѣляемая ею нищая братія, закладывая за щеки и за пазуху ея пироги съ печенкой и съ кашей.

По вечерамъ, въ домѣ Сенихи собирались сосѣдки-стрѣльчихи,

закаживалъ и Ѳеодоръ Пустынный съ товарищами, приходили еще какія-то знахарки, съ которыми сводилъ Сениху Ѳеодоръ Пустынный, юродивые и «волосяничники», проповѣдывавшіе о близости свѣтопреставленія. И здѣсь, среди сокрушеній и воздыханій объ участи «невинныхъ страдальцевъ», среди оживленныхъ разсказовъ о лютыхъ истязаніяхъ и мукахъ, ими претерпѣваемыхъ въ Преображенскихъ застѣнкахъ, лились рѣкою рѣчи о томъ, чего можно было желать и ожидать отъ ближайшаго будущаго, чѣмъ можно было мстить главному виновнику всѣхъ бѣдъ и напастей—ненавистному царю Петру...

Дня три спустя послѣ того, какъ царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ взятъ отъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны и отвезенъ къ царицѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, въ домъ Сенихи подъ вечерокъ собрались всѣ ея обычные завсегдатаи и собесѣдники. Въ обширной и нарядной избѣ набралось такъ много народа, что нигдѣ на лавкахъ и мѣста не было, и раскраснѣвшаяся Акулиша едва поспѣвала всѣхъ обносить малиновымъ квасомъ и паточнымъ медомъ, которые особенно вкусно умѣла варить Прасковья Сениха.

— Акулиша! Доченька!—приказывала Сениха, сидѣвшая подъ образами въ переднемъ углу,—поднеси-ка еще отцу Ѳеодору, да и отца Игнатія не забывай.

— О-охъ! Нѣтъ, мати праведная, хозяйюшка привѣтливая!—заговорилъ Ѳеодоръ Пустынный, умильно поглядывая на жбанъ съ медомъ, который подносила ему Акулина. — Нѣтъ, нѣтъ, увольъ отъ угощенія! Непривычны мы съ отцемъ Игнатіемъ... Въ пустынѣ-то у насъ вѣдь только одна ключевая водица изъ студенца по гнилой колодѣ бѣжить...

— Ну, то въ пустынѣ, а здѣсь кушай на здоровье, чѣмъ угостить могу!—проговорила Сениха. — Любимый это былъ напитокъ моего Сѣнющки! — добавила она со вздохомъ. — О-охъ, горюшко мое, горе неизбытное...

— А давно ли вамъ, болѣзныя, оттуда приносили вѣсточки, изъ застѣночковъ?—спросилъ отецъ Игнатій, болѣе извѣстный въ Москвѣ подъ прозваніемъ *Босою*.

Вопросъ былъ обращенъ ко всѣмъ стрѣльчихамъ, и въ отвѣтъ послышались только глубокіе вздохи и тихія всхлипыванья...

— Давно, охъ, давно ужъ ничего объ ихъ мукахъ мученическихъ не знаемъ, не слыхали,—зашептали въ разныхъ углахъ стрѣльчихи, печально подпирая щеку рукою и отирая слезы.

— Сегодня вечеромъ хотѣлъ ко мнѣ человѣчекъ съ вѣсточкой оттедова зайти, — проговорила Прасковья, поглядывая на стрѣльчихъ и на отца Игнатія.

— Плачете и рыдаете,—внушительно проговорилъ отецъ Игнатій, складывая руки на груди, — и не однѣ плачете... Плачутъ и царскія сѣмена... Въ горѣ великомъ и сокрушеніи пребываютъ!..

— Какія же это царскія сѣмена? — спросила Прасковья. — Я что-то въ толкъ не возьму твоихъ словъ, отче...

— Какъ? Или забыла благовѣрную государыню нашу царевну Софію Алексѣевну, въ заточеніи пребывающую, или забыла мать неутѣшную, царицу Евдокію, съ сыномъ царевичемъ разлученную, супругомъ презрѣнную и покинутую, постриженіемъ угрожаемую и въ скорбѣхъ испытуюмую...

— Охъ, да! Да! Шутка ли... Правильно говоритъ отецъ Игнатій, правильно припомнилъ и въ царской семьѣ сострадалицъ и богомолицъ нашихъ,—заговорили стрѣльчихи.

— Сольстили вѣмцы окаянные того, кто царемъ Петромъ себя именуеть,—продолжалъ Босой,—обратили его въ злохщнаго львищица, терзающаго братій нашихъ стрѣльцовъ за ихъ крѣпкое некрушимое стоятельство въ защиту вѣры истинной и старины стародавней родительской.

— Охъ, такъ, такъ, касатикъ... Страдальцы наши горькіе, горемычныя!—послышались отовсюду среди рыданій возгласы женщинъ.

Вдругъ Ѳедоръ Пустынный вскочилъ со своей лавки и, обвѣдя всѣхъ присутствующихъ однимъ общимъ умиленнымъ взглядомъ, поднялъ торжественно руки.

— Горькія вы, несчастныя вы, обездоленные! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Плачьте больше, слезами разливайтесь, углубляйте рыданія! Угодны слезы ваши Господу! Онъ просвѣтилъ меня прошлую ночью дивнымъ видѣніемъ...

— Видѣніемъ? Расскажи намъ, батюшка, просвѣти насъ въ потемкахъ нашихъ,—проговорила Прасковья.

— Вчера, въ полнощи,—продолжалъ Ѳедоръ Пустынный,—я стоялъ здѣсь въ избѣ на молитвѣ и долго молился, просилъ у Господа, да иссушитъ онъ слезы, вами проливаемые, да не дастъ пролиться крови отецъ, и мужей, и сыновъ вашихъ... И вдругъ вижу: се возсталъ предо мною мужъ окрыленный и ликомъ и одѣяніемъ свѣтелъ. И въ десницѣ у мужа того вижу чашу, и гласъ слышу, отъ него исходящій, подобный гласу трубному.

«Рабъ неразумный! о чемъ ты молишь? Или не вѣдаешь, что я поставленъ отъ Господа собирать слезы, проливаемые изъ-за царя мучителя? Какъ переполнится ими сія чаша, такъ переполнится и мѣра терпѣнія Господня, и погибнетъ царь бусурманинъ лютою смертью! Изочтены его дни! Изочтены!» Тако изрекъ и сталъ невидимъ...

— Господи!.. Премудрость-то какая!.. Поди-ка, вникни!—послышались среди вздоховъ возгласы стрѣльчихъ, которыя такъ и впились въ Ѳедора глазами, выжидая, не скажетъ ли онъ имъ еще чего о своемъ видѣніи.

Онъ и точно собирался еще говорить; но собаки подняли громкій лай во дворѣ, и среди лая послышался явственно стукъ въ калитку воротъ. Одна изъ стрѣльчихъ, вмѣстѣ съ Акулишей, побѣжала отодвинуть засовъ, и всѣ присутствующіе смолкли и, насторожившись, стали прислушиваться. Акулиша вернулась вскорѣ съ Мишкой Ослопомъ, который не успѣлъ еще и лба перекрестить на иконы, не успѣлъ и поклона отвѣсить, какъ Прасковья сорвалась со своего мѣста и бросилась къ нему на встрѣчу.

— Ну, говори скорѣе, голубчикъ, говори, какія вѣсти? Откуда ты теперь?

— Вѣстимо, откуда! Въ Преображенскомъ былъ. Оттуда прямо, и домой не заходилъ...

Всѣ повскакали съ мѣстъ и окружили Мишку.

— Вѣсти недобрыя! Надняхъ самъ ѣздилъ сестеръ царевенъ допрашивать и всѣхъ постельницъ у царевенъ изъ Теремнаго дворца въ Преображенское забралъ къ допросу да къ розыску и будто бы велѣлъ во всѣхъ стрѣлецкихъ слободахъ обшарить, все чего-то добывался, доспрашивался...

— Ну, а на счетъ нашихъ-то что слышалъ?— раздались отовсюду вопросы.

— А то и слышалъ, что всѣхъ вершить приказалъ! Надъ кѣмъ оконченъ розыскъ, тѣхъ и стануть вывозить на площадь—да въ Покровъ и повершать...

— Повершать? Неужто всѣхъ такъ и повершать?—усомнился Игнатій Босой.— Вѣдь ихъ тамъ...

— Неужто-жъ онъ станеть разбирать: всѣхъ прибереть ненасытная утроба!—рѣзко отозвался Мишка, усаживаясь на лавку и вытирая потъ, крупными каплями катившійся со лба.— Ужъ коли жены своей не пожалѣлъ, кого онъ станеть жалѣть?

— А что же случилось съ государыней? Что случилось, расскажи?—заговорили стрѣльчихи.

— Вчерашній день приказъ во дворецъ прислалъ, чтобы не медля Теремный дворецъ очистила и ѣхала бы изъ Москвы въ Суздаль въ Покровскій дѣвичь монастырь. Царицу мигомъ собрали, посадили въ самую худую каретку съ карлицей одной...

— Охъ Господи! Вотъ времена-то! Царицу, кормилицу-повилицу, стрѣleckую заступницу...

— А за кареткой въ телѣгѣ солдатъ преображенскій поѣхалъ и въ сундучишкѣ весь скарбъ царицынъ повезъ... Вонъ въ Неглиной слободѣ всѣ видѣли, какъ везли-то ее!.. Пожалѣтъ онъ, какъ же?

Впечатлѣніе, произведенное вѣстями, которыя принесъ Мишка Ослопъ, было на столько сильно и внушительно, что всѣ на нѣсколько мгновеній какъ будто опалѣли... Женщинъ, въ особенности, такъ поразила несчастная, ничѣмъ не заслуженная доля

царицы Евдокіи, что онѣ на мгновеніе забыли даже о своемъ собственномъ горѣ, о тѣхъ ужасахъ, которые, быть можетъ, ожидали ихъ въ близкомъ будущемъ. Этимъ мгновеньемъ общаго унынія и молчанія воспользовался Ѳеодоръ Пустынный. Онъ выступилъ на средину избы, оглянулъ всѣхъ присутствующихъ и вдругъ произнесъ нараспѣвъ, обращаясь къ иконамъ:

— Помолимся за здравіе и спасеніе благовѣрной государыни нашей царицы Евдокіи Ѳеодоровны, за сына ея благовѣрнаго царевича Алексѣя Петровича и за благовѣрную царевну Софію Алексѣевну.

Онъ опустился на колѣни, и всѣ рухнули на колѣни вслѣдъ за нимъ, повторяя длинную молитву, сложенную Ѳеодоромъ и давно извѣстную стрѣльчихамъ, крѣпко вѣрившимъ въ то, что царица мыслить за одно съ царевнами, не скрывая своего пристрастія къ старинѣ, и благодушно относится къ стрѣльцамъ.

Когда Ѳеодоръ Пустынный окончилъ молитву и собирался уже подняться съ колѣнъ, Игнатій Босой вдругъ воскликнулъ громкимъ и зычнымъ голосомъ:

— А всѣмъ кровожаждущимъ врагамъ церкви, табашникамъ и бусурманамъ—анаеема! Да погибнуть въ семъ свѣтѣ и не имуть доли въ будущемъ! Анаеема!

— Анаеема! Да погибнуть!—подхватили всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ. Всѣмъ было ясно, на чью главу они призывали эти страшныя проклятія, на комъ они срывали злобу, накопившуюся въ душѣ ихъ.

И никто уже болѣе не сказалъ ни слова: всѣ молча попросились и разошлись... Только Мишка Ослопъ остался ночевать въ домѣ Сенихи, и когда Акулиша ушла спать въ свою клѣтку, Мишка подошелъ къ Прасковѣ, печально присѣвшею къ столу, и шепнулъ ей:

— Ну, чего пригорюнилась? Не спрашиваешь, сладилъ ли я тебѣ твое дѣльце?

— Неужто сладилъ?—вдругъ оживляясь, проговорила Сениха.

— Въ самомъ огородѣ, у дома Монсихи, гдѣ онъ къ ней ночью, утаясь, ходитъ... на всѣхъ его слѣдахъ тычки поставилъ... А у тебя-то—зелье твое готово ли?

— Вчера еще Фіонушка принесла... Стоитъ въ подпольѣ, въ горлачѣ, тряпицею обвязано.

— Такъ вотъ, чуть станеть разсвѣтать, мы съ тобой туда и покатимъ! Мнѣ конюхъ нашего боярина и одноколку обѣщаль дать и коня такого, что отъ какой-хоть погони умчить... Только ты, смотри, не трусь и прямо въ огородъ перелѣзай...

— Я-то струшу?—озлобленно проговорила Прасковья, поглядывая на Мишку.—Я-то? Нѣтъ, я себя не пожалѣю, жива не буду, пока не погублю его, не отомщу ему за всѣ наши слезы!.. Не то что въ огородъ—въ пекло полѣзу, и зелье въ его слѣды вылью,

и всё заклѣтая надъ тѣми слѣдами вычитаю, чтобы огневица его засушила и всё сестры лихоманки до смерти затрясли его, окаяннаго...

— Ну, тебя... Ну, уймись, тутъ-то не ладно въ избѣ такое говорить!— прошепталъ Мишка, испуганно озирая потемнѣвшіе углы и стараясь не смотрѣть въ лице Прасковьи, которое страшно исказила непримиримая злоба, огнемъ горѣвшая въ ея широко-раскрытыхъ глазахъ.

Прасковья поднялась съ своего мѣста, тяжело дыша, перешла черезъ избу, подняла окно и выставила въ него голову, какъ бы желая остудить ее рѣзкимъ холодомъ сентябрьской ночи...

Мишка Ослопъ посидѣлъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ.

— Прасковья, а, Прасковья!— окликнулъ онъ Сениху.—Прасковья обернулась къ нему и посмотрѣла на него сверкавшими въ полутьмѣ глазами.

— Ну, а если грѣшнымъ дѣломъ мы съ тобою не уцѣлѣемъ, не вернемся изъ слободы да угодимъ въ Преображенское,— ты на кого же Акулину-то оставишь?..

— Къ твоему боярину, Петру Абрамычу, пусть въ домъ идетъ... Чай, крѣстный-то и не оставитъ ее сиротой безпокровной...

— Да самъ онъ на ладанъ дышитъ... Вчера съ да сегодня того и ждали, что Богъ къ нему по душу пошлетъ... Такъ тутъ ужъ до крестницы ли!..

Прасковья подумала немного и проговорила чуть слышно:

— Все равно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Мнѣ не о ней надо думать, а за всѣхъ насъ *ему*, злодѣю, отомстить... Вотъ что!

Какъ разъ въ это время пропѣли вторые пѣтухи.

— Пора!— проговорила Сениха и, подойдя къ углу, подняла дверь въ подполье...

— Постой! Постой-ка!— проговорилъ Мишка Ослопъ, прислушиваясь.— Чтò это? собаки ваши какъ лаютъ! да и по всей слободѣ—ишь какъ залились?.. Никакъ въ ворота стучать?

— Не отворяй... Кто ихъ тамъ знаетъ?— проговорила Прасковья, прислушиваясь.— А то вотъ, погоди, я выйду сама взглянуть...

И, тихо крадучись, вышла на крылечко. Мишка осторожно послѣдовалъ за нею и черезъ ея плечо глянулъ во дворъ. Среди отчаяннаго лая собакъ, которыя такъ и рвались съ цѣпи, слышались явственно громкіе голоса многихъ людей, которые кричали:

— Отворяй! Эй, отворяй же!

Мишкѣ показалось даже, что на воротахъ появилась перелѣзавшая черезъ нихъ темная фигура въ солдатской одеждѣ, должно быть солдатъ взобрался на ворота, чтобы спуститься во дворъ, отодвинуть изнутри засовъ калитки.

— За мною, что ли, пришли?— проговорила Прасковья, пятясь

къ порогу сѣней. Но крики, раздавшіеся на сосѣднихъ дворахъ, убѣдили ее въ томъ, что пришли не за нею одной...

Мишка сообразилъ это сразу и, не желая попасть въ лапы военной команды, шмыгнувъ обратно въ избу, схватилъ со стола шапку и нырнулъ въ подполье... Онъ зналъ въ подпольѣ лазейку, выводящую въ темный и кривоколѣнный переулокъ.

XI.

Въ то время, когда Преображенскіе сыщики съ командою солдатъ рыскали по стрѣleckимъ слободамъ, «досматривая стрѣльчихъ» и шаря по стрѣleckимъ избамъ, къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ подъѣзжала повозка, въ которой сидѣлъ молодой путникъ, безпрестанно привстававшій на мѣстѣ и очень нетерпѣливо покривавшій на ямщика.

— Да пошолъ же! Пошолъ!... Гони въ хвостъ и въ голову! Чемезовъ, толкай его подь бока, сонную тетерю! А то когда мы доѣдемъ? Почитай ужъ три часа послѣдній станъ-то тащимся, а Москвы и вдали не видать!

Чемезовъ, солдатъ, сопровождавшій молодаго путешественника, исполняя боярскій приказъ, дѣйствительно, поталкивалъ легонько ямщика въ бокъ, потому что ему и самому хотѣлось поскорѣе до Москвы добраться, но онъ понималъ, что при томъ нетерпѣніи, которое овладѣло молодымъ бояриномъ, на него «никакой ямщикъ никакой ѣздой не потрафить». Можетъ быть, потому именно Чемезовъ, въ отвѣтъ на одинъ изъ окриковъ боярина, поспѣшилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщить:

— Теперь ужъ совсѣмъ близко: верстъ шесть, либо семь и всего-то осталось, батюшка Абрамъ Ѳеодоровичъ! Вонъ въ туманѣ ужъ и кресты на церквахъ блестятъ! Э-э-вонъ!

Абрамъ Ѳеодоровичъ, родной братъ царицы Евдокии Ѳеодоровны, три года сряду не бывавшій въ Москвѣ, порывисто вскочилъ на ноги, опираясь о край повозки, прикрылъ глаза рукою и вперилъ въ туманную даль пристальный, жадный взоръ.

— Да! Да! Точно... Москва видна! Вонъ, сквозь бѣлый паморочекъ, Иванъ Великій словно звѣздочкой блеститъ. А вонъ поправѣ и башни Новодѣвичьяго бѣлѣются...

Такъ говорилъ себѣ юноша, едва сдерживая сильныя, неровныя біенія сердца, которое такъ и рвалось изъ груди, переполненное ожиданіемъ давно неиспытанныхъ радостныхъ впечатлѣній... Онъ зналъ, что за этимъ туманомъ его ждуть родные и близкіе, съ которыми онъ такъ давно не видался, ждуть товарищи и друзья, ждуть родныя мѣста, дорогія по неизгладимымъ воспоминаніямъ дѣтства... Онъ уже предвкушалъ сладость свиданія съ отцомъ, съ

дядей Петромъ Абрамычемъ, съ сестрами; онъ уже почти ощущалъ ихъ тѣсныя объятія, ихъ горячіе, звонкіе поцѣлуи, ихъ добрые встрѣчные взгляды сквозь рѣсницы, омоченныя слезами радости, ихъ шумныя рѣчи, полныя разспросовъ и возгласовъ, прерываемыя добродушнымъ смѣхомъ и шутками надъ «обусурманившимся тальянцемъ».

— Вотъ ужъ больше году, какъ ни они мнѣ, ни я имъ не подавали о себѣ вѣсточки, — думалъ Абрамъ Ѳедоровичъ. — Да и до вѣстей ли тутъ, какъ вотъ почитай съ годъ я и съ корабля-то не сходилъ, на берегу не бывалъ!...

Послѣднія вѣсти о Москвѣ привезъ ему его товарищъ, князь Скурлятевъ, съ годъ тому назадъ пріѣзжавшій въ Венецію на нѣсколько дней съ какимъ-то порученіемъ отъ царя Петра Алексѣевича къ Венеціанской республикѣ. Скурлятевъ сообщилъ ему объ открытіи заговора Циклера и Соковнина, о судѣ надъ ними, о сборахъ царя Петра къ путешествію за границу; онъ привезъ ему и поклоны отъ всѣхъ родныхъ, и гостинецъ отъ сестры-царицы. Съ тѣхъ поръ прошло больше года, и, только уже собравшись въ обратный путь въ Москву изъ Италіи, Абрамъ Ѳедоровичъ узналъ о томъ, что царь Петръ долженъ пріѣхать въ Вѣну къ кесарю и что оттуда онъ пройдетъ въ Италію. Ожидая пріѣзда царя, Лопухинъ замедлилъ даже на нѣкоторое время свой отъѣздъ изъ Италіи, но не дождался, не вытерпѣлъ и, получивъ надлежащую ате-стацию отъ венеціанскаго правительства, пустился въ обратный путь на родину. Проѣзжая черезъ Вѣну онъ слышалъ, что Петръ вернулся домой поспѣшно, получивъ какія-то тревожныя вѣсти изъ дому; переѣхавъ русскій рубежъ, Лопухинъ узналъ и о стрѣльцкомъ бунтѣ, и о грозѣ, которая собиралась надъ головою стрѣльцовъ, но онъ такъ рвался поскорѣе вернуться въ Москву, поскорѣе очутиться между своими, что не вникалъ въ слухи, и не могъ даже представить себѣ тѣ ужасы, которые ожидали его въ Москвѣ, вмѣсто радостныхъ впечатлѣній встрѣчи...

Но вотъ Москва ужъ вся, какъ на ладони; вотъ повозка ужъ и въ заставу вѣхала и катится по узкимъ и кривымъ улицамъ Бѣлокаменной... Господи! Какъ это все знакомо, какъ мило сердцу! И это мужичье въ лаптяхъ и высокихъ гречневикахъ, и эти лавчонки, и эти церковочки, окруженныя ларями бублечниковъ и толпами нищихъ, и эти домики съ садиками, и старые заборы, и базары, полные пестраго и разноголосаго люда, и даже эти стаи коршуновъ, вѣчно плавающихъ въ туманной выси московскаго неба!...

— Куда везти прикажешь? — спрашивалъ оборачиваясь ямщикъ, придерживая потныхъ, взмыленныхъ лошадей.

— Въ Толмачи вези, на Лопухинское подворье.

— На Лопухинское? Да развѣ же оно не пусто стоитъ? — съ

нѣкоторымъ сомнѣніемъ проговорилъ ямщикъ, тряхнувъ вожжами и тронувъ коней съ мѣста.

— Что ты? Аль умъ въ дорогѣ проспалъ? — сказалъ ямщику солдатъ Чемезовъ.—Да тамъ же бояринъ Ѳедоръ Абрамовичъ и проживать изволить: нашему господину стольнику отецъ родной...

— Проживать-то проживалъ онъ тамъ, да теперъ не въ деревню ли уѣхалъ? А впрочемъ... Эхъ, вы, голуби! Ну-ну!

Повозка съ громомъ и стукомъ вѣхала наконецъ въ знакомый переулочекъ... Вотъ и домъ отцовскій виденъ въ глубинѣ его изъ-за забора, и высокая кровля его, крытая деревянной чешуей, рѣзко выдѣляется со своими двумя трубами на темномъ фонѣ зелени стараго сада... Но что же это значить? Изъ трубъ не вьется струйка дыма; ворота заперты наглухо; во дворѣ не слышно ни голосовъ, ни движенія.

Пока Чемезовъ стучалъ въ ворота, Абрамъ Ѳедоровичъ тоже вылѣзъ изъ повозки и оглядывался кругомъ, съ понятнымъ волненіемъ прислушиваясь къ лаю и визгу дворняшекъ за высокимъ заборомъ.

Наконецъ калитка въ воротахъ отворилась, и въ ней показался какой-то сѣдой старикъ въ поношенномъ нагольномъ тулупѣ.

— Кого надо? Чего стучитесь безъ толку?—заворчалъ онъ на Чемезова и на ямщика и вдругъ остолбенѣлъ, взглянувъ на молодого Лопухина.

— Не узналъ, старина!—крикнулъ Абрамъ Ѳедоровичъ, бросаясь къ старому слугѣ на шею.

— Абрамъ Ѳедоровичъ! Батюшка! Кормилецъ!—завопилъ старикъ, пытаясь броситься въ ноги къ Лопухину, который удержалъ его и крѣпко расцѣловалъ.—Входи, батюшка, входи въ родительскій домъ! Охъ-хо-хо!

И старикъ, тяжело вздохнувъ, покачалъ безнадежно головой.

Абрамъ Ѳедоровичъ переступилъ высокій порогъ калитки и обомлѣлъ. На дворѣ, кромѣ цѣпныхъ собакъ, не было ни единого живаго существа; дворъ былъ не прибранъ и мѣстами поросъ густой травой, побурѣвшей отъ первыхъ морозовъ...

Окна въ домѣ и даже входная дверь на высокомъ крыльцѣ были наглухо заколочены досками, заставлены щитами и ставнями...

Лопухинъ смотрѣлъ и глазамъ не вѣрилъ, и даже спросить боялся: боялся услышать отъ стараго слуги что-то очень тягостное и страшное.

— Дивисься, Абрамъ Ѳедоровичъ?—грустно проговорилъ старый слуга. — Дивисься? Значить—не знаешь о нашемъ безвременьѣ?

— Да гдѣ же батюшка мой? Дядя гдѣ? Гдѣ вся дворня? Тутъ у тебя могилой пахнетъ...

Старикъ не то опасливо, не то сердито глянулъ въ сторону

ямщика и Чемезова, которые тащили черезъ калитку во дворъ боярскую кладь, и сказалъ Лопухину:

— Пожалуй на садовое крылечко... Покамѣсть я вотъ тутъ распоряджусь... Тамъ побесѣдуемъ...

Абрамъ Ѳедоровичъ перешелъ черезъ дворъ, прошелъ въ калитку стараго сада и, очутившись въ густой тѣни вѣтвей, въ сыррой мглѣ кустовъ и зарослей, почувствовалъ себя чрезвычайно жутко и тяжело...

— Словно въ могилу попалъ!—говорилъ онъ самъ себѣ, шагая по толстому слою сухихъ покоробленныхъ листьевъ, которые шуршали у него подъ ногами. Онъ былъ радъ возможности присѣсть на старое, почернѣвшее отъ времени крылечко, потому что всѣмъ его существомъ вдругъ овладѣла какая-то тяжкая, гнетущая истома, какая-то непонятная слабость...

— Чай усталъ съ дороги-то? Отдохнуть бы, покушать надо, кормилецъ!—залепеталъ около него голосъ стараго дядьки, у котораго онъ выросъ на рукахъ.

— Говори, говори скорѣе!—перебилъ его Лопухинъ, чувствуя какъ нервная дрожь начинается у него пробѣгать по тѣлу.—Все говори, ничего не утаивай!

— Что и утаивать, голубчикъ Абрамъ Ѳедоровичъ, какъ все всѣмъ вѣдомо? Весь родъ вашъ на вѣки вѣчные опозоренъ, загубленъ...

— Да говори же!—нетерпѣливо крикнулъ Лопухинъ.—Гдѣ батюшка?

— Въ опалѣ и батюшка твой, и дядя: ужъ съ годъ тому, какъ посланы изъ Москвы, куда и вѣронъ костей не занасивалъ... Будто бы на воеводство...

— А какъ же допустила сестра? Евдокія-то какъ же?—съ изумленіемъ спросилъ Лопухинъ.

— И матушки царицы здѣсь нѣтъ... Увезена надняхъ, да чай теперь ужъ и пострижена...

Абрамъ вскочилъ со своего мѣста и въ страшномъ волненіи схватился за голову: ему казалось такъ чуждо, такъ невѣроятно все то, чтѣ онъ слышалъ... Онъ начиналъ думать, что видитъ страшный сонъ—бредить и въ бреду слышитъ какія-то слова, въ которыхъ не можетъ разобраться, не можетъ ничего понять... Ему казалось, что сознаніе ему измѣняется...

— Тѣ ли, батюшка, узнаешь? Тѣ ли увидишь, какъ поживешь здѣсь?... Всѣ подъ трепетомъ ходимъ... А онъ-то, самъ-то, каждый въ кровяхъ да въ слезахъ омывается...

— Кто онъ?—спросилъ совсѣмъ оторопѣвшій Абрамъ.

Старикъ наклонился къ самому уху его и прошепталъ:

— Обусурманился вѣдь онъ—порченый къ намъ изъ Нѣмечины вернулся царь Петръ Алексѣевичъ!

— Да что же ему сдѣлали отецъ и дяди, и сестра-царица? Что? Чѣмъ провинились?

— Потихе говорилъ бы! Услышать могутъ,—прошепталъ старый дядька, боязливо озираясь кругомъ, хотя въ саду живой души не было, и только вѣтерокъ шелестилъ уцѣлѣвшими на деревьяхъ листьями, то срывая ихъ, то крутя на полянкахъ...

— Неужели всѣ дяди сосланы?! Неужели изъ близкихъ, изъ родныхъ нѣтъ никого въ Москвѣ?... Неужели всѣ въ опалѣ и въ безчестьѣ?—съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ Абрамъ, бросая вопросительный взглядъ въ лице стараго дядьки, у котораго слезы блистали на глазахъ.

— Охъ! Лучше бы было, кабы всѣ были въ опалѣ да въ ссылкахъ!—грустно проговорилъ старикъ.—А то вотъ бояринъ-то именитый, Петръ-то Абрамовичъ... И сказать-то страшно и выговорить!... Замученъ вѣдь отъ него, распытанъ...

— Умеръ?!—съ ужасомъ прошепталъ Абрамъ, опускаясь на ступени крыльца.—Добрый, милый дядя...

— Не умеръ еще... Вчера былъ живъ. А только ужъ не выжить ему — мученикъ онъ! Съ часу на часъ ждутъ, что побывшится...

— Живъ еще? Живъ?—быстро проговорилъ Абрамъ.—Гдѣ же онъ, въ тюрьмѣ? Въ заточеньѣ?... Веди меня къ нему, веди скорѣе!...

— Нѣтъ. Помирать изъ застѣнка домой отпущень... Дома помираеть и къ смерти изготовился... Вчера, сказываютъ, поновили...

— Проститесь съ нимъ, увидѣть его хоть на мигъ—въ живыхъ застать! Семенычъ, бѣги, останови коней, чтобы не отъѣзжали!—заговорилъ, задыхаясь отъ волненія, несчастный юноша, поднимаясь съ крыльца, блѣдный, какъ полотно.

— Да ты бы хоть поотдохнулъ съ дороги-то, поуспокоился... Гляди-ка, вонъ на тебѣ лица нѣтъ!—попытался его уговорить Семенычъ.

— Бѣги! Приказъ мой исполни! — крикнулъ Абрамъ Ѳедоровичъ, стараясь собраться съ послѣдними силами и чувствуя, какъ все вокругъ него колеблется, и какіе-то красные, кровавые круги начинаютъ носиться передъ его глазами.

— Бѣгу, бѣгу, государь! — залепеталъ Семенычъ и опрометью бросился исполнять приказъ Абрама Ѳедоровича.

Лопухинъ ухватился за перила крыльца, чтобы не упасть. Въ головѣ его все помутилось: отецъ и дядя въ опалѣ и ссылкѣ, сестра-царица въ заточеньѣ, въ дальней обители, дядя Петръ Абрамовичъ,—надежда, опора и гордость всей семьи,—умираеть, замученный на пыткѣ... Что это такое? И все это онъ узнаеть еще только на первыхъ порахъ, едва вступивъ на родную московскую почву! Что же ждетъ его дальше, что предстоитъ ему еще узнать, услышать, увидѣть собственными очами! Трепетъ охватывалъ все его

существо при этой мысли... Ему страшно было покинуть разоренное родное гнѣздо... Еще страшнѣе въ немъ остаться, во мракѣ невѣдѣнія, въ туманѣ сомнѣній...

— Такъ вотъ куда я стремился?! Вотъ куда я спѣшилъ, рвался душею!... Гдѣ ожидалъ увидѣть, встрѣтить ласку, радостный привѣтъ... О! страшно и подумать!

И, подавивъ въ себѣ подступавшіе къ сердцу порывы отчаянія и невыносимой, подавляющей тоски, несчастный юноша сдѣлалъ надъ собою отчаянное усиліе и рѣшился идти на встрѣчу своей судьбѣ, принять на грудь свою ея незаслуженные удары!...

ХІІ.

Домъ ближняго боярина Петра Абрамовича Лопухина стоялъ на Ильинкѣ, недалеко отъ Ильинскаго крестца и, какъ всѣ московскіе боярскіе дома того времени, выдвигалъ на улицу только высокій и крѣпкій заборъ съ красивыми, узорчатыми тесовыми воротами. Обширные хоромы боярскіе, построенные въ два жилия съ вышкой, стояли въ самой глубинѣ двора, застроеннаго людскими избами, кладовыми и амбарами и вѣчно полного суетливымъ движеніемъ и шумомъ многолюдной боярской дворни и еще болѣе многолюдныхъ стороннихъ посѣтителей и просителей, которые непрерывно стучались въ ворота боярина, правившаго Приказомъ Большаго Дворца и Дворцовымъ Суднымъ. Но съ того несчастнаго дня, когда бояринъ Петръ Абрамовичъ Лопухинъ былъ подъ вечеръ привезенъ въ свои палаты окровавленный и измученный жестокою пыткой, дворъ его боярскихъ хоромъ словно замеръ. Ворота стояли весь день на запорѣ, вся челядь и служня притихла и присмирѣла, боясь обезпокоить недужнаго и страдающаго боярина своимъ шумомъ; всѣ прежніе посѣтители отшатнулись отъ опальнаго вельможи съ невольнымъ страхомъ; родные были далеко, и бояринъ Петръ Абрамовичъ умиралъ одинокій, покинутый, забытый всѣми, измученный тѣлесными страданіями, нравственно-подавленный глубокимъ сознаніемъ своего ничтожества, своего полного безсилія передъ грозною, неотразимою десницею, которая повергла его въ прахъ съ высоты и загубила его такъ безжалостно...

Жить оставалось ужъ не долго: смерть стояла у изголовья. Последнія силы покидали изнуренное тѣло страдальца; но духъ его еще былъ бодръ и не могъ еще оторваться отъ земныхъ стремлений и пристрастій, между которыми преобладало одно: жажда отмщенія за несмываемую обиду, за гибель рода, за попоранную честь боярскую, за поруганіе надъ его ничѣмъ незапятнанными сѣдинами...

— Одинъ! Одинъ! Боже правый, ужели это Твой судъ надо мною?—много разъ шепталъ бояринъ Петръ Абрамовичъ, недвижно лежа на своей широкой рѣзной кровати и устремляя потухающій взоръ въ темный уголъ опочивальни, въ которомъ чуть мерцала лампада передъ большимъ и потемнѣвшимъ деисусомъ.

— Ужели это—Твой судъ надъ всѣми нами? Ужели мы должны погибнуть, а онъ долженъ восторжествовать? Ужели онъ твой избранникъ—грубый, ярый, безсердечный, распутный, безбожный?!.. Нѣтъ, не вѣрится, не можетъ такъ быть! Сыщется и на него мститель—изъ слезъ и крови возстанетъ, возрастетъ и... вступить съ нимъ въ борьбу... и...

Ему хотѣлось договорить: «и побѣдить», но это слово не сходило у него съ языка... Онъ даже мысленно не рѣшался его произнести, потому что не вѣрилъ въ возможность побѣды и одолѣнія надъ этой грозной мощью, о которой онъ вспоминалъ съ трепетомъ, леденившимъ сердце. А смерть все близилась и близилась, медленно, но вѣрно подступая къ своей обреченной жертвѣ, то отнимая на время сознание и населяя мракъ опочивальни страшными образами пытокъ и истязаній, то стѣсняя дыханіе, то замедляя бѣіеніе сердца, переполненнаго горечью, охваченнаго все тою же неутолимою жаждою мести.

— Если бы я могъ,—шепталъ въ бреду и взявъ Петръ Абрамовичъ, — завѣщать... передать... кому нибудь то, что таятся на сердцѣ, что въ немъ горитъ... жжетъ его, грызетъ... Если бы сынъ милый былъ живъ и стоялъ здѣсь... у моего изголовья... я бы сказалъ ему: клянись, клянись мнѣ, что... Но что я говорю? себя только мучу, растрavляю... Одинъ, одинъ гибну... умираю и умру не отощенный...

Дверь тихонько скрипнула, и въ опочивальню, мягко выступая босыми ногами, вошелъ старый дворецкій боярина, высокій, сутуловатый старикъ, съ окладистой бородою и широкимъ рубцомъ, пересѣкавшимъ ему наискось лице отъ верхней правой части лба до лѣваго уха. Во время послѣдней польской войны при царѣ Алексѣѣ, будучи простымъ стрѣльцомъ, онъ бросился на выручку Петра Абрамовича, окруженнаго польскими латниками, закрылъ его грудью отъ ихъ ударовъ и спасъ ему жизнь. Изрубленный, изсѣченный, исколотый врагами, онъ былъ замертво унесенъ съ поля битвы, излѣченъ отъ ранъ стараніями признательнаго Лопухина и съ той поры съ нимъ не разставался.

— Бояринъ, спишь, аль нѣтъ? — почти шепотомъ окликнулъ Петра Абрамовича старый Савелій, наклоняясь къ его изголовью.

Лопухинъ сдѣлалъ надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы открыть глаза и чуть-чуть повернуть голову къ говорившему.

— Богъ тебѣ гостя дорогаго шлетъ... Видно, Ему не угодно, чтобы ты одинокъ померъ...

Глаза умирающаго выразили такую мучительную тревогу, такою жгучей вопросъ, что старый вѣрный слуга даже испугался и не сразу рѣшился продолжать.

— Говори скорѣе... Кто?.. — прошепталь чуть слышно Петръ Абрамовичъ.

— Племянникъ твой, Абрамъ Ѳедоровичъ, изъ Нѣметчины вернулся—съ тобой повидаться и проститься хочетъ...

Въ потухнувшихъ очахъ Петра Абрамовича мелькнулъ лучъ свѣта и вдругъ смѣнился чѣмъ-то въ родѣ опасенія и страха. Онъ, видимо, обрадовался вѣсти о дорогомъ гостѣ, но тотчасъ же и поддался непреодолимому чувству сомнѣнія:—каковъ-то вернулся изъ Нѣметчины этотъ Абрамъ, котораго онъ такъ любилъ и баловаль съ дѣтства, въ которомъ онъ видѣлъ надежду и опору Лопухиныхъ въ будущемъ?..

Мучительное сомнѣнiе еще длилось, и старый Савелій еще стоялъ, склонившись къ изголовью Лопухина, выжидая приказаній, когда дверь быстро распахнулась, и Абрамъ Ѳедоровичъ, не выдержавшій томительнаго ожиданія въ сосѣдней комнатѣ, бросился къ постели дяди и упалъ передъ нимъ на колѣни.

Чувство, охватившее его, было до такой степени сложнымъ, что онъ не могъ даже отдать себѣ въ немъ отчета и окончательно потерялъ надъ собою всякое обладаніе: тутъ была и радость свиданія съ единственнымъ близкимъ и роднымъ человѣкомъ, еще уцѣлѣвшимъ въ Москвѣ, и тяжкая, невыносимая скорбь близкой, неизбежно предстоящей разлуки съ любимымъ дядей, и простое, естественное состраданіе къ человѣку, раздавленному колесомъ немолимаго слѣпаго рока, и даже сознаніе собственной безпомощности и одиночества среди какихъ-то иныхъ, новыхъ и чуждыхъ условій жизни, въ виду наступающаго страшнаго грядущаго... Все это разомъ переполнило сердце Абрама и разомъ излилось въ глухихъ, неудержимыхъ рыданіяхъ. Онъ припалъ головою къ постели стараго боярина, искалъ его руки жадными устами и, не находя ея, покрывалъ поцѣлуями край его одѣяла, орошая его обильными, горячими слезами.

— Батюшка, Абрамъ Ѳедоровичъ, не развереди ты боярина-то.... Онъ весь помятъ, поломанъ,—шепотомъ остерегалъ Савелій.

Но Петръ Абрамовичъ вдругъ замоталъ головою старому слугѣ и, взглянувъ на него, прошепталь:

— Ничего... Оставь насъ... Ступай!

Когда дворецкій вышелъ, старый бояринъ, сдѣлавъ неимоверное усиліе, вынулъ руку изъ-подъ одѣяла и положилъ ее на голову Абрама Лопухина.

— Абраша!—проговорилъ онъ, тяжело дыша и останавливаясь почти на каждомъ словѣ,—судилъ намъ Богъ еще разъ съ тобою свидѣться... Недаромъ это... И я... благодарю... Его!.. Здравъ ли

ты вернулся съ чужбины, или также, какъ тотъ... и Бога забылъ, и совѣсть... и душу свою?.. Говори!..

Рыданія были ему отвѣтомъ юноши.

— Полно... наплачешься еще надъ гробомъ моимъ... а теперь, пока есть силы... жизнь... выслушай завѣтъ мой послѣдній..

Абрамъ отеръ слезы и, согрѣвая въ рукахъ своихъ холодѣющую руку дяди, вперилъ пристальный взглядъ въ лицо его, мертвенно блѣдное, почти безжизненное... Только въ глазахъ его еще свѣтилась искра Божія..

— Пришли послѣднія времена... Врагъ идетъ на насъ... врагъ страшный, грозный, несокрушимый!—вдохновенно сталъ нашептывать ему умирающій. — Съ нимъ силой не возьмешь, съ нимъ не поборешься, его не одолѣешь... Онъ все сломить... всѣхъ васъ сломить и растопчетъ, какъ меня... Но о тѣлѣ не радѣйте, не заботьтесь... Душу-то, душу сохраните цѣлой, нерушимой, не предайте ему на растерзаніе... И ты блюдишь его, и сторонись, и обѣгай, и ограждайся отъ него, чтобы уцѣлѣть... Но помни, до гробовой доски помни, что онъ всѣхъ насъ погубилъ и старину нашу святую губить, и Русь обусурманить хочетъ..

Петръ Абрамовичъ смолкъ на мигъ, видимо утомленный волненіемъ и рѣчью... Потомъ, переведа духъ, онъ продолжалъ:

— Главнѣе-то всего: самъ не соблазнись, въ него не увѣруй и во всѣ новшества его... Помни, что блаженный Максимъ Грекъ сказалъ: «которая земля перестанавливаетъ обычаи свои, и та земля недолго стоитъ»... Коли сами не поддадитесь, и увидите онъ, что въ руку его никто не гнетъ,—авось умается, умыкается, либо лобъ расшибетъ... И мстителя ему за всѣхъ насъ готовь въ сынѣ, въ царевичѣ, въ племянникѣ твоемъ... Оберегай его отъ иноземщины погубительной, старайся окружить его своими надежными людьми—пусть онъ за всѣхъ насъ отплатитъ царю Петру... За всѣхъ..

Петръ Абрамовичъ закрылъ глаза на мгновеніе, какъ бы отдыхая и собираясь съ мыслями, между тѣмъ какъ Абрамъ то покрывалъ руку его горячими поцѣлуями, то смотрѣлъ въ лицо его, съ благоговѣніемъ ожидая, что еще скажетъ ему умирающій, и боясь пропустить хотя какое нибудь его слово.

— Пути Господни неисповѣдимы, — заговорилъ вдругъ Петръ Абрамовичъ, широко раскрывая глаза и устремивъ взоръ въ пространство.— Испытуетъ народъ свой, грозитъ бѣдами, но не робѣйте, духомъ не падайте... Помни: претерпѣвый до конца, и той спасется. И о сестрѣ царицѣ не ослабѣвай въ заботахъ, утѣшай, поддерживай ее, пока сынъ не подросъ и не сѣлъ на царство... Тогда порадуешься!.. А до тѣхъ поръ: клянись, клянись мнѣ, что будешь твердо стоять за вѣру нашу, за старину, за обычаи отцовъ и дѣдовъ и къ нечистому не пристанешь... и вѣчно будешь

царю Петру... не явнымъ, такъ тайнымъ врагомъ и ненавистникомъ!.. Клянись!

— Клянусь!—горячо воскликнулъ Абрамъ, поднимая руку къ иконамъ.

— Помни: не во множествѣ сила, а въ мужествѣ. Одинъ твердый поведетъ за собой тысячи и побѣдитъ тьмы. Будь же твердъ, какъ адамантъ: все претерпи, но сбить себя съ пути не давай и тайною своею ни съ кѣмъ не дѣлись.

Голосъ его ослабѣлъ. Дыханіе сдѣлалось порывистымъ и хриплымъ. Онъ сталъ временами задыхаться и метаться по изголовью. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Затѣмъ Петръ Абрамовичъ на время какъ будто поуспокоился и, слегка поманивъ къ себѣ Абрама, прошепталъ:

— Наклонись ко мнѣ... поближе... не могу...

Абрамъ наклонился къ самымъ устамъ умирающаго и еще могъ разобрать слова:

— Все мое имѣніе и вотчины тебѣ... Ключи отъ сундуковъ здѣсь въ изголовникѣ, а грамоты и записи всѣ у Савелья... Еще... вотъ... крестницы моей не покинь... Акулины... дай и ей надѣлокъ изъ моихъ...

Тутъ голосъ его оборвался, голова склонилась на плечо, онъ захрипѣлъ и лишился сознанія.

Абрамъ долго еще стоялъ, склонившись надъ нимъ и со слезами на глазахъ всматриваясь въ лицо дяди, которое смерть ужъ начала заволакивать своими тѣнями; но уста умирающаго уже не открылись болѣе, а хрипѣніе въ груди становилось все болѣе и болѣе громкимъ и гармоничнымъ... Абрамъ понялъ, что Петръ Абрамовичъ началъ отходить, и, пріотворивъ дверь въ смежную комнату, позвалъ въ опочивальню священника, который дожидался тамъ съ утра.

Священникъ вошелъ съ причтомъ, облачился и сталъ читать отходную. Слѣдомъ за причетниками въ опочивальню вошла вся челядь боярская, съ старымъ Савельемъ во главѣ, и всѣ стали подходить къ умирающему, прощаться и цѣловать его въ руку или край одѣяла. Мало-по-малу и опочивальня, и смежная комната наполнились народомъ, среди котораго слышны были тяжкіе вздохи и вполнѣ искреннія сожалѣнія о бояринѣ-страдальцѣ; иные плакали и украдкою, кулакомъ утирали слезы, иные молились, повторяя слова отходной и отбивая поклонъ за поклономъ.

Абрамъ стоялъ на колѣняхъ у изголовья, сложивъ руки на груди и пристально устремивъ взоръ въ лицо умирающаго, на которомъ суровыя морщины разгладились, выраженіе страданія и тревожной думы постепенно и едва примѣтно смѣнилось выраженіемъ какого-то торжественнаго успокоенія... Грудь, часто и высоко вздымавшаяся дыханіемъ, стала подыматься равномернѣе и рѣже, тише и тише..

Потомъ легкія судороги пробѣжали по всему тѣлу и шевельнули пальцами рукъ... Старый бояринъ глубоко вздохнулъ разъ-другой, потянулся на постели и застылъ, неподвижный...

— Преставился! — проговорилъ громко Абрамъ, ломая въ отчаяніи руки, и съ горькимъ, неутѣшнымъ плачемъ бросился цѣловать похолодѣвшую руку дяди...

Чтеніе отходной прекратилось... Всѣ опустили разомъ на колѣни, и среди глубокой тишины были слышны только шепотомъ произносимыя молитвы за упокоеніе души «новопреставленнаго боярина Петра», да чье-то всхлипыванье въ отдаленномъ углу опочивальни.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

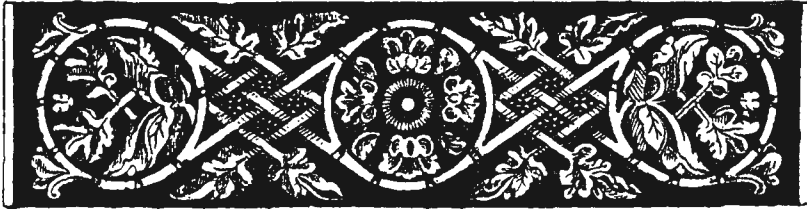

ЦАРИЦА ЕВДОКІЯ ТЕОДОРОВНА

РАЗСКАЗЫ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

ВЪТОМЪ 1877 года, живя на дачѣ въ Павловскѣ, я познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ Я. П. Полонскимъ.

Жили мы тогда на дачѣ Черкаскаго, причемъ Я. П. занималъ нижній этажъ дачи, мое же помѣщеніе было на верху.

Разъ, послѣ обѣда, часу въ седьмомъ, ко мнѣ является прислуга Я. П. и передаетъ его приглашеніе придти, если возможно, поскорѣе. Я немедленно спустился внизъ, и какъ же велико было мое удивленіе и удовольствіе, когда среди гостиной я увидѣлъ И. С. Тургенева.

Ранѣ этого мнѣ не приходилось встрѣчаться съ И. С., и незадолго до этой встрѣчи, какъ-то въ разговорѣ съ Яковомъ Петровичемъ, дружескія отношенія съ Тургеневымъ котораго были мнѣ извѣстны, я просилъ дать мнѣ случай увидѣть когда нибудь великаго писателя. Яковъ Петровичъ обѣщалъ мнѣ это и при первомъ же случаѣ, съ обычной своей обязательностью, поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе.

Тургеневъ прибылъ не одинъ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхала дама въ костюмѣ сестры милосердія. Необыкновенно симпатичныя, чисто русскаго типа, черты лица ея какъ-то гармонировали съ ея костюмомъ.

Меня ей представили, причемъ назвали и ея фамилію. Это была баронесса Вревская.

Тогда начиналась война за освобожденіе Болгаріи, и баронесса спѣшила на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы посвятить себя дѣя-

тельности сестры милосердія. Ея самоотверженіе въ дѣлѣ ухода за ранеными и больными и ужасная смерть отъ тифа, безъ всякой помощи, среди безлюдной степи, слишкомъ извѣстныя, чтобы о нихъ распространяться, причисляютъ ее къ циклу тѣхъ русскихъ женщинъ героинь, которыя положили душу за други своя. Въ тотъ вечеръ, когда я ее видѣлъ наканунѣ отъѣзда, она была очень оживлена и, разумѣется, не предчувствовала того, что, уѣхавъ въ Болгарію, уже больше не вернется на родину.

Въ описываемый вечеръ Тургеневъ былъ, что называется, особенно въ ударѣ. Оживленная рѣчь его лилась, какъ струя шампанскаго. Говорилъ онъ почти одинъ, другіе только слушали; да, по правдѣ сказать, его рѣчь и рассказы были на столько увлекательны, что самому говорить не хотѣлось, а хотѣлось лишь слушать его. Нѣкоторые изъ его рассказовъ я записалъ тогда же. Они вращались преимущественно около его заграничной жизни.

«Я родился и выросъ, — рассказывалъ И. С., — въ атмосферѣ, гдѣ царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощечины и пр., но, по правдѣ сказать, окружавшая меня обстановка не привила мнѣ вкуса къ кулачной расправѣ. Я никогда никого не билъ. Бываютъ, однако, люди, которыхъ съ перваго же взгляда возненавидишь до того, что просто хочется дать имъ пощечину, не смотря на полную антипатію къ Faust-Recht. Въ моей жизни былъ такой случай, — прибавилъ И. С., — и я долженъ сознаться, что едва сохранилъ самообладаніе. Это было въ одномъ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ я останавливался на нѣкоторое время. Весь городишко былъ взволнованъ трагическимъ самоубійствомъ двухъ молодыхъ людей — христіанина и еврейки. Молодые люди страстно любили другъ друга и хотѣли пожениться, но этому браку поставили неодолимыя преграды, съ одной стороны, родители молодого чело-вѣка — христіане, съ другой — родня молодой еврейки. Долго боролись и ждали влюбленные и, наконецъ, сознавъ полную безвыходность своего положенія, рѣшили лишиться себя жизни. Они взяли номеръ въ гостинницѣ и тамъ застрѣлились. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого событія, произведшаго удручающее впечатлѣніе на весь городъ, мнѣ пришлось быть въ одномъ обществѣ, гдѣ въ числѣ гостей былъ какой-то полицейскій чиновникъ съ необыкновенно отталкивающей, нахально-важной и самодовольной фізіономіей. Когда зашла рѣчь о злобѣ дня, этотъ господинъ вмѣшался въ разговоръ:

— «Да, — воскликнулъ онъ, — вообразите, эти свиньи, эти скоты, всю комнату забрызгали своей кровью.

«Наглый апломбъ, безпримѣрный цинизмъ, съ которымъ чиновникъ произнесъ свою тираду, возмутили меня до того, — сказалъ И. С., — что я едва не бросился, чтобы надавать ему пощечинъ.

«Разъ какъ-то въ Парижѣ, — рассказывалъ И. С., — ко мнѣ яв-

ляется одинъ изъ сотрудниковъ «Figaro» и объясняетъ, что газета хочетъ напечатать обо мнѣ строкъ 50, причемъ въ виду того уваженія, которое «Figaro» ко мнѣ питаетъ, статья обо мнѣ будетъ напечатана «даромъ». Уже самое выраженіе «даромъ» покорило меня, но, не подавъ, однако, вида, что такое заявленіе меня шокируетъ, я отвѣчалъ: что-жъ, печатайте, если хотите.

— «Такъ ужъ въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ сотрудникъ,—попробуйте написать статью сами.

— «Какъ! — воскликнулъ я въ изумленіи, — я буду писать о себѣ самъ!

— «Ну, да,—послѣдовало совершенно невозмутимое возраженіе,— какъ же вы хотите иначе, у насъ всегда такъ дѣлается».

Конечно, И. С. поблагодарилъ за честь и поспѣшилъ отказаться отъ лестнаго предложенія.

Вообще продажность части парижской прессы того времени, по словамъ Тургенева, была феноменальна, и денежныя вымогательства нѣкоторыхъ газетъ достигали геркулесовыхъ столбовъ безстыдства. Вотъ фактъ на выдержку, рассказанный Тургеневу братомъ извѣстнаго писателя Флобера, медикомъ.

Встрѣтился разъ Флоберъ-медикъ въ обществѣ съ однимъ изъ корифеевъ «Figaro» V... Тотъ, услышавъ его фамилію и принимая его за писателя, съ нахальной развязностью говорить:

— А мы васъ продернемъ.

— Какъ! за что? я ничего не пишу. Не смѣшиваете ли вы меня съ братомъ, который пишетъ?

— А я думалъ, что это вы пишете.

— Нѣтъ, это мой братъ.

— Такъ скажите же вашему брату, что мы его продернемъ въ нашей газетѣ.

— За что же, развѣ его сочиненія вамъ не нравятся?

— Напротивъ, я читаю ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ въ чемъ: онъ намъ не платитъ, а у насъ ужъ такъ заведено, что того, кто намъ не платитъ, мы ругаемъ. Передайте же это вашему брату.

Это грозное предостереженіе Флоберъ-писатель оставилъ, однако, безъ всякаго вниманія, и съ тѣхъ поръ, съ нѣмецкой акуратностью, его каждую недѣлю, или minimum въ двѣ недѣли разъ, отдѣлывали въ «Figaro».

На ряду съ продажностью части парижской прессы, послѣдняя, по словамъ И. С., отличалась стремленіемъ къ обоготворенію нѣкоторыхъ корифеевъ литературы. Особенно излюбленные писатели объявлялись «табу», причемъ всякое покушеніе не только развѣнчать ихъ, но даже отнести съ нѣкоторою [критикой къ ихъ писаніямъ, считалось преступленіемъ. Къ такимъ «табу» при-

надлежалъ В. Гюго. Популярность его во Франціи была такъ велика, что малѣйшее критическое отношеніе къ нему грозило полнымъ отлученіемъ провинившагося отъ святилища литературы. Какъ велика была эта популярность и какъ великъ въ то же время былъ страхъ впасть въ такое преступленіе, указываетъ рассказъ И. С. о томъ, какъ одна дама хотѣла перевести на французскій языкъ письма Золя, посылаемыя имъ въ «Вѣстникъ Европы». Въ этихъ письмахъ Золя позволялъ себѣ иногда относиться критически къ Гюго. Когда извѣстіе о томъ, что его письма будутъ переведены на французскій языкъ, дошло до Золя, послѣдній, по словамъ Тургенева, пришелъ въ ужасъ, такъ какъ если бы во Франціи узнали, что онъ позволилъ себѣ сказать о Гюго что либо, не подходящее къ общему восторженному тону, то его перестали бы читать, а это, конечно, не замедлило бы отразиться самымъ печальнымъ образомъ на его бюджетѣ, бывшемъ въ то время далеко не въ томъ блестящемъ состояніи, какъ нынѣ. Чтобы избавиться отъ грозившей ему бѣды, писатель поспѣшилъ уплатить переводчицѣ значительную сумму съ тѣмъ, чтобы переводъ его писемъ не появлялся въ печати.

Въ описываемый вечеръ зашла, между прочимъ, рѣчь о русскихъ эмигрантахъ за границую.

И. С. встрѣчался съ нѣкоторыми изъ нихъ въ бытность свою въ Швейцаріи.

Въ числѣ эмигрантовъ выдѣлялся, какъ замѣчательный ораторъ, нѣкто У...нъ.

«Разъ,—рассказывалъ И. С.,—мнѣ пришлось слышать его рѣчь предъ цѣлой толпой рабочихъ. Говорилъ онъ хорошо и съ видимымъ одушевленіемъ, такъ что, казалось, былъ сильно увлеченъ и вѣрилъ въ то, что говорилъ. Въ рѣчи своей онъ, между прочимъ, приводилъ множество цитатъ изъ разныхъ авторовъ. Когда ораторъ кончилъ, раздались громовые, долго не смолкавшіе, аплодисменты толпы. Наконецъ публика разошлась, и я, подойдя къ У...ну, сказалъ: «какъ вамъ должно быть пріятно такое выраженіе сочувствія, вѣдь ваша рѣчь произвела потрясающій эффектъ». — «Да, конечно,—отвѣчалъ У...нъ,—но она имѣла бы совершенно обратный результатъ, если бы, приводя выдержки изъ нѣкоторыхъ авторовъ, я цитировалъ эти выдержки до конца». Меня какъ ушатовъ воды облила эта наивно-циничная откровенность»,—замѣтилъ И. С.

Въ этотъ вечеръ, какъ я уже сказалъ, Тургеневъ былъ очень веселъ и много шутилъ. Между прочимъ, по поводу своей сѣдой шевелюры, онъ смѣясь рассказалъ слѣдующее.

«Въ 1854 году я жилъ въ Петергофѣ на дачѣ; мнѣ было въ то время всего 35 лѣтъ, но голова моя была уже совѣмъ сѣда.

«Разъ, гуляя въ паркѣ, я задумалъ сбѣжать съ горки. Это видѣлъ какой-то извозчикъ: «Вишь, горка-то и старичка поталки-

ваетъ»,— замѣтилъ онъ, вѣроятно судя о моемъ возрастѣ по моей сѣдой головѣ».

Уѣзжая и прощаясь съ нами, И. С. смѣясь сказалъ:

— «Я завтра же уѣхалъ бы въ Парижъ, но не уѣду потому, что завтра будетъ судиться по обвиненію въ государственномъ преступленіи нѣкто статскій совѣтникъ Покрышкинъ. Будь то коллежскій ассессоръ Покрышкинъ, даже надворный совѣтникъ, я бы уѣхалъ, но статскій совѣтникъ, да еще Покрышкинъ, нѣтъ, ужъ не могу, я рѣшилъ остаться».

Послѣ названнаго вечера мнѣ пришлось еще много разъ встрѣчаться съ И. С. у уважаемаго Я. П. Полонскаго, который былъ связанъ, какъ я уже сказалъ, тѣсною дружбою съ Тургеневымъ. Каждый свой пріѣздъ И. С. часто навѣщалъ Я. П., и я, бывая у поэта, неоднократно заставалъ у него Тургенева. Не имѣя ни малѣйшихъ претензій дѣлать въ этихъ отрывочныхъ замѣткахъ какія либо попытки представить характеристику великаго писателя, я тѣмъ не менѣе полагаю, что нѣкоторые изъ приводимыхъ мною ниже данныхъ, основывающихся на собственныхъ словахъ И. С., можетъ быть, будутъ имѣть нѣкоторое значеніе для его будущаго біографа.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при встрѣчахъ съ Тургеневымъ,—это совершенная простота и полная безпритязательность, съ которыми держалъ себя И. С. Тѣми же качествами, скажу мимоходомъ, отличался и Я. П. Полонскій, что, можетъ быть, и способствовало отчасти тѣсному сближенію этихъ двухъ родственныхъ по духу натуръ. Джентельменски вѣжливый, съ полной терпимостью выслушивающій чужія мнѣнія и безъ малѣйшаго раздраженія относившійся ко всякаго рода нападкамъ на него и его литературную дѣятельность, И. С. производилъ обаяніе на всѣхъ окружающихъ. Добродушіе его было замѣчательно. Иногда онъ отлично сознавалъ, на примѣръ, что его обманываютъ, но махалъ рукой и, не подавая вида, что замѣчаетъ обманъ, дѣлалъ то, о чемъ его просили. Слѣдующій случай иллюстрируетъ сказанное.

«Разъ,—рассказывалъ И. С.,—будучи въ Москвѣ, я долженъ былъ участвовать въ литературно-музыкальномъ вечерѣ. Вечеръ былъ назначенъ въ Большомъ театрѣ, резонансъ тамъ плохой, и мнѣ приходилось, читая, надрывать голосъ. Однако прочелъ кое-какъ; выхожу за кулисы порядочно измученный. Вдругъ ко мнѣ съ рыданіями бросается какой-то молодой человекъ и говоритъ что-то такое, чего я никакъ не могу разобрать.

«Наконецъ я понялъ, что онъ какой-то баронъ, что зачѣмъ-то пріѣхалъ изъ Ташкента въ Москву, чтобы видѣть меня, что ѣдетъ черезъ Кіевъ въ Одессу, и что у него не достаетъ на проѣздъ 18-ти

рублей. Въ послѣднемъ, должно быть, и была самая суть. Нѣсколько разъ, незадолго передъ этимъ, меня уже обманывали самымъ нахальнымъ образомъ; полное право имѣлъ я, и притомъ безошибочно, предположить, что и тутъ меня обманываютъ, однако махнулъ рукой и далъ 25 рублей, можетъ быть, ему и въ самомъ дѣлѣ было нужно».

Между прочимъ, Тургеневу часто ставятъ въ вину, что онъ будто бы не любилъ Россіи, и ссылаются въ подтвержденіе сказаннаго на то, что онъ жилъ за границею.

На сколько я могу судить по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ встрѣчъ моихъ съ И. С., его періодически тянуло въ родной край, пребываніе въ которомъ, хотя и кратковременное, было для него необходимо, какъ прикосновеніе Антея къ землѣ. Долго ему дѣйствительно не жилось на родинѣ. Проживя мѣсяца два, онъ начиналъ уже стремиться во Францію. Но врядъ ли можно строго судить за это писателя, такъ какъ время для раскрытія всѣхъ мотивовъ, двигавшихъ имъ, еще не пришло. Слѣдуетъ отмѣтить только, что онъ не могъ обойтись подолгу безъ родины, что ясно сквозило при каждомъ его пріѣздѣ, а это самое уже снимаетъ съ него обвиненіе въ нелюбви къ отечеству.

Я сказалъ, что И. С. отличался джентельменскою вѣжливостію. Дѣйствительно это былъ джентельменъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Отличительной чертой его, на примѣръ, было полное уваженіе къ женщинамъ, доходящее до рыцарства. Помнится, какъ онъ любилъ цитировать слова герцога de S. Simont о томъ, что тотъ никогда не встрѣчается съ женщиной въ корридорѣ, не давъ ей дороги и не снявъ при этомъ шляпы. Лучше всего иллюстрируетъ взглядъ его на женщинъ слѣдующее обстоятельство.

Разъ при немъ зашелъ разговоръ о происшедшемъ въ Петербургѣ непріятномъ конфликтѣ между одной извѣстной артисткой и однимъ драматическимъ писателемъ. Послѣдній написалъ, между прочимъ, артисткѣ письмо, въ которомъ говорилось, что она лжетъ, и затѣмъ, не ограничиваясь письмомъ, выразилъ то же самое печатно.

— «По моему,—сказалъ И. С. съ негодованіемъ,—г. NN. за свое рѣзкое отношеніе къ женщинѣ долженъ быть посаженъ въ кутузку, по крайней мѣрѣ, на 28 дней. Подобныя отношенія къ женщинѣ во Франці,—прибавилъ онъ,—не мыслимы. Я видѣлъ тамъ, что женщины ссорятся съ женщинами, но, чтобы мужчина ссорился публично съ женщиною, не видѣлъ никогда. Да всякій, не разбирая, въ чемъ дѣло, привялъ бы тотчасъ же сторону женщины, если бы увидѣлъ что либо подобное».

Относясь съ уваженіемъ къ женщинамъ вообще, И. С. былъ, однако, невысокаго мнѣнія о русскихъ дѣвушкахъ. Вотъ его отзывъ, произнесенный не безъ горечи: «русскія дѣвушки полюбятъ

мошенника, совершенно дряннаго человѣка, но мало-мальски выдающагося—никогда». Мотивовъ такого рѣзкаго приговора И. С. не высказывалъ.

Великій человѣкъ не обходится безъ маленькихъ слабостей. Имѣлъ ихъ и И. С. Во-первыхъ, онъ былъ страшно мнителенъ. Малѣйшее нездоровье, на которое другой не обратилъ бы никакого вниманія, повергало его чуть ли не въ отчаяніе. Достаточно было проявиться у него какому нибудь незначительному разстройству, чтобы онъ тотчасъ же усаживался дома и начиналъ лечиться. Во-вторыхъ, у него была страстишка подсмѣяться надъ другими, хотя и въ совершенно невинной формѣ. Часто приходилось мнѣ слышать, какъ онъ очень ловко представлялъ то или другое лицо въ каррикатурномъ видѣ.

Помню, напримѣръ, какъ разъ онъ декламировалъ стихотвореніе Пушкина «Мѣдный Всадникъ», «На берегу пустынныхъ волнъ», передразнивая нѣсколько напыщенную декламацію извѣстнаго трагика Каратыгина. Нѣкоторыя изъ лицъ, бывшихъ при этомъ и видѣвшихъ игру Каратыгина, говорили мнѣ, что каррикатурныя стороны декламаціи артиста передаются И. С. неподражаемо. Особенно не терпѣлъ Тургеневъ плохихъ пѣвцовъ; ихъ онъ осмѣивалъ безпощадно, въ особенности же если они любили заставлятъ себя слушать.

Жизнь И. С. вель чрезвычайно умѣренную; на сколько мнѣ извѣстно, онъ не былъ любителемъ ни вина, ни картъ. Единственная игра, составлявшая его слабость, были шахматы. Объ этой игрѣ онъ говорилъ съ увлеченіемъ. Помню разъ, какъ онъ описывалъ игру какого-то корифея шахматной игры: «онъ не играетъ,—восклидалъ И. С.,—онъ точно узоры рисуешь, совершенный Рафаель!».

Самъ И. С. игралъ очень хорошо и даже имѣлъ серебряную медаль за игру, полученную имъ отъ какого-то общества. Кстати по поводу шахматной игры.

Какъ-то я пришелъ къ Я. П. Полонскому и засталъ его играющимъ съ Тургеневымъ въ шахматы. По окончаніи партіи, которую Тургеневъ, конечно, выигралъ, такъ какъ Я. П. игралъ какъ дилетантъ, не претендуя, впрочемъ, никогда на славу хорошаго игрока, И. С. предложилъ намъ играть противъ него вдвоемъ. Я игралъ, пожалуй, еще хуже Я. П., но шутки ради присоединился къ партіи, и мы вдвоемъ атаковали Тургенева. Послѣдній, видя въ насъ слабыхъ игроковъ, отнесся къ нашей игрѣ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и, играя безъ вниманія, началъ дѣлать промахи, которыми мы и воспользовались, взявъ у него задаромъ слона и еще какую-то фигуру.

Партія его сразу сдѣлалась гораздо слабѣе нашей, и ему началъ грозить проигрышъ. Надо было видѣть, какое волненіе овла-

дѣло тогда И. С. Глаза его заискрились, движенія сдѣлались порывисты. Онъ устремилъ все свое вниманіе на игру, которая и привела въ результатъ, не безъ значительныхъ, однако, усилій со стороны И. С., къ нашему поражению, послѣ чего онъ вздохнулъ съ видимымъ чувствомъ облегченія.

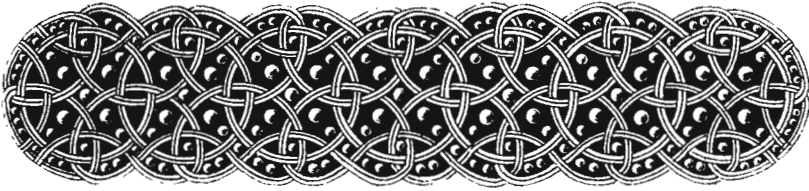
Въ послѣдній разъ я видѣлъ Тургенева въ 1880 году, и то только мелькомъ. Онъ какъ-то особенно торопился въ Парижъ, говоря: «скорѣе бы добраться до дому, а тамъ заберусь въ свою комнату, залѣзу подъ диванъ и буду молчать».

Это была моя послѣдняя встрѣча съ И. С. Больше я не видѣлъ его и только три года спустя, 27-го сентября 1883 года, видѣлъ блестящій кортежъ, предшествовавшій его смертнымъ останкамъ, кортежъ, въ которомъ сошлись представители всѣхъ концовъ земли Русской, чтобы воздать должное великому русскому дѣятелю.

К. Ободовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

IV.

Князь А. И. Барятинскій.—Кунаки кабардинцы.—Лагерь на Гойтѣ.—Жаркія дѣла.—Голень-Гойта.—Ушаковъ, Вадковскій и Голицыны.—Вечера у князя Барятинскаго, ужины и анекдоты (Едлинскій и Волоцкой).—Производство меня въ podporучики.—Карьера Тихонова.

ВЪ НОЯБРѢ въ Воздвиженское прибыли кунаки наши—Кабардинскій полкъ съ новымъ командиромъ своимъ, флигель-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ. Красавецъ собою, богатый, знатный, съ громадными связями при дворѣ, онъ уже понюхалъ пороха на Кавказѣ въ 1844 и 1845 годахъ въ Дарго, гдѣ и получилъ георгиевскій офицерскій крестъ, командуя тогда 3-мъ баталіономъ Кабардинскаго полка, когда графъ Бенкендорфъ командовалъ 1-мъ нашего полка. Оба они, какъ гласила молва, вели себя примѣрными молодцами и не даромъ были украшены бѣлыми крестами за штурмъ воротъ въ Андію. Бенкендорфъ, тяжело раненый, лечился за границей, а Барятинскій, успѣвшій поразить по неосторожности сердце особы, слишкомъ высоко стоящей, обреченъ былъ снова воевать на Кавказѣ, что, впрочемъ, тогда въ его лѣта (31 годъ) при условіи стоять во главѣ такого полка, какъ полкъ князя Чернышева, Кабардинскій, далеко не внушало состраданія. Итакъ, 17-го

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 39.

числа, на улицахъ нашей крѣпости послышались незнакомыя пѣсни удалыхъ полковъ Кабардинскаго, Грузинскаго Гренадерскаго и линейныхъ казачьихъ.

Всѣ начальствующія лица отдѣльныхъ частей, начиная съ генерала Фрейтага, собрались у барона Меллеръ-Закомельскаго, а каждому изъ нашей братьи пришлось принимать и угощать у себя офицеровъ соответствующихъ номеровъ частей войскъ. Одной съ нами бригады, Кабардинскій полкъ состоялъ съ незапамятныхъ временъ въ тѣсной дружбѣ, въ кунактвѣ, съ куридцами; по законамъ, усвоеннымъ долготѣтными на Кавказѣ обычаями, онъ валилъ къ намъ, или мы къ нему, не какъ въ гости, а совершенно, какъ въ собственный домъ, гдѣ всякая принужденность или церемонія не могли найти себѣ примѣненія. Въ казармахъ они находили приготовленную водку и сытый обѣдъ, а солдаты дѣлились не только чаркой своей, но и койкой. Никому на Кавказѣ и въ голову не могло прійти поступить иначе. Узы тѣсной дружбы и взаимнаго уваженія кавказскихъ полковъ достигаютъ здѣсь чрезвычайныхъ размѣровъ. Сколько разъ одна фраза: «Куридца, на васъ смотрятъ кабардинцы!» вызывала на самые отважные подвиги, или: «Кабардинцы, поддержите братьевъ куридцевъ, имъ плохо!»—и кунаки лѣзли на вѣрную смерть, но грудью своей выручали гибнущихъ. Съ другой стороны, и соревнованіе между этими двумя полками было невѣроятное, неслыханное! Весною, при посѣщеніи главнокомандующимъ полковаго лазарета въ Хасавъ-Юртѣ на Кумыкской плоскости, рядовой Кабардинскаго полка, тяжело раненный двумя пулями въ животъ и голову, при приближеніи къ нему князя Воронцова, собралъ послѣднія силы, приподнялся на койкѣ и, съ угасающимъ огнемъ въ глазахъ, отчетливо проговорилъ: «ваше сіятельство... совсѣмъ умираю... будьте отцемъ роднымъ, скажите и утѣште на прощанье, мы, кабардинцы, не ударили лицомъ въ грязь предъ куридцами?!». И не успѣлъ еще расстроганный князь выйти изъ лазарета, какъ страдалецъ въ послѣднихъ судорогахъ закрылъ глаза на вѣки.

Итакъ, послѣ прихода кабардинцевъ отрядъ въ составѣ девяти батальоновъ пѣхоты, двухъ пѣшихъ и одной казачьей батареей и линейной кавалеріи, по дивизиону изъ полковъ: Гребенскаго, Моздокскаго, Горскаго и Владикавказскаго, 18-го числа ноября, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Фрейтага, потянулся по знакомой уже намъ дорогѣ къ рѣкѣ Гойтѣ и послѣ четырехъ-часоваго движенія занялъ позицію близъ рѣки этой, на Черной полянѣ, кругомъ окруженной дремучими лѣсами. Цѣлью настоящей экспедиціи была вырубка лѣсовъ, соединеніе полянъ широкими просѣками и истребленіе ближайшихъ хуторовъ и ауловъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на джигитовавшихъ одиночныхъ всадниковъ, баталіоны быстро разбили лагерь и правильными линиями

палатокъ обозначили четыре фаса позиціи по обѣимъ сторонамъ рѣки Гойты.

Съ 19-го начали мы систематическую рубку то подъ начальствомъ князя Барятинскаго, то подъ начальствомъ Меллера. Каждый разъ убыль въ колонѣ доходила до 60, 100 человѣкъ, потому что чеченцы дрались съ остервенѣніемъ и дорого уступали каждую пядь земли. Изъ всѣхъ стычекъ болѣе серьезная была 24-го ноября, когда баронъ Иполитъ Вревскій съ колонною, ему порученною, вздумалъ открытою силою, среди бѣлаго дня, бросивъ рубку лѣса, направиться прямо въ лобъ на батареи, сооруженныя непріателемъ для бомбардированія нашего лагеря. Отважный полковникъ попалъ прямо подъ артиллерійскій и перекрестный огонь съ обѣихъ опушекъ вновь прорубленной просѣки; въ полчаса времени, не завладѣвъ, конечно, ни однимъ непріятельскимъ банникомъ, Вревскій вынесъ на носилкахъ убитыми и ранеными болѣе 200 человѣкъ, нисколько при этомъ не деморализовавъ непріятеля, такъ какъ онъ въ тотъ же вечеръ въ 11 часу открылъ канонаду по лагерю. Помимо потери въ людяхъ и лошадяхъ отъ ночной артиллерійской стрѣльбы, мы, злополучные, то-есть артель наша (Ушаковъ, Голицынъ, Вадковскій и я), потеряли еще въ тотъ вечеръ жаренную индѣйку! Ее несъ съ походной кухни къ намъ на столъ деньщикъ мой Иванъ Ильичъ, но въ это время надъ его головою съ шумомъ и трескомъ пронеслась огненная граната, онъ испугался и вмѣстѣ съ блюдомъ бросился прямо въ грязь, на землю. Потеря эта оказалась особенно чувствительной для Ушакова.

Не дешево досталась намъ такъ же новая позиція въ неприступномъ аулѣ Голенъ-Гойта. Аулъ этотъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки, въ мѣстности очень крѣпкой, населенъ онъ былъ самыми отважными джигитами Малой Чечни и усиленъ еще за послѣдній годъ водворившимися въ немъ жителями изъ разоренныхъ Алдинскихъ хуторовъ, что составляло вмѣстѣ до 2-хъ тысячъ отчаяннаго люда. Чеченцы долго держались, дрались отчаянно и каждую саклю защищали съ остервенѣніемъ, но въ концѣ концовъ должны были уступить и отретироваться на лѣвый берегъ рѣки, куда Фрейтагъ, не смотря на усиленный огонь непріятеля, переправилъ половину отряда. Курицы ворвались въ аулъ на лѣвомъ берегу, и работа штыками пошла на чистоту. Этой минутой воспользовались баталіоны Тенгинскіе и Грузинскій Гренадерскій, выдержавшіе во время нашей переправы весь отчаянный натискъ въ упоръ ихъ бившаго непріятеля; они бросились такъ же по грудь въ воду, молодцами вскарабкались на крутой берегъ съ фронта и одновременно съ подоспѣвшими справа кабардинцами, съ трехъ сторонъ, ужасающею, все истребляющею лавою, врѣзались въ самую средину гнѣзда чеченскаго. Не прошло и часа, когда обгорѣвшіе остовы сакель и на землѣ почернѣвшія густыя лужи крови и всюду

разбросанные людскіе трупы напоминали о такъ недавно существовавшемъ богатомъ аулѣ Голень-Гойтѣ... Потеря непріятели была громаднa, но и наша не пустая. Убитыхъ офицеровъ 4, раненыхъ 21, нижнихъ чиновъ убито 168, ранено свыше 300.

Послѣ этого дѣла, съ двумя баталіонами Навагинскаго, двумя Тенгинскаго и однимъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, подѣ начальствомъ барона Вревскаго, было приступлено къ истребленію аула Саибъ-дулы, расположеннаго въ верховьяхъ рѣки Урусъ-Мартана. И въ этомъ случаѣ колонна приступомъ взяла аулъ, все въ немъ истребила и сожгла до основанія. Но отважный джигитъ изъ джигитовъ, наибъ Саибъ-дула, не такъ легко продалъ гяурамъ свою резиденцію. Ускользнувъ самъ изъ рукъ побѣдителей, онъ заставилъ ихъ на рукахъ вынести много убитыхъ и раненыхъ, а въ довершеніе, при отступленіи, ударивъ въ шашки на арріергардные Навагинскія роты, принудилъ ихъ въ страшной паникѣ дрогнуть, бросить раненыхъ и до 20 человекъ, отрѣзанныхъ въ плѣнъ. Въ этотъ день всей убыли было до 400 человекъ, однихъ офицеровъ 16. Причину этой крупнoй потери объясняютъ дѣйствительно очень крѣпкою позиціею аула, но безспорно при этомъ есть и другая: необычайная и неумѣстная медленность барона Иполита Александровича Вревскаго. Прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, высокаго образованія и самыхъ честныхъ принциповъ, отличнѣйшій штабъ-офицеръ этотъ справедливо приобрѣлъ присужденное ему на Кавказѣ названіе Фабія Медлителя. То, что князь Барятинскій дѣлалъ въ 10 минутъ, Меллеръ въ 5 минутъ, баронъ Вревскій цѣлый часъ. Сторонники Вревскаго увѣряютъ, что онъ поставленъ былъ въ грустную необходимость дѣйствовать медленно, потому что навагинцы, не разъ уже потерпѣвшіе пораженіе, легко поддавались паникѣ, влекущей непременно къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. У Барятинскаго, впрочемъ, тоже была слабость понапрасну маневрировать подѣ выстрѣлами, что по отношенію такого геройскаго полка, какъ Кабардинскій, было по меньшей мѣрѣ непростительно, но князь нѣсколько разъ при мнѣ высказывалъ мнѣніе, что если въ дѣлѣ мало убитыхъ и раненыхъ, то въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ подобнаго дѣла не признаютъ за дѣйствительно существовавшее. Къ сожалѣнію, въ этомъ взглядѣ князя была своя доля грустной правды.

Между тѣмъ лагерная жизнь шла своимъ чередомъ. Ушаковъ еще въ Воздвиженскомъ соорудилъ отличную, очень просторную двойную палатку, съ подбоемъ внутри краснымъ сукномъ, деревяннымъ поломъ и стекляннымъ окномъ. Въ ней мы размѣстили три нашихъ желѣзныхъ кровати, а посреди складной обѣденный и вмѣстѣ ломберный столъ, на которомъ мы въ свободныя минуты дѣятельно подвизались въ вистъ. Толстый Вадковскій, хотя не приходился по душѣ никому изъ насъ, но, въ силу привилегіи состоять

въ разрядѣ «несчастныхъ», нахально втирался къ намъ каждый день, окончательно завладѣвъ правомъ безсмѣннаго четвертаго партнера.

Всѣ мы неособенно церемонились съ Иваномъ Яковлевичемъ, но Ушаковъ уже черезчуръ откровенно выказывалъ ему свое неуваженіе. Какъ-то играя съ нимъ противъ Голицына и меня, майоръ, провѣряя онѣры, спросилъ своего партнера, была ли у него фигура. «Одна, моя собственная!» — сострилъ Вадковскій.— Э, любезный, это не онѣръ!» — отрѣзалъ Ушаковъ къ невольной апробаціи присутствующихъ...

Во враньѣ своемъ Вадковскій нигдѣ не унимался Одинъ изъ свидѣтелей передавалъ намъ, что, будучи въ Грозной въ домѣ Шелиховскаго (инженера), онъ во всеуслышаніе рассказывалъ, что у насъ въ Воздвиженскомъ до того опасно, что вчетверомъ никогда не составляютъ партіи въ вистъ, а всегда приглашаютъ въ запасъ еще и пятаго. «Для чего же?» — наивно спросили дамы. — «А потому, что дз... мимо уха: думаешь — муха, нѣтъ — пуля, братецъ!.. И одного въ живыхъ какъ не бывало!». Если за 30 верстъ такъ практикуется доморощенный баронъ Мюнхгаузенъ, каково же онъ изощрялся въ Петербургѣ. И то по дорогѣ въ отпускъ послѣ экспедиціи 1847 года онъ на каждой станціи рассказывалъ зрителямъ и проѣзжающимъ о страшныхъ ранахъ нанесенныхъ ему холоднымъ оружіемъ, причемъ, не зная мѣры, довирался до того, что клятвенно увѣрялъ ихъ, что ударъ кинжала въ бедро былъ такъ силенъ, что вмѣстѣ съ рукояткой вынули лезвіе изъ другой стороны туловища. «Да, братецъ,—кончалъ онъ свою наглую ложь:—я израненъ, какъ рѣшето, показаль бы, да лѣнь раздѣваться».

Другой нашъ партнеръ, Голицынъ, тоже часто возбуждалъ въ насъ глубокое удивленіе. Такъ, между прочимъ, при выступленіи ему потребовался отдѣльный чемоданъ для вмѣщенія въ него однѣхъ памятныхъ книжекъ, всѣхъ тщательно переплетенныхъ съ золотыми обрѣзами и вывѣсками различныхъ содержаній: «общерасходная», «прихоцо-расходная», «карточная», «туалетная», «экстренная», «правила для прислуги» и т. д. Вся эта библіотека была накрыта сверху отдѣльною большею, чѣмъ всѣ прочія, бархатомъ обтянутой книгой, съ заглавіемъ: «мой дневникъ», который, не смотря на всѣ невыгоды и препятствія, каждый вечеръ

являлся на сцену, и Голицынъ, усталый, замерзшій, до костей промокшій, свято исполнялъ принятый объѣтъ ежедневно вносить свои впечатлѣнія, но отнюдь не болѣе одной страницы. для чего заблаговременно еще въ типографіи завѣтная книга «Дневника» была размѣрена, разрѣзана и по страницамъ помѣчена числами и мѣсяцами, на три года впередъ.

Описывая Александра Голицына, нельзя пройти молчаніемъ его отца и брата Сергѣя, обоихъ также кавказскихъ дѣятелей. Первый изъ нихъ, князь Владиміръ Сергѣевичъ, субъектъ достойный замѣчанія по многому изъ его жизни. Будучи молодымъ человекомъ и блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, князь Владиміръ Голицынъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра I, въ то еще время, когда почетное званіе это жаловалось на рѣдкость и лишь двѣнадцати избранныкамъ изъ всей побѣдоносной русской арміи. Счастливая наружность, острый умъ, свѣтское обращеніе, ловкость отличнаго танцора, знатное происхожденіе, родовое богатство, связи и родство—все вмѣстѣ давало исключительно завидное положеніе князю и не только въ высшихъ сферахъ, но и при дворѣ. Успѣхъ его и служебная карьера въ будущемъ казались вполне обеспеченными. Такъ нѣтъ же!.. Все рушилось внезапно и безповоротно вслѣдствіе выкинутой имъ пошлѣйшей и безумно дикой продѣлки, въ 1823 году, на большомъ придворномъ балѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Лишенный флигель-адъютантскихъ вензелей, Голицынъ на другой же день съ жандармомъ былъ высланъ на Кавказъ, и хотя съ тѣхъ поръ не оставлялъ службы, но только недавно (въ 1847 году) произведенъ въ генералъ-майоры, и этимъ онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ родству съ Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Смолоду Владиміръ Сергѣевичъ былъ страстный игрокъ въ карты и, живя всегда очень широко, обязанъ былъ отчасти временнымъ благосостояніемъ своимъ счастливому выигрышу у знаменитаго когда-то въ Москвѣ банкмета, Мусина-Пушкина, миліона рублей. Когда я съ нимъ познакомился, отъ выигрыша были одни лишь пріятныя воспоминанія, но Голицынъ продолжалъ очень любить карты и еще болѣе преферанса остроты и каламбуры. На этомъ поприщѣ онъ встрѣтилъ достойнаго соперника, въ лицѣ старшаго сына Сергѣя, личнаго адъютанта Фрейтага. Весною 1846 года, при вторженіи Шамиля въ Кабарду, когда въ укрѣ-

плени Нальчикѣ ночью ворвался въ спальню князя (тогда начальника центра Кавказской линіи) его адъютантъ съ грознымъ извѣстіемъ: «ваше сіятельство, партія, партія!»,—«а кто третій?»—спокойно спросилъ пробужденный. Со всѣмъ тѣмъ, вся подвластная Голицыну страна потерпѣла страшный погромъ, вызвавшій, между прочимъ, очень характерную переписку отца съ сыномъ, тогда бывшимъ въ Грозной. Узнавъ о пораженіи, нанесенномъ Шамилемъ въ Кабардѣ, и о степени участія, принятаго отцомъ Голицынымъ при отраженіи непріятели, князь Сергѣй отправилъ съ нарочнымъ къ нему въ Нальчикъ конвертъ, съ надписью на немъ: «бывшему начальнику бывшего центра». Раздраженный злымъ сарказмомъ сына, папаша адресуетъ ему отвѣтъ: «дураку Голицыну», немедленно же ему возвращенный изъ Грозной съ поправкой на официалномъ конвертѣ: «отъ дурака дураковича»... И этаго игривая полемика между отцомъ и сыномъ производилась посредствомъ служѣбныхъ сообщеній, перевозимыхъ нарочными джигитами на двухверстномъ разстояніи, въ періодъ самаго критическаго разгара нашествія вражьиx силъ въ предѣлы нашихъ владѣній...

Во время стоянки въ Голень-Гойтѣ познакомился я и сошелся съ обаятельнымъ княземъ Барятинскимъ. Узнавъ, что я нахожусь въ Куринскомъ полку, онъ самъ пожелалъ, чтобъ я ему представился, такъ какъ еще въ Петербургѣ ему обо мнѣ говорила и просила Софья Радзивиллъ, и съ тѣхъ поръ я получилъ разъ навсегда приглашеніе на его вечера и ужины, наравнѣ съ прочими завсегдатаями: Фрейтагомъ, Вревскимъ, Лорисомъ, Мирскимъ, Николаи, Едлинскимъ. Трудно себѣ представить впечатлѣніе, производимое на каждого изъ вечернихъ посѣтителей князя Барятинскаго, при рѣзкомъ переходѣ отъ дикой обстановки лѣсной позиціи, среди глубокаго снѣга и сильной морозной ночи, къ обширному, теплomu, изящному и горящему огнями канделябръ, роскошному помѣщенію столовой нашего именитаго хозяина. Въ первую минуту, переступая порогъ его жилища, поражаешься перемѣною блестящей декораціи, а полчаса спустя, при видѣ окружающей обстановки, совершенно забываешь и не хочешь даже вѣрить самому себѣ, что находишься среди враждебной Чечни, на позиціи въ Голень-Гойтѣ, гдѣ двое сутокъ назадъ не было помина не только о европейскомъ комфортѣ, но и о простой солдатской палаткѣ. Столовая князя, этого настоящаго барина по происхожденію и богатству, была около 12 аршинъ длины и 6 ширины; стѣны и потолокъ были обтянуты зеленымъ, билліарднымъ сукномъ, съ такими же драпировками на двухъ дверяхъ и шести окнахъ. Деревянный полъ во всю комнату былъ обитъ пушистымъ, красивымъ ковромъ. Среди столовой вытянуть рѣзной, орѣховаго дерева, обѣденный столъ, покрытый снѣжной бѣлизны скатертью. Сервизъ, то-есть блюда съ

крышками, поставленные надъ горящими спиртовыми конфорками, тарелки, приборы, стаканы, бокалы, массивные канделябры на столѣ и такія же бра на стѣнахъ—все безъ исключенія было благороднаго металла, чистаго серебра и художественной работы. За знаменитый столовый сервизъ этотъ, удивительный по цѣнности и красотѣ, en relief, съ внутреннею позолотою, заплачено было дѣдомъ Александра Ивановича въ Англіи болѣе 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Воздухъ въ комнатѣ былъ не только чистый и теплый, но благоуханіемъ своимъ напоминалъ будуаръ молодой женщины. За ужиномъ подавались кушанья уточненной французской кухни, и лилось высшаго достоинства бордо, бургонь и шампанское. Ко всему этому добавьте милое и вполне радушное обращеніе хозяина, веселый, неисчерпаемо-любезный разговоръ и безконечные, всегда оживленные рассказы его о видѣнномъ и слышанномъ въ жизни. Во избѣжаніе излишняго въ столовой присутствія прислуги, княземъ введена была система взаимнаго услуженія, то-есть блюда не подносились, а на конфоркахъ съ горящимъ спиртомъ всѣ стояли среди стола, и ближайшій къ очередному кушанью гость обязанъ былъ класть его на тарелки и передавать сосѣдямъ. Когда я ужиналъ въ первый разъ, князь среди ужина позвонилъ и приказалъ что-то своему мажордому Исаю. Исай вышелъ, но черезъ минуту вернулся и, направляясь прямо ко мнѣ, поднесъ на подносѣ серебряное шило. Въ недоумѣніи взглянулъ я на князя, поспѣшившаго очень серьезно объяснить мнѣ, что, по существующему закону его дома, я обязанъ этимъ шиломъ выскоблить мою фамилію на оборотной сторонѣ тарелки, «для воспоминанія, какъ любезно выразился хозяинъ, о чести, вами сдѣланной, откушать у меня хлѣба-соли». Я поторопился исполнить требованіе князя, но, къ удивленію, обернувъ мою тарелку, рѣшительно не могъ найти свободнаго мѣста для помѣщенія моей фамиліи, до такой степени она была уже испещрена другими. Мнѣ передали вторую и третью, и только на четвертой удалось мнѣ нацарапать мое имя. Взявъ эту тарелку изъ моихъ рукъ, князь Бяратинскій тутъ же въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе разъ навсегда быть его дорогимъ гостемъ... Послѣ ужина вошедшая прислуга въ одну минуту убрала столъ, потушила огни и принесла большую вызолоченную чашу съ вычурнымъ крестомъ на серединѣ, которая тотчасъ же запылала чуднымъ синимъ огнемъ, въ то время какъ капли падающаго съ креста жженаго сахару издавали причудливые звуки... И Фрейтагъ, и Вревскій, и всѣ мы, но особенно Іедлинскій, были въ отличномъ расположеніи духа, хотя неумолкаемымъ юморомъ шеголялъ больше всѣхъ самъ хозяинъ. Бяратинскій, не стѣсняясь, но въ самыхъ изысканныхъ формахъ, представлялъ поочередно cadaго изъ насъ въ лицахъ, удивительно удачно подмѣтивъ забавную сторону. Но Іедлинскому выпадала

въ этомъ случаѣ лвиная доля. Про него князь повѣствовалъ кучу анекдотовъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ опровергнутъ ихъ виновникомъ. Поводомъ къ началу разсказовъ послужило приключеніе наканунѣ, когда онъ, изрядно нагружившись обычною у князя жженкой, ночью возвращался къ себѣ на бивуакъ, но сбился съ дороги и внезапно провалился въ глубокую яму. Ошеломленный паденіемъ, онъ сталъ кричать, и къ нему на помощь подоспѣлъ случайно проходившій тенгинецъ. Солдатъ за руки вытянулъ его изъ темной ямы, но, увидавъ черкеску, измятую папаху, растрепанный видъ есаула, при блестящемъ свѣтѣ костра, страшное его оружіе, онъ впалъ въ сомнѣніе; когда же услышалъ на ломанномъ русскомъ языкѣ объясненіе Іедлинскаго, то окончательно проникся убѣжденіемъ, что пойманный имъ въ ямѣ не кто иной, какъ врагъ-чеченецъ. Никакими божбами и клятвами злополучный есаулъ не сумѣлъ разувѣрить вѣрнаго слугу отечества: тенгинецъ безцеремонно схватилъ его за шиворотъ и приволокъ въ караулъ къ ставкѣ начальника отряда. «Не пуцу,—грозно твердилъ онъ дорогой,—тамъ ты разберуть!». Фрейтагъ, еще не успѣвшій заснуть послѣ возвращенія отъ того же Барятинскаго, услышалъ шумъ, вступился и выручилъ мнимаго абрека. Іедлинскому было тогда около 30 лѣтъ, и онъ былъ на Кавказѣ уже четвертый годъ. Незаконный сынъ графа Браницкаго, брата Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, онъ бросилъ службу въ Австріи, гдѣ въ Венгерскомъ гусарскомъ полку былъ извѣстенъ, какъ замѣчательный ѣздокъ (скакавшій на пари на четырехъ смѣнныхъ лошадяхъ слишкомъ сто верстъ сряду), и перешелъ въ русскую службу, въ линейные казаки Моздокскаго полка сотникомъ. Родство и связи приобрѣли Іедлинскому обширныя знакомства, но отличная боевая служба, а главное юморъ, веселый нравъ, оригинальнѣйшій языкъ и остроты завоевали ему обще-кавказскую популярность. Самыя эксцентрическія выходки сходили ему даромъ, благодаря его исключительному положенію, какъ иностранца. Воздержностью онъ также не могъ похвалиться. Слухи о его дебошахъ дошли до помощника командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генерала Волоцкаго, вновь назначеннаго на эту должность изъ Россіи. Волоцкой, узнавъ о временномъ пребываніи въ Ставрополѣ Іедлинскаго, вызываетъ его къ себѣ въ пріемный день и при многихъ постороннихъ лицахъ обиняками, но въ слишкомъ прозрачныхъ намекахъ на Іедлинскаго, долго и внушительно порицаетъ офицеровъ, позволяющихъ себѣ невоздержно вести себя на передовой линіи. Іедлинскій слушалъ, слушалъ, и вдругъ, подступивъ къ самому генералу, сразилъ всѣхъ фразой:

— «От-то, ваше превосходительство, пьяный проспится,—при этомъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь,—а дуракъ никогда!»—причемъ отчаянно махнулъ рукою на Волоцкаго...

— «Есаулъ, какъ вы смѣете при объясненіи со мною такъ махать руками?»—строго спрашиваетъ Гедлинскаго атаманъ линейнаго казачьяго войска.

— «От-то, ваше превосходительство, что я члѣвѣкъ, а не собака! Она махаетъ хвостомъ, а я руками!»—ни секунды не задумываясь, отвѣтилъ Гедлинскій.

И опять-таки въ обоихъ случаяхъ все обошлось благополучно.

Вечеръ кончился. Фрейтагъ всталъ, а за нимъ и всѣ мы раскланялись съ гостепримнымъ хозяиномъ и вышли на воздухъ холодный, рѣзкій, сильно-морозный. Глазамъ вновь представилась непривѣтливая картина бивуачной дѣйствительности, и на первомъ же ея планѣ трое солдатъ, совершенно голые, съ веселыми прибаутками жарившіе надъ огнемъ костра свои закорузлыя рубахи, въ которыхъ пламя губило съ трескомъ безчисленное въ нихъ количество паразитовъ.

Но и на солнцѣ есть пятна, и нѣтъ на землѣ совершенства въ людяхъ. Грустная истина, но и неопровержимая! Ближе изучивъ А. И. Барятинскаго, я убѣдился, что себялюбіе и податливость къ лести его губятъ. Съ самыхъ пеленокъ онъ былъ избалованъ судьбою, щедрою рукой надѣлившей его всѣми благами міра. Происхожденіе, рожденіе, красота, способности, здоровье, связи, богатство и исключительное положеніе при дворѣ, все ему улыбалось. Удачи его въ военной карьерѣ и безпримѣрный успѣхъ у женщинъ могли бы вскружить голову каждому изъ смертныхъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не придавать значенія низкопоклонству и самой грубой, прозрачной лести. Разъ меня сильно покорило его тщеславіе. Былъ въ Кабардинскомъ полку поручикъ Ильченко, который началъ службу сдаточнымъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, затѣмъ въ фельдфебеля и наконецъ въ подпоручики. Какъ истый хохоль по происхожденію, Ильченко, какъ говорится, былъ себѣ на умѣ. На это ясно указывало положеніе, имъ устроенное при всесильномъ и вліятельномъ командирѣ, котораго онъ сумѣлъ обойти до смѣшнаго, и чѣмъ же? Самую грубую и пошлою лестью! Никогда не повѣрилъ бы я степени затменія такой свѣтлой личности, какъ князь Александръ Ивановичъ, если бы, къ сожалѣнію, не пришлось быть очевидцемъ возмутительной сцены. Разъ вошелъ я въ зеленую палатку князя въ ту минуту, когда онъ съ большимъ вдохновеніемъ рассказывалъ Р. К. Фрейтагу объ испытанномъ имъ сегодня впечатлѣніи. Вотъ рассказъ Барятинскаго.

«Сегодня Ильченко, въ общей офицерской столовой, въ присутствіи всего моего полка, держалъ мнѣ рѣчь. Въ ней яркими и восторженными чертами этотъ достойнѣйшій добрякъ доказывалъ, что Кабардинскому полку выпало особенное, необычайное теперь благополучіе.

— «Въ чемъ же оно?—въ недоумѣннiи спрашиваю я.

— «Въ томъ, что въ нашемъ полку два солнца.

— «Кто же въ Кабардинскомъ полку другое солнце?—полюбопытствовалъ я.

— «У насъ два солнца,—восторженно вскрикнулъ Ильченко:—одно свѣтило небесное, а другое земное: это—вы, ваше сіятельство!

«Да вѣтъ, какъ бы я ни рассказывалъ, — довершилъ Барятинскій,—я никакъ не сумѣю передать вамъ, Робертъ Карловичъ, всей прелести рѣчи Ильченка, и если бы вашему превосходительству угодно было его услышать».

— Ахъ, пожалуйста,—впередъ отгадывая желаніе сіятельнаго хозяина, поспѣшилъ сказать Фрейтагъ,—пошлите позвать его, я буду очень радъ.

Барятинскій, потирая руки отъ удовольствія, немедленно отдалъ приказаніе, и черезъ пять минутъ въ дверяхъ показалась бурбонская фигура поручика Ильченка.

— Идите сюда,—ласково встрѣтилъ его князь:—генералъ желаетъ слышать лично отъ васъ сказанную сегодня рѣчь вашу, потому что я, признаюсь, плохо ее понималъ, а потому и передать не сумѣлъ.

Ильченко довольно развязно шаркнулъ передъ начальникомъ дивизіи и повторилъ бойко свою рѣчь, причемъ Барятинскій нѣсколько разъ повторялъ въ сторону Фрейтага: «n'est ce pas qu'il est charmant?».

17-го декабря, во время нашего обѣда, баронъ Меллеръ прислалъ намъ только что полученные съ почтою изъ Воздвиженскаго высочайшіе приказы, гдѣ краснымъ карандашемъ подчеркнутыя строки отъ 8 декабря я прочелъ съ восторгомъ: «за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлѣ при истребленіи аула Дубы, производятся такіе-то, и изъ прапорщиковъ въ подпоручики—Полторацкій со старшинствомъ съ 6-го марта сего года». Всѣ наши офицеры получили награды за 6-е марта. Въ числѣ ихъ, орденъ св. Владиміра — Меллеру; золотая пашка съ надписью «за храбрость» — счастливцу капитану Тихонову; орденъ Анны 3-й ст. съ бантомъ—Швахгейму, Мансурадзе, Мерклину, Руденку и другимъ. Въ подпоручики, кромѣ меня, произведены Юргенсонъ и Чекуановъ. Но больше всѣхъ везетъ Тихонову. За лѣнь и шалости исключенный изъ Полтавскаго корпуса и отправленный на Кавказъ юнкеромъ въ Куринскій полкъ онъ черезъ двѣ недѣли попадаетъ въ Даргинскую экспедицію и въ соникахъ же получаетъ солдатскій Георгіевскій крестъ, затѣмъ послѣ роковой сухарной экспедиціи, при отступленіи изъ Дарго, 8-го іюля, раненъ пулею въ бедро. Его кладутъ на носилки и влекутъ на перевязочный пунктъ, но по дорогѣ встрѣчается главнокомандующій, въ тотъ день лично, съ неимовѣрнымъ самоотверженіемъ, слѣдящій за ходомъ боя въ арріергардѣ.

— Кого несете, братцы? — спросил графъ Воронцовъ куринецъ.

— Юнкера Тихонова, ваше сіятельство, — отвѣтили они.

— Поздравляю его прапорщикомъ, — громко возгласилъ гр. Михаилъ Семеновичъ. Тихонова пронесли на сотню шаговъ далѣе, и солдаты, чтобы вздохнуть отъ ноши, остановились въ сторонѣ. Тѣмъ временемъ главнокомандующій съ очень малою при немъ свитой, при общемъ движеніи отряда, проѣзжаетъ верхомъ впередъ и снова останавливается въ ожиданіи арріергарда, гдѣ тогда кипѣла отчаянная свалка. Мимо него опять проносятъ Тихонова.

— Кого несете, ребята? — спросилъ онъ. Куринцы, слышавшіе о пожалованіи ихъ юнкеру чина, смѣло отчеканили:

— Раненаго прапорщика Тихонова, ваше сіятельство!

— Поздравляю его подпоручикомъ, — объявилъ графъ. Опять солдаты понесли раненаго впередъ и опять остановились. Снова главнокомандующій обогналъ ихъ и опять придержалъ коня своего.

— Кого несете, куринцы?

— Подпоручика Тихонова! — уже весело отвѣчаютъ молодцы.

— Поздравляю его поручикомъ! — одобрительно, подъ градомъ пуль, кричитъ имъ графъ, приказывая дежурному при немъ адъютанту Глѣбову записывать фамиліи всѣхъ ежеминутно проносимыхъ мимо раненыхъ, тутъ же для вящаго поощренія награждая ихъ чинами, въ силу Высочайше дарованнаго главнокомандующему права, въ своемъ личномъ присутствіи, производить оберъ-офицеровъ на полѣ сраженія. Тихоновъ хотя былъ раненъ очень тяжело, но не на столько, чтобъ не сознавать всего случившагося. Четверть часа спустя, въ четвертый разъ его пронесли мимо озабоченнаго графа, и на этотъ разъ на вопросъ, кто раненый, Тихоновъ приподнялъ голову и слабымъ голосомъ самъ отвѣтилъ:

— Поручикъ Тихоновъ, ваше сіятельство!

— Поздравляю васъ, милѣйшій Тихоновъ, штабсъ-капитаномъ! — улыбаясь утѣшилъ раненаго страдальца гр. Михаилъ Семеновичъ, конечно, не подозрѣвая случившихся недоразумѣній. Въ этотъ же вечеръ на бивуакѣ, въ приказѣ графа по отдѣльному корпусу, было объявлено о вновь произведенныхъ, а въ числѣ ихъ и Тихонова — въ штабсъ-капитаны. Рассказываютъ, но за достовѣрность не ручаюсь, что впоследствии было доложено главнокомандующему о происшедшемъ *qui pro quo*, на что, будто бы, онъ только возразилъ: «отъ своихъ словъ я никогда не отказываюсь», — и это производство стало совершившимся фактомъ.

Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ! — скажетъ какойнибудь Гома невѣрный, но для убѣжденія стоитъ взглянуть въ формулярный списокъ Тихонова, гдѣ за одно число, 8-е іюля, ему дано четыре чина. Впрочемъ и послѣдніе два года онъ служитъ счастливо: за Кабарду (1846 г.) онъ получилъ орденъ Анны 3-й ст. съ бан-

томъ, за мелкія дѣла того же года—чинъ капитана, за Алдинскіе хутора—Владимира 4-й ст. съ бантомъ, а за Дубу—золотую шапку.

23-го числа, еще до разсвѣта, весь отрядъ поднялся съ бивуака и съ мѣста же раздѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ: тенгинцы и навагинцы съ Вревскимъ потянули къ Владикавказу, Кабардинскій полкъ, баталіонъ грузинцевъ и нашъ 4-й подъ начальствомъ Фрейтага—въ Грозную, а мы въ Богоспасаемую крѣпость Воздвиженскую. Чеченцы до того присмирѣли, что все отступление совершилось безъ боя, и мы благополучно достигли желанныхъ жилищъ, гдѣ отлежались и выспались въ волю.

V.

Лагерь на Урусъ-Мартанѣ.—Бой 22-го января.—Отдыхъ въ Воздвиженскомъ.—Пистолькорсь и его выходки.—Переходъ по Сунженской линіи.—Отступление съ Валерика.—Приказъ «поселиться» въ Тифлисъ.—Пріемъ намѣстника.—Дондуковъ, Васильчиковъ, Кочубей, Шеміотъ и его исторія.—Англійскій клубъ.—Замѣчательный вистъ.—Кулебакинъ и Беръ.—Пикникъ отъ дамъ.—Скачки.—Праздникъ въ ботаническомъ саду.

Не долго пришлось намъ пробыть въ Воздвиженскомъ: 9-го числа, въ томъ же составѣ, отрядъ нашъ стоялъ опять бивуакомъ подъ открытымъ небомъ на вырубленной три недѣли тому назадъ полянѣ. Устройствомъ передовой Сунженской линіи, отъ Грозной до Владикавказа, мы очень стѣснили Малую Чечню, но постройкой теперь крѣпостей на Мартанѣ, Валерикѣ и Ассѣ мы окончательно приводили въ исполненіе ея смертный приговоръ. Опять ходили мы въ лѣсъ съ Вревскимъ и съ Бярятинскимъ, и 22-го января даже было у насъ жаркое дѣло. Первый баталіонъ нашъ, съ кабардинцами во главѣ, атакował ауль Джангаръ-юртъ, гдѣ жители, скрываясь за поперечными громадными завалами, били людей на выборъ. Одною изъ первыхъ жертвъ палъ командиръ 2-й егерской роты, поручикъ Голыгинъ, сраженный пулею въ грудь навывлетъ. Тутъ, на вырубленной мѣстности, поляна, примыкающая къ Джангаръ-юрту, нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки: то кабардинцы, поддерживаемые справа 1-мъ баталіономъ куриинцевъ, штыками дружно очищали всю поляну, то уступая значительному неприятелю, сплошною массою бросающагося въ шапки, егеря гнулись и подавались назадъ, но стройно, безъ суеты. Нѣсколько разъ имъ пришлось изъ вынужденнаго отступленія переходить въ бѣшеную атаку, и это случалось всякій разъ, когда тѣло убитаго или раненаго товарища грозило остаться въ рукахъ неприятеля. Когда свалился Голыгинъ, прапорщикъ Пистолькорсь, очень видный собою, бросился впереди стрѣлковъ своихъ и, вскочивъ на высокій пенъ, громко и отчетливо сталъ съ него картинно распоряджаться,

но въ ту минуту, когда онъ всею стройною фигурою своей обернулся назадъ отдать приказаніе унтеръ-офицеру, чеченская пуля насквозь пронизала его туловище, ударивъ въ спину и выйдя въ груди. Въ то мгновеніе, когда солдаты бросились поднять его и уже поволокли раненаго назадъ къ перевязочному пункту, молодой подпоручикъ Анастасьевъ, полный отваги и молодечества, какъ бы изъ слѣпаго подражанія Пистолькорсу, вскочилъ на очищенное послѣднимъ мѣсто на высококомъ пнѣ и тутъ же моментально, съ разбитымъ черепомъ, совершилъ страшное сальтомортале на землю. Князь Барятинскій хотѣлъ замѣнить нами пострадавшіе баталіоны своего полка, но молодцы кабардинцы громко кричали противъ этого, и подполковникъ Майдель, какъ старшій офицеръ, поспѣшилъ лично отъ имени своихъ героев исходатайствовать у князя разрѣшеніе не дѣлиться ни съ кѣмъ славою арріергарднаго дѣла. Мало-по-малу и насъ, однако, ввели въ огонь при общемъ отступленіи; одно время было очень жарко, но по мѣрѣ выхода изъ тучобы въ открытую мѣстность дѣлалось все легче и спокойнѣе и, наконецъ, къ 4-мъ часамъ дня мы выбрались съ верховьевъ Валерика на чистую поляну, въ виду лагеря, для перевязки раненыхъ и приведенія въ извѣстность потери. Убито 6 офицеровъ, ранено 21; нижнихъ чиновъ убито 162, ранено 290 и безъ вѣсти пропавшихъ около 30 человекъ. О степени силы огня можно судить по числу снарядовъ—орудійныхъ до 1.600, а ружейныхъ болѣе 330 тысячъ. Героями дня были князь Барятинскій съ кабардинцами и нашъ 1-й батальонъ куринцевъ.

Колонна ушла черезъ Гойту на Грозную, куда на рукахъ и понесли раненыхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Пистолькорсъ; онъ со спартанскимъ мужествомъ переносилъ страшныя мученія отъ сквозной раны въ груди, шутилъ, острилъ и смѣялся. Такъ какъ и въ Воадвиженскомъ у него было много поклонниковъ, которые сами не были очевидцами его подвига, то пришлось удовлетворить ихъ любопытству. Надо сказать, что преобладающая въ Пистолькорсѣ страсть была играть первую роль руководителя, проповѣдника. Сообразивъ, что одною блистательною храбростью перещегоолять всѣхъ въ Куринскомъ полку невозможно, или слишкомъ трудно, Пистолькорсъ бросился въ татароманію, то-есть свелъ кучачество съ мирными чеченцами, перенялъ отъ нихъ одежду, посадку на конѣ, джигитовку и всѣ прочіе приемы. Снисходительный взглядъ начальства на форму одежды офицерства устранялъ всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи, и при встрѣчѣ на улицѣ иного офицера трудно было отличить отъ чеченца или духанщика. Тогда-то Александръ Васильевичъ Пистолькорсъ приобрѣлъ въ свою собственность домъ въ Грозненскомъ поселеніи, обзавелся по примѣру линейнаго казачества полнымъ домашнимъ хозяйствомъ, склонилъ завѣдывать имъ красивую мамуку Полю, облачился съ ногъ до головы

въ военные доспѣхи горскаго туалета, навѣсилъ на себя весь комплектъ азіатскаго оружія и, возсѣвъ на караго кабардинца, натянулъ поводья, далъ плеть и, пронзительно гикнувъ почеченски, окончательно обрекъ себя въ непобѣдимые джигиты... Съ этой минуты новый абрекъ пустилъ въ ходъ самыя эксцентричныя выходы на удивленіе и благоговѣйное созерцаніе всевозрастающей клики его поклонниковъ. Въ 1846 году, когда по тревогѣ, въ апрѣлѣ, подхватили наши баталіоны и повели ихъ въ Кабарду, многіе офицеры выѣхали по барабану за ворота крѣпости почти въ чемъ засталъ ихъ тревожный кличъ, то-есть безъ перемѣны бѣлья и гроша въ карманѣ. Пистолькорсъ выскочилъ также очень быстро и безъ всякихъ запасовъ. Форсированное движеніе отъ Грозной до Большой Кабарды, погоня за партіями Шамиля и обратный путь съ кавказскаго центра на лѣвый флангъ продлились болѣе трехъ недѣль непрерывной толкотни взадъ и впередъ. Всѣ участвующіе терпѣли всевозможныя лишенія, но и тутъ пальма первенства выпала Пистолькорсу. Когда при вступленіи отряда въ Грозную все населеніе крѣпости высыпало за ворота на встрѣчу ошипанныхъ на видъ и очень утомленныхъ побѣдителей, впереди 4-й егерской роты пѣшкомъ (за потерю въ походѣ лошади), въ оборванномъ бешметѣ, босой, съ окровавленными по колючкѣ ногами, шагаль бодро и гордо одинъ Пистолькорсъ. Какъ бы то ни было, но это былъ человекъ не дюжинный по смѣлости и умѣнью увлекать за собой другихъ.

Зимняя экспедиція 1847—1848 годовъ еще не кончилась, три періода уже сломали, четвертый же предстояло начать съ 30-го января, и уже изъ Грозной, откуда мы и выступили за Сунженскія ворота по открытой мѣстности вдоль лѣваго берега Сунжи. Мнѣ, какъ охотнику, не забыть пріятнаго эпизода, случившагося здѣсь въ нашей однообразной жизни. Въ день выступленія погода стояла теплая, на небѣ нависли тучи, которыя во время привала разразились частымъ дождемъ, мочившимъ насъ до самаго ночлега въ Казакичу. Ночь здѣсь провели мы съ грѣхомъ пополамъ, въ особенности къ утру, когда стало очень студить; но въ 8 часовъ, при выступленіи, солнце показалось въ полномъ величій своемъ, и погода оказалась хотя и свѣжей, но ясной и тихой. Снѣгъ отъ вчерашняго дожда осѣлъ и, скованный ночнымъ морозомъ, образовалъ насть, то-есть корку, чѣмъ въ этотъ день и суждено намъ было воспользоваться со славою. Только что обозъ отряда, вытянувшійся въ три ряда, успѣлъ отойти отъ ночлега версты двѣ, три, какъ съ лѣвой, а еще болѣе съ правой стороны разскакались по нѣскольکو человекъ офицеровъ, казаковъ, юнкеровъ. Приблизившись къ одной изъ движущихся группъ, я увидѣлъ передъ нею скачущую дикую козу. Утомленное усиленною гоньбою настагающихъ ее преслѣдователей, граціозное животное, проваливаясь черезъ верхнюю снѣжную кору, съ окровавленными отъ наста ножками, тонуло во всю

*

глубину снѣга, истощало свои силы и, ежеминутно сокращая быстроту бѣга, падало, наконецъ, подъ шашечными ударами конныхъ враговъ своихъ. Уже съ разныхъ сторонъ привезли въ колонну до восьми трофеевъ бѣшеной скачки, когда я на безобразно взмыленномъ ворономъ моемъ, совершенно одинъ, отдѣлился влѣво и въ параллель колонны, на разстояніи версты, поѣхалъ шагомъ. Впереди меня разстилалась безконечная равнина, слѣва окаймленная на нашемъ берегу Сунжи высокимъ лѣсомъ. Солнечные лучи играли на гладкой поверхности снѣга, и мириады серебряныхъ звѣздъ причудливо блестяли, какъ брилліанты, рѣзко ослѣпляя зрѣніе. Больно было глазамъ глядѣть передъ собою, и я, руками оградивъ ихъ отъ яркихъ лучей, замѣтилъ передъ собою на разстояніи не болѣе ста сажень массу черныхъ неподвижныхъ предметовъ, отчетливо выдѣляющихся на снѣжно-бѣломъ фонѣ. Принявъ ихъ за чеченскіе памятники надъ умершими, я беззаботно подвигался впередъ, но внезапно замѣтилъ, какъ это мнимое кладбище зашевелилось: я сталъ пристальнѣе всматриваться, и что же оказалось? Громаднѣйшее стадо дикихъ козъ числомъ въ нѣсколько сотъ штукъ. Изумленный, я остановилъ лошадь, а прелестныя животныя въ видимой нерѣшимости, въ какую сторону броситься, какъ будто ожидали указаній вожаковъ своихъ. Прошло нѣсколько минутъ обоюднаго созерцанія, но вотъ съ красивыми рогами козель сдѣлалъ рѣшительный прыжокъ, второй и третій, а за нимъ вслѣдъ устремилось и все громадное стадо какъ разъ по направленію нашего отряда. Нѣсколько минутъ назадъ я восторженно любовался изящною красотою и граціей этихъ миловидныхъ животныхъ, а теперь, когда они бросились къ намъ на свою погибель, я забылъ все и, толкнувъ вороного, съ крикомъ и махая папахой, понесся за ними.

Стадо козъ, по пятамъ преслѣдуемое мною, устремилось прямо въ разрѣзъ движущагося вагенбурга. При приближеніи ихъ, въ колоннѣ все зашевелилось, все приготовилось встрѣтить богатую дичину. Конные и пѣшіе бросились къ нимъ и открыли беспощадную стрѣльбу. При этомъ, какими судьбами ни одна изъ шальныхъ пуль не попала въ меня или въ лошадь мою, можно приписать лишь удивительной случайности. Но зато козлы и козы пострадали жестоко. Многіе изъ нихъ пали отъ пуль, другіе отъ холоднаго оружія, были даже схваченные живьемъ, а нѣкоторые сами съ размаха ударялись въ везы и добиты были тутъ же деньщиками и фурштатами.

Со всѣмъ тѣмъ значительная часть стада прорвалась черезъ всѣ препятствія и выскочила въ открытое поле, гдѣ имъ и удалось спастись. Придя на ночлегъ въ Ачхосское укрѣпленіе, мы, не смотря на утомленіе, долго предавались еще разсказамъ и диспутамъ.

Въ день роспуска Чеченскаго отряда съ береговъ воспѣтаго Лермонтовымъ Валерика,—роспуска на этотъ разъ не временнаго,

а окончательнаго, послѣ утомительной зимней экспедиціи, баронъ Меллеръ-Закомельскій получилъ письмо отъ главнокомандующаго, въ которомъ князь Воронцовъ, подробно входя въ разныя распоряженія, касающіяся его Куринскаго полка, между прочимъ, упомянулъ объ отправленіи подпоручика Полторацкаго въ Тифлисъ повеселиться. Въ припадкѣ высшаго благополучія, испытаннаго Меллеромъ, при чтеніи собственноручнаго къ нему посланія его свѣтлости, онъ второпяхъ, а, можетъ быть, по нечеткости почерка князя, прочелъ «въ Тифлисъ поселиться» и съ письмомъ въ рукахъ поспѣшилъ къ Фрейтагу. Робертъ Карловичъ, внимательно прочтя письмо отъ доски до доски, впалъ въ ту же ошибку и немедленно сдѣлалъ распоряженіе объявить въ приказѣ по 20-й дивизіи объ откомандированіи подпоручика Полторацкаго въ г. Тифлисъ, къ особѣ его сіятельства главнокомандующаго, причемъ Меллеръ также приказомъ по полку повелѣлъ мнѣ скорѣй отправляться къ мѣсту моего новаго служенія: выдачею прогонныхъ денегъ и подорожной меня также, конечно, не задержали, и я съ отраднымъ чувствомъ полного осуществленія двухлѣтнихъ ожиданій выѣхалъ въ давно желанный градъ Тифлисъ, гдѣ, однако, недолго пришлось парить мнѣ въ восторженныхъ мечтахъ, рѣзко разбитыхъ вопросомъ удивленнаго моимъ появленіемъ начальника штаба, генерала Коцебу: «зачѣмъ вы сюда прибыли?» Отвѣтъ мой повлекъ къ разъясненію грустнаго недоразумѣнія, вся тяжесть котораго, конечно, пала на одного меня. Какъ послѣ приказа по дивизіи и полку о лестномъ моемъ назначеніи я явлюсь обратно, не подавъ тѣмъ повода заподозрѣть, что я оказался недостойнымъ состоять въ свитѣ князя Воронцова?

Правда, что полковой командиръ мой, а также и начальникъ дивизіи, не разъ имѣли случай лично слышать изъ устъ главнокомандующаго о непремѣнномъ намѣреніи его сіятельства взять меня къ себѣ адъютантомъ, но во всякомъ случаѣ поторопились на основаніи лишь частнаго письма князя.

Отъ начальника штаба я отправился во дворецъ князя-намѣстника для представленія его сіятельству. Князь очень милостиво и ласково обошелся со мною и, пріятно улыбаясь, повторилъ мнѣ жестокія слова о вызовѣ меня въ Тифлисъ «повеселиться». Послѣ пріема всѣхъ представляющихся, главнокомандующій удалился въ кабинетъ, откуда дежурный адъютантъ, Лисаневичъ, вынесъ мнѣ приказъ его сіятельства—назавтра обѣдать въ клубъ.

Видя мое удивленіе, Лисаневичъ посвятилъ меня въ существующую систему его сіятельства по четвергамъ обѣдать за табль-д'отомъ клуба, а потому являющихся къ нему въ среду онъ приглашаетъ обѣдать въ четвергъ въ англійскій клубъ, котораго онъ почетный старшина. На другой день, въ шестомъ часу, явился я въ клубъ, гдѣ уже по распоряженію князя былъ записанъ его гостемъ и за сто-

ломъ имѣлъ честь сидѣть рядомъ съ его сіятельствомъ, усердно угощавшимъ меня на свой счетъ обѣдомъ и виномъ. Послѣ стола князь выразилъ желаніе видѣть меня членомъ клуба и довершилъ свое вниманіе, собственноручно записатьъ меня кандидатомъ въ книгу на баллотированіе, а затѣмъ, пожимая мнѣ руку, добавилъ:

— Любезнѣйшій Полторацкій, прошу тебя, когда не будешь имѣть «иного ангажемента», то всякій день обѣдать у меня. Приборъ твой поставленъ разъ навсегда.

Помѣстился я въ гостинницѣ Крылова на Почтовой улицѣ, наискось отъ княжескаго дворца, очень удобной и недорогой, и сталъ дѣлать визиты всей свитѣ князя. Сосѣдомъ у меня былъ полковникъ Кулебакинъ, такъ называемый «немирной», умный, милый, но страшно горячій человекъ, уже два раза дорого пошлатившійся за невоздержный характеръ солдатскою шинелью. Онъ снова выслужилъ штабъ-офицерскіе эполеты, но нрава своего не перемѣнилъ, такъ же вспылчивъ, горячъ и необузданъ. Провзительный голосъ его раздавался часто на весь домъ. Съ другой стороны стоялъ генераль Багговуть, прославившійся въ польскую кампанію, гдѣ подъ Остроленкой лишился частицы черепа, оторванной осколкомъ гранаты. Онъ носилъ золотую накладку, перевязанную черезъ лобъ черной повязкой, былъ очень красивъ и любезенъ въ обществѣ. Возбновивъ старыя знакомства, я много приобрѣлъ и новыхъ, но особенно былъ счастливъ, когда Дондуковъ представилъ меня блестящей звѣздѣ тифлискаго beau-monde'a княгинѣ Аннетѣ Мухранской. Такихъ глазъ и улыбки я никогда уже потомъ не видѣлъ! Дочь царевича Ивана Грузинскаго, она съ дѣтства воспитывалась въ Парижѣ, а затѣмъ вышла за добраго малаго князя Мухранскаго, адъютанта князя Бебутова. Своими изящными манерами, живымъ умомъ и замѣчательною красотой княгиня успѣла плѣнить многихъ до сумасшествія. Одна изъ жертвъ несчастной къ ней любви, какой-то князь Голицынъ (гримасникъ, по прозванью) пустилъ себѣ пулю въ лобъ, но этотъ фактъ не отрезвилъ другихъ. И на покойнаго Мишу Глѣбова указываетъ хроника, какъ на одного изъ самыхъ страстныхъ обожателей дивной княгини. Изъ туземныхъ домовъ я чаще другихъ сталъ бывать у Мухранскихъ, въ другихъ же, куда являлся изъ приличія, игралъ глупѣйшую роль, не понимая языка и осужденный самъ не произносить ни слова. Русскихъ семействъ было мало, но одно изъ нихъ, и чисто русское, меня обворожило совершенно: это—семейство Гогеля, помощника генерала Коцебу. Глава семейства, генераль-маіоръ Иванъ Ивановичъ, былъ самымъ милымъ, самымъ радушнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ дома, въ душѣ и на дѣлѣ кровно-русскимъ бариномъ. Марья Дмитріевна, жена его, рожденная Исакова, любезна, привѣтлива и добра. Узнавъ о ложномъ положеніи, въ которое я былъ поставленъ, и мужъ и жена обласкали меня, какъ только могли

сердечные, родственные люди. Вся милая семья, кругомъ большого самовара за вечернимъ чаемъ, невольно заставляла забывать, что живешь въ Азіи, а не на дорогой родинѣ, въ Россіи.

Старые знакомцы, Дондуковъ съ Васильчиковымъ и Сергѣй Кочубей, занимали втроемъ прекрасный домъ въ Салолакахъ. Жили они общимъ хозяйствомъ, держали прекраснаго повара, принимали гостей, кормили и поили ихъ отлично. Я обѣдалъ у нихъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ; рѣчь всегда веселая, живая; ее поддерживали постоянные посѣтители, Минквицъ и Кулебакинъ, а изрѣдка Шеміотъ.

Кромѣ этого кружка, я все чаще и чаще сталъ бывать въ клубѣ, гдѣ единогласно былъ выбранъ въ члены и потому имѣлъ возможность ежедневно тамъ обѣдать. Клубъ былъ любимымъ мѣстомъ сбора всей почти свиты намѣстника, здѣсь играли въ карты, на биллиардѣ, а главное болтали, болтали свободно и весело.

Изрѣдка приходилось, всетаки, являться и къ столу князя Воронцова. Обѣдая у него какъ-то съ Кулебакинымъ, я замѣтилъ, что тотъ не далъ дворецкому смести въ концѣ обѣда крошки со стола, а быстро отобралъ хлѣбъ у сосѣдей и положилъ къ себѣ на тарелку.

— Что вы дѣлаете, милѣйшій Николай Петровичъ?—съ любопытнымъ удивленіемъ спросилъ его намѣстникъ.

— А я слышалъ,—черезъ весь столъ невозмутимо серьезно отвѣчалъ Кулебакинъ:—что ваше сіятельство изволили за Шеміотомъ утвердить поставку хлѣба въ Тифлисъ, а потому во избѣжаніе риска умереть съ голоду я дѣлаю запасы.

Князь разразился громкимъ смѣхомъ, конечно, подхваченнымъ всѣми гостями.

Въ Тифлисъ я, повидимому, ничего не дѣлалъ, а между тѣмъ не хватало даже времени на посѣщеніе многихъ семействъ, куда такъ любезно приглашали. Вертишься среди безпутной молодежи и завертишься окончательно. Клубъ особенно отрывалъ много времени. Попадешь туда съ утра на четверть часа пробѣжать газеты, а смотришь — тамъ ужъ составилась партія на биллиардѣ, послѣ обѣда вистъ, а послѣ и просто выпивка.

Однажды, послѣ скромнаго обѣда въ клубѣ, составилась вистъ: Багговуть, Кулебакинъ, Беръ и я. Беръ, вице-губернаторъ кутаисскій, больной и уже старый челоѣкъ, страдалъ хроническимъ воспаленіемъ горла и, потерявъ совершенно голосъ, говорилъ только шепотомъ. По картамъ Багговуть сѣлъ играть первый роверъ со мною противъ Кулебакина и Бера. Намъ пришла ломовая игра, и мы сдѣлали противникамъ большой племя. Кулебакинъ ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что всѣ мѣлки разлетѣлись на полъ, и сталъ зычнымъ голосомъ разносить своего партнера

* «Истор. вѣстн.», февраль, 1893 г., т. LI.

такъ горячо и громко, что изъ сосѣднихъ комнатъ сбѣжалась испуганная публика.

— Какое вы имѣли право, милостивый государь, ходить въ бубны?—неистово кричалъ онъ.

— Да я,—шепотомъ оправдывался Беръ,—въ бубны не ходилъ, потому что въ рукѣ не былъ.

— Не были въ рукѣ?—опять разразился Николай Петровичъ,—а трефы-то зачѣмъ разнесли? Кто виновать, что мы проиграли племъ, вы или я? Отвѣчайте же, милостивый государь!—завопилъ Кулебакинъ.

— Да у меня ни одной трефы не было: напрасно, Николай Петровичъ, вы меня обвиняете, — опять смиренно прошепталъ Беръ.

— Милостивый государь, я вамъ не позволю на себя кричать!—заоралъ громче прежняго немирной.

— Господа!—умоляющимъ голосомъ, но чуть слышно, обращаясь къ публикѣ, прошепталъ Беръ:—господа, ради самого Бога, будьте справедливы и рѣшите, кто на кого кричить.

Эта мольба кроткаго Бера была до того комична, что всѣ разразились хохотомъ, а самъ немирной Кулебакинъ опомнился и бросился цѣловать Бера.

Особенно хорошо провелъ я Вербное воскресенье за 15 версть отъ города, на почтовой станціи, въ шумной и веселой компаніи съ прелестнѣйшими женщинами.

На Святой замышлялся отвѣтный фестиваль, въ ожиданіи котораго, въ видѣ репетиціи вѣрно, послѣдніе дни выдавались особенно безпутными... Послѣ одного изъ такихъ кутежей явилась пролетка тройкой для прогулки, на ней верхами усѣлись: на коренномъ—Циммерманнъ, на двухъ пристяжныхъ—Васильчиковъ и я, за кучера сѣлъ Дондуковъ, а на барскомъ мѣстѣ очень ненадежно укрѣпился Минквицъ. Подъ дугой зазвенѣлъ валдайскій колокольчикъ, на уздечкахъ забрянчали армянскіе бубенцы, кучеръ щелкнулъ кнутомъ, пронзительно взвизгнувъ, и тройка понеслась мимо дворца по Головинскому проспекту. Еще было свѣтло. Не доѣзжая рѣки, встрѣтили зурну съ оркестромъ и, усадивъ ихъ на двухъ извозчичьихъ дрожкахъ, торжественно съ музыкой совершили обратный путь на Эриванскую площадь. Толпа зѣвая не давала возможности катить быстро, и мы, къ великому удовольствію публики, по армянскому базару подвигались шагомъ. На другой день князь главнокомандующій прелюбезно объявилъ Дондукову, что онъ изъ окна любовался нашимъ поѣздомъ, причѣмъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что кучеръ ловко умѣетъ «править». Двусмысленное ли это было предсказаніе, или злая иронія? На-

шего старца не раскусишь, а всетаки великое ему спасибо, что онъ не поставилъ намъ въ счетъ нашего безпутства и среди него умѣлъ усмотрѣть лучшее нашей натуры.

Итакъ, уполномоченные: Васильчиковъ, Лорисъ и я, собрались въ Ботаническомъ саду, гдѣ совокупно и занялись приведеніемъ въ чистоту грота, площадки и ближайшихъ дорожекъ для праздника, а также составили смѣту и заказы по устройству иллюминаціи, буфета, декораціи, музыки и проч.

Въ самый день праздника, утромъ, въ восьмомъ часу, когда я еще крѣпко спалъ, влетаетъ въ комнату Дондуковъ, безцеремонно будить меня и объявляетъ свѣжую новость, что я сегодня черезъ два часа скачу на его лошади. «Какъ? что?» — съ просонья ничего не понимаю. Объясняется загадка тѣмъ, что на назначенной сегодня императорской скачкѣ, между прочимъ, будетъ состязаніе любителей, и на персидскомъ жеребцѣ Дондукова долженъ былъ выѣхать корнетъ князь Абашидзе, но онъ ночью заболѣлъ, а слѣдовательно вмѣсто него Дондуковъ проситъ, требуетъ, чтобы скакалъ я.

Всѣ доводы мои о томъ, что я лошади его не знаю, что къ скачкѣ не подготовился, а главное, то обстоятельство, что необходимо сейчасъ же отправляться въ Ботаническій садъ, — остались гласомъ вопіющаго въ пустыни, и злой геній мой стащилъ меня съ постели, заставилъ надѣть парадную форму и, не позволивъ проглотить стакана чаю, повлекъ меня къ себѣ на конюшню, а оттуда къ скаковому кругу. Зданіе, выстроенное на ипподромѣ, уже переполнено массой любопытныхъ.

Пользуясь праздничнымъ днемъ и восхитительною весеннею погодой, все населеніе Тифлиса, въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, спѣшитъ къ мѣсту зрѣлища. Ложи всѣ до одной переполнены бомондомъ, а галереи гнутся подъ тяжестью народа всѣхъ сословій и націй. Шумъ, гамъ, толкотня и душу раздражающіе звуки зурны буквально оглушаютъ, а облака поднятой пыли затемняютъ зрѣніе.

Изъ скаковыхъ на кругу конюшенъ выводятся кони, предназначенные къ скачкѣ. Около нихъ снуютъ ихъ владѣльцы-туземцы, заботливо осматриваютъ, горячатся, неистово бранятся съ нукерами. Но вотъ подъ роскошными попонами являются лошади любителей. Впереди смиренно выступаетъ знаменитый «Мальчикъ», чистокровный англичанинъ, собственность князя Семена Михайловича Воронцова. За нимъ два конюха ведутъ гордо выступающаго, гнѣдаго жеребца Ираклія Грузинскаго, а поодаль слѣдуетъ темно-сѣрый гр. Симонича, вороной Давыдки Грузинскаго, свѣтло-бурый кн. Накашидзе и pour la clôture караковый князь Дондукова. Послѣдній красотой и ланцадами, полными огня и жизни, сразу

завоевалъ сердца всего женскаго персонала. Всюду слышны ихъ восторженные возгласы и одобренія красавцу, будто сознающему, что всѣ хорошенькіе глазки прикованы къ нему; онъ лѣзетъ изъ кожи, рвется, встаетъ на дыбы, ржетъ и визжитъ, не слыша подь собою земли, весь на воздухъ, легкой, гибкій и замѣчательно-граціозный.

Темноглубая на немъ попона съ капоромъ на головѣ, вышитая шелками, отчасти скрываетъ красоту статей его, но и содѣйствуетъ щегольскому виду кровнаго уроженца Персіи. Княгиня Анна Ивановна Мухранская оживлена, вызываетъ сосѣдокъ на пари за Ахмета, жеребца Дондукова, но ни одна изъ нихъ не рѣшается принять вызовъ въ твердомъ убѣжденіи, что чудный Ахметъ несомнѣнно у всѣхъ вырветъ призъ, назначенный любителямъ: богатую, по пунцовому бархату, золотомъ вышитую, попону. Я не раздѣляю надеждъ барынь, такъ какъ «Мальчикъ» соперникъ опасный, а ѣздокъ его, баронъ Александръ Николаи, слишкомъ опытенъ и ловокъ.

Но вотъ вдали показались столбы пыли, несется блестящій конвой, а за нимъ въ открытомъ ландо, окруженномъ многочисленною свитой, князь-намѣстникъ съ супругой. Они занимаютъ среднюю ложу, почетные судьи—нижнюю, раздается давно ожидаемый звонокъ, за нимъ второй и третій. Толпа всадниковъ-туземцевъ на императорскій первый призъ, съ пронзительнымъ крикомъ ринулась съ мѣста отчаянно, быстро, гурьбой; затѣмъ на второй верстѣ растянулись въ нитку, и послѣ втораго круга къ судейскому столбу, голова въ голову, дошли всего двѣ лошади. Имъ назначена перескачка, а тѣмъ временемъ играетъ музыка, раздается зурна и восторженный гулъ народа. Еще пять различныхъ состязаній, но всѣ на императорскіе призы, тянутся невыносимо долго, меня бьетъ лихорадка нетерпѣнія, а вмѣстѣ и неизвѣстности, что творится теперь въ Ботаническомъ саду, куда прямо съ ипподрома поѣдутъ приглашенные. Наконецъ, всѣхъ насъ шестерыхъ спортсменовъ собираютъ въ судейскую ложу, гдѣ вынимаемъ по жребію номера, мнѣ достается 1-й, то-есть ближе къ веревкѣ. Вести кругъ—шансъ счастливый. Намѣстникъ приглашаетъ насъ къ себѣ въ ложу и торжественно благословляетъ, каждому желая прійти первымъ. Княгиня даетъ ручку на счастье, и мы садимся на коней. «Бога ради—въ сотый уже разъ повторяетъ мнѣ Дондуковъ,—сразу не давай полнаго хода, побереги «Ахмета» къ концу»... — «Знаю, знаю»,— нетерпѣливо отвѣчаю я, оправляясь въ сѣдлѣ, на безумно-пляшущемъ жеребцѣ его. По второму звонку выстроились, стали ровнять насъ. Нѣтъ, не ладно. «Карабахъ» Накашидзе вынесся на 20 сажень впередъ. «Назадъ, назадъ»,—раздается крикъ судьи. Опять ставятъ насъ въ рядъ, и опять на этотъ разъ уже Давыдка вы-

летаетъ чортъ знаетъ куда. Судья приказываетъ снова вернуться и отъ праваго фланга подходитъ всѣмъ къ столбу шагомъ. Беру веревку, двигаюсь съ другими впередъ, но шагомъ заставить идти «Ахмета» нѣтъ возможности. Онъ траверсомъ, весь въ ланцадахъ, сбиваетъ съ мѣста Симонича, тотъ бранится, но раздается третій звонокъ, и мы несемся... Въ глазахъ рябитъ, сердце стучитъ сильно, но не ровно. Изъ силъ лѣзу я удержать «Ахмета», когда Ираклій сталъ обгонять его; но веревки онъ не уступилъ и все идетъ впереди легко и лихо. На оборотѣ перваго круга, когда вадумалъ Ираклій опять съ нимъ поровняться, онъ надалъ и рѣзко отдѣлился впередъ. Въ этомъ порядкѣ прошли мы мимо судей. Не смотря на быстроту бѣшенаго аллюра, съ которымъ мы птицами пролетѣли мимо рукоплескавшей намъ публики, мнѣ показалось возможнымъ уловить одобрителный взглядъ чудной пары глазъ, и я съ полной вѣрой въ неминуемое торжество, не помня себя отъ благополучія, далъ поводъ «Ахмету». Но, увы! счастливая иллюзія оказалась скоротечной... «Мальчикъ», управляемый опытною рукою сѣдока своего, на половинѣ втораго круга спокойно, безъ малѣйшихъ усилій, рѣзко обошелъ «Ахмета» и шутя на десятки шаговъ отдѣлился впередъ. Отчаянно понукалъ я борзаго «перса», но силы видимо уже измѣнили ему, и онъ не только не догонялъ барона Николаи, но и второе мѣсто долженъ былъ уступить Ираклію. Подскакивая къ столбу, Накашидзе тоже старался обогнать меня, но «Ахметъ» озлился и не понесъ этого послѣдняго пораженія, на поль-головы прійдя впереди «Карабаха». Озлобленный и внѣ себя отъ огорченія, соскочилъ я съ коварнаго коня и не могъ утѣшиться даже тѣмъ, что двухъ изъ насъ: Симонича и Давыдку (Грузинскаго), постигла болѣе горькая участь—остаться за флагомъ...

Во избѣжаніе грозящихъ мнѣ нареканій отъ Дондукова, а пуще всего насмѣшливыхъ взглядовъ княгини Аннеты, я кинулъ поводья нукеру и, вскочивъ въ свои дрожки, поѣхалъ скорѣе къ себѣ переодѣваться, а затѣмъ помчался въ Ботаническій садъ, но на Армянскомъ базарѣ столкнулся съ поѣздомъ всѣхъ гостей и, примкнувъ къ нимъ, одновременно въѣхалъ въ ворота. Здѣсь, прислонясь къ стѣнѣ, въ видѣ триумфальной встрѣчи, сталъ Васильчиковъ, блѣдный и нѣмой. Сладко улыбаясь всѣмъ и каждому, онъ молча указывалъ на дорогу вверхъ. Сомнѣнія не могло быть, что бѣдный, милый нашъ труженикъ пожертвовалъ собою для пробы ликеровъ и вина. Но у грота, на площадкѣ стоялъ Лорисъ, приветливо встрѣчавшій дорогихъ гостей. Успѣхъ былъ полный. Прекрасный обѣдъ былъ сервированъ въ гротѣ, освѣщенномъ нѣсколькими сотнями свѣчъ и украшенномъ массой цвѣтовъ и тропическихъ растений, чтобы скрыть сѣрыя, неприглядныя

стѣны. Оперная музыка на площадкѣ, два хора военной по уступамъ сада и четыре хора пѣсенниковъ по угламъ оживляли тишину неподобной ночи. Весь садъ, верхній и нижній, загорѣлся огнями, деревья—разноцвѣтными фонарями, аллеи—плошками, лужайки—щитами съ аллегорическими изображеніями, Когда послѣ обѣда общество пошло въ садъ, неожиданно на одномъ изъ уступовъ скалы, задрапированный пунцовой альмавивой, внезапно освѣщенный бенгальскими огнями, почазался красавецъ Минквиць и съ увлеченіемъ, мастерски пропѣлъ арію изъ «Лукреціи Борджіо». Экспромтъ вызвалъ шумныя одобренія. Праздникъ удался вполнѣ, было все, рѣшительно все, увы, было даже лишнее: были мужья...

VI.

Неожиданный подвигъ въ театрѣ.—Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ; его остроты.—Исторія генерала Шидлинга.—Приготовленія къ отъѣзду намѣстника.—Князь Сергѣй Кочубей.—А. А. Хастатовъ.—Воздвиженское, встрѣча князя, смотръ и обѣдъ всему полку.—Костя Тришатный, исторія его отца и Павелъ Полторацкій.

Апрѣля 18-го, въ Омино воскресенье, въ театрѣ былъ балъ-маскарадъ. Партеръ, сцены, заднія залы и фойе были переполнены замаскированной публикой, а ложи отъ бенуара до райка заняты зрителями. Общее вниманіе было привлечено торжественнымъ шествіемъ костюмированныхъ артистовъ труппы, представлявшихъ собою любопытное собраніе экземляровъ царства животныхъ всѣхъ пяти частей свѣта. Кромѣ того, фигурировало много фантастическихъ костюмовъ, съ неизбѣжными, конечно, пѣро, арлекинами, коломбиной и проч. Шумный говоръ, смѣхъ и радостныя взвизги маскированныхъ доказывали ихъ настроеніе и общую потребность веселиться отъ души. На возвышеніи, на мѣстѣ бывшей сцены, красовался роскошный буфетъ; въ средней, царской ложѣ сидѣли князь-намѣстникъ съ супругой и дежурный адъютантъ Минквиць. Къ нимъ непрерывно входили высшаго полета мужчины и дамы. Первые въ мундирахъ и фракахъ, а вторыя въ открытыхъ платьяхъ и брилліантахъ. Красота многихъ тифлискихъ дамъ была ослѣпительна, но ихъ всѣхъ затмила княгиня Мухранская; въ тотъ вечеръ она сдѣлала насъ всѣхъ влюбленными въ себя безъ ума, безъ памяти. Въ часъ уѣхалъ главнокомандующій, и по примѣру его начали пустѣть и прочія ложи, но внизу движеніе не умяля-

лось, и бѣснованіе стало шире, шумнѣе. Въ три часа стали очень рѣдѣть залы театра, а полчаса спустя въ нихъ осталась только очень тѣсная компанія изъ свиты и канцеляріи намѣстника. Молодежь, сильно возбужденная виномъ, предалась беззаботному веселью. Задержанная на общій счетъ музыка увлекла всѣхъ въ танцы; въ ту минуту, когда она, повидимому, стала утомляться, и уже близился часъ общаго развѣзда, Кочубей и Васильчиковъ вышли на средину залы. Такъ какъ они славились у насъ, какъ замѣчательные танцоры, то публика окружила ихъ плотной стѣною. Когда я подбѣжалъ къ зрителямъ, всѣ переднія мѣста были уже заняты. Не зная, какъ лучше удовлетворить свое любопытство, я увидѣлъ около себя «Китайца» Свѣчина ¹⁾, тщетно подымающагося на носки, чтобъ что нибудь увидѣть. «Знаешь что? — предложилъ онъ, — пойдѣмъ на верхъ, въ раекъ, оттуда видъ отличный». Я побѣжалъ за нимъ и очутился скоро на галлерей, на противоположномъ концѣ отъ Свѣчина. Танцоры вошли въ азартъ, особенно Кочубей, и стали выдѣлывать такія замысловатыя, а вмѣстѣ и трудныя колѣнца, что зрители раздражались криками удивленія и неистовыми рукоплесканіями. Но вотъ они выбились окончательно изъ силъ и, тяжело переводя духъ, сразу прекратили свои неистовыя упражненія... Я взглянулъ въ сторону Свѣчина, но его ужъ нѣтъ; бросаю глаза по всѣмъ ярусамъ и ломамъ, ищу его и вдругъ вижу, но гдѣ? Въ партерѣ, въ лежачемъ положеніи, какъ разъ подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ наверху за нѣсколько минутъ онъ спокойно возсѣдалъ.

— Свѣчинъ! — крикнулъ я ему сверху: — какъ ты попалъ въ партеръ?

— Очень просто, соскочилъ! — вставая на ноги, отвѣтилъ «Китаецъ».

— Не можетъ быть? — съ сомнѣніемъ возразилъ я.

— Какъ не можетъ быть? Повторяю тебѣ, я соскочилъ, а тебѣ мальчишкѣ, конечно, не соскочить? Куда тебѣ!

Названіе мальчишки, громогласно мнѣ данное «Китайцемъ», меня покорило, но мысль, что онъ сдѣлалъ то, чего не сумѣю сдѣлать я, меня оскорбила, а все, вмѣстѣ съ винными парами, очень шумѣвшими въ возбужденной головѣ, двинуло меня на рѣшительную мѣру.

— Если ты, китайскій мандаринъ, могъ спрыгнуть, то, конечно, спрыгну и я! — вскочивъ на балюстраду, злобно крикнулъ

---

¹⁾ Дмитрій Ивановичъ Свѣчинъ, генеральнаго штаба тогда капитанъ, способный и милый человекъ, наружностью и усами олицетворялъ монгольскій типъ и потому получилъ въ Тифлисѣ названіе «Китайца».

я на всю залу, чѣмъ, конечно, привлекъ на себя вниманіе публики!

— Messieurs, messieurs, ne le regardez pas, autrement en verité il est capable de fair coup (господа, господа, не смотрите на него, иначе онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ выкинуть эту штуку), — въ полголоса, но, всетаки, слишкомъ громко предупреждалъ окружающихъ Минквицъ. Къ несчастью я отчетливо услышалъ эти слова, еще болѣе меня подзадорившія, и я, подпрыгнувъ съ бархатной обивки балюстрады такъ, что едва головою не коснулся потолка, ринулся внизъ. Публика съ крикомъ ужаса разступилась, а я со всего маха, хотя и на ноги, но всею тяжестью упалъ среди партера такъ, что оба каблука отлетѣли, какъ пробки отъ шампанскаго. Но когда Минквицъ, Кочубей, Васильчиковъ бросились поднимать меня, я быстро самъ вскочилъ на ноги, дернулъ Васильчикова за руку и пустился съ нимъ еще откалывать мазурку...

Впечатлѣніе было сильное, всѣ переглядывались, шептали, не вѣрили глазамъ, чтобы безумный прыжокъ съ 12-ти-аршинной высоты могъ такъ легко сойти мнѣ. Дондуковъ по этому случаю опять потребовалъ вина; когда же мы вышли на подъѣздъ, и я поднялъ ногу, чтобы сѣсть въ дрожки, голова закружилась, я потерялъ сознаніе и затылкомъ упалъ на мостовую...

Странное тутъ произошло явленіе! Я не помню ничего, какъ и кто меня поднялъ, какъ привезли и внесли меня въ комнату, какъ положили меня на постель и какъ Свѣчина, главнаго виновника катастрофы, послали отыскивать доктора. Но затѣмъ, не открывая глазъ и не будучи въ силахъ сдѣлать малѣйшее движеніе, я все уяснялъ себѣ и отлично слышалъ, что творилось кругомъ меня. Послѣ очень краткаго смущенія присутствующихъ въ комнатѣ, а ихъ по голосамъ было много, ясно долетѣла до меня фраза Дондукова: «что же, господа, мы вѣдь ничѣмъ не виноваты!» и тутъ же слышалъ, какъ онъ отдавалъ приказаніе растерявшемуся моему Ивану Ильину. Слышалъ я, какъ маленькій генералъ Чаплицъ поставилъ за ширмами, около самой моей постели, стулъ, слышалъ даже, какъ, нагнувшись ко мнѣ, онъ тяжело дышалъ. Всѣ гости сначала говорили шепотомъ, въ полголоса, а потомъ не стѣсняясь стали говорить громко. Нѣкоторые отзывы ихъ о моемъ прыжкѣ были далеко не лестные, но тогда они мало меня огорчали. Прошелъ добрый часъ, дверь съ шумомъ отворилась, но вмѣсто доктора ввалился въ комнату свирѣпый Кулебакинъ, котораго я, конечно, узналъ по могучему голосу. Свидѣтелемъ театральной сцены онъ не былъ, но, вернувшись домой изъ какой-то таинственной экскурси, увидѣлъ въ моихъ окнахъ свѣтъ и «такъ удачно, какъ выразился онъ, попалъ въ пріятную компанію». А компаніи этой было у меня не мало! Опять по-

слышались шаги, и на этотъ разъ явились Свѣчинъ, а за нимъ и общій другъ нашъ, тезка Дондукова, Александръ Михайловичъ Соколовъ.

Я слышу, какъ онъ подходитъ ко мнѣ за ширмы, щупаетъ пульсъ, дотрогивается очень свѣжею рукою до моего пылающаго лба, нагнувшись выслушиваетъ биеіе сердца.

— Ну, что? что? будетъ ли живъ? — раздается нетерпѣливый, полный участія голосъ Чаплица.

— Живъ-то, вѣроятно, будетъ, но, что хуже всего, съ ума сой-детъ. Сотрясеніе становаго хребта и мозга слишкомъ сильное, — отрѣзаль Соколовъ и тутъ же, отойдя отъ постели, разразился на все еще бушующую публику.

— Господа, да вѣдь вы Бога не боитесь! Знаете ли, что онъ опасенъ, и ему нуженъ абсолютный покой. Убирайтесь всѣ по домамъ, уже шестой часъ! А ты, голубчикъ, — обратился онъ къ Ильину: — позаботься о горячей водѣ и сейчасъ же доставь мою записку фельдшеру.

Слышалъ я еще щелкъ ланцета на лѣвой рукѣ и замѣчаніе Соколова: «эхъ, кровь-то, какъ чернила!». Затѣмъ я впалъ въ забытѣе и уже не чувствовалъ, какъ поставили мнѣ, excusez du peu, по 40 банокъ къ ногамъ, проснулся, когда стало сильно пощипывать. Чаплицъ одинъ, не шевелясь, сидѣлъ около меня на стулѣ, а Дондуковъ примостился уснуть на диванѣ.

Пролежалъ я такъ болѣе мѣсяца. Много перебивало у меня добрыхъ знакомыхъ и, между прочими, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, который очень состриль по моему адресу: «qu'il a fait le plus grand saut du monde». Приема главнокомандующаго я въ душѣ побаивался, хотя Дондуковъ увѣрялъ, что все обойдется, но болѣе осторожные, какъ, напримѣръ, Минквицъ, совѣтовали выждать благопріятнаго случая, а зря не соваться.

Первый мой визитъ былъ къ Голицыну, этому чудаку первой степени. Застаю его дома и въ самомъ восторженномъ состояніи. Что причиной?

— Очень уже порадовалъ меня сегодня мой Прокофій, такъ порадовалъ, что я сейчасъ же ему далъ вольную.

— Какую же великую услугу оказалъ онъ вамъ, князь?

— Услуги никакой; но лучше—онъ сдѣлалъ каламбуръ, просто прелесть! Видите ли, — объясняетъ князь: — онъ у меня съ дѣтства, отъ природы честный малый, но горьчайшій пьяница и, что того хуже, глупъ какъ пробка, а со всѣмъ тѣмъ лѣзетъ въ разговоры. Разъ я общалъ ему, что если онъ скажетъ умное, очень умное слово, то я его отпущу на волю. Понятно, я думалъ, что ничѣмъ не рисковалъ, но теперъ горжусь имъ.

— Да что же онъ сказалъ?

— Пойдите, пойдите, я объясню вамъ. Надо вамъ сказать, что по утрамъ я всегда пью кофе, сегодня же звоню, звоню, мнѣ не подаютъ его; наконецъ входитъ мой жакрисъ на шаткихъ ногахъ.

— Что скажешь, Прокофій?

— Готовъ-съ, ваше сіятельство! — отвѣчаетъ онъ, такъ сильно покачнувшись, что чуть не упалъ. А видите ли, пьянъ да уменъ... Вы знаете пословицу? Не подозрѣвалъ Прокофій, что спрошенный про кофе сдѣлалъ великій каламбуръ, доставившій ему свободу.

Вмѣстѣ со мной были у Голицына генералы Чаплицъ и Шиллингъ, оба любители поиграть въ табельку; изъ нихъ Шиллингъ, кромѣ своей жадности къ деньгамъ, извѣстенъ былъ еще страшною суетливостію. Въ 1847 году, осенью, государь императоръ былъ въ Варшавѣ и производилъ высочайшій смотръ войскамъ, въ царствѣ Польскомъ расположеннымъ. Въ назначенный день и часъ полки выстраиваются на плацу. Фельдмаршалъ уже объѣхалъ всѣ линіи войскъ и передъ фронтомъ ожидаетъ приѣзда его величества. Въ это самое время командиръ гусарской бригады, генералъ Шиллингъ, по свойственной ему суетливости, вздумалъ снова провѣрять равеніе полковъ и, понапрасну тревожа людей въ строю, сталъ шумѣть и ломать фронтъ. Командиромъ одного изъ его полковъ былъ Мельниковъ, бывшій адъютантъ и любимецъ князя Паскевича, офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ отличный и человѣкъ безукоризненный, но раздражительный и нервный. Безтолковая суетливость генерала Шиллинга давно уже стояла ему поперекъ горла, и теперь, когда въ десятый разъ онъ услышалъ пронзительный голосъ нѣмца: «третій впередъ, шестой назадъ, седьмой осади» и т. д., командиръ полка вышелъ изъ себя и что-то рѣзкое ляпнулъ бригадному, отвѣтившему ему крупной дерзостію. Мельниковъ вспылилъ и обнажилъ саблю, далъ шпоры лошади и подлетѣлъ къ Шиллингу, а тотъ, видя, что дѣло плохо, поворачиваетъ коня и тягу. Но Мельниковъ догоняетъ его и, фухтеляя генерала по спинѣ саблею, гонитъ его во весь карьеръ вдоль развернутаго фронта всей гусарской бригады. Фельдмаршалъ, личный свидѣтель преступнаго дѣйствія своего любимца, виновника общаго смятенія въ войскахъ, приказываетъ отобрать у Мельникова саблю, а его самого отправить за фронтъ. Въ эту минуту раздается крикъ: «государь императоръ!».

— Смирно и на караулъ! — командуетъ фельдмаршалъ князь Варшавскій и скачетъ съ рапортомъ встрѣчать его величество, причемъ докладываетъ государю о только что случившемся происшествіи. Николай Павловичъ, выслушавъ Паскевича, тутъ же приказываетъ военному министру, князю Чернышеву, отдать сейчасъ

же высочайшее повелѣніе о разжалованіи полковника Мельникова въ рядовые, а самъ, нахмутивъ брови, направляется въ объѣздъ трехъ линій собранныхъ войскъ.

Линейное ученіе, а затѣмъ церемоніальный маршъ удаются превосходно. Государь въ восторгѣ отъ смотра, приглашаетъ князя Варшавскаго сѣсть съ нимъ въ коляску и ѣхать въ Лазенки.

— Ваше величество, — смѣло разсчитывая на безграничное къ себѣ благоволеніе Николая Павловича, возражаетъ фельдмаршалъ: — я не могу сѣсть, пока ваше величество не соизволите исполнить мою просьбу.

— Изволь, Иванъ Ѳеодоровичъ, впередъ обѣщаю, садись и скажи, въ чемъ дѣло, — милостиво улыбаясь, отвѣчаетъ императоръ...

Въ тотъ же вечеръ состоялся высочайшій приказъ: за отлично-примѣрную службу, генералъ-фельдмаршаломъ и намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ засвидѣтельствованную, рядовой Мельниковъ производится въ полковники, а генералъ-маіоръ Шиллингъ отъ командованія бригадой отрѣшается съ зачисленіемъ по кавалеріи и въ распоряженіе главнокомандующаго кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ. Этотъ-то самый пострадавшій генералъ и служилъ потомъ мишенью для остроумныхъ выходокъ кн. В. С. Голицына, который на его страсти къ игрѣ и деньгамъ строилъ разные фарсы.

Однако, какъ ни откладывалъ я, а объясненія съ главнокомандующимъ не миновать. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, отъѣздъ намѣстника изъ Тифлиса назначался на 24-е мая; князь ѣхалъ въ Елизаветполь, Шемаху, затѣмъ Лезгинской линіей въ Дербентъ и Кубу, оттуда въ Дагестанъ, гдѣ, поручивъ князю Аргутинскому-Долгорукову осаду Гергебиля, самъ черезъ Кумыкскую плоскость долженъ былъ прибыть на лѣвый флангъ и у насъ въ Воздвиженскомъ провести большую часть лѣта. Итакъ, оставалась только недѣля, чтобы узнать что либо опредѣленное о моей судьбѣ. Какъ то вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Минквицъ предупредить, что на утро, по случаю праздника Вознесенія, князь будетъ слушать обѣдню въ Сіонскомъ соборѣ, и что повѣсткой отъ штаба приглашаются туда всѣ военно-служащіе, а «потому, прибавилъ онъ, воспользуйтесь, милый другъ, удобнымъ случаемъ представиться главнокомандующему». Совѣта добрѣйшаго Минквица я послушалъ и, не смотря на значительную толпу народа въ соборѣ, протолкался на столько впередъ и сталъ близко отъ князя, что его сіятельство меня еще во время обѣдни замѣтилъ и, какъ мнѣ показалось, улыбнулся. По окончаніи богослуженія, приложившись къ кресту, главнокомандующій направился къ выходу, но вдругъ остановился, оглянулся и, увидѣвъ меня, подозвалъ къ себѣ:

— Что ты, Полторацкій, совсѣмъ уже поправился?— ласково, положивъ мнѣ руку на плечо, спросилъ князь Михайль Семеновичъ и на утвердительный отвѣтъ мой, съ самой добродушной улыбкой на тонкихъ губахъ, добавилъ въ полъ-голоса:— а скажи мнѣ, милый другъ, ты никогда не пробовалъ прыгнуть съ Ивана Великаго?

Я смутился на столько, что князь это замѣтилъ и послѣшилъ сказать:

— Охъ, молодость, молодость... золотая молодость!—и, сѣвъ въ коляску, послалъ по моему направленію воздушный поцѣлуй.

По мнѣнію близко знающихъ характеръ князя Михаила Семеновича, онъ, не смотря на частую добродушную иронию, очень расположенъ ко мнѣ, о чемъ они заключаютъ изъ того, что изъ всей свиты своей онъ говоритъ «ты» изрѣдка Васильчикову и постоянно только мнѣ и Дондукову, ко всѣмъ же остальнымъ постоянно относится на «вы». Не знаю, можно ли было придавать этому значеніе, но лучше отнести къ *le plus grand saut du monde* врядъ ли было возможно. Дондуковъ же особенно пріобрѣлъ его благоволеніе, когда въ 1847 году былъ посланъ имъ въ Дагестанъ, въ качествѣ военнаго чиновника особыхъ порученій, съ очень стѣсненными распоряженіями о направленіи различныхъ частей войскъ въ разные пункты. Дондуковъ не засталъ ихъ уже на мѣстахъ и по собственному внушенію, но именемъ главнокомандующаго, направилъ ихъ по извѣстному ему плану князя Воронцова. Результаты этихъ смѣлыхъ мѣръ Дондукова оказались на столько удачными, что князь Михайль Семеновичъ, обнявъ его, выразилъ ему полную благодарность и предложилъ адъютантскую при себѣ вакансію. Когда черезъ нѣсколько дней принесли росписаніе свиты главнокомандующаго, я съ восхищеніемъ прочелъ передъ своей фамиліей собственоручную помѣтку его сіятельства: «оставить отдохнуть въ Тифлисѣ, а къ 10 іюня въ станицу Червленную». Такая же помѣтка стояла и передъ С. Васильчиковымъ; значитъ, мы вдвоемъ съ нимъ оставались еще хозяйничать въ Тифлисѣ.

На другой день проводили намѣстника и его свиту, и миръ водворился въ городѣ. Сами же мы уѣхали 10-го и въ Червленной соединились съ поѣздомъ главнокомандующаго. За обѣдомъ у него познакомился я съ эксцентричною личностью—авангарднымъ кавказскимъ помѣщикомъ и оригинальнѣйшимъ существомъ Акимомъ Акимычемъ Хастатовымъ. Онъ былъ виднымъ дѣятелемъ въ

извѣстномъ Абулатъ-юртскомъ пораженіи горцами Гребенскихъ казаковъ, подъ командою Суслова, и на извѣстной всѣмъ картинѣ, изображающей горсть нашихъ удалцевъ, отбивающихся отъ чеченцевъ изъ-за труповъ ими зарѣзанныхъ лошадей, Хастатовъ этотъ изображенъ плантаторомъ въ круглой шляпѣ съ тростью. О немъ ходитъ много любопытныхъ анекдотовъ, но мнѣ лично онъ не понравился своей излишней развязностью и самоувѣренностью. Какъ совершенную противоположность этому господину, 'я встрѣтилъ въ лицѣ другаго новаго знакомаго, барона Розена, чловѣка образованнаго, благовоспитаннаго и во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно симпатичнаго. Служивъ прежде адъютантомъ у князя Горчакова въ Варшавѣ, онъ перешелъ на Кавказъ во время командованія войсками здѣшняго края его дядей, барономъ Розеномъ, а Гребенской полкъ онъ принялъ недавно отъ извѣстнаго А. А. Суслова. Часть свиты князя Боронцова оставлена была имъ въ распоряженіи командующаго войсками въ Дагестанѣ князя Моисея Захаревича Аргутинскаго-Долгорукаго, на котораго онъ возложилъ нелегкую задачу во что бы ни стало взять съ боя Гергебиль, а самъ съ нами переправился черезъ Терекъ сначала въ Грозную, гдѣ его встрѣтилъ вмѣсто Фрейтага вновь назначенный генераль-маіоръ Нестеровъ, а затѣмъ въ Воздвиженское. Я пока состоялъ въ свитѣ и въ очередь дежурилъ при князѣ.

На другой день состоялся общій парадъ Куринскому полку, то-есть мимо шефа весь полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ поротно. Главнокомандующій очень благодарилъ свой полкъ за доблестную службу и отличное состояніе по фронту. При этомъ не могу не замѣтить, что ни одному взводу не удалось пройти мимо его сіятельства въ ногу или даже въ тактъ подъ музыку. Братья куринцы, парады не для васъ, и вы ходите на штурмъ, подъ градомъ пуль, гораздо лучше ровняясь, чѣмъ на церемоніальномъ маршѣ предъ вашимъ шефомъ. Да проститъ вамъ это Богъ, какъ снисходительно прощаетъ вамъ князь Михаилъ Семеновичъ. А самъ-то баронъ Меллеръ-Закомельскій, какъ шелъ онъ передъ полкомъ? По маханью рукъ, его скорѣй можно было принять за вѣтряную мельницу, чѣмъ за бывшаго командира гвардейской роты.

Послѣ парада былъ торжественный обѣдъ, который намѣстникъ давалъ своему полку. Отъ господъ штабъ-офицеровъ до послѣдняго цирульника все легло въ лоскъ. Значить, угощенье было на славу.

Утромъ я разбуженъ былъ появленіемъ своего двоюроднаго племянника, славнаго джигита, Павла Александровича Полторацкаго и вновь прибывшаго въ отрядъ со взводомъ линейной казачьей батареи, сотника Тришатнаго. Оба они расположились въ лагеръ за Аргуномъ: первый у своего пріятеля Михако Эристова, а второй при своей части.

Константина Тришатнаго я хотя въ Пажескомъ корпусѣ не засталъ (онъ съ братомъ Львомъ вышелъ въ 1842 году за три мѣсяца до моего поступленія), но часто встрѣчалъ его въ Петербургѣ, очень ему симпатизировалъ и по обычаю между пажами, даже не сверстниками, былъ съ нимъ на «ты». Отецъ Тришатнаго, бывшій командиръ корпуса внутренней стражи и резервныхъ войскъ, заслуженный ветеранъ, старый генераль-лейтенантъ, добрый и честный человекъ (по отзывамъ всѣхъ его знающихъ, особенно дяди Константина Марковича), подвергся тяжелой карѣ, по случаю страшной исторіи въ кавказской резервной дивизіи, находившейся подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Добрышина. Злоупотребленія этого превосходительства были дѣйствительно неслыханныя! Генераль Полтининъ, командированный отъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ Таганрогъ, за пріемомъ въ наши полки рекрутъ, изъ кавказской резервной дивизіи, донесъ главнокомандующему о претензіяхъ, ему заявленныхъ нижними чинами на притѣсненія, жестокое обращеніе и звѣрскую эксплуатацію, до истощенія физическихъ силъ, ихъ начальникомъ дивизіи Добрышинымъ, заставлявшимъ солдатъ, конечно, съ корыстною цѣлью обрабатывать поля, на себѣ возить при уборкѣ хлѣбъ, словомъ, замѣнять собою рабочій скотъ, причемъ въ довершеніе онъ кормитъ ихъ скудно, не отпуская имъ и половины пайка, денегъ и обмундированія, получаемыхъ имъ отъ казны. Князь Воронцовъ, поручивъ тщательнымъ опросомъ всѣхъ нижнихъ чиновъ провѣрить справедливость всѣхъ донесеній генерала Полтинина, поспѣшилъ сообщить о томъ военному министру, князю Чернышеву, для доклада о преступныхъ дѣяніяхъ Добрышина государю императору. Его величество потребовалъ къ себѣ Тришатнаго и, лично объяснивъ ему всю важность донесенія главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, изволилъ приказать ему отправиться въ городъ Таганрогъ для строжайшаго разслѣдованія вопіющихъ обвиненій на начальника дивизіи. Старикъ Тришатный немедленно поскакалъ туда, но ничего не открылъ. Добрышинъ, предупрежденный о грозившей ему опасности, принялъ всѣ возможныя и не-

возможныя мѣры, чтобы добродушному начальству, какъ говорится, вставить очки. Всѣ подчиненные его офицеры и солдаты не показали инспектору ни единой претензіи, и Тришатный, не сумѣвъ принять иныхъ мѣръ для открытія истины, по довѣрчивости и дряхлости, власть угощенный, успокоенный, но кругомъ обманутый и одураченный, явился обратно въ Петербургъ съ личнымъ докладомъ государю, что все обвиненіе, взведенное на неповиннаго генерала Добрышина, основано лишь на интригѣ и клеветѣ. Тогда по высочайшему повелѣнію князь Чернышевъ увѣдомилъ князя Воронцова о результатѣ произведеннаго изслѣдованія, съ жесткимъ при этомъ намекомъ на неосновательность сдѣланныхъ его сіятельствомъ сообщеній. Но здѣсь коса нашла на камень. Самолюбивый и твердо убѣжденный въ правотѣ своей, князь Михаилъ Семеновичъ, задѣтый за живое, сейчасъ же написалъ всеподданнѣйшее письмо прямо государю императору, въ которомъ до-нельзя щекотливый вопросъ о преступленіяхъ начальника дивизіи поставилъ, такъ сказать, ребромъ, требуя вторичнаго и наистрожайшаго слѣдствія, прося въ противномъ случаѣ увольненія отъ службы.

Высочайше назначенная слѣдственная коммиссія была снаряжена немедленно и, явившись на мѣсто на этотъ разъ совершенно неожиданно, какъ снѣгъ на голову, застала продѣлки Добрышина въ полномъ ходу. Открылись страшныя злоупотребленія, но и кара, постигшая виновныхъ, была не мягкая. За ложное донесеніе, сдѣланное его величеству о мнимомъ только наговорѣ, Тришатный лишенъ чиновъ, орденовъ и дворянскаго достоинства, записанъ въ рядовые, съ увольненіемъ отъ службы и конфискованіемъ всего имѣнія его въ пользу пострадавшихъ, а Добрышинъ разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ правъ, безъ выслуги...

У старика Тришатнаго были ограниченныя средства и, только благодаря большому содержанію на службѣ, онъ могъ поддерживать существованіе многолюднаго семейства своего въ Петербургѣ, гдѣ двѣ дочери фрейлины при высочайшемъ дворѣ, а два старшихъ сына, Константинъ и Левъ, гвардейцы конной артиллеріи, конечно, требовали значительныхъ издержекъ. Продолжать сыновьямъ службу въ гвардіи, безъ матеріальной поддержки изъ дома, было немислимо, да къ тому же они, какъ истые столбовые русскіе дворяне, уже успѣли изрядно запутаться долгами, и кредиторы стали немилосердно тѣснить ихъ. Положеніе стало безвыходное. Судили, рядили и наконецъ рѣшили между собою бросить жребій, кому изъ двухъ остаться въ гвардіи, а кому при-

нять на себя всё долги и идти служить на Кавказъ. Этотъ злополучный жребій выпалъ на долю Константина, и въ то время, когда Левъ, собравъ наличныя крохи прежняго великолѣпія, совсѣмъ чистый отъ долговъ, продолжалъ носить блестящій мундиръ гвардейской конноартиллеріи, — бѣдняга Костя съ общими долгами на шеѣ, въ оборванной черкескѣ, байгушемъ тянетъ тяжелую лямку въ линейной казачьей артиллеріи, не получая даже и скуднаго, по чину сотника, казеннаго содержанія, всецѣло вычитаемого съ него на удовлетвореніе кредиторовъ. Но счастливый характеръ данъ свыше Константину. Грустная обстановка настоящаго положенія нисколько, повидимому, не приводила его въ отчаяніе и не мѣшала его веселому настроенію. Даровитый отъ природы въ музыкальномъ отношеніи и обладая сильнымъ и звучнымъ голосомъ, Константинъ Тришатный былъ вѣчнымъ запѣвалой во всѣхъ сборныхъ офицерскихъ хорахъ, а какъ отличный собутыльникъ, оживленный и вдохновленный, безсмѣнной душой общества. Наружность его сама по себѣ располагала всѣхъ въ его пользу. Живые, умные глаза, при объемистомъ, длинномъ носѣ и юмористическомъ выраженіи честнаго лица, какъ-то невольно вызывали общее веселое настроеніе въ окружающихъ, а постоянно мягкій его нравъ пріобрѣли ему любовь и симпатію всѣхъ сослуживцевъ, начальниковъ и подчиненныхъ. Замѣчательно то, что никогда и никто не выражалъ передъ Тришатнымъ и тѣни того пренебреженія, которое, къ сожалѣнію, зачастую проявляется въ людяхъ относительно угнетенныхъ судьбою; напротивъ, всё перебывали другъ у друга удовольствіе приять, пріютить и угостить, хотя байгуша, но всеобщаго любимца Тришатнаго.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ племянникъ мой Павелъ Александровичъ Полторацкій.

Отецъ его, Александръ Ѳедоровичъ, старшій сынъ дяди моего Ѳедора Марковича, былъ женатъ на прелестнѣйшей женщинѣ, Надеждѣ Александровнѣ Исленевой, которая молодой еще скончалась отъ чахотки. Для характеристики Александра Ѳедоровича довольно рассказать слѣдующій эпизодъ. Отецъ мой, очень любившій Надежду Александровну, узнавъ о ея отчаянномъ положеніи, поспѣшилъ поѣхать къ ней, захвативъ и меня, тогда 8-милѣтнаго мальчика съ собою. Это было въ Твери. Войдя по парадной, ще-

гольски убранной лѣстницѣ въ просторную и свѣтлую переднюю, отецъ мой спросилъ у лакея, дома ли Александръ Ѳеодоровичъ, и по полученіи утвердительнаго отвѣта вошелъ въ первую комнату. Раскутавшись изъ теплаго платья, и я бѣгомъ бросился за нимъ, но нагналъ его уже въ залъ, гдѣ отецъ мой, пораженный представившимся зрѣлищемъ, остановился, какъ вкопанный: посреди комнаты, на большомъ столѣ стоялъ гробъ, а кругомъ него лежали всѣ траурныя принадлежности, начиная съ богатаго покрыва и кончая грудой свѣчь.

— Все кончено, — крестясь, глухимъ голосомъ проговорилъ отецъ. — Но какъ же вчера никто не ожидалъ такой близкой развязки?

Огмянувшись кругомъ и не увидѣвъ никого, отецъ тихими шагами вошелъ въ гостинную. Она была пуста, кабинетъ также, но въ спальнѣ слышался шорохъ. Двери были не заперты, а только притворены. Отецъ толкнулъ ихъ, и глазамъ нашимъ представилась потрясающая картина! На постели, тяжело дыша, со льдомъ на головѣ, лежала съ открытыми глазами его любимица, бѣдная, симпатичная Надежда Александровна, а въ ея ногахъ двѣ малютки дочери на низенькихъ креслицахъ сами обшивали плерезами свои черныя платица... Пораженный неожиданностью, отецъ мой совершенно растерялся, и хотя больная, обратившись къ нему, нѣжно стала благодарить его за участіе, онъ, поцѣловавъ ее, но даже не присѣвъ, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Въ залѣ насъ встрѣтилъ Александръ Ѳеодоровичъ. Отецъ порывисто схватилъ его за руку выше локтя и съ пѣной у рта, съ трудомъ сдерживая бѣшенство, сказалъ:

— М..., что это значить? — причемъ указалъ на гробъ и погребальныя принадлежности.

— Ахъ, дядюшка, — съ подлѣйшей улыбкой отвѣчалъ племянникъ, — вѣдь заблаговременно гораздо лучше можно все устроить, а то какъ скончается, то подлецы гробовщики сдерутъ втрое.

Могъ ли по совѣсти человѣкъ съ такимъ чувствами ожидать лучшаго возмездія, какое испыталъ онъ впоследствии отъ дѣтей своихъ?

Оба его сына, Борисъ и Павелъ, были отчаянными кутилами и надѣлали массу долговъ; изъ нихъ Борисъ женился впоследствии на богачкѣ Любѣ Рюминой въ Москвѣ и поправилъ свои дѣла, а Павелъ, истощивъ совсѣмъ терпѣніе и кошелекъ отца, поддался наконецъ его совѣту уѣхать отъ долговъ куданибудь подальше, хотя бы на Кавказъ, тѣмъ болѣе, что Александръ Ѳеодоровичъ обѣщалъ снабдить его изряднымъ кушемъ на дорогу. Ударили по рукамъ. Павелъ ѣдетъ на Кавказъ, но съ тѣмъ, чтобы тамъ подать прошеніе о принятіи его вновь на службу. «Нѣтъ, стойте, Александръ Ѳеодоровичъ! — вдругъ вскрикнулъ предусмотритель-

тельный сынокъ:—я-то дамъ слово уѣхать, а какъ вы меня надуете? Не лучше ли денежки на столъ?». Дѣлать нечего, взаимнаго довѣрія мало, пришлось отцу сейчасъ же раскошелиться.

На утро неприятность! За Павломъ изъ канцеляріи губернатора прислали приглашеніе явиться. Онъ спѣшитъ къ губернатору. Бакунинъ принимаетъ Павла очень вѣжливо и съ участіемъ сообщаетъ ему, что одинъ изъ кредиторовъ какъ-то пронюхалъ о временномъ пребываніи его въ Твери и подалъ ко взысканію съ него 8 тысячъ рублей ассигнаціями, «до уплаты которыхъ,—очень любезно добавилъ начальникъ губерніи,—я не вправѣ васъ выпустить изъ города». Александръ Ѳедоровичъ при этомъ извѣстіи схватилъ себя за голову, быстро пошагалъ по амфіладѣ комнатъ и, взвѣсивъ «за» и «противъ», скрѣпя сердце, вынесъ изъ кабинета 8 тысячъ, которыя немедленно и были отправлены въ канцелярію губернатора. Прошло нѣсколько часовъ полного затишья, и снова записка съ приглашеніемъ Павла къ Бакунину. Тотъ же пріемъ, та же причина вызова, но на этотъ разъ требованіе по взысканію крупнѣе, въ 12 тысячъ... Съ Александромъ Ѳедоровичемъ чуть не приключился ударъ. Онъ заперся въ свой кабинетъ, долго боролся, охалъ и стоналъ, и только послѣ трехчасоваго раздумья о грозящемъ ужасѣ и обманутыхъ надеждахъ избавиться отъ сына, вынесъ опять злополучныя 12 тысячъ, торопя при этомъ дѣтей (Борисъ тоже гостилъ у него) уѣзжать скорѣе. На слѣдующій день раненько распорядился хозяинъ о приводѣ почтовыхъ лошадей. Все уложено, все собрано, даже слеза огорченія блеститъ уже на глазахъ нѣжнаго родителя... И сто тысячъ чертей! Посланный на почтовую станцію приноситъ убійственное извѣстіе, что, по приказанію губернатора, почтовыхъ лошадей не даютъ.

— Что это значитъ?—вскрикиваетъ пораженный ужасомъ Александръ Ѳедоровичъ и торопитъ скорѣе Павла съѣздить на объясненіе къ Бакунину. Тотъ и на этотъ разъ принимаетъ изысканно любезно и выражаетъ глубокое сожалѣніе о невозможности отмѣнить приказаніе, такъ какъ ночью поступило новое взысканіе въ 20.000 рублей.

Что сдѣлалось съ Александромъ Ѳедоровичемъ? Блѣдный, какъ смерть, съ искаженными и внезапно осунувшимися чертами лица, несчастный отецъ судорожно сжималъ кулаки... Но вдругъ Александръ Ѳедоровичъ встряхнулъ головою, вскочилъ съ кресла и, моментально вступивъ въ обычную колею, спокойнымъ и даже торжественнымъ голосомъ потребовалъ управляющаго (а вмѣстѣ и капельмейстера) Василья Михайлова. «Прикажи, почтеннѣйшій,—очень сладко обратился онъ къ вошедшему,—приготовиться оркестру и сейчасъ же нанять двѣ большія лодки!», а затѣмъ находчивый хозяинъ, не теряя минуты, сдѣлалъ распоряженіе: на своей парѣ вывезти черезъ вокзалъ дорожную карету сыновей

помимо заставы на шоссе и доставить ее на станцію Городню, а сейчас же нести на набережную ковры и подушки. Часъ спустя, прекраснымъ майскимъ днемъ спустились по рѣкѣ двѣ лодки: въ первой сидѣли Александръ Ѳедоровичъ со всеми членами дорогой семьи, а въ другой—собственный его оркестръ, стройно услаждавшій слухъ гуляющей публики.

Губернаторъ Бакунинъ былъ извѣщенъ о случившемся въ то время, когда милые туристы, высадившись въ Городнѣ, спокойно катили уже по Московскому тракту, а родитель ихъ побѣдоносно возвращался вверхъ по рѣкѣ, хотя и съ музыкой, но съ разбитымъ сердцемъ о раньше уплоченныхъ 20 тысячахъ.

Какъ быстролетная пташка, промелькнувъ черезъ Москву Пашенька по направленію на югъ, сюда на Кавказъ. Въ Екатеринодарѣ подружился съ казакомъ Михако Эристовымъ, братомъ прекрасной Елены, къ ногамъ которой не стѣснялся нести дань восторженнаго поклоненія самъ князь Михаилъ Семеновичъ. Когда Пашенька представился его сіятельству съ челобитной о принятіи его на службу, князь спросилъ, не родственникъ ли онъ Полторацкому, имени его полка. Павелъ съ радостью ухватился за меня и отвѣчалъ князю, что мы ближайшіе родственники. Какъ бы то ни было, но намѣстникъ милостиво предложилъ Павлу Александровичу для совмѣстнаго со мною служенія опредѣлить его въ нашъ полкъ (что дѣлалось княземъ далеко не для всѣхъ). Итакъ, я теперь на Кавказѣ не былъ одинъ. Пока же онъ былъ добровольно прикомандированъ къ казачьей сотнѣ. Онъ быстро свыкся съ обычаями и вкусами безшабашнаго линейнаго казачества и костюмомъ, ухватками и рѣчами мало чѣмъ отличался отъ мѣстныхъ джигитовъ.

VII.

Пріѣздъ барона Николаи изъ Гергебиля.—Докторъ Андріевскій.—Отѣздъ главнокомандующаго.—Новый начальникъ лѣваго фланга, генералъ Неестеровъ.—Воспоминанія о Фрейтагѣ.—Высочайшіе приказы.—Предпочтеніе, оказанное барону Меллеру.—Смерть Гречневскаго и принятіе 7-й роты.—Производство Меллера въ генералы.

Юля 14-го (1846 г.) я былъ дежурнымъ при князѣ-намѣстникѣ. Послѣ завтрака, когда всѣ разошлись, князь Михаилъ Семеновичъ, въ неизмѣнной синей фуфайкѣ, занимался одинъ въ кабинетѣ, а я изъ залы глазѣлъ въ окна. Вдругъ вижу ѣдущую по площади повозку и въ ней барона Льва Николаи. Зная, что онъ былъ въ дагестанскомъ отрядѣ при князѣ Аргутинскомъ, я смекнулъ, что онъ ѣдетъ къ главнокомандующему курьеромъ, а потому, не давъ

ему времени подъѣхать къ дому, я бросился въ кабинетъ его сіятельства и доложилъ о прибытіи Николаи. Старикъ стремглавъ выскочилъ на встрѣчу уже входящему черезъ садъ курьеру и принялъ отъ него радостное поздравленіе съ паденіемъ Гергебиля, обнялъ его и повлекъ за собою въ кабинетъ. Прошло нѣсколько минутъ, дверь оттуда отворилась, и князь съ веселымъ лицомъ показался на порогѣ.

— Прикажи, милый другъ, поскорѣе попросить ко мнѣ начальника штаба и распорядись, чтобы барону сейчасъ же подали кушать,—а когда я бросился къ выходной двери, онъ остановилъ меня и, крѣпко обнявъ, добавилъ: — а я второпяхъ и не поцѣловалъ тебя, вѣдь ты, мой милый, первый сообщилъ мнѣ радостную вѣсть.

Итакъ, послѣ двухъ-лѣтней борьбы, наконецъ-то, палъ недоступный Гергебиль. Вѣстникъ этого счастливаго событія, баронъ Николаи, черезъ часъ послѣ своего пріѣзда, уже катилъ въ Грозную, а оттуда на курьерскихъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ государю императору.

Послѣ 1-го августа назначенъ отъѣздъ главнокомандующаго, который уѣзжалъ на воды, а оттуда въ Крымъ. Я и Васильчиковъ оставались въ распоряженіи генерала Нестерова, но проводжали князя изъ Воздвиженскаго и присутствовали при закладкѣ 4-го августа новой крѣпости Урусъ-Мартанъ, которая должна была служить звеномъ новой передовой линіи черезъ Ачхой и Нарзанъ съ Владикавказомъ. Вечеромъ, по случаю свободнаго времени, мы составили вистъ въ палаткѣ Семена Михайловича Воронцова: князь, баронъ Николаи (братъ), докторъ Андріевскій и я. Эрастъ Степановичъ Андріевскій былъ въ отличномъ расположеніи духа и во время игры, безъ умолку, распѣвалъ любимую свою пѣсню: «Auf der Brücke, Brücke, Brücke, auf Калиничьемъ мосту» и т. д. Зычный голосъ его раздавался далеко, до ставки главнокомандующаго, гулявшаго въ то время съ Завадовскимъ взадъ и впередъ, около своей палатки. Вдругъ Андріевскій смолкъ, сталъ прислушиваться и, узнавъ голосъ корпуснаго доктора Хотинскаго, громко пропекавшего одного изъ полковыхъ медиковъ, порывисто кинулъ карты и, какъ свирѣпый звѣрь, бросился на шумъ. Удивленные внезапнымъ перерывомъ нашей игры, отъ его рѣзкаго исчезновенія, мы тоже вышли за нимъ изъ палатки и издали сдѣлались свидѣтелями оригинальнаго боя пѣтуховъ, Андріевскаго съ Хотинскимъ. Начала пререканій между ними мы не слышали, хотя они, не стѣсняясь окружающею ихъ толпою, кричали другъ на друга во всю глотку, но мы застали финальное объясненіе, когда Эрастъ Степановичъ на передней линейкѣ во всеуслышаніе, въ припадкѣ сильнѣйшаго азарта, съ пѣной у рта проревѣлъ:

— Такихъ, какъ вы, я уже много, ваше превосходительство,

въ борцу съѣлъ! Смотрите-жь! — и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ повлекъ насъ обратно въ палатку доигрывать роберъ...

Сильный былъ на Кавказѣ человекъ — Эрастъ Степановичъ. Домашній врачъ и другъ дома князя Михаила Семеновича Воронцова, еще съ Одессы, онъ здѣсь на столько приобрѣлъ вліянія на князя намѣстника и вообще на администрацію края, что многимъ сталъ поперекъ горла. Очень умный, ловкій и даровитый отъ природы, при высококомъ образованіи и приобрѣтенныхъ большихъ познаніяхъ, онъ, однако, отличался рѣзкимъ, даже дерзкимъ тономъ, который позволялъ себѣ, рассчитывая на свою силу при дворѣ тифлискомъ. Страсть его вмѣшиваться во всѣ дѣла вызвала забавную сцену съ самимъ княземъ, который своими ушами долженъ былъ выслушать отъ одного грузина отголосокъ общаго въ краѣ мнѣнія о докторѣ. Передъ часомъ обѣда своего князь Воронцовъ вышелъ прогуляться по Головинскому проспекту. Подходя къ Эриванской площади, онъ увидѣлъ впереди на тротуарѣ оборваннаго въ лохмотьяхъ бичо, при приближеніи князя опустившагося на колѣни и высоко поднявшаго надъ головою бумагу.

— Что такое? Прощеніе? — спросилъ намѣстникъ.

— Да, да, вашъ сіятельство, прощеніе! — суя ему въ руки бумагу, подтвердилъ бичо.

— Встань, любезный, и объясни, въ чемъ дѣло, — сказалъ князь, бросивъ взглядъ на исписанный грузинскими гіероглифами листъ большого формата, изрядно загрязненный.

Бичо вскочилъ на ноги, принялъ трагическую позу и при скопившейся кругомъ толпѣ любопытнаго народа, не переводя духа, продекламировалъ заученную имъ рѣчь:

— Вашу сіятельству! Съ тѣхъ поръ, какъ ваша ногу вступила на благословенную Грузію, всѣ несчастья обрушились на страну: холерва, депо ¹⁾, сáранча и докторъ Андріевскій!...

— Любезный, — прервалъ просителя намѣстникъ, — приходи завтра во дворецъ, я прикажу разобрать твое дѣло.

И дѣйствительно, судя по вступленію, подробный разборъ жалобы угнетеннаго сына Грузіи былъ удобнѣе при закрытыхъ дверяхъ, чѣмъ на Эриванской площади.

6-го числа рано утромъ провожали главнокомандующаго три баталіона куринцевъ и вся кавалерія до рѣки Валерика, гдѣ колонна изъ Навагинскихъ и Тенгинскихъ баталіоновъ ожидала для дальнѣйшаго конвоировація князя; мы же вернулись въ нашъ лагерь на Урусъ-Мартанѣ. Много разговоровъ было о новомъ на-

¹⁾ Депо русскихъ издѣлій, открытое въ Тифлисъ, по распоряженію князя намѣстника, конкуренціей своею очень подорвавшее торговлю грузинъ мѣстными произведеніями.

чальникъ отряда и дивизіи нашей, симпатичномъ, рѣдкой доброты, гостепріимномъ, красивомъ и статномъ генералѣ Нестеровѣ.

Назначенный къ намъ начальникомъ лѣваго фланга, вмѣсто Роберта Карловича Фрейтага, изъ Владикавказскаго округа, гдѣ онъ приобрѣлъ общую любовь и уваженіе, онъ на время уѣхалъ теперь опять въ Владикавказъ за своимъ семействомъ, поручивъ командованіе дивизіей нашему барону Меллеру.

Но какъ жестоко несправедливо поступили съ Фрейтагомъ! Кто на Кавказѣ не признавалъ его выдающихся способностей, какъ военначальника и честнаго человѣка? Кто не зналъ всѣхъ заслугъ его въ 1845 и 1846 годахъ? Кто изъ участниковъ злополучной Даргинской экспедиціи съ благоговѣніемъ не вспоминалъ о появленіи общаго спасителя генерала Фрейтага въ Герзель-аулѣ, гдѣ гибель всего отряда висѣла на ниткѣ. Кто, наконецъ, въ 1846 году безпримѣрною энергіей отстоялъ отъ погрома Шамиля Большую Кабарду? И вотъ всѣ эти выдающіяся заслуги, снискавшія громкую славу Фрейтагу, были преданы забвенію. Нѣтъ, впрочемъ, не забыты онѣ, а лучше сказать онѣ припомнились ему...

Когда въ 1845 году отрядъ нашъ, въ котловинѣ Шамхаль-берды, со всѣхъ высотъ окруженный многочисленными полчищами горцевъ, погибалъ отъ ихъ оружія, а еще болѣе отъ болѣзней и всякаго истощенія силъ, безъ куска хлѣба и сухарей,—главнокомандующій посылалъ черезъ нарочныхъ мирныхъ горцевъ записки Фрейтагу объ отчаянномъ положеніи отряда, приказывая, умоляя его, идти къ нему скорѣй на выручку. Изъ девяти посланцевъ графа Воронцова не дошли по назначенію, а погибли отъ кинжаловъ тавлинцевъ и лезгинъ, восьмеро, и только девятому, Алдѣ, посчастливилось ночью проползти между освирѣпѣвшими и зорко за нами слѣдившими врагами. Непритель въ громаднхъ силахъ окружалъ жалкіе остатки 24-хъ баталіоновъ, понесшихъ значительныя потери при наступленіи черезъ Андійскія ворота на Дарго, на половину истребленныхъ въ злополучной Сухарной экспедиціи и окончательно испытавшихъ полное пораженіе при отступленіи на Герзель-аулъ. Уже двѣнадцать дней въ котлахъ не варилась пища, уже семь дней во всемъ отрядѣ нѣтъ куска сухаря... Люди ѣдятъ недозрѣлую кукурузу и мясо павшихъ лошадей. Раненыхъ были тысячи, а больныхъ и ослабленныхъ прибывало не по днямъ, а по часамъ. Походные лазареты переполнены умирающими отъ голода и жажды, когда послѣдовалъ приказъ, при предположенномъ движеніи впередъ, жечь всѣ палатки, а больныхъ-безнадежныхъ бросить. Отчаянная мѣра эта не выполнена лишь потому, что двигаться впередъ оказалось невозможнымъ даже и для мнимо-здоровыхъ. Истощеніе физическихъ силъ не уступало нравственному упадку всего отряда. Отъ генерала до послѣдняго фурштата, всѣ въ ту незабвенную эпоху уже обрекли себя на вѣрную смерть если не отъ ядеръ и пуль вражыхъ, то отъ голода.

Озлобленные появленіемъ врага въ труппахъ, какъ имъ казалось, недоступнаго убѣжища имама, теперь разореннаго Дарго, горцы считали остатки нашего отряда совершенно пропавшими, а потому безъ усиленной энергіи, даже совершенно пассивно, вели военныя дѣйствія и черезъ часъ по ложкѣ бросали снаряды изъ орудій своихъ въ нашу котловину, но снаряды эти, кромѣ задѣтыхъ жертвъ, уже не производили никакой сенсаціи... Апатія была общая, безграничная. Всякій считалъ минуты до роковой развязки неминуемой драмы... Но въ деморализованномъ до-нельзя отрядѣ этомъ былъ еще человѣкъ и, вѣроятно, единственный, не потерявшій присутствія духа и надежды: это былъ самъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Лишившись послѣдней булки, похищенной изъ его походнаго буфета старшимъ унтеръ-офицеромъ почетнаго караула, Алпидоновымъ, онъ уже третій день былъ почти безъ всякой пищи, но, полный нравственной силы и несокрушимаго мужества, съ неизмѣнною на устахъ улыбкой, два-три раза въ день объѣзжалъ ряды унылыхъ войскъ. Спокойная, но убѣдительная рѣчь графа умѣла вселить безотчетное, какъ казалось, ни на чемъ не основанное вѣрованіе въ возможность спасенія, и ободренные солдаты, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ читавшіе себѣ отходныя, сразу оживали, вѣрили, надѣялись и, бросая вверхъ пахахи, громко оглашали воздухъ восторженными криками «ура!». И дѣйствительно, въ то время, какъ положеніе отряда достигло высшаго предѣла истязаній, мирный лезгинъ Алда вручалъ лаконическое посланіе графа Воронцова генералу Фрейтагу. Робертъ Карловичъ въ ту же минуту, схвативъ съ собою всѣ войска изъ Грозной, Воздвиженскаго, Ушаханъ-юрта и Куринскаго, а также изъ всѣхъ по пути укрѣпленій, оставивъ для защиты ихъ стѣнъ стариковъ, неспособныхъ и вооруженныхъ женщинъ, стремглавъ, безъ отдыха, бросился къ Герзель-аулу спасать остатки побѣдоносно завоевавашаго Дарго отряда. Издали, еще наканунѣ появленія своего въ виду погибающихъ, онъ пушечными выстрѣлами извѣстилъ о своемъ приближеніи и тѣмъ воскресилъ присужденныхъ къ смерти. Все ожило, ободрилось и безъ оглядки, беспорядочною толпою, бросилось на встрѣчу избавителей. Непрiятель, изумленный неожиданнымъ появленіемъ свѣжихъ силъ, съ остервенѣніемъ бросился на разстроенную горсть обезсиленныхъ и раненыхъ и жестоко сталъ рубить оплошныхъ. Но со всѣмъ тѣмъ выручка свершила свое великое дѣло. Уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго погрома были спасены и восторженно приняты въ объятія своихъ спасителей. Благословеній Фрейтагу не было конца.

Но прошло два года, и святые чувства благодарности смѣнились иными, болѣе мелкими. Внутреннее убѣжденіе, тяжелое сознаніе, что славой въ спасеніи обреченнаго на гибель отряда пришлось подѣлиться съ другимъ, породило чувство недоброжелательства,

даже ненависти. Усвоенное кавказскими солдатами названіе отряда Фрейтага «выручки», а ему самому «спасителя» глубоко оскорбляло вновь пожалованнаго князя и довело его до постыднаго малодушія. Весною 1848 года, по настойчивому ходатайству князя Воронцова, доблестный генераль Фрейтагъ высочайшимъ приказомъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ въ армию князя Паскевича, а наша кавказская навсегда лишилась одного изъ лучшихъ и честнѣйшихъ ея дѣятелей... Фактъ возмутительный, особенно въ глазахъ старыхъ кавказцевъ. Ему-то эти безпристрастные служаки всецѣло приписываютъ предложенный планъ покоренія Кавказа не эффектными нашествіями на резиденціи Шамиля, какъ были въ Ахульго и послѣднее въ Дарго, стоившія милліоны рублей и многихъ тысячъ жизней, безъ всякой существенной пользы и результатовъ, а систематическое истребленіе лѣсовъ и шагъ за шагомъ твердое движеніе впередъ, въ самую глубь непріятельской страны. О Фрейтагѣ пѣли солдаты: «Опять насъ Фрейтагъ поведетъ искать побѣды, славу!», или далѣе: «Гдѣ Фрейтагъ нашъ, тамъ страха нѣтъ, и неизбѣжна слава», и, наконецъ, въ пѣснѣ о походѣ въ Кабарду: «А Фрейтагъ удалой, хоть вспотѣлъ... да поспѣлъ!».

Почта въ лагерѣ ожидалась всегда съ особеннымъ интересомъ; скоро получились высочайшіе приказы: баронъ Левъ Николаи назначенъ былъ флигель-адъютантомъ, князь Васильчиковъ произведенъ въ ротмистры, а Дондуковъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію; князь Барятинскій произведенъ въ генераль-маіоры, конечно, свиты. Это производство должно было разлить желчь Меллера. Онъ на полтора года старше Барятинскаго въ чинѣ полковника и рисковалъ попасть къ нему, баловню судьбы, подъ начальство.

Для меня, однако, та же неопредѣленность. 12-го ноября предполагался роспускъ отряда по домамъ, а я еще не зналъ, куда мнѣ дѣваться, оставаться ли въ Воздвиженскомъ, или ѣхать въ Тифлисъ. Не долго длилось мое недоумѣніе. Рано утромъ Меллеръ прислалъ за мною ординарца.

— Ну-съ, mon cher ami, что вы намѣрены съ собою дѣлать?— встрѣтилъ меня вопросомъ баронъ.—Послѣзавтра мы всѣ въ Воздвиженское, а вы куда?

— Право, Петръ Петровичъ, я и самъ не знаю,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, Полторацкій, послушайте моего совѣта и возвратитесь въ полкъ, въ строй. Толкаться изъ угла въ уголъ молодому и хорошему (подчеркнулъ Меллеръ) офицеру право не хорошо. Изъ корпуснаго штаба главнокомандующаго о васъ ни письменно, ни словесно, не сдѣлано никакого распоряженія, а потому ѣхать вамъ опять въ Тифлисъ не представляется непремѣнною необходимостью. Къ тому же, я знаю, вы тамъ порядочно расстрясли деньженки и запутались долгами, а въ этомъ, согласитесь,

mon cher, хорошаго мало. Оставайтесь-ка лучше въ полку, гдѣ и дешевле, да и выгоднѣе вамъ будетъ по службѣ.

Я молчалъ, не зная, на что рѣшиться.

— Ей, ей, — продолжалъ полковникъ, — лучше подождите въ полку формальнаго назначенія адъютантомъ къ главнокомандующему. Тогда съ Богомъ, а пока принимайте роту.

— Какъ? какую роту? — въ недоумѣннн спросилъ я.

— 7-ю егерскую! По донесенію, полученному сегодня ночью, Греченевскій вчера въ Ханъ-Калахъ смертельно раненъ, а потому я послалъ за вами, чтобы рѣшить вопросъ о назначеніи новаго командира роты. Хотите, или нѣтъ, рѣшайтесь, mon cher?

— Хочу, хочу, Петръ Петровичъ, и именно 7-я рота мнѣ особенно по сердцу! — отвѣтилъ я барону, тутъ же пославшему за полковымъ адъютантовъ, чтобы отдать приказъ о моемъ назначеніи.

Но бѣдный Греченевскій! Въ Воздвиженскомъ я узналъ подробности. 9-го ноября, три роты, въ томъ числѣ и 7-я, провожали обратную оказію изъ Грозной въ Воздвиженское. Пройдя Ермоловскій курганъ, не вдалекѣ отъ Черной рѣчки, колоннѣ былъ данъ приваль. На лѣвой Ханъ-Кальской горѣ показались два непріятельскихъ всадника. Они громкими возгласами ругани на ломанномъ русскомъ языкѣ всячески старались привлечь на себя вниманіе нашихъ въ ущельѣ расположенныхъ войскъ, но, видя безуспѣшность задиранья на словахъ, дали по нимъ два выстрѣла. Пули просвистѣли гдѣ-то высоко и на излетѣ плепнулись около лежащаго на травѣ Греченевского.

— Эхъ, подлцы, задамъ же вамъ, но не отсюда, а поближе! — вскакивая на своего караго кабардинца, вскрикнулъ Греченевскій и вихремъ пустился къ кустамъ. У самой подошвы горы, осадивъ коня, онъ изъ чехла ловко выхватилъ винтовку, вскинулъ и уже прицѣлился, когда совершенно неожиданно вражья пуля ударила его въ грудь. Греченевскій попался въ ловушку! Онъ не ожидалъ, что одинъ пѣшій, скрывшись за кустомъ, поджидалъ свою жертву и мѣтко всадилъ ему пулю подъ самое сердце. Послѣ двухъ сутокъ страданій, Греченевскій въ полномъ сознаніи отдалъ Богу душу. Первую службу и самую грустную исполнилъ я при выносѣ и погребеніи праха этого рыцаря безъ страха и упрека и безпримѣрно-скромнаго Александра Григорьевича Греченевского.

Однообразная жизнь наша нарушилась радостью за нашего полковаго командира. 15-го декабря баталіонъ нашъ назначенъ былъ въ лѣсъ за строевымъ матеріаломъ. Рано утромъ до выступленія Оома Васильевичъ Костырко явился за приказаніемъ къ барону Меллеру.

— Господинъ полковникъ, честь имѣю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! — прервалъ его Петръ Петровичъ.

Костырко смутился и опять начинает свою стереотипную фразу: господинъ полковникъ, честь...

— Да нѣтъ же, говорю вамъ,— снова перебиваетъ Меллеръ,— называйте по чину иначе!

— Да, да, да, да,— твердитъ Тома, уже почесывая свою шишку,— какъ же, какъ же величать васъ, полковникъ?

— То-то и есть, подымайте выше,— замѣтилъ весело Меллеръ.

— Да, да выше? выше? Не повимаю, полковникъ!— совершенно растерявшись, возражаетъ нашъ храбрый подполковникъ.

— Говорите, Тома Васильевичъ, не полковникъ, а ваше превосходительство!— счастливо улыбаясь, отвѣтилъ баронъ.

Старикъ опять задумался, сообразилъ, постигъ, въ чемъ дѣло, и разсыпался въ поздравленіяхъ передъ молодымъ генералъ-маіоромъ. Баронъ, на радостяхъ, оказалъ щедрость, съ нимъ небывалую, отсыпавъ на каждую роту полка по 100 рублей серебряныхъ, что въ суммѣ составляло, съ фуштатской и инвалидной ротами, расходъ почтенный въ 2.200 рублей, кромѣ трубачевской и писарской командъ. Меллеръ, не смотря на производство, остался, все-таки, командиромъ Егерскаго князя Воронцова полка, чѣмъ нашъ баронъ не огорчился вовсе.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕ ВЪ ЖОРЖЪ-ЗАНДИИ.

(Очеркъ изъ сороковыхъ годовъ).

КИПАЖЪ, на видъ неуклюжій, развалистый, съ клѣтчатымъ кузовомъ, переплетеннымъ желтымъ тростникомъ и съ двумя рогами по бокамъ, обитыми сіяющей мѣдью, снабженный крыльями, откидными ступеньками и позади дорожнымъ сундукомъ, качающійся на длинныхъ дрогахъ, запряженный въ дышло парой гнѣдыхъ, преимущественно любимыхъ духовными лицами и носившій странное названіе нетычанки, остановился у тесовыхъ воротъ одноэтажнаго кирпичнаго дома, гдѣ помѣщалась становаѣ квартира. Въ нетычанкѣ, забрызганной грязью, сидѣла молодая особа въ зеленой фургонообразной шляпкѣ съ розовыми цвѣтами и улыбалась. Еѣ кучеръ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, апатично возсѣдалъ на козлахъ и не успѣлъ остановить лошадей, какъ вытащилъ изъ-за пазухи кусокъ хлѣба и запихнулъ его себѣ въ ротъ. Было часовъ двѣнадцать дня, пригрѣвало весеннее солнце, сверкали ручейки и блестяли лужи; снѣгъ еще не всюду растаялъ. Въ окнѣ дома показалась чья-то голова, приплюснула носъ къ стеклу и исчезла. Вышелъ дежурный десятскій съ бляхой на груди и спросилъ:

— Вамъ чего?

— Дома становой?

— Дома. Вамъ чего?

— Отвори ворота. Я къ становому.

— Постоялый дворъ напротивъ.

— Мнѣ нельзя... За мной гонятся. Скорѣй ворота.

Десятскій посмотрѣлъ на барышню и пошелъ назадъ спрашивать приказанія. Должно быть, приказаніе было отдано ему самымъ энергичнымъ образомъ, потому что онъ чуть не кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы и моментально открылъ ворота.

Жуя хлѣбъ, маленькій кучеръ повернулъ лошадей, зацѣпилъ нетычанку правымъ ея рогомъ о шулу и въѣхалъ во дворъ. Молодая особа подобрала платьѣ и протянула руку, желая опереться на плечо десятскаго, но десятскій не былъ благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ. Она засмѣялась, прыгнула кончикомъ ботинки въ лужу, сдѣлала еще прыжокъ и очутилась на лѣстницѣ.

Въ сѣняхъ, на скамьѣ, вдоль стѣны, сидѣли мрачные оборванные люди въ кандалахъ подъ присмотромъ десятскихъ. Воздухъ былъ спертый, полъ грязный. Въ самомъ углу, скорчившись и наклонивъ голову, стоналъ старикъ, на лицѣ котораго густо запеклась кровь.

Дверь отворилась, и становой—коротенькій, пузатенькій человѣчекъ, бритый и лысый, въ вицмундирѣ и съ линейкой въ рукѣ, любезно сказалъ:

— Позвольте узнать, сударыня, кого имѣю честь видѣть? Что случилось? Пожалуйте.

Фамилія его—Архаровъ. Онъ былъ вѣжливѣе своего десятскаго и посторонился, чтобы дать пройти молодой дѣвушкѣ, которая, повидимому, произвела на него пріятное впечатлѣніе своей цвѣтущей внѣшностью и довѣрчивой улыбкой.

— Тутъ у меня канцелярія, я произвожу допросъ, а не угодно ли въ слѣдующую комнату?

Онъ ласково взялъ ее за руку, и она, пройдя мимо писарей и мужика, стоявшаго на колѣняхъ, съ посинѣвшими и почернѣвшими щеками, была введена имъ въ маленькую гостиную, убранную берестовою мебелью.

— Садитесь, прошу васъ,—началъ становой, подвинулъ кресло, и самъ сѣлъ противъ пріѣзжей барышни.

— Вы не узнаете меня?

Архаровъ осклабился.

— Положительно затрудняюсь. Въ уѣздѣ у меня тысячи лицъ мелькаютъ, какъ въ сновидѣніи. Не г-жа ли Протасова?

— О, нѣтъ! Вы меня видали еще дѣвочкой,—съ звонкимъ смѣхомъ сказала барышня.—Я Лиза Янченко. Вы пріѣзжали на папины именины. Помните, вамъ понравился окорокъ, и папа велѣлъ положить въ тарантасъ столько окороковъ, что вамъ негдѣ было сѣсть?

Становой покраснѣлъ.

— Лиза! Лиза! Боже, какъ вы выросли!—вскричалъ онъ.—Теперь вамъ лѣтъ семнадцать?

— Да, восемнадцатый годъ.

— Узнать нельзя! Похорошѣли! Но тѣмъ болѣе я пораженъ. Кто гонится за вами?

— Папа.

— Ушамъ своимъ не вѣрю!

— Вѣдь мама умерла; папа сталъ дурно обращаться со мной,— сказала дѣвушка, продолжая улыбаться.—Вчера мы окончательно поссорились съ нимъ. Я сторонница Жоржъ-Зандъ. Но папа не понимаетъ даже, что такое идеалъ; для него идеалъ значитъ хорошенькая женщина. Онъ сталъ называть меня дурой и весь обѣдъ трунилъ надо мной. Я ему рѣзко отвѣчала. Онъ, конечно, вспылъ и...

Лиза, не переставая улыбаться, вдругъ заплакала.

— Хотѣлъ меня... страшно оскорбить. Но, хотя было холодно, я убѣжала черезъ садъ къ нашему священнику, отцу Роману. Тамъ я переночевала, мнѣ дали нетычанку и посовѣтовали обратиться къ вамъ. Вступитесь за меня. Развѣ я крѣпостная?

Становой нахмурилъ чело. Янченко былъ извѣстный во всемъ уѣздѣ Донъ-Жуанъ и скандалистъ, и все ему сходило съ рукъ. Онъ чуть не выпоролъ предмѣстника Архарова, когда тотъ пріѣхалъ взыскивать съ него недоимку. О немъ говорили всегда съ улыбкой, къ нему относились покровительственно сосѣди покрупнѣе, а мелкота боялась его; онъ на всѣхъ наводилъ страхъ нагайкой, съ которой не разставался. Ему было сорокъ лѣтъ, служилъ онъ прежде въ гусарахъ и за дуэль сидѣлъ въ крѣпости. Онъ травилъ собаками исправника, отнял у однодворца молоденькую жену, силой отбилъ гувернантку у полковника Ярцева и, подъ угрозой повѣсить на воротахъ, заставилъ ее подать жалобу на Ярцева за дурное и жестокое обращеніе. Стихъ находилъ на него неожиданно. Иногда мѣсяца два, три, а то и полгода ничего не было слышно о Янченкѣ, и уѣздъ начиналъ уже скучать. Въ послѣднее время загорѣлось дѣло по поводу того, что онъ устроилъ заставу въ своемъ имѣніи, взималъ за пропускъ большія деньги, а то и совѣмъ не пропускалъ. Архаровъ ладилъ съ Янченко—недоимки съ него не взыскивалъ; на первыхъ порахъ случалось ему даже бывать у него, но благополучно; сверхъ ожиданія, Янченко обходился со становымъ даже любезно, а шутка съ окороками была невинна: Архарову удалось увезти съ собой десять окороковъ, онъ цѣлый годъ ихъ ѣлъ.

— Какъ непріятно!—процѣдилъ сквозь зубы Архаровъ, выслушавъ рассказъ дѣвушки.—Признаюсь, очень непріятно. Смѣю сказать, вы очаровательная особа и, будь вы не дочь Александра Яковлевича, я бы охотно предложилъ вамъ всяческую защиту. Однакожъ, согласитесь сами, въ какое положеніе буду я поставленъ, когда, вы изволите говорить, папаша отправилъ за вами погоню.

— Я не говорю, а полагаю,—робко сказала дѣвушка.

— Прекрасно-съ, полагаете. Но черезъ часъ или, все равно, завтра утромъ, наконецъ, черезъ три дня является ко мнѣ Александръ Яковлевичъ. Что я ему скажу? Замѣтите, я, будучи холостымъ человѣкомъ, не имѣю даже права бесѣдовать съ вами съ глазу на глазъ.

Становой сощурилъ глазки и умильно посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Бѣдняжечка, бѣдняжечка!—повторилъ онъ.—Строптивый человѣкъ вашъ папаша. Но придется вамъ покориться. Законъ предоставляетъ родителямъ власть. Дѣйствительно, что дочь нѣкоторымъ образомъ—та же крѣпостная, до извѣстнаго возраста. Есть обязанности у родителей, но есть и права. Меня отецъ на двадцать второмъ году собственноручно высѣкъ.

Тутъ становой глубокомысленно посмотрѣлъ на дѣвушку, а она хотѣла улыбнуться, и опять заплакала.

— Надо покориться,—сухо продолжалъ становой, на этотъ разъ не особенно трогаясь слезами хорошенькой барышни.—Я удивляюсь отцу Роману,—продолжалъ онъ,—какъ онъ могъ васъ направить ко мнѣ? Вамъ слѣдовало ѣхать къ предводителю дворянства...

— Онъ говорилъ о васъ такъ много хорошаго!

— Напрасно. Говорить можно хорошее, но не толковать въ дурную сторону.

— Въ такомъ случаѣ, я поѣду къ предводителю дворянства. Князь Аратовъ меня знаетъ.

— Слуга покорный! Зачѣмъ же вы здѣсь? Что nibудь одно, милѣйшая барышня! Я теперь не могу допустить васъ до предводителя дворянства. Вы несовершеннолѣтняя личность и безъ паспорта... Я васъ задерживаю, какъ бродягу! Извините меня,—какъ бродягу! Для водворенія на мѣстѣ жительства! Жоржъ-Зандъ гениальная женщина, но мы не въ Жоржъ-Зандіи живемъ!—пошутить становой и всталъ.

— Вы... вы меня арестуете? — съ странной улыбкой спросила дѣвушка, поблѣднѣвъ.

Становой утвердительно мотнулъ головой. Лице его изъ любезнаго сдѣлалось каменнымъ, взоръ изъ маслянаго грознымъ.

Онъ крѣпко взялъ Лизу за руку, заставилъ приподняться съ кресла, отворилъ маленькую дверцу, которая вела въ чуланъ, наполненный разнымъ хламомъ—грязнымъ бѣльемъ, старыми книгами, хомутами, клубками пряжи и штуками холста, довольно грубо толкнулъ дѣвушку и заперъ ее на замокъ.

Она осмотрѣлась, свѣтъ узкой полоской проникалъ въ крошечное окошечко въ самомъ верху, сѣсть не было на чемъ. Лиза стала рыдать.

Маленькій кучеръ съ нетычанкой хотѣлъ уѣзжать послѣ двухчасоваго отдыха, но становой задержалъ и его.

Лиза привыкла къ сумраку и стала разглядывать окружающіе ея предметы. Связки бумагъ съ гербами, на которыхъ были изображены орлы, опустившіе крылья, можно было составить въ видѣ столбика и затѣмъ сѣсть на нихъ, какъ на табуретъ. Стѣнки чулана были тонкія; до ушей Лизы долеталъ голосъ становаго, доносился плоскій звукъ, за которымъ слѣдовали стоны—Архаровъ, должно быть, билъ линейкой мужика, стоявшаго на колѣняхъ. Потомъ забряцали кандалы—уводили арестантовъ; лягъ желѣза постепенно замеръ въ отдаленіи. Голосъ становаго послышался совсѣмъ близко: «Нѣтъ, нѣтъ, голубушка! Зачѣмъ украла платье? Помѣщица зря не станетъ жаловаться. Данило, возьми ее!». Наступила мертвенная тишина. Но минутъ черезъ пять воздухъ прорѣзался отчаяннымъ отдаленнымъ воплемъ. Лизѣ стало такъ страшно, что она задрожала. Прошло нѣкоторое время, и становой вернулся. За дверкой чулана начались приготовленія къ обѣду. Становой распорядился: «Еще приборъ». Дѣловое утро кончилось; Архаровъ отдыхалъ. Онъ вложилъ ключъ и отомкнулъ чуланъ.

Въ сердцѣ Лизы скопилось столько ужаса и гнѣва, что съ языка ея чуть не сорвался потокъ укоровъ, но, увидѣвъ становаго, она испугалась и рѣшила молчать.

— Какъ вы себя чувствуете?—весело спросилъ онъ.—Я пошлю нарочнаго къ Александру Яковлевичу. Не дуйтесь на меня. Прежде всего, исполняю мой долгъ. Не угодно ли вамъ раздѣлить со мною трапезу?

Она упиралась; онъ ее насильно вывелъ изъ чулана и посадилъ за обѣденный столъ.

— Гм! гм! я помогу вамъ снять шляпку!

Онъ развязалъ ленты подъ ея подбородкомъ и, когда увидѣлъ ея темнорусую головку, съ гладкими начесами на вискахъ, загибающимися вокругъ перламутрово-розовыхъ ушей, и ея высокую шею, ему стало искренно жаль ея.

— Дѣточка, я сочувствую вамъ! — сказалъ онъ. — Пусть мнѣ отрубятъ руку и вымотаютъ изъ меня внутренности, если я лгу! Но Александръ Яковлевичъ могущественный человѣкъ. Мало того, что онъ дерзнетъ рѣшительно на все, онъ богатъ; не мнѣ тягаться съ нимъ. Сердце сердцемъ, а благоразуміе благоразуміемъ. Не повѣрите, какъ трудно быть становымъ. Не успѣешь встрѣтить губернатора, встрѣчай чорта, чини дороги, сгоняй мужиковъ, каждому кланяйся, кто силенъ, держи ухо востро, смотри въ оба... Ваше здоровье, пупсенокъ!

Становой за каждой рюмкой становился нѣжнѣе, размякалъ. Лиза уже нѣсколько разъ улыбнулась; переходы отъ довѣрія къ недовѣрію были у ней скоры; и, снявъ съ себя эмалевыя часы на длинной золотой цѣпочкѣ, она застѣнчиво протянула ихъ Архарову.

— Все, что я имѣю,—сказала она.—Позвольте мнѣ бѣжать къ Аратову, ради Бога!

— Ангелочекъ, какъ же я могу быть вашимъ пособникомъ въ распрѣ съ отцомъ? Я несчастный человекъ, я становой! Гм! гм!

Лиза не поняла, что означаетъ мычаніе становаго, и какой смыслъ заключается въ его подмигиваніи. Глаза ея были красны отъ недавняго волненія.

— Рюмочка! — сказалъ становой: — у васъ таля, какъ у рюмочки! Гм... гм!..

Толстая кухарка ставила на столъ кушанья и убирала тарелки съ такимъ равнодушнымъ видомъ, что, казалось, она не замѣчаетъ ни самого барина, ни его плѣнницы. Послѣ обѣда Архаровъ сѣлъ поудобнѣе въ берестовомъ креслѣ, взявъ огромную пенковую трубку съ серебряной крышккой и исчезъ въ облакѣ дыма. Облако разсѣялось, Лиза увидѣла слипающіеся глаза, устремленные на нее и полные слезъ.

— Вы плачете?—невинно спросила дѣвушка.

Въ отвѣтъ становой опустил вѣки, мягко уронилъ на полъ трубку и издалъ легкій храпъ и свистъ носомъ.

Впрочемъ онъ сейчасъ же встрепенулся, поднялся, взявъ со стола эмалевые часики и, измѣнивъ тонъ, сердито сказалъ:

— Ты вообразила, что меня можно подкупить? Я не посмотрю... Ахъ ты! — какъ медвѣдь, заревѣлъ онъ. — Почему я знаю, что произошло у тебя съ отцомъ? Что, если ты обокрала его? Если убила?

Молодая дѣвушка остолбенѣла.

— Нѣтъ, отъ меня не уйдешь!—трагически прошепталъ становой, причемъ глаза его вылѣзли изъ орбитъ, а ротъ сдѣлался похожъ на черный трехугольникъ.

Свирѣпый человекъ при послѣднихъ словахъ нахмурилъ брови, какъ хвойныя иглы, поднесъ палецъ къ самому носу Лизы и зашпатель имъ съ такой быстротой, что указательный перстъ его распался на двадцать, а потомъ мгновенно опять слился въ одинъ. Воспоминаніе о чуданѣ и о страшныхъ звукахъ, которые туда долетали, ледянымъ холодомъ наполнило душу Лизы; она даже не въ состояніи была заплакать. Губы ея прошептали:

— Вы будете отвѣчать.

— Безъ угрозъ!—презрительно крикнулъ становой, завертывая въ листъ бумаги часы съ цѣпочкой.—А, подкупать! Пойдемъ въ канцелярію!

Канцелярія была небольшая комната, или казалась небольшой, благодаря обилію столовъ съ грудями бумагъ. Сукно неопредѣленнаго цвѣта, зеленое, красное или синее, все залитое чернилами, покрывало тотъ столъ, за который сѣлъ становой. Желтая фаянсовая чернильница стояла на столѣ, вмѣстѣ съ песочницей, и въ

стаканѣ бѣлѣлся пукъ гусиныхъ перьевъ. Молодой человѣкъ, похожій на Байрона, съ желтымъ обрюзглымъ лицомъ и съ высокой шеей, безъ галстука, согнувшись, скрипѣлъ перомъ. Лиза обрадовалась, увидѣвъ этого байроновиднаго писца. Онъ мрачно исподлобья посмотрѣлъ на нее. Косые лучи солнца, склоняющагося къ закату, проливали въ канцелярію веселый свѣтъ и тепло. Странные предметы бросились въ глаза молодой дѣвушкѣ: ременная плеть, похожая на женскую косу, ящикъ съ буквами, сдѣланными изъ иголь, черная борода, припечатанная къ листу бумаги, картузъ съ проломаннымъ и окровавленнымъ козырькомъ, а все пространство подъ столомъ было туго набито свѣжими березовыми розгами.

— Янкель, пиши!—приказалъ становой.

Байронъ оказался жидомъ. Лиза безнадежно посмотрѣла вокругъ себя.

— Пиши: «Милостивый государь Александръ Яковлевичъ! Сего 16-го марта 1843 года ко мнѣ явилась неизвѣстная личность женскаго пола и, наименовавъ себя дочерью вашею Елизаветою, обратилась съ просьбою о подаіи ей необходимой защиты въ протівоестественномъ преслѣдованіи ея вами. А потому для удостовѣренія оной немедленно поставляю васъ въ извѣстность черезъ нарочнаго, а личность мною подвергнута задержанію, а равно и цѣнный подарокъ, предложенный ею мнѣ, чего не могла бы сдѣлать личность, дѣйствительно принадлежащая вашей дочери, а именно такая, которая движима корыстнымъ желаніемъ скрыть слѣды совершеннаго ею преступнаго дѣянія, какъ можно думать, крупнаго воровства драгоцѣнныхъ предметовъ, въ томъ числѣ эмалевыхъ дамскихъ съ брилліантами часовъ. Объясненіе же ея касательно французской писательницы Жоржъ-Зандъ нахожу мало вѣроятнымъ и крайне побочнымъ обстоятельствомъ, не заслуживающимъ глубокомыслія».

Архаровъ потеръ руки.

— Пиши: «Будучи опрошена безъ пристрастія, молодая неизвѣстная личность оказалась одѣтою въ шелковое платье пу-де-суа и въ теплый плащъ съ бахромой»...

— Пиши: «Не осмѣливаясь ни въ коемъ случаѣ дать вѣру словамъ задержанной личности, въ коей не усматриваю значительнаго сходства съ дѣйствительною дочерью вашею, воспоминаіе о каковой изгладилось временемъ втеченіе двухъ слишкомъ лѣтъ со дня счастливаго моего посѣщенія васъ, но, однако, пріемля подозрительнымъ показаніе вышеупомянутой бѣглой личности, всепокорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, что я имѣю предпринять на тотъ конецъ, если оное происшествіе находится хотя бы въ самомалѣйшемъ касательствѣ съ вами. Въ ожиданіи распоряженія вашего, всемилостивѣйшій государь и благодѣтель, остаюсь навсегда вашъ преданнѣйшій слуга»... Написалъ?»

Янкель быстро водилъ перомъ по бумагѣ; становой взялъ линейку и началъ ею играть, хлопая себя по рукамъ и по колѣнямъ.

Онъ внимательно смотрѣлъ на дѣвушку—на ея розовыя дрожащія губы; на бритомъ лицѣ его застыла улыбка.

— Господинъ становой,—заговорила Лиза съ возбужденіемъ:— вы отлично знаете, кто я. Я не понимаю, къ чему эта комедія?

— Цвѣточекъ, успокойтесь! — сказалъ становой съ сладкой улыбкой.— Не отрицаю окончательно, что вы Елизавета Янченко, но имѣю двойное убѣжденіе о васъ. Лѣвымъ глазомъ вижу одну особу, правымъ другую. Какъ дочь отставнаго корнета, помѣщика Янченко, почитаю за наглость, связавъ или же подъ надежнымъ конвоемъ, препроводить обратно въ вѣчное вамъ посрамленіе. Пусть самъ Александръ Яковлевичъ удостовѣритъ вашу личность. Для меня же вы,—великодушно извините меня,—бѣглая личность и ничего больше...

Онъ хитро разсмѣялся.

— Янкель, трубку!

Плотноядно потянувъ дымъ изъ чубука, онъ вслухъ похвалилъ себя:

— И сѣно цѣло, и козы сыты!

— Я напишу прошеніе самой государынѣ, — храбро заявила дѣвушка, вся лихорадочно дрожа; оглянувшись, она увидѣла стулъ и опустила на него.

— Не забывай, неизвѣстная личность, что ты въ присутственномъ мѣстѣ!—сурово сказалъ становой.— Видѣла ты мужика, который стоялъ на колѣняхъ? Посмотри, здѣсь сорокъ восемь пучковъ розогъ. Вотъ плеть, а вотъ клейма. Встань!—рявкнулъ онъ.

Лизѣ сдѣлалось дурно. Архаровъ опрыскалъ ее водой. Она открыла глаза; грудь ея тяжело подымалась и опускалась.

— Янкель! — куря трубку, сказалъ становой... — Запечатай письмо, и чтобы сію минуту оно было доставлено въ Лопушное! Маршъ!

Янкель бросился изъ канцеляріи со всѣхъ ногъ.

— Бѣдняжка, сердце мое разрывается! — началъ становой, оставшись вдвоемъ съ Лизой.— Оправилась ты? Но войди и въ мое положеніе? Дай ручку, дай, а то я самъ возьму.

Онъ дернулъ ее за руку.

— Я дворянка!

— Дворянка! Ахъ, грѣхи, грѣхи! Запру я тебя опять въ чуланъ, что дѣлать. Не въ холодной же тебя держать... Я снисходительно поступаю, не изъ желанія обидѣть тебя. Обижаю я не такъ! Я иначе обижаю! — печально проговорилъ становой и указалъ трубкой по направленію къ деревянному станку съ таинственными приспособленіями, состоявшими изъ желѣзныхъ колецъ вверху и внизу и изъ веревокъ.

— Пожалуйста, безъ низостей! Въ комъ я искала великодушнаго покровительства! Вы гадкій... безсердечный! Вы страшилище! — плача, сказала дѣвушка.

— А вѣдь дѣйствительно видна въ васъ благородная натура! — убѣжденно началъ Архаровъ. — У, какъ мы сердимся! Но отрѣжьте мнѣ носъ, и я, всетаки, не скажу навѣрняка, что вы Лиза Янченко. Я становой. Я невольникъ, я самъ подъ арестомъ! Пріятно мнѣ быть палачемъ? Я цѣлый день, какъ въ туманѣ. Жоржъ-Зандочка, пупсеночекъ, куда вы попали! Берлога звѣриная, хуже-съ! Ахъ, я несчастный!

Онъ заперъ Лизу въ томъ самомъ чуланѣ, гдѣ она сидѣла передъ объдомъ. Толстая кухарка устроила ей тамъ постель. Лизѣ казалось, что она съ ума сошла. У Жоржъ-Занда она вычитала о человѣческихъ правахъ. Но вотъ у нея нѣтъ никакихъ правъ. А отецъ имѣетъ на нее права, становой имѣетъ, и ничто не можетъ спасти ее отъ насилія. Она заявила, что она дворянка... но если когда нибудь становой отвѣтитъ (да и отвѣтитъ ли?), все равно теперь онъ издѣвается надъ ней. Правъ не имѣешь, если за тобой ихъ не признаютъ.

Такъ размышляла Лиза и думала еще о томъ, что, можетъ быть, было бы лучше, если бы она осталась дома и не послушалась отца Романа, который враждуетъ съ ея папой и не сегодня, завтра будетъ лишень прихода... Въ изнеможеніи, обливая подушку слезами, она заснула.

Ей привидѣлся сонъ. Приснилось ей, что она ѣдетъ на балъ къ сосѣдямъ, у которыхъ она еще не была ни разу. Черныя лошади везутъ экипажъ и нѣтъ-нѣтъ, да и оглянутся—посмотрятъ на нее, страшно сверкая бѣлками. Упряжь на нихъ гремитъ, она желѣзная. Домъ былъ освѣщенъ, и вокругъ него цвѣли розовые кусты, такіе высокіе, какъ деревья. Свѣтъ струился изъ оконъ. Тихо разливалась въ лѣтнемъ воздухѣ струнная музыка. Лиза вошла въ залу. Пары мелькали, кружась по паркету. На Лизѣ тарлатановое платье съ острымъ мысомъ и съ воланами. Въ простѣночныхъ зеркалахъ она видитъ свою голову, увитую жемчужною перевязью, и робко думаетъ: «это къ слезамъ». Гости танцуютъ, но лица у всѣхъ неподвижны, блѣдны и глаза опущены. Всѣ чего-то боятся и ждуть. Въ особенности страшно Лизѣ. Ноги ея ослабѣли, и она дѣлаетъ усилія, чтобы не упасть. Вдругъ она случайно глянула въ окно: Архаровъ, прыгая какъ бѣшеный, сбиваетъ линейкой розы, и такъ какъ онъ маленькаго роста, совсѣмъ карликъ, то сами кусты наклоняются передъ нимъ. Музыка стала играть громче, занавѣсъ на дверяхъ раздвинулась, и Архаровъ влетѣлъ въ залу. Онъ носился, какъ мячъ, по залѣ, билъ направо и налево и кричалъ скрипучимъ голосомъ: «мы не въ Жоржъ-

Зандіи живемъ! Это не Жоржъ-Зандія!» Обѣ руки у Лизы отвалились, словно у куклы. Она упала, и сонъ ея кончился.

Архаровъ будилъ ее. На немъ былъ халатъ; онъ держалъ подсвѣчникъ, въ которомъ широкимъ пламенемъ горѣла сальная свѣча, и отъ него сильно пахло водкой.

— Лизавета Александрова, согласны ли вы выйти за меня замужъ?—спросилъ пузатенькій человѣкъ.

Какъ ни было тяжело положеніе Лизы и какъ ни взволнована была ея душа страшнымъ кошмаромъ, врожденная веселость ея взяла верхъ при видѣ заискивающаго, робкаго, испуганнаго лица становаго, явившагося къ ней въ такой необычный часъ и съ такимъ необычнымъ, смѣшнымъ предложеніемъ. Правда, что и мѣсто было необычно.

Лиза, болѣзненно жмурясь на свѣтъ, махнула рукой и сказала:

— Вы—дуракъ.

— Извините меня, богиня,—произнесъ становой и сталъ на колѣни передъ Лизой.

Потомъ онъ схватилъ ея башмакъ, наклонился и положилъ его себѣ на голову.

— Прахъ!—пояснилъ онъ.

Становой внушалъ Лизѣ не только ужасъ, но и презрѣніе.

— Дуракъ! Дуракъ!—закричала она.

— Повинуюсь безпрекословно.

Становой всталъ и, пошатываясь, сказалъ громко и сердито:

— Но, пупса, ты раскаешься!

Лиза долго не могла заснуть. Она слышала, какъ пѣли пѣтухи, и какъ на улицѣ, на маленькой площади, передъ становой квартирой начали стучать топорами. Рабочіе переговаривались и что-то торопливо строили.

Медленно разсвѣтало. Лиза только что забылась прозрачнымъ сномъ, какъ вскочила: страшно шумѣли трещотки и кричалъ народъ. Она испуганно бросилась къ дверкѣ чулана и, къ удивленію своему, нашла ее незапертой: въ берестовой гостинной никого не было. Лиза подбѣжала къ окнамъ. Солнце уже поднялось и освѣщало площадь, запруженную народомъ. Посрединѣ поднималось что-то черное съ чернымъ столбомъ, съ черными перилами, съ чернымъ помостомъ. Парень въ красной рубахѣ прогуливался по помосту и похлестывалъ въ воздухъ той самой ременной плетью, похожей на женскую косу, которую видѣла Лиза вчера въ канцеляріи. Лиза поняла, что это эшафотъ. Солдаты стояли вокругъ эшафота. Архаровъ въ трехуголкѣ и въ мундирѣ съ высокимъ бархатнымъ воротникомъ, окаймленнымъ золотымъ шитьемъ, разговаривалъ на эшафотѣ съ другимъ чиновникомъ, можетъ быть, съ докторомъ. А трещотки все скрипѣли и скрипѣли. Ихъ назойливый шумъ съ обидной наглостью разрастался въ весеннемъ воздухѣ. У

всѣхъ были возбужденныя, веселыя лица. На крышахъ ближайшихъ домовъ стояли, сидѣли и лежали люди.

Загремѣлъ барабанъ. Лиза увидѣла вчерашняго десятскаго. Онъ шель и вертѣлъ палкой, на концѣ которой, какъ мельница, вращалась трещотка. Другіе десятскіе несли еще трещотки и тоже вертѣли ими. За процессіей трещотокъ показалась высокая телѣга, на которой сидѣлъ въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ челоуѣкъ съ бритой головой и низко кланялся на обѣ стороны. Его взвели на эшафотъ. Становой сталъ читать бумагу. Палачъ завладѣлъ арестантомъ. Загремѣлъ барабанъ—началось что-то необыкновенно безобразное, ужасное, возмутительное. Лиза закрыла лицо руками и стала рыдать. Потомъ она забила въ свой чуланъ, все рыдая, заставляла себя молиться и не могла. Память измѣняла ей, она забыла молитвенныя слова и забыла кому надо молиться, а главное не могла никакъ понять, для чего надо молиться... Чувствовала, что надо молиться, что молитра единственное утѣшеніе, что это потребность ея измученной души, а съ языка срывалась только бессмысленная, нелѣпая фраза: «мы не въ Жоржъ-Зандіи живемъ».

— Боже мой! Да что же такое со мной? Отчего всѣ мысли перепутались?—и она билась головой о подушки, охваченная отчаяніемъ.

Экзекуція была исполнена; народъ разошелся. Однимъ несчастнымъ стало больше въ Сибири и однимъ счастливымъ меньше въ Россіи. Архаровъ вернулся домой и велѣлъ кухаркѣ присмотрѣть за барышней и прислужить ей. Самъ онъ, по мѣрѣ того, какъ приближался срокъ пріѣзда Александра Яковлевича, все официальнѣе и официальнѣе настраивался къ плѣнницѣ и рѣшилъ даже не говорить съ ней и не глядѣть на нее: подальше отъ соблазна.

Онъ обѣдалъ въ канцеляріи, а Лизѣ былъ накрытъ столъ въ гостинной. У воротъ остановился экипажъ и послышались голоса. «Пріѣхалъ!» подумалъ становой и съ салфеткой на шеѣ выскочилъ на крыльцо. Карета была запряжена шестерней съ фореиторомъ. Четыре верховыхъ гайдука, вооруженные съ ногъ до головы, окружали карету. Александръ Яковлевичъ съ нагайкой, оправленной въ серебро, вышелъ изъ кареты. Онъ былъ высокъ ростомъ, съ курчавой головой, въ ботфортахъ и въ зеленомъ охотничьемъ кафтанѣ; маленькіе усы его, черные съ просѣдью, были закручены вверхъ, ноздри вздернутаго носа трепетали, и въ глазахъ дрожало огонь худо сдерживаемаго гнѣва. Онъ поднималъ нагайку.

— Подите сюда, Аристархъ Макаровичъ, или какъ васъ тамъ, чортъ возьми!

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Пожалуйста вы сюда,—отвѣчалъ становой и сдѣлалъ пригласительное движеніе обѣими руками.

— Неизвѣстная личность...

— У меня-съ. Милости просимъ! Я на всякій случай караулъ

въ сѣняхъ поставилъ изъ двѣнадцати человѣкъ, Александръ Яковлевичъ, съ ружьями и точно также съ нагайками-съ. Опытные кордонные солдаты, Александръ Яковлевичъ!

Янченко сталъ всходить. Становой пятился къ дверямъ.

— Гдѣ?

— А въ комнаткѣ-съ.

Все лице Александра Яковлевича дергалось — губы, вѣки, щеки; дрожала голова; онъ былъ страшень.

-- Черти!—загремѣлъ онъ, входя въ канцелярію.

Становой прыгнулъ въ сѣни, гдѣ стояли солдаты, и оттуда любезно объяснялся:

— Осмѣливаюсь думать, я поступилъ правильно. Я маленькій человѣкъ. И перевернись, и не довернись—бьютъ.

Янченко заскрежеталъ зубами.

— Вы дѣйствовали правильно, тысяча дьяволовъ!

— Вообще, будьте спокойны, Александръ Яковлевичъ, соблюдено полнѣйшее инкогнито, хотя я могъ бы направить неизвѣстную личность къ князю Аратову и такимъ образомъ...

— Гррр..., миллионъ дьяволовъ и одна анаѰема въ придачу!

— Но не направилъ, Александръ Яковлевичъ,—искательно общилъ Архаровъ, изогнувшись въ дугу.

— Велите подать стаканъ воды.

— Воды!—страшнымъ голосомъ крикнулъ становой, и вода мгновенно явилась въ тщательно вымытой бутылкѣ изъ-подъ шампанскаго.

Утоливъ жажду, Александръ Яковлевичъ сталъ спокойнѣе; черти и дьяволы перестали сыпаться съ его языка. Онъ закурилъ коротенькую трубку и пошелъ вмѣстѣ съ становымъ въ гостинную. Лиза, увидавъ его, упала на колѣни.

— Встань, Лиза,—кратко сказалъ онъ.

— Папа!

— Что такое, Лиза?

— Пощади меня!

— Да ничего я не намѣренъ съ тобой дѣлать. Поѣдемъ домой.

— Папа, позволь мнѣ поступить въ монастырь.

— Ахъ, милочка, какія у тебя фантазіи! Начиталась книжекъ, и Богъ знаетъ что на умѣ! Одѣвайся!

Голосъ его былъ тихъ и нѣженъ, только слегка дрожалъ, да губы были черезчуръ блѣдны.

— Папа, прости меня!

— И ты меня прости.

— Ты серьезно, папа, говоришь?

— Взгляни на меня.

У Лизы брызнули слезы изъ глазъ, и она бросилась къ отцу на шею; онъ крѣпко обнялъ ее.

— Дурочка! Ты бы не ушла изъ дому, если бы знала... Я глазъ не смыкалъ! А тутъ еще разливъ, и я чуть не утонулъ.

— Ахъ, папа, что я пережила! Мнѣ было такъ страшно!

— Ты сама себя наказала... Какъ васъ тамъ... Аристархъ или Макарь Чертовичъ! Вѣдь волосъ съ головы не упаль?

— Ни одного волоска-съ.

Становой угодливо подалъ Янченкѣ бумажный свертокъ.

— Что тамъ?

— Часики-съ.

— Они вамъ подарены?

— Такъ точно.

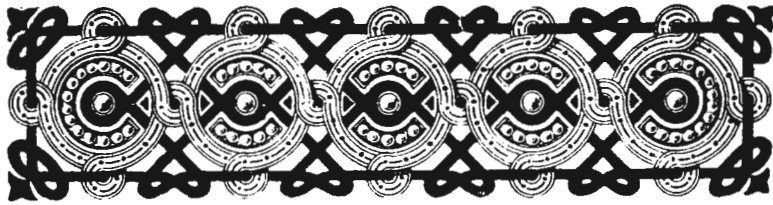
— Ну, и носите на здоровье. Неизвѣстная личность, а ты не имѣешь никакихъ претензій къ нему?

— Никакихъ. Богъ съ нимъ, папа. Лучше, что такъ вышло.

Янченко бросилъ на столъ пачку синенькихъ, тщательно укуталъ дочь, увелъ и посадилъ въ карету. Гайдуки поскакали, карета загромыкала, фрейторъ запрыгалъ впереди. Становой вздохнулъ и перекрестился. «Святъ, святъ, святъ! Ахъ, тяжело жить на бѣломъ свѣтѣ!».

Черезъ двѣ недѣли въ деревню Лопушное выѣхало временное отдѣленіе, которое должно было заняться разборомъ многочисленныхъ уголовныхъ дѣлъ, тяготѣвшихъ на совѣсти отставнаго корнета, Александра Янченко. Вслѣдствіе этого въ Лопушномъ стали задаваться блистательные пиры. Чѣмъ блистательнѣе они были, тѣмъ все легче и легче становилось бремя уголовныхъ дѣлъ. Однажды за обѣдомъ Лиза громко спросила: «папа, что значить пупса?» Становой уткнулъ лицо въ тарелку. Впрочемъ, ему везло — онъ отдѣлался только страхомъ. Въ концѣ концовъ, члены временнаго отдѣленія были обласканы помѣщикомъ. Всѣ уѣхали отъ него съ богатыми подарками, и дѣла его были преданы волѣ Божьей. Въ день отъѣзда временнаго отдѣленія Александръ Яковлевичъ не преминулъ, однако, выкинуть штуку, въ родѣ тѣхъ, какія стяжали ему заслуженную славу: онъ повѣсилъ посреди комнаты на ниткѣ, вмѣсто люстры, большое брильянтовое кольцо и предоставилъ чиновникамъ завладѣть имъ, если среди нихъ найдется умѣющій ловко и высоко прыгать. Часа два прыгали чиновники, выбились изъ силъ, вспотѣли. Наконецъ стряпчій догадался, попросилъ дамъ уйти, раздѣлся до нага, прыгнувъ и сорвалъ кольцо. Перстень теперь носить сынъ стряпчаго, богатый землевладѣлецъ въ одной изъ южныхъ губерній, и, показывая его любителямъ, съ гордостью говоритъ каждый разъ: «наша фамиліальная драгоценность».

І. Ясинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ КЛОУНА А. Л. ДУРОВА ¹⁾.

III.

Мысль заняться дрессировкой животных.—Успѣхъ поросенка.—Интриги и мой взглядъ на нихъ.—Первый бенефисъ.—Восхищенный сапожникъ.— Оставленіе цирка Труцци.— Оригинальная свадьба.— Самоубійство на аренѣ.— Затруднительное положеніе.—Пріѣздъ въ Москву.—Исканіе квартиры.—Свиданіе съ крестнымъ отцемъ.— Объясненія съ содержателемъ цирка Шуманомъ.—хлопоты о дебютѣ.—Костюмъ изъ гардинъ.—Его значеніе.—Успѣхъ моего первого представленія въ Москвѣ.—Книзь В. А. Долгоруковъ.—Его подарокъ.— Настоянія Захарова, чтобы я бросилъ клоуство.—Я дѣлаюсь учителемъ городского училища.—Возвращеніе на арену цирка.—Моя система дрессировки животныхъ.— Трагическая смерть Захарова.—Мое поступленіе въ циркъ Соломонскаго.

НАЧАЛО моей самостоятельной цирковой дѣятельности, ознаменованное успѣхомъ, заставляло меня совершенствоваться и какъ можно болѣе оригинальничать, иначе въ концѣ-концовъ меня осилили бы нѣмцы и съ торжествомъ взяли бы надо мной верхъ. Эта конкуренція очень нравилась Труцци, потому что наша изобрѣтательность и щегольство другъ передъ другомъ значительно вліяли на сборы и привлекали публику.

Когда запасъ новостей началъ истощаться съ той и другой стороны, я вспомнилъ, что въ дѣтствѣ умѣло обращался съ животными, которыя охотно подчинялись моей волѣ и своимъ послушаніемъ изумляли окружающихъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 156.

Я задумалъ заняться дрессировкой и, для большей забавности, на первый разъ выбралъ поросенка, котораго приобрѣлъ на базарѣ за ничтожную цѣну.

Черезъ двѣ недѣли онъ у меня образовался на столько, что ему можно было разрѣшить дебютъ на цирковой аренѣ.

Это была новость, и успѣхъ поросенка былъ колоссальный. Онъ сразу убилъ всѣхъ моихъ конкурентовъ. Съ этого времени интриги противъ меня учинялись невообразимыя. Зависть (шестое чувство вообще всѣхъ циркистовъ) не давала покоя моимъ сослуживцамъ. Они мучились въ потугахъ какъ бы избавиться отъ меня, но расчетливый директоръ ни за что не хотѣлъ со мной разстаться, когда я однажды, соскучившись враждовать съ коллегами, явился къ нему съ просьбой отпустить меня, нарушивъ обоюдно контрактъ.

Въ то время всякія интриги меня волновали и беспокоили, теперь же, когда я узналъ ихъ происхожденіе и цѣли, отношусь къ нимъ не только съ равнодушіемъ, но даже съ сочувствіемъ. Приглядѣвшись къ закулисной цирковой жизни, я понялъ, что закулисная интрига—не интрига, а только борьба за существованіе. Иной борьбы въ силу особенности положенія вещей тамъ быть не можетъ. Въ циркѣ, какъ и въ театрѣ, счастье одного построено не на счастьѣ другаго, какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни, а на счастьѣ двадцати другихъ. Поэтому, чтобы занять видное положеніе въ театрѣ или въ циркѣ, нужно предварительно превратить многихъ въ ничто и уже на ихъ терпѣливыхъ плечахъ основаться самому во всемъ блескѣ своего успѣха. Въ сущности, за кулисами царитъ одно правило: «топи». И если ты самъ не будешь топить, такъ утопятъ тебя... Всѣ хотятъ ѣсть слаще, жить просторнѣе, и поэтому каждый карабкается на первое мѣсто, которое хорошо оплачивается и тѣшитъ самолюбіе.

Послѣ поросенка, въ томъ же Воронежѣ я выдрессировалъ собаку. Опять выдающійся успѣхъ, который убѣдилъ меня заняться специально дрессировкой животныхъ, къ чему въ скоромъ времени я и приступилъ. Это дало мнѣ извѣстное положеніе въ цирковой сферѣ и хорошій доходъ.

Въ Воронежѣ я первый разъ въ жизни справлялъ бенефисъ. Циркъ былъ переполненъ публикой. Мнѣ было поднесено нѣсколько подарковъ. Я, разумѣется, былъ въ восторгѣ и «старался во всю». Моя работа умилила какого-то подростка-сапожника, сидѣвшаго въ самомъ верху, въ четвертаковыхъ мѣстахъ. Въ началѣ втораго отдѣленія онъ какъ-то пробрался въ конюшню, а изъ нея проныкъ на арену и съ самодовольнымъ выраженіемъ лица подаль мнѣ банку съ ваксой. Нечего и говорить, что весь циркъ разразился хохотомъ, а бѣдный мальчуганъ съ сконфуженнымъ видомъ ретировался обратно на свое мѣсто.

Послѣ Воронежа съ тѣмъ же Труцци я побывалъ въ нѣсколькихъ городахъ, между прочимъ, въ Саратовѣ, Казани и др.

Въ Саратовѣ я разошелся съ своимъ директоромъ. Причиною нашего разлада послужилъ романъ его дочери Эстерины. Въ нее былъ влюбленъ наѣздникъ Луиджи, который ради удовольствія пребывать близъ предмета своего обожанія служилъ у Труцци за баснословно дешевую цѣну. Отецъ повидимому смотрѣлъ на его ухаживанія снисходительно и въ недалекомъ будущемъ считалъ его своимъ зятемъ. Однако Эстерина относилась къ Луиджи довольно равнодушно и предпочитала англичанина жокея Орландо. Орланду она тоже очень нравилась.

Жокей началъ свататься, но потерпѣлъ отказъ. Это навело его на мысль повѣнчаться съ Эстериной тайно. Она на это рискованное предпріятіе согласилась, и былъ уже назначенъ день свадьбы. Съ Орландо и съ Эстериной я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, почему одинъ изъ всей труппы былъ посвященъ въ ихъ секретъ. На мою долю выпало быть единственнымъ свидѣтелемъ ихъ бракосочетанія и даже принимать участіе въ ихъ укрывательствѣ первое время.

Моему вмѣшательству въ это дѣло директоръ придалъ слишкомъ большое значеніе, и мы послѣ долгихъ счетовъ и расчетовъ окончательно разошлись.

Этотъ романъ, однако, не прошелъ благополучно. Луиджи не пережилъ измѣны обожаемаго существа и тотчасъ же, какъ только узналъ о свадьбѣ Эстерины, отравился. Это омрачило молодыхъ, и Эстерина одѣлась въ трауръ.

Такія исторіи въ стѣнахъ цирка не рѣдкость. Замкнутая жизнь циркистовъ развиваетъ любовь къ приключеніямъ и наклонности къ рыцарству. Можно сказать, не ошибаясь, что нигдѣ нѣтъ столько подобныхъ романическихъ эпизодовъ, какъ въ циркѣ, гдѣ сплошь и рядомъ приходится встрѣчать проявленія искренней любви, со всѣми ея перипетіями и жертвоприношеніями.

Помню еще одну романическую исторію, случившуюся въ Казани, лѣтомъ 188* года. Въ мѣстномъ циркѣ, между заѣзжими артистами, находился наѣздникъ Маньенъ, который воспиталъ наѣздницу Александрина Перезъ¹⁾ и получалъ за нее жалованье. Она была влюблена въ красиваго акробата Жижетто, служившаго въ этой же труппѣ. Онъ тоже былъ неравнодушенъ къ ней и нѣсколько разъ дѣлалъ ей предложеніе вступить съ нимъ въ бракъ, но Мань-

¹⁾ «Воспитать» на цирковомъ языкѣ значитъ обучить. Очень многіе циркисты берутъ на воспитаніе къ себѣ дѣтей и дѣлаютъ изъ нихъ акробатовъ, наѣздниковъ, фокусниковъ и пр. Они обыкновенно ихъ законтрактуютъ на продолжительное время, мотивируя это тѣмъ, что за ученіе, за содержаніе и за попеченіе они должны расплатиться какъ слѣдуетъ. Контракты заключаются обыкновенно съ родителями этихъ несчастныхъ дѣтей.

енъ сильно этому противился и строго слѣдилъ за своей госпитальницей. Всѣ сослуживцы возмущались этою несговорчивостью стараго наѣздника, эксплуатировавшаго молодую дѣвушку, и уговорились помочь влюбленнымъ. Они порѣшили повѣнчать ихъ тайно отъ суроваго воспитателя. Для этой цѣли они выбрали одно изъ тѣхъ представленій, когда вся труппа была занята, не исключая и Маньена. Шла пантомима «Взятіе Карса». И въ то время, какъ старый наѣздникъ подвизался на сценѣ, а Александрина, протанцовавъ какой-то танецъ, удалилась въ уборную, — къ заднему выходу цирка подкатили экипажи, въ которые усѣлись влюбленные и ихъ провожатые. Весь этотъ кортежъ помчался къ католической церкви, гдѣ и совершился брачный обрядъ. Свадьба была оригинальная. Александрина вѣнчалась въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ участвовала въ пантомимѣ: въ трико и въ коротенькомъ балетномъ платьѣ. Послѣ вѣнчанія, соблюдая законъ и приличіе молодой адресовалъ къ пріемному отцу краткую записку: «Не беспокойтесь объ Александринѣ: она сейчасъ обвѣнчана. Жижетто».

Кстати слѣдуетъ привести и одно самоубійство изъ-за несчастной любви, которое было учинено публично, съ заранѣе обдуманымъ эффектомъ. Хорошенькая Жанетта Шмидль во время представленія въ г. Бобруйскѣ выстрѣлила себѣ въ сердце и моментально скончалась.

Это факты, говорящіе въ пользу циркистовъ, которыхъ обыкновенно считаютъ людьми безъ сердца, безъ чувства, безъ самолюбія. Нѣтъ, въ циркѣ встрѣчаются чистыя, не тронутыя природы, съ честными взглядами на любовь и гораздо чаще встрѣчаются, нежели въ другихъ сферахъ общества.

Послѣ разлада съ Труцци, я отправился въ Нижній Новгородъ. Къ этому времени у меня уже было нѣсколько дрессированныхъ животныхъ: свинья, баранъ, собака и др. Служилъ я въ мѣстномъ, не пользовавшемся особенно хорошею репутаціею, увеселительномъ саду и за баснословно дешевую цѣну давалъ свои представленія.

Когда окончился сезонъ, я остался безъ гроша денегъ. Помыкался недѣлю по городу и въ концѣ-концовъ принужденъ былъ перебраться въ Москву вмѣстѣ съ женой, на казенный счетъ. Положеніе было отчаянное. Пріѣхали мы голодные, холодные. Звѣри тоже съ тощимъ желудкомъ. Сразу предпринять ничего нельзя было. Идти прямо къ Николаю Захаровичу я не рѣшился.

А съ какимъ трудомъ я нашелъ себѣ помѣщеніе въ Москвѣ? Представить невозможно. Куда ни сунусь, никуда не впускають благодаря обилію животныхъ.

— Да вы съ меня, — говорю всюду, — вдвое возьмите, только пустите нѣсколько дней пережить...

— Что вы, помилуйте... мы тутъ всѣхъ своихъ постоянныхъ жильцовъ разгонимъ. Да много ли у васъ звѣря-то?

— Пустяки... не болѣе десятка...

— Это-то пустяки? Да вы съ ума сошли... А какое звѣрье?..

— Разное... Свинья есть, баранъ...

— Какъ? Съ такими животными вы хотите въ мебелированной комнатѣ жить? Да какой же дуракъ васъ пустить къ себѣ на квартиру? Вы все помѣщеніе можете изуродовать.

— Не безпокойтесь, звѣри дрессированные... кромѣ того, я за ними буду зорко наблюдать...

— Нѣтъ-съ, прощайте...

Другой содержатель гостинницы, какъ только услышалъ, что я ѣзжу со свиньей и бараномъ, такъ и отшатнулся отъ меня, заподозрѣвъ своего собесѣдника въ умопомѣшательствѣ. Третій принялъ меня за помѣщика.

— Вѣроятно,—сказалъ онъ, имѣя поползновеніе блеснуть своею догадливостью,—вы образцы своихъ племенъ привезли?

— Не совсѣмъ...

— Или просто остатки былаго величія?—уже съ ироніей спросилъ онъ, опытнымъ глазомъ окинувъ мой дорожный костюмъ.

— Нѣтъ...

— А то ихъ можно бы въ сарай куда нибудь, на конюшню...

— Они къ такому обращенію не привыкли. Всѣ они у меня образованы и любятъ комфортъ.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности! Что это у васъ за диковинныя животныя?

— О, очень диковинныя! Это артисты.

— Ха-ха-ха! Что за артисты?

— Позвольте представиться: клоунъ Дуровъ съ труппой помощниковъ.

— Ахъ, вы клоунъ?

— Да.

— Ну, такъ сразу бы и говорили.

Я возликовалъ. Вотъ, думаю, поклонникъ цирковыхъ представленій непременно пріютитъ меня въ своей гостинницѣ.

— Да-съ, клоунъ... а что?

— А то, что знаю я вашего брата, шаромыгу, и никого изъ васъ на порогъ къ себѣ не пущу.

Вотъ тебѣ разъ! Я началъ оправдываться:

— Вы, можетъ быть, такого мнѣнія о столичныхъ, а я провинціальный...

— Одинъ сортъ... Уходите!

Наконецъ, послѣ долгихъ исканій, нашель я въ захолустномъ уголкѣ Москвы такія отчаяннаго вида мебелированныя комнаты, въ которыя впустили меня безъ всякихъ разсужденій.

— Я вѣдь съ животными,—предупредилъ я хозяина.

— Ничего-съ!

- При мнѣ будутъ находиться: свинья, баранъ, собаки...
- Ничего-съ!
- Потомъ не претендуйте!
- Помилуйте, что за счеты, мало ли у насъ разныхъ свиней останавливается.
- Сосѣди чтобъ не обижались.
- Ничего-съ!

Извозчикамъ уплатилъ нашъ сговорчивый хозяинъ и, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и странствованій мы обрѣли тихую пристань. Приказали подать самоваръ. У насъ былъ остатокъ чая и нѣсколько кусковъ сахара. Изъ съдобнаго же было очень немного: ломоть хлѣба и скромный обрѣзокъ колбасы, которой мы вздумали полакомиться всласть и положили ее на самоваръ «погрѣться». Но каковъ былъ нашъ ужасъ, когда колбаса, какъ только я полѣзъ за ней, выскользнула изъ рукъ и провалилась въ самоварную трубу, испуская смрадный запахъ по всей коморкѣ.

— Вотъ тебѣ и Москва! — съ комическою грустью произнесла жена. — Не повезло съ самаго пріѣзда.

На другой день, поборовъ въ себѣ стыдъ, я отправился къ крестному, который встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Я ему повѣдалъ свои неудачи, и онъ съ прежнею нѣжностью выручилъ меня изъ безвыходнаго положенія и умолялъ покинуть мечты о циркѣ, обѣщая пристроить къ какому нибудь «честному» дѣлу.

— Какъ? — возмутился я. — А развѣ трудъ клоуна — не честный трудъ?

— Разумѣется, нѣтъ. Это вымогательство путемъ шутовства.

— А искусство вы ни во что не ставите?

— Какое у клоуна искусство? Уродливыя движенія, глупыя гримасы и коверканье рѣчи... Кромѣ того, клоунскій трудъ уже потому не честенъ, что онъ не обезпечиваетъ, а, напротивъ, развращаетъ, пріучая жить не по средствамъ, жить только сегодняшнимъ днемъ.

Не теряя времени, я отправился искать ангажемента, но, разумѣется, не нашель, а узналъ только, что скоро пріѣдетъ въ Москву циркъ Шумана. Я сталъ ожидать его съ нетерпѣніемъ, утѣшая себя пріятною надеждою поступить въ его труппу. Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Отправляюсь къ нему. Встрѣчаетъ сухо.

— Кто вы?

— Русскій клоунъ Дуровъ.

— Какъ?

Я повторилъ.

— Не слыхалъ такого...

— Очень возможно: я начинающій...

— Начинающій? Такъ вамъ не въ столицѣ мѣсто, а въ провинціи. Тутъ нужны мнѣ силы...

— Дайте дебютъ.
 — Что за глупости!
 — Я буду имѣть успѣхъ!
 — Оно и видно!
 — Почему вы такъ думаете?
 — А потому, что кто о себѣ говоритъ, тотъ не заслуживаетъ довѣрія.

— Однако...
 — Да ужъ вѣрно... Прощайте! Некогда.
 — Вы, можетъ быть, раздумаете. Я къ вамъ навѣдаюсь.
 — Ладно.

Печально возвратился домой. Въ это время я уже жилъ въ домѣ крестнаго въ Чернышевскомъ переулкѣ, а самъ онъ на дачѣ подь Москвой.

Черезъ нѣсколько дней являюсь къ Шуману снова.
 — Ахъ, вы опять?
 — Да, опять.
 — Я занятъ. Мнѣ некогда... да и говорить-то намъ не о чемъ.
 — Дайте продебютировать.
 — Говорилъ уже я вамъ, что у меня служатъ все артисты, и новичку между ними будетъ неудобно.

— Это дѣло будущаго.
 — Хорошо, подумаю.
 Прошла недѣля. Опять прихожу къ Шуману.
 — Насчетъ дебюта?—встрѣчаетъ онъ меня вопросомъ.
 — Да.
 — Еще не подумалъ.
 — Чего тамъ думать—разрѣшите и все.
 — Нѣтъ-съ, такъ нельзя... Мой циркъ не балаганъ.
 — Когда же вы подумаете, наконецъ?
 — Какъ нибудъ на свободѣ.

Проходитъ недѣля,—я у Шумана.
 — Я подумалъ,—говоритъ онъ.
 — Ну?
 — И выдумалъ, что вы мнѣ надоѣли.
 — Объ этомъ и думать не стоило.
 — А потому, что вы мнѣ надоѣли, я рѣшилъ отъ васъ отвязаться.

— Покорно благодарю!
 — И дать вамъ пробу на репетиціи.
 — Спасибо и за это. Когда можно предстать предъ вашими строгими очами?
 — Хоть завтра.

На другой день являюсь въ циркъ въ сопровожденіи жены и животныхъ. На моей пробѣ присутствуетъ вся многочисленная труппа

цирка. Смѣются и язвятъ. Самъ Шуманъ сосредоточенно всматривается въ мои разнообразныя работы, по окончаніи которыхъ подзываетъ меня къ себѣ и говоритъ:

— Ничего... изрѣдка можно и ваши глупости посмотреть. Пожалуй, я вамъ дамъ публичное испытаніе, но предупреждаю, если вы не понравитесь публикѣ, за десять рублей въ мѣсяцъ не найму васъ.

Вотъ какимъ тяжелымъ путемъ я добылъ себѣ первый дебютъ въ Москвѣ.

Явившись домой, сталъ перебирать свои костюмы, но всѣ они имѣли такой непрезентабельный видъ, что ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было бы появиться передъ столичной публикой. На новый не было средствъ. Пошелъ ревизовать квартиру крестнаго, въ чаяніи найти что нибудь подходящее для костюма. Шариль-шариль и остановился на шелковыхъ гардинахъ, которыя висѣли въ гостиной. Ни на минуту не задумываясь, снялъ я это украшеніе комнаты, разрѣзалъ на клочки и спилъ себѣ роскошнѣйшій костюмъ.

И этому костюму суждено было сдѣлать переворотъ въ цирковомъ мірѣ. До этого времени у всѣхъ клоуновъ были одинаково-дешевыя одѣянія, сдѣланныя изъ пестраго ситца, и никогда никто не помышлялъ щегольнуть какою нибудь особенностью въ костюмѣ. Мое же появленіе въ красивомъ шелковомъ платьѣ произвело сенсацію, и въ томъ же сезонѣ всѣ сослуживцы обзавелись дорогими и блестящими одеждами. Съ тѣхъ поръ это вошло въ обычай. Такимъ образомъ, мой случайный костюмъ былъ законодателемъ цирковой моды, за которую, однако, скупые циркисты меня безцеремонно бранятъ. Между тѣмъ, для глазъ зрителя нынѣшнія атласныя и шелковыя одѣянія гораздо пріятнѣе, нежели прежнія, всегда грязныя, мятыя и засаленныя. Костюмъ былъ хорошъ, но недовольство крестнаго было безгранично. Ему пришлось перебивать всю гостинную, такъ какъ прикупить на гардину такой матеріи, какая была, не представлялось никакой возможности.

— Ну, вотъ, говорилъ я тебѣ, что клоуństwo подлость, такъ оно и вышло,—сказалъ мнѣ Николай Захаровичъ. — Воровствомъ заниматься началъ! Этого только не доставало!..

Мой первый дебютъ въ циркѣ Шумана прошелъ съ большимъ успѣхомъ, а на второй—циркъ ломился отъ публики. Этому главнымъ образомъ способствовало мое русское происхожденіе. Москвичи оказались большими патріотами и для «своего» русскаго не щадили дланей. Шуманъ предложилъ мнѣ хорошее жалованье и контрактъ на годъ. Я согласился, конечно, и былъ своему директору не въ ущербъ. Красовавшаяся на афишѣ крупная строчка «русскій солоклоунъ Анатолій Дуровъ» была счастливою строчкой одинаково и для меня, и для Шумана.

На меня обратилъ вниманіе московскій генераль-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ и первый поднесъ мнѣ большой лавровый вѣнокъ. Съ тѣхъ поръ мой успѣхъ упрочился еще болѣе. Князь любилъ меня и жаловалъ. Онъ исправно посѣщалъ всѣ мои бенефисы, которые я имѣлъ въ Москвѣ. Каждый разъ меня чѣмъ нибудь одаривалъ и часто присылалъ вѣнки. Его оцѣнка моихъ скромныхъ способностей можетъ быть выведена изъ одного факта, переданнаго мнѣ однимъ изъ его приближенныхъ.

Когда наканунѣ моего перваго бенефиса ему доставили изъ магазина заказанный имъ для меня серебряный портсигаръ, онъ остался очень недоволенъ надписью, вычеканенной на внутренней сторонѣ крышки. Было такъ: «русскому оригинальному клоуну Анатолю Дурову отъ кн. В. Долгорукова».

— Что это за невѣжество!—крикнулъ онъ на магазинщика.— Сейчасъ же передѣлать надпись! Развѣ князь Долгоруковъ станетъ поощрять какого нибудь клоуна? Онъ можетъ дѣлать подарки только артистамъ.

Портсигаръ этотъ я свято храню. На немъ замѣтно передѣлано слово «клоуну». По желанію Владиміра Андреевича вычеканено: «русскому оригинальному артисту» и пр.

Этотъ портсигаръ я показалъ крестному. Онъ у меня взялъ его къ себѣ и всѣмъ пріѣзжавшимъ къ нему знакомымъ съ гордостью давалъ его разсматривать.

— Вотъ у меня каковъ Анатолій! Даже князь его отмѣчаетъ.

— А теперь вы на него не сердитесь?—спрашивали Николая Захаровича.

— Сержусь.

— За что же? Онъ вѣдь достигъ желаемаго. Карьера есть.

— Что это за карьера? Шутюмъ-то быть? Нѣтъ, не хорошо. Онъ мальчишка способный, и изъ него что нибудь лучшее могло бы выработаться.

— А Толька-то идетъ! Въ гору ползеть!—обыкновенно говорилъ Огаревъ, пріѣзжая къ крестному.

— Противная гора!—съ пренебреженіемъ отзывался Захаровъ.

— Каждому свое!.. Мнѣ кажется, онъ предпочитаетъ быть лучше первымъ въ деревнѣ, нежели послѣднимъ въ городѣ. Въ циркѣ-то онъ многого стоитъ, а въ чемъ другомъ онъ, можетъ быть, изъ ряда посредственностей не вышелъ бы.

Огаревъ много разъ приглашалъ въ циркъ Николая Захаровича, но тотъ наотрѣзъ отказывался видѣть «позоръ Анатолія». Однако какъ-то чуть не насильно его затащили. Онъ все время сидѣлъ спокойно, смѣялся и аплодировалъ, но когда я появился на аренѣ, то бывшіе съ нимъ замѣтили, что онъ сразу поблѣднѣлъ, а черезъ нѣсколько минутъ изъ глазъ его скатились двѣ крупныя слезинки. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, не дождавшись окон-

чанія моего номера, вышелъ вонъ. Это подѣйствовало и на меня. И мнѣ стало не по себѣ...

На другой день крестный позвалъ меня къ себѣ.

— Я васъ видѣлъ вчера въ циркѣ!—беззаботно началъ я разговоръ.

— Да, я видѣлъ тебя и признаюсь, твое ломанье произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Брось это скверное занятіе, возьми за что нибудь другое. Не хорошо! Я совѣтую тебѣ, какъ родной отецъ, потому что я люблю тебя, какъ роднаго сына.

— Я ничего другаго не умѣю дѣлать.

— Научисься.

— Но у меня ни къ чему другому и сердце не лежитъ.

— Вотъ это-то и пагуба... Шутловствомъ вѣкъ не проживешь, да и званія не великаго будешь. Ты долженъ позаботиться о своихъ дѣтяхъ. Отецъ-шутъ не сможетъ ихъ правильно воспитать...

И послѣ долгихъ увѣщаній Захаровъ убѣдилъ меня идти въ городскіе учителя. Изъ привязанности къ нему я рѣшился на эту жертву.

Начались усиленные подготовительныя занятія. Николай Захаровичъ нанялъ трехъ студентовъ, которые стали готовить меня къ экзамену.

19-го ноября 1885 года въ уѣздномъ городѣ Можайскѣ я выдержалъ экзаменъ на приходского учителя. Послѣ этого позанялся еще и выдержалъ экзаменъ уже въ Москвѣ на преподавателя въ городскомъ училищѣ.

Чиновники министерства народнаго просвѣщенія принимали во мнѣ тоже большое участіе. Они полагали, что и на ихъ долю выпадеть удовольствіе быть участниками въ моемъ «перерожденіи», и похваливали мое благородное намѣреніе покинуть циркъ ради служенія родинѣ на такомъ поприщѣ, какъ учительство. Они такъ усердно увѣряли меня, что я и въ самомъ дѣлѣ соблазнилъ ролью просвѣтителя и цѣлую недѣлю состоялъ преподавателемъ въ Богоявленскомъ городскомъ училищѣ. Но моего самоотверженія хватило не надолго, я скоро соскучился по аренѣ, пришелъ къ крестному и сказалъ:

— Довольны ли вы мной?

— Очень.

— А я собой совсѣмъ недоволенъ?

— Почему?

— Не къ лицу мнѣ обязанности преподавателя...

— Съ чего ты взялъ?

— А съ того, что каждому кулику свое болото краше всѣхъ остальныхъ болотъ.

— Вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ. Вы меня простите, но дольше учитель

ствовать не въ силахъ. Вотъ вамъ на память мой дипломъ и прощайте!

— Что это значить? Куда ты?

— Въ циркъ.

— Ломаться?

— Ломаться.

— Ну, Богъ съ тобой, какъ хочешь, такъ и дѣлай. Отнынѣ я приканчиваю всякія заботы о тебѣ. Прощай!

Я снова возвратился на арену и снова ожилъ душой. Для меня стало ясно, что я только и гожусь для цирка, что это моя сфера, указанная самой судьбой...

Мои дрессированныя животныя имѣли большой успѣхъ и породили массу подражателей. Почти всѣ циркисты обзавелись какими либо звѣрками и стали ихъ готовить къ артистическому поприщу, однако моихъ они не перецеголяли, и я во все время службы въ Москвѣ первенствовалъ со своими маленькими помощниками.

Мой способъ дрессировки никому не былъ извѣстенъ, вслѣдствіе чего мои конкуренты не могли достигнуть того вниманія публики, какимъ я пользовался. Они вызывали послушаніе животныхъ хлыстомъ или еще того хуже—голодомъ, я же, наоборотъ, терпѣніемъ и лаской, что, разумѣется, всегда на аренѣ замѣтно и производитъ на зрителей впечатлѣніе. Мои животныя постоянно веселы и слушаются меня безъ малѣйшихъ угрозъ, тогда какъ конкуренты во время представленія не выпускаютъ кнута изъ рукъ и до такой степени запугиваютъ своихъ звѣрять, что тѣ работаютъ, трясясь отъ страха, и такъ жалобно поглядываютъ на своихъ учителей, что возбуждаютъ въ публикѣ понятное состраданіе. Я не знаю, зачѣмъ коллеги прибѣгаютъ къ подобнымъ крутымъ мѣрамъ, когда съ маленькими друзьями человечества легко можно справиться однимъ терпѣніемъ. Это и для себя занятно и не обидно звѣрку, который превосходно понимаетъ хорошее обращеніе и за ласку всегда отплачиваетъ послушаніемъ. Мой пріемъ дрессировки таковъ: беру какое либо лакомое для животнаго блюдо и соблазняю имъ въ то время, когда упрасиваю его что нибудь сдѣлать. Первоначально, послѣ долгихъ увѣщаній, а съ теченіемъ времени послѣ одного возгласа, онъ вполне подчиняется моимъ требованіямъ и мои приказанія исполняетъ охотно, отлично сознавая, что вознагражденіе за мной не пропадетъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что обманывать животное нельзя ни подъ какимъ видомъ и однимъ кускомъ лакомства заставлятъ его продѣлывать что либо два-три раза не годится. Это не дрессировка, а порча. Такимъ образомъ, достигнувъ пониманія животнаго, я уже безъ всякихъ соблазнительныхъ явствъ начинаю имъ повелѣвать, и въ большинствѣ случаевъ онъ остается послушнымъ до мелочей, иначе

я возвышаю голосъ. Животное, не извѣдавшее хлыста, безпрекословно подчиняется голосу. Но если бы, паче чаянія, и строгій мой голосъ не произвелъ на него впечатлѣнія, я позволяю себѣ слегка ударить его по мордѣ, и этого оказывается вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы онъ почувствовалъ страхъ. Но къ такимъ крутымъ мѣрамъ я прибѣгаю очень рѣдко, всетаки ласка чаще одерживаетъ верхъ, и животное работаетъ превосходно безъ всякаго понужденія, въ видѣ безошадной порки. Мои маленькіе друзья на аренѣ цирка всегда бодры, веселы—это ихъ неопѣнимое достоинство. Я разговариваю съ ними въ полупуштливомъ тонѣ, и они, всетаки, не смѣютъ меня послушаться. Зрители любятъ такіа добрыя наши отношенія и не безъ удовольствія смотрятъ на понятливыхъ звѣрковъ, часто даже поражающихъ своею сообразительностью и ловкостью.

Этому невеликому умѣнью дрессировать животныхъ я обязанъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Мои звѣрята сдѣлались любимцами москвичей, и мой заработокъ увеличивался не по днямъ, а положительно по часамъ. Цирковая администрація дѣлала мнѣ прибавки чрезвычайно щедрою рукою, и вскорѣ мой гонораръ былъ самымъ крупнымъ цирковымъ гонораромъ. Тутъ ужъ зависти не было предѣловъ, и пародированіе меня пошло безошадное, что, однако, мнѣ не вредило, а наоборотъ служило на пользу. Копіи вызывали сравненія съ оригиналомъ и, благодаря своей спѣшной имитациі, проигрывали.

Въ это время моихъ громкихъ успѣховъ меня поразило несчастье: я лишился крестнаго отца, искренно, беззавѣтно любившаго меня, по его мнѣнію, пропавшаго мальчишку. Его смерть была трагическая. Онъ былъ страстнымъ картежникомъ, и въ одинъ изъ несчастныхъ дней Николай Захаровичъ проигралъ все свое состояніе, домъ и имущество. Онъ возвратился домой совершенно ничимъ, присѣлъ къ письменному столу и на клочкѣ бумаги четко вывелъ: «нѣтъ, не отыграться!». Потомъ переодѣлся во фрачную пару и, спокойно расположась на диванѣ, отравился чѣмъ-то на столько сильнымъ, что смерть послѣдовала почти моментальная. Это на всѣхъ его знавшихъ произвело сильное впечатлѣніе, и о немъ соболѣзновали съ искреннею жалостью. Я тогда же поклялся никогда не играть въ карты и свято до сихъ поръ храню этотъ добродѣтельный зарокъ...

Отъ Шумана я перешелъ къ Соломонскому, циркъ котораго приобрѣлъ себѣ солидную репутацію и всегда славился прекраснымъ составомъ исполнителей. Тутъ ужъ я положительно окрѣпъ и достигъ виднаго положенія. Не смотря на то, что я служилъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ клоуномъ Танти, мой успѣхъ былъ несокрушимъ, и патріотичные москвичи поддерживали меня съ неподдѣльною искренностью.

IV.

Смерть сына. — Безсердечіе Соломонскаго. — Насильственный приводъ меня въ циркъ. — Нравственныя мученія. — Интрига клоуна Танти. — Скандалъ въ циркъ. — Столкновение съ издателемъ одной московской газеты. — Мое мщеніе. — Небывалый фокусъ при содѣйствіи брата. — Любопытство и разочарованіе князя В. А. Долгорукова. — Милордъ. — Покушеніе на него одной барыни. — Исторія въ Скопинѣ. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Реклама банкира Влоккъ. — Реклама шляпнаго фабриканта. — Поѣздка за границу. — Мои некрологи. — Осѣдность въ Парижѣ. — Мое появленіе въ Испаніи тореадоромъ. — Бой съ быкомъ. — Приключеніе съ крысами.

Въ циркъ Соломонскаго я пережилъ много хорошихъ минутъ, но были и минуты печальныя. Нѣкоторые эпизоды, характеризующіе цирковыя нравы, я приведу въ послѣдовательномъ порядкѣ. Начну съ самого грустнаго для меня.

Мой крошка-сынъ лежалъ при смерти. Докторъ опредѣлилъ его кончину въ десять часовъ вечера. Я и жена, какъ безумные, метались по квартирѣ и оплакивали первенца-любимца.

По обыкновенію, я былъ занятъ въ цирковой программѣ ежедневно. Посылаю къ директору письмо съ просьбою освободить меня отъ участія въ этотъ злополучной вечеръ, мотивируя свою «убѣдительную» просьбу смертельнымъ исходомъ болѣзни ребенка.

— Нельзя!—получается отвѣтъ.—По контракту обязанъ.

— Пусть штрафуетъ! — приказываю передать безсердечному администратору.

— Чтобъ сейчасъ же былъ въ циркъ!—получаю строгое приказаніе.

Однако, въ циркъ я не пошелъ. Прибѣгаетъ запыхавшійся распорядитель и отъ имени директора приказываетъ съ нимъ вмѣстѣ отправиться на арену.

— Ни за что! Видите, у меня умираетъ ребенокъ...

— Что-жъ дѣлать! Очень много народу; въ первомъ отдѣленіи былъ цѣлый скандалъ. Требовали васъ. Пожалуйте.

— Не пойду.

— Что вы, что вы! Публика циркъ разнесетъ, или придется возвращать обратно деньги.

— Это не мое дѣло.

— Нѣтъ, ужъ лучше пожалуйте подобру—поздорову, не то васъ силой приволакутъ. Хозяинъ такъ и сказалъ: если не придетъ охотой, я его съ полиціей притащу.

— Вонъ!—наконецъ возмущился я. — Скажите вашему безсердечному директору, что на моихъ рукахъ умираетъ сынъ...

— Нельзя же публикѣ объ этомъ докладывать.

— Можно! Такъ и скажите: у Дурова умираетъ сынъ.

— Не повѣрятъ!

— Развѣ и толпа такъ безсердечна, какъ нашъ директоръ? Не съ умирающимъ же ребенкомъ явиться мнѣ на арену и убѣдить зрителей, что мнѣ не до лomanья. Стыдитесь! Сумѣйте аннонсировать такъ, чтобъ вамъ повѣрили.

— Это не наше дѣло. Пожалуйте, свой номеръ исполните и опять возвращайтесь къ своему ребенку.

— Да поймите вы, дикій человѣкъ, что я не могу работать; я явлюсь на арену, и со мной сдѣлается дурно. Вамъ же хуже.

— Ничего-съ, пусть будетъ дурно. Публика увидитъ, что программа не выполняется не по нашей винѣ.

— Вонъ!

Черезъ десять минутъ въ мою квартиру врывается этотъ же развязный господинъ въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ слушателей.

— Какъ вы смѣете!—кричу я внѣ себя.

Но на мой возгласъ не обращаютъ никакого вниманія. На меня накидываютъ пальто, нахлобучиваютъ шапку и насильно выводятъ изъ квартиры.

— Я буду жаловаться! Оставьте!... Дайте хоть попрощаться!

— Контрактъ! Контрактець!... Не на кого жаловаться, самъ заключалъ...

— Но это насиліе?

— Не идешь добромъ, приходится просить честью...

Въ циркѣ меня встрѣтили упреками. Я совершенно машинально пробрался въ уборную, переодѣлся въ свой пестрый халатъ и выскочилъ на арену.

— Чего-жь вы одинъ?—кто-то крикнулъ мнѣ въ слѣдъ.—А ваши скоты?

Съ какою-то тупою забывчивостью продѣлалъ я нѣсколько смѣлыхъ сальтомортале и антре. Публика, казалось мнѣ, неистовствовала, какъ никогда. Биссировали мнѣ безъ конца. Я работалъ еще и еще, и все съ тою же бессмысленностью.

Вдругъ, въ самомъ смѣшномъ мѣстѣ моего комическаго выхода, я вспомнилъ о ребенкѣ. Сердце болѣзненно ёкнуло, въ вискахъ застучало, и на глазахъ выступили неумѣстныя слезы.

Я пріостановился.

Эта неожиданная пауза почему-то развеселила зрителей, и въ циркѣ воцарился неумолкаемый хохотъ. Ничего не понимая, обвелъ я глазами толпу. Мнѣ улыбались и вызывающе смотрѣли въ мою измазанную физиономію.

Я хотѣлъ было отогнать мысль объ умирающемъ сынѣ и ринулся кувыркаться, но обезсиленные руки не выдержали, и я, рыдая навзрыдъ, повалился на землю.

Толпа точно инстинктивно почувствовала что-то недоброе и замолчала, какъ одинъ человѣкъ. Меня подняли и увели въ уборную.

— Ушибся!.. Сломаль руку!—предполагали зрители вслухъ.

Изъ уборной, не переодѣваясь, бросился я домой, но сына не застаю уже живымъ. Передо мной лежалъ остывшій трупъ...

— Сынъ клоуна!—воскликнулъ я, проклиная свою профессію и разрывая на клочки свое тряпичное платье.

Такой горькій упрекъ вырвался у меня единственный разъ въ жизни.

Другой неприятный инцидентъ произошел у меня съ клоуномъ Танти.

Досадуя на мои успѣхи, онъ задался цѣлью во что бы то ни стало меня «переигрывать», въ силу чего разнообразилъ свой репертуаръ до послѣдней крайности. Я всегда вмѣстѣ съ публикой дивился его изобрѣтательности и однимъ изъ первыхъ совершенно искренно апплодировалъ ему за его забавныя кунштюки и находчивость. Отдавая должное его большому таланту, я вовсе не относился къ нему, какъ къ конкуренту, и не завидовалъ его заслуженнымъ успѣхамъ, а тѣмъ болѣе былъ далекъ отъ подражанія ему, избѣгая упрековъ зрителей, хотя мнѣ, начинающему клоуну, было бы простиительно кое-что заимствовать отъ стараго и признаннаго циркиста. Онъ же, наоборотъ, не гнушался заимствованіемъ у меня, и мои номера, приправленные собственными детальными штрихами, развязно предлагалъ зрителямъ. Эта безцеремонная черта иностранныхъ клоуновъ возмущала меня до глубины души, и я терялся въ догадкахъ, какъ и чѣмъ отучить этихъ господъ отъ посягательства на чужую собственность.

Я приготовлялъ для своего бенефиса новый интересный номеръ, подъ названіемъ «музыкальный столъ», но незадолго до ихъ «цирковыхъ именинъ» Танти вздумалъ было показать его публикѣ.

Во время исполненія артистами цирка втораго отдѣленія программы спектакля, Танти на вызовы зрителей и крики «bis» вышелъ на арену съ бичемъ въ рукахъ и въ слѣдъ за нимъ былъ вынесенъ столъ съ какими-то приспособленіями и аппаратами. Танти, подозвавъ къ себѣ одного изъ шталмейстеровъ, началъ объяснять ему, что намѣренъ показать фокусъ, которому научилъ его извѣстный престижитаторъ Беккеръ. Фокусъ этотъ, сказалъ клоунъ, заключается въ томъ, что какъ столъ, такъ и положенная на землю скрипка, повинуются мановенію его волшебнаго бича, будутъ издавать гармоническіе музыкальные звуки.

Будучи въ этомъ второмъ отдѣленіи не занятымъ, я сидѣлъ въ мѣстахъ и былъ пораженъ смѣлостью Танти. Очевидное желаніе повредить моему бенефису было уже слишкомъ явно. Я не выдержалъ и выскочилъ на арену.

— Фокусъ этотъ мой! — громко произнесъ я. — Въ программѣ онъ не значится, а Танти хочетъ его показывать!

Публика заволновалась.

— Это интрига!

Раздались оглушительные аплодисменты и крики:

— Долой... не надо...

Частые посѣтителѣ цирка знали объ интригахъ, которыя систематично велись противъ меня со стороны всего иностраннаго элемента цирковыхъ служащихъ, почему такъ охотно и заступились за меня.

Вспокоившійся директоръ подбѣжалъ къ аренѣ и грозно мнѣ крикнулъ:

— Вонъ!.. Оштрафую!.. 100 рублей штрафу!..

— Сперва уберите его! — отвѣтилъ я, указывая на Танти. — Сперва оштрафуйте его за мой фокусъ!..

Поднялся положительный скандалъ. Переконфуженный Танти облокотился о «музыкальный столъ» и не зналъ, что ему дѣлать. Публика выкрикивала мою фамилію.

Наконецъ, Танти, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, обратился къ публикѣ со словами:

— Я купилъ этотъ фокусъ у Дурова и сейчасъ вамъ его покажу.

— Неправда!—перебилъ я его.

— Не надо! Долой Танти!.. Дурова! Дурова!—кричали зрители.

Послѣ этого ему больше ничего не оставалось, какъ удалиться съ арены, что онъ и не замедлилъ сдѣлать.

Съ такимъ крупнымъ скандаломъ пришлось мнѣ отстоять мой лучший бенефисный номеръ, на который посягнулъ было безцеремонный товарищъ. И это не единичный случай!..

Къ этому же времени относится мое недоразумѣніе съ одной московской газетой. Началось оно съ пустяковъ.

Сынъ редактора, веселаго нрава молодой человекъ, вздумалъ однажды надо мной посмѣяться. Въ то время, когда я стоялъ у входа на арену, приготовляясь къ своему номеру, онъ съ насмѣшливой улыбкой подошелъ ко мнѣ, окруженный пріятелями-пшютами, и спросилъ:

— Пользуетесь успѣхомъ, господинъ клоунъ?

— Какъ видите.

— А правда ли, скажите, пожалуйста, чтобы пользоваться на цирковой аренѣ успѣхомъ, нужно имѣть непременно глупую физиономію.

— Правда,—отвѣтилъ я безъ смущенія.

Компанія захотала. Побѣда юнаго псевдо-остряка казалась очевидной, но какво было ихъ пораженіе, когда я послѣ минутной паузы, доставивъ имъ удовольствіе досыта насмѣяться, прибавилъ:

— И если бы я обладалъ такой фізіономіей, какъ ваша, мой успѣхъ былъ бы еще обезпеченнѣе.

Компанія замолкла и поспѣшила исчезнуть.

Однако, это для меня не прошло даромъ. На слѣдующій же день въ газетѣ его папеньки появилась рецензія, наполненная энергичными выраженіями. Меня разносили во всю. Чего только не было сказано по моему адресу? И бездарность-то я, и нахаль, и грубіянь...

Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ шла эта систематическая травля, потѣшавшая въ концѣ концовъ одного только владѣльца газеты, такъ какъ для публики былъ слишкомъ замѣтенъ пристрастный тонъ этихъ репортерскихъ замѣтокъ, развѣнчивавшихъ меня въ ничто. Я долгое время терпѣлъ несправедливыя нападки, но, наконецъ, не выдержалъ своего угнетанія и показалъ зубы.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда «самъ» редакторъ сидѣлъ въ одной изъ ближайшихъ къ барьеру ложъ и съ презрительной миной смотрѣлъ на мои упражненія, я выпустилъ на арену свою «чушку» и заставилъ ее незамѣтно для публики облокотиться передними ногами на барьеръ, какъ разъ противъ строгаго редактора. Потомъ сталъ отзывать ее, но такъ, что она не трогалась съ мѣста.

— Чушка! Чушка! Назадъ! Поди сюда!

Она оставалась неподвижной.

— Иди же, говорю я тебѣ! Не хочешь?

То же самое.

— А, понимаю! Старыхъ знакомыхъ увидала?! На своихъ насмотрѣться не можешь.

Публика поняла этотъ «воплъ огорченной души» и безъ умолку хохотала надъ моею рискованной продѣлкой, которая повлекла за собою появленіе на другой день громовой статьи. Я былъ представленъ преступникомъ и злодѣемъ.

Травля усилилась. Для этой мелочной газеты я сдѣлался единственною злобою дня. Меня бранили, высмѣивали и критиковали на всѣ лады и во всѣхъ, кажется, отдѣлахъ.

Я началъ полемизировать съ арены.

Такъ, къ своему бенефису я приготовилъ злую шутку надъ враждебной газетой. Я зналъ, что ея владѣлецъ непременно посѣтитъ мое торжество для того, чтобы имѣть возможность лишній разъ поиздѣваться надо мной, и поэтому не въ счетъ программы я придумалъ «свинью-читательницу».

Разгуливавшей на аренѣ чушкѣ я вынесъ цѣлую кипу разныхъ газетъ. Она усѣлась въ свое кресло, а я сталъ подносить ей одну за другою газеты. Она съ негодованіемъ отворачивалась отъ нихъ и презрительно хрюкала.

— Ишь ты, — замѣтилъ я, — она не всякую газету любить,

ищеть свою... Ищи, ищи! Интересно посмотрѣть на вашу свинокую газету...

Сначала зрители думали, что свинья вообще не терпит гласности, но когда къ ея глазамъ приблизилъ я то изданіе, въ которомъ не выносили хладнокровно моего имени, она радостно захрюкала, завертѣла хвостомъ и, уткнувшись носомъ въ газету, съ визгомъ заводила имъ по строкамъ.

Я отомстилъ. Это былъ послѣдній залпъ нашей полемической перестрѣлки. Газета стала меня замалчивать, и я о ней никогда не вспоминалъ.

Кстати разъясню этотъ немудреный фокусъ. Въ день этого эксперимента я провелъ часа два tête-à-tête съ своей свиньей, продолженіе которыхъ, безъ малѣйшей паузы, подносилъ къ ея рылу газетный листъ и поминутно щелкалъ ее слегка по носу. Вечеромъ она, уже наученная утреннимъ опытомъ, добровольно отворачивалась отъ всякой газеты, боясь щелчка. Но когда я поднесъ ей «NN—скую газету», предварительно обмазанную саломъ, она превозмогла всякую боязнь и съ наслажденіемъ стала вбирать въ себя симпатичный для нея запахъ.

Все это очень просто, а между тѣмъ произвело сенсацію среди публики.

Вотъ образецъ легкости дрессировки животныхъ. Многіе другіе номера, кажущіеся хитроумными, такъ же незамысловаты и такъ же легко вдальбляются въ звѣрковъ, которые всегда представляются зрителямъ чрезвычайно смыслеными, между тѣмъ все это не болѣе, какъ фокусъ... Очень часто изобрѣтательность дрессировщика приписывается феноменальному уму животныхъ. Хотя это нѣсколько и обидно, но зато утѣшительно то, что именно на этомъ зиждется равнища клоунскихъ успѣховъ.

Упомянувъ о трехъ непріятныхъ для меня эпизодахъ, имѣвшихъ мѣсто въ циркѣ Соломонскаго, перехожу на незначительные, но, тѣмъ не менѣе, всетаки характерные факты.

Родной мой братъ соблазнился моими успѣхами и тоже вздумалъ сдѣлаться клоуномъ. По мѣрѣ силъ и возможности я помогалъ ему въ этомъ и даже подарилъ кое-кого изъ моей труппы животныхъ. Теперь онъ подвизается гдѣ-то въ провинціи и, какъ мнѣ передавали, работаетъ очень хорошо.

Мы съ нимъ всегда были похожи другъ на друга: и лицомъ, и голосомъ, и манерами. Только роста не одинаковаго, онъ на нѣсколько вершковъ выше меня. Воспользовавшись этимъ сходствомъ, я придумалъ ловкій фокусъ для своего бенефиса: секундный перелетъ черезъ весь циркъ. Афиша составлена была сенсаціонно. Сборъ былъ полный. На этомъ диковинномъ представленіи присутствовалъ генераль-губернаторъ и больше другихъ интересовался новинкой.

Въ назначенное по программѣ время вышелъ я на арену и обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами:

— Мой перелетъ черезъ циркъ будетъ на столько быстръ, что уловить его нельзя даже вооруженнымъ глазомъ, тѣмъ не менѣе предлагаю вамъ внимательно слѣдить за чистотою исполненія этого фокуса.

Публика насторожилась.

Я взобрался на верхъ, во вторыя мѣста, гдѣ поставленъ былъ большой ящикъ, съ крѣпко запиравшейся крышкой. Противъ этого ящика на другой сторонѣ цирка стоялъ точно такой же аппаратъ.

Я влѣзъ въ ящикъ, сказалъ зрителямъ «прощайте», выстрѣлилъ изъ револьвера, и захлопнувшаяся крышка скрыла меня отъ вворовъ публики. Моментально поднимается крышка сосѣднаго ящика, и пораженная публика видитъ меня.

— Здравствуйте!

Затѣмъ выстрѣлъ изъ револьвера, открывается другой ящикъ. Я высовываюсь, кричу «здравствуйте» и послѣ выстрѣла опять исчезаю. Сейчасъ же раскрывается сосѣдній ящикъ, до зрителей доносится знакомое «здравствуйте», и вновь моментальное исчезновение...

Успѣхъ былъ необычайный. Стѣны цирка дрожали отъ рукоплесканій.

На другой день генераль-губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ. Являюсь къ нему въ назначенный часъ.

— Мнѣ очень понравился вчерашній фокусъ, — сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку и усаживая въ кресло. — Какъ вы его дѣлаете?

— Очень просто, ваше сіятельство. Въ одномъ ящикѣ сидѣлъ я, а въ другомъ мой братъ. Его, бѣднаго, я усадилъ въ это одичное заключеніе за два часа до начала представленія, когда въ циркѣ не было еще ни души. Онъ, какъ вы изволили видѣть, былъ одѣтъ въ одинаковый со мной костюмъ и такъ же, какъ я, загримированъ. Объ этомъ, разумѣется, никто не зналъ даже изъ цирковыхъ служителей, поэтому и понятенъ большой успѣхъ фокуса.

— Такъ тамъ братъ былъ? — разочарованно произнесъ князь Долгоруковъ. — А я-то думалъ...

— Мнѣ тѣмъ болѣе хорошо удался этотъ фокусъ, что голосъ брата похожъ на мой...

— Да, да, да... Какъ это просто! Слишкомъ просто... Но только лучше бы вы мнѣ свою продѣлку не рассказывали...

— Какъ? — удивился я. — Да вѣдь вы же сами приказали мнѣ разъяснить...

— Но я не зналъ, что это такъ просто. Я предполагалъ замысловатость... Забавно очень, но только зачѣмъ такъ просто?..

Князь остался недоволенъ. Очевидно, онъ потратилъ много времени на разгадку моего полета, и ему было неприятно, что онъ не могъ разъяснить этотъ простой фокусъ самостоятельно.

— Что-жъ вы придумываете теперь новаго? — спросилъ меня Владиміръ Андреевичъ, когда я собрался уходить.

— Пока ничего.

— И животныхъ своихъ ничему потѣшному не учите?

— Нѣтъ, съ ними-то я усердно работаю... Я сочинилъ для нихъ оперу. Они скоро въ ней будутъ дебютировать.

— Какъ вамъ не надоѣсть съ ними возиться?

— О, я очень люблю ихъ. Эти четвероногіе артисты гораздо лучше и надежнѣе двуногихъ: не капризничаютъ и не требуютъ авансовъ. Кромѣ того, къ своему дѣлу относятся честно и старательно. Въ наше время это исключительные артисты.

— А какую оперу они будутъ исполнять?

— Ея сюжетъ построенъ на страстной и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжной любви свиньи къ козлу. Онъ мой «душка теноръ *digrazia*» удивительный! Особенно хороши будутъ его дуэты съ чушкой, которая обладаетъ металлическимъ колоратурнымъ сопрано... Хоръ состоитъ изъ пяти кошекъ, высокіе голоса которыхъ не подлежатъ сомнѣнію. Для собакъ написаны комическія партіи. Балетные номера исполняютъ, по обыкновенію, двѣ свиньи. Дирижировать будетъ пѣтухъ, выдрессировать котораго мнѣ стоило большаго труда. Пѣтухи, какъ извѣстно, привыкли заваливаться спать спозаранку покупечески. Отучить его отъ этой «сѣрой» жизни было весьма тяжело, но теперь онъ ведетъ себя, какъ завзятый виверъ: бодрствуетъ до часу ночи...

Князь Долгоруковъ все время смѣялся и, прощаясь, сказалъ, что на это оперное представленіе моихъ животныхъ непременно пріѣдетъ.

Заговоривъ о моей труппѣ, кстати приведу маленькій курьезъ про «Милорда», породистаго пса, стяжавшаго себѣ извѣстность своими выдающимися способностями и до сихъ поръ пребывающаго у меня на первыхъ роляхъ, не взирая на свой почтенный возрастъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ собачій Мазини, обладающій высочайшимъ лаемъ *di-grazia*.

Однажды, послѣ шумнаго его успѣха на аренѣ цирка, является ко мнѣ въ уборную какая-то развязная барыня и говорить:

— Собака, которая сейчасъ работала съ вами, моя.

— То-есть какъ ваша?

— Она у меня украдена.

— Позвольте, сударыня, я купилъ ее за двадцать пять рублей у И—ва и имѣю росписку.

— И—въ мой братъ. Онъ продалъ вамъ мою собаку, на которую не имѣлъ правъ.

— На счетъ этого рекомендую поговорить съ братомъ.

— Нѣтъ-съ, я лучше побесѣдную съ вами... Я должна вамъ сказать, что Милордъ мнѣ слишкомъ дорогъ по воспоминаніямъ.

— Это не мое дѣло.

— Я не могу уступить его дешевле тысячи рублей. Давайте мнѣ эту сумму или возвратите собаку.

— Хорошо-съ, я согласенъ возвратить Милорда, но не менѣе какъ за 10.000 рублей.

— Это почему?

— А потому, что я далъ ему образованіе. Онъ понимаетъ теперь порусски, пофранцузски, понѣмецки, поанглійски, поетъ, играетъ на фортепiano. Словомъ онъ получилъ отъ меня высшее образованіе, за которое я не могу взять менѣе 10.000 рублей.

Барыня долго шумѣла, грозила судомъ, но этимъ и кончилось дѣло. Милордъ остался у меня и по сіе время украшаетъ мою труппу своею талантливою персоною.

Такихъ господъ, какъ эта барыня, ко мнѣ являлось много и теперь еще продолжаютъ являться. Желаніе попользоваться чужимъ рублемъ умудряло многихъ приходить ко мнѣ съ безцеремонными требованіями какихъ-то отступныхъ. Если бы собрать всѣхъ мнимо-владѣльцевъ моихъ звѣрей, которые заявляли свои права на нихъ, то у каждого моего «артиста» насчиталось бы по десятку наивныхъ хозяевъ.

Пребывая зиму въ Москвѣ, на лѣто я уѣзжалъ гастролировать въ ближайшіе къ столицѣ города, въ одномъ изъ которыхъ случилось со мной легкое недоразумѣніе, окончившееся довольно грустно: меня чуть было не выпроводили изъ города за «неумѣстныя шутки».

Я давалъ свои представленія въ одномъ изъ городовъ, недалеко къ приснопамятному Скопину, прославленному не менѣе приснопамятнымъ Рыковымъ.

Имѣя обыкновеніе въ своихъ шуткахъ затрогивать злобы дня, я какъ-то, между прочимъ, вздумалъ показать «почтеннѣйшей публикѣ» современный фокусъ.

— Господа, нѣтъ ли у васъ денегъ? — обратился я къ зрителямъ. — Я вамъ обещаю проценты.

— Сколько нужно? — спросилъ кто-то изъ кресель.

— Это зависитъ отъ вашего благоусмотрѣнія.

— Ну, вотъ вамъ двугривенный.

Я взялъ.

Видя мое довольство маленькой монетой, еще многіе предложили взять у нихъ деньги.

Набравъ нѣсколько монетъ, я сказалъ:

— Между мною, фокусникомъ-клоуномъ, и настоящимъ про-

фессоромъ черной и бѣлой магіи разнича та, что тотъ возвращаетъ взятые у публики деньги, а я уношу ихъ съ собой.

Направляюсь къ выходу. Меня задерживаетъ режиссеръ, съ которымъ, разумѣется, предварительно эта сценка была прорепетирована.

— Вы куда это? — строго крикнулъ онъ мнѣ:—съ чужими-то деньгами?

— Ахъ, пропустите,—отвѣтилъ я ему торопливо,—развѣ не видите, что я въ Скопинскій банкъ играю.

Публика разразилась гомерическимъ смѣхомъ, хотя, впрочемъ, сквозь слезы, а ко мнѣ въ уборную явился нѣкто изъ власть имѣющихъ и грозно сказалъ:

— А цензурованный экземпляръ вашихъ разсужденій на аренѣ имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Да какъ же вы позволяете себѣ публичныя разсужденія безъ цензуры?

— Мы, клоуны, отъ этого удовольствія избавлены. Наши разсужденія не цензуруются...

— Вы будете преданы суду за неумѣстныя шутки въ публичномъ мѣстѣ.

Кто-то мнѣ шепнулъ, что это большой пріятель директора Скопинскаго банка.

Я это принялъ къ свѣдѣнію и на другой же день снова, уже на зло, прошелся на счетъ этого финансоваго учрежденія.

Режиссеръ вышелъ на арену съ колодою картъ въ рукахъ.

— Не сыиграемъ ли въ дурачки?—предложилъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—я ужъ и такъ остался дуракомъ.

— Какъ?

— Въ Скопинскомъ банкѣ свои крохи хранилъ?..

— Ну, такъ во что нибудь другое сыиграемъ.

— Пожалуй... Чѣмъ, говорятъ, ушибся, тѣмъ и лѣчись... Сыиграемъ въ Скопинскій банчокъ...

— Это какъ же?

— А такъ: двое за горло, а третій въ карманъ. Ты здѣсь стой, а я съ двумя пріятелями къ тебѣ приду...

Грозный господинъ, накануне запугивавшій меня судомъ, явился ко мнѣ въ высшей степени обозленнымъ.

— Какъ?—вскричалъ онъ.—Вы опять позволили себѣ разговаривать на аренѣ?

— Позволилъ...

— Да вы за это... да я вамъ...

И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ.

На другой день меня деликатно попросили покинуть этотъ го-

родъ. Въ избѣжаніе скандала я уѣхалъ ранѣе намѣченного срока въ сосѣдній городокъ и пробылъ въ немъ долѣе, чѣмъ слѣдуетъ...

Это недоразумѣніе было несчастнымъ началомъ тѣхъ непріятностей изъ-за разговоровъ на аренѣ, которыя забросили меня на постоянное жительство въ Парижъ.

Съ легкой руки пріятеля скопинскаго директора, ко мнѣ стали придираться чуть не каждый день и такъ въ концѣ-концовъ сократили мою программу дѣйствій, что я сталъ трусить раскрыть ротъ даже для того, чтобы зѣвнуть...

Послѣ московскихъ успѣховъ я отправился въ Петербургъ, о которомъ сохраняю крайне симпатичныя воспоминанія... Кое-какія недоразумѣнія въ счетъ не идутъ, ихъ смѣло можно обойти молчаніемъ...

Въ Петербургѣ мнѣ привелось быть рекламаторомъ.

О, это очень любопытная обязанность!

Столичные дѣльцы пришли къ убѣжденію, что всякія бойкія дѣла виждутся на муссированіи, на рекламѣ, и на основаніи этого они превратились въ хитроумныхъ американцевъ, которые считаются совершенно справедливо изобрѣтателями и отцами рекламъ.

Столичный молодой банкиръ Генрихъ Блоккъ, извѣстный своимъ умѣньемъ пропагандировать свою фирму, сдѣлалъ мнѣ предложеніе украсить спину моего клоунскаго костюма его именемъ и фамиліей.

Сперва я колебался, боясь порицаній печати и публики, но потомъ, по зрѣломъ размышленіи и принимая во вниманіе приличный гонораръ, рассудилъ, что этой небольшой рекламой я вовсе не умалю своихъ достоинствъ и не отравлю ничьего удовольствія.

По уговору, я передъ выходомъ на сцену облакался въ богатый, украшенный различными каменьями, костюмъ и на спину прикрѣплялъ крупную надпись, безъ комментарій:

«Генрихъ Блоккъ».

Богатый костюмъ какъ бы свидѣтельствовалъ, что всякій, имѣющій дѣло съ этимъ банкирскимъ домомъ, наживетъ груды брилліантовъ, рубиновъ, сапфировъ и пр.

Вопреки ожиданіямъ, мое появленіе на аренѣ не вызвало удивленія публики. Всѣ поняли, что это не болѣе, какъ реклама. Посмѣялись, поострили, и тѣмъ кончилось дѣло.

Другую рекламу я сдѣлалъ нѣкоему шляпному фабриканту.

Для него у меня было придумано особое антре такого незамысловатаго характера.

Мнѣ нужна шляпа. Я требую у помощника цилиндръ. Онъ приноситъ ихъ цѣлую груду и передаетъ мнѣ по одиночкѣ. Я каждый внимательно разсматриваю, примѣряю и бракую.

— На васъ не угодишь!—замѣчаетъ помощникъ.

— А зачѣмъ ты мнѣ принесъ ихъ такую массу? Ты принеси мнѣ одинъ, да хорошій. Вотъ, напримѣръ, фабрики такого-то (имя рекъ)—безъ всякихъ расужденій заочно возму.

Первоначально эти рекламы мнѣ казались самому странными, но потомъ, когда я побывалъ въ Парижѣ, онѣ стали казаться мнѣ вполне резонными и естественными. Парижане въ рекламѣ ушли не далеко отъ американцевъ и, проживая теперь въ современномъ Вавилонѣ, я часто бываю распространителемъ всевозможныхъ рекламъ, которыя тамъ имѣютъ значеніе и сильно вліяютъ на публику, основательно предполагающую, что «напрасно производитель рекламировать не станетъ, ибо его ложь въ концѣ концовъ должна обнаружиться и затраты, слѣдовательно, на дорогую рекламу пропасть».

Петербургскіе успѣхи меня еще болѣе пріободрили, и я съ большей энергіей продолжалъ дрессировку своихъ животныхъ, число которыхъ пополнялось съ каждымъ днемъ...

Изъ Петербурга я уѣзжалъ въ Москву, въ провинцію; потомъ опять возвращался въ Петербургъ и такимъ образомъ въ невской столицѣ я гостилъ разъ пять, всегда довольный вниманіемъ петербуржцевъ и ихъ радушнымъ пріемомъ.

Въ 1890 году, я надумалъ отправиться въ заграничное путешествіе «на гастроли». Побывалъ въ Германіи, Австріи, Франціи, Испаніи и Италіи. Путешествіе это для меня было очень выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Также не могу пожаловаться и на успѣхи. Всюду мои звѣри интересовали иностранцевъ, и мои гастроли вездѣ отмѣчались громадными сборами, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что не во всякой странѣ возбуждали наибольшее любопытство одни и тѣ же животныя. Такъ, германцамъ главнымъ образомъ нравились свиньи, также какъ и австріякамъ; вниманіе французовъ останавливали на себѣ козелъ и собаки; испанцевъ интриговали кошки и крысы, а итальянцамъ пришлось по вкусу пѣтухи.

Во время этого заграничнаго моего путешествія, въ Россіи кто-то распустилъ слухъ, что я умеръ. Въ газетахъ появились трогательные некрологи, которые я впоследствии пріобрѣлъ, и у меня образовался оригинальный альбомъ о моей «преждевременной кончинѣ». Привычка журналистовъ относиться ко мнѣ, какъ къ клоуну, гаеру, шуту, сказывалась даже въ этихъ послѣднихъ поминальныхъ табличкахъ. На выдержку приведу одинъ изъ некрологовъ, написанный съ неподдѣльнымъ юморомъ и плоской насмѣшливостью: «Еще одна горестная утрата! Умеръ Анатолій Дуровъ. Въ наше время много развелось балаганныхъ шутовъ, но мало хорошихъ клоуновъ. Покойный былъ самымъ остроумнымъ русскимъ клоуномъ. Къ этой профессіи онъ былъ предназначенъ самой судьбой, на что указываетъ даже его фамилія. Покойный былъ поборникомъ просвѣщенія и просвѣщалъ наукой даже свиней!».

Ужъ лучше бы совсѣмъ обойти молчаніемъ, чѣмъ писать такимъ оскорбительнымъ, шутовскимъ языкомъ. Прочтя эти перлы, я совершенно спутался, кто изъ насъ гаеръ: я, или авторъ этого некролога...

Заграничные успѣхи и многочисленные выгодные ангажементы въ лучшіе цирки остановили меня на мысли поселиться навсегда въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что жизнь въ этомъ городѣ, по моему, несравненно дешевле, нежели на родинѣ. Я приобрѣлъ себѣ собственный домъ, обзавелся хозяйствомъ и свое пребываніе въ современномъ Вавилонѣ нахожу достаточно пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что я не забываю Россіи и ежегодно провожу въ ней нѣсколько мѣсяцевъ.

Будучи въ Испаніи, я выступалъ тореадоромъ на Плаць-де-Торасъ. Это произвело сенсацію, и мой импрессаріо, г. Алегри, нажилъ громадныя деньги.

Однако, прежде, чѣмъ выступить публично, я каждое воскресенье посѣщалъ бой быковъ и присматривался къ манерамъ искусныхъ бойцовъ и ихъ помощниковъ. Сначала зрѣлище это было противно, вызывало крайне непріятныя ощущенія, а потомъ мало-по-малу я къ нему привыкъ и такъ пристрастился, что не могъ пропустить ни одного представленія. Замѣчательно заразительное удовольствіе, отъ котораго никакой нервный человѣкъ не отказывается, преспокойно перенося его.

Ударъ, который долженъ быть нанесенъ разсвирѣпѣвшему быку въ извѣстномъ мѣстѣ головы безъ малѣйшей ошибки, я долгое время репетировалъ дома. Голову быка изображали двѣ подушки, отверстіе между которыми служило мнѣ цѣлью. Послѣ долгихъ опытовъ, я довольно ловко приновился къ вѣрному удару и сталъ готовиться къ публичному испытанію.

Въ это же время я показывалъ въ циркѣ пародію боя быковъ, ту самую, съ которой я приѣзжалъ въ Петербургъ. Роль быка исполнялъ мой послушный козелъ, который быстро усвоилъ манеры быка, его борьбу, его поползновенія поднять противника на рога и, наконецъ, его изнomoженіе. Мои помощники дразнили его такъ же, какъ дразнятъ пикадоры настоящаго быка, т. е. краснымъ плащемъ. Мой умный козелъ напускалъ на себя свирѣпость и мнимо злился. Я съ набѣга налеталъ на него съ кинжаломъ и вонзалъ ему лезвіе какъ бы въ голову, между рогъ. Впечатлѣніе получалось полное. Это былъ миниатюрный бой съ быкомъ. Испанцы отъ этого номера неистовствовали, въ Петербургѣ же, вопреки ожиданіямъ, онъ такого эффекта не произвелъ.

Отчасти эта пародія была рекламой моему публичному появленію на аренѣ знаменитаго Плаць-де-Тораса. Испанцы первоначально къ моей идеѣ относились недовѣрчиво и никакъ не ожидали отъ меня такой храбрости и прыти, чтобы я, цирковый

клоунъ, да еще русскій, могъ не учась, съ налета, выступить въ бой съ гигантомъ-быкомъ. Однако, все сомнѣнія разсѣялись, когда предприимчивый Алегри выпустилъ афишу, извѣщавшую о моемъ дебютѣ въ Плаць-де-Торась.

Костюма тореадора надѣть мнѣ не позволили, такъ какъ я являлся любителемъ. Я былъ въ простой рабочей курткѣ и черномъ трико.

Громадная, многотысячная толпа народа мнѣ аплодировала. Я вышелъ и раскланялся съ достоинствомъ. Все жадно слѣдили за мной и, казалось, все заняты одной мыслью: вотъ-вотъ подниметь меня мой наисильнѣйшій противникъ на рога, и я, къ удовольствію ихъ, погибну. Ужасное впечатлѣніе производитъ эта кровавая толпа. Она страшнѣе раздраженнаго быка, который набрасывался на меня, и отъ котораго я успѣшно увертывался, благодаря опытнымъ и смѣлымъ пикадорамъ, ловко отвлекавшимъ его вниманіе отъ меня, т. е. не отъ меня, Дурова, а вообще отъ тореадора.

Ярость моего противника не имѣла предѣловъ. Его злили всеми средствами: сперва пустили на него лошадь, которой онъ моментально распоролъ брюхо, потомъ бросили въ него ракету. Глаза его налились кровью, и онъ съ остервенѣніемъ началъ бросаться по сторонамъ. Приближался моментъ, когда я долженъ былъ ловко набѣжать на него и вонзить въ его голову кинжалъ.

Въ публикѣ раздались понудительные возгласы. Я медлилъ, ощущая въ себѣ необъятный страхъ, который, однако, при приближеніи бѣшенаго звѣря пропалъ совершенно, и я съ какою-то безсознательною отвагою набросился на него.

Трахъ! и... осячка.

Поторопился и промахнулся. Быкъ заревѣлъ и кинулся было на меня. Его тотчасъ же съ боку кольнули накаленной желѣзной пикой. Онъ повернулся, и я благополучно спасся отъ неминуемой смерти.

Толпа гудѣла. Она предвкушала удовольствіе видѣть меня растерзаннымъ, въ виду чего даже замерла на мгновение, но, увидя меня невредимымъ, разочарованно мнѣ зашикала.

Кто-то мнѣ въ этотъ моментъ шепнулъ, что я не исполнилъ обыкновенія, не сказалъ привѣтствія президенту. Только тутъ я опомнился, отыскалъ глазами его персону и порусски произнесъ обычную фразу:

— Господинъ президентъ, за ваше здоровье убиваю быка!

Онъ махнулъ платкомъ. Музыка заиграла. Голоса народа слились въ одинъ непонятный гулъ. Я вновь смѣло вступилъ въ борьбу съ разъяреннымъ звѣремъ и на этотъ разъ быстро покончилъ съ нимъ.

Народъ что-то кричалъ по моему адресу. Онъ высказывалъ удо-

вольствіе. Женщины бросали мнѣ платки, вѣера: это, помѣстному, высшій знакъ благоволенія...

Послѣ этого дебюта мои успѣхи въ циркѣ стали значительнѣе въ сто разъ, и Алегри долго убѣждалъ меня подписать съ нимъ контрактъ на три года, но я отъ этого отказался, такъ какъ уже имѣлъ хорошій ангажементъ въ Парижѣ.

На пути изъ Испаніи въ Парижѣ, съ моими крысами приключился инцидентъ, о которомъ въ свое время упоминалось почти во всѣхъ петербургскихъ газетахъ. Инцидентъ этотъ довольно забавнаго свойства.

На одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій, когда я отлучился изъ вокзала ненадолго въ багажную, дѣти мои (они были со мной въ Испаніи), шая, открыли дверку большой клѣтки, въ которой находилось до трехсотъ разнокалиберныхъ и разношерстныхъ крысъ. Само собой понятно, что крысы воспользовались удобнымъ случаемъ и одна за другой повылѣзли на полъ.

Можно представить себѣ ужасъ всѣхъ находившихся въ буфетной комнатѣ вокзала! Дамы чуть не попадали въ обморокъ, господа кавалеры взобрались на столы и съ беспомощнымъ видомъ зывали къ прислугѣ, которая моментально разбѣжалась въ разные стороны, оставивъ на произволъ судьбы весь буфетъ.

Я во время подоспѣлъ на этотъ гвалтъ, визгъ, крикъ и ужасъ. Началъ было успокоивать, но меня никто не хотѣлъ слушать.

Я вынулъ изъ кармана свою дудочку и сталъ на ней наигрывать знакомую моимъ крысамъ призывную мелодію. Онѣ мигомъ окружили меня и ласково стали взбираться на меня. Присутствующіе широко раскрывали глаза отъ удивленія и вслухъ, не стѣсняясь, называли меня «чортомъ».

Когда всѣ крысы окружили меня, я преспокойно сталъ ловить ихъ десятками за хвостъ и безцеремонно бросать въ клѣтку.

Желѣзнодорожное начальство, собравшееся на это происшествіе, хотѣло-было за безпокойство пассажировъ оштрафовать меня на довольно крупную сумму, но сами пассажиры вступились за меня и выручили отъ убытка. Когда это недоразумѣніе утихло, путешественники много смѣялись надъ своимъ напраснымъ испугомъ и въ концѣ-концовъ такъ подружились съ моими тихими и скромными друзьями, что брали ихъ на руки, ласкали, кормили изъ своихъ рукъ и т. д.

Этимъ пока исчерпываются мои мимолетныя воспоминанія. Все, что не успѣло еще ускользнуть изъ памяти, приведено здѣсь правдиво и безъ прикрасъ. Всѣ вышеприведенные факты мною пережиты и перечувствованы, а интересны ли они не для одного только меня, но и для другихъ, судить не мнѣ.

А. Дуровъ.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

ПЕ СМОТРЯ на семь съ половиной вѣковъ своего историческаго существованія, Москва, какъ городъ, какъ политическій, экономическій и нравственный центръ русскаго государственнаго и народнаго организма, словомъ сказать, какъ сердце Россіи, доселѣ еще не имѣетъ своей исторіи. Мало того: даже сырые, необработанные историческіе матеріалы, касающіеся ея исторіи, доселѣ разбросаны безъ всякаго порядка, классификаціи и научной провѣрки, въ массѣ сочиненій, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ и лицамъ, причемъ инья изъ этихъ сочиненій уже и теперь становятся библиографическою рѣдкостью, доступною развѣ записнымъ ученымъ и изслѣдователямъ старины и совершенно недоступною большинству просто любознательныхъ людей.

Вознамѣрившись дать рядъ «Очерковъ Москвы», мы, конечно, не питали смѣлой мысли объ устраненіи или облегченіи сказаннаго неудобства, хотя и испытывали, и продолжаемъ испытывать его весьма ощутительно.

Задача эта была бы намъ не по силамъ, да едва ли кто бы могъ отважиться на нее, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

Наша цѣль гораздо скромнѣе и проще: это—внести хотя скудную лепту въ общую сокровищницу литературы о Москвѣ, утилизировать тотъ, хотя не обильный, запасъ свѣдѣній, рассказовъ, преданій, слуховъ, наблюденій и впечатлѣній, которыми мы располагаемъ, и не дать ему погибнуть для исторіи первопрестольной столицы.

О степени интереса, который представлятъ наши очерки, судить, конечно, не намъ, но мы считали бы свою цѣль достигнутой, если

бы хотя и малая доля изъ предложеннаго въ нихъ публикѣ матеріала оказалась не бесполезной для будущаго историка Москвы.

Вышесказаннымъ достаточно, полагаемъ, объясняется и планъ, который мы сообщили очеркамъ: не вдаваясь въ изысканія того, что намъ неизвѣстно и незнакомо въ исторіи Москвы, подѣлиться съ читателями тѣмъ, что мы о ней знаемъ, слышали, даже читали гдѣ либо и когда либо.

Само собою разумѣется, что эта скромная задача заранѣе извѣщаетъ насъ отъ упрековъ въ случайности и неполнотѣ нашихъ сообщеній.

I.

Общее замѣчаніе о характерѣ исторіи Москвы. — Покровка и ея значеніе въ исторіи столицы. — Ильинскія ворота. — Воронцово поле въ его прошедшемъ. — Ильинскій скверъ съ Плевиснекою часовней. — Прошедшее этой мѣстности: яблочныя ряды, народныя театр и кухня. — Ильинскія торговыя помѣщенія. — Политехнической музей. — Преданіе о звѣрицѣ и протопопѣ. — Проказы словъ. — Характеръ прежней полицейской охраны. — Шиповская крѣпость и ея новѣйшая исторія. — Человѣколюбивое общество и его политика.

Про Москву говорятъ, что она на крови строена и кровью пропитана; но не менѣе вѣрно и то, что она строена самою исторіей и ею тоже насквозь пропитана: и московскую, да и вообще русскую исторію въ Москвѣ можно изучать просто, прохаживаясь и развѣзая по улицамъ, да прислушиваясь къ названіямъ улицъ, переулковъ, площадей, урочищъ, церквей, и вникая въ ихъ смыслъ и значеніе.

Вотъ хоть, на примѣръ, Покровка, одна изъ длиннѣйшихъ и наиболѣе, такъ сказать, историческихъ улицъ первопрестольной: начинаясь у древней стѣны Китай-города, она тянется непрерывною, нѣсколько изогнутою и ломаною лентой черезъ бульварный поясъ, черезъ Земляной валъ до Преображенскаго и Семеновскаго, — этой забытой колыбели нашихъ регулярныхъ арміи и флота, — и на протяженіи безъ малаго шести верстъ мѣняетъ нѣсколько прозвищъ, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее, главное свое названіе.

На этой шести-верстной дистанціи вся исторія столицы пробѣгаетъ передъ вашими глазами и своими самыми древнѣйшими, и ближайшими къ намъ, и почти современными страницами въ такой пестрой смѣси, что бѣглыя наблюденія, воспоминанія, свѣдѣнія и впечатлѣнія складываются поневолѣ не въ хронологическій, а топографическій порядокъ.

Начинается Покровка, какъ мы уже сказали, отъ стѣны Китай-города, отъ ея Ильинскихъ воротъ, — тѣхъ самыхъ, чрезъ которыя древніе московскіе великіе князья, а потомъ и цари, и па-

тріархи, шествовали 20-го іюля, въ Ильинъ день, на Воронцово поле, вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ, установленнымъ въ этотъ праздникъ изъ Кремля къ названному урочищу.

Воронцово поле было, какъ показываетъ самое его названіе, пунктомъ, связаннымъ съ охотничьими увеселеніями великокняжескаго и царскаго двора; на этомъ урочищѣ была воздвигнута церковь во имя пророка Іліи, стоявшая на полянѣ среди дремучаго лѣса, спускавшагося чрезъ всѣ теперешніе Сыромятники къ самой Яузѣ, въ тѣ времена довольно широкой, полноводной и обильной рыбою рѣчкѣ.

До чего дѣвствененъ былъ окружавшій эту церковь лѣсъ, явствуетъ изъ того, что въ немъ водились не только всевозможныхъ породъ птицы, но, если вѣрить преданіямъ, даже орлы. Извѣстный романистъ 30-хъ годовъ, И. И. Лажечниковъ, удостовѣряя правдивость этихъ преданій, прибавляетъ, что онъ слышалъ отъ московскихъ старожиловъ, будто царственная птица не покидала своей Воронцовой резиденціи до самаго начала прошлаго вѣка, когда отстоявшее отъ Москвы на двѣ версты село Воронцово, равно какъ и сосѣднее съ нимъ Воробьино, постепенно начали сливаться сплошными жилыми слободами съ постройками Китай-города.

Въ поселкѣ, образовавшемся на полянѣ, вблизи храма, въ день 20-го іюля, издревле бывала подгородная ярмарка, на которую съѣзжались для купли и продажи сельчане тогдашнихъ подмосковныхъ селъ: Елохова, Краснаго, Рубцова (Покровское тожъ) и др.; ярмарка, какъ и всегда, сопровождалась народнымъ гуляньемъ съ различными незатѣйливыми увеселеніями въ родѣ качелей и т. п. Гулянье это существовало до самаго послѣдняго времени, и даже пишущему эти строки въ дѣтствѣ довелось побывать на немъ раза два—три.

Справа отъ Ильинскихъ воротъ, по горѣ, спускающейся къ Воспитательному Дому и Варварскимъ воротамъ Китай-города (знаменитымъ иконою Боголюбской Божіей Матери, прославившейся во время страшной чумы, которая опустошила Москву въ царствованіе Екатерины Великой), разстилается недавно разбитый скверъ съ воздвигнутымъ въ немъ памятникомъ послѣднихъ событій—такъ называемую Плевненскую часовней, предназначенной увѣковѣчить память героевъ, положившихъ животъ свой при осадѣ и и штурмѣ пресловутой Плевны въ минувшую восточную войну. Скверъ разбитъ на мѣстѣ сгорѣвшихъ лѣтъ тридцать назадъ деревянныхъ такъ называемыхъ «яблочныхъ» рядовъ и деревяннаго же народнаго театра, воздвигнутаго къ Политехнической выставкѣ, успѣвшаго завоевать въ короткое время самыя горячія симпатіи москвичей, и затѣмъ, неизвѣстно по какимъ и чьимъ соображеніямъ, безслѣдно стертаго съ лица земли. Тутъ же помѣща-

лась въ то время и первая народная кухня, послѣ загнанная въ труппы Хитрова рынка, гдѣ и теперь влачить свое убогое существованіе.

Все это было и былѣмъ поросло, и надъ всѣмъ этимъ былымъ, похороненнымъ въ довольно чахлой зелени юнаго сквера, взглядъ устремляется вдаль, на чудную панораму, открывающуюся съ Замоскворѣчья, Вшивой Горки и Таганки, и лишь размѣрами, а отнюдь не прелестью, уступающую прославленнымъ видамъ съ Воробьевыхъ горъ, съ Поклонной горы, изъ Кремля, отъ Симонова, Новоспасскаго и Андроньева монастырей.

Лѣвая сторона отъ Ильинскихъ воротъ занята такъ называемыми «Ильинскими» торговыми помѣщеніями, въ центрѣ которыхъ свилъ гнѣздо еврейскій банкирскій домъ Вертгеймъ и Комп. Эти помѣщенія приткнулись къ громоздкому зданію Политехническаго музея, неудачному памятнику ученой роскоши, застроенному безъ особыхъ надобностей, недостроенному по безденежью и потомъ вынужденному раздавать свои пустопорожнія владѣнія подъ ихъ застройку на арендномъ правѣ. Все это расположилось на мѣстѣ такихъ же деревянныхъ рядовъ, какъ и яблочныя, и такъ же, конечно, сгорѣвшихъ, и на мѣстѣ деревяннаго балагана, въ которомъ десятки лѣтъ располагались наѣзжіе въ Москву звѣрницы.

Преданія первой четверти нынѣшняго столѣтія передаютъ о трагическомъ случаѣ, которымъ Москва обязана одному изъ такихъ звѣрнцевъ: старожилы рассказываютъ, что въ одну темную ночь не то гиена, не то тигрица, сломавъ ржавую клѣтку, въ которой была заключена, произвела въ дрянномъ балаганѣ переполохъ, пользуясь имъ, выскочила на площадь и предприняла путешествіе по московскимъ улицамъ. Выбравъ ближайшую изъ нихъ къ своей резиденціи, Мясницкую, и перепугавъ на смерть дряхлыхъ инвалидовъ, изображавшихъ собою въ то доброе старое время полицейскую стражу, она заинтересовалась почему-то церковью Николы на Мясницкой, близъ Почтамта, гдѣ въ эту минуту звонили къ заутрени, забрела за церковную ограду, на такъ называемый монастырь, на которомъ и тогда, какъ и доселѣ, были расположены дома церковниковъ, и набрела какъ разъ на самого протопопа, отправлявшагося въ храмъ къ службѣ. Звѣръ напалъ на несчастнаго старца, въ мгновеніе ока свалилъ его съ ногъ и принялся за кровавую расправу. Пока крики и стоны его жертвы, заглушаемые колокольнымъ звономъ, достигли слуха звонарей и богомольцевъ, шедшихъ въ церковь, маститый старецъ былъ до такой степени искусанъ и истерзанъ, что его бездыханнаго перенесли домой, гдѣ онъ вскорѣ и скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Мы слышали этотъ рассказъ отъ лицъ, передававшихъ его со словъ очевидцевъ, и какъ онъ ни ужасенъ, но онъ ничуть не въ

дисгармоніи съ обычнымъ характеромъ московской жизни, особенно если взять въ расчетъ тогдашнюю простоту нравовъ. Не забудемъ, что всего какихъ нибудь 25 лѣтъ назадъ подь Новинскимъ, на мѣстѣ нынѣшняго Новинскаго бульвара, обитавшій въ такомъ же досчатомъ звѣринцѣ слонъ, увлекшись эротическими поползновеніями, безъ особыхъ затрудненій сломалъ оковы, связывавшія его свободу, разнесъ въ щепы балаганъ и уже готовъ былъ натворить въ Москвѣ всевозможныхъ бѣдъ, еслибъ его не заключили снова въ плѣнъ, воздвигши вокругъ него со всѣхъ четырехъ сторонъ громаднаыя земляныя насыпи и наглухо закрывъ ихъ прочною деревянною настилкой, подь которою онъ и оставался заживо погребеннымъ до той поры, пока не миновало въ немъ это бунтовщическое настроеніе.

А въ Зоологическомъ саду: прошло ли десять лѣтъ, какъ одинъ изъ обитавшихъ тамъ слоновъ среди бѣла дня учинилъ подобный же скандалъ, вырвавшись на вольный воздухъ изъ своего душнаго и зловоннаго сарая? Бѣглець этотъ, помнится, успѣлъ пройти свободно весь садъ, разорить ветхій заборъ, отдѣляющій его отъ Грузинъ, прогуляться съ $\frac{1}{2}$ версты по улицѣ и у церкви Георгія въ Грузинахъ натворить тоже всевозможныхъ безобразій надъ какимъ-то ветхимъ деревяннымъ домишкою, за каковыя и былъ наконецъ удачно арестованъ полиціей и препровожденъ по мѣсту жительства.

Такъ вотъ, если подобные казусы съ слонами возможны даже въ современной Москвѣ, которая, всетаки, сравнительно съ давно прошедшею своею простотою значительно подтянулась, то чего же не было возможно въ ней 70—80 лѣтъ назадъ, когда не существовало ни сторожей, ни даже фонарей, когда заслуженные инвалиды-будочники съ средневѣковыми алебардами въ рукахъ безмятежно спали на часахъ возлѣ своихъ будокъ, а одинъ изъ нихъ, чуть не столѣтній старецъ, охранявшій мѣстность близъ Большаго Каменнаго моста, даже и на вѣки почилъ въ такомъ положеніи, такъ съ алебардой въ рукахъ и во всей своей сермяжной формѣ переселившись въ лучшій міръ? Скорѣе можно удивляться, какъ это дикіе звѣри не разбѣгались цѣлыми звѣринцами и не терзали москвичей цѣлыми сотнями, врываясь въ ихъ дворы и жилища...

Только одинъ памятникъ этой старины и остался здѣсь во всей своей неприкосновенной мерзости рядомъ съ Политехническимъ музеемъ: это — Шиповская крѣпость, московская Вяземская лавра, доселѣ, увы! напрасно ожидающая своего Всеволода Крестовскаго для изображенія ея внутренностей, ничуть не уступающихъ тѣмъ, которыя воспѣты до мельчайшихъ подробностей въ «Петербургскихъ трущобахъ». Вся разница между этими двумя столичными крѣпостями въ томъ развѣ и состоитъ, что петербургская лавра и доселѣ, если не ошибаемся, составляетъ соб-

ственность княжеской фамилии, давшей ей свое имя, тогда как богач Шипов давно уже отказался от принадлежавших ему правъ на московскую крѣпость, увѣковѣчивъ лишь свое имя въ ея прозвищѣ.

Теперь эта громоздкая многоэтажная руина принадлежит, какъ извѣстно, «Человѣколюбивому обществу», которому пожертвована покойнымъ ея владѣльцемъ еще лѣтъ сорокъ назадъ. Первое время послѣ этого событія москвичи надѣялись, что общество, какъ учрежденіе официальное и притомъ филантропическое, не потерпитъ въ своемъ новомъ владѣніи того труппнаго характера, которымъ оно насквозь пропиталось раньше, но надежды эти оказались преждевременны.

Дѣло въ томъ, что въ теперешнемъ своемъ грязномъ, антисанитарномъ и обветшаломъ состояніи «Шиповка», набитая сверху донизу, какъ сельдями въ боченкѣ, разнообразною бѣднотою и нищетою, имѣющей свою биржу vis-à-vis, на Толкучкѣ, собираетъ съ нея такія квартирныя деньги, какихъ не въ состояніи дать, при самыхъ невыгоднѣйшихъ условіяхъ мѣстоположенія, ни одинъ благоустроенный и благоприлично содержимый домъ въ Москвѣ, и лишаться опредѣленнаго и весьма крупнаго дохода общество сочло для себя въ то время, какъ, вѣроятно, считаетъ и теперь, дѣломъ рискованнымъ. А всякій рискъ для учрежденія, каково «Человѣколюбивое общество», связанное разнообразными заботами о меньшей братіи, заботами, требующими опредѣленныхъ, строго усчитанныхъ денежныхъ средствъ, такой рискъ могъ бы оказаться, при стеченіи неблагоприятныхъ условій, даже гибельнымъ. Поэтому и рѣшеніе оставить Шиповское *statu quo*, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, со стороны общества ничуть не является предосудительнымъ, какъ кажется это для многихъ изъ москвичей, а напротивъ, должно быть оцѣнено, какъ актъ благоразумія, осторожности и добросовѣстности и даже, пожалуй, какъ тяжелый гражданскій подвигъ, ибо, смотря на эту живую развалину, которая чуть не полсотни лѣтъ скрипитъ, грозитъ разрушеніемъ и терпѣливо выносить различные архитектурныя палліативы въ родѣ подмазокъ, подпорокъ, перекрасокъ, починокъ, передѣлокъ, перестилокъ и т. п., кто изъ москвичей не смущался и не возмущался кажущеюся неповоротливостію общества и, не вдаваясь въ размышленія, не слалъ по его адресу самыхъ желчныхъ за нее упрековъ? А сколько строителей и серьезныхъ аферистовъ предлагались обществу за все это время съ своими услугами и талантами! Помнится, и А. А. Пороховщиковъ, только что выкарабкавшійся изъ-подъ администраціи, то-есть, лѣтъ пятнадцать назадъ, тоже рекомендовался ему на счетъ перестройки Шиповской руины, но и онъ, какъ и всѣ, ушелъ ни съ чѣмъ. А она, матушка, знай себѣ стоитъ да валится, если и на позоръ Москвѣ, зато на пользу

филантропіи. Да, пожалуй. и еще лѣтъ пятьдесятъ не свалится, а тѣмъ временемъ успѣетъ дать обществу еще милліончика два, чего, въ виду его филантропическаго назначенія, мы ему и желаемъ отъ души.

II.

Маросѣйка.—Замѣчанія о ея названіи и его происхожденіи. — Малороссійское подворье.—Хохловскій переулочек.—Домъ Еремѣевыхъ и его исторія.—Церковь Троицы на Хохловкѣ.—Родовое гнѣздо семейства Боткиныхъ.—Заслуги семейства Боткиныхъ передъ наукой, искусствомъ и литературой.—Петропавловская церковь и ея школа.—Ивановскій монастырь.—Салтычиха, Досиоея и хлыстовскіе гавари.—Ивановская ярмарка и ея характеръ.—Почетная гражданка Мазурина.—Ея судьбище.—Заступничество Филарета.—Роль Мазуриной въ исторіи Ивановаго монастыря.

Прямо съ Ильинской площади нанинается та часть Покровки, которая именуется Маросѣйкой и тянется вплоть до бульварнаго пояса. Безграмотные и невѣжественные москвичи зовутъ и даже пишутъ ее Моросѣйкой, производя, быть можетъ, отъ слова: моросить; мы видѣли даже одинъ планъ Москвы, снабженный именно такимъ обозначеніемъ этой мѣстности. Нечего и говорить, что подобное прозвище—нелѣпица, и что Маросѣйка—есть не иное что, какъ сокращенная въ просторѣчьи Малороссійка, въ которой десятиричное *i* уступило мѣсто буквѣ *ь* въ силу того же грамматическаго правила, которое Сергія передѣлываетъ въ Сергѣя, Алексія въ Алексѣя, и т. п.

Что названіе это оправдывается исторически, доказать нетрудно. Извѣстно, что администрація московскихъ князей и царей, благопріятствуя заселенію города и осѣдлому вокругъ него пребыванію разнаго рода пришлыхъ людей, заботливо, однако, относилась къ вопросу о томъ, въ какихъ именно мѣстностяхъ города и за городомъ расселять пришельцевъ для постояннаго жительства. Даже изъ современныхъ названій различныхъ мѣстностей города явствуетъ, что люди не только различныхъ національностей, но и различныхъ профессій и сословій получали для своей осѣдлости опредѣленные мѣста, за черту коихъ уже и не имѣли права выступить: Грузины Нѣмецкая слобода, Татарская, Стрѣлецкая, Бронныя, Пушкарни, Звонари, Котельники (въ двухъ мѣстахъ), Хамовники (ткачи-полотнянщики), Басманныя (пекари печатныхъ пряниковъ и лакомствъ), Печатники, Мѣщанскія, Дербентская (Дербеновка), Поварская, Серебренники, Колокольный переулочекъ, Сыромятники, Кожевники и мног. друг.

Когда Москва стала притягивать съ себѣ и ближайшихъ своихъ родственниковъ—хохловъ, и они охотно потянулись къ ней,

что особенно стало обнаруживаться одновременно съ упадкомъ казачества, имъ, какъ и другимъ пришлецамъ, указано было мѣсто для поселенія сейчасъ за Китай-городомъ, не подалеку отъ Ильинскихъ воротъ. Тутъ основалось и Малороссійское подворье, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Хвоцинскаго, а отъ него въ обѣ стороны пролегла и улица, получившая то же названіе; есть основаніе полагать, что хохлацкій поселокъ не ограничился предѣлами одной этой улицы, а расползся и значительно глубже, и это основаніе мы усматриваемъ въ томъ обстоятельстве, что доселѣ существуетъ, и довольно далеко отъ дома Хвоцинскаго, переулокъ, носящій названіе Хохловскаго. Этотъ переулокъ идетъ отъ самой тогдашней границы Бѣлаго города, то-есть отъ нынѣшняго плаца передъ Покровскими казармами, мимо прежнихъ владѣній Иностранной коллегіи, и то спускается съ горы, то опять поднимается въ гору къ древней церкви князя Владиміра, что напротивъ Ивановскаго монастыря. Въ Хохловскомъ переулкѣ доселѣ существуетъ церковь Живоначальныхъ Троицы, обозначаемая даже въ официальномъ, церковно-административномъ языкѣ: «что на Хохловкѣ».

Кстати, намъ приходилось по поводу названія Маросѣйка слышать такое его объясненіе, что оно получилось съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній гетманъ малороссійскій, знаменитый Разумовскій, построилъ себѣ домъ на углу Ильинской (Лубянской тожъ) площади и Покровки, противъ Ильинскихъ воротъ. Какъ ни правдоподобно такое объясненіе и какъ оно ни заманчиво, тѣмъ не менѣе оно совершенно произвольно: гетманъ Разумовскій въ Москвѣ никогда не жилъ, и теперешній домъ братьевъ Еремѣевыхъ хотя и принадлежалъ нѣкогда этой фамиліи, но выстроенъ былъ женою одного изъ сыновей гетмана, графа Алексѣя Кириловича, урожденной графиней Шереметевой, когда ея невѣрный супругъ настоятельно предложилъ ей разстаться съ нимъ, окончательно порвать совмѣстную жизнь и даже удалиться изъ его дома. Вотъ по этому-то случаю злополучная графиня и купила себѣ пустопорожній участокъ земли на указанномъ мѣстѣ, гдѣ и выстроила себѣ домъ, чтобы въ немъ влачить прискорбное и долгое одинокое существованіе на положеніи соломенной вдовы, влюбленной въ своего мужа.

Не лишнимъ будетъ сказать два-три слова и о названной выше Троицкой церкви: она среди московскаго приходскаго духовенства искони славилась своею феноменальной бѣдностью, въ смыслѣ приходскаго храма. Весь контингентъ ея прихожанъ ограничивался, если не ошибаемся, пятью- семью домами, да изъ нихъ два-три принадлежали иновѣрцамъ и слѣдовательно для причта были бездоходными. А между тѣмъ насчетъ этихъ нѣсколькихъ домовъ приходилось кормиться четырьмя семьями причетниковъ, начиная отъ священника и кончая пономаремъ. Митрополитъ Филаретъ,

до тонкости знавшій матеріальныя обстоятельства подвѣдомаго ему духовенства, обнаружилъ и въ этомъ отношеніи рѣдкую находчивость, и даже этимъ печальнымъ фактомъ церковно-приходскаго обнищанія сумѣлъ воспользоваться ради административно-епархіальныхъ цѣлей: намѣтивъ нѣсколько такихъ убогихъ приходовъ въ разныхъ уголкахъ столицы (кромѣ Троицкаго Хохловскаго, подобною же нищетою славилась приходы: Рождества въ Симоновѣ, Николы въ Котельникахъ, Покрова въ Голикахъ, Климента на Пятницкой, Рождества въ Лужникахъ (Дѣвичьихъ),—онъ надумался обратить ихъ какъ бы въ исправительныя колоніи для тѣхъ членовъ своего клира, которые своею жизнію и поведеніемъ, или какими либо служебными проступками, навлекали на себя его начальническое неудовольствіе. Чуть въ чемъ либо проштрафился священникъ или дьяконъ какого либо богатаго прихода, но ужъ не на столько, чтобы стоило принимать относительно его радикальныя мѣры, митрополитъ тотчасъ прописывалъ ему палліативъ въ формѣ перевода въ какойнибудь изъ такихъ вотъ приходовъ. Лекарство въ большинствѣ случаевъ дѣйствовало отлично: сразу замѣтивъ, что за его единоличныя грѣхи расплачивается вся семья, наказанный образумивался, начиналъ вести примѣрную жизнь и, помаявшись годикъ-другой на голодномъ положеніи, у того же митрополита перепрашивался на другое, болѣе доходное мѣсто. Не одинъ фактъ подобнаго рода знаемъ мы изъ тогдашней жизни московскаго духовенства.

За домомъ Еремѣевыхъ (бывшимъ графини Разумовской), по той же сторонѣ, ближе къ церкви Козьмы и Даміана, пріютился узенькій и маленькій закоулочекъ, именуемый Петро-Веригскимъ переулкомъ и выходящій другимъ изогнутымъ концомъ своимъ въ правильно расположенный переулокъ Козьмо-Даміанскій, спускающійся къ Ивановскому монастырю, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Названіе закоулка указываетъ на существовавшую здѣсь нѣкогда церковь въ честь веригъ св. апостола Петра,—церковь, которой теперь, равно какъ сотенъ другихъ древнихъ церквей въ Москвѣ, и слѣда не осталось. Закоулокъ этотъ, однако, нелишенъ нѣкотораго значенія и въ современной исторіи Москвы, и даже Россіи, и даже русской литературы, науки и искусства. Въ этомъ безвѣстномъ переулкѣ пріютилось, втиснутое среди другихъ владѣній, родовое гнѣздо именитыхъ московскихъ гражданъ Боткиныхъ, безъизвѣстныхъ и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ: старшій изъ сыновей Петра Боткина, В. П., помимо своихъ писемъ объ Испаніи, давно уже забытыхъ, памятенъ еще доселѣ своими близкими, дружественными отношеніями къ кружку петербургскихъ литераторовъ сороковыхъ годовъ—къ знаменитому въ исторіи новѣйшей русской литературы приходу, прихожанамъ и вкладчикамъ котораго были И. И. Панаевъ, Некрасовъ, Бѣлин-

скій, Маркевичъ, Анненковъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Фетъ и проч. корифеи тогдашней литературы и журналистики. Этотъ же приходъ крестилъ въ литературной купели и Чернышевскаго съ одной стороны, и гр. Толстаго съ другой, и даже Достоевскаго съ третьей. Въ этомъ-то литературномъ приходѣ Василій Петровичъ цѣлую четверть вѣка былъ свой человѣкъ и одинъ изъ почетнѣйшихъ прихожанъ, хотя и неособенно щедрый вкладчикъ, и въ простомъ и въ переносномъ смыслѣ этого слова, ибо, кромѣ помянутыхъ испанскихъ писемъ, ничего не подарилъ литературѣ, и съ кружкомъ своимъ поддерживалъ лишь тѣсныя нравственныя отношенія, тѣсныя до того, что, пріѣзжая въ Петербургъ, даже при своихъ огромныхъ матеріальныхъ средствахъ, никогда не останавливался въ гостиницѣ, а всегда въ квартирѣ Панаева и Некрасова, гдѣ одна изъ комнатъ такъ и носила кличку «Боткинской». Одинъ изъ его младшихъ братьевъ, какъ извѣстно, художникъ-профессоръ, здравствующій и доселѣ; другой, Сергій Петровичъ, не такъ давно оплаканъ, и Петербургомъ, и Москвой, и всею русскою наукой, какъ симпатичнѣйшее, къ прискорбію, рано угасшее, свѣтило медицинской науки и врачебнаго искусства; младшій братъ, Дмитрій Петровичъ, тоже не особенно давно скончался въ Москвѣ, съ которой никогда не разставался и въ которой пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, какъ добрый человѣкъ и щедрый меценатъ, широкою рукой помогавшій художническимъ нуждамъ и оставившій послѣ себя огромную и цѣнную своими художественными достоинствами картинную галерею. Наконецъ, Петръ Петровичъ, чуть ли не единственный членъ этой многочисленной купеческой семьи, не покинувшій своего родоваго коммерческаго призванія, и доселѣ пользуется отъ всей торговой Москвы вполне заслуженнымъ почетомъ, какъ мудрый руководитель одной изъ стариннѣйшихъ и крупнѣйшихъ московскихъ фирмъ, ведущихъ чайную торговлю путемъ непосредственныхъ сношеній съ Китаемъ, и руководитель не къ упадку и разоренію, а къ упроченію и славѣ. Даже и сестра этихъ замѣчательныхъ своими талантами и способностями братьевъ испытала судьбу, весьма необычную для московской купеческой дочери: Агрипина Петровна замужествомъ своимъ такъ же, какъ Василій Петровичъ всею своею жизнью, сроднилась съ русской литературой и поэзіей, выйдя замужъ въ ранней юности за недавно скончавшагося поэта Анаанасія Анаанасьевича Шеншина, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Фета.

Выше мы помянули Козьмо-Даміанскій переулокъ: онъ, мимо нѣсколькихъ и старой, и новой постройки домовъ, среди которыхъ замѣчательно зданіе лютеранской Петро-Павловской церкви (съ извѣстнымъ въ Москвѣ по педагогической выдержанности училищемъ, отъ котораго въ восторгъ не одни нѣмцы, а и православные москвичи), выводитъ къ извѣстному въ Москвѣ Ивановскому мо-

настырю. Еще на нашей памяти это был упраздненный женский монастырь съ обветшавшими храмами, съ угрюмымъ, непривѣтливымъ зданіемъ, въ которомъ нѣкогда помѣщались сестры-монахини, а впослѣдствіи состоявшій при храмахъ причтъ и служащіе синодальной московской конторы, типографіи и книжной лавки. Здѣсь, посреди усадьбы, на которой былъ раскинутъ древній монастырь, при одномъ изъ храмовъ пишущій эти строки лично видѣлъ ту позорную желѣзную клѣтку, въ которой, по повелѣнію императрицы Екатерины Второй, заключена была и содержалась подъ призрачнѣмъ монастырскаго начальства знаменитая изувѣрка прошлаго столѣтія, Дарья Салтыкова, прославившаяся утонченною жестокостью въ истязаніяхъ надъ своими крѣпостными. Злодѣйка-помѣщица свирѣпствовала долгіе годы надъ своими многочисленными рабами и рабынями, то истязуя ихъ разнообразными мученіями, то прямо разбойнически убивая чѣмъ попало, пока кровь 139 убитыхъ ею мучениковъ и мученицъ не возопила наконецъ отъ земли къ небесамъ. Ее судили, лишили титуловъ, дворянства и всѣхъ правъ состоянія, но вмѣсто ссылки или смертной казни заключили въ клѣтку, устроенную въ наружной толстой стѣнѣ при одномъ изъ храмовъ Ивановскаго монастыря, гдѣ она и провела не только безъ какихъ либо признаковъ раскаянія, но даже, если вѣрить свидѣтельствамъ современниковъ, не отказываясь отъ возможныхъ въ ея положеніи грязныхъ развлеченій съ сторожившими ее солдатами, слишкомъ 30 лѣтъ. Клѣтка эта наружною рѣшеткой выходила прямо на монастырь, такъ что заключенной нельзя было подойти къ окну, чтобъ ея не увидали всѣ мимоходящіе: люди, видѣвшіе и помнившіе эту закоренѣлую злодѣйку, въ свое время рассказывали, что наружность ея отнюдь не свидѣтельствовала о звѣрскихъ инстинктахъ ея природы: это была унылая, съ выраженіемъ напускнаго равнодушія, женщина, сохранившая на своемъ лицѣ слѣды прежней красоты, нерѣдко отвѣчавшая на посылаемые ей поклоны и только тогда выходившая изъ себя и предававшаяся припадкамъ безсильной злобы, когда уличные мальчишки собирались передъ ея окномъ для того, чтобы дразнить ее и издѣваться надъ ея немощнымъ передъ ними положеніемъ. Салтычиха была далеко не единственною заключенницею Ивановскаго монастыря, который, въ ряду другихъ московскихъ обителѣй, втеченіе прошлаго столѣтія игралъ, очевидно, роль какого-то острога для лицъ исключительнаго положенія.

Таинственная историческая незнакомка, извѣстная то подъ именемъ принцессы Доротеи, то княжны Таракановой, то монахини Досиоои, тоже четверть вѣка своей загадочной жизни погребла подъ толстыми сводами низенькихъ келій Ивановскаго монастыря, цѣлыя 25 лѣтъ своего невольнаго одиночнаго заключенія проведя въ абсолютномъ почти безмолвіи, одинокой молитвѣ и рукодѣльяхъ.

Еще не достигши 40-лѣтняго возраста, замѣчательною красавицею привезена она была въ монастырь на вѣчное заключеніе, и послѣ долговременнаго праведнаго житія въ тѣсной келии, безъ всякихъ почти сношеній съ внѣшнимъ міромъ, 65-лѣтнею старицей увезена была изъ него для вѣчнаго успокоенія въ Новоспасскомъ монастырѣ. Въ Ивановскомъ же монастырѣ содержались и преступники и преступницы, повинные въ преступленіяхъ религіознаго фанатизма, и между прочимъ два небезъизвѣстныхъ проповѣдника хлыстовщины, нашедшіе доступъ своему лжеученію къ сердцамъ простодушныхъ черницъ и сумѣвшіе ихъ мирныя келии обратить въ притоны своихъ радѣній со всѣми ихъ омерзительными подробностями.

Кромѣ этого своего назначенія, какъ временной тюрьмы для лицъ исключительнаго положенія, Ивановскій монастырь извѣстенъ былъ изстари своею ярмаркой, совпадавшей съ его храмовымъ праздникомъ: дни 28, 29 и 30 августа были въ своемъ родѣ единственнымъ ежегоднымъ торжествомъ въ монастырѣ. Всѣ храмы бывали отперты весь день и чуть ли не всю ночь; 29-го, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, не только въ храмахъ, но и по всей монастырской усадьбѣ и даже внѣ ея, въ прилегающихъ переулкахъ, была не сплошная толпа народа, а страшная давка, которой не мѣшала зачастую спрыскивавшій ее дождь, иногда проливной. Дѣло въ томъ, что какъ Симоновъ монастырь былъ издревле облюбованъ подмосковнымъ населеніемъ для первой сотовой ярмарки, въ силу того, что его главный храмовой праздникъ приходился на 1-е августа, Новоспасскій для первой яблочной ярмарки, потому что его праздникъ приходился на Преображеніе, день благословенія церковью плодовъ и фруктовъ, такъ и Ивановскій монастырь былъ приуроченъ съ своимъ праздникомъ 29 августа къ торжищу, на которое съѣзжались подмосковныя крестьянки съ своими льняными издѣліями и другими продуктами незатѣливыхъ крестьянскихъ промысловъ. Такъ до самаго разоренія стараго Ивановскаго монастыря и сохранялось по всей подмосковной деревенской округѣ выраженіе: «ѣхать къ Ивану Постному», то-есть на ярмарку въ Ивановскій монастырь. Мы припоминаемъ эту ярмарку: особенно съ сумерекъ она представляла оригинальную, даже съ азіатскимъ отбѣнкомъ картину. Сотни торгошай, утомленные цѣлодневной сутолокой съ покупателями, тутъ же, у своихъ ларей и лотковъ, на землѣ, зачастую сырой и даже мокрой, располагались и для ночнаго отдохновенія, заложивъ подъ голову какое нибудь тряпье или картузь; точно также и приѣзжіе мужики и бабы лежали расprostертыми, кто на возу, а кто и подъ возомъ; тамъ и сямъ мелькали фонари, зажженные болѣе предумотрительными изъ нихъ. Нужно было подумать и о короткомъ отдыхѣ, и о томъ, чтобы проснуться не съ пустымъ возомъ и кар-

маномъ, и о послѣднемъ даже особенно, въ виду опаснаго сосѣдства съ Хитровымъ рынкомъ, отребье котораго праздновало праздникъ посвоему, шныряя и день и ночь и между возами и подъ возами, выглядывая гдѣ что плохо лежитъ и не кладя на руку охулки.

И эта ярмарка, и всѣ древніе храмы монастыря, и Салтычихина клѣтка стояли невредимо до половины 50-хъ годовъ, когда на эту старину, съ благословенія митрополита Филарета, ополчились купеческіе капиталы, пожертвованные купчихой Макаровой-Зубачевой и въ силу ея завѣщанія сначала попавшіе въ распоряженіе, а потомъ и застрявшіе надолго въ карманѣ ея душеприказчицы, именитой московской гражданки М. А. Мазуриной. Сія доблестная жена заслуживаетъ нѣкотораго о себѣ воспоминанія, представляя собою яркій типъ исчезающаго теперь, къ счастью, купческаго бабьяго самодурства. Гордая своимъ огромнымъ богатствомъ, надменная почетомъ, за него всюду ей являемымъ, кичливая своею грубой, топорной благотворительностью, не знавшая никогда ни отъ кого препятствій своему ндраву, Марья Александровна, на старости лѣтъ, была испытана судьбою самымъ жестокимъ образомъ. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ, какъ разъ въ первые дни новаго судопроизводства, когда вся благомыслящая Москва трепетала и млѣла отъ восторга предъ новою метлой, которою слѣпая Фемида выметала соръ и грязь изъ опустошенныхъ авгіевыхъ стоилъ прежняго правосудія, эта почтенная московская матрона имѣла неосторожность отважиться на довольно дерзкій поступокъ: не пустила къ себѣ на дворъ квартальнаго надзирателя, желавшаго видѣть ее по обязанностямъ службы, приказавъ своимъ людямъ запереть ворота передъ самымъ его носомъ. Квартальный обидѣлся и далъ знать о происшествіи частному приставу. Этотъ прискакалъ, но успѣлъ ни на чуточку больше: оказалось, и его не приказано было пускать. Тогда полиція, всѣмъ синклитомъ, влѣзла въ домъ черезъ открытое окно нижняго этажа и, выбравшись на дворъ, потребовала предъ свои очи строптивую хозяйку, да не на ту напала. Марья Александровна вмѣсто себя выслала къ незванымъ гостямъ цѣлую стаю свирѣпыхъ псовъ, которые и приняли ихъ весьма негостепримно. Оказавшаяся въ нелѣпомъ положеніи, на чужомъ запертомъ дворѣ, среди недоброжелательно скалившихъ на нее страшные зубы собакъ, полиція отрядила гонцовъ къ полицеймейстеру и къ мѣстному товарищу прокурора, и лишь тогда, когда, наконецъ, прибыли эти чиновники, и, кажется, съ подкрѣпленіемъ въ видѣ отряда полицейскихъ, оказалось безопаснымъ и возможнымъ составить актъ о возмутительномъ дѣяніи невозмутимой самодурки. Ее отдали подъ судъ, подвергли тяжкой и долгой волокитѣ предварительнаго слѣдствія, публично судили во всѣхъ трехъ инстанціяхъ и вездѣ присудили къ трехмѣсячному тюрем-

ному заключенію. Тутъ гордая старуха поневолѣ смирилась и поклонилась митрополиту Филарету. Маститый святитель, въ виду преклоннаго возраста преступницы, невыносимаго позора, связаннаго для нея съ заключеніемъ въ острогъ, возможныхъ вслѣдствіе того роковыхъ результатовъ для ея здоровья и даже жизни, а, главное, въ виду многочисленныхъ и крупныхъ ея прежнихъ пожертвованій на церкви и монастыри его епархіи, смилостивился надъ просительницей и обратился съ личнымъ нарочитымъ за нее ходатайствомъ къ покойному императору Александру Николаевичу.

Долго пришлось старухѣ дожидаться рѣшенія своей участи и ложиться въ постель съ ужасающей мыслью о томъ, гдѣ-то придется ночевать завтра — у себя ли въ спальнѣ, или на казенной койкѣ тюремнаго замка. Лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о замѣнѣ потомственной почетной гражданкѣ Марѣ Мазуриной присужденнаго ей тюремнаго заключенія строжайшимъ домашнимъ арестомъ, причемъ въ текстѣ повелѣнія было подробно указано, что эта высочайшая къ ней милость послѣдовала лишь во уваженіе ходатайства за нее высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго. Неизвѣстно, какъ обходилась Мазуринна съ городовымъ, который обыкновенно пребываетъ на кухнѣ у домашнихъ арестантовъ во все время ареста; во всякомъ случаѣ о собачьей травлѣ полицейскихъ чиновъ уже не было слуху съ тѣхъ поръ: вѣроятно, старуха и въ самомъ дѣлѣ смирилась. Такъ вотъ къ этакой-то энергичной, своенравной и строптивой особѣ и попали завѣщанные на перестройку Ивановскаго монастыря капиталы. Начала она свою дѣятельность душеприказчицы съ того, что повыгнала всѣхъ синодальныхъ служакъ, да кстати и священника съ причтомъ, изъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ на вольныя квартиры, сломала до основанія всѣ прежнія зданія, вывела фундаменты для новыхъ, построила великолѣпную каменную ограду вокругъ всего монастыря, да на томъ и успокоилась: дальше ни тпру, ни ну. Прошелъ годъ: постройки не только не подвигаются, но и вовсе не производятся; прошелъ другой — тоже самое, третій и четвертый — тоже. Тутъ надъ душеприказчицей стряслась описанная выше юридическая бѣда, до окончанія которой ей, конечно, было не до построекъ. И только еще много лѣтъ спустя, уже послѣ смерти Мазуриной, монастырь былъ вполне отстроенъ, храмы великолѣпно отдѣланы, и теперь въ немъ обитаетъ прекрасно устроенная женская монастырская община, живущая трудами рукъ своихъ, служеніемъ дѣлу филантропіи и щедрыми пожертвованіями благотворителей.

Почему Мазуринна болѣе десятка лѣтъ упорно отказывалась отъ окончательной достройки монастыря, это объясняютъ различно: говорили въ то время, будто она не влюбила прежняго священника, который съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ срока возста-

повленія своихъ служебныхъ правъ и преимуществъ; говорили и такъ, будто она стѣснялась въ денежныхъ средствахъ, затративъ значительную часть пожертвованныхъ суммъ на свои собственные надобности, и прикапливала деньги, чтобъ выйти сухою изъ этого финансоваго затрудненія; объясняли и тѣмъ, будто она дѣлаетъ такъ на зло духовному вѣдомству, за то, что оно позволило себѣ однажды вмѣшаться въ это дѣло, которое Мазурина считала своимъ, пославъ ей запросъ по поводу ея медлительности.

Но отъ покойнаго Н. П. Гилярова-Платонова, хорошо знавшаго Мазурину, мы слышали и другое этому объясненіе, которое, пожалуй, вѣроятнѣе всѣхъ остальныхъ. Мазурина была страшная суевѣрка, вѣрившая и въ сны, и во всевозможныя примѣты. А такъ какъ въ московскомъ купечествѣ и духовенствѣ испоконъ вѣка существуетъ повѣрье, что въ новой церкви первымъ покойникомъ долженъ быть храмоздатель, она же признавала себя не только исполнительницей чужихъ распоряженій, но и настоящей строительницей монастыря, то отсюда по ея логикѣ и слѣдовало, что тотчасъ за его отстройкой и освященіемъ его храмовъ ей и капуть: смертный приговоръ подписанъ. Умирать же ей, не смотря на преклонный возрастъ, вовсе не хотѣлось, да и старуха она была крѣпкая, здоровая, не знавшая ни докторовъ, ни, слѣдовательно, болѣзней, и посвоему наслаждалась жизнью. Вотъ почему она и не торопилась окончаніемъ дѣла, съ которымъ столь страннымъ образомъ былъ связанъ для нея вопросъ о жизни и смерти.

И вотъ, благодаря этимъ-то дикимъ соображеніямъ самодурной старухи, чужія сотни тысячъ непроизводительно и совершенно безконтрольно лежали цѣлыя десяти лѣтъ въ ея сундукахъ, гдѣ, конечно, могли бы при случаѣ и пропасть: благодареніе Богу и за то, однако, что хоть этого-то не случилось.

III.

Боярскія усадьбы на Маросѣйкѣ. — Другое владѣніе «Человѣколюбиваго общества». — Благоразумная политика общества и ея результаты. — Свиная голова, какъ эмблема гастрономіи. — Первый гастрономъ Вѣловъ. — Его прежняя слава и ея послѣдствія. — Матвѣвская усадьба и домъ графа Румянцева-Задунайскаго. — Судьба этого дома въ купеческихъ рукахъ. — Вдовій домъ епархіальнаго вѣдомства. — Его исторія. — Горихвостовъ и Филаретъ. — Филаретовское женское епархіальное училище. — Его исторія, учебная программа и реформы въ ней. — Внутренняя жизнь Горихвостовскаго вдовьяго дома.

На Маросѣйкѣ издревле располагались усадьбы знаменитыхъ московскихъ бояръ, каковы Матвѣевы и Милославскіе, а впослѣдствіи образовался армянскій поселокъ, давшій свое имя и переулку, соединяющему въ этомъ мѣстѣ Покровку съ Мясницкой и сохраняющему это названіе доселѣ.

Не много не доходя до этого переулка, высится громадный и неуклюжий домъ—вторая огромная недвижимость того же «Человѣколюбиваго общества», которое владѣетъ и вышепомянутой Шиповской крѣпостью. Не такъ еще давно домъ этотъ сплошь занятъ былъ богадѣльней, приютомъ и Усачевско-Чернявскимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Но лѣтъ 20 или 25 назадъ «Человѣколюбивое общество», исходя изъ тѣхъ же соображеній дѣловаго благоразумія, на основаніи коихъ хранить въ неприкосновенности Шиповскія руины, пришло къ мысли, что неслѣдъ ни богадѣллкамъ, ни дѣвочкамъ-ученицамъ жить въ центрѣ города, гдѣ каждая квадратная сажень квартирнаго помѣщенія представляетъ капиталъ; мысль эта быстро осуществилась на практикѣ: Усачевско-Чернявское заведеніе переведено было на Дѣвичье поле, въ пожертвованный этому же обществу домъ Нечаева-Мальцева, съ возведеніемъ въ званіе женской гимназіи, а богадѣльня и приютъ—на противоположный край города, чуть не къ Крестовской заставѣ, гдѣ, между 1-й Мѣщанской и линіей Николаевской желѣзной дороги, на огромномъ пространствѣ раскинулось старинное владѣніе того же общества, извѣстное подъ именемъ Набилковской богадѣльни, по фамилии жертвователя, купца Набилкова, еще въ 30-хъ годахъ отказавшаго эту недвижимость на благотворительныя цѣли.

Съ этого времени Маросѣйскій домъ общества, равно какъ и другой, сосѣдній съ нимъ въ Глинищевскомъ переулкѣ, пошли подъ квартиры нѣмцамъ и жидамъ контористамъ, чрезъ что и волки остались сыты, и овцы цѣлы: мы хотимъ сказать, что общество увеличило свои доходы, и призрѣваемые имъ старики, старухи и ребята не проиграли, поселясь въ мѣстностяхъ съ лучшимъ воздухомъ, почти въ дачной обстановкѣ, вдали отъ міазмовъ, свойственныхъ центру города, и въ частности такому его пункту, какъ Маросѣйка, отличающаяся и чрезвычайной густотой населенія, и скученностью громадныхъ построекъ, и необычайной даже для Москвы ихъ нечистоплотностью и антисанитарностью.

Рядомъ съ собственностью человѣколюбія, какъ разъ на домѣ Хвощинскаго, красуется золотая вывѣска, отмѣченная свиною головой: такова странная эмблема гастрономіи, которою отличилъ ея старинный московскій жрецъ и служитель, купецъ Бѣловъ, свое нѣкогда знаменитое торговое заведеніе. Во время оно лѣтъ 30—40 назадъ, эта свиная голова торговала на всю Москву почти безъ конкуренціи, и ея собственникъ наживалъ барыши какіе хотѣлъ, пока не завелся у Арбатскихъ воротъ другой гастрономъ, французъ Мора (Maurat), извѣстный не столько свиною головой, сколько дебоширствомъ и съ своими служащими, и съ покупателями, за каковое на старости лѣтъ, не задолго до смерти, даже и въ Титовку угодилъ...

Гастрономическій магазинъ Бѣлова въ старину пользовался

большой популярностью въ Москвѣ: нельзя было старательной хозяйкѣ сдѣлать лучшаго комплимента, какъ сравнить ея ветчину или дичь съ Бѣловской; и когда гость желалъ похвалить самолюбію хозяина, то, пробуя сыръ или колбасу, прямо говорилъ: «вотъ сейчасъ видно, что Бѣловскій товаръ». И наоборотъ, смиренныя бѣдняки, не дерзавшіе, по скудости кошельковъ, и двери отворить въ это святилище утонченнаго обжорства, подавая на столъ продукты изъ ближайшей овощной лавочки, съ сокрушеннымъ сердцемъ и поникшею главою признавались, что «ужъ извините, хорошая колбаса, ну, только не Бѣловская: Бѣловъ намъ не по карману».

Впрочемъ, многимъ онъ, безъ сомнѣнія, приходился и по карману: объ этомъ можно заключить изъ того, что его собственный карманъ успѣлъ на столько плотно и туго набиться, что позволилъ ему, неподалеку отъ магазина, ближе къ церкви Успенья, выстроить огромный каменный домъ съ весьма хорошимъ доходомъ, не смотря на то, что о прежнихъ барышахъ давно уже и помина нѣтъ: досадливая конкуренція расплзлась по всей Москвѣ, колбасныя лавочки повылѣзли изъ всѣхъ щелей, и, что всего прискорбнѣе для патріарха московской гастрономіи, продаютъ товаръ часто не хуже, а лучше, чѣмъ у него, а цѣны берутъ чуть не вдвое дешевле, такъ что теперь вся репутація Бѣловскаго магазина только и держится на минувшей его популярности.

На углу Маросѣйки и Армянскаго переулка въ старину стояли усадьба и домъ извѣстнаго боярина Артамона Матвѣева, котораго и прахъ покоится въ оградѣ церкви Николы, что въ Столпахъ, нѣкогда бывшей домовою церковью Матвѣевыхъ.

О древнихъ боярскихъ палатахъ давно, конечно, и память исчезла. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго усадьба Матвѣевыхъ принадлежала знаменитому графу Румянцеву-Задунайскому, который и воздвигъ громадныя хоромы, оставшіяся безъ особыхъ измѣненій до настоящаго времени. Въ выстроенномъ графомъ домѣ былъ даже и довольно помѣстительный театръ, на которомъ его крѣпостная артистическая труппа давала представленія. Отъ маститой московской старожилки, С. М. Еропкиной, урожденной княжны Ширинской-Шихматовой (кузины покойнаго попечителя Московскаго учебнаго округа и затѣмъ товарища министра народнаго просвѣщенія князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова), мы не разъ слышали, что ея мать, водившая хлѣбъ-соль съ домомъ графа, весьма часто бывала въ его Маросѣйскихъ палатахъ и даже гащивала, да и сама она, маленькой дѣвочкой и потомъ дѣвушкой, много разъ бывала въ этомъ домѣ, когда еще имъ владѣли графъ и затѣмъ его наслѣдники. Въ 20-хъ годахъ домъ проданъ былъ купцамъ Куманинымъ, и затѣмъ послѣдовательно перемѣнилъ нѣсколькихъ хозяевъ, причѣмъ всѣ они

разорялись, такъ что суевѣрная Москва начала думать, что въ его стѣнахъ заключена какая-то таинственная враждебная сила, обрушивающая злословія и бѣды на его владѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, купившіе домъ у наслѣдниковъ графа, Куманины такъ въ этомъ домѣ и упали; купившіе у нихъ, тоже тогдашніе богачи, Усачевы, точно также разстроили свое состоянье и вынуждены были продать домъ. И вотъ, ужъ на нашей памяти, лѣтъ 30—35 тому назадъ, покупаетъ его скоробогатый миллионеръ, Николай Ивановичъ Каулинь, изъ простыхъ ткачей въ Преображенскомъ вдругъ загремѣвшій по Москвѣ колоссальнымъ богатствомъ: заново отдѣлываетъ внутреннее (чуть не историческое, отъ Румянцева-Задунайскаго оставшееся!) убранство дома, снаружи штукатуритъ его на самый новый манеръ, подъ мраморъ, во всѣхъ окнахъ вставляетъ цѣльныя стекла, будто въ модной парикмахерской, и затѣмъ... безъ особаго замедленія прогораетъ. Самъ переселяется въ какія-то дебри за Алексѣевскимъ монастыремъ, гдѣ жметса со всей семьей (послѣ Румянцевскаго-то дворца!) въ 600-рублевой квартирѣ, а домъ за долги переходитъ къ теперешнимъ владѣльцамъ, гг. Грачевымъ. Объ этихъ пока ничего дурнаго не слышать: быть можетъ, оттого, что они крупные дисконтеры, или, можетъ быть, домовому по шерсти приплысь.

Во второмъ отъ Покровки домѣ по Армянскому переулку, на правой его сторонѣ, помѣщается нынѣ пріютъ для вдовъ и сиротъ духовнаго вѣдомства, устроенный въ 40-хъ годахъ, по инициативѣ и благословенію незабвеннаго митрополита Филарета, на средства извѣстнаго тогдашняго благотворителя, знатнаго барина Дмитрія Петровича Горихвостова.

За добрыя свои дѣла удостоенный личной пріязни знаменитаго іерарха, этотъ филантропъ, какъ рассказываютъ, однажды въ бесѣдѣ съ митрополитомъ тономъ благочестивой шутки спросилъ его: «учителю благій, что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую?» Отвѣтъ послѣдовалъ простой: «нищія и безкровныя введи въ домъ твой, убрусомъ твоимъ отри слезы вдовъ беззащитныхъ, къ сердцу твоему пріими воздыханія сиротъ безродныхъ».

Должно быть, въ этихъ простыхъ словахъ сила была заключена великая: съ той поры благочестивый филантропъ сталъ постоянно размышлять объ этомъ митрополичьемъ отвѣтѣ, и по прошествіи нѣкотораго времени явился къ владыкѣ съ рѣшеніемъ—пожертвовать на указанныя имъ цѣли свой родовой домъ въ Армянскомъ переулкѣ, и не одинъ, а вмѣстѣ съ капиталомъ, потребнымъ на устройство и вѣчное содержаніе вдовьяго дома и сиропитательнаго заведенія въ размѣрахъ, какіе дозволить вмѣстимость зданій, составившихъ его владѣніе.

Митрополитъ давно уже ждалъ подобной жертвы отъ кого либо, чтобы хотя сколько нибудь обезпечить вдовъ и сиротъ-дѣвочекъ

епархіального духовенства, послѣ смерти мужей и отцовъ испытывавшихъ всевозможныя тяготы нищеты и лишеній. Ибо сколько гуманно дѣйствовало всегда наше духовное управленіе по отношенію къ сиротамъ-сыновьямъ служителей церкви, обязательно обучавшимся и воспитывавшимся на казенный счетъ въ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ и семинаріяхъ, столь же пренебрежительно относилось, до митрополита Филарета, къ судьбѣ сиротѣвшей прекрасной половины своего сословія. Ничтожными пальятивами противъ ея безъисходной нужды и нищеты служили: обязательное содержаніе сыновьями и братьями, дочерьми и сестрами, своихъ вдовыхъ матерей и малолѣтнихъ сестеръ, въ видѣ странной контрибуціи за священническое, дьяконское или причетническое мѣсто, которое получалъ сынъ или зять вдовы, причемъ это обязательство взвалить на свою шею цѣлую семью даже формально устанавливалось свѣдома и даже иногда по требованію епархіальной власти; да еще—устроеніе наиболѣе счастливыхъ изъ помянутыхъ вдовъ на просвирническія мѣста при приходскихъ церквахъ. Но этими пальятивами далеко не исчерпывалась и не удовлетворялась вдовья и сиротская нищета: хорошо, если ко дню смерти мужа у вдовы оказывались сынъ, годный къ занятію отцовскаго мѣста, или дочь, годная въ замужество, для пріисканія къ ней жениха съ предоставленіемъ ему этого мѣста. Но если она оставалась съ малыми ребятами, да еще съ дѣвочками, или же вовсе бездѣтной, ей ни на сыновнюю, ни на зятнину печку рассчитывать было нельзя, и за невозможностью для каждой таковой особы устроиться въ просвирни предоставлялось идти прямо на улицу. Вотъ этой-то нуждѣ помочь митрополитъ давно мечталъ и рѣшеніемъ своего великодушнаго друга воспользовался тѣмъ съ большою готовностью, что Дмитрій Петровичъ на его же усмотрѣніе оставилъ изыскать и наилучшій способъ воспользоваться его пожертвованіемъ. И вотъ закипѣли работы по приспособленію обширныхъ барскихъ хоромъ съ флигелями подъ богадѣльню для священническихъ, дьяконскихъ и причетническихъ вдовъ и престарѣлыхъ дочерей-одинокъ, подъ бесплатныя квартиры для вдовъ съ малолѣтними дѣтьми и подъ пріютъ для сиротъ-дѣвочекъ духовнаго званія.

Послѣдній, однако, за недостаткомъ помѣщенія скоро выдѣлился въ особое благотворительное учрежденіе: митрополитъ не захотѣлъ отставать отъ своего друга и на собственныя средства устроилъ первое дѣвичье духовно-учебное заведеніе, которому впослѣдствіи присвоено было названіе женскаго епархіального училища, а еще позже—Филаретовскаго. Помѣстилось оно неподалеку отъ Красныхъ воротъ, рядомъ съ церковью Харитона въ Огородникахъ, въ прекрасно приспособленномъ для педагогическихъ его цѣлей зданіи, гдѣ и доселѣ пребываетъ. Учреждая это училище, митропо-

литъ руководился самыми скромными, но зато въ высшей степени практическими цѣлями: дать молодымъ людямъ, прошедшимъ семинарскій курсъ и посвящающимъ себя діаконской и священнической службѣ, и преимущественно при сельскихъ церквахъ, а не при городскихъ, достойныхъ женъ, всѣмъ своимъ воспитаніемъ приспособленныхъ къ тому скромному соціальному положенію, которое ожидаетъ ихъ въ жизни. Сообразно этой главнѣйшей цѣли имъ выработана была и учебная программа заведенія, въ которой не значилось ничего изъ того, чему обучалась г-жа Манилова въ пансіонѣ: ни французскаго языка, ни фортепіано, ни вязанія ридикюлей и т. п. Митрополитъ знаетъ, что сельской попадѣ, а тѣмъ болѣе дьяконицѣ, нужны не французская болтовня съ романсами на фортепіано, а домовитость и хозяйственность, умѣнье стряпать и обучить дѣтей первоначальной грамотѣ, да обшивать и обштопывать семью, и озаботился, чтобы его школа все это давала своимъ воспитанницамъ.

Одно или два десятилѣтія такъ дѣло и шло, но затѣмъ новыя вѣянія развѣяли и эту программу, строго сообразную съ цѣлью заведенія, искалѣчивъ ее французскимъ и нѣмецкимъ языками, въ которыхъ воспитанницы дальше первоначальной грамматики не идутъ, музыкой, въ которой едва доходятъ до гаммъ, и даже танцами, въ которыхъ дѣйствительно преуспѣваютъ, ибо это ужъ такая и наука, чтобы дѣвченки всѣхъ временъ, сословія и возрастовъ отличались въ ней поразительными талантами. На сколько, однако, необходимы эти таланты, вкупѣ съ недоученными гаммами и десяткомъ-двумя безмысленныхъ фразъ на французско-нижегородскомъ нарѣчій сельскимъ попадьямъ и дьяконицамъ,—это вопросъ, на который Филаретовская программа давала ясный и категорическій отвѣтъ чуть не полвѣка тому назадъ. Съ выдѣленіемъ изъ Горихвостовскаго дома малолѣтнихъ сиротъ-дѣвочекъ, въ немъ остались на призрѣніи престарѣлыя вдовы и дѣвицы духовнаго званія, одинокія и на бесплатныхъ квартирахъ вдовы семейныя, то-есть съ малолѣтними дочерьми. И тѣ и другія устроены и содержатся поистинѣ образцово, такъ что это, пожалуй, единственная богадѣльня въ Москвѣ, достойная служить и примѣромъ, и укоромъ всѣмъ прочимъ заведеніямъ этого сорта. Высокія, свѣтлыя, просторныя залы стариннаго барственаго дома, со всѣми остатками древней роскоши: прекраснымъ паркетомъ, громадными трюмо, мраморными колоннами и подоконниками, служатъ богадѣленными палатами, въ которыхъ размѣщены древнія старушки гдѣ по 4, гдѣ по 6, и не выше какъ по 8 человекъ, смотря по размѣру комнатъ. У каждой чистенькая постель и свой особый уголокъ со столикомъ или шкапчикомъ, сундукомъ и двумя-тремя стульями на случай гостей. Харчи простые, но здоровые и сытныя, щи съ мясомъ, каша, жареный картофель, и т. п. Хлѣбъ

собственного печенья, равно какъ и квасъ, положительно великолѣпные, а также и огурцы собственного же соленья. Всего этого бери сколько угодно изъ столовой, никому не воспрещается, и у иной злосчастной старушки забулдыжные родственники изо дня въ день кормятся отъ крупицъ, падающихъ съ обильной богадѣленной трапезы.

Что касается отдѣльныхъ квартиръ для вдовъ съ дѣтьми, онѣ состоятъ каждая изъ одной или двухъ комнатъ, смотря по семьѣ, живущія въ нихъ получаютъ отъ заведенія бесплатно: воду, дрова, уголья, хлѣбъ, квасъ, огурцы, капусту, картофель, но стряпаютъ каждая сама, въ одной общей на нѣсколько квартиръ кухнѣ. Кромѣ вышеозначенныхъ бесплатныхъ пособій натурой, каждой вдовѣ на каждую малолѣтнюю дочь сироту идетъ и денежное пособие изъ суммъ епархіального вѣдомства, въ размѣрѣ 1 рубля 25 копеекъ въ мѣсяцъ. Все это, вмѣстѣ съ личнымъ ея трудомъ, преимущественно руководѣльнымъ, если не обезпечиваетъ каждой полного довольства, то во всякомъ случаѣ спасаетъ и ее и семью и отъ голода, и отъ нищеты.

Чѣмъ отличается эта богадѣльня—это долголѣтностью: какъ въ англійскомъ парламентѣ лордъ пятидесяти-шестидесяти лѣтъ считается мальчишкой, такъ и здѣсь лѣди такого возраста признается еще молоденькой дамочкой, возрастъ отъ 70 до 80 лѣтъ среднимъ, дѣйствительно же престарѣлыми считаютъ себя дамы, лично, а не изъ рассказовъ, помнящія 12-й годъ и бывшія въ то время далеко уже не въ пеленкахъ.

При богадѣльнѣ имѣется домовая церковь, теплыми корридорами сообщающаяся со всѣми тремя этажами громаднаго дома, такъ что старушки безъ особыхъ хлопотъ, кромѣ тяжкихъ иногда усилій надъ своими непослушными ногами, могутъ удовлетворять и свои ежедневныя религіозныя потребности.

Оригинальную и умильную картину представляетъ небольшой дворъ этого дома лѣтнимъ теплымъ вечеромъ, когда его археологическое населеніе высыпаетъ на вольный воздухъ подышать вечернею прохладой: забытыя смертью, но вспомнутаыя милостью Божіей старушки, рѣдко которая безъ клюки или палки, съ трудомъ переставляя ноги, совершаютъ свой моціонъ по небольшому двору, еле переводя духъ отъ усталости, или же разсаживаются на нѣсколькихъ скамеечкахъ подъ двумя-тремя деревцами, чтобы въ дружеской бесѣдѣ потѣшить свое сердце воспоминаніями о давно, давно минувшихъ временахъ, когда онѣ были молодыми хозяйками, счастливыми женами и заботливыми матерями, и когда, конечно, не думали, что придется имъ умирать на казенный счетъ, одинокими, безродными, всѣми позабытыми и, къ несчастью, никогда и ничего не забывшими.

Такова судьба древней усадьбы знаменитыхъ бояръ Милослав-

скихъ, перешедшей впослѣдствіи въ родъ дворянъ Горихвостовыхъ, которые и построили на ней тѣ самыя зданія, что безъ особыхъ измѣненій стоятъ и донинѣ, занятая епархіальнымъ вдовимъ домомъ.

IV.

Колыбель Катковской славы. — Пререканія Каткова и Леонтьева съ Бодянскимъ. — Переселеніе В. О. Корша и А. С. Суворина изъ Москвы въ Петербургъ. — Кому досталось Катковское наслѣдство? — Милліонеры Корзинкины. — Иванъ Ивановичъ Корзинкинъ. — Его Лукулловскія привычки и строительные капризы. — Покупка Карновичевскихъ руинъ и построеніе Большой Московской гостиницы. — Великолѣпіе новаго большаго Московскаго трактира въ Корзинкинской отдѣлкѣ. — Разказы о происшествіи съ духовнымъ завѣщаніемъ Корзинкина и о послѣдствіяхъ его.

За вдовимъ домомъ далѣе переулкомъ принимаетъ уже вполне армянскій характеръ: слѣдуютъ по обѣимъ его сторонамъ владѣнія: княгини Абамеликъ-Лазаревой, Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Армянской церкви, армянина Микини, и даже упирается переулкомъ въ домъ армянскаго же милліонера Ананова. Угольный домъ Микини тоже имѣетъ свою исторію, не лишнюю интереса и для Москвы, и для всей Россіи. Дѣтъ тридцать назадъ онъ принадлежалъ тогда еще не слишкомъ извѣстнымъ ученымъ публицистамъ, впослѣдствіи прославившимся своею широкою газетною карьерой: мы говоримъ о Катковѣ и Леонтьевѣ, которые, въ качествѣ издателей одного только «Русскаго Вѣстника», имѣли здѣсь собственную типографію и отсюда переѣзжали на Страстной бульваръ, въ домъ Университетской типографіи, арендованной ими съ 1-го января 1863 года вмѣстѣ съ «Московскими Вѣдомостями». Первые №№ этой газеты, въ виду прекословія, возникшихъ въ крутую минуту, передъ самымъ новымъ годомъ, между новыми арендаторами и прежнимъ управленіемъ типографіи (во главѣ котораго стоялъ ихъ же прежній учитель, извѣстный славянофилъ, профессоръ Осипъ Максимовичъ Бодянский), даже и печатались не на Страстномъ бульварѣ, а въ Армянскомъ переулкѣ, и лишь черезъ нѣсколько дней недоразумѣнія уладились, безтолочь въ Университетской типографіи прекратилась, и Катковъ съ Леонтьевымъ приняли бразды правленія въ свои руки. Вскорѣ затѣмъ они и продали теперешнему владѣльцу свой домъ въ Армянскомъ переулкѣ, а типографію перевезли на Страстной бульваръ, стеревъ, такимъ образомъ, съ лица Московской земли ту колыбель, въ которой начались два столь замѣчательные въ исторіи русскаго умственнаго, общественнаго и политическаго прогресса публицистическихъ органа: «Русскій Вѣстникъ» и Катковскія «Московскія Вѣдомости». Теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предавался тисненію первый, можно сказать, дѣтскій политическій лепетъ впослѣд-

ствіи вдохновенныхъ патріотовъ, размѣстилась разная мастеровщина довольно неказистаго разбора, да ютятся, кажется, плохенькіе номеришки и комнатки отъ хозяекъ, и, глядя на это невзрачное гнѣздо ремесленного люда, никому, конечно, и въ голову не придетъ, что 29 лѣтъ назадъ геній русской политической мысли въ этомъ самомъ гнѣздѣ высидѣлъ такого смѣлаго, храбраго и голосистаго газетнаго пѣтуха, какимъ впоследствии оказался Михаилъ Никифоровичъ.

Замѣчательно, что знаменитые газетные близнецы, какъ ихъ тогда называли, на Страстномъ бульварѣ сѣли прямо на гнѣздо, насиженное Валентиномъ Ѳедоровичемъ Коршемъ и его тогдашнимъ секретаремъ и главнымъ сотрудникомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ.

Думали ли Катковъ съ Леонтьевымъ, могли ли они себѣ вообразить, выгоня ихъ въ то время въ Петербургъ, на тощую ниву «Петербургскихъ Вѣдомостей», что не пройдетъ и тридцати лѣтъ, какъ отъ нихъ останется лишь одно воспоминаніе, отъ блескъ ихъ публицистической славы одна изгарь теперешнихъ «Петровскихъ» Вѣдомостей, а вся накопленная ими популярность, вопреки всякимъ теоріямъ вѣроятности, силою случайныхъ обстоятельствъ, уйдетъ изъ рукъ ихъ единомышленниковъ и учениковъ, и даже совсѣмъ изъ Москвы переберется въ Петербургъ и достанется въ наслѣдство—кому же?—младшему изъ тогдашнихъ изгнанниковъ, безвѣстному въ то время молодому человѣку, секретарю Коршевской редакціи! По истинѣ судьбы Божіи неисповѣдимы! Однако пора вернуться опять на Покровку. Тотъ ея уголь у Армянскаго переулка, который прилегаетъ къ Горихвостовскому дому, застроенъ владѣніями знаменитыхъ московскихъ богачей Корзинкиныхъ, крупныхъ мануфактуристовъ и чайныхъ импортеровъ. Теперь семья этихъ миллионеровъ состоитъ изъ вдовы недавно умершаго Сергѣя Ивановича и его малолѣтнихъ дѣтей. Старикъ Корзинкинъ, Иванъ Ивановичъ, вопреки обычаю, установившемуся для московскихъ миллионеровъ, въ силу коего они считаютъ себя обязанными дѣлиться и при жизни, и главное, послѣ смерти съ меньшею братіей, оставляя болѣе или менѣе солидные капиталы на благотворительныя цѣли, всю жизнь оставался глухъ къ заповѣди милосердія, да и послѣ смерти, кажется, ничего не оставилъ на бѣдныхъ. Зато къ дорогимъ обѣдамъ съ рѣдкими блюдами и заморскими винами питалъ чрезвычайную слабость, и когда, 22-го октября, въ качествѣ старосты Казанскаго собора, угощалъ обѣдомъ духовенство, разныхъ высокопоставленныхъ администраторовъ и свою безчисленную и все такую же богатую, какъ и онъ, родню, то обѣдъ этотъ обходился во много тысячъ рублей, и вина подавались такія, что даже знатоки только щелкали языками да пальчики облизывали.

Да и не мудрено: самъ онъ былъ въ этомъ дѣлѣ лучший знатокъ и даже имѣлъ особаго экспедитора во Франціи, который и выписывалъ по его заказу изъ Шампани и прочихъ винныхъ французскихъ центровъ этого товара свыше чѣмъ на 30.000 рублей въ годъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти на него напалъ капризъ домовладѣльчества и домостроительства: вынудъ сразу изъ московской конторы государственнаго банка миллионовъ семь своихъ денегъ, онъ съ азартомъ началъ покупать дома, и такъ какъ въ этомъ дѣлѣ большой опытности не имѣлъ, то и покупки эти большой выгоды ему не принесли, обогативъ лишь коммисіонеровъ, которые увивались вокругъ него, да архитекторовъ съ подрядчиками, потому что каждый купленный домъ требовалъ, по его мнѣнію, самой радикальной передѣлки. Изъ новыхъ же построекъ съ его именемъ связаны лишь два зданія: въ Охотномъ ряду, на углу Моисеевской площади и Тверской, и въ двухъ шагахъ отъ этого мѣста, противъ Иверской, на углу той же Тверской и Воскресенской площади.

Послѣднее зданіе не лишено исторіи: оно воздвигнуто Иваномъ Ивановичемъ на развалинахъ знаменитой Карновичевской руины, въ которой испоконъ вѣка ютился славный въ лѣтописяхъ московскихъ кутежей большой московскій трактиръ Ивана Дмитріевича Гурина. Руины эти, за смертію послѣдняго, все равно подлежали бы сломкѣ, но тутъ г. Карновичу судьба послала въ лицѣ Корзинкина богатаго покупателя, и Иванъ Ивановичъ отдалъ за нихъ, съ ограниченномъ количествомъ занятой ими земли, громадную сумму въ 600.000 рублей.

Сломавъ ихъ до основанія, новый хозяинъ принялся строить на ихъ мѣстѣ громадное зданіе для такого же назначенія, полагая, вѣроятно, что безъ Большаго Московскаго трактира Москвѣ оставаться не прилично. Обстановку возстановляемому трактиру онъ рѣшилъ дать изумительно великолѣпную, а такъ какъ домъ предполагался многоэтажный, то къ трактиру присоединилась и гостинница, тоже, конечно, и Большая, и Московская.

Дѣйствительно, и гостинница вышла очень хорошая, а трактиръ превзошелъ даже всѣ ожиданія: подъ нимъ, кромѣ множества отдѣльных кабинетовъ, занято до десяти громадныхъ, великолѣпно отдѣланныхъ и богато, хотя и не совсѣмъ уютно, убранныхъ комнатъ. Главная зала въ два свѣта и въ два этажа, съ хорами; музыкальная машина для нея стоила 40.000 рублей, и какъ она ни велика и ни звучна, но зала, всетаки, и для нея оказалась чрезчуръ обширной, такъ что звукъ ея оказывается лишеннымъ надлежащей полноты и далеко не производитъ того эффекта, какой получался бы при нѣсколько меньшихъ размѣрахъ залы.

Для себя и своихъ друзей Иванъ Ивановичъ намѣтилъ въ по-

вомъ трактирѣ, на половинѣ отдѣльныхъ кабинетовъ, цѣлую великолѣпную квартиру въ нѣсколько комнатъ, но, увы! насладиться ея комфортомъ ему не довелось, ибо вскорѣ же онъ приглашенъ былъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Умеръ онъ еще не старымъ человѣкомъ, немного захвативши на шестой десятокъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, оставивъ послѣ себя, какъ тогда говорили, миллионъ до двадцати капитала, и въ томъ числѣ до 5 миллионъ въ недвижимыхъ имуществвахъ Москвы, и трехъ женатыхъ сыновей.

Со старшимъ изъ нихъ покойникъ долго былъ въ ссорѣ, и на столько серьезной, что и его и всю его семью даже изъ духовнаго завѣщанія вычеркнулъ. Но тутъ сама судьба вступилась за обиженнаго и, чтобы помочь ему, подстроила забавный случай. Инвентарь недвижимостей, принадлежавшихъ завѣщателю, былъ такъ великъ, что когда, послѣ прочтенія ему двумя младшими сыновьями полного и подробнаго завѣщанія по черновому экземпляру, отдали этотъ черновикъ перебѣлить въ свою же контору, то съ писаремъ, переписывавшимъ его набѣло, случилась оказія: по разсѣянности, что ли, онъ взялъ да и пропустилъ какъ разъ цѣлую страницу съ перечисленнымъ на ней имуществомъ, причемъ такъ странно вышло, что и нарушенія смысла не оказалось, и никакой неловкости въ изложеніи вслѣдствіе этого крупнаго пропуска не усматривалось. Контора представила дѣловой экземпляръ вмѣстѣ съ черновымъ хозяину, тотъ послѣдній оставилъ у себя, а первый, полѣнившись свѣрить съ черновымъ, передалъ нотариусу. Тотъ не задержалъ совершеніемъ акта, причемъ больному стало хуже, и онъ не пожелалъ вновь выслушивать длинный перечень покидаемыхъ ихъ на сей землѣ богатствъ, безъ дальнихъ околичностей скрѣпивъ документъ своею и свидѣтельскими подписями, а вскорѣ и Богу душу отдалъ. Не замедлила разнестись молва, что всѣ его миллионы перешли къ двумъ младшимъ сыновьямъ помимо старшаго: послѣдній, понятно, оплакивалъ не одного отца, но и это прискорбное для себя обстоятельство, не имѣя основанія рассчитывать на великодушіе счастливыхъ братьевъ.

Но что же оказалось, когда вскрыли завѣщаніе и приступили къ его осуществленію? Оказалось, что изъ него исключены нѣсколько столь цѣнныхъ имуществъ, что общая ихъ стоимость простирается до трехъ миллионъ рублей, и что, слѣдовательно, на $\frac{1}{3}$ этой суммы является наслѣдникомъ и старшій братъ. Вотъ что значила пропущенная, по разсѣянности писаря, страничка: она и старшаго брата съ семьей спасла отъ бѣдности и нищеты, и младшихъ двухъ ударила по карману на цѣлыхъ два миллиона! Такимъ образомъ Иванъ Ивановичъ и вынужденъ былъ противъ воли, уже послѣ смерти, подѣлиться своимъ богатствомъ и съ своимъ первенцемъ.

V.

Церковь Успенія.—Храмъ Трехъ Радостей.—Его изящество и благолѣпіе.—Образцовый причтъ.—Е. Вл. Молчановъ.—Его примѣрная заботливость о храмѣ.—Конкурсъ на дьяконское мѣсто.—Пожертвованіе Молчанова на пользу храма и причта.—Страничка изъ древней исторіи Москвы.—Покровскія ворота.—Грязи, какъ результатъ болотистой почвы.—Антигигиеничность мѣстности.—Чистый прудъ и преданія о немъ.—Теперешнее его состояніе.—Эксплоатація пруда и обывателей думнымъ московскимъ человѣкомъ.—Водяной и ледяной диктаторъ Гордѣевъ.

Расположенная неподалеку отъ Армянскаго переулка церковь Успенія замѣчательна своею архитектурой, обличающею въ ея зодчемъ итальянскую руку: по всей вѣроятности, храмъ этотъ создалъ кто либо изъ иностранцевъ той же школы, какая сказывается въ архитектурѣ Василя Блаженнаго, Николы въ Хамовникахъ, и нѣкоторыхъ замоскворѣцкихъ церквей, построенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Слѣдующая за ней, послѣдняя въ Бѣломъ городѣ, церковь Троицы или Покрова на Грязяхъ, именуемая также церковью Трехъ Радостей, по иконѣ Божіей Матери, носящей это названіе, наоборотъ, представляетъ собою одинъ изъ новѣйшихъ храмовъ, построенный не болѣе 30 лѣтъ назадъ. Храмъ этотъ въ ряду другихъ московскихъ приходскихъ церквей является замѣчательнымъ сооруженіемъ какъ по размѣрамъ, такъ и строгому изяществу внутренней отдѣлки, въ которой нѣтъ ни аляповатой роскоши, присущей столь многимъ московскимъ церквямъ, ни избыточной сусальной позолоты, признаваемой почему-то всѣми московскими храмоздателями и ктиторами существенною принадлежностью храма Божія (и чѣмъ въ большемъ количествѣ, тѣмъ будто бы лучше).

Съ этимъ отличительнымъ характеромъ внутренней отдѣлки исполнѣ гармонируетъ и строго выдержанный порядокъ, наблюдаемый причтомъ и церковнымъ старостой во время богослуженій. Въ рѣдкой изъ московскихъ церквей можно найти столь удачно подобранный личный составъ всего причта, начиная съ настоятеля и кончая сторожемъ. Даже дьяки въ этомъ храмѣ не только поютъ, но и читаютъ исполнѣ прилично, такъ что за часами, напримѣръ, можно разобрать каждое слово; ведутъ себя не только благопристойно, но и благоговѣйно, никогда ничѣмъ не оскорбляя религіознаго чувства молящихся, что же касается дьякона и священника, то о нихъ положительно можно сказать, что они не служатъ, а священнодѣйствуютъ, и въ этомъ отношеніи могутъ быть рекомендованы за образецъ всѣмъ своимъ столичнымъ сослуживцамъ.

Благодаря этому традиціонному благолѣпію, утвердившемуся въ храмѣ съ первыхъ же дней по его освященію, онъ сталъ извѣстенъ всей благочестивой Москвѣ, такъ что, не смотря на мало-

численность собственных его прихожанъ, представляющихъ собою населеніе какихъ нибудь 12—15 домовъ, онъ даже къ будничнымъ службамъ привлекаетъ не мало богомольцевъ, въ праздники же всегда бываетъ наполненъ ими до тѣсноты, причемъ, однако, никогда не бываетъ случаевъ ни давки, ни вообще какого либо безпорядка.

Этими традиціями благочинія и благолѣпія храмъ въ значительной степени своему же создателю и обязанъ: не безъизвѣстный въ свое время откупщикъ и фабрикантъ, Евграфъ Владиміровичъ Молчановъ, почивши отъ своихъ коммерческихъ дѣлъ, весь остатокъ своихъ дней посвятилъ одному этому храму, въ которомъ долгіе годы и состоялъ церковнымъ старостой. Страстный любитель церковнаго благолѣпія во всѣхъ его видахъ, онъ требовалъ строжайшаго его соблюденія не только отъ низшихъ церковниковъ, но и отъ священнослужителей. Какъ храмосоздатель и щедрый до церкви староста, пользуясь благорасположеніемъ митрополита Филарета, онъ практиковалъ благонамѣренное вмѣшательство даже въ дѣло назначенія того или другаго члена причта къ его церкви. Такъ, напримѣръ, случайно услышавъ въ какомъ-то одномъ приходскомъ храмѣ причетника съ прекраснымъ голосомъ, внятно и толково читавшаго апостолъ, онъ сразу рѣшилъ перевести его къ себѣ: сказано—сдѣлано. Теперешній дьяконъ, тоже обладающій прекраснымъ баритономъ, попалъ на мѣсто даже по нѣкотораго рода конкурсу: когда освободилась при церкви дьяконская вакансія, Евграфъ Владиміровичъ рѣшилъ, что самъ выберетъ достойнаго изъ объявившейся массы конкурентовъ. Для этого требовалось у каждаго изъ нихъ испробовать голосъ и искусство чтенія и пѣнія. Назначенъ былъ въ его великолѣпномъ домѣ вечеръ, на который сошлись, съ одной стороны, его друзья — цѣлители и судьи, съ другою—толпа дьяконовъ, и московскихъ и сельскихъ, и семинаристовъ, съ аттестатами всѣхъ трехъ разрядовъ, и даже академиковъ, жаждавшихъ тепленькаго мѣстечка въ богатомъ приходѣ. Самъ съ гостями расположился въ гостиной, толпѣ испытуемыхъ предоставили обширную залу. Дверь изъ одной комнаты въ другую была плотно, какъ ширмами, заставлена различными тропическими деревьями и растеніями, для того, чтобы, слушая пѣніе и чтеніе, судейскій ареопагъ могъ незамѣтно наблюдать, сквозь зеленую изгородь, и за наружностью, и за манерами, и за посадкой чтеца или пѣвца. Назначены были различные нумера для исполненія, отъ обыкновенныхъ и сугубыхъ эктеній до паремій, апостола, евангелія и многолѣтія включительно. Долго ли, коротко ли, шелъ экзаменъ, много ли наслушался Евграфъ Владиміровичъ и октавъ, и басовъ, и теноровъ, а остановился таки, наконецъ, на прельстившемъ его баритонѣ. Восхитилась имъ и вся хозяйская компанія. Владѣльцемъ баритона оказался молодой человекъ, кон-

чалый семинаристъ, но, какъ можно было заключить по свидѣтельству, выданному изъ семинаріи, въ наукахъ не зѣло свѣдущій, и по списку значившійся весьма не далеко отъ третьяго разряда, въ концѣ втораго, что представляло не очень завидную аттестацію его талантамъ и прилежанію. А митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, былъ очень разборчивъ въ этомъ отношеніи и на дьяконскія мѣста въ Москвѣ считалъ за правило опредѣлять не иначе, какъ перворазрядныхъ студентовъ, второразрядныхъ же удостоивалъ подобной милости развѣ по особымъ обстоятельствамъ: если, на примѣръ, приходъ былъ очень ужъ бѣденъ, или проситель поступалъ къ сиротѣ, то-есть на мѣсто умершаго дьякона, на дочери котораго обязывался жениться, а всю остальную его семью содержать на свой счетъ. А тутъ не угодно ли: и приходъ богатый, и никакихъ обязательствъ, и кандидатъ далеко не полноправный— только тѣмъ и взялъ, что голосъ старостѣ понравился! Но староста старостѣ рознь, и какъ ни претило вообще митрополиту дѣлать изъ своихъ же правилъ исключенія, а для Молчанова онъ допустилъ это даже безъ особаго прекословія. Дьяконъ, впрочемъ, вышелъ безупречный и даже образцовый: служить благолѣпно, читаетъ внятно, громко, разборчиво и даже со смысломъ, держится съ достоинствомъ, а если и не особенно щедръ на проповѣдничество, то, во-первыхъ, откуда же взять ораторскаго таланта, разъ его не далъ Богъ, а, во-вторыхъ, и во всей-то Москвѣ изъ нѣсколькихъ сотъ дьяконовъ и столькихъ же священниковъ найдется ли проповѣдниковъ-то хоть одинъ десятокъ?

Евграфъ Владиміровичъ съ перваго же дня по освященіи созданнаго имъ храма и до самой смерти только и жилъ своею церковью и въ своей церкви: не было нужды церковной, которой бы онъ не предусмотрѣлъ во-время и не удовлетворилъ въ мѣру; не было улучшения, котораго бы онъ не позаботился осуществить. И не только при жизни онъ радѣлъ своему храму и служащимъ въ немъ, но и послѣ смерти оставилъ по себѣ вѣчную благодарную память и въ прихожанахъ, и въ духовенствѣ. На завѣщанный имъ капиталъ давно уже выстроенъ на углу Покровки и Чистопруднаго проѣзда огромный каменный домъ, принадлежащій церкви, доходы съ котораго дѣлятся поровну между церковнымъ ящикомъ и причтомъ, влѣдствіе этого и храмъ на вѣчныя времена обезпеченъ въ удовлетвореніи своихъ повседневныхъ нуждъ, и причтъ получилъ вѣрный источникъ болѣе или менѣе опредѣленнаго дохода.

Церковь Трехъ Радостей расположена на самой границѣ древняго, или такъ называемаго Бѣлаго города, и даже перекрестокъ, образуемый здѣсь пересѣченіемъ Покровки съ бульварною дугой, доселѣ именуется Покровскими воротами, хотя ихъ, конечно, и не существуетъ. Нѣкогда, однако, здѣсь стояли вѣздныя въ городъ ворота: весь теперешній бульварный поясъ, отъ

Солянки до Пречистенки, служить неопровержимымъ тому доказательствомъ. Представляя собою не что иное, какъ городскую черту древней незарѣчной Москвы, онъ насчитываетъ, на всемъ своемъ протяженіи, не мало такихъ же воротъ: а именно: Яузскія, Покровскія, Мясницкія, Срѣтенскія, Неглинныя, Петровскія, Тверскія, Никитскія, Арбатскія и Пречистенскія. Очевидно, во всѣхъ этихъ пунктахъ находились въ старину ворота, какъ въ послѣдствіи заставами Камеръ-Коллежскаго вала въѣзжали въ Москву и выѣзжали изъ нея; тутъ стояла стража, осматривавшая путниковъ и ихъ багажъ, задерживавшая подозрительныхъ и бѣглыхъ людей, взимавшая въѣздную и выѣздную пошлину, досматривавшая контрабанду, и т. д.

Такимъ образомъ, позволительно заключить, что прежній храмъ Покрова на Грязяхъ, стоявшій на самой границѣ тогдашней Москвы, далъ названіе и всей улицѣ, на концѣ которой пріютился, и которой суждено было въ послѣдствіи, при расширеніи городскихъ границъ, протянуться еще на нѣсколько верстъ, не теряя, однако, прежняго названія, ибо и теперешній предѣлъ ея—у другой, тоже Покровской церкви, нѣкогда придворнаго Покровскаго собора императрицы Елисаветы Петровны.

Грязями эта мѣстность именуется въ буквальномъ смыслѣ, и даже теперь, когда вытекающій изъ Чистаго пруда ручеекъ плотно закупоренъ подъ булыжной мостовой, несомнѣнные признаки болотистаго грунта даютъ себя знать при всякомъ удобномъ случаѣ: стоитъ пройти даже небольшому дождю, чтобы и вся Покровка, и Чистопрудные проѣзды, и прилегающіе къ нимъ переулки: Доброслободскій, Кривой, Машковъ, Харитоньевскій и Фурманнскій превратились въ Черногрязку, каковое названіе доселѣ и присвоивается всей этой мѣстности народомъ. Что тутъ, на пространствѣ между Чистыми прудами и Землянымъ валомъ съ одной стороны, и Мясницкой и Покровской — съ другой, нѣкогда было сплошное болото, доказывается и доселѣ неизсякаемою влажностью почвы, вслѣдствіе чего всѣ названные переулки съ ихъ дворами, а особливо Доброслободскій, Машковъ и Фурманнскій, подвергаются и малымъ и большимъ наводненіямъ послѣ каждаго сильнаго дождя, и изобиліемъ ревматическихъ страданій среди населенія всей этой мѣстности. Послѣднее указаніе намъ не разъ случалось слышать отъ врачей, которые прямо утверждали, что для исцѣленія отъ ревматизма больному наилучшее средство—выѣхать въ другую часть города, ибо почвенныя испаренія незаметно, но постоянно и неизбѣжно, должны вліять не только на больной, но даже и на здоровый организмъ, такъ что проживаніе здѣсь втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени можно назвать вѣрнѣйшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію ревматическихъ болѣзней.

Вправо отъ Покровскихъ воротъ, за плацомъ Покровскихъ казармъ, виднѣется лента Яузскаго бульвара, а влѣво—знаменитый Чистый прудъ, если вѣрить преданію, не только ровесникъ Москвы, но и много постарше ея. Разумѣемъ преданіе, гласящее, что въ тѣ времена, когда среди дремучихъ лѣсовъ стояла на мѣстѣ нынѣшняго Срѣтенскаго монастыря одна лишь усадьба злосчастнаго боярина Степана Кучки, прудъ этотъ уже существовалъ ради хозяйственныхъ надобностей боярскаго двора. Это же преданіе гласитъ, будто и тѣло боярина Степана, послѣ его вѣроломнаго убіенія, было брошено въ этотъ самый прудъ, отчего будто бы онъ и получилъ названіе Погананаго, державшееся въ народѣ до конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, когда повелѣно было переименовать его Чистымъ. Долго, впрочемъ, и послѣ того исходившимъ отъ него зловоніемъ онъ скорѣе оправдывалъ прежнюю кличку, и только бульварному управленію нынѣшней городской управы обязанъ и своею теперешнею зеркальною чистотой и благоприличнымъ состояніемъ его огромнаго густолиственного бульвара, который тянется отъ него до самой Мясницкой, т. е. на разстояніи чуть не версты. Съ прошлаго же года на этомъ бульварѣ дышется еще легче, за очисткой его отъ еврейскаго элемента: прежде $\frac{9}{10}$ гуляющей на немъ публики были евреи, изобильно заселявшіе окрестные переулки; теперь, за изгнаніемъ изъ Москвы ихъ нелегальнаго излишка, и ихъ на бульварѣ почти не видать, и публики почти не уменьшилось, если не увеличилось: должно быть, начали ходить и тѣ, что прежде брезговали излишнимъ наплывомъ израильскаго племени.

Зимою Чистопрудный бульваръ бываетъ особенно оживленъ, благодаря катку, вотъ уже давненько изъ году въ годъ устроиваемому однимъ и тѣмъ же антрепренеромъ водяныхъ и ледяныхъ дѣлъ. Это нѣкій мѣщанинъ Гордѣевъ, гласный московской думы и арендаторъ двухъ-трехъ принадлежащихъ городу прудиковъ, да нѣсколькихъ плохихъ купаленъ, отъ которыхъ онъ наживаетъ хорошія деньги.

Д. Покровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛИЗМА.

La liberté politique nous échappera tant que nous la chercherons seule. Nous n'en aurons ni le sens ni l'usage.

J. Simon.

ВСЕ СИЛЬНѢЕ проявляющееся въ нашемъ обществѣ нерасположеніе къ традиціонному либерализму и консерватизму имѣетъ широкое общеевропейское или даже міровое основаніе. Если содержаніе общественной и политической жизни въ значительной степени перестало исчерпываться у насъ враждою между либералами и консерваторами, если борьба между этими двумя партіями и разнообразными ихъ фракціями сузилась, ведется вяло и какъ бы нехотя, если возникло, расширилось и начало преобладать новое теченіе, увлекающее за собою либерализмъ и консерватизмъ, то совершенно то же явленіе наблюдается и въ другихъ странахъ нашего материка и остальнаго цивилизованнаго міра.

Мы такъ свыклись съ традиціонными понятіями либерализма и консерватизма, что съ трудомъ даемъ себѣ отчетъ въ этомъ новомъ преобладающемъ и всеильномъ общественномъ и политическомъ теченіи. Но даже люди, не расположенные отрѣшиться отъ взглядовъ и понятій, имѣющихъ для нихъ прелесть привычки и связанныхъ со многими, быть можетъ, дорогими для нихъ воспоминаніями, чувствуютъ, что надвигается и уже отчасти надвинулась могучая волна, что почва, въ которой прежде коренились социальныя и политическія убѣжденія, расширилась, что жизнь ставитъ многіе требованія и запросы, на которые они отвѣчать не въ со-

стояніи,— словомъ, даже эти люди, принадлежащіе къ прежнимъ поколѣніямъ, сознають необходимость пересмотра основныхъ принциповъ, которыми они руководствовались втеченіе своей жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ недружелюбное или презрительное отношеніе къ традиціоннымъ лозунгамъ; политическія партіи видоизмѣняются, а нѣкоторыя даже совершенно исчезаютъ; только очень упрямые умы, умышленно закрывающіе себѣ глаза на дѣйствительность, отстаиваютъ свои прежніе взгляды и понятія, защита которыхъ доставила имъ извѣстность и обаяніе; большинство же прислушивается къ новымъ требованіямъ жизни и старается уяснить себѣ ихъ истинное значеніе.

Повторяемъ, что тутъ рѣчь идетъ не объ одной Россіи. Въ какую страну мы ни заглянемъ, вездѣ мы наталкиваемся на одно и то же явленіе. Вѣра во всемогущество политическихъ формъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій исчезаетъ; она замѣняется сознаніемъ необходимости отстроивать зданіе общественнаго и государственнаго благополучія снизу, съ самыхъ основъ народной жизни. Все болѣе и болѣе умами овладѣваетъ мысль, что помимо этой работы у основъ народной жизни ни экономическіе, ни соціальные, ни политическіе успѣхи не будутъ прочны, что благосостояніе не подвинется впередъ, что свобода во всѣхъ ея видахъ не будетъ обезпечена, пока мы не проникнемся сознаніемъ, что вопросъ далеко не исчерпывается политическими формами, и что истинный прогрессъ зависитъ отъ умѣнья пользоваться этими формами и совершенствовать ихъ на почвѣ практическихъ требованій жизни. У насъ этотъ переломъ въ политическомъ настроеніи общества совершился недавно подъ вліяніемъ катастрофы 1-го марта 1881 года. На Западѣ онъ сталъ проявляться гораздо раньше, но, къ сожалѣнію, большинство нашихъ общественныхъ дѣятелей не обратили на это явленіе никакого вниманія. Мы, русскіе, какъ извѣстно, мало самостоятельны въ нашей политической мысли, перенимаемъ ее у западныхъ народовъ и, въ погонѣ за усвоеніемъ чисто внѣшнимъ образомъ плодовъ западной цивилизаціи, не вдумываемся въ общее значеніе міровыхъ событій и измѣненія условій народной жизни. Увлекаясь какою нибудь парадоксальною, хотя бы и блестящею, теоріею, сулящею роду человѣческому спасеніе, мы къ удивленію своему затѣмъ убѣждаемся, что даже тѣ народы, у которыхъ мы ее заимствовали, относятся къ ней весьма скептически и нисколько сами не расположены осуществлять ее въ жизни. Мы по большей части вслѣдствіе недостатка самостоятельности совершенно неспособны отличать въ западныхъ ученіяхъ и порядкахъ то, что въ нихъ есть солиднаго и долговѣчнаго, отъ призрачнаго и скоропреходящаго. Такимъ образомъ мы то забѣгаемъ впередъ и вынуждены потомъ отступать назадъ, то терпимъ горькія разочарованія и въ обоихъ случаяхъ наносимъ себѣ значительный вредъ, попустому

растрачивая цѣнныя силы. Въ сферѣ занимающаго насъ вопроса мы болѣе или менѣе упустили изъ виду происходившій на Западѣ процессъ совершеннаго видоизмѣненія политической борьбы съ тѣхъ поръ, какъ она нашла себѣ яркое выраженіе въ революціи 1789 года и въ ея отзвукѣ, волненіяхъ 1848 года.

Оба эти событія были проявленіемъ стараго либерализма въ отличіе отъ нарождающагося новаго. «Старый либерализмъ,—говоритъ одинъ свободомыслящій французскій публицистъ,—занимался только организаціею центральнаго правительства; новый изыскиваетъ прежде всего общія условія свободы и признаетъ ихъ необходимыми и возможными при различной организаціи центральнаго правительства». Дѣйствительно, либеральная программа, какъ ее обыкновенно понимаютъ, сосредоточивается преимущественно со временъ Монтескье на формахъ правленія и на парламентаризмѣ. И вотъ мы видимъ, что эта программа, составлявшая долгое время какъ бы символъ вѣры всякаго истиннаго либерала, утрачиваетъ популярность въ самыхъ разнообразныхъ политическихъ лагеряхъ. Теперь не только люди науки, но и практическіе дѣятели, подчасъ весьма радикальнаго образа мыслей, сомнѣваются въ возможности обезпечить свободу путемъ осуществленія двухъ основныхъ пунктовъ старой либеральной программы. Поэтому весьма интересно и поучительно прослѣдить, на сколько историческіе факты и научныя изслѣдованія оправдываютъ этотъ скептицизмъ.

Истинное значеніе великой французской революціи, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ этого грандіознаго историческаго событія, выясняется все болѣе и болѣе. Безпристрастный изслѣдователь не можетъ не замѣтить на рубежѣ XX-го столѣтія, что это событіе носитъ какъ бы двойственный характеръ, что оно съ одной стороны имѣло послѣдствія весьма устойчивыя, сдѣлавшіяся достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, съ другой — послѣдствія призрачныя, сильно повредившія усвоенію себѣ другими народами того, что было въ немъ цѣннаго и неизбѣжнаго. Великая французская революція знаменуетъ собою одновременно и политическій, и социальный, и экономическій переворотъ. Теперь уже окончательно выяснилось, что первый оказался весьма непрочнымъ: уже во время этого переворота народился Робеспьеръ, установился терроръ, и политическая свобода оказалась немедленно упраздненной. Затѣмъ возникли многія другія правительства, вплоть до правительства Наполеона III, при которыхъ политическая свобода во Франціи далеко не процвѣтала. Одновременно, однако, произошли социальный и экономическій перевороты, которые не только не оказались эфемерными, но составили прочное достояніе французскаго народа. По мѣрѣ того, какъ социальныя и экономическіе принципы, нашедшіе себѣ выраженіе во французской революціи, вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь французскаго народа, какъ просвѣщеніе

проникло въ народныя массы, какъ сословныя привилегіи были не только юридически, но и фактически устранены, какъ социальное равенство дѣлало успѣхи и въ экономической жизни свобода восторжествовала, — словомъ, по мѣрѣ того, какъ эта другая сторона великаго переворота осуществлялась на дѣлѣ, и политическіе успѣхи Франціи приняли устойчивый характеръ. Главный объектъ борьбы во время революціи была хартія. Общественное мнѣніе было убѣждено, что помимо хартіи нѣтъ спасенія; къ ея завоеванію были направлены всѣ помыслы, всѣ усилія. И что же мы видимъ? Франція завоевала себѣ много разныхъ хартій, но отъ этого политическая свобода не двинулась впередъ, и только когда французскій народъ, вслѣдствіе социальныхъ и экономическихъ своихъ успѣховъ, научился пользоваться хартіями, влагать въ нихъ опредѣленное фактическое содержаніе, картина политической жизни Франціи измѣнилась, но только послѣ вѣковой кровопролитной борьбы, сопряженной съ безчисленными жертвами.

Быть можетъ, еще болѣе разительный примѣръ этого рода представляетъ страна, которую называютъ колыбелью политической свободы, — Англія. Она запаслась хартіею еще въ XIII-мъ вѣкѣ. Тутъ потребовалось не одно, а нѣсколько столѣтій, чтобъ обезпечить политическую свободу. Вообще, призрачность свободы, обезпечиваемой бумажными конституціями, до такой степени бросается въ глаза въ наше время, что давно уже болѣе глубокіе изслѣдователи государственной жизни задались вопросомъ о реальныхъ гарантіяхъ свободы. Этотъ вопросъ имѣетъ громадную литературу; но мы, къ сожалѣнію, съ нею все еще мало знакомы, или не придаемъ ей большаго значенія, и почерпаемъ наши политическіе взгляды въ болѣе доступныхъ книженкахъ и брошюрахъ, отличающихся парадоксальностью или рѣшительностью въ сужденіяхъ, но по большей части еще всецѣло основанныхъ на давно отжившихъ свое время теоріяхъ и разныхъ метафизическихъ принципахъ. Въ самомъ дѣлѣ, наука давно выяснила, что представленіе о политической борьбѣ, какъ оно господствуетъ въ умахъ громаднаго большинства людей, несостоятельно, что прогрессъ въ государственной жизни обусловливается вовсе не непрерывными переворотами или революціями, что эта сторона вопроса является лишь однимъ изъ проявленій болѣе широкой борьбы, и что если она обращаетъ на себя особенное вниманіе, то только потому, что рѣзче бросается въ глаза. При болѣе глубокомъ изученіи историческихъ фактовъ, при болѣе всестороннемъ ихъ анализѣ, мы приходимъ къ выводу, что подъ политическою борьбою слѣдуетъ разумѣть борьбу общественныхъ классовъ между собою, другими словами, что то, что обыкновенно называютъ народомъ, почти никогда не является народомъ въ истинномъ значеніи этого слова, и что, съ другой стороны, государственная власть не является отвлеченнымъ

принципомъ, выступающимъ во всеоружіи присвоеннаго этому принципу могущества, а нуждается для своего торжества опять-таки въ поддержкѣ того или другаго общественнаго класса. Самое поверхностное знакомство съ исторіею Англии убѣждаетъ насъ уже въ правильности этого взгляда. Такъ называемая великая англійская хартія была вынуждена у королей баронами и, такъ сказать, являлась договоромъ въ средѣ одного высшаго общественнаго класса, захватившаго политическое, социальное и экономическое вліяніе въ свои руки. Тотчасъ же начинается борьба между этимъ классомъ и остальными болѣе или менѣе вліятельными слоями общества. Славное въ лѣтописяхъ Англии царствованіе Эдуарда I знаменуетъ собою первую побѣду горожанъ надъ баронами, и если королевская власть тогда усилилась, то только благодаря союзу съ горожанами, то-есть съ буржуазіею. Что далѣе представляетъ собою исторія Англии втеченіе слѣдующихъ вѣковъ, какъ не непрерывную борьбу между общественными классами, сисящимися захватить государственную власть въ свои руки и этимъ обезпечить свое социальное и экономическое преобладаніе? Если бы сами общественные классы, совокупность которыхъ и составляетъ народъ, дѣйствовали единодушно и не враждовали между собою, то, конечно, великая хартія, завоеванная еще въ XIII вѣкѣ, не осталась бы въ значительной степени мертвою буквою втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, пока, наконецъ, большинство англійскаго народа не достигло той степени просвѣщенія и той политической зрѣлости, которыя однѣ обезпечиваютъ устойчивую свободу.

Почти черезъ тѣ же стадіи развитія прошло и установленіе политической свободы во Франціи. Борьба между общественными классами составляетъ главное содержаніе ея исторіи. Еще задолго до французской революціи буржуазія пріобрѣла во Франціи значительное вліяніе. Королевская власть опиралась на нее, чтобы подчинить себѣ самые вліятельные общественные классы: феодаловъ и духовенство. Но разница между Англіею и Франціею заключается въ томъ, что въ первой, благодаря раннему развитію системы мѣстнаго самоуправленія, народъ былъ поставленъ въ возможность полнѣе охранять свои интересы противъ произвола другихъ общественныхъ классовъ. Эта же болѣе совершенная система мѣстнаго самоуправления способствовала упроченію чувства законности, и оба обстоятельства, вмѣстѣ взятые, предохранили Англію отъ такой внезапной и грандіозной катастрофы, какою была французская революція 1789 года. Но по существу это не измѣняетъ основнаго характера факторовъ, вызвавшихъ безконечныя политическія потрясенія и тамъ, и здѣсь. Противопоставлять государственную власть и народъ, реакцію и прогрессъ, какъ единственные факторы политической исторіи, — мысль совершенно несостоятельная; гораздо правильнѣе говорить о борьбѣ разныхъ общественныхъ клас-

совъ съ различными и часто прямо противоположными социальными и экономическими интересами и о склонности государственной власти основывать свое могущество на поддержкѣ наиболѣе вліятельнаго изъ этихъ классовъ. Само собою разумѣется, что государственная власть, по основной своей идеѣ, не мирится съ такимъ неестественнымъ союзомъ, такъ какъ она призвана охранять интересы всѣхъ общественныхъ классовъ равномѣрно, и мы не знаемъ примѣра въ исторіи, когда подобный союзъ не привелъ бы, въ концѣ концовъ, къ политической катастрофѣ.

Самую ярко и грандіозною катастрофою этого рода и была французская революція. Третье сословіе, то-есть буржуазія, возстало противъ королевской власти, добываясь первоначально только участія въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Но созданная ею конституція рушилась, благодаря ударамъ, нанесеннымъ ей другими партіями. Какія же это были партіи? Французскіе историки склонны говорить о народѣ. Но намъ кажется, что о народѣ въ данномъ случаѣ говорить трудно. Провинція долго находилась въ полномъ невѣдѣніи относительно событій, происходившихъ въ Парижѣ. Къ тому же историки сходятся въ томъ основномъ положеніи, что народъ, вслѣдствіе крайняго своего невѣжества, могъ развѣ вызвать рѣзню, но дать странѣ сколько нибудь устойчивую организацію онъ не былъ въ состояніи. Государственная власть сосредоточилась первоначально въ рукахъ буржуазіи, а затѣмъ городскихъ жителей вообще, или, точнѣе говоря, большинства городского населенія. Только въ этомъ смыслѣ можно говорить о народѣ, и дальнѣйшія событія показали, что даже и этотъ сравнительно болѣе просвѣщенный народъ могъ вызвать только рѣзню, но упрочить свободу онъ рѣшительно не оказался способнымъ. Началось жестокое преслѣдованіе сперва аристократіи, потомъ всѣхъ просвѣщенныхъ элементовъ общества. Наступила эра Маратовъ, Дантоновъ, Робеспьеровъ. О свободѣ тутъ не могло быть и рѣчи, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и вся призрачность легенды о народномъ свободолюбіи. Кончилось дѣло тѣмъ, что городская народная масса, завладѣвъ государственною властью, возбудила противъ себя общее недовольство, и вскорѣ восторжествовалъ военный диктаторъ. Повторилось то, чему свидѣтелями были и древній міръ, и средніе вѣка, и что продолжается и до нашихъ дней: тамъ, гдѣ народная масса не располагаетъ просвѣщеніемъ, гдѣ она не привыкла властвовать сама надъ собою, гдѣ нѣтъ элементарныхъ условій господства свободы, тамъ о демократіи, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть и рѣчи—возникнувъ сегодня, она погибнетъ завтра, и народное правленіе превратится въ диктатуру.

Поэтому правильнѣе смотрѣть на французскую революцію, какъ на торжество наиболѣе просвѣщеннаго въ то время общественнаго класса—буржуазіи, которая, однако, не сумѣла сохранить въ сво-

ихъ рукахъ власть, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго политическаго опыта, отчасти же вслѣдствіе своихъ слишкомъ отвлеченныхъ политическихъ принциповъ, не соотвѣтствовавшихъ низкому умственному цензу народной массы, и вынуждена была уступить ее полуобразованной городской черни. Но когда установилась диктатура и Франція вернулась къ нормальной государственной жизни, то-есть когда эра внутреннихъ потрясеній окончилась, такъ называемое третье сословіе заняло выдающееся положеніе въ государствѣ. Созданіе имперіи было возможно только при его содѣйствіи, и однимъ изъ основныхъ государственныхъ принциповъ Наполеона I было строгое соблюденіе революціоннаго начала, благодаря которому онъ самъ достигъ власти, именно пользованіе для государственныхъ цѣлей всѣми просвѣщенными элементами, которыхъ болѣе всего насчитывалось именно среди третьяго сословія.

Первая имперія пала вслѣдствіе внѣшнихъ военныхъ пораженій, но социальный и экономическій строй, установленный Наполеономъ I въ строгомъ соотвѣтствіи съ принципами французской революціи, не только не исчезъ, а напротивъ восторжествовалъ, не смотря на многообразныя попытки его упраздненія. Попытокъ этихъ было много. Сперва надѣялись, что, по крайней мѣрѣ, въ области государственной удастся возстановить дореволюціонные порядки. Но опытъ скоро выяснилъ, что основать государственный строй на главенствѣ духовенства и аристократіи уже невысказимо. Франція была до послѣдней степени утомлена и истощена наполеоновскими войнами, она жаждала мира и спокойствія, и тѣмъ не менѣе все царствованіе Людовика XVIII и Карла X было не чѣмъ инымъ, какъ совершенно очевиднымъ доказательствомъ призрачности этой надежды. Слѣдовала попытка основать твердый государственный строй на господствѣ третьяго сословія, но и эта попытка, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ, и Наполеонъ III, вполнѣ сознавъ ошибку своихъ предшественниковъ, уже прямо провозглашаетъ своимъ принципомъ, что только то правительство прочно, которое основываетъ свое вліяніе на благополучіи народныхъ массъ. Крушеніе второй имперіи, подобно крушенію первой, вызвано было внѣшними неудачами: Ватерлоо соотвѣтствуетъ въ этомъ отношеніи Седану. Теперь, когда прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени паденія второй имперіи, мы невольно удивляемся, что ея современники такъ плохо оцѣнивали основную ея силу. Какъ бы велики ни были ошибки, совершенныя Наполеономъ III, основной его государственный принципъ знаменовалъ собою несомнѣнный прогрессъ сравнительно съ прошлымъ, и только благодаря этому вѣрному принципу, Франція при Наполеонѣ III могла достигнуть того внѣшняго блеска и внутренняго благосостоянія, о которыхъ свидѣтельствуютъ ея международное вліяніе въ то время и небывалое развитіе народнаго богатства, выразившееся въ возможности какъ бы

пути перенести катастрофу 1870 года и выплатить 5-ти-миллиардную контрибуцію. Если, тѣмъ не менѣе, искать причину крушенія второй имперіи во внутреннемъ положеніи, то мы должны будемъ согласиться, что демократическій принципъ во многихъ отношеніяхъ все еще оставался не вполне осуществленнымъ. Наполеонъ III часто прибѣгалъ къ подтасовкѣ народной воли, не давалъ ей проявляться съ безусловною свободой и, прибѣгая къ плебисцитамъ, пускалъ въ ходъ разные административные приемы, чтобы народная воля проявилась въ желательномъ направленіи. Но если подобнаго рода подтасовки народной воли были возможны, то только потому, что самъ народъ еще не доросъ до вполне сознательнаго отношенія къ своимъ политическимъ правамъ, словомъ, онъ не умѣлъ еще пользоваться свободой, и мы, слѣдовательно, и тутъ приходимъ къ заключенію, что истинная демократія возможна только тамъ, гдѣ народъ располагаетъ просвѣщеніемъ и политическою зрѣлостью.

Нѣтъ, вникая въ смыслъ историческихъ событій, мы рѣшительно не можемъ согласиться съ тѣмъ распространеннымъ, но невѣрнымъ, взглядомъ на вещи, будто политическая борьба по существу своему исчерпывается борьбою между властолюбиемъ и свободолюбиемъ. Вѣрнѣе формулировать основное содержаніе этой борьбы въ смыслѣ стремленія наиболѣе просвѣщеннаго и вліятельнаго класса завладѣть политическою властью для обезпеченія своихъ интересовъ. Ужъ на что французская конституція 1791 года казалась современникамъ проявленіемъ воли вполне свободнаго народа! А между тѣмъ вотъ что была эта конституція на самомъ дѣлѣ: «Установленная конституціею 1791 года условія свободы, равенства, общей конкуренціи, могли удовлетворить буржуазію, но не народъ. Вотъ почему эта конституція была уже непопулярна въ день своего обнародованія. Всѣ пренія, предшествовавшія этому первому конституціонному акту, сильно раздражили французскихъ пролетаріевъ, и тотчасъ же явились ораторы и писатели, которые объяснили народу, что его обманули; что онъ сражался, проливалъ кровь и взялъ Бастилію, чтобы доставить своимъ врагамъ политическія права, при помощи которыхъ они собирались вновь его поработить или привести, выражаясь языкомъ самой конституціи, къ состоянію «пассивности»; что называемъ бѣднымъ, при новомъ строѣ означало совершенно то же, что быть крѣпостнымъ или вассаломъ при прежнемъ строѣ; что надо установить положительное равенство, равенство социальное; что политическое равенство было новшествомъ, задуманнымъ исключительно на пользу богатой буржуазіи; что только послѣдняя находила въ образованіи, социальномъ вліяніи, кредитѣ, средства выдержать конкуренцію съ прежними привилегированными сословіями, превращенными въ «активныхъ гражданъ», избираемыхъ и избирателей. Таковъ былъ голосъ бѣднаго люда»...

Это говорить одинъ изъ наиболѣе безпристрастныхъ и глубокихъ изслѣдователей французской государственной жизни. Мысль его сводится къ тому, что французская революція вначалѣ составляла только перемѣненіе государственной власти изъ одного общественнаго класса въ другой и выродилась въ демагогію вслѣдствіе политической неразвитости народныхъ массъ. Слѣдовательно, не смотря на многія различія въ политической исторіи Англии и Франціи, мы и тутъ, и тамъ, имѣемъ дѣло съ общимъ явленіемъ, именно съ постепеннымъ переходомъ государственной власти отъ высшихъ общественныхъ классовъ къ низшимъ; притомъ постоянно повторяется и то явленіе, что если данный классъ захватываетъ власть раньше, чѣмъ въ немъ самомъ сложились условія, необходимыя для умѣнья пользоваться свободою, то его вліяніе оказывается эфемернымъ; кромѣ того, повторяется еще и то явленіе, что даже при существованіи этихъ условій политическое вліяніе даннаго класса не можетъ быть устойчивымъ, если онъ не умѣетъ примирять своихъ интересовъ съ интересами большинства населенія. Только ставъ на эту точку зрѣнія, мы въ состояніи будемъ вѣрно понять и оцѣнить политическую борьбу, происходящую въ цивилизованномъ мірѣ. Въ послѣднемъ указанномъ нами явленіи содержится и залогъ устойчивости самаго правительства; только то правительство можетъ быть устойчивымъ, которое имѣетъ въ виду интересы большинства; которое не связываетъ своей участи съ судьбою даннаго общественнаго класса и пользуется ими всѣми для достиженія общенародныхъ цѣлей. Тутъ мы въ нашихъ соображеніяхъ уже вступаемъ на почву практической политики, то-есть умѣнья правительства пользоваться въ данное время силами, таящимися въ тѣхъ или другихъ общественныхъ классахъ, для достиженія общегосударственныхъ цѣлей. Но если оставаться на принципиальной почвѣ, то мы можемъ сказать, что только то правительство имѣетъ шансы на продолжительное существованіе, которое не отождествляетъ интересовъ того или другаго класса съ государственными интересами, а твердо помнитъ основное правило политической мудрости, что государство существуетъ для всего народа, а не для какого нибудь отдѣльнаго класса. Во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра этотъ принципъ прокладывалъ себѣ дорогу къ жизни, и всѣ крупныя политическія событія являются въ той или другой формѣ его проявленіемъ. О Западѣ мы достаточно уже говорили, чтобы выяснитъ нашу мысль; въ Россіи онъ проявился въ борьбѣ съ удѣльными неурядицами, съ боярами, съ государственнымъ и социальнымъ вліяніемъ духовенства, въ упроченіи и торжествѣ принципа самодержавія. Иванъ Грозный представляется намъ воплощеніемъ деспотизма; но его государственная дѣятельность имѣла глубокой смыслъ, и, быть можетъ, судьба Россіи была бы совершенно иная, если бы политическому вліянію

боярства не былъ нанесенъ смертельный ударъ. Это прекрасно понимаютъ новѣйшіе польскіе историки, которые, выясняя причины паденія Польши, указываютъ, какъ на основную, на всемогущество магнатовъ и слабость королевской власти.

Слѣдовательно, мы видимъ, что союзъ между государственною властью и тѣмъ или другимъ общественнымъ классомъ не служитъ неизбѣжно причиною внутреннихъ потрясеній, но не менѣе вѣрно, что если этотъ союзъ вырождается, то-есть если государственная власть превращается въ орудіе даннаго общественнаго класса для достиженія его сепаратныхъ или своекорыстныхъ цѣлей, то политическая катастрофа раньше или позже неизбѣжна. Равнымъ образомъ она неизбѣжна, если данный общественный классъ, захвативъ государственную власть въ свои руки, не располагаетъ достаточною политическою зрѣлостью, чтобы примирить свои сепаратные интересы съ интересами общегосударственными. Исторія Англіи представляетъ этому безконечные примѣры; это вполне подтверждается и исторіею Франціи, въ частности же грандіознымъ переворотомъ, который мы называемъ великою французскою революціею. Тогда государственною властью завладѣла буржуазія и вынуждена была уступить ее нисшимъ слоямъ городского населенія. Послѣднее вовсе не оказалось подготовленнымъ управлять государственными дѣлами: возникла военная диктатура, затѣмъ послѣдовалъ возвратъ господства аристократическихъ и клерикальных элементовъ, власть снова перешла въ руки буржуазіи и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда государственныхъ переворотовъ, сопряженныхъ съ безчисленными жертвами и кровопролитіемъ, начало слагаться при Наполеонѣ III демократическое управленіе, которое развилось и упрочилось при третьей республикѣ. Тутъ только народная масса оказалась достаточною зрѣлою, чтобы безъ особенныхъ потрясеній восторжествовать надъ всѣми попытками возврата къ прошлому, проявившимся въ формѣ демагогіи во время коммуны, монархической реставраціи при Макъ-Магонѣ, цезаризма въ лицѣ пресловутаго генерала Буланже, безчисленныхъ попытокъ пересмотра конституціи со стороны радикальныхъ элементовъ, стремленія возстановить политическое вліяніе духовенства со стороны клерикальныхъ. Въ прежнее время всѣ эти попытки удавались; теперь же онѣ становятся столь же безнадежными, какъ были бы попытки англійскихъ партій возобновить періодъ гражданскихъ войнъ временъ Тюдоровъ и Стюартовъ.

Можно сказать болѣе: чѣмъ независимѣе была государственная власть отъ вліянія разныхъ общественныхъ классовъ, тѣмъ рѣже происходили внутреннія потрясенія или междоусобныя войны. Если въ этомъ отношеніи сравнить Пруссію съ Англіею и Франціею, то всѣ выгоды оказываются на сторонѣ первой. Она достигла тѣхъ же культурныхъ успѣховъ, не испытавъ и сотой доли

страшныхъ внутреннихъ потрясеній, которыми переполнена исторія Англии и Франціи. Вообще независимость государственной власти отъ общественныхъ классовъ болѣе всего обезпечиваетъ внутренній миръ страны. Это явленіе можно прослѣдить съ глубокой древности вплоть до нашихъ дней, и поэтому не даромъ въ политической теоріи признается безспорнымъ принципъ, что нормальное теченіе народной жизни вполне обезпечено только въ томъ случаѣ, если государственная власть стоитъ выше партій, какого бы происхожденія онѣ ни были—соціального, экономического или религіознаго.

Все нами сказанное можетъ многимъ показаться политической ересью, а между тѣмъ мы напомнили читателямъ только основные выводы, къ которымъ пришла государственная наука въ лицѣ такихъ своихъ знаменитыхъ представителей, какъ Моль, Штейнъ, Гнейстъ. Но бѣда въ томъ, что, обсуждая политическіе вопросы и считая себя даже компетентными въ ихъ рѣшеніи, мы признаемъ совершенно излишнимъ заглянуть въ серьезныя изслѣдованія по государственнымъ наукамъ. Это требуетъ труда, а трудиться мы не любимъ, и поэтому оказывается, что мы очень легкомысленны въ нашихъ сужденіяхъ, и что выводы, давно установленные въ наукѣ, могутъ представляться намъ парадоксальными и наоборотъ парадоксы—непреложною истиною. Мы любимъ говорить о либеральной партіи, о либерализмѣ; недавно мы пережили время, когда, казалось, либераль и порядочный человѣкъ были синонимы. Теперь въ устахъ многихъ либераль чуть не бранная кличка; но намъ кажется, что и въ то время, и теперь, наши понятія о либерализмѣ были весьма смутны, и что какъ тогда, такъ и теперь, мы все еще стоимъ на давно устарѣвшей точкѣ зрѣнія конца прошлаго вѣка, временъ французской революціи, когда еще всецѣло общество противопоставалось правительству, когда данный общественный классъ признавался носителемъ политической и всякой другой мудрости и свысока относился ко всѣмъ другимъ элементамъ народной жизни. Эта точка зрѣнія привела, какъ къ послѣдовательному своему выводу, къ систематической оппозиціи, причемъ либераломъ признавался только тотъ, кто находился въ оппозиціи. Это считалось почти единственнымъ вѣрнымъ признакомъ для причисленія даннаго дѣятеля къ либеральной или консервативной партіи. При такомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло вполне понятно, что въ русской жизни получился весьма потѣшный маскарадъ: такъ какъ порядочнымъ человѣкомъ могъ быть только либераль, а быть либераломъ значило находиться въ оппозиціи, то насъ обуяла страсть протестовать во что бы то ни стало. Стоитъ только вспомнить все это, чтобы понять, какъ поверхностны были наши взгляды на либерализмъ: одна мода смѣнялась другою, смотря по тому, откуда дулъ вѣтеръ; сознательность цѣлей, твер-

дость плана, пониманіе государственныхъ и общественныхъ интересовъ отсутствовали.

Допустимъ, что протестъ— вещь хорошая; но, тѣмъ не менѣе, надо же знать, во имя чего протестовать. У многихъ отвѣтъ готовъ: во имя свободы, во имя народныхъ правъ, во имя благополучія народа. Все это, конечно, должно быть намъ свято, и не найдется двухъ просвѣщенныхъ людей, между которыми тутъ могло бы существовать разномысліе. Но вѣдь и во время французской революціи свобода признавалась верховнымъ принципомъ: во имя этой свободы казнили короля, казнили аристократовъ, затѣмъ жирондистовъ, а потомъ и всѣхъ подозрительныхъ людей для того, чтобы въ концѣ концовъ возстановить военную диктатуру. Въ Англии бароны, а затѣмъ общины, добились дарованія хартіи также во имя свободы. Велика ли, однако, была свобода во время вѣковыхъ междоусобныхъ войнъ, господствовавшихъ въ этой странѣ? Значить, не достаточно желать свободы и народнаго благополучія, не достаточно протестовать, не достаточно даже проливать кровь за свободу: какъ всякое земное благо, она дается человѣчеству лишь съ большою затратою силъ при напряженномъ трудѣ, значительномъ умѣнѣи и способности ее сохранять за собою. Только очень легкомысленные люди могутъ думать, что завоевать свободу значить навсегда ее обезпечить за собою.

Когда мы говоримъ о свободѣ, мы думаемъ о парламентѣ. Но и тутъ представленія нашего общества отличаются неясностью и крайне поверхностнымъ отношеніемъ къ западно-европейскому опыту. Родина парламентаризма— Англія. Изъ этой страны всѣ европейскіе народы, черезъ посредство Франціи, ознакомились съ конституціоннымъ режимомъ или усвоили его себѣ. Но затѣмъ выяснилось, что французскіе писатели, сообщившіе намъ первоначальныя свѣдѣнія о конституціонномъ строѣ, брали изъ англійской жизни только то, что соотвѣтствовало ихъ политической тенденціи, и умысленно игнорировали многое другое. О многомъ же они не сообщали по незнакомству съ сложнымъ англійскимъ законодательствомъ, которое очень трудно было изучить въ виду полного отсутствія кодификаціи и подготовительныхъ трудовъ въ самой Англии. До появленія въ печати изумительныхъ трудовъ Гнейста, т. е. до второй половины текущаго столѣтія, никто не привелъ англійскаго законодательства въ систему. Брали изъ англійской жизни только то, что лежало на поверхности, что бросалось въ глаза: подобные публицисты походили на тѣхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые, побывавъ въ Петербургѣ, воображаютъ, что познакомились со всею Россіею. Но предоставимъ слово Гнейсту. «Англійское административное право составляетъ неизвѣстную часть англійскаго государственнаго строя. Поэтому наши конституціонныя теоріи разрабатываются безъ знанія за-

конныхъ основаній гражданской свободы. Составъ верхней и нижней палаты, активное и пассивное избирательное право, способности созыва парламента, внутренніе его распорядки, его вліяніе на сформированіе министерствъ, занимають европейское общество со временъ Монтескье. Но между парламентомъ и государственною властью стоитъ самоуправленіе. Общество, за исключеніемъ непродолжительныхъ періодовъ энтузіазма, никогда не умѣло приносить въ жертву пріобрѣтенную имъ власть постояннымъ и высшимъ государственнымъ задачамъ. Отсюда постоянныя столкновенія, междоусобныя войны, кровопролитія, которыя тормозили правильный ходъ дѣль. Только благодаря самоуправленію, англійское государство спаслось отъ катастрофы. Но это самоуправленіе, основанное на административномъ правѣ, оставалось долгое время въ Европѣ неизвѣстнымъ. И до сихъ поръ значеніе его оцѣнено далеко не въ должной мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что система англійскаго мѣстнаго управленія, какъ столь компетентно, съ такою громадною эрудиціею, выяснилъ Гнейстъ, предполагаетъ не столько права, сколько обязанности, и во всѣ времена представляла школу, въ которой выработывались административные дѣятели, тѣ общественные элементы, которые несли на себѣ все бремя управленія странюю. Если они дорожили своими правами, то не только въ интересахъ свободы, но и въ интересахъ обезпеченія благополучія страны. И вотъ эта-то система мѣстнаго управленія болѣе всего обезпечила гражданскую свободу въ Англій. Общественный классъ, пользовавшійся социальнымъ вліяніемъ вслѣдствіе экономическаго достатка, никогда не упускалъ изъ виду, что онъ обязанъ трудиться на пользу общества и государства. Если онъ требовалъ правъ, то несъ въ то же время и тяжелыя обязанности. Намъ нечего останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ какъ всякому образованному человѣку хорошо извѣстно, какими умѣлыми и самоотверженными мѣстными администраторами были англійскіе мировые судьи, принимавшіе на себя все бремя управленія безъ всякаго другаго вознагражденія, кромѣ сознанія исполненнаго общественнаго долга. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ такой классъ общественныхъ тружениковъ, существуютъ и необходимыя условія для процвѣтанія гражданской свободы; въ странахъ же, гдѣ граждане требуютъ только правъ, а обязанностей никто нести не хочетъ, тамъ и разъ установленная гражданская свобода быстро исчезаетъ.

Другую сторону парламентскаго режима оттѣнилъ весьма мѣтко и глубоко, хотя, можетъ быть, и противъ воли, горячій сторонникъ парламентаризма, знаменитый публицистъ и экономистъ Джонъ Стюартъ Милль. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ «О представительномъ правленіи» онъ выступаетъ защитникомъ представительства общественныхъ интересовъ и находитъ, что нѣтъ иного средства

организовать это представительство, какъ путемъ созданія парламента. Исходя изъ такого принципа, онъ логически приходитъ къ выводу, что надо учредить уѣздные, городскіе, сельскіе парламенты и, кромѣ того, конечно, общегосударственный парламентъ. Но, какъ глубокой политической умъ, Милль понимаетъ, что управлять страной при помощи этой системы парламентовъ нѣтъ возможности, не вызывая общаго хаоса, вслѣдствіе противоположности интересовъ и недостаточной компетентности въ выборѣ исполнительныхъ органовъ. Поэтому онъ говоритъ: «Чрезвычайно важный принципъ хорошаго управленія въ свободномъ государственномъ строѣ заключается въ томъ, чтобы исполнительные органы не избирались ни самимъ народомъ, ни его представителями». Вообще собранія могутъ быть лишь совѣщательными учрежденіями. «Прогрессъ современнаго общества» заключается въ сознаніи, что парламентъ непригоденъ ни для управленія страной, ни для законодательной дѣятельности. Вавилонское столпотвореніе парламентскихъ преній до того «уродуетъ всякій законопроектъ всевозможными поправками», что хорошій законъ становится все менѣе возможнымъ. Поэтому Милль требуетъ, чтобы всѣ существующіе законы подверглись кодификаціи, а новые законы разрабатывались, назначаемымъ правительствомъ, учрежденіемъ, чтобы всякое ходатайство объ изданіи новаго закона предъявлялось этому учрежденію, а дѣло парламента ограничивалось бы только тѣмъ, чтобы отвергнуть или одобрить выработанный законъ въ цѣломъ его видѣ. «Единственная задача представительнаго собранія состоитъ собственно только въ томъ, чтобы опредѣлить, какой изъ двухъ или трехъ партій предоставить исполнительную власть, а сама партія затѣмъ уже рѣшаетъ, какому вождю довѣрить управленіе дѣлами».

Такимъ образомъ высказанная нами мысль вполне подтверждается соображеніями знатока англійскаго государственнаго строя Гнейста и теоретика политическаго строя современнаго общества Джона Стюарта Милля. Оба въ сущности приходятъ къ тому выводу, что та или другая политическая организація является не основнымъ вопросомъ, а, такъ сказать, производнымъ. Отсюда получается дальнѣйшій выводъ, что свобода обеспечивается не столько политической организаціею, сколько подготовленностью большинства гражданъ къ управленію страной. Думать, напримеръ, что республика обеспечиваетъ свободу, значитъ не считаться съ фактами и съ уроками исторіи. Въ древности республика мирилась съ рабствомъ подавляющаго большинства гражданъ. Въ Спартѣ одинъ свободный гражданинъ приходился на 25 рабовъ, въ Афинахъ на 4. Въ средніе вѣка въ республикахъ было по временамъ гораздо меньше свободы, тѣмъ въ государствахъ съ другою формою правленія. Новое и новѣйшее время вплоть до нашихъ дней представляетъ массу разительныхъ примѣровъ этого рода. Ко-

нечнѣ, французскій народъ при первой и второй республикахъ былъ гораздо менѣе свободенъ, чѣмъ англійскій при монархической формѣ правленія на аристократическомъ основаніи. Испанскій народъ въ республиканскіе періоды менѣе всего пользовался свободою; напротивъ республика у него всегда совпадала съ военною диктатурою. На чрезвычайно характерный примѣръ этого рода мы указывали нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ статьѣ «Революція бакалавровъ» («Историческій Вѣстникъ», январь 1892 г.). Бразильскій государственный переворотъ 1889 г. привелъ къ крушенію монархіи и къ замѣнѣ ея республикою. Радикальная партія въ союзѣ съ плантаторами захватила государственную власть въ свои руки, и свобода нисколько не оказалась болѣе обезпеченною; напротивъ, пришлось установить военную диктатуру съ подавленіемъ всякой свободы въ странѣ: число войскъ болѣе чѣмъ удвоено, число жандармовъ болѣе чѣмъ утроено, и тѣмъ не менѣе во всей странѣ царствуетъ анархія, и государство распадается.

Если стать на эту точку зрѣнія широкихъ историческихъ фактовъ, если внять голосу мыслителей, наиболѣе потрудившихся надъ разъясненіемъ вопроса, какія условія обезпечиваютъ гражданскую свободу, то мы будемъ далеки отъ чрезмѣрнаго увлеченія политическими формами, отъ погони за мнимою свободою, устанавливаемою насиліемъ. Желать свободы значитъ желать условій, при которыхъ она можетъ быть обезпечена. Мы видѣли, что эти условія заключаются не въ захватѣ власти тѣмъ или другимъ общественнымъ классомъ, а въ способности народа управлять самимъ собою. Невозможно и даже просто смѣшно думать, что тотъ, кто не умѣетъ владѣть собою, можетъ быть свободенъ. Если это правило оправдывается въ частной жизни, то тѣмъ болѣе оно примѣнимо къ жизни общественной и государственной. Владѣть же собою значитъ умѣть подчинять свои слова и дѣйствія разсудку, значитъ по возможности ясно видѣть цѣль и стремиться къ ней всевозможными средствами. Когда въ обществѣ такихъ людей много, то общественная жизнь складывается правильно, и успѣхи ея всегда значительны. Не даромъ всѣ политическіе мыслители сходятся въ томъ взглядѣ, что первымъ условіемъ политическаго свободенія является свобода въ частной и общественной жизни. Кто нетерпимъ въ частныхъ отношеніяхъ, тотъ будетъ деспотомъ въ общественныхъ и государственныхъ, кто ставитъ свою личность, свою волю очень высоко и презрительно относится къ личности и волѣ другихъ, тотъ свободолюбія не проявитъ, хотя бы онъ придерживался на словахъ самыхъ либеральныхъ убѣжденій. Такимъ образомъ, частная добродѣтель лежитъ въ основаніи добродѣтели общественной и политической, и какъ бы мы ни распинались за свободу на словахъ, мы будемъ недостойны и не заслужимъ ея до тѣхъ поръ, пока не будемъ проявлять ее по отношенію къ тѣмъ, кто отъ насъ зависитъ, или

съ кѣмъ мы пользуемся одинаковымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ.

Все это нами постоянно упускается изъ виду, и вотъ почему нашъ либерализмъ представляется столь сомнительнымъ и бесплоднымъ. Ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такъ мало свободолюбія въ частныхъ отношеніяхъ, какъ у насъ въ Россіи. Намъ надо много поработать надъ собою, чтобы русскій либерализмъ пересталъ быть фразою, а превратился въ дѣло. Не менѣе надо поработать и для того, чтобы покончить съ цѣлымъ рядомъ политическихъ софизмовъ, съ которыми мы свыклись, благодаря погонѣ за «последними словами» и нерасположенію заручаться солидными знаніями. Очень мы желаемъ быть передовыми людьми и вслѣдствіе этого постоянно оказываемся людьми отсталыми. Постепенные, медленные успѣхи политической науки ускользаютъ отъ нашего вниманія. Лѣтъ тридцать тому назадъ мы очень интересовались политическими и социальными вопросами, схватили на лету то или другое последнее слово, и носимся съ ними до сихъ поръ, забывая, что втеченіе тридцати лѣтъ «последнія слова» давно перестали быть «последними», и что даже тогда они уже не соответствовали дѣйствительности. Такъ, между прочимъ, мы застыли на представленіи о борьбѣ между консерваторами и либералами, продолжаемъ думать, что вѣрнѣе всего обезпечиваютъ свободу тѣ, кто умѣетъ громче всего выкрикивать либеральныя фразы, а наибольше вредить свободѣ тотъ, кто не менѣе громко выкрикиваетъ консервативныя фразы. А, между тѣмъ, стоитъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ приглядѣться и къ нашей, и къ западно-европейской жизни, чтобы убѣдиться, что либерализмъ и консерватизмъ, а тѣмъ болѣе простое провозглашеніе либеральныхъ и консервативныхъ принциповъ, давно уже не играютъ той роли, какую они, можетъ быть, играли тридцать лѣтъ тому назадъ. Даже такъ называемыя либеральныя и консервативныя партіи всюду понемногу исчезаютъ. Въ Англіи о виггахъ и торіяхъ давно уже не слышно. Консервативная партія, правда, существуетъ, но она въ иныхъ отношеніяхъ оказывается либеральнѣе либераловъ. Виги совсѣмъ исчезли изъ обращенія и распались на двѣ партіи: гладстоновскую и такъ называемыхъ уніонистовъ. Во Франціи существуютъ и радикалы, и оппортюнисты, и орлеанисты, и бонапартисты, и даже буланжисты, но при образованіи этихъ партій играли роль не консерватизмъ и либерализмъ, а болѣе реальныя интересы. Въ Германіи національное представительство распалось на множество партій, и опять-таки всѣ онѣ группируются около совершенно иныхъ интересовъ, чѣмъ прежній либерализмъ и консерватизмъ. Главная по численности партія—клерикалы—преслѣдуетъ исключительно религіозныя интересы; затѣмъ слѣдуютъ консерваторы, но уже далеко не въ прежнемъ смыслѣ защитниковъ правительства, а какъ представители

крупнаго землевладѣнія, часто находящіеся въ прямой оппозиціи съ правительствомъ; либералы распались на національ-либераловъ, еще недавно бывшихъ главною опорою правительства, и свободомыслящихъ; народилась вліятельная партія социалистовъ, защищающихъ, какъ извѣстно, совершенно иные интересы, чѣмъ голое противодѣйствіе правительственнымъ начинаніямъ; есть партія защитниковъ имперіи, народа, польская, датская, эльзасская, ганноверская, партія антисемитическая и группа народныхъ представителей, не принадлежащая ни къ одной изъ существующихъ партій. Словомъ, какъ въ Англии и во Франціи, такъ и въ Германіи, народное представительство распалось, согласно съ преобладающими интересами даннаго времени, на множество партій,—и всѣ онѣ ведутъ реальную политику, то-есть то примыкаютъ къ правительству, то вступаютъ въ оппозицію, смотря по тому, сочувствуютъ ли, или не сочувствуютъ той или другой мѣрѣ. Такимъ образомъ народное представительство является представительствомъ интересовъ въ отличіе отъ прежде преобладавшаго представительства политическихъ принциповъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ оправдывается теоретическое положеніе Дж. Ст. Милля, что обще-государственный парламентъ не способенъ управлять страной, что прямое его назначеніе заключается въ томъ, чтобы выяснять интересы отдѣльныхъ группъ населенія, и что задача правительства состоитъ въ объединеніи этихъ интересовъ соотвѣтственно благу всего народа или государства.

Нечего и указывать на то, что вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, сложившагося фактически во всѣхъ государствахъ, излюбленный принципъ либераловъ-доктринеровъ о народовластіи представляется принципомъ весьма сомнительнаго достоинства. Въ теоріи этотъ принципъ очень заманчивъ; на практикѣ онъ почти неосуществимъ, если исходить изъ предположенія, что народовластіе должно обезпечить общую свободу. Уже Милль, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе другіе англійскіе изслѣдователи избирательной системы въ ея формѣ, наиболѣе подходящей къ идеальному народовластію, то-есть въ формѣ всеобщей подачи голосовъ, по возможности безъ всякаго исключенія, задумывались надъ разными системами, которыя могли бы предотвратить полное подавленіе меньшинства большинствомъ. Но до сихъ поръ въ этомъ отношеніи ничего состоятельнаго не придумано. Современныя государства поставлены въ совершенно иные условія, чѣмъ государства античнаго міра съ ихъ незначительнымъ числомъ гражданъ, объединенныхъ общностью политическихъ, экономическихъ и социальныхъ интересовъ. По мѣрѣ того, какъ эти интересы усложнялись, какъ возникали новыя группы гражданъ, поставленныхъ въ различное имущественное и социальное положеніе, политической строй и въ древности постепенно измѣнялся: предъ нимъ возникъ вѣчно открытый вопросъ, какъ создать ту поли-

тическую силу, которая доставляла бы торжество закону въ борьбѣ противоположныхъ или расходящихся интересовъ и примиряла бы ихъ къ пользѣ обще-народной и обще-государственной. Этотъ вопросъ въ значительной мѣрѣ остается открытымъ и до сихъ поръ: наиболѣе полно онъ рѣшается въ тѣхъ странахъ, гдѣ просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ нимъ способность подчинять, когда это нужно, свои частные интересы общимъ достигли наибольшаго своего развитія. Тамъ только народовластіе можетъ считаться обезпеченнымъ, другими словами свобода процвѣтаетъ тамъ, гдѣ каждый гражданинъ умѣетъ уважать свободу другихъ. Гдѣ этого условія нѣтъ, тамъ для нормальнаго теченія народной и государственной жизни необходима сила, которая заставляла бы нежелающихъ принимать во вниманіе интересы своихъ согражданъ или всего народа подчиняться установленнымъ законамъ.

Либерализмъ и консерватизмъ въ той формѣ, въ какой они проявлялись съ конца прошлаго столѣтія, находятся въ явномъ упадкѣ. Это были принципы крайне отвлеченные, можно даже сказать, метафизическіе. Чѣмъ болѣе развивается наука, чѣмъ шире и глубже становится политическій опытъ, тѣмъ быстрѣе исчезаютъ лозунги, которыми увлекались общества подъ вліяніемъ теорій кабинетныхъ людей. Реальные интересы начинаютъ всюду одерживать рѣшительную побѣду надъ отвлеченными принципами, не основанными на строго провѣренномъ фактическомъ матеріалѣ. Съ этой точки зрѣнія западный либерализмъ и консерватизмъ также вѣрно обречены на коренное видоизмѣненіе, какъ наше славянофильство и западничество, продукты отвлеченнаго мышленія, метафизической философіи, скорѣе поэтическаго творчества, чѣмъ трезваго разумѣнія окружающей насъ дѣйствительности. Создавать на бумагѣ стройныя политическія системы не значить еще понимать дѣйствительную жизнь; столь же мало значить понимать ее, если мы будемъ просто съ чужаго голоса провозглашать лозунги въ родѣ народовластія, самобытности, подражанія западнымъ образцамъ и т. д. Когда рѣчь заходитъ о народовластіи, мы должны въ точности спросить себя, какіе элементы въ состояніи имъ воспользоваться; въ противномъ случаѣ можетъ оказаться, какъ выясняютъ столь многочисленныя примѣры, что мнимое народовластіе превратится въ господство такихъ общественныхъ элементовъ, которые располагаютъ наибольшею способностью подчинить себѣ остальные. Тамъ, гдѣ нѣтъ государственной власти, стоящей выше отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, нѣтъ и условій, необходимыхъ для мирныхъ реформъ. Этимъ въ значительной степени и объясняется тотъ бросающійся въ глаза историческій фактъ, что социальная реформа, потребовавшая самыхъ значительныхъ жертвъ со стороны господствовавшихъ классовъ общества, совершилась наиболѣе мирно въ государствахъ, пользовавшихся наименьшею

политическою свободою ¹⁾). Мы говоримъ объ освобожденіи крѣпостныхъ и рабовъ. Теперь всѣмъ цивилизованнымъ странамъ предстоитъ рѣшеніе другаго, во многихъ отношеніяхъ не менѣе труднаго вопроса, именно какъ приобщить освобожденныхъ народныхъ массы прочнымъ образомъ къ цивилизаціи, благами которой мы пользуемся. И тутъ нарушеніе весьма существенныхъ интересовъ неизбежно. Пролетаріатъ: фабричный, городской, сельскій, долженъ исчезнуть. Это непреложное требованіе времени во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Народилась такимъ образомъ новая перво-степенная задача, имѣющая очень мало общаго съ прежними основными стремленіями либераловъ и консерваторовъ. Если тутъ идетъ рѣчь о свободѣ, то въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ прежде. Надо создать имущественныя отношенія, обезпечивающія мирное развитіе народной жизни, не смотря на существованіе парламентаризма или даже вопреки ему. Что это такъ, видно изъ того факта, что рабочій вопросъ угрожаетъ всѣмъ странамъ, какова бы ни была ихъ форма правленія. И тутъ политическая свобода можетъ оказаться плодотворною только въ томъ случаѣ, если населеніе умѣетъ ею пользоваться, то-есть если оно способно нести необходимыя жертвы для обезпеченія общенародныхъ интересовъ. Если же этого условія нѣтъ на лицо, то должна существовать сильная государственная власть, независимая отъ разныхъ общественныхъ классовъ, для того, чтобъ провести эту реформу твердо, послѣдовательно, безъ нарушенія внутренняго спокойствія, и не поставленная въ необходимость прибѣгать къ внѣшней войнѣ, чтобы отвлечь вниманіе отъ грознаго внутренняго вопроса. Съ этой точки зрѣнія весьма любопытно для насъ и царствованіе молодого германскаго императора, старающагося рѣшить рабочій вопросъ въ этомъ направленіи. Вдумываясь въ германскія событія, мы воочію убѣждаемся, что съ прежними понятіями о либерализмѣ и консерватизмѣ нельзя себѣ уяснить смысла политическихъ событий. Германское правительство не угождаетъ ни либераламъ, ни консерваторамъ; его дѣятельность невозможно опѣнить ни съ либеральной, ни съ консервативной точекъ зрѣнія, потому что основная цѣль, которой оно добивается, является цѣлью, не имѣющею ничего общаго съ отживающими свое время отвлеченными принципами: она всецѣло коренится въ реальномъ требованіи времени, въ вопросѣ о томъ, какъ практическими средствами придти на помощь обездоленнымъ современнаго общества, какъ устранить послѣдствія господствовавшаго втеченіе вѣковъ соціальнаго и имущественнаго неравенства. Плохую услугу оказываютъ своему отечеству тѣ нѣмцы, которые, дорожа общенароднымъ благомъ, тѣмъ

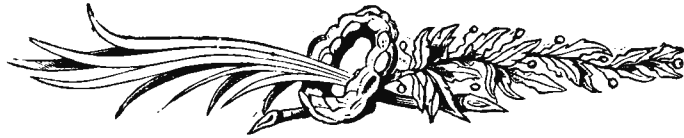
¹⁾ Стоитъ только сравнить Францію, Соединенные Штаты, Россію и Бразилію, чтобы въ этомъ убѣдиться.

не менѣе вступаютъ въ борьбу съ правительствомъ, полагая, что необходимыя реформы могутъ произвести только они сами, или требуя всего, когда осуществленіе и незначительной части ихъ требованій наталкивается почти на непреодолимые препятствія со стороны рейхстага. Между тѣмъ такого рода оппозиція — очень распространенное явленіе не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ, и объясняется она ложно понятымъ либерализмомъ, въ сущности озабоченнымъ вовсе не дѣломъ, не достиженіемъ положительныхъ цѣлей въ народной жизни, при помощи всѣхъ существующихъ лицъ и средствъ, а желаніемъ захватить власть въ свои руки, чтобы посвоему и весьма часто съ выгодой для себя управлять государственными дѣлами съ подавленіемъ свободы своихъ противниковъ. Этого рода либерализмъ встрѣчается, къ сожалѣнію, еще нерѣдко, какъ нерѣдко встрѣчается и консерватизмъ, выдающій себя за защитника обще-государственныхъ интересовъ, а въ сущности преслѣдующій своекорыстные цѣли. У насъ, въ Россіи, такихъ либераловъ и консерваторовъ, быть можетъ, больше, чѣмъ гдѣ либо. Они составляютъ язву нашей общественной жизни и могли народиться у насъ въ такомъ обилии потому, что само общество требовало отъ своихъ руководителей не разъясненія фактическихъ условій для достиженія положительныхъ цѣлей, а провозглашенія громкихъ лозунговъ. Въ числѣ послѣднихъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимало такъ называемое народовластіе, которое въ сущности сводилось къ перемѣщенію власти въ сторону тѣхъ, кто его требовалъ. Приведенныя нами справки, историческія и научныя, быть можетъ, убѣдятъ читателя, что въ наступающемъ столѣтіи подѣ либерализмомъ будутъ понимать нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ XIX вѣкѣ. Чрезмѣрное пристрастіе къ формѣ всюду замѣняется вдумчивымъ отношеніемъ къ содержанию, создающему тѣ или другія формы. Наука и опытъ въ равной мѣрѣ убѣждаютъ, что данная политическая организація далеко не равносильна обезпеченію свободы. Такъ, напримѣръ, парламентаризмъ, какъ мы видѣли, не избавилъ ни Англіи, ни Франціи, отъ вѣковыхъ потрясеній и страшнаго кровопролитія; республика съ другой стороны не всегда являлась синонимомъ свободы, иногда наоборотъ порождала страшный гнетъ. Мало того, чрезмѣрное пристрастіе къ политическимъ формамъ нерѣдко тормозило успѣхи свободы. Яркій примѣръ этого рода представляетъ наше отечество. Теперь на разстояніи четверти вѣка со времени великихъ реформъ прошлаго царствованія, мы, умудренные горькимъ опытомъ, прониклись объективнымъ сознаніемъ, что если-бъ мы не такъ сильно дорожили политическими формами, если-бъ мы не требовали всего, когда намъ было дано такъ много, если-бъ мы направили все наше вниманіе на то, чтобъ зрѣлою и выдержанною дѣятельностью навсегда закрѣпить за собою достигнутое, то мы вѣрнѣе послужили бы дѣлу

свободы, чѣмъ систематическою оппозиціею, злобнымъ брюзжаніемъ и безконечными протестами. Кому мы служили этою оппозиціею: народу или самимъ себѣ? Тяжелое положеніе нашего крестьянства даетъ на зтотъ вопросъ печальный отвѣтъ. Къ тому же сознанію приходитъ просвѣщенное общество и въ другихъ странахъ. Надо во что бы то ни стало поднять уровень духовнаго и матеріальнаго благосостоянія народа, — вотъ требованіе, вытекающее съ непреложною силою изъ вынесеннаго нами въ XIX столѣтіи опыта. Только тѣ страны, которыя вняли или внимаютъ этому требованію, вѣрно обезпечиваютъ за собою гражданскую свободу, а успѣшное и быстрое исполненіе этого требованія возможно только при помощи всѣхъ исторически-сложившихся силъ и средствъ. Въ исходѣ XIX столѣтія мы яснѣе, чѣмъ когда либо, видимъ пропасть, раздѣляющую интеллигенцію и народъ, чувствуемъ, что мы по большей части только прикрываемся народнымъ знаменемъ, а служимъ въ сущности самимъ себѣ. Поэтому либерализмъ долженъ видоизмѣниться, и главная его задача будетъ отнынѣ не протестъ, а компетентная и выдержанная дѣятельность, направленная къ поднятію уровня народнаго благосостоянія. Таковъ будетъ, по нашему разумѣнію, новый либерализмъ,—либерализмъ XX вѣка.

Р. Сементковскій.

ЛѢТОПИСЕЦЪ КРЕСТЬЯНСКАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

(По поводу 50-лѣтія службы сенатора Н. П. Семенова).

СЛАВНАЯ эпоха освобожденія крестьянъ съ каждымъ годомъ все болѣе уходитъ въ область исторіи; кругъ дѣятелей ея, безкорыстно работавшихъ для блага русскаго народа, съ каждымъ годомъ все болѣе рѣдѣтъ. Новое поколѣніе, мало знакомое съ кипучимъ временемъ начала царствованія императора Александра II и не имѣвшее возможности познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ событіемъ, съ котораго началась новая эра въ исторической жизни русскаго народа, — рѣдко вспоминало сподвижниковъ Царя-Освободителя, а нѣкоторые органы печати, проникнутые крѣпостническими вождедѣніями, старались въ то же время изобразить участниковъ крестьянской реформы чуть ли не революціонерами, посягавшими на потрясеніе всѣхъ основъ. Клеветническіе извѣты одного лагеря печати, основанные на какой-то органической ненависти къ важнѣйшей реформѣ прошлаго царствованія, вызывали страстные возраженія и безусловныя восхваленія ея въ другомъ лагерѣ, а читающая публика оставалась при этихъ поединкахъ только зрителемъ, сочувствовавшимъ болѣе по внутреннему влеченію той или другой сторонѣ. Твердо опереться на факты она не могла: эти факты не были собраны въ одномъ трудѣ, который давалъ бы возможность составить трезвое и самостоятельное мнѣніе о томъ, какъ и кѣмъ выработывалась крестьянская реформа. Необходимость появленія, если не исторіи освобожденія крестьянъ, для которой, можетъ быть, не настало еще время, то источниковъ для нея и документовъ, сгруппированныхъ въ извѣст-

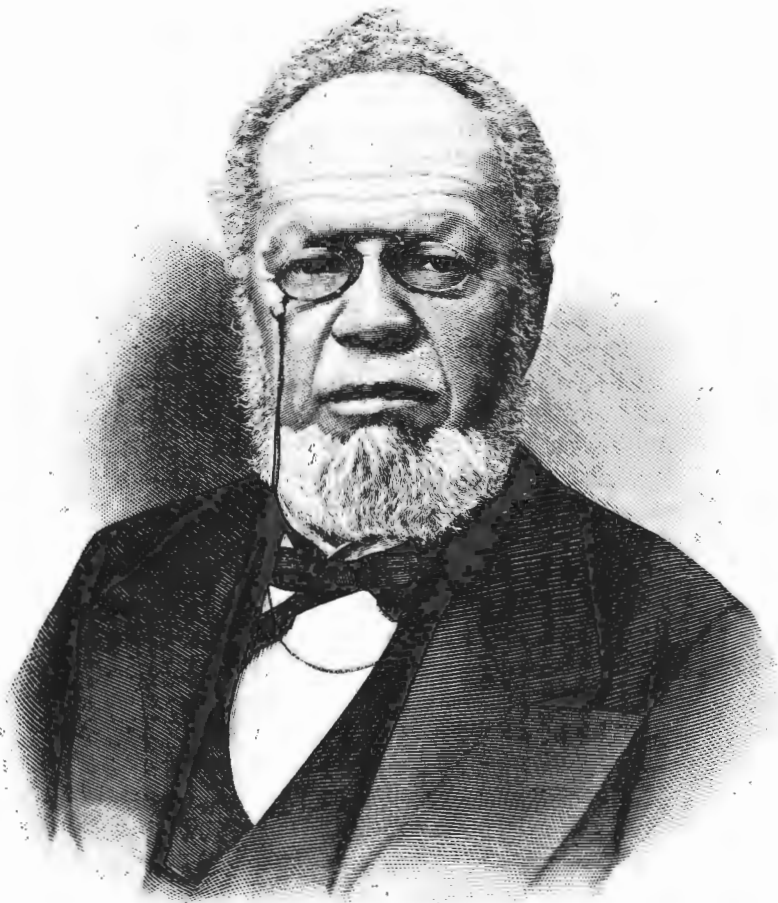
ной системѣ и освѣщенныхъ общей характеристикой съ нѣкоторыми пояснительными примѣчаніями,—сдѣлалась очевидно и настоятельно заявляла о себѣ по разнымъ поводамъ. Такой трудъ могъ лучше всего исполнить, конечно, одинъ изъ участниковъ въ разработкѣ великой реформы нынѣшняго столѣтія, владѣющій литературнымъ перомъ. По счастью, такой человѣкъ нашелся въ лицѣ сенатора Николая Петровича Семенова, не пожалѣвшаго труда и силъ для того, чтобы быть дѣйствительнымъ «лѣтописцемъ крестьянскаго освобожденія». Заслуги такого дѣятеля никогда не должны забываться и особенно своевременно ихъ вспомнить теперь, въ виду исполняющагося 6-го февраля пятидесятилѣтія его службы, шедшей рука объ руку съ занятіями учеными и литературными, начавшимися еще на школьной скамьѣ. Внѣшними событіями жизнь такихъ людей бываетъ не богата, но зато полна разнообразнаго и цѣннаго внутренняго содержанія.

Дѣдъ и отецъ Н. П., происходившіе изъ стараго дворянскаго рода Рязанской губерніи, служили въ военной службѣ: первый участвовалъ, между прочимъ, въ турецкихъ походахъ подъ начальствомъ Суворова; второй, офицеръ Измайловскаго полка, сражался подъ Бородинымъ и Кульмомъ, гдѣ взятъ былъ въ плѣнъ и вернулся на родину только черезъ два года. Онъ скончался всего 41 года, когда Н. П., родившемуся 22 апрѣля 1823 года, исполнилось девять лѣтъ. Оставшись на попеченіи матери и дядей вмѣстѣ съ братомъ Петромъ (нынѣ сенаторомъ, предсѣдателемъ статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и вице-предсѣдателемъ географическаго общества) и сестрою Наталією, вышедшей впоследствии замужъ за академика Я. К. Грота, Н. П. продолжалъ жить въ деревнѣ въ Рязанской губерніи, пока не былъ опредѣленъ въ Царскосельскій лицей. Окончивъ въ немъ курсъ 12 декабря 1842 года, съ чиномъ IX класса, зачисленный 6-го февраля слѣдующаго года на службу въ министерство юстиціи, Н. П. прослушалъ сначала курсъ естественныхъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ уже, въ 1846 году, принялъ должность товарища предсѣдателя ярославской уголовной палаты. Вскорѣ Н. П. былъ назначенъ ярославскимъ губернскимъ прокуроромъ, а въ 1850 году переведенъ на ту же должность въ Вильну. Въ 1853 году служба Н. П. въ провинціи окончилась: онъ былъ переведенъ въ сенатъ, въ которомъ болѣе одиннадцати лѣтъ (съ іюля 1857 года) состоялъ оберъ-прокуроромъ и почти двадцать пять лѣтъ состоитъ сенаторомъ (съ 21 августа 1868 года), присутствуя въ послѣднее время въ первомъ общемъ собраніи. Занимая должность оберъ-прокурора, какъ опытный юристъ, какъ человѣкъ, разносторонне образованный и близко знакомый съ бытомъ русскаго народа, Н. П. былъ приглашенъ первымъ руководителемъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ генералъ-адъютантомъ Я. И. Ростовцевымъ въ число членовъ редак-

ціонныхъ комиссій, трудился здѣсь надъ составленіемъ докладовъ, составилъ проектъ учрежденія мировыхъ посредниковъ, явившихся такими дѣятельными и полезными слугами реформы 1861 года, къ сожалѣнію, столь преждевременно упраздненными, и вель въ то же время, по порученію Ростовцева, дневникъ комиссій, въ который записывалъ все, что происходило и говорилось въ засѣданіяхъ и что не вносилось въ печатные и оффиціальныя журналы. Дневникъ этотъ, о которомъ Ростовцевъ неоднократно докладывалъ государю, выразившему желаніе видѣть его доведеннымъ до конца, продолжался и при второмъ предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій, графѣ В. Н. Панинѣ. Не принимая непосредственнаго участія въ комиссіяхъ по начертанію проектовъ судебной реформы, Н. П. тѣмъ не менѣе давалъ свои заключенія по многимъ вопросамъ и составилъ, между прочимъ, проектъ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, которымъ правительство руководствовалось при распредѣленіи судебныхъ округовъ. Такова въ основныхъ чертахъ служебная дѣятельность «лѣтописца крестьянскаго освобожденія».

Дѣятельность литературная, не прерывающаяся до послѣдняго времени, началась еще въ стѣнахъ лицей, въ ранней молодости Н. П. и, какъ это часто бывало и бываетъ, со стиховъ. Нѣсколько юношескихъ стихотвореній Н. П. было напечатано въ одномъ изъ журналовъ сороковыхъ годовъ. Со вступленіемъ на службу Н. П. временно расстаётся съ поэзіею, чтобы возвратиться къ ней въ 1850 году, въ Вильнѣ. Научившись польскому языку, онъ сталъ читать въ подлинникъ Мицкевича. «Увлеченный его поэтическимъ гениемъ, — рассказываетъ Н. П. въ предисловіи къ собранію своихъ переводовъ нѣкоторыхъ произведеній высокодаровитаго польскаго поэта, — его несравненнымъ искусствомъ описывать природу, его неподражаемыми переходами отъ внѣшняго міра къ внутреннему созерцанію, я, для повѣрки того, на сколько самъ проникалъ въ душу поэта, сталъ переводить его «Крымскіе сонеты», произведенія не длинныя, по ихъ стихотворной формѣ, въ 14 обязательныхъ стиховъ, а по содержанію намъ близкія, потому что они представляютъ описаніе нашей роскошной южной природы. Я болѣе всего старался придерживаться подлинника, не заботясь о внѣшней формѣ стиха, такъ какъ не предназначалъ этихъ переводовъ къ печати». Однако, почти двадцать лѣтъ спустя, Н. П., уступая просьбамъ друзей, послѣ переработки, напечаталъ ихъ въ 1869 году въ журналѣ «Заря», издававшемся при главномъ сотрудничествѣ Н. Н. Страхова. Сочувственные отзывы печати русской и польской пробудили въ талантливомъ переводчикѣ желаніе испытать свои силы и на другихъ стихотвореніяхъ Мицкевича. Извѣстный филологъ К. А. Коссовичъ, давно дружески расположенный къ Н. П., склонялъ его приняться за переводъ «Конрада Валенрода». «Въ борьбѣ съ моею нерѣшительностью, — рассказы-

ваеъ въ томъ же предисловіи Н. П.,—онъ великодушно отрывалъ часы отъ своихъ ученыхъ занятій, чтобы ввести меня во всѣ тонкости выраженій польскаго поэта и сдѣлать ясными тѣ особенности оборотовъ польскаго языка, которые могли бы быть для меня не совсѣмъ понятными. Переводъ этой поэмы въ стихахъ представлялъ для меня трудности уже и съ внѣшней стороны, то-есть

Николай Петровичъ Семеновъ.

формы, вслѣдствіе разнообразія размѣровъ, употребленныхъ въ разныхъ частяхъ поэмы. До того времени я никогда не писалъ гекзаметромъ; онъ чуждъ польскому силлабическому стиху, а между тѣмъ имъ написана, хотя и не съ полной выдержкой, невозможной на польскомъ языкѣ, входящая въ составъ поэмы «Повѣсть Вайделота». Моя робость была, однако, побѣждена умѣнемъ и

знаніемъ моего ученаго друга, и ему я преимущественно обязанъ вѣрностью подлинника, если удалось мнѣ ее сохранить». Конечно, въ этихъ строкахъ замѣтна излишняя скромность: переводы Н. П. отличаются не одной внѣшней близостью къ подлиннику, а проникновеніемъ въ духъ его, то-есть художественностью, на ряду съ легкостью и звучностью стиха. Въ 1872 году переводъ «Конрада Валенрода» былъ оконченъ, но въ печати тогда появились только четыре главы, такъ какъ «Заря», въ которой онѣ помѣщались, прекратила послѣ выхода первыхъ двухъ книжекъ 1872 года свое существованіе. Послѣ того Н. П. перевелъ еще отрывокъ изъ «Пана Тадеуша», «Фариса» и 16 мелкихъ стихотвореній Мицкевича. Всѣ эти переводы появились въ 1885 году въ отдѣльномъ сборникѣ, а въ 1886 году увѣнчаны Пушкинскою преміей, присужденной академіею наукъ.

Кромѣ поэзіи, свои досуги отъ служебной дѣятельности Н. П. посвящалъ также естественнымъ наукамъ, основательно познакомившись съ ними вскорѣ послѣ окончанія курса въ лицей и непрерывно слѣдя за ихъ развитіемъ въ послѣдующее время. Специализировался Н. П. на ботаникѣ. Еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ, служа въ Вильнѣ, онъ совершалъ продолжительныя ботаническія экскурсіи съ довольно извѣстнымъ профессоромъ ботаники бывшаго Виленскаго университета Вольфгангомъ. Изучивъ затѣмъ флору нѣсколькихъ губерній Россіи, какъ, на примѣръ, Виленской, Московской, Ярославской, Рязанской и другихъ, Н. П. собралъ большой гербарій, который вошелъ въ число источниковъ для составленія профессоромъ Цингеромъ «Сборника свѣдѣній о флорѣ средней Россіи». Состоя членомъ императорскаго Россійскаго общества садоводства, Н. П. сдѣлалъ въ немъ рядъ любопытныхъ докладовъ, имѣвшихъ и до сихъ поръ имѣющихъ несомнѣнное научное значеніе. Такъ, въ 1876 году, въ своемъ чтеніи «О значеніи и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейскурантовъ», онъ возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растений на русскомъ языкѣ. Исполненіе этой сложной и кропотливой задачи Н. П. принялъ на себя, и уже въ 1878 году появился, изданный обществомъ садоводства, большой и любопытный трудъ: «Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растений». Многія названія растений составлены самимъ Н. П. и, нужно сказать, исполнѣ удачно. Сознывая, что имъ положенъ только первый камень въ зданіе русской ботанической номенклатуры, Н. П. говорить въ предисловіи къ своему почтенному труду, что къ ея разработкѣ «должны быть привлечены по необходимости не одни только ботаники, но и филологи и лучшіе прозаики и поэты»: при отсутствіи опредѣленныхъ и точныхъ названій растений, имъ не

достанетъ полнаго матеріала для изображенія картинъ природы въ ихъ произведеніяхъ. Среди трудовъ Н. П. по ботаникѣ необходимо также отмѣтить его любопытныя наблюденія надъ выносливостію различныхъ видовъ деревьевъ и кустарниковъ, произрастающихъ на открытомъ воздухѣ въ южной части Рязанской губерніи. Эти наблюденія, сообщенныя въ трехъ чтеніяхъ въ обществѣ садоводства, произведены были въ имѣніи Н. П., селѣ Урусовѣ, Раненбургскаго уѣзда. Въ заключеніе обзора естественно-историческихъ работъ Н. П. нельзя не упомянуть, что критическія замѣчанія на теорію Дарвина, которымъ посвящены были два чтенія въ обществѣ садоводства, побудили Н. Я. Данилевскаго, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Н. П., предпринять и посвятить ему огромный трудъ—«Дарвинизмъ», представляющій серьезный разборъ ученія знаменитаго англійскаго естествоиспытателя.

Ни прекрасные переводы изъ Мицкевича, ни работы ботаническія не могли, однако, создать крупнаго имени ихъ автору, хотя первые свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи переводчика, а вторыя—объ обширныхъ познаніяхъ въ ботаникѣ и объ основательномъ знакомствѣ вообще съ естественными науками. Прочная извѣстность создается только трудами капитальными въ той или другой области знанія или искусства въ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ именно трудомъ Н. П. явилось «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу», въ трехъ обширныхъ томахъ, раздѣленныхъ на четыре части. Окончивъ этотъ громадный трудъ, авторъ, по вѣрному замѣчанію академика Н. Ѳ. Дубровина, могъ бы сказать:

«Вотъ мое послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя.
«Исполненъ долгъ, завѣщанный мнѣ свыше».

Высокое историческое значеніе этой многолѣтней работы, посвященной нынѣ царствующему Государю Императору, не могло не обратить вниманія академіи наукъ, увѣнчавшей ее три раза полною премією: разъ — Макарьевскою и два раза—сибирскаго дворянства. Многія части этого монументальнаго труда печатались отдѣльно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ—«Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ», какъ, на примѣръ, о дѣятельности въ редакціонныхъ комиссіяхъ Я. И. Ростовцева, о дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ, характеристика графа В. Н. Панина, и друг. Въ цѣломъ видѣ этотъ трудъ началъ появляться въ 1889, а завершился въ минувшемъ году.

Въ основу лѣтописи Н. П. легли многозначительныя слова Царя-Освободителя: «Пора знать публикѣ, какъ мы трудились надъ

этимъ дѣломъ. Я желаю, чтобы оно предстало потомству, какъ происходило — безъ прикрасъ». Вѣрный этому царскому завѣту, авторъ на протяженіи всего своего труда сохранилъ спокойный тонъ лѣтописца, который одинаково «зритъ на правыхъ и неправыхъ». Онъ, одинаково, подробно и обстоятельно излагаетъ и мнѣнія, которымъ горячо сочувствовалъ, и воззрѣнія, которыхъ не раздѣлялъ, преслѣдуя единственно точность и документальную вѣрность. Иногда безстрастная хроника превращается въ живые мемуары — тамъ, гдѣ авторъ, отдаваясь личнымъ воспоминаніямъ, начинаетъ говорить отъ себя, гдѣ высказываетъ личные взгляды на событія, свои симпатіи и антипатіи къ людямъ, игравшимъ въ нихъ выдающуюся роль. Читая трудъ Н. П., по вѣрному замѣчанію одного рецензента его, какъ бы присутствуешь при самомъ зарожденіи и эмбриологическомъ развитіи великой реформы; слышишь, словно въ фонографѣ, замкнутомъ тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, — живую рѣчь Ростовцовыхъ, Паниныхъ, Милютиныхъ, Черкасскихъ, Самариныхъ и другихъ дѣятелей; видишь ихъ взаимныя столкновенія и всестороннія обсужденія громаднаго дѣла, узнаешь число часовъ, потраченныхъ на каждое засѣданіе, и время, потребовавшееся на разрѣшеніе того или другаго вопроса.

Замѣчаніе профессора Романовича-Славатинскаго, что заглавіе труда гораздо шире, чѣмъ самое его содержаніе, нисколько, разумѣется, не умаляетъ его достоинствъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что полная исторія освобожденія крестьянъ должна бы обнять дѣятельность всѣхъ учреждений, которыя разработывали крестьянскій вопросъ, что она должна коснуться и тѣхъ учреждений, которыя приводили реформу въ исполненіе, — мировыхъ посредниковъ, съ уѣздными мировыми съѣздами и губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Между тѣмъ, въ трудъ г. Семенова вошли только записки общихъ присутствій, но не введенъ отчетъ о засѣданіяхъ отдѣленій, изъ которыхъ въ хозяйственномъ рѣшались важнѣйшіе вопросы и велись самыя оживленныя пренія, равно какъ не имѣется и обзора разныхъ частныхъ проектовъ, надъ которыми работали нѣкоторые члены редакціонныхъ комиссій. Всѣ эти замѣчанія Романовича-Славатинскаго, конечно, вѣрны, но существеннаго значенія не имѣютъ; можно назвать трудъ г. Семенова — «Хроникой общихъ присутствій», можно назвать какънибудь иначе и, всетаки, онъ останется единственнымъ въ своемъ родѣ въ нашей крайне бѣдной литературѣ по исторіи освобожденія крестьянъ. Трудъ г. Скребицкаго «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II» основанъ только на однихъ официальныхъ матеріалахъ и является переработаннымъ ихъ сводомъ. Онъ полезенъ, чтобы разобратся въ массѣ этихъ матеріаловъ, составляющихъ 18 томовъ, съ 14 томами приложеній, но живая сторона дѣла въ немъ отсутствуетъ, мнѣнія и дѣятельность

членовъ редакціонныхъ комиссій обезличиваются, а фізіономіи и направленіе ихъ совершенно ступшевываются. Про трудъ г. Скребицкаго нельзя сказать, что онъ существенно обогатилъ историческую науку, внеся въ нее новые факты, наблюденія и воззрѣнія; къ труду же г. Семенова эти слова какъ нельзя болѣе примѣнимы, почему онъ и является трудомъ замѣчательнымъ, подобныхъ которому не много не только въ русской, но и въ болѣе богатыхъ литературахъ иностранныхъ.

Дѣятельный участникъ крестьянской реформы, глубоко убѣжденный въ ея полезности и необходимости, Н. П., однако, не можетъ быть названъ безусловнымъ поклонникомъ реформъ прошлаго царствованія. Свои воззрѣнія по этому вопросу онъ высказалъ въ обширной статьѣ, написанной въ 1883 году и напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ «Наши реформы». Особенно подробно останавливаясь на недостаткахъ судебной реформы, скопированной преимущественно съ французскихъ образцовъ, Н. П. касается также земства, администраціи и вреднаго значенія экономической политики съ девизомъ «laissez faire, laissez passer». Вслѣдствіе такого воззрѣнія послѣдовало упраздненіе опекунскаго совѣта, около столѣтія обезпечивавшаго нашъ поземельный кредитъ, въ то время, когда земледѣльцы особенно въ немъ нуждались. Имѣнія въ большихъ количествахъ стали закладываться въ частныя банки, а землевладѣльцы пошли быстрыми шагами къ окончательному разоренію. Высказывая желаніе, чтобы земство и администрація были органически связаны между собою общностью интересовъ, Н. П. въ то же время признавалъ необходимымъ болѣе еединство дѣйствій между судомъ и администраціей, а также судомъ и земствомъ, посредствомъ выборныхъ мировыхъ и уѣздныхъ судей, и, наконецъ, объединеніе суда, администраціи и земства общимъ управленіемъ въ одномъ высшемъ государственномъ учрежденіи, правительствующемъ сенатѣ. «При такомъ порядкѣ и единствѣ дѣйствія всѣхъ государственныхъ органовъ,—говорилъ въ заключеніе своей статьи Н. П.,—верховная власть, одна совмѣщающая въ себѣ и законодательную, и исполнительную власть, облегчитъ безъ всякой ломки себѣ и всему правительству бремя правленія и осуществитъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и земствѣ еединеніе свое съ народомъ».

Въ настоящее время Н. П. окончилъ любопытную записку, которая является какъ бы продолженіемъ «Освобожденія крестьянъ» и представляетъ личный его взглядъ на крестьянскую реформу и ея недостатки, а также программу тѣхъ исправленій, которыя, по его мнѣнію, необходимы въ ближайшемъ будущемъ.

С. Трубачевъ.

ПАМЯТИ М. С. САБИНИНОЙ.

ЕКАБРЯ 14-го, прошлаго года, въ городѣ Ялтѣ скончалась послѣ тяжкой болѣзни Марѳа Степановна Сабинина, одна изъ замѣчательныхъ и достойнѣйшихъ русскихъ женщинъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится каждый, кто прочтетъ этотъ поверхностный очеркъ ея жизни.

Она родилась въ 1831 году, въ Копенгагенѣ, гдѣ отецъ ея, протоіерей С. К. Сабининъ, состоялъ при нашей миссіи. Богато одаренная отъ природы умомъ, дарованіями, энергіей, она быстро развивалась подъ руководствомъ просвѣщенныхъ родителей. Въ особенности выдавался ея музыкальный талантъ: девяти лѣтъ она прекрасно играла Erl-König, аранжированный Листомъ, а двѣнадцати уже была членомъ музыкальнаго кружка, основаннаго великой княгиней Маріей Павловной въ Веймарѣ, куда въ 1837 году былъ переведенъ протоіерей Сабининъ духовникомъ великой княгини. Обладая громаднымъ голосомъ, она брала уроки у лучшихъ профессоровъ, участвовала въ хорахъ благотворительныхъ концертовъ, управляемыхъ Листомъ и Берліозомъ, даже составила свой собственный хоръ, который часто пѣлъ у великой княгини и у великой герцогини Софіи (ея невѣстки), и ихъ высочества присоединялись къ хору и пѣли подъ руководствомъ юной регентши. Ей было шестнадцать лѣтъ, когда учитель ея, профессоръ Тѣпферъ, ученикъ Гуммеля, объявилъ ея отцу, что не можетъ продолжать своихъ уроковъ съ ученицей, которая играетъ на фортепіано лучше его.

Три года она работала одна, наконецъ, уѣхала въ Дюссельдорфъ и поступила ученицей къ извѣстной піанисткѣ Кларѣ Шуманъ, а черезъ годъ, вернувшись въ Веймаръ, стала брать уроки

у Ганса Бюлова, чтобы ознакомиться съ его школой. Успѣхи ея были такъ поразительны, что Листъ, посѣтивъ однажды Сабининыхъ, самъ предложилъ заниматься съ ней.

Около этого же времени она поступила къ саксенъ-веймарскому двору преподавательницей музыки двумъ дочерямъ великаго герцога, принцессамъ Маріи и Елизаветѣ, а также занималась съ принцессой Луизой, которая проживала у своей бабушки, великой княгини Маріи Павловны. Сама великая княгиня, продолжавшая, не смотря на свои преклонные года, заниматься науками и искусствами, поручала юной наставницѣ исправлять свои музыкальныя сочиненія.

Въ 1857 году, Марѳа Степановна въ первый разъ поѣхала на нѣкоторое время въ Россію съ своею матерью. Въ Москвѣ и Петербургѣ она дала нѣсколько концертовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, и была представлена императрицѣ, которая отнеслась къ ней особенно милостиво. Въ 1860 году, она неожиданно была вызвана изъ Веймара въ Петербургъ и назначена преподавательницей музыки къ великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, одновременно занимаясь и съ малолѣтнимъ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Въ 1862 году императрица назначила Марѳу Степановну помощницей наставницы великой княжны. Поступивъ къ нашему двору, она лишилась права давать публичныя концерты (хотя часто играла при дворѣ). Артистическая карьера ея была навсегда окончена; но зато пытливый умъ ея нашелъ себѣ другую пищу. Изъ статьи, напечатанной въ № 7 «Русскаго Архива» 1891 г. (къ 25-ти-лѣтію Россійскаго общества Краснаго Креста), мы видимъ, что въ 1866 году она первая возымѣла мысль основать общество Краснаго Креста, существовавшее во всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи и Турціи, и вмѣстѣ съ другомъ своимъ, баронессой Фредериксъ, положила много труда и энергіи на осуществленіе этого дѣла. Общество оцѣнило ихъ дѣятельность, такъ какъ обѣ были избраны пожизненными почетными членами. Когда общество Краснаго Креста стало на твердую почву, и образовались, кромѣ главнаго управленія, дамскіе комитеты и открылись богатые склады, тогда баронесса Фредериксъ стала звать своего друга Марѳу Степановну въ свое крымское имѣніе «Джеміэтъ» отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что восьмилѣтній срокъ, на который Марѳа Степановна была приглашена ко двору, какъ воспитательница и преподавательница музыки великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, уже истекъ. Она согласилась, но богато одаренная натура ея требовала дѣятельности, а не отдыха. Она тотчасъ же занялась устройствомъ нѣсколько запущеннаго имѣнія баронессы Фредериксъ, и при этомъ снова выказала свои организаторскія способности: возстановила виноградники и занялась винодѣліемъ на столько удачно, что на ялтинской и на одесской вы-

ставкахъ получила за вино золотую и серебряную медали. Но и эта дѣятельность не удовлетворяла ея. Когда баронесса Фредериксъ задумала устроить въ «Джеміэтѣ» церковь и при ней общину сестеръ милосердія, Марѳа Степановна приняла эту мысль близко къ сердцу, а пока изучала самымъ тщательнымъ образомъ весь церковный уставъ. Но ей пришлось оставить на время свое дѣло, потому что въ 1870 году возникла франко-прусская война, и Марѳа Степановна была вызвана императрицей и отправлена на собственные средства ея величества для изученія дѣятельности Краснаго Креста за границей. Обѣ подруги были направлены къ королевѣ виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ, ѣздили по всеѣмъ госпиталямъ и барачнымъ лазаретамъ Германіи и Франціи и, наконецъ, отправлены королевой Ольгой Николаевной со вторымъ только-что устроеннымъ санитарнымъ поѣздомъ подѣ осаждаемый въ то время Мецъ. Дѣятельность Марѳы Степановны была неутомимая; ей случалось не ложиться въ постель по нѣсколькимъ ночей. Днемъ она работала, осматривала и изучала все замѣчательныя приспособленія, а по ночамъ писала отчетъ о всемъ видѣнномъ, къ императрицѣ по ея приказанію. Обѣхавъ всю Германію и изучивъ до тонкости все, что касалось Краснаго Креста, обѣ подруги возвратились въ Крымъ, гдѣ застали императрицу, которая была такъ довольна и благодарна Марѣ Степановнѣ за ея дѣятельность, что пожаловала ей въ знакъ монаршей милости только что установленную тогда брошку съ изображеніемъ Краснаго Креста.

Въ концѣ зимы Марѳа Степановна опять была вызвана императрицей въ Петербургъ. Государыня объявила ей свое желаніе—привести все видѣнное ею на войнѣ въ исполненіе и устроить въ Петербургѣ образцовый барачный лазаретъ. «Но,—прибавила императрица,—у меня нѣтъ на то ни денегъ, ни доктора, который бы могъ помочь вамъ; устройте сами». Императрица не ошиблась, поручивъ это дѣло Марѣ Степановнѣ. Втеченіе своего короткаго пребыванія въ Петербургѣ она нашла и деньги, и доктора съ архитекторомъ, и мѣсто для постройки лазарета.

Въ концѣ марта ея величество положила первый камень перваго барака, теперь столь разросшагося барачнаго лазарета на Пескахъ, который своимъ существованіемъ обязанъ исключительно Марѣ Степановнѣ Сабининой. Она же устроила дамскій комитетъ при барачномъ лазаретѣ, предлагая императрицѣ на выборъ лицъ этого комитета.

Ея величество очень желала и уговаривала Марѳу Степановну остаться во главѣ созданнаго ею барачнаго лазарета, но Марѳа Степановна отклонила это предложеніе, ссылаясь на данное ею обѣщаніе баронессѣ Фредериксъ устроить въ «Джеміэтѣ» церковь и общину сестеръ милосердія. Государыня очень огорчилась этимъ отказомъ, но по добротѣ своей отпустила Марѳу Степановну.

Мароз Степановна Сабина.

Періодъ времени отъ 1872 по 1876 годъ былъ посвященъ ею устройству церкви и общины; дѣло подвигалось туго и медленно, потому что въ то время южный край представлялъ почти дикую мѣстность, и предпринимать тутъ что нибудь было очень трудно, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и матеріала, который нужно было

«Истор. вѣстн.», февраль, 1893 г., т. LI.

13

выписывать издалека; притомъ же и собственныя средства были не велики. Но Марѳа Степановна своею неимовѣрною настойчивостью и знаніемъ дѣла преодолѣла всѣ затрудненія, и въ маѣ 1876 года все было окончено. Весь иконостасъ вырѣзанъ по дереву собственными руками баронессы Фредериксъ и сестрами Сабиниными; вся живопись, всѣ малѣйшія детали въ этой церкви, устроены ихъ личными трудами подѣ руководствомъ Марѳы Степановны. Церковь была освящена въ присутствіи государыни императрицы, великаго князя Сергія Александровича и великой княжны Маріи Александровны. Императрица Марія Александровна приняла общину святаго Благовѣщенія, основанную на средства баронессы Фредериксъ и трудами Марѳы Степановны Сабининой въ память въ Бозѣ почившей государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, подѣ свое высочайшее покровительство, и по волѣ ея величества община эта пользовалась особыми правами, не имѣя дамскаго комитета, а сносясь непосредственно съ главнымъ управленіемъ Краснаго Креста.

Въ томъ же мѣсяцѣ государыня назначила Марѳу Степановну Сабинину настоятельницей Крымской общины сестеръ милосердія святаго Благовѣщенія, и дѣятельность общины началась съ того времени.

Когда объявлена была сербско-турецкая война, Марѳа Степановна собрала дамскій комитетъ, въ которомъ всѣ ялтинскія дамы приняли живѣйшее участіе, и подѣ руководствомъ Марѳы Степановны въ одинъ мѣсяць былъ изготовленъ ихъ трудами полный комплектъ на сто кроватей для раненыхъ.

Въ началѣ іюля внезапно была получена Марѳой Степановной депеша отъ ея величества, предписывавшая ей отправиться въ Сербію съ своими сестрами. Такъ какъ зародившаяся только община была немногочисленна, то пришлось принять нѣсколько добровольныхъ сестеръ, которыхъ докторъ В. Н. Дмитріевъ безвозмездно ознакомилъ съ наложеніемъ повязокъ, уходомъ за ранеными и больными, и въ очень короткое время образовалъ изъ нихъ исполнѣ удовлетворительныхъ сестеръ милосердія.

За нѣсколько дней до отъѣзда въ Сербію Марѳа Степановна приняла присягу, и архіепископъ Гурій возложилъ на нее настоятельскій крестъ.

9-го августа 1876 года, Марѳа Степановна съ 8-ю сестрами и богатымъ запасомъ бѣлья, перевязочнаго матеріала и лекарствъ для лазарета на сто кроватей, напутствуемая молитвами и благословеніемъ всѣхъ жителей Ялты, отплыла въ Одессу и 15-го августа прибыла въ Бѣлградъ.

Встрѣтившій ее уполномоченный Токаревъ указалъ ей для устройства лазарета на мѣстечко Аранжеловацъ близъ Крагуевца, куда она немедленно отправилась, нашла тамъ уже массу ране-

ныхъ въ очень дурныхъ условіяхъ и проработала съ большимъ успѣхомъ до 18-го ноября, оставивъ въ окрестныхъ поселянахъ самое благодарное воспоминаніе о «сладкой Майкѣ» (какъ ее называли всѣ аранжеловацкіе жители).

Вызванная по заключеніи перемирія телеграммой императрицы въ Россію, она провела зиму въ приготовленіи Джеміэтскаго барака и другихъ построекъ для приѣма раненыхъ на случай ожидаемой войны Россіи съ Турціей; но въ апрѣлѣ 1877 года, послѣ объявленія войны, совершенно неожиданно должна была надолго оставить Крымъ, будучи назначена императрицей завѣдывать уходомъ за ранеными на санитарныхъ поѣздахъ въ Румыніи. Въ этой уже гораздо болѣе обширной дѣятельности, къ которой покойная императрица видимо издавна подготовляла Марю Степановну, отправивъ ее во время франко-прусской войны для изученія германскихъ санитарныхъ поѣздовъ, Марья Степановна имѣла возможность проявить весь свой административный талантъ, энергію, знаніе и тактъ, а этого послѣдняго нуженъ былъ огромный запасъ для примиренія постоянно готовыхъ вспыхнуть недоразумѣній между военно-медицинской администраціей, Краснымъ Крестомъ и румынскими властями¹⁾, а также для поддержанія необходимой дисциплины и согласія между подвѣдомственными ей сестрами (а ихъ число доходило до 136-ти) и поѣздными врачами, комендантами, уполномоченными Краснаго Креста, и это не день, и не два, а цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ. Всѣ эти свойства снискали ей постепенно уваженіе всѣхъ разнообразныхъ дѣятелей, съ которыми приходилось соприкасаться по сложному дѣлу перевозки больныхъ и раненыхъ (отъ Дуная до русской границы), дѣлу совершенно новому у насъ тогда и которому ей удалось придать такое стройное, практическое направленіе. Когда же генералъ Дрентельнъ рѣшилъ организовать эвакуацію раненыхъ и больныхъ по Дунаю, и для этого пришлось войти въ сношеніе съ пароходнымъ обществомъ Австрійскаго Ллойда, то какъ онъ, такъ и главноуполномоченный Краснаго Креста нашли полезнымъ поручить Марѣ Степановнѣ наблюденіе за устройствомъ санитарныхъ баржъ, а также своими связями въ Вѣнѣ облегчить заключеніе контракта съ Австрійскимъ Ллойдомъ. Она отправилась въ Вѣну въ мартѣ 1878 года, гдѣ при содѣйствіи принца Александра Гессенскаго, брата покойной императрицы, и княгини Маріи Гогенлоэ, блистательно окончила это дѣло; затѣмъ, на верфи въ Пештѣ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, простыя грузовыя баржи были превращены въ удобныя пловучіе лазареты (досчатые бараки на палубѣ) съ образцовой вентиляціей и всѣми необходимыми приспособленіями; де-

---

¹⁾ Задача не легкая въ началѣ войны при князѣ Черкасскомъ, какъ главноуполномоченномъ Краснаго Креста.

визомъ ея было: Licht und Luft! И дѣйствительно, того и другаго было вдоволь. 2-го апрѣля прибыла въ Журжево вся санитарная флотилія изъ шести баржъ и двухъ буксирныхъ пароходовъ; 5-го апрѣля она была освящена и тотчасъ же начала свою дѣятельность по перевозкѣ больныхъ, продолжавшуюся все лѣто и осень 1878 года при неутомимомъ содѣйствіи Марѣы Степановны съ сестрами ея Благовѣщенской общины. Эта торжественная минута освященія баржъ, съ больными уже на койкахъ, готовыхъ къ отплытію, прекрасно была изображена въ свое время въ англійскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Graphic». Любопытно, что русская печать обмолвилась объ этомъ интересномъ и новомъ способѣ эвакуаціи, такъ блестяще осуществленномъ, одною только неодобрительной статьей¹⁾. А между тѣмъ это былъ крупный примѣръ полезной дѣятельности женщины внѣ обычной сферы домашняго очага! Удачное устройство санитарныхъ баржъ было дѣломъ новымъ, для котораго Марѣа Степановна не имѣла образца и которое создано ею вполне цѣлесообразно, быстро и небывало дешево²⁾. Нѣмцы это вполне оцѣнили и, по минованіи надобности въ этой санитарной флотиліи для русскаго военнаго вѣдомства, сохранили ее безъ измѣненія для перевозки своихъ больныхъ по Савѣ и Дунаю во время оккупаціи Босніи.

По возвращеніи, осенью 1878 года, въ Россію Марѣа Степановна распустила свой многочисленный отрядъ, удержавъ необходимое небольшое число сестеръ для больницы, устроенной баронессой Фредериксъ въ своемъ имѣніи «Джеміэтъ», гдѣ и продолжала свою уже болѣе скромную, но полезную дѣятельность, заслужившую всеобщее сочувствіе. Цѣняя пользу, приносимую этой больницей, главное управленіе Краснаго Креста и ялтинское земство готовы были назначить субсидію для пополненія истощившихся уже личныхъ средствъ баронессы Фредериксъ, но въ это время (1882 года) постигшее Марѣу Степановну ужасное несчастіе, звѣрское убійство ея матери и четырехъ сестеръ, подкосило ея силы и навсегда лишило возможности трудиться на общую пользу. Долго металась она, ища успокоенія своимъ страшнымъ душевнымъ мукамъ; такая исключительно-сильная натура должна

¹⁾ Замѣтка эта есть отголосокъ неудовольствія русскихъ врачей въ Румыніи, порицавшихъ все на баржахъ, но когда главноуполномоченный пригласилъ ихъ точнѣе указать недостатки съ цѣлью ихъ исправленія, то они потребовали только незначительныхъ дополненій въ ретирадахъ, да нѣсколькихъ боковыхъ окошечекъ, якобы для воздуха. Впослѣдствіи эта наивная боковая вентиляція оставалась безъ примѣненія, такъ какъ больные закрывали эти окна, ихъ безпокоившія.

²⁾ Приспособленіе 6 барокъ на 1300 мѣстъ для больныхъ съ кухнями, кладовыми, помѣщеніемъ для санитарнаго персонала, а также 48 мѣстами для больныхъ офицеровъ на пароходахъ, все внутреннее устройство, посуда—все это обошлось въ 70 тысячъ франковъ и было исполнено менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ.

была и страдать исключительно сильно. Къ счастью, ее окружала не обыденная дружба, и она-то помогла ей оправиться и покориться судьбѣ.

Марѳа Степановна, вмѣстѣ съ баронессой Фредериксъ и С. В. Дараганъ, переѣхала въ Кастрополь (самая южная оконечность Крыма) и здѣсь замкнулась въ скромную, домашнюю жизнь, рисовала, занималась цвѣтами, музыкой, писала свои воспоминанія. Знакомые ея съ благодарностью и любовью вспоминаютъ ея привѣтливое, ласковое обхожденіе и всегда интересный, умный разговоръ.

Послѣднимъ ея дѣломъ было сооруженіе маленькой, переносной церкви, такъ какъ въ той мѣстности, гдѣ онѣ временно проживали, не было ни одной церкви ближе 12-ти верстъ. Опять все было сдѣлано по ея мысли, по ея плану, опять работали всѣ три, рисовали, выжигали, шили, увлекая за собой и другихъ. Церковь выросла, словно по волшебству, изящная, красивая. Уѣзжая изъ Кастрополя, Марѳа Степановна пожертвовала ее Θεодосійскому женскому монастырю, и, перевезенная на подворье въ Θεодосію, она теперь привлекаетъ и восхищаетъ массу богомольцевъ.

Это было, какъ уже сказано, ея послѣднимъ дѣломъ; съ ней сдѣлался ударъ, послѣ котораго она на время совсѣмъ лишилась языка, правой руки и ноги; но потомъ оправилась и, хотя и говорила съ трудомъ, но опять стала прекрасно рисовать и играть не трудныя вещи, ни минуты не оставаясь безъ дѣла, и какъ ни трудно ей было эти послѣдніе полтора года, тѣмъ болѣе что у нея развилась болѣзнь сердца, ей никогда не измѣняло ея кроткое расположеніе духа, и она ни на минуту не теряла сознанія, даже въ послѣдніе дни. Тяжело было слышать, за нѣсколько часовъ до ея кончины, какъ она силилась уловить какой-то мотивъ, беспокоившій ее, и старалась выразить его голосомъ, не смотря на прерывистое и останавливающееся дыханіе; и это дѣлала она не безсознательно, потому что, когда ее спрашивали, что она поетъ, она отвѣчала: «я сочиняю».

Угасла эта замѣчательная женщина, сердце которой билось для всего прекраснаго и человѣчнаго, но память о ней не можетъ исчезнуть между тѣми, кто зналъ ее хорошо.

Марѳа Степановна Сабинина была кавалеромъ слѣдующихъ орденовъ: бронзовой медали за русско-турецкую войну 1877—1878 гг.; значка Краснаго Креста 1877—1878 гг.; Командорскаго креста сербскаго ордена Такова; виртембергскаго ордена Ольги (Olga-orden); румынскаго ордена Елисаветы; сербскаго ордена Краснаго Креста за 1876 годъ.

Н. А.

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛІЯ ¹⁾.

Королевство, папство, республика.

Sine ira et studio, quorum
causas procul habeo.

Тацитъ.

IV.

ПАСШИРЯЯ поле дѣйствія для борьбы съ похитителями наслѣдія апостола Петра, папа Левъ XIII въ самое послѣднее время сдѣлалъ шагъ, далеко выходящій за предѣлы традиціонной папской политики. До сихъ поръ преемникъ св. Петра всегда и всѣми считался за приверженца и покровителя монархическаго принципа, такъ что носители и приверженцы этого принципа видѣли въ главѣ римской церкви свою естественную и исполнѣ надежную опору. Оно и понятно. Папа былъ самъ монархомъ, да еще абсолютнымъ: защищая монархію въ другихъ государствахъ, онъ защищалъ отчасти и свое собственное положеніе. Къ тому же, церковь по природѣ своей консервативна, а республика, какъ правленіе народное, склонна къ частымъ перемѣнамъ. Въ этихъ перемѣнахъ нерѣдко теряется уваженіе къ авторитету, къ преданію, къ тому, чѣмъ особенно дорожитъ всякая церковь, а католическая въ особенности. Поэтому хотя папы и являлись въ средніе вѣка покровителями итальянскихъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 198.

республикъ, но это время, когда папы, въ борьбѣ съ императорами нуждаясь сами въ помощи республиканскихъ общинъ Италиі, принимали ихъ сторону противъ ихъ враговъ, было давно и быльемъ поросло. И вотъ, послѣ столѣтій рѣшительной и твердой приверженности къ монархическому режиму, какъ къ единственно разумному съ духомъ католической церкви и съ ея пользами, вдругъ 16-го февраля прошлаго года выпускается въ міръ папское посланіе, обращенное къ епископамъ, клиру и къ вѣрнымъ Франціи,— посланіе, которое требуетъ отъ нихъ признанія нынѣшней государственной формы этой націи и повиновенія властямъ республики. Св. отецъ заявляетъ, что неизмѣнна лишь форма правленія церкви, какъ установленная отъ Бога; но судьба обществъ человѣческихъ измѣняется, а вмѣстѣ съ нею измѣняется въ нихъ и форма правленія. Но измѣняются при этомъ только формы власти, а самая власть въ своей сущности, какъ защитница порядка и общаго блага, остается все тою же властью, которой подобаешь уваженіе, какъ установленной также Богомъ, ибо, по словамъ Писанія, нѣтъ власти, какъ отъ Бога: *non est enim potestas, nisi a Deo*.

Это папское посланіе имѣло эффектъ пущенной бомбы. Во Франціи оно поставило втупикъ всѣхъ тѣхъ, кто отъ папскаго престола ждалъ поддержки стремленіямъ, направленнымъ къ восстановленію монархіи. Какъ ни великъ среди вѣрующихъ этого рода авторитетъ главы римской церкви, но, всетаки, тамъ и сямъ среди нихъ послышались возраженія и оговорки. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ бывший матадоръ бонапартизма Кассаньякъ и законный кандидатъ на монархическій престолъ графъ Парижскій съ своими ближайшими друзьями, не остановились даже передъ дерзновеннымъ замѣчаніемъ, что они подчиняются авторитету папы безусловно лишь въ дѣлахъ религіозныхъ, а въ свѣтскихъ дѣлахъ они могутъ руководиться своими собственными мнѣніями. Были даже колебанія между самимъ высшимъ духовенствомъ Франціи, которое не совсѣмъ удовлетворилось разграниченіемъ, сдѣланнымъ въ посланіи между установленными властями, съ одной стороны, и законодательствомъ—съ другой, колебанія, которыхъ нельзя было не замѣтить въ отвѣтныхъ письмахъ нѣкоторыхъ высшихъ представителей церковной власти во Франціи. Это вызвало въ концѣ мая письмо папы къ шести французскимъ кардиналамъ, въ которомъ римскій первосвященникъ, благодаря ихъ за то, что они вмѣстѣ со всѣмъ французскимъ епископатомъ приняли ученіе, изложенное въ его посланіи отъ 16-го февраля, и обнародовали это послѣднее, вмѣстѣ съ тѣмъ старается опровергнуть ложныя толкованія, какія это посланіе нашло въ средѣ монархическихъ партій во Франціи. Послѣ этого католическіе епископы согласились исключить изъ катихизиса мѣста, враждебныя существующему во Франціи порядку, и тѣмъ доказали полную готовность слѣдовать преподанному имъ

отъ главы церкви въ столь щекотливомъ вопросѣ наставленію, такъ что изъ французскихъ монархистовъ въ настоящее время открыто не соглашается съ такимъ ученіемъ о необходимости признать республику одинъ графъ Парижскій, которому существующая въ его мечтѣ корона дороже дѣйствительнаго папскаго благословенія, да кучка его ближайшихъ приверженцевъ, не желающихъ, подобно своему вождю, перемѣнять стараго знамени. Но эта оппозиція лишена практическаго значенія и почти совершенно бесплодна, какъ то обнаружилось на іюльскихъ выборахъ въ генеральныя совѣты, окончившихся небывалымъ пораженіемъ монархистовъ.

Ударъ, направленный папой въ его новой энцикликѣ, какъ это посланіе называютъ католическія газеты въ Италіи, имѣлъ въ виду не французскихъ роялистовъ, которые стояли всегда на сторонѣ Ватикана: онъ былъ направленъ въ итальянское правительство. Сила этого удара заключалась въ томъ, что св. отецъ не остановился передъ самымъ радикальнымъ средствомъ, чтобы привлечь къ себѣ благорасположеніе Французской республики, тогда какъ и слышать не хочетъ о примиреніи съ итальянской монархіей, пока она владѣетъ захваченнымъ у него Римомъ. Здѣсь папа не только на словахъ, какъ онъ это дѣлаетъ нерѣдко, но и на дѣлѣ доказалъ свою особенную любовь къ Франціи. И это уже чувствительно для стоящей въ тройственномъ союзѣ Италіи. Но онъ требовалъ повинovenія властямъ архиреволюціонной страны отъ всѣхъ ея гражданъ безъ исключенія и въ то же время постоянно, вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ, протестуетъ противъ законности власти, утвердившейся по волѣ націи въ Римѣ, и не желаетъ входить въ какія бы то ни было съ нею сношенія. Очевидно, что глава католической церкви не только не желаетъ укрѣпленія этой власти въ Италіи, но стремится ослабить, подорвать ее. Преданныя итальянскому правительству газеты были видимо смущены этимъ новымъ шагомъ Ватикана, но старались не придавать ему много значенія и мало говорили о немъ. Болѣе серьезные органы печати, какова «Nuova Antologia», старались разъяснить этотъ шагъ естественною эволюціей католической церкви, будто бы стремящейся, послѣ потери папами свѣтской власти, къ простотѣ церкви первоначальной¹⁾, которая безъ всякихъ претензій воздавала кесарю то, что принадлежитъ кесарю. Но такое черезчуръ оптимистическое толкованіе явно воинственнаго шага римской церкви, вообще обнаруживающей въ настоящее время необыкновенную энергію, страдаетъ видимой натянутостью и обнаруживаетъ только желаніе итальянскихъ политиковъ въ подобныхъ неприятныхъ случаяхъ *faire une bonne mine au mauvais jeux*, — не болѣе.

¹⁾ (См. въ «Nuova Antologia» статью г. Франческо Нобили-Вителлески подъ заглавіемъ: *La Chiesa e la Repubblica* (1 aprile 1892).

Франція—государство католическое по преимуществу. Она—старшая дочь церкви, она—христианнѣйшая (la plus chrétienne) страна католицизма. Поэтому привязанностью, расположеніемъ этой страны папа всегда дорожилъ особенно, и даже теперь, не смотря на обнаруженную третьей республикой съ самаго начала холодность къ религіи и явную вражду къ клерикализму, наибольшія упованія Ватикана и его приверженцевъ, всетаки, обращены къ Франціи. Французскіе католики, ихъ ревность къ вѣрѣ, ихъ дѣятельность по организаціи католическихъ обществъ, союзовъ, комитетовъ, постоянно ставятся въ примѣръ католикамъ своей страны итальянской публицистикой папскаго лагеря; самъ папа, рискуя даже обидѣть германскихъ и австрійскихъ католиковъ, при каждомъ удобномъ случаѣ заявляетъ свою особенную любовь къ Франціи; всѣ усилія папской дипломатіи направлены къ тому, чтобы поддержать добрыя отношенія между Ватиканомъ и французскимъ правительствомъ, и для достиженія этой цѣли папа не остановился даже предъ энцикликой, обязывающей католическое духовенство Франціи преклониться передъ столько разъ осужденной имъ республикой и ея безбожными правителями, говоря, что и эти правители такая же установленная Богомъ власть, какъ и самыя законныя власти монархическія. Ясно, что римская курія не только дорожить Франціей больше всѣхъ католическихъ державъ, но и надѣется на нее, по крайней мѣрѣ, видитъ въ ней нѣкоторую опору въ борьбѣ съ узурпаціей Савойской династіи.

Но политика римской куріи никогда не была узкою и недалеко-видною: она всегда мѣтила далеко и питала широкіе планы. Стремясь распространить, усилить свое вліяніе въ мірѣ, она обратила особое вниманіе на не католическія страны. Миссіонерская проповѣдь католической церкви есть, какъ извѣстно, самая распространенная и самая дѣятельная. Почти нѣтъ страны ни въ старомъ, ни въ новомъ свѣтѣ, гдѣ бы она не имѣла представителей и не одерживала болѣе или менѣе успѣховъ. Но въ то время, какъ въ Азіи, въ Африкѣ, въ Америкѣ она ведется съ цѣлію прямо религіозною, т. е. въ видахъ распространенія христіанства въ странахъ или въ мѣстахъ нехристіанскихъ, въ Европѣ она, кромѣ религіозной, имѣетъ и политическую цѣль, и эта послѣдняя есть видимо главнѣйшая. Въ печатаемыхъ ежемѣсячно въ «Voce della verità» обзорѣніяхъ католической пропаганды въ цѣломъ мірѣ мы встрѣчаемъ также обозначенія успѣховъ католицизма въ Англіи, Даніи, Норвегіи, Болгаріи. Намъ никогда не случалось видѣть отчеты объ успѣхахъ католицизма въ Россіи, хотя ни для кого не тайна, что и между русскими переходъ въ католичество не составляетъ большой рѣдкости; только, по особеннымъ политическимъ условіямъ нашей жизни, онъ не дѣлается открыто. Но дѣло не въ этихъ единичныхъ обращеніяхъ изъ византійско-русской церкви въ римскую,

которыя слишкомъ ничтожны, чтобъ могли особенно интересоваться римскую церковь. Чѣмъ теперь не мало заняты дѣятельные умы въ римской церкви, это—религіознымъ сближеніемъ между двумя церквами въ ихъ совокупности, то-есть соединеніемъ восточной и западной церкви, разошедшихся тысячу лѣтъ назадъ не столько по религіознымъ, сколько по политическимъ причинамъ. Для того, чтобы это соединеніе состоялось, двигатели этой идеи, которой вѣрующіе обѣихъ церквей не могутъ не сочувствовать, не предъявляютъ къ намъ никакихъ требованій, кромѣ одного: признанія главенства папы, оставляя при насъ все остальное, что выработала греко-россійская церковь въ обрядахъ и установленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ ведетъ свою пропаганду и посѣтившій Россію лѣтомъ 1891 года извѣстный специалистъ по дѣламъ восточной церкви, доминиканецъ Винченцо Ваннутелли. Его недавно появившаяся книга подъ заглавіемъ: «*Rossia (читай: Rossia). Studio religioso sopra la Russia. Appunti di viaggio (Roma, 1892)*», представляетъ интереснѣйшую попытку выставить русскимъ на видъ, что у нихъ въ религіозномъ дѣлѣ все хорошо, не достаетъ только видимой главы церкви, которымъ можетъ быть только намѣстникъ св. Петра въ Римѣ. Стоитъ только Россіи, у которой собственно никогда не было формальной размолвки съ римскою церковью, признать старѣйшаго въ христіанскомъ мірѣ епископа, папу, главой своей церкви, и соединеніе совершилось,—соединеніе, выгоды котораго, по его словамъ, для обѣихъ церквей и для Русскаго государства огромны. Россіи, соединившейся съ папой, принадлежало бы чуть ли не всемірное владычество; Россіи, отвергнувшей соединеніе съ римскою церковью, предстояло бы будущее, полное опасностей. Мои личныя возраженія въ неоднократныхъ бесѣдахъ въ Римѣ съ почтеннымъ католическимъ монахомъ, который, какъ всякій человѣкъ идеи, заслуживаетъ полного уваженія,—мои личныя возраженія, говорю я, какъ противъ осуществимости самаго соединенія церквей при данныхъ условіяхъ, такъ и противъ его послѣдствій, едва ли желательныхъ, нисколько не поколебали убѣжденій носителя такой идеи. Не подлежитъ сомнѣнію, что многое во взглядахъ отца Ваннутелли принадлежитъ ему лично, о чемъ онъ даже и заявляетъ въ предисловіяхъ къ обоимъ томамъ своей книги; но несомѣнно также и то, что главная его идея, то-есть соединеніе церквей, не только раздѣляется римскою куріей, но и составляетъ пламенное ея желаніе, которое, впрочемъ, никогда не пропадало у нея, не смотря на неудачу Ферраро-Флорентинскаго собора въ XV столѣтіи. Римская курія желаетъ ладить во что бы то ни стало съ русскимъ правительствомъ, и это, конечно, не въ однихъ духовныхъ интересахъ католической церкви въ Россіи, тѣмъ болѣе, что жалобы поляковъ на гоненіе у насъ этой церкви не прекращаются, а и въ интересахъ политическихъ. Какъ широки тутъ вообще политическіе

расчеты, сказать не легко, но не подлежит сомнѣнію, что Ватиканъ съ удовольствіемъ видитъ въ Россіи противника тройственного союза и друга Франціи и, конечно, рассчитываетъ, что при сведеніи счетовъ между обѣими сторонами, то-есть между тройственнымъ и двойственнымъ союзами, въ случаѣ побѣды противниковъ Италіи, папа не останется въ проигрышѣ. Расчетъ этотъ, разумѣется, слишкомъ гадателенъ, но отказаться отъ него, собирающій отовсюду бурю на голову похитителя наслѣдія св. Петра, Ватиканъ естественно не можетъ.

V.

Итакъ, не признающій существующаго порядка вещей въ Италіи, неустанно протестующій противъ его законности и ищущій всюду средствъ къ его ниспроверженію, папа требуетъ возвращенія себѣ отнятой у него территоріи, на которой онъ желаетъ быть попрежнему не только духовнымъ владыкой, но и свѣтскимъ государемъ. Требованіе это, какъ мы знаемъ, идетъ въ полный разрѣзъ съ идеей политическаго итальянскаго единства и потому трудно осуществимо, на сколько осуществленіе это зависитъ отъ доброй воли итальянскаго правительства и народа. Но еслибъ обстоятельства привели Италію къ возвращенію преемнику апостола Петра свѣтской власти, то какъ велика должна быть территорія, которую слѣдовало бы уступить ему и которою онъ могъ бы удовлетвориться?

Это—вопросъ, отвѣтъ на который затруднителенъ не только для католическихъ публицистовъ, но даже для самого Ватикана. Всѣ они, однако, и папа, и кардиналы, и публицисты, согласны, по видимому, въ томъ, что о возстановленіи римскому престолу владычій въ предѣлахъ 1860 года теперь не можетъ быть и рѣчи. Никто изъ самыхъ рьяныхъ папистовъ не заговариваетъ ни о Мархяхъ, ни объ Умбріи. Говорится только о Римѣ и о принадлежащей къ нему территоріи. Но какую территоріей въ этихъ предѣлахъ прежней Церковной области папа можетъ удовлетвориться? Въ настоящее время папа удовлетворился бы очень немногимъ. Ему нѣтъ нужды содержать армію, такъ какъ сражаться ему совсѣмъ не пристало; нѣтъ нужды и получать съ своихъ подданныхъ большіе доходы, коль скоро его духовной паствы насчитывается двѣсти милліоновъ душъ, добровольныя приношенія которыхъ, хотя они и называются оболомъ или лептой, всегда въ состояніи обезпечить удовлетвореніе потребностей высшаго церковнаго управленія. Къ тому же, самые ревностные приверженцы независимости папы, то-есть его свѣтской власти, сознаютъ, что прежняго уже не воротить, и что нужно удовольствоваться малымъ, лишь бы только въ этихъ малыхъ предѣлахъ власть папы, какъ самостоятельнаго государя, была неоспорима. Поэтому, въ видахъ примиренія Итальян-

скаго королевства съ папствомъ, нѣкоторые предлагали отдать папѣ часть Рима за Тибромъ, гдѣ находится Ватиканъ, такъ называемое Trastevere, да и то не все, а пространство, идущее отъ моста Св. Ангела до Porta Settimiana. Мѣстность эта, население которой всегда стояло въ ближайшемъ отношеніи къ Ватикану и большею частью предано папѣ, эта распространенная Città Leonina, должна быть, по проекту, о которомъ идетъ рѣчь, исключена изъ юрисдикціи Итальянскаго королевства, и папа былъ бы въ ней полновластнымъ хозяиномъ, то-есть свѣтскимъ государемъ. Другіе, также не желая лишить Италію прибрѣтенной ею въ 1870 г. столицы и въ то же время желая доставить папѣ нѣсколько болѣе обширную территорію, которая бы имѣла и болѣе естественныя границы, предлагали отдать папѣ весь правый берегъ Тибра, отъ Рима до моря, со включеніемъ Чивитавеккіи, какъ вольнаго порта. При этомъ Римъ, за исключеніемъ всего того, что лежитъ на правомъ берегу Тибра, оставался бы, какъ и въ первомъ проектѣ, столицей Италіи. Надо полагать, что папа удовлетворился бы однимъ изъ этихъ проектовъ, еслибъ пришелъ къ убѣжденію, что другаго исхода у него нѣтъ къ возвращенію себѣ правъ свѣтскаго государя. Во всякомъ случаѣ эти проекты для него болѣе удобопріемлемы, чѣмъ тотъ, который допускаетъ лишь моральную уступку папѣ Рима, при которой государственное владычество оставалось бы за Итальянскимъ королевствомъ, но такъ, чтобы правительство и дворъ пребывали въ Римѣ лишь небольшую часть года. Авторъ раньше указанной нами книги «Sul dominio temporale dei papi», указывая на этотъ проектъ, остроумно замѣчаетъ, что это было бы «второе изданіе» поступка Константина Великаго, когда онъ по той же причинѣ (будто бы?) перенесъ въ Византію столицу Римской имперіи (р. 107).

Всѣ эти проекты удовлетворенія папы составлялись людьми, которые, желая дать папѣ прежнюю суверенную независимость, въ то же время старались сохранить для Италиіи Римъ, какъ столицу новаго королевства, не разъ провозглашенную его правительствомъ неприкосновенною (Roma è intangibile). Но друзья Ватикана ставятъ вопросъ: развѣ необходимо, чтобъ Римъ былъ столицей Италіи? На чемъ основываются претензіи Итальянскаго королевства, что Римъ—естественная столица Италіи? Въ древности, разсуждаютъ они, Римъ былъ столицей Римской имперіи: это историческій фактъ. Но, по паденіи Римской имперіи, съ 476 до 750 гг. по Р. Х., отъ Одоакра до Дезидерія, когда Италія управлялась королями разныхъ варварскихъ династій, столицами Италіи были то Равенна, то Павія. Затѣмъ вплоть до 1870 года Римъ, резиденція папы, не былъ столицей Италіи. Откуда же вытекаетъ, что Римъ—естественная столица Италіи? Римъ въ свое время былъ столицей міра, но никогда не былъ столицей одного народа; затѣмъ онъ сталъ

столицей христіанства. Дѣлать Римъ столицей одного народа значитъ унижать его, умалять его всемірное значеніе. Парижъ и Берлинъ—дѣйствительно столицы, одна—Франціи, другая—Германіи. Но Римъ, по своей исторіи, по своему значенію, городъ вселенскій, *caput orbis*. Такъ разсуждаетъ авторъ книги «О свѣтскомъ владычествѣ папъ» (р. 101—104). Но это не его личное мнѣніе: такъ разсуждаютъ всѣ католическіе писатели, касающіеся этого вопроса. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ раньше указанный нами генуэзскій публицистъ ¹⁾: «Римъ не приспособленъ быть столицей какого нибудь царства: онъ долженъ быть столицей міра. Тамъ, гдѣ властвовали кесари и куда втеченіе среднихъ вѣковъ прибѣгали сильные міра за тѣмъ, чтобы получить знаки ихъ достоинства, поправить свою незаконность; тамъ, куда позже стекались художники, ученые христіанскаго міра, чтобы разлить свѣтъ своего знанія, тамъ новые люди чувствуютъ себя неловко: слишкомъ много наши люди теряютъ». Мнѣ лично не разъ приходилось слышать отъ друзей Ватикана, что, сдѣлавши Римъ своей столицей, Италия взяла на себя тяжесть непосильную, что это значило надѣть на голову ребенка шапку великана. Что Римъ дѣйствительно великъ для Италіи, что у него слишкомъ много исторіи, чтобы быть столицей молодого королевства, что, избравъ Римъ своей столицей, Италия взяла на себя ношу, которая ее подавляетъ, это безспорно и очевидно для всякаго, кто способенъ понимать подобныя вещи. Доказательствомъ трудности положенія, въ какое себя поставила пріобрѣтеніемъ Рима Италия, служатъ ея неразрѣшимыя отношенія къ папству, которыя ее угнетаютъ и внутри и снаружы. Поэтому умѣстенъ вопросъ: и въ самомъ дѣлѣ, не было ли со стороны итальянскаго парламента 1861 г. ошибкой провозглашеніе Рима столицей Италіи?

Нѣтъ спора, что Римъ былъ нуженъ Италіи, какъ такой городъ, передъ которымъ единственно склонялись всѣ другіе города полуострова, и избраніе котораго столицей королевства положило конецъ ихъ соперничеству въ этомъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія Кавуръ и итальянскій парламентъ, провозгласивъ вѣчный городъ столицей юнаго государства, совершили актъ не только благоразумія, но и необходимости. Что Римъ долженъ былъ такимъ образомъ скрѣпить единство Италіи, это несомнѣнно. Понятенъ поэтому былъ и отчаянный крикъ Гарибальди: «Римъ, или смерть!» (*Roma, o morte!*), и настойчивыя усилія партіи дѣйствія къ овладѣнію этимъ городомъ.

Но это единство Италіи—такъ ли оно необходимо, какъ казалось политикамъ того времени? Вопросъ этотъ, конечно, не изъ легкихъ, и отвѣчать на него прямо было бы рискованно. Лучше

¹⁾ Mastro Rollino dall'Aquila, *Religione e patria*, p. 84.

сначала спросить: было ли это единство, то-есть единое Итальянское государство, настоящимъ желаніемъ итальянскаго народа? Нисколько. Издавна въ Италіи существовало стремленіе къ единенію итальянскихъ государствъ между собою, къ федераціи ихъ; но основаніе въ Италіи единаго государства, это—идея новая, со-всѣмъ новая. Въ нынѣшнемъ столѣтіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ и реставраціи было не мало народныхъ движеній въ Италіи, но всѣ они имѣли въ виду или освобожденіе отъ иностраннаго владычества, или отъ абсолютизма правительственнаго. Такова была неаполитанская революціи 1820 г., піэмонтская 1821 г., піэмонтская 1833 г.; даже охватившія Италію возстанія 1847 и 1848 годовъ, возстанія въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ Панской области, въ Тосканѣ, Эмили, Ломбардіи, Венеціи, наконецъ, въ Піэмонтѣ, всѣ имѣли въ виду освобожденіе или отъ внутреннихъ, или отъ внѣшнихъ угнетателей. Правда, желаніе освободиться отъ Австріи, владычество которой было не только главнымъ зломъ, но и позоромъ для Италіи, естественно выдвигало у итальянскихъ политическихъ дѣятелей стремленіе къ соединенію своихъ силъ, къ образованію національной лиги, федераціи, конфедераціи, какъ выражались на этотъ счетъ въ разныхъ случаяхъ, но объ одномъ государствѣ Италіи еще въ 1848 г. не думалъ ни одинъ человекъ въ мірѣ, не исключая и сардинскаго короля Карла-Альберта. Въ по-тахъ, воззваніяхъ, въ дипломатическихъ инструкціяхъ, въ другихъ документахъ 1848 г., если говорилось о свободной націи, о судьбахъ Италіи, объ итальянскомъ дѣлѣ и т. п., то никогда не говорилось о политическомъ единствѣ, а говорилось о конфедераціи итальянскихъ государствъ, о таможенной лигѣ и политической федераціи, о федеральномъ договорѣ, о національной лигѣ. Тогда вся Италія призывалась къ освобожденію общаго отечества, о которомъ говорилъ въ своей прокламаціи 27-го марта 1849 г. и Викторъ-Эммануиль, но тутъ подразумѣвалась независимость отъ иностранца, гнетъ котораго въ сѣверной Италіи былъ оскорбленіемъ и позоромъ для всей страны, для всего полуострова. Даже, когда десять лѣтъ спустя, Наполеонъ III объявилъ, что желаетъ освободить Италію отъ Альпъ до Адриатическаго моря, то кличъ этотъ казался соответствующимъ общему желанію итальянской націи, хотя здѣсь шла рѣчь лишь о сѣверной Италіи, и Наполеона обвиняли потомъ лишь за то, что онъ не исполнилъ своей программы, оставивъ знаменитый четверугольникъ и Венеціанскую область въ рукахъ австрійцевъ. Быть можетъ, если бы Наполеонъ не остановился на полпути въ исполненіи программы своего похода для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, ходъ итальянскаго возрожденія былъ бы другой. Партія дѣйствія тогда не приобрѣла бы такой силы, а политическое единство Италіи, собственно идея Мад-

зии, не сдѣлалось бы цѣлью стремленій страны, которую исторія создала болѣе способною къ федеративному устройству.

Когда знаменитый заговорщикъ сталъ думать о политическомъ единствѣ Италіи, то идея эта не только другимъ, но и ему самому не представлялась сколько нибудь осязательною. Достаточно сказать, что ему, кровному врагу монархическаго принципа, не долго то того времени, когда онъ сталъ триумвиромъ Римской республики, казалось, что для осуществленія этого единства наиболѣе пригодный человѣкъ — папа. Вотъ что онъ писалъ Пію IX изъ Лондона 8-го сентября 1847 года: «На васъ, блаженнѣйшій отецъ, лежатъ огромныя обязанности. Богъ отмѣриваетъ ихъ, смотря по средствамъ, какія онъ даруетъ своимъ созданіямъ... Идея общества есть лишь послѣдствіе идеи религіи... Духъ Божій нисходитъ на многихъ, собравшихся во имя его. Народъ страдалъ цѣлые вѣка на крестѣ, и Богъ его благословитъ за его вѣру. Вы можете, блаженнѣйшій отецъ, ускорить этотъ моментъ... Но для исполненія миссіи, которую Богъ вамъ поручаетъ, вамъ необходимы двѣ вещи: внушить къ себѣ вѣру (*esser creduto*) и объединить (*unificare*) Италію... Объедините Италію. Соберите вокругъ себя тѣхъ, кто лучше представляетъ національную партію. Не просите, какъ нищій, союза у государей, продолжайте завоевывать союзъ нашего народа. Докажите намъ какимъ нибудь фактомъ, что вы не стремитесь только улучшить физическое положеніе немногихъ вашихъ подданныхъ, но что вы обнимаете въ своей любви двадцать четыре милліона итальянцевъ, вашихъ братьевъ; что вы ихъ считаете призванными Богомъ соединиться въ семейное единство подъ однимъ договоромъ; что вы благословите знамя, гдѣ только оно поднимется, развернутое чистыми, незапятнанными руками, и предоставляете намъ остальное. Мы заставимъ воспрянуть вокругъ васъ партію, во главѣ свободнаго народнаго развитія которой вы будете стоять, пока живы. Мы оснуемъ правительство единственное въ Европѣ, которое должно разрушить нелѣпый разрывъ (*assurdo divorzio*) между духовной и свѣтской властью, и въ которомъ вы будете избраны представлять принципъ, а люди, избранные представлять націю, будутъ дѣлать его примѣненіе»¹⁾.

Пій IX, какъ извѣстно, не оправдалъ надеждъ Мадзини. Напротивъ, послѣ разныхъ перипетій своей продолжительной жизни, онъ палъ именно жертвою того самаго принципа, который, по первоначальной мысли знаменитаго итальянскаго патріота и агитатора, онъ долженъ былъ представлять. Но итальянское единство, о которомъ такъ мало думали и которое такъ не ясно себѣ предста-

¹⁾ Не имѣя подъ руками сборника писемъ Мадзини, привожу это письмо въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ указанномъ раньше сочиненіи: «*Lo stato italiano nelle condizioni presenti*», pp. 6—7.

вляли даже его пророки, какимъ-то чудомъ въ короткое осуществилось, осуществилось подъ знаменемъ Савойской династии, той самой династии, которой до сихъ поръ приверженцы Мадзини не хотягь простить, что она дважды осудила на смерть не только творца, но и самаго страстнаго бойца за эту идею.

VI.

Прочно ли это итальянское единство, сколоченное втеченіе одного десятилѣтія, благодаря отчасти иностранной помощи (французовъ и нѣмцевъ), отчасти удивительному стеченію европейскихъ обстоятельствъ?

Глядя со стороны, оно не кажется таковымъ. Оно можетъ и будетъ существовать, пока въ Италіи существуетъ королевство, которое, имѣя своимъ центромъ Римъ, можетъ до извѣстной степени въ общихъ дѣлахъ заставлять умолкать областныя соперничества, сглаживать мѣстныя, образовавшіяся исторически, особенности и обуздывать областныя стремленія, которыя, продолжая существовать въ странѣ, даютъ себя ясно чувствовать и въ парламентской жизни, изнурая и извращая ее. Но и тутъ всякій, посвященный въ политическую жизнь нынѣшней Италіи, знаетъ, что составляется ли министерство, составляется ли парламентская коммисія, хотя бы просто для изученія какого нибудь вопроса, и притомъ общаго интереса, наилучшая комбинація можетъ разбиться, помимо партійныхъ мнѣній, о своекорыстныхъ претензіи и честолюбія представителей разныхъ областей, и королю иной разъ стоитъ большаго труда улаживать распри и устранять противодѣйствія, мало проникнутыя духомъ единой Италіи. Дѣло въ томъ, что отдѣльныя области Италіи слишкомъ долго жили своею особенною жизнью, своими особыми интересами, чтобы это могло быть скоро забыто или всецѣло принесено въ жертву единому королевству, которое, къ тому же, не есть что либо идеальное, а есть государство, сколоченное изъ тѣхъ же реальныхъ областей, изъ которыхъ каждая дорожитъ своими болѣе или менѣе богатыми преданіями и не желаетъ уступить своего мѣста другой, считая свои интересы важнѣйшими. А королевская власть, на долю которой выпало связывать всѣ эти разнородныя части, въ объединенной Италіи уже не то, что она была въ свое время въ Піэмонтѣ. Тамъ она была своя, а здѣсь она для многихъ совѣмъ чужая. Свою если не всегда любятъ, то подчиняются ей въ силу привычки, въ силу ея историческаго права, въ силу связи ея съ судьбою народа. Къ чужой относятся иначе: ей не пропускаютъ промаховъ, злорадствуютъ при ея затрудненіяхъ; ее терпятъ, ей подчиняются не въ силу любви, не въ силу привычки, а по неволѣ. Преемникъ Виктора-Эммануила, живя въ Римѣ, еще далеко не чувствуетъ

себя дома, какъ ни любезно онъ раскланивается съ прохожими. А тутъ у него еще два такихъ непримиримыхъ врага, какъ папство и республиканская партія. О папствѣ мы говорили; теперь скажемъ нѣсколько словъ о республикѣ.

Несомнѣнно, что изъ всѣхъ монархическихъ странъ въ Европѣ республиканскія чувства распространены всего больше въ Италиі. Республика въ Италиі явленіе исконное и вполне національное. Въ средневѣковыхъ республикахъ шире всего развивалась итальянская жизнь; онѣ были двигателями предприимчивости и прогресса, въ нихъ процвѣтала торговля и промышленность; не смотря на раздиравшія ихъ внутреннія распри и кровавыя соперничества, онѣ вносили въ страну богатство и благосостояніе и въ то же время распространяли итальянскую культуру далеко за предѣлами родины. Съ именами Генуи и Венеціи соединяется сила и могущество, міровая торговля и слава итальянскаго имени, въ такую эпоху, когда другія европейскія страны едва только выходили изъ средневѣковаго застоя и грубости. Вопросъ о сравнительномъ значеніи монархіи и республики въ Италиі — вопросъ спорный. Имъ занимались тамъ государственные дѣятели и философы еще со временъ Возрожденія (Маккіавелли) и продолжаютъ заниматься имъ въ итальянской литературѣ и по настоящую минуту. Наибольше горячіе патріоты, люди, которымъ обязана Италиа пробужденіемъ національнаго духа больше, чѣмъ кому либо другому, которымъ во всѣхъ городахъ полуострова ставятся памятники, Мадзини и Гарибальди, были убѣжденные республиканцы. Вся фаланга политическихъ дѣятелей, называющаяся «историческою лѣвой» въ парламентѣ, люди выдающіеся, изъ которыхъ многіе были министрами, какъ Кайроли, Никотера, даже Депретисъ и Криспи, вышли изъ республиканцевъ. Они, какъ и Гарибальди, признали Савойскую династію, лишь какъ знамя и орудіе итальянскаго объединенія, и затѣмъ уже сдѣлались монархистами, готовыми отстаивать интересы этой династіи наравнѣ съ умѣренными либералами. Но значительная часть патріотовъ, руководимая Мадзини, и въ моментъ объединенія Италиі подъ знаменемъ Виктора-Эммануила, сохранили свои республиканскія чувства неприкосновенными. Умирая, Мадзини оставилъ вѣрныхъ послѣдователей республиканской идеи во всѣхъ мало-мальски значительныхъ городахъ Италиі, — послѣдователей, которые, имѣя свои клубы или комитеты, не переставали вести дѣятельную пропаганду республики, выступая время отъ времени съ красными знаменами въ торжественныхъ процессіяхъ, говоря въ своемъ духѣ политическія рѣчи, читая публичные лекціи, издавая газеты, собираясь на конгрессы. Если нѣкоторые изъ республиканцевъ этого закала, какъ, на примѣръ, прежде Бертани, а теперь Имбриани, Каваллотти, Канціо, Бовіо, Маффи, Фратти и др., и принимаютъ депутатскія мѣста въ палатѣ, то

всетаки не скрываютъ своихъ республиканскихъ убѣжденій, а заявляютъ, что они только признали необходимость считаться до поры до времени съ существующей формой правленія, какъ принятой большинствомъ націи, и находятъ нужнымъ пользоваться парламентской трибуной для защиты интересовъ демократіи.

Въ прошлую зиму непримиримыми республиканцами былъ шумно поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли истиннымъ республиканцамъ засѣдать въ королевскомъ парламентѣ, и не есть ли это участіе въ парламентской жизни монархіи своего рода измѣна республиканскому принципу. Возгорѣлась горячая полемика въ газетахъ, въ которой засѣдающіе въ парламентѣ республиканцы обвинялись даже въ желаніи сдѣлаться министрами. Обвиненіе — не Богъ знаетъ какое сильное, но такъ какъ имъ набрасывалась тѣнь на чистоту убѣжденій парламентскихъ республиканцевъ, то наиболѣе авторитетный представитель этихъ послѣднихъ, Каваллотти, взялъ на себя обязанность разъяснить положеніе и задачу своей группы въ палатѣ, что онъ и сдѣлалъ въ двухъ рѣчахъ, изъ которыхъ одну произнесъ въ собраніи своей партіи въ Пистойѣ въ концѣ октября 1891 года, въ день смерти Оберданка, а другую 17-го февраля 1892 года въ Римѣ, въ извѣстной залѣ Данта, обыкновенномъ мѣстѣ большихъ республиканскихъ собраній. Онъ приводилъ въ свою защиту письма къ нему Гарибальди, Маріо, Бертани, республиканскія чувства которыхъ выше всякаго сомнѣнія, выяснялъ всю пользу, какую крайняя лѣвая въ палатѣ приноситъ демократіи, располагая свободнымъ словомъ парламентской трибуны, доказывалъ, наконецъ, вѣрность свою и товарищей программѣ крайней лѣвой, изложенной въ такъ называемомъ «Римскомъ договорѣ» (*patto di Roma*), въ которомъ парламентскіе представители этой партіи обязывались всячески добиваться радикальныхъ реформъ въ политикѣ, администраціи, податной системѣ, въ судѣ, финансахъ, въ арміи и флотѣ и всѣхъ настоятельныхъ реформъ, содѣйствующихъ рѣшенію соціальнаго вопроса.

И это правда. Каваллотти, Имбриани (этотъ особенно) и ихъ товарищи не пропускали въ парламентѣ ни одного случая, чтобы напомнить министрамъ о настоятельныхъ нуждахъ страны, изнывающей подъ бременемъ налоговъ, третья часть которыхъ идетъ на военныя издержки не ради какой либо пользы для государства, на которое нападать никто не думаетъ, а ради незавидной чести принадлежать къ тройственному союзу. Они требовали прекращенія губительной для страны торговой политики относительно Франціи, служившей лучшимъ рынкомъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ Италіи, вина и скота въ особенности; они требовали преобразованія въ демократическомъ духѣ всей финансовой и экономической системы, стремясь къ облегченію податныхъ тягостей менѣе имущаго плательщика, къ сокра-

щению массы ненужных, по их мнѣнію, расходовъ, куда относятся разныя представительства, награды, двойное и тройное жалованье многихъ крупныхъ чиновниковъ, бесполезныя командировки, но въ то же время энергически сопротивляясь сокращенію, ради сомнительной экономіи, издержекъ на общественныя работы въ такое время, когда рабочей кризисъ въ городахъ представляетъ серьезную социальную опасность. Наконецъ, ихъ голосъ раздавался всякій разъ, когда нужно было протестовать противъ несправедливости, произвола, нарушенія правъ, обезпеченныхъ за гражданами конституціей, и т. п. И этотъ «римскій договоръ», въ силу котораго республиканская группа депутатовъ приступила къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла государства, чтобы дать имъ на практикѣ другое теченіе, очень непріятенъ правительственной партіи, которая желала бы видѣть радикаловъ менѣе практичными и потому менѣе способными вліять на ходъ дѣлъ въ государствѣ. Отсюда понятно, какъ кутерьма, произведенная въ республиканскомъ лагерѣ нападками непримиримыхъ на своихъ парламентскихъ представителей, пришлась на руку правительственнымъ газетамъ, которыя воспользовались случаемъ, чтобы потѣшиться и надъ «римскимъ договоромъ», и надъ его приверженцами. Что же касается до самихъ республиканцевъ, то, на сколько можно было понять исходъ ихъ пререканій, и парламентская группа удержала свою позицію, и непримиримые не сложили оружія.

Происходившія въ концѣ 1891 и въ началѣ 1892 года въ средѣ республиканской партіи волненія были вызваны, какъ потомъ оказалось, желаніемъ непримиримыхъ республиканцевъ выступить на сцену болѣе рѣшительнымъ образомъ въ качествѣ противниковъ монархическаго принципа. Имъ, повидимому, надоѣло долго ждать того момента, когда, по выраженію Бовіо, нужно будетъ дѣйствовать «методомъ очистительнаго гнѣва»; имъ захотѣлось показать, что теперь уже недостаточно ограничиваться пропагандой своихъ идей, а необходимо приступить къ выясненію практическихъ средствъ, какими можно было бы поскорѣе дойти до осуществленія своего политическаго идеала.

10-го марта 1892 года во множествѣ итальянскихъ городовъ праздновалась (если только слово это здѣсь уместно) двадцатая годовщина смерти Мадзини. Вездѣ клались вѣнки на статуи великаго патріота, во многихъ мѣстахъ происходили собранія въ память его смерти, говорились рѣчи, совершались торжественныя процессіи. Въ Генуѣ, родномъ городѣ Мадзини, гдѣ онъ погребенъ, и гдѣ поставленная ему на виллѣ di Negro статуя имѣетъ гораздо болѣе импозантный видъ, чѣмъ находящаяся неподалеку на площади конная статуя Виктора-Эммануила со шляпой въ рукѣ, въ этотъ день чуть не все населеніе поднялось на ноги. Представительство городского совѣта съ синдикомъ, барономъ Подеста, во

главѣ отправилось утромъ на Стальенское кладбище, чтобы возложить отъ лица города роскошный вѣнокъ на могилу знаменитаго согражданина. Но еще раньше представителей города тамъ побывали представители масонскихъ ложъ. Послѣ полудня образовался кортежъ изъ демократическихъ и рабочихъ обществъ, который двинулся въ Стальено на кладбище отъ главнаго пункта Генуи, Asquasola: въ немъ участвовало пятьдесятъ знаменъ и три хора музыки. Демонстрація была грандіозная, причеиъ, однако, порядокъ, какъ сообщали газеты, не былъ нарушенъ. Но въ то время, какъ въ Генуѣ 10-го марта чествовалась память Мадзини, главнымъ образомъ какъ гражданина бывшей Лигурійской республики, въ другихъ мѣстахъ и въ особенности въ Римѣ это чествованіе приняло по преимуществу республиканскій характеръ. Въ Римѣ дѣло было такъ. Въ 10 часовъ утра синдикъ (голова), герцогъ Каэтани-ди-Сермонета, съ нѣсколькими представителями муниципальнаго совѣта совершилъ путешествіе на Капитолій, чтобы возложить въ тамошней пинакотекѣ дворца консерваторовъ, гдѣ собраны бюсты знаменитыхъ итальянцевъ, на бюстъ Мадзини лавровый вѣнокъ съ муниципальными лентами отъ имени города Рима. Это была дань великому гражданину, одному изъ главнѣйшихъ двигателей освобожденія и объединенія Италіи. Но вслѣдъ за представителями городского управления столицы явились туда же представители римскихъ республиканскихъ ассоціацій съ своимъ вѣнкомъ, надпись на которомъ гласила: «Джузеппе Мадзини республиканскія ассоціаціи Рима». Этотъ вѣнокъ былъ также возложенъ на бюстъ великаго итальянца, а депутація, его принеся, была принята тѣми самыми членами римской думы, которые явились сюда вмѣстѣ съ синдикомъ и возложили вѣнокъ отъ имени города. Говоря передъ ними отъ лица республиканскихъ ассоціацій, Феличе Альбани, послѣ изображенія въ живыхъ краскахъ жизни Мадзини, всецѣло посвященной свободѣ, независимости и единству Италіи, заключилъ свою рѣчь заявленіемъ, что память Мадзини лишь тогда будетъ почтена достойнымъ образомъ, когда будутъ ходить къ нему на Капитолій отъ имени итальянской республики. Это была уже настоящая республиканская демонстрація, которую полицейскій инспекторъ хотѣлъ было прекратить, но не успѣлъ сдѣлать это во время. Тѣмъ же утромъ со статуи Кола ди Ріенци, стоящей на склонѣ Капитолія близъ большой лѣстницы, былъ снятъ полиціей положенный на нее вѣнокъ съ слѣдующей надписью: «Джузеппе Мадзини, тріумвиру Римской республики, два раза осужденному на смерть Савойскою династіей». Это уже была демонстрація революціоннаго характера.

Республиканскія демонстраціи въ память Джузеппе Мадзини были лишь прелюдией къ болѣе важнымъ демонстраціямъ. Ровно черезъ три дня послѣ этого, именно 13-го марта, состоялся въ

Римѣ, въ Sala Dante, съѣздъ республиканцевъ всей Италиі. Въ немъ приняли участіе приблизительно триста членовъ, представлявшихъ 485 обществъ. Кромѣ нихъ, въ первомъ засѣданіи находилось до полсотни журналистовъ. Изъ членовъ палаты депутатовъ присутствовали при открытіи въ качествѣ членовъ съѣзда Маффи и Фратти, къ которымъ затѣмъ присоединились, тоже какъ члены съѣзда, депутаты Имбриани, Панзини и Мирабелли. Тотъ же самый Феличе Альбани, который произносилъ три дня назадъ отъ лица республиканцевъ рѣчь на Капитоліи, явился и въ этомъ собраніи главнымъ ораторомъ. При громкихъ одобреніяхъ присутствующихъ, онъ доказывалъ, что прежде всего надобно заботиться о томъ, чтобы замѣнить монархію въ Италиі республикой. Другіе говорили противъ парламентаризма, направляя стрѣлы въ республиканцевъ, засѣдающихъ въ монархическомъ парламентѣ. Депутаты Маффи и Фратти защищали дѣло республиканскихъ депутатовъ, причѣмъ Фратти заявилъ, что онъ останется въ парламентѣ вплоть до момента дѣйствія. Очень понравилась собранію рѣчь Лабриолы, который, въ качествѣ социалиста, старался доказать, что республика не должна быть чѣмъ либо въ родѣ отвлеченной формулы, а должна быть неразлучно связана съ социальнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго представляетъ настоящую необходимость нашего времени. Вслѣдъ затѣмъ почти единогласно была принята слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ: «Республиканская демократія не признаетъ въ дѣйствующихъ теперь учрежденіяхъ никакой способности къ разрѣшенію экономическихъ и политическихъ вопросовъ, имѣющихъ для страны особенно важное значеніе, и утверждаетъ, что республика представляетъ собой необходимое средство къ достиженію равенства, социальной справедливости и блага человѣчества». Послѣ этого было принято нѣсколько резолюцій, направленныхъ частію къ отрицанію существующаго государственнаго строя, частію къ опредѣленію характера будущей республики, какъ «политико-соціальной». Первая изъ этихъ резолюцій гласила, что плебисциты (путемъ которыхъ, надо замѣтить, образовалось государственное единство Италиі), какъ выраженіе народной воли, вызванное исключительными обстоятельствами, происходя безъ преній и надлежащаго взвѣшиванія самого акта, не составляютъ и не могутъ составлять основы народнаго итальянскаго права (то же самое, въ сущности, твердятъ и паписты); вторая отвергала всякій видъ компромиссовъ съ существующими учрежденіями со стороны представителей республиканско-соціальной демократіи; третья заявляла, что прямой цѣлью пропаганды и всѣхъ усилій республиканской партіи должно быть возстановленіе народной власти, то-есть учрежденіе социальной республики, какъ формы правительства. Въ устроенномъ затѣмъ вечеромъ секретномъ засѣданіи былъ избранъ центральный комитетъ,

на который возложено представительство партіи и которому вмѣнено въ обязанность позаботиться о средствахъ къ скорѣйшему осуществленію республиканской программы. Въ составъ комитета вошли два депутата—Фратти и Маффи, бывшій депутатъ Турки и двое изъ самыхъ непримиримыхъ республиканцевъ—Джіанелли, президентъ съѣзда, и уже знакомый намъ Альбани. Необходимыя для осуществленія республиканской программы средства взялись доставить присутствовавшіе на съѣздѣ делегаты 485 республиканскихъ ассоціацій.

Расказанные мною факты даютъ нѣкоторое понятіе о томъ движеніи, какое происходитъ теперь въ средѣ многочисленной республиканской партіи въ Италіи. Мы не станемъ разбирать ея новой «программы» (это не входитъ въ нашу задачу), равно какъ и не беремъ на себя труда опредѣлить степень возможности ея осуществленія въ ближайшемъ будущемъ (для этого мы не имѣемъ достаточно средствъ въ своемъ распоряженіи), но насъ могутъ спросить: какъ же, говоря вообще, относится публика въ Италіи къ перспективѣ очутиться въ одинъ прекрасный день въ республикѣ вмѣсто монархіи? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить съ нѣкоторой опредѣленностью: говоря вообще, итальянская публика относится къ этой перспективѣ, какъ къ факту, который непременно наступитъ сегодня или завтра, и относилась бы къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, еслибъ только къ республиканскому движенію не примѣшивалось социалистическое, навязываемое ему крайними республиканцами новѣйшаго фасона (мадзинисты, истые республиканцы, не особенно довольны такой примѣсью). Ожиданіе республики на смѣну монархіи можно встрѣтить во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и военнаго сословія. Авторъ этихъ строкъ не хочетъ этимъ сказать, что итальянское населеніе настроено республикански: онъ хочетъ только сказать, что итальянская публика не видитъ ничего необычайнаго въ предстоящей перемѣнѣ. Перемѣна эта казалась бы аномаліей при Викторѣ-Эммануилѣ, королѣ «освободителѣ», какъ его назвали бы у насъ, и какъ его дѣйствительно иногда называютъ въ Италіи литераторы, или при «великомъ королѣ» (gran re), какъ его называютъ старые служивые; но король Гумбертъ, не смотря на свою доброту, простоту и привѣтливость, какъ-то не сумѣлъ поддержать престижа, доставленнаго его отцомъ Савойской династіи въ ея новомъ званіи королевскаго дома объединенной Италіи. Говорятъ даже, что и самъ нынѣшній король относится къ перспективѣ замѣны монархіи республикой съ полнымъ равнодушіемъ. Защитниковъ монархической власти въ Италіи, разумѣется, не мало, особенно среди военныхъ и многочисленнаго чиновничества; но зато есть цѣлые города, какъ, напримѣръ, Генуя, Миланъ, гдѣ населеніе рѣшительно пропитано республиканскимъ духомъ. Затѣмъ есть не мало такихъ

монархистовъ, которые — монархисты по принципу, а не de facto; то-есть они съ удовольствіемъ признаютъ монархическую власть папы, или даже бывшаго неаполитанскаго короля Франциска II, но они и слышать не хотятъ о Савойской династіи, которая представляется имъ не чѣмъ инымъ, какъ узурпаторами, поправшими законный порядокъ вещей въ Италиі. Этого рода монархисты, понятно, будутъ рады низложенію нынѣшней монархіи, хотя бы только изъ предположенія, что имѣющая замѣнить ее республика не устоитъ на ногахъ, а поведетъ въ той или другой степени къ реставраціи законнаго порядка вещей.

Если республикѣ въ Италиі суждено осуществиться, то слѣдуетъ сознаться, что ее всего болѣе приблизило къ осуществленію тяжкое экономическое положеніе страны, вызывающее недовольство всѣхъ классовъ народа безъ исключенія. Недовольство это въ значительной степени обращено противъ короля потому, что онъ считается главнымъ виновникомъ несчастной международной политики, которой теперь держится Италия, принужденная напрягать всѣ свои силы для того, чтобы содержать огромную армию и постоянно усиливать свои вооруженія. Оппозиціонная печать не перестаетъ твердить, что главное зло—въ принадлежности Италиі къ тройственному союзу. Независимо отъ финансоваго разоренія, которое приноситъ этотъ союзъ, онъ ненавистенъ многимъ и очень многимъ, особенно демократическимъ элементамъ, какъ именно союзъ съ двумя средне-европейскими имперіями. Бурная сцена, происшедшая 15-го іюля въ палатѣ депутатовъ, по поводу поѣздки королевской четы въ Берлинъ или Потсдамъ, когда депутатъ Имбриани закричалъ, что онъ желаетъ, чтобы король съ королевой переломали себѣ въ дорогѣ ноги, показываетъ, какія чувства этотъ роковой для Италиі союзъ вызываетъ въ демократической партіи. Если демократическія чувства страны раздражаетъ союзъ съ Германскою имперіей, то легко себѣ представить, сколько желчи и негодованія вызываетъ тамъ союзъ съ Австріей, «исконнымъ врагомъ Италиі». Положительно можно сказать, что за исключеніемъ горсти честолюбивыхъ политикановъ рѣдко можно найти челоуѣка, который бы не считалъ этого союза оскорбленіемъ національнаго чувства Италиі. Упорствуя стоять въ этомъ тройственномъ союзѣ, король рѣшительно убилъ свою репутацію государственнаго челоуѣка и теряетъ, не говорю—любовь, просто уваженіе.

Послѣ экономическаго разстройства, въ какое королевское правительство въ три десятка лѣтъ привело Италию, послѣ заключенія ненавистнаго націи или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе живымъ ея элементамъ союза съ двумя европейскими имперіями, престижъ монархіи въ странѣ ни отъ чего такъ сильно не пострадалъ, какъ отъ безчинствъ итальянскихъ властей въ Массовѣ, въ такъ называемой Эритрейской колоніи. Происходившій въ концѣ 1871 года

въ Массовѣ процессъ Ливраги, отправлявшаго на тотъ свѣтъ богатыхъ туземцевъ подъ предлогомъ ихъ измѣны, безъ всякаго подобія суда или судебного приговора, а втихомолку, иногда обманомъ и предательски, разоблачилъ такія гнусности военнаго управленія въ несчастной колоніи, отъ которыхъ выступала краска стыда у каждаго итальянца, дорожащаго честію своего отечества. Негодованіе, не сходявшее со столбцовъ газетъ всѣхъ лагерей, кромѣ правительственнаго, громогласно высказывавшееся въ парламентскихъ рѣчахъ, забило ключемъ, когда процессъ этотъ, по желанію свыше, окончился оправданіемъ офицера, печатно признавшагося въ совершеніи самыхъ постыдныхъ дѣлъ, какія только могли быть совершены европейскою администраціей, гдѣ бы то ни было. Нравственное чувство образованныхъ итальянцевъ нисколько не было облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что командовавшій въ колоніи генераль Бальдиссера взялъ на себя отвѣтственность за всѣ незаконныя экзекуціи, кромѣ убійства негоціанта Гетеопа, которое Ливраги совершилъ надъ богатымъ купцомъ по собственной инициативѣ. Назначенная правительствомъ во время министерства Рудини коммиссія по африканскимъ дѣламъ не нашла возможнымъ оправдать поведенія генерала, когда-то пропедшаго военную школу въ Австріи и принесшаго грубость и жестокость австрійской солдатчины въ Италію. Между тѣмъ этотъ Бальдиссера не только не былъ преданъ суду, какъ того требовали многіе члены парламента, но даже, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи позорнаго для него африканскаго процесса, былъ произведенъ изъ генераль-маіоровъ въ генераль-лейтенанты. Въ странѣ, пользующейся почти безграничною свободой печати и широкою парламентскою жизнью, было крайне безтактно дѣлать такіе вызовы общественному мнѣнію. И безъ подвиговъ генерала Бальдиссеры и поручика Ливраги африканскія дѣла лежатъ тяжкимъ гнетомъ на странѣ, вовлеченной правительствомъ короля въ безразсудное, ни съ какой точки зрѣнія не оправдываемое предпріятіе. А тутъ еще незаконія и злодѣйства, отъ которыхъ становится жутко всякому человѣку съ нравственнымъ чувствомъ, убійства или, какъ они тамъ назывались, удаленія со сцены (*soppressioni*) безоружныхъ людей, не уличенныхъ ни въ какомъ преступленіи, а просто казавшихся по своему личному значенію опасными для спокойствія завоевателей, эти «*omicidii e soppressioni*», совершавшіяся во имя цивилизаторской миссіи, съ какою итальянскія войска отправлялись на берега Чермнаго моря! Даже умѣренные и не склонныя къ оппозиціи газеты, какова римская «*Tribuna*», не находили никакихъ средствъ къ смягченію подавлявшихъ душу фактовъ и говорили, что нужно имѣть «обитое бронзой сердце, чтобы молчать о нихъ, не

¹⁾ «*Tribuna*» отъ 27-го ноября 1891 г.

совершая тѣмъ подлости»¹⁾). Возмутительно, позорно для итальянскаго правосудія было оправданіе поручика Ливраги, но объясненія, данныя на судѣ генераломъ Бальдиссерой, эта хладнокровная хвастливость злодѣяніями, которыя не составили бы чести никакому разбойнику, были оскорбленіемъ всякаго нравственнаго чувства. «Пусть генераль Бальдиссера,—писала «Тribuna» въ томъ же номерѣ,—имѣлъ свои основанія принять на себя эту страшную отвѣтственность, пусть убійства и *soppressioni*, какія онъ приказывалъ дѣлать, были полезны, необходимы и, если кому это нравится, даже похвальны; но эти убійства и *soppressioni* не перестаютъ отъ того составлять преступленіе передъ уголовнымъ кодексомъ обыкновеннымъ, передъ уголовнымъ кодексомъ военнымъ, передъ дисциплинарнымъ регламентомъ, передъ нравственнымъ чувствомъ, передъ всѣмъ тѣмъ, наконецъ, чѣмъ составляетъ честь нашего времени, защиту и безопасность гражданскаго общества, среди котораго мы живемъ». Вотъ какова «свѣтская мораль!»—кричали газеты, преданныя папѣ. Указывая на то, что въ парламентѣ находятся люди, которые оправдывали производившіяся, по распоряженію Бальдиссеры, тайныя умерщвленія неудобныхъ для него туземцевъ и говорили, что онъ совершалъ эти убійства для пользы отечества, «Voce della verità» (отъ 13-го декабря 1891 г.) въ статьѣ, исполненной самого ѣдкаго сарказма, писала, что, разсуждая такимъ образомъ, можно находить превосходнымъ, когда, наконецъ, кто нибудь станетъ публично прославлять себя въ такихъ выраженіяхъ: «Я задушилъ, я убилъ, я замучилъ пытками, я исправлялъ должность мучителя и палача во славу и величіе Итальянскаго королевства».

Спора нѣтъ, бывший республиканскій депутатъ Имбриани, провалившійся при послѣднихъ выборахъ,—человѣкъ очень безпокойный: рѣдкое засѣданіе въ палатѣ депутатовъ происходило безъ того или другаго инцидента съ нимъ; но когда онъ дѣлалъ запросъ относительно производства Бальдиссеры въ генераль-лейтенанты, онъ, безспорно, удовлетворялъ этимъ жгучей потребности въ нравственномъ удовлетвореніи. Очевидно, король не въ одномъ только дѣлѣ съ тройственнымъ союзомъ идетъ противъ общественнаго теченія, противъ нравственнаго чувства страны, а это большая ошибка.

Когда итальянскіе мыслители и публицисты спокойно разсуждаютъ о республиканскомъ движеніи въ Италиі и о возможности замѣны нынѣшней формы правленія другою, то они невольно задаютъ себѣ вопросъ: стоитъ ли при той широкой политической свободѣ, какая существуетъ въ Италиі, и больше которой, пожалуй, не будетъ и при республикѣ, рисковать политическимъ переворотомъ, который можетъ произвести въ странѣ большое замѣшательство? Такъ именно разсуждаетъ г. Бартоломео Фонтана въ своей книгѣ: «Del Principe nelle dottrine politiche del nostro tempo» (Roma,

1883). «Что касается свободной республики, правленія менѣе теоретическаго, чѣмъ оно кажется, то мы не можемъ отрицать, что это благороднѣйшая форма и для тѣхъ случаевъ, которые къ ней подходятъ и о которыхъ мы говорили выше, по истинѣ счастливая; но, не говоря о томъ, что есть не мало пунктовъ, въ которыхъ республика и принципатъ (т. е. монархія) сходятся, и что самое важное ихъ отличіе—имѣть или нѣтъ постояннаго главу—не оправдываетъ политической пертурбаціи, способной поколебать основы гражданскаго общества, противъ республики говорить еще то, что она не разрѣшаетъ ни всѣхъ возможныхъ случаевъ, ни большаго ихъ разнообразія, которыхъ не разрѣшало бы одинаково или лучше правительство государя, какъ оно у насъ понимается» (р. 120).

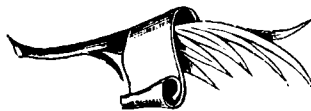
Въ пользу итальянской монархіи приводится и ея древнее существованіе, какъ не только ея право на продолженіе своего бытія, но и какъ гарантія государственнаго порядка на будущее. Только что указанный публицистъ пишетъ: «Въ Италіи монархія насчитываетъ восемь вѣковъ славы и, существуя въ той же странѣ и подъ тѣмъ же закономъ (*ego Umbertus filius quondam Amedei, qui professus sum, ex natione mea, lege vivere Romana*,—говоритъ Гумбертъ Усиленный, маркизъ Италіи), есть самая древняя изъ царствующихъ во всей Европѣ. Независимо отъ благодарности, неразрывно связывающей насъ съ Савойскимъ домомъ, прибавимъ, что, еслибъ даже сдѣлались республиками всѣ европейскія націи и осталась между ними монархическою одна Италія, уваженіе этихъ націй къ Италіи должно было бы возрасти въ силу долготія и крѣпости дерева, не сокрушимаго бурями, и могло бы статься, что онѣ почувствовали бы къ ней зависть» (р. 150—151). Но и этотъ столь преданный Савойской династіи писатель, все-таки, считаетъ нужнымъ, чтобъ монархія совершенствовалась и, главное, умѣла во время уступить. «Еслибъ,—говоритъ онъ,—во время протестантской революціи римскіе католики сдѣлали столько уступокъ, сколько потомъ съ меньшею пользою уступилъ тридентскій соборъ, то Лютеръ оказался бы только посредственнымъ богословомъ и бѣднымъ монахомъ. Великимъ королемъ оказался бы Карль I англійскій, еслибъ уступилъ менѣе, чѣмъ сколько уступилъ Вильгельмъ голландскій» (р. 155). Уступки эти, когда ихъ требуютъ обстоятельства, могутъ идти до полнаго отреченія отъ власти. Поэтому, въ заключеніе своей книги, исполненный монархическихъ чувствъ г. Фонтана приводитъ примѣръ аеинскаго царя Кодра, принесшаго себя въ войнѣ съ спартанцами въ жертву за отечество, такъ какъ, по изреченію оракула, лишь этимъ путемъ могла быть обезпечена побѣда за его подданными. Въ благодарность за эту жертву аеиняне, какъ извѣстно, объявили, что послѣ такого царя никто уже не достоинъ сидѣть на его престолѣ, и ввели у себя республику. Итальянскій публицистъ хотѣлъ этимъ

примѣромъ какъ будто сказать, что противъ добровольнаго отреченія итальянскаго короля по требованію обстоятельствъ и онъ ничего не имѣетъ, и уже прямо вслѣдъ за тѣмъ говорить, что противоположный примѣръ, примѣръ удержанія за собой власти во что бы то ни стало, хотя бы путемъ потоковъ крови, наблюдаемый въ заявленіи Фридриха Швабскаго, «не есть примѣръ для насъ».

Изъ приведенныхъ разсужденій извѣстнаго итальянскаго публициста видно, что даже самые преданные Савойской династіи люди, еще десять лѣтъ назадъ, считались съ возможностью близкой переменны формы правленія въ Италиі. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и измѣнилось не въ пользу укрѣпленія монархіи. Изъ нашихъ личныхъ впечатлѣній мы вынесли убѣжденіе, что вопросъ объ этой переимѣнѣ носится въ воздухѣ. Она можетъ, конечно, и не произойти на нашихъ глазахъ, но можетъ быть также сильно ускорена обстоятельствами. Въ послѣднія тридцать лѣтъ столько произошло переменъ даже самыхъ неожиданныхъ...

На послѣднихъ (ноябрьскихъ) выборахъ, давшихъ Италиі новую палату депутатовъ, республиканская партія понесла чувствительное пораженіе. Оказался не выбраннымъ не только черезчуръ безпокойный Имбриани, но и разсудительный Кавалотти, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими столпами радикальнаго лагеря (Канціо, Феррари). Быть можетъ, это — признакъ недовольства избирателей республиканскими стремленіями радикальной партіи? До извѣстной степени, да. Только нужно замѣтить, что, по всѣмъ извѣстіямъ, никогда не обнаруживалось такого давленія на выборахъ со стороны правительства Италиі, какъ въ министерство Джолитти, и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не проявлялось такого устрашающаго уклоненія избирателей отъ подачи голоса, какъ на ноябрьскихъ выборахъ. Съ другой стороны, удаленіе искреннихъ республиканцевъ съ парламентской арены входитъ, какъ мы видѣли, въ программу партіи дѣйствія. Поэтому побѣда на выборахъ, доставившая министерству Джолитти такое сильное большинство въ парламентѣ, что это даже пугаетъ друзей Италиі среди политиковъ тройственнаго союза, можетъ оказаться въ концѣ концовъ Пирровой побѣдой. Во всякомъ случаѣ республиканское движеніе въ Италиі нисколько не остановится въ виду исхода ноябрьскихъ выборовъ, а скорѣе всего получитъ въ этомъ исходѣ еще новую пищу.

В. Модестовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНІИ ¹⁾.

IV.

Японскій театръ.

ВЪ ОДИНЪ изъ февральскихъ дней 1891 года мы отправились въ Нагасакскій театръ. Въ это время пріѣхала сюда съ сѣвера одна извѣстная туземная труппа, и въ мѣстныхъ газетахъ появилось много хорошихъ отзывовъ о ней. Мы пришли около двухъ часовъ по полудни и застали послѣднія два дѣйствія какой-то раздирательной драмы. Не стану передавать ея содержанія. Скажу только, что въ послѣднихъ актахъ, на которыхъ мы присутствовали, одному герою вонзили ножъ въ бокъ, и когда вытащили этотъ ножъ изъ раны, кровь съ него лилась ручьемъ; другой герой распоролъ себѣ животъ и долго возился въ немъ саблей; эта сцена, страдальческое лице умирающаго, постепенно слабѣющій голосъ, какимъ онъ просилъ своего друга отрубить ему голову для прекращенія его страданій,—все это такъ походило на дѣйствительность, было до того реально, что надолго разстроило мнѣ нервы: и теперь еще, при воспоминаніи объ этой сценѣ, мнѣ становится какъ-то не по себѣ.

Затѣмъ шла другая драма. Она называлась именемъ знаменитаго японскаго художника, рѣзчика на деревѣ, Хидари Джингоро. Постараюсь передать вкратцѣ содержаніе этой пьесы, состоявшей изъ нѣсколькихъ дѣйствій и картинъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 262.

Великій художникъ отправляется съ компаніей молодежи покупать. Они приходятъ къ дому одной извѣстной красавицы. Товарищи уговариваютъ Хидари зайти сюда; но онъ—человѣкъ женатый, любитъ свою жену и отклоняетъ это предложеніе. Сцена происходитъ въ прекрасномъ саду, окружающемъ домъ красавицы. Въ то время, какъ между молодыми людьми идутъ переговоры, дверь дома открывается, и на балконѣ его появляется сама хозяйка. Художникъ, взглянувъ на нее, что называется обомлѣлъ. Красавица, перекинувшись нѣсколькими словами съ молодыми людьми, торжественно проходитъ по сценѣ и по проходу зрительной залы и отправляется затѣмъ на улицу. Художникъ не спускаетъ съ нея глазъ. Выразительной мимикой и словами онъ передаетъ свои ощущенія. Онъ говоритъ, что его покой и тихое семейное счастье погибли теперь навсегда: отнынѣ только эта женщина будетъ царить въ его душѣ.

Слѣдующее дѣйствіе происходитъ въ домѣ художника. Сцена представляетъ обстановку обыкновеннаго японскаго дома. Художникъ, мрачный, тоскующій, работаетъ надъ кускомъ дерева, которое начинаетъ уже принимать человѣческія формы; наконецъ, послѣ усиленныхъ трудовъ, ему удается воссоздать свою красавицу. Онъ заказываетъ точь-вточь такіе же дорогіе наряды, какіе носить любимая имъ живая женщина, и передъ нами въ слѣдующей картинѣ является статуя красавицы, отличающаяся отъ своего оригинала только отсутствіемъ жизни. Восторгамъ художника нѣтъ конца. Онъ совсѣмъ забросилъ работу. Кредиторы осаждаютъ его домъ. Жена его прибѣгаетъ къ ряду уловокъ, чтобы выпроваживать ихъ, а художникъ знать ничего не знаетъ: онъ живетъ и дышетъ только своимъ произведеніемъ, и, наконецъ, доходитъ до того, что начинаетъ воображать свою статую женщиной и говорить съ ней, какъ съ живымъ существомъ. «Зеркало,—говоритъ онъ,—душа женщины», и подноситъ къ лицу статуи зеркало, которое его живая красавица обронила на улицѣ и которое онъ поднялъ. Тутъ совершается чудо: статуя обращается въ женщину. Она не можетъ оторваться отъ зеркала, находитъ себя прелестной и начинаетъ очень граціозно кокетничать. Художникъ глазамъ своимъ не вѣритъ; чтобы убѣдиться въ реальности совершившагося чуда, онъ продѣлываетъ рядъ мимическихъ движеній, которыя ожившая статуя автоматически повторяетъ: все это вмѣстѣ образуетъ очень недурный балетъ. Затѣмъ Хидари убираетъ прочь зеркало, т. е. душу женщины, и послѣдняя опять обращается въ безмолвную статую. Какъ только художникъ остается одинъ въ домѣ, онъ сейчасъ же отправляется къ нишѣ, гдѣ подъ полотномъ стоитъ его статуя, вывозитъ послѣднюю на сцену, оживляетъ ее, и затѣмъ начинается рядъ пантомимъ, преисполненныхъ порою порядочнаго комизма.

Между тѣмъ домъ Хидари дѣлается мѣстомъ убѣжища одной княжны. Случилось это такимъ образомъ: княжну, оставшуюся круглой сиротой и имѣющую любимаго жениха, тоже князя, преслѣдуетъ своей любовью знатный, но старый, отвратительный вельможа. Друзья молодого человѣка прячутъ княжну къ Хидари, какъ къ лицу, пользующемуся общимъ уваженіемъ въ городѣ, и распускаютъ слухъ о пропажѣ и вѣроятной гибели княжны. Но въ руки стараго вельможи случайно попадаетъ письмо, адресованное жениху; изъ этого письма обезумѣвшій отъ страсти старикъ узнаетъ, что княжна жива и спрятана у Хидари. Трудно передать бѣшенство вельможи: Хидари, ничтожный рабочій, его подданный, смѣетъ идти противъ воли его, всемогущаго князя! Самолично, съ огромной свитой, онъ отправляется къ Хидари. Старикъ представленъ крайне близорукимъ, что вызываетъ рядъ комическихъ эпизодовъ, необходимыхъ для объясненія дальнѣйшихъ событій. Между вельможей и художникомъ происходитъ бурная сцена, въ заключеніе которой старикъ заявляетъ, что онъ въ извѣстныя часы явится за княжной, живой или мертвой. Хидари, оставшись одинъ, приходитъ въ отчаяніе; въ немъ происходитъ страшная борьба между чувствомъ долга и дружбы, съ одной стороны, и боязнью мести князя—съ другой; наконецъ, чувство долга беретъ верхъ: онъ рѣшается спасти княжну, даетъ ей возможность бѣжать, и когда вельможа является за ней, Хидари выноситъ ему голову своей статуи. Князь, не разобравшій сразу, по близорукости, что эта голова деревянная, удовлетворенный уходитъ домой, а Хидари, съ тоски и отчаянія, которыя были прекрасно переданы игравшимъ актеромъ, сходитъ съ ума. Князь скоро узнаетъ обманъ и снова является въ домъ Хидари, и его уже сумасшедшаго вяжутъ и вѣдутъ въ тюрьму. Занавѣсъ.

Пьеса началась въ 4 часа и кончилась около 8-ми. Играли исключительно мужчины и, надо отдать имъ справедливость, великолѣпно передавали всѣ отличительныя черты женскаго характера.

Мнѣ прежде случалось бывать въ японскомъ театрѣ (въ Осака, въ Кіото, въ Іокогамѣ), и меня всегда поражала реальность, жизненность японской игры. При очень хорошемъ составѣ труппы, исполнявшей въ Нагасаки вышеназванную пьесу, эта сторона выступала еще рѣзче.

Характерную особенность японскихъ пьесъ вообще составляетъ ихъ непомѣрная растянутасть: онѣ наполнены массой вставныхъ эпизодовъ, безъ которыхъ онѣ только выиграли бы. Но японцы рассуждаютъ такъ: выдающіяся событія въ дѣйствительной жизни не идутъ подъ рядъ одно за другимъ, а отдѣлены массой второстепенныхъ эпизодовъ; и такъ какъ театръ изображаетъ жизнь, то на немъ должны найти себѣ мѣсто и эти болѣе мелкія событія.

Нѣкоторые изъ такихъ вставныхъ эпизодовъ въ пьесѣ Хидари

Джингоро были полны жизненной правды и прекрасно исполнены. Приведу одинъ изъ нихъ. У Хидари много долговъ; его осаждаютъ кредиторы; онъ прячется отъ нихъ; но трое изъ кредиторовъ особенно навоиливы: они заявляютъ растерявшейся женѣ художника, что намѣрены ждать въ его домѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ должникъ не вернется, и преспокойно усаживаются. Хозяйка предлагаетъ имъ обычное японское угощеніе: трубки и чай, но при этомъ незамѣтно подсыпаетъ въ чай какой-то порошокъ. Напитокъ пришелся по вкусу непрошенымъ гостямъ: они хвалятъ его, смакуютъ и вдругъ впадаютъ въ неудержимую болтливость. Любезная хозяйка подливаетъ имъ еще и еще чая; дѣйствіе порошка усиливается и проявляется слѣдующимъ образомъ: первый гость начинаетъ безъ умолку хохотать, находя во всемъ окружающемъ поводъ къ смѣху. Хохотъ его дѣйствуетъ заразительно на зрительную залу, и съ нимъ хохочутъ всѣ. Другой сердится, и опять-таки безъ всякой причины, или, вѣрнѣе, все то, что служить для перваго поводомъ къ смѣху, вызываетъ у втораго гнѣвъ, да вѣдь какой гнѣвъ: бѣшенный, злой, ничѣмъ неукротимый. Третій начинаетъ плакать; плачетъ онъ горькими слезами, которыя крупными каплями текутъ по его щекамъ, плачетъ со всхлипываніями, причитаніями и прочими знаками глубочайшей горести. Все это идетъ crescendo и черезъ четверть часа достигаетъ своего апогея. Жена художника и его рабочій покатываются со смѣху, радуясь удавшейся шуткѣ: кредиторы совершенно забыли о цѣли своего прихода и, хохоча, плача и ругаясь, удаляются изъ гостепріимнаго дома.

Не стану распространяться много о деталяхъ устройства и обстановкѣ японской сцены, отмѣчу только нѣкоторыя выдающіяся по своей оригинальности особенности ея.

Въ драматическихъ пьесахъ музыка,—отчаянная, убійственная японская музыка,—играетъ для пущей торжественности почти все время. Въ комедіяхъ она впутывается лишь тамъ, гдѣ надо подчеркнуть мѣста особенно важныя. Суфлеръ, одѣтый во все черное и съ черной маской на лицѣ (что для зрителей должно означать его небытіе на сценѣ), бѣгаетъ позади актера, которому надо произнести длинный монологъ и подсказываетъ ему по книжкѣ.

Актеры не всегда уходятъ за кулисы, а для большей реальности удаляются по особенно проложенной для нихъ дорогѣ вдоль зрительной залы. (Эта дорога должна означать аллею, улицу, вообще дѣйствительно существующій путь). Декораціи, очень хорошо исполненныя, имѣютъ цѣлью также произвести возможно болѣе полную иллюзію дѣйствительности.

Очень остроумнымъ приспособленіемъ является вращеніе театральной сцены на оси, скрытой подъ поломъ, что даетъ возможность моментально повернуть ее всю, съ актерами и обстановкой,

и представить зрителямъ буквально въ одно мгновеніе ока картину, совершенно отличную отъ предыдущей. Эта вторая картина готовится незамѣтно для публики въ то время, когда идетъ первая. Такимъ образомъ здѣсь не тратится времени на установку декорацій, вниманіе и интересъ зрителей къ пьесѣ не прерывается томительными антрактами и, наконецъ, является возможность изобразить переходъ дѣйствующихъ лицъ изъ одной обстановки въ другую съ такой естественностью, какая наблюдается въ дѣйствительной жизни. Последнее обстоятельство особенно важно въ глазахъ японцевъ, такъ какъ, повторяю, театръ, по ихъ мнѣнію, долженъ какъ можно больше походить на жизнь.

Партеръ въ японскомъ театрѣ состоитъ изъ квадратныхъ клѣтокъ—ложе, человекъ на восемь. Ложи выстланы циновками и отдѣляются другъ отъ друга низенькими барьерчиками. Въ ложахъ всѣ сидятъ прямо на полу, на циновкахъ, поджавъ ноги подъ себя, причемъ знакомые и незнакомые могутъ помѣщаться бокъ-о-бокъ, въ одной и той же ложѣ. Вокругъ залы идутъ два яруса такихъ же помѣщеній; но, сидя въ нихъ на полу, трудно видѣть что либо, и потому находящаяся тамъ публика принуждена все время стоять.

Цѣны мѣстамъ болѣе чѣмъ умѣренныя: ложа въ партерѣ стѣбитъ, напримѣръ, около $1\frac{1}{2}$ —2 рублей. Во время антрактовъ, отдѣляющихъ одну пьесу отъ другой, торговцы разносятъ по театру чай, фрукты, сласти и всякія туземныя лакомства въ видѣ поджаренныхъ бобовъ, осыпанныхъ солью, такого же гороха и проч.

Въ ложахъ публика располагается совсѣмъ подомашнему, пьетъ чай, закусываетъ, громко разговариваетъ. Многіе приходятъ въ театръ съ утра со своими семьями и хорошими знакомыми и приносятъ сюда же разныя закуски изъ дому.

Во время антрактовъ дѣти цѣлыми тучами влетаютъ въ театръ и бѣгаютъ веселой гурьбой по всѣмъ лохамъ.

Передъ послѣднимъ актомъ театральная администрація пускаетъ публику въ зрительную залу даромъ. Дѣлается это для рекламы и приманки: заинтересованная такимъ образомъ толпа завтра уже сама явится въ театръ съ самаго начала представленія, чтобы просмотрѣть уже всю пьесу, которая, если только она дѣлаетъ сборы, не сходитъ цѣлыя недѣли съ репертуара.

Двери театра открыты во все время представленія, и самый театръ въ зимнюю пору ничѣмъ не согрѣвается, если не считать небольшой жаровни съ тлѣющими углями, стоящей въ каждой ложѣ. Поэтому холодъ зимою здѣсь такой же, какъ и на улицѣ.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ исторіи японскаго театра; она очень интересна, эта исторія, представляющая въ своемъ развитіи многія черты сходства съ тѣмъ, что мы знаемъ о европейскомъ театрѣ. Изъ религіозныхъ танцевъ

незапамятной древности, сопровождавшихся хорovýmъ пѣніемъ, выросла древняя японская трагедія съ ея богами, героями, условными классическими позами, съ ея хоромъ, масками и тремя единствами,—со всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ ее такъ поразительно похожей на греческую трагедію.

Изъ представленій марионетокъ возникли въ XVI столѣтіи современная японская комедія нравовъ и историческая драма. Основательницами этого рода японскаго театральнаго искусства были двѣ женщины; но женщины тѣмъ не менѣе были изгнаны, какъ и въ Англіи во времена Шекспира, съ подмостокъ театра, и исполненіе женскихъ ролей было оставлено за мужчинами. Причиной такого остракизма послужили соображенія чисто моральнаго свойства, имѣвшія, пожалуй, свои основанія въ крайней реальности японской игры.

Такъ же, какъ и въ Европѣ, актеры пользовались въ Японіи до самаго послѣдняго времени глубокимъ презрѣніемъ со стороны населенія, и только теперь, подъ вліяніемъ напора просвѣтительныхъ идей съ запада, такое отношеніе къ представителямъ сценическаго искусства начинаетъ и здѣсь измѣняться въ лучшую сторону.

Описывая внѣшнюю обстановку японскаго театра, я упомянула мимоходомъ о томъ, что театры здѣсь не отапливаются. Я должна прибавить, что не только общественныя зданія, но и японскіе жилые дома не знаютъ, что значить отопленіе. Значительную часть года японскій домъ не нуждается въ искусственномъ теплѣ, а мѣсяца 3—4, когда бываетъ очень холодно даже въ Нагасаки, обитатели дома грѣются вокругъ такъ называемаго хибача: это—хорошенькій лакированный деревянный ящикъ, внутри котораго вставляется другой, фарфоровый или глиняный, наполненный горячей золой, подъ которой тлѣютъ два-три раскаленныхъ древесныхъ угля. Такой хибачъ стоитъ посреди комнаты; кругомъ него сидятъ, обѣдаютъ, работаютъ, веселятся и находятъ, что этого тепла вполне достаточно; причемъ раздвижныя стѣны дома зимою, какъ и лѣтомъ, всегда раскрыты, и температура комнаты равняется температурѣ внѣшняго воздуха. Эта сторона японской жизни меня всегда поражала.

Чтобы согрѣться во время зимней стужи, японецъ увеличиваетъ число халатовъ (кимono); лѣтомъ онъ носитъ одинъ; по мѣрѣ наступленія холодовъ онъ надѣваетъ другой, третій и т. д., такъ что въ разгарѣ зимы на немъ (или на ней) бываетъ надѣто 4, 5, 6 халатовъ; одинъ изъ нихъ обыкновенно на легкой ватной подкладкѣ; а домъ остается одинаково открытъ аих quatre vents зимою, какъ въ знойный іюльскій день. Выносливость къ холоду представляетъ вообще замѣчательное свойство этой націи. Казалось бы, что японцы, изнѣженныя лѣтней жарой и ежедневными горячими ваннами

(обыкновенная температура ихъ ваннъ $+35^{\circ}$ R. и даже выше), должны были бы быть особенно чувствительны къ зимней стужѣ, которая сравнительно весьма значительна втеченіе декабря и января; даже въ Нагасаки въ эти мѣсяцы температура—3, 4, 5° Реомюра далеко не рѣдкость. Въ 1890 году въ Нагасаки нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ въ январѣ и февралѣ, а въ концѣ декабря того же года выпалъ снѣгъ, продержавшійся цѣлую недѣлю. Холодъ въ это время усиливался еще рѣзкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, а японцы продолжали себѣ разгуливать въ своихъ кимоно, развѣвающіяся полы которыхъ открываютъ совершенно голыя ноги въ деревянныхъ сандаляхъ, надѣтыхъ на тонкіе носки. А ребятишки, одѣтые самымъ легкомысленнымъ образомъ, носились по улицамъ, не обращая никакого вниманія на снѣгъ.

Странное отношеніе японцевъ къ холоду: ихъ одежда не приспособлена къ зимнимъ стужамъ и въ своихъ существенныхъ чертахъ одинаковая, какъ на крайнемъ югѣ, такъ и на крайнемъ сѣверѣ страны; ихъ дома лишены всякаго намека на устройство искусственнаго отопленія, все это даетъ основаніе думать, что ученые, считающіе прародиной японскаго народа острова жаркаго Малайскаго архипелага, быть можетъ, правы въ своихъ предположеніяхъ на этотъ счетъ.

V.

Японская тюрьма.

Въ апрѣлѣ 1890 года мы собрались цѣлой компаніей посѣтить Нагасакскую тюрьму. Отправилась мы туда вмѣстѣ съ А. А. Сига, при помощи котораго предварительно выхлопотали у губернатора разрѣшеніе на это посѣщеніе. Тюрьма расположена на сѣверо-восточномъ концѣ города, въ долинѣ, у подножья холма, на которомъ помѣщается храмъ Сува. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ деревянныхъ павильоновъ, вытянувшихся длинными линиями на просторѣ огромнаго двора, обнесеннаго толстой каменной стѣной. Въ конторѣ тюрьмы намъ пришлось прождать еще добрыхъ 20 минутъ, не смотря на губернаторское разрѣшеніе, которое, конечно, мы предъявили сейчасъ же у входа. Пошли какіе-то безконечные переговоры. Японцы вообще большіе формалисты и любятъ дѣлать все методически и спокойно. Пока мы сидѣли въ приемной за столомъ, покрытымъ почему-то зеленымъ сукномъ и окруженнымъ стульями, намъ подали японскій чай въ крошечныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ и приборъ для куренья: маленькій хибачъ съ тлѣющими углями и пепельницу для золы. Сига-санъ, наконецъ, явился въ сопровожденіи чиновника, пришедшаго за справками о нашихъ званіяхъ, именахъ, національностяхъ и общественномъ положеніи. Затѣмъ опять пошли непонятные для насъ

переговоры и разсужденія. Мнѣ надоѣло это сидѣнье, и я отправилась осмотрѣть контору. Совсѣмъ какъ у насъ въ присутственныхъ мѣстахъ: рядъ комнатъ, наполненныхъ шкапами съ «дѣлами»; длинные деревянные столы, деревянные стулья; всюду груды бумагъ, исписанныхъ непонятными японскими іероглифами, и согнутыя спины чиновниковъ. Наконецъ, всѣ формальности были улажены, и мы отправились. Прежде всего насъ повели въ отдаленный уголь двора къ какому-то странному зданію; подвалъ его представлялъ солидное каменное сооруженіе, а верхній этажъ—деревянную постройку, похожую на садовую бесѣдку съ поломъ, выкрашеннымъ въ черную краску. Здѣсь, на этомъ черномъ помостѣ, производились казни преступниковъ, осужденныхъ на смерть. Все зданіе блистало безукоризненной чистотой и выглядѣло совсѣмъ новенькой постройкой. На мой вопросъ, совершалась ли тутъ когда либо смертная казнь, мнѣ отвѣчали, что ровно за два года до дня нашего посѣщенія здѣсь казнили одного убійцу. Отсюда насъ повели на другой внутренній дворъ, близъ задней стѣны главной ограды. Тутъ мы увидѣли нѣсколько стоящихъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга будокъ (не нахожу болѣе подходящаго выраженія), узкихъ и высокихъ, выкрашенныхъ въ черную краску. Къ двери каждой будки ведетъ лѣсенка изъ нѣсколькихъ ступенекъ. Тюремный чиновникъ любезно открываетъ одну изъ этихъ тяжелыхъ, массивныхъ, деревянныхъ дверей. Солнечный свѣтъ врывается туда и освѣщаетъ внутренность зданія: стѣны, покрытыя черной краской, голый полъ, и ничего больше,—обычной цыновки не видно. Я вхожу въ этотъ огромный ящикъ. Кто-то изъ нашей компаніи быстро закрылъ дверь, и мнѣ показалось, что я очутилась въ могилѣ: абсолютная тьма, рѣзкій холодокъ и кругомъ 4 стѣны. Это—карцеры, куда сажаютъ провинившихся уже въ тюрьмѣ арестантовъ. Въ данный моментъ всѣ они были пусты. Приходимъ къ ряду длинныхъ деревянныхъ павильоновъ. Въ глухой стѣнѣ ихъ, вверху, подъ самой крышей, продѣланы оконца, дающія доступъ свѣту внутрь. Вездѣ дерево, только крыши черепичныя. Каждый павильонъ дѣлится пополамъ узкимъ корридормъ, съ одной стороны котораго идетъ рѣшетчатая стѣна, съ другой—глухая; затѣмъ все внутреннее пространство направо и налево отъ корридора раздѣлено поперечными глухими стѣнами на цѣлый рядъ камеръ. Каждая изъ нихъ такимъ образомъ имѣетъ три капитальныя стѣны и одну рѣшетчатую. Въ узкій корридормъ, гдѣ мы стоимъ и откуда осматриваемъ внутренность камеръ, допускаются родные и знакомые, и изъ него же подаютъ пищу арестанту. Свѣтъ въ камеру падаетъ изъ оконцевъ и открытой двери корридора. Полъ въ камерѣ представляетъ нѣкоторое возвышеніе; на немъ лежитъ цыновка и стоитъ чашка съ остатками ѣды; чистота такая же, какъ въ любомъ японскомъ

домъ, а воздухъ даже жильемъ не пахнетъ. Въ первой камерѣ, у которой мы остановились, арестантъ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги; онъ одѣтъ въ синій бумажный кимоно, какъ вообще одѣвается рабочій людъ Японіи; лице совершенно безстрастно и неподвижно: передъ нами точно не живой человѣкъ, а манекенъ. Надъ дверью, ведущей въ корридоръ, виситъ у каждой камеры черная деревянная дощечка съ бѣлой надписью на японскомъ языкѣ.

— Скажите, пожалуйста, Сига-санъ, что означаетъ эта дощечка?—обращаюсь я къ нашему чичероне.

— Это имя арестанта,—начинаетъ медленно тянуть слова Сига,—названіе преступленія, совершеннаго имъ, годъ, мѣсяцъ и день поступленія въ тюрьму и срокъ, на который онъ осужденъ; человѣкъ, сидящій предъ вами, осужденъ на 9 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія за воровство.

Далѣе идетъ цѣлый рядъ такихъ же камеръ. Вездѣ одно и то же: тишина, чистота, полумракъ и сидячая или лежащая фигура арестанта.

Женскія камеры такія же, какъ и мужскія. Мы останавливаемся передъ тремя молодыми, красивыми женщинами. Онѣ робко потупили глаза и сидятъ, не шелохнутся.

— Какое преступленіе совершили эти женщины?—спрашиваю я у Сиги-сана.

А. А. мнется и какъ-то странно улыбается, наконецъ отчеканиваетъ: онѣ осуждены на весьма продолжительное заключеніе за нарушеніе супружеской вѣрности.

Мы переходимъ отсюда въ большой, свѣтлый, чистый павильонъ, съ широко-раскрытыми дверями и окнами. Весь онъ залитъ свѣтомъ и свѣжимъ воздухомъ. Здѣсь десятки женщинъ съ веселыми, добродушными лицами, шьютъ арестантскія платья изъ какой-то кирпично-желтой грубой ткани. Сами онѣ всѣ въ такихъ же точно халатахъ съ черными нашивками на рукавахъ, означающими время, на которое онѣ осуждены. Далѣе—передъ нами другой такой же баракъ. Это—столярная; въ ней работаютъ десятка три мужчинъ; они готовятъ на продажу множество деревянныхъ и лакированныхъ вещей: коробочекъ, ящичковъ, столиковъ, этажерокъ и т. д. Одна часть выручаемыхъ за нихъ денегъ идетъ на покупку матеріала, другая тюремному вѣдомству, а третья въ пользу самихъ арестантовъ.

Затѣмъ мы послѣдовательно осматриваемъ веревочную мастерскую, огромный сарай для очистки риса, гдѣ десятки арестантовъ ногами приводятъ въ движеніе ряды огромныхъ деревянныхъ молотовъ, ударяющихъ своими шарообразными концами въ массу рисовыхъ зеренъ, насыпанныхъ въ неглубокія круглыя ямы, отчего наружная шелуха зеренъ механически отдѣляется; наконецъ, приходимъ въ такой же большой сарай, гдѣ готовятъ деше-

вую бумагу: предъ нами проходитъ весь процессъ производства ея до сушки листовъ включительно, и я беру на память нѣсколько листковъ. Отсюда мы попадаемъ на арестантскую кухню, которая помѣщается подъ легкимъ навѣсомъ. Здѣсь такая же чистота, какъ и вездѣ. Нѣкоторые изъ нашей компаніи пробуютъ приготовленныя кушанья: рисъ, зелень, гороховый супъ, даже рыба,—все, говорятъ, очень сносно приготовлено.

Вся эта обстановка первой видѣнной мною японской тюрьмы: поразительная чистота, абсолютно-свѣжій воздухъ, масса свѣта и простора, достаточное, какъ увѣряютъ, количество вполне доброкачественной пищи и постоянныя занятія для менѣе тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ, занятія, лишенные характера истязаній и подходящія къ обычнымъ ремесленнымъ работамъ страны,—все это въ общемъ произвело на меня, да и всѣхъ насъ, очень хорошее впечатлѣніе, такъ что японское названіе тюрьмы «гокуджа», то-есть адъ, кажется совершенно несовременнымъ; скорѣе подойдетъ другое, тоже японское названіе этого мѣста заключенія: «роджа», то-есть клѣтка. Я забыла еще упомянуть, что между павильонами находится огромное пространство совершенно свободной земли, покрытое низкой травой: здѣсь арестанты могутъ гулять. Кромѣ того, при тюрьмѣ для нихъ имѣются горячія ванны, аптека и приемный покой для больныхъ. За внутреннимъ порядкомъ въ павильонахъ наблюдаютъ нѣсколько человѣкъ полицейскихъ; ихъ очень немного.

Въ заключеніе расскажу маленькій курьезъ, характеризующій японскіе нравы. Мы заказали въ тюремной столярной нѣсколько мелочей на память: этажерокъ, подставокъ для цвѣтовъ и т. п. Въ конторѣ мы оставили свой адресъ и расплатились; слѣдовало получить что-то около 60 — 70 копеекъ сдачи; у чиновника не оказалось мелкихъ. Мы ему говоримъ, что не стоитъ хлопотать, что пусть онъ передастъ эту мелочь тѣмъ рабочимъ, которымъ будетъ поручено исполненіе нашихъ заказовъ. Насъ просятъ подождать въ приемной, опять приносятъ зеленый чай, а чиновникъ отправляется къ своему высшему начальству на совѣтъ; черезъ нѣкоторое время онъ возвращается и докладываетъ, что невозможно почему-то сдѣлать такъ, какъ мы сказали. Тогда мы просимъ его, чтобы онъ эти лишнія деньги передалъ на кухню, или больнымъ, или куда знаетъ, однимъ словомъ, и уѣзжаемъ. Представьте же себѣ наше удивленіе, когда черезъ нѣсколько дней намъ привозятъ наши заказы и еще двѣ какія-то лишнія вещицы: оказывается, что послѣ долгихъ совѣщаній, какъ намъ объяснилъ Сигасанъ, тюремное начальство рѣшило сдѣлать эти вещицы, стоящія ровно столько, сколько мы оставили лишнихъ центовъ.

VI.

Праздникъ змѣй.

Каждую весну въ Нагасаки бываетъ большой народный праздникъ, извѣстный подъ именемъ праздника змѣй. Онъ происходитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, на высокой красивой горѣ, лежащей въ сѣверо-восточной части города и называемой Компира-яма. Я два раза видѣла этотъ праздникъ. Особенно удался онъ въ 1891 году. Въ этотъ годъ онъ пришелся на 11-е апрѣля нашего стила. Былъ чудный день съ чуть замѣтнымъ вѣтеркомъ. Начало апрѣля лучшее время въ Нагасаки. Лѣса уже покрылись свѣжей зеленой листвою; абрикосы почти отцвѣли, но вишневья деревья еще въ полномъ цвѣту, огромные кусты камелій усыпаны пышными бѣлыми, розовыми, пунсовыми цвѣтами; нивы успѣли уже кое-гдѣ пожелтѣть, и золотистый цвѣтъ ихъ такъ красиво отгнѣняется рамкой темной зелени роощъ. Прибавьте сюда синія воды морскаго залива, окаймленныя высокими горами, одѣтыми кудрявой зеленью съ разбросанными тамъ и сямъ отдѣльными домиками и селеніями,—и вы получите такую картину, которая будетъ всегда производить чарующее впечатлѣніе, будетъ вѣчно возбуждать желаніе описать ее и которую, всетаки, ни одно перо, кажется, не въ состояніи описать. Еще труднѣе передать то ощущеніе, какое испытываешь въ это время: чувствуешь только, что прошлая жизнь точно ушла куда-то далеко, все бывшее странно поблѣднѣло, потеряло даже интересъ воспоминанія; нервы затихли; даже обычное теченіе мыслей будто приостановилось. Испытываешь только одно желаніе: смотрѣть, не отрываясь, на Божій міръ, который такъ чудно прекрасенъ здѣсь въ это время года.

Однако, я увлеклась въ сторону. До подножія Компиры-ямы мы доѣхали на дженерикшахъ. Въ гору ведетъ очень отлогая тропа, выложенная каменными плитами; мѣстами она переходитъ въ лѣстницу изъ такого же грубаго камня. Окрестныя холмы и долины, открывающіяся съ обѣихъ сторонъ пути, усажены желтѣющими нивами, огородами, бамбуковыми роощами, кустарникомъ и лѣсомъ. Въ началѣ пути кое-гдѣ попадаются и отдѣльно стоящіе домики, крыши которыхъ едва видны изъ-за зелени и цвѣтовъ. Насъ обгоняютъ, идутъ навстрѣчу, или рядомъ съ нами, множество мужчинъ, женщинъ, дѣтей: всѣ въ лучшихъ своихъ нарядахъ, дамы въ изысканныхъ прическахъ, блестящихъ на солнцѣ, какъ вороново крыло, въ чулкахъ, сверкающихъ своей бѣлизной. Дѣти, одѣтыя въ очень пестрыя ткани, скорѣе похожи на куклы, особенно дѣвочки; преобладающіе цвѣта ихъ платьевъ—

розовый и пунсово-красный; но при ближайшемъ разсмотрѣніи это—цѣлый лѣсъ зелени и цвѣтовъ на розовомъ или зеленомъ фонѣ бумажнаго и шелковаго крепа. Въ такія пестрыя кимоно одѣты и молоденькія дѣвушки. Лица у нихъ сильно набѣлены, губы подрумянены; шея на затылкѣ вплоть до волосъ тоже выбѣлена; въ волосахъ цвѣты и разныя блестящія украшенія; въ рукахъ вѣеръ или зонтикъ. Женщины причесаны очень пышно, но безъ цвѣтовъ въ волосахъ, въ шелковыхъ или простыхъ кимоно темныхъ оттѣнковъ; изъ-подъ приподнятаго верхняго платья часто виднѣется другое кимоно, замѣняющее рубашку, изъ блѣдно-голубаго, блѣдно-зеленаго или другаго какого нибудь свѣтлаго крепа. Всѣ почти держатъ въ рукахъ зонтики, большею частью, чернаго цвѣта. Многія женщины съ вычерненными зубами, отчего ротъ самой миловидной изъ нихъ дѣлается похожимъ при улыбкѣ на зіяющую пропасть. Чернѣніе зубовъ было до недавняго времени общераспространеннымъ обычаемъ среди замужнихъ женщинъ Японіи. Въ настоящее время оно все болѣе и болѣе выходитъ изъ моды. На мужчинахъ тоже праздничныя одежды темныхъ оттѣнковъ. Многіе одѣты поевропейски. Пока я занималась разсматриваніемъ лицъ и костюмовъ обгонявшей и окружавшей насъ толпы, мы понемногу поднялись къ небольшому храмику, откуда собственно и начиналось гулянье. Кругомъ храма раскинулся временный базаръ, и чего-чего только тутъ не было: сотни шалашей наполнены сладями, фруктами, печеньями; тутъ же виднѣются переносныя кухни, съ множествомъ лакомыхъ блюдъ изъ рыбы, раковъ, зелени и проч. Изъ напитковъ продаются минеральныя воды, чай, пиво. Отъ храма ведетъ узкій проходъ къ мѣсту главнаго гулянья, расположившагося на склонѣ большаго холма, надъ которымъ высится конусъ Компиры. Весь проходъ уставленъ тоже лотками и лавчонками со всевозможнымъ праздничнымъ товаромъ и дѣтскими игрушками. Торгуютъ очень бойко. Дешевизна всего поразительная. Здѣсь же пріютилось нѣсколько панорамъ, гдѣ за центъ или полцента можно видѣть цѣлый рядъ картинъ грубаго, лубочнаго характера: картины обыкновенно представляютъ серію эпизодовъ изъ походовъ какого нибудь историческаго лица; простая баба или деревенскій мужикъ, стоящіе здѣсь, громкимъ голосомъ нараспѣвъ поясняютъ картины. По соседству примостилось нѣсколько шалашей, гдѣ показываютъ рѣдкихъ звѣрей, часто даже не звѣрей, а просто остовы ихъ. Въ одномъ изъ такихъ шалашей я видѣла саламандру гигантскихъ размѣровъ, которая принадлежитъ къ древнѣйшимъ, исчезнувшимъ породамъ, и водится теперь только въ озерѣ Бива, да и тамъ она—рѣдкость; неуклюжее животное съ трудомъ ворочалось въ своемъ каменномъ бассейнѣ, наполненномъ водой. За ярмаркой открывается возвышенная волнистая площадь, покрытая тысячной тол-

пой. Справа и слѣва отъ этого плоскогорья—двѣ глубокія долины, надъ которыми носятся тысячи бумажныхъ змѣй—бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ, съ драконами, съ изображеніями луны, солнца, людей и животныхъ. Всѣ они прыгаютъ, выются, изгибаются, стараясь перерѣзать другъ у друга покрытую стекляннѣмъ пескомъ нить, къ которой они привязаны, и низвергнуть противника въ пропасть. Хотя змѣи эти имѣютъ болѣе полусажени въ квадратѣ, но они кажутся совсѣмъ маленькими, благодаря этой огромной высотѣ, на какой они парятъ. Искусство, повторяю, состоитъ въ томъ, чтобы перерѣзать противнику нить, а самому остаться невредимымъ. Перерѣзанные воздушные змѣи медленно, какъ бы испуская послѣдній вздохъ, опускаются внизъ, въ долину, и кучи мальчишекъ и парней, приходящихъ на праздникъ изъ сосѣднихъ селеній, вооруженные огромными вилообразными бамбучинами, въ перегонку стараются поймать налету добычу, причѣмъ зачастую вступаютъ между собою въ свалку до тѣхъ поръ, пока съ облаковъ не спустятся опять нѣсколько погибшихъ героевъ, чтобы прекратить старую распрю для начала новой. Пусканіе змѣй—собственно дѣтская забава; но здѣсь иногда видишь очень солидныхъ отцовъ семейства, занимающихся такимъ, повидимому, неподходящимъ имъ дѣломъ. Это уже любители-специалисты, доходящіе въ своемъ искусствѣ часто до виртуозности. Кругомъ спортсменовъ кишитъ тысячная толпа, усыпавшая своими палатками, цыновками, коврами, всѣ четыре холма, образующіе группу Компиры-ямы, и все пространство между ними. Повсюду идетъ пиръ горой, потому что на этотъ праздникъ приходятъ съ утра и проводятъ здѣсь цѣлый день, съ чадами и домочадцами. Часто въ этихъ палаткахъ слышны пѣніе и музыка. Всѣ онѣ устроены такъ, чтобы можно было, сидя въ нихъ, слѣдить за перипетіями змѣиной борьбы и любоваться видами горъ и долинъ. Надъ палатками часто развѣваются флаги. Вотъ вѣтъ и нашъ русскій флагъ. Это компанія Кихэ раскинула свою палатку и радушно угощаетъ тамъ офицеровъ съ судовъ стоящей теперь на Нагасакскомъ рейдѣ русской эскадры. Мы заглядываемъ сюда: весь полъ палатки застланъ цыновками и коврами, кругомъ стоятъ русскія закуски и батареи бутылокъ. Побродивъ по всѣмъ направленіямъ и полюбовавшись вдоволь на окружающую насъ кипучую жизнь, на сотни разряженныхъ дѣтей, играющихъ возлѣ палатокъ, на нарядныхъ, скромныхъ дѣвушекъ, умѣющихъ держать себя съ такимъ тактомъ, на всю эту толпу, праздничную, веселую, у которой, повидимому, одна забота—какъ бы повеселѣе провести этотъ день, и въ то же время крайне сдержанную и воспитанную, мы взобрались на вершину Компиры-ямы. На высшей точкѣ этой горы находится могила какого-то князя, о чемъ говорятъ большіе золоченые гербы на каменныхъ плитахъ ея. Рядомъ стоитъ небольшая,

низенская часовня, грубо сложенная изъ каменныхъ колоннъ, и старая, старая сосна, которая уже не одну сотню лѣтъ видить въ десятый день третьяго мѣсяца стараго японскаго стиля одну и ту же картину оригинальнаго мѣстнаго праздника. Съ этого пункта открывается одинъ изъ самыхъ чудесныхъ видовъ: у ногъ раскинулась пестрая картина праздника, сотни бѣлыхъ, красныхъ и синихъ палатокъ, словно гигантскіе цвѣты, усыпали вершины и склоны холмовъ, надъ которыми владычествуетъ Компира-яма; дальше къ югу виднѣется сѣрая масса крышъ туземнаго города; нѣсколько правѣе, все въ томъ же направленіи, длинной полосой синѣетъ бухта, надъ которой высится горная группа съ вершинами Иноса-Даке и Ивайя-Даке; заливъ переходитъ въ море, и тамъ вдали виденъ скалистый Паппенбергъ, а еще дальше Такасимская группа острововъ, надъ которою повисли клубы дыма, валящаго изъ угольныхъ копей; къ западу тянется воздѣланная долина, усѣянная деревушками и окаймленная длинной цѣпью горъ; посреди долины узенькой ленточкой вьется О-Каве; къ сѣверу виденъ заливъ Омуро, а за нимъ опять рисуются горы, покрытыя синей дымкой дали. Вся эта картина освѣщена косыми лучами заходящаго солнца. Мѣстами густыя вечернія тѣни легли уже длинными полосами на долины. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Вѣтеръ, шумѣвшій было на вершинѣ, вдругъ упалъ, и кругомъ такъ тихо, что слышишь шорохъ земли и камешковъ, сползающихъ въ долину. Время отъ времени на нашъ конусъ взбирается какая нибудь компанія туземцевъ, помолится минутку въ храмѣ, броситъ мелкую монету сидящему здѣсь бонзѣ, побродитъ немного, любовно осмотритъ окружающую панораму и спустится опять внизъ, въ лагерь пирующихъ, уступая мѣсто другимъ такимъ же любителямъ красотъ природы. Мы тоже сходимъ внизъ и, окруженные веселой толпой, среди которой не видать ни одного пьянаго, не слышно ни одного рѣзкаго, грубаго крика,—приходимъ къ нашимъ заждавшимся дженерикшамъ и пріѣзжаемъ домой уже въ сумракѣ наступившаго вечера.

VII.

Поѣздка въ Омуро.

Въ началѣ апрѣля 1891 года мы рѣшили отправиться въ городокъ Омуро, который славится развалинами своего историческаго замка и роскошнымъ паркомъ съ аллеями вишневыхъ деревьевъ. Мнѣ давно хотѣлось побывать тамъ, и мы откладывали свою поѣздку до полнаго разцвѣта вишенъ, любимаго дерева японцевъ, воспѣтаго всѣми туземными поэтами. Ни у какой другой націи нѣтъ такой широко распространенной въ массахъ любви къ цвѣтамъ, какъ у японской. Надо оговориться, впрочемъ: эта лю-

бовъ касается главнымъ образомъ искусственно разводимыхъ цвѣтовъ и цвѣтущихъ растений; дикія цвѣтуція растенія, въ такомъ изобиліи покрывающія японскія долины и горы, пользуются гораздо меньшимъ вниманіемъ со стороны туземнаго населенія. Замѣчательно, что нѣкоторые цвѣты, напримѣръ, роза и камелія, столь чтимыя у насъ, совсѣмъ не въ почетѣ у японцевъ. Азалія, піонъ, присъ, лотосъ и астра гораздо милѣе японскому сердцу; но самыя большіе любимцы у нихъ это—цвѣтуція вишня и слива, причемъ послѣдняя въ ихъ поэзіи и искусствѣ неразрывно связана съ представленіемъ о родномъ соловѣѣ: гдѣ нарисована цвѣтущая слива, тамъ непремѣнно изображенъ и японскій соловей. Прогулки въ тѣ мѣста, гдѣ въ данное время находятся въ цвѣту извѣстныхъ растенія, составляютъ одно изъ любимѣйшихъ удовольствій всего японскаго населенія. Здѣсь существуетъ своего рода календарь цвѣтовъ, гдѣ дни, соотвѣтствующіе времени разцвѣта того или другаго растенія, составляютъ общенародные праздники, въ которыхъ принимаютъ одинаково живое участіе богатый и бѣдный, князь и послѣдній рабочій.

Городокъ Омуро лежитъ къ сѣверу отъ Нагасаки, на берегу Омурскаго залива. Для того, чтобы попасть въ него, надо проѣхать изъ Нагасаки въ деревушку Токидзу (верстахъ въ 20-ти, или приблизительно въ трехъ часахъ ѣзды на дженерикшахъ отъ Нагасаки), откуда ежедневно отходитъ пароходъ часовъ въ девять утра. Вся прогулка эта, туда и обратно, занимаетъ не больше одного дня.

Въ 6 часовъ утра дженерикши ждали уже насъ у воротъ, и мы поспѣшно собрались въ путь, такъ какъ нельзя было терять ни минуты, если мы хотѣли попасть къ отходу парохода.

Проѣзжаемъ набережную, поворачиваемъ въ японскій городъ и кружимъ по цѣлому лабиринту улицъ и переулковъ. Вездѣ проснулась жизньъ, вездѣ кипитъ дѣятельность. Хозяйки подметають улицы передъ своими домами. Лавки уже открыты. Тамъ и сямъ виднѣются груды наваленной рыбы, зелени, овощей, привезенныхъ раннимъ утромъ изъ сосѣднихъ деревушекъ. Ребятишки поменьше съ заспанными глазами высыпали на улицу и принялись, въ ожиданіи завтрака, за свою обычную рѣзвую работу. Дѣти постарше собираются въ школу. Стѣны домовъ раздвинуты, и мы видимъ всю утреннюю суету пробудившейся семьи. Поворачиваемъ опять къ бухтѣ. Еще свѣжо, но день обѣщаетъ быть жаркимъ: солнце ярко освѣщаетъ противоположный берегъ залива. Проѣзжаемъ вершину бухты и ѣдемъ дальше по чудной обработанной долинкѣ, орошаемой потокомъ О-Кавы. Всюду горы: нѣкоторыя изъ нихъ обработаны отъ основанія до вершины, другія покрыты густыми рощами кедровъ и сосенъ. То тутъ, то тамъ мелькають отдѣльно стоящія широколѣтвистыя японскія сосны. По пути то и дѣло попадаютъ толпы крестьянъ и крестьянокъ, спѣшащихъ на рынокъ съ кор-

зинами, наполненными провизіей, которыя они несутъ на легкихъ коромыслахъ, перекинутыхъ черезъ плечо. Вотъ идетъ крестьянинъ и ведетъ двухъ лошадей, навьюченныхъ огромными связками соломенныхъ сандалій; сами кони одѣты въ такія же сандаліи: въ Японіи рабочихъ лошадей не подковываютъ, а употребляютъ для этого круглыя, толстыя, соломенные сандаліи, привязываемыя къ ногамъ лошади соломенными же шурками. Проѣзжаемъ деревню Ураками, населенную почти сплошь японцами-католиками. Когда въ 1860 г. въ Нагасаки прибыли католическіе миссіонеры, они нашли въ окрестностяхъ Нагасаки нѣсколько тысячъ христіанъ, о которыхъ тогдашнее японское правительство ничего не знало. Это были потомки первыхъ туземныхъ христіанъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ свирѣпыхъ гоненій XVII столѣтія. Во время смуть 60-хъ годовъ на этихъ вновь открытыхъ христіанъ было опять воздвигнуто гоненіе: тысячи ихъ были вырваны изъ своихъ домовъ и отправлены въ каторжныя работы на сѣверъ Японіи. Только вначалѣ 70-хъ годовъ состоялось возвращеніе этихъ ссыльныхъ на родныя пепелища.

Близъ деревни Ураками, на пригоркѣ, бѣлѣтъ новое зданіе медицинской школы, состоящее изъ нѣсколькихъ павильоновъ.

Ѣдемъ дальше. Дорога все также живописна. Вотъ на пригоркѣ пріютилась сельская школа: сотни мальчиковъ, выстроившись въ ряды, впереди учителя, собираются идти въ классы.

Какое дивное утро! Горячіе лучи солнца залили всю долину. Воздухъ такъ чистъ и ароматенъ, что не надышешься имъ вдоль. Я раньше нѣсколько разъ бывала здѣсь, но не въ такое время года и не раннимъ утромъ. Пріѣхали, наконецъ, въ Токидзу. Не буду останавливаться на ней, такъ какъ сама по себѣ она не представляетъ ничего замѣчательнаго. Спѣшимъ на пароходъ, гдѣ есть только одинъ классъ, уравнивающийъ всѣхъ пассажировъ. Пароходъ напоминаетъ своимъ устройствомъ японское фуне огромныхъ размѣровъ: ни лавокъ, ни скамей для сидѣнья, каюта вся выстлана цыновками, блистающими своей чистотой. Японскіе пассажиры укладываются и усаживаются на нихъ, снявъ предварительно обувь. Съ нами ѣдутъ, между прочимъ, нѣсколько молодыхъ людей, въ формѣ медицинской школы. Подносятъ книгу, чтобы мы записали свои фамиліи; мой спутникъ подаетъ свою визитную карточку, написанную по-японски; одинъ изъ студентовъ любезно вноситъ его имя въ книгу. У насъ завязывается разговоръ, но онъ скоро обрывается: не сильны въ англійскомъ языкѣ мои будущіе коллеги. Надъ водою повисъ густой утренній туманъ, сквозь который острова и горы рисуются какими-то странными фантастическими силуэтами. Но вотъ туманъ мало-по-малу разсѣялся, и предъ нами открывается цѣлая панорама горъ, острововъ, скалъ, отражающихся въ зеркальной глади залива. Десятки рыбацкихъ

лодокъ точно застыли на синей поверхности. Стоит мертвый штиль, и ихъ натянутые паруса служатъ какъ будто только для полноты аксессуаровъ этой чисто японской картины. Японцы, большіе любители и цѣнители красотъ природы, замерли въ своихъ классическихъ позахъ, и всѣ, кажется, ушли въ созерцаніе.

Городокъ Омуро лежитъ на совершенно ровной, плоской мѣстности. Пароходъ не подходитъ къ пристани: слишкомъ мелко. Мы пересаживаемся въ большую баржу, гдѣ, между прочимъ, сидитъ уже какой-то японецъ, довольно величественной осанки, одѣтый поевропейски; съ нимъ три дамы, видныя, красивыя, въ весьма изящныхъ туземныхъ костюмахъ, но причесанныя поевропейски. Японецъ, какъ человѣкъ, очевидно, знакомый съ европейскими обычаями, любезно предлагаетъ мнѣ занять его мѣсто. Омурская пристань вдается въ заливъ узкой, длинной полосой. Мы пристаемъ. Японскій джентльменъ очень изящно помогаетъ своимъ дамамъ выйти изъ шлюпки, и мы всѣ вмѣстѣ отправляемся въ городъ. Японецъ идетъ впереди, а его дамы въ нѣкоторомъ разстояніи за нимъ. Такъ и слѣдуетъ по туземнымъ понятіямъ: жена, напримѣръ, не можетъ здѣсь идти рядомъ со своимъ мужемъ, а всегда немного позади его. Въ послѣднее время замѣчается, впрочемъ, слѣдующее курьезное явленіе тамъ, гдѣ женщины начинаютъ понемногу мѣнять свой прелестный, живописный костюмъ на европейскій, который такъ не идетъ къ этимъ оригинальнымъ личикамъ и фигуркамъ: именно, японская дама, одѣтая въ свой національный костюмъ, идетъ позади мужа, но если та же дама затынулась въ европейское платье, она уже ни за что не поидетъ за супругомъ, а всегда впереди его.

По бойкости, умѣнью держать себя въ обществѣ, по изяществу костюма и проч., и по тому «*je ne sais quoi*», что дается только путемъ долгаго наблюденія и чего не передать словами, — мы узнаемъ въ нашихъ спутницахъ гейшъ. Онѣ намъ рассказываютъ, что пріѣхали сюда полюбоваться вишневыми и абрикосовыми деревьями, которыя теперь въ цвѣту, и, между прочимъ, предлагаютъ намъ пойти съ ними въ одинъ знакомый имъ семейный домъ, гдѣ онѣ хотятъ остановиться. Мы, конечно, соглашаемся съ благодарностью, и вскорѣ приходимъ въ прекрасно устроенный, богатый домъ, расположенный въ саду. Стѣны, по обыкновенію, раздвинуты, и предъ нами открывается цѣлая амфилада не комнатъ, а бонбоньерокъ: потолки блестятъ отъ лакировки, полы покрыты новенькими, желтыми циновками, которыя свѣтятся, точно онѣ позолочены, стѣны украшены картинами; кругомъ такая тишина, будто мы попали въ замокъ спящей царевны. Посидѣвъ немного, поговоривъ о томъ, о семъ, мы распростылись съ нашими любезными хозяевами и случайными спутниками и отправились къ Омурскому замку. Чтобы попасть туда, надо пройти значительную

часть городка (имѣющаго, къ слову сказать, 10 тысячъ жителей), и такъ какъ иностранецъ здѣсь — гость довольно рѣдкій, то мы служимъ предметомъ большаго любопытства со стороны мѣстныхъ обывателей. Городъ очень чистенькій. Главная улица широка, обстроена хорошими двухэтажными домами; всюду много садовъ и зелени.

Отъ замка собственно осталась только крѣпостная стѣна, окружавшая его со стороны моря. На стѣнѣ, имѣющей больше 20 сажень высоты и сложенной изъ гигантскихъ камней, растутъ цѣлый лѣсъ вьющихся растений, окружившихъ раскинувшіеся здѣсь же сосны и кедры, вишни и персики. Внутрь замка ведетъ роскошная каменная лѣстница въ нѣсколько этажей, прерываемая площадками и двориками, окруженными гигантскими стѣнами и посаженными цвѣтущими вишнями. Паркъ густой, тѣнистый. Самый привлекательный уголокъ его въ это время года составляетъ аллея, идущая вдоль рва, окружающаго крѣпостной валъ. Она упирается въ море и сплошь усажена рядами вишневыхъ, абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ. Все это покрыто теперь крупными блѣдно-розовыми цвѣтами. Съ вала аллея эта, тянущаяся отъ начала парка до морскаго берега, кажется какъ бы окутанной густымъ блѣдно-розовымъ облакомъ, издающимъ едва слышный, тонкій и нѣжный ароматъ. По срединѣ аллеи ровной синей лентой тянется каналъ, вливающійся въ море; направо отъ нея — вогнутая стѣна замка, весь верхъ которой покрытъ густымъ паркомъ, насчитывающимъ сотни лѣтъ; налѣво — обширныя поля съ кое-гдѣ уже желтѣющими нивами. А тамъ на горизонтѣ — острова и горныя цѣпи, а за ними еще и еще горы, которыхъ уже и не разобрать, но о ихъ присутствіи говоритъ сгустившаяся надъ ними синяя дымка, отражающаяся точно туча на ясномъ фонѣ голубаго прозрачнаго неба. На мѣстѣ замка, гдѣ жилъ когда-то князь и владыка всей окружающей мѣстности, теперь построено нѣсколько маленькихъ часовенъ. Кругомъ — безлюдье и тишина. Только унылыя фигуры священниковъ да школяры, бродящіе попарно по парку и глазѣющіе на насъ, нѣсколько оживляютъ эту пустыню.

Омурскіе князья, сдѣлавшись христіанами въ концѣ XVI столѣтія, оказали большое вліяніе на распространеніе новой религіи въ южныхъ провинціяхъ страны. Свирѣпыя гоненія, воздвигнутыя потомъ на христіанъ въ Японіи, коснулись и Омуръ, и потоки крови, залившіе югъ острова Кіу-Сіу, захлеснули своей волной и Омурскій замокъ. Глубоко-грустныя мысли навѣваютъ всегда такія историческія могилы. Казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, «что мнѣ Гекуба и что я Гекубѣ?». Какое мнѣ дѣло до Омурскихъ князей, до ихъ разрушеннаго замка, до всего того, что дѣбалось въ этой столь чуждой мнѣ странѣ такъ много лѣтъ тому назадъ? А между тѣмъ при видѣ этихъ развалинъ, въ душу невольно закрадывается ка-

кое-то щемяще-тоскливое чувство. Люди—вездѣ люди, и человѣческія страданія, разбитыя надежды и безвременно-погибшія жизни всегда говорятъ громче человѣческому сердцу, чѣмъ торжество побѣдителей... И громче всѣхъ они говорятъ на могилахъ этихъ надеждъ, но...

«Спящій въ гробѣ, мирно спи!
«Живнью пользуйся, живущій!»

Я слышу громкій смѣхъ и оживленный говоръ. Кто-то весело кричитъ мнѣ: «о-хайо!» (здравствуйте). Оглядываюсь: это—наши пароходныя спутницы. Онѣ успѣли переодѣться въ изящные костюмы темно-сѣрыхъ цвѣтовъ и явились сюда въ сопровожденіи все того же кавалера. Мы побродили вмѣстѣ по раскаленнымъ аллеямъ парка; дамы помогли мнѣ нарвать цѣлый пукъ цвѣтущихъ вишенъ и сообщили, между прочимъ, что рѣшили остаться здѣсь два дня. Онѣ, дѣйствительно, оказались артистками: вскорѣ появилась дженерикша, нагруженная музыкальными инструментами и коврами, и наши спутницы, выбравъ уютный уголокъ на крѣпостной стѣнѣ, въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ,—дубовъ и кедровъ,—усѣлись такъ, чтобы можно было видѣть чудныя блѣдно-розовыя аллеи, взяли свои инструменты, и тишина вѣковаго парка огласилась звуками гитаръ и самисена, подъ аккомпанементъ женскихъ голосовъ. Въ это время раздался первый свистокъ нашего парохода, и мы должны были разстаться съ пѣвицами. На пристани насъ уже ждала шлюпка для переезда на пыхтѣвшій пароходъ.

Женщина-врачъ А. Черевкова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СМЕРТЬ ГУСТАВА III ¹⁾.

ЯТНИЦА 16-го марта 1792 года. Поздній вечеръ. Прошелъ уже добрый часть, какъ ночной сторожь ближней церкви св. Клары протрубилъ на башнѣ десять.

Мѣсто, куда мы поведемъ нашего читателя, есть флигель одного дома въ улицѣ Gamla Kungsholmsbrogatan, № 28, по теперешней нумераціи, вблизи улицы Drottninggatan.

Въ этомъ домѣ, въ уютной, скудно мебелированной комнатѣ, стоятъ двое молодыхъ людей, собирающихся куда-то уходить. Они одѣты въ маскарадный костюмъ: черное домино, бѣлыя маски и обыкновенныя круглыя шляпы «съ лентой около верхушки, но безъ канта и безъ перьевъ». На столѣ лежатъ заряженные пистолеты, офицерская сабля и большой мясничій ножъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей—высокій, стройный мужчина, съ чрезвычайно выразительнымъ лицомъ, орлинымъ носомъ и блестящими глазами, которыя «дышатъ одушевленіемъ и добротой». Ему 29 лѣтъ. Это графъ Класъ Горнъ (Klas Horn), владѣлецъ родового имѣнія (fideikommiss) ²⁾ въ Hufvudsto и отставной инженерный майоръ.

¹⁾ Недавно исполнилось сто лѣтъ со дня смерти короля шведскаго Густава III, погибшаго отъ руки убійцы. По этому поводу въ шведскомъ журналѣ «Ny Illustrerad Tidning» напечатана статья Эрнста Виллиса, подробно рассказывающая объ этомъ трагическомъ событіи и сопровождаемая въ первый разъ появляющимися рисунками. Такъ какъ статья любопытна въ томъ отношеніи, что написана частію по новымъ матеріаламъ, то мы и даемъ здѣсь ея переводъ.

²⁾ Fideikommiss родовое, неотчуждаемое имѣніе, поступающее въ наследство по праву первородства.

Другой—невысокаго роста, «съ красивымъ нѣжнымъ лицомъ». У него «прекрасный, строго пропорціональный корпусъ, черные волосы, низкій лобъ, правильныя черты и свѣжій, здоровый цвѣтъ лица». Голубые глаза смотрять «добродушно и весело», но могутъ «загораться зловѣщимъ огнемъ, въ минуты гнѣва и мрачнаго раздумья». Зовутъ его Яковъ-Юганъ Анкарстремъ (Jakob-Johan Ankarström).

Въ жилахъ Анкарстрема текла французская и шотландская кровь. Его родоначальникъ, Франсуа Футтье, въ первой половинѣ XVI столѣтія переселился изъ Франціи въ Швецію; тутъ онъ сдѣлался рудокопомъ и торговцемъ въ Фалунѣ и женился на Катеринѣ Гоннонгъ (Honpong), дочери Давида Гоннонга, торговца въ Гефлѣ (Gefle), родомъ шотландца. Сынъ Франсуа, заводчикъ Давидъ Футтье, въ 1683 году былъ возведенъ въ дворянское достоинство съ именемъ Ankarström. Его внукъ оберъ-лейтенантъ, Яковъ-Юганъ Анкарстремъ, храбрый офицеръ, мужественно сражавшійся подъ командою Морица Саксонскаго, а потомъ помогавшій Эрэнсвѣрду (Ehrensvärd) въ постройкѣ Свеаборга, женился въ 1760 году на богатой вдовѣ, владѣлицѣ бѣлопомѣстнаго имѣнія (säteri) Lindö въ Рослагенѣ (Roslagen), женѣ совѣтника канцеляріи, Геддѣ фонъ-Кэмна (Heddo fon Kemna), дочери губернатора Петра Друва (Drufvas). Старшій сынъ его Яковъ-Юганъ Анкарстремъ родился 11-го мая 1762 года.

На своей родинѣ, въ Линдѣ, Яковъ-Янъ, какъ его прозывали, получилъ чрезвычайно суровое воспитаніе. Его отецъ былъ чловѣкъ неустрашимаго, энергическаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ суровъ и вспыльчивъ до послѣдней крайности.

Старшій сынъ унаслѣдовалъ отъ отца эти свойства. Жестокость и отсутствіе жалости къ страждущимъ рано обнаружились въ немъ. Замѣчательный въ этомъ отношеніи случай разсказываетъ его опекунъ Гіервэлль (Gjögwell).

«Мѣстный приходскій учитель изнасиловалъ молоденькую дѣвушку, свою ученицу; это дѣло разсматривалось въ судѣ, и виновный былъ приговоренъ къ наказанію розгами. Отецъ Анкарстрема велѣлъ мальчуганамъ вмѣстѣ съ ихъ домашнимъ учителемъ идти смотрѣть на эту экзекуцію. Беззаконника-педагога привязали къ позорному столбу, и лоза начала ласкать его спину. Впослѣдствіи воспоминаніе объ этомъ доставляло искреннее удовольствіе Якову-Яну, который все время съ восторгомъ наблюдалъ за экзекуціей, тогда какъ учитель и оба другіе мальчика тотчасъ же ушли прочь, такъ какъ не могли вынести этого зрѣлища».

У Якова-Яна была врожденная наклонность къ жестокости: онъ колотилъ мужиковъ и прислугу, ловилъ кошекъ и съ живыхъ сдиралъ съ нихъ шкуру и т. п. Послѣ смерти отца въ 1777 году его необузданнымъ инстинктамъ открылся еще большій просторъ,

и они не замедлили выразиться «въ многочисленныхъ проявленіяхъ жестокости и мстительности».

Шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1778 году, Яковъ-Янъ поступилъ на службу въ королевскую лейбъ-гвардію прапорщикомъ, гдѣ прослужилъ пять лѣтъ. Его начальникомъ былъ Карлъ Пон-

Король шведскій Густавъ III.

тусъ Лиллѣгорнъ (Lilljehorn), а графъ Адольфъ-Людвигъ Риббингъ (Ribbing) былъ однимъ изъ его сослуживцевъ. Лейбъ-гвардія въ то время славилась полнымъ отсутствіемъ въ ней дисциплины; Анкарстремъ не уступалъ прочимъ: за все время своей службы онъ, по словамъ Гіервэлла, «имѣлъ неоднократныя пререканія съ на-

«истор. ввстп.», февраль, 1893 г., т. II.

16

чальствомъ изъ-за неповиновенія и прочихъ проявленій строптивости».

Достигнувъ совершеннолѣтія въ 1783 году, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и въ томъ же году женился на дѣвицѣ Густавѣ фонъ-Левэнъ (Gustafva fon Löwen). Анкарстремъ сдѣлался помѣщикомъ. Онъ взялъ въ аренду сперва имѣніе ротмистра Mellösa, потомъ сестерію Thorsäkerå.

Онъ былъ суровымъ хозяиномъ, «строго взыскивалъ съ крестьянъ, билъ своихъ слугъ и давалъ полную волю своему самоуправству».

Спустя нѣкоторое время, онъ завелъ крупный процессъ съ владѣльцемъ имѣнія Thorsäkerå маіоромъ Рудбэкомъ (Rudbeck) изъ-за арендной платы; этотъ процессъ окончился примиреніемъ враждующихъ сторонъ подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы собственность была возвращена ея владѣльцу.

Послѣ этого, въ 1790 году, Анкарстремъ переселился въ Стокгольмъ.

Еще раньше того на бѣду свою онъ вмѣшался въ политику. Онъ участвовалъ въ государственномъ сеймѣ 1789 года, не игралъ, конечно, никакой роли въ средѣ дворянъ, но уже тогда прославился своею непримиримою ненавистью къ Густаву III. О причинахъ этой ненависти самъ Анкарстремъ пишетъ слѣдующее: «Мое сердце охладѣло къ его величеству съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ, что тысячи народа гибнутъ на плахѣ и на войнѣ, граждане обременены непосильными налогами и податями, нація разоряется отъ бумажныхъ денегъ, и все это дѣлается ради сохраненія мира, провозглашаемаго съ высоты престола». Война съ Россіей и государственный переворотъ 1789 года сдѣлали Анкарстрема и значительную часть шведской аристократіи непримиримыми врагами Густава III. Они смотрѣли на Густава, какъ на клятвopреступника, который потерялъ всѣ права на престолъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ Анкарстремъ: «Можетъ ли называться королемъ человекъ, который, дерзнувъ преступить клятву, данную имъ народу, рѣшился хранить и поддерживать форму правленія 1772 года? Нѣтъ, по моему собственному убѣжденію и по духу всѣхъ законовъ какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ, это клятвopреступникъ и злодѣй, но отнюдь не король нашъ».

Касательно причинъ, почему эта ненависть Анкарстрема къ Густаву III привела его къ рѣшимости убить короля, имѣются различные взгляды.

Если вѣрить собственному признанію Анкарстрема, то онъ одинъ, независимо отъ другихъ, пришелъ къ этому рѣшенію, побуждаемый къ тому отчасти любовію къ свободѣ, отчасти личнымъ раздраженіемъ противъ короля. Во время одной поѣздки на Готландъ, лѣтомъ 1790 года, Анкарстремъ имѣлъ весьма крупный раз-

говоръ съ Густавомъ на церковной паперти. За это онъ былъ, благодаря служебному рвенію суетливаго Лостбома (Lästbom), въ слѣдующую зиму арестованъ въ Стокгольмѣ, посаженъ временно на гауптвахту, затѣмъ подѣ сильнымъ конвоемъ отправленъ на Готландъ. Здѣсь его дѣло было подвергнуто судебному разслѣдованію, но за недостаткомъ уликъ произнести надъ нимъ обвинительный приговоръ не удалось.

Въ сентябрѣ 1791 года онъ возвратился въ Стокгольмъ и получилъ приказаніе не выходить за черту города. Однако «передъ Рождествомъ» по волѣ короля этотъ приказъ былъ отмѣненъ. Послѣ этой-то «Готландской исторіи» Анкарстремъ и началъ питать смертельную ненависть къ Густаву III, упуская изъ виду то обстоятельство, что не король, а Лостбомъ несъ отвѣтственность за эту несправедливость, которая могла быть допущена.

Другой взглядъ на причины, вызвавшія преступный планъ Анкарстрема, высказанъ извѣстнымъ историкомъ Карломъ-Густавомъ Нординомъ (Karl-Gustaf Nordin), который какъ разъ въ это время находился въ Стокгольмѣ и былъ въ сношеніяхъ со многими личностями, вліятельными въ дѣлахъ политики. Въ своемъ дневникѣ подѣ 22-мъ іюля 1792 года Нординъ пишетъ: «Сегодня мнѣ пришлось слышать достовѣрныя свѣдѣнія о злодѣйскомъ заговорѣ. Дѣло было начато прошлою осенью рано утромъ. Пехлинъ ораторствовалъ втихомолку на тему, что нечего и ждать перемѣны къ лучшему, пока король не переселится въ лучший міръ. Уѣздный судья Нордэлль, который въ ту пору жилъ у Пехлина, принадлежалъ къ числу людей, которые очень охотно слушали подобныя проповѣди; онъ нашелъ весьма обязательнаго друга въ Анкарстремѣ, который немедленно былъ приглашенъ къ Пехлину. На сходкѣ у Пехлина были: kansliradet, совѣтникъ канцеляріи, фонъ-Энгэстремъ (Engeström), оберъ-лейтенантъ Лиллиэгорнъ (Liljehorn) и капитанъ Адамъ Стольгаммеръ (Stalhammer). Пехлинъ заявилъ о необходимости привлечь къ дѣлу нѣсколькихъ особъ изъ какихъ нибудь извѣстныхъ фамилій. Стольгаммеръ обратился къ графу Фредрику Розену, отставному государственному совѣтнику (riksrad), который выбралъ для этого графа Класа Горна и графа Риббинга. Анкарстремъ, приведенный Норделлемъ, старался между тѣмъ привлечь къ участію въ заговорѣ графа Горна. А Горнъ, нисколько не думая повредить Риббингу, пригласилъ и его. Риббингъ тотчасъ же открылъ переговоры съ Пехлиномъ, а Анкарстремъ оставилъ домъ Пехлина, какъ кажется, по распоряженію самого хозяина».

Взглядъ Нордина на возникновеніе и развитіе плана убійства находитъ себѣ неопровержимое подтвержденіе въ двукратномъ признаніи Анкарстрема во время пребыванія его въ тюрьмѣ.

«Я познакомился съ графомъ Горномъ въ Hufvudsta. Это знакомство послужило для него величайшимъ несчастіемъ, а мнѣ причинило вѣчныя и смертельныя угрызения совѣсти. Я сдѣлался причиной злополучной гибели этого столь уважаемаго рода»,—такъ пишетъ Анкарстремъ въ своемъ признаніи.

Десятаго апрѣля, въ присутствіи шведскаго верховнаго суда (Svea hofrätt) онъ заявилъ, что готовъ вынести какія угодно мученія, лишь бы только облегчить участь Класа Горна и Риббинга, которыхъ онъ «завлекъ и принудилъ» къ участию въ убійствѣ короля.

Поэтому онъ съ радостью перенесетъ все, что только въ состояніи успокоить его совѣсть.

Анкарстремъ познакомился съ Класомъ Горномъ осенью 1791 года. Въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ переѣхалъ въ домъ шкипера Петра Фернстрема въ улицѣ Gamla Kungsholmsbrogatan.

Для своей семьи Анкарстремъ нанялъ квартиру во второмъ этажѣ, а самъ поселился во флигелѣ того же дома. Въ сосѣдней квартирѣ жили три молодыя дѣвицы Линнэрельмъ (Linnerhjelm), извѣстныя своей красотой. Старшая изъ нихъ была замужемъ за Класомъ Горномъ. У этихъ-то дѣвицъ Анкарстремъ и встрѣтился въ первый разъ съ ихъ зятемъ Горномъ, котораго тотчасъ же посвятилъ въ свои злодѣйскіе замыслы.

Подробности этой первой встрѣчи впервые стали извѣстны изъ «Протокола канцеляріи генераль-губернатора» (Öfverstat-hallareämbetets protokoll), гдѣ вообще можно найти много новыхъ свѣдѣній касательно заговора Анкарстрема.

— «Мы не можемъ быть счастливы до тѣхъ поръ, пока не отдѣлаемся отъ короля»,—говорилъ Анкарстремъ.

Горнъ ничего не возражалъ.

Послѣ этого оба они стали совѣщаться насчетъ плана убійства, причемъ «капитанъ охотно бралъ на себя исполненіе дѣла, лишь бы только представился къ тому удобный случай». Этимъ оба они были сильно озабочены.

Анкарстремъ и Горнъ сразу стали хорошими друзьями, и первый сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Hufvudsta съ того времени, какъ король передъ Рождествомъ разрѣшилъ ему выѣзжать изъ столицы. Ненависть къ Густаву III соединила этихъ людей, столь непохожихъ одинъ на другаго характерами. Анкарстремъ былъ необразованъ и грубъ, склоненъ къ насилию и жестокости; но зато онъ обладалъ силою воли и выдержкою характера; это былъ мужчина, который безъ жалобъ могъ вынести самыя страшныя муки, если того требовали обстоятельства. Горнъ обладалъ обширными дарованіями какъ въ наукѣ, поэзіи и музыкѣ, такъ точно и въ искусствѣ обхожденія. Онъ былъ замѣчательнымъ математикомъ и имѣлъ весьма солидныя познанія въ военныхъ наукахъ.

Кромѣ того, это былъ свѣтскій человѣкъ, въ совершенствѣ усвоившій утонченныя манеры XVIII столѣтія. Но, къ несчастію, его сентиментализмъ доходилъ до плаксивости, доброта до безхарактерности. Все это легко дѣлало его жертвою обмана.

Класъ Горнъ питалъ самую пламенную любовь къ свободѣ и открыто провозглашалъ новыя идеи. Когда его отецъ, генераль, былъ арестованъ во время переворота 20-го февраля 1789 года, Класъ оставилъ армію (гдѣ онъ былъ маіоромъ-инженеромъ), дворъ

Убійца Густава III, капитанъ Анкарстремъ.

и столицу, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Hufvudsta и съ этого времени посвятилъ себя сельскому хозяйству и поэзіи.

Какъ поэтъ, Класъ Горнъ заслужилъ гораздо болѣе вниманія у своихъ современниковъ, нежели у потомства. Еще имѣя всего 27 лѣтъ отъ роду, въ 1790 году, онъ былъ зачисленъ кандидатомъ на открывшееся послѣ смерти Ботина мѣсто въ шведской академіи.

— «Горнъ во многихъ отношеніяхъ стоилъ бы этой чести, — говорилъ Густавъ III Леопольду, — и я ничего не имѣю противъ

этого; но тогда всё стануть говорить, что онъ получилъ это мѣсто отъ академіи наперекоръ моему желанію».

Въ своихъ стихотвореніяхъ Класъ Горнъ провозглашаетъ идеи просвѣтительной эпохи. Онъ называетъ себя врагомъ «святаго фанатизма, который украшаетъ иго рабства цвѣтами христіанскаго смиренія»; онъ борется противъ родовыхъ и сословныхъ предразсудковъ; по его мнѣнію, лучшей изъ титуловъ—называться «другомъ человѣчества».

На 23-мъ году Класъ Горнъ женился на красавицѣ Маріи Вильгельминѣ Линнэрельмъ, очаровательной блондинкѣ, которая всюду, куда бы она ни явилась, возбуждала восторгъ и обожаніе.

На Анкарстрема графиня Горнъ произвела также очень глубокое впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что его собственный бракъ былъ неудаченъ. Его жены въ это время не было въ Стокгольмѣ, гдѣ она имѣла собственный домъ; она жила у родни своей въ деревнѣ.

Графиня Горнъ взяла къ себѣ въ Hufvudsta старшую дочь Анкарстрема, семилѣтнюю дѣвочку. Такая доброта, какъ кажется, сильно подѣйствовала на Анкарстрема. Этотъ вообще жесткій, безчувственный человѣкъ былъ, однако же, нѣжнымъ, любящимъ отцомъ, какъ это оказалось впоследствии.

Лиліэнспаррѣ (Liljensparre), допрашивая Анкарстрема на судѣ, только тогда добился отъ него откровеннаго признанія, когда далъ ему обѣщаніе, что разрѣшить дочери его приходите къ отцу своему въ тюрьму.

Не задолго до роковаго дня 16-го марта, графиня Горнъ опасно заболѣла; Анкарстремъ цѣлую ночь ухаживалъ за нею въ Hufvudsta вмѣстѣ съ ея сестрою дѣвицей Улла Линнэрельмъ. А когда, спустя нѣсколько недѣль, Анкарстрема везли на эшафотѣ, онъ послалъ черезъ своего духовника, священника Рууса, последнее привѣтствіе графинѣ Горнъ.

На допросѣ передъ Лиліэнспаррѣ Анкарстремъ увѣрялъ, что «графиня Горнъ не принимала никакого участія въ ихъ совѣщаніяхъ». Весьма возможно, что Анкарстремъ говорилъ такъ единственно съ тою цѣлю, чтобы спасти любимую имъ женщину. Но и за всѣмъ тѣмъ существуетъ много данныхъ, доказывающихъ, что графиня Горнъ дѣйствительно ничего не знала о заговорѣ до тѣхъ поръ, пока до нея не дошло извѣстіе, что мужъ ея арестованъ, какъ соумышленникъ Анкарстрема. Въ ея присутствіи заговорщики разговаривали всегда о постороннихъ предметахъ. Когда она изъ своей комнаты приходила въ залу, они тотчасъ прерывали свой разговоръ, который шелъ, очевидно, о планахъ убійства.

Первый планъ, составленный Анкарстремомъ и Горномъ, не имѣлъ цѣлю умерщвленіе Густава III. Рѣшено было только, что

король въ ночное время будетъ захваченъ нѣсколькими сильными мужчинами, увезенъ изъ Гага (Haga) и содержимъ въ тайномъ заключеніи; тѣмъ временемъ революціонеры произведутъ государственный переворотъ. Такимъ образомъ, лично Густаву не предполагалось причинить какое либо насиліе (?). Однако, заговорщики оставили этотъ планъ, лишь только убѣдились, что Гага имѣла слишкомъ хорошую охрану для того, чтобы въ ней возможно было исполнить столь смѣлое предпріятіе.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій въ число заговорщиковъ прибылъ новый членъ, Адольфъ-Людвигъ Риббингъ.

Въ одинъ изъ дней между 10-мъ и 14-мъ января онъ встрѣтился со своимъ другомъ дѣтства Горномъ. Молодые люди заговорили о положеніи дѣлъ въ Швеціи. Горнъ сказалъ, что «шведская нація — это раболѣпная толпа, которою король править по своему произволу, и что, пока живъ Густавъ III, нечего и думать о благоденствіи и свободѣ Швеціи». Риббингъ отвѣчалъ, что это — правда, и что дѣйствительно свобода потеряна для нихъ и для Швеціи.

Во время этого разговора ни разу не было упомянуто ни объ Анкарстремѣ, ни о планахъ заговора. Горнъ пригласилъ Риббинга въ будущее воскресенье отобѣдать съ нимъ въ его имѣніи Hufvudsta.

На этомъ обѣдѣ, въ воскресенье 15-го января, Риббингъ возобновилъ свое знакомство съ Анкарстремомъ, съ которымъ они были когда-то втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1780—1782 г.г.) товарищами по службѣ. Однако же они никогда не были друзьями и уже нѣсколько лѣтъ не видѣлись другъ съ другомъ.

Когда за обѣдомъ Риббингъ и Горнъ заговорили о настоящемъ тяжеломъ положеніи дѣлъ, Анкарстремъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ:

— Ничего не поможетъ, пока не избавимся отъ Густава III.

— Богъ вѣсть, когда это будетъ, — отозвался Риббингъ и пожалъ плечами.

— Если представится случай, я сдѣлаю это, — отвѣтилъ Анкарстремъ.

— Знай, это вѣдь хватъ! — сказалъ Горнъ, указывая на Анкарстрема.

Но Риббингъ только засмѣялся съ презрительной миной и ничего не отвѣтилъ.

— Гдѣ бы только могъ этотъ случай представиться? — спросилъ Анкарстремъ.

Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ обсужденію.

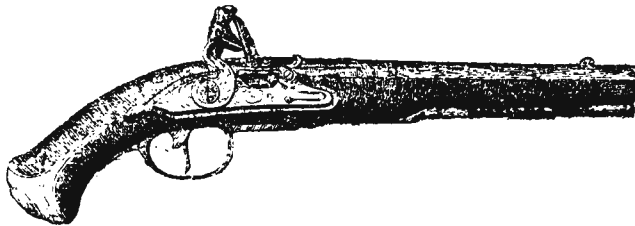
Гага была любимымъ мѣстопробываніемъ короля Густава III. Но здѣсь находилась стража, такъ что для совершенія убійства понадобилось бы много людей. Гораздо удобнѣе было подстеречь

короля въ театрѣ, когда онъ будетъ проходить изъ большой ложи въ малую...

На этомъ прерванъ былъ разговоръ, когда графиня Горнъ вошла въ комнату.

На другой день, 16-го января вечеромъ, Анкарстремъ и Горнъ сидѣли въ ложѣ баронессы Ерта (Hjertas) и слушали оперу. Давали «Орфея» Глюка. Риббингъ въ ожиданіи дѣйствія вышелъ въ партеръ. Анкарстремъ имѣлъ при себѣ пару заряженныхъ пистолетовъ, чтобы выстрѣлить въ Густава, когда тотъ будетъ въ корридорѣ. Однако, на этотъ разъ король противъ обыкновенія весь вечеръ оставался въ большой ложѣ и не выходилъ въ корридоръ. Вслѣдствіе этого злодѣйскій умыселъ Анкарстрема на этотъ разъ остался не выполненнымъ.

— Я замѣтилъ, что оба графа не выказывали никакихъ серьезныхъ намѣреній и умѣли только поддакивать мнѣ,—говорилъ впо-

Одинъ изъ пистолетовъ, бывшихъ у Анкарстрема при совершеніи имъ убійства Густава III.

слѣдствіи Анкарстремъ, рассказывая объ этомъ первомъ своемъ покушеніи на жизнь короля.

Анкарстремъ сообщилъ Риббингу также и другіе два свои плана. Но ни Риббингъ, ни Горнъ не явились вечеромъ 17-го января въ драматическій театръ «Nya Bollhuset», гдѣ ждалъ ихъ Анкарстремъ съ заряженными пистолетами. Равнымъ образомъ оба молодые графа не пришли въ маскарадъ, бывший въ четвергъ 19-го января. Анкарстремъ опять былъ тамъ со своими пистолетами, но не нашель случая исполнить свой планъ, такъ какъ было очень мало народу.

Анкарстремъ и Риббингъ присутствовали на обоихъ сеймахъ въ Гэфлэ, тогда какъ Горнъ оставался дома въ Hufvudsta. Въ Гэфлэ Анкарстремъ опять съ заряженными пистолетами подстерегалъ Густава, но и на этотъ разъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія.

По окончаніи сейма, заговорщики вернулись въ Стокгольмъ и опять возобновили сходы въ Hufvudsta.

«Тутъ-то,—говоритъ Горнъ въ своемъ признаніи,—Анкарстрему пришла мысль, что самое удобное мѣсто для быстрого и безопас-

наго совершенія убійства—въ маскарадѣ; можно быть вполнѣ увѣренными, что король будетъ тамъ».

Маскарадъ былъ назначенъ въ пятницу 2-го марта. Анкарстремъ былъ тамъ съ заряженными пистолетами, но не видѣлъ никакой возможности пустить ихъ въ дѣло.

Въ четвергъ, 8-го марта, Риббингъ пришелъ къ Анкарстрему и сказалъ:

— Завтра будетъ маскарадъ.

— Какъ же, какъ же!—отвѣчалъ Анкарстремъ.—Во что бы то ни стало нужно кончить это дѣло завтра же, все равно, будетъ ли много, или мало народу.

— Мы встрѣтимся тамъ,—сказалъ Риббингъ.

Однако по случаю сильнаго мороза маскарадъ не состоялся.

Послѣ этого Анкарстремъ въ полной увѣренности, что въ этомъ году маскарадовъ больше уже не будетъ, бросилъ этотъ планъ.

На слѣдующей недѣлѣ Риббингъ, встрѣтясь съ Анкарстремомъ въ Hufvudsta, сказалъ ему: «если будетъ еще хоть одинъ маскарадъ, то онъ, Анкарстремъ, обязанъ исполнить то, о чемъ они уговорились». На это Анкарстремъ отвѣтилъ только, что желалъ бы, чтобъ «въ маскарадѣ было побольше народу».

За это Риббингъ ручался, и тогда Анкарстремъ «далъ обѣщаніе покончить съ этимъ дѣломъ, потому что долѣе ждать онъ не въ силахъ».

Въ четвергъ, 15-го марта утромъ, Анкарстремъ встрѣтилъ на улицѣ Риббинга.

— Я ѣду на обѣдъ въ Hufvudsta,—сказалъ Анкарстремъ.

— Поклонись отъ меня; я буду въ четыре часа, — отвѣтилъ Риббингъ.

— Вотъ и отлично,—сказалъ Анкарстремъ,—кстати мы потолкуемъ о завтрашнемъ маскарадѣ.

На обѣдѣ въ Hufvudsta, кромѣ Анкарстрема, была одна только баронесса Ерта, приходившаяся двоюродной сестрой матери Класа Горна. Послѣ обѣда пришелъ Риббингъ и графъ Вильгельмъ фонъ-Доона (Dohna), лейтенантъ полка «Дворянскаго знамени». Такъ какъ Доона ничего не зналъ о существованіи заговора, то заговорщикамъ не представилось случая для условленныхъ переговоровъ. Они уговорились сойтись у Риббинга въ пятницу, послѣ обѣда, а ночью отправиться въ маскарадъ. Анкарстремъ заявилъ, что, такъ какъ этотъ маскарадъ будетъ послѣдній передъ Пасхой, то убійство необходимо совершить теперь же. Онъ повторилъ свое требованіе, чтобы въ маскарадѣ было собрано какъ можно больше народу, и Риббингъ снова далъ слово позаботиться объ этомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Риббингъ сообщилъ, что оберъ-лейтенантъ перваго полка лейбъ-гвардіи Лиллэгорнъ, посвященный въ планъ заговорщиковъ, обѣщалъ имъ помочь; кромѣ того, они могутъ также раз-

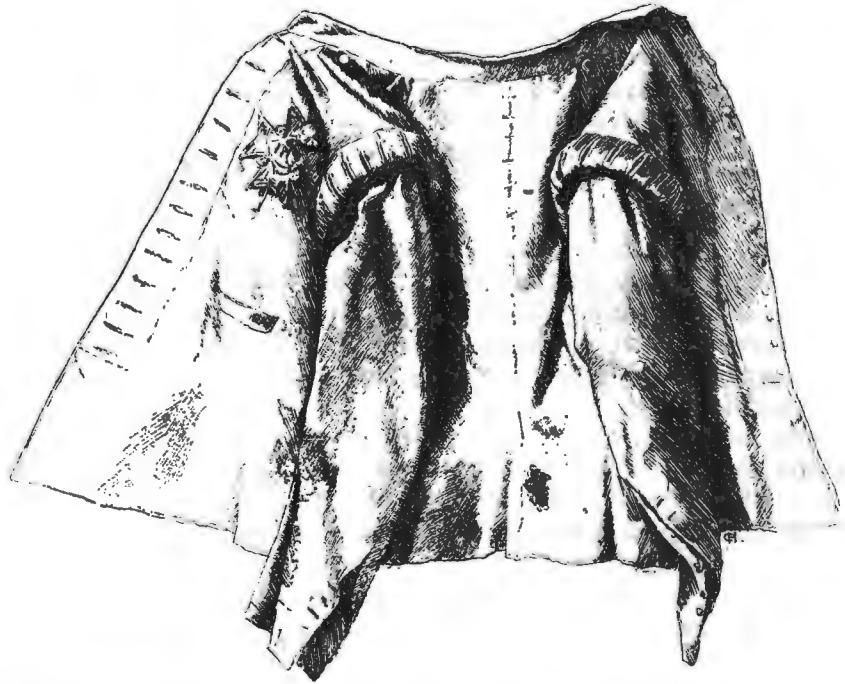
считывать на поддержку артиллеріи и полка вдовствующей королевы.

Анкарстремъ обѣщался Горну приготовить маски и домино.

Эти совѣщанія между тремя заговорщиками велись съ большою поспѣшностію, чтобы не возбудить подозрѣній въ лейтенантѣ Доона.

Горнъ скоро оставилъ своихъ гостей, такъ какъ торопился въ городъ, на концертъ.

Окончательный планъ убійства выработанъ былъ на квартирѣ Риббинга, въ домѣ Аксельсона, на улицѣ Drottninggatan, № 26,

Камзоль, который былъ на Густавѣ III въ моментъ покушенія на его жизнь. (Внизу слѣдъ, оставленный пулей).

по теперешней нумераціи. Была пятница 16-го марта, четвертый часъ по полудни. Риббингъ только что вернулся домой отъ Пехлина, гдѣ онъ обѣдалъ, когда явился Анкарстремъ. Скоро пришелъ и Горнъ. Риббингъ сообщилъ своимъ товарищамъ, что генераль Пехлинъ предувѣдомленъ обо всемъ, и что онъ обѣщаль помочь революціонерамъ, лишь только король будетъ убитъ, а также обѣщаль прислать въ маскарадъ какъ можно больше народу.

Послѣ этого Риббингъ произнесъ:

— Если теперь дѣло не удастся, то насъ накроютъ.

Оба графа при этомъ повторили свое обѣщаніе, данное ими

раньше Анкарстрему, позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ, чтобы они не знали горя и нищеты, въ случаѣ если самъ онъ потерпитъ неудачу.

Наконецъ Риббингъ показалъ друзьямъ свой маскараднѣй костюмъ и сапоги съ тупыми носками, по которымъ они должны потомъ его узнать. Въ шестомъ часу Горнъ и Анкарстремъ ушли по своимъ дѣламъ. На лѣстницѣ Горнъ назначилъ время, когда онъ придетъ къ Анкарстрему, чтобы сопровождать его въ маскарадъ.

По всей вѣроятности, на этой послѣдней сходкѣ у Риббинга Анкарстремъ далъ обоимъ графамъ клятву умертвить Густава. Въ «Протоколѣ канцеляріи генераль-губернатора» подъ 18-мъ марта по этому поводу значитъ слѣдующее: «Анкарстремъ со слезами на глазахъ увѣрялъ, что не въ его характерѣ измѣнять разъ данному слову и что, если онъ клянется графамъ убить короля, то, стало быть, рѣшился, къ несчастію, сдержать свою клятву». Здѣсь такимъ образомъ Анкарстремъ сваливаетъ вину на Горна и Риббинга, которые взяли съ него клятву, и онъ счелъ себя обязаннымъ сдержать ее. Но, два дня спустя, тотъ же Анкарстремъ заявилъ передъ генераль-губернаторомъ: «Если бы графы не оказали ему поддержки, онъ, можетъ быть, и одинъ совершилъ бы убійство. Во всякомъ случаѣ они содѣйствовали ускоренію дѣла». А черезъ двѣ недѣли послѣ этого, 10-го апрѣля, передъ верховнымъ шведскимъ судомъ онъ утверждалъ, что онъ «вовлекалъ въ это дѣло Горна и Риббинга и принуждалъ ихъ къ участію въ убійствѣ короля».

Весьма возможно, что вначалѣ Анкарстремъ «завлекалъ и принуждалъ» Горна и Риббинга къ участію въ своихъ планахъ, а потомъ эти пылкіе молодые люди сами захотѣли какъ можно скорѣе совершить это дѣло и въ пылу фанатическаго увлеченія своею идеею заставили Анкарстрема дать имъ формальную клятву въ томъ, что онъ умертвитъ Густава, не замѣчая, на сколько безчестенъ былъ этотъ поступокъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что слова, сказанныя Горномъ въ его признаніи, не были пустою фразой. «Мои уши,—говоритъ онъ,—привыкли прислушиваться къ голосу фанатизма».

Поужинавъ у свояченицы, дѣвицы Линнэрельмъ, Горнъ отправился къ своему пріятелю, лейтенанту барону Функу, жившему въ домѣ Полэна, на улицѣ Klara Södra kyrkogata, чтобы взять у него саблю. На вопросъ Функа, зачѣмъ ему понадобилась сабля, Горнъ отвѣчалъ, что беретъ ее съ собою въ Hufvudsta. На вторичный вопросъ Функа, не предстоитъ ли Горну на дуэли защищать свою честь, этотъ отвѣчалъ, что на дуэли на сабляхъ не бьются.

Съ большой форменной саблей, какую далъ ему Функъ, и съ парю небольшихъ пистолетовъ (puffertar), привезенныхъ имъ изъ Hufvudsta, Горнъ отправился къ Анкарстрему.

У уборщика шляп Анкарстремъ утромъ того дня купилъ бѣлую маску за 32 шиллинга и взялъ напрокатъ два черныхъ домино, по 32 шиллинга за каждое. Десять или одиннадцать дней тому назадъ въ мясной лавкѣ на площади Riddarhustorget онъ купилъ большой мясничій ножъ «съ лезвиемъ въ $6\frac{3}{4}$ дюйма длины и 1 дюймъ ширины въ рукояти».

Придя домой отъ Риббинга послѣ обѣда, Анкарстремъ сдѣлалъ зазубрины въ верхней части ножа и, кромѣ того, отточилъ его конецъ и края. Назначеніе этихъ зазубринъ по собственному объясненію Анкарстрема, сдѣланному имъ передъ генераль-губернаторомъ, состояло въ томъ, чтобы «рана была болѣе глубока и неизлѣчима». Затѣмъ Анкарстремъ досталъ себѣ пару пистолетовъ.

По его собственному показанію передъ генераль-губернаторомъ, онъ уже въ январѣ купилъ ихъ у Горна, но деньги за нихъ еще не уплачены. Трудно сомнѣваться въ истинности этого показанія, хотя Горнъ впослѣдствіи передъ верховнымъ шведскимъ судомъ (Svea hofrätt) упорно отрицалъ его и говорилъ, что «онъ не понимаетъ, какъ Анкарстремъ могъ говорить такую ложь».

Это были два полупистолета съ вязовой рукоятью и въ мѣдной оправѣ. Они были только что приготовлены пистолетнымъ мастеромъ Кауфманномъ. На замкѣ стояло клеймо пистолетнаго мастера Вольберга. Стволы имѣли по $7\frac{7}{8}$ дюймовъ каждый. Одинъ изъ пистолетовъ (тотъ самый, изъ котораго потомъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ въ короля) былъ заряженъ шестью разломанными и согнутыми обойными гвоздиками, шестью мелкими дробинами и двумя мелкими же пулями; второй пистолетъ былъ заряженъ четырьмя свинцовыми дробинами, десятью крупными заячьими дробинами и двумя свинцовыми пулями.

Анкарстремъ намѣревался употребить свое оружіе слѣдующимъ образомъ: сперва онъ изъ одного пистолета выстрѣлитъ въ короля; если этого выстрѣла будетъ недостаточно, то пуститъ въ дѣло ножъ; наконецъ, если, чего добраго, онъ будетъ узнавъ и схваченъ, онъ рѣшилъ застрѣлиться самъ изъ втораго пистолета.

Одинъ изъ пистолетовъ Анкарстремъ положилъ въ боковой карманъ, другой—въ карманъ брюкъ. Ножъ онъ взялъ въ руки, обернувъ его черной тафтой «такимъ образомъ, что при давленіи на остріе ножа она подавалась назадъ, и ножъ обнажался».

Горнъ вооружился большой саблей и парой пуффертовъ, послѣ чего оба, замаскировавшись, направились къ зданію опернаго театра. Горнъ не понесъ своего оружія съ собой въ залу маскарада, а спряталъ его въ грудѣ камней около площади Norrmalmstorg (площадь Густава Адольфа), «на небольшой дорогѣ отъ Prinsessans hus къ казармамъ гвардейскаго полка (gardets Corps de garde)», которая находилась приблизительно у сѣверной оконечности моста Norrbro.

Въ какое время Анкарстремъ и Горнъ вошли въ залу маскарада? Мнѣнія на этотъ счетъ сильно расходятся. На допросѣ передъ генераль-губернаторомъ, Фагербергъ сообщалъ, что по его расчету Анкарстремъ пришелъ въ половинѣ одиннадцатаго. Но передъ шведскимъ верховнымъ судомъ тотъ же Фагербергъ утверждалъ, что Анкарстремъ пришелъ «около 11 часовъ». А самъ

Анкарстремъ у позорнаго столба.

Съ гравюры того времени.

Анкарстремъ въ своемъ показаніи говоритъ, что «онъ пришелъ въ маскарадъ въ половинѣ 12-го».

Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что Горнъ и Анкарстремъ пришли за часъ передъ тѣмъ, какъ Густавъ показался публикѣ въ своей маленькой литерной ложѣ.

Едва Анкарстремъ вошелъ въ залъ, какъ его обступили маски въ черномъ домино. Сперва подошли трос, которые, не снимая ма-

сокъ, тотчасъ же присоединились къ Анкарстрему и стали съ нимъ разговаривать, гуляя взадъ и впередъ по залѣ.

Немного спустя, подошли еще пятеро, «которые также присоединились къ первымъ, такъ что составила толпа изъ 9 человѣкъ, которые расхаживали по залѣ и дружески бесѣдовали». Затѣмъ явилось еще нѣсколько человѣкъ въ черныхъ маскахъ, такъ что вокругъ Густава собралось «около 16 черныхъ масокъ» въ то время, когда раздался смертельный выстрѣлъ.

Густавъ, который не пропускалъ ни одного маскарада, имѣлъ обыкновеніе выходить въ залу послѣ 12 часовъ, когда маски бывали въ полномъ сборѣ. Но въ этотъ роковой день онъ пришелъ въ залу нѣсколько ранѣе обыкновеннаго.

Изъ театра Bollhuset, гдѣ онъ смотрѣлъ французскій спектакль, король около 10 часовъ прибылъ въ оперный театръ, чтобы отужинать въ особомъ помѣщеніи, которое здѣсь для него имѣлось. Онъ еще сидѣлъ за столомъ, когда получилъ анонимное письмо на французскомъ языкѣ, авторъ котораго весьма убѣдительно уговаривалъ его не идти въ маскарадъ, «если онъ не желаетъ сдѣлаться жертвою измѣнническаго покушенія». Это письменное предостереженіе было дѣломъ оберъ-лейтенанта Лиллиэгорна, котораго Риббингъ уговорилъ принять участіе въ заговорѣ.

Король два раза внимательно прочиталъ письмо, но не показалъ виду, что оно его встревожило.

Послѣ ужина Густавъ пошелъ въ свою маленькую литерную ложу. Здѣсь онъ сидѣлъ безъ маски и любовался на движущуюся внизу толпу маскированныхъ. Черныя маски столпились передъ литерной ложей и пристально глядѣли на короля, «перешептываясь между собою». Тутъ-то Горнъ сказалъ Анкарстрему: «Смотри, вотъ король!».

Густавъ рѣшился сойти внизъ въ залу.

— Если они хотятъ меня убить, то теперь для этого самый удобный случай,—сказалъ онъ, выходя изъ ложи, одному изъ сопровождавшихъ его придворныхъ, главному шталмейстеру барону Эссену.

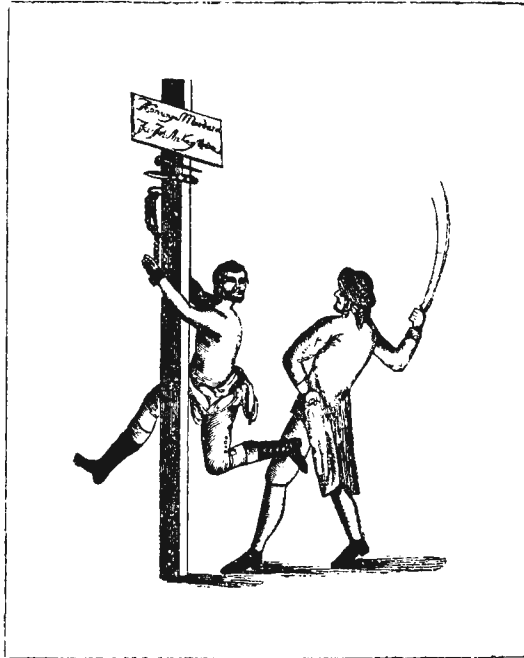
Въ небольшомъ кабинетѣ, окна котораго выходили на Norrström, Густавъ одѣлся въ маскарадный костюмъ. На немъ былъ короткій сюртукъ, или куртка изъ сѣрой шелковой матеріи, на шелковой ватѣ и подкладкѣ изъ сѣрой тафты, жилетъ изъ сѣрой тафты на бѣлой шелковой подкладкѣ, панталоны изъ сѣрой шелковой матеріи и поясъ изъ той же матеріи. Затѣмъ онъ надѣлъ треугольную шляпу, черную шелковую венеціанскую мантию (родъ длинной шинели, которая спереди была открыта, такъ что украшавшій короля орденъ Серафима былъ весь на виду) и небольшую бѣлую маску, которая окружала глаза и едва покрывала носъ. Въ этомъ костюмѣ Густава такъ легко было узнать, какъ будто онъ вовсе не былъ замаскированъ.

Въ сопровожденіи Эссена, король приблизительно въ три четверти 12-го вышелъ изъ кабинета и спустился по лѣстницѣ на сцену, которая вмѣстѣ съ салономъ (salong) служила залой для маскарада.

Весело раздавались трепетные звуки бальной музыки. Уже было протанцовано два менуэта, и готовилась пятая кадрили.

Войдя въ залу, Густавъ взялъ Эссена подъ руку. По правую сторону короля шелъ камеръ-юнкеръ De Besche. Въ такомъ порядкѣ они прошли «очень быстрымъ шагомъ вокругъ залы около двухъ разъ»; затѣмъ Густавъ и Эссенъ вошли въ фойе, гдѣ они также

Наказаніе Анкарстрема розгами.

Съ гравюры того времени.

стали прогуливаться. Скоро они вышли изъ фойе. На лѣстницѣ встрѣтили лейтенанта штаба Пöllэтъ (Pollet), капитана Psilenhjelmska'го полка; король началъ съ нимъ разговаривать. Всѣ трое направились черезъ корридоръ къ театру; но здѣсь подлѣ кулисъ было такъ тѣсно, что Эссенъ, выпустивъ руку короля, долженъ былъ идти впереди направо отъ кулисъ и расчищать дорогу; однако для этого имъ пришлось на нѣсколько мгновеній остановиться. Благодаря усиліямъ Эссена, который свободной рукой старался проложить дорогу, имъ удалось сдѣлать нѣсколько шаговъ въ толпѣ народа. Однако же давка, которую производили черныя маски, ста-

новилась такъ велика, что Pollet, дабы освободить мѣсто королю, принужденъ былъ идти позади. Густавъ повернулъ голову, чтобы сказать что-то Pollet'у; въ это время раздался выстрѣлъ.

Спрашивается, въ какомъ мѣстѣ залы произошло убійство?

Можно сказать съ достовѣрностію, что это было на краю сцены, вблизи кулисъ, въ разстояніи трехъ или четырехъ локтей отъ салона (salong). Но является вопросъ, на которомъ именно краю сцены произошло убійство: на правомъ, или на лѣвомъ. Мнѣнія расходятся...

Если вѣрить преданію, живущему въ театральномъ мірѣ, то убійство совершено у праваго края сцены, если смотрѣть со стороны зрителей. Но этому противорѣчитъ свидѣтельство одного изъ лицъ, замаскированныхъ въ черное домино, которое было свидѣтелемъ убійства, именно барона Ганса Ерте. Въ своей автобіографіи, написанной въ 1836 году, онъ говоритъ о допросѣ, сдѣланномъ ему въ канцеляріи генераль-губернатора въ 1792 году.

«Далѣе Лиліэнгорнъ, — пишетъ Ерте, — началъ строго разспрашивать меня, въ какомъ мѣстѣ залы находился я въ тотъ моментъ, когда сдѣланъ былъ выстрѣлъ въ короля.

— «Я стоялъ около перваго фойе съ правой стороны.

— «Вы хотите сказать — съ правой стороны, если стать лицомъ къ зрителямъ?»

— «Нѣтъ, съ правой стороны отъ входа, — съ этими словами я подошелъ къ столу, взялъ перо и на лежавшемъ тутъ листѣ бумаги вѣрною рукою начертилъ овальную фигуру и сказалъ съ живостію: — такъ какъ господинъ судья не понимаетъ меня или не желаетъ меня понять, то я долженъ показать, что здѣсь вотъ стоялъ я, а отсюда, то-есть съ лѣвой стороны, слышался выстрѣлъ».

Равнымъ образомъ изъ показаній Флгерберга и прочихъ свидѣтелей, косвеннымъ путемъ, кажется, можно вывести заключеніе, что убійство было совершено у лѣваго края сцены, если смотрѣть со стороны зрителей. Въ такомъ случаѣ упомянутое фойе, вѣроятно, было не что иное, какъ большая комната, которая позднѣе превратилась въ театральную уборную и которая сообщалась са сценою посредствомъ каменной лѣстницы.

Изъ только что цитированнаго показанія барона Ерте видно, что въ тѣ времена было нѣсколько такихъ фойе.

Что касается лицъ, бывшихъ виновниками убійства, то среди изслѣдователей на этотъ счетъ царствуетъ такое же разногласіе, какъ и насчетъ мѣста убійства.

Однако уже изъ вышеизложеннаго можно заключить съ достовѣрностію, что выстрѣлъ сдѣланъ былъ Анкарстремомъ, а не Риббингомъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

Анкарстремъ и Горнъ слѣдовали за Густавомъ и Эссеномъ все время, пока тѣ прогуливались по залѣ. Когда король вошелъ въ фойе, оба заговорщика стали у лѣстницы и «начали ждать короля вмѣстѣ съ танцующими». Выйдя изъ фойе, Густавъ пошелъ влѣво мимо того мѣста, гдѣ стоялъ Анкарстремъ, который сейчасъ же сдѣлалъ нѣсколько шаговъ такъ, чтобы очутиться за спиной у короля. Затѣмъ онъ выстрѣлилъ. Остальныя черныя маски, по свидѣтельству Фагерберга, находились въ это время «близъ самаго того мѣста, гдѣ раздался выстрѣлъ».

Анкарстремъ, везомый къ мѣсту казни на позорной колесницѣ.

Почувствовавъ ударъ отъ выстрѣла, который ранилъ его въ спину въ разстояніи какого нибудь дюйма отъ хребта, немного выше бедра, король быстро рванулся въ сторону и закричалъ: «ај, ај! je suis blessé, arrêtez-le, mais ne lui faites pas de mal!» (ай, ай! я раненъ! задержите его, но не причиняйте ему ничего дурнаго!). Въ это время черныя маски все ближе и ближе подвигались къ раненому королю. Увидѣвъ это, Эссенъ поспѣшилъ стать между ними и королемъ, чтобы не дать имъ довершить убійство. Молодой графъ Густавъ Лэвэнельмъ и тѣлохранитель короля, которые немедленно прибѣжали къ мѣсту дѣйствія, съ обнаженными шпагами бросились на «наступавшія густою толпою черныя домино» и оттѣснили

ихъ назадъ. Затѣмъ Эссенъ повелъ короля къ скамейкѣ, гдѣ онъ самъ и снялъ съ себя маску! Платье короля тлѣло отъ выстрѣла; Эссенъ руками тушилъ огонь. Между тѣмъ съ Густавомъ сдѣлался обморокъ; шляпа его свалилась съ головы на полъ; однако онъ сейчасъ же снова пришелъ въ себя.

А Анкарстремъ, выстрѣливъ въ короля и «пораженный тѣмъ, что король не упалъ», тихо выронилъ разряженный пистолетъ на полъ. Послѣ этого онъ хотѣлъ ударить короля ножомъ, но на него нашло какое-то оцѣпенѣніе, и ножъ тоже выпалъ у него изъ рукъ.

Въ это время среди окружающей толпы масокъ послышались крики: «пожаръ, пожаръ!» Поднялась всеобщая суматоха. Анкарстремъ, который тоже кричалъ «пожаръ!», попытался убѣжать изъ залы. Но, очутившись у выхода, онъ увидѣлъ, что двери были заперты. Это было сдѣлано по приказанію Эссена и Поллета, и притомъ такъ быстро, что всего какихъ нибудь двѣнадцать человѣкъ маскированныхъ успѣло уйти изъ залы. Анкарстремъ вернулся въ залу и бросилъ другой пистолетъ въ королевскую ложу. Впослѣдствіи передъ судомъ онъ говорилъ, что, «сдѣлавъ первый выстрѣлъ, онъ лишился сознанія; онъ помнилъ только одно, именно, что ему нужно скрыться, и это было причиной, почему онъ не выстрѣлилъ въ себя изъ другаго пистолета, предназначеннаго именно для этой цѣли».

Между тѣмъ Густавъ, оправившись отъ обморока и отдохнувъ на скамейкѣ, выразилъ желаніе пройти въ свой кабинетъ и сказалъ, что у него, кажется, хватить силъ для этого. Эссенъ подаль королю правую руку, а, когда они дошли благополучно до середины залы, шедшій имъ навстрѣчу камеръ-юнкеръ de Besche подержалъ короля съ другой стороны.

Густавъ Левэнельмъ, капитанъ графъ Таубе и тѣлохранитель окружили короля. Левэнельмъ пишетъ, что «была сдѣлана попытка вторичнаго покушенія на жизнь короля, но она не удалась». Въ кабинетѣ Густавъ легъ на диванъ и приказалъ Левэнельму пойти въ залу и узнать, что тамъ происходитъ; если же его стануть спрашивать, что съ королемъ, то отвѣчать, что онъ получилъ легкую рану. Балъ продолжался попрежнему; ни оркестръ, ни бѣльшая часть публики не замѣтили только что разыгравшейся кровавой драмы.

Такимъ образомъ это убійство, для осуществленія котораго придумывалось столько плановъ и для котораго такъ долго и старательно выбирали удобное время, совершенно было при звукахъ музыки, въ разгарѣ танцевъ и общаго веселья.

Густавъ прожилъ еще тринадцать дней. Было бы излишнимъ распространяться здѣсь объ удивительной силѣ характера и истинномъ геройствѣ несчастнаго короля, котораго онъ выказалъ въ это время.

Это—вещи, достаточно извѣстныя всякому, равно какъ и варварскія пытки, которымъ былъ подвергнутъ Анкарстремъ на площади Riddarhustonet 19 апрѣля, на площади Hötorget 20 апрѣля и на площади Nytorget 21 апрѣля, и его смертная казнь, послѣдовавшая 27 апрѣля 1792 года.

Въ заключеніе мы считаемъ себя обязанными сказать нѣсколько словъ о тѣхъ 16-ти таинственныхъ черныхъ маскахъ, которыя во время маскарада составляли что-то въ родѣ охранной стражи вокругъ Анкарстрема и были виновниками той страшной давки, которая облегчила убійство короля.

Кто же были эти черныя маски?

Къ нимъ принадлежалъ прежде всего графъ Адольфъ-Людвигъ Риббингъ. Его сопровождалъ въ маскарадъ баронъ Кнутъ Куркъ (Knut Kurck). Оба были замаскированы одинаково, въ черное домино, бѣлыя маски, круглыя черныя шляпы и сапоги съ тупыми носками, что должно было служить отличительнымъ знакомъ заговорщиковъ. Куркъ былъ двоюроднымъ братомъ Риббинга и товарищемъ его дѣтства и въ описываемое время жилъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ родился въ 1761 году, учился въ Берлинской военной академіи, служилъ нѣкоторое время офицеромъ во французской арміи, а потомъ лейтенантомъ въ Зюдерманландскомъ полку. Послѣ государственнаго переворота 1789 года онъ вышелъ въ отставку.

16-го марта Куркъ обѣдалъ у гофмаршала Фалька, женатаго на сестрѣ государственнаго совѣтника (riksradet) графа Фредрика Розена, котораго, какъ выше сказано, считали участникомъ Пехлинской лиги. Послѣ обѣда, въ половинѣ шестаго, Куркъ ушелъ и встрѣтился съ Риббингомъ. Спустя короткое время послѣ этого, Куркъ отправился въ городъ, чтобы «въ лавкѣ шляпнаго мастера Svanholm'a взять себѣ маскараднѣй костюмъ». Потомъ онъ возвратился къ гофмаршалу Фальку, гдѣ просидѣлъ до 11-ти часовъ. «Около половины 12-го онъ и Риббингъ пошли къ зданію театра, до котораго было всего нѣсколько минутъ ходьбы».

Въ маскарадѣ вскорѣ присоединились къ нимъ еще двѣ черныя маски: Карлъ Фредрикъ Эренсвердъ и копіистъ Ингемундъ Лиліэстроолэ (Lilljestråle). Первый изъ нихъ, служившій лейтенантомъ артиллеріи, былъ вовлеченъ Риббингомъ въ заговоръ и впоследствии посвятилъ также и друга своего Лиліэстроолэ въ тайну этого гнуснаго предпріятія.

Но ни одинъ изъ нихъ не зналъ лично Анкарстрема.

Генералъ Пехлинъ во время обѣда обѣщалъ Риббингу «доставить въ маскарадъ какъ можно больше народу». Дѣйствительно, онъ отправилъ туда троиухъ молодыхъ людей: Михаила фонъ-Струссэнфэльта (Strussenfelt), Петра Плумгрэна (Plomgren) и барона Ганса Ерте (Hjerta). Струссэнфэльтъ имѣлъ 21 годъ отъ роду и служилъ лейтенантомъ въ полку *Novva skanska kavalleri-regementet*. Его

отецъ былъ генераломъ и «стариннымъ другомъ Пехлина, вслѣдствіе чего Пехлинъ оказывалъ молодому человѣку большое расположеніе» и пригласилъ его жить въ своемъ домѣ на Blasienholmen.

Здѣсь же жилъ и Плумгрѣнь, который приходился племянникомъ покойной женѣ Пехлина. Онъ имѣлъ 21 годъ отъ роду и служилъ прапорщикомъ въ собственномъ его величества полку вербовщиковъ (*konungens eget värfvade regement*).

Баронъ Гансъ Ерте также находился въ близкомъ родствѣ съ Пехлиномъ, а именно онъ былъ племянникомъ его второй жены. Ему едва минуло 18 лѣтъ; онъ служилъ прапорщикомъ въ полку *Dalregementet* и имѣлъ, кромѣ того, сверхштатное мѣсто въ кабинетѣ иностранныхъ дѣлъ (*utrikeskabinettet*). Жилъ онъ въ улицѣ *Österlonggatan*, но часто обѣдалъ у Пехлина. Былъ онъ и на знаменитомъ обѣдѣ 16-го марта; это былъ «пріятельскій обѣдъ», гдѣ въ числѣ гостей находились Риббингъ, Біелькэ, Лиліегорнъ, Эренсвердъ, Лиліестроолэ и нѣсколько другихъ заговорщиковъ. Вечеромъ Ерте вмѣстѣ съ Біелькэ, Струссенфельтомъ и Плумгреномъ были въ гостяхъ у Пехлина, причѣмъ кушали въ комнатѣ любовницы Пехлина *m-lle* Регины Пэттерсонъ. «Генераль сидѣлъ на софѣ и глядѣлъ на нихъ». Въ 11 часовъ Струссенфельтъ, Плумгрѣнь, Ерте и Регина поѣхали вмѣстѣ въ маскарадъ, откуда Ерте тотчасъ же поѣхалъ въ *Ladugardslandet* и привезъ въ маскарадъ подругу Регины *m-lle* Анну Унгэ. Въ маскарадѣ общество раздѣлилось такимъ образомъ, что Струссенфельтъ и Плумгрѣнь взяли подъ руку Регину, тогда какъ Ерте пошелъ съ Анной Унгэ. Когда раздался выстрѣлъ, они стояли, по свидѣтельству Регины Пэттерсонъ, «въ разстояніи нѣсколькихъ локтей отъ короля». На допросѣ передъ генераль-губернаторомъ Плумгрѣнь сообщилъ, что «онъ былъ одѣтъ въ черное домино и круглую шляпу». Струссенфельтъ утверждалъ, напротивъ, что «онъ былъ одѣтъ въ сѣрое домино и треугольную шляпу». Во что одѣтъ былъ Ерте, неизвѣстно (!). На допросѣ передъ генераль-губернаторомъ онъ сказавъ, что былъ одѣтъ въ черное домино и круглую шляпу. Весьма вѣроятно, что онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлію, чтобы попасть въ число лицъ, заподозрѣнныхъ въ соучастіи съ заговорщиками.

Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ Струссенфельтъ, Плумгрѣнь и Ерте были прикосновенны къ дѣлу заговорщиковъ. Однако, весьма вѣроятно, что Пехлинъ съ большою осторожностію сообщалъ имъ свѣдѣнія о планахъ заговора; такъ, напримѣръ, онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ молодымъ людямъ въ маскарадѣ наблюдать за королемъ и держаться вблизи его, а затѣмъ присоединиться къ остальнымъ чернымъ маскамъ.

Такимъ образомъ намъ удалось узнать пять-шесть личностей, скрывавшихся подъ черными масками, именно Риббинга, Курка,

Эренсверда, Лиліэстроолэ, Плумгрэна и Ганса Ерте. Если прибавить сюда еще Класа Горна и Анкарстрема, то будемъ имѣть почти половину всего числа, указаннаго выше.

Сказать, кто были остальные восемь или девять человѣкъ подь черными масками, едва ли уже есть какая либо возможность.

Эрнестъ Виллисъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АНГЛІЙСКАГО ДИПЛОМАТА XIX СТОЛѢТІЯ¹⁾.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время въ европейской литературѣ занимаютъ видное мѣсто мемуары политическихъ и общественныхъ дѣятелей. Хотя они отличаются болѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ, но читатели жадно набрасываются на нихъ, и не только усердные изыскатели старины откапываютъ записки и дневники очевидцевъ давно прошедшихъ историческихъ событій, но принимаются за писаніе своихъ воспоминаній и многія болѣе или менѣе видныя современныя личности. Не успѣетъ какой нибудь государственный дѣятель, министръ или дипломатъ, сойти съ политической арены, какъ тотчасъ распространяется слухъ, что онъ пишетъ свои мемуары, и въ настоящую минуту съ нетерпѣніемъ ожидаютъ подобныя воспоминанія Бисмарка, Криспи, Макъ-Магона и т. д. Конечно, большая часть этихъ, составленныхъ заднимъ числомъ, мемуаровъ приводитъ читателей къ полному разочарованію, подобно пресловутымъ мемуарамъ Талейрана, мучившимъ общее любопытство болѣе полустолѣтія и оказавшимся мыльнымъ пузыремъ, но бываютъ исключенія въ родѣ надѣлавшихъ столько шума два года тому назадъ и дѣйствительно очень интересныхъ воспоминаній дотолѣ неизвѣстнаго Наполеоновскаго генерала Марбо. Не можетъ быть сомнѣнія, что изъ двухъ категорій мемуаровъ дневники, веденные, такъ сказать, рука въ руку съ событіями, имѣютъ громадное преимущество передъ воспоминаніями, составленными обы-

¹⁾ The Diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. London. 1892. 2 vol.

кновенно подъ старость, когда пишущій уже не говоритъ подъ живымъ впечатлѣніемъ минуты и съ полнымъ знаніемъ всѣхъ подробностей о совершающихся предъ его глазами событіяхъ, а припоминаетъ бывшее съ точки зрѣнія послѣдующаго времени. Но зато дневники рѣдко ведутся выдающимися людьми своей эпохи, которымъ энергичная дѣятельность мѣшаетъ ежедневно записывать событія создаваемой ими современной исторіи, а всего чаще ихъ авторами бываютъ невѣдомыя личности, передающія въ своихъ запискахъ только по наслышкѣ то, что говорили и дѣлали герои историческихъ моментовъ, хотя съ бытовой стороны ихъ свѣжіе, дышащіе жизнью рассказы объ отголоскахъ въ различныхъ слояхъ общества этихъ историческихъ моментовъ имѣютъ громадное значеніе. Напротивъ, воспоминанія доступны и для первыхъ актеровъ общечеловѣческой драмы, хотя по присущему имъ характеру повѣствованія заднимъ числомъ далеко не столь драгоценный документъ для историка. Впрочемъ, они имѣютъ одно преимущество, именно высказываемые авторомъ взгляды могутъ быть трезвѣе, обдуманнѣе и справедливѣе, такъ какъ онъ рассказываетъ о событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе, съ точки зрѣнія ихъ результатовъ, но этимъ качествомъ обладаютъ очень рѣдкіе авторы воспоминаній, игравшіе въ свое время крупную роль на политической, или общественной аренѣ, потому что они почти всегда считаютъ необходимымъ оправдывать свои дѣйствія и сообщать своему рассказу такой свѣтъ, который выставялъ бы въ особенномъ блескѣ ихъ собственное «я». Поэтому наибольшую цѣну имѣютъ воспоминанія незначительныхъ дѣятелей, съ одной стороны, не претендующихъ на міровое значеніе, а слѣдовательно не мозолящихъ глаза читателей своимъ «я», а съ другой—на столько крупныхъ участниковъ политическихъ или общественныхъ событій, чтобъ они могли сообщать новыя, неизвѣстныя и любопытныя свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ.

Къ подобнымъ мемуарамъ принадлежатъ «Дипломатическія воспоминанія лорда Лофтгуса», которыя начали появляться съ конца прошедшаго года въ Лондонѣ. Ихъ авторъ втеченіе сорока двухъ лѣтъ занималъ сначала второстепенныя дипломатическія должности при нѣмецкихъ дворахъ, а потомъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ въ самыя знаменательныя эпохи современной исторіи, во время франко-итальянской войны, достиженія Германіей единства путемъ датскаго, австрійскаго и французскаго погромовъ, а также послѣдней русско-турецкой кампаніи. До сихъ поръ вышли первые два тома, обнимающіе двадцатипятилѣтіе отъ 1837 по 1862 годъ, и судя по тому, что три четверти перваго тома посвящены двадцати одному году ранней дипломатической карьеры автора, а послѣдняя четверть перваго тома и весь второй томъ заняты рассказомъ только о первыхъ четырехъ годахъ его послан-

нической дѣятельности, можно смѣло предположить, что на изображеніе столь же полной картины его главнѣйшихъ и наиболѣе видныхъ дипломатическихъ трудовъ, впродолженіе остальныхъ семнадцати лѣтъ, пойдетъ по крайней мѣрѣ шесть томовъ, а, можетъ быть, и болѣе, въ виду важности историческихъ событій, которымъ они будутъ посвящены. Главнымъ образомъ воспоминанія лорда Лофтуса имѣютъ столь обширный и громадный объемъ по той причинѣ, что авторъ старается представить общій, связанный рассказъ о всѣхъ фазахъ европейской дипломатіи во время исполненія имъ своихъ посольскихъ обязанностей, а потому онъ не довольствуется передачей того, что онъ самъ видѣлъ и слышалъ, а связываетъ свои личныя воспоминанія общою нитью, по необходимости основанной на давно всѣмъ извѣстныхъ газетныхъ свѣдѣніяхъ. Но эта слабая сторона книги лорда Лофтуса, всетаки, помогаетъ читателю составить себѣ болѣе полное и ясное понятіе о томъ, что онъ рассказываетъ, какъ очевидецъ, а сообщаемыя имъ въ этомъ качествѣ мало извѣстныя, часто же совершенно невѣдомыя, подробности о современныхъ событіяхъ, официальные документы и главные разговоры съ государями, министрами и дипломатами, съ которыми онъ приходилъ въ личное столкновеніе, ступшевываютъ неизбѣжныя при такомъ планѣ длинноты; поэтому читатель вполнѣ мирится съ чрезмѣрной растянутостью этихъ мемуаровъ, тѣмъ болѣе, что они читаются очень легко, и возбуждаемый ими интересъ никогда не слабѣетъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется не высокими литературными достоинствами книги лорда Лофтуса, которыя только блещутъ своимъ отсутствіемъ, но простымъ, безыскусственнымъ изложеніемъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ автора ко всему, что онъ рассказываетъ; онъ никогда не навязываетъ читателямъ своихъ взглядовъ, не пускается въ личныя разсужденія, не выставляетъ на показъ своей собственной фигуры, не старается представить психологическихъ характеристикъ изображаемыхъ имъ лицъ, а безыскусственно и просто рассказываетъ все, что видѣлъ и слышалъ, предоставляя читателямъ выводиться свои собственныя заключенія. Если еще можно въ чемъ упрекнуть его, то лишь въ томъ, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на бытовую сторону историческихъ событій и почти никогда не выходитъ изъ заколдованнаго круга дипломатическихъ сферъ, но въ сущности и этотъ упрекъ не основателенъ, такъ какъ самъ авторъ назвалъ свои мемуары дипломатическими воспоминаніями, и читатель не имѣетъ права требовать отъ него болѣе того, чѣмъ онъ общается въ своемъ произведеніи, а съ другой стороны лордъ Лофтусъ былъ представителемъ старой, по его собственному выраженію, «лакированной школы дипломатовъ *grand seigneur*» и не отличался въ своей политической дѣятельности выдающимися талантами, а потому нельзя ожидать, чтобъ онъ ихъ выказалъ въ своихъ мемуарахъ и неожиданно

расширилъ свой кругозоръ, ограниченный впродолженіе сорока двухъ лѣтъ старомодными дипломатическими рамками.

Конечно, для насъ всего интереснѣе та часть мемуаровъ лорда Лофтуса, которая касается пребыванія его въ Россіи, въ качествѣ посла, отъ 1871 до 1879 года, но такъ какъ этотъ эпизодъ его дипломатической дѣятельности былъ ея финаломъ и съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ шести лѣтъ, проведенныхъ имъ въ качествѣ губернатора австралійской колоніи, Новаго Южнаго Уэльса, онъ живетъ на покоѣ, то придется ждать довольно долго его воспоминаній о посольствѣ въ Петербургѣ. Впрочемъ, и въ вышедшихъ уже двухъ томахъ мы находимъ много любопытныхъ свѣдѣній о дипломатической роли Россіи въ европейскихъ дѣлахъ и рассказъ о кратковременной поѣздкѣ лорда Лофтуса въ Петербургъ въ 1840 году; поэтому не лишне познакомить читателей, конечно, въ самомъ бѣгломъ очеркѣ съ первой частью мемуаровъ, которыя обѣщаютъ быть цѣннымъ матеріаломъ для исторіи русской дипломатіи второй половины XIX столѣтія. При этомъ необходимо замѣтить, что хотя лордъ Лофтусъ, слѣдуя традиціямъ англійской политики, не выказываетъ большихъ симпатій къ Россіи, но въ то же время онъ не обнаруживаетъ никакого руссофобства и относится, по крайней мѣрѣ, въ напечатанной до сихъ поръ части своей книги къ русскимъ дипломатамъ съ тѣмъ же свѣтскимъ приличіемъ и вѣжливымъ добродушіемъ, съ которыми онъ вообще говоритъ о всѣхъ лично извѣстныхъ ему европейскихъ политическихъ дѣятеляхъ, всегда стараясь, какъ онъ самъ выражается, «быть справедливымъ и не высказывать такихъ мнѣній, которыя могли бы причинить хоть малѣйшее неудовольствіе, или непріятность». Конечно, мы не имѣемъ возможности провѣрить точности и справедливости всего, что рассказываетъ лордъ Лофтусъ, и что онъ вкладываетъ въ уста государственныхъ людей, въ особенности русскихъ, но онъ самъ отвѣчаетъ за каждую написанную имъ строчку не только какъ англійскій *grand seigneur*, чѣмъ онъ, повидимому, очень гордится, но и какъ официальный представитель Англии, въ качествѣ котораго онъ принималъ участіе въ разсказываемыхъ имъ крупныхъ событіяхъ современной исторіи и въ передаваемыхъ имъ разговорахъ съ императорами, королями, министрами, дипломатами и т. д.

Какъ мы уже сказали, лордъ Августъ Лофтусъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могокановъ старой школы англійскихъ дипломатовъ, отъ которыхъ не требовалось ни талантовъ, ни знаній, ни подготовки, ни даже образованія, а все это замѣнялось однимъ аристократическимъ происхожденіемъ. Онъ принадлежитъ къ семьѣ, давшей Англии длинный рядъ выдающихся дѣятелей въ церкви, въ судѣ, администраціи и дипломатіи. Ея главой считается маркизъ Эли, а основателемъ ея величія былъ пасторъ Адамъ Лофт-

туть, который въ XVI столѣтїи сопровождалъ въ Ирландію графа Сусекса въ качествѣ домашняго капелана, а потомъ сдѣлался архіепископомъ и лордомъ канцлеромъ Ирландіи. Четвертый сынъ маркиза Эли, лордъ Августъ, получилъ домашнее воспитаніе и восемнадцати лѣтъ былъ представленъ королю Вильгельму IV, который спросилъ его, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлаться, и узнавъ, что его желаніе—быть дипломатомъ, отвѣчалъ: «хорошо, ты будешь дипломатомъ, дитя мое, и я тебя не забуду». Дѣйствительно, черезъ годъ, въ самый день смерти короля будущій дипломатъ былъ численъ къ англійской миссіи въ Берлинѣ, и такимъ образомъ началась въ 1837 году его долговременная дипломатическая дѣятельность. До этого времени, онъ уже былъ нѣсколько знакомъ съ Европой, благодаря посѣщенію съ отцемъ Парижа, гдѣ онъ былъ представленъ къ двору короля Луи-Филиппа и находился на послѣднемъ балу, который давалъ въ своей жизни знаменитый Талейранъ.

Берлинъ, гдѣ дебютировалъ молодой англійскій дипломатъ, былъ, по его словамъ, въ то время деревней сравнительно съ теперешнимъ Берлиномъ, но зато въ общественномъ отношеніи онъ былъ тогда гораздо болѣе пріятнымъ мѣстопребываніемъ. Всѣ классы общества отличались первобытнымъ чувствомъ довольства; еще не была извѣстна безумная погоня за наживой, и всѣ жили просто, наслаждаясь жизнью. Берлинское общество, хотя очень немногочисленное и строго ограниченное, не превышая трехсотъ представителей, состояло преимущественно изъ придворныхъ, военныхъ и дипломатовъ, но общій его характеръ былъ добродушный, безъ безъ всякихъ претензій. Зимой почти каждый вечеръ послѣ театра былъ гдѣ нибудь пріемъ, на которомъ танцовали и ужинали безъ всякихъ формальностей и оффиціального блеска нашихъ дней. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III обѣдалъ въ часъ и ужиналъ въ восемь. Ежедневно послѣ обѣда онъ ѣздилъ съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ въ Шарлотенбургъ. Кромѣ рѣдкихъ обѣдовъ, на которыхъ присутствовали министры и генералы, при дворѣ не давалось никакихъ празднествъ, кромѣ одного въ году, «*déjeuner dansant*», который начинался въ десять часовъ утра и кончался въ шесть часовъ вечера. Вообще король велъ чрезвычайно уединенную жизнь; несчастья, которыя столько лѣтъ преслѣдовали его родину, и смерть королевы Луизы оставили на немъ вѣчный отпечатокъ меланхоліи, которую не могли снять съ него и отношенія къ графинѣ Гаррихъ, на которой онъ въ послѣдніе годы своей жизни женился морганатически. Получивъ титулъ княгини Лигницъ, эта почтенная особа, жившая въ отдѣльномъ дворцѣ, рядомъ съ королевскимъ, пользовалась общимъ уваженіемъ всей королевской семьи, благодаря замѣчательному такту и нѣжной преданности королю. Не смотря на свою уединенную жизнь, Фридрихъ-Вильгельмъ III очень добросовѣстно занимался государственными дѣлами и былъ

добрымъ, милостивымъ государемъ. Часто въ его добротѣ слышалась юмористическая нота; такъ, однажды онъ простилъ придворнаго лакея, уличеннаго въ томъ, что онъ пилъ вино съ королевскаго стола, по краснымъ пятнамъ на его бѣлой ливреѣ,—и при этомъ съ улыбкой сказалъ: «Дуракъ, почему ты лучше не пилъ бѣлаго вина!». Въ политическомъ отношеніи онъ былъ врагомъ всякихъ реформъ и пламеннымъ сторонникомъ неограниченнаго правленія, поэтому обѣщанія даровать либеральную конституцію, данныя имъ во время народнаго подъема противъ французскаго ига, никогда не были исполнены, а его подданные питали къ нему такую любовь, что не рѣшались тревожить его старости. Въ этомъ отношеніи король находилъ поддержку не только въ народной преданности, но и въ союзѣ съ Австріей и Россіей, который онъ считалъ, по буквальнымъ словамъ его завѣщанія, «краеугольнымъ камнемъ европейскаго мира». Въ тѣ времена вліяніе Россіи было преобладающимъ во всей Германіи, и императоръ Николай, питая самыя глубокія дружескія чувства къ своему тестю, прусскому королю, часто посѣщалъ его въ Берлинѣ и присутствовалъ при его смерти, въ іюнѣ 1840 года. По поводу этой кончины лордъ Лофтусъ рассказываетъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ III, будучи въ Парижѣ въ 1815 году, просилъ извѣстную гадалщицу Ленорманъ предсказать ему будущность, и она сказала, что онъ умретъ въ іюнѣ 1840 года. Это предсказаніе произвело такое впечатлѣніе не только на короля, но и на все берлинское общество, что всѣ были убѣждены въ его справедливости, и даже его внукъ, будущій императоръ Фридрихъ III, тогда восьмилѣтній мальчикъ, поздравляя его 1-го января этого роковаго года, сказалъ: «Какая жалость, милый дѣдушка, что ты долженъ умереть въ этомъ году». Что касается до іюня мѣсяца, то упоминаніе его г-жей Ленорманъ могло быть простой случайностью, но при указаніи 1840 года для кончины короля, она, вѣроятно, руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что курфюрстъ Георгъ-Вильгельмъ умеръ въ 1640 году, а Фридрихъ-Вильгельмъ I въ 1740 году.

Не смотря на популярность стараго короля, новое царствованіе радостно привѣтствовалось либеральной партіей въ Пруссіи, какъ начало эпохи прогресса, и во всей Европѣ оно считалось за важное событіе, но лордъ Лофтусъ полагаетъ, что наибольшее значеніе придавалъ этому факту французскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Брессонъ, очень способный человѣкъ, но большой интриганъ. Онъ поставилъ себѣ задачей заключить союзъ между Франціей и Россіей, и пользовался каждымъ пріѣздомъ императора Николая въ Берлинъ, чтобы достигъ своей цѣли, но всѣ его усилія разбивались о холодное равнодушіе императора, который хотя признавалъ королемъ Луи-Филиппа, но никогда не обращался къ нему съ обычной формулой: «*Monsieur mon frere*». Въ чемъ именно состоялъ планъ графа Брес-

сона относительно франко-русскаго союза, положительно неизвѣстно, но, вѣроятно, онъ вдохновился проектомъ князя Полиньяка, который въ 1829 году предлагалъ Карлу X передѣлать всю карту Европы въ союзѣ съ Россіей, на основаніи словъ, произнесенныхъ въ то время императоромъ Николаемъ: «Я не желаю паденія Турціи, но это неизбѣжно, а если-бъ Франція и Россія могли согласиться между собою, то онѣ были бы распорядителями судьбы Европы». Въ силу этого пресловутаго проекта, утвержденнаго Карломъ X и не посланнаго въ Петербургъ только по случаю разразившейся революціи 1830 года, Франція должна была получить Бельгію, Россія — Молдавію, Валахію, Армению и часть Анатолиі, позицію на Средиземномъ морѣ и проходъ въ Индію, Австрія—Боснію и Сербію, Пруссія—Голландію и Саксонію, а Европейской Турціи предназначалось составить христіанское королевство, подъ главенствомъ короля нидерландскаго, магометанское же государство образовывалось подъ управленіемъ Мегемета-Али изъ Египта, Сиріи, Аравіи и Варварійскихъ владѣній въ Африкѣ, а Англіи уступались голландскія колоніи.

Молодой англійскій дипломатъ не только видѣлъ императора Николая издали въ Берлинѣ, но и лично представлялся ему въ Петербургѣ во время поѣздки въ Россію съ депешами къ тогдашнему англійскому повѣренному въ дѣлахъ, лорду Блумфильду, въ декабрѣ того же, 1840 года. «Его величество принялъ меня чрезвычайно милостиво,—говоритъ онъ—и много разспрашивалъ о здоровьѣ новаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, а также о берлинскомъ дворѣ и о великосвѣтскомъ обществѣ. Онъ очень любезно отозвался о нѣкоторыхъ, близко извѣстныхъ ему, англійскихъ выдающихся личностяхъ, о герцогѣ Веллингтонѣ, о лордѣ Дургамѣ и пр., кромѣ того, онъ спросилъ, какъ поживаетъ полковникъ Понсонби, который былъ оставленъ въ числѣ мертвыхъ на полѣ сраженіи при Ватерло, а потомъ чудеснымъ образомъ воскресъ. Въ императорѣ Николаѣ было что-то удивительно величественное и внушительное; не смотря на его суровый видъ, онъ поражалъ плѣнительной улыбкой, и его манеры были очень пріятныя. Вообще это былъ благородный, великодушный человекъ, и всѣ близко его знавшіе питали къ нему преданную любовь. Его суровость объяснялась не желаніемъ быть жестокимъ, а убѣжденіемъ, что слѣдовало въ то время управлять всѣмъ свѣтомъ твердой желѣзной рукой». О Петербургѣ, гдѣ онъ оставался только двѣ недѣли, лордъ Лофтусъ говоритъ очень мало, но отзывается съ большими похвалами о гостепримствѣ русскаго свѣтскаго общества; въ особенности онъ былъ радушно принятъ въ домахъ Лазарева, графа Воронцова-Дашкова, княгини Бѣлосельской и т. д.

Возвратясь въ Берлинъ, лордъ Лофтусъ оставался тамъ четыре года и затѣмъ провелъ въ томъ же качествѣ причисленнаго къ

мисіи восемь лѣтъ при дворахъ короля Виртембергскаго и великаго герцога Баденскаго. Такимъ образомъ онъ не игралъ выдающейся роли во время бурныхъ лѣтъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ революціонныя движенія 1848 года, но былъ отчасти очевидцемъ нѣкоторыхъ изъ событій этой знаменательной эпохи, а отчасти собралъ о ней свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. О королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV онъ отзывался, какъ о человѣкѣ замѣчательныхъ способностей, высокихъ добродѣтелей, и утонченно образованнаго ума. Онъ былъ очень религіозенъ и руководствовался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ сознаниемъ долга къ Богу и къ своей странѣ. Онъ питалъ глубокую любовь къ классической литературѣ и философіи, а его величайшее удовольствіе состояло въ разговорахъ съ знаменитыми профессорами: Гримомъ, Лепсіусомъ, Тикомъ и т. д., которые часто читали ему въ слухъ пьесы Еврипида, Софокла и Шекспира. Онъ также очень любилъ искусства, самъ хорошо рисовалъ, былъ вообще идеалистомъ съ романтической подкладкой и славился мѣткимъ остроуміемъ. Но какими блестящими качествами ни обладалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, но они скорѣе могли быть красой частнаго человѣка, чѣмъ принести пользу прусскому королю въ критическія эпохи его царствованія. Либерально настроенный и постоянно высказывавшій широкіе, благородные взгляды, онъ, однако, отличался такимъ нерѣшительнымъ характеромъ, что никогда не могъ держаться одного, опредѣленнаго мнѣнія, а вѣчно колебался и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководился минутнымъ влеченіемъ. Поэтому онъ постоянно приказывалъ, переприказывалъ и отмѣнялъ свои приказы, а въ результатѣ получался полный хаосъ. Его умъ всегда былъ подъ вліяніемъ различныхъ, часто противоположныхъ стремленій, и естественно, что его дѣйствія имѣли несвязный, безцѣльный характеръ. Такъ въ Берлинѣ говорили, что во время Крымской войны онъ утромъ послѣ молитвы былъ сторонникомъ Англии, а вечеромъ, выпивъ чашку русскаго чая, сочувствовалъ Россіи. Однажды, посылая въ 1844 году главнокомандующаго прусской арміи въ Касель противъ австрійскихъ войскъ въ виду грозившаго тогда столкновенія между обоими государствами, онъ сказалъ: «Вы отвѣчаете мнѣ головой, что не будетъ пролито ни одной капли крови»; вслѣдствіе этого, конечно, пруссаки отступили при первомъ наступленіи австрійцевъ. Но всего гибельнѣе колебательная политика Фридриха-Вильгельма IV отозвалась на внутреннихъ дѣлахъ Пруссіи. Онъ то поддерживалъ надежды прусскихъ и германскихъ либераловъ на установленіе германскаго единства подъ главенствомъ Пруссіи и при свободныхъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, то отказывался отъ предложенной ему франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ императорской короны, то не хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ братомъ во время берлинской рево-

люция и официально братался съ возставшимъ народомъ, то удалялся въ Потсдамъ и принималъ самыя реакціонныя мѣры. Хотя лордъ Лофтусъ далеко не сочувствуетъ революціонному движенію 1848 года и съ ужасомъ говоритъ о томъ, что онъ видѣлъ въ Берлинѣ студентовъ, содержавшихъ караулъ передъ дворцомъ, на которомъ была выставлена надпись «національная собственность», но онъ считаетъ главнымъ виновникомъ всѣхъ происшедшихъ тогда печальныхъ событій королевскую нерѣшительность и двусмысленную политику его совѣтниковъ. Собственно въ Берлинѣ онъ былъ въ эту памятную эпоху только нѣсколько дней во время посѣщенія вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ въ Константинополь, сэромъ Стратфордомъ Канингомъ, впоследствии знаменитымъ лордомъ Стратфордомъ де-Редклифомъ, большей части дворовъ Западной Европы, съ цѣлью уладить тогда совершенно разстроенныя греческія дѣла. Въ сущности это чрезвычайное посольство было принято въ неудачную минуту и ни къ чему не привело, но молодой дипломатъ имѣлъ случай повидать Берлинъ и Вѣну въ самый разгаръ революціи. Послѣдній городъ онъ также засталъ подъ господствомъ студентовъ, которые послѣ бѣгства князя Меттерниха распорядились, какъ полные хозяева, и по ихъ требованію министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Фикельмонъ долженъ былъ подать въ отставку. Конечно, подобныя явленія противорѣчили всѣмъ дипломатическимъ традиціямъ, и сэръ Стратфордъ Канингъ былъ вполне правъ съ своей точки зрѣнія, когда при молодомъ секретарѣ онъ вышелъ изъ себя, прочитавъ извѣстный манифестъ Ламартина къ европейскимъ державамъ. «Жизнь въ Европѣ становится невозможной,—воскликнулъ онъ, бросая съ негодованіемъ газету, находившуюся у него въ рукахъ:—надо эмигрировать въ Австралію, Канаду или какую либо другую отдаленную страну; невысказимо жить съ демагогами, социалистами и коммунистами». Проводивъ своего временнаго начальника до Константинополя и представившись тамъ султану Абдулу-Меджиду, лордъ Лофтусъ вернулся послѣ шести-мѣсячной поѣздки въ Штутгартъ, гдѣ ему пришлось быть очевидцемъ Баденской революціи. По его словамъ, это движеніе не было вызвано никакими непопулярными правительственными мѣрами, такъ какъ великій герцогъ былъ прекраснымъ государемъ, заботившимся о благѣ своихъ подданныхъ, а его правительство отличалось строгимъ конституціоннымъ характеромъ, наконецъ, подати и налоги были чрезвычайно низки. Хотя главную роль въ этой революціи играли чужеземные агитаторы, преимущественно поляки, но лордъ Лофтусъ удостовѣряетъ, что, оставаясь въ Баденѣ во все время существованія временнаго правительства, онъ не слышалъ ни объ одномъ безпорядкѣ, не видалъ ни одного пьянаго, и до его свѣдѣнія не дошло никакихъ жалобъ на воровство, насиліе и т. д. Мятежныя войска подъ начальствомъ гене-

рала Мирославскаго поддерживали строгую дисциплину и выказали большую храбрость въ стычкахъ съ германской арміей подъ начальствомъ прусскаго наслѣднаго принца, будущаго императора Вильгельма, который, однако, очень скоро усмирить возстаніе.

О придворной и общественной жизни въ Виртембергѣ и Баденѣ нашъ авторъ говоритъ не много; онъ только выхваляетъ свѣтское общество въ Штутгартѣ и отзывается о тогдашнемъ виртембергскомъ королѣ, какъ объ очень умномъ, но эксцентричномъ чловѣкѣ, пламенномъ протестантѣ, который говорилъ, что «различіе между протестантствомъ и католичествомъ заключалось въ томъ, что католичество было церковью безъ религіи, а протестантство религіей безъ церкви», но въ то же время не поддерживалъ Пруссіи, величайшей протестантской державы Германіи, и публично объявлялъ, что онъ никогда не подчинится Гегенцолерну. Вообще при его дворѣ жилось очень весело, особенно въ дипломатическомъ кружкѣ, украшеніемъ котораго былъ тогдашній русскій посланникъ, князь Горчаковъ. Женившись около этого времени на дочерѣ англійскаго адмирала Гревилля и сестрѣ фрейлины великой герцогини Стефаніи Баденской, лордъ Лофтусъ воспѣваетъ дифирамбы этой извѣстной своимъ умомъ и культурнымъ блескомъ принцессѣ, близкой родственницѣ императрицы Жозефины. Между прочимъ, онъ рассказываетъ, что какъ сама Стефанія, такъ и весь ея дворъ считали, что пресловутый Каспаръ Гаузеръ былъ ея сыномъ, украденнымъ въ младенчествѣ. Эта таинственная исторія въ свое время надѣлала много шума въ Европѣ и послужила сюжетомъ извѣстной мелодрамы «Нюрнбергскій идиотъ». Дѣло въ томъ, что однажды у воротъ баварскаго города Нюрнберга былъ найденъ четырнадцати-лѣтній юноша, который казался совершеннымъ идиотомъ; онъ не только не умѣлъ ни говорить, ни ходить, но даже не могъ смотрѣть на дневной свѣтъ и отказывался отъ всякой пищи и питья, кромѣ хлѣба и воды. Добрые люди сжалились надъ нимъ, приютили его и воспитали; онъ сдѣлался очень милымъ, умнымъ молодымъ чловѣкомъ, но о своей прошедшей исторіи могъ рассказать только, что началъ себя помнить въ темной дырѣ, куда приносили ему ежедневно сухой хлѣбъ и воду, потомъ черезъ много, много времени неожиданно пришелъ кто-то, завязалъ ему глаза и, вынеся его, бросилъ у воротъ Нюрнберга. Многія высокопоставленныя особы заинтересовались этой таинственной личностью, и лордъ Стангопъ, богатый англійскій филантропъ, хотѣлъ увезти его съ собой въ Англію, но его слава дошла до великой герцогини Стефаніи, у которой два сына умерли въ дѣтствѣ и, по мнѣнію многихъ, не безъ участія придворныхъ интригъ съ цѣлью измѣнить престолонаслѣдіе; среди окружающихъ Стефанію лицъ рассказывалось за вѣрное, что второй изъ ея сыновей былъ украденъ и замѣненъ умирающимъ ребенкомъ. Какъ только разнеслась

вѣсть о таинственномъ Каспарѣ Гаузерѣ, то явилось предположеніе, что не украденный ли онъ сынъ Стефаніи; она сама раздѣляла это предположеніе и вызвала интереснаго юношу въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, куда должна была поѣхать на свиданіе съ нимъ въ сопровожденіи своей фрейлины, миссъ Гревиль, но это свиданіе не состоялось, такъ какъ Каспаръ Гаузеръ по дорогѣ въ Франкфуртъ былъ убитъ на улицѣ въ маленькомъ городкѣ Донаушингенѣ неизвѣстнымъ убійцей, который немедленно скрылся. Такимъ образомъ эта таинственная исторія осталась навѣки неразгаданной, но великая герцогиня баденская до конца своей жизни полагала, что Каспаръ Гаузеръ былъ ея сыномъ.

Въ 1853 году лордъ Лофтусъ снова былъ переведенъ въ Берлинъ въ качествѣ секретаря посольства и занималъ это мѣсто въ продолженіе пяти лѣтъ, причемъ два раза исполнялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ. Эти годы совпадаютъ съ Крымской войной и появленіемъ на политической сценѣ Бисмарка, а потому мемуары англійскаго дипломата принимаютъ болѣе интересный характеръ; хотя мы имѣемъ о той же эпохѣ мемуары лэди Блумфильдъ, жены тогдашняго англійскаго посланника въ Берлинѣ, но нѣтъ сомнѣній, что секретарь сообщаетъ гораздо болѣе любопытныя свѣдѣнія, чѣмъ посланница. Въ особенности для насъ важно то, что онъ говоритъ о русской политикѣ и объ ея представителяхъ за границей. Вообще онъ настаиваетъ на томъ, что Крымская война была возбуждена честолюбивыми стремленіями Россіи, которая не хотѣла согласиться ни на какія предложенія со стороны европейскихъ государствъ о миролюбивомъ окончаніи ея распри съ Турціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не высказываетъ никакихъ враждебныхъ взглядовъ на русскую политику, не осуждаетъ русскихъ политическихъ и военныхъ дѣятелей, а, напротивъ, часто высказывается о нихъ очень симпатично. Такъ онъ отдаетъ полную справедливость благородному, возвышенному характеру императора Николая, отзываясь самымъ лестнымъ образомъ о доблестяхъ русской арміи и прямо заявляетъ, что Крымская война породила только одного великаго военнаго генія, генерала Тотлебена, съ которымъ онъ въ послѣдствіи былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Относительно войны вообще и Крымской въ особенности, восточнаго вопроса и отношеній между Англійей и Россіей, нашъ авторъ высказываетъ очень здравые, логическіе и человѣчные взгляды, чрезвычайно характерные въ устахъ дипломата старшей англійской школы: «Увѣряютъ, что война не только бичъ міра, но и орудіе цивилизаціи, — говоритъ онъ: — но я рѣшительно не вижу, въ чемъ проявляется послѣдній ея результатъ. Во всякомъ случаѣ, Крымская война ни въ чемъ не проявила своего цивилизующаго характера, и когда много лѣтъ спустя я посѣтилъ Севастопольскія развалины и поля, обогранныя кровью столькихъ

жертвъ, сіявшихъ молодостью и жизнью, то я внутренно проклиналъ войну и только видѣлъ въ ней страшный бичъ. Мнѣ приходила въ голову лишь мысль, что неужели въ XIX вѣкѣ со всей его цивилизаціей нельзя найти средствъ для улаженія международныхъ споровъ безъ взаимнаго истребленія, этого постыднаго остатка варварскихъ эпохъ? Какое неисчислимое благо принесло бы всему свѣту расходваніе колоссальныхъ суммъ теперешняго военнаго бюджета всѣхъ государствъ на мирное развитіе производительныхъ силъ народовъ! Подобный золотой вѣкъ наступить, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но я боюсь, что онъ наступитъ слишкомъ поздно, чтобъ вполне загладить въ финансовомъ отношеніи безумную расточительность «прошедшаго». Въ другомъ мѣстѣ своей книги лордъ Лофтусъ указываетъ на то, что средство противъ бесполезныхъ войнъ уже найдено въ учрежденіи международнаго третейскаго суда, такъ какъ на практикѣ въ послѣдніе года удавалось не разъ предотвратить войну дипломатическими переговорами. «Если бы,—прибавляетъ онъ,—эта человѣчная и филантропическая идея была осуществлена по согласію всѣхъ державъ, то не потребовались бы болѣе разоряющія Европу чудовищныя арміи, и водворился бы повсюду миръ, соединенный съ общимъ христіанскимъ братствомъ». Подводя итоги собственно Крымской войны, англійскій дипломатъ приходитъ къ заключенію, что въ результатѣ ея получился—нуль. При этомъ онъ, однако, указываетъ, что западныя державы могли бы потребовать вознагражденіе за военные расходы, такъ какъ будто бы представитель Россіи на Парижскомъ конгрессѣ, князь Орловъ, съ самаго начала сказалъ Наполеону III: «Берите, ваше величество, все, что считаете справедливымъ», но державы отъ этого воздержались изъ «чувства благороднаго безкорыстія». Лордъ Лофтусъ прямо называетъ это политической ошибкой и противопоставляетъ ей поведеніе Бисмарка, который придавалъ послѣднимъ европейскимъ войнамъ коммерческой характеръ; такъ онъ взялъ съ Франціи тяжелую контрибуцію въ 250 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а когда Жюль Фавръ, приведенный въ отчаяніе подобнымъ требованіемъ, замѣтилъ, что не прошло еще такого количества минутъ съ рожденія въ Виелеемѣ Спасителя, то Бисмаркъ цинично отвѣчалъ: «Я объ этомъ подумалъ и привезъ съ собою человѣка, который ведетъ свое начало съ сотворенія міра (еврея)». Хотя лордъ Лофтусъ отлагаетъ подробное обсужденіе восточнаго вопроса до слѣдующихъ частей своихъ мемуаровъ, но уже по поводу Крымской войны онъ прямо говоритъ, что дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи не мыслимо, такъ какъ практически доказано, что магометанское населеніе можетъ счастливо жить подъ христіанскимъ владычествомъ, напримѣръ, въ Индіи и Россіи, но немыслимо христіанскому населенію находиться подъ турецкимъ игомъ, потому что коранъ не можетъ до-

пустить прогресса и цивилизаціи. Естественное разрѣшеніе восточнаго вопроса онъ видитъ въ превращеніи Европейской Турціи въ христіанское государство, нейтральность котораго была бы признана европейскими державами, какъ это сдѣлано относительно Бельгіи; тогда Константинополь, объявленный вольнымъ портомъ, сталъ бы центромъ восточной торговли и пересталъ бы быть яблокомъ раздора для европейскихъ государствъ.

Что касается до отношеній между Англійей и Россіей, то бывшій англійскій посоль въ Петербургѣ выражается слѣдующимъ образомъ: «Я того мнѣнія, что Англіи будетъ чрезвычайно благотворно встать на дружескую ногу относительно Россіи. Мы, по выраженію лорда Биконсфильда, двѣ азіатскія державы, и потому насъ должно одинаково интересовать развитіе цивилизаціи, промышленности и торговли въ обширныхъ сферахъ нашей дѣятельности на Востокѣ, причемъ мы должны дѣйствовать безъ всякой зависти другъ къ другу и стремленій къ расширенію нашихъ владѣній. До сихъ поръ съ обѣихъ сторонъ было слишкомъ много недовѣрія, но я полагаю, что, дѣйствуя откровенно и согласно, мы могли бы гармонично вести свои дѣла и уничтожить всѣ слѣды прошедшей непріязни». Доказательствомъ того, что онъ держался и въ своей оффиціальной дѣятельности подобныхъ взглядовъ, можетъ служить то обстоятельство, что еще въ 1861 году лордъ Лофтусъ совѣтовалъ въ депешѣ къ лорду Кларендону, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, принять на себя инициативу въ предложеніи вмѣстѣ съ Франціей освободить Россію отъ той унижительной для ея достоинства статьи Парижскаго трактата, которая ограничивала число русскихъ военныхъ судовъ на Черномъ морѣ и воспрещала постройку портовъ и морскихъ арсеналовъ. «Я выставлялъ на видъ, — рассказываетъ лордъ Лофтусъ, — что хотя эта статья имѣла важность въ минуту подписи трактата, какъ средство дать возможность Турціи реорганизовать свои оборонительныя средства, но нельзя было ожидать, чтобъ великая держава, какъ Россія, оставалась долго подъ клеймомъ подобнаго позора, и очевидно, что она воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ освободить себя отъ него, хотя бы подъ рискомъ войны. Я указывалъ на серьезныя complicаціи, которыя могли бы произойти, если бы Россія приняла на себя инициативу въ этомъ вопросѣ, и я считалъ, что было бы политично, благородно и великодушно со стороны Англіи и Франціи предложить вмѣстѣ съ другими державами Россіи освобожденіе ея отъ этого унижительнаго условія Парижскаго трактата. Но мой совѣтъ остался безъ всякихъ послѣдствій, и Россія сама объявила недѣйствительность означенной статьи Парижскаго трактата въ извѣстной нотѣ князя Горчакова во время франко-прусскаго войны, въ силу тайнаго соглашенія съ Бисмаркомъ».

Интересныя подробности, приводимыя въ мемуарахъ англійскаго дипломата о событіяхъ, предшествовавшихъ Крымской войнѣ, сопровождавшихъ ее и слѣдовавшихъ за ней, сосредоточиваются главнымъ образомъ на роли Пруссіи въ ту знаменательную эпоху. Императоръ Николай, повидимому, прежде чѣмъ начать войну, всячески старался склонить на свою сторону Австрію и Пруссію; для этого онъ ѣздилъ на австрійскіе маневры въ Ольмюцъ, выписалъ въ Варшаву прусскаго короля, а потомъ самъ посѣтилъ Берлинъ. Хотя Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ расположенъ къ союзу съ Россіей, и придворная партія поддерживала его въ этомъ, но тогдашній первый министръ, баронъ Мантейфель, энергично настаивалъ на выгодахъ для Пруссіи отъ строгаго нейтралитета и, если вѣрить лорду Лофтусу, то Мантейфель въ личныхъ объясненіяхъ съ императоромъ Николаемъ не уступилъ ни одной іоты своей политики. Такъ будто бы на замѣчаніе императора: «Союзные (англо-французскіе) флоты вошли въ Дарданеллы, а вы терпите такое нарушение трактата 1841 года», онъ отвѣчалъ: «Пруссія также видѣла и занятіе русскими войсками Дунайскихъ княжествъ»; а когда императоръ, объяснивъ, что онъ предоставитъ на помощь Пруссіи всѣ свои средства до послѣдняго солдата и рубля, спросилъ, на что онъ можетъ рассчитывать въ замѣнъ отъ Пруссіи, то Мантейфель сказалъ: «Пруссія не нуждается ни въ солдатахъ, ни въ деньгахъ; ея интересы требуютъ, чтобъ она сохранила нейтралитетъ; ей невозможно жертвовать своимъ положеніемъ и дѣйствовать въ союзѣ съ Россіей по восточному вопросу; но, сохраняя нейтралитетъ, Пруссія надѣется, что будетъ имѣть большую возможность предложить свои добрыя услуги съ цѣлью установленія мира». Такъ какъ Мантейфеля поддерживали тогдашній прусскій наслѣдный принцъ, будущій императоръ Вильгельмъ, всѣ министры и общественное мнѣніе страны, то онъ одержалъ верхъ, и нейтралитетъ Пруссіи былъ установленъ. Конечно, многіе подозрѣвали, что дѣло не обошлось безъ англійскихъ интригъ, и баронъ Будбергъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, не стѣсняясь, выражалъ лорду Лофтусу свою горечь противъ Англии. На замѣчаніе же послѣдняго, что не одна Англія, а четыре державы и общественное мнѣніе Европы не одобряли русской политики на востокъ, онъ отвѣчалъ: «Плевать намъ на общественное мнѣніе; мы пойдемъ своимъ путемъ и будемъ воевать съ вами одними». Въ поясненіе этихъ словъ онъ прибавилъ: «Киселевъ пишетъ, что въ Парижѣ его окружаютъ всякаго рода вниманіемъ, и французы ведутъ себя совершенно иначе, чѣмъ англичане, а Бруновъ говоритъ, что его положеніе въ Лондонѣ нестерпимо». Эти донесенія Киселева и Брунова, по словамъ лорда Лофтуса, вводили въ заблужденіе русское правительство, которое до послѣдней минуты не вѣрило въ заключеніе наступательнаго союза между Франціей и Англійей. Въ виду неудачи Вѣнской конферен-

ціи, австрійскій премьеръ графъ Бюоль и его зять баронъ Мейндорфъ предприняли новую попытку предупрежденія войны, основанную на томъ, что Россія и Турція уладятъ свою распрю безъ чужаго вмѣшательства. Баронъ Будбергъ просилъ Мантейфеля поддержать это предложеніе и заявить, что, въ случаѣ отказа западныхъ державъ, Пруссія вмѣстѣ съ Австріей удержатся отъ всякихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Англійей и Франціей. Но первый министръ Пруссіи нашелъ подобный способъ разрѣшенія восточнаго вопроса непрактичнымъ и невозможнымъ, такъ какъ въ его глазахъ это было бы «предоставленіемъ кошкамъ и мышкамъ покончить ссору между собой миролюбивою сдѣлкой».

Наконецъ, всѣ переговоры были прерваны, и началась Крымская война при официально заявленномъ нейтралитетѣ Австріи и Пруссіи, но изъ мемуаровъ лорда Лофтуса ясно видно, что этотъ нейтралитетъ хотя равно былъ непріятенъ западнымъ державамъ и Россіи, имѣлъ различный характеръ въ обоихъ государствахъ: именно Австрія придавала ему болѣе воинственный и рѣшительный отбѣнокъ, а Пруссія—болѣе мирный и неустойчивый. Австрія видимо тянула на сторону западныхъ державъ и заключила съ ними союзный трактатъ, явно враждебный Россіи, но, выказывая Россіи черную неблагодарность за недавнее спасеніе отъ венгерскаго возстанія, она прямо не оказывала содѣйствія своимъ союзникамъ, а только заняла Дунайскія княжества, послѣ удаленія оттуда русскихъ войскъ, и выставила на границѣ съ Россіей армію въ 225.000 человекъ. По поводу послѣдняго обстоятельства нашъ авторъ сообщаетъ очень любопытный разговоръ между австрійскимъ императоромъ и графомъ Бюолемъ. Первый, осмотрѣвъ эту армію, сказалъ: «Какъ жаль, что нельзя пустить въ ходъ такое прекрасное войско», а на замѣчаніе послѣдняго, что «всякая война должна быть справедлива и политична», отвѣчалъ, что «война съ Россіей была бы политична, но не справедлива». Напротивъ Бюоль высказалъ мнѣніе, что «подобную войну можно было бы, пожалуй, назвать справедливою, но она не была бы политичною». Во всякомъ случаѣ политичный нейтралитетъ Австріи возстановлялъ противъ нея одинаково враждующія стороны, и когда послѣ паденія Севастополя возбужденъ былъ вопросъ о томъ, чтобъ Пруссія или Австрія явилась въ качествѣ посредника для примиренія союзниковъ съ Россіей, то Наполеонъ III сказалъ: «Австрія такъ скверно разыграла свою игру, что съ ней нельзя имѣть никакого дѣла; поведеніе Пруссіи было слишкомъ сухое, но во всякомъ случаѣ я предпочитаю женщину, ненавидящую тебя, той, которая однажды тебѣ измѣнила, подобно Австріи».

Пруссія вела себя совершенно иначе; она не заключила никакого трактата о настоящемъ или будущемъ союзѣ съ западными державами и, собственно говоря, ея политику нельзя назвать ней-

тралитетомъ, а это было просто постояннымъ колебаніемъ между обѣими враждующими сторонами. Хотя Пруссія уже не находилась тогда въ прежнемъ своемъ положеніи относительно Россіи, и нельзя было повторить извѣстнаго выраженія: «что можно опредѣлить, гдѣ начинается Пруссія, а невозможно сказать, гдѣ кончается Россія», но самъ король и сильная придворная партія склонялись въ пользу Россіи и считали, что императоръ Николай не могъ отвѣчать на оскорбленія западныхъ державъ иначе, какъ пушечными выстрѣлами. Съ другой стороны министерство и общественное мнѣніе Пруссіи сочувствовали западнымъ державамъ изъ политическихъ видовъ. Такимъ образомъ, въ виду слабости характера короля, естественно получалось въ результатъ вѣчное колебаніе. Регуляторомъ же этого колебанія былъ, дѣйствовавшій еще тогда въ тѣни и почти невѣдомый Европѣ, Бисмаркъ. Онъ самъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ германскомъ рейхстагѣ, въ 1878 году, откровенно объяснилъ свою роль во время Крымской войны, говоря, что его тогда вызывали въ Берлинъ изъ Франкфурта, гдѣ онъ былъ представителемъ Пруссіи, какъ только западныя державы слишкомъ налегали на прусское правительство, и оно было слишкомъ слабо для противодѣйствія этому гнету; въ подобныхъ случаяхъ онъ тотчасъ писалъ для короля дружескую депешу русскому правительству, а когда Мантейфель вслѣдствіе этого подавалъ въ отставку, то онъ, предварительно пославъ депешу въ Петербургъ, отправлялся въ деревню къ Мантейфелю и убѣждалъ его остаться первымъ министромъ. Это первенствующее значеніе Бисмарка въ Пруссіи во время Крымской войны очень рельефно рисуетъ лордъ Лофтсусъ. «Въ эту эпоху,—говоритъ онъ,—Отто фонъ-Бисмаркъ былъ настоящимъ руководителемъ прусской политики, хотя Мантейфель и состоялъ официальнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ пользовался полнымъ довѣріемъ короля и въ сущности не сочувствовалъ ни Россіи, ни западнымъ державамъ, а ненавидѣлъ Австрію и поставилъ себѣ задачей противодѣйствовать всему, что могло предоставить ей первенство въ Германіи. Поэтому онъ всячески старался поддержать независимое положеніе Пруссіи, какъ великой державы, и освободить ее отъ вліянія Австріи. Онъ прямо въ своихъ депешахъ къ Мантейфелю выражалъ опасеніе, чтобъ Пруссія не была вовлечена въ войну съ Россіей ради австрійскихъ интересовъ, хотя въ то же время не скрывалъ, что интересы Пруссіи вовсе не тождественны съ интересами Россіи. «Намъ слѣдуетъ,—говорилъ онъ съ чисто Маккиавельской хитростью:—вести себя такъ, чтобъ постоянно было сомнѣніе, къ кому мы присоединимся въ концѣ концовъ—къ Россіи, или къ западнымъ державамъ; подобнымъ путемъ мы усилимъ свое вліяніе на теченіе политическихъ дѣлъ». Конечно, повѣренный въ дѣлахъ Россіи при германскомъ союзѣ, въ Франкфуртѣ, Глинка, бывшій въ самыхъ дружескихъ

отношеніяхъ съ Бисмаркомъ, поддерживалъ его усилія препятствовать всѣми возможными способами анти-русской политикѣ барона Мантейфеля. Въ своихъ постоянныхъ бесѣдахъ они даже шли гораздо далѣе и выработывали планъ расторженія англо-французскаго союза; Бисмаркъ открыто говорилъ: «Союзъ между Пруссіей, Россіей и Франціей—мой политическій идеаль и единственная комбинація, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ этихъ трехъ государствъ, хотя я почти попалъ въ немилость у наслѣднаго принца за выраженіе подобной идеи». Дѣйствительно, когда Бисмаркъ упомянулъ о возможности русско-пруско-французскаго союза, то будущій императоръ Вильгельмъ написалъ барону Мантейфелю, что онъ удивляется, какъ можетъ послѣдній довѣрять интересы Пруссіи такому человѣку, который выражаетъ идеи школьника. «Но если эти идеи тогда казались не практичными, — замѣчаетъ лордъ Лофтусъ, — то кто можетъ поручиться, что когда нибудь этотъ своего рода тройственный союзъ не осуществится? Онъ могъ бы разрѣшить неразрѣшимый вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи, который точитъ сердце каждаго француза, возбуждаетъ постоянную опасность войны и побуждаетъ всѣ европейскія страны поддерживать громадныя арміи, разоряя для этого свои населенія». Хотя Мантейфеля и упрекали въ излишней склонности къ западнымъ державамъ, но онъ не разъ говорилъ въ дружескомъ кружкѣ: «Союзники думаютъ, что мы вытащимъ для нихъ каштаны изъ огня; нисколько, они это сдѣлаютъ для насъ, и мы съѣдимъ каштаны». Какъ бы то ни было, лордъ Лофтусъ считаетъ, что Пруссія оказала Россіи во время Крымской кампаніи большую услугу своимъ нейтралитетомъ, и такъ какъ руководителемъ ея тогдашней политики былъ уже Бисмаркъ, хотя скрывавшійся за кулисами, то онъ впоследствии имѣлъ полное основаніе рассчитывать на такой же нейтралитетъ Россіи во время войны съ Франціей, что дало возможность Пруссіи сосредоточить всѣ свои военныя силы на западной границѣ, не охраняя восточной. Напротивъ, Австрія ничего не выиграла отъ своего кокетничанія съ западными державами, и когда она обратилась передъ войной съ Пруссіей за помощью къ императору Наполеону III, то онъ отвѣчалъ лаконически: «Неужели вы думаете, что я могу быть союзникомъ мертваго трупа». Правда, наступила потомъ и очередь Австріи отомстить за этотъ отказъ, и когда Наполеонъ III сталъ ухаживать за Австріей, подбивая ее противъ Пруссіи въ 1870 году, то онъ, говорятъ, получилъ въ отвѣтъ: «Неужели вы думаете, что я могу быть союзникомъ сумасшедшаго дома».

Зорко слѣдя за всѣми политическими и военными перипетіями знаменательной эпохи Крымской войны, лордъ Лофтусъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ о русскихъ дипломатахъ. Такъ, когда западнымъ державамъ удалось заключить союзъ съ Швеціей, князь Горчаковъ сказалъ: «J'ai souvent entendu parler d'un traité

offensif et défensif, mais jamais d'un traité offensant. (Я часто слышалъ о трактатахъ наступательномъ и оборонительномъ, но никогда не слышалъ о трактатѣ оскорбительномъ). Русскіе были такъ увѣрены въ успѣхѣ Инкерманской битвы, что русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, встрѣтивъ на улицѣ русскаго военнаго агента, барона Бенкендорфа, въ этотъ самый день, около двѣнадцати часовъ утра, сказалъ ему, смотря на часы: «Въ эту минуту равнина передъ Севастополемъ очищена отъ союзниковъ». По поводу Инкермана лордъ Лофтусъ съ негодованіемъ отвергаетъ справедливость обвиненія, введеного на него барономъ Фицтумомъ, который увѣряетъ въ своихъ мемуарахъ, что прусскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Мюнстеръ, по телеграфу сообщилъ своему правительству о составленномъ въ Петербургѣ планѣ Инкерманской битвы, а лордъ Лофтусъ, получивъ посредствомъ подкупа копію этой депеши, передалъ ее въ Лондонъ, и такимъ образомъ лордъ Рагланъ во время былъ предупрежденъ объ атакѣ. Нашъ авторъ завѣряетъ, что все это плодъ фантазіи Фицтума, что англійская армія не была предупреждена объ Инкерманской битвѣ никакой депешей, что онъ никогда никого не подкупалъ и ни отъ кого не получалъ никакихъ тайныхъ свѣдѣній, что, наконецъ, въ то время не онъ, а лордъ Блумфильдъ, былъ англійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Послѣ паденія Севастополя возникли надежды на миръ, и, конечно, прусскій король сталъ заботиться о томъ, чтобъ разыграть роль посредника, тѣмъ болѣе, что на вопросъ о томъ, возьметъ ли на себя Россія инициативу въ этомъ дѣлѣ, князь Горчаковъ отвѣчалъ: «Россія нѣма, но не глуха». Однако не потребовалось посредничества Фридриха-Вильгельма IV, и миръ былъ заключенъ безъ него, но на Парижскій конгрессъ былъ приглашенъ представитель Пруссіи, и въ этомъ качествѣ явился баронъ Мантейфель, не смотря на то, что попрежнему тайнымъ руководителемъ прусской политики оставался Бисмаркъ. Но, предоставляя официальную роль первому министру, будущій желѣзный канцлеръ продолжалъ свою подпольную игру и сталъ всячески стараться осуществить свою идею о союзѣ Пруссіи съ Франціей и Россіей, что, быть можетъ, ему и удалось бы, еслибъ не наступила болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV. Хотя, посѣщая въ это время нѣсколько разъ Парижъ, Бисмаркъ и увѣрялъ, что онъ ѣздитъ туда, чтобъ развратить Наполеона III, который будто бы былъ слишкомъ честенъ («il est trop honnête, et j'y vais pour le corrondre», подлинныя слова Бисмарка), но эти достойные соперники уже тогда вели двойную или, быть можетъ, еще болѣе многостороннюю интригу для осуществленія своихъ тайныхъ цѣлей, и принцъ Наполеонъ, посланный императоромъ въ Берлинъ въ 1857 году съ особымъ секретнымъ порученіемъ, сказалъ лорду Лофтусу: «Пусть Англія не дружить съ Австріей, и мы выкинемъ за бортъ Россію; отдѣлаемся отъ нихъ

и придемъ къ обоюдному соглашенію». Вся эта сложная дипломатическая махинація повела въ концѣ концовъ къ желанной обоими соперниками тайной цѣли: она развязала имъ руки, и сначала Наполеонъ III одинъ справился съ Австріей, а потомъ Бисмаркъ въ единоборствѣ уничтожилъ прежде Австрію, а потомъ Францію, осуществивъ знаменитое предсказаніе князя Горчакова послѣ Датской войны: «Нѣтъ болѣе Европы». Временное удаленіе Бисмарка отъ руководства прусской политикой, вызванное регентствомъ наслѣднаго принца по случаю начавшагося тяжелаго недуга короля, не прекратило, однако, его дипломатическихъ интригъ, такъ какъ онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ, по словамъ лорда Лофтуса, его привѣтствовали съ удовольствіемъ, какъ поклонника императора Николая и ненавистника Австріи. Онъ же рассказываетъ, что когда впослѣдствіи, по возвращеніи изъ Петербурга, Бисмаркъ представлялся Вильгельму, уже сдѣлавшемуся тогда королемъ, и послѣдній выразилъ свое удивленіе, что онъ получилъ такую высокую почесть въ Россіи, какъ орденъ св. Владиміра первой степени, будущій желѣзный канцлеръ отвѣчалъ: «это только подтверждаетъ, что пророки не пользуются честью лишь въ отечествѣ своемъ». Не успѣлъ принцъ регентъ замѣнить кабинетъ Мантейфеля новымъ министерствомъ съ либеральнымъ оттѣнкомъ и подъ главенствомъ князя Гогенцолерна-Зигмарингена, какъ лордъ Лофтусъ былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну и, покинувъ Берлинъ, онъ уже не присутствовалъ при такъ называемой либеральной эрѣ, которая недолго продолжалась въ Пруссіи и была лишь передышкой между тайнымъ и явнымъ господствомъ Бисмарка.

Сдѣлавшись въ 1858 году посланникомъ при дворѣ одной изъ великихъ державъ сравнительно молодымъ человѣкомъ, такъ какъ ему было тогда лишь сорокъ одинъ годъ, лордъ Лофтусъ оставался въ Вѣнѣ три года, и его пребываніе тамъ совпало съ знаменательной эпохой войны Австріи съ Франціей и Италіей. Онъ самъ говоритъ въ концѣ втораго тома своихъ мемуаровъ, что самая интересная ихъ часть относится до этой войны, ея причинъ и послѣдствій. Дѣйствительно онъ передаетъ любопытныя свѣдѣнія о дипломатическихъ переговорахъ, предшествовавшихъ объявленію войны, о неожиданномъ заключеніи мира въ Вилла-Франкѣ и о достиженіи Италіей своего единства. До итальянской кампаніи первымъ министромъ Австріи былъ графъ Бюль, который прежде находился посланникомъ въ Лондонѣ и въ Петербургѣ, но не пользовался въ обѣихъ этихъ столицахъ большой популярностью, благодаря своимъ рѣзкимъ манерамъ, раздражительности и упрямству. Но, по словамъ лорда Лофтуса, это былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, благородный, правдивый, и всѣ его дѣйствія отличались прямымъ, честнымъ характеромъ; главной же его сла-

бостью была склонность къ сарказму, который составлялъ его конекъ и естественно возбуждалъ противъ него неудовольствіе многихъ. Одной изъ основъ политики Бюоля была антипатія къ Россіи, хотя его сестра была замужемъ за русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, барономъ Мейндорфомъ, и, по словамъ лорда Лофтуса князь Горчаковъ питалъ къ нему такія враждебныя чувства, что постоянно ставилъ его отставку условіемъ возстановленія хорошихъ отношеній между Россіей и Австріей. Но Францъ-Иосифъ высоко цѣнилъ его заслуги и на предложенія удалить Бюоля обыкновенно отвѣчалъ: «это можетъ дѣлаться въ Константинополѣ но не въ Вѣнѣ». Конечно, Бюоль наиболѣе обнаруживалъ свой, антагонизмъ къ Россіи въ восточномъ вопросѣ. Въ началѣ 1858 года была созвана Парижская конференція для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, возникшихъ при исполненіи Парижскаго трактата, въ томъ числѣ объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ, о навигаціи по Дунаю и объ отношеніяхъ между Турціей и Черногоріей. По всѣмъ этимъ предметамъ Бюоль дѣйствовалъ противъ Россіи, ядовито говорилъ представителямъ западныхъ державъ: «*Vous avez jeté la Russie par la fenêtre, elle essayera d'entrer par la Porte*», упрекалъ Францію въ томъ, что она обдѣлываетъ дѣлишки Россіи, и когда русскій повѣренный въ дѣлахъ Кноррингъ угрожалъ, что Россія признаетъ независимость Черногоріи, если Турція не прекратитъ своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ княжества, то онъ отвѣчалъ саркастически: «Ваши слова очень пріятно слышать; я всегда полагалъ, что Россія давно считала Черногорію независимымъ государствомъ, и чрезвычайно радъ узнать, что она только сочтетъ независимой Черногорію въ известномъ случаѣ». Не менѣе рѣзко возставалъ онъ противъ соединенія Дунайскихъ княжествъ, предложеннаго графомъ Валевскимъ, и въ шутку называлъ это соединеніе «республиканскимъ единствомъ». На каждомъ шагѣ онъ ставилъ препоны успѣшной дѣятельности конференціи и, по собственному своему выраженію, торговался изъ-за каждой мелочи. Наконецъ, конференція кончила свое дѣло, но въ результатѣ получились непрактическія сдѣлки, которыя въ ближайшемъ будущемъ были уничтожены логикой событій. «Австрія хотѣла воевать изъ-за соединенія Дунайскихъ княжествъ,— замѣчаетъ лордъ Лофтусъ:—а, спустя нѣсколько лѣтъ, образовалось Румынское королевство, затѣмъ основано королевство Сербское, и, вѣроятно, вскорѣ возникнетъ королевство Болгарское. Такъ время въ своемъ прогрессивномъ шествіи дѣлаетъ мертворожденными самыя тонкія человѣческія хитросплетенія». Хотя на вопросъ датскаго посланника графа Булле-Брахе, уѣзжавшаго однажды на нѣсколько времени въ Копенгагенъ, въ эпоху дипломатическихъ столкновеній между Даніей, Пруссіей и Австріей: «Не имѣетъ ли онъ сообщить ему добрыхъ совѣтовъ», Бюоль от-

вѣчалъ: «Теперь добрые совѣты такъ рѣдки, что когда нападешь на нихъ, то бережешь ихъ для себя», но, повидимому, австрійскій премьеръ не руководствовался добрыми совѣтами въ своей политикѣ. Относительно восточнаго вопроса онъ проводилъ безплодныя идеи, опровергаемыя событіями, а что касается до его итальянской политики, то она навлекла бѣдствія и униженія на его родину, а Италія нимало не помѣшала достигъ единства и независимости.

Долго австрійскіе политики и дипломаты не признавали итальянскаго вопроса: престарѣлый князь Меттернихъ утверждалъ, что «Италія только географическій терминъ», а Бюоль въ объясненіяхъ съ представителемъ Англіи выражался очень рѣзко: «Я все слышу, что много говорятъ объ итальянскомъ вопросѣ, но я не знаю итальянскаго вопроса; я понимаю, что есть датскій, или шведскій вопросъ, но итальянскаго вопроса я не признаю». Это намѣренное ослѣпленіе, въ виду быстро назрѣвавшего въ Италіи движенія въ пользу ея независимости и единства, дорого обошлось Австріи и было тѣмъ болѣе непостижимо, что Англія, Франція и Россія прямо сочувствовали этому движенію и открыто высказывали свои симпатіи. Наполеонъ III не скрывалъ, что, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Австріи противъ Пьемонта или въ защиту мелкихъ государей Тосканы, Пармы и Модены противъ ихъ итальянскихъ населеній, онъ прямо объявитъ войну старому врагу Франціи, и всѣмъ было извѣстно, что онъ заключилъ тайный союзъ съ Кавуромъ, душой непризнаваемаго австрійцами итальянскаго вопроса. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи, лордъ Мальмсебюри, и его правая рука въ этомъ случаѣ, лордъ Лофтусъ, въ официальныхъ депешахъ и личныхъ разговорахъ ясно высказывали, что англійское общественное мнѣніе сочувствовало итальянскимъ національнымъ стремленіямъ, и потому англійское правительство никогда не поддержитъ Австріи, если послѣдняя своими враждебными дѣйствіями дастъ Франціи или Сардиніи законный поводъ къ началю войны. Россія въ то время дѣйствовала за одно съ Франціей, и хотя ея представитель въ Вѣнѣ, Балабинъ, о которомъ лордъ Лофтусъ отзывался, какъ объ умномъ, остромъ и блестящемъ «protégé» князя Горчакова, отзывался о союзѣ между этими двумя державами, очень саркастически называя его «un pacte offensif», но по итальянскому вопросу онъ высказывалъ самыя сочувственные взгляды, чрезвычайно характерныя въ устахъ русскаго посланника. Такъ онъ прямо говорилъ лорду Лофтусу: «Не станутъ спрашивать правительства, а прямо обратятся къ народу; голосъ народа рѣшитъ дѣло, какъ уже было въ Валахіи и Молдавіи». Пруссія молчала, но, очевидно, Австрія не могла рассчитывать на ея поддержку. И, не смотря на подобное изолированное положе-

ніе, она упорно держалась своей воинственной политики, бравировала Франціей и настаивала на разоруженіи Сардиніи, гдѣ уже собирались отряды волонтеровъ. Графъ Бюоль съ удивительнымъ упрямствомъ повторялъ лорду Лофтусу, съ которымъ онъ находился въ очень близкихъ дружескихъ отношеніяхъ: «Мы не имѣемъ союзниковъ въ министерскихъ совѣтахъ, но мы ихъ приобретаемъ на полѣ сраженія». Прежде чѣмъ допустить Австрію до войны, которая уже казалось неизбежной, Англія и Россія, каждая отдѣльно и самостоятельно, сдѣлали послѣднюю попытку примирить Вѣну съ Парижемъ. Первая послала къ австрійскому императору лорда Каули съ порученіемъ убѣдить его въ возможности еще предупредить войну соглашеніемъ съ Наполеономъ III, который будто бы искренно желалъ мира, но Бюоль принялъ это за хитрое намѣреніе французскаго императора выиграть время для окончанія своихъ приготовленій къ войнѣ, а потому посольство лорда Каули осталось безплоднымъ. Россія поступила иначе и предложила созвать конгрессъ великихъ дѣржавъ для разрѣшенія итальянскаго вопроса, и хотя программа этого конгресса была официально ограничена, но носились слухи, что она приметъ очень широкіе размѣры, касаясь измѣненія всей карты Европы. Балабинъ открыто говорилъ: «Двѣ страны находятся въ неловкомъ положеніи, одна—благодаря трактатамъ 1815 года, а другая—трактату 1856 года; если Франція хочетъ передѣлать первые, то мы хотимъ измѣнить послѣдній, какъ унижительный для Россіи». Австрія считала проектъ о конгрессѣ только пробнымъ шаромъ, и князь Меттернихъ, не сочувствовавшій воинственному задору Бюоля, отнесся, однако, очень скептически къ предложенію Россіи. «Этотъ конгрессъ,—сказалъ маститый глава старой школы европейскихъ дипломатовъ:—напоминаетъ мнѣ одинъ веселый анекдотъ. Какого-то священника пригласили на крестины, а когда онъ пришелъ, то оказалось, что ребенокъ еще не родился. Это ничего,—сказали священнику,—окрестите ребенка заранѣе.—Но какъ же я буду знать, какого онъ будетъ пола?—отвѣчалъ священникъ. Пустяки,—возразили ему,—дайте ребенку имя Шарля или Шарлоты, и все сойдетъ. Вотъ и предполагаемый конгрессъ походить на этого неродившагося ребенка; его созываютъ, а никто не знаетъ, на какой предметъ». Однако, Франція, Англія и Пруссія изъявили согласіе на этотъ конгрессъ, и Австрія была вынуждена послѣдовать ихъ примѣру, но, поставивъ условіемъ своего участія недопущеніе въ конгрессъ Сардиніи, она сыграла въ руку Каууру, который официально согласился на конгрессъ, однако не скрывалъ своего намѣренія покончить дѣло войной. Но и въ этомъ отношеніи ему удалось перехитрить Бюоля, и зачинщикомъ войны оказалась Австрія, которая, не ожидая собранія конгресса, послала ультиматумъ Сардиніи съ требованіемъ не-

медленнаго разоруженія. Кавуръ отвѣчалъ Австріи уклончиво, а Францію и Англію увѣдомилъ, что ради мира онъ даже согласенъ на разоруженіе, но Австрія этого не знала, и главнокомандующій ея арміей, генераль Гюлай, перейдя черезъ Тичино, вступилъ въ предѣлы Пьемонта. Еще разъ правительства Англии, Россіи и Пруссіи, протестуя противъ этого рѣшительнаго шага, старались уладить дѣло и убѣдить Австрію отозвать обратно свои войска. Но это ни къ чему не повело и, по словамъ лорда Лофтуса, «не слушая совѣтовъ Европы, Австрія слѣпо бросилась въ бездну и потеряла всякую надежду на нравственную, а тѣмъ болѣе матеріальную поддержку великихъ державъ».

Графъ Бюоль поставилъ на своемъ, но изолированное положеніе Австріи въ открывшейся войнѣ было приписано могущественной военной партіей въ Австріи его политической неумѣлости и ненависти къ Россіи, а потому, спустя нѣсколько дней послѣ начатія военныхъ дѣйствій, онъ былъ уволенъ въ отставку по совѣту Меттерниха, который гнѣвно осуждалъ несвоевременную посылку австрійскаго ультиматума Сардиніи. Премьеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался графъ Рехбергъ, который занималъ постъ австрійскаго посла при Франкфуртскомъ сеймѣ; его рекомендовалъ императору старикъ Меттернихъ, который, расхваливая лорду Лофтусу новаго главу правительства и прося полнаго довѣрія къ нему Англии, сказалъ: «Это ученикъ моей школы». Конечно, эта школа совершенно устарѣла, такъ какъ Меттернихъ не шелъ далѣе трактатовъ 1815 года и принциповъ Священнаго Союза, но лордъ Лофтусъ, выставляя самого учителя, какъ благороднаго, рыцарскаго *grand seigneur*'а, хотя и апостола абсолютизма, отзывается и объ ученикѣ, какъ объ умномъ, энергичномъ и рѣшительномъ государственномъ дѣятелѣ, хотя вполне подчиненномъ военной и ультрамонтанской партіи. Не смотря на увѣренія Бюоля, что его преемникъ не измѣнитъ прежней австрійской политики, а только придастъ ей болѣе мягкій характеръ извнѣ и болѣе суровый внутри, назначеніе графа Рехберга имѣло значительное вліяніе на улучшеніе отношеній между Австріей и Россіей. Въ слѣдующемъ же году состоялось свиданіе между обоими государями въ Варшавѣ, и Балабинъ, возвратясь оттуда въ Вѣну, открыто говорилъ представителямъ печати: «Всякая злопамятность между Россіей и Австріей исчезла; я не только говорю вамъ, но и даю вамъ право напечатать, что прошедшее совершенно забыто». Этой перемѣной въ настроеніи русской дипломатіи Австрія была обязана энергичнымъ усиліямъ принца Александра Гессенскаго, брата русской императрицы, о поѣздкѣ котораго въ Петербургъ князь Горчаковъ выражался: «Миссія принца Гессенскаго очень важная, она имѣетъ цѣлю найти мнѣ преемника». Все таки, сохраняя свою прежнюю нена-

висть къ Австріи, русскій канцлеръ нехотя подчинился обстоятельству и прямо говорилъ: «Зачѣмъ намъ измѣнять наши отношенія къ Австріи? Что значать всѣ ея фразы? Намъ нужны факты. Если она докажетъ своими дѣйствіями, что перемѣнила политику относительно насъ, то мы успѣемъ ей подать руку». Судя по мемуарамъ лорда Лофтуса, принцъ Александръ Гессенскій игралъ въ то время значительную, хотя мало извѣстную роль въ политическихъ событіяхъ; такъ онъ велъ первые переговоры о мирѣ между Австріей и Франціей, который былъ неожиданно заключенъ въ Вилла-Франкѣ Наполеономъ III и Францемъ-Иосифомъ. Какъ извѣстно, франко-австрійская война, возникшая ради объединенія Италіи, вдругъ окончилась послѣ двухъ французскихъ побѣдъ, и ея результатъ горько разочаровалъ не только итальянцевъ, но и всѣхъ сочувствовавшихъ имъ. Свиданіе въ Вилла-Франкѣ между враждующими государями было подготовлено принцемъ Гессенскимъ и генераломъ Флери, которые по предложенію Франціи выяснили возможность заключенія мира, но такъ какъ встрѣтились большія затрудненія къ удовлетворительному окончанію этого дѣла, то Францъ-Иосифъ, по докладу принца Гессенскаго объ его бесѣдѣ съ Наполеономъ III, рѣшился исполнить желаніе послѣдняго о личномъ свиданіи и, отправляясь въ Вилла-Франку, сказалъ: «Я знаю, что это дѣло трудное, и потому самъ поѣду и постараюсь устранить всѣ препятствія». Наполеонъ III обошелся съ своимъ соперникомъ, не смотря на одержанныя надъ нимъ побѣды, самымъ любезнымъ образомъ и при каждомъ заявленіи австрійскаго императора о невозможности той или другой уступки отвѣчалъ: «Если ваше величество не можетъ уступить, то мнѣ придется это сдѣлать». Вообще онъ выразилъ пламенное желаніе покончить войну, продолжать которую, по его собственнымъ словамъ, было «сверхъ его силъ», а въ результатѣ австрійскій императоръ оказался болѣе счастливымъ въ дипломатическихъ переговорахъ, чѣмъ на полѣ брани. Впослѣдствіи Наполеонъ III открыто говорилъ: «Я былъ правъ, опасаясь свиданія съ Францемъ-Иосифомъ, и мои ожиданія вполнѣ оправдались; онъ совершенно подчинилъ меня своему вліянію». Французскій императоръ такъ торопился съ заключеніемъ мира, что по окончаніи бесѣды съ Францемъ-Иосифомъ взялъ съ собою графа Рехберга въ Валеджію и тамъ, подъ диктовку австрійскаго министра, лично набросалъ условія трактата, который впослѣдствіи былъ заключенъ въ Цюрихѣ. Главными его основаніями были уступка Ломбардіи Франціи, которая передавала ее Сардиніи, возстановленіе государей Тосканы и Модены и сохраненіе Венеціи за Австріей. Итальянскій король не принималъ никакого участія въ Вилла-Франкскихъ переговорахъ и только отвѣчалъ на записку Наполеона III о началѣ этихъ переговоровъ лаконическими словами: «Что рѣшить

императоръ Наполеонъ, будетъ мнѣ пріятно». Но когда ему пришлось подписать предварительныя условія мира, то онъ выразилъ свое горькое разочарованіе, что война неожиданно прекратилась прежде осуществленія ея цѣли—«свободной Италіи отъ Альпъ до моря», а потому оговорилъ свою подпись знаменательными словами: «На сколько это меня касается» («En tant que cela me regarde»). Графъ же Кавуръ пришелъ въ ярость и немедленно подалъ въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ Ратацци.

Что Австрія согласилась на подобный миръ, никого не привело въ изумленіе, такъ какъ это былъ лучшей исходъ для безумно начатой и несчастливо веденной войны, но долго никто не могъ понять причинъ, побудившихъ побѣдителя остановиться на полдорогѣ. Только впоследствии вполне выяснилось, что Наполеонъ III дѣйствовалъ неискренно въ итальянскомъ вопросѣ, что онъ никогда не намѣревался создать свободной, единой Италіи, что онъ нисколько не хотѣлъ ослабить Австрію, а поставилъ себѣ цѣлью, напугавъ ее, обратить въ свою вѣрную союзницу, что, наконецъ, онъ имѣлъ въ виду не сдѣлать Сардиніи великой державой присоединеніемъ къ ней средне-итальянскихъ государствъ, а установленіе итальянской федераціи подъ главенствомъ папы. Все это обусловило заключеніе мира, но дальнѣйшія событія доказали полную неосновательность расчетовъ творца Декабрской имперіи. Однако вообще Европа была довольна прекращеніемъ войны, и Балабинъ сказалъ лорду Лофтусу: «Мы очень рады, что миръ заключенъ; результатъ войны соответствуетъ нашимъ желаніямъ; мы всегда были въ пользу уступки Ломбардіи Австріей и не сочувствовали какъ революціонной пропагандѣ въ Италіи, такъ и низверженію великаго герцога Тосканскаго и герцога Моденскаго. Мы не одобряемъ войны и нуждаемся въ мирѣ, такъ какъ мы слишкомъ заняты внутренними реформами, чтобъ вмѣшиваться во внѣшнія войны». Но король Виртембергскій, самый образованный и дальновзоркій изъ тогдашнихъ государей Германіи, по словамъ лорда Лофтуса, считалъ вилла-франкскій миръ непрочнымъ и безплоднымъ. «Въ результатѣ получится одно или другое,—говорилъ онъ англійскому дипломату:—или въ Италіи возникнутъ междоусобія, при которыхъ Европа будетъ молча присутствовать, или возобновится между Франціей и Австріей война, которая вскорѣ сдѣлается всеобщей». Первая часть этого предсказанія исполнилась, и «не смотря на всѣ дипломатическія ухищренія,—говоритъ лордъ Лофтусъ,—итальянскій вопросъ былъ разрѣшенъ самимъ итальянскимъ народомъ, а Европа безмолвно признала совершившійся фактъ, но надо отдать справедливость, что итальянскій народъ велъ себя удивительно благоразумно и сдержанно, не учиня никакихъ безпорядковъ, никакихъ насилій, такъ что эта безкровная революція будетъ извѣстна въ исторіи, какъ начало новой эры и блестящаго

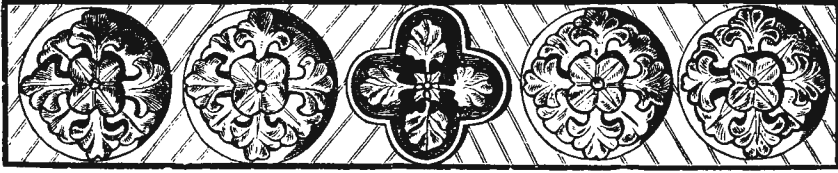

разсвѣта для народовъ». Признавая всѣ заслуги, оказанныя Кавуромъ дѣлу итальянской свободы, нашъ авторъ, однако, считаетъ, что въ современной исторіи Италіи ни одно имя не сіяетъ такимъ лучезарнымъ блескомъ, какъ имя Гарибальди, «который, имѣя у своихъ ногъ королевскую мантию въ Неаполѣ, не нагнулся, чтобъ ее поднять; уѣзжая на свой одинокій островъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ диктаторства, занялъ нѣсколько десятковъ франковъ на эту поѣздку и, освободивъ свою родину, а также подаривъ Виктору-Эмануилу два королевства, отказался отъ всякихъ почестей и наградъ».

Въ январѣ 1861 года лордъ Лофтусъ былъ переведенъ обратно въ Берлинъ, въ качествѣ посланника, но онъ недолго оставался на этомъ посту и въ слѣдующемъ же году перешелъ въ томъ же качествѣ въ Мюнхенъ. Такъ какъ при немъ происходилъ тогда только прологъ царствованія Вильгельма, и лишь передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Берлина Бисмаркъ, вернувшись изъ Парижа, гдѣ онъ былъ посланникомъ послѣ Петербурга, принялъ въ свои руки правительственную власть, то для полноты рисуемой лордомъ Лофтусомъ картины образованія германскаго единства надо подождать выхода въ свѣтъ послѣдующихъ томовъ его мемуаровъ, въ которыхъ будутъ помѣщены его воспоминанія о послѣдующихъ годахъ, когда онъ былъ представителемъ Англій сначала въ Баваріи, а потомъ снова въ Берлинѣ, но уже какъ посоль.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 1—2.
Кіевъ. 1891—1892.

ПРОФЕССОРЪ кіевского университета В. С. Иконниковъ предполагаетъ представить «подробное обозрѣніе источниковъ и сочиненій по русской исторіи и, по возможности, полную литературу входящихъ въ просовъ». Съ такими задачами и въ подобныхъ размѣрахъ еще не было сочиненія по русской исторіографіи.

Пока вышла первая половина труда, въ двухъ отдѣлахъ. Первый отдѣлъ занятъ методологіей предмета (I—III гл.) и исторіей собранія, храненія и приведенія въ извѣстность матеріаловъ по русской исторіи (IV—VII гл.). Въ методологической части означаются предметъ, свойства, задачи и значеніе исторіи, опредѣляются и группируются ея источники и вспомогательныя знанія, ихъ сравнительныя примѣнимость и достоинство; выясняются и оцѣниваются методы и построеніе, въ особенности критика и ея виды, указываются качества, необходимыя въ историкѣ, рассматриваются труды по русской исторіографіи, и т. п. Въ исторической части сообщаются свѣдѣнія о рукописномъ и книжномъ дѣлѣ за весь его періодъ. Начало книжнаго дѣла въ Россіи, переписка и собраніе рукописей, княжескія, церковныя и монастырскія библіотеки, во главѣ съ великокняжеской московской, столь удивившей своимъ богатствомъ грека Максима и ливонскаго пастора Веттермана, московскій царскій архивъ, книгопечатаніе и собраніе печатныхъ книгъ, заботы Петра Великаго о сохраненіи матеріаловъ и памятниковъ древности, распоряженія его преемниковъ, находки и открытія въ XVIII и XIX вѣкахъ, ученые кружки, экспедиціи, комиссіи, комитеты и общества, съ ихъ дѣятельностію по сохраненію, приведенію въ порядокъ, открытію и изданію русскаго историческаго матеріала, періодическія изданія и сборники матеріаловъ—все это постепенно проходитъ передъ читателемъ длинною и непрерывною вереницею фактическихъ данныхъ

Второй отдѣлъ сочиненія, по своему объему втрое большій перваго, посвященъ современнымъ хранилищамъ историческаго достоянія и литературы—архивамъ, библіотекамъ и музеямъ, русскимъ и соответственнымъ, касающимся Россіи, иностраннымъ. Сюда вошли обзорнїя состава и содержанія ихъ и означенія работъ по ихъ матеріаламъ; обзорнїе важнѣйшихъ русскихъ хранилищъ сопровождается историческими очерками ихъ.

Въ концѣ каждой части и каждого отдѣла приведена литература предмета. Книга заканчивается обширными дополненіями къ тексту и указателями личныхъ именъ и географическихъ названій.

О богатствѣ и дробности содержанія, предлагаемаго авторомъ, можно судить уже по тому, что одни указатели занимаютъ около 150 стр., всѣхъ же страницъ въ сочиненіи около 2.000. Если уже въ методологическомъ введеніи останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя собраніе и сопоставленіе того, какъ понималось научно-историческое дѣло различными представителями историческаго и философскаго знанія, и обиліе примѣровъ, то еще значительноѣе привлекають его количество, сложность и разнообразіе данныхъ въ исторіи книжнаго дѣла и въ обзорнїи хранилищъ. Въ исторической части мы встрѣчаемся не только съ учеными обществами и институтами, преслѣдовавшими обширныя задачи, но и съ разными провинціальными архивными комиссіями и статистическими комитетами; не только съ дѣятелями внушительной извѣстности, каковы Татищевъ, Миллеръ, Румянцевъ, Строевъ и другіе, но и съ безвѣстными, но, тѣмъ не менѣе, полезными скромными тружениками въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, и иногда даже въ небольшихъ мѣстечкахъ, разбиравшими и разбирающими чисто мѣстное историческое достояніе. Со множествомъ подобныхъ скромныхъ работниковъ и ихъ собраніями матеріаловъ и сочиненіями встрѣчаемся потомъ и въ отдѣлѣ о современныхъ хранилищахъ. Хранилища берутся правительственныя и общественныя, ученыхъ обществъ и учреждений, церковныхъ общинъ и частныхъ владѣльцевъ. Среди нихъ не рѣдко попадаются такія, извѣстїи о которыхъ не было въ ученой литературѣ, и еще болѣе такихъ, отчеты о которыхъ были случайны и разобщены между собою, такъ что найти о нихъ свѣдѣнія было трудно и специалисту.

«Книга эта, когда она будетъ окончена,—отзывается о ней К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, много самъ сдѣлавшій въ области историографіи,—явится самымъ полнымъ руководствомъ начинающему заниматься болѣе самостоятельно и необходимою справочною книгою для всѣхъ изучающихъ русскую исторію. Она не только избавляетъ отъ тяжелой работы прїискиванія, гдѣ бы найти нужное свѣдѣніе, но еще даетъ возможность сразу обозрѣть все поле источниковъ. Настоящій томъ служить инвентаремъ всего богатства, открывающагося предъ историкомъ, а слѣдующій долженъ представить оцѣнку самыхъ источниковъ и тѣхъ мнѣній, которыя сложились на основаніи ихъ изученія». («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1892, VIII, 200).

При всей полнотѣ содержанія вышедшаго тома и при всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ изслѣдователемъ для устраненія недостатковъ даже въ весьма мелкихъ частностяхъ, самостоятельныя справки не будутъ иногда лишни, разумѣется, и о важномъ. Сообщеніе, напримѣръ, о московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба (479 стр. и дополн.) можетъ о всей цѣнности хранилища и не дать точнаго представленія лицамъ, не близкимъ къ непосредственной работѣ по архивамъ (см. 194 стр. въ только что указанной ре-

цензи). Общее количество дѣлъ въ этомъ архивѣ считается около двухъ милліоновъ. Сплошная масса ихъ съ 1719 по 1836 годъ; недавно, по закрытіи Харьковскаго военнаго округа, въ упомянутый архивъ было доставлено ихъ до 1.200 пудовъ. Здѣсь сосредоточены дѣла военной коллегіи и ея экспедицій и конторъ, съ экспедиціей секретной включительно, дѣла военнаго министерства или случайно попавшія въ него. По содержанію своему относятся они къ организаціи, устройству и быту русской арміи и къ веденію войнъ, усмиренію крестьянскихъ движеній и возмущеній, подъ предводительствомъ Пугачева и др., подавленію польскихъ возстаній; тутъ же акты о состояніи польскихъ войскъ за 1793—1795 годы, нѣкоторые дипломатическіе документы, связанные съ веденіемъ военныхъ дѣйствій за границей, документы о военноплѣнныхъ (шведахъ при Петрѣ Великомъ и др.), о военныхъ и политическихъ шпионахъ, объ иностранцахъ, состоявшихъ на русской службѣ, и ихъ семьяхъ, объ опредѣленіи сербовъ въ слободскіе полки, письма и переписка разныхъ вліятельныхъ лицъ, иногда совсѣмъ не военнаго содержанія, дѣла Шереметева, Трубецкаго, Миниха, Вейде, Ушакова, Левашева, Шувалова, Бутурлина, Салтыкова и др., хранившіяся въ С.-Петербургской крѣпости, и т. д. Рукописныхъ описей имѣется уже до 250; издано (1890—1892 г.), подъ редакціей Д. О. Масловскаго, четыре описи.

Затѣмъ, къ отдѣлу о хранилищахъ, погибшихъ или перешедшихъ въ существующія, присоединимъ (къ 107 стр.), что были библіотеки при московскихъ приказахъ, аптекарскомъ, малороссійскомъ и др. Точныя свѣдѣнія о состояніи къ концу XVII вѣка весьма виднаго собранія печатныхъ книгъ, которое было въ посольскомъ приказѣ и послужило основаніемъ современной библіотекѣ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, могутъ (къ 395 стр.) быть непосредственно почерпнуты изъ архивнаго документа того времени ¹⁾.

¹⁾ Въ дѣлахъ архива о посольскомъ приказѣ, св. 1, № 1. Впрочемъ, и тутъ означены книги, повидимому, не всѣ, а только тѣ, которыя, какъ не относящіяся «къ приказному дѣлу», посольскій приказъ желалъ тогда сдать въ царскую книгохранительную палату на печатной дворъ, гдѣ бы онѣ были «въ вѣдомѣ, и въ сохранствѣ, и къ книжному дѣлу потребны». Петръ велѣлъ (29 іюля 1696 г.) переписать ихъ «имянно», присоединя къ нимъ такія же книги малороссійскаго приказа, и всѣ ихъ беречь «и записать для вѣдома въ книгу». Названій книгъ, предназначавшихся приказомъ къ сдачѣ въ палату, было до 270 (нѣкоторыя книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ); именно, названій «книгъ розныхъ языковъ на лицо старыхъ, которыя въ (прежней) переписной книгѣ написаны», было около двухъ сотъ, остальные книги доставлены изъ сибирскаго приказа «изъ животовъ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева» (1677 г.), послѣ его паденія, изъ мастерской палаты (1683 г.), изъ верхней типографіи (1684 г.), часть привезена (1690 г.) изъ Нѣжина послѣ умершаго тамъ архимандрита Діонисія. Книги были на языкахъ славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, польскомъ и др. Кромѣ книгъ религіознаго содержанія, тутъ находились книги: «Омира творца о Троядѣ», «Иродотова исторія», «Димостенова, греческая и латинская», «Демокретусъ смѣющійся», «Виргилюшъ», Цицеронъ, «Пливіевы посланія», «Философія Луція Сенека о всякихъ дѣлѣхъ»; особенно посчастливилось сочиненіямъ Аристотеля (Политика, Логика, Физика, О небесахъ, рукописная О земляныхъ дѣлѣхъ и др.), затѣмъ были книги юридическія («Законъ царской, рукописанный», «Уложеніе цесарское», «Судебникъ Магдебурскаго права» и др.), лексиконы, грамматикки,

Частности, нуждающіяся въ дополненіяхъ и поправкахъ, легче теперь могутъ быть возмѣщены въ приложеніи ко второму тому, и онѣ свидѣтельствуя только о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, которыя постоянно нужно было побѣждать автору. Чѣмъ ближе ознакомляешься съ этимъ капитальнымъ его произведеніемъ, тѣмъ болѣе видишь, какую массу матеріаловъ онъ долженъ былъ изучить и охватить и сдѣлать разнообразныхъ справокъ, сколько живой любви къ предмету и настойчивости въ трудѣ положено имъ при выполненіи своей задачи, и тѣмъ болѣе цѣнишь то, что теперь получается изъ-подъ пера одного лица, работающаго къ тому же за тысячеверстныя разстоянія отъ центральныхъ русскихъ архивовъ и библиотекъ, по сосѣдству съ которыми удобнѣе находить и получать надобныя справки. Помимо того, что теперь облегчаются каждому изслѣдователю самостоятельныя занятія по русской исторіи, трудъ, нѣтъ сомнѣнія, послужитъ самому архивному и библиотечному дѣлу въ Россіи, поднятію уваженія къ нему, его упорядоченію и объединенію; нѣтъ сомнѣнія, онъ вызоветъ и новые систематическіе поиски въ хранилищахъ не только отечественныхъ, но и иностранныхъ.

Собственно идейная сторона должна рельефнѣе и законченнѣе выразиться во второмъ томѣ; здѣсь она сильнѣе выдвигается въ методологическомъ введеніи, прямо и косвенно способствуя выясненію и установкѣ соответственныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ. Сужденія носятъ вообще печать объективности; характеръ изложенія спокойный.

Испытанныя авторомъ трудности побудили его высказать признаніе, что еслибъ онъ предвидѣлъ ихъ всё, то, быть можетъ, «и не рѣшился бы принять настоящій свой трудъ, а занялся бы другими вопросами, болѣе или менѣе имъ обработанными, представивъ собранные имъ матеріалы болѣе счастливому изслѣдователю». На сколько знаемъ о занятіяхъ неутомимаго ученаго профессора, произведенія его, на которыя онъ намекаетъ, относятся къ вопросамъ изъ времени Грознаго, Смутной эпохи и Екатерины II. Каждое изъ нихъ въ свою очередь составить, мы увѣрены, цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку; но, въ интересахъ обширности пользы, мы желали бы прежде ихъ видѣть второй томъ исторіографіи, выполненный столь же счастливо, какъ и первый.

Въ книжныхъ указателяхъ читаемъ, что первый томъ вышелъ въ 700 экземплярахъ. Такія капитальныя руководственныя сочиненія у насъ печатаются еще въ столь ограниченномъ количествѣ.

Дм. Цвѣтаевъ.

риторики, ариеметики, атласы, космографіи, книги и чертежи городоваго, огороднаго и палатнаго строенія, деревянныхъ рѣзей, о садахъ, конскія, землемѣрія, оружейнаго строенія, о гранатномъ дѣлѣ и т. п., различныя хроники и исторіи, преимущественно польскія—«Польскихъ королей», «Лѣтописецъ польской», «Гисторія Кромерова», «Гисторія Вѣльскаго Старого», «Кровника Александра Гвагнина», «Гранографъ, въ лицахъ, на латинскомъ языкѣ», «Побѣда и радость Густава, короля шведскаго, на латинскомъ языкѣ» и т. д. Изъ означеннаго числа 17 книгъ «городнаго, и палатнаго, и городоваго строенія, и рѣзныхъ, и водовводныхъ и фигурныхъ образцовъ» вялял (въ 1684 и 1685 гг.) къ себѣ на дворъ кн. В. В. Голицынъ «и казады въ приказъ не присылывалъ».

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній). Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Спб. 1892. Томъ II. Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вв. Спб. 1893.

Профессоръ Карѣвъ предпринялъ новый большой трудъ. Два тома «Исторіи Западной Европы въ новое время» уже вышли въ свѣтъ, въ скоромъ времени появится и третій, посвященный революціи и XVIII вѣку, а впоследствии уважаемый ученый обѣщаетъ дать и изложеніе исторіи XIX вѣка. Въ основу этого труда легли курсы, читанные Н. И. Карѣвымъ въ разное время и въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но университетъ или другое подобное учрежденіе связываетъ профессора известнымъ числомъ часовъ, такъ что оказывается почти невозможнымъ, по недостатку времени, изложить предметъ съ достаточной полнотой. Такого неудобства печатный курсъ не представляетъ. Этимъ и воспользовался проф. Карѣвъ, значительно видоизмѣнивъ и расширивъ свой курсъ, съ цѣлью сдѣлать его полезнымъ не только «для студентовъ, начинающихъ изучать исторію, но и для всѣхъ вообще лицъ, желающихъ познакомиться съ главными событіями новой исторіи, не имѣя ни времени, ни даже подготовки, нужныхъ для чтенія болѣе объемистыхъ или болѣе специальныхъ трудовъ, наконецъ, пожалуй, и для многихъ начинающихъ преподавателей, особенно въ провинціальной глуши» (т. I, стр. III). Въ прямой связи съ такой цѣлью стоитъ и самый характеръ всего труда, который авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ виду назначенія своего служить преимущественно пособіемъ на той ступени ознакомленія съ исторіей, которая слѣдуетъ за усвоеніемъ гимназическаго курса, книга эта предполагается въ читательскія знанія тѣхъ историческихъ фактовъ, изъ коихъ состоитъ главный запасъ свѣдѣній въ этой области, даваемый средней школой: это не учебникъ, отличающійся отъ употребляемыхъ въ школахъ лишь большимъ количествомъ собственныхъ именъ, фактовъ, хронологическихъ датъ и подробностей, а книга, въ коей имѣется въ виду главнымъ образомъ уже обобщенное знаніе. Университетскіе курсы должны быть своего рода монографіями, въ коихъ выясняется лишь одно какое нибудь явленіе или одна группа явленій и связь, существующая между ними». Предметомъ труда проф. Карѣва, какъ видно уже и изъ заглавія, было развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній. Но, предупреждаетъ авторъ, «разъ книга не учебникъ, при составленіи коего гнались бы за обиліемъ фактическаго матеріала, она вовсе не можетъ служить для разнаго рода справокъ біографическаго, хронологическаго, литературнаго и т. п. содержанія, тѣмъ болѣе, что многія области, даже несомнѣнно входящія въ культурную исторію (напр., живопись или архитектура, домашній бытъ и общественные обычаи и т. п.), совсѣмъ нами не затронуты, и цѣлыя страны или эпохи вводятся въ изложеніе отрывочно, мимоходомъ, безъ всякой заботы о томъ, чтобы по одной нашей книгѣ можно было познакомиться съ исторіей всѣхъ государствъ и съ каждою изъ нихъ равномѣрно, безъ хронологическихъ пропусковъ, совершенно также, какъ мы не ставили своею цѣлью передавать все, что характерно для данной эпохи, не дѣлая, напримѣръ, различія между ея духовными стремленіями и характеризующими ее модами. Съ другой стороны, я не считалъ

нужнымъ останавливаться на разборѣ спорныхъ и темныхъ вопросовъ новой исторіи, особенно въ родѣ, напримѣръ, виновности или невинности Маріи Стюартъ» (ibid). Зато авторъ даетъ указанія на наиболѣе важные труды по затрогиваемымъ имъ вопросамъ, но считаетъ излишнимъ, въ виду опять таки назначенія его книги, говорить о первоисточникахъ. Сказаннаго, какъ намъ кажется, вполне достаточно, какъ для опредѣленія общаго характера новаго труда г. Карѣва, такъ и для выясненія цѣлей, преслѣдуемыхъ авторомъ. Переходимъ теперь къ самому содержанію.

На первыхъ же страницахъ своего труда авторъ высказываетъ ту мысль, «что западно-европейская гражданственность и образованность имѣла общее происхожденіе въ Западной Римской имперіи, что она приняла своеобразныя формы католицизма и феодализма, что эти феодализмъ и католицизмъ легли въ основу всего быта Западной Европы, въ основу жизни общественной—государственной, правовой и хозяйственной, въ основу духовной культуры—морали и всего міросозерцанія, что развитіемъ и господствомъ феодальныхъ и католическихъ воззрѣній и отношеній характеризуется социальная и культурная сторона этой исторіи». На средніе вѣка надо смотрѣть, какъ на выработку и расцвѣтъ католико-феодальныхъ формъ жизни, новое время начинается «съ ясныхъ признаковъ разложенія этого быта», и весь культурный и социальный процессъ новой исторіи заключается именно въ постепенномъ уничтоженіи средневѣковыхъ принциповъ и формъ. Вотъ идея, положенная проф. Карѣвымъ въ основу своего курса, который является ея развитіемъ и доказательствомъ. Очевидно, что разъ новая исторія есть разрушеніе средневѣковыхъ формъ, то необходимо, прежде чѣмъ излагать ее, охарактеризовать средневѣковую жизнь и показать, какъ она дошла до кризиса. Этому и посвященъ первый томъ «Исторіи Западной Европы въ новое время». Здѣсь мы, послѣ общаго «Вступленія», находимъ характеристику «Политическихъ формъ конца среднихъ вѣковъ» (главы IV—XII), въ которой авторъ послѣдовательно рисуетъ намъ картины феодальнаго устройства, муниципальнаго быта, роль сословно-представительныхъ учреждений и, наконецъ, королевской власти, и показываетъ, какъ къ концу среднихъ вѣковъ между всѣми этими формами разгорается рядъ конфликтовъ и появляется масса политическихъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ займется уже новое время. То же самое замѣчается и въ «Социальныхъ отношеніяхъ» (главы XIII—XXI): феодальное землевладѣніе и ужасное положеніе крестьянъ ведутъ къ выраженіямъ протеста въ родѣ крестьянскихъ возстаній; въ промышленности цехи разлагаются, и начинаютъ мало-по-малу возникать капиталистическое производство. Въ литературѣ тоже замѣчается переломъ—изъ рыцарской и духовной она преобразуется въ литературу непривилегированныхъ классовъ съ дидактическимъ и сатирическимъ характеромъ, появляется и публицистика, словомъ, литература дѣлается общественной силой. Наконецъ, личное начало, совершенно не развитое въ средніе вѣка, теперь подымается, и «развитая личность требуетъ отъ общества для себя болшихъ правъ, для своей внутренней и вѣншей жизни—болшей свободы». Этимъ заканчивается отдѣлъ I тома, посвященный социальнымъ вопросамъ. Далѣе разбираются вопросы культурные, и прежде всего «средневѣковый католицизмъ» (главы XXIII—XXV). Указавъ на то, что главными чертами средневѣковаго міросозерцанія были теократизмъ и аскетизмъ, нашедшіе воплощеніе въ папствѣ и монашествѣ,

авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что «въ XIV и XV столѣтияхъ католицизмъ вызываетъ противъ себя двоякаго рода протесты и оппозиціи: съ одной стороны дѣйствуютъ силы, становящіяся въ оппозицію во имя мірскихъ свѣтскихъ интересовъ и принциповъ противъ теократіи и аскетизма, съ другой—выступаютъ элементы, протестующіе противъ порчи церкви во имя той же самой религіи, въ силу и ради которой существовала сама церковь». Въ связи съ оппозиціей перваго рода стоитъ гуманизмъ, въ связи съ религиознымъ протестомъ — попытки церковной реформы, выдвигающей на первый планъ въ исторіи XVI вѣка и порождающей протестантизмъ. Разсматривая въ томъ же отдѣлѣ отношеніе католицизма къ личности, политическую оппозицію церкви и зарожденіе литературной оппозиціи католицизму, авторъ далѣе переходитъ именно къ тѣмъ двумъ главнымъ явлениямъ, которыя онъ отмѣтилъ выше,—къ гуманизму и реформации. Отдѣлъ «Возрожденіе и гуманизмъ» (главы XXVI—XXXIV) подробно излагаетъ генезисъ гуманистическаго движенія, дѣтельность отдѣльныхъ типичнѣйшихъ участниковъ его и затѣмъ даетъ общую характеристику гуманистической морали, политики и науки. Самый смыслъ гуманизма проф. Карѣевъ опредѣляетъ такъ: «Мы должны видѣть въ гуманизмѣ прежде всего эмансипацію человеческого ума отъ догматической традиционности, которая господствовала въ области мысли втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и зарожденіе научнаго духа». Далѣе авторъ затрогиваетъ трудный вопросъ объ отношеніи между Возрожденіемъ и Реформацией. Разрѣшаетъ онъ его въ томъ смыслѣ, что между ними существовалъ несомнѣнный антагонизмъ, что оба движенія нигдѣ не уживаются рядомъ, и что, наконецъ, религиозная реформация XVI вѣка затерла на болѣе или менѣе продолжительное время и въ большей или меньшей степени то свѣтское культурно-историческое движеніе, характернѣйшимъ продуктомъ коего былъ гуманизмъ. Затѣмъ, послѣ разсмотрѣнія гуманизма, слѣдуетъ изложеніе причинъ, породившихъ протестантизмъ. Это сдѣлано въ отдѣлѣ: «Порча церкви и стремленіе къ реформѣ» (главы XXXV—XLI). Охарактеризовавъ въ яркихъ краскахъ страшный упадокъ папства и монашества въ концѣ среднихъ вѣковъ и происшедшія отсюда сусвѣрія и злоупотребленія религіей, авторъ показываетъ, какой протестъ все это возбудило въ обществѣ и какъ отразилось въ современной литературѣ. Реформа церкви была очевидной необходимостью, но опыты произвести ее посредствомъ соборовъ показали невозможность для католицизма освободиться отъ своихъ недостатковъ собственными силами. Успѣхи предшественниковъ реформации, въ родѣ Виллефа и Гуса, показали также, что церковь утратила свой прежній моральный авторитетъ, но тѣ же факты показали и то, что реформа состоится лишь тогда, когда въ ней примутъ участіе вѣнцерковныя сферы. И дѣйствительно, вскорѣ подъ знамя церковной реформы стали всѣ люди, недовольные средневѣковымъ католико-феодалнымъ строемъ, а такихъ, какъ было уже показано выше, была въ то время масса во всѣхъ странахъ и во всѣхъ сословіяхъ. Такимъ образомъ, та оппозиція, которая имѣла источникъ въ человеческихъ началахъ націи, государства, общества, личной мысли и личной жизни, сливается съ религиознымъ протестомъ вѣрующей совѣсти и нравственнаго чувства... Съ свѣтскою оппозиціей и религиознымъ протестомъ противъ церкви слилось еще рѣшеніе политическихъ и религиозныхъ вопросовъ». Какъ совершалась социальна-политическая революція, сопрово-

ждавшаяся церковной реформаціей, изложено во II томѣ «Исторіи Западной Европы», а первый заканчивается заключительной (XI.II) главой, въ которой авторъ сгруппировалъ главные общіе выводы изъ всего тома.

На второмъ томѣ не будемъ долго останавливаться: онъ слишкомъ объемистъ, чтобы можно было въ немногихъ строкахъ изложить его содержание, а съ другой стороны онъ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе фактическаго матеріала, чѣмъ первый. Мы же своей рецензіей хотимъ указать только на любопытнѣйшія соображенія общаго характера, заключающіяся въ курсѣ проф. Карѣева, такъ какъ весь центръ тяжести разбираемаго труда сосредоточенъ именно въ этихъ идеяхъ, а факты только подтверждаютъ и иллюстрируютъ ихъ. Второй томъ распадается на три отдѣла. Первый — «Реформаціонный періодъ» (главы I—XX), подробно излагаетъ исторію реформаціоннаго религіознаго движенія во всей Западной Европѣ и связанныхъ съ нимъ социальныхъ неурядицъ — рыцарскаго и крестьянскаго восстаній и прочихъ социальныхъ движеній. Такъ какъ причины и общій характеръ этихъ движеній намѣченъ уже въ изложеніи содержанія перваго тома, то тутъ мы болѣе останавливаться не будемъ, а перейдемъ прямо ко второму отдѣлу, озаглавленному «Эпоха католической реакціи» (главы XXI—XXVIII). Реформація застала старую церковь совершенно врасплохъ и, пока католицизмъ собрался съ силами для борьбы со своимъ врагомъ, реформація сдѣлала громадныя успѣхи. Лишь въ 40-хъ годахъ XVI вѣка католицизмъ организовался и произвелъ реакцію, на помощь которой былъ основанъ новый орденъ іезуитовъ, ставшихъ главными дѣятелями ея, учреждено было верховное инквизиціонное судилище въ Римѣ, одновременно организована строгая книжная цензура и созданъ Тридентскій соборъ. Все это помогло возродиться католицизму, но католицизмъ новаго времени значительно отличался отъ дореформаціоннаго: «это не была церковь XIV и XV вѣковъ, которая не могла ни жать, ни умереть, а дѣятельная система, приспособляющаяся къ обстоятельствамъ, заискивающая у королей и народовъ, всѣхъ заманивающая, кого — деспотизмомъ и тиранніей, кого — снисходительной терпимостью и свободой; это не бесильное учрежденіе, которое ищетъ помощи извнѣ, не имѣя внутренней силы, всюду обращается съ просьбой о реформѣ и объ излеченіи, не обнаруживая искренняго желанія исправиться и обновиться, а стройная организаци, которая пользуется въ обществѣ, ею же перевоспитанномъ, большимъ авторитетомъ и умѣя фанатизировать массы, руководить ими въ борьбѣ съ протестантизмомъ. Педагогика и дипломатія были двумя великими орудіями, которыми дѣйствовала эта церковь: моделировать личность на свой фасонъ и сумѣть заставить ее служить чужимъ цѣлямъ такъ, чтобы она сама этого не замѣчала, — были два искусства, особенно отличающія дѣятельность главныхъ представителей возродившагося католицизма. Одной прежней церковной кассандры и громовъ папскаго отлученія было мало для власти надъ новымъ обществомъ: его нужно было еще разъ воспитать, чтобы оно не шло слушать другихъ проповѣдниковъ, кромѣ католическихъ, чтобы оно не оставалось равнодушнымъ къ отлученію; нужно еще было эксплуатировать чело-вѣческія слабости, чтобы былъ интересъ оставаться католикомъ и служить римской церкви, и нужно было оказывать чело-вѣку поощренія, когда въ этомъ была какая нибудь выгода». Немудрено, что результатомъ такой развращающей политики былъ цѣлый вѣкъ религіозныхъ войнъ, среди ко-

торыхъ разыгрывались всевозможные ужасы. Второй отдѣлъ доводитъ исторію Западной Европы до конца Тридцатилѣтней войны, т. е. до середины XVII вѣка. Остальная половина этого вѣка разбирается въ третьемъ отдѣлѣ: «Франція и Англія въ XVII вѣкѣ» (главы XXIX—XLVI), причемъ, какъ видно уже изъ заглавія, главное вниманіе авторъ сосредоточиваетъ на Франціи и Англіи, какъ странахъ, въ которыхъ съ наибольшей силой развилось два политическихъ направленія: первая служитъ представительницей абсолютной королевской власти, вступившей въ союзъ съ католицизмомъ, вторая — представительница побѣды парламентарной формы правленія, сломившей абсолютизмъ при сильномъ содѣйствіи передоваго протестантизма. Англійская общественная свобода породила блестящую философскую и политическую литературу, идеи которой оказали сильное вліяніе на «просвѣщеніе» XVIII вѣка, приведшее въ концѣ концовъ къ французской революціи и связаннымъ съ ней переворотамъ. Движеніе, начавшееся въ 1789 г. и нанесшее второй страшный ударъ католико-феодалному строю, послужитъ темой для третьяго тома «Исторіи Западной Европы» проф. Карѣва, который обѣщаетъ выпустить его въ непродолжительномъ времени.

Е. Д.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть I, томъ 3. Письма 1851—1860 гг. Поѣздка въ Малороссію. Ополченіе. Путешествіе за границу. Москва, 1892.

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ со времени выхода первыхъ двухъ частей «Писемъ» И. С. Аксакова. Долгій перерывъ въ изданіи этой интересной «хроники въ письмахъ» объясняется кончиной въ августѣ 1889 года вдовы И. С.—Анны Ѳеодоровны Аксаковой, неутомимымъ трудамъ которой русская литература обязана изданіемъ втеченіе двухъ лѣтъ послѣ кончины И. С. «Полнаго собранія» его сочиненій (7 томовъ), двухъ томовъ «Писемъ» И. С., его біографіи Ѳ. И. Тютчева, сборника «Стихотвореній» И. С. Аксакова. Въ значительной степени былъ подготовленъ Анной Ѳеодоровной и третій томъ «Писемъ», но все же пришлось потрудиться надъ окончательной обработкой его, пополнить пробѣлы, снабдить примѣчаніями, ссылками; это взяла на себя племянница И. С.—О. Г. Аксакова, которой С. И. Пonomаревъ помогъ, составивъ «указатель и дополненія» ко всѣмъ тремъ томамъ (напечатаны при III т.). Теперь долготерпѣніе читателей вознаграждено: передъ ними объемистый третій томъ изданія въ 704 страницы, содержащій письма И. С. Аксакова за 1851—60 гг. Тутъ помѣщены письма изъ Малороссіи за время его поѣздки для извѣстнаго изслѣдованія малороссійскихъ ярмарокъ, характерно дополняющія это изслѣдованіе, письма съ похода въ качествѣ ополченца, письма во время занятій въ слѣдственной комиссіи кн. В. И. Васильчикова по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны, нѣсколько писемъ изъ первой поѣздки за границу (1857 г., Парижъ, Римъ, Венеція) и представляющія особый интересъ «Заграничныя письма» изъ второй заграничной поѣздки, задуманной специально для ознакомленія съ славянскими землями и дѣятелями (Германія, проѣздомъ, съ половины января по май 1860 г.; Вѣна, Триестъ, Далматинское побережье, Цетинье, Бѣлградъ, Загребъ). Путешествіе это, къ сожалѣнію, было прервано поѣздкой больного Константина Сергѣевича за границу для

лечения и закончилось такъ печально кончиной К. С. на островѣ Занте, куда его сопровождали И. С., мать его Ольга Семеновна и сестры Вѣра и Любовь Сергѣевны. Въ приложеніи къ III тому «Писемъ» помѣщены, между прочимъ, «Дневникъ» И. С. во время путешествія его по славянскимъ землямъ, являющийся драгоценнымъ дополненіемъ къ письмамъ за время этого же путешествія; отрывки изъ дневника, веденнаго въ Малороссіи; «судебныя сцены» (присутственный день уголовной палаты); объ общественной жизни въ провинціи; нѣсколько неизданныхъ стихотвореній.

Изъ этого перечня содержанія III тома «Писемъ» И. С. Аксакова уже видно, какой крупный интересъ представляетъ эта книга. Въ письмахъ и дневникѣ путешествія по славянскимъ землямъ И. С. впервые является передъ читателемъ открытымъ «дѣятелемъ» въ той области, въ которой его знали до сихъ поръ преимущественно только, какъ писателя. Письма изъ похода съ ополченіемъ,—онъ записался охотникомъ въ серпуховскую дружину,—и особенно предшествующія выступленія въ походъ, передающія всю нервность ожиданій «новаго» послѣ кончины императора Николая, крайне любопытны. Впрочемъ, было бы напраснымъ трудомъ перебирать, что болѣе интересно въ III томѣ «Писемъ» И. С. Аксакова, и что менѣе интересно. Его талантъ, наблюдательность, искренность и самостоятельность взглядовъ на событія, на отношенія къ тѣмъ или другимъ лицамъ или теченіямъ жизни—слишкомъ извѣстны. Мы ограничимся указаніемъ, что этотъ III томъ «Писемъ» И. С. Аксакова представляетъ еще болѣе интересный, чѣмъ вышедшіе въ 1888 г. первые два тома, и что всѣ эти три тома, составляющіе теперь нѣчто цѣлое, такъ какъ въ нихъ помѣщена вся переписка И. С. съ родными,—послѣ смерти отца и К. С. ему уже не съ кѣмъ было переписываться такъ дѣятельно, тѣмъ болѣе, что мать и сестры его жили вмѣстѣ съ нимъ или въ одномъ городѣ,—послужатъ драгоценнымъ матеріаломъ для исторіи состоянія русскаго общества въ годы, предшествовавшіе великимъ преобразованіямъ прошедшаго царствованія.

Къ III тому приложенъ очень интересный портретъ И. С. Аксакова.

В. С. Р.

Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. Третье изданіе, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями. Спб. 1892. Цѣна 3 р.

Третье изданіе «Историческихъ очерковъ и рассказовъ» С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ двухъ (первое изданіе было напечатано въ 1869 году, а второе въ 1871 году). Въ него включено восемнадцать новыхъ статей, а нѣкоторыя изъ прежнихъ, напримѣръ, «Березовскіе ссыльные», «Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны», «Дочь Бирона» и др., дополнены и переработаны почти заново. Всѣхъ очерковъ въ книжкѣ тридцать и большая часть ихъ иллюстрирована портретами, видами мѣстностей, бытовыми картинами, воспроизведенными преимущественно съ весьма рѣдкихъ оригиналовъ. Нѣсколько портретовъ, напримѣръ, статья-секретаря Екатерины II Грибовскаго, баронессы Черкасовой (дочери Бирона), майора Малькольма Синклера и др., до сихъ поръ нигдѣ не были воспроизведены и появляются въ настоящемъ изданіи въ первый разъ. Книжка снабжена подробнымъ оглавленіемъ и «Указателемъ личныхъ именъ», которые облегчаютъ всѣ справки.

С—скій.

Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ. Спб. 1892.

Всякіе библиографическіе указатели имѣютъ цѣлью сократить время на поиски нужнаго матеріала по тому или другому спеціальному вопросу и группируютъ имѣющуюся литературу предмета въ большинствѣ случаевъ по системѣ книжныхъ каталоговъ. Между тѣмъ, составители «Систематическаго указателя о евреяхъ», вмѣсто того, чтобы систематизировать литературный о нихъ матеріалъ по обычнымъ рубрикамъ: богословіе, философія, педагогика и т. д., классифицировали его въ связи съ вопросами, выдвинутыми самой жизнью. Такимъ образомъ, — говорятъ составители, — «сама жизнь давала намъ въ различныхъ ея проявленіяхъ руководящую нить для расположенія собраннаго библиографическаго свѣдѣнія». Дѣйствительно, на 568 страницахъ «Указателя» собрано 9.579 номеровъ разныхъ сочиненій по вопросамъ: евреи въ Россіи отъ присоединенія Бѣлороссіи по новѣйшее время; гражданско-политическое ихъ положеніе; устройство общественнаго ихъ быта—организация еврейскихъ общинъ, раввинскихъ комиссій, синагогъ, кагаловъ, братствъ и благотворительности; религиозный бытъ—еврейскія секты (караимы, хасидизмъ, цадикизмъ и пр.), новѣйшее сектантство (духовно-библейское братство, Новый Израиль), переходъ въ христіанство, совращеніе въ иудейство, обвиненія въ употребленіи христіанской крови и т. д.; этнографическія особенности евреевъ, вопросы замкнутости и ассимиляціи ихъ; просвѣщеніе—учебныя заведенія и русско-еврейская литература; экономическое положеніе—участіе евреевъ въ сельско-хозяйственной, торгово-промышленной дѣятельности и т. д.; эмиграціонное движеніе; общіе взгляды и полемика по еврейскому вопросу—отношеніе прессы, отдѣльныхъ представителей литературы и общества; евреи въ русской беллетристикѣ и т. д. Во второй части «Указателя» означены книги и статьи о евреяхъ вообще: по исторіи евреевъ въ древнемъ мірѣ, о моисеево-талмудическомъ правѣ, о библейской, средневѣковой и новѣйшей ихъ литературѣ, равно и по исторіи ихъ современнаго положенія въ иностранныхъ государствахъ. Почти десять тысячъ разныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 годъ, сообщаютъ «Указателю» солидную полноту и свидѣтельствуютъ о разнообразіи собраннаго матеріала. Слѣдуетъ упомянуть, что трудъ В. Межова «Библиографія еврейскаго вопроса въ Россіи съ 1855 по 1873 г.» обнимаетъ собою весьма короткій періодъ времени, не касаясь первыхъ и послѣднихъ годовъ нынѣшняго столѣтія; этотъ пробѣлъ въ еврейской библиографіи теперь пополненъ «Систематическимъ указателемъ». Просматривая его, сожалѣешь о томъ, что по другимъ вопросамъ русской жизни у насъ весьма мало имѣется такихъ же основательныхъ «указателей», служащихъ «ключемъ къ знанію», въ качествѣ справочныхъ книгъ по этимъ вопросамъ. А. Фаресовъ.

Н. А. Осокинъ. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изданіе второе. Казань. 1892.

5-го ноября 1885 года Казанскій университетъ праздновалъ свою восьмидесятилѣтнюю годовщину, и по этому случаю на торжественномъ годичномъ собраніи ординарнымъ профессоромъ Н. А. Осокинымъ была сказана

рѣчь, въ которой онъ, слегка коснувшись, для введенія, просвѣтительной дѣятельности императора Александра I, изложилъ въ краткихъ чертахъ исторію первой половины переживаемаго нами вѣка и въ заключеніе высказалъ нѣсколько благихъ пожеланій по адресу общества и учащейся молодежи. Въ томъ же учебномъ году рѣчь эта была имъ немного дополнена, снабжена указаніями на литературу предмета и издана въ видѣ небольшой брошюры. Эта брошюра въ настоящее время выходитъ вторымъ изданіемъ. Новое изданіе, на сколько намъ удалось замѣтить, ничѣмъ въ текстѣ отъ предъидущаго не отличается и представляетъ простую перепечатку; между прочимъ, и въ ссылкахъ на литературу не указано ни одной книги или статьи, вышедшей послѣ 1885 года. Цѣлью автора было напомнить, хотя бы въ общихъ очертаніяхъ, главнѣйшія политическія событія одной половины переживаемаго нами столѣтія въ ихъ взаимной связи, съ цѣлью выяснитъ руководяція политическія идеи XIX вѣка, направлявшія по одинаковой стезѣ и исторію Запада, и исторію Востока Европы. «Такого рода политическими идеями являлись, какъ говоритъ почтенный авторъ, два начала, составляющіе политическій нервъ нашего вѣка»: конституціонное и національное. Эти же силы, въ свою очередь, «сводятся въ одну, которая заключается въ просвѣщеніи». Описываемыя событія, конечно, очерчены далеко не подробно, но зато подборъ фактовъ сдѣланъ весьма занимательный, и изложеніе отличается большимъ литературнымъ талантомъ. Последнее качество, можно надѣяться, доставитъ книгѣ успѣхъ въ публикѣ, и, вѣроятно, многіе прочтутъ ее не безъ интереса. А. Л.—нѣ.

Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермана. Тобольскъ. 1892.

Библиографія Ермана. Составилъ Е. В. Кузнецовъ. Тобольскъ. 1892.

Е. В. Кузнецовъ, такъ усердно трудящійся надъ исторіей Сибири, прислалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» еще двѣ своихъ брошюры. Первая представляетъ кропотливое изслѣдованіе, печатавшееся еще въ 1890 году въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и появившееся уже въ прошломъ году въ отдѣльной продажѣ. Тогда же данъ былъ о ней и отзывъ, показавшій, на сколько ничтожны результаты этой работы сравнительно съ затраченнымъ на нее трудомъ. Теперь авторъ въ третій разъ перепечатываетъ свое изслѣдованіе, подправивъ его нѣсколько въ стилистическомъ по преимуществу отношеніи. Понятно, что отъ этого достоинства брошюры отнюдь не увеличились. Болѣе цѣны имѣетъ вторая брошюра. Въ ней авторъ указываетъ 300 «малозвѣстныхъ сочиненій на русскомъ и частию на иностранныхъ языкахъ о покорителѣ Сибири», какъ гласитъ заглавіе. Положимъ, что въ число малозвѣстныхъ сочиненій попалъ и трудъ Герарда Фридриха Миллера, настольная книга для занимающихся исторіей Сибири; положимъ, что иностранныхъ сочиненій попало въ указатель всего четыре (да еще три переводныхъ), такъ что не стоило о нихъ и упоминать въ заглавіи; положимъ, что на большинство указанныхъ у г. Кузнецова трудовъ можно найти ссылки и въ «Сибирской библиографіи» В. И. Межова, — все это, разумѣется, сильно умаляетъ достоинства «библиографіи Ермана», однако нѣкоторые нумера, приведенные у Е. В. Кузнецова, довольно лю-

бопытны и могут заинтересовать человека, желающего пересмотрѣть вновь вопросъ о покореніи Сибири, вопросъ весьма важный, но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще мало выясненный. Вотъ нѣсколько этихъ-то указаний и составляютъ всю цѣнность брошюрки г. Кузнецова. Впрочемъ, невольно возникаетъ вопросъ: стоило ли изъ-за этого огорять городить и брошюродѣной въ рубль съ пересылкой печатать? Не проще ли было бы сообщить свои два-три открытія В. И. Межову для помѣщенія ихъ въ «Сибирской библиографіи»?

С. А.—въ.

Русскіе путешественники-ислѣдователи. Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные. М. А. Лялиной. Спб. 1893.

Изданное весьма изящно популярное изложеніе нѣсколькихъ арктическихъ и кругосвѣтныхъ путешествій можетъ составить весьма цѣнный подарокъ юношеству, которому оно, повидимому, и предназначалось составительницей М. А. Лялиной. Особенно въ послѣднее время ничто такъ не привлекало къ себѣ изслѣдователей, какъ полярныя страны съ ихъ и по настоящую пору все еще неразгаданными тайнами. Много погибло жизней во время полярныхъ экспедицій, но погибли онѣ не безъ пользы для науки. Поэтому лѣтописи тѣхъ жертвъ, страданій и невгодъ, которыя понесли отважные открыватели арктическихъ странъ, вѣчно будутъ служить поучительной книгой для потомства. Въ книгѣ г-жи Лялиной находимъ мы изложеніе географическихъ открытій, главнымъ образомъ въ полярныхъ странахъ, сдѣланныхъ русскими за періодъ времени отъ 1734 по 1878 годъ. Этотъ періодъ начался экспедиціей Беринга, открывшаго (что, впрочемъ, до него уже было сдѣлано Дежневымъ) проливъ между Азіей и Америкой, и кончается знаменитымъ путешествіемъ «Веги», обогнувшей подъ начальствомъ Норденшильда впервые материкъ Европы и Авіи. Вторая часть книги г-жи Лялиной содержитъ первое плаваніе русскихъ вокругъ свѣта подъ начальствомъ И. О. Крузенштерна и двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта капитанъ-лейтенанта Беллинсгаузена (стр. 317—408). Компиляція г-жи Лялиной, сдѣланная по подлиннымъ сочиненіямъ, обработана съ литературной стороны безукоризненно и читается съ большимъ интересомъ. Украшенію изданія способствуютъ сто рисунковъ въ текстѣ, изъ которыхъ большинству отведены цѣлыя страницы. Приложена къ книгѣ хорошо исполненная большая карта арктическихъ путешествій, составленная по меркаторской проекціи. Трудъ свой составительница посвятила великому князю Михаилу Александровичу. А. Л.

Полное собраніе пѣсенъ Беранже, въ переводѣ русскихъ писателей. 14 выпусковъ. Тифлисъ. 1892.

На далекой окраинѣ вышло новое, недорогое, опрятное изданіе пѣсенъ народнаго французскаго поэта въ передѣлкѣ на русский языкъ. Но провинція не могла и тутъ не сказать, напечатать это изданіе разгонистымъ шрифтомъ въ листовомъ форматѣ, тогда какъ всѣ 175 пѣсенъ легко умѣстись бы на сотнѣ страницъ карманнаго формата въ шестнадцатую долю. И это было бы удобнѣе для сборника, имѣющаго въ наше время скорѣе исто-

рическое, чѣмъ поэтическое значеніе. Тифлисскій издатель предпослалъ переводу короткое предисловіе, въ которомъ «считаетъ излишнимъ характеристику Беранже», а дѣлаетъ выписку изъ статьи объ немъ Бартеlemi Сент-Илера, помѣщенной въ посмертномъ изданіи поэта (1867 г.). Думаемъ, что гораздо умѣстнѣе было бы привести мнѣніе Добролюбова, В. Курочкина или любого изъ русскихъ критиковъ, чѣмъ разглагольствованія слащаваго француза, выдающаго въ своемъ землякѣ воплощеніе Тиртея, Анакреона и Го-рація. У насъ вѣрнѣе оцѣнили значеніе Беранже и переводили его лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Сборникъ лучшихъ пѣсенъ его въ переводѣ В. Курочкина выдержалъ въ короткое время шесть изданій, и рѣдкій изъ нашихъ поэтовъ пятидесятыхъ годовъ не пробовалъ своихъ силъ надъ передачею звучныхъ, умныхъ, бойкихъ и алыхъ пѣсенъ врага Бурбоновъ и духовенства. Поэтому собрать въ одну книгу лучшія пѣсни лучшихъ переводчиковъ было далеко не лишнимъ; для этого нуженъ былъ только строгій выборъ и надо было порыться въ старыхъ журналахъ. Между тѣмъ, на Кавказѣ выходитъ книга, самое заглавіе которой уже противорѣчитъ истинѣ и логикѣ. Не говоримъ о томъ, что «полнымъ» собраніемъ нельзя назвать книгу, въ которую не вошли, да и не могли войти по условіямъ русской печати, десятки лучшихъ и болѣе характеристичныхъ пѣсенъ, кощунственныхъ и эротическихъ, но даже и съ социалистическимъ направленіемъ, какъ: *Les fous, Les contrebandiers, Le suicide, Sainte alliance des peuple* и др. И напрасно переводчикъ старается дать намъ «вольный переводъ» такихъ пѣсенъ, какъ «Воззваніе къ высшему разуму», замѣнившему *le saint esprits* оригинала; да и вообще такія даже не передѣлки, а искаженія подлинника не должны допускаться. Но главное дѣло въ томъ, что въ заголовкѣ сборника говорится о «переводѣ русскихъ писателей», тогда какъ слѣдовало сказать: переводъ гг. Тхоржевскихъ и другихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ: изъ 175 пѣсенъ 102 переведены гг. Тхоржевскими и только 26 Курочкинымъ, 13 Меежъ, а остальные—по 2—3 пѣсни М. И. Михайловымъ, Ап. Григорьевымъ, Ленскимъ, Розенгеймомъ, Лебедевымъ. Мы не были знакомы съ поэтическимъ дарованіемъ гг. Тхоржевскихъ, принадлежащихъ судя по фамиліи скорѣе къ уроженцамъ западныхъ, чѣмъ восточныхъ окраинъ, и не можемъ сказать, чтобы стихи ихъ были плохи; они гладки и правильны и только мѣстами прозаичны и вялы. Но несомнѣнно, что переводы названныхъ выше поэтовъ лучше, ближе передаютъ духъ подлинника и слѣдовало дѣлать выборъ изъ ихъ произведеній, а не пестрить выпусковъ подписью «Иванъ-да-Марья»—псевдонимъ гг. Тхоржевскихъ, разоблаченный ими на первой же страницѣ, во, всетаки, неизвѣстно для чего продолжающій являться и въ слѣдующихъ выпускахъ. Хорошо, что надъ переводомъ каждой пѣсни выставлено ея французское заглавіе, но напрасно не выставлены годы главныхъ пѣсенъ и примѣчанія, приведенныя въ оригиналѣ: безъ нихъ многое остается для насъ неяснымъ: такъ далеко ушли мы отъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Въ общемъ тифлисскій сборникъ, всетаки, заслуживаетъ вниманія и, за неимѣніемъ лучшаго, даетъ если и не полное, то достаточное понятіе о значеніи истинно народнаго французскаго поэта, не чуждаго и намъ по многимъ чертамъ своего поэтического таланта.

В. З.

А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену императорскаго Русскаго археологическаго общества И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ третій. Сергіевъ Посадъ. 1892.

Третій выпускъ обширнаго описанія г. Титова, какъ и второй, обнимаетъ рукописи, приобретенныя И. А. Вахрамѣевымъ изъ собранія В. И. Лѣствицына. Изъ 138 №№ только одна рукопись «Уставъ церковный» принадлежитъ XV вѣку, и семь рукописей (евангелія, прологи, минея и октоихъ)—XVI вѣку; остальные главной массой принадлежатъ концу прошлаго и первой половинѣ настоящаго столѣтія. Рукописи старшаго возраста состоятъ исключительно изъ книгъ священныхъ и богослужебныхъ; новѣйшія—имѣютъ характеръ преимущественно бытовыхъ документовъ, и притомъ мѣстныхъ, давая обильный матеріалъ для изслѣдователей ярославской старины.

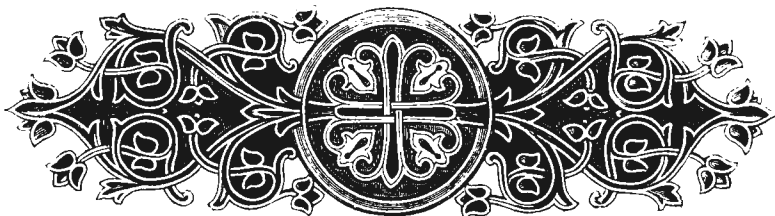
Въ своемъ описаніи г. Титовъ приводитъ не только выписки, но и печатаетъ цѣликомъ наиболѣе интересные документы. Изъ нихъ особенно любопытны тѣ, которые касаются вѣшняго повседневнаго быта. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести краткій дневникъ неизвѣстаго автора, съ 4-го марта 1808 года по октябрь 1811 года. Этотъ дневникъ по преимуществу представляетъ собою расходную книжку, въ которую внесены авторомъ нѣкоторыя событія семейнаго и мѣстнаго характера. Но изъ этихъ цифръ, представляющихъ нѣкоторый интересъ вообще для исторіи цѣль въ Россіи, можно наглядно видѣть весь бюджетъ учителя гимназій въ началѣ нынѣшняго вѣка. Обязательный ежемѣсячный расходъ полагался на вино «пѣнное» и «полново»; все это покупалось ведрами, причѣмъ авторъ дневника при записи подобной покупки всегда прибавляетъ комически: «на долго ли то станеть?». Очень характерна и слѣдующая записъ: «4-го дня одинъ дворянинъ подарилъ мнѣ цѣлковый въ благодарность за наставленіе его сына въ гимназіи. Это для меня диковинка». Принятіе такого подарка будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что нашъ учитель получалъ сначала 80, а затѣмъ 130 рублей жалованья въ годъ. Болѣе литературны, но менѣе интересны дневныя записки Рукина за 1827 годъ. Для изученія семинарскаго быта имѣютъ значеніе письма и другія черновыя бумаги А. П. Петрова. Несомнѣнный бытовой интересъ представляютъ также: дневникъ ростовскаго священника и письма разныхъ лицъ къ крестовому іеромонаху о. Петру, полученныя имъ отъ равныхъ духовныхъ особъ; всѣхъ писемъ 120, и относятся они къ 1810—1812 гг. Нѣсколько иной характеръ носитъ «докладная записка коллежскаго совѣтника Ѳеодора Брянченинова о притѣненіяхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ, чинимыхъ разнымъ лицамъ ярославскимъ гражданскимъ губернаторомъ Александромъ Михайловичемъ Безобразовымъ въ 1820—1825 г.»; изъ нея можно видѣть, какимъ царькомъ былъ губернаторъ въ дореформенное время и какія беззаконія онъ могъ творить въ глуши провинціи. Бюрократическій интересъ носятъ и бумаги В. Я. Полозова, относящіяся къ началу прошлаго вѣка. Филологическій интересъ, какъ можно судить по краткимъ выдержкамъ, представляетъ рукопись Ѳеодосія Смирнова: «Русская народная жизнь и правила въ краткихъ изреченіяхъ». Это—результатъ народнаго остроумія, выравнивагося въ пословицахъ, поговоркахъ, прибауткахъ, басенкахъ, шу-

точныхъ діалогахъ и т. п. Можно пожалѣть, что г. Титовъ не воспроизвелъ этой рукописи; если онъ стѣснялся недостаткомъ мѣста, то это можно было легко устранить, исключивъ никому ненужныя и неинтересныя статьи Лѣствицына. Правда, Лѣствицынъ собралъ большое количество рукописей, поступившихъ къ г. Вахрамѣеву, и въ этомъ его заслуга; но подобная дѣятельность еще не даетъ права называть его «ученымъ», какъ это дѣлаетъ г. Титовъ, и списокъ «трудовъ» Лѣствицына, состоящихъ главнымъ образомъ изъ замѣтокъ, появившихся въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», — списокъ, помѣщенный въ приложеніяхъ, составленный «извѣстнымъ» библиографомъ Сильчевскимъ, является вполнѣ бесполезнымъ балластомъ. Остальныя приложенія къ описанію рукописей представляютъ собою: 1) портретъ И. А. Вахрамѣева; 2) обширное «Дѣло ростовской духовной консисторіи о опредѣленіи въ вѣдомство его преосвященству изъ приписныхъ къ синодальному дому монастырей и пустынь»; 3) «О волжскомъ городѣ Руся», изслѣдованіе В. Лѣствицына, къ которому специалисты отнесли «скептически»; 4) «Пѣсни и канты XVIII вѣка», чрезвычайно любопытный историко-литературный документъ изъ той области, которой совершенно не касаются наши изслѣдователи исторіи русской литературы. М. М.

Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ III. Азбучные указатели. Составилъ И. В. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1892.

Этими двумя выпусками заканчивается новый важный трудъ г. Межова. Третій томъ по интересу вопросовъ, литература которыхъ въ немъ указана, представляетъ самую любопытную часть всей «Сибирской библиографіи». Сюда вошла масса матеріаловъ по культурѣ Азіатской Россіи, а это именно та часть изученія Сибири, которая даетъ практическіе результаты, могущіе благотворно повліять на положеніе этой громадной страны. Вотъ наиболѣе важныя отдѣлы разбираемаго тома: просвѣщеніе въ Сибири, крестьянскій и земскій вопросы, законодательство объ инородцахъ, экономическое положеніе страны, колонизація и переселенія, торговля и т. п. Все это вопросы, составляющіе въ настоящее время большое мѣсто Сибири, и несомнѣнно, что трудъ г. Межова въ значительной степени облегчитъ ихъ разработку и такимъ образомъ поможетъ разрѣшенію всѣхъ недоразумѣній, связанныхъ съ ними. Кромѣ перечисленныхъ отдѣловъ, третій томъ «Сибирской библиографіи» содержитъ также указанія касательно технологіи, естественныхъ наукъ, медицины, литературы и искусства въ Сибири. Азбучный указатель, составляющій отдѣльный выпускъ, необходимъ при пользованіи «Сибирской библиографіей». С. А.—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Правда о смерти Гамбетты.—Английскій посланецъ въ Бухару въ 1840 году.—
Чешское возстаніе въ недѣлю св. Троицы 1848 года.

ПРАВДА О СМЕРТИ ГАМБЕТТЫ. Въ первомъ № журнала «Revue Illustrée» за текущій годъ помѣщенъ подъ выписаннымъ нами заглавіемъ весьма интересный рассказъ о смерти великаго французскаго патріота, возбудившей, какъ извѣстно, въ свое время цѣлый рядъ легендъ и болѣе или менѣе неосновательныхъ слуховъ. Авторъ рассказа, старый другъ Гамбетты, лично пожелалъ остаться невзвѣстнымъ читателямъ, и журналъ его имени не называетъ. Приводимъ сообщеніе его почти цѣликомъ, сокративъ лишь нѣкоторыя частности.

27-го ноября 1882 года, приблизительно въ два часа по полудни, въ Ville d'Avray раздался пистолетный выстрѣлъ, эхо котораго прозвучало по всему свѣту. Гамбетта, пробую огнестрѣльное оружіе, случайно ранилъ себя въ руку: черезъ мѣсяцъ послѣ этого его не стало.

Спрашивается, гдѣ достовѣрныя свѣдѣнія объ этой смерти. Правда о ней открыта для всѣхъ въ медицинскомъ свидѣтельствѣ о смерти Гамбетты, документѣ, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ неправдѣ.

«Г. Гамбетта, какъ объясняется тамъ, погибъ жертвою перитифлита и гноистаго периколита. Всякое вмѣшательство хирурга было бы незаконно и опасно, и не имѣло бы другихъ послѣдствій, какъ сокращеніе жизни больнаго». Далѣе слѣдуютъ подписи профессоровъ: Поля Бера, Бруарделя, Шарко, Корнеля, Трелля, Вернеля; докторовъ Ланжелонга, Сирдэ, Фьзала и мн. др.

Такова правда медицинская, хирургическая, не допускающая противорѣчій. Лаппелонгъ рассказывалъ въ моментъ смерти Гамбетты, что уже цѣлый годъ здоровье его заставляло желать многого, что онъ чувствовалъ сильныя внутреннія боли, о которыхъ ему почему-то неприятно было говорить. Эти сильныя страданія начались, однако, еще гораздо

раньше, чѣмъ за годъ до смерти. Я помню, что въ мѣсяцъ маѣ 1879 года мы разъ обѣдали на улицѣ Кастильонъ, въ дружескомъ кругу, и что послѣ обѣда съ Гамбеттою случился сильнѣйшій припадокъ одышки, такъ что я уже думалъ, что онъ умретъ на моихъ рукахъ. Я принужденъ былъ положить его передъ открытымъ окномъ; холодный потъ струился у него съ висковъ, и кризисъ продолжался не менѣе двадцати минутъ. Я проводилъ его домой, и онъ разсказалъ мнѣ, что его давно уже преслѣдуютъ подобныя припадки. Онъ припомнилъ мнѣ, что послѣ тревогъ и волненій избирательной кампаніи 1869 года онъ втеченіе цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ не могъ занять своего мѣста въ палатѣ, и что съ этого времени онъ уже никогда не могъ похвалиться своимъ здоровьемъ.

27-го ноября 1882 года Гамбетта находился у себя въ Жарди. Погода была прекрасная, и въ ожиданіи завтрака ему пришла мысль испробовать револьверъ, который уже давно былъ полученъ имъ въ подарокъ, но все еще лежалъ безъ употребленія. У револьвера этого есть своя исторія, которую стоить разсказать. Револьверъ появился по прямой линіи изъ Пруссіи и именно слѣдующимъ путемъ.

Какъ извѣстно, однажды, на вокзалѣ Севъ-Лазаръ, Гамбетта, возвращавшійся изъ Версаля, подвергся нападенію какого-то бѣшенаго, который бросился на него и хотѣлъ его заколотъ.

Послѣ этого покушенія одна нѣмецкая принцесса, великая поклонница Гамбетты, прислала ему револьверъ, «чтобъ защитить его, какъ она писала, отъ несчастныхъ, осмѣливавшихся поднимать на него руку». Эта нѣмецкая принцесса была потомъ императрицей, супругою Фридриха III, а нынѣ мать царствующаго императора Вильгельма II.

Такимъ образомъ, можно сказать, вполне согласно съ истинною, что Гамбетта былъ убитъ англо-нѣмецкимъ пистолетомъ.

На слѣдующее утро всякій по своему разсказывалъ про случай съ Гамбеттою. Противники его, политическіе враги, соперничали въ выдумкахъ и небывлицахъ; менѣе всего освѣдомленные, какъ всегда, они болѣе всѣхъ расточали детали. Одни утверждали, что онъ желалъ покончить съ собою, и недоумѣвали только о причинѣ. Другіе говорили о покушеніи на убійство. Наибольшій успѣхъ, однако, достался тому, кто изъ всего происшедшаго соорилъ цѣлую любовную драму. На сколько я припомню, рѣчь шла о двухъ женщинахъ, которые бѣшено мчались по саду; законная подруга Гамбетты, появившаяся неожиданно, преслѣдовала временную мелодраматическими криками, угрожая ей пистолетомъ... Гамбетта будто хотѣлъ вырвать у нея пистолетъ, но при этомъ ранилъ себя и т. д. Этотъ послѣдній разсказъ, выдуманный нарочно, чтобы досадить Гамбеттѣ, ко всему тому, обязанъ происхожденіемъ челоуѣку, который долженъ былъ бы чувствовать къ погибшему одну лишь признательность и любовь.

Никто не зналъ того факта, что Гамбетта никогда не принималъ въ Жарди какихъ бы то ни было друзей. Даже члены его семьи не составляли исключенія изъ этого правила.

Правда о пистолетномъ выстрѣлѣ болѣе проста... Несчастіе произошло весьма естественнымъ образомъ. Гамбетта, какъ уже сказано, хотѣлъ испробовать пистолетъ нѣмецкой принцессы. Это былъ пружинный револьверъ, калибра въ шесть миллиметровъ. Онъ только что зарядилъ его и держалъ прикладъ въ лѣвой рукѣ, а правой рукой взялся за противоположный ко-

нецъ оружія, чтобы поставить его на мѣсто. Одинъ патронъ оказался не достаточно опущеннымъ и мѣшалъ привести оружіе въ порядокъ. Это заставило Гамбетту сдѣлать усиліе, что придавило пистонъ и произвело выстрѣлъ. Пуля пробила насквозь руку.

Гамбетта быстро направился къ дому; кровь лилась весьма обильно, и на дорогѣ онъ крѣпко прижималъ большой палецъ лѣвой руки къ ладони правой. Ему казалось, какъ онъ говорилъ потомъ, что «пуля засѣла тамъ». Когда онъ вошелъ въ домъ весь въ крови, кухарка Сидонія вскрикнула: «Ахъ Боже мой! Барыня, барыня!»... Тотчасъ сошла внизъ подруга Гамбетты. Эти двѣ женщины оказали первую помощь раненому. Лакей Павелъ немедленно отправился въ Парижъ за докторомъ Ланнелонгомъ. Пока, перевязку сдѣлали мѣстные врачи.

Гамбетта, однако, былъ уже приговоренъ къ смерти своей болѣзнью, и врачи, пользовавшіе его, единогласно заявили, что пистолетный выстрѣлъ 27-го ноября не приблизилъ смерти великаго гражданина Франціи и на три мѣсяца.

Тотъ же невѣстный другъ французскаго патріота, которому принадлежитъ выше приведенный рассказъ, даетъ нѣкоторыя довольно интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ Гамбетта лишился своего праваго глаза.

Эта потеря, происшедшая еще въ дѣтствѣ, также имѣла вліяніе на здоровье Гамбетты. Онъ самъ рассказывалъ, что, будучи ребенкомъ, вошелъ однажды въ мастерскую токаря, и что инструментъ, вырвавшійся какъ-то изъ рукъ ремесленника, ударилъ и ранилъ его въ глазъ. Позже, въ 1867 году, онъ почувствовалъ, что глазъ сдѣлался для него не только помѣхою, но и опаснымъ для лѣваго глаза; онъ рѣшился удалить его. Операция произошла на улицѣ Бонапартъ, въ его небольшой квартирѣ, и была сдѣлана докторомъ Веккеромъ, при ассистентѣ докторѣ Борелѣ и въ присутствіи доктора Фье-зала, друга Гамбетты.

Вынутый глазъ имѣлъ также свою замѣчательную судьбу. Теперь онъ въ Германіи, въ рукахъ герцога Карла Баварскаго, брата императрицы австрійской. Попалъ онъ туда слѣдующимъ образомъ. Докторъ Веккеръ очень цѣнилъ этотъ глазъ, имѣвшій видъ груши и развившійся вдвое противъ нормальной длины. Онъ сохранялъ его въ особой жидкости и потомъ доставилъ доктору Ивангоффу, знаменитому своими анатомо-патологическими изысканіями въ глазъ; онъ просилъ его дать точное описаніе этого экземпляра. Но докторъ Ивангоффъ умеръ, не успѣвъ исполнить просьбы, и вся его коллекція перешла къ герцогу Карлу Баварскому, его ученику.

— Англійскій посланецъ въ Бухару въ 1840 году. Первая половина нашего столѣтія, когда наши владѣнія въ средней Азіи были еще весьма незначительны и заходили не дальше Сыръ-Дарьи и береговъ Аральскаго моря, англичанами изъ Индіи было предпринято въ эти области нѣсколько экспедицій, которыя по своему политическому значенію представляютъ далеко не маловажный фактъ въ исторіи колонизаціи Азіи.

Не много мѣсяцевъ тому назадъ, изъ архива иностраннаго департамента въ Калькуттѣ извлечены были два интересные документа, которые въ пыли архива пролежали болѣе пятидесяти лѣтъ. Эти документа—изложенные въ письмахъ отчеты англійскаго политическаго агента Конолли объ исполненной имъ, по порученію англійскаго правительства, миссіи въ Центральную Азію. Главной цѣлью этой миссіи было содѣйствовать сохраненію незави-

симости узбекскихъ княжествъ, чтобы этимъ воспрепятствовать приближенію предѣловъ Русской имперіи къ Индобританской, — факту, который въ настоящее время, всетаки, долженъ былъ случиться. Другой, побочной цѣлью экспедиціи было добиться освобожденія русскихъ плѣнниковъ и попытаться поставить предѣлы невольничеству. Миссія капитана Конолли была далеко не безопасна. Не задолго до него съ совершенно мирной цѣлью отправленъ былъ въ Бухару полковникъ Стодартъ, и съ тѣхъ поръ томился въ плѣну у вѣроломнаго и жестокаго бухарскаго эмира. Восточный Афганистанъ былъ подъ властью Шаха Шуджи, слабаго монарха, британскими штыками возведеннаго на престолъ отцевъ. Достъ-Магометъ держался плѣнникомъ въ Индіи, но старые друзья его въ Кабулѣ были многочисленны и могущественны. Персія, Хива, Коканъ и Бухара были самостоятельны и ревновали взаимно другъ къ другу, между тѣмъ какъ туркмены безпрепятственно дѣлали набѣги на пограничныя страны и угоняли массаами скотъ и невольниковъ. Мощная тѣнь русскаго верховенства приближалась при этомъ медленно, но вѣрными шагами; независимыя ханства чувствовали надвигавшуюся грозу, но это лишь усиливало внутренніе неурядки.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1840 году отправился въ путь Конолли, капитанъ индобританской арміи.

Конолли отправился изъ Кабула, гдѣ въ то время держалъ въ своихъ рукахъ всю власть сэръ Макватенъ, британскій посоль, затѣмъ онъ прошелъ черезъ дикую малоизвѣстную въ то время землю газарасовъ, чтобы оттуда далѣе продолжать маршрутъ свой до Пендже, Мерва и Туркменской степи. Путевыя впечатлѣнія его здѣсь весьма интересны для характеристики какъ взаимныхъ отношеній мелкихъ тамошнихъ князьковъ и хановъ, такъ и отношеній къ этимъ послѣднимъ Англіи, но мы на нихъ останавливаться не будемъ. Для насъ болѣе важнымъ является то, съ чѣмъ путешественнику пришлось встрѣтиться къ сѣверу отъ предѣловъ Афганистана. Чѣмъ ближе подвигался онъ къ Хивѣ, тѣмъ чаще приходилось ему встрѣчать цѣлыя толпы невольниковъ, частью угнанныхъ изъ южныхъ странъ, частью съ сѣвера. Во время стоянки въ Телатунѣ, Конолли видѣлъ до тысячи рабовъ, которые должны были здѣсь возводить дамбу на рѣкѣ Мургабѣ, бросая песчаную землю на легкія связки фашичника, прикрѣпленныя къ дву рѣки тонкими сваями. Воспользовавшись оплошностью надсмотрщиковъ, десятокъ авганскихъ плѣнниковъ приползъ къ палаткѣ миссіи. Здѣсь они со слезами умоляли авглійскаго агента помочь имъ чѣмънибудь, такъ какъ ихъ держали въ плѣну, противъ всякаго права, божескаго и человѣческаго. Было весьма тягостно и неприятно разбивать ихъ надежды, но миссія тѣмъ не менѣе не могла ваять на себя невозможное. Конолли могъ лишь утѣшить бѣдняковъ, что объ участи ихъ будетъ дано знать шаху. Когда экспедиція прибыла въ Мервъ, тамъ торговля невольниками была въ полномъ ходу и разгарѣ. «У дверей лавокъ, — рассказываетъ Конолли, — стояли женщины разныхъ возрастовъ, однако ниже того, когда теряются тѣлесныя прелести, выставленныя на показъ, въ хорошихъ одеждахъ и съ глазами, блестящими отъ введенной въ нихъ какой-то жидкости нарочно, чтобы придать больше красоты лицу. Другія, уже пережившія свою весну, стояли группами поодаль съ дѣтьми, одѣтыми въ рубищахъ, мужички и женщины вмѣстѣ, и продавались какъ скотъ. Мнѣ показывали небольшія круглыя стойла, еле вмѣщавшія одного человѣка, закрытыя со всѣхъ сторонъ;

торговцы вводили мужчинъ или женщинъ, находившихъ покупателей, и сдерживали съ нихъ тутъ одежду, чтобы показать, что у продаваемыхъ нѣтъ тѣлесныхъ недостатковъ».

Описаніемъ впечатлѣній въ Мервѣ кончается первое письмо Конолли. Второе было отправленно имъ изъ Хивы, 26-го декабря 1840 года. Въ немъ онъ, прежде всего, сообщаетъ о полученіи отъ полковника Стоддарта письма изъ Бухары: полковникъ сообщалъ, что онъ живъ и здоровъ, но все еще не выпускается эмиромъ изъ тюрьмы. Далѣе Конолли описываетъ свои приключенія. Въ Гузараспѣ пришли къ нему два посланца хивинскаго хана и сообщили, что его величество находится на охотѣ на правомъ берегу Аму-Дарьи, куда онъ, Конолли, и приглашается явиться со своими спутниками. Приемъ, оказанный миссіи хивинскими сановниками, далеко не отличался вѣжливостью. Конолли описываетъ этихъ высшихъ офицеровъ хана, какъ полудикихъ разбойниковъ, воспитанныхъ въ суевѣрїи и невѣжественнѣйшемъ мусульманствѣ, и знакомыхъ съ какими бы то ни было правилами приличія. Ханъ самъ, однако, оказался болѣе благовоспитаннымъ.

«Когда мы, — пишетъ Конолли, — пришли въ комфортабельно устроенную расшивную палатку хана, насъ встрѣтилъ приемъ очень ласковый. Ханъ человекъ лѣтъ пятидесяти, съ важной осанкой и весьма приличной наружности, и всѣ его манеры очень любезны. Онъ сначала мягкимъ тихимъ голосомъ передаетъ, что ему нужно, переводчику, и потомъ съ привычной у него прїятной улыбкой смотритъ на лицо, къ которому адресуется. По временамъ онъ снисходитъ до шутокъ, и иностранецъ скоро чувствуетъ себя съ нимъ очень свободно, хотя иные предлагаемые ханомъ вопросы и носятъ нѣсколько экзаменаціонный характеръ. Поговоривъ немного о частныхъ дѣлахъ, его величество вдругъ, безъ всякаго перехода, спросилъ меня черезъ переводчика, какая нація самая большая, Англія или Россія. Я отвѣчалъ, что и та и другая державы первостепенныя, что Англія старшая и самая богатая, но что и Россія очень велика и съ каждымъ днемъ становится все болѣе. Далѣе онъ поставилъ вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ къ русскимъ, и я пояснилъ ему, что наши отношенія дружественны уже издавна, и что, мы надѣемся, оно такъ и продолжится, ибо въ интересахъ обѣихъ націй быть друзьями, уже благодаря громадной торговлѣ, существующей между ними».

Конолли нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ ханомъ и успѣлъ вполне выявить себѣ отношенія Хивы къ ея сосѣдямъ. Отношеніе хана къ Россіи было чѣмъ-то въ родѣ безпокойнаго ожиданія, онъ только что возвратилъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, но очевидно опасался дальнѣйшихъ требованій и поэтому усердно слѣдилъ за русской политикой, на сколько это ему было возможно. Про Персію онъ говорилъ, что ея не боится, и очевидно не придавалъ ей много значенія. Такъ же равнодушно онъ относился къ Афганистану съ его правителемъ шахомъ Шуджей; онъ вполне резонно предполагалъ, что никакой правитель Кабула не можетъ угрожать Хивѣ, если въ рукахъ его нѣтъ полосы земли между Гератомъ и Аму-Дарьей, что какъ разъ и не зависѣло отъ шаха Шуджи. Относительно Бухары ханъ Гузуръ что-то больше молчалъ и весьма мало говорилъ объ организованныхъ набѣгахъ на коканцевъ, которые, кажется, ему сильно докучали. Подробности о центрально-азіатской политикѣ, которыя при этомъ высказываетъ Конолли, теперь, конечно, практическаго значенія не имѣютъ и потому мало интересны. Но есть мысли въ письмахъ индійскаго капитана, которыя и въ настоящее время

придутся по сердцу многимъ англійскимъ политикамъ; напримѣръ, мысль о необходимости поддержанія дружественныхъ отношеній къ Россіи и къ Персіи, а также и о сплоченіи Авганистана въ одно цѣлое.

Уцѣлѣвшій отрывокъ дневника кончается 3-имъ января 1841 г., когда Конолли сообщаетъ, что собирается выѣхать въ Коканъ и Бухару. Этой послѣдней своей поѣздки, однако, Конолли не могъ уже описать. Едва вступивъ въ Бухару, онъ подвергся участи своего друга Стоддарта и былъ заключенъ въ тюрьму. Послѣ непродолжительнаго совмѣстнаго заключенія, оба друга въ томъ же году подверглись публичной казни по приказанію эмира Бухарскаго.

— Чешское возстаніе въ недѣлю св. Троицы 1848 г. «Мятежный» 1848 годъ былъ ознаменованъ, какъ извѣстно, и неудачной попыткой чеховъ отвоевать свободу въѣзду св. Вацлава. Объ этомъ возстаніи нѣкоторыя новыя свѣдѣнія сообщаетъ Экзельгейзеръ, пережившій самъ это событіе и недавно издавшій свои воспоминанія. Самъ Экзельгейзеръ типичный-нѣмецкій коммерсантъ, съ буржуазной косностью возрѣвѣй и очень не сочувствующій чехамъ, но, тѣмъ не менѣе, воспоминанія его, какъ очевидца, далеко не безынтересны.

По какимъ-то денежнымъ дѣламъ своимъ, весною 1848 года, Экзельгейзеру пришлось посѣтить Австрію. Здѣсь онъ пробылъ около недѣли въ Вѣнѣ, причемъ имѣлъ возможность наблюдать царившую въ это время въ столицѣ Австріи полнѣйшую анархію, въ общемъ, однако, довольно безобиднаго характера. Изъ общественныхъ учрежденій здѣсь правильно дѣйствовали пока лишь одни театры, въ которыхъ всегда было достаточно народу. Оставивъ Вѣну, въ первыхъ числахъ іюня онъ прибылъ въ городокъ Арнау въ сѣверной Чехіи съ тѣмъ, чтобы къ Троицыну дню переѣхать въ Прагу. Задержка почты и нелѣпые слухи о канонадѣ, которую будто бы слышали въ Гичинѣ, заставили его остаться въ Арнау. И на слѣдующій день почты не оказалось, но зато забили тревогу, и въ городъ прибыли эстафеты, приглашавшія сельское населеніе послѣшить на помощь Прагѣ, которую австрійскій намѣстникъ князь Виндишгрецъ, по слухамъ, собирался уничтожить усиленною канонадою. Арнауцы сообразили, что приглашеніе исходитъ не отъ правительственнаго учрежденія, притомъ цѣль предпріятія, какъ и отношенія пражскаго населенія къ правительству и пражскихъ нѣмцевъ къ чехамъ были не совсѣмъ ясны, и вслѣдствіе этого лишь три офицера и около восьмидесяти человекъ, приблизительно треть всего корпуса гражданской гвардіи, послѣшили добровольцами къ Прагѣ. Тѣмъ не менѣе городокъ имѣлъ въ тотъ день очень воинственный видъ. Три городскихъ музыканта играли военный маршъ, и даже оба каменныхъ гиганта у городской думы, отъ которыхъ арнауцы по преданію происходятъ, казалось, любезно осклаблялись на храбрыхъ арнауцевъ. Вечеромъ было большое сборище въ первой гостиницѣ города. Въ общемъ горожане Арнау здѣсь не особенно одобрительно отнеслись къ возставшимъ; поднималось не мало голосовъ противъ вожаковъ столичнаго возстанія, Сворноста, Палацкаго, Льва Туна и другихъ. Путешественникъ принесъ извѣстіе, что не все даже чешское населеніе принимаетъ участіе въ мятежѣ, и что національная гвардія осталась на сторонѣ правительства. Поэтому за арнауцами былъ посланъ голецъ, чтобы воротить ихъ съ дороги. Въ городѣ поговаривали о кровавыхъ уличныхъ схваткахъ и грабежахъ въ Прагѣ, продолжавшихся весь Духовъ

день и слѣдующій до вечера. Въ среду утромъ князь Виндишгрець перевелъ всѣ войска изъ города на лѣвый берегъ Молдавы, и враждебныя дѣйствія на время прекратились. Экзельгейзеру показалось, что Прага уже успокоена, и онъ направился туда. На дорогѣ онъ встрѣчалъ отряды нѣмецкихъ добровольцевъ, спѣшившихъ къ городу въ твердой увѣренности, что они идутъ спасать столицу; вездѣ также встрѣчались и бѣглецы изъ Праги въ экстренныхъ почтовыхъ повозкахъ. Отъ нихъ Экзельгейзеръ узналъ подробности о послѣднихъ событіяхъ. Виндишгрець хотѣлъ переводомъ войскъ на малую сторону и на Градчивъ лишь побережь своихъ солдатъ, понесшихъ страшный уронъ на уличныхъ схваткахъ съ чешскими баррикадистами. Лѣвый берегъ онъ занялъ своими солдатами, а немного пониже Праги велѣлъ построить понтонный мостъ для соединенія съ холмомъ Жижки и Вышеградомъ и такимъ образомъ держалъ въ тискахъ весь городъ. Всѣ высшія точки были заняты батареями, которыя господствовали надъ всѣмъ городомъ. Въ этомъ положеніи намѣстникъ велъ переговоры съ городомъ, требовалъ удаленія баррикадъ, выдачи захваченныхъ и капитуляціи; соглашеніе было блиско, но неожиданно все разстроилось. 15 го іюня съ чешской стороны раздались выстрѣлы противъ солдатскихъ пикетовъ, много солдатъ пало подъ градомъ пуль, сыпавшихся изъ мельницъ, построенныхъ вдоль рѣки, и съ башни на мосту. Сворность, студенты и чернь рѣшились возобновить бой. Въ небольшомъ мѣстечкѣ Бунцлау въ семи миляхъ отъ Праги путешественникъ услышалъ всѣ эти новости. Съ пражской стороны подходила повозка за повозкой; двадцать экстренныхъ почтъ появлялось одновременно; всѣ гостинницы и постоянные дворы были набиты отъ чердаковъ до подваловъ. Изъ Праги ясно слышался каждый пушечный выстрѣлъ. Около 11 часовъ въ послѣдній разъ послышался грохотъ тяжелыхъ орудій. Экзельгейзеръ позднимъ вечеромъ выѣхалъ и въ шесть часовъ утра уже могъ видѣть съ вершины Высочана у ногъ своихъ Прагу. Безпрепятственно онъ дѣлалъ до віалука Дрезденской желѣзной дороги и направился къ городскимъ воротамъ. Здѣсь проходъ былъ такъ суженъ, что ему пришлось оставить повозку, нанять носильщика и пойти пѣшкомъ къ воротамъ, надъ которыми развѣвался бѣлый флагъ. Они были на запорѣ и доверху забаррикадированы камнями съ мостовой. Патруль подъ начальствомъ шестнадцатилѣтняго парня встрѣтилъ путешественника, но тотчасъ же безъ малѣйшей задержки пропустилъ его. Черезъ ряды баррикадъ шла далѣе дорога въ городъ. Гостинница «Синяя звѣзда», гдѣ помѣщались депутаты всеславянскаго съѣзда, была у оконныхъ отверстій усеяна слѣдами ядеръ и пуль и не имѣла ни одного цѣлаго стекла. Широкая Коловратская улица была перегорожена двумя мощными баррикадами; ворота къ пороховой башнѣ были задѣланы наглухо, на улицахъ не видно было ни души. Во время прежнихъ своихъ коммерческихъ поѣздовъ, Экзельгейзеръ останавливался обыкновенно въ гостинницѣ «Золотой ангелъ». Гостинница эта, однако, лежала какъ разъ напротивъ дома коменданта, гдѣ жилъ Виндишгрець, и гдѣ началось возстаніе. Тамъ поэтому оказалось болѣе всего слѣдовъ отъ выстрѣловъ и сильнѣйшее заустѣніе. Онъ направился по другому пути, встрѣчая вездѣ груды осколковъ, оторванные рамы, ставни, двери, — все въ страшной разрушенномъ видѣ. Наконецъ, ему удалось добраться до бульвара, окружающаго старый городъ, стратегическій центръ чешской инсуррекціи. Видно было, что баррикады находили плохихъ защитниковъ; при

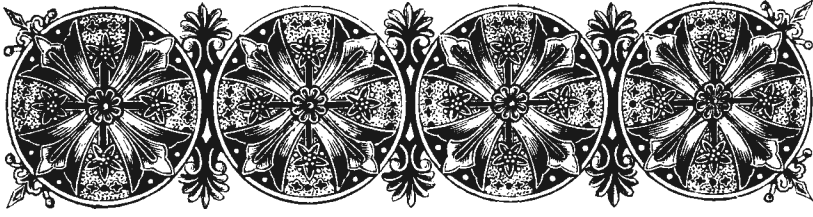
первомъ пушечномъ выстрѣлѣ всѣ защитники скрывались въ дома и оттуда стрѣляли въ солдатъ и бросали въ нихъ камни. Гауптвахта, находившаяся здѣсь, была совершенно разрушена. На одной изъ внутреннихъ стѣнъ ея красовалось большое изображеніе альфреско: Виндишгрець на вистѣлцѣ, и внизу стояла надпись: «атаманъ разбойниковъ». На главномъ рынкѣ возвышались гигантскія баррикады, и здѣсь разгуливали въ фантастическихъ костюмахъ, съ пистолетами за поясомъ, героини пражскаго восстанія, дочери владѣльца пивной Петра Фостера, предполагавшагося герцога чешскаго, который, однако, при началѣ опасности бѣжалъ и теперь обвинялся въ трусости. Находившаяся здѣсь гауптвахта была также подвергнута разгрому, а передъ конной статуей святаго Вацлава былъ воздвигнутъ алтарь. Поминутно проходили группы женщинъ и дѣтей, спѣшившихъ по желѣзной дорогѣ выбраться изъ города. Политехническій институтъ былъ превращенъ въ крѣпость, въ который засѣли чешскіе студенты въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Тутъ были иныя въ бѣлыхъ трикотовыхъ брюкахъ, красныхъ сафьяновыхъ сапожкахъ, шляпѣ съ перомъ и вышитой рубахѣ съ красно-бѣлымъ поясомъ; другіе были въ красныхъ рубахахъ, въ накидкахъ, опущенныхъ на подобіе горностаея бѣличьимъ мѣхомъ. У однихъ были прагѣдовскія рапиры съ неимоверной величины эфесами, у другихъ старинные мечи, новомодныя длинныя шпаги и т. п. Почти никто не имѣлъ понятія о настоящемъ положеніи вещей, и поэтому всѣ съ большой самоувѣренностью ожидали съ часу на часъ, что Виндишгрець сложитъ оружіе.

Передъ ратушей Экзельгейзеръ засталъ взволнованную массу народа. Былъ доставленъ ультиматумъ отъ Виндишгреца и императорскаго комиссара Менсдорфа, который требовалъ подъ страхомъ немедленной канонады удаленія баррикадъ не позже чѣмъ черезъ часъ времени; категорическій тонъ ультиматума возымѣлъ требуемое дѣйствіе. Депутаты, національная гвардія и большая часть горожанъ соглашались, восставали лишь Сворность и студенты. Но и послѣдніе покорились, и началось раскидываніе баррикадъ. Вскорѣ, однако, послышались крики: «Горожане, насъ выдали Виндишгрецу! Измѣна!»... Тревога, новыя баррикады, выстрѣлы изъ пушекъ... На улицахъ схватки между гражданами и чернью... Вдругъ небо зардѣлось, красное плямя освѣтило высочайшія зданія стараго города, ударилъ набатъ, ратуша выдѣлилась на темномъ фонѣ неба въ фантастическомъ освѣщеніи, также какъ и башенки и башни сосѣднихъ церквей. Повсюду послышались крики: «Бомба!» Бомба полетѣла по направленію къ одному изъ зданій университета. Дѣйствіе ея было ужасающее. Сразу восставшихъ освѣнило теперь сознаніе ихъ безсилія. Вооруженные разряжали свои ружья въ воздухъ и бросали ихъ. Другіе ломали ихъ объ стѣны и потомъ убѣгали. Послѣдній варывъ бевсильнаго бѣшенства прошелъ, глубокая тишина воцарилась надъ городомъ; отъ раскаленныхъ ядеръ загорѣлись мельницы вмѣстѣ съ громадной водопроводной башней. Высокій столбъ пламени поднимался къ небу на берегу рѣки, и знаменитый каменный мостъ рѣзко выдѣлялся и чернѣлъ на огненномъ фонѣ надъ, глухо шумѣвшей Влтавой. Картина была и величественная и ужасающая. Подъ свистомъ пуль и ядеръ Экзельгейзеру удалось наконецъ добраться до гостиницы, гдѣ онъ пробылъ до утра въ субботу. Выйдя въ 8 часовъ изъ дома, онъ не узналъ города. Отъ баррикадъ не осталось и слѣда, изъ всѣхъ оконъ въ знакъ мира развѣвались бѣлыя скатерти и простыни. На каждомъ углу были прибиты плакаты: «Втече-

ніе часа отдать все оружіе! Если нѣтъ — пушки наготовѣ!» Подписано: Альфредъ Виндишгрець. Духовные въ полномъ облаченіи шли по улицамъ и увѣщевали населеніе къ миру. Передъ ратушей столпился народъ, мужчины, дѣти, прислуга. Все съ оружіемъ, которое они складывали здѣсь въ кучу. На набережной видѣлись ясныя слѣды канонады, уже второй на недѣлѣ св. Троицы. Эта недѣля началась съ церковной процессіи передъ алтаремъ св. Валлава, затѣмъ послѣдовали пѣсни противъ нѣмцевъ, распѣвавшіеся на улицахъ, походъ противъ дома коменданта, выстрѣлъ, убившій супругу князя Виндишгреца, постройка баррикады, уличный бой и первая канонада, улегшаяся уже въ среду, когда выстрѣлы фанатизированной толпы чешскихъ студентовъ и сворностцевъ вызвали вторую, болѣе тяжелую канонаду.

Въ воскресенье «порядокъ былъ водворенъ» въ городѣ, и рано утромъ Экзельгейзеръ оставилъ Прагу, размышляя на дорогѣ о томъ, что «борьба съ мятежной партіей еще далеко не покончена, и поэтому нѣмцы да будутъ предусмотрительны (der Deutsche sehe sich vor)».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Отношенія къ намъ германской печати.—Толки нѣмцевъ и англичанъ о Л. Н. Толстомъ.—Глѣбъ Успенскій и другіе современные писатели, страдающіе помѣшательствомъ.—Русско-прусскія отношенія.—Поэма о Сибири.—Культура и анти-семитизмъ.—Англійская литература въ 1892 году: поэзія, исторія, беллетристика, философія. — Характеристики государей и государственныхъ людей: Левъ XIII и Криспи.

НѢМЦЫ УСЕРДНО занимаются Россіею, переводя нашихъ писателей и сами сочиняя объ насъ разныя исторіи, большею частью, доказывающія, конечно, нашу отсталость отъ образцовой во всѣхъ отношеніяхъ германской культуры. И между тѣмъ они обязательно переводятъ каждую строку Л. Н. Толстого и недавно заимствовали изъ «Вопросовъ философіи и психологіи» его предисловіе къ переводу книги Говарда Вильямса «The ethics of diet». Нѣмецкій переводчикъ во всемъ соглашается съ русскимъ мыслителемъ, хотя и находитъ, что идеаль воспитанія, представляемый имъ, недостижимъ. Все, что говоритъ Л. Н. о недостаткахъ въ нашемъ воспитаніи и даже просто питаніи, вполнѣ основательно, хотя онъ ставитъ при этомъ вопросы этики выше гигиеническихъ условий, и анонимный переводчикъ указываетъ ему на помѣщенную въ «Русскомъ Обзорѣніи» статью о томъ же предметѣ профессора Скворцова, рассматривающаго вопросъ о питаніи съ чисто физиологической и гигиенической точки зрѣнія, оставляя совершенно въ сторонѣ нравственные вопросы. Нѣмецъ соглашается и съ этимъ взглядомъ и, отдавая предпочтеніе гигиенѣ, приводитъ мнѣніе доктора Ричардсона, что жертвы инфлуэнцы, свирѣпствующей у насъ гораздо больше холеры, принадлежатъ большею частью къ такимъ организмамъ, которые изнурены горемъ, умственной работой, изнѣженной жизнью и у которыхъ ослабленная нервная система не въ силахъ бороться съ болѣзнию. Не знаемъ, то ли это лицо, которое недавно обнародовало въ англійскихъ газетахъ свою бесѣду

о морали съ Л. Н. Толстымъ. Разговоръ начался съ литературы и политики, приче́мъ Л. Н. назвалъ Дикенса первымъ романистомъ въ мірѣ, а кви́гу американца Беллами «Будущій вѣкъ» дурною книгою и фантазера Рускина поставилъ выше Гладстона. Буддизмъ, по мнѣнію Толстого, религія слишкомъ пессимистская, а всякая религія должна утѣшать и ободрять. Онъ не считаетъ жизнь дурною, если только жить какъ слѣдуетъ. Человѣкъ рождается не для того, чтобы страдать, но чтобы быть счастливымъ, и это единственная цѣль его жизни. Все несчастіе человѣчества въ томъ, что оно не можетъ пользоваться спокойно тѣмъ, что имѣеть, и постоянно стремится къ тому, чего у него нѣтъ. «Я не вижу причины, говорить оъ, для чего я буду принуждать мужика спать въ постели, если онъ привыкъ спать на землѣ: это только увеличить его желанія и уменьшить довольство своимъ положеніемъ. Маркъ Аврелій спалъ на землѣ, почему же этого не можетъ дѣлать мужикъ?». Да хоть бы потому, что зимою и въ нашемъ климатѣ это даже вовсе не удобно въ санитарномъ отношеніи,—можно бы отвѣчать на этотъ парадоксъ, если только нашъ писатель дѣйствительно приравнивалъ русскаго мужика къ римскому императору. Вѣдь съ нынѣшними репортерами нельзя поручиться ни за одну цитируемую ими фразу. Основнымъ принципомъ счастья въ жизни Толстой продолжаетъ считать непротявленіе злу и въ подкрѣпленіе своей теоріи рассказываетъ довольно странную исторію: «русскіе мужики, чтобы испытать твердость вѣры штундистовъ въ это принятое ими правило, утащили сначала у нихъ лошадь, потомъ корову, наконецъ ихъ утварь и все, что у нихъ было. Прошло два дня, штундисты и не думали жаловаться; тогда мужики возвратили имъ все, что похитили у нихъ». Вотъ заключительныя слова Толстого, приводимыя репортеромъ: «Не знаю, хорошо ли я поступилъ, дѣйствуя въ принятомъ мною направленіи, или не долженъ ли я откататься отъ моихъ стремленій. Но я чувствую, что не могу ихъ оставить. Можетъ быть, это слабость съ моей стороны, но, рѣшаясь бросать мой трудъ, я не въ состояніи сдѣлать это, хоть никогда не увижу его результатовъ. И я никогда не узнаю, долженъ ли былъ предпринять его. Зло въ мірѣ уже такъ велико, что его трудно облегчить слабыми усиліями».

Съ глубокимъ сочувствіемъ отзывается нѣмецкая печать о помѣшательствѣ Глѣба Успенскаго. Magazin für Litteratur посвящаетъ оцѣнкѣ его дарованія статью подъ названіемъ «Ветеранъ періода шестидесятыхъ годовъ «бури и натиска» въ русской литературѣ». Авторъ статьи Стачинскій останавливается прежде всего на такой же болѣзни, постигшей одновременно нѣмецкаго романиста Конрада-Фердинанда Мейера, но могъ бы также вспомнить о другихъ недавнихъ жертвахъ того же педуга: нѣмецкомъ философѣ Нитцше, французскомъ писателѣ Мопассанѣ и англійскомъ поэтѣ Вильямѣ Ватсонѣ. Послѣдній только что получилъ пенсію въ 200 фунтовъ стерлинговъ и его прочли на официальное мѣсто поэта-лауреата, оставшееся вакантнымъ послѣ смерти Теннисона. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Ватсонъ уже сходилъ съ ума отъ несчастной любви. Его вылечили, и онъ еще недавно написалъ оду на смерть Теннисона; но во время прогулки въ Виндзорскомъ паркѣ герцога Эдинбургскаго съ супругой, Ватсонъ бросился къ ихъ коляскѣ, остановилъ лошадей и началъ умолять герцога не отдавать своей дочери за наслѣдника румынскаго трона и говорилъ разныя несообразности. Его принуждены были посадить въ домъ умалишенныхъ. Философъ Нитцше уже слишкомъ зафилософствовался подъ конецъ своей ученой дѣятельности, хотя

ему еще нѣтъ 50-ти лѣтъ; онъ не только говоритъ, но и печатаетъ въ своемъ «Заратуштрѣ» такія вещи, которыя можетъ создавать только разстроенное воображеніе. Мопассана довела до сумашествія слишкомъ веселая жизнь и злоупотребленіе наркотиками, но съ чего помѣшался 68-ми-лѣтній романистъ Мейеръ, богатый владѣлецъ домовъ и помѣстьевъ, прославленный писатель, не знавшій никакихъ неудачъ въ свой жизни, это остается неразгаданною тайною. О причинахъ помѣшательства Успенскаго ничего не говорится, произведенія его не разбираются, и онъ является только горячимъ представителемъ идеи освобожденія крестьянъ, «въ странѣ, гдѣ слышенъ только вѣчный свистъ кнута» (это въ наше-то время!). Художественно изобразивъ сельскій пролетаріатъ, Успенскій съ такимъ же высокимъ искусствомъ описалъ пролетаріевъ мелкихъ городовъ. Переведенъ въ журналѣ только одинъ рассказъ его «Бѣдная старуха», въ которомъ критикъ видитъ потрясающій трагическій элементъ, хотя содержаніе его весьма не сложно: у бѣдной, бывшей крѣпостной старухи въ цѣломъ свѣтѣ только одна подруга собака, съ которой всѣми покинутая женщина дѣлитъ свою горькую трудовую жизнь. Ни въ чемъ не виноватая, она попадаетъ въ тюрьму, потомъ долгое время лежитъ въ госпиталѣ. Но переноса съ терпѣніемъ всѣ удары судьбы, старуха не можетъ вынести послѣдняго удара: когда она возвращается къ своему прежнему роду жизни, ее покидаетъ ея прежняя, единственная подруга, молодая сука, потому что оценилась и завелась своей семьей. Ни старуха, ни авторъ не хотятъ почему-то видѣть въ этомъ простомъ фактѣ общій законъ природы, свойственный всѣмъ животнымъ. Но рассказъ Успенскаго тѣмъ не менѣе производитъ впечатлѣніе, хотя и не вполне переданное переводчикомъ.

— Въ томъ же журналѣ какой-то Трейгеръ разсматриваетъ измѣненія въ русско-прусскихъ отношеніяхъ (*Russisch-preussische Wandlungen*). Здѣсь все тоже далеко не новыя мысли, что Россія всѣмъ обязана Пруссіи, что, только породившись съ мекленбургскими и голштинскими герцогами, Петръ I вступилъ въ рядъ европейскихъ государей. Послѣ Петра Меншиковы и Долгоруковы думали только о себѣ, а не о государствѣ. Анна Ивановна «по натурѣ и по вліянію Бирона» была предана нѣмецкимъ интересамъ. Съ воцареніемъ дочери Петра началась реакція въ сторону Франціи. Не имѣя дѣтей, Елисавета выбрала своимъ наслѣдникомъ внука Петра I, голштинскаго герцога, и хотѣла женить его на сестрѣ Фридриха II, но онъ не хотѣлъ «пожертвовать сестрою, отпустивъ ее въ страну, гдѣ отъ трона до темницы часто одинъ шагъ». Зато прусскій король устроилъ бракъ Петра III съ дочерью своего генераль-губернатора Штетина, принца Ангальтъ-Цербетскаго. Вступленіе Елисаветы въ коалицію противъ Пруссіи во время Семилѣтней войны авторъ считаетъ величайшею политическою ошибкою, слѣдствіемъ женской безхарактерности. Петръ III приказалъ русскимъ войскамъ, сражавшимся противъ Фридриха, стать подъ его начальство. Екатерина, свергнувъ Петра, не разорвала дружбы съ Пруссіей: этотъ союзникъ былъ ей нуженъ для раздѣла Польши. Авторъ сознается, однако, что этотъ раздѣлъ былъ больше въ прусскихъ, чѣмъ въ русскихъ интересахъ. Павелъ I выходилъ изъ себя отъ негодованія, что прусскій король не объявляетъ войны Французской республикѣ, а черезъ два года побуждалъ его заключать союзъ съ Наполеономъ. Въ 1802 году Александръ I приѣзжалъ въ Мемель заключать дружескій союзъ съ Фридрихомъ-Виль-

гельмомъ III, и только эта дружба да личное вліяніе Александра сохранили въ 1807 году монархію Фридриха II. Война за освобожденіе Европы отъ Наполеона еще болѣе сблизила Россію съ Пруссіею. Бракъ Николая I съ сестрою прусскаго короля еще болѣе утвердилъ этотъ союзъ. Послѣ крымской войны «благосклонный нейтралитетъ Пруссіи спасъ Россію отъ крайности, такъ какъ ея войско и финансы были истощены». Автора не смущаютъ ни берлинскій конгрессъ, ни панславянство съ его антипатіей къ нѣмцамъ. Трудно представить себѣ, для чего печатаются подобныя статьи.

— Печатаются даже цѣлыя поэмы на русскія темы, и Отто Эрнстъ разразился эпопеею «Сибирь» (Sibirien) пятистопнымъ ямбомъ безъ рифмъ. Поэтъ проситъ свою фантазію пѣть спокойно и предоставляетъ дѣйствительности, смѣшавъ на палитрѣ слезы, кровь и грязь, рисовать хронику, «передъ которой самъ чортъ окаменѣетъ отъ ужаса и состраданія». Василия Пѣтухова отвозятъ въ Сибирь за то, что у него жилъ гость, подозрѣваемый полиціей. Онъ проситъ суда, но исправникъ «божіей милостію» знаетъ самъ, что справедливо. «Сбирается Василій въ далекій путь: отъ Ивангорода до Верхоленска не близко, прощается съ молодой женою, у которой подъ сердцемъ бьется первый плодъ ихъ любви». Василій — образованный врачъ, ему запрещаютъ учить и лечить, получаетъ онъ шесть рублей въ мѣсяцъ, съ голоду не умрешь, но и сытъ не будешь; можетъ пахать землю, да на ней ничего не растетъ; можетъ идти въ услуженіе, да никто не возьметъ. Къ нему потому идетъ Марія, его жена, съ груднымъ ребенкомъ. Описанія пути, стоянокъ, обращенія съ колодниками наполнены, конечно, всякими ужасами: ребенокъ замерзаетъ въ дорогѣ на груди матери. Она сходитъ съ ума отъ этого и отъ того, что рассчитывала найти Василія въ Верхоленскѣ, а онъ — въ Верхоянскѣ, за шесть сотъ миль оттуда. И она идетъ дальше, но на одномъ этапѣ подходитъ къ стѣнѣ и падаетъ мертвая, съ крикомъ прочта на стѣнѣ нацарапанную надпись: прощай Марія! Все это рассказано весьма дубовыми стихами, которые авторъ напрасно старается сдѣлать трогательными.

— Больше всего достается Россіи за то, что она не любитъ евреевъ и проникнута духомъ антисемитизма, а въ статьѣ «Культура и антисемитизмъ» (Kultur und Antisemitismus) авторъ Кале прямо говоритъ, что «евреи, можетъ быть, величайшій народъ въ мірѣ». Онъ проситъ, правда, простить эти рѣзкія слова, но и это извиненіе и нарѣчіе «vielleicht» очевидно приведены только для того, чтобы смягчить непреложный афоризмъ, всѣ выводы статьи подтверждаютъ его. Написана она по поводу избранія въ члены парламента Альвардта, издавшаго брошюру «Еврейскія ружья», въ которой доказывалъ, что ружья, поставляемыя въ нѣмецкую армію еврейскою фабрикою Лене, никуда не годятся, а комисія, составленная изъ ученыхъ генераловъ, приняла ихъ только потому, что получила за это крупную взятку. Брошюра произвела въ Германіи не меньшій скандалъ, чѣмъ папамскія разоблаченія во Франціи. Альвардта отдали подъ судъ, который рѣшилъ, что авторъ «не знаетъ дѣла», и приговорилъ его къ тюремному заключенію, хотя было доказано, что изъ пятисотъ ружей, розданныхъ ландверу, болѣе половины были возвращены фабриканту для передѣлки, и хотя члены комисіи не могли сказать, что «не знали дѣла», а напротивъ знали, что «брали» и настаивали на пригодности ружей для боя. Такой блистательный фактъ нѣмецкаго правосудія взволновалъ даже апатичныхъ прусаковъ и, въ отместку правительству, они вы-

брали Альвардта въ члены рейхстага. Авторъ статьи обрушивается за это на избирателей, называетъ Альвардта выгнаннымъ учителемъ, человѣкомъ безъ правилъ, даже — *mauvais sujet*, тогда какъ евреи — благороднѣйшее племя. Тутъ безцеремонно поддѣлываются всѣ статистическія и этнографическія цифры, говорится, что евреевъ въ Германіи всего одинъ процентъ въ сравненіи съ общимъ населеніемъ страны, а во Франціи и того менѣе; объ Австріи не говорится ни слова: что это — либеральнѣйшіе люди, а ненавидятъ ихъ только консерваторы да антисемиты, которые всѣ социалисты. Величіе евреевъ авторъ видитъ въ томъ, что они изобрѣли (*erfunden*) монотеизмъ, а въ ихъ племени явился Иисусъ. И черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ того, изгнанные, почти задавленные, они «весело стоятъ на своихъ ногахъ, не потерявъ своего высокомерія (*Dünkel*; правильнѣе было бы: наглости), и Европа боится какъ бы ее «въ свою очередь, не задавили эти восемь милліоновъ Ваньки-встаньки (*Steheaufmänner*)». И авторъ, повидимому, очень доволенъ перспективою подавленія Европы этимъ «избраннымъ народомъ» и заканчиваетъ свой панегирикъ еврейству умилительною чертою благодарности двухъ тысячъ польскихъ евреевъ, приходившихъ со слезами на глазахъ въ Краковъ поклониться гробу Мицкевича, за то, что въ своей поэмѣ «Панъ Тадеушъ» онъ вывелъ благороднаго жида Янкеля. Портретъ потому и типиченъ у поэта, что это едва ли не единственное изображеніе честнаго еврея во всей европейской литературѣ.

— Въ первыхъ нумерахъ журнала «*Athenaeum*» помѣщенъ обзоръ англійской литературы за прошлый годъ (*English literature in 1892*). Представляемъ въ формѣ очерка главные выводы этой статьи. Анонимный авторъ начинаетъ съ поэтическихъ произведеній и говоритъ, что «почти нельзя представить себѣ Англію безъ Теннисона, какъ и безъ королевы Викторіи, чье царствованіе онъ такъ блистательно прославлялъ». Это преклоненіе просвѣщенныхъ мореплавателей передъ холоднымъ поэтомъ, лишеннымъ всякаго искренняго чувства и увлеченія, происходитъ столько же отъ національнаго самолюбія англичанъ, какъ и отъ недостатка въ нихъ эстетической критики. Авторъ особенно восхищается посмертнымъ сборникомъ поэмъ Теннисона, увѣнчавшимъ шестидесятилѣтнюю дѣятельность его «Смертью Эноны», написанной такими бѣлыми стихами, какими никто не напишетъ. Напрасно критикъ опасается этого: когда работаетъ слабая творческая фантазія, поэты всегда начинаютъ писать стихи безъ рѣзъ, какъ музыканты, упражняющіеся въ гармонизаціи, когда теряютъ способность создавать мелодіи. Изъ другихъ произведеній замѣчательны «Гробъ Вордсворта» и «Слезы музъ» Вильяма Ватсона, кончившаго свое поэтическое поприще помѣшательствомъ и баллады Родейярда Киплинга. Поэмы его «Мандалай» и «Толима» ниже его прозаическихъ рассказовъ изъ колониальной жизни Англии, но, тѣмъ не менѣе, не лишены искренняго поэтическаго чувства. Нѣсколько слабѣ поэма Джорджа Мередита «Пустой кошелекъ». Два тома стихотвореній, изданныхъ по смерти лорда Лйттона, не прибавляютъ ничего къ его и безъ того далеко не громкой извѣстности, какъ поэта. Поэмою «Пессимистъ Фортеринъ» Аустинъ заявилъ притязанія на занятіе мѣста поэта-лауреата послѣ смерти Теннисона, но эпическое дарованіе его очень слабо, и лучшія мѣста у него лирическія. Легаліонъ упрекаетъ своихъ собратьевъ за то, что они мало говорятъ объ Англии въ своихъ произведеніяхъ, а самъ издаетъ плохую поэму, въ которой дѣйствуетъ итальянцы. Марстонъ

пишетъ чисто эстетическія поэмы, а этотъ жанръ совсѣмъ не въ модѣ. Вальтеръ Кренъ, поэтъ изъ сословія рабочихъ, воспѣваетъ жизнь своихъ товарищей, вѣрную дѣйствительности, но далеко не поэтическую. Поэты работали не меньше поэтотъ: миссъ Гейваль издадала томъ балладъ и лирическихъ стихотвореній, мистрисъ Грезель Томсонъ «Лѣтнія ночи», мистрисъ Сингльтонъ изъ шести томовъ своихъ пьесъ составила одинъ, заявляя притязанія на титулъ Сафо фешьонебельнаго міра. Драмы въ миниатюрѣ миссъ Блиндъ отличаются реализмомъ, но полны истиннаго чувства. Миссъ Гакей въ своемъ «Михаилѣ Фильдѣ, идеалистѣ», пытается разрѣшить социальные вопросы. «Вошь дѣтей» мистрисъ Броунингъ напоминаетъ «Пѣсню о рубашкѣ» Томаса Гуда.

По отдѣлу историческихъ сочиненій смерть проф. Фримана остановила продолженіе его превосходной и обширной «Исторіи Сициліи», доведенной имъ до вторженія аеніяны и карфагеняны. Въ этомъ трудѣ являются въ новомъ свѣтѣ событія, описанныя Фукидидомъ и послѣдующими историками. Замѣчательно также посмертное изданіе его «историческихъ опытовъ». Наслѣдникомъ его является Фрудъ со своею исторіей Армады и другими изслѣдованіями. Большой успѣхъ имѣла книга Джона Рамсае «Лавкастеръ и Горкъ—столѣтіе англійской исторіи». Роундъ издалъ оригинальную монографію «Джорфрей Мендевилъ, этюдъ анархіи». Этотъ предводитель феодальной анархіи въ царствованіе короля Стефана обрисованъ мастерски. Форсетъ въ книгѣ «Управленіе Варрена Гастингса, 1772—85 гг.» старается снять съ этого правителя Индіи обвиненія въ жестокости и неправосудіи, подтверждаемыя и Маколеемъ, но защищаетъ его даже отъ обвиненія въ юридическомъ убійствѣ раджи Нанд-кумара, на основаніи официальныхъ донесеній бенгалскихъ правителей. Маколей и Милль во многомъ не справедливы къ Гастингсу, но во всякомъ случаѣ несимпатичную личность проконсула Индіи, заклеянную исторіей, нельзя объяснить съ помощью правительственныхъ документовъ. Маіоръ Виндгетъ издалъ любопытную книгу «Десять лѣтъ въ лагерѣ Махди», на основаніи записокъ умершаго мисіонера Орвальдера. Сесиль Родсъ описалъ положеніе южнаго Египта, а Стевенсонъ послѣднія волненія на островахъ Самоа. Второй томъ «Исторіи Греціи» Эвелина Аббота, хотя и составленный въ формѣ руководства, представляетъ многія событія въ новомъ освѣщеніи. «Лондонъ» Вальтера Берста представляетъ картину послѣдовательнаго развитія города изъ вѣка въ вѣкъ. Въ исторіи афганскихъ войнъ 1839—42 и 1878—80 гг. Арчибалдъ Форбсъ описываетъ два весьма критическіе для Англіи періода. Рейсъ въ книгѣ «Герцогъ Кларенскій въ южной Индіи» даетъ біографію безвременно погибшаго наслѣдника англійской короны. Очень много выходитъ біографій и мемуаровъ. Добсонъ издалъ «Жизнь Гогарта», Айткенъ—Джона Арбатнота, доктора королевы Анны; Райтъ—«жизнь Вильяма Коупера»; портретъ даровитаго ипохондрика вышелъ лучше, чѣмъ у Сутея. Много книгъ о Колумбѣ, лучшія Маркгама и Эльтона; Стеббингъ далъ біографію Вальтера Ралейга. Дочь Текерея, мистрисъ Ритчи, написала «воспоминанія о Теннисонѣ, Рускинѣ и Броунингѣ». Фритъ описалъ «жизнь и труды Джона Личъ», талантливаго гравера и рисовальщика, Совери—поэта Кита, Смайльсъ—провансальскаго поэта-парикмахера Жасмена; Доффи издалъ свои бесѣды съ Карлейлемъ, мистрисъ Гамлинъ вздумала объять извѣстную Эмму Гамилтонъ, но неудачно. Изданы письма лорда Честерфильда, біографіи Паль-

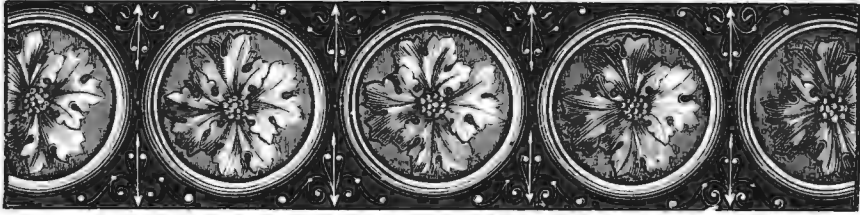
мерстона, Лорна, Дерби, Каннинга, Ренджитъ-Синга, Бентама, Локка и множество автобіографій.

Беллетристика не дала ничего особенно выдающагося. Новый романъ мистрисъ Гомфри Вардъ «Давидъ Гривъ» гораздо слабѣе ея «Роберта Эль-смера», хотя также направленъ противъ англійскаго ханжества, но читать теологическія пренія въ романѣ также скучно, какъ и слушать ихъ въ проповѣдяхъ. Мистрисъ Клиффордъ, сдѣлавшая себѣ славу «Любовными письмами свѣтской женщины», достигла не меньшаго успѣха въ разсказѣ «Тетушка Анна». Сотрудничество не въ модѣ въ Англии, и романъ, написанный Каннингомъ и Волестифомъ, «Наулаки» дѣйствительно какъ-то двоится по ходу дѣйствія и по интересу; сцены въ Индіи любопытны, а въ западномъ англійскомъ городѣ скучны. Та же двойственность интереса и въ романѣ Осбоурна и Стевенсона «Крушитель» (Wrecker). Родсъ въ разсказѣ «Наля» описываетъ сцены войны съ зулусами, Крауфордъ беретъ содержаніе своихъ повѣстей изъ итальянской жизни. Блекъ въ своемъ «Вольфабергѣ» переноситъ дѣйствующихъ лицъ изъ Сициліи въ Крымъ. Великосвѣтскій разсказчикъ Норрисъ рисуетъ непривлекательные нравы своего общества въ романѣ «Его милость» (His grace), гдѣ герцогъ Горстборнъ является типомъ почти отвратительнымъ. Мистрисъ Олифантъ издала историческій романъ «Наслѣдникъ предполагаемый и наслѣдникъ дѣйствительный». Изданы лекціи Карлейля по исторіи литературы, но онѣ относятся къ 1838 году и значительно устарѣли для нашего времени. Книгъ о путешествіяхъ особенно много; лучшія «Люди и звѣри въ Индіи» Каянга и миссъ Эдвардсъ Фирсонъ «Феллахи и ихъ эксплуататоры». По обыкновенію, всего меньше драматическихъ произведеній, и они всего слабѣе. Хвалятъ, конечно, драму Тенисона «Жители лѣсовъ: Робинъ Гудъ и Маріанна», но она не имѣла успѣха въ Нью-Йоркѣ, гдѣ хвалили только лирическія мѣста, писанныя бѣлыми стихами, излюбленными поетомъ, а въ Лондонѣ ее не рѣшились поставить на сцену изъ боязни, что пьеса провалится. Драма Свинборна «Сестры» нравится въ чтеніи, какъ и «Неронъ и Актея» Макая. Оскаръ Вильде написалъ сатирическую комедію «Вѣрьте леди Виндермеръ», восхищавшую лондонскихъ звѣзды, не смотря на всѣ слабыя стороны пьесы. Изъ книгъ съ философскимъ направленіемъ замѣчательны: «Основаніе политики» профессора Седжвика, второй томъ изслѣдованія Акнона о законахъ и основахъ конституціи, первый вышелъ шесть лѣтъ назадъ; Гарике—«Исторія земельныхъ интересовъ Англии», Винингама—«Развитіе англійской промышленности и торговли» и «Грамматика наукъ» профессора Пирона. Наконецъ, мистрисъ Олифантъ и ея супругъ составили двухтомную, но очень слабую «Исторію англійской литературы въ вѣкъ Викторіи».

— Шарль Бенуа издалъ сборникъ біографій подъ названіемъ «Государи, государственные люди и духовные». (Souverains, hommes d'état et hommes d'église). Онъ рисуетъ весьма отчетливыя характеристики шести лицъ: Льва XIII, Вильгельма III, короля Нидерландовъ, кардинала Рамполи, Криспа, принца Наполеона и кардинала Лавижери. Лучше всего очерченъ папа, въ его политической и частной жизни, начиная съ того времени, когда онъ былъ еще кардиналомъ Печчи и епископомъ Перузы. Авторъ особенно останавливается на дѣятельности Льва XIII, какъ соціолога и латинскаго поэта. Ему въ его званіи приносятъ большую честь старанія, если не разрѣшать, то хотя уяснить «проклятые вопросы», волнующіе теперь чело-

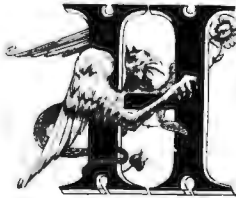
вѣчество, отъ которыхъ такъ упорно отворачивался его предшественникъ Пій IX. Но обращать вниманіе на его поэтическія заятія не стоитъ: ихъ можно извинить, но не поздравлять съ ними. Вѣдь и Ришелье писалъ трагедіи, но кто же вспоминаетъ объ нихъ? Стихи папы гладки, правильны, но не имѣютъ никакого значенія; это обычныя восхваленія христіанства, а гдѣ папа говоритъ о себѣ, тамъ много преувеличенія; такъ ватиканскіе придворные восхищаются его четверостишіемъ: «я служилъ правосудію; долгую борьбу, труды, насмѣшки, западни, всякія испытанія—все перенесъ. Но, защитникъ вѣры, я не поколеблюсь; за стадо Христово страдать отраднo, даже отраднo умереть въ темницѣ». И папа хорошо дѣлаетъ, не собираясь оставить свою темницу съ дворцами и садами въ лучшей части Рима, гдѣ не переносятъ никакихъ особенныхъ страданій и испытаній. Авторъ вѣрно оцѣниваетъ философію, либерализмъ и социализмъ папы, который прелее всего, всетаки католическій священникъ. Также хорошъ портретъ кардинала Рампола, будущаго папы, если только конклавъ не будетъ лишень здраваго смысла. Очень мѣтко обрисованъ также Криспи, его троекратная женитьба, жизнь заговощникомъ, его мадзинизмъ и гарибальдизмъ, потомъ переходъ къ реакціонернымъ взглядамъ, къ поклоненію тройственному союзу и милитаризму короля Гумберта. Причины, почему онъ такъ долго держался во власти, разобраны съ полнымъ знаніемъ политическихъ интригъ и отношеній. Вообще книга Бенуа, не смотря на его клерикализмъ, читается съ интересомъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Мысли императора Александра I о крестьянскомъ вопросѣ.

НАСТУПАЮЩІЙ день 19 февраля, день, съ которымъ навсегда будетъ связана благодарная память потомства о Царѣ-Освободителѣ, невольно вызываетъ воспоминаніе о тѣхъ мысляхъ, которыми былъ проникнутъ еще раньше императоръ Александръ I, по вопросу объ освобожденіи Россіи отъ крѣпостнаго ига.

Юный императоръ, соединявшій въ своемъ лицѣ все высокое, что можно только сказать о человѣкѣ въ частности и о правителѣ вообще, сильно возмущался существовавшимъ въ Россіи рабствомъ крѣпостнаго порядка и обдумывалъ средства къ его уничтоженію, идя къ тому путемъ послѣдовательности и начиная съ крестьянъ казенныхъ. Сознавая вполнѣ важность и трудность рѣшенія этой задачи, отъ такъ формулировалъ свои мысли:

«Ничего не можетъ быть унижительное и безчеловѣчное, какъ продажа людей; и для того неотмѣнно нуженъ указъ, который бы оную навсегда запретилъ. Къ стыду Россіи, рабство еще въ ней существуетъ. Не нужно, я полагаю, описывать, сколь желательно, чтобы оное прекратилось. Но, однако же, должно признаться, сіе весьма трудно и опасно исполнить, особливо если не исподволь за оное приняться. Часто я размышлялъ, какими бы способами можно до онаго достигнуть, и иныхъ способовъ я не нашелъ, какъ слѣдующіе:

«Первое—изданіе вышесказаннаго указа (о запрещеніи продажи людей).

«Второе—изданіе указа, которымъ бы позволено было всякаго рода людямъ покупать земли, даже и съ деревнями, но съ такимъ установленіемъ, чтобы мужики тѣхъ деревень были обязаны только платить повинность за землю, на которой они живутъ, и въ случаѣ ихъ неудовольствія могли пе-

«истор. вѣстн.», февраль, 1893 г., т. LI.

рейти куда хотять. Нужно будетъ также, передъ изданіемъ сего указа, положить, изъ чего будетъ состоять вышеупомянутая повинность, равномѣрно и учесть тѣхъ, которые, не бывъ довольны помѣщикомъ земли или желая перемѣнить жилище, вздумаютъ идти на другое мѣсто. На сей конецъ надобно имъ брать паспорта отъ ближняго судебнаго мѣста, чтобы не смѣшивать бѣглеца или бродягу съ желающими перемѣнить жилище; а съ немѣющимися видовъ будетъ поступлено по законамъ.

«Сіи постановленія уже заведутъ родъ мужиковъ вольныхъ; а какъ съ начала весьма мало оныхъ будетъ, то и легко замѣтить можно, какія нужны будутъ предосторожности для отвращенія безпорядковъ, которые они могли бы предпринять отъ непривычки къ своему состоянію.

«Третье. По прошествіи времени, котораго, однако же, нельзя ограничить, и единственно зависящаго отъ плода, послѣдовавшаго отъ втораго указа, можно уже будетъ издать и третій указъ, которымъ бы повелѣно было всѣ покупки земель и деревень между дворянами не чинить иначе, какъ на вышерѣченномъ основаніи, чѣмъ уже и умножится гораздо родъ вольныхъ крестьянъ. Отъ правительства же будетъ зависѣть, подать поощрительный примѣръ надъ казенными крестьянами, которыхъ необходимо надобно поставить на ногу вольныхъ мужиковъ. Безъ всякаго сумлѣнія, окажутся въ російскихъ дворянахъ великодушныя примѣры не принужденнаго подражанія. Стыдъ, сіе великое орудіе вездѣ, гдѣ честь существуетъ, поможетъ весьма для наклоненія многихъ къ тому же. И такъ, мало-помалу, Россія сброситъ съ себя сіе постыдное рубище неволи, которымъ она до сего времени была прикрыта. Впослѣдствіи уже сего можно будетъ позволить всякому крестьянину, заплатившему за себя нѣкоторое положенное число денегъ, пользоваться правами вольнаго. Все сіе будетъ имѣть двойную выгоду: во-первыхъ, изъ рабовъ сдѣлаются вольными, а во-вторыхъ, исподволь сравняются состоянія».

Изъ этого видно, какъ горячо сочувствовалъ императоръ Александръ I дѣлу освобожденія крестьянъ, и благородныя побужденія его не нашли только поддержки въ ближайшихъ лицахъ, его окружавшихъ. Они не могли ему ни совѣтомъ, ни дѣломъ.

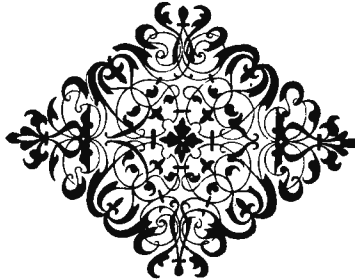
Намѣреваясь идти путемъ послѣдовательности въ вопросѣ, успѣвшемъ со временемъ усложниться до чрезвычайныхъ размѣровъ и касавшемся условій частной собственности, императоръ Александръ I, прежде всего, имѣетъ въ виду уничтожить возмутительное право продажи человѣка, какъ животнаго: оградить личныя права каждаго изъ его подданныхъ и потомъ уже устроить его матеріальный бытъ. Для этого, прежде всего, помѣщику предоставляется право пользоваться принадлежащею ему землею не иначе, какъ на арендномъ правѣ отдачи земли въ наемъ крестьянамъ, предоставивъ послѣднимъ или оставаться на своихъ прежнихъ земляхъ, или свободно переходить къ другимъ помѣщикамъ, а также арендовать у нихъ земли. Такое право неминусемо должно было заставить каждаго помѣщика входить въ наиболѣе выгодныя съ крестьянами условія по арендованію своихъ земель, которыя иначе остались бы не занятыми, не принося владѣльцу никакой прибыли. Рядомъ съ этими постановленіями, крестьянамъ предоставлялось право покупать земли въ свое личное владѣніе и становиться собственниками, чего каждый могъ достигнуть тѣмъ скорѣе, чѣмъ будетъ энергичнѣе его производительный трудъ и благоразуміе хозяй-

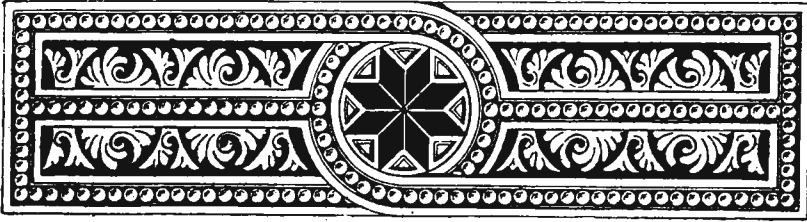
ственная экономія, ведущая къ сбереженію денегъ и накопленію потребной для покупки земли суммы.

Такимъ образомъ, послѣдовательно крестьяне получали возможность сдѣлаться частными фермерами и совершенно самостоятельно вести свое хозяйство на правахъ полной личной собственности. Если не всѣ изъ нихъ могли стать собственниками земельныхъ участковъ, то всѣ являлись людьми свободными, и отъ личныхъ качествъ каждаго зависѣло сдѣлаться ли собственникомъ своей земли, или пользоваться ею лишь на правахъ аренды, съ правомъ переходить къ другому помѣщику, если предлагаемая имъ условія были выгоднѣе для крестьянина, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ находился.

Но современники Александра I еще не доврѣли до пониманія его мыслей по крестьянскому вопросу, рѣшить который суждено было императору Александру II.

А. Орельскій.

С М Ъ С Ъ.

НАЧЕНИЕ русской архитектуры. Въ декабрѣ прошлаго года въ Петербургѣ состоялся первый съѣздъ русскихъ зодчихъ. На первомъ засѣданіи московскій профессоръ К. М. Быковскій читалъ здѣсь объ исторіи и значеніи русской архитектуры. Онъ началъ съ напоминанія, что еще въ 1838 году, на актѣ московскаго архитектурнаго училища, ученикъ Алексѣй Мартыновъ говорилъ о характерныхъ чертахъ развитія древняго русскаго стиля. Приводимъ главные выводы изъ рѣчи профессора.

Хотя у насъ до сихъ поръ нѣтъ исторіи русской архитектуры, но богатство собранныхъ рисунковъ, прекрасно разработанныя монографіи памятниковъ, наконецъ, археологическія изслѣдованія цѣлыхъ періодовъ,—все это даетъ уже памъ возможность дѣлать нѣкоторые выводы изъ родного прошлаго, выводы поучительные для настоящаго.

Византійское храмоздательство, насажденное у насъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства, сразу создало такіе грандіозные и художественнаго совершенства памятники, какъ соборы Черниговскій и Кіево-Софійскій. Одинъ—памянающій долевою внутренній эффектъ древнихъ малоазійскихъ храмовъ, другой—по своему крестообразному распорядку—родственный съ церковью св. Софіи въ Солунѣ. Оба эти памятника остались особнякомъ. Утвердился менѣе сложный византійскій прямоугольный планъ съ куполомъ на четырехъ столбахъ, по которому продолжали строить и въ Новгородѣ, и Суздальскомъ княжествѣ, и въ Москвѣ.

Рядомъ съ постройкой церкви шла непрерывно и городская плотницкая работа. Рубили дворы, хоромы и терема, рубили клѣтти и подклѣтти, рубили несчетное число деревянныхъ зданій. Постепенно, неотразимо воспитывало плотницкое дѣло народный вкусъ и къ прирубкѣ сруба къ срубу и къ развѣтрамъ, зависящимъ отъ принятой длины бревень, и къ узорочной затѣйливой, деревянной рѣзбѣ. Вѣками воспитывалось эстетическое чувство подъ этимъ влияніемъ, и легла отъ этого особая печать на

памятники московскіе XVII вѣка. На каменныхъ зданіяхъ отразился пошибъ деревянныхъ построекъ. Когда въ двѣнадцатомъ вѣкѣ на смѣну упавшаго византійскаго стиля въ Европѣ развивался стиль романскій, то мастера новаго дѣла вызываються въ Суздальское княжество и работаютъ одновременно съ мастерами восточными. Столь близко соприкасающаяся по Волгѣ образованность магометанскаго Востока также вноситъ художественные элементы въ наше зодчество. Далѣе Новгородъ, наиболѣе доступный сѣверо-западному европейскому вліянію, допускаетъ въ нашу гражданскую архитектуру даже готику. Наконецъ постройки шестнадцатаго вѣка въ Москвѣ ярко отражаютъ господствовавшій тогда стиль итальянскаго возрожденія.

Гражданская архитектура всегда болѣе свободно выражаетъ потребности своего времени. Какія же мы здѣсь встрѣчаемъ характерныя черты? Нигдѣ не видна болѣе ясно прирубка одного помѣщенія къ другому, чуждая и какъ бы враждебная какой либо объединяющей концепціи. Это то же, что мы видимъ въ восточныхъ дворцахъ Ниневіи и Персеполиса и что такъ рѣзко отличается отъ строго обдуманной концепціи плановъ древне-римскихъ зданій. Далѣе болѣе выдѣляются характерныя черты: малыя оконцы, массивныя простѣнки—не столько нужно было свѣта, какъ важно было сохранить тепло; затѣйливыя кровли, которыя всѣ не идутъ дальше извѣстныхъ небольшихъ размѣровъ—все вытекаетъ изъ плана, изъ внутренняго расположенія, безъ заботы о фальшивой симетріи: нужно здѣсь окно большое, а тамъ малое, нужна дверь здѣсь, а не тамъ, такъ оно и было.

Когда Петръ прорубилъ свое окно въ Европу, то нахлынувшій свѣтъ на время не могъ не лишить наше искусство своеобразной самостоятельности. Можно сожалѣть объ утратѣ этой своеобразности, но достигнуть вновь самобытнаго значенія возможно, только съ внимательностью и любовью изучая родное прошлое и въ то же время усвоивъ, претворивъ въ себѣ элементы, которые порождены европейскою художественною жизнью. Искусство бываетъ оригинально или тогда, когда народъ живетъ отчужденною замкнутою жизнью, или же тогда, когда народъ стоитъ въ уровень общаго человѣческаго развитія.

Изученіе древнихъ русскихъ памятниковъ вноситъ въ современное зодчество живительный элементъ. Это изученіе будетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться въ бесплодности стремленій возсоздать допетровскій стиль съ временными его особенностями и не будемъ отрекаться отъ наслѣдія общечеловѣческаго художественнаго развитія.

Торжественное засѣданіе академіи наукъ 29-го декабря 1892 года. Въ часъ обычное засѣданіе было объявлено открытымъ. На кафедрѣ вошелъ академикъ Н. О. Дубровинъ и сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности академіи по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1891—1892 г. Прежде чѣмъ говорить объ ученой дѣятельности, онъ помянулъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ академіи, сошедшихъ въ минувшемъ году съ земнаго поприща, охарактеризовавъ заслуги въ области науки великаго князя Константина Николаевича, митрополита Исидора, адмирала Зеленаго, Н. И. Кокшарова, А. В. Гадолина и другихъ почившихъ дѣятелей. Затѣмъ познакомилъ присутствующихъ съ дѣятельностью отдѣленій и сообщилъ отчетъ о присужденіи премій: симбирскаго дворянства, графа Д. А. Толстого, потомственнаго почетнаго гражданина Сибирякова, Ломоносова и Рялицкаго.

Преміи, учрежденныя симбирскимъ дворянствомъ, имѣютъ назначеніемъ—служить наградою за сочиненія, посвященныя великимъ реформамъ Александра II, вдохнувшимъ новую жизнь въ Россію. Соискателемъ на этомъ конкурсѣ явился сенаторъ Н. П. Семеновъ, который довершилъ гро-

мадный трудъ—составленія полной лѣтописи сложныхъ работъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Академія признала трудъ сенатора Н. П. Семенова заслуживающимъ полной преміи, учрежденной симбирскимъ дворянствомъ.

Въ числѣ трудовъ, предъявленныхъ на соисканіе премій Д. А. Толстого, вниманіе академіи привлекла «Теорія статистики» профессора Ю. Э. Янсона, вышедшая въ свѣтъ въ 1891 г. третьимъ изданіемъ,—сочиненіе, уже выдержавшее самое лучшее, безошибочное испытаніе—испытаніе времени. Въ виду услугъ, оказанныхъ наукѣ книгою г. Янсона, академія воспользовалась представившимся ей случаемъ, чтобы присужденіемъ автору ея первой почетной золотой медали (въ 300 р.) и полной денежной награды (въ 800 р.) имени гр. Толстого воздать должное труду, принадлежащему къ числу выдающихся явленій русской науки послѣдняго времени, но и выразить вмѣстѣ съ тѣмъ свое уваженіе ученому. Другое сочиненіе относится къ области науки о финансахъ и посвящено изслѣдованіямъ о существующей въ Россіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ акцизно-бандерольной системѣ взиманія налога на табакъ. Авторъ его, г. Першке, изучалъ эту систему, по порученію правительства, въ Америкѣ. Академія присудила автору вторую почетную золотую медаль имени графа Д. А. Толстого (250 р.).

Преміи Сибирякова удостоено изданное въ Харьковѣ въ 1889 г. сочиненіе профессора Харьковскаго университета П. Н. Буцинскаго «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Не смотря на немалое уже число сочиненій и актовъ, изданныхъ для исторіи Сибири, ими далеко не исчерпано богатство матеріаловъ, хранящихся въ московскихъ архивахъ и послужившихъ источниками для труда г. Буцинскаго.

Преміи Рклицкаго присуждены профессорамъ иностранцамъ Ретцеусу и Келикеру и доктору М. Д. Лавдовскому. Премія Ломоносова присуждена профессору О. Д. Хвольсону за труды по физикѣ. Въ заключеніе отчета отъ имени академіи выражена признательность членамъ-корреспондентамъ: Е. И. Ламанскому и А. Н. Пыпину, С. А. Ольхину и профессору Петербургскаго университета Э. Ю. Петри, за составленіе ими критическихъ разборовъ нѣкоторыхъ изъ конкурсныхъ сочиненій.

Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ Л. Н. Майковымъ. Важнѣйшими явленіями въ дѣятельности этого отдѣленія были работы по словарю русскаго языка, который вышелъ въ свѣтъ вторымъ томомъ, заключающимъ въ себѣ слова до буквы Д. Кромѣ того, отдѣленіе занималось трудами по изданію классическихъ русскихъ писателей. Годъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненій Ломоносова, издаваемыхъ подъ наблюденіемъ академика М. И. Сухомлинова. Нынѣ приводится къ окончанію печатаніе второго тома. Въ обоихъ томахъ помѣщены стихотворныя произведенія отца новой русской литературы. Исполнившееся столѣтіе со дня кончины Фонвизина подало академику Н. С. Тихонравову поводъ приготовить матеріалы для полнаго критическаго изданія сочиненій и переводовъ знаменитаго сатирика. Печатаніе этого сборника г. Тихонравовъ предложилъ отдѣленію, которое и выразило на то свое полное согласіе. Третій писатель, изданіе сочиненій котораго поставлено отдѣленіемъ на очередь, Пушкинъ. Отдѣленіе полагаетъ, что въ настоящее время, когда протежло болѣе полулѣтка со смерти великаго поэта, ходъ времени устранилъ препятствія къ печатанію всѣхъ его произведеній, и когда является возможность объяснить многое изъ его жизни, что не подлежало оглашенію, пока были живы его современники,—вступаетъ пора для тщательнаго историческаго изученія Пушкина и для приготовленія критическаго изданія его сочиненій. Въ концѣ отчета Л. Н. Майковъ упомянулъ о двухъ утратахъ, понесенныхъ академіей въ лицѣ покойныхъ писателей А. Д. Галахова и А. А. Фета.

Въ члены-корреспонденты по физико-математическому отдѣленію избраны изъ русскихъ: генералъ Алексѣй Андреевичъ Тилло въ Петербургѣ, помощникъ директора главной физической обсерваторіи Михаилъ Александровичъ Рыкачевъ 3-й. По отдѣленію русскаго языка и словесности профессоръ казанской духовной академіи Петръ Вас. Знаменскій. По историко-филологическому отдѣленію: профессоръ Петербургскаго университета Ю. Э. Янсонъ, профессоръ Московскаго университета П. Г. Виноградовъ, профессоръ Петербургскаго университета Никол. Павл. Кондаковъ.

Восьмидесятилѣтіе академика Я. К. Грота. 15-го декабря 1892 г. исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія вице-президента академіи наукъ Я. К. Грота. Этотъ чисто семейный праздникъ, собравшій вокругъ мастыстаго ученаго всю его семью и близкихъ друзей (между прочимъ, пріѣхали къ этому дню сыновья юбиляра—московскій профессоръ философіи Н. Я. Гротъ и варшавскій профессоръ славянскихъ литературъ К. Я. Гротъ), получилъ нѣкоторую окраску, благодаря многочисленнымъ привѣтствіямъ, полученнымъ Я. К. отъ различныхъ учреждений, русскихъ и иностранныхъ и отъ официально поставленныхъ лицъ. Въ 12 часовъ дня прибылъ на квартиру юбиляра августѣйшій президентъ академіи великій князь Константинъ Константиновичъ и, въ главѣ почти всѣхъ академикомъ, явившихся поздравить почтеннаго Нестора современной русской филологіи, привѣтствовалъ Я. К. отъ имени академіи. На поздравленія Я. К. отвѣтилъ краткимъ словомъ, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ, что, прослуживъ въ академіи половину жизни и отдавъ ея интересамъ почти всѣ свои силы, онъ только этимъ и заслужилъ, быть можетъ, лестное вниманіе своихъ сочленовъ; желая и прочимъ представителямъ роднаго учрежденія достигнуть столь же поздняго возраста, онъ надѣется, что они сохранятъ добрую память объ немъ, и когда его не будетъ. М. И. Сухомлиновъ замѣтилъ, что Я. К. такъ бодръ, свѣжъ и дѣятеленъ, что, не справившись съ метрическою записью, нужно вѣрить ему на слово, что онъ празднуетъ 80-лѣтіе жизни. За завтракомъ академикъ К. С. Веселовскій импровизировалъ слѣдующее привѣтствіе:

«Мудрые люди говорятъ, что всякъ человѣкъ можетъ прожить столько, сколько самъ захочетъ. Вы спросите, какое же для этого средство? Средство есть и выражается не длинно—*recte vivere*. Весь секретъ въ томъ, что нужно держаться этого средства, начиная съ той поры, когда человѣкъ страдаетъ отъ молодости лѣтъ и слабости разсудка; потомъ также строго его держаться и въ пору бѣшеныхъ страстей и бурныхъ увлеченій, а затѣмъ, можетъ быть, еще крѣпче держаться въ ту пору, о которой сложилась русская поговорка: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. *Recte vivere*, а порусски— не слишкомъ шибко гнать телегу жизни. Всѣ мы желаемъ долго жить и потому пришли поздравить васъ съ тѣмъ, чтобы вы и насъ научили *recte vivere*».

Юбилей «Недѣли». 25-го декабря чествовалось двадцатипятилѣтіе изданія газеты «Недѣля», подъ редакціей и при участіи П. А. Гайдебурова. Въ помѣщеніи редакціи собрались теперешніе и бывшіе сотрудники «Недѣли» и представители газетно-журнальнаго міра. Сотрудниками были поднесены г. Гайдебурову адресъ съ рисунками Н. Н. Каразина и серебряная чернильница. Сотрудниками было собрано на подарокъ 700 руб., и оставшіеся неизрасходованными 200 руб. слишкомъ переданы въ литературный фондъ. На адресъ юбиляра отвѣчалъ рѣчью, въ которой приписывалъ всю заслугу успѣха газеты не себѣ, а исключительно сотрудникамъ. Затѣмъ читались письма и телеграммы отъ разныхъ періодическихъ изданій и частныхъ лицъ (между прочимъ, отъ больного Н. С. Лѣскова, Л. Н. Толстого и др.). Особенно выдѣлилось письмо читателя-рабочаго, передававшего поздравленія отъ цѣлага кружка почитателей «Недѣли». Типографъ В. П. Печаткинъ заявилъ, что жертвуетъ въ литературный фондъ 500 руб. на составленіе капитала имени П. А. Гайдебурова.

Отчетъ комитета народныхъ чтеній въ Орлѣ, за пять лѣтъ (1887—1892 гг.). Народныя чтенія въ городѣ Орлѣ начались съ 1887 г., 17-го ноября составился комитетъ, выбравшій изъ своей среды лицъ, взявшихъ на себя завѣдваніе и руководство чтеніями. Городской голова предложилъ для чтеній залъ городской думы, гдѣ чтенія и производились въ теченіе пяти лѣтъ. Въ продолженіе этого времени членами комитета состояло 330 лицъ.

При организаціи чтеній матеріальныя средства комитетъ видѣлъ только въ членскихъ взносахъ (не менѣе одного рубля). Но потомъ открылись другіе источники. Чрезмѣрный наплывъ желающихъ слушать чтенія и недостатокъ помѣщенія заставили комитетъ ввести плату за входъ на чтенія (въ первый и второй годъ 5 коп.) въ аудиторію. Введеніе пяти-копеечной платы значительно сократило число слушателей. Это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой, достаточность средствъ комитета побудили отнѣяться платѣ, а потому въ третій годъ чтенія были бесплатными. Въ четвертый годъ для пополненія средствъ рѣшено выставить кружку для добровольныхъ пожертвованій въ пользу народныхъ чтеній. Въ послѣдній пятый годъ введена плата въ 2 к. Потомъ начали поступать субсидіи и частныя пожертвованія, сборы отъ спектаклей и пр.

Такимъ образомъ въ пятилѣтіе получено 1.866 рублей 53 коп.

Расходы по устройству чтеній были особенно значительны въ первый годъ, такъ какъ пришлось пріобрѣтать на наличныя деньги почти всѣ приборы и приспособленія для чтеній.

Всего израсходовано въ пять лѣтъ 1.810 рублей 25 коп. Къ концу пятаго отчетнаго года въ кассѣ комитета состояло на лицо 56 рублей 28 коп.

Дѣятельность комитета выразилась въ организаціи и производствѣ народныхъ чтеній по воскреснымъ вечерамъ (чтенія начинались обыкновенно около 5—6 час.) въ осенній и зимній сезоны.

Въ 5 лѣтъ всего въ 119 дней состоялось 235 чтеній, на каждомъ было до 195 слушателей.

† 21-го декабря, на 75-мъ году, членъ академіи наукъ, Николай Ивановичъ Кошаровъ, одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ горныхъ инженеровъ. Послѣ окончанія курса въ горномъ корпусѣ въ 1840 году, былъ назначенъ на уральскіе заводы, сопровождалъ иностранныхъ геологовъ Мурчисона и де-Вернеля по восточному краю Европейской Россіи. Путешествіе это повліяло на направленіе всей послѣдующей дѣятельности покойнаго. Въ 1842 г. Н. И. отправился за границу, на три года, для изученія геологіи и палеонтологіи; возвратившись оттуда, занималъ мѣсто репетитора въ горномъ корпусѣ и преподавателя металлургіи и горнаго искусства и читалъ лекціи по минералогіи и геогнозіи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1872 г. назначенъ директоромъ горнаго института, которымъ и состоялъ до 1881 г. Въ 1855 г. утвержденъ адъюнктомъ академіи наукъ, затѣмъ избранъ ординарнымъ академикомъ. Предметомъ, которому посвятилъ всю свою жизнь покойный, была минералогія и кристаллографія; изданныя имъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ «Матеріалы для минералогіи Россіи» (10 томовъ) поставили его въ ряды первыхъ ученыхъ Европы и снискали ему всемірную извѣстность. Сочиненіе это представляетъ первое систематическое и замѣчательно обстоятельное описаніе русскихъ минераловъ. Кромѣ того, имъ были изданы «лекціи минералогіи» и написано множество статей въ изданіяхъ академіи, минералогическаго общества, «Горномъ Журналѣ» и т. д. Онъ долгое время состоялъ директоромъ (въ послѣднее время почетнымъ) минералогическаго общества, душою котораго онъ былъ и которое ему много обязано своей успѣшной дѣятельностью. Ник. Ивановъ, занимааясь сухою наукою, не чуждъ былъ и поэзіи, но поэтическіе плоды его были предназначены для ограниченнаго кружка близкихъ лицъ. Онъ былъ боль-

шой театралъ, особенно любилъ балетъ. Своимъ мягкимъ характеромъ теплою отзывчивой душой Кокшаровъ привлекалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ его знавшихъ. Ученныя заслуги его были почтены многими учреденіями русскими и иностранными. (Онъ былъ членомъ четырехъ иностранныхъ академій, 25 ученыхъ обществъ и докторомъ четырехъ университетовъ).

† 5-го декабря, Николай Логиновичъ Ломанъ, извѣстный своею неутомимою и образцовою педагогическою дѣятельностью. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ преподавалъ русскій языкъ и словесность во второмъ и Пажескомъ корпусахъ, школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, Константиновскомъ училищѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ часы досуга онъ писалъ подъ псевдонимомъ «Гнуть» юмористическія статьи для журнала «Искра». Назначенный въ 1868 г. директоромъ петербургскаго тюремнаго комитета, Ломанъ завѣдовалъ его отдѣлами, предсѣдательствовалъ въ исполнительномъ совѣтѣ, хозяйственномъ правленіи и каждый проектъ, направленный къ улучшенію быта малолѣтнихъ арестантовъ и смягченію тяжелыхъ условий ихъ пребыванія въ заключеніи, находилъ въ лицѣ покойнаго энергичнаго защитника и покровителя.

† 29-го декабря, въ полномъ разцвѣтѣ силъ извѣстный дѣятель по сельскому хозяйству Валеріанъ Васильевичъ Черняевъ. Еще 23-го декабря онъ былъ на службѣ (въ министерствѣ государственныхъ имуществъ) совсѣмъ здоровымъ и бодрымъ. Врачи не могли сперва опредѣлить болѣзнь его, но теперь выяснилось, что онъ скончался отъ оспы. Имя В. В. Черняева на столько популярно, что о заслугахъ его въ области сельскаго хозяйства, которому онъ посвятилъ всю частную и служебную дѣятельность въ качествѣ инспектора сельскаго хозяйства и члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, нѣтъ возможности дать бѣглый отчетъ въ некрологѣ. Напомнимъ только труды покойнаго въ области сельско-хозяйственнаго машиностроенія, въ области сушки плодовъ и фруктовъ. В. В. Черняевъ не мало потрудился въ послѣднее время и въ качествѣ сельскохозяиственнаго комисара по устройству русскаго отдѣла на выставкѣ въ Чикаго. Недавно еще (19 декабря) праздновался 25-лѣтній юбилей высокополезной службы покойнаго, скончавшагося 50 съ небольшимъ лѣтъ.

† Въ селѣцѣ Шепелевѣ, Мышкинскаго уѣзда Ярославской губ., извѣстный общественный дѣятель Павелъ Павловичъ Максимовичъ. Покойный принадлежалъ къ числу личностей, неутомимо трудившихся съ пользою для общества и русскаго народа. Родился онъ въ 1817 г., образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ. По окончаніи курса въ морскихъ офицерскихъ классахъ, преобразованныхъ впослѣдствіи въ морскую академію, П. П. былъ приглашенъ преподавать теорію кораблестроенія воспитанникамъ морскаго корпуса. Педагогическая дѣятельность мало удовлетворяла покойнаго, стремившагося въ деревню съ цѣлью работать для поднятія умственнаго уровня крестьянскаго населенія. Когда былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, дворянство Кашинскаго уѣзда избрало Максимовича своимъ депутатомъ въ комитетъ, организованный для разработки этого вопроса. Въ комитетѣ П. П. примкнулъ къ партіи Унковскаго и Головачева, которые желали немедленнаго освобожденія крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ и съ обязательнымъ выкупомъ. Имѣя запасъ добытыхъ опытомъ и наблюденіемъ свѣдѣній объ экономическомъ бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ и обладая даромъ живой рѣчи, П. П. не мало способствовалъ тому, что за освобожденіе крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ высказалось большинство тверскаго комитета. Съ самыхъ первыхъ дней существованія земствъ покойный работалъ на общественномъ поприщѣ въ качествѣ сперва

гласнаго, ватѣмъ съ 1866 г. по 1877 г. члена тверской губернской земской управы. Врагъ канцелярщины, онъ отличался любовью къ труду и умѣемъ работать. Завѣдуя губернской земской больницей, П. П. слѣдилъ за всѣми подробностями хозяйства въ ней и, руководя дѣломъ народнаго продовольствія въ неурожайные годы, принималъ самое живое участіе въ трудахъ комисіи, изслѣдовавшей селенія, особенно пострадавшія отъ неурожая. По народному образованію покойный трудился съ неутомимой энергіей и возбуждалъ еще въ 1869 г. въ тверскомъ губернскомъ собраніи вопросъ о необходимости организовать изданіе дешевыхъ книгъ для народнаго чтенія и приготовить достаточное число учительницъ для распространенія начальнаго образованія, по возможности, въ каждомъ селеніи. Въ 1870 г. онъ учредилъ на собственные средства женскую школу для приготовленія учительницъ, которой присвоено названіе ея основателя, Максимовича.

† Въ Таганрогѣ 21-го декабря 64 лѣтъ Робертъ Васильевичъ Орбинскій бывшій профессоръ Новороссійскаго университета и директоръ Одесскаго коммерческаго училища, управлявшій имъ со времени его основанія въ 1862 г. до 1879 г. и сдѣлавшій его образцовымъ заведеніемъ во всей Россіи. Онъ родился въ Финляндіи въ 1828 г., получилъ образованіе въ главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1851 году съ медалью, по окончаніи курса былъ назначенъ адъюнктомъ Ришельевскаго лицея по кафедрѣ педагогики, причемъ преподавалъ въ лицейской гимназіи русскую словесность и географію; оставилъ гимназію въ 1862 г. Съ преобразованиемъ лицея въ университетъ, Орбинскій занялъ въ немъ кафедру философіи и читалъ лекціи до 1876 г., когда, выслуживъ 25 лѣтъ, вышелъ изъ профессоръ и остался директоромъ въ коммерческомъ училищѣ. Въ 1879 г. онъ вынужденъ былъ поступить на службу въ министерство финансовъ, которое командировало его въ Соединенные Штаты для изученія ихъ хлѣбной торговли, результатомъ чего былъ обстоятельный трудъ его по этому вопросу. По возвращеніи изъ Америки, Орбинскій оставилъ вовсе государственную службу и поселился въ Одессѣ. По приглашенію бывшаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, онъ составилъ нѣсколько записокъ о хлѣбной торговлѣ въ русскихъ и иностранныхъ портахъ, объ элеваторахъ и по вопросамъ, касающимся торговли и промышленности Новороссійскаго края. Даръ популяризаціи Орбинскій имѣлъ такой, что самыя трудныя тезисы философіи Канта и др. были ясны и понятны студентамъ въ его изложеніи. Лекторскія способности его привлекали къ нему весь университетъ. Въ то же время онъ былъ директоромъ коммерческаго училища, председателемъ попечительнаго совѣта городскихъ женскихъ гимназій, секретаремъ Одесскаго биржевого комитета и комитета торговли и мануфактуръ и постояннымъ авторитетнымъ экспертомъ въ вопросахъ, касающихся торговли не только Одессы, но и всего государства. Дома онъ занимался пѣководствомъ и химическими опытами, много читалъ, его спеціальностью была классическая филологія. Но такая обширная и разнообразная дѣятельность не дала ему возможности сосредоточиться и создать что нибудь капитальное въ какой либо научной области, хотя онъ напечаталъ много статей, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ и газетамъ 50-хъ и 60-хъ годовъ. Болѣе извѣстные его печатные труды: «О значеніи филологіи и естественныхъ наукъ въ историческомъ образованіи» (Журн. М. Н. Пр., ч. LXXV, II), «Еврипидъ и его значеніе въ исторіи греческой трагедіи» (ibid., ч. LXXIX, II), «О слѣдахъ славянства въ языкѣ новогрековъ» (ibid., ч. LXXXII, II), «Византійскія женщины» («Южн. Собр.» Максимова), «О народности нынѣшнихъ обитателей Грціи» (Русск. Сл., 1859 г.) и др.

† 11-го января инженеръ-генералъ Эдуардъ Ивановичъ Тило, справедливо пользовавшійся извѣстностью знатока инженернаго и желѣзнодорожнаго

дѣла. Онъ родился въ 1820 г., получилъ образование въ военномъ инженерномъ училищѣ и одновременно съ знаменитымъ Тотлебенемъ выпущенъ изъ училища, въ 1838 г., прапорщикомъ въ инженерныя войска. Выдающіея способности въ связи съ рѣдкой энергіей скоро обратили вниманіе начальства на молодого офицера и выдвинули его изъ среды товарищей. Изъ многочисленныхъ техническихъ сооруженій, исполненіе которыхъ было возложено на Э. И., въ первые годы его службы, можно указать на возведенныя имъ въ кампанію 1853—1856 годовъ укрѣпленія на Лисьемъ Носу, для защиты Петербурга и Кронштадта отъ непріятельскаго флота. Въ 1862 г. Э. И. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и затѣмъ назначенъ начальникомъ инженеровъ петербургскаго военного округа. Прослужа около трехъ лѣтъ въ этомъ отвѣтственномъ званіи, Э. И. былъ приглашенъ Тотлебенемъ занять постъ его помощника по завѣдыванію главнымъ инженернымъ управленіемъ, а въ 1878 г., по предложенію великаго князя Константина Николаевича, перешелъ на службу въ морское вѣдомство, въ качествѣ предсѣдателя технического комитета. Это назначеніе дало Э. И. возможность самостоятельно проявить свои обширныя познанія, практическую опытность и административныя способности. Благодаря его заботамъ и руководству, былъ, можно сказать, созданъ корпусъ инженеровъ морской строительной части, получившій исключительную военную организацію, и произведены сложныя и во многихъ отношеніяхъ выдающіяся работы по расширенію портовыхъ учреждений въ Балтійскомъ морѣ, Восточномъ океанѣ и, особенно, при устройствѣ новаго Севастопольскаго порта. Послѣ пятидесятилѣтней, безупречной и въ высшей степени полезной службы, Э. И., за полгода до того произведенный въ инженеръ-генералы, въ маѣ 1889 года, вышелъ въ отставку и съ того времени посвятилъ себя исключительно желѣзнодорожному дѣлу, сдѣлавшись членомъ совѣта главнаго общества российскихъ желѣзныхъ дорогъ и принимая близкое и дѣятельное участіе въ разрѣшеніи всѣхъ техническихъ вопросовъ, возникавшихъ въ обществѣ. Кромѣ того, Э. И. состоялъ дѣятельнымъ членомъ императорскаго технического общества съ первыхъ лѣтъ его основанія и нѣкоторое время занималъ должность товарища предсѣдателя Общества. Послѣднимъ трудомъ его было составленіе, по порученію императорскаго географическаго общества, проекта огражденія Петербурга отъ наводненій. Э. И. сошелъ въ могилу оставивъ по себѣ добрую и благодарную память, и какъ общественный дѣятель, и какъ примѣрный семьянинъ.

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Нѣсколько словъ о разказахъ изъ жизни высокопреосвященнаго архіепископа Никанора.

Въ двѣнадцатой книгѣ «Историческаго Вѣстника» за минувшій годъ помѣщена статья «Нѣкоторыя черты изъ жизни высокопреосвященнаго Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго». Статью подписалъ г. Θ—въ. Она состоитъ изъ краткаго предисловія и пяти «главъ», вѣрнѣе пяти анекдотовъ, касающихся покойнаго архіепископа. Авторъ выдаетъ эти анекдоты за дѣйствительные факты изъ жизни высокопреосвященнаго и приписываетъ имъ историческую цѣнность. Сообщаемые имъ факты будто бы вѣрно воспроизводятъ характеръ архіепископа Никанора и важны для его будущихъ

біографовъ. Авторъ не стѣсняется также сказать, что своими анекдотами онъ защищаетъ память покойнаго отъ многочисленныхъ явныхъ и тайныхъ его недоброжелателей и выставляетъ себя благожелателемъ памяти архіепископа Никанора.

Мы не беремъ на себя роли защитника памяти высокопреосвященнаго Никанора противъ этого доброжелательнаго апологета. Защищать чью либо память нѣсколькими анекдотами дѣло на нашъ взглядъ невозможное. А дѣло защиты такого дѣятеля, такого человѣка во всѣхъ отношеніяхъ крупнаго, рѣдкаго, своеобразнаго и талантливаго, какимъ былъ архіепископъ херсонскій и одесскій Никаноръ, неминуемо заведетъ слишкомъ далеко, и потому въ предѣлахъ обыкновенной замѣтки мы позволяемъ себѣ только провѣрить анекдоты г. Θ —ва, имѣющіе, по его словамъ, «историческую цѣнность» и «біографическій» интересъ.

Первая глава статьи г. Θ —ва содержитъ анекдотъ о поросенкѣ. Въ городѣ N., на званомъ обѣдѣ у высшаго администратора, къ высокопреосвященному Никанору обращается адъютантъ и словами Христа — «примите, ядите», предлагаетъ ему блюдо съ поросенкомъ. Архіепископъ три раза проситъ адъютанта «продолжайте», доводитъ его до слезъ и дѣлаетъ приличное случаю внушеніе.

Анекдотъ любопытный и интересный!

Жаль только, что авторъ напрасно трудился, сообщая читателю, будто подобное приключеніе имѣло мѣсто въ жизни высокопреосвященнаго Никанора. Если онъ относитъ свой случай ко времени управленія покойнымъ владыкой Херсонской епархіей, то мы смѣемъ его увѣрить, что ничего подобнаго здѣсь не было. Еще живы тѣ лица, которыя вмѣстѣ съ владыкой присутствовали на всѣхъ подобнаго рода торжествахъ и обѣдахъ. Такихъ званыхъ обѣдовъ было не много, и всѣ они намъ извѣстны наперечетъ. Въ первый годъ своего пребыванія на Одесской кафедрѣ, высокопреосвященный посѣтилъ Херсонъ и присутствовалъ здѣсь на обѣдѣ, данномъ ему администраціей города. Очевидцы и участники этого обѣда, когда мы спрашивали ихъ, не было ли въ Херсонѣ чего нибудь хотя напоминающаго анекдотъ г. Θ —ва, рѣшительно назвали этотъ анекдотъ выдумкой. На Николаевскихъ торжествахъ высокопреосвященный Никаноръ присутствовалъ три раза: въ 1884, 1886 и 1890 гг. Были и здѣсь званые обѣды, напримѣръ, въ 1884 г. у главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ А. А. П—ва, но въ присутствіи высочайшихъ особъ. Конечно и предполагать нельзя, будто на такихъ обѣдахъ случаются инциденты вродѣ разсказаннаго г. Θ —вымъ. Въ 1890 г. высокопреосвященный былъ приглашенъ въ Николаевъ на юбилей города, освящалъ броненосецъ, нашель въ себѣ силы сказать одну изъ лучшихъ своихъ проповѣдей, но отъ званнаго обѣда за болѣзнь отказался. Припоминаемъ еще одинъ обѣдъ въ г. Елисаветградѣ въ 1884 году. Владыка освящалъ церковь въ Елисаветградскомъ духовномъ училищѣ. Послѣ богослуженія онъ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ ему духовенствомъ. Отъ участниковъ этого обѣда мы знаемъ, что въ числѣ блюдъ не было поросенка. Впрочемъ и не удивительно. На какихъ же званыхъ обѣдахъ подають поросятъ? Вообще, надо сказать, высокопреосвященный Никаноръ не былъ поклонникомъ званыхъ обѣдовъ, не любилъ ихъ и говаривалъ: «пріѣхалъ не гостить, а дѣло дѣлать». На всѣхъ торжествахъ, сопровождавшихся обѣдами зваными, владыка имѣлъ спутника, ключаря

Одесскаго собора, протоіерея Г. Я. С—го. Этотъ живой свидѣтель, безъ преувеличенія, каждаго шага высокопреосвященнаго Никанора за время его управленія Херсонской епархіей рѣшительно настаиваетъ, что случая, подобнаго разсказанному г. Ө—вымъ, въ предѣлахъ Херсонской епархіи не было.

Конечно, г. Ө—ву ничто не помѣшаетъ сказать: «Мой городъ N. вовсе не Херсонской епархіи. Мой анекдотъ былъ раньше 1883 года». Въ такомъ случаѣ считаемъ долгомъ напомнить ему о болѣе раннемъ, — чѣмъ онъ думаетъ, — происхожденіи его анекдота. Въ старые годы буквально тотъ же самый случай, что и у него въ «чертахъ изъ жизни архіепископа Никанора», разскаивался о преосвященномъ Смарагдѣ. Въ одномъ изъ свѣтскихъ журналовъ 60-хъ годовъ этотъ инцидентъ даже напечатанъ. И тенденція въ томъ стародавнемъ анекдотѣ была болѣе выдержана, чѣмъ въ подновленномъ «случаѣ изъ жизни архіепископа Никанора», сообщаемомъ г. Ө—вымъ. Не недоучка адъютантъ вздумалъ будто бы поглумиться надъ архіеремъ, а богатый помѣщикъ изъ полякующихъ, принявшій у себя преосвященнаго, когда тотъ ревизовалъ епархію.

Полный просторъ своей фантазіи даетъ г. Ө—въ въ анекдотѣ о любителяхъ карточной игры изъ О—аго «клира», накрытыхъ преосвященнымъ Никаноромъ.

Прежде всего нѣсколько словъ для характеристики того, какъ г. Ө—въ хорошо знаетъ, о чемъ пишетъ. По его подлинному выраженію, 7-го января архіерейская служба при архіепископѣ Никанорѣ бывала (всегда) въ соборѣ. «Мѣстный клиръ» получаетъ приглашеніе на обѣдъ въ соборѣ. Изъ собора «клиръ» идетъ въ архіерейскій домъ съ тревогой, раздумываетъ, какой-такой сюрпризъ готовить грозный архіерей.

На дѣлѣ, за семь лѣтъ, которыя высокопреосвященный Никаноръ прожилъ въ О., то-есть Одессѣ, 7-го января служба архіерейская совершалась шесть разъ (въ первый годъ, 1884-й, службы вовсе не было) и неизмѣнно въ крестовой церкви, при архіерейскомъ домѣ. Послѣ литургіи владыка служилъ панихиду о своихъ сродникахъ. День этотъ въ росписаніи службъ не упоминался, и «мѣстный клиръ» въ сослуженіи архіереемъ не участвовалъ. Во всѣ годы 7-го января съ высокопреосвященнымъ Никаноромъ служили исключительно ключарь кафедральнаго собора, вышеупомянутый протоіерей С—ій, и крестовая братія—монахи. Далѣе, «мѣстный клиръ», что бы подыимъ г. Ө—въ ни разумѣлъ—духовенство ли только собора, духовенство ли города, или нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства, занимавшихъ высшія мѣста, «мѣстный клиръ» никогда въ соборѣ приглашеній на обѣды не получалъ. Высокопреосвященный Никаноръ приглашалъ одесское духовенство или у себя, на дому, или присылалъ приглашительныя карточки. Исключеніе изъ этого правила, правда, было, но совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ полагаетъ г. Ө—въ. Послѣ всякой обѣдни и всенощной, которую владыка совершалъ въ крестовой церкви, онъ приглашалъ къ себѣ сослужащихъ на чай. Конечно, чай и званый обѣдъ не одно и то же. Съ другой стороны, и «мѣстный клиръ» въ такихъ случаяхъ былъ крайне ограниченъ—человѣка три-четыре, и идти ему изъ собора въ архіерейскій домъ не представлялось ни малѣйшей надобности. Наконецъ, напрасно г. Ө—въ воображаетъ, что приглашенія были внезапны, неожиданны. Внезапно владыка приглашалъ не на обѣды, а по дѣлу, хотя и это не было общимъ явленіемъ. Удивляться при-

глашенію на обѣдъ не было ни малѣйшей причины. Обѣды высокопреосвященный у себя для духовенства устраивалъ часто. Особенно часто бывали такіе обѣды на рождественскихъ праздникахъ, хотя на второй день Богоявленія у него никогда духовенство не обѣдало. Бояться и раздумывать, что значить приглашеніе на обѣдъ?! Едва ли кто боялся этихъ обѣдовъ. Высокопреосвященнаго Никанора всѣ считали, да онъ и былъ таковъ, человѣкомъ хлѣбосольнымъ. Обѣды у него были самыя оживленныя, веселыя. И стѣснятъ другихъ на своихъ обѣдахъ онъ не любилъ, какъ и самъ не стѣснялся. Выходить, что вся обстановка, представленная г. Θ—мъ, выдуманая, и въ ней нѣтъ и доли правды.

Теперь самый фактъ травли «мѣстнаго клира» послѣ обѣда. Судя по описанію г. Θ—ва всей этой комедіи съ О—мъ «клиромъ», онъ какъ будто бы самъ присутствовалъ въ архіерейской гостинной, сидѣлъ въ числѣ завязатыхъ игроковъ, видѣлъ, слышалъ, трепеталъ. Прежде всего, какіе это ломберные столы ему видѣлись? Въ О—мъ архіерейскомъ домѣ не было и поныи нѣтъ ломберныхъ столовъ; не значатся они и въ описяхъ казеннаго имущества архіерейскаго дома. Надо полагать, они специально были взяты гдѣ нибудь на этотъ разъ, чтобъ г. Θ—ну впослѣдствіи можно было придать своему анекдоту совершенно приличную обстановку. Удивительно наивный, чтобъ не сказать болѣе, «клиръ» пришлось г. Θ—ну на этомъ званомъ обѣдѣ встрѣтить. Идетъ этотъ «клиръ» на обѣдъ, трясется отъ страха, раздумываетъ, какой-токой сюрпризъ готовить грозный архіерей; во время обѣда, вѣроятно, ждетъ сюрприза съ минуты на минуту, конечно, опасается, какъ бы не попасть въ бѣду, и вдругъ: ломберные столы раскрыты, страха-трепета какъ не бывало, карты въ руки, и игроки входятъ въ азартъ. Вѣдь не дѣти же, дѣйствительно, сидѣли за архіерейскимъ столомъ, а почтенные, быть можетъ, и сѣдовласые люди, притомъ къ неожиданному сюрпризу все время готовившіеся... А главное, какъ все это приключеніе хорошо вяжется съ собственнымъ отзывомъ автора о высокопреосвященномъ Никанорѣ! Характеръ былъ прямой, откровенный, рѣзкій... Гдѣ же здѣсь эта хвалимая прямота?

Однако, скажутъ, вѣдь была же какая нибудь подкладка у г. Θ—ва? Не могъ же онъ сочинить идею этого анекдота?! И не думаемъ, и не желаемъ оспаривать у г. Θ—ва его авторскаго права. Подкладка была. Мы знаемъ, что высокопреосвященный Никаноръ получалъ очень много анонимныхъ писемъ, о которыхъ по своей откровенности самъ не неоднократно рассказывалъ, а иные и читать давалъ. Въ началѣ его управленія Херсонской епархіей было получено имъ письмо о трехъ духовныхъ лицахъ, будто бы страстныхъ любителей карточной игры. Но такъ какъ въ числѣ этихъ любителей были указаны двое такихъ, которые едва ли умѣли и карты, какъ слѣдуетъ, въ рукахъ держать, то владыка самъ скоро убѣдился въ лживости этого сообщенія, о чемъ и рассказалъ одному изъ названныхъ въ анонимѣ лицъ. Нѣкоторое время ходилъ, впрочемъ, по городу О. и слухъ о томъ, что однажды вечеромъ высокопреосвященный пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ духовенства на чай, а послѣ чая предложилъ поиграть въ карты; но когда этотъ слухъ рассказали владыкѣ, онъ отъ души смѣялся надъ такой во всякомъ случаѣ острой выдумкой. А выдуманъ этотъ слухъ и пущенъ въ обращеніе, вѣроятно, тѣмъ же, кто и анонимный доносъ писалъ.

Наибольшей, повидимому, естественностью отличается рассказъ г. Θ—ва

о священникѣ села Д., заболѣвшемъ послѣ внезапнаго визита высокопреосвященнаго Никанора. Подобныхъ разсказовъ объ архіереяхъ ходитъ много. Въ разсказѣ г. Θ—ва мы отмѣтимъ только такія детали, которыя обращаютъ его «исторической цѣнности» случай въ легенду, для біографіи высокопреосвященнаго Никанора не имѣющую ни малѣйшей цѣнности.

Заранѣ составленнаго маршрута архіепископъ Никаноръ при ревизіи епархіи никогда не измѣнялъ. Приѣздъ его неожиданнымъ не могъ быть, такъ какъ впереди его ѣхали всегда благочинный и становой приставъ. Во время ревизіи, вечеромъ, ежедневно, подъ диктантъ владыки, секретарь записывалъ всѣ приключенія дня, все, что видѣли, что слышали, что говорили. Иногда эту подробную запись владыка велъ самъ лично. Эти записи, хотя и не всѣ цѣликомъ, печатались въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», но всѣ съ пути присылались въ консисторію. Мы имѣли возможность читать всѣ эти листы, но ни въ одномъ не нашли описаннаго г. Θ—ымъ случая. А судя по характеру его, онъ долженъ былъ бы войти въ дневники обзорной. Если, наконецъ, какіе нибудь курьезы и не были записаны, то мы знаемъ ихъ отъ сопровождавшихъ владыку лицъ. Но о такомъ курьезѣ со священникомъ, служившимъ вечерню, мы никогда не слышали. И не естественно! Отъ испуга молчать, а не дерзости говорить архіерею. Не соображенъ съ характеромъ высокопреосвященнаго Никанора и конецъ этой трагикомедіи. Покойный архіепископъ не любилъ бросать дѣло, разъ его началъ. Что бы ни встрѣчалъ при ревизіи, онъ уѣзжалъ изъ села тогда только, когда все самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣлъ, изучилъ, со всѣмъ и со всѣми ознакомился. Какъ онъ поступалъ въ случаяхъ, аналогичныхъ разсказанному г. Θ—мъ (священникъ отъ страха заболѣлъ), можетъ показать слѣдующая быль. Въ одномъ изъ селъ епархіи священникъ, принимавшій ревизовавшаго архіепископа, заболѣлъ на его глазахъ. Въ жаркой солнечный день онъ долго стоялъ на сквознякахъ, ходилъ съ открытой головой подъ палящими лучами солнца, переутомился, отъ нервнаго напряженія не выдержалъ и упалъ въ обморокъ. Высокопреосвященный Никаноръ лично помогаль перенести священника въ домъ, самъ ухаживалъ за нимъ, пока больной не пришелъ въ себя, и только тогда оставилъ село, когда священникъ былъ на ногахъ, совершенно здоровъ. Быль эту можно было бы подтвердить документально.

Последній, пятый, анекдотъ г. Θ—ва—извращенный фактъ. На дѣлѣ произошло слѣдующее.

Въ бѣдной части города О. была открыта дешевая столовая для бѣдныхъ. Въ открытіи столовой принималъ дѣятельное участіе высшій администраторъ, который даже пожертвовалъ на это дѣло значительную сумму. Въ качествѣ гостя былъ приглашенъ къ открытію столовой и высокопреосвященный Никаноръ. Случилось это въ началѣ Филиппова поста. Освященіе совершалъ мѣстный священникъ Л—ій, теперь уже умершій. По окончаніи освященія всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и архіерей, были приглашены въ столовую, гдѣ для бѣдныхъ приготовили обѣдъ. Когда этотъ администраторъ (кстати сказать, лютеранинъ) просилъ высокопреосвященнаго благословить столъ, приготовленный для бѣдныхъ, владыка замѣтилъ, что пища была скоромная. Понятно, онъ отказался благословить и не постѣснился сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ вредно отзывается на религиозно-нравственныхъ представленіяхъ простаго народа несоблюденіе церковныхъ

уставовъ въ высшихъ кругахъ. А администраторъ, выслушавъ рѣчь архіепископа, съ своей стороны тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе одному изъ распорядителей этой столовой (тоже важному лицу, но православнаго исповѣданія), какъ неумѣстно было нарушать православный обычай. «Мы, какъ лютеранину, это извинительно; а вы—православный и не знали, что дѣлали».

Надѣмся, что наша замѣтка вполне выясняетъ историческую цѣнность анекдотовъ о преосвященномъ Никанорѣ, сообщенныхъ г. Θ—мъ. Они не только не воспроизводятъ какой либо вѣрной черты его характера, но напротивъ совершенно его искажаютъ.

С. П.

ДОЧЬ НАРОДА

(La tribuna)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА

ЭМИЛИИ ПАРДО-БАЗАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИСПАНСКАГО Е. I. УМАНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

I.

СВѢТАЛО. Первые лучи утренней зари едва освѣтили улицу Кастро, когда сеньоръ Розендо, извѣстный вафельщикъ въ Маринедѣ, открылъ настежь дверь своей бѣдной квартиры, въ нижнемъ этажѣ. Онъ посмотрѣлъ на блѣднѣющее небо и, вернувшись въ кухню, зажегъ маленькую лампочку и привѣсилъ ее около печки. Принесъ изъ сѣней охапку сосновыхъ дровъ и, артистически уложивъ ихъ пирамидой на очагѣ, сталъ щипать лучину. Затѣмъ онъ взялъ большой горшокъ, всыпалъ въ него муки, сахару, корицы, подлилъ воды и положилъ нѣсколько яицъ. Кончивъ эти приготовления, онъ вздрогнулъ отъ холоду, такъ какъ дверь оставалась открытой.

Въ это время изъ спальни, помѣщавшейся рядомъ, вышла дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ растрепанными волосами и заспаннымъ лицомъ. На ней была непромокаемая юбка и тиковая безрукавка. Дѣвочка не взглянула на сеньора Розендо и не поздоровалась съ нимъ. Вся коченѣя отъ холода, она опустилась на ближайшій стулъ и въ то время, какъ вафельщикъ зажегъ спичку и поднесъ ее къ щепкамъ, она начала взбивать заячьей лапкой тѣсто.

Сеньоръ Розендо, сѣвъ на свой высокій табуретъ передъ печкой и сунувъ въ огонь нѣсколько вафельницъ, приваялся за дѣло. Съ правой стороны отъ него стоялъ горшокъ съ тѣстомъ, которое онъ бралъ ложкой и наливалъ въ раскаленные формы. Когда одна сторона вафли подрумянивалась, онъ большимъ пальцемъ переворачивалъ ее на другую, и эта операція повторялась такъ часто, что его палецъ почернѣлъ отъ огня, потерялъ свою форму и былъ безъ ногтя.

Румяныя и горячія вафли падали на колѣни дѣвочки; она собирала ихъ на длинную спицу и симметрически укладывала въ жестяной ящикъ. Все это производилось молча, слышно было только,

какъ трещали дрова, скрипѣли вафельныя доски и шипѣло тѣсто, попадая на раскаленные доски. Свѣтъ лампы и яркій огонь печки освѣщали всѣ углы; температура кухни дѣлалась все выше и выше и достигла такихъ размѣровъ, что сеньоръ Розендо скинулъ съ себя кожаную куртку и разстегнулъ воротъ рубашки, а дѣвочка откинула назадъ спускавшіеся ей на лице кудрявые волосы.

Между тѣмъ солнце, пробившись сквозь облака, засматривало въ мутное и зеленоватое окно кухни. Улица просыпалась отъ сна; появились женщины съ ведрами и корзинками; однѣ шли за водой, другія на ближайшій рынокъ за провизіей, послышался дѣтскій плачь, лай собакъ, невдалекѣ громко кудахтала курица, а канарейка въ сосѣдней цирюльнѣ такъ и заливалась.

Время отъ времени дочь вафельщика бросала любопытный взглядъ на улицу. О, если бы она могла встать съ своего мѣста и выскочить за дверь! Скоро уже девять часовъ и изъ шести тысячъ вафель, укладываемыхся въ жестяной ящикъ, были готовы только съ небольшимъ четыре тысячи. Лѣнь овладѣла дѣвочкой. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она неохотно помогаетъ отцу. Прежде она больше старалась.

Тотъ, кто взглянулъ бы на эти легкія, румяныя вафли, не въ силахъ былъ бы себѣ представить, что онѣ требуютъ такого труда. Всякая тяжелая работа сноснѣе, чѣмъ поминутно открывать и закрывать вафельныя доски, которыя, кромѣ того, жгутъ пальцы, всю руку и страшно утомляютъ шейные мускулы человѣка. Отъ постоянного глядѣнія въ огонь портится зрѣніе, вѣчно согнутая спина страшно болитъ. И ни одного дня отдыха! Вафли нельзя сдѣлать накануне, онѣ должны быть свѣжи, такъ какъ предназначаются для хорошей публики. Малѣйшая сырость размягчаетъ ихъ. Утро и часть ночи проходятъ въ приготовленіи ихъ, а весь день и вечеръ въ разноскѣ по городу.

Весною, въ хорошую погоду, также нельзя отдохнуть, потому что на гуляньяхъ и въ кафе требуется двойная порція вафель. Сеньоръ Розендо былъ вполне мастеромъ своего дѣла, тѣмъ болѣе, что занимался имъ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ пекъ шоколадныя вафли, лимонныя, для мороженаго, для чаю, и если не дѣлалъ облакокъ для церкви, то только потому, что у него не было формы съ крестомъ. Словомъ вафли его были превосходны, и онъ самъ зналъ это, такъ какъ на деньги, получаемыя съ нихъ, содержалъ семью.

До девяти часовъ, когда уже около пяти тысячъ вафель лежало въ ящикѣ, отецъ и дочь не перекинулись ни однимъ словомъ. Дымъ и чадъ стояли въ кухнѣ. Дѣвочка задышалась отъ жару, а старикъ, прерывая на минуту работу, махалъ въ воздухѣ уставшей рукой. Наконецъ дѣвочка произнесла:

— Я хочу ѣсть.

Отец обернулся и выразительнымъ движеніемъ указаль ей на шкафъ. Она взяла оттуда большой кусокъ хлѣба и съ жадностью вонзила въ него свои бѣлые зубы. Она еще подбирала крошки, упавшія ей на платье, когда въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ и зѣвота, характеристическіе признаки просыпающагося человѣка, и деспотическій голосъ закричалъ:

— Ампаро!

Дѣвочка вскочила и побѣжала на зовъ.

— Обопритесь на меня... послышался изъ спальни ея голосъ, Сильнѣе обопритесь на меня... подождите, я вамъ поправлю перину.

И при этомъ послышался шелестъ соломы. Повелительный голосъ снова произнесъ что-то, а дѣтскій отвѣчалъ ему:

— Я сію минуточку сварю вамъ... Гдѣ у васъ сахаръ?

И, отвѣчая на какія-то обидныя слова, дѣвочка закричала:

— И вы думаете, что это я!.. Да если бы это было золото, то я не тронула бы! Вы сами его спрятали... вонъ онъ подъ подушкой, видите...

Когда она вошла въ кухню, въ ея рукахъ была кастрюлька съ тертымъ шоколадомъ. Она насыпала сахару, подлила молока и, быстро вскипятивъ въ ярко пылавшей печкѣ, вылила въ чашку и понесла ее въ комнату. На днѣ кастрюльки оставалось еще около чашки шоколада. Вафельщикъ взялъ его и выпилъ прямо изъ кастрюльки. Затѣмъ онъ вытеръ свой потный лобъ рукавомъ рубашки и вошелъ въ спальную; здѣсь онъ одѣлся, перекинулъ черезъ плечо на ремнѣ жестяной ящикъ съ своимъ товаромъ и вышелъ на улицу.

Ампаро, закидавъ пепломъ пламя, положила въ горшокъ овощей, картофелю, небольшой кусокъ мяса и приготовила супъ. Когда все было сдѣлано, она вошла въ крошечную комнатку, предназначенную для нея одной, надѣла башмаки, такъ какъ до сихъ поръ она была босая, почистила свое платье, вытерла себѣ глаза и ротъ мокрымъ полотенцемъ (дальше не шло ея умываніе), обломкомъ гребешка привела въ порядокъ свои растрепанные кудрявые волосы и надѣла на голову ситцевый платокъ. Сдѣлавъ все это, она вошла въ спальню. На кровати лежала пожилая женщина съ маленькими глазами, низкимъ лбомъ и лицомъ, изрытымъ оспой. Увидя дѣвочку одѣтой, она возмутилась. Куда это собралась эта бездѣльница?

— Въ церковь, сеньора, сегодня воскресенье... Я вѣдь всегда рано возвращаюсь домой. Супъ готовъ и стоитъ въ печкѣ... А теперь, до свиданія!

И она съ торжествомъ выскочила на улицу.

II.

Три года тому назадъ мать Ампаро была совершенно здорова и работала на табачной фабрикѣ Маринеды. Разъ, въ поздній зимній вечеръ ей пришлось стирать бѣлье въ городской прачешной; она вспотѣла, вернулась домой налегкѣ, захворала и вскорѣ ее разбилъ параличъ.

Семьѣ пришлось существовать на заработокъ сеньора Розендо и на маленькую пенсію, которую выдавала его женѣ табачная фабрика. А дѣвочка росла, просила ѣсть, изнашивала башмаки и платье; некому было научить ее даже зашить себѣ дыру на бѣльѣ. Когда отецъ былъ дома, онъ занимался приготовленіемъ вафель, а затѣмъ уходилъ продавать ихъ. Оставшись одна, Ампаро ни минутки ни могла усидѣть на мѣстѣ. Улица была ея раемъ. Она засматривалась на людей и съ восторгомъ слушала военную музыку, наполнявшую энтузіазмомъ ея душу. Цѣлый день она, безъ всякой цѣли, бѣгала по городу и возвращалась домой, измазанная, оборванная, растрепанная, но пышущая здоровьемъ. Послѣ выговоровъ матери она начинала подметать комнату, варила супъ, носила воду, но затѣмъ снова исчезала и бѣгала по улицамъ и переулкамъ.

Работа ея матери на фабрикѣ немало способствовала къ развитію въ дѣвчкѣ этихъ привычекъ. Какъ только уходилъ ея отецъ, ей дѣлалось душно въ четырехъ стѣнахъ, и она не находила ихъ достаточно красивыми, чтобы любоваться ими цѣлый день. Кухня была полутемная, а спальня хоть и была свѣтла, но дѣвочка находила ее скучной; постель была въ беспорядкѣ, такъ какъ мать, уходя рано на работу, не имѣла времени ее оправить, одѣяла были грязны, словомъ въ комнатѣ не было ничего привлекательнаго. Днем Ампаро носила матери на фабрику завтракъ и обѣдъ, но вмѣсто того, чтобы вернуться домой, до поздняго вечера заигрывалась на улицѣ съ подругами.

Когда мать заболѣла, она начала приучать дѣвочку къ работѣ, но было уже поздно. Дикое деревцо не поддавалось. Въ раннемъ дѣтствѣ, когда семья еще жила хорошо, Ампаро ходила въ школу. Но вскорѣ роднымъ надоѣло посылать ее туда, гдѣ учатъ только читать и писать. Ампаро почти не умѣла держать иголку въ рукахъ. Тогда у матери зародилась надежда помѣстить ее на табачную фабрику.

— Пусть работаетъ, какъ я работала, — говорила она и при этомъ со вздохомъ вспоминала тридцать лѣтъ упорнаго труда. Теперь ея наболѣвшимъ костямъ пріятно было нѣжиться въ теплой постели, на которой другіе должны были ее перевертывать. — Пусть попоѣтъ! — съ эгоизмомъ стараго и больного человѣка говаривала

она. — По крайней мѣрѣ, теперь она не будетъ страдать ни отъ холода, ни отъ жара. Надо мыть бѣлье? Ну, такъ что же, она сотни разъ мыла его въ своей жизни и дорого поплатилась за это. Надо подмести полъ? Пусть его подметають, для нея лично рѣшительно все равно, если онъ останется и не метенымъ... Она всю свою молодость провела въ тяжелой работѣ, и вотъ въ награду за это она лежитъ теперь разбитая параличемъ.

— Ахъ! мы не знаемъ цѣну здоровья до тѣхъ поръ, пока не потеряемъ его!—воскликнула она, мучимая сильными приступами ревматизма.

Иногда нетерпѣливая и раздражительная, какъ всякій больной, она говорила своей дочери:

— Уйди отсюда! Меня раздражаетъ смотрѣть на тебя; въ твои годы я не бѣгала по улицамъ, какъ шальная, а въ четверть часа убирала весь домъ.

Единственнымъ ея удовольствіемъ было потолковать со своими старыми товарками по фабрикѣ. Она рада была, когда ктонибудь изъ сосѣдокъ зайдетъ къ ней, и между другими отдавала предпочтеніе акушеркѣ Пепѣ, по прованію Поррета (свинья). Это была женщина колоссальнаго роста и колоссальной же толщины, какъ говорится: «поперекъ себя шире». Ея широкое лице съ большими глазами было всегда блѣдно. Она носила мужскіе сапоги и на мизинцѣ мѣдное, также мужское, кольцо.

Она подходила къ кровати больной, взбивала ей подушки, поправляла одѣяло и затѣмъ, поддерживая снизу руками свой огромный животъ, садилась на стулъ и грубымъ голосомъ начинала рассказывать разныя сплетни и скабрезныя подробности своей профессіи. Пошептавшись немного, она вынимала изъ-подъ большого платка, надѣтаго на ней, бутылку водки и предлагала рюмочку своей собесѣдницѣ, «для того, чтобы залить горе жизни», какъ говорила она.

Сеньору Розендо это очень не нравилось; когда жена его работала на фабрикѣ, она ничего не пила, кромѣ простой воды. Для бывшей папиросницы дружба съ Пепой была большимъ удовольствіемъ; эта, по крайней мѣрѣ, хоть много болтала, между тѣмъ какъ отъ мужа слова не добьешься. Когда онъ возвращался вечеромъ и ставилъ въ уголь комнаты свой жестяной ящикъ, разговоръ между мужемъ и женой всегда былъ одинъ и тотъ же:

— Ну, что?—спрашивала больная.

И сеньоръ Розендо отвѣчалъ ей одною изъ этихъ трехъ фразъ:

— Такъ себѣ.—Не дурно.—Порядочно.

Онъ никогда ничего ей не рассказывалъ. Это былъ отставной солдатъ, привыкшій на службѣ безмолвно исполнять всѣ приказанія. Сначала онъ молчалъ изъ повиновенія, затѣмъ изъ фатализма, а потомъ по привычкѣ. Молча приготавливалъ онъ свои вафли

молча продавалъ ихъ и, даже можно сказать, молча предлагалъ, такъ, какъ привыкнувъ къ лаконизму, онъ даже не договаривалъ послѣдняго слова и медленно кричалъ:

— Вафффъ!

III.

Выйдя на улицу, Ампаро съ наслажденіемъ стала вдыхать свѣжій воздухъ. Веселое солнце освѣщало все вокругъ. На крылечкахъ сидѣли кошки и, грѣясь подъ теплыми лучами, мурлыкали отъ удовольствія. Куры ходили взадъ и впередъ. На улицѣ была тишина, сосѣди или ушли въ церковь, или на рынокъ, и только съ подюжины маленькихъ ребятишекъ, порученныхъ ангелу-хранителю, валялось въ пыли.

Ампаро подошла къ одному изъ бѣдныхъ домовъ и постучала въ окошко. Окно открылось, и въ немъ показалось смуглое, блѣдное лице дѣвочки, въ рукахъ которой былъ валикъъ, весь утыканный булавками и коклюшками.

— А, здравствуй!

— Здравствуй, Кармела, ты все работаешь? А вѣдь сегодня праздникъ.

— Я очень тороплюсь, — отвѣтила блѣдная дѣвочка, съ прищептываніемъ, свойственнымъ уроженцамъ провинціи Маринеды.

— Выйди на минутку, милая... Пойдемъ со мною.

— Сегодня не могу... У меня заказъ... Надо связать шестнадцать аршинъ кружева для одной сеньоры изъ Верхняго квартала. Во вторникъ я должна ей отнести.

И Кармела снова нагнулась надъ своей работой, между тѣмъ какъ Ампаро полусострадательно, полуравнодушно пожала плечами и проговорила:

— Ты всегда такъ!

Она отошла отъ окна и торопливо побѣжала на Аббатскую площадь, гдѣ въ это время былъ рынокъ, полный кухарокъ и продавщицъ всевозможныхъ продуктовъ. Она вошла въ улицу св. Ефрема и остановилась передъ церковью.

На паперти была масса народа. Сеньоры были разодѣты въ шелкъ и кружева. Слышались восклицанія: — Не толкайтесь, сеньора... — Меня толкаютъ, сеньора, потому и я... — Не дергайте моего платья, вы мнѣ оборвете отдѣлку. — Виновать, сеньора!

Ампаро протерлась между толпою маринедской аристократіи и проникла въ церковь. Она стала осматривать наряды. Посреди церкви въ военномъ порядкѣ расположился гарнизонъ и полковые музыканты. По обѣимъ сторонамъ стояли мужчины и посматривали въ потолокъ, какъ бы не зная, куда дѣвать глаза. Вдругъ раздался голосъ патера, и все смолкло, только звучный органъ заигралъ

арію изъ Травіаты. По церкви разнеслось чудное пѣніе, призывавшее къ молитвенному настроенію сердца молящихся.

Когда обѣдня кончилась, и народъ сталъ выходить, на паперти остановилось нѣсколько молодыхъ людей, желавшихъ поздороваться съ знакомыми сеньоритами и ихъ матушками. Въ этотъ свѣтлый и теплый мартовскій день толпа прямо изъ церкви двинулась на бульваръ, и Ампаро вмѣстѣ съ другими также очутилась тамъ.

Въ Маринедѣ тогда еще не былъ разбитъ англійскій паркъ, и избранное общество весною и зимою гуляло на бульварѣ. Теперь деревья не были еще покрыты листьями, но, согрѣтыя лучами весенняго солнышка, почки уже начинали распускаться.

Снявъ съ головы платокъ, Ампаро съ любопытствомъ стала разглядывать гуляющихъ. Здѣсь были и чиновники, и военные, и сеньоры въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ, и сеньориты въ цвѣтныхъ. Всѣ шли по правой сторонѣ впередъ и по лѣвой назадъ, строго соблюдая порядокъ.

Группа офицеровъ расположилась на одной изъ скамеекъ; ихъ сабли и эполеты блестѣли на солнцѣ, какъ золотые. Почти всѣ они были молоды и весело смѣялись, играя съ нарядно одѣтыми дѣвочками, старшей изъ которыхъ на видъ было лѣтъ двѣнадцать, а младшей не болѣе трехъ. Маленькія сидѣли на колѣняхъ у офицеровъ, между тѣмъ какъ старшія, съ нѣкоторою женскою скромностью, стояли нѣсколько поодаль и дѣлали видъ, что разговариваютъ между собою, но въ то же время жадно слушали разговоръ военныхъ. Вдалекѣ раздался знакомый дѣтямъ крикъ:

— Ваффф!

— Вафли... Я хочу вафель, — залепетала, услышавъ этотъ возгласъ, маленькая, толстенькая блондинка, сидѣвшая на колѣняхъ капитана-отъ-инфантеріи.

— Низита, не будь такая жадная; я тебя отведу къ мамѣ, — съ серьезной важностью произнесла одна изъ старшихъ дѣвочекъ.

— Но я хочу вафель, вафелекъ! — капризнымъ тономъ продолжала блондинка, вся вспыхнувъ.

— И вы правы, сеньорита, — улыбаясь, сказалъ офицеръ съ пріятнымъ лицомъ, замѣтивъ, что малютка готова расплакаться. — Подождите немножко, у васъ будутъ вафли. Мы сейчасъ позовемъ продавца. Вонъ онъ ужъ идетъ сюда... Боррентъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ капитану, — не крикните ли вы его?

— Эй!... Вафельщикъ! — закричалъ капитанъ, не обращая вниманія на то, что нѣкоторые изъ гуляющихъ оглянулись на него.

Сеньоръ Розендо услышалъ и приближался съ своей ношей. Дѣвочки заволновались, и маленькія обступили вафельщика, а старшія приняли пренебрежительный видъ, какъ будто хотѣли показать, что онѣ возмущены даже мыслью, что въ ихъ годы можно угостить ихъ вафлями. Блондинка нагнулась къ жестяному ящику, и

радость ея не имѣла границъ, когда на каждый палець ея растопыренной ручки сеньоръ Розендо навязалъ ей цѣлую башню мелкихъ, круглыхъ вафель съ дырочками по срединѣ.

Въ это время офицеръ случайно повернулъ голову и увидѣлъ, что позади скамейки стоитъ бѣдно одѣтая дѣвочка и не сводитъ съ нихъ глазъ. Онъ подумалъ, что ей хочется вафель, и знакомъ попросилъ ее подойти. Дѣвочка подошла и стала разсматривать это веселое молодое общество, но когда она услышала, что ей предлагаютъ принять участіе въ банкетѣ, она пожала плечами и отрицательно покачала головой.

— Онѣ ужъ мнѣ надоѣли!—съ презрѣніемъ произнесла она.

— Это дочь,—лаконически объяснилъ вафельщикъ и, закинувъ за плечо ящикъ, пошелъ дальше.

— Такъ, значитъ, ты сеньорита де-Розендесъ? — съ шутливой насмѣшкой произнесъ офицеръ и, обратившись къ капитану, прибавилъ:

— Ну, Борренъ, скажите ей чтонибудь пріятное.

Борренъ пристально всмотрѣлся въ дѣвочку и затѣмъ произнесъ

— Ну, что же я могу ей сказать? Еслибъ она была по красивѣе и постарше, тогда другое дѣло. Года черезъ два съ ней можно будетъ потолковать.

Офицеръ въ свою очередь взглянулъ на Ампаро и замѣтилъ, что у нея были большіе черные глаза подъ длинными рѣсницами и бѣлые, мелкіе зубы, но лицо ея блѣдно и фигура лишена граціи.

— А, всетаки, сеньоры, я скажу вамъ,—произнесъ Борренъ: —что дѣвочка эта—перль, и года черезъ два она всѣмъ намъ вскружитъ головы. Что ты скажешь на это, сеньорита де-Розендесъ? Ты меня право сконфузила, отказавшись отъ моихъ вафель... Я готовъ угостить тебя конфектами, виномъ, чѣмъ хочешь, но съ однимъ условіемъ.

Ампаро вертѣла концы своего платка, не сводя глазъ съ говорившаго. Она не была глупа и понимала, что они шутятъ, но ей нравилось слушать пріятный голосъ и любоваться блестящимъ мундиромъ.

— Принимаешь условія? Я тебя угощу, но ты меня за это поцѣлуешь.

Офицеры расхохотались; взрослые дѣвочки сдѣлали видъ, что онѣ не слышатъ, а Ампаро, черные глаза которой были устремлены на офицера, быстро опустила ихъ, хотѣла тоже весело разсмѣяться, но смѣхъ остановился у нея въ горлѣ, лице ея вспыхнуло, и она пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ.

IV.

Прошелъ почти годъ. Дождя не было, но все небо было покрыто густыми тучами, предвѣщавшими бурю, и холодный, леденящій вѣтеръ бушевалъ по улицамъ. Была рождественская недѣля. Прохожіе представляли собою комическія группы; вѣтеръ закидывалъ имъ плащи на головы, срывалъ шляпы, сваливалъ съ ногъ. Казалось, даже дома дрожать отъ вѣтра.

Въ одномъ изъ домовъ Нижняго квартала былъ большой пиръ. Справлялись именины Бальтазара, единственнаго сына коммерсанта Собрадо, и въ то время, какъ вывѣски слетали съ магазиновъ и вѣтеръ гнулъ къ землѣ деревья, вся семья Собрадо сидѣла въ столовой за тяжелымъ провинціальнымъ обѣдомъ. Кушанья такъ и смѣнялись одно за другимъ. Тутъ была и рыба, и жаренныя куры, и индѣйки, и ветчина, облитая сахаромъ, и нѣсколько кремовъ, посыпанныхъ корицею, и торты, и масса сластей.

Взрослымъ уже надоѣло сидѣть за столомъ, но дѣти ликовали. Никто не обращалъ на нихъ вниманія, можно было болтать, ѣсть руками и шалить. Но скоро отяжелѣвшіе отъ обѣда взрослые почти перестали разговаривать, и толстый старикъ, дядя, молча обмахивался салфеткой. Наконецъ хозяйка дома, донья Долоресъ, встала изъ-за стола, сказавъ, что кофе сервированъ въ залѣ.

Эта комната вся была залита свѣтомъ; двѣ свѣчи горѣли на роялѣ, другія четыре изъ розоваго стеарина въ цинковыхъ бра на стѣнахъ, а на столѣ, между альбомами и стереоскопами, горѣла большая лампа; словомъ, освѣщеніе было полное. Собрадо души не чаяли въ Бальтазарѣ и, видя красиваго молодаго человѣка, въ новенькой военной формѣ, готовы были на всякіе расходы. На праздникъ были приглашены только близкіе: Боррень, еще одинъ офицеръ, Палачіосъ, вдова Гарчіа съ своими дочерьми, младшая изъ которыхъ была Низита, трехлѣтняя блондинка, и, наконецъ, учительница музыки сестеръ Бальтазара.

Въ залѣ со своими чашками кофе всѣ усѣлись въ живописномъ безпорядкѣ; донья Долоресъ съ кузеномъ сѣла на даванъ и начала толковать о торговыхъ дѣлахъ. Собрадо, отецъ, закуривъ дорогую сигару, подарокъ Боррена, въ углу громко прихлебывалъ свой кофе. Старшая дочь Гарчіа, Жозефина, сѣла за рояль и, послѣ неоднократныхъ просьбъ, заиграла фантазію на мотивы Беллини; Бальтазаръ сѣлъ рядомъ съ ней перевертывать листы, между тѣмъ какъ его сестры обступили Низиту, уплетавшую пастилу: ея руки, губы и даже носъ были перепачканы въ сластяхъ.

— Ахъ, какъ ты хороша! — воскликнула Лола, старшая изъ Собрадо. — Ты останешься безъ зубовъ, маленькій поросенокъ.

— Не мѣшай мнѣ, — лепетала дѣвочка: — не мѣшай мнѣ, я еще разъ умоюсь.

— Что за погода!—воскликнулъ Борренъ, подсѣвъ къ вдовѣ Гарчіи, очень желавшей перестать быть вдовою. — Вѣтеръ такъ и валить съ ногъ. Какъ вы добрались сюда изъ вашего дома?

— Ахъ, вы можете себѣ представить... Ужъ не знаю, какъ мнѣ удалось придержать платье, чтобы его не сорвало съ меня вѣтромъ.

— Какъ я жалѣю, что не былъ около васъ въ это время!

— Не понимаю, почему?

— Чтобы полюбоваться такой прелестной ножкой... и предложить вамъ руку, чтобы вѣтеръ не унесъ васъ.

Вдова разсудила, что здѣсь надо принять разсѣянный видъ, и наклонилась къ стереоскопу, разсматривая «Фасадъ Тюльери». Въ эту минуту раздалось *allegro vivace* и заглушило голоса.

— Жозефинита,—обратилась вдова къ пьянисткѣ,—что ты дѣлаешь, дитя мое? Развѣ донья Хермитасъ не сказала тебѣ, что въ этомъ пассажѣ не надо брать педали?

— Я говорила,—вставила учительница музыки:—но только Жозефина не успѣла его во время отпустить...—Повторите, пожалуйста, вотъ отсюда: соль-ла-до, ла-до...

— Какъ она сегодня дурно играетъ! Она всегда такъ въ обществѣ,—прошптала мать.—Когда она одна, то она хоть и ошибается...

— Я прекрасно перевертываю листы, это не моя ошибка,—сказала смѣясь Бальтазаръ.—Я слушаю васъ съ большимъ удовольствіемъ, а Палачіосъ такъ тотъ даже ротъ открылъ отъ энтузіазма.

— Хорошо,—сказала тринадцатилѣтняя дѣвочка, сразу прерывая свою фантазію.—Вы меня совсѣмъ смутили, у меня даже пальцы не ходятъ. Я не разучила наизусть этой пьесы, а по чужимъ нотамъ не умѣю играть. Я сейчасъ съиграю вамъ другое.

Обернувшись къ Бальтазару, она окинула его пламеннымъ взглядомъ и заиграла Мандолину. Мелодія лилась сначала тихо, мечтательно, но затѣмъ въ ней зазвучали порывистыя, страстныя ноты. Мотивъ снова повторился, и дѣвочка, не умѣвшая передать какъ слѣдуетъ эту классическую страничку итальянскаго маэстро, сбивалась съ такта. Играя, Жозефина плавно покачивалась изъ стороны въ сторону, какъ бы танцуя, и Бальтазаръ глядѣлъ на нее и удивлялся этому раннему проявленію женскаго кокетства, напѣвая въ полголоса:

«Друзья, намъ свѣтитъ здѣсь луна въ полночный часъ»...

Вѣтеръ какъ будто утихъ, стекла уже не дрожали. Но вдругъ небо какъ бы разверзлось, и полилъ сильнѣйшій проливной дождь. Всѣ присутствующіе были ошеломлены; Жозефина прервала свою Мандолину, Бальтазаръ подошелъ къ окну, вдова вскочила съ своего

мѣста, а у Низиты изъ рукъ выпала пастила. Въ то же время на лѣстницѣ раздался шумъ голосовъ, бубень и кастаньетъ. Дѣти побѣжали въ переднюю съ Низитой во главѣ.

— Эти негодяйки пришли уже и сюда!—рѣзко сказала донья Долоресъ.—Поди Лола,—прибавила она, обращаясь къ старшей дочери:—и скажи Хуанѣ, чтобы она ихъ выгнала на улицу.

— Мама!.. Въ такой дождь,—умоляла Лола. — Право, духу не хватаетъ сказать, чтобы онѣ ушли! Вѣдь онѣ всѣ вымокнуть. Развѣ вы не слышите, какой дождь?

— Ты дура, и больше ничего,—сердито произнесла мать.—Если ихъ пустить сюда, то вѣдь имъ надо платить...

— Что же такое, мама?—вступился Бальтазаръ.—Сегодня день моего ангела.

— Пусть войдутъ, пусть войдутъ!—закричали дѣти.

— Пусть войдутъ, Бальтазаръ, пусть войдутъ! — лепетала Низита, хлопая отъ радости въ ладоши.

— Впусти ихъ, мы посмотримъ, нѣтъ ли хорошенькихъ,—сказалъ Боррентъ.

Долѣ не надо было повторять этого два раза. Она уже неслась внизъ по лѣстницѣ, перескакивая черезъ двѣ ступеньки.

V.

Въ корридорѣ не замедлили раздаться застѣнчивые и въ то же время грубые шаги. Звуки бубень и кастаньетъ долетали въ залу, какъ отдаленная дрожь зубовъ испуганнаго человѣка. Донья Долоресъ была недовольна и ворчала.

— Ахъ, эта Лола... Но не веди же ихъ прямо сюда! Почему онѣ не могутъ остаться въ передней? На что будутъ похожи мои ковры! Вели имъ, по крайней мѣрѣ, вытереть ноги.

Уличный оркестръ ввалился въ залу. Но бѣдныя дѣвочки, увидя такое блестящее освѣщеніе, были смущены и не двигались съ мѣста. Лола, взявъ за руку предводительницу труппы, силою вытащила ее на средину комнаты.

— Входи, милая, и пусть войдутъ другія. Спойте намъ чтонибудь хорошенькое.

Это освѣщеніе, при которомъ такъ выигрываетъ все красивое, коварно выставяло на видъ бѣдность, дырявые чулки и полинявшее платье музыкальной труппы. Дѣти были различныхъ возрастовъ, начиная съ запѣвалы, живой смуглянки лѣтъ четырнадцати, и кончая двухлѣтнимъ мальчикомъ, помертвѣвшимъ отъ страха, и пятимѣсячнымъ груднымъ ребенкомъ, явившимся сюда на рукахъ своей сестры.

— А!—воскликнулъ Борренъ, взглянувъ на смуглую дѣвочку.— Да вѣдь это дочь вафельщика! Мы старые знакомые, а?

— Да, сеньоръ,—отвѣтила она, нимало не смущаясь.—Я васъ также узнала. Вы сидѣли на бульварѣ съ годъ тому назадъ, въ праздничный день.

Такъ какъ для бѣдныхъ нѣтъ времени года, то на Ампаро теперь была надѣта та же самая юбка, что и ранней весной, только сверхъ юбки была накинута теплая, худенькая кофточка. Но при всей этой бѣдности одежды, что-то новое и смѣлое было у нея въ лицѣ, цвѣтъ котораго сталъ нѣжнѣе, и черные глаза заблестѣли ярче.

— Какова?—прошепталъ Борренъ, обращаясь къ Бальтазару и Палачіосъ.—Она становится пикантна!

И, взявъ канделябръ, онъ поднесъ его къ лицу дѣвочки. Когда Бальтазаръ подошелъ, глаза его встрѣтились съ глазами Ампаро, и она увидѣла передъ собой его почти женское лицо съ бѣлокуроыми изящными усиками и голубовато-сѣрыми глазами, равнодушно смотрѣвшими на нее. Она припомнила и почувствовала, какъ вся вспыхнула.

— Я и васъ также помню,—проговорила она.

— И я тебя, красавица,—отвѣтилъ онъ, чтобы сказать что нибудь.

— Борренъ, не угодно ли вамъ поставить на мѣсто канделябръ?—рѣзкимъ голосомъ произнесла Жозефина.—Вы мнѣ закали все платье.

— Посмотрите, какъ эта граціозна,—замѣтилъ Борренъ, указывая на кружевницу Кармелу, стоявшую съ опущенными глазами.—Она блѣдна, но очень граціозна.

— А, и ты здѣсь?—сказала Гарчіа:—принеси мнѣ завтра носовой платокъ подражаніе Ключи.

— Ахъ, это кружевница!—воскликнула донья Долоресъ.—Вы съ теткой теперь очень плохо стали плести кружева... Нитки слишкомъ толсты.

— Дни стали такіе короткіе, совсѣмъ ничего не видно,—отвѣтила дѣвочка.—И руки очень зябнутъ; въ утро не сплетешь больше четверти аршина. А если зажигать лампу, то намъ отъ работы не останется никакой пользы...

Между тѣмъ Низита, пробравшись впередъ, подошла къ дѣвочкѣ лѣтъ восьми, державшей ребенка на рукахъ.

— Дай мнѣ маленькаго, дай мнѣ,—просила Низита.

— Ты его не удержишь,—презрительно отвѣчала нянька.

— Дай мнѣ, я его понянчаю,—настаивала малютка.

— Кто васъ училъ пѣть?—спросила у Ампаро Гарчіа.

— Учить никто не училъ... Мы сами собираемся. У насъ есть пѣсенникъ.

— И вы ходите по улицамъ и веселитесь?

— Нѣтъ, мы не веселимся... холодно,—отвѣтила Кармела своимъ мягкимъ, какъ бы усталымъ голосомъ.—Мы ходимъ для того, чтобы принести домой нѣсколько реаловъ.

— Мама, Жозефина, Лола, дайте мнѣ маленькаго! — умоляла Низита.

Всѣ обернулись къ этому маленькому созданию, закутанному въ старыя пеленки, съ сморщеннымъ блѣднымъ лицомъ, свидѣтельствующимъ о плохомъ питаніи и уходѣ. Черные, широко открытые, глаза ребенка смотрѣли вокругъ съ видимымъ удивленіемъ, изо рта тянулись слюни. Вдова Гарчіа воскликнула съ состраданіемъ:

— Jesus... Какой маленькій и его таскаютъ по улицамъ въ такую погоду! Что же дѣлаетъ его мать?

— Моя мать держитъ лавочку въ улицѣ del Castillo... Насъ семеро съ нимъ, и я старшая,—сказала въ извиненіе нянька.

— Jesus!.. Но какъ ты дѣлаешь, чтобы онъ не плакалъ? А если онъ голоденъ?

— Я ему сую въ ротъ соску, и онъ сосетъ... Онъ у меня умникъ и все понимаетъ.

Дѣти засмѣялись, а Лола взяла малютку на руки.

— Какой онъ легонькій, — произнесла она. — Онъ легче, чѣмъ большой осель Низиты.

Ребенокъ переходилъ съ рукъ на руки, но когда очередь дошла до Жозефины, она съ отвращеніемъ отвернулась, сказавъ, что отъ него дурно пахнетъ.

— Этихъ дѣтей моютъ только разъ въ годъ,—конфиденціально поясняла донья Долоресъ кузену,—а они выходятъ гораздо здоровѣе нашихъ. Чего только я не дѣлала, чтобы укрѣпить Лолу, но все напрасно.

Ампаро осматривала залу, длинный рояль, зеркало, чучела птицъ, висѣвшія по стѣнамъ, нарядное платье Гарчіи, и все ей казалось красивымъ и достойнымъ уваженія.

— А ты что дѣлаешь, сеньорита де-Розендесъ?—спросилъ Бальтазаръ.—Ходишь съ пѣснями изъ улицы въ улицу? Хорошее занятіе! Мнѣ кажется, что ты...

— А что же мнѣ дѣлать?—произнесла она.

— Плети кружева, какъ твоя подруга.

— Меня этому не учили.

— Чему же тебя учили, милая? Шить?

— Нѣтъ, и шить также я не умѣю. Такъ, нѣсколько стежковъ...

— Но что же ты умѣешь дѣлать? Воровать сердца?

— Я умѣю хорошо читать и правильно писать. Я была въ школѣ, и учитель говорилъ, что я учусь лучше всѣхъ. Я каждый день читаю газеты нашему сосѣду, цирюльнику.

— А больше ты ничего не умѣешь?

— Умѣю вертѣть сигары.

— А, такъ ты папиросница!

— Моя мать была папиросница.

— А почему же и не ты?

— Потому что некому помѣстить меня на фабрику, некому похлопотать.

— Подожди-ка, вотъ этотъ сеньоръ можетъ тебѣ помочь... Послушайте, Боррентъ, вѣдь вы, кажется, племянникъ распорядителя фабрики?

— Ну, конечно. Только не распорядителя, а его жены. Она изъ Мурсіи, такъ же какъ и я, и приходится мнѣ двоюродной сестрою.

— Великолѣпно! Скажи ему, милая, твое имя и фамилію.

— Да, я постараюсь сдѣлать все, что могу, для такой хорошенькой смуглянки... Со временемъ ты будешь зарабатывать большія деньги... Не правда ли, Бальтазаръ, она очень похорошѣла съ прошлаго года?

— Да, она стала гораздо красивѣе,— отвѣтилъ Бальтазаръ.

— Но почему же онѣ не поютъ? — рѣзко перебила Жозефина Гарчіа. — Онѣ пришли сюда для разговоровъ? Въ такомъ случаѣ мы могли бы обойтись и безъ нихъ. За болтовню не платятъ денегъ.

— Пойте, пойте!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Раздался звукъ бубенъ и кастаньетъ, и десять дѣтскихъ неровныхъ голосовъ запѣли веселую рождественскую пѣсню, притопывая по полу ногами. Даже грудной и тотъ принималъ участіе въ пѣніи, испуганно крича благимъ матомъ. Сеньориты Собрадо и Гарчіа взяли за руки и начали кружиться такъ быстро, что въ воздухѣ только болтались ихъ косы. Низита схватила двухлѣтняго мальчика изъ хора и стала съ нимъ танцевать. Боррентъ хлопалъ въ тактъ, ладошами. Пользуясь шумомъ, Лола выскочила изъ комнаты и вернулась, неся въ подолѣ платья цѣлую массу апельсиновъ, пастилы, пирожныхъ, карамель, галетъ, остатки тортовъ, и начала всѣмъ этимъ щедро надѣлять хоръ. Донья Долоресъ вышла изъ себя.

— Эта дѣвочка совсѣмъ съ ума сошла... Она раздаетъ дорогія вещи, и кому же, скажите, пожалуйста! Онѣ были бы счастливы чашкой теплаго бульона. А платье, нарядное голубое платье, все въ пятнахъ!

Говоря это, она подскочила къ Лолѣ и сердито схватила ее за руку. Бальтазаръ еще разъ вступился; вѣдь это день его ангела, онъ бываетъ только разъ въ году. Собрадо отецъ такъ же сталъ защищать Лолу, которую любилъ до обожанія. Кружевница Кар-

мела и Ампаро съ достоинствомъ отказались отъ своей доли сластей, но дѣвочки заставили ихъ взять насильно. Донья Долоресъ кончила тѣмъ, что выгнала пѣвицъ на лѣстницу.

VI.

Борренъ дѣйствительно не забылъ переговорить съ своей кухиной объ Ампаро; кухня передала мужу, а мужъ директору фабрики, на которую и была принята дѣвочка. Въ тотъ день, когда въ семьѣ вафельщика Розендо получили это извѣстiе, данъ былъ пиръ. Мать отслужила молебенъ Богородицѣ del Amparo, защитницѣ сигарочницы, а вечеромъ были приглашены на праздникъ: сосѣдъ цирульникъ, Кармела съ теткой и Поррета. На столѣ стояли и сардины, и кастильское вино, и анисовая водка, и пирогъ, и огромное блюдо съ рисовой кашей.

Лишившись помощи Ампаро, вафельщикъ взялъ къ себѣ ученика, сына бѣдной прачки изъ окрестностей Маринеды. Ячинто, или просто Чинто, былъ совсѣмъ мужичекъ, съ темножелтымъ цвѣтомъ лица и такими же, маленькими глазами. Когда онъ подавалъ кушанье на столъ и ходилъ, переваливаясь съ боку на бокъ, то служилъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. И начитанный цирульникъ, и старая кружевница, и акушерка, не могли видѣть безъ смѣха его неловкихъ движенiй и чуба жесткихъ волосъ на головѣ. Ампаро даже и не смотрѣла на него съ той минуты, какъ его мать чуть не силой втащила рыдающаго и упирающагося мальчика къ нимъ въ домъ. Только одна Кармела относилась къ нему почеловѣчески и учила его, что нужно дѣлать. Съ него требовали много работы и, какъ собакѣ, бросали ему остатки обѣда.

Ампаро пришлось рано встать, чтобы идти на фабрику. Она шла легкими, торопливыми шагами въ надеждѣ, что съ перваго же дня будетъ много зарабатывать, такъ какъ мать учила ее крутить сигары. Видъ огромной фабрики возбудилъ въ ней уваженiе, тѣмъ болѣе, что она привыкла уважать ее съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, когда носила туда обѣдъ своей матери.

Она до такой степени была охвачена страхомъ, что едва помнила, кто ее принялъ и ввелъ въ мастерскую. Она дрожала, когда садилась на указанное ей мѣсто. Работницы подняли любопытные глаза на новенькую. Смотрительница подошла къ ней и стала объяснять, какъ взяться за дѣло.

— Я знаю какъ, — съ гордостью отвѣтила Ампаро, и всѣ взгляды вновь устремились на нее.

Смотрительница улыбнулась и дала ей свернуть сигару, что Ампаро и исполнила довольно удачно, но смотрительница, взявъ двумя пальцами ея сигару, тотчасъ же смяла ее.

— Это не называется знать,—произнесла она.—Надо сильнѣе сжимать пальцы.

— Хорошо,—въ смущеніи прошептала новенькая,—никто не родится ученымъ.

— На все нужна практика,—замѣтила смотрительница и прибавила:—смотри, вотъ какъ надо дѣлать.

И она осторожно развернула на столѣ свѣжій табачный листъ, обровняла его ножемъ и начала свертывать сигару. Самое трудное было придавливать конецъ большимъ пальцемъ руки, чтобы сигара получила цилиндрическую форму; она должна быть свернута туго, но не на столько, чтобы не пропускать дыму.

Ампаро цѣлый день занималась этимъ, но это не легко давалось ей. Ея сосѣдки по столу давали ей совѣты, но она не знала, какъ имъ слѣдовать, потому что старыя говорили, что надо обрѣзать листъ уже, такъ какъ тогда сигара получаетъ болѣе овальную форму, и «онѣ всю жизнь дѣлали такъ», а молодыя наоборотъ увѣряли, что листъ долженъ быть шире, потому что «такъ работа идетъ гораздо скорѣе». Выходя изъ фабрики, Ампаро чувствовала, что у нея болятъ шея, спина и концы пальцевъ.

Мало-по-малу она привыкла и пріобрѣла нѣкоторую ловкость. Ее огорчало только, что, проводя цѣлый день въ мастерской, она не можетъ попрежнему бѣгать по улицамъ. Улица была для нея родиной, земнымъ раемъ. Сколькихъ развлеченій лишилась она теперь! Прежде никто не мѣшалъ ей думать, что всѣ изящные товары, разложенные въ витринахъ магазиновъ, приготовлены именно для нея, что для нея одной играетъ военная музыка. Она слѣдовала за каждымъ крестнымъ ходомъ, бывала на всѣхъ полковыхъ смотрахъ, любовалась блестящими генеральскими и офицерскими мундирами. А сколько развлеченій во время карнавала! Если какое нибудь лице бывало проездомъ въ Маринедѣ, то во все время своего пребыванія оно принадлежало исключительно Ампаро; она пробивалась впередъ къ инфанту, къ министру, ко всякой знаменитости, чуть не хваталась за колеса кареты, повторяя ихъ слова и подражала жестамъ.

Теперь Ампаро очень тосковала по улицѣ. Она привыкла къ вольному воздуху и съ трудомъ высиживала въ душной мастерской. Эти огромныя залы, съ бѣлыми крашенными стѣнами, хоть на кого наведутъ грусть. Всѣ головы опущены къ низу, не видно ни одного веселаго, молодаго лица. Но постепенно она привыкла и къ фабрикѣ, и ее даже радовала мысль быть членомъ этого рабочаго товарищества. Она особенно заинтересовалась своими двумя сосѣдками: матерью и дочерью. Полуслѣпая мать, съ дрожащими отъ старости руками, готовила только верхніе оберточные листья, а дочь вертѣла сигару. Онѣ сидѣли молча, но и въ мелочахъ, въ томъ, какъ дочь подавала матери клей, какъ она дѣлила съ нею

свой обѣдъ, видна была необыкновенная дружба между этими двумя женщинами.

Кромѣ того, увеличившійся заработокъ примирялъ Ампаро съ фабрикой. Она отдавала роднымъ только часть получаемыхъ ею денегъ, а такъ какъ плата зависѣла отъ быстроты, то она свободно могла кое-что оставлять и для себя. Со дня своего поступленія она носила форменное платье сигарочницъ: длинную юбку и миткалевую кофточку съ высокимъ воротникомъ, въ праздники шелковый платокъ на головѣ.

VII.

Чинто не такъ скоро акклиматизировался; онъ долго скучалъ по деревнѣ. Двѣ вещи помогли ему, однако, разсѣяться: это городская точильня и море. Каждую свободную минуту онъ бѣжалъ взглянуть на тотъ или другой предметъ своей любви. Ему никогда не надоѣдало смотрѣть, какъ вертится огромное колесо, и какъ бушуетъ безбрежное море, тѣмъ болѣе, что оно постоянно мѣняло свой цвѣтъ; то оно было блѣдно-голубое, то серебряное, то свинцовое. А когда входили и выходили пароходы, его радости не было границъ. Тутъ были и иностранные корабли, и легкіе гавіоты, и шкуны, и маленькія весельныя лодочки.

Кромѣ того, съ его жизнью въ чужомъ домѣ, его нѣсколько примиряла Ампаро. Конечно, она смѣялась надъ нимъ, но во всякомъ случаѣ это была дѣвочка съ веселымъ лицомъ и звонкимъ голосомъ. Если выбирать между лаконическимъ сеньоромъ Розендо, тираніей больной и пивками Порреты, то, конечно, симпатія будетъ на сторонѣ Ампаро.

Каждый вечеръ, закинувъ себѣ на плечо жестяной ящикъ съ вафлями, онъ отправлялся ждать ее у дверей фабрики. Онъ стоялъ тамъ среди матерей, ожидающихъ своихъ дочерей, и дѣтей, приносившихъ обѣдъ матерямъ, и очень рѣдко случалось, чтобы эти бѣдные люди покупали его товаръ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ каждый день бывалъ тутъ.

Наружность Чинто нѣсколько измѣнилась, онъ уже не имѣлъ прежняго грубаго вида. Городская жизнь научила его, что нельзя, идя по улицѣ, занимать собою все пространство, а надо сторониться, чтобы дать мѣсто другимъ прохожимъ. На немъ была теперь голубая блуза, и сѣренькая фетровая шляпа прикрывала его голову, тщательно выстриженную циркульникомъ.

Въ одинъ теплый вечеръ онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ поджидалъ Ампаро, потому что въ карманѣ его панталонъ лежали персики, только что купленные имъ для нея на рынкѣ на свои сбереженія. Всѣ уже выходили съ фабрики, а Ампаро все нѣтъ.

У дверей собралась цѣлая толпа передъ торговцемъ сардинами и рыбой. Прислонясь къ стѣнѣ, неподвижно стоялъ слѣпой нищій, протягивая впередъ свою шляпу, куда въ изобиліи сыпались кварто¹⁾).

Чинто смотрѣлъ съ открытымъ ртомъ на набережную и пропустилъ Ампаро; она издали увидѣла его и, какъ стрѣла, пустилась въ противоположную сторону. Онъ, точно тѣнь, слѣдуетъ всюду за нею! А такъ какъ его общество необыкновенно пріятно и онъ говоритъ такъ граціозно, какъ будто набралъ въ ротъ каши, то она вовсе не хочетъ съ нимъ идти. Такъ разсуждала Ампаро, пробѣжавъ нѣсколько улицъ и подходя къ Кастильскому порту.

Въ это время дорогу ей пересѣкла группа гуляющихъ. Впереди шли дѣти, между которыми припрыгивала Низита съ мячикомъ къ рукамъ; затѣмъ слѣдовали Жозефина Гарчіа и Лола Собрадо въ красивыхъ мантильяхъ, рядомъ съ ними Бальтазаръ и Борренъ, и такъ какъ Бальтазаръ не хотѣлъ идти около сестры, то шелъ рядомъ съ Жозефиной. Шествіе замыкали вдова Гарчіа и донья Долоресъ.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣтили Бальтазара и Ампаро; они взглянули другъ на друга. Молодой человекъ съ своими бѣлокурыми волосами, красивымъ лицомъ и блестящими погонами весь казался золотымъ. А Ампаро въ своемъ красномъ шелковомъ платкѣ, съ пунцовыми губами на свѣжемъ лицѣ, казалась огненной. Они пристально взглянулись одинъ въ другаго. Борренъ своимъ невозмутимымъ голосомъ спросилъ:

— Вы видѣли ее?

— Кого?—проговорилъ Бальтазаръ и сталъ разсматривать концы своихъ ботинокъ, чтобы не встрѣтиться съ испытующимъ взглядомъ Жозефины.

— Дочь вафельщика, сигарочницу?

— Которая? Это та, что прошла?—понялъ, наконецъ, Бальтазаръ.

— Ну, да, конечно. Гдѣ у васъ глаза, мой милый?

— Я также ее узнала,—произнесла Жозефина.

— Она не поклонилась мнѣ,—прибавилъ Борренъ.—Она не хочетъ меня знать, а я рекомендовалъ ее на фабрику... Я всегда говорилъ, что изъ нея выйдетъ хорошенькая дѣвушка. Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я знаю толкъ... Какъ она вамъ понравилась?

— Мнѣ?—прошептала Жозефина.— Не спрашивайте меня объ этомъ, Борренъ. Эти вульгарныя женщины помоему всѣ одинаковы, всѣ скроены по одному шаблону. Смуглая—вотъ и все!

— Ахъ, что ты, Жозефина!—возмутилась Лола Собрадо.—Ты

¹⁾ Кварто—мелкая испанская монета.

не успѣла ее хорошенъко разсмотрѣть, она красива и очень граціозна. Вглядись въ нее въ другой разъ. Если она опять пройдетъ, я тебя толкну локтемъ.

— Не трудись, не стоитъ того. Это самый заурядный типъ кухарки.

Бальтазаръ старался переимѣнить разговоръ. Они проходили мимо лужайки, покрытой свѣжей, зеленой травой. Здѣсь стояли запряженные мулы, поводя своими длинными ушами, а извозчики спокойно сидѣли подлѣ нихъ и покуривали свои трубочки.

— Мула, сеньорито? Не угодно ли хорошаго мула? Лучше любой лошади, прокатимъ васъ до Альдеапарды или до Эрбеды.

Бальтазаръ подошелъ къ дѣтямъ и сказалъ Низитѣ:

— Хочешь прокатиться по полю?

У дѣвочки глаза разгорѣлись отъ радости, и она вскочила на руки къ офицеру. Бальтазаръ посадилъ ее въ бричку, сидѣнье которой было украшено свѣтлыми гвоздиками, сѣлъ рядомъ съ нею и, взявъ въ руки возжи, погналъ мула.

Когда Ампаро вошла на бульваръ, она услышала позади себя торопливые шаги и тяжелое дыханіе Чинто. Она презрительно обернулась и смѣрила его съ головы до ногъ.

— Зачѣмъ ты такъ бѣжишь?—сказала она ему сердито.—Ты думаешь, что поймалъ меня? Вовсе нѣтъ, я шла тихо.

— Я ждалъ тебя... тамъ,—проговорилъ Чинто, весь потный и запыхающійся.—Но я засмотрѣлся на корабль. Откуда ты вышла, что я тебя не видѣлъ?

— Откуда пожелала! Не смѣй никогда больше поджидать меня... Что я—дита, что ли? Ступай и продавай вафли, тутъ есть гуляющіе, а около этой проклятой фабрики ты въ цѣлый вечеръ не заработаешь ни одного реала.

Чинто отошелъ, съ низко опущенной головой, а Ампаро пошла своей дорогой.

Какъ это ни прискорбно Жозефинѣ и всѣмъ сеньоритамъ Маринеды, но предсказаніе Боррена сбылось.

Женщина похожа на растеніе. Зимой всѣ намъ кажутся одинаковыми, но приходитъ весна, наливаются почки, распускаются листья, появляется цвѣтокъ, и тогда мы любимся ими. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ достаточно для того, чтобы переродитъ деревцо и женщину. Въ красотѣ женщины есть какая-то критическая минута, когда она разцвѣтаетъ и, такъ сказать, кристаллизуется. Метаморфоза эта одинакова какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ слоѣ общества.

Въ тотъ день, когда «одни сеньоры» сказали Ампаро, что она красива, она въ первый разъ обратила на себя вниманіе, до сихъ поръ она была просто уличной дѣвчонкой. Никто иначе и не смотрѣлъ на нее.

А теперь? Она не глядѣлась въ зеркало, такъ какъ его вовсе не было въ домѣ Розендо; но у женщинъ есть внутреннее зеркало, которое говоритъ имъ, что онѣ хороши собой. Ампаро, все продолжавшая читать газеты цирюльнику, тратила деньги, получаемыя ею за чтеніе, на наряды. У нея появился и приличный гребень, и банка помады, и маленькая скляночка духовъ. Съ помощью этихъ вещей она прихорашивалась. Цвѣтъ лица ея сдѣлался матовымъ и въ то же время здоровымъ. Каштановые волосы обрамляли завитками ея красивый лобъ, на смуглыхъ щекахъ игралъ румянецъ, ярко выдѣляя тонкія линіи правильного носа. Только черные глаза и жемчужные зубы остались тѣ же, но они были такъ хороши, что въ нихъ ничего не оставалось прикрасить. Лицемъ она была въ отца, который когда-то слылъ красивымъ молодымъ человѣкомъ. Если Бальтазаръ и не ходилъ встрѣчать ее къ фабрикѣ, то только потому, что его товарищъ Борренъ ухалъ въ Мадридъ, и ему не съ кѣмъ было идти.

VIII.

Вскорѣ Испанія пережила нѣсколько тяжелыхъ дѣтъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ сентябрьской революціи 1868 года.

Страна сама не понимала, что съ ней творится. Неужели династія будетъ свержена? Наскоро собирались войска. Гонзалесъ Браво и королева были уже во Франціи, когда большая часть испанцевъ не знала, какая судьба ожидаетъ ихъ—возникновеніе республики, или владычество Бурбоновъ? Тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали, что положеніе дѣлъ серьезное, и что королевствующему дому, и даже самой монархіи, грозитъ опасность.

Было замѣчено, что деревни и небольшіе города стоятъ на сторонѣ монархіи, а фабричные и коммерсанты морскихъ портовъ за республику. Съ кантабрійской стороны въ городахъ Малеконѣ и Маринедѣ составлялись шумные комитеты, собранія, прокламаціи. Въ первое время республиканская реформа имѣла фѣдеративный характеръ. Трудно объяснить, почему это было такъ. Одинъ изъ талантливыхъ писателей говорилъ печатно, что фѣдеративная республика никогда не имѣла бы мѣста въ Испаніи, если бы Прудонъ не написалъ книги о фѣдеративныхъ принципахъ и Пи не перевелъ бы ея и не растолковалъ. Какъ бы то ни было, но очевидно только то, что федерализмъ воцарился тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали.

Табачная фабрика Маринеды стояла за федераловъ. Изъ фабричнаго братства возникло братство политическое; сигарочницы интересовались политическими дѣлами, узнавая ихъ изъ газетъ. Въ каждой мастерской нашлось по одной, по двѣ чтицы. Ампаро цѣнили больше всѣхъ, потому что она читала со смысломъ, на-

практиковавшись въ цирюльнѣ. Она читала громко, отчетливо, выразительно. Она скорѣе съ горячностью декламировала, чѣмъ читала, сопровождая чтеніе пониженіемъ и повышеніемъ голоса и выразительными жестами. Ея впечатлительная душа горячо воспринимала всѣ революціонныя идеи. Фигура дѣвушки, блескъ ея черныхъ глазъ, энергичные звуки контральтового голоса производили большое впечатлѣніе на слушательницъ.

Читая зажигательныя рѣчи, Ампаро необыкновенно воодушевлялась. Она слѣпо вѣрила въ печатное слово; какъ телеграфистъ, хорошо исполняющій свое дѣло, никогда не вникаетъ въ конструкцію телеграфнаго станка, такъ и она не вникала въ то, какъ составляются эти передовыя статьи маленькихъ газетъ. Какъ удивилась и возмутилась бы она, еслибъ увидѣла, что въ редакціи полусонный редакторъ, зѣвая, составляетъ ихъ. Она понимала все въ буквальномъ смыслѣ слова и, когда встрѣчала фразы: «возьмемся за перо, дрожа отъ негодованія», или «волненіе прерываетъ нашъ голосъ, горе выражается на нашемъ лицѣ», или «если не довольно словъ, возьмемся за оружіе и будемъ биться до послѣдней капли крови!»—она волновалась и готова была пожертвовать собственной жизнью.

Привыкнувъ читать ежедневно однѣ и тѣ же газеты, она научилась говорить печатнымъ языкомъ и пересыпала разговоръ учеными выраженіями. Правда, что нерѣдко она не понимала, что говорила, и даже неправильно выговаривала слова, но, тѣмъ не менѣе, она стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ.

Вся мастерская слушала ее, преклонялась предъ ея симпатіями и отвертывалась отъ ея антипатій. Всѣ ненавидѣли Олозагу и называли его старымъ осломъ, который хочетъ отдать престолъ какому-то неизвѣстному королю изъ-за своихъ личныхъ выгодъ; къ Приму также относились недоброжелательно, потому что онъ стоялъ за монархическій образъ правленія; о Серрано нечего было и говорить, такъ какъ это лицемѣръ, способный, при удобномъ случаѣ, самъ вступить на престолъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ первую революціонную зиму, съ наступленіемъ весны они обострились на фабрикѣ. Въ полдень, когда солнце сильно палило, и въ мастерскихъ была страшная духота, разговоры прекращались. Руки двигались только по необходимости, воздухъ былъ напоенъ никотиномъ и ѣдкимъ запахомъ табачнаго листа. Порою усталая и отуманенная голова женщины склонялась на столъ, охваченная крѣпкимъ сномъ. Тѣ, которыя, сидя на полу, перебирали листъ, смачивая его водою, были счастливыѣе, потому что могли, время отъ времени, брызгать себѣ нѣсколько капель на лицо. Масса мухъ надоѣдала работницамъ и опускалась въ приготовленный для сигаръ клей. Въ такую жару невозможно было ничего ѣсть.

Наконецъ, когда къ четыремъ часамъ начиналъ дуть свѣжій морской вѣтерокъ, усталыя груди дышали съ облегченіемъ, всѣ начинали ѣсть и приступали къ политическому чтенію.

Читались мадридскія газеты и мѣстныя. Придворныя изданія были полны рѣчами Кастеляра. Что за красивыя фразы и какъ плавно льются онѣ одна за другою, точно стихи! Правда, что онѣ переполнены незнакомыми именами, которыя только искусство Ампаро можетъ передать вѣрно, но во всякомъ случаѣ хорошее всегда хорошо. И рѣчи Кастеляра очень любили, потому что въ нихъ онъ стоялъ за народъ и громилъ тирановъ.

Когда Ампаро читала о свободѣ, о всеобщемъ благосостояніи, внимательныя слушательницы складывали руки и весело улыбались. Когда же, наоборотъ, говорилось о провозглашеніи войны, о собраніи войска, то лица вытягивались, и глухія недовольныя восклицанія заглушали голосъ чтицы. Всѣ возмущались, и самая слабая изъ женщинъ, не рѣшающаяся убить мухи, готова была просить сто головъ этихъ негодяевъ, высасывающихъ народную кровь.

IX.

На фабрикѣ мѣстныя газеты предпочитались придворнымъ; однѣ ихъ заглавія уже располагали въ ихъ пользу. «Спасительный маякъ свободнаго народа», «Представитель молодой демократіи», «Не дремлющій федераль республиканской демократіи»—читались нарасхватъ.

Трудно себѣ представить, какую сенсацію производило, напри- мѣръ, озаглавленное «Небывалое событіе».

— А! посмотримъ, посмотримъ! Слушайте! Молчаніе! Молчите, болтуньи!

И воцарялось мертвое молчаніе, прерываемое лишь легкимъ шелестомъ табачныхъ листьевъ.

— «Небывалое событіе»,—читала Ампаро.—«Намъ передаютъ, что нѣсколько дней тому назадъ три французскихъ солдата вошли въ кафе Авроры, и офицеръ, находившійся тамъ, арестовалъ ихъ»...

— И хорошо сдѣлалъ, и хорошо сдѣлалъ!..

— Замолчите вы!

— «Арестовалъ ихъ за этотъ поступокъ»...

— За то, что они вошли въ кафе?

— А еще говорятъ, что есть свобода!

— Полно тебѣ, какая тамъ свобода!..

— «Онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они здѣсь, а они отвѣтили, что пришли пить кофе. Тѣмъ не менѣе, не смотря на это объясненіе, они были арестованы на три дня, и достовѣрныя лица рассказываютъ, что вышелъ приказъ, по которому подобныхъ индивиду-

умовъ не велѣно пускать ни въ кафе Авроры, ни въ Сѣверное. Если все это вѣрно, то насъ удивляетъ странное посягательство на индивидуальныя права и на права свободной торговли кофеенъ»...

— Вѣрно! Чѣмъ будетъ жить бѣдный содержатель кофейни, если будутъ разгонять его посѣтителей?

— Офицеръ долженъ ему заплатить.

— «Мы не находимъ словъ для выраженія нашего негодованія противъ подобныхъ поступковъ, именно теперь, когда статуя Свободы уже коснулась насъ складками своей тоги».

— Да, да, вѣрно!

— Будетъ свобода, но не будетъ справедливости! Подите-ка, добейтесь ея!

— «Что думаютъ тѣ, которые покровительствуютъ этому военному деспотизму, напоминающему намъ давно прошедшія, тяжелыя страницы исторіи? Не думаютъ ли они, что живутъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ, когда сеньоры распарывали животы своимъ вассаламъ»...

Здѣсь раздались восклицанія, крики, смѣхъ. Одна глухая старуха подставила себѣ трубкою руки къ ушамъ, думая, что она ослышалась.

— Ave Maria! Въ жизнь мою ничего подобнаго не слыхала!

— Распарывать животы!..

— Это не въ христіанскихъ земляхъ!

— И это сдѣлали съ бѣдняками солдатами?—спросила глухая.

— Тише!—крикнула ей Ампаро,—«вспарывали животы своимъ вассаламъ, чтобы согрѣть ноги ихъ кровью»...

— Господи, Боже мой!

— Меня ужъ начинаетъ тошнить.

— Когда это наступитъ федерація, и прекратятся всѣ эти ужасы!..

Нѣкоторыя газетки выражались туманно и таинственно и слушались съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ и интересомъ. Ампаро предупреждала, что начинаются интересныя извѣстія, и читала сдержаннымъ голосомъ:

— «Мы переживаемъ торжественныя минуты. Съ каждымъ днемъ возрастаетъ число недовольныхъ».

— Вотъ я говорила! Я говорила!

— Замолчи, не мѣшай слушать!

— «Положеніе дѣлъ вступаетъ на тотъ путь, на который оно должно было вступить при началѣ революціи. Предстоитъ много затрудненій. (Общее движеніе). Враги, прикрытые революціей»...

— Кто это? Ужъ не Алькальдъ ли?

— Нѣтъ, это говорится о племянникѣ королевы.

— И о французскомъ Наполеонѣ...

— Тише!... «революціей, готовы дать намъ рѣшительный ударъ. Но мы не отчаиваемся. Революція восторжествуетъ надъ всѣми

этими препятствіями. Противодѣйствіе встрѣтится тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидаютъ»...

— Вѣрно, вѣрно!

— «Самые опасные это тѣ, которые стоятъ у кормила правленія и измѣняютъ старымъ идеаламъ для того, чтобы заслужить повышеніе и награды».

— Именно то, что я вамъ всегда говорила,—воскликнула Ампаро. — Опаснѣе всего тѣ, кто тамъ наверху. Слѣпъ тотъ, кто этого не видитъ! Нужно найти такую меллу, которая смела бы высшія сферы. Въ тотъ день, какъ провозгласятъ свободу и выгонятъ Бурбоновъ, я издамъ декретъ... Знаете какой? (Тутъ ораторша подняла правую руку и сдѣлала видъ, что пишетъ по ней сигарой). «Объявляю, что всѣ генералы, губернаторы, министры и лица, занимающія высокія положенія, должны быть отставлены и замѣщены новыми лицами, которыхъ я укажу».

— Хорошо, хорошо!

— Конечно, развѣ мы невидимъ, что власти притѣсняютъ насъ?

— Что вы толкуете! Если даже казнятъ высшихъ властей, то останутся низшія и будутъ дѣлать то же самое.

Здѣсь вошла въ мастерскую надзирательница, молчаливая, высокая женщина, и крикнула:

— Занимайтесь каждая своимъ дѣломъ!

— Но мы не говоримъ ничего дурнаго,—произнесла Ампаро.

— Говорить не говорите, а болтать болтаете!

X.

Ампаро пожелала перейти въ папиросную мастерскую. Тамъ работа была легче и опрятнѣе.

Между сигарной мастерской и папиросной была большая разница, такая же какъ между раемъ и Дантовскимъ адомъ. Помѣщалась она въ верхнемъ этажѣ и выходила окнами на море. Стѣны были выкрашены темною краской, но зато всѣ комнаты залиты яркимъ свѣтомъ. На сколько внизу было душно и жарко, на столько тутъ было свѣжо и прохладно. Да и самая работа была чище, и работницы гармонировали съ обстановкой.

Въ мастерской гильзы работали молодыя дѣвушки Маринеды; тутъ была масса веселыхъ лицъ. Внизу работали главнымъ образомъ матери семействъ, думавшія лишь о томъ, какъ бы побольше заработать. Верхняя мастерская въ сравненіи съ нижней казалась веселымъ цвѣтникомъ. Всѣ были причесаны къ лицу и опрятно одѣты. Ясно, что Ампаро влекло сюда.

Здѣсь ее очень хорошо приняли, и она нашла двухъ подругъ; первую звали Гвардіана, такъ какъ она родилась около часовни

Богородицы De la Guardia, такъ чтимой въ Маринедѣ. Молодая дѣвушка сама любила говорить, что Богоматерь вознаградитъ ее на томъ свѣтѣ за все горе и тяжелую работу, которыя она несетъ на этомъ.

Гвардіана была сирота; отецъ и мать ея умерли отъ чахотки, когда она была еще совсѣмъ ребенкомъ, и оставили ей въ наслѣдство четырехъ малютокъ, изъ которыхъ три брата были склонны къ наслѣдственной болѣзни, а маленькая сестренка была глухонѣмая. Гвардіана просила милостыню, поджидала исповѣдницъ у церкви, вымаливала у разносчиковъ подаваніе и кормила свою малолѣтнюю семью. У одного изъ братьевъ, страдающаго англійскою болѣзнию, голова не держалась на плечахъ, необходимо было его лечить и покупать лекарство, а денегъ не было. Нашелся добрый докторъ, взявшійся даромъ за его леченіе. Онъ принялъ къ сердцу тяжелое положеніе дѣвочки и помѣстилъ ее на фабрику. Она была въ восторгѣ отъ этого и говорила, что послѣ Virgen de la Guardia, фабрика ея вторая мать. Теперь она каждый разъ, возвращаясь домой, приносила дѣтямъ гостинцы: весною фрукты, а зимой каштаны и сласти. Ампаро опустошала жестяной ящикъ Чинто и посылала печенье глухонѣмой. Въ мастерской всѣ относились съ большою нѣжностью къ этимъ бѣднымъ дѣтямъ и ихъ хорошей сестрѣ, которая трудами рукъ своихъ кормила малютокъ и была весела и довольна, какъ птичка.

Вторая подруга Ампаро была Анна, прозванная «кумушкой» за свою болтливость. Ей было уже подъ тридцать лѣтъ, но небольшого роста, живая, суетливая, она казалась гораздо моложе. При ея некрасивомъ, блѣдномъ лицѣ и ярко-рыжихъ волосахъ, въ ней было что-то симпатичное и даже пикантное. Ее побаивались въ мастерской и избѣгали сердить, зная, что она всегда готова постоять за себя. Ея маленькія руки работали необыкновенно проворно; весь получаемый ею заработокъ шелъ на наряды.

Она очень любила похвастать своимъ родствомъ и связями; ея двоюродный братъ былъ секретаремъ въ клубѣ приказчиковъ, тетка имѣла хорошую галантерейную лавку, подруги были модистками лучшихъ магазиновъ и шили въ аристократическихъ домахъ. Она знала подноготную каждого обывателя Маринеды и, не стѣняясь, рассказывала чужія тайны.

Всѣ три подруги сидѣли за особымъ столомъ, недалеко отъ окна. Сквозь зеленатая стекла рамъ, между которыми пауки, безъ всякаго зазрѣнья совѣсти, плели свою паутину, виднѣлась набережная. Листки тонкой бѣлой бумаги, съ необыкновенной быстротою, въ рукахъ папиросницъ превращались въ гильзы и падали въ одну общую бѣлоснѣжную кучу. На концѣ стола, на высокой табуреткѣ, сидѣла ученица, блѣдная дѣвочка, лѣтъ восьми, которая, при всемъ стараніи, въ часъ успѣвала сдѣлать не болѣе полдюжины плохо

склеенныхъ гильзъ. Гвардіана давала ей совѣты, потому что эта молчаливая дѣвочка напоминала ей ея глухонѣмую сестренку, а Анна между тѣмъ рассказывала сплетни города.

Разъ, когда разговоръ перешелъ на тему, на которую онъ нерѣдко переходитъ между молодыми дѣвушками, Анна призналась, что у нея есть «морской капитанъ». Онъ часто привозитъ ей разные подарки, и современемъ она выйдетъ за него замужъ.

Гвардіана объявила въ свою очередь, что она даже и не мечтаетъ о женихѣ. Кто возьметъ ее съ такой семьей? А она не расталась бы съ ними, еслибъ даже самъ маршалъ Серрано сдѣлалъ ей предложеніе. Конечно, мужчины и теперь говорятъ ей комплименты, но она не обращаетъ на нихъ вниманія, она помнитъ, что должна беречь себя для дѣтей.

Ампаро призналась, что съ нѣкоторыхъ поръ ее на улицахъ преслѣдуетъ одинъ сенъорито.

— Я знаю, кто это, — сказала «кумушка». — Это Собрадо.

— Кто тебѣ сказалъ? — съ удивленіемъ воскликнула Ампаро.

— Все само собой узнается, — отвѣтила Анна. — Только ты напрасно беспокоишься, милая! Онъ ухаживаетъ за тобой такъ, отъ нечего дѣлать. Знаю я этихъ Собрадо! Моя подруга шьетъ у нихъ въ домѣ. Они скупы, какъ Гарпагоны. Самъ старикъ не смѣетъ куска хлѣба отрѣзать безъ позволенія жены. Когда дочерямъ нужно сдѣлать по платью, такъ всѣ говорятъ объ этомъ цѣлыхъ полгода. Когда у нихъ гости, то всѣ угощенія ставятся только на показъ, а потомъ прячутся подъ замокъ. А денегъ у нихъ куры не клюютъ!

Ампаро слушала въ изумленіи. Жадность была незнакома ея великодушному характеру, она даже и въ бѣдности была щедра.

— А мать — это настоящая фурія, — продолжала «кумушка». — У нихъ только одна старшая дочь не вышла въ свою родню...

— Да, она разъ дала намъ много гостинцевъ, — припомнила Ампаро рождественскій вечеръ.

— О, она предобрая! Вторая пошла въ мать. Когда ее спросили, за кого она хочетъ выйти замужъ, она отвѣтила: «За дядю Исидоро, потому что онъ богатъ». Это братъ ея отца, старый скряга.

Гвардіана весело расхоталась, а Ампаро отвѣтила фразой, вычитанной въ газетахъ:

— Возможно ли до такой степени поддаваться низкому интересу! — и, покачавъ головой, прибавила: — ты вѣрно шутишь, милая.

— Клянусь Богомъ, что говорю чистую правду! Я не хочу ничего дурнаго сказать о твоёмъ поклонникѣ. Я знаю только, что онъ ухаживаетъ за старшей дочерью Гарчіи, и здѣсь дѣло не совсѣмъ чисто... Но тебѣ, кажется, не нравится мой рассказъ?

— Полно, милая! — воскликнула ораторша. — Что-жъ ты думаешь, что я умираю отъ любви къ нему? Мнѣ только смѣшно, и больше ничего. Рассказывай, такъ скорѣй идетъ время.

— Видишь ли, у самой Гарчіи есть въ Мадридѣ какой-то процессъ изъ-за наслѣдства послѣ мужа. Если она его выиграетъ, то сдѣлается милліонершей; вотъ когда изъ Мадрида приходятъ хорошія вѣсти, то старуха велитъ сыну ухаживать за Жозефиной, а когда приходятъ плохія, то она ихъ отдаляетъ другъ отъ друга.

Ампаро, низко опустивъ голову, быстро крутила гильзы, а Гвардіана перекрестилась и воскликнула:

— Господи! я бѣдная, а ни за что бы не рѣшилась поступить такъ...

— А ты знаешь другаго офицера, съ усиками? Онъ еще товарищъ Собрадо, ну, какъ его?..—продолжала неутомимая «кумушка».

— Борренъ, что ли?

— Ну, да, да, онъ самый. Этотъ всѣмъ дѣвушкамъ говорить комплименты, но не идетъ дальше этого. Онъ боится женщинъ, какъ огня, хоть и хвастается, что прекрасно знаетъ ихъ.

«Кумушка» обернулась и, пристально взглянувъ на Ампаро, прибавила:

— У тебя еще есть «предметъ», только ты о немъ молчишь...

— Кто это?

— А вафельщикъ! Онъ такъ и ходитъ по твоимъ слѣдамъ.

— Этотъ осель!—воскликнула Ампаро.—Господи! Я думала, что ты обо мнѣ лучшаго мнѣнія.

XI.

А «этотъ осель» между тѣмъ работалъ изо всѣхъ силъ. Сеньоръ Розендо ужъ устарѣлъ, да и усталъ отъ своей трудовой жизни. У него болѣла спина, и онъ передалъ свою работу у печки Чинто. Постель больной теперь была взбита великолѣпно. Чинто вставалъ раньше солнышка, таскалъ воду, дрова, подметалъ кухню, пекъ вафли. На его плечахъ былъ весь домъ. Онъ успѣвалъ и пришить оторванныя пуговицы къ панталонамъ Розендо, и починить свою желтую рубашку. Если онъ не предлагалъ своихъ услугъ Ампаро и не сталъ ей постели, то только изъ чувства врожденной стыдливости.

При всемъ его стараніи, при всей чисто воловьей работѣ и безропотности, всѣ надъ нимъ насмѣхались, всѣ обращались съ нимъ, какъ съ собакой. Малѣйшая оплошность ставилась ему въ преступленіе. Побой, брань и насмѣшки такъ и сыпались на него. Жестокость человѣка, особенно бѣднаго къ бѣдному, не имѣетъ границъ. Положеніе Чинто въ семьѣ Розендо давно опредѣлилось: онъ мулъ, и больше ничего.

Разъ, вернувшись съ своимъ жестянымъ ящикомъ позднѣе обыкновеннаго, онъ подошелъ къ кровати больной, чтобы отдать

ей свою дневную выручку. Ампаро сидѣла тутъ же, и ея острое обоняніе сразу было поражено какимъ-то страннымъ запахомъ.

Это покажется, быть можетъ, удивительнымъ, но всѣ папиросницы и сигарочницы обладаютъ необыкновенно острымъ обоняніемъ; никотинъ, вмѣсто того, чтобы притупить ихъ нервы, дѣлаетъ ихъ еще болѣе чувствительными, и если на фабрику придетъ ктонибудь изъ курящихъ, то папиросницы говорятъ одна другой съ отвращеніемъ: «Фу! отъ него такъ и разить табакомъ!».

Когда Чинго вошелъ въ комнату, Ампаро въ ту же минуту почувствовала, что отъ него пахнетъ не только табакомъ, но и водкой. Она даже вскочила съ мѣста и закричала:

— Убирайся отсюда! Убирайся сейчасъ же!

Чинто съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее, широко раскрывъ свои маленькіе глаза.

— Я тебѣ сказала, убирайся вонъ! Ты испортилъ весь воздухъ!

— Что это ты вздумалъ баловаться папиросками? — сердито спросила параличная.

— Нѣтъ, отъ него такъ и разить виномъ, — отвѣтила Ампаро.

— Виномъ! — въ такомъ ужасѣ воскликнула старуха, какъ будто сама всю жизнь не брала въ ротъ ничего, кромѣ воды. — Да ты съ ума сошелъ, негодяй!

— Я... но я... я хочу сказать, что я... — лепеталъ Чинто, весь проникнутый сознаніемъ своей вины.

— Ты еще будешь отпираться! — закричала она. — Подойди-ка сюда, осель!

Чинто въ смущеніи подошелъ къ ней.

— Дохни-ка на меня! Сильнѣй, сильнѣй... Уфъ! какъ пахнетъ! Гдѣ же это ты шляется? Ужъ не былъ ли ты въ тавернѣ?

— Я... я... дурнаго не сдѣлалъ, но...

— Говори, говори все по совѣсти, какъ передъ духовникомъ.

— Я встрѣтилъ товарища изъ Эрбеды... его взяли въ солдаты... онъ мнѣ говоритъ: хочешь выпить? Я ему говорю: хорошо! И мы пошли...

— Замолчи, замолчи!.. Если я еще разъ увижу тебя пьянымъ, то я скажу сенъору Розендо, чтобъ онъ выгналъ тебя на улицу. Понялъ? Кто тебя угощаетъ виномъ, тотъ не дастъ тебѣ хлѣба, осель! Убирайся вонъ отсюда, у меня голова разболѣлась отъ этого запаха. Пьяница!

Ампаро, сопровождая слова матери дѣломъ, вытолкнула его пинками изъ комнаты, и Чинто сейчасъ же легъ спать. Его огорчало только, что онъ не можетъ посидѣть съ молодой дѣвушкой. Теперь онъ сталъ на нее засматриваться больше, чѣмъ на точилюню и море. Онъ восхищался ею, старался говорить ея языкомъ. Онъ не столько былъ влюбленъ въ нее, сколько очарованъ ею. Прежде онъ смотрѣлъ на Ампаро, какъ на дѣвухекъ своей деревни, съ кото-

рыми можно пошутить, полюбезничать, даже обнять при случаѣ. Но теперь этимъ дерзкимъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Ампаро относилась къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Еслибъ она догадалась, какой тайный трепеть чувствуетъ этотъ мужикъ при одномъ ея приближеніи, она возненавидѣла бы его.

Для Ампаро, этого свободного цвѣтка, выросшаго на улицѣ Маринеды, Чинто былъ рабомъ, невольникомъ. Какая нибудь герцогиня, случайно попавшая въ уѣздный городъ, должна была чувствовать къ провинціальнымъ сеньорито то, что Ампаро чувствовала къ Чинто. Ее все раздражало въ немъ: и вѣчно открытый ротъ, и маленькіе, узкіе глаза, и неловкая походка, и манера ѣсть. Въ ней закипала гнѣвъ, когда она видѣла, что въ углу валяются его старые сапоги, на гвоздѣ виситъ его рубашка или шляпа. Больше всего ее возмущало то, что Чинто, въ своей деревенской простотѣ, не могъ понять ея высокихъ политическихъ идеаловъ. Она не помнила себя отъ злости, когда онъ, съ его идиотски дерзкой улыбкой, говорилъ ей:

— Слушай побольше сказокъ... Погоди, придутъ жандармы, схватятъ тебя и засадятъ въ тюрьму...

XII.

И на фабрикѣ Ампаро замѣчала, что деревенскія женщины холоднѣе городскихъ относились къ ожидаемому перевороту. Онѣ съ недовѣріемъ покачивали головой и говорили: «республика не слѣдуетъ насъ богаче». Заинтересованныя только своимъ сельскимъ хозяйствомъ, онѣ даже побаивались, какъ бы ихъ положеніе не ухудшилось. Патріотическій огонь не согрѣвалъ ихъ сердце, онъ даже и не теплился въ нихъ. Онѣ оживлялись только, когда проходилъ слухъ объ уменьшеніи податей и о будущемъ урожаѣ фруктовъ.

На фабрикѣ онѣ пользовались дурной репутаціей. Ихъ обвиняли въ скупости, въ скаредничествѣ, въ готовности за какой нибудь заработанный кварто ¹⁾ бросить домъ и дѣтей. Маринедянки, наоборотъ, считались чуть не безсребреницами и примѣрными матерями. Тѣмъ не менѣе, когда революціонеры повсюду твердили эти три многообѣщающія слова: «нѣтъ больше хижинъ!», то и поселянки начинали радостно ожидать переменъ.

Если республика будетъ кровавая, какъ говорятъ газеты, то не стоитъ ее и ждать. Семейныя женщины, работавшія въ сигарной мастерской, выходили изъ себя при одной этой мысли.

— Если у матери будутъ отнимать ея сына, — ораторствовала

¹⁾ Маленькая испанская монета.

Ампаро,—для того, чтобы сдѣлать изъ него пушечное мяго, для удовольствія короля, то благодаримъ покорно! Нѣтъ, мы хотимъ настоящей республики, союзной, демократической! Тогда Маринедя сдѣлается столицей, и Вилламорты, и даже Альдеанарда. Только Мадридъ не будетъ столицей, потому что все зло идетъ оттуда, и мы полюбуемся тогда, какъ придворные опустятъ свои головы! Теперь насъ тамъ знать не хотятъ, теперь тамъ только покуриваютъ наши сигары и папиросы, а вотъ пройдетъ мѣсяць или два, и мы посмотримъ! Вы только подумайте, лучшія регалии (сигары) дѣлаются въ Мадридѣ! Да что мы-то, не умѣемъ что ли искусно работать? Да, гражданки, надо всѣмъ сплотиться и благородно, энергично идти на встрѣчу ожидающей насъ переменѣны! Не правда ли?

И рисуемая Ампаро реформа правленія представлялись ея аудиторіи такими, какъ ихъ изображаютъ въ иллюстрированныхъ періодическихъ изданіяхъ. Монархія—это скорбленная старуха, съ окровавленнымъ лицомъ и огромнымъ носомъ, въ старомъ плащѣ, истыканномъ пиками и разрисованномъ орудіями смертной казни. Республика—это высокая, здоровая, молодая дѣвушка въ бѣлой туникѣ и пурпуровой мантии; въ лѣвой рукѣ она держитъ классическій рогъ изобилія, изъ котораго сыплются желѣзные дороги, пароходы, произведенія искусства и науки, золото и цвѣты.

Когда ораторша говорила свои зажигательныя рѣчи, ея пунцовый шелковый платокъ спускался съ головы, мантилья невольнымъ движеніемъ закидывалась на плечо, и она была похожа на статую республики.

На нее уже стали смотрѣть, какъ на политическую агитаторшу. Въ городѣ ее уже знали, и разъ, когда она шла по Главной улицѣ, она услышала, какъ позади ея въ группѣ мужчинъ кто-то сказалъ: «Вонъ идетъ хорошенькая папиросница, бунтующая всю фабрику».

Въ ея кварталѣ всѣ подымали ее на смѣхъ: каждый разъ, какъ она проходила мимо цирюльни, подмастерье кричалъ ей: «Да здравствуетъ республика!». Портрета при видѣ ея не упускала случая пробурчать своимъ мужскимъ голосомъ: «А, бунтовщица, спасительница народа!».

Если уличная дѣвочка такъ скоро превратилась въ бунтовщицу, и возмущеніе охватило табачную фабрику Маринеды, то причиною этому была быстрота, съ какою въ Испаніи совершился переворотъ.

Королева была еще несовершеннолѣтняя, и нація не знала, чего ждать, какой политики держаться. Посыпались манифесты. На границѣ карлисты произвели возмущеніе. Внутреннее управление было поколеблено а въ Мадридѣ уже заготовлялось оружіе и плащи съ инициалами: К VII. Въ Викторіи по улицамъ бѣгали молодые

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ВЪТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ, 1893 г.

	СТР
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. XIII—XVIII. (Продолженіе). П. Н. Полеваго	657
II. Графиня Ростопчина въ Москвѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Н. В. Берга	691
III. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ. П. В. Засодимскаго	709
IV. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. VIII—X. (Продолженіе)	723
V. Былыя встрѣчи. (I. Литературные дебюты. II. Князь Суворовъ въ роли свата). В. М. Сикевича	758
VI. Очерки Москвы. VI—VIII. (Продолженіе). Д. А. Покровскаго	778
VII. Дѣло подъ Иканомъ. (Разсказъ очевидца). Л. Алексѣева	796
VIII. По пути изъ «варягъ въ греки». (Путевыя впечатлѣнія). I—V. И. Ф. Тюменева	804
Иллюстраціи: 1) Шлиссельбургская крѣпость.—2) Набережная въ Шлиссельбургѣ (катеръ Александра II и ботикъ Петра I; часовня Казанской Божіей Матери).—3) Могила А. И. Шилова на Преображенской горѣ близъ Шлиссельбурга.—4) Крестъ и колодезь близъ Шлиссельбурга.	
IX. Преступленія печати. В. Р. Зотова	829
X. Двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности М. М. Антокольскаго. (По поводу выставки его произведеній въ академіи художествъ). Ф. И. Булгакова	836
Иллюстраціи: 1) Портретъ М. М. Антокольскаго.—2) Иванъ Грозный.—3) Петръ Великій.—4) Голова Ермака.—5) Христось передъ судомъ народа.—6) Послѣдній вздохъ.—7) Голова Иоанна Крестителя.—8) Смерть Сократа.—9) Спивноза.—10) Голова Мефистофеля.	
XI. Изъ воспоминаній о Японіи. VIII—X. (Продолженіе). А. А. Черевковой	850
Иллюстрація: Храмъ Киомидзу-дера.	
XII. Американскіе контрасты. В. Т.	875
Иллюстраціи: 1) Джей Гульдъ.—2) Миссъ Франсесса Виллардъ.—3) Храмъ трезвости въ Чикаго.	
XIII. Критика и библіографія	896
1) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ III. Спб. 1892. В. 3.—2) Исторія Казанской духовной академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія (1842—1870 годы). П. Знаменскаго. Томы I, II и III. Казань. 1892. Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія. 1870—1892. С. Терновскаго. Казань. 1892. В. Б.—3) Стратегическіе уроки морской исторіи. Р. Зотова. Спб. 1892. В.—а.—4) О драмѣ. Критическое разсужденіе Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи: Три письма о Пушкинѣ. Спб. 1893. С. У—ца.—5) Гюставъ Гюб баръ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1892. А. М.—ва.—6) Павелъ Пирлягъ. Россія и востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софья Палеологъ. Спб. 1892. В. Б.—7) Русскія древности и памятники православія	

См. слѣд. стран.

Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Съ 57 рисунками. Сочиненіе и изданіе любителя русской старины священника Теодора Гербачевскаго. Варшава. 1892. М. Г—цаго.—8) Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старшихъ классовъ гимназій. Составилъ В. Алексѣевъ. Выпускъ первый. Спб. 1892. С. А—ва.		
XIV. Историческія мелочи		909
1) Статуя палы Юлія. Эпизодъ изъ жизни Микель-Анджело.—2) Хіосская бойня 1822 г.—3) Сожгли ли пруссаки Сень-Клу.		
XV. Заграничныя историческія новости		921
XVI. Смѣсь		930
1) Торжественное засѣданіе археологическаго института.—2) Годовое собраніе географическаго общества.—3) Тридцатипятилѣтняя дѣятельность В. И. Сергѣевича.—4) Историческое общество.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Отчетъ Карамзинской библіотеки за 1891—1892 библіотечный годъ.—7) Некрологи: А. Н. Энгельгардтъ; А. А. Арцимовичъ; О. Д. Студитскій; М. И. Безсребренниковъ; Ю. Э. Янсонъ.		
XVII. Николай Яковлевичъ Дубенскій		938
XVIII. Замѣтки и поправки		942
1) Портретъ Лефорта.—2) Письмо въ редакцію. П. Падучева.		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Франца Яковлевича Лефорта. — 2) Дочь народа. (La' tribuna). Историческая повелла Эмилии Пардо-Базанъ. Переводъ съ испанскаго Е. І. Уманецъ. XIII — XXIV.—3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.—4) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1893 года).

	СТР.
Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. I—XVIII.	
П. Н. Полеваго.	7, 321, 657
Разказы о Гоголѣ. К. П. Ободовскаго.	35
Воспоминанія В. А. Полторацкаго. I—X.	39, 367, 723
Потревоженныя тѣни. Дворянинъ Евстигней Чарыковъ.	
С. Н. Терпигорева.	87
Предверіе литературы. (Страничка изъ воспоминаній).	
І. І. Ясинскаго.	109
Катастрофа на Ладожскомъ озерѣ. П. И. Жудры.	122
Воспоминанія клоуна А. Л. Дурова.	155, 424
Иллюстрація: Портретъ Анатолія Леонидовича Дурова.	
Къ біографіи А. В. Кольцова. Л. Б. Вейнберга.	188
Современная Италия. Королевство, папство, республика. В. И. Модестова.	198, 518
Воспоминаніе о Н. П. Синельниковѣ. П. С. Слетова.	231
Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ. (Біографическій очеркъ).	
М. Н. Мазаева.	238
Памяти К. Ѳ. Калайдовича. Н. Л. Ширяева.	257
Изъ воспоминаній о Японіи. I—X. Женщины-врача А. А. Черевковой.	262, 540, 850
Иллюстраціи: 1) Японскій домъ.—2) Храмъ Сува, покровителя города Нагасаки.—3) Японскія няньки.—4) Японскій обѣдъ.—5) Гейши (японскія танцовщицы).—6) Храмъ Кіомидзу-дэра.	
Разказы объ И. С. Тургеневѣ. К. П. Ободовскаго.	359
Не въ Жоржъ-Зандіи. (Очеркъ изъ сороковыхъ годовъ). І. І. Ясинскаго.	411
Очерки Москвы. I—VIII. Д. А. Покровскаго.	451, 778
Къ исторіи либерализма. Р. И. Сементковскаго.	481

	СТР.
Лѣтописецъ крестьянскаго освобожденія. (По поводу 50-лѣтія службы сенатора Н. П. Семенова). С. С. Трубачева. . .	502
Иллюстраціи: Портретъ Николая Петровича Семенова.	
Памяти М. С. Сабининой. Н. А.	510
Иллюстраціи: Портретъ Марѣи Степановны Сабининой.	
Смерть Густава III. Эрнста Виллиса. (Переводъ съ шведскаго).	559
Иллюстраціи: 1) Портретъ короля шведскаго Густава III.—2) Портретъ убійцы Густава III, капитана Анкарстрема.—3) Одинъ изъ пистолетовъ, бывшихъ у Анкарстрема при совершеніи имъ убійства Густава III.—4) Камзолъ, который былъ на Густавѣ III въ моментъ покушенія на его жизнь.—5) Анкарстремъ у позорнаго столба.—6) Наказаніе Анкарстрема розгами.—7) Анкарстремъ, везомый къ мѣсту казни на позорной колесницѣ.	
Воспоминанія англійскаго дипломата XIX столѣтія. В. Т. .	582
Графиня Ростопчина въ Москвѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Н. В. Берга.	691
Дѣдушка Павелъ Михайловичъ. П. В. Засодимскаго. . . .	709
Былыя встрѣчи. (I. Литературные дебюты. II. Князь Суворовъ въ роли свата). В. М. Сикевича.	758
Дѣло подъ Иканомъ. (Разсказъ очевидца). Л. Алексѣева. . .	796
По пути изъ «варягъ въ греки». (Путевыя впечатлѣнія). I—V. И. Ф. Тюменева.	804
Иллюстраціи: 1) Шлиссельбургская крѣпость.—2) Набережная въ Шлиссельбургѣ (катеръ Александра II и ботикъ Петра I; часовня Казанской Божіей Матери).—3) Могила А. И. Шилова на Преображенской горѣ близъ Шлиссельбурга.—4) Крестъ и колодезь близъ Шлиссельбурга.	
Преступленія печати. В. Р. Зотова.	829
Двадцатипятилѣтіе художественной дѣятельности М. М. Антокольскаго. (По поводу выставки его произведеній въ академіи художествъ). Ф. И. Булгакова.	836
Иллюстраціи: 1) Портретъ М. М. Антокольскаго.—2) Иванъ Грозный.—3) Петръ Великій.—4) Голова Ермака.—5) Христосъ передъ судомъ народа.—6) Послѣдній вздохъ.—7) Голова Іоанна Крестителя.—8) Смерть Сократа.—9) Спиноза.—10) Голова Мефистофеля.	
Американскіе контрасты. В. Т.	875
Иллюстраціи: 1) Джей Гульдъ.—2) Миссъ Франсесса Виллардъ.—3) Храмъ трезвости въ Чикаго.	

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) Сѣверная война. Документы 1705—1703 гг., собранные генераль-маіоромъ Д. Ф. Масловскимъ, ординарнымъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Изданіе военно-учебнаго комитета главнаго штаба. Спб. 1892. Н. Орлова.—
- 2) Исторія англійскаго народа. Джона Ричарда Грина. Томъ

третій. Пуританская Англія. 1603—1660. Революція. 1660—1683. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1892. А. Л.—нѣ.—3) Историческіе рассказы и повѣсти П. Н. Полеваго. Съ 65 оригинальными рисунками и виньеткиами К. В. Лебедева. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1893. С. Ш.—4) Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ VI. Спб. 1892. А. Л.—5) *La Russie géologique, ethnologique, historique, administrative, économique, religieuse, littéraire, artistique, scientifique etc.* Paris. 1892. В. С. Россоловскаго.—6) Триумфы женщины. Спб. 1893. А. Фаресова.—7) Халдей. Повѣсть изъ новгородскаго быта XV вѣка. И. Привольева. Спб. 1893. Анат. Лемана.—8) А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй. Москва. 1892. В. Б.—9) В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, томъ I, кн. 1—2. Кіевъ. 1891—1892. Дм. Цытава.—10) Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній). Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Спб. 1892. Томъ II. Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вв. Спб. 1893. Е. Д.—11) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть I, томъ 3. Письма 1851—1860 гг. Повѣдка въ Малоросію. Ополченіе. Путешествіе къ границу. Москва. 1892. В. С. Р.—12) Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго. Третье изданіе, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями. Спб. 1892. С.—сваго.—13) Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ. Спб. 1892. А. Фаресова.—14) Н. А. Осокинъ. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изданіе второе. Казань. 1892. А. Л.—нѣ.—15) Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ. 1892; Библиографія Ермака. Составилъ Е. В. Кузнецовъ. Тобольскъ. 1892. С. А.—вѣ.—16) Русскіе путешественники-ислѣдователи. Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные. М. А. Лялиной. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. А. Л.—17) Полное собраніе писемъ Беранже, въ переводѣ русскихъ писателей. 14 выпусковъ. Тифлисъ. 1892. В. 3.—18) А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену императорскаго русскаго археологическаго общества И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ третій. Сергіевъ Посадъ. 1892. М. М.—19) Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ III. Азбузные указатели. Составилъ И. В. Межовъ. Иадалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1892. С. А.—вѣ.—20) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ III. Спб. 1892. В. 3.—21) Исторія Казанской духовной академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія (1842—1870 годы). П. Знаменскаго. Томы I, II и III. Казань. 1892. Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія. 1870—1892. С. Терновскаго. Казань. 1892. В. Б.—22) Стратегическіе уроки морской исторіи, Р. Зотова. Спб. 1892. В.—ъ.—23) О драмѣ. Критическое разсужденіе Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи: Три письма о Пушкинѣ. Спб. 1893. С. У—цѣ.—24) Гюставъ Гюббаръ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1892. А. И.—вѣ.—25) Павелъ Пирлингъ. Россія и востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софья Палеологъ. Спб. 1892. В. Б.—26) Русскія древности и памятники православія Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Съ 57 рисунками. Сочиненіе и изданіе любителя русской старины священника Феодора Гербачевскаго. Варшава. 1892. М. Г—цкій.—

- 27) Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старшихъ классовъ гимназій. Составилъ В. Алексѣевъ. Выпускъ первый. Спб. 1892. С. А.—въ 281, 608, 896

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

- 1) Кармскіе узники.—2) Манчестерскіе мученики.—3) Евангеліе апостола Петра.—4) Рукопись перевода Семидесяти Толковниковъ.—5) Правда о смерти Гамбетты.—6) Англійскій посланецъ въ Бухару въ 1840 году.—7) Чешское возстаніе въ недѣлю св. Троицы 1848 года.—8) Статуя папы Юлія. Эпизодъ изъ жизни Микель-Анджело.—9) Хиосская бойня 1822 г.—10) Сожгли ли пруссаки Сень-Клу 298, 624, 909

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 305, 633, 921

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

- Мысли императора Александра I о крестьянскомъ вопросѣ. А. Орельскаго 641

СМѢСЬ:

- 1) Столѣтняя годовщина рожденія А. М. Княжевича.—2) Пятидесятилѣтіе «Руслана и Людмилы» и музей Глинки.—3) Библиографическая находка.—4) Значеніе русской архитектуры.—5) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—6) Восьмидесятилѣтіе академика Я. К. Грота.—7) Юбилей «Недѣли».—8) Отчетъ комитета народныхъ чтеній въ городѣ Орлѣ за пять лѣтъ (1887—1892 гг.).—9) Торжественное засѣданіе археологическаго института.—10) Годовое собраніе географическаго общества.—11) Тридцатипятилѣтняя дѣятельность В. И. Сергѣевича.—12) Историческое общество.—13) Общество любителей древней письменности.—14) Отчетъ Карамзинской бібліотеки за 1891—1892 бібліотечный годъ.—15) Некрологи: А. А. Фетъ; В. П. Ключниковъ; И. И. Дитятинъ; Н. Д. Масловъ; Н. И. Витковский; Н. И. Кокшаровъ; Н. Л. Ломанъ; В. В. Черняевъ; П. П. Максимовичъ; Р. В. Орбинскій, Э. И. Тилло; А. Н. Энгельгардтъ; А. А. Арцимовичъ; Ф. Д. Студитскій; М. И. Безсребренниковъ; Ю. Э. Яковъ 315, 644, 930
Николай Яковлевичъ Дубенскій. 938

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

- 1) Нѣсколько словъ о разсказахъ изъ жизни высокопреосвященнаго архіепископа Никанора. С. П.—2) Портретъ Лефорта.—3) Письмо въ редакцію. П. Падучева. 651, 942

- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты А. Д. Галахова, царицы Евдокіи Феодоровны и Франца Яковлевича Лефорта.—2) Два поэта. Съ двумя портретами. В. А. Т.—3) Дочь народа. (La tribuna). Историческая новелла Эмилии Пардо-Базанъ. Переводъ съ испанскаго Е. I. Уманецъ. I—XXIV.—4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.—5) Объявленія.

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.

Съ весьма рѣдкаго портрета, гравированнаго въ Амстердамѣ въ 1698 году Шенкомъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СЛЪ., 19 ФЕВРАЛЯ 1893 Г.

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

Il y a dans le coeur humain des abîmes impossibles à sonder... En présence de ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée: Dieu seul peut les juger avec équité...

(Mém. du prince P. Dolgorouky, 39).

XIII.

НѢ ЗА ДВА до Покрова во всѣхъ концахъ Землянаго и Бѣлаго города начались страшныя приготовления. Длиныя вереницы телѣгъ и роспусковъ, нагруженныхъ балками, брусьями, лѣстницами, веревками и крючьями, сопровождаемыя солдатами и подъячими, тянулись по всѣмъ улицамъ, грудами сваливая свой грузъ на площадяхъ и крестахъ. Здѣсь согнанныя со всей Москвы артели плотниковъ ставили въ нѣсколько рядовъ «немудрыя хоромы: два столба съ перекладиной»,— по народному присловью. Приготовленія къ казнямъ въ неслыханныхъ, громадныхъ размѣрахъ производились быстро и снѣжно; въ народѣ шель смутный говоръ о томъ, что всѣхъ стрѣльцовъ вершить будутъ разомъ «въ самый Покровъ», и это приводило всѣхъ въ смущеніе и ужасъ...

«Послѣднія времена настали! Николи не видано, чтобы вершили колодниковъ въ великіе праздники!»—слышалось всюду въ толпѣ, мрачно настроенной и полной тревожнаго возбужденія, ко-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 321.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1893 г., т. LI.

торое мало-по-малу охватывало всю Москву, всѣ слои ея населенія, и тяжкою грозовою тучею нависло надъ всей Бѣлокаменной.

Въ то время, когда на одномъ концѣ Москвы шли эти страшныя и спѣшныя работы, совсѣмъ иного рода приготовленія поглощали все вниманіе, всю дѣятельность государева любимца, генерала Франца Лефорта. Добродушный и легковѣсный швейцарецъ, какъ угорѣлый, метался по своимъ только что отстроеннымъ великолѣпнымъ палатамъ и, окруженный толпой слугъ и нѣмцевъ-ремесленниковъ, отдавалъ приказаніе за приказаніемъ то на нѣмецкомъ, то на лонаномъ русскомъ языкѣ.

— И здѣсь малярить нушна! красній первій, бѣлій уфторой... Служай, понимай! — горячился онъ, указывая малярамъ на простѣнки обширной столовой палаты.

— Слушаемъ, батюшка, слушаемъ и понимаемъ... Какъ не понять-то?—голосили маляры, принимаясь за свои кисти и щетки.

— Hör! mal du, dummer Ker!—кричалъ Лефортъ, переходя въ другую палату, гдѣ работали столяры нѣмцы.—Es muss ganz grade gemacht werden, ganz glatt!

И самъ вырывалъ у нѣмца-столяра угольникъ или ватерпасъ и указывалъ ему ошибку въ работѣ. И чуть только оканчивалось это объясненіе, Лефортъ уже въ припрыжку, насвистывая какую-то веселую пѣсенку, бѣжалъ въ садъ, на обширную террасу передъ его дворцомъ, гдѣ устроивалась иллюминація и готовились столь любимые государемъ потѣшныя огни «съ фугасами, фальшфейерами, доннершлагами и цвѣтными шутихами»; а оттуда устремлялся въ кладовыя, гдѣ разбирались посуда и всякая домашняя утварь и рухлядь, или заходилъ на погребъ, въ которомъ разливалось по бутылкамъ вино, процѣживались водки и наливки, и подправлялись старые стоялые меды. Всего отхлебнувъ и отвѣдавъ понемногу, преаппетитно почмокавъ при этомъ губами и прищелкнувъ языкомъ, Лефортъ давалъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ и указаній купорамъ и потомъ, взглянувъ мелькомъ на великолѣпную золотую луковицу, которую постоянно носилъ въ карманѣ камзола, онъ вдругъ спохватился и поспѣшилъ наверхъ, гдѣ уже давно и весьма нетерпѣливо ожидалъ его другой иноземецъ-пріятель, полковникъ Лима, плотный мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ порядочнымъ брюшкомъ и очень характернымъ краснымъ носомъ, который ясно указывалъ на то, что полковникъ былъ однимъ изъ весьма усердныхъ почитателей Бахуса.

— Бѣдный другъ мой!—залепеталъ понѣмецки Лефортъ, подлетая къ полковнику и хлопывая его по животу,—я васъ совсѣмъ заморилъ съ голоду! Въ хлопотахъ я чуть не забылъ о завтракѣ. А если бы вы знали, какое чудесное рагү я заказалъ, и какую подливочку къ каплуну придумалъ... И какую бутылочку велѣлъ намъ застудить на всякій случай...

— Вы забыли о завтракѣ, да я-то не забылъ! — отвѣчалъ Лима недовольнымъ тономъ проголодавагося обжоры. — Чортъ возьми! Давно пора было вспомнить!..

Но Лефорть ужъ подхватилъ его подъ руку и, слегка подталкивая, увлекъ за собою въ сосѣднюю, небольшую, и очень уютную комнату, гдѣ на два куверта накрытъ былъ столъ, заставленный цѣлымъ рядомъ холодныхъ и горячихъ закусокъ... Пріятели усѣлись и усердно принялись за дѣло.

— Да! Да! Вотъ мы тутъ съ вами все это ѣдимъ и пьемъ, — заговорилъ Лефорть, удовлетворивъ первымъ порывамъ аппетита и выпивъ стаканъ-другой добраго вина, — а я вамъ долженъ сказать откровенно, что у меня прескверно на сердцѣ... И я отчасти потому именно и хлопочу такъ, и сучусь, и даже поспѣшилъ со своимъ новосельемъ...

— Я что-то не совсѣмъ васъ понимаю, — сказалъ полковникъ Лима, уписывая рагъ и съ наслажденіемъ прихлебывая вино изъ огромнаго стакана.

— Какъ же вы не понимаете? — быстро и оживленно заговорилъ Лефорть. — Я затѣялъ это шумное празднество своего новоселья со всякими шутовскими процессіями, маскарадомъ, плясками, попойками и фейерверкомъ, только для того, чтобы разсѣять высокоименитаго друга моего, царя Петра, который въ послѣднее время прямо возбуждаетъ съ моей стороны нѣкоторыя опасенія...

Полковникъ отодвинулъ отъ себя тарелку, утеръ угломъ скатерти свои жирные усы и уставился на Лефорта.

— Чего же вы-то можете опасаться? — наивно спросилъ онъ.

— За него опасаясь, а не за себя! — воскликнулъ Лефорть. — Подумайте, вѣдь это ужасно: въ послѣднія двѣ недѣли онъ не выходитъ изъ застѣнковъ Преображенскаго... онъ во все это самъ входитъ... раздражается... и это такъ дурно на него дѣйствуетъ... Вы видѣли, каковъ онъ былъ вчера на обѣдѣ у Адама Вейде... Вѣдь страшно было на него смотрѣть! Просто страшно! Даже я не рѣшался съ нимъ заговорить...

— Да. Это точно. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ отъ всѣхъ и не пилъ почти ничего. И все молчалъ, грозно обводя кругомъ своими черными глазами...

— Ну, то-то же! А дальше-то что же онъ хочетъ дѣлать? — продолжалъ Лефорть. — Вѣдь это просто волосъ дыбомъ становится! Тысячу человекъ собирается казнить, — тысячу слишкомъ! Гдѣ же это слыхано? Если въ Европѣ объ этомъ узнаютъ, это тамъ всѣхъ напугаетъ... подумаютъ, что царь Петръ звѣръ какой-то; съ нимъ не захочетъ никто и дѣла имѣть! Положимъ, что alle diese Streilitzen — это все большіе негодяи и каналы... Но зачѣмъ же всѣхъ-то ихъ казнить? Ну, перевѣшай нѣсколькихъ для страха, для примѣра, а остальныхъ сошли въ Сибирь, заставь работать...

— Само собою!—согласился Лима.—Въ Сибири имъ всѣмъ найдется мѣсто, и они тамъ не страшны будутъ, а даже полезны...

— Ну вотъ-вотъ! Я очень радъ, что мы съ вами смотримъ на это дѣло одинаково... Вотъ я и задумалъ отвлечь царя отъ этихъ его мрачныхъ, кровавыхъ мыслей, заставить его всласть повеселиться съ нами, какъ бывало прежде, и въ то время, когда морщины на лбу его разгладятся, когда онъ съ нами станетъ шутить и смѣяться, по обычаю своему, тогда...

— Тогда вы воспользуетесь этой минутой, — перебилъ Лефорта полковникъ Лима,—и попросите царя о помилованіи этихъ...

— Вы угадали!—радостно подтвердилъ Лефортъ, улыбаясь и прищуривая свои красивые глаза, окруженные тонкими лучистыми морщинками.—Я его знаю, этого умнаго и добраго царя Петра, и я берусь, я сумѣю выбрать такой удобный моментъ, когда его можно будетъ просить!—добавилъ Лефортъ, уже предвкушая заранѣе то удовольствіе, которое онъ испытаетъ, когда ему удастся спасти столько несчастныхъ отъ казни, столько семей отъ слезъ и сокрушеній.

— Прекрасно придумано, прекрасно! — одобрилъ полковникъ Лима, осторожно подливая себѣ вина въ стаканъ изъ какой-то пузатой и пыльной бутылки.—Но только я вотъ не могу понять, зачѣмъ я-то вамъ здѣсь понадобился?

— Понадобитесь завтра мнѣ не вы, а вашъ домъ, вашъ дворъ, вашъ садъ, Herr Oberst!—весело смѣясь сказалъ Лефортъ.—Въ вашемъ домѣ, съ вашего позволенія, соберутся предварительно всѣ приглашенные къ участию въ завтрашнемъ празднествѣ. У васъ всѣ они и будутъ переодеваться въ свои маскарадные костюмы, устанавливаться въ порядокъ, отъ васъ и двинутся процессіей къ моему дворцу, который будетъ представлять собою, по декораціямъ и убранству, обширный храмъ Бахуса... И весь этотъ кортежъ, всѣ эти папы и кардиналы, всѣ эти купидоны и амурь примутъ участіе въ освященіи храма... Вотъ посмотрите на мою программу...

Лефортъ вскочилъ съ мѣста, съ легкостью двадцатилѣтняго юноши, схватилъ съ ближняго стола папку, и сталъ выкидывать изъ нея рисунки костюмовъ и декорацій, списки лицъ, даже ноты...

— Вотъ, — говорилъ онъ со свойственной ему живостью, вертясь около неповоротливаго Лимы, — вотъ въ какомъ порядкѣ всѣ пойдутъ: тутъ, видите-ли, впереди, Бахусъ, верхомъ на бочкѣ, окруженъ своимъ штатомъ... Далѣе Венера... А вотъ это они должны пѣть всѣ хоромъ, во время шествія: эту кантату мой капельмейстеръ сочинилъ... И посмотрите, какъ это мило, граціозно!..

Лефортъ положилъ ноты передъ собою, выхватилъ откуда-то скрипку со смычкомъ и собирался угостить полковника Лиму музыкальной кантатой, которую уже началъ напѣвать въ полголоса, когда слуга доложилъ ему, что къ нему пожаловалъ бояринъ Зотовъ.

— А! Вотъ и самъ патріархъ von Kokui und Mutishti! Da kommt er!—воскликнулъ Лефортъ весело и громко, со скрипкою и смычкомъ подбѣгая на встрѣчу Никитѣ Мосеичу Зотову. Но, съ перваго же взгляда на князь-папу, Лефортъ, не смотря на всю свою обычную веселость и легкомысліе, просто опѣшилъ.

Обрюзглое, толстое, морщинистое лицо Зотова (который, по желанію Петра и по примѣру другихъ бояръ, тоже обрился за послѣднее время, оставивъ только усы) выражало такую залуганность, такую тяжкую душевную тоску и тревогу, что на него просто жаль было смотрѣть. Голова у него на плечахъ не держалась, глаза потускнѣли, толстая нижняя губа какъ-то безсильно съежилась и отвисла... Онъ едва волочилъ ноги. При первомъ взглядѣ на него можно было подумать, что его подняли съ одра тяжелой болѣзни, обезсиленнаго, изнуреннаго недугомъ, и насильно, противъ его воли и всякой возможности, заставили пріѣхать къ Лефорту. Едва кивнувъ головой хозяину, Никита Мосеичъ подошелъ къ первому стулу, который ему попался по дорогѣ и грузно опустился на него всею своею тучною персоною.

— Да что ты? Bist du krank? Или, може быть, von gestern noch Хмѣльницкій сидитъ гольлова? — заботливо сталъ спрашивать Зотова Лефортъ.

— Какой чортъ Хмѣльницкій!— съ досадою отвѣчалъ старый столыникъ государевъ, безнадежно отмахиваясь рукой. — Я еле живъ... Едва къ тебѣ доѣхалъ, думалъ—околѣю на дорогѣ... Вездѣ такія страсти, такіе ужасы... Господи!

— А что же случилось? Was ist geschehen?

— Не случилось еще, такъ надняхъ случится! О сю пору не опомнюсь!— съ отвращеніемъ продолжалъ Зотовъ. Куда ни сунешься, а тебѣ вѣшалица проклятая такъ въ глаза и лѣзетъ, такъ и грозитъ тебѣ своими крючьями, словно когтями дьявольскими!.. Столько ихъ наставлено, что нигдѣ проѣзду нѣтъ... И противъ Новодѣвичьяго монастыря, и по Земляному городу... И противъ сѣзжихъ избъ особья, для поповъ стрѣлецкихъ! Да что это, Господи, будетъ!? Ума помраченье!.. Мѡчи нѣтъ и теперь-то ужъ на это смотрѣть!.. Что же это будетъ, когда на этихъ самыхъ... Тьфу!

И Зотовъ въ совершенномъ отчаяніи замахалъ руками.

— Да! Да! Я тебе понимай, господинъ Зотовъ,— сказала Лефортъ, откладывая скрипку въ сторону.—Я понимай, и потому и просилъ тебе ко мнѣ пріѣхать!

И Лефортъ, съ большимъ оживленіемъ, быстро и спѣшно переходя отъ русской ломаной рѣчи къ плавной нѣмецкой, которую Зотовъ издавна разумѣлъ, дополняя рѣчь свою жестами и ужимками, подкрѣпляя ее указаніями на чертежъ иллюминаціи и фейерверка, изложилъ Никитѣ Мосеичу свой планъ завтрашняго праздника, представилъ яркую картину гомерическаго пиршества, ко-

торымъ оно должно было закончиться; а затѣмъ сообщилъ ему планъ того ходатайства о помилованіи стрѣльцовъ, съ которымъ всѣ они должны были обратиться къ царю Петру во время ужина.

Никита Мосеичъ, успѣвшій нѣсколько оправиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ переѣзда по московскимъ улицамъ, слушалъ Лефорта очень внимательно и даже такъ увлекся его планомъ, что до нѣкоторой степени увѣровалъ въ возможность его осуществленія.

— Хорошо бы! Охъ, хорошо бы, кабы удалось тебѣ, господинъ Лефортъ, пронять его—царя-то!—говорилъ со вздохомъ Зотовъ, слушая милую болтовню увлекшагося фантазера.—А то ужъ онъ до такой жесточи себя допустилъ, что теперь и подступу къ нему нѣтъ! Чуть заикнись кто-нибудь не по немъ, и зарычитъ сейчасъ: куда молъ суешься? Аль захотѣлъ, что бы я тебя въ ту же кашу стеръ?.. Ну, вѣстимо всѣ и на-попятный! Кому охота въ петлю-то лѣзть? Вотъ развѣ тебя послушаетъ, коли сумѣешь подойти къ нему...

— О! я его знаю!—самодовольно улыбаясь, утверждалъ Лефортъ.—О я сумѣю... Ich werde wohl so in günstiges Momentchen aussuchen...

И онъ съ жаромъ принялся описывать Зотову, какъ въ концѣ ужина, съ потолка, на веревкѣ, спустится надъ Петромъ крылатый геній Добра и какъ, при громѣ музыки, возложить на главу его вѣнокъ, а всѣ гости разомъ, по знаку ховяина, упадутъ на колѣни, и вотъ тогда...

— Охъ, любо дорого и послушать-то тебя!—сказалъ наконецъ Зотовъ, побѣжденный добродушіемъ и самоувѣренностью своего собесѣдника.—Говоришь, словно на органѣ играешь!.. Ну, ну, хоть и скребутъ еще кошки на сердцѣ,—готовъ служить! Говори: какъ это завтра ты устроишь? И чтò мнѣ придется дѣлать? И какъ кумпанію-то всю распредѣлишь?..

Полчаса спустя, Никита Мосеичъ ужъ обсуждалъ съ Лефортомъ, какъ нужно будетъ направить процессію, и кому что нести впереди и по бокамъ, и чѣмъ украсить бочку Бахуса... И обсуждая всѣ эти веселыя затѣи, Зотовъ уже посмѣивался имъ заранѣе, и весело прихлебывалъ изъ большаго кубка доброе, старое вино, чокаясь то съ ховяиномъ, то съ полковникомъ Лимой.

XIV.

Негрѣющіе и неяркіе лучи солнца уже давно румянили и обливали своимъ красноватымъ свѣтомъ листья деревьевъ, заборы, стѣны и кровли домовъ, а морозный сентябрьскій утренничекъ все еще подергивалъ землю своимъ бѣловатымъ, серебристымъ на-

томъ... Въ воздухѣ, рѣзкомъ и чрезвычайно прозрачномъ, вѣяло не только холодкомъ, но даже легкимъ морозцомъ..

— Холодненько, сиверко становится! Жутко таково! — поговаривали между собою, пожимаясь отъ холода, Лопухинскіе крестьяне и челядинцы, густою толпою стоявшіе на паперти Ильинской церкви и на улицѣ около нея, запруженной толпами зѣвакъ и любопытныхъ.

— Зато въ церкви не продохнуть, братцы мои! Такая-то тѣснота да жарыща—мѣчи нѣтъ!—говорилъ кто-то, продираясь сквозь толпу.

— Теперь, должно быть, отпѣваніе скоро окончится? Пора бы ужъ и выносить; а то и къ вечеру, пожалуй, въ подмосковную не донесемъ...

— Ну, не донесемъ, такъ довеземъ.

— Полво вратъ! Донести на плечахъ должны!—крикнуло нѣсколько голосовъ въ толпѣ. — Онъ за насъ и пострадалъ, кормилецъ-то нашъ!..

— Да кого же это отпѣвають? — спросила какая-то старушеночка-странница.

— Боярина Лопухина, котораго самъ царь на пыткѣ замучилъ,—отвѣчали нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Самъ царь?! Охъ, Господи! Слыханное ли дѣло!

— Нонѣ слыханное!—толковали въ толпѣ.

— Котораго дня государь да князь Ѳеодоръ Ромодановскій крови не изопьютъ, того дня имъ и хлѣбъ въ глотку не лѣзеть...

Но вотъ толпа въ церковномъ притворѣ зашевелилась, движеніе передалось группамъ, тѣснившимся на паперти, и тѣ стали, мало-по-малу, высыпать изъ церкви на улицу... Пѣніе погребальныхъ молитвъ донеслось явственнѣе изъ-подъ церковныхъ сводовъ...

— Несутъ, несутъ!—пронесся говоръ въ народѣ, и всѣ стали снимать шапки, шепча про себя молитву. Вотъ показались въ дверяхъ трое Лопухинскихъ челядинцевъ, которые несли на головахъ крышку колоды съ вырѣзнымъ на ней осьмиконечнымъ крестомъ; за ними выступили изъ церкви пѣвчіе дьяки, громогласно и стройно напѣвая обычныя погребальныя пѣснопѣнія; за дьяками шли дьяконы, священники и архимандриты, окруженные монашествомъ... Монахи же несли на плечахъ самую колоду съ тѣломъ покойнаго, покрытую богатымъ парчевымъ боярскимъ кафтаномъ...

Когда колода вынесена была на улицу, толпа нищихъ и калѣкъ, высыпавъ изъ-за угла храма, завопила на всѣ лады, двусливо выкрикивая:

— Отецъ нашъ! Благодѣтель! Подай намъ на поминъ души покойнаго!

И нищіе окружили было выходившаго изъ церкви Абрама Ѳеодоровича, который шелъ за гробомъ, понутивъ голову, одѣтый въ темное «смирнде» платье и поддерживаемый подъ руки дворецкимъ Савельемъ и другимъ старымъ ключникомъ покойнаго боярина.

Но Лопухинскіе холопи бросились впередъ и оградили отъ нищихъ юнаго стольника, указавъ имъ на Мишку Ослопа, который шель позади съ большимъ кожанымъ кошельемъ въ рукахъ, черпалъ изъ него пригоршнями копейки и деньги и разбрасывалъ ихъ въ толпу нищихъ направо и налево. Между нищей братьей поднялся крикъ, ругань, вопли, драка, и этотъ содомъ на время заглушилъ даже пѣніе пѣвчихъ дьяковъ и народа...

— Разбирайтесь тутъ, будь вамъ пусто, бродягамъ! — проворчалъ Мишка Ослопъ, вытряхая на улицу остатки изъ своего кошелька, и, растолкавъ толпу оборванцевъ, поспѣшилъ нагнать похоронное шествіе, двигавшееся къ храму Гребневской Божіей Матери, среди густой толпы народа, постоянно возростающей на пути.

— Мученикъ! Страдалецъ! — твердили многіе въ толпѣ, слѣдовавшей за гробомъ.

— И всё-то его покинули! Ни родни, ни друзей, въ провожатыхъ нѣтъ! Одинъ племяншъ за гробомъ идетъ, и тотъ младъ-юношъ!

— Не даромъ говорится въ Писаніи, — сурово замѣтилъ Игнатій Босой, очутившійся въ толпѣ со своей котомкой и посохомъ, — «не надѣйтесь ни на князи, ни на бояри»... Вѣдь вотъ ни одного боярина нѣтъ! Всѣ хвостъ поджали, побоялись опального и до могилы проводить.

Отслуживъ литію у храма Гребневской Божіей Матери, шествіе свернуло на Покровку, потомъ на Маросѣйку, останавливаясь по пути и у другихъ храмовъ; а между тѣмъ толпа, слѣдовавшая за гробомъ боярина Лопухина, все возростала и возростала; монаховъ, вынесшихъ гробъ изъ церкви, давно уже смѣнили охочіе люди изъ толпы, которые то и дѣло подбѣгали къ носильцамъ, крестясь подставляли свои плеча подъ колоду и приговаривали:

— Дозвольте, братцы, и намъ понести мученичка... Кормилецъ былъ, поилецъ нашъ, благодѣтель!

Вдругъ на одномъ изъ перекрестковъ, почти на окраинѣ города, произошло какое-то замѣшательство... Голова шествія остановилась; впереди раздались голоса:

— Стой! Стой! Не напирай задніе! Стой!

— Что тамъ такое? — слышались тревожные вопросы въ толпѣ, все еще двигавшейся и уже запрудившей всю улицу около гроба.

— Пути нѣтъ! Не пуцаютъ, рѣшетками заперто...

И точно, толпа съ гробомъ Лопухина уперлась въ уличную рѣшетку, плотно запертую и охраняемую вытянутымъ по ту сторону строемъ солдатъ подъ ружьемъ и приставами съ дубьемъ въ рукахъ...

— Пустите! Дайте пройти! Дайте пронести покойнаго! — кричали сторожамъ Лопухинскіе холопи.

— Подождетъ! Покойнику спѣшить некуда! Аль не видишь, что путь заказанъ? — кричали въ отвѣтъ сторожа изъ-за рѣшетки.

Началась перебранка, слышались громкіе возгласы; толпа заволновалась. Дѣло легко могло дойти до рукопашной свалки...

Но гдѣ-то въ сторонѣ слышалась довольно нестройная музыка, пѣніе и разноголосый говоръ, сливавшійся съ звяканьемъ бубенцевъ, стукомъ колесъ и топотомъ копытъ... вотъ изъ-за угла стала попарно и кучками выступать устроенная Лефортомъ шутовская процессія, передъ которою вся толпа народа смолкла разомъ, пораженная изумленіемъ... Смолкло даже пѣніе погребальныхъ пѣсенъ, заглушаемое нахлынувшей изъ-за угла волною новыхъ, разнообразныхъ и веселыхъ звуковъ... Впереди всей процессіи выступалъ самъ царь Петръ Алексѣевичъ, въ мундирѣ барабанщика Преображенскаго полка; онъ усердно выбивалъ дробь на барабанѣ, прицѣпленномъ къ его кожаному поясу, и ему вторили на своихъ барабанахъ и флейтахъ слѣдовавшіе за нимъ полковые музыканты. За музыкантами шли шуты въ полосатыхъ кафтанахъ и высокихъ колпакахъ съ побрякушками и несли въ рукахъ курильницы, въ которыя то и дѣло подкладывали сухіе табачные листья. За шутами по два въ рядъ шли какіе-то дюжіе молодцы, съ подвязанными длинными бородами, въ клобукахъ и темныхъ одеждахъ, похожихъ на монашескія рясы; каждый изъ нихъ тащилъ на плечахъ огромную сулею или чудовищный жбанъ, или мѣдную и оловянную ендову; иные торжественно несли въ рукахъ знамена съ крупными надписями: «нѣсть грѣха въ куреніи табака», или боченки съ виномъ. За этими передовыми частями процессіи, на высокой и богато украшенной колесницѣ, шествовалъ самъ князь-папа, Никита Мосейчъ Зотовъ; наряженный Бахусомъ и окутанный отъ головы до ногъ гирляндами хмѣля, онъ сидѣлъ верхомъ на бочкѣ, на которой крупно была выведена красными буквами надпись: «Руси есть веселіе пити»... Около него на четырехъ углахъ колесницы стояли боченки, въ которые были посажены карлики, изображавшіе купидоновъ: съ подвязанными золоченными крыльями подъ мышками и съ деревянными рѣзными ковшами на головахъ, вмѣсто шапокъ; они кривлялись и корчили уморительныя рожи, то подскакивая, то присѣдая въ своихъ боченкахъ.

За колесницею Бахуса слѣдовала пестрая толпа ряженныхъ бояръ, придворныхъ и иноземцевъ, слѣдовалъ весь всешутѣйшій соборъ, въ полномъ составѣ, съ кардиналами въ красныхъ одѣяніяхъ и круглыхъ шапкахъ, съ дьякониссами въ клобучкахъ и яркихъ мантияхъ, съ княземъ-кесаремъ, въ высокой деревянной золоченой коронѣ и съ жезломъ въ рукахъ,—на ворономъ конѣ, прикрытомъ пардусовой шкурой.

За этою пестрою толпою шли музыканты и пѣсенники, въ шутовскихъ берестяныхъ митрахъ и кикахъ, въ вывернутыхъ на изнанку шубахъ, въ рогожныхъ гунькахъ и колпакахъ съ мочальными кистями. Одни играли на скрипичахъ, другіе били вѣвниками въ

сковороды, третьи гудѣли на бубнахъ, то встряхивая ими, то приплясывая и подпѣвая:

Наша ѡнока къ обѣднѣ спѣшить...
 На мутовочкѣ рубашечку сушить...
 Черевички сафьяненькія...
 А подружки съ меду пьяненькія..

Шествіе заканчивалось полусотней семеновцевъ, съ флейтами и барабанами.

Но вотъ и вся шутовская процессія прошла, и семеновцы скрылись за угломъ; и крики, и пiski, заглушаемые барабанами, постепенно стихая, стали смолкать вдаль, а толпа вокругъ гроба боярина Лопухина все еще стояла, пораженная диковиннымъ, необычальнымъ зрѣлищемъ..

Вотъ и рѣшетки открылись, и путь для похороннаго шествія былъ очищенъ, и толпа, заколыхавшись, двинулась медленно впередъ; но хоръ пѣвчихъ дьяковъ смолкъ, и въ толпѣ, тѣсно сплотившейся около гроба, слышались едва сдерживаемыя озлобленныя восклицанія:

— Антихристово полчище! Народился, видно, онъ, окаанный!.. Гряди-же, гряди себѣ на погибель!..

Праздникъ въ новомъ «храмѣ Бахуса» былъ еще въ полномъ разгарѣ. Свѣтъ нѣсколькихъ сотъ свѣчей, горѣвшихъ въ канделябрахъ и люстрахъ, еще лился широкими лучами изъ большихъ стекольчатыхъ оконъ Лефортовскихъ палатъ, а смѣхъ и говоръ и веселые клики шумнаго пиршества еще гремѣли и гудѣли въ высокихъ покояхъ роскошнаго дворца; а царя Петра давно уже не было между гостями Лефорта. Въ то время, когда всѣ гости, прямо изъ-за стола, двинулись въ садъ, смотрѣть на потѣшные огни, Петръ воспользовался этой минутой общей суматохи и суетоли, чтобы уклониться въ сторону отъ зоркаго и наблюдательнаго хозяина: онъ быстро сбѣжалъ по одной изъ боковыхъ черныхъ лѣстницъ во дворъ, сѣлъ въ первую боярскую колымагу, стоявшую около крыльца, и приказалъ везти себя въ Преображенское.

Такое быстрое исчезновеніе царя не было случайнымъ. Его новый любимецъ, Алексашка Меншиковъ, успѣлъ во время долгаго обѣденнаго пиршества шепнуть ему о томъ сюрпризѣ, который готовится ему заужиномъ, и черное облако надвинулось разомъ на высокое чело Петра. Во всю дорогу до Преображенскаго онъ думалъ все только одну и ту же думу:

— Всѣ они предатели, всѣ измѣнники! Всѣхъ ихъ туда же вмѣстѣ со стрѣльцами стѣило-бы вдернуть!.. Помиловать?.. А?.. Каково?.. Злодѣевъ моихъ, на жизнь мою умыслившихъ, съ сестрой въ разговорѣ, мятежниковъ—помиловать! Чтобы и другимъ повадно было! Ишь, добры не кстати стали господа бояре!..

Приѣхавъ въ свой Преображенскій дворець, онъ никого не велѣлъ будить, и прямо прошелъ въ ту комнату около своей опочивальни, которая служила ему рабочимъ кабинетомъ и приѣмной. Здѣсь онъ зажегъ свѣчу въ тяжеломъ старинномъ шандалѣ съ прорѣзнымъ гербовымъ орломъ на подставкѣ и сталъ ходить взадъ и впередъ, изъ угла въ уголь комнаты, большими тяжелыми шагами.

— И какъ все подстроили ловко! — думалъ съ озлобленіемъ Петръ. — Теперь, когда весь розыскъ законченъ, когда измѣна на лицо... Сами сознались злодѣи!.. Когда имъ готова заслуженная кара, я долженъ ихъ помиловать! Такъ они рѣшили! Предатели! — хуже стрѣльцовъ!.. Тѣхъ завтра перевѣшаю всѣхъ до одинаго, и духу ихъ не станетъ! А съ этими мнѣ вѣкъ вѣковать. Вѣкъ биться и маяться! О-о, Боже!

До слуха его среди ночной тишины долетѣлъ отдаленный, протяжный окликъ часоваго; пронесся и замеръ въ отдаленіи... Другой часовой, поближе, затанулъ ту же волчью пѣсню. На мгновеніе мысль Петра перенеслась во мракъ тѣхъ страшныхъ тюремъ Преображенскаго, гдѣ сотни осужденныхъ имъ стрѣльцовъ, изморенныхъ, измученныхъ, истерзанныхъ пытками, томились въ ожиданіи казни. Воображеніе представило ему въ живой, потрясающей картинѣ отчаяніе и ужасъ женъ, сестеръ и матерей, которыя придутъ блѣдныя, полумертвыя отъ страха, прощаться съ осужденными, когда ихъ повезутъ въ послѣдній, смертный путь... Петру показалось даже, что среди ночной тишины, изъ-за этого протяжнаго оклика часовыхъ, онъ слышитъ чей-то раздирающій вопль, и стоны, и рыданія!.. На мгновеніе ему стало страшно, на мгновеніе нѣчто похожее на жалость, на ослабленіе духа, на сомнѣніе въ себѣ самомъ, шевельнулось въ глубинѣ души его...

Онъ приостановился среди комнаты, провелъ рукою по лбу и по волосамъ. Но это было только мгновеніе!

— Нѣтъ! — прошепталъ Петръ. — Нѣтъ! Либо я, либо они... Либо мнѣ ихъ сразу погнуть и поломать, и «подъ новѣ ихъ покорити», какъ враговъ и супостатовъ, либо все бросить, все начатое, все насажденное и — бѣжать отсюда... Душно, тѣсно мнѣ въ этой московщинѣ проклятой, среди этихъ обжоръ, лѣнтыевъ и пьяницъ, которымъ вся жизнь — сплошной праздникъ и потѣха!

Онъ опять быстро зашагалъ по комнатѣ, и мысль его продолжала неудержимо развивать все одну и ту же тѣму.

— Уступить имъ, — пропасть! Никакихъ уступокъ!.. Никакихъ! Негодяи! Смѣютъ еще о царѣ Иванѣ Грозномъ басни всякія плести, а самимъ трехъ Ивановъ Грозныхъ нужно, чтобы ихъ на путь наставить... И пусть не ждуть, что ими буду править, какъ отецъ, или какъ дѣдъ блаженной памяти: я имъ Ивана Грознаго напомяну! Я не поддамся! Нѣтъ, не поддамся!

Онъ сѣлъ къ столу, долго рылся въ бумагахъ, которыя были на столѣ разложены большими грудями, долго пересматривалъ и перечитывалъ ихъ, не смыкая глазъ, и самъ составилъ списокъ тѣхъ 200 стрѣльцовъ, которые должны были на утро вкусить «отъ горькой чаши смерти».

Уже свѣтало, когда Петръ поднялся изъ-за стола и взглянулъ на зарумянившійся востокъ; потомъ вынулъ изъ кармана свою записную книжку и написалъ въ ней:

«Облакъ сумнѣнія сею ночью закрывалъ мысль нашу. Да не укоснѣетъ трудъ нашъ... Обаче надѣмся на Бога съ блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателемъ отъ плода вкусити».

Когда онъ окончилъ эти строки, кто-то легонько постучалъ въ дверь; Петръ крикнулъ «входи!»—и на порогѣ явился Меншиковъ.

— Государь!—проговорилъ онъ, кланаясь Петру. — Я нарочно впередъ бояръ пріѣхалъ упредить тебя... Они всей гурьбою сюда ѣдутъ: съ пьяныхъ глазъ хотятъ-таки просить тебя... о томъ же...

— А!.. О томъ же?!.. Спасибо, Алексаха, что упредилъ... Я приготовилъ имъ гостинецъ!.. Пусть пріѣдутъ...

Петръ съ этими словами подбѣжалъ къ столу, схватилъ съ него имянной списокъ осужденныхъ на казнь стрѣльцовъ и, передавая его Меншикову, сказалъ скороговоркой:

— Не медля, распорядись... Изготовить сто подводъ... По-двое на подводу... И чтобы команда была всюду на мѣстахъ... Двумъ полкамъ идти вокругъ подводъ для береженья... Мушкеты чтобы были заряжены... Чтобы все черезъ два часа поспѣло... Какъ только сяду на коня, чтобы двинулись... Слышишь? Все исправь, не то головой отвѣтишь!

Меншиковъ взялъ страшный списокъ изъ рукъ Петра и побѣжалъ исполнить его приказаніе, между тѣмъ какъ Петръ кликнулъ слугу, приказалъ подать себѣ умываться и удалился въ опочивальню.

Часъ спустя, ко дворцу подѣхали въ своихъ каретахъ и колымагахъ бояре и иноземцы, участвовавшіе въ Лефортовой пирушкѣ. Шумною, нестройною гурьбою ввалились они въ переднюю Преображенскаго дворца съ Францемъ Лефортомъ во главѣ. Царь приказалъ позвать ихъ въ комнату.

Нечесанные, помятые, съ покраснѣвшими, лоснящимися лицами и мутными опухшими глазами явились они передъ царемъ, и были очень удивлены, заставъ его уже одѣтымъ въ парадную офицерскую форму, при шпагѣ и съ треуголкою въ рукахъ.

Бояре отвѣсили царю неуклюжій и низкій поклонъ. Лефортъ, въ парикѣ, сбитомъ на сторону, въ богатомъ бархатномъ нѣмецкомъ полукафтаниѣ, залитомъ винами и какимъ-то соусомъ, спѣшно выступилъ впередъ и обратился къ Петру со словами:

— Каспода бояри хочуть тебе... тебе... просить...

— Знаю, о чемъ хотять просить господа бояре! — рѣзко перебилъ Лефорта Петръ.—Хотять просить, чтобы я моихъ измѣнниковъ и злодѣевъ помиловалъ отъ казни въ великій праздникъ! И я господамъ боярамъ оказать респектъ могу... Я велѣлъ вершить стрѣльцовъ сегодня же, и приказываю вамъ всѣмъ быть на мѣстахъ у висѣлицъ, гдѣ кому по списку указано!

Нѣмой ужасъ изобразился на всѣхъ лицахъ: кажется, и хмѣль разомъ со всѣхъ слетѣлъ... Только грозный князь Ѳеодоръ Юрьевичъ посмотрѣлъ на всѣхъ не то сердито, не то насмѣшливо, какъ бы выражая взглядомъ:

— Что взяли? Не моя-ли правда?

Но суетливый и добродушный Лефортъ не вытерпѣлъ... Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ; съ мольбой простирая руки къ Петру, онъ палъ передъ нимъ на колѣни и заговорилъ дрожащимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Hör' mal, du, Bruder, lass dich...

Молнія вдругъ сверкнула въ очахъ Петра.

— Bruder!?!—повторилъ онъ глухимъ и хриплымъ голосомъ, который напоминалъ рыканіе звѣря, сорвавшагося съ цѣпи.—Bruder!! Ахъ ты...

Царь произнесъ страшное слово и ринулся на Лефорта. Сбивъ его на полъ мощнымъ ударомъ кулака, онъ сталъ безжалостно топтать его ногами, приговаривая:

— Здѣсь я тебѣ не брудеръ,—я царь!! Я покажу вамъ всѣмъ! Какъ тебя, собаку, такъ и всѣхъ васъ растопчу ногами!.. Прочь отсюда, прочь!

И сильнымъ толчкомъ ноги онъ отбросилъ полумертваго Лефорта въ сторону. Между тѣмъ какъ ближайшіе изъ бояръ и полковникъ Лима поднимали и выносили за дверь несчастнаго Франца, у котораго кровь лилась изъ носа и изъ ушей, Петръ прошелся дважды по комнатѣ и остановился передъ боярами, сбившимися въ тѣсную кучу у дверей. Лицо его подергивалось судорожными движеніями, ноздри раздувались, глаза горѣли пламенемъ.

— Вижу я, господа бояре,—проговорилъ Петръ мрачно и глухо,— что вы боитесь пролить кровь моихъ злодѣевъ... Что вы хотите помѣшать мнѣ... исполнить мой долгъ—покарать предателей, противъ общаго блага умышляющихъ... Такъ я васъ поучу! Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ! Велика снять съ первыхъ трехъ подводъ пятерыхъ мятежниковъ, положи ихъ у моего дворца на плахи: здѣсь, при всѣхъ васъ, сниму имъ головы! Самъ срублю и васъ рубить заставлю...

Князь Ромодановскій вышелъ, чтобы исполнить царскій приказъ; а Петръ, остановившись передъ толпою царедворцевъ, окинулъ ихъ всѣхъ своимъ грознымъ, мощнымъ, вызывающимъ взглядомъ, и на всѣхъ лицахъ прочелъ только ужасъ и рабскую готовность повиноваться его желѣзной волѣ.

XV.

Вѣсть о томъ, что стрѣльцовъ везуть изъ Преображенскаго въ Москву на казнь, съ быстротою молніи долетѣла въ Москву и страшно всѣхъ поразила... Всѣ давно уже ждали роковаго исхода пыточной работы, но никому не приходило въ голову, что этотъ исходъ можетъ быть такъ близокъ, такъ неминуемъ... А многіе и просто не вѣрили тому, чтобы Петръ рѣшился такъ грозно выместить на стрѣльцахъ свой царскій гнѣвъ.

Но когда у всѣхъ на устахъ явилась страшная вѣсть, и Москва огласилась однимъ общимъ кличемъ: «везуть, везуть стрѣльцовъ изъ Преображенскаго — обозомъ цѣлымъ везуть!»—тогда вся Москва высыпала изъ домовъ, и на всемъ пути отъ Преображенскаго до Красной площади десятки тысячъ народа вытянулись сплошной темной шпалерой по обѣ стороны улицъ.

Настроеніе толпы было какое-то странное и притомъ крайне неопредѣленное... Не то озлобленное, не то подавленное, оторопѣлое. Всѣ были встревожены, взволнованы этимъ необычнымъ, неслыханнымъ зрѣлищемъ казни столькихъ осужденныхъ сразу; припоминали, что такихъ казней не бывало на Москвѣ со временъ Грознаго царя, и шли смотрѣть, убѣдиться своими глазами: точно ли правду говорятъ, будто повезуть стрѣльцовъ цѣлымъ обозомъ къ висѣлицамъ и будутъ вершить сотнями. Или такъ это—одна досужая людская молвь и выдумка? Всѣ высыпали изъ домовъ къ воротамъ, отъ стараго до малаго, и всѣ стали трепетно смотрѣть въ даль... Лишь изрѣдка перекидываясь отдѣльными словами, всѣ ждали, волнуемые тревогою, жалостью и любопытствомъ...

Вотъ кто-то крикнулъ вдали: «ѣдутъ! ѣдутъ!». Кто-то подхватилъ: «везуть, везуть!» и вся толпа смолкла въ нѣмомъ оцѣпенѣніи... Дѣйствительно вдали показались какія-то подводы, окруженныя всадниками, запряженныя въ двѣ и три лошади... Но онѣ скакали слишкомъ быстро—мчались во всю прыть... Такъ не могли везти осужденныхъ на казнь...

Гремя и стуча по мерзлой и колеистой землѣ, проскакало съ десятокъ подводъ съ солдатами и заплечными мастерами въ высокихъ колпакахъ и нагольныхъ тулупахъ, накинутыхъ поверхъ рубахъ съ краснымъ воротомъ. На двухъ подводахъ, вмѣстѣ съ солдатами, ѣхало нѣсколько поповъ съ крестами въ рукахъ и дьяковъ со связками какихъ-то свитковъ... Суровые усачи драгуны въ треуголкахъ, надвинутыхъ на самыя брови, скакали о-бокъ съ подводами, палаши на-голо, бряцая уздечками и грузно потряхиваясь на сѣдлахъ.

— Къ вѣшалицамъ ѣдутъ!— пронеслось въ толпѣ.— Попы и дьяки, и заплечные мастера по мѣстамъ становятся... Ждутъ—и команда кругомъ... Видно, и точно скоро ихъ повезуть...

Все въздыхаютъ, покачивая головами и еще упорнѣе, еще пристальнѣе смотрятъ вдаль...

Такія же толпы стоятъ и на Ильинскомъ крестцѣ, не далеко отъ дьячихъ избъ, и сосредоточенно смотрятъ на страшныя приготовления къ казни; вотъ заплечные мастера подставили длинныя лѣстницы-стремянки къ верхней толстой перекладинѣ; вонъ одинъ изъ нихъ, скинувъ зипунъ на-земь, сѣлъ верхомъ на перекладину, засучилъ рукава на жилистыхъ, сильныхъ рукахъ и прилаживаетъ петли къ крючьямъ. И дальше, около слѣдующихъ вѣшалицъ (а ихъ съ десятокъ виденъ съ крестца) кипитъ та-же страшная, спѣшная работа.

— Охъ Господи! Спаси ты насъ грѣшныхъ! — слышится изрѣдка возгласъ въ толпѣ, среди сдержаннаго шепота и глубокихъ, подавленныхъ вздоховъ...

— Смотри, къ обѣднѣ отблаговѣстили, а лавки никто открывать и не думаетъ! Вотъ такъ притча! — замѣчаетъ толстый купецъ, обращаясь къ какому-то молодому посадскому.

— До лавокъ ли тутъ, отецъ родной! — отзывается тотъ. — Смотри-ка ты ни саешниковъ, ни квасниковъ, ни разonosчиковъ, въ слухахъ нѣтъ! А объ эту пору ими тутъ хоть прудъ пруди!

— А это что же, братцы, словно бы въ барабаны бьютъ? — сказалъ какой-то юркій, изворотливый и бойкій малый, сновавшій въ толпѣ, которою заставленъ былъ весь крестецъ.

— Солдаты идутъ, вѣстимо! — проворчалъ ему въ отвѣтъ Мишка Ослопъ, кивкомъ указывая на Воскресенскія ворота, изъ-подъ которыхъ съ барабаннымъ боемъ выступали на площадь два полка, мушкеты на плечахъ.

И чуть только солдаты прошли мимо крестца, направляясь къ Лобному мѣсту и Покровскому собору, гдѣ должны были состояться главныя казни и висѣлицы были поставлены сплошными рядами, чуть только смолкли барабаны, — издали, едва слышно, но совершенно явственно долетѣлъ до слуха смолкнувшей толпы какой-то странный, дребезжащій звукъ... Звукъ этотъ то прерывался не надолго, то снова возникалъ, и все возрасталъ, и возрасталъ, очевидно, приближаясь... И вдругъ покрылся долетѣвшимъ издали ропотомъ толпы, по которой съ быстротой молніи пронеслись слова:

— Везуть... везуть... вонъ они!

Пронеслись и замерли... И уже явственно, съ дальняго конца Ильинки, отъ Пожара послышались стоны и вопли, и несмолкаемый сплошной вой множества женскихъ голосовъ... И сколько горя, сколько отчаянія и ужаса было въ этомъ надрывающемъ душу нескончаемомъ воѣ! Какъ страшно подѣйствовалъ онъ на толпу, которая разомъ какъ бы замерла на мѣстѣ, какъ бы застыла въ тягостномъ ожиданіи предстоящаго зрѣлища...

И вотъ потянулось мимо Ильинскаго крестца нескончаемое ше-

ствіе... На сотнѣ подводѣ, попарно привязанные къ градкамъ тѣлѣтъ, ѣхали осужденные на казнь стрѣльцы, безъ шапокъ, въ бѣлыхъ чистыхъ рубахахъ, со свѣчами въ рукахъ, окруженные густою цѣпью солдатъ, которые ровно и мѣрно выступали по бокамъ подводѣ, блистая на солнцѣ стволами и штыками мушкетовъ. Блѣдныя, желтыя, измозженныя страданіями лица осужденныхъ были безучастно холодны и не выражали ни тревоги, ни страха... Видно было, что всѣ они давно уже свыклись съ мыслью о смерти и спокойно смотрѣли ей въ лице. Многіе изъ нихъ, сосредоточенно вперивъ взоръ въ пространство, тихо напѣвали погребальныя пѣсни, какъ бы заранѣе читая себѣ отходную; иные низко кланялись на обѣ стороны, шепча про себя:

— Простите, православные! Не поминайте лихомъ!

Всѣ держали себя степенно и важно; всѣ настроены были торжественно; ни одинъ изъ нихъ не вглядывался въ толпу женъ, дочерей и сестеръ, которыя бѣжали по обѣ стороны улицы, за цѣпью солдатъ, рядомъ съ подводами. Счеты съ жизнью были покончены, связи порваны: плачь женъ и дѣтей уже не терзаль сердца, закаленного страданіями...

А жены и сестры, и дочери, въ слезахъ, ломая руки, ударяли себя въ грудь и бѣжали, ничего передъ собою не видя, обезумѣвшія, растеряныя, наталкиваясь на встрѣчную толпу, простирая руки къ отцамъ, мужьямъ и братьямъ; инныя бѣшено рвали на себѣ волосы, стараясь болью уравновѣсить, ослабить, утолить свои невыносимыя страданія нравственныя; другія раздирали цвѣтныя фѣрязи и разметывая по землѣ жемчужныя ожерелья, топтали ихъ ногами. Всѣ въ одинъ голосъ вопили, выли, какъ надъ покойниками:

— Соколики наши ясныя, отцы, кормильцы богоданныя! Почто вы насъ покидаете... Почто уходите въ путь-дороженьку чуждальнюю, невозвратимую... О-о-о! Страдальцы горемычныя! Мученички горькія!—слышались возгласы женщинъ среди толпы, которая слѣдила за поѣздомъ, обнаживъ головы и въ глубокомъ молчаніи. Многіе осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, шепча про себя молитвы за упокой души несчастныхъ.

По выступленіи поѣзда съ Ильинки на площадь, сквозь толпу, стоявшую около дьячихъ избъ тѣсною стѣною, пробилась молодая дѣвушка; блѣдная, перепуганная, оглушенная общимъ воплемъ, она металась во всѣ стороны, простоволосая, въ одной сорочкѣ и наскоро накинутаго фѣрязи... Роскошныя, длинныя косы ея растрепались и разсыпались волнистыми прядями по плечамъ... То и дѣло откидывая ихъ за спину, дѣвушка перебѣгала отъ одной подводы къ другой, заглядывая въ лица осужденнымъ, обращаясь къ встрѣчнымъ женщинамъ съ быстрымъ, настойчивымъ вопросомъ:

— Отецъ? Гдѣ отецъ?

— Тамъ... охъ, тамъ, Акулинушка! Тамъ его увидишь,—отвѣ-

чали женщины среди воплей и рыданій, неопредѣленно указывая ей на самый хвостъ поѣзда.

Акулина остановилась, патаясь, какъ пьяная, блуждая глазами, почти не замѣчая мелькавшаго передъ нею темнаго строя солдатъ, за которымъ тянулась нескончаемая вереница телѣгъ съ осужденными, почти не слыша неумолчно раздававшихся около нея воплей и стоновъ... Вотъ ужъ поѣздъ близится къ концу, и всего еще три телѣги осталось ей осмотрѣть... Но и въ нихъ не видать его...

— Отецъ? Гдѣ же онъ? Гдѣ?—шепчетъ дѣвушка и растерянными отъ ужаса глазами всматривается въ послѣднюю подводку.

На этой подводѣ, прикрытыя рогожами, лежатъ пять обезглавленныхъ тѣлъ... Свѣжая кровь, тонкими струйками сбѣгая въ телѣгу, яркими, крупными каплями падаетъ на мерзлую землю. Къ грядкамъ телѣги прикрѣплены пять толстыхъ спицъ, и на каждой изъ нихъ вздѣто по одной головѣ....

Акулина рванулась впередъ, вскрикнула страшнымъ, раздирающимъ голосомъ:

— Батюшка!—и замертво грянулась на землю.

XVI.

Дня три спустя послѣ возвращенія изъ подмосковной, съ похоронъ дяди, Абрамъ Ѳедоровичъ получилъ отъ князя Ѳедора Юрьевича приказъ явиться въ Преображенское. Съ невыразимо тяжкимъ чувствомъ трепетнаго ожиданія чего-то страшнаго, Абрамъ Ѳедоровичъ назавтра, рано утромъ, собралъ всѣ бумаги, вывезенныя изъ заграничнаго путешествія, захватилъ и аттестатъ, выданный ему правительствомъ Венеціанской республики, и изготовился предстать предъ грозныя и зоркія очи царя Петра.

Путь съ Ильинки до Преображенскаго показался ему нескончаемо долгимъ при его настроеніи: черныя, мучительныя думы терзали и томили его наболѣвшую душу и пугали его разстроенное воображеніе невѣдомыми, надвигающимися на него бѣдствіями. И кругомъ, куда ни оглянись, все было такъ мрачно, такъ уныло, такъ ужасно! Всюду были еще свѣжи слѣды недавней, кровавой оргіи. На многихъ улицахъ онъ, при проѣздѣ, натыкался на висѣлицы, плотно увѣшанныя рядами тѣлъ, которыя темными силуэтами вырѣзались на блѣдномъ утреннемъ небѣ. Подъ висѣлицами тѣснились молчаливыя и сумрачныя кучки зѣвакъ, и, жалобно завывая, голосили женщины, распростертыя на мерзлой землѣ; а вверху, рѣзко перекликаясь и какъ бы заранѣе дѣля между собою богатую добычу, кружили въ воздухѣ черныя стаи вороновъ. Абрамъ закрывалъ глаза, чтобы не видѣть этой мрачной картины, и въ то время, когда онъ поднималъ руку, чтобы осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, его уста, вмѣсто молитвы за

упокон души убиенныхъ, невольно шептали проклятiя неумолимому, безпощадному царю Петру.

Вотъ наконецъ и Преображенское, съ его сбитыми въ кучу дворцовыми постройками, съ его сторожевыми вышками и мрачнымъ зданiемъ Приказа; вотъ обширныя тюрьмы и цѣлый рядъ отнесенныхъ къ задамъ села пыточныхъ избъ; вотъ и дворець и въѣздъ во дворъ его, охраняемый солдатскимъ карауломъ и переполненный всякимъ людомъ, снующимъ взадъ и впередъ...

Абрамъ сходитъ у воротъ изъ своей колымаги, вступаетъ во дворъ, и сердце его невольно болѣзненно сжимается: и кажется ему, что онъ вступилъ въ огромный застѣнокъ, и чуетъ ему запахъ крови, и изъ-за шума и говора встрѣчныхъ людей чудятся неумолчныя вопли и стоны жертвъ суроваго царственнаго судьи...

— Какъ я къ нему явлюсь? Что стану говорить? — думаетъ Абрамъ, подымаясь на ступени широкаго дворцоваго крыльца. — Какъ я буду въ очи ему смотрѣть? Убийца дяди, сестры-царицы ненавистникъ и губитель!.. Отцу и всему роду нашему лютой врагъ! Охъ, Господи, пошли мнѣ силы, чтобы я голосъ его могъ услышать безъ содроганiя, чтобы я въ очи его безстыжiя могъ глянуть безъ ненависти, чтобы...

Тутъ передъ нимъ широко распахнулись двери приѣмной комнаты государя, въ которой, не смотря на раннiй часъ, уже толпилось немало всякаго люда: бояръ и иноземцевъ, и военныхъ, посадскихъ людей и простыхъ мастеровыхъ... Абрамъ, незнакомый съ дворцовыми порядками, нѣсколько растерялся среди этой пестрой толпы, остановился у порога и сталъ оглядываться въ надеждѣ, что увидитъ кого нибудь изъ родни или знакомыхъ, — и никого не видѣлъ.

— Не ты ли будешь стольникъ Абрамъ Ѳеодоровичъ Лопухинъ? — въ полголоса обратился къ нему стоявшiй у двери подьячiй и, получивъ утвердительный отвѣтъ, добавилъ:

— Пожалуй за мной слѣдомъ. Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ приказалъ мнѣ высмотрѣть тебя и къ нему привести.

Подьячiй вывелъ Абрама въ сѣни, свернулъ налево, поднялся нѣсколько ступеней и открылъ дверь въ небольшую комнату, въ которой за письменнымъ столомъ, заваленнымъ горами бумагъ и столбцовъ, сидѣлъ князь Ромодановскiй. Сухо отвѣтивъ на поклонъ Лопухина, князь сдѣлалъ знакъ подьячему, чтобы тотъ удалился, и когда подьячiй скрылся за дверью, Ромодановскiй привѣтливо протянулъ руку Абраму Ѳеодоровичу и сказалъ:

— Здравствуй, голубчикъ. Съ приѣздомъ тебя, жаль только, что съ невеселымъ... Дядѣ твоему покойному я былъ всегдашнiй другъ и тебѣ, и всѣмъ твоимъ я другъ... Да только теперь на васъ безвременье нашло и надо всѣмъ вамъ быть на-сторожѣ. И я тебя призвалъ недаромъ...

— Что прикажешь, князь, говори!

— Не въ приказѣ дѣло,—сказалъ, понижая голосъ, князь Романоновскій.—Сегодня царь не выйдетъ на пріемъ: расчетомъ занять по воронежскому кораблестроенію, и... и слава Богу для тебя... Мой совѣтъ тебѣ такой: подольше на глаза ему не попадаться!.. Просись теперь же на житіе въ свое вологодское помѣстье, въ дальнее. И тамъ сиди смиреннько и тихонько: жди вѣсточки моей. Послушаешь меня—не спокаешься.

— Спасибо на добромъ пожеланьѣ. Я думалъ и такъ уѣхать изъ Москвы... Опостылѣла она мнѣ...

— Такъ не замѣшкай съ челобитной, голубчикъ Абрамъ Ѳеодоровичъ... Завтра же подай! Упустишь—не воротишь! Я самъ ее и передамъ царю и абшидъ выхлопочу тебѣ... И съ Богомъ въ путь-дорогу...

Князь протянулъ руку Абраму, указывая этимъ, что аудіенція кончена, и Абрамъ вышелъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ: онъ радовался и тому, что былъ избавленъ отъ тягостнаго и опаснаго свиданія съ Петромъ, и тому, что въ ближайшей къ Петру средѣ нашелъ себѣ такого искренняго доброжелателя...

— Да, да! Князь—правъ! Уѣхать отсюда поскорѣе, уѣхать куданибудь подальше... въ святую глушь,—думалъ онъ, направляясь черезъ дворцовый дворъ къ ворота. И вдругъ вспомнилъ о томъ, что ему нельзя тотчасъ уѣхать изъ Москвы:

— На кого же я Акулину здѣсь покину? Онъ мнѣ ее на руки оставилъ... На смертномъ одрѣ ее завѣщалъ... Съ ней нельзя мнѣ разлучиться, особенно теперь, когда она на волосокъ отъ смерти...

И ему живо представилась та небольшая боковуша, съ завѣшанными окнами, гдѣ Акулина металась въ бреду по постели, то замирая на нѣсколько часовъ безъ движенія, безъ признака жизни, то вдругъ вскакивая съ криками, воплями и проклятіями на устахъ...

И во всю дорогу отъ Преображенскаго села до своего подворья на Ильинкѣ онъ только о ней и думалъ, объ этой несчастной, вдругъ осиротѣвшей и оставшейся одинокою и безпокровною съ тѣхъ поръ, какъ ея мать умерла въ застѣнкѣ, не вынеся жестокихъ пытокъ, а отецъ принялъ смерть отъ руки грознаго царя...

— Что Акулиша?—было первымъ вопросомъ Абрама, когда онъ переступилъ порогъ дядинаго дома.

— Да ничего нѣтъ лучше,—сказалъ Савелій.—Дохтуръ нѣмецъ былъ опять по твоему приказу, смотрѣлъ ее и говорить: теперь, молъ, ничего сказать нельзя, а вотъ дня черезъ два, какъ болѣсть ея переломится, такъ и видно будетъ, къ худу ли, къ добру ли повернетъ.

Абрамъ прямо изъ сѣней прошелъ въ ту боковушу, гдѣ лежала Акулина, попржежнему въ полномъ забытьѣ... Онъ заботливо

склонился надъ ея изголовьемъ, положилъ ей руку на лобъ и сталъ прислушиваться къ дыханію... Дыханіе было горячо и неровно; лицо пылало; глаза были полуоткрыты, но ничего не видѣли, не свѣтились искрою сознанія. Безпомощно склонивъ голову на обнаженное плечо, молодая дѣвушка лежала, прикрытая темною волною своихъ роскошныхъ волосъ, широко разметанныхъ по груди, по плечамъ и изголовью.

— Все такъ вотъ пласточкомъ и лежить!—шепотомъ сказала Абраму Савельева дочка, ухаживавшая за Акулиной.—Какъ ее тогда Мишка Ослопъ въ охапкѣ съ улицы принесъ, такъ и досель никого не узнаетъ, никого не видитъ... Все только отца съ матерью поминаетъ.

Какъ бы въ подтвержденіе ея словъ, Акулина вдругъ заметалась на изголовьѣ, приподнялась на локти и, обводя кругомъ мутными, тревожно-блуждавшими очами, заговорила въ полголоса:

— За мной?.. За мной пришли? Отца загубили, мать замучили! Мало еще вамъ: моей крови хотите... Вотъ, вяжите руки, рубите голову... Да рядышкомъ ее поставьте, съ батюшкиной рядомъ...

Абрамъ не выдержалъ, закрылъ лицо руками и, чувствуя, что слезы начинаютъ душить его, выбѣжалъ изъ боковуши...

Дня три-четыре спустя, на челобитье Абрама, въ которомъ онъ просилъ царя о дозволеніи ему уѣхать на время въ дальнія вологодскія вотчины, послѣдовало разрѣшеніе. Самъ князь Куракинъ, зять Абрама, привезъ ему форменный «абшидъ» и, передавая его шурина въ руки, добавилъ:

— Спасибо князь Ѳедоръ Юрьевичу... Онъ упросилъ, а то хотѣлъ куда-то въ службу дальнюю тебя услатъ. И то, какъ подписалъ абшидъ, такъ и сказалъ: «пусть ѣдетъ, пока не надобенъ; только чтобы во Владиміръ носу не совалъ и съ сестрою отнюдь не видался».

— Готовъ бы я хоть сейчасъ уѣхать,—сказалъ Абрамъ:—да вотъ...

Онъ хотѣлъ рассказать Куракину объ Акулинѣ, о ея болѣзни, о предсмертномъ завѣтѣ боярина Петра Абрамовича, но Куракинъ не далъ ему окончить рѣчи и перебилъ его своими настояніями:

— Вѣръ мѣѣ: не мѣшкой, уѣзжай! А то, пожалуй, еще хватится тебя... Съ нимъ теперь вѣдь не ровенъ часъ! Вдругъ опять какъ съ цѣпи сорвется да головы начнетъ рубить. Тогда ему никто подъ руку не попадайся! Такія времена, что вчужѣ страшно становится... Ужъ на что мы съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ — и въ милости, и въ ближнихъ состоимъ; а женъ своихъ услали въ подмосковныя... Стыдъ, право, и сказать: съ тобой какіе мы родные, близкіе, а тебя къ себѣ не просимъ жаловать! Не прогнѣвайся, родимый!... Кажись, будь наша воля, тотчасъ бы съ Москвы бѣжали... Уѣзжай, голубчикъ!

Послѣ отъѣзда Куракина, Абрамъ долго вертѣлъ въ рукахъ свой абшидь и все обдумывалъ свое странное положеніе... Онъ понималъ, что уѣхать ему необходимо, и въ то же время не чувствовалъ въ себѣ силы покинуть несчастную дѣвушку, съ которой такъ неожиданно и странно связала его судьба.

— «Надо уѣхать завтра же!—говорилъ онъ самъ себѣ, быстро шагая изъ угла въ уголь комнаты.—Надо и ее увезти отсюда, пока она еще въ себя не пришла, не очнулась... Надо удалить ее отъ этихъ ужасовъ, отъ этихъ потоковъ слезъ и крови»...

И потомъ вдругъ ему становилось страшно; являлись вопросы и сомнѣнія. Какъ ѣхать съ больною? Какъ ее везти? Пожалуй, еще умереть въ дорогѣ? Пожалуй, повредишь ей? Въ отвѣтъ будешь передъ Богомъ?...

И онъ падалъ духомъ, и ему представлялось, что онъ все будетъ здѣсь сидѣть на подворьѣ, какъ прикованный, какъ замороженный, и все будетъ ждать съ невольнымъ замираньемъ сердца и съ рабскою покорностью тѣхъ бѣдствій и невзгодъ, которыя несутъ ему близкое будущее... Но Гордіевъ узелъ распутался самъ собою, и равнѣ, чѣмъ можно было ожидать...

Послѣ тревожно проведенной ночи, втеченіе которой Абрамъ почти не сомкнулъ глазъ, онъ заснулъ только подъ утро, когда уже стали благовѣстить къ заутрени... Сонъ былъ тяжелый, полный мрачныхъ, кровавыхъ, потрясающихъ образовъ, и Абрамъ былъ самъ радѣшенекъ, когда отъ него очнулся... Очнулся, пробужденный какимъ-то звукомъ, страннымъ, дикимъ—какою-то смѣсью разныхъ звуковъ... То ему слышался протяжный, жалобный вой, то какъ будто трескъ барабановъ, то пѣніе заунывное, погребальное...

— «Похороны, что ли, мимо ѣдутъ?»—подумалъ Абрамъ, приподнимаясь на постели и прислушиваясь.

Но пѣніе вдругъ покрылось такою волною души раздирающихъ воплей, такимъ взрывомъ отчаянныхъ стоновъ, криковъ и рыданій, что Абрамъ не выдержалъ, вскочилъ съ постели и бросился въ сосѣднюю комнату узнать, что происходитъ на улицѣ...

Первое, что бросилось ему въ глаза,—Савелій на колѣняхъ передъ образомъ. Старикъ молился горячо, со слезами и произносилъ вслухъ:

— Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ, прости имъ прегрѣшенія вольныя и невольныя...

— Савелій! За кого ты молишься? Кого это хоронятъ?—спросилъ Абрамъ, подходя къ старому слугѣ.

— Никого не хоронятъ... Царскихъ стрѣльцовъ живыхъ на смерть везутъ... На казнь... Обозъ такой, что и конца-краю ему не видно... Господи, упокой души ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ...

Старикъ не могъ продолжать и, припавъ къ полу, зарыдалъ, какъ ребенокъ...

А вопль и стоны, и рыданія, и вой, непрерывною волною неслись съ улицы, терзая душу Абрама, внося въ нее злобу и отчаяніе. Казалось, этому вою и конца не будетъ!... Сдвинувъ брови, судорожно сжавъ кулаки, Абрамъ стоялъ посреди комнаты, поглощенный сознаниемъ ужаса, совершавшагося на глазахъ у всѣхъ.

«Этотъ жестокій, этотъ неумолимый произнесъ свое суровое слово, и сотни людей идутъ на смерть, и сотни женъ и дочерей отдаются въ жертву отчаянію, обрекаются на горькое, беспомощное сиротство».

Савелій, между тѣмъ, поднялся съ молитвы и, утирая кулакомъ слезы, проговорилъ:

— И сегодня, и завтра казни будутъ... А тамъ денёчекъ рывдху заплечнымъ мастерамъ дадутъ, да еще шесть дней по стольку же вершить ихъ стануть... Такъ нашимъ ребятамъ въ Преображенскомъ сказывали... Чтобы до отъѣзда царя въ Воронежъ половину повершить.

Абрамъ вдругъ схватилъ стараго слугу за руку и, крѣпко стиснувъ ее, сказалъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Сегодня же собирай меня въ дорогу... И Акулину... и дочку отпусти съ ней... Чтобы завтра, чѣмъ свѣтъ, вонъ изъ Москвы! Я здѣсь не выдержу: я руки на себя наложу... Или еще хуже: я его убью... убью злодѣя, ненавистника, бусурмана проклятаго!..

Савелій взглянулъ на Абрама и, по выраженію его лица, понялъ все то, что совершалось въ его душѣ: понималъ, что ему остается только исполнить данный ему приказъ.

XVII.

Минуло слишкомъ три мѣсяца съ той поры, какъ на Москвѣ начались первыя стрѣлецкія казни, и всѣ улицы, всѣ площади и перекрестки застроились нескончаемыми рядами висѣлицъ. Окоченѣлые, потемнѣвшіе трупы стрѣльцовъ все еще оставались на этихъ висѣлицахъ, покачиваемые вѣтромъ, терзаемые крикливыми стаями хищныхъ птицъ, слетѣвшихся въ Москву со всѣхъ окрестностей. Передъ сѣзжими избами стрѣлецкихъ слободъ еще лежали на колесахъ трупы стрѣлецкихъ поповъ и начальныхъ людей, а головы ихъ торчали на спицахъ позорныхъ столбовъ, украшенныхъ весьма пространномъ и обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ тяжкихъ винъ. Передъ окнами кельи Новодѣвичьяго монастыря, въ которой заключена была царевна Софья, мертвые представители былой стрѣлечкой силы и своевоія еще держали въ закованныхъ пальцахъ свои злосчастныя челобитныя. Ужасъ еще царилъ надъ всѣми остальными житейскими побужденіями и стре-

мленіями, и впечатлѣніе казней не проходило, не сглаживалось, а какъ бы еще болѣе усиливалось тѣми перерывами и роздыхами, которые страстная, огневая натура Петра вносила въ тягостную, нескончаемую вакханалію крови и беспощаднаго истребленія ненавистныхъ ему элементовъ старинной русской неурядицы и застоя.

Казни и розыскъ прекращались на время, и царь Петръ исчезалъ не разъ изъ Москвы: съѣздивъ даже въ свой излюбленный Воронежъ, обозрѣвъ верфи и магазей: «обрѣлъ ихъ въ зѣло изрядномъ состояніи», и, вернувшись въ Москву, опять принимался за свою кровавую работу въ Преображенскомъ, самъ рубилъ головы стрѣльцамъ и передавалъ дымившійся ихъ кровью топоръ въ трепетныя руки на смерть перепуганныхъ князей и бояръ, указывая имъ съ одобрительной усмѣшкой на усердные подвиги Плещеева и Меншикова... Казни возобновлялись снова, новыя висѣлицы украшались сотнями новыхъ жертвъ, и юный царь, какъ бы не замѣчая того, что кругомъ его происходило, разѣзжалъ по Москвѣ съ шумною ватагою своихъ пріятелей, славилъ Христа на Рождествѣ въ домахъ вельможъ и богатыхъ купцовъ, принималъ участіе въ гомерическихъ попойкахъ всешутѣйшаго собора и являлся первымъ выдумщикомъ и затѣйникомъ въ потѣхахъ излюбленной имъ кумпаніи... Эти шумныя потѣхи, эти оргіи, далеко переступавшія за тѣсныя грани всѣхъ древне-русскихъ приличій и понятій о нравственности, еще болѣе самыхъ казней леденили кровь въ сердцахъ москвичей, вносили въ нихъ страхъ и робость и заставляли съ боязливимъ сомнѣніемъ смотрѣть на этого новаго царя, не отступавшаго ни передъ чѣмъ, не знавшаго ни страха, ни укоровъ совѣсти. Все, что могло уйти отъ его зоркаго взгляда, спѣшило удалиться изъ Москвы и бѣжало, куда глаза глядятъ, куда успѣютъ донести рѣзвыя ноги, проклиная царя-Антихриста... Все остальное съезжилось, замкнулось въ себѣ, затаило глубоко въ душѣ свои взгляды, мнѣнія и убѣжденія, стараясь разгадать ту странную загадку, которую Богъ посылалъ Русской землѣ въ лицѣ этого юнаго, но уже несокрушимаго царя-богатыря! Всѣ чуяли, однако же, что къ нимъ близится, на нихъ надвигается какая-то новая, иная эпоха, что государство Московское сворачиваетъ на какую-то новую, тернистую и тяжкую дорогу... И никто еще не зналъ, куда направится и къ чему приведетъ эта дорога...

Такъ жилось въ Москвѣ, и подъ Москвою, и версть на семьсотъ кругомъ Москвы; но далѣе въ глубь благословенной глуши востока и сѣверо-востока Руси, куда не проникали вѣянія московской жизни, куда не доносились ни стоны, ни проклятія, оглашавшіе Бѣлокаменную, жизнь продолжала течь по-прежнему, сонно, вяло, мирно и просто, въ неразрывной связи съ жизнью окружающей природы, погруженной въ глубокой зимній сонъ.

Всѣмъ дышалось легко, никто никуда не спѣшилъ, ничѣмъ особенно не стѣснялся и даже тогда, когда доносились изъ Москвы кое-какіе сбивчивые, темные и неясные слухи обо всемъ, происшедшемъ тамъ за послѣднее время, всѣ относились къ этимъ слухамъ, какъ взрослые относятся къ сказкѣ,— съ отгѣнкомъ насмѣшливаго недовѣрія.

— Мало-ли что тамъ на царя плетутъ! Люди куда на выдумки тароваты...

И каждый попрежнему жилъ спокойно въ своемъ углу и продолжалъ спокойно заниматься своимъ немудрымъ и нехитрымъ дѣломъ и наслаждаться тѣми небольшими, тихими радостями, которые украшали жизнь благодатной, святой русской глуши...

Въ такую-то благодатную глушь попалъ Абрамъ Ѳедоровичъ послѣ всѣхъ ужасовъ, пережитыхъ имъ втеченіе короткаго пребыванія въ Москвѣ, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки съ несравненной красавицей—русской сѣверной природой—и очень скоро поддался обаянію охватившей его тишины, спокойствія и полной отрѣшенности отъ всего, что происходило въ Москвѣ и подъ Москвою. Поселившись въ старой дядинѣ усадьбѣ, заброшенной среди дремучихъ лѣсовъ, которые непрерывною, сплошною стѣною тянулись съ береговъ Лузы до береговъ Сысолы, Абрамъ Ѳедоровичъ скоро успѣлъ оправиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній, такъ неожиданно нарушившихъ миръ его молодой души, и даже ощутилъ въ себѣ желаніе воспользоваться всѣми пріятностями простой деревенской жизни.

Къ тому же Абрамъ Ѳедоровичъ былъ въ глуши не одинъ: съ нимъ была и названная сестричка его, Акулина, и старый Савелій, и дочь Савелья, Варвара, которые ухаживали за недушной Акулиной, какъ за ребенкомъ, и мало-по-малу выходили ее, убаюгивали и поднимали отъ тяжкаго недуга.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ дальнюю вологодскую вотчину, Акулина стала поправляться и, очнувшись отъ нескончаемо-долгого своего бреда, какъ будто вновь возродилась къ жизни. Ничто въ окружающей обстановкѣ не напоминало ей о Москвѣ, никто при ней не заговаривалъ о пережитомъ и перечувствованномъ во время страшныхъ стрѣleckихъ казней, и она сама, по какому-то странному, изумительному настроенію сознанія, съ тѣхъ поръ, какъ очнулась отъ бреда и пришла въ себя, ни разу не вспомнила ни объ отцѣ, ни о матери, ни обо всемъ, что было ею вынесено и пережито въ послѣднія недѣли пребыванія въ Бѣлокаменной... Это непонятное равнодушіе къ недавно минувшимъ бѣдствіямъ было ли слѣдствіемъ ея тяжкаго недуга, или оно вызывалось неизъяснимою для самой Акулины боязнью новыхъ приступовъ того отчаянія и горя, которые свалили ее съ ногъ и чуть было не свели въ могилу,—это было бы очень трудно рѣшить. Несомнѣнно только то, что съ первыхъ недѣль, по пріѣздѣ въ дальнюю Лопухинскую вот-

чину, Акулина, окруженная любовью, лаской и самымъ нѣжнымъ уходомъ, стала быстро поправляться и оживать тѣломъ и духомъ. Не прошло и полутора мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ ее на рукахъ вынесли изъ крытой каюты и внесли подъ гостепріимный кровъ стараго дома, а ужъ на щекахъ ея расцвѣлъ румянецъ, и въ глазахъ ея явился живой отблескъ энергичной души и горячаго сердца. Легко можетъ быть, что этому благопріятному перевороту, такъ быстро совершившемуся въ Акулинѣ, способствовалъ ея названный братецъ, Абрамъ Ѳедоровичъ, не разлучившійся съ ней ни на мигъ и выказывавшій ей такъ много нѣжной заботливости, такъ много сердечнаго участія.

— Поправляйся, сестричка, — говаривалъ онъ ей не разъ, сидя у ея изголовья и пальцами перебирая прихотливо вьющіяся пряди ея чудныхъ волосъ. — Поправляйся, голубушка! Я дядюшкинъ завѣтъ исполню, свято исполню: надѣлочекъ тебѣ богатый дамъ, жениха тебѣ сыщу богатаго, да такого...

— Ничего мнѣ отъ тебя не надо, братецъ названный, — отвѣчала Акулина, нѣжно взглядывая на его прекрасное, молодое и выразительное лице. — Даль бы Богъ намъ съ тобою вѣкъ такъ прожить, какъ мы здѣсь живемъ...

— Не соскучай здѣсь у меня, въ глуши нашей, во пустынѣ, — не разъ говорилъ Акулинѣ Абрамъ, когда она ужъ поднялась съ постели и стала выходить изъ своей опочивальни въ другія комнаты. — Не собрать-ли къ тебѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, не заставить-ли ихъ передъ тобой пѣсни пѣть и плясать...

— Нѣтъ, не до веселья мнѣ, — говорила Акулина, приклоняя къ нему на плечо свою хорошенькую головку. — Да притомъ мнѣ съ тобой нигдѣ не скучно...

— А то, можетъ, не позвать ли бабушку Ненилушку... Пусть тебя потѣшитъ сказкою. Мастерница вѣдь она ихъ сказывать-то! Намедни я и самъ ея сказокъ заслушался...

— Нѣтъ. Лучше ты Расскажи мнѣ еще разъ, какъ ты за море ѣздилъ, какіе на чужбинѣ города видѣлъ... И вотъ о томъ городѣ, въ которомъ еще всѣ улицы дворцами застроены, а по улицамъ въ лодкахъ ѣздятъ... Это мнѣ занятнѣе сказокъ Ненилушкиныхъ...

И Абрамъ начиналъ рассказывать о «Венеціи прекрасной», о ея блескѣ и богатствѣ и, самъ того не замѣчая, увлекался все болѣе и болѣе и рисовалъ передъ своей слушательницей яркія картины венеціанскихъ карнаваловъ и празднествъ и торжественныхъ выѣздовъ дожа на обрученіе съ синеокой красавицей-Адріатикой... И ему любо было видѣть, какъ загорались темныя очи Акулины, когда она, подъ конецъ его рассказа, спрашивала:

— И нѣтъ у нихъ царя? Нѣтъ надъ ними грозы неутолимой?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Абрамъ. — Сами они себѣ и господа, и слуги...

— Хорошо-же имъ жить, и привольно, и весело!—со вздохомъ говорила Акулина, какъ бы стараясь отогнать отъ себя какія-то тяжкія воспоминанія.

Мало-по-малу названный братецъ съ названной сестрицей такъ сжились, такъ привыкли другъ къ другу, что уже почти не разставались въ цѣлый день ни на часъ. Для Акулины, осиротѣлой и обездоленной, Абрамъ явился главною, единственною украсою жизни, единственною опорой въ ея горькой судьбинѣ, единственнымъ человѣкомъ, ради котораго она хотѣла жить и дорожила жизнью. Сама себѣ не отдавая отчета въ своемъ чувствѣ, не задаваясь никакими цѣлями и намѣреніями, она привязалась къ нему беззавѣтно, предалась ему на всю жизнь, съ полнымъ сознаниемъ того, что жизнь безъ него ей не нужна, немыслима, невозможна... Постоянно находясь въ близкомъ общеніи съ нимъ, она сжилась съ мыслью, что рано или поздно она должна принадлежать ему, должна быть его рабыней, его другомъ, его слугой, его любовницей: тѣмъ, чего онъ самъ для себя пожелаетъ... И она страстно, порывисто, нетерпѣливо выжидала той минуты, когда слабая связь ихъ «братскихъ» отношеній порвется и замѣнится иными, болѣе прочными и болѣе естественными отношеніями.

Абрамъ Ѳедоровичъ, съ своей стороны, тоже привязался къ Акулинѣ. Странная судьба, которая свела ихъ такъ тѣсно, заставила жить бокъ-о-бокъ въ такой далекой глуши и такъ настойчиво способствовала ихъ сближенію, невольно заставляла юношу не разъ задумываться... Акулина стройная, красивая, день ото дня болѣе и болѣе расцвѣтавшая на глазахъ у Абрама, не могла не нравиться ему. Онъ понималъ, что онъ любимъ, что она готова для него всѣмъ пожертвовать, что она себя для него не пожалѣетъ, и сдерживался только опасеніемъ нарушить дядинъ предсмертный завѣтъ, по которому Акулина была поручена ему на попеченіе, отдана подъ его защиту...

— Нѣтъ! Пусть ужъ мы съ ней такъ и останемся названными «братцемъ» и «сестрицей»!—не разъ говорилъ онъ себѣ въ тѣ минуты, когда разгоравшаяся въ немъ страсть побуждала его открыть объятія Акулинѣ, привлечь ее на грудь свою и слить свои уста съ ея устами въ горячемъ и долгомъ поцѣлуѣ.

Стараясь всѣми силами выдержать характеръ, Абрамъ сталъ отъ «названной сестрицы» удаляться, сталъ искать уединенія, сталъ на два-три дня уѣзжать на охоту, даже и не предвидя того, что этимъ способомъ дѣйствій онъ только ускоряетъ рѣшеніе заданной ему мудреной задачи...

Однажды Абрамъ спозаранокъ собрался на медвѣжью охоту: Мишка Ослонъ обложилъ въ ближнемъ лѣсу берлогу. Съ десятикомъ челядинцевъ, вооруженныхъ ножами и рогатинами, Абрамъ сталъ на лыжи и направился въ лѣсъ, къ указанному мѣсту, со-

бираясь одинъ-на-одинъ помѣриться силой съ лютымъ звѣремъ. Минуло утро, минулъ и полдень, и вечерѣтъ ужъ стало, а ни Абрамъ, ни одинъ изъ его челядинцевъ не возвращались съ охоты.

— Кажись бы, давно имъ дома быть пора? — не безъ тревоги сталъ поговаривать Савелій. — По Мишкинымъ словамъ, берлога тутъ и есть! Недалгнй свѣтъ: лыжнаго хода и на часъ не будетъ.

— Ужъ не случилось ли чего?—отвѣчала отпу Варвара. — У меня, на Акулину глядя, и такъ сердце надрывается...

— Каркай тамъ еще!—сердито крикнулъ отецъ. — Абраму Оедоровичу развѣ медвѣдь въ диковинку? Съ прїѣзда изъ Москвы ужъ трехъ повалилъ... Опять же тутъ онъ и не одинъ... Не дадутъ его звѣрю въ лапы...

— На грѣхъ мастера нѣтъ!... А вотъ Акулина такъ съ утра слезъ не осушаетъ; говорить, что ея сердце бѣду чувствуетъ...

Савелій даже плюнулъ съ досады и отвернулся отъ дочки; однако же вышелъ въ сѣни, а изъ сѣней на рундучекъ надворнаго крылечка и, прикрывъ глаза рукою, сталъ смотрѣть вдаль, къ лѣсу, который темнѣлъ на краю ярко-блестѣвшаго снѣжнаго поля. И показалось ему, что отъ лѣса какъ будто что-то двигалось, направляясь къ усадьбѣ: будто люди на лыжахъ, и тащатъ на себѣ словно санки, и темное что-то на саняхъ.

— Наши съ охоты ѣдутъ, слава те Господи!—засуетился старикъ, переступая порогъ сѣней.—Эй, дворня! Бѣгите скорѣе въ поварню, чтобы щи горячіи на столъ тотчасъ ставили, какъ Абрамъ Оедоровичъ на дворъ взойдетъ! Акулинушка, да полно тебѣ руки-то ломать, сокрушаться! Я же тебѣ говорю: ѣдутъ и звѣря на себѣ въ салазкахъ тащатъ!...

Но Акулина его не слушала, не обращала вниманія на поднявшуюся около нея суетню и пристально смотрѣла въ окно, выходящее во дворъ, то судорожно сжимая руки, то украдкой утирая слезы. И вдругъ, откачнувшись отъ окна, съ дикимъ воплемъ метнулась въ сѣни... Савелій и Варвара бросились за нею слѣдомъ и увидѣли, что челядинцы снимаютъ съ салазокъ Абрама и бережно, подъ руки, взводятъ его на крылечко...

— Звѣрь помялъ, — шепнулъ Савелю на ходу одинъ изъ челядинцевъ.—Кабы не Мишка Ослопъ выручилъ, не бывать бы ему въ живыхъ...

Абрама положили на кровать въ его опочивальнѣ. Онъ тяжело дышалъ и стоналъ, когда его приподымали и ворочали на постели, раздѣвали и укладывали подъ одѣяло. Послѣ того, какъ челядинцы вышли изъ комнаты, Акулина, спокойная, твердая, явилась у изголовья Абрама и принялась за нимъ ухаживать съ самоотверженіемъ беззавѣтно-преданной и любящей женщины. Она не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью; поила его травами, растирала ему грудь цѣлебными мазями, кормила его изъ рукъ своихъ, нашептывала ему

нѣжныя, ласковыя рѣчи, убаюкивая, какъ ребенка... Открывая глаза послѣ тяжкой дремоты, Абрамъ видѣлъ передъ собою въ полутьмѣ ея милый образъ, чувствовалъ на себѣ ея любящій взоръ, видѣлъ всюду кругомъ себя ея заботу; закрывая глаза, онъ слышалъ около своей кровати легкой шелестъ ея шаговъ и платья, ея дыханіе и бѣненіе ея сердца, когда она наклонялась надъ нимъ, тревожно прислушиваясь къ его дыханію...

На шестой день болѣзни Абрамъ почувствовалъ себя бодрѣе; почувствовалъ, что силы къ нему возвратились, и, приподнявшись на своемъ изголовьѣ, ласково сказалъ Акулинѣ:

— Ну, Акулиша, ступай къ себѣ! Отдохни... Умаялась ты за это время, день и ночь за мною ухаживая!

Акулина посмотрѣла на него испуганнымъ, вопрошающимъ взглядомъ и вдругъ, припавъ къ его изголовью, зарыдала глухими, неудержимыми рыданіями.

— Что съ тобой, голубка моя?—спросилъ ее Абрамъ, положивъ ей руку на плечо и ласково глядя ее по головѣ.

Вмѣсто отвѣта, она схватила его руку и, обливая ее горячими слезами, стала осыпать страстными поцѣлуями.

Абрамъ не отнялъ у нея руку; но притянулъ ее къ себѣ и, крѣпко обнявъ, прижалъ свои уста къ ея устамъ.

XVIII.

Въ воздухѣ пахло весной... Мартовское солнце пригрѣвало порядкомъ, и снѣжныя поляны, покрывшіяся ровнымъ стекляннстымъ настомъ, невыносимо рѣзали глаза своимъ яркимъ отблескомъ. По небу, прозрачно голубому, проносились серебристыми клубами бѣлыя легкія облака, предвѣщавшія близкое наступленіе теплаго времени. Въ полдень снѣгъ таялъ на крышѣ, звучно капая съ деревянныхъ желобовъ, обильно изукрашенныхъ прихотливыми ледяными сосульками... По двору начинали тамъ и сямъ посвѣчивать лужи, которыя только подъ вечеръ затягивались тонкимъ, бѣлесоватымъ ледкомъ. Въ старой Лопухинской усадьбѣ, пригрѣваемой вѣшнимъ солнцемъ и какъ бы обновленной его радостными лучами, жилось попрежнему мирно, легко и спокойно... Никому какъ будто и въ голову не приходило, что рано или поздно придется отсюда, изъ этого теплаго гнѣзда, сняться, слетѣть и вернуться туда, въ сумрачную, скучную, опостылѣвшую Москву, изъ которой не доходили въ дальнюю глушь не только слухи, но даже отголоски слуховъ...

— Забылъ онъ обо мнѣ, должно быть,—думалъ Абрамъ Федоровичъ, вспоминая иногда о томъ, что его трехмѣсячный абшидъ давно просроченъ.— И пусть бы подольше не вспоминалъ... Мнѣ тутъ такъ хорошо живется...

Да, ему хорошо жилось въ его медовомъ мѣсяцѣ пышно-расцвѣтшей любви! Эта любовь охватила все его существо и тѣсно слила его молодую страстную душу съ другою душою, такъ горячо, такъ радостно стремившейся ей навстрѣчу... На время, съ понятнымъ эгоизмомъ всѣхъ счастливыхъ людей, Абрамъ забылъ и о бѣдахъ, и о несчастіяхъ, и о горѣ другихъ людей, и о томъ тяжкомъ, суровомъ и страшномъ времени, которое переживали его родные и близкіе тамъ, на Москвѣ, подъ «недреманнымъ окомъ государевымъ». Но оказалось, что тѣ его не забыли и напомнили ему о себѣ ранѣе, нежели онъ могъ ожидать.

Однажды пользуясь яснымъ мартовскимъ днемъ и легкимъ утреннимъ морозцемъ, который затянулъ на дорогѣ лужи и скрѣпилъ снѣгъ, Абрамъ Федоровичъ приказалъ запрячь въ легкія санки своего любимаго молодаго вороненькаго жеребчика, сѣлъ въ санки съ Акулиною, выѣхалъ за околицу усадьбы и пустилъ коня во всю прыть. Вытянувъ впередъ голову, настороживъ уши и широко раздувъ ноздри, позвякивая бубенцами и побрякивая наборомъ сбруи, вороной быстро мчалъ легкія санки по широкому простору полей, покрытыхъ сплошною пеленою снѣга, окутанныхъ вдали молочной дымкой туманца. Часто и звонко ударялъ вороной копытами въ отвердѣлую узкую полосу дороги; съ визгомъ и присвистомъ скользили полозья по зеркально-гладкой обледенѣлой поверхности пути. Дышалось легко, широко, всею грудью, среди этого простора, на которомъ ни души не было видно кругомъ. Только легкія стаи красногрудыхъ снѣгирей и зеленоватыхъ чижей, поднятыя съ дороги приближающимся топотомъ копытъ и звономъ бубенцовъ, взлетали вдругъ цѣлою тучею надъ головою Абрама и Акулины и опускались на придорожные кусты, покрытые пушистымъ инеемъ.

— Хорошо, Акулиша?—спрашивалъ съ улыбкою Абрамъ, наклоняясь къ самому уху молодой женщины и сдерживая властною рукою бѣгъ раскакавашагося коня.

— Охъ, какъ хорошо-то!—отвѣчала ему Акулина, прижимаясь къ нему и подставляя ему свою разрумившуюся щечку.

Вдругъ вдали, на опушкѣ лѣса, до которой еще оставалось съ версту пути, явилась среди бѣлой снѣжной поляны какая-то черная точка. Продвинувшись еще нѣсколько впередъ, Абрамъ могъ разсмотрѣть какого-то мужичонка въ высокой ушастой шапкѣ, на дровнишкахъ, запряженныхъ бурой косматою лошадею. Мужичонко ѣхалъ имъ навстрѣчу, усердно похлестывая своего бурку длинной хворостиной.

— Не разѣхаться намъ будеть, лучше сверну обратно домой,—подумалъ Абрамъ, и, легонько сдержавъ своего воронаго, отъ котораго паръ валилъ, какъ отъ каменки, онъ осторожно завернулъ его къ усадьбѣ и пустилъ опять полнымъ ходомъ.

Не успѣлъ онъ доѣхать до крыльца, не успѣлъ сдаты воронаго

на руки конюха и скинуть съ себя ѣздовое платье, какъ собаки стали отчаянно лаять на дворъ и скакать на цѣпяхъ, почуявъ чужаго. Абрамъ глянулъ въ окошечко и увидѣлъ въ воротахъ того же мужичонка, который, покинувъ дровнишки и лошаденку за околицей, усердно кланялся Лопухинскимъ холопямъ, снимая передъ ними свою высокую ушастую шапку.

Нѣсколько минутъ спустя, въ хоромы вошелъ старый Савелій и доложилъ, что какой-то мужикъ просить ясныя очи Абрама Ѳеодоровича видѣть, а откуда онъ и къмъ посланъ, не сказываетъ.

Абрама такъ и кольнуло въ сердце.

— Зови его сюда!—сказалъ онъ порывисто.

Савелій ввелъ мужиченка, приземистаго, рябаго, съ жиденъкой бородкой и какимъ-то зеленоватымъ, испитымъ лицомъ, и самъ сталъ у притолки.

Мужичонко прежде всего перекрестился на иконы, потомъ отвѣсилъ земной поклонъ Абраму и крѣпко стукнулъ лбомъ въ полъ. Поднявшись отъ поклона, онъ оглянулся на Савелья и на Акулину и сталъ почесывать въ затылкѣ своими скрюченными мозолистыми пальцами.

— Что скажешь?—обратился къ нему Лопухинъ, внимательно всматриваясь въ лицо мужичонка.

Тотъ поднялъ голову, взглянулъ въ очи Абрама своими острыми, маленькими, темными глазками и, съживъ губы, погладилъ бороденку.

— Да говори, откуда? Къмъ присланъ?—нетерпѣливо произнесъ Абрамъ.

— А не ты-ли, бояринushка, Абрамъ Ѳеодоровичъ Лопухинъ будешь?—отвѣчалъ мужичонко вопросомъ на вопросъ.

— Я—Абрамъ Ѳеодоровичъ Лопухинъ!

— Такъ прикажи, бояринushка, имъ отсюда выйти,—сказалъ мужичонко, указывая на Савелья и Акулину:—потому мнѣ съ тобою съ очей на очи видѣться велѣно.

«Видѣться велѣно? Чтò-бы это значило?»—подумалъ Абрамъ и сдѣлалъ знакъ рукой Акулинѣ и Савелью.

Когда тѣ удалились, мужичонко, оставшись наединѣ, распустилъ драную опояску, разстегнулъ свою грязную, заплатанную сермягу и зипунишко, поддѣтый подъ нею, отстегнулъ воротъ рубашки, вытащилъ мѣдный крестъ-тѣльничекъ, зубами развязалъ какой-то узелокъ, привязанный къ нему, и подалъ Абраму небольшую бумажную трубочку.

— Изъ Суждальскаго Покровскаго дѣвичья монастыря тебѣ писуля,—сказалъ мужичонко, наклоняясь къ Абраму и понижая голосъ.

Абрамъ вздрогнулъ невольно, принимая изъ рукъ посланца это письмо сестры-царицы. Дрожащею рукою онъ развернулъ и про-

чель въ немъ слѣдующія строки: «Братецъ родимый! Не забудь меня гладную и хладную, и всѣми покинутую... Въ хлѣбъ насущномъ, и въ томъ терплю нужду. Смилуйся надо мною, несчастною! И не меня одну, а и сына моего не забудь, не оставь, обусурманиться ему не дай. Пусть и онъ тоже не забудетъ своей несчастной матери, когда прійдетъ его время».

Эти простыя строки, слѣшно нацарапанныя на клочкѣ бумаги, такъ сильно подѣйствовали на Абрама, что онъ не могъ скрыть своего волненія отъ мужичонка, который не сводилъ съ него своихъ зоркихъ глазъ, и когда увидѣлъ, что Абрамъ кончилъ чтеніе письма, то рѣшился даже вставить отъ себя словечко:

— А какъ былъ я на Москвѣ съ такой же писулей у князя Ромодановскаго, такъ онъ мнѣ наказывалъ: «коли увидишь Абрама Ѳедоровича, скажи ему отъ меня такой сказъ: «безпремѣнно де ему на Москву до распутицы прибыть должно».

— Спасибо за вѣсти,—проговорилъ Абрамъ взволнованнымъ голосомъ.— Велю накормить тебя съ пути досыта и награжу за услугу. Эй, кто тамъ есть?

Передавъ мужичонка на руки Савелью, Абрамъ обратился къ Акулинѣ, тоже вошедшей въ комнату:

— Ну, голубушка! Полно намъ здѣсь жить, полно красоваться нашимъ счастьемъ... Пора и за дѣло браться...

Акулина посмотрѣла на него широко раскрытыми, испуганными глазами.

— За дѣло? За какое дѣло?.. И развѣ наше счастье ему помѣха?—прошептала она, нѣжно ласкаясь къ Абраму.

— Наше счастье другимъ помѣха!.. Мы о нихъ забыли! О тѣхъ, что тамъ кипятъ, какъ грѣшныя, въ смолѣ неугасимой... О тѣхъ, что слезы льютъ не осушая, о тѣхъ, что душу дьяволу за мірскія блага продаютъ! О нихъ пора вспомнить! Сбирайся въ путь! Завтра же къ Москвѣ ѣдемъ!

— Завтра! Къ Москвѣ? —проговорила Акулина дрожащимъ, упавшимъ голосомъ.— Да! видно, и точно конецъ моему счастью насталь... Видно, не долго ужъ мнѣ имъ красоваться!

И она опустила глаза, заблеставшіе слезами.

На другой день, послѣ полудня, длинный поѣздъ двинулся изъ Лопухинской усадьбы въ дальній путь-дорогу. Ползли впереди двѣ закрытыхъ каптаны, запряженные четверкою гусемъ, въ которыхъ ѣхали Абрамъ Ѳедоровичъ съ Акулиной и Савелій съ дочкой; за ними слѣдовали съ подюжины парныхъ розвальней, въ которыхъ ѣхала Лопухинская челядь; за этими парными санями слѣдовало еще четверо тѣхъ же розвальней, доверху нагруженныхъ

сундуками, баулами, коробьями, кульками и всякимъ инымъ дорожнымъ съѣстнымъ запасомъ.

Поѣздъ ѣхалъ не спѣша, останавливаясь на кормежкахъ черезъ каждыя сорокъ, пятьдесятъ верстъ, то въ деревняхъ, то въ открытомъ полѣ, на становищахъ, которыя временно оживлялись движеніемъ и говоромъ людей, суетившихся около огней, на которыхъ вари-лась пища. Кормъ конямъ насыпался въ кормяги, привязанныя къ поднятымъ оглоблямъ саней. Люди копошились около возовъ съ запасомъ, развязывая и увязывая ихъ, то перекликаясь и пересмѣиваясь между собою, то переминаясь на снѣгу, чтобы размять отекающія ноги и расправить члены, утомленные долгимъ сидѣніемъ. Савелій, вылѣзшій изъ своей каптаны, отдавалъ приказанія, заботливо осматривалъ коней, упряжь и сани и подавалъ горячія блюда въ каптану Абрама Ѳедоровича и Акулины. На ночлеги старались непременно попадать въ большія села или въ попутные монастыри, потому что дороги были не безопасны отъ всякихъ придорожныхъ добрыхъ молодцевъ, и чѣмъ ближе къ большимъ приволжскимъ городамъ, тѣмъ менѣе было безопасности. Въ двѣ недѣли такого путешествія Абрамъ Ѳедоровичъ добрался до Толгскаго монастыря подъ Ярославлемъ, ночевалъ здѣсь, служилъ заупокойную обѣдню «по убиенномъ бояринѣ Петрѣ» и двинулся дальше на путь къ Троицѣ. Нигдѣ на пути ничто не указывало на какія нибудь новшества или тягостныя перемѣны: простая внѣ-городская русская жизнь, повидимому, текла своею обычною колеєю. Только ужъ за Троицей, въ Воздвиженскомъ селѣ, Абрамъ замѣтилъ отдохавшій на дорогѣ длинный, нескончаемо длинный обозъ съ какою-то тяжелою кладью, охраняемый отрядомъ солдатъ. Черезъ людей узналъ онъ, что обозъ плетется въ Воронежъ съ якорями, цѣпами и прочими желѣзными частями и принадлежностями для стройки судовъ. Отъ солдатъ же узнала Лопухинская челядь, что и самого царя нѣтъ на Москвѣ—укатилъ на прошлой недѣлѣ въ Воронежъ. Еще полсутки пути, и Москва бѣлокаменная, злато-главая должна была раскинуться вдали передъ взорами путниковъ!

Абрамъ, почти во все время пути отъ Троицы не проронившій ни слова, миновавъ одно изъ попутныхъ селъ, верстахъ въ двадцати отъ Москвы, выглянулъ изъ каптаны и сталъ пристально глядѣть вдали, любуясь темною стѣною придорожнаго лѣса, по которой наступавшая весна уже стала широкою кистью набрасывать свои нѣжные красноватые и блѣдно-зеленые оттѣнки.

Ясный и яркій день сіялъ. Въ воздухъ было тепло и ароматно. Голубое небо, чистое и прозрачное, высоко и необъятно раскидывалось надъ землею, охваченною весельемъ только-что проявлявшейся молодой новой жизни. Станицы какихъ-то птицъ правильными треугольниками высоко-высоко плыли по небу съ дальняго юга на туманный сѣверъ, сверкая въ вышинѣ своими бѣлоснѣжными крыльями. То совершенно особое невыразимое весеннее чув-

ство, которое знакомо каждому близкому къ природѣ человѣку, овладѣло всесильно и душою Абрама Лопухина...

Онъ крѣпко схватилъ Акулину за руку, привлекая ее къ себѣ и, указывая на оживающій лѣсъ, журчащіе по оврагамъ воды, на потемнѣвшую, покрытую лужами дорогу, проговорилъ:

— Весна пришла красная, съ Божьею милостью, съ великою благостью! Посмотри...

И вдругъ приостановился на полусловѣ. Какой-то особый, рѣзкій, тяжелый, захватывающій дыханіе запахъ вдругъ словно ударилъ его по носу. Запахъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ окружающей природой: онъ былъ среди ея красотъ, среди свѣта, радости и оживленія, какимъ-то страшнымъ диссонансомъ, какимъ-то неожиданнымъ напоминаніемъ о смерти, о разрушеніи, о тлѣности всего земнаго.

— Что это? Откуда такъ понесло?—спросила съ изумленіемъ Акулина.—Словно падалью какой-то пахнетъ...

А между тѣмъ ужасный трупный запахъ широкою волною ворвался въ ихъ каюту, какъ бы охватывая ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы стремясь проникнуть въ самый мозгъ ихъ, во всѣ поры ихъ тѣла.

— Глянь-ка, глянь, Абрамъ Ѳедоровичъ! батюшка, глянь-ка!— послышался съ боку, изъ-за окошка каютаны, голосъ Савелья.— Вонъ откуда смородомъ-то несетъ... вонъ!

И онъ указалъ Абраму на какія-то безобразныя, безформенныя груды, сваленныя вдоль опушки лѣса около самой дороги.

Абрамъ глянулъ и въ ужасѣ откинулся вглубь каютаны. Онъ успѣлъ разглядѣть въ этихъ грудяхъ торчавшія во всѣ стороны, ссохшіяся и почернѣвшія руки и ноги, и головы, съ выклеванными или глубоко-ввалившимися глазами; успѣлъ разглядѣть жалкія лохмотья рубахъ, прикрывавшихъ эти тѣла, полусгнившія, полуобглоданныя волками и собаками, которымъ они здѣсь были выброшены на сѣденье, послѣ того какъ ихъ сняли съ висѣлицъ и выволокли сюда изъ Москвы. Онъ успѣлъ замѣтить и то, что этихъ грудъ было множество, что онѣ нескончаемой вереницей тянулись и далѣе по направленію къ Бѣлокаменной, какъ бы выставленныя здѣсь на общій позоръ и посмѣяніе.

— Упокой, Господи, ихъ грѣшныя души! Прости имъ за ихъ страданія!—шепталъ подъ окошкомъ Савелій.

Абрамъ не выдержалъ такой пытки.

— Пошелъ! Садись! Чего стали? Погоняй живѣе!—громко крикнулъ онъ, высовываясь изъ каютаны.

Кнутъ засвисталъ, тяжело опускаясь на потныя спины коней; каютана понеслась быстро, визжа полозьями и подсакивая по ухабамъ дороги...

— «Да! За дѣло надобно! Скорѣе за дѣло—завѣтъ предсмертный дядинъ исполнить!»—пронеслось въ головѣ Абрама, и когда онъ оглянулся на Акулину, ожидая увидѣть въ глазахъ ея слезы, онъ былъ удивленъ. Она сидѣла передъ нимъ молчаливая, суровая, крѣпко сжимая его руку; она смѣло и прямо глядѣла ему въ лице, и ея очи полны были твердой и мрачной рѣшимостью—идти за нимъ всюду, куда онъ ей укажетъ, на пути безпощаднаго мщенія общему и страшному врагу.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРАФИНЯ РОСТОПЧИНА ВЪ МОСКВѢ ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

КЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫМЪ людямъ сороковыхъ годовъ нужно отнести также и графиню Евдокію Петровну Ростопчину, урожденную Сушкову, супругу единственнаго сына бывшаго въ Наполеоновскія времена генераль-губернатора Москвы, графа Андрея Ѳеодоровича Ростопчина. «Замѣчательною» сдѣлали ее не столько стихи и проза (которыхъ написала она очень много), сколько ея красота, необыкновенная живость характера и видное положеніе въ высшемъ обществѣ Петербурга, при весьма хорошихъ средствахъ. Вслѣдствіе особыхъ условій жизни, какую проводить это общество, тамъ почти не бываетъ писательницъ. Бываютъ хорошенькія, красавицы, вліятельныя; бываютъ музыкантши, виртуозки, но «писательницъ» не спрашивайте. Какъ имъ быть, когда наше высшее общество не говоритъ на языкѣ, который нуженъ русской писательницѣ. Прибавьте къ этому вѣчные развлечения, балы, вечера, выѣзды ко двору, итальянскую оперу, пикники, маскарады: когда тутъ писать, если бы у кого и было все необходимое къ этому?.. Сильный талантъ Ростопчиной, эта ничѣмъ неудержимая потребность выразить на бумагѣ свои мысли и чувства, прозой или стихами, какъ ихъ выражаютъ мужчины, разные Байроны, Гюго,

¹⁾ Статья эта была передана въ наше распоряженіе покойнымъ Н. В. Бергомъ еще въ 1883 году, за годъ до его кончины, причемъ онъ просилъ насъ напечатать ее лишь послѣ смерти одного изъ лицъ, о которыхъ въ ней говорится. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность исполнить его желаніе.

Ред.

3*

Альфреды-Мюссе, Гейне, пожалуй, Пушкины и Лермонтовы,—одо-
лѣли, однакожь, всякія препятствія. Кастанльскій ключъ пробился
въ почвѣ неблагопріятной, запрыгалъ по камнямъ и утесамъ, свер-
кая яркими кристаллами...

Графиня стала писать сперва пофранцузски, потомъ перешла
какъ-то и къ русскому языку, на которомъ, разумѣется, кое-какъ
говорила, съ тѣми милыми ошибками, о которыхъ упоминаетъ Пуш-
кинъ въ своемъ Онѣгинѣ. Эти же милыя ошибки, чего не хочется
называть ошибками, для чего надо бы выдумать особое слово, —
естественно явились въ русской прозѣ и стихахъ графини и въ
нихъ остались навсегда. У нея нѣтъ ни одного стихотворенія безъ
такихъ ошибокъ, но на нихъ никто не смотритъ, никто ихъ не
чувствуетъ, даже самые строгіе судьи и пуристы языка. Стихи
хорошенькой женщины, безъ того извѣстной въ высшемъ кругу
своею красотою, блескомъ, побѣдами, читались и читаются безъ
особаго принужденія, потому что въ нихъ есть что-то, «ils avaient
quelque chose là», въ нихъ есть талантъ несомнѣнный.

Общество отдѣлило графиню Ростопчину отъ граціозныхъ трут-
ней, которыя были способны только кокетничать, танцовать, безъ
умолку лепетать пофранцузски всякій вздоръ: ее стали называть
«писательницей». Въ ея салонъ заглядывали прямо съ литератур-
ными цѣлями и настроеніемъ, прямо выслушать какое нибудь но-
вое ея произведеніе: Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ, Тур-
геневъ, Григоровичъ, Дружининъ, Соллогубъ... показывался
тамъ временами и бирюкъ-Гоголь. Лермонтовъ написалъ ей (сдѣ-
лавъ, какъ нарочно, такую же ошибку въ языкѣ, какими полны сти-
хотворенія графини и какихъ никто не чувствуетъ):

«Я вѣрю: подъ одной звѣздой
«Мы съ вами были рождены,
«Мы шли дорогою одною,
«Насъ обманули тѣ же сны»...

Отдавъ все должное обществу, въ которомъ жила и которое
смертельно любила, наплясавшись, наволновавшись, настрадавшись
досыта, всласть, графиня поѣхала съ мужемъ путешествовать, от-
дохнуть отъ петербургскихъ тревогъ и суеты, освѣжиться, отрѣз-
виться...

Ѣхали черезъ Польшу въ коляскѣ. Хорошая погода позволяла
обозрѣвать край на значительное пространство: эти цвѣтушія поля,
эти красивые фольварки, это улучшенное сравнительно съ на-
шимъ сельское хозяйство, въ общемъ и въ деталяхъ.

— Чего еще имъ надо?—ворчалъ графъ:—живутъ лучше на-
шего, всего у нихъ вдоволь, а все не сидится спокойно, все бун-
туютъ! Чего стоитъ намъ этотъ проклятый край, съ тѣхъ поръ,
какъ приобрѣтень! Я бы, на мѣстѣ государя, бросилъ его на съѣде-
ніе нѣмцамъ, и конецъ!

Всю дорогу онъ выражалъ свое неудовольствіе противъ поляковъ, попросту сказать: ругался, гдѣ помягче, гдѣ покрѣпче. Въѣхали въ Германію, и тамъ доставалось полякамъ «на орѣхи»...

Графиня, по обычаю своему, возражала тихо и деликатно, въ самыхъ нѣжныхъ женскихъ формахъ, зная по опыту, что возраженія другаго характера, болѣе серьезныя и жесткія, только подольютъ масла въ огонь: графъ еще пуще станетъ брюзжать и ругаться.

Графиня возражала тихо, точнѣе сказать: почти ничего существеннаго не говорила, но въ мысляхъ своихъ нисколько не соглашалась съ мужемъ. Польша представлялась ей въ иномъ освѣщеніи: она жалѣла поляковъ, лишенныхъ свободы, самостоятельности, отечества, вѣчно страдающихъ, вѣчно недовольныхъ... какъ поэтъ, она стала думать подконецъ стихами и привезла ихъ съ собою въ Римъ, гдѣ графъ думалъ провести осенніе и зимніе мѣсяцы. Въ первый свободный часъ графиня присѣла къ своему рабочему столу и набросала на листкѣ бумаги тревожившія ее въ дорогѣ рѣшмы, разумѣется, въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ. Вышло нѣчто въ родѣ баллады, которую графиня, послѣ окончательной отдѣлки, назвала: «Насильственный бракъ», и спрятала въ портфель, какъ невозможную для печати.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого пріѣхалъ въ Римъ Гоголь и, узнавъ, что въ числѣ русскихъ живутъ тамъ и Ростопчины, очень скоро очутился у графини. Разговорились о томъ, о семъ; дошли и до литературы.

— Чтò вы теперь пишете?—спросила графиня у своего гостя, не любившаго такихъ вопросовъ:—нѣтъ ли у васъ чего новаго?

Гоголь отвѣчалъ, что онъ, «можетъ быть, напишетъ что нибудь въ Римѣ; вѣроятно, сложа руки, сидѣть не станетъ... но что теперь у него ничего нѣтъ».

(Это былъ его всегдашній отвѣтъ при подобныхъ разспросахъ, получавшій ту или другую форму и окраску, смотря по мѣсту и условіямъ, гдѣ, какъ и кѣмъ спрашивалось).

— Можетъ быть, у васъ есть что нибудь новое,—сказалъ онъ, немного погодя, хозяйкѣ:—вы всегда такъ много и такъ мило писали!

Графиня была совершенно противоположныхъ ему свойствъ: никогда не скрывала ни отъ кого своихъ стихотворныхъ и прозаическихъ тайнъ. Бывала съ этой стороны временами даже чрезчуръ откровенна: напрашивалась на чтенія, душила гостей поэмами, драмами, романами... она обрадовалась вопросу Гоголя и сейчасъ же отвѣчала: «есть нѣчто... маленькіе пустячки... хотите выслушать?».

— Прощу объ этомъ покорно!—былъ отвѣтъ.

Графиня прочла «Насильственный бракъ», не приподнимая, однако же, маски.

Гоголь попросилъ прочесть еще разъ и потомъ сказалъ: «Поплите въ Петербургъ: не поймутъ и напечатають. Чѣмъ хотите ручаюсь!».

— Какъ не понять! помилуйте! — сказалъ авторъ: — ребенокъ пойметъ.

— Говорю вамъ: не поймутъ! Поплите! Вы не знаете тупости нашей цензуры, а я знаю. Поплите! ¹⁾).

Послали къ Булгарину, и піеса явилась на страницахъ «Сѣверной Пчелы», безъ имени автора. Въ самомъ дѣлѣ: прочли и не поняли, по крайней мѣрѣ, масса. Были, однако, читатели, которые задумывались надъ этимъ стихотвореніемъ, прочитывали разъ, два и три, и, всетаки, не находили «тѣни Наполеона». Въ Москвѣ одинъ изъ старожиловъ со средствами, собиравшій у себя временами довольно большой кружокъ знакомыхъ, предложилъ однажды своимъ гостямъ выслушать «Насильственный бракъ». Выслушали. Изъ ста человѣкъ десятокъ-другой сказали: «тутъ что-то есть!». И, всетаки, не отгадали, что именно. Только одинъ старичокъ замѣтилъ: «вотъ это что, господа», и растолковалъ. Можетъ статья, были такіе же «старички» и въ Петербургѣ, и въ другихъ городахъ... но піеса вообще прошла не замѣченной. Черезъ недѣлю, черезъ двѣ объ ней уже не говорилъ никто.

Вдругъ приходитъ въ Петербургъ разъясненіе стихотворенія въ какой-то французской газетѣ: всѣ бросились перечитывать заброшенный листокъ, пошелъ шумъ. «Насильственный бракъ» сдѣлался извѣстною всякому мальчику піесой, особенно послѣ того, какъ III Отдѣленіе вздумало отбирать у подписчиковъ «Сѣверной Пчелы» роковой номеръ и всячески уничтожить его по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ. Стихотвореніе стало гулять по городу въ безчисленныхъ спискахъ. Уже было извѣстно и имя автора, и засіяло новыми лучами. Слава графини Ростопчиной, какъ поэта, выросла втрое, втеченіе нѣсколькихъ дней. Говорили, что ее вызвали изъ-за границы въ Петербургъ, что ей сильно досталось; досталось точно также и Булгарину...

На самомъ дѣлѣ ее перестали принимать во дворцѣ и, какъ кажется, выслали въ Москву. Могло быть и такъ, что графиня сама бѣжала изъ Петербурга отъ этого шума, сплетень, толковъ и пересудовъ... Это было около 1847 года.

Въ Москвѣ у Ростопчиныхъ былъ когда-то собственный прекрасный домъ, съ двумя огромными флигелями, на углу Лубянки и Фуркасовскаго переулка — наслѣдство по генераль-губернаторѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ. Сынъ его, графъ Андрей Ѳедоровичъ, имѣлъ привычку все продавать за безцѣнокъ. У него ничто не держалось. Продалъ онъ и этотъ домъ на Лубянкѣ одному юркому обывателю

¹⁾ Отъ самой графини.

Москвы, который, напротив, имѣлъ привычку все покупать, что было мало-мальски выгодно. Онъ передѣлалъ домъ Ростовчинныхъ на свой ладъ, лишивъ его многихъ историческихъ украшеній, и сталъ въ немъ жить.

Ростовчины, рассчитывая поселиться въ Москвѣ прочно, купили на Садовой, въ приходѣ Ермолая, извѣстный всей Москвѣ домъ Небольсиныхъ, лежавшій глубоко во дворѣ, съ примыкавшимъ къ нему довольно большимъ садомъ, домъ обширный, помѣстительный, но всего въ два этажа. Графиня поселилась внизу, отдѣлавъ по своему вкусу амфиладу пяти-шести комнатъ, гдѣ разставлена была, по ея же вкусу, старая петербургская ея мебель: изящные диваны, кушетки, кресла, стулья, козетки разныхъ величинъ и формъ— по стѣнамъ, налѣво отъ входныхъ дверей, и по срединѣ. Маленькіе шкапчики, столики, шифоньерки, полки и полочки, съ дорогимъ стариннымъ фарфоромъ, по стѣнамъ, направо, у оконъ. Комната съ каминомъ и будуаръ графини были отдѣланы съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ прочія. Въ будуарѣ можно было засмотрѣться на разные предметы роскоши, туалетныя бездѣлушки, пахнувшія сотнями и тысячами. Весьма цѣнная рояль (на которой въ Петербургѣ игравали знаменитѣйшіе виртуозы Европы) помѣщалась въ одной изъ комнатъ, ближайшихъ къ выходу. Разумѣется, вездѣ были постланы богатые ковры.

Графъ занялъ верхнюю половину дома, тоже отдѣлавъ ее по своему вкусу, довольно просто, но комфортабельно. Въ томъ же этажѣ помѣщалась наслѣдственная картинная галлерей и библиотека. Тамъ и обѣдали, въ своемъ ли кругу (состоявшемъ изъ мужа, жены, трехъ человѣкъ дѣтей, съ гувернерами и гувернантками), или съ добавленіемъ кое-какихъ гостей. Живописецъ изъ художественной школы, жившій у Ростовчинныхъ на полномъ ихъ содержаніи, единственно для рисованія Наполеона I въ карикатурныхъ видахъ, обѣдалъ особо.

Послѣ обѣда принято было проводить нѣсколько времени въ кабинетѣ графа. Тутъ являлся обыкновенно поваръ въ поварскомъ костюмѣ, съ проектомъ завтрашняго обѣда. Графъ просматривалъ этотъ проектъ, иное въ немъ измѣнялъ, съ инымъ соглашался... Обѣдъ составлялъ нѣчто весьма существенное въ жизни графа. Поваръ былъ нанятый, артистъ своего дѣла, получавшій солидное содержаніе. Остальная прислуга была отчасти нанятая, отчасти взятая изъ дворовыхъ людей села Воронова, подмосковнаго имѣнія старухи Ростовчиной, матери графа Андрея Ѳедоровича, — того историческаго Воронова, гдѣ отдыхалъ отъ своихъ служебныхъ занятій и тревогъ столичной жизни историческій генераль-губернаторъ, въ домѣ громадныхъ размѣровъ старой боярской поры, который въ 1812 году онъ приказалъ управляющему сжечь, со всею дорогою мебелью, бронзами, картинами древнихъ мастеровъ,

статуями, какъ только услышалъ, что къ Воронову направляется дивизія Мюрата. Обгорѣлыя развалины стояли безъ всякихъ исправленій до времени переѣзда Ростопчиныхъ, Андрея Ѳеодоровича и Евдокіи Петровны, въ Москву, около 1847 г. Тутъ только приказано отдѣлать нижній этажъ и выстроить неподалеку оттуда деревянный домъ. Приведены также въ нѣкоторый порядокъ огромныя конюшни, гдѣ воспитывались хорошія заводскія лошади, предметъ немалыхъ попеченій графа и графини.

Средства Ростопчиныхъ въ то время были еще въ надлежащемъ порядкѣ. Мѣжно было бросать деньги, и графъ бросалъ, Богъ видитъ куда и на что. Ни баловъ, ни вечеровъ и многолюдныхъ сѣздовъ графъ не любилъ. Графиня не смѣла... Жили они относительно довольно скромно. Графъ проводилъ утро преимущественно у себя дома. Временами къ нему заглядывали кое-какіе пріатели и знакомые по англійскому клубу, гдѣ онъ былъ членомъ: коннозаводчики, любители троекъ, цыганъ, балета, добрыхъ закусокъ. Обѣдать оставались весьма немногіе. Послѣ обѣда графъ, отдохнувъ, уѣзжалъ въ англійскій клубъ и отпускалъ лошадей домой. Пробывъ въ клубѣ сколько нужно, иной разъ далеко за полночь, графъ выходилъ на крыльцо и требовалъ извозчика. Въ это время надо было бѣжать отъ крыльца всѣмъ, кто тамъ случится, и прятаться за колонны и всякіе уступы зданія: извозчики неслись со всѣхъ сторонъ двора, какъ ураганъ, и могли смять неловкаго и заѣвавшагося. Извѣстно было, что графъ не торгуется, а, пріѣхавъ домой, вынимаетъ когда трехрублевую, когда пятирублевую, а когда и десятирублевую бумажку. Охотниковъ получить такую графскую сумму за конецъ между извозчиками было довольно.

Графиня принимала на своей половинѣ своихъ гостей, обыкновенно вечеромъ: пили чай, играли на фортепьянахъ, бесѣдовали. Гости были: свѣтскія дамы и мужчины высшаго круга, большею частію молодые и красивые. Графиня сама показывалась кое-когда на балахъ разныхъ графовъ, князей и высокихъ сановниковъ. Она была тогда еще довольно молода, довольно стройна, могла нравиться. Литература, съ годъ или съ два пребыванія Ростопчиныхъ въ Бѣлокаменной, была отодвинута на второй планъ или даже и еще подальше. Появился, впрочемъ въ «Москвитянинѣ» 1849 года букетъ довольно милыхъ стихотвореній, видимо «прежняго времени», гдѣ рассказывалось объ отъѣздѣ на Кавказъ одного молодого воина, о его чувствахъ, о чувствахъ той, которая осталась сокрушаться и плакать... Подписи не было. Автора угадали только избранные.

Свѣтская, вѣтреная жизнь графини, весьма похожая на петербургскую, потрясена была однимъ неожиданнымъ для нея прозаическимъ обстоятельствомъ: графиню вывелъ оберъ-полицеймей-

стеръ Лужинъ съ одного придворнаго бала, на который она неосторожно явилась, пользуясь старыми, петербургскими правами и полагая, что все забыто. Графъ счелъ себя обиженнымъ въ лицѣ жены и отказался участвовать въ большомъ маскарадѣ, который давалъ городъ государю въ новомъ Александровскомъ дворцѣ, тогда только что отстроенномъ и гдѣ графъ, какъ московскій дворянинъ и представитель старой громкой фамиліи, долженъ былъ изображать въ длинной процессіи областей и городовъ городъ Москву, въ видѣ боярина XIV столѣтія. Былъ спитъ уже и богатый костюмъ и заброшенъ...

Жизнь Ростовчиныхъ измѣнилась, особенно жизнь графини: она заперлась у себя дома. Выѣзды на свѣтскіе балы прекратились. Салоны ея стали пусты. Случилось, что въ это самое время одинъ изъ пожилыхъ поэтовъ Москвы, человекъ раздраженный противъ властей, написалъ противъ генераль-губернатора, графа Закревскаго, рѣзкіе стихи. Они быстро распространились по городу, и всѣ говорили, что это написала Ростовчина. Генераль-губернаторъ на первыхъ порахъ вѣрилъ тому. Нужно было поправлять отношенія, внезапно охолодѣвшія. Графиня измучилась... тутъ ей пришло на мысль ухватиться, ради своего спасенія и успокоенія, за литературу: познакомиться съ мѣстными литераторами и завести у себя «литературные вечера» по субботамъ, въ воспоминаніе петербургскихъ «субботъ».

Въ Москвѣ было въ то время два литературныхъ кружка: славянофилы, собиравшіеся у Хомякова, Аксакова (Сергѣя Тимофеевича, отца Константина и Ивана Сергѣевичей), Кошелева, Кириѣвскаго, Елагиныхъ, и такъ называемая «Молодая редакція Москвитянина», только что начинавшая формироваться. Она состояла главнѣйшимъ образомъ изъ недавнихъ студентовъ Московскаго университета. Другія учебныя заведенія давали тамъ небольшой процентъ. Тутъ были талантливые люди: Мей, Григорьевъ, Колошинъ, Эдельсонъ, Филипповъ, Писемскій, Рамазановъ...

Славянофилы держались особо, знали почти только другъ друга. Молодая редакція «Москвитянина» знала въ городѣ очень многихъ, не брезговала никѣмъ. Ближе всего были къ ней нѣкоторые артисты сцены: Садовскій, Васильевъ, Максинъ, Турчаниновъ... Первые двое были знаменитостями Московскаго театра; послѣдніе игравали, что называется, «ногу слона». Максинъ прославился ролью «тѣни Гамлета» и, вѣроятно, любилъ ее болѣе всѣхъ своихъ ролей. Когда весь кружокъ, съ присоединеніемъ профессора зоологіи Руде, извѣстнаго всей Москвѣ Алексѣя Дьякова (учителя чистописанія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, поэта и друга трагическаго актера Мочалова) и персіянина Мира, или, какъ чаще его называли, Мирки,—собирался въ знаменитой въ то время

«Кофейнѣ Печкина» (которая состояла изъ небольшого числа комнатъ, вошедшихъ нынѣ въ Московскій трактиръ), Максимъ, усаживаясь съ кѣмъ нибудь играть въ шашки, заводилъ гробовымъ голосомъ: «и каждый волосъ» (тутъ двигалась шашка) «на главѣ твоей» (двигалась другая шашка) «встанетъ дыбомъ!» (двигалась третья шашка). Изъ другихъ своихъ ролей онъ почему-то не приводилъ отрывковъ за шашками.

Кружокъ заглядывалъ еще въ одну отдаленную замоскворѣцкую харчевню слушать бандуриста Алешку, который игралъ (какъ никто будто бы) камаринскую и венгерку. Для этой венгерки иные засиживались въ харчевнѣ долго. Одинъ молодой человекъ Мальцевъ отменно плясалъ подь эти пѣсни. Онъ же умѣлъ забавно представлять, какъ «львы лежатъ на воротахъ»; какъ «собака ѣсть кость, а ворона къ ней подпрыгиваетъ и опять отпрыгиваетъ» (когда собака зарычитъ); какъ «собака встрѣчаетъ входящую старуху во дворъ, и старуха отбивается отъ нея костылемъ» и, наконецъ, какъ «нѣсколько собакъ грызутся и ворчатъ подь столомъ, когда господа обѣдаютъ». Въ этихъ представленіяхъ Мальцевъ былъ неподражаемъ. Вертѣлся иногда въ кружкѣ молодой купчикъ Ванька Коробовъ, который былъ замѣчательнъ не самъ по себѣ, а своимъ дядей, Коробовымъ, который очень смѣшно и самымъ сильнымъ народнымъ языкомъ рассказывалъ компаніи разныя исторіи, о чемъ случится; трудно перечислить всѣ элементы, изъ какихъ слагался кружокъ; необходимо только упомянуть, что къ нему же примыкалъ вплотную Александръ Николаевичъ Островскій, впоследствии извѣстный драматическій писатель.

Графиня долго не знала, что ей дѣлать: изъ какихъ литераторовъ составить кружокъ для своихъ «литературныхъ вечеровъ по субботамъ», — кружокъ удобный, приличный, нескучный. Къ славянофиламъ сердце ея не лежало вовсе. На нихъ смотрѣло тогдашнее общество иронически, поднимало на смѣхъ народныя ихъ одежды: поддѣвки, зипуны, красныя рубахи съ косымъ воротомъ, мурмолки; правительство съ ними не ладило. Да и то сказать: для литературныхъ вечеровъ свѣтской дамы они, какъ люди серьезные, дорожившіе своимъ временемъ, не годились: соскучились бы въ недѣлю, и баста ѣздить. Графиня болѣе или менѣе угадывала такой конецъ...

О другомъ кружкѣ, о «молодой редакціи Москвитянина» и связанныхъ съ нею неразрывными узами разнообразныхъ личностей города, ходили не очень благовидныя слухи, что это — «безпросыпные кутилы, пребывающіе большую часть дня въ нагольныхъ тулупахъ, не то въ рубашкахъ; не навидящіе фракъ и перчатокъ; пьющіе простое вино изъ штофовъ и полуштофовъ и закусывающіе соленымъ огурцомъ». Какъ ихъ вычистить, сдѣлать такими,

чтобъ они могли безъ зазору, не смущая въ графской передней прислуги, показываться время отъ времени въ изящныхъ салонахъ изящной аристократки? Говорили еще въ обществѣ, что они— «бирюки», рѣдко выползающіе на свѣтъ Божій изъ своихъ норъ самого невѣроятнаго свойства,—норъ, незнакомыхъ будто бы вовсе съ половною щеткой. Чтò бываетъ иногда накидано на полу такого жилища, такой соръ и грязь (которые потомъ неизвѣстно куда исчезаютъ),—этого ни въ сказкѣ не разсказать, ни перомъ не описать! Если приходилъ бирюкъ къ бирюку и засиживался до ночи, для него стлалась на полу перина и потомъ долго-долго лежала, никѣмъ не убираемая, и никого изъ бирюковъ это не смущало. Бывали такіе случаи, что два-три бирюка сходились у когонибудь; для каждаго устраивалась на полу постель; бирюки ложились, разговаривали, и такъ проходила недѣля, а иногда и двѣ: бирюки не расходились: имъ было нескучно и удобно... Платье у бирюковъ бывало будто бы зачастую общее...

Такіе ходили слухи. Графиня задумывалась. Литературные вечера не устраивались...

Разрѣшенію вопроса помогло слѣдующее обстоятельство: Островскій написалъ комедію Банкрутъ. Всѣ, знающіе дѣло, ахнули. Вся интеллигенція Москвы заговорила объ этой пьесѣ, какъ о чемъ-то чрезвычайномъ, какъ бы... небываломъ. Наиболѣе всего поражалъ въ ней языкъ московскихъ купцовъ, впервые выступившій въ нашей литературѣ съ такою живостію, яркостію и силою. Но, кромѣ языка, и самый купеческій бытъ, способы мышленія и жизненные приемы этого сословія нарисованы были могучею, широкою кистью... какъ бы опытнаго художника, о существованіи котораго никто не зналъ; никто не видалъ его постепеннаго развитія, разныхъ мелкихъ, робкихъ, отроческихъ статей. Сразу явилось мужественное произведеніе, совершилось нѣчто въ родѣ чуда! Слава Островскаго, какъ драматическаго писателя, родилась и выросла въ одинъ день. Всѣ стремились слушать новое произведеніе; всѣ, слушая, имъ восхищались; потомъ бѣгали и трубили по городу; всякому оно было понятно, было свое, родное... всякій невольно чувствовалъ его красоты.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ, этотъ примиряющій центръ всѣхъ партій, у кого, на скромныхъ его вечерахъ, на Дѣвичьемъ полѣ, на обѣдахъ, которые сочинялись въ саду (если это можно лѣтомъ и въ хорошую погоду) по разнымъ случаямъ и мотивамъ, сходились всевозможные московскіе кружки и даже люди, другъ съ другомъ, а иногда и съ самимъ хозяиномъ, въ жизни не ладившіе: славянофилы, западники, университетъ, артисты театра, молодость, старость, — Погодинъ рѣшился устроить у себя чтеніе «новой комедіи», о которой столько всѣ говорили. Трудность, и не малая, была лишь въ томъ, чтобы «достать автора», познакомиться

съ нимъ, безъ лишнихъ церемоній, безъ визитовъ, прямо—«съ ко-рабля на балъ»!

Михаилъ Петровичъ поручилъ уладить это дѣло одному товарищу Островскаго по воспитанію. Островскій обѣщаль пріѣхать и читать. Дѣло было о масляной (1849 г.). Хозяинъ затѣи придрался къ этому и звалъ разныхъ своихъ знакомыхъ «на блины». Въ числѣ приглашенныхъ были: Гоголь, Хомяковъ, Шевыревъ, актеръ Щепкинъ; нѣкоторая часть «молодой редакціи Москвитянина» (кто былъ поближе къ Островскому) и Ростопчина. Были люди, кто хотѣлъ больше видѣть автора «Насильственнаго брака», чѣмъ слушать новую комедію...

Островскій явился ранѣе другихъ, съ толстой тетрадью, одѣтый во фракъ. Графиня пріѣхала (какъ кто-то сейчасъ же замѣтилъ: въ одиночныхъ саняхъ въ одну лошадь), когда уже набралось довольно народу въ верхнемъ помѣщеніи дома. Одѣта она была очень просто. Всѣ глаза смотрѣли только на нее, и, кажется, всѣмъ она понравилась. Большинство присутствующихъ видѣло ее тутъ въ первый разъ. Погодинъ сейчасъ же представилъ ей всю свою «молодежь». Графиня осматривала представленныхъ очень внимательно. Потомъ всѣ усѣлись на самой невзыскательной мебели хозяйскаго кабинета: трехъ кушеткахъ и нѣсколькихъ стульяхъ и креслахъ. Инымъ пришлось лѣпиться на подоконникахъ или даже просто стоять. Островскій помѣстился въ лѣвомъ углу, у оконъ, и едва началъ читать, какъ невидимо и неслышно ни для кого подкрался коридоромъ Гоголь и сталъ въ дверяхъ, прислонившись правымъ плечомъ къ притолокѣ, и такъ оставался во все время чтенія.

Піеса произвела на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Всѣ акты были выслушаны съ самымъ полнымъ вниманіемъ, безъ одобреній, въ мертвой тишинѣ. Разумѣется, было два-три отдыха. По окончанія чтенія главныя лица ринулись кучей благодарить автора. По образу жизни своей, Островскій очень рѣдко сталкивался съ такой массой разнообразнаго народу, особенно въ такихъ условіяхъ, какъ это устроилось у Погодина, а потому былъ неловокъ, краснѣлъ, потуплялъ глаза. Впослѣдствіи онъ привыкъ къ такимъ выѣздамъ, даже очень любилъ ихъ, любилъ оваціи, какъ чловѣкъ, до крайности самолюбивый, считавшій себя совершенствомъ во многихъ отношеніяхъ, даже по аполоновскому, античному тѣлосложенію. Онъ находилъ въ себѣ также ловкость Донжуана въ ухаживаніи за женщинами... Много было странностей въ этомъ необыкновенномъ чловѣкѣ.

Мнѣ вздумалось подойти къ Гоголю и спросить его мнѣніе о піесѣ. Онъ сказалъ, что «при несомнѣнномъ и большомъ талантѣ автора проглядываетъ неопытность, юность въ техникѣ дѣла. Необходимо, чтобы такой-то актъ (онъ его назвалъ цыфрой) былъ

покороче, а такой-то подлиннѣе. Все это онъ узнаеть впослѣдствіи, можетъ быть, очень скоро узнаеть, но пока не имѣеть объ этомъ ни малѣйшаго понятія. Пишетъ, какъ талантъ самородокъ, съ плеча, не оглядываясь и руководствуясь только вдохновеніемъ. А это не годится и невозможно. Техника—другое вдохновеніе; вдохновеніе тогда, когда нѣтъ вдохновенія!.. Но талантъ, рѣшительный талантъ!».

О языкѣ піесы, наиболѣе всѣхъ насъ поражавшемъ, Гоголь не сказалъ ни слова, вѣроятно, потому, что этого дѣла хорошо не смыслилъ. Онъ побѣдилъ русскій языкъ вообще и зналъ всѣ его тонкости и прелести; умѣлъ съ ними справляться временами, какъ самый высочайшій художникъ русскаго происхожденія, но сословныхъ оттѣнковъ русской рѣчи побѣдить никогда не могъ, да, кажется, объ этомъ и не старался, такъ какъ это дѣло очень трудное, для большинства писателей даже прямо невозможное. Надо жить съ этими сословіями, на языкѣ которыхъ хочешь говорить печатно. Островскій заговорилъ купеческимъ языкомъ, какъ никто изъ нашихъ писателей, потому что жилъ и вращался среди купцовъ съ малаго возраста. Отецъ его былъ секретаремъ московскаго коммерческаго суда. Въ его домѣ съ утра до ночи толклись купцы, рѣшая разные свои вопросы. Мальчикъ Островскій видѣлъ тамъ не одного банкрута, а цѣлые десятки; а разговоры о банкротствѣ наслушался и Богъ вѣсть сколько: немудрено, что языкъ купцовъ сталъ нѣкоторымъ образомъ его языкомъ. Онъ усвоилъ его себѣ до тонкости. Иное, въ особенності хлесткое и мѣткое, записывалъ (какъ самъ мнѣ признавался). Въ подобныя отношенія съ самымъ низшимъ классомъ, съ простымъ народомъ, съ мужиками, не становился еще ни одинъ изъ нашихъ писателей, да и какъ это сдѣлать?.. А потому и нѣтъ нигдѣ, въ самыхъ знаменитыхъ и всѣмъ извѣстныхъ повѣстяхъ и романахъ первыхъ нашихъ беллетристовъ, настоящаго мужицкаго языка. Есть только намеки на мужицкій языкъ, неловко записанныя мужицкія фразы. Порою мужицкій языкъ нашихъ писателей похожъ на дѣйствительный мужицкій языкъ точно также, какъ народныя пѣсни Славянскаго на дѣйствительныя народныя пѣсни. Здѣсь еще не явилось «Островскаго»...

Графиня говорила съ авторомъ Банкрута болѣе, чѣмъ съ кѣмънибудь, и просила его бывать у нея по субботамъ вечеромъ. Такія же приглашенія получили и еще нѣсколько лицъ, бывшихъ тогда у Погодина, и самъ Погодинъ. Такъ возникли «субботы Ростопчиной», сначала посѣщаемыя весьма небольшимъ кружкомъ литераторовъ и артистовъ, но потомъ стало являться ихъ больше и больше, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ. Завязъ кружка составляли: Островскій, Мей, Филипповъ, Эдельсонъ, до нѣкоторой степени: скульпторъ Рамазановъ; артисты сцены: Щепкинъ и Самаринъ.

Кое-когда заглядывали: писатель прежнихъ временъ Н. Ф. Павловъ, С. А. Соболевскій, только что воротившійся тогда изъ продолжительныхъ странствій за границей, *bon vivant* со средствами, когда-то другъ Пушкина и Мицкевича, произносившій поминутно острыя эпиграммы; натуралистъ Сѣверцовъ, ученый, несносный оригиналь; Ю. Н. Бартепевъ, говорившій особымъ языкомъ, въ большинствѣ случаевъ человекъ скучный; графиня его не долубливалась; далѣе, Бѣгичевъ, свѣтскій, красивый вертопрахъ, любившій возиться съ литераторами и актерами. Онъ привелъ къ графинѣ писателя немудрыхъ свойствъ Вонлярлярскаго, странствовавшего по Востоку и стрѣлявшего въ Африкѣ львовъ съ извѣстнымъ зуавскимъ офицеромъ, Жюль Жераромъ.

Изъ петербургскихъ писателей и артистовъ мелькали: Григоровичъ, Тургеневъ, Майковъ... Изъ дамъ бывали преимущественно: супруга московскаго вице-губернатора Новосильцова (которую, по оригинальному ея имени, въ городѣ называли просто «Меропа»), разбитная барыня Рябинина и др.

Изъ иностранцевъ у графини показывались, во время пребыванія въ Москвѣ: Листъ, Шульгофъ, Маріо, Рашель, Віардо-Гарсія, Фанни-Эльслеръ. Рашель была предметомъ исключительнаго обожанія графини: мѣсто, гдѣ она сиживала въ гостиной, закладывалось подушкой, и никто не смѣлъ на него сѣсть. Кто-то разъ, не зная ничего объ этихъ чудесахъ, хотѣлъ было плюхнуть и уже устранилъ подушку: графиня бросилась, положила подушку на прежнее мѣсто и сказала: «тутъ нельзя сидѣть: тутъ вчера сидѣло божество!».

Для Фанни-Эльслеръ устроенъ былъ Ростопчиными въ одномъ изъ верхнихъ покоевъ пышный завтракъ, въ родѣ обѣда. Она пріѣхала въ такихъ кружевахъ, которыя долго не давали спать хозяйкѣ... У Ростопчиныхъ была абонирована ложа на всѣ ея представленія, гдѣ сиживалъ временами и графъ, говорившій очень серьезно своимъ знакомымъ, что онъ «потому ѣздитъ смотрѣть на Фанни-Эльслеръ, что она болѣе, чѣмъ кто либо, напоминаетъ совершенствомъ своего тѣлосложенія арабскую кобылу».

Погодинъ долго не показывался на субботахъ Ростопчиной. Его принесло, какъ нарочно, тогда, когда у графини, между разными гостями, была и Фанни-Эльслеръ. Онъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, посмотрѣлъ, выпилъ чашку чаю и невидимо скрылся. Потомъ, кажется, ни разу не былъ. Вечеръ Ростопчиной, который Михаилу Петровичу случилось видѣть и на которомъ преимуществу говорили пофранцузски для знаменитой гостыи, показался ему такъ мало похожимъ на русскіе литературные вечера, что повторять этихъ неопредѣленныхъ спектаклей онъ уже не хотѣлъ.

На самомъ дѣлѣ эти вечера и безъ иностранныхъ гостей заключали въ себѣ очень немного литературныхъ элементовъ: пили

чай, изрѣдка ужинали, и болтали о разныхъ разностяхъ: о замѣчательныхъ спектакляхъ, о жизни выдающихся чѣмъ нибудь русскихъ и иностранцевъ (такъ Григоровичъ разсказалъ однажды весьма игривую исторію изъ заграничныхъ походовъ извѣстнаго богача Анатолія Демидова); о свѣтскихъ интригахъ и романахъ прежняго и настоящаго времени. Зацѣпляли иногда и литературныя приключенія. Были случаи, когда кто нибудь разсказывалъ свое чѣмъ нибудь замѣчательное прошлое. Такіе разсказы Щепкина были всегда чрезвычайно занимательны, да и разсказывалъ онъ превосходно, какъ бы читалъ по книгѣ. Многое, впрочемъ, разсказывалъ онъ сотый разъ. Литературныя чтенія устраивались очень рѣдко. Они состояли обыкновенно изъ новыхъ произведеній самой хозяйки, большею частью длинныхъ-предлинныхъ романовъ и драмъ, наводившихъ на слушателей непомѣрную скуку. Графиня была въ этомъ случаѣ безпощадна: прослушай непременно все, а не отрывокъ! Авторское самолюбіе, предположеніе, что все, что она напишетъ,—занимательно, мѣшали ей видѣть, какъ иные во время ея чтеній зѣваютъ...

Одинъ изъ позднѣйшихъ знакомыхъ Ростовчиной, поэтъ Щербина, находившійся въ Москвѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ, послалъ въ одинъ изъ тогдашнихъ петербургскихъ юмористическихъ листковъ карриатуру, съ изображеніемъ «литературнаго вечера у Ростовчиной», гдѣ она читаетъ что-то, на одномъ концѣ стола, обложившись книгами. Иные томы лежатъ даже на полу, около кресла: все это предполагается прочесть залпомъ безъ отдыха! Кругомъ — наиболѣе извѣстные посѣтители субботы графини. Все—портреты. Подпись гласитъ: «Чтобы чтеніе вполне удалось и никто не ушелъ, не дослушавъ пьесы, приняты надежныя мѣры». Этими надежными мѣрами были два огромныхъ бульдога, лежащіе у запертыхъ дверей¹⁾. Къ нимъ идетъ Щербина—и останавливается, такъ какъ бульдоги оказываютъ безпокойство. Такія печатныя оглашенія въ разныхъ видахъ онъ дѣлалъ время отъ времени для того, чтобъ и самому тутъ порисоваться. Это былъ оригинальный человѣкъ, или, точнѣе, человѣчекъ—маленькій, неловкій, некрасивый, смѣшеніе грека съ малороссіяниномъ, взявшій и отъ того, и отъ другаго болѣе всего хитрости и скрытности. Онъ родился въ Одессѣ отъ матери гречанки и отца, новороссійскаго хохла, весьма немудрыхъ свойствъ. Съ большимъ трудомъ у родителей его нашлись средства воспитать сына въ гимназіи... дальше объ немъ никто ничего не зналъ. Въ Москву онъ прибылъ искать хлѣба и славы. Онъ имѣлъ замѣчательный поэтическій талантъ, выразившійся, впрочемъ, въ однѣхъ мелочахъ:

¹⁾ У графини было въ самомъ дѣлѣ два огромныхъ бульдога, самаго кроткаго свойства. Одинъ назывался «ладкій».

въ элегіяхъ, иногда на греческій ладъ, и эпиграммахъ, изъ которыхъ были инья остры и забавны, но всегда съ пересоломъ, съ невѣрнымъ освѣщеніемъ предмета, съ подкладкой зависти и раздраженія противъ всего свѣта, а потому онѣ смѣшили не многихъ. Островскій названъ былъ въ одной эпиграммѣ: «гостинодворскій Коцебу». Риема къ этому: «въ погребу»... Болѣе всѣхъ изъ молодыхъ литераторовъ Щербина преслѣдовалъ почему-то Гербеля и Данилевскаго. Гербель, какъ военный человекъ, все собирался его бить. Самой колкой эпиграммой, изъ направленныхъ противъ него, считалась передѣлка извѣстной Загадки.

«Что рѣдко видитъ царь, пастухъ то зрить всегда,
А Гербель не видалъ отъ вѣка никогда?»

— Отвѣтъ: «Себѣ подобнаго!».

Изъ прозаическихъ разсказовъ Щербины, въ томъ же юмористическомъ духѣ, извѣстна болѣе всего «Просьба семинариста» и нѣсколько такъ названныхъ авторомъ «акаѳистовъ». Изъ послѣднихъ часто слышались акаѳисты: Авдотѣ Павловнѣ Глинкѣ (женѣ бывшаго адъютанта графа Милорадовича въ 1835 году, Федора Николаевича Глинки, автора Божественной капли и многихъ другихъ стихотвореній и статей въ прозѣ) и В. П. Боткину.

О Данилевскомъ Щербина разсказывалъ довольно забавно на словахъ (всякій разъ добавляя или убавляя), какъ онъ «сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и разговаривалъ съ государемъ, пришедшимъ къ нему въ маскѣ», какъ «ѣздилъ въ Курскъ, познакомился съ губернаторомъ, осматривалъ вмѣстѣ съ нимъ городъ, посѣтилъ театръ и такъ смутилъ актеровъ, что пришлось спустить занавѣсъ и прекратить представленіе». Были разсказы и о многихъ другихъ.

(И такими разсказами наполнялись иногда субботы Ростопчиной).

Приставъ поневолѣ къ кружку «Москвитянина», Щербина чувствовалъ себя въ немъ какъ-то «не по себѣ», былъ чѣмъ-то чуждымъ, лишнимъ, ни съ кѣмъ не вязался. Когда устраивался у когонибудь вечеръ по поводу чтенія новой пьесы (чаще всего собирались у Островскаго слушать его новыя пьесы), Щербина никогда не приглашался. Должно быть, ему стало подъ конецъ холодно и жутко въ Москвѣ: онъ перебрался въ Петербургъ, долго бѣдствовалъ, давалъ уроки русской словесности, наконецъ, досталъ себѣ тамъ какое-то мѣстечко и поправилъ свои дѣла изданіемъ «Шчелы», книги для народа.

Бывали у графини посѣтители на одинъ разъ: представиться, посмотреть на автора «Насильственнаго брака» и исчезнуть, а потомъ разсказывать знакомымъ, что онъ «бываетъ на вечерахъ графини Ростопчиной, что тамъ очень мило и весело»...

Въ числѣ такихъ одноразовыхъ посѣтителей случился одинъ до крайности простодушный, безъ всякихъ заднихъ мыслей и претензій, человекъ: рыбный торговецъ изъ Замоскворѣчья, Мочаловъ, большой пріятель Островскаго, съ которымъ они вмѣстѣ кучивали въ кофейнѣ Печкина.

Мочаловъ этотъ, типъ замоскворѣцкаго купца: коренастый, румяный, въ поддѣвкѣ, въ большихъ сапогахъ, волосы въ кружокъ, густая борода,—сдѣлался какимъ-то образомъ поклонникомъ стихотворнаго таланта Ростопчиной, читалъ и заучивалъ ея стихи и говорилъ, что «лучше этого порусски ничего не написано». Онъ нерѣдко приставалъ къ Островскому за бутылкой шампанскаго: «покажи, да покажи ему графиню Ростопчину!... Отчего бы тебѣ меня ей не представить? Всего на одну минуточку: поклонюсь до земли, поцѣлую ручку, и былъ таковъ!». Островскій, наконецъ, не выдержалъ атакъ замоскворѣцкаго пріятеля и рѣшился просить у графини для него аудіенціи. Разумѣется, сказано было, что это человекъ, помѣшанный на ея стихахъ. Графиня съ удовольствіемъ услышала о существованіи такого поклонника за Москвой-рѣкой, въ рыбной лавкѣ, и пожелала его видѣть. Островскій долженъ былъ привезти его лично. Назначили день. Графиня приготовила у себя кое-какіе эффекты: велѣла затопить каминъ (такъ какъ это было зимою), одѣлась очень внимательно, накинула на себя розовую шубку, подбитую соболями (ту самую, въ которой она изображена на портретѣ Тропинина), и стала ожидать гостей. Они прибыли аккуратно. Мочаловъ сѣлъ на краешкѣ стула, едва смѣлъдохнуть, поглядывалъ благоговѣнно то на хозяйку, то на ея одежду, то на сервскіе фарфоры кругомъ и на все, что показывало, что онъ имѣетъ дѣло съ самой высшей аристократіей, понимающей, какъ надо жить, когда имѣешь средства, гдѣ и что поставить. Говорилъ онъ немного: что называется, «прильпне языкъ къ гортани!». Но зато она сыпала рѣчами безумолчно и совсѣмъ околдовала своего замоскворѣцкаго гостя. Онъ вышелъ, непомня себя отъ радости, цѣлуя Островскаго и думая, что все видѣнное имъ было не что иное, какъ сонъ...

Что было дѣлать послѣ этого невыразимо-счастливому рыбному торговцу? Какъ и чѣмъ высказать свѣту свое блаженство, какого онъ, не дальше какъ наканунѣ, и не чаялъ? Кутнуть напропалую съ пріятелемъ, безъ котораго ничего бы этого не случилось? Но это такъ просто; это бываетъ и безъ того почти всякій день. Нѣтъ, нужно заставить гулять, если можно, всѣхъ, цѣлый бѣлый свѣтъ! Вотъ что надо попробовать устроить, въ какихъ ни на есть раз-мѣрахъ.

Съ такими мыслями прибыли они въ кофейню Печкина. Приказано было «подать закуску и, кромѣ того, предлагать всѣмъ приходящимъ втеченіе того времени, пока Островскій съ Мочало-

вымъ завтракають, спрашивать что угодно изъ кушаній и винъ и денегъ за это не брать, а писать на счетъ Мочалова». Разумѣется, кто принялъ такое предложеніе, кто не принялъ. Но счетъ, поданный Мочалову при выходѣ его изъ кофейни, былъ, всетаки, довольно серьезень...

Лѣто 1851 года Ростовчины рѣшили провести въ Вороновѣ. Туда были приглашены избранные изъ кружка субботнихъ гостей графини, разумѣется, знакомыхъ и съ графомъ (такихъ было, впрочемъ, двое-трое). Ихъ размѣстили по разнымъ комнатамъ нижняго этажа, въ старомъ каменномъ домѣ. Часть комнатъ съ другой стороны занимала графиня съ дѣтьми. Графъ жилъ въ новомъ деревянномъ домѣ.

Главный, центральный корпусъ зданія (то-есть отдѣланный нижній этажъ и надъ нимъ одинъ или два обгорѣвшихъ) примыкалъ одною продольною стѣною къ обширному двору, обнесенному невысокою полукруглою стѣнкой, а другою, противоположною стороною соединялся съ огромнымъ сумрачнымъ садомъ, въ родѣ парка. По обѣ стороны были два широкіе балкона, съ каменными лѣстницами внизъ. Обѣдали и завтракали въ залѣ, передъ открытыми дверями во дворъ.

Въ первый же день, какъ всѣ обитатели дома и графъ сошлись въ обѣденную залу и сѣли за столъ, гостей поразило слѣдующее зрѣлище: со двора, по широкимъ каменнымъ ступенямъ лѣстницы, поднимались двѣ лошади, безъ всякой збруи и уздечекъ, осторожно вошли въ комнату и стали рядомъ позади графини, какъ бы два ея лакея. Не смотря на то, что всѣ комнаты въ домѣ были громадны, большія лошади, на полной свободѣ разгуливавшія тамъ, не казались... собачками. Каждого, не привыкшаго къ такимъ явленіямъ, къ такимъ затѣямъ русскихъ баръ, бралъ невольный страхъ, какъ бы эти странные «лакеи» не разыгрались, не вздумали скакать, бѣгать, не поломали бы мебели, пола и еще чего нибудь.

Графиня давала имъ хлѣбъ, трепала и гладила ихъ по головѣ и шеѣ. Послѣ обѣда, когда всѣ встали, лошадамъ было поставлено на двухъ стульяхъ какое-то кушанье въ тарелкахъ. Одна ухватила нечаянно за край, и онъ отлетѣлъ.

Потомъ лошади стали ходить по всему дому и, воротившись въ обѣденную залу, точно также осторожно спустились съ лѣстницы, какъ взшли. Только одна не выдержала характера: когда осталось всего двѣ-три ступеньки, — прыгнула на дворъ и при этомъ вышибла задней ногой изъ лѣстницы половицу. Очутившись во дворѣ, лошади дали нѣсколько круговъ и куда-то послѣ этого ускакали.

Вечеромъ графиня забавляла гостей (кого графъ не увелъ въ конюшню смотрѣть «совершеннѣйшія созданія») кормленіемъ во-

робьевъ. Она сѣла съ запасомъ пшена, въ покойномъ креслѣ на балконѣ, противъ сада, одѣтая въ бѣлое платье. Гости спрятались за драпировку занавѣсокъ у дверей и оконъ: воробьи слетались во множествѣ изъ темныхъ аллей, чирикали, прыгали по балкону, даже временами и по платью, рукамъ и плечамъ своей кормилицы, пшено сыпалось... Но если кто либо изъ скрытыхъ за занавѣсками зрителей этой сцены неосторожно высовывался, все стадо птицъ взвивалось и улетало...

Чай пили обыкновенно въ деревянномъ домѣ у графа и потомъ сидѣли тамъ же до поздней ночи, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ, исключая литературы, вѣроятно, потому, что хозяинъ не любилъ литературныхъ разговоровъ...

Тѣмъ временемъ, когда все это происходило, авторъ Банкрута велъ при помощи Погодина переговоры съ цензурой, какъ бы эту піесу, надѣлавшую столько шуму, напечатать. Никто изъ московскихъ цензоровъ не хотѣлъ пропустить ее въ печать. Нужно было двинуть какія либо исключительныя силы: обратились къ попечителю московскаго учебнаго округа, генераль-адъютанту Назимову, человѣку съ большимъ значеніемъ при дворѣ: онъ могъ разрѣшить печатаніе своею властію и разрѣшилъ. Цензоръ сказалъ Островскому: «все приказано пропустить; я не смѣю урѣзать ни одной строки. Уступите мнѣ только, я васъ покорнѣйше прошу, заглавіе: назовите піесу какънибудь иначе, а не Банкрутъ; да еще позвольте уничтожить въ текстѣ поговорку: «нельзя же комиссару безъ штановъ: хоть худенькіе, да голубенькіе!». Островскій замѣнилъ названіе Банкрутъ поговоркой: Свои люди—сочтемся (кратко говорилось: свои люди). А изъ того, что было желательно цензору измѣнить или уничтожить въ текстѣ, оставлено только начало фразы: «нельзя же комиссару»...

Вслѣдствіе хлопотъ, которыя приложилъ Погодинъ къ піесѣ со стороны цензурной, было рѣшено, что Свои люди будутъ непременно напечатаны въ «Москвитянинѣ». А. А. Краевскій пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, какъ говорили, специально затѣмъ, чтобы пріобрѣсть Банкрута для «Отечественныхъ Записокъ», былъ у автора въ скромномъ его жилищѣ у Серебряныхъ бань, видѣлъ скромную обстановку его жизни, сравнилъ это въ мысляхъ съ пышной обстановкой ближайшихъ къ нему петербургскихъ литераторовъ: Некрасова, Панаева, Дудышкина, и уѣхалъ домой ни съ чѣмъ, хотя предлагалъ будто бы, какъ Ричардъ III, «полцарства за коня»... Потомъ піесу дали на сценѣ. Шла она также и въ нѣкоторыхъ частныхъ театрахъ, между прочимъ, въ театрѣ богатой помѣщицы Пановой, въ домѣ ея на Собачьей Площадкѣ. Роль Подхалюзина игралъ самъ авторъ. Такъ, какъ онъ

игралъ эту роль и даже вообще «читалъ эту піесу», играть и читать никому не приходится. Иные актеры пробовали учиться у него съ напѣву, затвердить за нимъ хотя нѣсколько важнѣйшихъ фразъ, ничего не выходило. Садовскій самъ признавался въ бессилии играть такъ Большова, какъ Островскій читаетъ. Однако не все выходило у Островскаго въ чтеніи столько же совершенно, какъ Свои люди. Въ другихъ, послѣдующихъ піесахъ, онъ читалъ инныя роли слабо. Слабѣ были и піесы. Банкрутъ стоитъ въ русской литературѣ одиноко, со стороны рельефности дѣйствующихъ лицъ изъ купческаго званія и пластичности языка. Такого языка въ народныхъ драмахъ и комедіяхъ не создавалъ у насъ ни самъ Островскій и никто...

Позже играла у Пановой и Ростопчина, въ піесѣ своего сочиненія, названіе которой я забылъ, гдѣ роль графа исполнялъ актеръ Самаринъ.

Въ эпоху «верченія столовъ», когда вся Москва и многіе другіе города Россіи, можно сказать, тронулись въ умѣ; когда московскій митрополитъ Филаретъ счелъ нужнымъ произнести съ амвона въ Успенскомъ соборѣ увѣщательную проповѣдь, графиня Ростопчина принадлежала къ обществу самыхъ ретивыхъ и неутомимыхъ «вертуновъ». Вертели столы и у нея дома. Она была, по всѣмъ вѣроятностямъ, сильный медиумъ, такъ какъ у нея подъ руками столы всякихъ величинъ начинали ходить и писали скорѣе, чѣмъ у кого либо другаго. Видѣли, какъ она пускала въ ходъ столъ средней величины одна, едва къ нему прикоснувшись...

Не задолго до Крымской войны скончалась мать графа Ростопчина, жившая постоянно въ Москвѣ, вслѣдствіе чего подмосковная деревня Вороново (гдѣ графъ при жизни матери распоряжался только въ половину) поступила въ полное его распоряженіе. Сейчасъ же былъ проданъ лѣсъ одному англичанину, который сильно ухаживалъ за графомъ, можно сказать, не отходилъ отъ него ни на шагъ, съ цѣлю именно купить что нибудь за полцѣны. И удивительный Вороновскій лѣсъ, тянувшійся на огромное пространство, почти до самыхъ стѣнъ Москвы, лѣсъ, которому цѣны не было, пошелъ въ трехъ стахъ тысячахъ, стѣя на худой конецъ миллионъ!.. Немного позже улыбулось и все Вороново. Затѣмъ, проданъ домъ на Садовой; а въ заключеніе неизвѣстно куда дѣвались и вырученныя за все это большія деньги. Графъ опредѣлился на службу въ Иркутскъ, служилъ тамъ довольно долго, смертельно скучая... ему было о чемъ скучать. Въ началѣ 1883 года онъ не выдержалъ и вышелъ въ отставку. Графиня Евдокія Петровна скончалась 3-го декабря 1858 года.

Н. Бергъ.

ДѢДУШКА ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

I.

ДѢДЪ МОЙ по матери, Павелъ Михайловичъ Засѣцкій, былъ помѣщикъ и потомственный дворянинъ Вологодской губерніи, отставной морякъ, «лейтенантъ флота», баринъ довольно богатый и важный.

Предокъ его еще во времена сѣдой старины «выѣхалъ» въ Московское государство изъ «нѣмецкія италійскія земли»¹⁾.

Не однажды Засѣцкіе бывали въ силѣ или, какъ прежде говорилось, «въ фаворѣ».

Одинъ изъ Засѣцкихъ, какъ гласятъ фамильныя хроники, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Василиемъ Васильевичемъ Голицынымъ, любимцемъ правительницы Софіи Алексѣевны, и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ войной на злыхъ вороговъ-татаръ, и хотя походъ въ Крымъ, какъ извѣстно, кончился неудачно для царской рати, но тѣмъ не менѣе на долю Засѣцкихъ выпало не мало великихъ и богатыхъ милостей—въ видѣ земель и разныхъ угодій. Другой Засѣцкій былъ воеводой въ Сибири, и при немъ родъ Засѣцкихъ, по видимому, достигъ кульминаціонной точки своего процвѣтанія и славы. Этотъ Засѣцкій-воевода былъ въ чести, оставилъ послѣ себя

¹⁾ Въ копіи съ родословной фамиліи Засѣцкихъ, писанной «на Вологдѣ генваря 17 дня 1730», сказано: «Влѣто 6897 году во дни великаго князя Василя Дмитривича Московскаго і всеа Россіи выехалъ изъ Италіи мужъ честенъ Николай Засецка, а покрещеніи имя ему дано Дмитрій Засѣцкой».

изрядное наслѣдство и похороненъ въ Прилуцкомъ монастырѣ близъ Вологды.

У дѣда моего Павла Михайловича были два большія родовыя имѣнья подѣ Вологдой—Ѳоминское и Новое, и третье Чичулино, купленное имъ у двоюроднаго брата, Засѣцкаго же. Кромѣ этихъ трехъ большихъ усадебъ, у него было еще нѣсколько деревень, лѣсныхъ дачъ, пустошей и разныхъ угодій.

Главной и любимой резиденціей дѣдушки Павла Михайловича было Ѳоминское. Въ Новое онъ переѣзжалъ съ семьей лишь на весну—мѣсяца на полтора; тамъ въ озерахъ, близъ деревни Шиблово, во время весенняго разлива водъ онъ ловилъ рыбу. Впослѣдствіи дѣдушка отдалъ Новое сыну своему Константину, а Чичулино—другому сыну, Николаю. Самъ же съ младшимъ любимымъ сыномъ, Александромъ, жилъ постоянно въ Ѳоминскомъ, и Александръ Засѣцкій еще при его жизни наслѣдовалъ это прекрасное, благоустроенное имѣніе ¹⁾).

Кромѣ этихъ трехъ сыновей, у дѣдушки были три дочери: старшая, Наталья, блистательно кончила курсъ въ Смольномъ монастырѣ съ шифромъ, осталась дѣвицей, подѣ старость ушла въ Горлицкій монастырь и тамъ умерла монахиней; Елизавета, любимица дѣдушки, была очень рано выдана замужъ за отставнаго офицера Данилова; Екатерина (моя мать) также была рано выдана замужъ.

Все хозяйство, веденіе дома и воспитаніе дѣтей лежало на бабушкѣ, Екатеринѣ Григорьевнѣ.

Бабушка была петербургская уроженка и происходила изъ бѣдной дворянской семьи. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ встрѣтился и познакомился съ нею въ Кронштадтѣ, гдѣ она, по окончаніи курса въ Смольномъ монастырѣ, гостила у своихъ родныхъ. Она понравилась дѣдушкѣ, тотъ женился на ней и, по выходѣ въ отставку, увезъ ее въ свое Ѳоминское.

Когда я сталъ помнить бабушку, она была очень благообразной, симпатичной старушкой, высокаго роста, худощавой, съ овальнымъ блѣднымъ лицомъ и въ бѣломъ чепчикѣ съ лопастями. Помню: она носила обыкновенно свѣтлыя платья съ довольно короткой таліей и съ длинной юбкой, волочившейся сзади въ видѣ шлейфа. Подѣ старость ее разбилъ параличъ, и она ходила тихо, опираясь на черный костыль. Не смотря ни на старость, ни на болѣзнь, она не горбилась, держалась прямо и во время приѣма гостей своими торжественными, величавыми манерами напоминала маркизъ и графинь XVIII вѣка. Въ обществѣ дѣдушка Павелъ Михайловичъ былъ съ нею такъ же утонченно-вѣжливъ и любезенъ, какъ

¹⁾ Въ настоящее время Новое и Чичулино принадлежатъ Заоникіевскому монастырю, а Ѳоминскимъ владѣеть нѣмецъ Буманъ и дѣлаетъ сливочное масло.

и съ прочими дамами, и также низко раскланивался съ нею. И она въ свою очередь при гостяхъ была съ нимъ такъ же почти-тельно холодна, какъ и со всеми мужчинами... Такая чудесная метаморфоза въ обращеніи старичковъ-супруговъ меня очень забавляла въ ту пору.

Бабушка Екатерина Григорьевна была очень добрая старушка и любила дѣтей. Помню, когда я былъ еще очень малъ (вѣроятно, лѣтъ четырехъ-пяти), она брала меня за руку съ ласковой улыбкой и, стуча своимъ чернымъ костылемъ, отправлялась со мной въ кладовую. Тамъ она надѣляла меня всякими лакомствами...

И, Боже мой, что это была за кладовая! Чего-чего только въ ней не было! Помню: большія лукошки, кадки, бѣлые деревянные лари вдоль стѣнъ, сундуки, какіе-то темные старинные баулы, скванные жестью, съ дугообразно выгнутыми крышками; полки, установленныя бутылками, банками, ящиками, ящичками, мѣшочками, бумажными тюриками; на веревкахъ подъ потолкомъ висѣли рядами пучки сухой мяты, полыни, трефоли, звѣробоя и другихъ хозяйственныхъ или лѣкарственныхъ растеній. Въ кладовой всего слышнѣе пахло какими-то наливками-запеканками, мятой и яблоками. Изъ всехъ лакомствъ, какими надѣляла меня бабушка, я особенно помню превосходное сухое варенье изъ ягодъ и фруктовъ. Оно, въ видѣ засахарившейся массы, хранилось въ большихъ стеклянныхъ банкахъ. Впослѣдствіи я уже никогда ничего не ѣдалъ вкуснѣе этого сухаго варенья...

Дѣдъ былъ страстный рыболовъ и охотникъ; послѣ него осталась громадная коллекція всевозможныхъ рыболовныхъ и охотничьихъ снарядовъ-сѣтей, мерезжъ различной величины (для рыбы и для звѣрей), капкановъ, рогатинъ для охоты на медвѣдя и на волковъ, не считая цѣлаго арсенала ружей, пистолетовъ, охотничьихъ ножей, кинжаловъ. На облавы подъ предводительствомъ дѣдушки собиралось до 300 человекъ крестьянъ, дворовыхъ и мелкаго помѣщичьяго люда. Въ одинъ день, бывало, убивали 5—6 волковъ, нѣсколько лисицъ и цѣлую кучу зайцевъ. Множество волковъ истребилъ на своемъ вѣку дѣдушка Павелъ Михайловичъ. и сосѣднее крестьянство осталось ему очень благодарно за избавленіе ихъ стадъ отъ злыхъ хищниковъ.

Жизнь дѣдушки въ деревнѣ проходила въ рыбной ловлѣ, въ охотѣ и въ попойкахъ; страсть къ послѣдному препровожденію времени онъ перенесъ съ корабля и въ семейную жизнь. Нравъ у него смолоду былъ довольно крутой, горячій, своевольный, — и во время его шумнаго разгула и охотничьихъ кутежей жизнь Екатерины Григорьевны проходила печально, въ постоянномъ томительномъ страхѣ.

Бабушку Екатерину Григорьевну доканаль параличъ. Она умерла, когда мнѣ минуло шесть лѣтъ. Дѣдушка лѣтъ на 10 пережилъ ее...

Въ Ѳоминскомъ у дѣдушки было много рогатаго скота, лошадей, охотничьихъ собакъ, и, кромѣ того, у него постоянно жили въ домѣ ручная бѣлка въ клѣткѣ или горностаѣ, ручная ворона съ опѣшенными крыльями или ѣжъ, а въ саду—ручной журавль, до того образованный, что даже плясалъ подъ хлопанье въ ладоши, семья медвѣжатъ или волченоекъ... У дѣдушки была своя мельница, кузница, угольникъ (т. е. сарай для угольевъ). Кстати: въ этотъ угольникъ однажды была посажена семья маленькихъ лисятъ. Лисята выростали, валяясь постоянно въ угольной пыли, и до того, наконецъ, измѣнили цвѣтъ своей шерсти, что дѣдушка впоследствии, уже будучи старикомъ, съ веселымъ, дѣтски-лукавымъ смѣхомъ рассказывалъ о томъ, какъ этихъ самыхъ обыкновенныхъ лисицъ, воспитанныхъ въ угольникѣ, продали за чернобурыхъ...

Его главная резиденція — Ѳоминское, съ громаднымъ двухъ-этажнымъ домомъ съ гигантскими колоннами, окруженнымъ цвѣтниками, садами, рощами, прудами, теплицами и оранжереями, со множествомъ различныхъ построекъ и съ бѣлою церковью на горѣ, считалась въ ту пору однимъ изъ лучшихъ подгородныхъ барскихъ имѣній. (Ѳоминское находится въ 15-ти верстахъ отъ Вологды).

Дѣдушка съ семьей жилъ внизу, а верхній этажъ предназначался для парадныхъ пріемовъ...

II.

Я еще ребенкомъ, съ покойной матушкой, довольно часто ѣздилъ въ Ѳоминское. Я любилъ забираться наверхъ и бродить по пустымъ комнатамъ. Тутъ для меня все было очарованіе и таинственность. Живо я помню одну за другой всѣ эти комнаты...

Зала была громадная, высокая комната, съ большими окнами, выходящими на дворъ и въ садъ, и съ бѣлыми стѣнами, окаймленными золотымъ бордюромъ. Подъ потолкомъ среди залы висѣла почтенныхъ размѣровъ хрустальная люстра съ гранеными подвѣсками,—въ родѣ тѣхъ люстръ, какія и теперь можно видѣть въ иныхъ церквахъ. Когда солнечный лучъ падалъ на люстру, ея граненыя подвѣски ярко блестѣли, отливая всѣми цвѣтами радуги. Вдоль одной стѣны стояли въ кадкахъ большія фиговья, лимонныя и померанцовыя деревья, съ лоснящимися, темно-зелеными листьями, а также, такъ называемое, «перламутровое дерево» съ мелкими, блѣдно-розовыми цвѣтами. Въ полукруглой печной нишѣ стояла бѣлая гипсовая статуя какой-то богини, а вверху на приступочкахъ той же печи раскрашенные гипсовые Амуры сидѣли, скрестивъ ноги, и, съ лукавой улыбкой поглядывая на залу, все что-то записывали на страницахъ тетрадей, раскрытыхъ у нихъ на колѣняхъ...

Ахъ, если бы въ самомъ дѣлѣ эти голые Амуры могли писать!.. Много интереснаго и поучительнаго занесли бы они на страницы своихъ тетрадей...

За залой слѣдовала гостинная, тоже бѣлая комната, довольно глубокая и нѣсколько мрачная, уставленная старинною мебелью, обитою краснымъ сафьяномъ, и увѣшанная въ простѣнкахъ между окнами длинными зеркалами въ золоченыхъ рамахъ. Далѣе была— «картинная», довольно узкая, продолговатая комната съ гравюрами въ золоченыхъ рамахъ по стѣнамъ. Тутъ были картины изъ жизни Абеяра и Элоизы, изъ Гётевской повѣсти о Вертерѣ, сцены изъ греческой мифологіи. На послѣдняго рода картины мнѣ запрещали смотрѣть, и, вѣроятно, именно поэтому-то я всего пристальнѣе и разсматривалъ ихъ, но, признаться по совѣсти, сколько я ни всматривался, ровнехонько ничего въ нихъ не понималъ и не могъ взять въ толкъ, почему мнѣ запрещали глядѣть на нихъ... Далѣе порядка комнатъ не помню, но только знаю, что ихъ было такъ много, что я однажды, когда былъ еще очень малъ, заблудился, никакъ не могъ попасть въ «люковую», откуда лѣстница вела внизъ, и, заблудившись, страшно перепугался и расплакался...

Помню: въ одной комнатѣ на довольно толстой, низкой тумбѣ стояла раскрашенная, тщательно сдѣланная модель трехмачтоваго, военнаго корабля, со всѣми мельчайшими подробностями его оснастки и вооруженія— съ мачтами, парусами, реями, веревочными лѣстницами, со связками канатовъ на палубѣ, съ якоремъ, со сходомъ въ трюмъ, съ каютой, съ люками, откуда выглядывали жерла темно-бронзовыхъ игрушечныхъ пушекъ. Эта модель корабля была чудомъ терпѣнія и искусства. Ее дѣлалъ самъ дѣдушка во дни ѳны.

Въ «картинной», а также и въ другихъ комнатахъ, тамъ и сямъ, висѣли на стѣнахъ портреты моихъ предковъ. Портреты— большіе, всѣ въ черныхъ рамкахъ. Днемъ этихъ «дѣдушекъ» и «бабушекъ» я не боялся, но вечеромъ ни за что въ свѣтѣ я не пошелъ бы глядѣть на нихъ. Съ темнаго холста, какъ призраки, смотрѣли на меня ихъ надутыя, самодовольныя лица съ гладко выбритыми подбородками, въ громадныхъ напудренныхъ парикахъ; иные изъ этихъ людей были въ какихъ-то мантіяхъ, иные въ мундирахъ, то съ отложными, то съ высокими, стоячими воротниками. Холодный, неподвижный взглядъ ихъ большихъ голубыхъ глазъ пугалъ меня въ дѣтствѣ; эти неподвижныя, остановившіеся глаза иногда даже грезились мнѣ во свѣ... Были тамъ портреты и дамъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Помню: губы— сердечкомъ, локоны, короткіе, широкіе рукава, короткія таліи, перехваченныя то розовой, то голубой лентой; въ рукѣ, на груди или на плечѣ— бѣлая или алая роза.

Изъ старыхъ почернѣвшихъ картинъ особенно сильное впечатлѣніе на меня производили: апостоль Петръ, съ ключемъ въ

рукахъ, и Юдиѳъ, убивающая Олоферна. Послѣдняя картина положительно приковывала къ себѣ мое дѣтское вниманіе...

Эта Юдиѳъ съ мечомъ, стоящая надъ спящимъ Олоферномъ, и голова Олоферна со всклокоченными волосами и съ краснымъ, почти багровымъ лицомъ мучили меня: онѣ меня пугали, отталкивали и въ то же время привлекали меня къ себѣ. На сколько я теперь понимаю дѣло, эта картина, должно быть, написана была не зауряднымъ, доморощеннымъ художникомъ. Юдиѳъ, эта полураздѣтая красавица, съ черными распущенными волосами, и спящій, страшный Олофернъ и теперь еще живо рисуются передо мной, выступая изъ мрака воспоминаній... Я какъ будто и теперь еще вижу въ темныхъ, широко раскрытыхъ глазахъ Юдиѳи ужасъ, а на лицѣ спящаго Олоферна—тѣнь отъ занавѣса, какъ тѣнь надвигающейся смерти...

Была еще одна интересная для меня комната—«дѣдушкина рабочая»; здѣсь стояли два токарные станка и столярный верстакъ, и находились всевозможныя принадлежности столярнаго, токарнаго и слесарнаго дѣла. Въ углу стояли сухія, гладко выструганныя доски. Во время своихъ странствованій я всегда заглядывалъ въ эту комнату.

Занималъ меня также звучный резонансъ большихъ пустыхъ комнатъ. Приду, бывало, въ залу и начну выкрикивать «о-о! а-а!» и слушаю, какъ отголосокъ моихъ восклицаній отдавался по всей амфиладѣ комнатъ. Зимой верхній этажъ протапливали изрѣдка; въ комнатахъ пахло сыростью и затхлю нежилаго зданія.

Жилыя комнаты нижняго этажа были темнѣе и казались мнѣ мрачными по сравненію съ верхними, обширными покоями, гдѣ было такъ много воздуха и свѣта. Здѣсь комнаты были ниже, окна меньше и притомъ въ залѣ заставлены цвѣтами. Расположеніе переднихъ комнатъ здѣсь было почти такое же, какъ и наверху: зала, гостинная,—только тутъ вмѣсто «картинной» находилась довольно большая столовая—«наугольная».

Въ столовой, помню, была изразцовая лежанка съ рисунками какихъ-то фантастическихъ цвѣтовъ, фруктовъ, ярко окрашенныхъ бабочекъ и птицъ съ хохлами на головахъ и съ очень длинными, внизъ опущенными хвостами. На лежанкѣ часто сидѣлъ дѣдушкинъ черный котъ. По зимнимъ вечерамъ онъ грѣлся на лежанкѣ, а лѣтомъ усаживался на ней уже просто по привычкѣ. Этотъ черный котъ былъ очень важной особой въ домѣ: гнать, притѣснять его и вообще относиться къ нему дурно никто не могъ, кромѣ дѣдушки.

Въ то время, какъ я сталъ помнить дѣдушку Павла Михайловича, онъ былъ уже старикъ лѣтъ 75, средняго роста, коренастый, съ рѣдкими, разлетающимися прядями сѣдыхъ волосъ на вискахъ и на затылкѣ, съ густыми, клочковатыми бровями, безъ

бороды и безъ усовъ. Толстый кончикъ его носа былъ покрытъ цѣлою сѣтью мелкихъ красно-сизыхъ жилокъ. Постоянно, зимой и лѣтомъ, онъ носилъ широкій, черный шелковый галстукъ, длинный, сѣрый нанковый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и широкіе сѣрые штаны. Онъ видѣлъ еще довольно хорошо, такъ что читалъ безъ очковъ, но слышалъ плохо; при разговорѣ съ нимъ нужно было кричать, и говорить съ нимъ по секрету было неудобно... Голова его сильно тряслась, руки дрожали, и при ходьбѣ онъ волочилъ ноги по полу. Издалека, бывало, узнаешь о приближеніи дѣдушки, заслышавъ шмыганье его сапогъ.

Дрожаніе рукъ всего болѣе мучило его. Онъ, бывало, до того разсердится на руки за ихъ непослушаніе, что начнетъ съ яростью бить одной рукой другую и, чуть не плача, приговариваетъ: «Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, проклятая! Отрубить тебя надо! Отрубить!...». Виновою чаще оказывалась правая рука, но, само собой, всегда болѣе доставалось лѣвой.

Для питья чая на столъ передъ дѣдушкой ставилась невысокая скамеечка изъ краснаго полированнаго дерева. Человѣкъ, прислуживавшій дѣду, наливалъ изъ кружки чай на блюдце и блюдце ставилъ на скамейку, и затѣмъ дѣдушка управлялся уже самъ. Вотъ тутъ-то рукамъ и доставалось отъ него всего чаще, ибо за питьемъ чая всего чаще дѣдушку постигали неприятели: ронянье ложки, разливанье чая по скамейкѣ, битые посуды и т. д.

Дѣдушка, когда бывалъ въ добромъ расположеніи духа, любилъ подшучивать надъ гостями: возьметъ у когонибудь украдкой платокъ или табакерку, спрячетъ ихъ, сядетъ въ сторонкѣ и ждетъ. Ждать ему приходилось не долго, потому что гости уже догадывались, въ чемъ дѣло, и начинали искать потерянный платокъ или табакерку, вставали съ мѣсто, заглядывали подъ кресла, подъ столъ, ходили по комнатѣ, пожимали плечами и удивлялись. А дѣдушка съ чисто дѣтскимъ лукавствомъ посматриваетъ на нихъ и посмѣивается, а потомъ возьметъ и подброситъ къ комунибудь утаченную вещь. Хозяинъ найденной вещи—въ величайшемъ недоумѣніи, и дѣдушка остается очень доволенъ своими маневрами...

Дѣдушка Павелъ Михайловичъ состоялъ на морской службѣ въ царствованіе Павла I. Со смертью этого государя кончилась и служебная карьера моего дѣда. Потому ли, что съ этимъ царствованіемъ были для него связаны воспоминанія юности, лучшей поры жизни, по другимъ ли какимънибудь причинамъ,—судить не берусь, только вѣрно одно, что дѣдушка почему-то благоговѣлъ передъ памятью Павла Петровича. Кажется, что онъ даже какъ будто не признавалъ слѣдовавшихъ за Павломъ I государей—Александра и Николая Павловичей.

Въ Ѳоминскомъ, въ нѣсколькихъ комнатахъ висѣли портреты императора Павла I. Въ дѣдушкиномъ кабинетѣ на столѣ стояла

статуэтка изъ темной бронзы, изображавшая этого государя во весь ростъ, опирающагося на обнаженную шпагу, и съ его знаменитой треуголкой на головѣ.

Не разъ, бывало, сидитъ дѣдушка Павелъ Михайловичъ въ своей комнатѣ за столомъ, откинувшись на спинку кресла, смотритъ на статуэтку обожаемаго имъ монарха и вдругъ начнетъ шамкать своими беззубыми челюстями:

— Да! Это былъ государь... Вотъ это—государь!.. Царство ему небесное!..

И губы его что-то шептали, брови хмурились, сѣдая голова его тряслась сильнѣе обыкновеннаго, и онъ въ забывчивости, унесшись въ прошлое воспоминаньемъ, сжималъ свои слабыя, дрожащія руки и стучалъ ими по столу.

Образъ этого государя, очевидно, отражался въ его воображеніи сквозь какую-то свѣтлую, радужную призму и вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ императоръ Павелъ I запечатлѣлся въ памяти большинства его современниковъ и явился впоследствии на страницахъ исторіи. Павелъ I, повидимому, былъ его кумиромъ, представлялся ему идеаломъ человѣка и государя, рыцарски великодушнаго, справедливаго и просвѣщеннаго, мечтавшаго и бывшаго въ состояніи обновить весь міръ, если бы только его предназначенія не помѣшала преждевременная его кончина.

III.

Дѣдушка Павелъ Михайловичъ вставалъ рано и рано ложился спать; послѣ обѣда отдыхалъ; въ осеннее ненастье и зимой, когда его, бывало, «развалить» къ погодѣ, любилъ «сумерничать» долѣе обыкновеннаго. Лѣтомъ ходилъ въ рощу за грибами, гулялъ по саду, бросалъ въ прудъ карасямъ хлѣбныя крошки, а дома вязалъ мережку и неистово билъ мухъ. Хлопушки для мухъ лежали у него на столѣ, на подоконникахъ, всюду,—и посѣтитель каждый разъ доставлялъ ему большое удовольствіе, если, вооружившись хлопучкой, начиналъ вмѣстѣ съ нимъ умерщвлять мухъ; если же посѣтитель промахивался, то доставлялъ тѣмъ дѣдушкѣ еще высшее наслажденіе.

Однажды при мнѣ посѣтитель завелъ съ дѣдушкой разговоръ по поводу мухъ.

— Вѣдь и мухи для чего же нибудь созданы!—замѣтилъ онъ.— Можетъ быть, онѣ воздухъ очищаютъ...

— Воздухъ очищаютъ!—съ негодованіемъ вскричалъ дѣдушка, трясая головой.— Мухи-то воздухъ очищаютъ!.. Да онѣ, проклятыя, только пакостятъ...

И онъ съ яростью треснулъ хлопучкой по столу.

Въ лѣтнюю пору мухи такъ сильно досаждали ему, падая ему въ чай, въ кушанье и жала его лысину и затылокъ, что онъ безъ злобы не могъ смотрѣть на нихъ.

Зимой дѣдушка иногда, изрѣдка, читалъ преимущественно книги историческаго содержанія, а также календари за старые года, чаще же всего занимался своею мережей. Не малое развлеченіе также доставляли дѣдушкѣ его прирученные четвероногіе и пернатые друзья. Возьметъ онъ, бывало, нѣсколько кусочковъ сырой говядины и пойдетъ искать свою любимицу—ручную ворону, выйдетъ въ сѣни и старческимъ, надтреснутымъ голосомъ кричить: «Каргүша! Каргүша!» И ворона съ радостнымъ карканьемъ спѣшитъ на его зовъ, бочкомъ прыгая къ нему по ступенямъ крыльца. Дѣдушка беретъ ее, садитъ къ себѣ на лѣвую руку и начинаетъ угощать ее. Ворона вертитъ головой и, поглядывая на него искоса, съ воровскими ужимками выхватываетъ у него кусочекъ мяса. Дѣдушка улыбается.

— Каргүша! Ты вѣдь воровка?—спрашиваетъ онъ ворону, тряся ее за клювъ.

Ворона, освободивъ клювъ, тащитъ другой кусочекъ и съ жадностью проглатываетъ его.

— Воровка!—утвердительно говоритъ дѣдъ и, скормивъ весь запасъ мяса, отпускаетъ свою «каргүшу».

Но она еще нѣсколько минутъ прыгаетъ около него, клюетъ подошвы его сапогъ и съ самымъ вызывающимъ видомъ налетаетъ на него...

Или возьметъ дѣдушка своего ежа, поставитъ его передъ собой на столъ, сядетъ въ кресло и начинаетъ съ нимъ разговаривать.

— Ежъ! Ежинька!—говоритъ онъ, проводя своею дрожащей рукой по колючимъ игламъ.—И погладить-то тебя нельзя, Ежъ Ежовичъ! На что-жъ мордочку-то спряталъ... ну, покажи-ка! Посмотри на меня!

Ежъ на мгновенье высовывалъ мордочку, своими темными глазками взглядывалъ на дѣдушку и опять свертывался въ комокъ.

— Ужъ и струсилъ! Ну, чего-жъ испугался?—съ усмѣшкой говорилъ дѣдушка.

Кормленіе кота также занимало не мало времени, а иногда даже принимало трагическій оттѣнокъ и составляло событіе дня.

Его старый черный котъ, разумѣется, всегда былъ сытехонекъ, накормленъ доотвалу. Но дѣдушкѣ, бывало, покажется, что котъ голодень, что его надо непременно покормить. Въ чашку наливались сливки, разбавленные теплой, кипяченой водой, и крошились кусочки бѣлаго хлѣба... Дѣдушка бралъ кота и подносилъ къ чашкѣ. Сытый котъ, понятно, воротилъ морду въ сторону. Дѣдушка сначала ласково упрашивалъ его, уговаривалъ и урезонивалъ всячески.

— Ну, поѣшь, кѣша! Поѣшь!—шамкаль онъ, поворачивая кота къ чашкѣ.

Коть упорствовалъ и продолжалъ пятиться отъ чашки... Разыгрывалась въ лицахъ басня о Демьяновой ухѣ. Дѣдъ начиналъ сердиться.

— Отчего не ѣшь? Ну! Что-жъ тебѣ еще надо? А? Тебѣ сливки — не сливки... Морду воротить!—ворчалъ дѣдушка, тыча кота носомъ въ чашку.—Ѣшь, ѣшь, тебѣ говорятъ...

Коть фыркаль, отбивался и начиналъ жалобно мяукать. Тутъ ужъ дѣло его становилось совсѣмъ плохо... Дѣдушка въ виду такого явнаго, закосяѣлаго упорства окончательно приходилъ въ бѣшенство.

— У-у-у! упрямая скотина!—шипѣлъ дѣдъ и, схвативъ дрожащими руками кота за шиворотъ, торжественно несъ его изъ комнаты.

Коть, зажмуривъ глаза, оставался неподвиженъ, какъ бы уже приготовившись къ воспріятію самыхъ жестокихъ мукъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что дѣдушка съ видомъ непреклонной рѣшимости сбрасывалъ его съ крыльца, какъ съ Тарпейской скалы, и гнѣвно кричалъ вслѣдъ удиравшему коту:

— Пошелъ, негодяй! И не смѣй мнѣ на глаза показываться!..

И дѣдушка, глубоко разстроенный и разсерженный, возвращался въ комнату со слезами на глазахъ: то были слезы жалости и досады на «неблагодарную, упрямую скотину».

Впрочемъ, *contra* между дѣдушкой Павломъ Михайловичемъ и его чернымъ котомъ были непродолжительны. Черезъ часъ дѣдушка уже забывалъ прегрѣшенія своего любимца и, выйдя на крыльцо, мягкимъ, нѣжнымъ голоскомъ зазывалъ его къ себѣ: «Кѣша, кѣша! Гдѣ ты? Коша!». И если котъ, задравъ хвостъ, со всѣхъ ногъ бѣжалъ на его зовъ, дѣдушка умилялся и радостно принималъ его, какъ раскаявшееся блудное дѣтище, бралъ на руки и, глядя и цѣлуя его въ голову, несъ къ себѣ въ комнату.

Дѣдушка былъ вообще ласковъ къ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ, подъ старость. Онъ благоволилъ ко мнѣ и часто уводилъ меня въ свою комнату. Мнѣ нравились эти посѣщенія, потому что въ дѣдушкиномъ шкапу находился, повидимому, неистощимый запасъ винныхъ ягодъ, финиковъ, чернослива, синяго изюму и проч., и проч. И онъ каждый разъ щедро надѣлялъ меня этими сладостями.

Въ дѣдушкиной комнатѣ, кромѣ шкафа съ его «провизіей», стоялъ еще книжный шкафъ. Въ этомъ шкафу въ нарядныхъ переплетахъ красовались за стекломъ: Исторія Петра I, Суворова, Наполеона, Фридриха Великаго, Исторія войны 1812 года, Картины вселенной, Путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, Тайны инквизиціи, Труды Вольно-Экономическаго Общества, *Les fables d'Esopè phrygien* (Копенгагенское изданіе конца прошлаго столѣтія) и др.

На стѣнахъ въ красныхъ рамкахъ висѣли старинныя гравюры съ изображеніемъ какихъ-то морскихъ сраженій, битвы подъ Полтавой и при деревнѣ Лѣсной, а также портретъ Куракина и какого-то, не помню, важнаго духовнаго сановника.

На стѣнѣ около двери висѣли большіе стѣнные часы; на циферблатѣ ихъ вверху выглядывалъ изъ-за скалы тигръ, каждую секунду страшно вращавшій глазами...

Въ послѣдніе годы жизни дѣдушка Павелъ Михайловичъ большую часть своего времени, особенно зимой, проводилъ въ этой комнатѣ со своимъ старымъ неразлучнымъ служителемъ Васильемъ Шило и со своимъ чернымъ котомъ.

IV.

А какъ былъ хорошъ ѳоминскій садъ!

Передъ домомъ съ полуденной стороны разстился роскошный цвѣтникъ; тутъ росли великолѣпныя георгины, всевозможныхъ сортовъ розы—алыя, бѣлыя, желтыя, нарцисы, масса мелкихъ пахучихъ цвѣтовъ—душистый горошокъ, левкой, мальвы, «уголекъ въ огнѣ», царскія кудри, анютины глазки, жонкилы,—и я ужъ не помню, что еще тамъ росло и цвѣло.

Далѣе расходился старинный, почтенный садъ. Аллеи липовыя, березовыя, аллеи елей, сосенъ, пихтъ—перерѣзывали садъ во всѣхъ направленіяхъ; то аллеи шли параллельно, то пересѣкались, то обходили вокругъ прудовъ и приводили въ глубину сада, къ разнымъ укромнымъ, уютнымъ уголкамъ, то къ бесѣдкѣ изъ акацій, то къ дерновому, полукруглому дивану, то къ кокетливому, хорошенькому домику легкой, воздушной постройки, служившему для обливанія въ жаркіе лѣтніе дни. (Отъ ѳоминскаго до рѣки Вологды—около версты). Въ саду былъ вишневый сарай, и росло много прекрасныхъ яблонь. Подъ тѣнью липъ пріютилась баня. Въ прудахъ водились караси...

Помню я, какъ, бывало, въ бурю или ночью, въ сильный вѣтеръ садъ глухо шумѣлъ и гудѣлъ. А лѣтомъ въ тихій и ясный полуденный часъ садъ стоялъ во всей своей прелести, блистая зеленою листвою въ волшебной игрѣ свѣта и тѣни и благоухая цвѣточными ароматами...

Черезъ дорогу находилась роща, темная, тѣнистая, и въ ней также большой прудъ съ карасями.

Въ этой рощѣ жили кролики. Бывало, рано утромъ, когда роса еще не обсохла на травѣ, я забирался сюда и подсматривалъ за кроликами. Они были такіе чистенькіе, гладкіе, съ лоснящеюся шерсткой; такъ мило садились они на заднія лапы и такъ зорко оглядывались по сторонамъ, настороживъ свои длинныя уши! Мнѣ

ужасно хотѣлось поймать кролика и поласкать его... И сколько разъ я бѣгалъ за ними по рощѣ до усталы, но ни разу, конечно, не могъ поймать ни одного кролика. То они прятались подъ бревна, лежавшія на опушкѣ рощи, то заскакивали въ непролазную чащу кустовъ орѣшника, а иной разъ пропадали прямо изъ-подъ рукъ, словно сквозь землю проваливались. Принимался я сторожить кроликовъ и поздно вечеромъ, когда подъ деревьями сгущались тѣни, и мѣсяцъ свѣтилъ съ неба, но ловилъ ихъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и днемъ.

За рощей стоялъ большой, длинный амбаръ съ крытой галлереей. За амбаромъ росъ густой малинникъ, и я часто, забравшись въ него, лакомился вкусными ягодами...

Помню: особенно торжественно справлялись дѣдушкины именины 29 іюня, въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Всѣ родные и знакомые съѣзжались по этому случаю въ Оминское; пріѣзжали изъ усадебъ, изъ города; ближніе являлись въ день праздника, дальніе забирались накануне. Четыре поколѣнія рода Засѣцкихъ бывали на лицо въ тотъ день въ Оминскомъ: дѣдушка Павелъ Михайловичъ, его дочери и сыновья, внуки и внучки, правнуки и правнучки... И для всѣхъ многочисленныхъ гостей, съѣзжавшихся на Петровъ день въ Оминское, доставало мѣста, хватало постелей, подушекъ, прислуги. Оминскій домъ въ ту пору былъ полная чаша... Весь дворъ передъ каретникомъ заставивался экипажами. Нарядные кучера, въ поддѣвкахъ и въ красныхъ рубахахъ, шатались по двору или сидѣли у «людскихъ» избъ. Въ конюшняхъ слышались топотъ и лошадиное ржаніе. Разряженные горничныя дѣвушки, лакеи и казачки поминутно перебѣгали между домомъ и кухней.

Утромъ гости отправлялись въ церковь (въ полуверстѣ—на горѣ); кто шель пѣшкомъ, кто катилъ въ пролеткѣ, въ коляскѣ. Послѣ завтрака гости шли на балконъ, расходились по саду, группами, парами, по одиночкѣ... Въ зеленой дали тѣнистыхъ аллей мелькали свѣтлыя женскія платья, слышался говоръ, смѣхъ... Съ пѣньемъ птицъ сливались веселые дѣтскіе голоса, звенѣвшіе въ воздухѣ.

На тотъ день отпирался для гостей верхній этажъ дома, и большой обѣденный столъ накрывался въ залѣ. Для дѣтей ставились маленькіе столы. Запахъ травъ и цвѣтовъ вливался изъ сада черезъ балконъ и въ большія раскрытыя окна. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ въ тотъ день одѣвался въ черный, «парадный» сюртукъ стараго покроя.

Въ концѣ обѣда, помню, гости съ бокалами въ рукахъ поднимались со своихъ мѣстъ, шумно отодвигая стулья, и поздравляли именинника. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ стоялъ передъ сво-

имъ приборомъ на переднемъ концѣ стола и съ серьезнымъ, невозмутимымъ лицомъ раскланивался съ гостями, усиленно обыкновеннаго покачивая своею трясущеюся головою и расплескивая шампанское изъ бокала. Въ это время съ садоваго вала, гдѣ была устроена батарея, раздавались вскорѣ одинъ за другимъ три пушечные залпа. Стекла въ окнахъ дрожали, хрустальные подвѣски люстры бряцали; дамы и барышни вскрикивали отъ неожиданности, слышался звонъ разбитаго бокала... гости оглушительно кричали «ура»!.. Я смотрѣлъ въ окно и наблюдалъ, какъ въ саду между деревьями синеватыми полосами разстился пороховой дымъ.

Вечеромъ опять поднималась пушечная пальба, опять пушечный грохот раздавался надъ Оминскимъ, и клубы пороховаго дыма заволакивали опушку сада. На этотъ разъ уже ничто не могло удержать меня въ комнатахъ, и я бѣжалъ на садовый валъ, гдѣ съ давнихъ поръ была устроена батарея по всѣмъ правиламъ военного искусства — и успѣла уже густо зарости травой. Пушки были небольшого калибра, длинностволья, на зеленыхъ лафетахъ и обыкновенно хранились въ сараѣ, рядомъ съ каретникомъ, гдѣ стоялъ также громадный катокъ съ наваленными на немъ большими сѣрыми булыжниками...

Помню: съ какимъ волненіемъ и съ замираньемъ сердца смотрѣлъ я, какъ дяди мои, артиллеристы, Александръ и Константинъ, заряжали пушки и накатывали ихъ на край батареи. И красиво было видѣть, какъ въ синемъ полусвѣтѣ сгущавшихся лѣтнихъ сумерекъ изъ пушечныхъ жерлъ съ грохотомъ и трескомъ вылеталъ огонь, и густые клубы дыма на нѣсколько мгновений застилали спящую окрестность...

Гдѣ тѣ дамы и кавалеры, которые, бывало, такъ весело гуляли въ Оминскомъ, въ тѣни аллея его садовъ и роцъ! Они прошли, они исчезли, и исчезъ ихъ слѣдъ...

Однажды въ сѣрый, ненастный октябрьскій день дѣдушка Павелъ Михайловичъ, по своему обыкновенію, легъ «посумерничать», заснулъ и уже болѣе не просыпался. Кончина его была безболѣзненная и мирная. Онъ умеръ 90 лѣтъ въ то памятное, многознаменательное время, когда рушился нашъ старый «крѣпостной» строй и навсегда сдавался въ историческій архивъ... Я былъ въ ту пору въ V классѣ гимназіи и присутствовалъ на похоронахъ дѣдушки Павла Михайловича; на похороны его собрались почти всѣ его дѣти, внуки и правнуки.

Въ своемъ черномъ «парадномъ» сюртукѣ лежалъ онъ въ гробу. Блѣдное лицо его было спокойно, губы плотно сжаты... Онъ показался мнѣ въ гробу очень маленькимъ... Сѣрый, сумеречный свѣтъ октябрьскаго дня скупо проникалъ въ залу, и въ этомъ сумеречномъ свѣтѣ мерцали тускло восковыя свѣчи въ большихъ подсвѣчникахъ, стоявшихъ по угламъ гроба. Темная зелень поме-

ранцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ бросала тѣнь на изголовье гроба...

Черезъ много лѣтъ послѣ смерти дѣдушки Павла Михайловича былъ я въ Ѳоминскомъ...

«Старый домъ, старый другъ! посѣтилъ я,

«Наконецъ, въ заустѣнѣ тебя.

«И минувшее вновь оживилъ я

«И печально глядѣлъ на тебя»...

Роца вырублена, кролики мои исчезли, ни вишневаго сарая, ни теплицы, ни оранжереи... Въ домѣ не слышно шмыганья дѣдушкиныхъ сапогъ. Не стало ни дяди Александра, ни привѣтливой его жены, ни той, которой образъ живетъ и будетъ жить всегда въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ мечта, какъ призракъ юношескихъ лѣтъ... Всѣ они—тамъ, на горѣ, у церкви, лежатъ въ своихъ могилахъ...

Съ Ѳоминскимъ, кромѣ воспоминаній о дѣдушкѣ Павлѣ Михайловичѣ, для меня связывается не мало и другихъ воспоминаній—свѣтлыхъ и печальныхъ. Но объ этомъ или послѣ или никогда...

П. В. Засодимскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

VIII.

Плачевная исторія Копьева. — Временное командованіе 3-мъ баталіономъ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ. — Дружба съ Тришатнымъ. — Инспекторскій смотръ. — Генералъ Козловскій. — Біографія Александра Алексѣевича Сулова. — Абудатъ-Юртовское дѣло 1846 года. — Авангардный помѣщикъ Хастатовъ. — Дуэль съ Фридрици.

ВСТРѢЧА 1849 года прошла очень тихо. Изъ новостей узнали мы резолюцію по дѣлу Копьева. Это была возмутительная исторія, разыгравшаяся въ концѣ 1848 года въ Гренадерскомъ полку. Въ желтый ящикъ, по приказанію главнокомандующаго, прибитый около параднаго подъѣзда дворца, съ надписью: «для пріема писемъ, жалобъ и прошеній», былъ опущенъ анонимный доносъ на противозаконныя дѣйствія командира помянутаго полка, флигель-адъютанта Копьева. Князь Воронцовъ, не придавая безусловной вѣры этому доносу, поручилъ довѣренному лицу произвести секретное знаніе, которое, повидимому, на столько подтвердило анонимныя обвиненія, что внезапно арестованный полковникъ Копьевъ преданъ былъ военному суду. Назначена была судная коммиссія по личному усмотрѣнію главнокомандующаго, которой при всемъ усердіи не удалось найти малѣйшаго повода къ обвиненію подсудимаго, и, оправдавъ Копьева по всѣмъ статьямъ, она поневолѣ доказала, что

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. II, стр. 367.

донось въ благодѣтельный желтый ящикъ былъ не что иное, какъ клевета, низкая интрига. Но какъ было не разобрать дѣла предварительнымъ разслѣдованіемъ всѣхъ голословныхъ обвиненій въ анонимной кляузѣ? Копьевъ, посаженный наканунѣ на гауптвахту совершеннымъ брюнетомъ, на утро оказался сѣдымъ, а во время восьмимѣсячнаго суда потерялъ сошедшую съ ума жену и ребенка. По всѣмъ отзывамъ, это былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный и симпатичный, и тѣмъ печальнѣе является фактъ роковаго недоразумѣнія.

Только 14-го числа (января) пришелъ изъ Грозной генераль Нестеровъ съ отрядомъ, а съ нимъ и новый нашъ баталіонный командиръ, на время экспедицій, Семень Михайловичъ Воронцовъ. Ома же Васильевичъ Костырко назначался командиромъ двухъ баталіоновъ, 2-го и 3-го. Молодой князь Воронцовъ былъ отличный ѣздокъ (впрочемъ англійской школы) и, конечно, смѣлъ и отваженъ въ опасности, хладнокровно встрѣчая ее лично. Мы же сомнѣвались, войдетъ ли онъ въ нужды и всю тяжелую обстановку кавказскаго офицера и солдата. Но наши опасенія были напрасны. Молодой князь оказался очень сердечнымъ и вполне порядочнымъ человѣкомъ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ его отношенія къ Тришатному. Тришатный явился къ намъ со взводомъ своей линейной батареи совершеннымъ байгушемъ, безъ палатки, безъ кухни и даже безъ самовара. Разъ утромъ я пошелъ его отыскивать, и о ужасъ! Не смотря на стукнувшій въ прошлую ночь морозъ и довольно сильный сѣверный вѣтеръ, я нашелъ его лежащимъ на кошмѣ, между двухъ передковъ орудій: сверху онъ былъ прикрытъ натянутой дырявой буркой, а съ боковъ защищенъ отъ непогоды и пронзительно сквознаго вѣтра спицами колесъ орудій. Не успѣлъ я поздороваться и подоѣхать къ нему, какъ неизмѣнный Кириченко (денщикъ), съ неподражаемою важностью оберъ-шенка, на дощечкѣ отъ какого-то ящика изъ духана, поднесъ мнѣ громадную посудину съ кипящимъ глинтвейномъ.

— Какъ? Ни свѣтъ, ни заря, а ужъ ты прохлаждаешься горячими напитками?—удивленно спросилъ я хозяина фантастическаго помѣщенія.

— Да, милый другъ,—отвѣчалъ онъ,—чай, пожалуй, былъ бы и лучше, да не по средствамъ, съ нимъ хлопотъ много. Тамъ нуженъ самоваръ, вода, уголь, стаканы, ложки, сахаръ и, наконецъ, чай, а у меня этого ничего не имѣется.

Я предложилъ Тришатному перебраться ко мнѣ, но, какъ настойчиво ни убѣждалъ его, Костя упорно отвергалъ мои просьбы, ссылаясь на слишкомъ близкое ко мнѣ сосѣдство молодаго Воронцова.

— Какъ хочешь ты, Владиміръ, чтобы я согласился почти подъ одной крышей жить съ человѣкомъ, отецъ котораго погубилъ моего отца. Нѣтъ, нѣтъ, и сто разъ нѣтъ!

Я бросился къ Семену Михайловичу, рассказалъ все видѣнное и слышанное, и нашелъ въ немъ самое живое участіе, самую неожиданную готовность искренно и отъ души протянуть руку Костѣ. Воронцовъ подтвердилъ, что служебныя отношенія отцовъ не должны имѣть вліянія на отношенія ихъ сыновей, а потому онъ готовъ сдѣлать первый шагъ къ знакомству съ человѣкомъ, о которомъ уже много слышалъ хорошихъ отзывовъ. Въ доказательство, что это не пустыя фразы, князь просилъ меня отвезти его на бивуакъ сотника. Знакомство состоялось при самыхъ дружескихъ изліяніяхъ Воронцова, чѣмъ онъ не только обрадовалъ, но и удивилъ меня. Отстранивъ такимъ образомъ единственное препятствіе къ переселенію, я устроилъ Тришатнаго въ своей палаткѣ. Съ Воронцовымъ онъ сошелся по душѣ, и нашъ князь былъ отъ него въ восторгѣ; цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ. Вообще, вопреки молвъ и моимъ ожиданіямъ, Воронцовъ оказался въ обращеніи простымъ и подходящимъ, а подъ пулями такъ щегольски-хладнокровнымъ и смѣлымъ, что заставилъ уважать себя. Помимо этого, князь былъ очень радуженъ и гостепріименъ, кормилъ и поилъ насъ всѣхъ отлично и въ довершеніе угощалъ великолѣпными папиросами темно-лиловаго цвѣта, изъ Одессы.

Когда окончился первый періодъ экспедицій, князь распрощался съ нами, сдалъ командованіе 3-мъ баталіономъ и уѣхалъ восвояси. Прощаніе было съ обѣихъ сторонъ самое задушевное: двадцать дней бивуачной жизни подъ ядрами и пулями, конечно, сближаютъ людей болѣе, чѣмъ десятилѣтнія знакомства, поддержанныя встрѣчами на Невскомъ проспектѣ.

Между тѣмъ 31-го марта былъ отданъ приказъ о предстоящемъ инспекторскомъ смотрѣ начальникомъ бригады, генераль-маіоромъ Козловскимъ. Давался всего одинъ день на приготовленіе, и въ этотъ день надо было обучить солдатъ ружейнымъ приѣмамъ и церемоніальному маршу. Наканунѣ смотра, нашъ баталіонный командиръ, Ѳома Васильевичъ Костырко, отдалъ приказаніе выстроиться развернутымъ фронтомъ за Чечкеринскія ворота. Въ назначенный часъ мы вывели роты, но какъ строиться, не знали. Баталіонный адъютантъ, подпоручикъ Шуйскій, скачетъ на квартиру подполковника Костырко и вмѣстѣ съ нимъ является обратно. Меллартъ, шведъ, нѣсколько знающій строевую службу, спрашиваетъ командира, какъ строиться: правымъ ли флангомъ, или лѣвымъ къ воротамъ.

Костырко осклабился и съ насмѣшкой отвѣчаетъ:

— Да, да, хлангомъ куда? Какъ будто не все равно, какъ ни строиться? Спереди подѣдешь, будетъ направо правый хлангъ, а если, да, да, построиться иначе, да, да, и заѣдешь съади, — опять же вправо будетъ правый хлангъ, а влѣво, да, да, лѣвый хлангъ!

Построились отъ воротъ, справа налѣво. Ѳома Васильевичъ, не торопясь, выѣхалъ къ серединѣ баталіона, съ неизмѣннымъ въ

рукѣ хлыстомъ свѣжей черешни, нѣсколько разъ подернулъ папаху, снялъ ее, почесалъ на головѣ шишку и, въ раздумьѣ разъ десять проговоривъ: да, да! скомандовалъ: «смирно!».

— Шуйскій, Шуйскій! какъ въ томъ приказѣ бишь сказано, обучить... чему бишь?

— Ружейнымъ приѣмамъ и церемон...

— Ну, да, да! Это насчетъ марша, послѣ! А теперь позовите всѣхъ ротныхъ командировъ.

Подходимъ, руку подь козырекъ.

— Господа, помните, что у насъ на Кавказѣ на военномъ положеніи, а съ заряженными ружьями, да, да, строго запрещено брать на карауль. Такъ ли это?

— Запрещено, г. подполковникъ!—вставляетъ Меллартъ.

— Да, да,—радуясь, что не совралъ, подхватываетъ Костырко.— Да, да, запрещено, а тамъ какіе же другіе приемы? Одно развѣ шомполь въ ложе, къ осмотру ру...жей! Под...высь! да, да, и больше ничего нѣтъ!—рѣшилъ онъ.

Въ силу этихъ глубокихъ соображеній и познаній военного артикула и рекрутской школы, Ѳома Васильевичъ слѣзаетъ съ своего воронаго и идетъ вдоль развернутаго фронта, притворяясь, что глядитъ на ружья, а въ сущности вскидываетъ глаза на лѣвый флангъ, съ явнымъ выраженіемъ на раскраснѣвшемся лицѣ: «Господи, скоро ли конецъ этой пытки?». Поспѣшно провѣривъ всѣ три шеренги, онъ, наконецъ, добрался до желаннаго «хланга», взгромоздился на воронаго и скороговоркой сказалъ: «Ну, слава Богу, да, да! Теперь можно и за церемоніальный маршъ!» Хоръ полковой музыки давно ожидалъ въ сторонѣ. Построились въ ротныя колонны, музыканты зашли впередъ и, по указанію Шуйскаго, стали фронтомъ къ валу, а Ѳому поставили противъ нихъ спиной ко рву крѣпости, но такъ близко, что осади его лошадь на полшага, и Костырко бухнулся бы съ нею на влажное дно рва, но этого, слава Богу, не случилось. Начался церемоніальный маршъ. «Подивизионно справа, на дивизионную дистанцію, дирекція»,—командуетъ громко Ѳома то, что ему подсказываетъ Шуйскій. Проговоривъ «дирекція», онъ приостанавливается и тихо возражаетъ Шуйскому: «Зачѣмъ же опять направо?». «Дирекція направо!»—неумолимо требуетъ Шуйскій. «Ну, да, да! пожалуйста!»—громко соглашается Костырко. Музыка грянула «Герзель-аульскій маршъ», и 3-я карабинерная рота зашагала впередъ смѣло, бойко, но рѣшительно вся не въ ногу. За ней еще съ меньшимъ успѣхомъ пропонтировала моя 7-я рота; даже въ задней шеренгѣ одинъ изъ молодыхъ солдатъ неловко наступилъ на каблукъ выше шедшаго передней шеренги, споткнулся, и какъ ни старался удержаться въ вертикальномъ положеніи, а, всетаки, растянулся во всю длину свою какъ разъ противъ начальства, въ эту минуту

благодарившаго 7-ю и 3-ю роту громкимъ и веселымъ одобреніемъ: «Да, да, славно, братцы», на что дружно, но смѣясь, «рады стараться, ваше высокоблагородіе!»—во все горло орала солдаты. Не лучше моихъ прошли егеря Лазебникова и Мерклина, и такъ же, какъ и я, не зная, идти ли прогуливаться чистымъ полемъ, или остановиться, но по вдохновенію свыше, всѣ повели наши роты домой.

На другой день состоялся инспекторскій смотръ. Подробно и послѣдовательно описать его со всѣми эпизодами, приключеніями и анекдотами и долго, и скучно, а главное невѣроятно. Кто изъ военныхъ людей арміи, расположенной въ Россіи, а тѣмъ болѣе блестящей гвардіи, самъ не былъ здѣсь и своими глазами не видѣлъ тогда кавказскихъ боевыхъ полковъ въ строевомъ ихъ отношеніи, тотъ и писанному, какъ и словесному, ихъ очерку не повѣритъ. Надо хорошо знать обстановку службы кавказскаго солдата, чтобы не критически, а вполне снисходительно разсуждать объ этомъ безобразіи. Будучи постоянно на передовыхъ линіяхъ, они вмѣстѣ съ систематическимъ напоромъ впередъ двигаются со всѣми штабами своими, тоже впередъ, на новыя мѣста. Не успѣютъ они совершенно устроиться на новой территоріи, какъ глядь, опять должны штыками выбивать горцевъ изъ насиженной мѣстности, основывать новыя укрѣпленія, крѣпости, дѣлыя передовыя линіи, и тотъ полкъ, который подумалъ: «ну, вотъ, мы отдохнемъ здѣсь», уже въ авангардѣ опять претъ впередъ, кровью обливаешь отбитыя трущобы и подъ открытымъ небомъ, или того хуже, въ сыромъ подземельѣ, перезимовавъ годъ, иногда два, наконецъ приступаетъ къ постройкѣ новой штабъ-квартиры. Итакъ обвинять кавказскаго солдата за то, что онъ не умѣетъ ходить съ носка въ ногу, нельзя, невозможно, грѣшно.

Нашъ бригадный генералъ, Викентій Михайловичъ Козловскій, дворянинъ Могилевской губерніи, воспитывался въ первомъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ онъ оставилъ заведеніе, такъ какъ былъ исключенъ безъ производства въ офицеры «за неуспѣхи въ наукахъ». Юнкеромъ онъ былъ зачисленъ въ Кабардинскій полкъ, гдѣ и подвизался болѣе тридцати лѣтъ сряду и заслужилъ единогласные о себѣ отзывы, какъ объ офицерѣ честномъ, исполнительномъ и беззаветно храбромъ. Послѣ знаменитаго его дѣла подъ Везапной, въ Андреевѣ, гдѣ онъ съ двумя ротами своего батальона штыками выбилъ громадныя скопища непріятели, предводимыхъ самимъ Шамилемъ, онъ въ чинѣ подполковника сначала завѣдывалъ, а вскорѣ затѣмъ Высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка. Въ достославномъ походѣ Вельяминова въ Ичкерію, въ 1842 году, Козловскій съ своими батальонами вынесъ на плечахъ въ арьергардѣ отступленіе всего отряда черезъ дремучіе лѣса, не смотря на самыя ожесточенныя натиски непріятели, и этимъ подвигомъ снискалъ себѣ громкую славу на

столько, что съ тѣхъ поръ его имя сдѣлалось на Кавказѣ нарицательнымъ названіемъ всего безстрашнаго. Въ 1847 году онъ сдѣлалъ свой родной полкъ, въ которомъ съ юнкерскихъ галуновъ взялъ съ боя генеральскіе эполеты,—флигель-адъютанту князю Барятинскому. Наружности Викентій Михайловичъ былъ далеко не красивой: небольшого роста, сложенъ, какъ чурбанъ; лицо его изображало перепеченное яблоко съ воткнутымъ посрединѣ носомъ, въ видѣ пунцовой клюквы, но общее выраженіе всей его фигуры мягкое, прямое и самое добродушное. Отсутствіе краснорѣчія съ непрерывнымъ повтореніемъ: «какъ, какъ!»—вознаграждалось оригинальностью его рѣчи и той простотой обращенія, которая выше всего цѣнится солдатомъ. Нужно къ этому прибавить, что Козловскій, пробывъ безотлучно на Кавказѣ впродолженіе всей своей службы, если и зналъ, то совершенно забылъ воинскій уставъ того времени, а съ новымъ не встрѣчался вовсе, считая, и не безъ основанія, что при существующемъ способѣ войны на Кавказѣ солдату слѣдуетъ внушать не умѣнье равняться съ другими, а быть всегда впереди ихъ!..

Съ этими высокими воззрѣніями Викентій Михайловичъ, вѣроятно, не разставался и во время нашего смотра, который, благодаря этому, и сошелъ благополучно. Мало того, онъ каждому офицеру нашель сказать что нибудь ласковое и добродушное, а солдату привѣтствовалъ:

— Какъ, какъ! здорово братцы мои, какъ... куринцы!

Послѣднія слова достойнѣйшаго Викентія Михайловича, уже изъ тарантаса, были:

— Да, какъ, прошу, господа, какъ!.. Меня любить, какъ, и жаловать!

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, нашъ генераль Меллеръ уѣхалъ въ Тифлисъ, а командующимъ войсками въ Воздвиженскомъ, на время его отсутствія, былъ назначенъ полковникъ Сусловъ, знаменитый по Абулатъ-Юртовскому дѣлу въ 1846 году. Я знакомъ былъ съ нимъ еще раньше, а теперь имѣлъ случай ближе узнать и лично выслушать всѣ его пожденія, которыя вмѣстѣ съ подтвержденіемъ очевидцевъ представляютъ очень интересныя эпизоды изъ войны Кавказской.

Потомственный дворянинъ, кажется, Тамбовской губерніи, Александръ Алексѣевичъ Сусловъ въ очень молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ военную службу, въ Малороссійскій драгунскій полкъ юнкеромъ, а затѣмъ, послѣ многихъ лѣтъ перипетій, судьба бросила его на Кавказъ.

— У меня-съ, государь мой,—вскакивая со стула, визгливо вскрикивалъ онъ,—никогда не было никакой протекціи, и все, что я приобрѣлъ теперъ, я взялъ одною службою.

Какъ бы то ни было, но Суслову еще въ маіорскомъ чинѣ дали Гребенской казачій полкъ.

Я больше всего интересовался Абулатъ-Юртовскимъ дѣломъ и дуэлью Сулова съ Фридрици, о чемъ и записалъ со словъ очевидцевъ и на основаніи разсказа Сулова. Надо замѣтить, что полковникъ былъ темперамента неимоверно горячаго, пылкаго и увлекающагося, а вмѣстѣ и очень страннаго. Начинаетъ Суловъ говорить тихо, плавно, спокойно, еле слышно... и вдругъ вскакиваетъ съ мѣста, кидаетъ кресло свое въ сторону и съ блестящими глазами, задыхаясь отъ волненія, еле переводя духъ, кричитъ рѣзко, пронзительно, все сильнѣй и сильнѣй. Тутъ онъ, размахивая руками, ужъ себя не помнитъ, въ изступленіи бьетъ себя въ грудь и, подскочивъ къ своему собесѣднику близко, близко, опускается на что попало и шепотомъ посвящаетъ его въ свои страданія, болѣзненные припадки и всевозможные недуги...

Начинаются снова самымъ тихимъ образомъ чувствительныя жалобы на страшную боль въ груди, удушье, на общій упадокъ силъ... и вдругъ, какъ пробка изъ бутылки шампанскаго, онъ стремительно отскакиваетъ въ дальній уголъ комнаты и неистовыми возгласами оглушаетъ слушателя.

Итакъ, въ 1846 году, въ маѣ мѣсяцѣ, когда казаки Гребенскаго полка были на полевыхъ работахъ въ степи, около дальнихъ хуторовъ своихъ, а въ Червленной станицѣ оставалась только сотня, и командиръ полка, подполковникъ Суловъ, валяясь на диванѣ, наслаждался полнѣйшимъ кейфомъ, въ десятомъ часу утра, со стороны Щедринской станицы послышался выстрѣлъ изъ орудія, за нимъ другой и третій.

По сигнальной трубѣ подается «тревога», казаки дежурной сотни стали выскакивать на станичную площадь. Суловъ, ногу въ стремя и съ мѣста въ карьеръ, повелъ ихъ за ворота станицы. Миновавъ Щедринскую, онъ узналъ отъ прискакавшаго съ кордона казака, что «іонъ палить, кажись, за Шелководской!» Гребенцы еще прибавили хода и, взмыленные кони, понеслись какъ птицы. Слышны опять учащенные выстрѣлы, но они еще не близко. Вотъ и станица Шелководская, вотъ господскій домъ, а вотъ на балконѣ его и самъ хозяинъ—Акимъ Акимовичъ Хвастатовъ.

— Куда скачете, Александръ Алексѣевичъ?—спрашиваетъ онъ Сулова.

— На тревогу, а куда, и самъ не знаю!—отрывисто крикнулъ тотъ, усканивая впередъ по улицѣ.

— Стой, казакъ!—тѣмъ временемъ повелительнымъ голосомъ осаживаетъ Хвастатовъ одного изъ заднихъ гребенцовъ,--давай сюда коня!

И, не долго думая, съ одною тростью въ рукахъ, перепрыгнувъ черезъ балюстраду своего балкона, вскакиваетъ на казачью ло-

шадь и, забывая, что онъ безъ всякаго оружія, въ лѣтнемъ пальто-сакъ и въ панاما-шляпѣ, во всю прыть несется, чтобы догнать своего пріятеля Суслова.

Выбравшись за станицу, казаки «бѣгли» еще верстѣ пять и тогда только съ праваго берега Терека могли опредѣлить, что пальба идетъ въ восьми верстахъ отъ Терека, въ маломъ укрѣпленіи нашемъ Абулатъ-Юртѣ. Частью въ бродъ, но больше вплавь, всѣ они выкарабкались на другой берегъ широкаго и быстрого потока. Тутъ Сусловъ, собравъ всѣхъ, провѣрилъ сотню и насчиталъ въ ней всего 85 человекъ и при нихъ три офицера: есаула Комкова, сотника Ѳедюшкина и хорунжаго Фролова, да съ грозною тростью—сверхштатнаго помѣщика Хастатова. Сусловъ послалъ въ крѣпость урядника, чтобъ не морить всѣхъ людей, узнать о случившемся. Вскорѣ посланный привезъ извѣстіе, что партія коннаго непріятеля нѣсколько разъ нападала на укрѣпленіе, но была отбита и очень недавно ушла по направленію Качкалыковскаго хребта. Сусловъ не справился о размѣрѣ этой партіи и, въ надеждѣ ее нагнать и какъ слѣдуетъ пугнуть, скомандовалъ «рысью» и пошелъ впередъ. Такимъ образомъ гребенцы «пробѣгли» еще верстѣ восемь и, не замѣчая никого впереди по волнистой мѣстности, подвигались довольно безопасно. Внезапно видятъ они, что передовые ихъ наѣздники, вѣхавшіе на ближайшій курганъ, круто повернули назадъ и во весь опоръ несутся къ нимъ навстрѣчу, отчаянно размахивая папахами. Оказалось, что когда они поднялись на курганъ, то съ ужасомъ увидѣли у подошвы его и въ сосѣдней балкѣ громадную партію непріятеля. Чеченцы, послѣ усиленнаго перехода, остановились здѣсь отдыхать и, стреноживъ лошадей, пустили ихъ на траву. Но, замѣтивъ силуэты неожиданно появившихся казаковъ, горцы, конечно, подняли тревогу, бросились къ лошадямъ и пустились за казаками въ ногою.

Сусловъ, при видѣ массы несущагося непріятеля, скомандовалъ сначала «назадъ въ карьеръ», но тутъ же одумался и, сообразивъ, что на утомленныхъ лошадяхъ нѣтъ никакой надежды спастись наутѣкъ, приказалъ имъ живо строиться въ каре¹⁾. Въ это время туча непріятеля, не менѣе четырехъ тысячъ, стремительно повела атаку въ пашки на горсть гребенцовъ, уже успѣвшихъ встрѣтить врага дружнымъ залпомъ, однимъ, другимъ, третьимъ. Горцы рассыпались и открыли изъ винтовокъ частый и мѣткій огонь. Сусловъ, возлагая всѣ надежды на спасеніе только въ стойкой оборонѣ, скомандовалъ: «рѣжь коней!»—и, соорудивъ изъ труповъ ихъ еще животрепещущій брустверъ, приказалъ казакамъ за нихъ залечь и отстрѣливаться отъ непріятеля, видимо готовящагося вести второе нападеніе. Недолго заставила себя ждать эта вторая атака.

¹⁾ Другіе приписываютъ эту мысль храброму есауду Комкову.

Еще съ большимъ остервенѣніемъ бросились чеченцы на гребенцовъ, но казаки, подпустивъ ихъ на пистолетный выстрѣлъ, встрѣтили свинцомъ въ упоръ такъ удачно и мѣтко, что вся туча съ значительною потерею отступила назадъ. Опять чеченцы открыли огонь и нанесли нашимъ значительный уронъ пулями. Суловъ и офицеры всячески старались поддерживать въ казакахъ геройскій духъ. Хастатовъ съ начала боя грозно и картинно размахивалъ своею тростью, а теперь схвативъ винтовку убитаго казака также залегъ за тушей лошади. Послѣ этого послѣдовало еще шесть самыхъ отчаянныхъ атакъ, но десница Всевышняго еще охраняла оставшихся въ живыхъ воиновъ.

Бой кровавый, страшный и почти непрерывный, бой на смерть, продолжался уже болѣе пяти часовъ, но геройскій духъ казаковъ не погнулся; замѣтна великая убыль бойцевъ.

— Православные братья-станичники! — зычно кричить Комковъ, — не падайте духомъ! Господь за насъ... Кто изъ пораненныхъ еще въ силахъ помочь, заряжай винтовки и подавай ихъ тѣмъ, кого Богъ за грѣхи еще терпитъ!

И по примѣру молодца эсаула, самого уже тяжело раненаго въ ногу, какъ воскресшіе мертвецы, поползли раненые съ винтовками въ рукахъ, страшно изувѣченные, еле дышашіе...

Но вотъ опять столпились горцы, со всѣхъ фасовъ окружили кровавое на степи пятно и стали готовиться къ его истребленію съ лица земли. Раздался душу раздирающій шакалиный гикъ вмѣстѣ съ топотомъ нѣсколькихъ тысячъ конныхъ ногъ, засверкали въ воздухѣ блестящіе клинки, все слилось въ чудовищную массу и обрушилось стѣной, страшной, губительной. «Съ нами сила крестная и непобѣдимая, станичники! Не поддавайся нехристямъ!» — послышался опять голосъ Комкова и... сила эта благодатная и спасительная еще разъ отстояла приговоренныхъ къ смерти. Потеря въ это время достигла свыше 50 человекъ изъ 85. Но въ то время, когда отчаянные бойцы каре, закоптѣлые въ дыму и обогранные кровью, съ угасающею надеждой, провѣряли слабые остатки товарищей, — среди непріятелей внезапно проявилось смятеніе.

Казаки, очень тщательно скрывая себя за бездыханными трупами коней своихъ, сами зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило у враговъ, и теперь стали съ напряженнымъ вниманіемъ приглядываться въ ту сторону, откуда, — о, благословеніе Господне, — слышались имъ барабаны и сигнальные рожки горнистовъ. Вотъ видна уже и пыль бѣгущихъ людей на помощь, на спасеніе! Здоровые, раненые и умирающіе стали креститься, благодаря Бога. Но горцы, предвидя, что гребенцы ускользнутъ теперь отъ нихъ, бросаются въ послѣднюю, бѣшеную атаку. Казаки не дремлютъ; сильно ободренные, они напрягаютъ послѣднія силы, дерутся въ рукопашкой свалкѣ, какъ львы, и отбиваютъ нападеніе въ ту самую

минуту, когда ядро наше со свистомъ вырываетъ цѣлый рядъ пораженнаго непріятеля. За этимъ второй залпъ, и чеченцы въ безпорядкѣ обращаются въ бѣгство. Нѣсколько минутъ спустя подполковникъ Майдель и молодцы его 3-го батальона Кабардинскаго полка, съ трудомъ переводя духъ отъ спѣшнаго бѣгства, побратски обнимали спасенныхъ ими гребенцовъ.

Дѣло подъ Абулатъ-Юртомъ доказало, что горсть людей русскихъ, при непоколебимой вѣрѣ въ милосердіе Божіе и несокрушимомъ мужествѣ, въ извѣстныя минуты жизни способна явить собою, въ борьбѣ съ врагомъ въ 50 разъ сильнѣйшимъ, силу недоступную, неодолимую. Память объ этомъ никогда не умретъ въ кавказскомъ линейномъ казачествѣ. Картина извѣстнаго художника Тимма, съ безчисленнымъ количествомъ копій, изображаетъ отчаянный бой червленскихъ станичниковъ при натискѣ громадныхъ скопищъ чеченскихъ. Государь императоръ щедрыми милостями осыпалъ дѣятелей славнаго боя. Сусловъ произведенъ въ полковники и удостоенъ вышей и столь рѣдкой на Кавказѣ награды—Георгіевскаго креста. Комковъ, Федушкинъ и Фроловъ получили слѣдующіе чины и ордена, а всѣ оставшіеся въ живыхъ нижніе чины—знаки отличія военнаго ордена и денежные награды. А. А. Хастатовъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и, сверхъ того, отъ всего казачества—титломъ «авангарднаго помѣщика».

Сусловъ восторженно рассказывалъ мнѣ, что, когда художникъ Тиммъ представилъ наизянную имъ картину на выставку въ академію художествъ, государь предложилъ наслѣднику цесаревичу и атаману всѣхъ казачьихъ войскъ приобрести эту картину и пожаловать ее въ подарокъ Сулову, у котораго она и хранится до сихъ поръ, какъ святыня, въ его семействѣ.

Къ странностямъ Сулова надо еще добавить, что онъ очень потворствовалъ религіознымъ заблужденіямъ гребенцовъ, у которыхъ, не смотря на преслѣдованіе правительства, были свои «собливыя молельни» въ труппахъ и отдаленныхъ скитахъ. Злая хроника рассказываетъ даже, что самъ командиръ гребенскихъ казаковъ (а ихъ до 18 тысячъ душъ), подполковникъ Сусловъ, принялъ на себя даже званіе ихъ верховнаго пастыря и будто бы не разъ лично, въ усвоенномъ духовномъ облаченіи, отправлялъ самъ служеніе за архіерея ихъ толка ¹⁾. Говорятъ, что въ часъ доклада слѣдственной комиссіи объ этихъ дѣяніяхъ, когда князь Воронцовъ уже обмакнулъ (будто бы) перо подписать преданіе Сулова суду,—въ эту самую минуту отворилась дверь, и передъ нимъ предсталъ посланный отъ генерала Фрейтага съ подробнымъ

¹⁾ Справедливость этого невѣроятнаго обстоятельства подтверждается, впрочемъ, многими свидѣтелями, на примѣръ, С. М. Ушаковымъ.

донесеніемъ о блестящемъ подвигѣ подъ Абулатъ-Юртомъ; нѣсколько минутъ спустя и тѣмъ же самымъ перомъ главнокомандующій подписалъ представленіе на высочайшее имя о награжденіи Суслова георгиевскимъ крестомъ и чиномъ. *Si non è vero, è ben trovato!*

Разсказавъ о послѣднемъ *qui pro quo*, не могу пройти молчаніемъ курьезной дуэли Суслова съ Фридериси, страшнымъ кутилой, офицеромъ его полка, прикомандированнымъ изъ гвардіи. Въ одинъ прекрасный день, проѣздомъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Грозную, гр. Бенкендорфъ, князь Барятинскій и гр. Ржевускій, всѣ трое флигель-адъютанты, заѣхали къ Суслову и вмѣстѣ съ хозяиномъ составили вечеромъ партію въ вистъ, до котораго Сусловъ былъ страстный охотникъ. Играли и смѣялись, спорили и бранились, когда вѣстовой казакъ доложилъ командиру о приходѣ къ его высокородію поручика Фридериси. Сусловъ, недовольный перерывомъ игры, дѣлаетъ гримасу, но, попросивъ извиненія у гостей, выходитъ въ залу, гдѣ Фридериси, отвѣсивъ поклонъ, безъ всякихъ предисловіи просить о немедленной выдачѣ ему 800 рублей. Удивленный неожиданностью, цифрой, а главное безцеремонною формою изложенія просьбы, Сусловъ рѣзко объявилъ просителю, что такихъ денегъ у него нѣтъ въ распоряженіи, а если бы онѣ и были, то онѣ бы ихъ не далъ.

— Какъ бы не дали? Другими словами, вы мнѣ, подполковникъ, не довѣряете?

— Да хотя бы, милостивый государь, и не довѣряю!—раздраженно вскрикнулъ Сусловъ.

— Въ такомъ случаѣ, это кровное оскорбленіе, за которое я требую отъ васъ должнаго удовлетворенія!—хватилъ Фридериси и вышелъ изъ залы.

Гости черезъ полуоткрытыя двери слышали весь разговоръ командира полка съ поручикомъ, а потому, по возвращеніи къ нимъ Суслова, они встрѣтили его дружнымъ хохотомъ.

— Вамъ, господа, хорошо смѣяться,—возразилъ Сусловъ.—Вы завтра спокойно отправитесь въ Грозную и вамъ горя мало, что я поставленъ въ глупое положеніе драться съ этимъ сумасбродомъ.

Утромъ, по отъѣздѣ гостей, Сусловъ задумался, кого бы выбрать въ секунданты, и рѣшилъ просить подпоручика Голохвастова, Куринскаго полка, гостившаго въ Червленной. Но оказалось, что тотъ еще раньше былъ приглашенъ Фридериси. Сусловъ потребовалъ полковаго адъютанта Оедюшкина, природнаго казака, но хорошаго, исполнительнаго и очень ему преданнаго человѣка. Является Оедюшкинъ въ кабинетъ, папахъ въ лѣвой рукѣ, правая подъ козырекъ, въ видѣ отданія чести.

— Знаете ли вы правила дуэли?—спрашиваетъ Сусловъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ничего такого не

знаю-сь и не вѣдаю-сь!—не вдругъ и очень смущенно отвѣчалъ наивный адъютантъ.

— Какъ, не знаете, что такое дуэль?

— Ей-Богу, не знаю, ваше высокоблагородіе,—еще смущеннѣе и растеряннѣе отвѣчалъ бѣдняга.

— Ну, знаете или не знаете, мнѣ все равно,—послѣ минутнаго колебанія рѣшилъ Сусловъ.—Слушайте и не переверите! Ступайте сейчасъ къ подпоручику Голохвастову, скажите, что я васъ послалъ, и условьтесь насчетъ всѣхъ пунктовъ дуэли.

Ни живъ, ни мертвъ, стоялъ передъ нимъ Ѳедюшкинъ, не понимая, на яву или во снѣ слышитъ онъ подобное приказаніе. Но на утро все было приготовлено, какъ слѣдуетъ; мѣсто выбрано уединенное, заросшее кругомъ густымъ кустарникомъ. Голохвастовъ отмѣрилъ десять очень широкихъ шаговъ, зарядилъ пистолеты и предложилъ Суслову выборъ.

— Вѣдь условлено было по жребію, такъ извольте бросать его!—сказалъ Сусловъ.

— У меня нѣтъ со мною монеты!—шаря въ карманахъ, объявилъ Голохвастовъ.

— У меня есть все-сь, кромѣ терпѣнья,—сорвалось у Суслова, и, схвативъ изъ кармана полтинникъ, онъ высоко бросилъ его вверхъ на воздухъ.

— Орелъ или рѣшетка?—спросилъ онъ.

— Орелъ!—не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ проговорилъ Фридрици. Онъ угадалъ.

— Однако,—разсказывалъ Сусловъ,—шансы не за меня, солнце напротивъ, прямо бьетъ въ глаза, скверно! Но будетъ, что будетъ! Снимаю сюртукъ и въ одной рубашкѣ становлюсь на указанный мнѣ пунктъ, точно школьникъ, даже совѣстно стало! Фридрици, также безъ долмана, уже ждетъ на мѣстѣ. «Разъ, два, три!»—отчетливо командуетъ Голохвастовъ. Соперникъ мой медленно поднимаетъ пистолеть... по направленію мушки вижу—злѣйшій мѣтитъ прямо въ сердце. Минутно даже кровь застыла,—прищуривая глазомъ, почти мнѣ на ухо покаялся Сусловъ,—вдругъ-сь пистолеть заходилъ въ рукъ Фридрици, онъ самъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и, уронивъ на землю смертоносное оружіе, изступленнымъ жестомъ руки указываетъ на близъ меня лежащіе кусты. Оглядываюсь, и что же вижу? Въ кустахъ этихъ блестятъ четыре винтовочныхъ ствола, направленныхъ прямо въ грудь моего противника. «Что это такое?»—въ изумленіи вскрикиваю я на Ѳедюшкина.—«Будьте покойны, ваше выс-родіе!—съ сіяющей улыбкой полнѣйшаго торжества рапортуетъ адъютантъ.—Если поручикъ васъ задѣнетъ, то они тутъ же его положить. Я вѣдь лучшихъ-сь стрѣлковъ засадилъ сюда!»—самодовольно добавилъ онъ.—«Какова скотина,—какъ мячикъ, прыгнувъ съ кресла, заоралъ опять Сусловъ.—Я, конечно,

его обругалъ и прогналъ его засаду къ чорту; тогда Фридрици снова взялъ пистолеть, но, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ вышеизложеннаго далъ промахъ, а я, не цѣлясь, выстрѣливъ на воздухъ, вскочилъ на коня и уѣхалъ домой, проклиная себя, Фридрици и пуще всѣхъ дурака Ѳедюшкина. А кто знаетъ, Владиміръ Алексѣевичъ, — заключилъ Сусловъ, — не будь этого глупѣйшаго вмѣшательства, быть можетъ, я не имѣлъ бы чести теперь говорить съ вами».

IX.

Рассказъ Нестерова о князѣ В. С. Голицынѣ. — Сцена Кавешникова у Меллера: «авось задѣнуть». — Набѣгъ на аулъ Карманлой. — Смерть Кавешникова. — Болѣзнь Нестерова. — Рассказъ подпоручика Кохановскаго: дѣло Веселицаго въ 1843 году. — Приѣздъ главнокомандующаго. — Отпускъ.

На время осенней экспедиціи 1849 года я былъ прикомандированъ за адъютанта къ начальнику дивизіи, генералу Нестерову, и раздѣлялъ эту службу съ Александромъ Нордштейномъ и Костей Глѣбовымъ, молодымъ, красивымъ и неглупымъ парнемъ, братомъ покойнаго Михаила. Свободные вечера мы проводили всегда у генерала, тамъ же обѣдали и ужинали. Петръ Петровичъ Нестеровъ былъ мастеръ рассказывать, и въ его обществѣ время летѣло незамѣтно. Кстати, къ моимъ прежнимъ воспоминаніямъ о Владиміръ Сергѣевичѣ Голицынѣ прибавлю еще дословный рассказъ генерала, когда онъ еще служилъ въ гвардіи, въ лейбъ-егерскомъ полку. Это была самая рельефная минута въ жизни чудака Голицына, когда онъ въ часъ времени на его, Нестерова, глазахъ выигралъ миллионъ рублей.

— Будучи молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, — такъ началъ онъ свое повѣствованіе, — я, находясь въ отпуску, въ Москвѣ, не рѣдко навѣщалъ стараго пріятеля отца моего, очень богатаго и страстнаго игрока, Мусина-Пушкина. Жилъ онъ очень открыто, давалъ обѣды и балы, а три раза въ недѣлю карточные вечера, на которыхъ самъ металъ отвѣтныи банкъ. Въ числѣ наѣхавшихъ въ Москву изъ Петербурга случился тутъ блестящій тогда флигель-адъютантъ, князь Голицынъ, конечно, не запоздавшій явиться къ своему товарищу по призванію и страсти, Мусину-Пушкину. Съ нимъ мы здѣсь впервые встрѣтились и познакомились. Въ игрѣ я лично не принималъ участія по очень простой причинѣ — неимѣнію лишниехъ денегъ, но, тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ слѣдилъ всегда за общимъ ходомъ крупной игры, даже не разъ, по просьбѣ хозяина, бралъ на себя хлопотливую должность его *souci-rier*! Разъ, помню, въ праздничный день, заѣхалъ я къ Пушкину

утромъ; онъ удержалъ меня въ большомъ обществѣ обѣдать и, по окончаніи обѣда, занялъ обычное мѣсто за зеленымъ столомъ, а мнѣ, вручивъ кусокъ мѣла, шепнулъ, чтобы я на счастье ему сѣлъ рядомъ. По обыкновенію, онъ металъ банкъ отвѣтныи. Понтеровъ было не мало, около пятнадцати, и въ числѣ ихъ В. С. Голицынъ. Сначала игра шла съ перемѣннымъ счастьемъ, но затѣмъ фортуна рѣзко обернулась спиной къ Мусину-Пушкину, и онъ безъ счета сталъ давать карту за картой. Удачнѣе всѣхъ воспользовался этимъ Голицынъ. Въ какіе нибудь полъ-часа, записавъ на банкюмета длинный столбецъ кушей, онъ отъ самаго крупнаго изъ нихъ, не отгибаясь, взялъ на пере, пере, пере, пе, что въ итогъ составило ровно 500 тысячъ рублей на ассигнаціи! Сидя рядомъ съ Мусинымъ, я все время наблюдалъ за выраженіемъ лица его и видѣлъ, что сосчитанная Голицынымъ цифра произвела на него удручающее впечатлѣніе. Талія сошла, онъ тасовалъ карты, руки его нѣсколько дрожали. Прежде чѣмъ сняли колоду, а слѣдовательно до объявленія банкюметомъ условнаго: «готово!» — Голицынъ перекрестилъ мѣломъ весь кушъ свой и прикрылъ его темною картой.

— Что вы дѣлаете, князь?—тревожно спросилъ Пушкинъ.

— Ставлю на пе, отъ 500 тысячъ на миллионъ,—очень хладнокровно отвѣтилъ Голицынъ.

— Послушайте, князь, ради Бога, уменьшите кушъ, прошу васъ,—обратился къ нему разстроенный хозяинъ.

— Извольте, — согласился грозный понтеръ, снимая со стола свою карту.

— Готово,—объявилъ успокоенный банкюметъ.

— Карта пять рублей,—проговорилъ Голицынъ.

— Ну, вотъ, князь, вы изъ одной крайности въ другую,—уже раздосадованный, замѣтилъ Мусинъ-Пушкинъ: — играйте, какъ играли прежде, настоящей игрой.

— Нѣтъ, извините! Или миллионъ, или пять рублей, ни копейкой болѣе!—рѣшительно объявилъ понтеръ.

Мусинъ-Пушкинъ нетерпѣливо пожалъ плечами и сталъ метать. По третьему абцугу карта Голицына была убита. Пушкинъ уронилъ изъ рукъ колоду, схватилъ себя за волосы и осыпалъ проклятіями свою собственную особу. Волненію его не было предѣла, и, съ трудомъ дOMETавъ эту талію, онъ въ изнеможеніи повалился на спинку кресла.

— Князь, — дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ Голицына, — сколько теперь поставите вы на карту?

— Пять рублей или миллионъ, какъ хотите!—невозмутимо отрѣзалъ тотъ.

— Подождите сейчасъ!..— съ роковою рѣшимостью проговорилъ Пушкинъ и, вскочивъ изъ-за стола, бросился въ сосѣдную комнату,

свою спальную. Тутъ онъ упалъ на колѣна и вслухъ сталъ молиться.

Въ глубокой тишинѣ, черезъ полуоткрытыя двери въ спальную, мы созерцали эту необычайную картину. Мусинъ-Пушкинъ съ воздѣтыми къ небу руками порывисто взывалъ къ Пресвятой Богородицѣ съ мольбою о великой ея помощи и вдругъ, какъ будто вдохновенный свыше, вскочилъ на ноги и въ два прыжка уже занялъ снова свое мѣсто за столомъ. «Бью», — тяжело переводя дыханіе, рѣшительнымъ голосомъ объявилъ онъ Голицыну. Я пристально посмотрѣлъ на Пушкина и изумился его виду: блестящіе, полупомѣшанные глаза, всклокоченные сѣдые волосы и какъ-то искривленный на бокъ ротъ произвели на меня страшное впечатлѣніе.

— Готово, — чуть слышно промолвилъ онъ.

— Отъ 500 тысячъ на миллионъ, — красивыми цифрами вывелъ на столѣ Голицынъ, прикрывъ записъ картой...

— Тузъ и дама, — дребезжащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ банкومتъ.

— Она, въ цвѣтъ и въ масть, — спокойно открывая трефовую даму, объявилъ понтеръ.

Мусинъ уронилъ карты, съ нимъ сдѣлалось дурно, но втеченіе года выплатилъ весь миллионъ, который Голицынъ въ полтора года, на моей же памяти, весь сѣлъ.

Осень подвигалась. Съ перемѣной погоды изъ теплой въ холодную, съ частыми дождями, измѣнилось и общее настроеніе къ веселью во всемъ нашемъ отрядѣ. Невыгодныя климатическія условія вредно отзывались на здоровьѣ. Самъ начальникъ отряда за послѣднее время чувствовалъ себя нехорошо. Въ сущности болѣзнь его была не серьезная, но, тѣмъ не менѣе, вліяніе на окружающихъ она производила тяжелое, такъ какъ вѣчно милый, радужный и оживленный Петръ Петровичъ Нестеровъ сталъ очень хандрить и задумываться, что отразилось и на всѣхъ насъ, избалованныхъ обыкновеніемъ съ утра до ночи проводить время въ его незамѣнимомъ обществѣ. Лихорадка свирѣпствовала не только на Черноморской береговой линіи, но и у насъ, на лѣвомъ флангѣ. Въ то время не было случая, чтобы солдатъ или офицеръ въ береговыхъ крѣпостяхъ протянулъ существованіе до десятилѣтняго срока, особенно въ Сухумѣ и Анапѣ; даже животныя и птицы подвержены были этой болѣзни: куры, напримѣръ, тряслись во время пароксизма не хуже человѣка.

Нашъ баронъ уже давно вернулся изъ отпуска. Разъ какъ-то захожу къ нему и вижу его очень разстроеннымъ. Онъ не скрываетъ причины: утромъ ему доложили о поручикѣ Кавешниковѣ, которому, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ далъ предписаніе подать прошеніе объ отставкѣ; мѣра эта была принята барономъ вслѣдствіе денежныхъ недочетовъ во временно-порученной Кавеш-

никову ротѣ и личныхъ на него неудовольствій Ляшенка. Только что Меллеръ вышелъ въ столовую, Кавешниковъ бросился ему въ ноги и на колѣняхъ сталъ умолять объ отмѣнѣ предписанія.

— Ваше превосходительство, ради самого Господа, пощадите и оставьте меня въ полку еще на одну экспедицію! Во имя всего святаго не откажите мнѣ!

Когда Меллеръ, съ трудомъ поднявъ его съ пола, спросилъ, къ чему поведетъ эта отсрочка, то бѣдняга, заливаясь слезами, высказалъ послѣднюю мечту свою:

— Авось Господь милосердый позволить, чтобъ меня ранили, и я тѣмъ приобрѣту пенсію, безъ которой теперь, по выходѣ въ отставку, мнѣ грозитъ голодная смерть.

Безвыходное, отчаянное положеніе и искренняя мольба Кавешникова допустить его пролить кровь, чтобъ снискать этимъ кусокъ хлѣба, глубоко тронули Петра Петровича, и онъ не только согласился отмѣнить свое категорическое требованіе, но и матеріально изъ своего кармана помочь горемыкѣ.

По выходѣ отъ Меллера, мы всѣ, кто былъ на лицо, обступили разстроеннаго Кавешникова и повели его въ ближайшую офицерскую палатку. Здѣсь онъ успокоился и даже рассказалъ намъ свою несложную, грустную исторію.

— «Ахъ, господа! Жизнь моя со всѣми ея подробностями была и будетъ невеселюю. Такъ, видно, на роду написано. Родился я въ Ставрополѣ отъ очень, очень бѣдныхъ родителей. Когда я еще не достигъ пониманія, на сколько имъ въ тяжесть,—мать родила еще дочь и умерла. Отецъ съ двумя малыми дѣтьми на рукахъ перебивался кое-какъ, но промаялся не долго, года три, и вслѣдъ за матерью отправился въ Елисейскія. Одни, безъ всякихъ средствъ и пріюта, остались двое сиротъ: я восьми лѣтъ, а сестренка по четвертому году. Лачужку нашу, собственность отца, продали за долги, и мы остались безъ крова; двѣ ночи провели на улицѣ. Но нельзя же бросить дѣтей умирать съ голода и холода. И вотъ тетка отца сжалилась надъ нами и взяла къ себѣ. Много горя видѣли мы въпродолженіе почти восьми лѣтъ. У нея у самой средства были скудныя, и мы зачастую въпроголодь съ завистью смотрѣли на нищихъ. Вы понимаете, господа, что не о воспитаніи и образованіи нашемъ шла рѣчь, а только о насущномъ хлѣбѣ. Такъ тянули мы. Въ 1841 году мнѣ минуло 15 лѣтъ. Тетка объявила, что теперь пора мнѣ работать самому и дать ей вздохнуть покойнѣе. «Ступай съ Богомъ съ моихъ хлѣбовъ на службу царскую, а ужъ Дуню я какъ нибудь прокормлю и замужъ отдамъ». Справили мои бумаги, штабный писарь написалъ прошеніе о принятіи на службу въ Куринскій полкъ, тетка благословила, и я пѣшимъ хожденіемъ зашагалъ на линію».—Кавешниковъ тутъ остановился перевести духъ, клѣтчатымъ платкомъ отеръ наворачувшія слезы

и болѣе твердо продолжалъ: «Какъ я тянулъ ляжку, господа, если не всѣ видѣли, то остальные слышали. Безъ гроша денегъ, безъ родныхъ и, конечно, безъ протекціи подвизаться на службѣ нижнимъ чиномъ — не дай Господи, а особенно въ тѣ времена. Но Богъ милосердый помогъ мнѣ злополучному и послалъ Даргинскую экспедицію, очень выручившую многихъ изъ нашей братіи. За Андію меня произвели въ прапорщики, за Кабарду въ 1846 году — въ подпоручики и за Алдинскій лѣсъ — въ поручики; но еслибъ я сейчасъ вышелъ въ отставку, то повторяю — пропалъ бы; спасибо барону, выручилъ!» — заключилъ свой разсказъ Кавешниковъ.

Но, не смотря на отчаянность и беззавѣтную храбрость Кавешникова, судьба еще шадила его во всѣхъ стычкахъ съ непріателемъ. Я раненъ былъ пулею въ ногу на вылетъ, но безъ раздробленіи костей, Оклобжію слегка въ голову и еще много другихъ, Кавешниковъ же остался цѣлъ и невредимъ. Между тѣмъ, 18-го февраля (1850 г.), уже послѣ роспуска отряда на зимнія квартиры, высшее начальство распорядилось, чтобъ по пути слѣдованія полковъ, одновременно въ трехъ разныхъ пунктахъ, нанесены были внезапные удары на непріятельскія гнѣзда: въ Малой Чечнѣ — Меллеромъ, на Кумыкской плоскости — Барятинскимъ и въ Галашкахъ — Вревскимъ. Указанный куринымъ пунктъ былъ аулъ Карманлой у подножья Черныхъ горъ, въ верховьяхъ рѣки Гехи. Дѣло было небольшое, но одна чеченская пуля, раздробивъ руку, пронизала насквозь грудь Кавешникову. Случайно солдаты 9-й роты вынесли раненаго поручика изъ аула ко мнѣ. Его положили на землю, и докторъ Вержбицкій приступилъ къ осмотру. Раненый стоналъ и хрипѣлъ. Въ эту минуту подъѣхала группа всадниковъ, и въ предразсвѣтной темнотѣ я разглядѣлъ въ ней барона Меллера. Узнавъ меня, онъ пофранцузски спросилъ, велика ли у насъ тутъ потеря, на что я отвѣтилъ, что почти никакой, а вотъ тутъ рядомъ лежитъ раненый Кавешниковъ.

— Ну, что, Кавешниковъ, добились своего желанія? — громко, но не безъ волненія въ голосѣ, спросилъ Меллеръ.

— Да, добился, но, кажется, за банкъ зарвался, ваше превосходительство! — съ ожесточеніемъ, но твердо отвѣтилъ страдалецъ.

Меллеръ отозвалъ въ сторону Вержбицкаго и спросилъ о ранѣ.

— Безусловно-смертельная, — прошепталъ врачъ.

Аулъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, и зарево пожара освѣтило нашъ путь къ отступленію. 2-му батальону назначено было идти въ авангардѣ, и здѣсь же понесли Кавешникова. Дѣло при отступленіи завязалось горячее, въ авангардѣ было нѣсколько стычекъ, потеря въ концѣ концовъ, впрочемъ, не превышала ста человекъ убитыми и ранеными. Нашъ раненый послѣ перевязки сталъ бодрѣе, менѣе жаловался на страданія и, храбрясь передъ нами, настойчиво требовалъ, чтобы пѣсенники потѣшали его лю-

бимыми: «Шамиль началъ бунтовать» и особенно «Зеленая роща». На другой же день въ лазаретѣ Грозной онъ подъ ножомъ хирурга испустилъ духъ.

О Петрѣ Петровичѣ Нестеровѣ пришли тоже очень грустныя извѣстія. Его болѣзнь осложнилась на столько, что Грозненскій синклитъ врачей призналъ неизбежно-необходимымъ отстраненіе отъ него всякихъ занятій и постановилъ немедленно прибѣгнуть къ помощи знаменитаго въ Москвѣ доктора душевныхъ болѣзней— Саблера. Начальство же надъ дивизіей и лѣвымъ флангомъ принялъ Козловскій.

Моя рана также медленно заживала. Грѣшно было бы жаловаться на сильныя физическія страданія, но меня очень тяготило вынужденное горизонтальное положеніе, въ которомъ я пролежалъ около пяти недѣль, растравивъ себѣ рану подъ Карманлой; правда, по вечерамъ, когда меня навѣщали добрые пріятели, я нарушалъ запретъ доктора и, какъ сорока, скакалъ на одной ногѣ по комнатѣ. Въ числѣ посѣтителей находился также мой субалтеръ-офицеръ, подпоручикъ Кохановскій, изъ разсказовъ котораго я извлекъ много любопытнаго о знаменательномъ въ кавказской исторіи 1843 годѣ, особенно о погромѣ Мингрельскаго батальона подъ Унцухулемъ: Кохановскій былъ единственнымъ, оставшимся въ живыхъ, участникомъ этого дѣла. Сложили въ немъ головы и два пажа: Аверкиевъ—Преображенскаго и Шалашниковъ—Кавалергардскаго полка. Ихъ имена красуются въ нашей Пажеской церкви, вырѣзанныя золотыми буквами на черныхъ мраморныхъ доскахъ, и въ краткомъ описаніи эти офицеры значатся погибшими въ Дагестанѣ въ 1843 году.

Кохановскій тогда былъ еще юнкеромъ, или, какъ часто бывало, унтеръ-офицеромъ изъ дворянъ, въ Мингрельскомъ батальонѣ, которымъ командовалъ молодой и совершенно неопытный штабъ-офицеръ, переведенный изъ гвардіи, маіоръ Веселицкій.

Когда Шамиль, во главѣ несмѣтныхъ полчищъ, имъ собранныхъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ свирѣпствовалъ въ Дагестанѣ и одну за другою бралъ штурмомъ крѣпости наши, въ числѣ которыхъ пала значительная по артиллерійскимъ складамъ нашимъ Сатанихъ,—большая партія блокировала укрѣпленіе Унцухуль. Гарнизонъ въ немъ состоялъ всего изъ двухъ ротъ, а непріятель, осадившій укрѣпленіе, былъ въ громадныхъ силахъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ черезъ лазутчиковъ, положеніе защитниковъ было отчаянное. При неравной борьбѣ съ врагомъ, уже въ 11 крѣпостяхъ предавшимъ все огню и мечу, гарнизону Унцухуля предстояла та же бѣдственная участь быть вырѣзаннымъ, если не подойдетъ къ нему помощь. И вотъ въ эту критическую минуту и былъ направленъ туда Мингрельскій батальонъ.

Веселицкій выступилъ съ баталіономъ, къ которому прикоман-

дировались Шалашниковъ и Аверкіевъ, оба жаждущіе боя и славы, и шель форсированнымъ маршемъ безъ отдыха, едва не бѣгомъ. Версть за пять до Унцухуля слышны уже были артиллерійскіе выстрѣлы и учащенная ружейная перестрѣлка, ясно говорившая, что каждая минута дорога. Было около трехъ часовъ по полудни, время еще не позднее, но и далеко не утреннее. Былъ большой рискъ спускаться въ густые сады, занятые скопищами непріятели, да еще въ сумерки драться въ незнакомой мѣстности. Но грустная картина боя въ крѣпости ничтожной горсти храбрыхъ ея защитниковъ такъ живо представлялась въ самомъ отчаянномъ видѣ, что, не внемля никакимъ доводамъ благоразумныхъ, рѣшено было идти впередъ, не теряя золотого времени, и мингрельцы пошли. Здѣсь, однако, командиръ баталіона принялъ мѣры военной хитрости, а именно, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятели, по всѣмъ вѣроятіямъ уже замѣтившаго появленіе нашего вспомогательнаго отряда, на занятой имъ горѣ онъ распорядился оставить команду изъ 1 унтеръ-офицера и 8 рядовыхъ, съ тѣмъ, чтобы по его уходѣ люди эти, наблюдая за дѣйствіями партій, поддерживали огонь въ разведенныхъ кострахъ, всячески стараясь ввести этимъ непріятели въ заблужденіе, а потомъ быстро присоединились бы къ баталіону. Оставленный съ этою командой унтеръ-офицеръ и былъ Кохановскій.

По его рассказамъ, когда мингрельцы совсѣмъ втянулись уже въ сады на половину пути, наступили сумерки. Въ исполненіе данной инструкціи, Кохановскій отдѣлил впередъ, по склону горы, наблюдательный секретъ въ два человѣка, которымъ приказалъ залечь между камней и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣть и слушать все, что произойдетъ въ садахъ, а тѣмъ временемъ онъ самъ съ шестью рядовыми, разсыпавшись по вершинѣ возвышенности, сталъ дѣятельно поддерживать огни. Такъ прошло около часа, и Кохановскій сталъ уже помышлять о томъ, чтобы оставить свой постъ и поспѣшно догонять ушедшій баталіонъ, когда оба солдата изъ секрета прибѣжали съ донесеніемъ, что имъ отчетливо былъ слышенъ гикъ непріятели, нѣсколько выстрѣловъ, отчаянные, но не дружные крики «ура», а затѣмъ звякъ холоднаго оружія, стоны и страшные вопли умирающихъ. Кохановскій не сразу повѣрилъ сообщеннымъ ужасамъ и, допуская мысль, что у страха глаза велики, самъ бросился къ оставленному секретомъ пункту, гдѣ,—увы!—самолично убѣдился въ несомнѣнной справедливости безотрадныхъ показаній. Собравшаяся команда сообща порѣшила, что единственнымъ путемъ къ ея спасенію оставалось немедленное и поспѣшное отступленіе обратно къ Сулаку. Отъ него ихъ раздѣляло болѣе 30 верствъ, но ночная темнота могла укрыть ихъ отъ зоркихъ глазъ непріятели, а чувство самосохраненія могло дать силы быстро одолѣть пространство. Не долго разсуждая, всѣ девять че-

ловѣкъ пустились назадъ, условившись притомъ при первыхъ признакахъ угрожающей опасности искать спасенія въ разсыпную. Часа черезъ три, четыре, усиленнаго хода, до слуха ихъ долетѣлъ топотъ скачущихъ за ними коней.

— Спасайтесь, ребята! — въ полъ-голоса скомандовалъ унтеръ-офицеръ и, стремительно бросившись подъ кручу, миновалъ наступающаго врага. Раздались три выстрѣла и нѣсколько стоновъ, но Кохановскій и съ нимъ три солдатика, безъ оглядки, по ущельямъ, балкамъ, промоинамъ и кустамъ, пустились наутекъ. Ночная тьма и страшно пересѣченная мѣстность помогли имъ скрыться отъ рыщущихъ кругомъ горцевъ, а шумъ бѣшеннаго Сулака замного верстъ своимъ ревомъ указывалъ дорогу. На самомъ разсвѣтѣ Кохановскій, самъ четвертый, достигъ береговъ рьянаго потока, но въ то же время подоспѣли сюда и грозные всадники. Не теряя минуты, мингрельцы, сбросивъ съ себя платье и оружіе въ рѣку, кинулись сами въ бурныя волны быстрѣйшей рѣки Дагестанской и стремительно были увлечены теченіемъ; двое погибли отъ пуль прискакавшихъ къ берегу враговъ, а третій утонулъ отъ неумѣнья плавать. Изъ всей команды одному Кохановскому удалось избѣгнуть непріятельскихъ выстрѣловъ и одолѣть борьбу съ волнами. Онъ далеко выбросили его на противоположный берегъ, гдѣ, среди кустовъ, онъ долго пролежалъ неподвижно и, убѣдясь, что ни одинъ изъ кровожадныхъ горцевъ не прельстится вплавъ переѣхать Сулакъ, рѣшился наконецъ снова бѣжать къ ближайшей нашей крѣпости. Передъ вечеромъ, въ полномъ изнеможеніи, разбитый и совершенно нагой, онъ дотащился до крѣпостныхъ воротъ, откуда въ накинутаго на него шинели былъ представленъ командующему тамъ войсками генералу Плаць-Бекуму. Плачевныя свѣдѣнія, сообщенныя Кохановскимъ, о злополучной участи Мингрельскаго баталіона, къ великому прискорбію, подтвердились вполне не показаніями участниковъ, такъ какъ, кромѣ Кохановскаго въ живыхъ не оказалось никого, но изустными разказами лазутчиковъ изъ многочисленной партіи, истребившей до единого человѣка весь нашъ вспомогательный отрядъ подъ Унцухулемъ. На утро были той же участи обречены и обѣ роты гарнизона крѣпости, вырѣзанныя непріателемъ безъ всякой пощады.

Съ 1843 и до августа 1849 года Кохановскій ждалъ исхода сдѣланнаго о немъ представленія и наконецъ, получивъ солдатскій Георгіевскій крестъ, произведенъ въ прапощики, съ большимъ старшинствомъ въ чинѣ, такъ что на пути въ полкъ онъ уже попалъ въ подпоручики.

Кромѣ дѣла подъ Унцухулемъ, много интереснаго узналъ я отъ моего подпоручика о роковомъ для Дагестана 1843 годѣ, гдѣ въ тѣсной связи съ именемъ Шамиля гремятъ имена Даніель-бека, султана елисуйскаго, и Хаджи-Мурата, хана аварскаго.

Рана моя зажила, и я могъ снова участвовать въ штурмѣ 10-го апрѣля Шалинскихъ окоповъ, за что получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, а съ 3-го августа за Тепликичу я былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и принялъ 2-й баталіонъ. Недурно въ три года взять три чина и два креста.

21-го мая къ намъ пріѣхалъ главнокомандующій и съ нимъ генераль-адъютантъ Коцебу, затѣмъ контръ-адмиралъ Истомины, Дондуковъ, Васильчиковъ и проч.

Я воспользовался этимъ пріѣздомъ, чтобы отпроситься въ отпускъ въ Россію, и съ помощью Дондукова дѣло очень быстро уладилось: я получилъ четырехъ-мѣсячный отпускъ съ любезнымъ приглашеніемъ князя Воронцова—непремѣнно вновь возвратиться служить на Кавказъ.

X.

Путешествіе. — Новочеркасскъ. — Атаманъ Михайлъ Григорьевичъ Хомутовъ.— День рожденія атамана и вечерній отъ войска праздникъ. — Пріѣздъ въ Царское Село.—Мать и сестры.—Призваніе.—Жизнь въ Царскомъ и въ Вельможѣ.— Возвращеніе. — Путешествіе на Кавказъ наслѣдника цесаревича. — Стычка съ горцами.—Георгиевскій крестъ.—Грозная.—Личность Бакланова и его исторія.

Мая 24-го, съ веселымъ сердцемъ и самыми отрадными надеждами, выѣхалъ я изъ Грозной съ своимъ двоюроднымъ братцемъ Павломъ Полторацкимъ. Послѣ трехлѣтней разлуки съ своими кровными, вернуться, посмотрѣть на нихъ и показать себя, естественно было отрадно для меня.

Какъ бы то ни было, а, всетаки, въ гостяхъ хорошо, а дома еще лучше. И какъ не сознавать этой непреложной истины на Кавказѣ особенно, гдѣ только при счастливой случайности можно избѣжать участи очень многихъ, на вѣки распростившихся съ своей родиной.

Словомъ, на душѣ было легко и такъ же ясно, какъ въ природѣ тотъ чудный день, теплый, но не знойный, ясный и безвѣтренный, когда мы, развалясь въ тарантасѣ, тронулись въ путь-дороженьку...

Если у меня и пробѣгала иногда тяжелая дума о вопросѣ денежномъ, то она одна и не надолго омрачала свѣтлыя надежды и представленія о торжествѣ моей служебной карьеры, ранѣ, контузій и прочихъ отличіяхъ, которыя уже не составляютъ тайны для семьи моей.

Дорога была сухая, ровная, гладкая. Лошади бѣжали легко и весело. Высоко было еще солнце, когда тарантасъ нашъ остановился въ Моздокѣ, у крыльца уѣзднаго казначейства. На этомъ переѣздѣ меня не мало удивила поразительная рѣзвость

воловъ на линіи. Когда наша тройка крупною рысью нагнала по дорогѣ двухколесную на волахъ арбу, ямщикъ крикнулъ сидящимъ въ ней двумъ мамукамъ своротить съ дороги; но онѣ оглянулись и, ударивъ длинными хворостинами по воламъ, погнали ихъ впереди насъ такъ скоро, что обиженный ямщикъ пустилъ лошадей вскачь, и, не смотря на то, лишь на третьей верстѣ, ему удалось обогнать несущихся полнымъ карьеромъ воловъ. Мамуки, усердно погоняя ихъ, помирали со смѣха, поддразнивая ухаля-возницу, а тѣмъ временемъ ихъ некрупныя животныя, задравъ хвосты къ верху, съ остервенѣніемъ неслись впередъ.

Въ казначействѣ я взялъ на свое имя подорожную до С.-Петербургa, и полъ-часа спустя мы катили къ Екатеринодару. Въ Ставрополѣ мы плотно позавтракали у Налтаки, а въ Аксаѣ, маленькомъ городкѣ войска Донскаго, въ 25 верстахъ отъ Новочеркасска, не могли не поѣсть знаменитой уха изъ стерлядей въ памятномъ мнѣ придорожномъ трактирѣ: «Прощай, мой другъ». Въ Новочеркасскѣ мнѣ также хотѣлось пробыть не долго, только, чтобы повидаться съ Гришей Хомутовымъ, а Пашенькѣ отдохнуть немного отъ толчковъ тарантаса. Только что вошли мы въ Новочеркасскую почтовую станцію съ буфетомъ, я на своей карточкѣ написалъ два слова Гришѣ и отправилъ съ извозчикомъ въ домъ атамана. Не успѣли мы затѣмъ приняться за чаепитіе, какъ въ нашу комнату ворвался не одинъ Гриша, а и братъ его Николай. Дружески обнявшись со мною, они оба заявили непремѣнное требованіе сейчасъ же ѣхать къ нимъ и не на часъ, а ночевать. На объясненіе мое, что я здѣсь не одинъ, братья Хомутовы поспѣшили познакомиться съ Павломъ и тутъ же уговорили его отправиться въ ихъ совершенно отдѣльное, особнякомъ стоящее помѣщеніе въ атаманскомъ саду. Приглашеніе молодыхъ моихъ однокашниковъ было сдѣлано такъ настойчиво и сердечно, что отказаться не было возможности. Въ густомъ саду, въ отдѣльномъ флигелѣ, о шести просторныхъ комнатахъ, любезные хозяева помѣстили насъ очень удобно.

— Вы, однако, и не думайте завтра объ отъѣздѣ, — заявили они.

— Послѣзавтра день рожденія отца, и, сверхъ того, въ этотъ же день все войско Донское чествуетъ празднествомъ его назначеніе наказнымъ атаманомъ. Поэтому уѣхать наканунѣ этого двойнаго торжества было бы непростительно обидно.

Не вполне предрѣшивъ вопроса объ отъѣздѣ нашемъ, мы усѣлись на широкой террасѣ флигеля, оплетенной вьющимися растеніями, и прилежно приступили къ оцѣнкѣ высокаго сорта вина изъ садовъ атаманскихъ. Ночь была теплая и тихая. Сквозь густую листву ближайшихъ въ саду деревьевъ луна бросала лучи, серебристымъ свѣтомъ обливая большой домъ наказнаго атамана.

Въ нѣсколькихъ шагахъ защелкалъ соловей, вдали ему отвѣтили десятки голосовъ, и раздалась дивная музыка пернатыхъ. Мы смолкли и обратились въ слухъ. По песчаной дорожкѣ, вблизи, слышались шаги, и между кустовъ по направленію къ террасѣ блеснулъ генераль-адъютантскій аксельбантъ.

— Пришелъ привѣтствовать дорогихъ гостей, — поднимаясь на ступени, сказалъ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, радушно пожимая намъ руки. — Съ тобою, Владиміръ, вѣдь мы сродни, а вотъ съ твоимъ родственникомъ я еще не знакомъ.

Занявъ между нами мѣсто, маститый атаманъ далъ намъ возможность вдоволь налюбоваться его наружностью. Въ дѣтствѣ своемъ я видалъ Михаила Григорьевича въ Москвѣ, потомъ встрѣтилъ разъ въ Петербургѣ, но близко не зналъ, а только слышалъ и очень много о всѣхъ доблестяхъ и душевныхъ качествахъ этого всѣми любимаго человѣка. Наружность его была донельзя привлекательна. Сѣдые, курчавые волосы и длинные усы, висящіе точь-въ-точь, какъ у Тараса Бульбы, придавали ему воинственный видъ, тогда какъ мягкіе, лазурно-голубые глаза обличали доброту и благодушіе. Довольно долго наслаждались мы обществомъ Михаила Григорьевича. Онъ много рассказывалъ самъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ наши рѣчи о Кавказѣ, причѣмъ сообщилъ, что и Николка его долженъ скоро ѣхать туда же, но что онъ озабоченъ задержкой его перевода изъ Виртембергскаго гусарскаго полка въ Сунженскій казачій, Слѣпцова. «Нельзя ли тебѣ, Владиміръ, узнать въ Петербургѣ причину замедленія высочайшаго приказа?» — замѣтилъ Михаилъ Григорьевичъ. Я съ великимъ удовольствіемъ взялся исполнить это и написать еще своимъ порядкомъ о справкѣ къ Дондукову. Отношенія старика къ сыновьямъ были самыя простыя, дружескія и на «ты», что по тогдашнему времени было въ рѣдкость. Далеко за полночь, пригласивъ насъ на слѣдующій день запросто къ себѣ обѣдать, Хомутовъ простился съ нами. На другой день, не успѣли мы еще одѣться, какъ въ сосѣдней комнатѣ слышались шумные голоса, и молодые хозяева ворвались къ намъ съ требованіемъ идти знакомиться съ ихъ друзьями, Иловайскимъ и Вольховскимъ. Оба они были природные донскіе казаки, «*pur sang*», но богатые и благовоспитанные. Первый извѣстенъ на Дону, какъ лучшій коннозаводчикъ, а второй, личный адъютантъ наказнаго атамана, какъ винодѣль, виночерпій и виноистребитель... Эти двое распорядителей завтрашняго праздника пріѣзжали пригласить насъ на балъ, даваемый войскомъ въ честь новаго атамана Хомутова (назначеннаго по кончинѣ Власова), и мы не сочли себя вправѣ отказать отъ этой чести. Послѣ обѣда, совершенно семейнаго, у Михаила Григорьевича, подѣхалъ къ флигелю шестерикомъ донской офицеръ и казначей всего войска Донскаго, Барабанчиковъ. Живая,

веселая и развязная эта личность съ первой же минуты очень мнѣ понравилась.

— Рекомендую вамъ, друзья мои, Барабанщикова, — сказалъ атаманъ, — онъ отличнѣйшій офицеръ, который, если бы вель свои собственныя финансовыя дѣла, какъ онъ ведетъ казенныя, то былъ бы несмѣтно богатъ, и наоборотъ, если бы онъ вздумалъ вести казенныя, какъ свои, то уже давнымъ давно былъ бы подъ судомъ.

Эта характеристика вполне точная. Втеченіе болѣе десяти лѣтъ, занимая должность казначея войска, онъ довелъ свою часть до совершенства; что же касается собственныхъ дѣлъ, то разстроилъ ихъ совершенно. И не мудрено. Прекрасная обстановка, отличные экипажи и лошади, лучшій въ городѣ столъ и въ довершеніе всегда разливное море вина, но какого? На Дону какого же, какъ не донскаго, — подумаетъ всякій. Нѣтъ, извините, свое мѣстное вино пить считалось *mauvais genre*: здѣсь употребляли одно шампанское. Говорять, въ Сибири тоже не пьютъ иного вина, какъ шампанское, Кликко и Редереръ, но вѣдь тамъ своего вина, мѣстнаго, нѣтъ никакого, а на Дону-то... слава тебѣ, Господи.

8-го іюня, во второмъ часу по полудни, обширныя залы атаманскаго дома стали наполняться толпою казаковъ всѣхъ чиновъ и положеній земли войска Донскаго, а ровно въ два часа засѣли не за столъ, а за столы, въ шести комнатахъ, болѣе трехъ сотъ человекъ праздновать новорожденнаго. Тутъ-то увидѣлъ я знакомыхъ мнѣ по наслышкѣ чудовищныхъ осетровъ. Каждаго изъ нихъ подавали два человека не на блюдахъ, а на длинныхъ, не менѣе трехъ аршинъ, доскахъ. Обѣдъ, не смотря на громадное число приглашенныхъ, былъ вкусный, обильный, но тянулся не особенно долго, не смотря на то, что тостамъ, кажется, не было счета. Общественный же праздникъ въ честь Михаила Григорьевича былъ устроенъ въ городскомъ саду вечеромъ, и ужинъ накрытъ въ обширныхъ оранжереяхъ. Прекрасная иллюминація, съ громаднымъ щитомъ на площадкѣ, была зажжена еще до прибытія атамана съ семействомъ. Всѣ участники праздника, мужчины и женщины, встрѣтили его у воротъ сада и сопровождали до павильона, роскошно убраннаго, гдѣ подавали чай, десертъ и фрукты. Затѣмъ группы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, училищъ и пріюта, стройно пропѣли хоромъ кантаты специально дорогому атаману. Хомутовъ былъ тронутъ до слезъ, да и вообще настроеніе всего общества выражало не официальное чествованіе начальника, но слияніе всего населенія, чтобы оказать сердечныя чувства и пожеланія маститому старцу. Въ ротондѣ между тѣмъ начались танцы.

Въ числѣ очень многихъ хорошенькихъ женщинъ выдавалась особенно одна красавица, затмившая собою всѣхъ остальныхъ, — графиня Орлова-Денисова, рожденная Шидловская. Она на время

пріѣхала изъ Москвы на Донъ съ мужемъ своимъ, адъютантомъ графа Закревскаго, и въ этотъ вечеръ очаровала всѣхъ своимъ изяществомъ, прекраснымъ ростомъ, граціей и плѣнительной красотой. Была еще одна очень миловидная и кокетливая барыня — жена инженера барона Врангеля. Мѣстныя же красавицы, казачки, имѣли свой исключительный типъ, но манерами и разговоромъ все же рѣзко отличались отъ аристократокъ великорусской расы. Когда я внимательно ихъ разсматривалъ, мнѣ невольно вспомнился рассказъ моей матери о давно минувшемъ эпизодѣ съ нею въ Новочеркасскѣ. Въ 1818 году семейства Киселевыхъ и князей Грузинскихъ ѣздили на кавказскія минеральныя воды и, возвращаясь оттуда, были на большомъ балѣ, данномъ донцами по случаю посѣщенія ихъ молодымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Мать моя, незадолго передъ тѣмъ пожалованная фрейлиной ея величества, танцевала французскую кадрили съ его императорскимъ высочествомъ, а *vis-à-vis* у нихъ кто-то изъ свиты великаго князя съ казачкой изъ мѣстной аристократіи. Въ залѣ было душно. Въ третьей фигурѣ эта дама, казачка, внезапно подпрыгнула къ матери и громко ей объявила: «пожалуйте мнѣ вашего платочка утереться, а то я ужаси какъ запрѣла!» и, не смотря на неудержимый смѣхъ владѣлицы платочка и ея кавалера, она кружевнымъ платкомъ обтерла обильный потъ съ лица и, возвративъ его по принадлежности, пустилась снова усердствовать въ плясахъ. Правда, прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, и у дамъ-казачекъ завелись носовые платки кружевные, ну, а, всетаки, еще нужно бы добавить европейскаго салоннаго лоску.

Наконецъ, только черезъ нѣсколько дней, распростившись съ теплыми ребятами-донцами, могли мы выѣхать изъ Новочеркаска.

Остальной путь прошелъ безъ задержки. Вотъ и Москва, Тверь и, наконецъ, Царское Село.

Отъ самой Грозной работала голова моя о минутѣ объясненія съ матерью... За двѣ недѣли до отъѣзда съ Кавказа я предупредилъ ее о моемъ пріѣздѣ въ отпускъ, косвенно давъ понять, что онъ, кромѣ счастья обнять ее, вызванъ еще и крайнею необходимостью личнаго съ нею свиданія. Конечно, отвѣта я еще получить тогда не могъ, и всю дорогу неотвязно преслѣдовала меня забота, какъ приступить и какъ устроить мои финансовыя дѣла, сведенныя, по счетамъ, къ крупной цифрѣ 9 тысячъ рублей долга. Теперь по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія, усиливались тоскливыя волненія, нерѣшительность, сомнѣнія.

— Гдѣ живетъ здѣсь на дачѣ генеральша Полторацкая?

Указываютъ, ѣдемъ, и тройка останавливается у подъѣзда одноэтажнаго, довольно большаго дома. Въ двухъ крайнихъ окнахъ виденъ свѣтъ, въ остальныхъ темно.

— Не звони, Иванъ, съ крыльца, а постучи во дворъ.

— Дома?

— Дома.

— Легли почивать?

— Нѣтъ, еще только собираются, — отвѣчаетъ какая-то невидимка въ темнотѣ.

Открыли входныя двери, я сбросилъ шинель и тихонько прошелъ до спальной матери.

— Кто тамъ?—слышу ея голосъ.

Вхожу и тискаю въ объятіяхъ удивленную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень обрадованную мать мою. Пять минутъ спустя, въ уютной комнатѣ сестеръ, вскочившихъ уже съ постели, обѣ онѣ, мать и я усѣлись за столомъ. Ольга не перемѣнилась, Софья очень похорошѣла, а мать постарѣла. Сѣдые волосы стали замѣтно пробиваться на вискахъ, отчасти впали и глаза. Узнавъ отъ меня, что я не ужиналъ и голоденъ, Оляша распорядилась, чтобы подали мнѣ водки, сыру, вина. Скоро передо мною явился подносъ: на немъ стоялъ знакомый мнѣ съ дѣтства граненый графинъ съ французскою водкой, бутылка хереса, масло, сыръ, langue fougée и проч. Пока я съ жадностью наливалъ себѣ рюмку водки, мать и сестры пристально меня разглядывали, высказывая каждая вслухъ замѣчаніе: «похудѣлъ», «потолстѣлъ», «возмужалъ», даже «похорошѣлъ». Я выпилъ вторую и третью рюмку, разспрашивая ихъ о братьяхъ, объ ихъ житіѣ-бытѣ, о болванчикахъ-ухаживателяхъ за ними. Сестры, смѣясь, отвѣчали мнѣ, а мать внимательно мѣрила меня съ головы до ногъ, какъ будто чего-то ожидая. Покончивъ весь графинъ съ водкой, я налилъ себѣ стаканъ хереса. Сестры, при видѣ этой крупной порціи, посмотрѣли на меня изумленными глазами, а я, залпомъ проглотивъ ее и встрѣтивъ любопытный, вопрошающій взглядъ матери, мысленно порѣшилъ, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе, что во взглядѣ матери я прочелъ нетерпѣніе услышать объясненіе моего пріѣзда. Она на минуту вышла распорядиться, какую для меня приготовить комнату, и ея отсутствіемъ воспользовалась Ольга, чтобы шепнуть мнѣ, что «тамап очень интересуется тайная причина, о которой ты упоминаешь въ письмѣ своемъ». Вернулась мать, сѣла около меня близко, оставила на меня влажные глаза и видимо ожидала моего признанія. Я налилъ себѣ еще стаканъ. Хмель не бралъ меня, но храбрости прибавлялось. Наконецъ, мать не выдержала, она нѣжно обняла меня и, нагнувшись къ моему лицу, въ полголоса спросила:

— Ты влюбленъ? Хочешь жениться? на комъ?

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ, мамаша, совсѣмъ, совсѣмъ не то. Вы не отгадали!

— Что же, что такое, Володя, скажи мнѣ, ради Бога?—нетерпѣливо, но мягкимъ, успокоительнымъ голосомъ спросила она.

— Долги, мамаша!—вздохнувъ, проговорилъ я.
 — Сколько ихъ?—поспѣшила узнать мать.
 — Сколько? — повторилъ я вопросъ ея и тутъ же, опрокинувъ въ себя вино, хватилъ:—тридцать тысячъ!
 — Неужели 30 тысячъ?—испуганно вскричала она.
 — Успокойтесь, мамаша, 30 тысячъ, но ассигнаціями,—поспѣшилъ я объяснить.

— Ну, слава Богу, слава Богу! — восторженно обнимая меня, нѣсколько разъ повторила добрѣйшая мать.

Давно такъ сладко, такъ спокойно не засыпалъ я, какъ въ ту благодатную ночь, подкрѣпленный торжественнымъ обѣщаніемъ матери устроить всѣ дѣла мои.

Дни въ Царскомъ потекли среди родной семьи, безъ горя, печали и «долговъ», оживленные подъ конецъ еще прїѣздомъ обоихъ братьевъ-пажей изъ лагеря. Мать, глядя на насъ, по нѣсколько разъ принималась плакать, причемъ, однако, предупреждала, чтобы мы не беспокоились, такъ какъ это слезы радости и счастья видѣть всѣхъ дѣтей вмѣстѣ. Въ силу сего объясненія мы не тревожились, и даже ни одинъ изъ насъ пятерыхъ (надо полагать, по черствости сердечной) не приходилъ въ должное умиленіе. Къ тому же въ эти дни какъ-то рельефнѣе бросалось въ глаза, что, при всемъ избыткѣ удовлетворенной нѣжности матери ко всѣмъ дѣтямъ, взоры ея, какъ бы случайно, но постоянно останавливались на одномъ Алексѣѣ. Удивительно магическое дѣйствіе производили на счастливую мать новые камеръ-пажескіе галуны на фалдахъ Алеши.

— Счастливецъ ты, Алексѣй, вѣдь теперь на золотѣ сидѣть будешь!—не выдержалъ я сострить надъ нимъ.

Сестры и Дмитрій разсмѣялись, а онъ осерчалъ. Это напомнило анекдотъ нашего баталіоннаго адъютанта (Романовскаго) съ полковымъ казначеемъ Пелипейкомъ, который я тутъ же и рассказалъ. Адъютантъ не отличался силою нервовъ своихъ подъ вражескими пулями и, отыскавъ два раза уже укромный отъ нихъ прїютъ, во время дѣла, подъ повозкой, въ концѣ концовъ сталъ усердно, но тщательно искать выгодной перемѣны службы, изъ строя въ болѣе покойную и безопасную обстановку. Разъ какъ-то онъ назойливо присталъ къ казначею доставить ему желаемое мѣсто, хотя не большое, но денежное. «Извольте!—не задумываясь, отвѣтилъ Пелипейко:—на козлахъ, рядомъ съ фурштатомъ, на казенномъ ящикѣ: мѣстечко небольшое, но денежное!».

Анекдотъ мой вызвалъ общій смѣхъ, не исключая и Алексѣя. Не смотря, однако, на все оживленіе, наши интересы, то-есть мой и окружающихъ, такъ мало имѣли общаго, что я уже сталъ подумывать объ отъѣздѣ въ Вельможье, мое милое, родное Вельможье, куда манила меня охота и деревенскій просторъ. Вечера, балы, ка-

валькады—все это прискучило мнѣ. Любезное приглашеніе на балъ къ графинѣ Влудовой я съ наслажденіемъ промѣнялъ бы на одно поле въ Кузавковскихъ рощахъ безъ оркестра музыки, а съ хоромъ доморощенныхъ кричалъ... Балъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ баловъ большаго свѣта. Было тѣсно, душно и очень скучно. Къ тому же и мать моя была разстроена извѣстіемъ, тутъ же ей сообщеннымъ, о кончинѣ Елены Николаевны Львовой, матери Леонида. Какая злая судьба всего этого семейства! Леонидъ Николаевичъ и Елена Николаевна Львовы, еще очень не старые люди, имѣли тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ въ своемъ родовомъ Никольскомъ они похоронили девятерыхъ, преждевременно погибшихъ отъ наслѣдственной чахотки. Предположивъ, что главной причиной былъ суровый климатъ Тверской губерніи, отецъ и мать рѣшились, наконецъ, переселиться съ остальными дѣтьми своими на югъ Франціи. Прошло всего три года, и въ Петербургъ вернулась мать съ однимъ сыномъ Леонидомъ, да и она недолго протянула.

Бдучи изъ Царскаго Села въ Вельможье, я заѣхалъ по дорогѣ къ Леониду въ Никольское. Картины на стѣнахъ, мебель у камина, мольбертъ въ углу, а особенно подъ стекломъ восковыя фигуры, артистической работы, талантливаго художника-женщины, Елены Николаевны,—все, все до малѣйшей вещицы въ сольшомъ и своеобразномъ домѣ переносило меня въ тотъ отраднѣйшій періодъ дѣтства, когда мы, въ курточкахъ, бѣгали, шумѣли и возились здѣсь съ Леонидомъ.

Въ Вельможѣ время прошло въ непрерывной охотѣ; я хотѣлъ вдоволь насладиться любимою страстью въ послѣдніе дни отпуска. Спутникомъ моимъ и горячимъ приверженцемъ оказался новый мой слуга Вавила, котораго я бралъ съ собою на Кавказъ вмѣсто Ивана Ильина. Вавила былъ мой сверстникъ и вѣрный сотоварищъ дѣтства. Онъ мальчишкой еще былъ проворнымъ и разбитнымъ поваренкомъ на кухнѣ, на охотѣ—выжлятникомъ, на рыбной ловлѣ съ удочкой—рыболовомъ.

4-го октября мы двинулись на гибельный Кавказъ; холода хватили рано, и Волгу намъ пришлось переѣхать по льду, но близъ Ставрополя о зимнемъ пути не было и помина. Чудная осенняя погода вступила въ права свои. Тихіе безоблачные дни, съ легкими морозцами по ночамъ и сильнымъ солнцепекомъ въ полдень, приводили насъ въ недоумѣніе; пришлось снять шубы и облечься въ кителя. По пути много слышали мы о разныхъ приключеніяхъ во время проѣзда, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, наслѣдника русскаго престола Александра Николаевича. Между Ставрополемъ и ст. Московскою, на протяженіи 30 верстъ, провожали государя наслѣдника линейные казаки въ составѣ двухъ полковъ и двухъ конныхъ батарей, не отстававшихъ на карьерѣ

отъ экипажа его высочества. На всемъ пути этомъ казаки джигитовали, изумляя августѣйшаго своего атамана ловкимъ, смѣлымъ, даже отчаяннымъ наѣздничествомъ. Одинъ казакъ стремглавъ промчался мимо самой коляски цесаревича, другой же, нагоняя его, на всемъ скаку заряжалъ винтовку, но, второпяхъ, не успѣвъ выдернуть изъ ствола шомпола, выстрѣлилъ по переднему и пронизалъ шомполомъ ему насквозь черезъ спину грудь. Пораженный этимъ несчастнымъ случаемъ, наслѣдникъ цесаревичъ остановилъ весь поѣздъ, выскочилъ изъ экипажа и, потребовавъ лейбъ-хирурга своего Енохина, оказалъ пострадавшему самое милостивое участіе. Но помимо подобныхъ невеселыхъ эпизодовъ, были и забавные. Такой одинъ случай, напримѣръ, произошелъ на станціи Солдатской, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ его высочества. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ по Кавказу государя наслѣдника цесаревича, находился, конечно, и командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генералъ-отъ-кавалеріи Николай Степановичъ Завадовскій. Послѣ обѣденнаго стола, по принятому порядку, слѣдомъ за его высочествомъ, черезъ каждыя пять минутъ, отправлялись экипажи со свитой и лицами, ему сопутствующими. Послѣ князя Михаила Семеновича Воронцова, къ подѣзду станціи подали карету Завадовскаго. Лакей его бросился что-то уложить и хлопнулъ дверцей кареты, а разиня-ямщикъ, вообразивъ себѣ, что генералъ уже сѣлъ, съ мѣста погналъ лошадей во всю прыть. На неистовые крики ямщику остановиться, имъ, однако, не разслышанные, вышелъ на крыльцо Завадовскій и въ безпомощномъ положеніи развелъ руками: «Во, кажу візъ мій ухавъ!». Такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ вѣреннаго ему края, Завадовскій никоимъ образомъ не могъ нагнать и откланяться его высочеству. Слышалъ я также отъ очевидцевъ о стычкѣ на Гехи колонны, сопровождавшей наслѣдника, съ неприятельской партіей. Вотъ какъ объ этомъ рассказываютъ. Въ свитѣ государя наслѣдника, помимо разныхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства и лейбъ-медика, находились три адъютанта его высочества: графъ Александръ Адлербергъ, графъ Жозефъ Ламбертъ и князь Борисъ Голицынъ (морякъ); кромѣ того, при его особѣ, на время объѣзда Кавказа, назначенъ былъ состоять свиты его величества генералъ-майоръ, князь А. И. Барятинскій. За нѣсколько дней до пріѣзда на Кавказъ августѣйшаго гостя въ горахъ уже стало извѣстно о его посѣщеніи, и потому тонкій политикъ Шамиль издалъ повелѣніе по всѣмъ подвластнымъ ему племенамъ, чтобы «нигдѣ на пути высокаго путешественника никто не смѣлъ предпринимать противъ священной особы наслѣдника престола могущественнаго Бѣлаго царя не только враждебныхъ какихъ либо дѣйствій, но даже изъ любопытства не дерзать показываться на его свѣтлыя очи».

Говорятъ, что при извѣстіи объ этой прокламаціи имама госу-

дарь цесаревич упаль духомъ, такъ какъ она лишала его всякой надежды оказать военное отличіе на Кавказѣ, куда его высочество уже стремился и прежде, но особенно когда августѣйшій братъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, удостоился за Венгерскую кампанію Георгіевскаго креста. Разочарованіе государь наслѣдникъ всецѣло испыталъ при первыхъ же шагахъ на Лабинской линіи, гдѣ Магометъ-Аминъ, не признающій на правомъ флангѣ нашей линіи верховной власти Шамиля, возмѣнилъ дерзкое намѣреніе встрѣтить поѣздъ государя цесаревича открытою силой. Но главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Воронцовъ былъ предупрежденъ объ этомъ начальникомъ Кубанской линіи, генераломъ Евдокимовымъ, и, услѣвъ измѣнить маршрутъ слѣдованія его высочества, немедленно донесъ о томъ государю императору. Очевидцы говорятъ, что отчаянію государя наслѣдника, когда онъ узналъ о внезапно сдѣланномъ измѣненіи пути, не было предѣловъ. Но помочь горю не было средствъ, такъ какъ фельдъегерь еще ночью ускакалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ Воронцова.

Затѣмъ, благополучно совершивъ путешествіе по Черноморской береговой линіи и посѣтивъ всѣ приморскія укрѣпленія до Поти, его императорское высочество прибылъ въ Тифлисъ, а оттуда прослѣдовалъ по Лезгинской линіи въ Южный и Сѣверный Дагестанъ, въ Кумыкскую плоскость и на лѣвый флангъ Кавказской линіи, пожаловалъ наконецъ къ намъ, въ Воздвиженское. Переночевавъ здѣсь, на другой день съ утра великокняжескій поѣздъ тронулся отсюда съ подобающею торжественностью. Временно занявъ гарнизонъ Урусъ-Мартана линейными ротами, всѣ пять батальоновъ Егерскаго князя Воронцова полка, стянутые наканунѣ въ штабъ для шествія съ государемъ наслѣдникомъ до р. Валерика, выступили изъ Воздвиженскаго въ парадной формѣ съ развернутыми знаменами. Колонна двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди гарцовали наѣздки изъ мирныхъ чеченцевъ обоихъ нашихъ ауловъ, Атага и Чахъ-Кери, съ Арцу и Али-бекомъ во главѣ. За ними шла конвойная сотня главнокомандующаго, подъ начальствомъ Мансурадъе (роднаго брата Ивана Давыдовича), а на недалекомъ отъ нея интервалѣ Гребенской казачій полкъ съ барономъ Розеномъ. Въ авангардѣ пѣхотной колонны 1-й и 2-й батальоны Воронцовцевъ, съ полевой батареей, всѣ экипажи поѣзда и за ними три остальные батальона нашего полка.

Самъ государь цесаревичъ верхомъ со всею свитою своей и главнокомандующаго слѣдовалъ за гребенцами, тогда какъ князь Михаилъ Семеновичъ, по приглашенію его высочества, ѣхалъ въ экипажѣ. Стройно и весело двигался отрядъ съ музыкой и двадцатью хорами пѣсенниковъ. Миновали съ краткимъ приваломъ Урусъ-Мартанъ, перешли р. Гехи и вытянулись по полянѣ къ Валерику, на берегу котораго уже другой колоннѣ предстояла честь

сопровождать цесаревича... Вдругъ передовые милиціонеры замѣтили вѣвво отъ дороги немирныхъ чеченцевъ и, сообразивъ возможность отрѣзать непріятеля по близъ лежащей глубокой балкѣ, отдѣлились отъ передовой линіи и незамѣтно отъ взоровъ вражскихъ скрылись на дно оврага. Вскорѣ вслѣдъ за ними помчался съ конвойными и Мансурадѣе. Кто-то изъ свиты его высочества, замѣтивъ движеніе въ авангардной кавалеріи и взглянувъ по направленію скачущихъ, крикнулъ: «партія!». Услышавъ магическое и такъ давно и пламенно желаемое извѣстіе, государь наслѣдникъ, въ порывѣ необузданной отваги и мужества, не давъ себѣ ни малѣйшаго отчета о возможной численности партіи и той опасности, которой подвергается наравнѣ со всѣми смертными, далъ плетъ коню и вихремъ понесся прямо на непріятеля. Вся многочисленная свита, конечно, бросилась за нимъ. Дондуковъ же поскакалъ къ главнокомандующему. Князь Михаилъ Семеновичъ, утомленный усиленнымъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ путешествіемъ по всему Кавказу и пригрѣтый въ эту минуту теплыми лучами осенняго солнышка, сладко дремалъ въ своей коляскѣ, когда внезапно надъ ухомъ раздался голосъ его адъютанта: «Ваша свѣтлость, партія и государь наслѣдникъ тамъ». Съ просонья и перепугу за опасность драгоцѣнной жизни, князь Воронцовъ, какъ помѣшанный, выпрыгнувъ изъ экипажа и, съ быстротою юноши вскочивъ на свою лошадь, стремглавъ пустился въ догоню. Но было уже поздно: непріятель былъ прогнанъ черезъ лѣсъ къ Чернымъ Горамъ, а немного спустя цесаревичъ съ сіяющимъ лицомъ и съ трофеями у ногъ поздравилъ его свѣтлость съ побѣдой. Князь тутъ же на полѣ битвы роздалъ двѣнадцать знаковъ военнаго ордена отличившимся милиціонерамъ и конвойнымъ, а ихъ командиру Мансурадѣе на вѣсилъ орденъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, который Дондуковъ, отстегнувъ съ груди своей, поспѣшилъ представить къ услугамъ.

За обѣдомъ въ тотъ же день во Владикавказѣ князь, на основаніи высочайше дарованнаго ему права, возложилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ на адъютантовъ его высочества, графовъ Адлерберга и Ламберта, а князю Голицыну золотое оружіе съ надписью «за храбрость», и въ ту же ночь отправилъ къ его величеству въ Петербургъ фельдъегеря съ донесеніемъ и представленіемъ ходатайства о возложеніи на его императорское высочество ордена св. Георгія 4-й степени, такъ славно имъ заслуженнаго.

Во время моихъ поѣздокъ въ Грозную, я послѣднее время часто сталъ бывать у подполковника генеральнаго штаба и оберъ-квартирмейстера 20-й пѣхотной дивизіи нашей, Милентія Яковлевича Ольшевскаго, очень добраго и гостепріимнаго человѣка.

У него я познакомился съ оригинальнѣйшей личностью, родившейся и жившей сначала на Дону, а потомъ совершенно окавказившейся, — съ Яковомъ Петровичемъ Баклановымъ. Командуя здѣсь съ 1845 года полкомъ на Кутаисской плоскости и отстоявъ съ нимъ срочные три года, Баклановъ имѣлъ возможность вернуться на Донъ на льготу, но вышло иначе. Барятинскій былъ уже тогда начальникомъ войскъ на Кумыкской плоскости (въ 1848 г.) и, одѣнивъ боевые достоинства Якова Петровича, предложилъ ему остаться у него подъ начальствомъ со вновь пришедшимъ съ Дона полкомъ. «Гаврилычи», подъ руководствомъ принявшаго ихъ полкъ лихаго командира, быстро образовались и черезъ полгода уже стали страшилищами чеченскихъ партій. Наружность полковника наводила страхъ и ужасъ на всѣ окрестныя селенія, гдѣ имя его сдѣлалось пугаломъ дѣтей и взрослыхъ. 13^{1/2} вершковъ роста, косая сажень въ плечахъ, рожа — не приведи Богъ! — съ длиннѣйшими усами и бородой, вся рябая, темно-фіолетоваго колера. Ни къ кому такъ не примѣнима поговорка, «что чортъ въ свайку игралъ», какъ къ фізіономіи этого чудо-богатыря съ тихаго Дона. Отличный ѣздокъ, на росломъ и лихомъ конѣ, съ дорогимъ оружіемъ на себѣ и громаднѣйшимъ значкомъ за собою, онъ дѣйствительно всею обстановкою рѣзко отличался отъ всѣхъ прочихъ. Популяренъ былъ на всемъ лѣвомъ флангѣ значекъ Бакланова, необыкновеннаго размѣра, въ родѣ простыни, чернаго цвѣта, съ бѣлымъ черепомъ по срединѣ и накрестъ сложенными костями внизу, а кругомъ съ бѣлою же крупными буквами надписью: «Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, аминь!». Гдѣ бы непріятель ни узрѣлъ это страшное знаменіе, высоко развѣвающееся въ рукахъ великана-донца, какъ тѣнь слѣдящаго за своимъ командиромъ, — тамъ же являлась и чудовищная образина Бакланова, а нераздѣльно съ нею неизбѣжное поражение и смерть всякому попавшему на пути шайтанъ-Баклана.

Въ частной жизни Яковъ Петровичъ былъ отличный товарищъ, неглупый собутыльникъ и страстный любитель перекинуться въ азартную. Отъ природы очень смѣтливый и тонкій, онъ не прочь былъ прикинуться простакомъ и иногда удивить своею необтесанностью, плебейскою грубостью...

Вечеръ у Ольшевскаго, какъ и всѣ наши вечера, начался чаемъ и коммерческой игрой, затѣмъ закуской и ужиномъ, а кончился генеральнымъ боемъ въ штось. За ужиномъ всѣ гости развязно бесѣдовали, когда, коснувшись воспоминаній о временахъ давно прошедшихъ, Баклановъ неожиданно предложилъ рассказать любопытный эпизодъ изъ своей молодости. Разумѣется, всѣ съ удовольствіемъ согласились, и онъ началъ:

— Лѣтъ тому 25, или больше, я былъ, господа, не чета теперешней молодежи, слабой, хилой, тщедушной. Тогда я былъ здо-

ровъ и очень силенъ. (На это вступленіе многіе изъ насъ поспѣшили заявить, что никто въ этомъ не сомнѣвается, судя по настоящему виду рассказчика). Когда я былъ ужъ сотникомъ, лѣтъ 26—27 отъ роду, меня, трахъ! перевели изъ 17-го въ 21-й полкъ, штабъ котораго расположенъ былъ тогда отъ Черкаска, внизъ по Дону, верстъ за двѣсти, въ станицѣ. Нежданно, негадано перебираться въ чужое гнѣздо не весело, да о томъ вѣдь на службѣ царской не спрашиваютъ,—дѣлать нечего, собралъ пожитки, почестъ, что и всѣ-то въ двухъ торбахъ, засѣдлалъ коней и съ драбантомъ своимъ маршъ въ походъ, на новое пепелище. Приѣхалъ въ полкъ, какъ слѣдуетъ, явился къ командиру, ко всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Грѣховъ за мною никакихъ не водилось, а вижу, что господа товарищи мои что-то на меня косятся и сердцемъ ко мнѣ не лежатъ. Что за притча?—думаю я про себя. Сталъ смекать и узнавать,—анъ штука-то простая: многимъ я по чину на голову сѣлъ, и по старшинству приходится мнѣ дать сотню, а тогда сотня-то нашего брата кормила и поила. Ну, ладно! Проходитъ день, другой и третій, заходятъ ко мнѣ двое офицеровъ, оба съ зовомъ къ нимъ завтра на вечеринку. «Спасибо, господа честные, отъявлюсь без-премѣнно»,—отвѣчаю имъ. Зовъ этотъ самый нисколько не удивилъ меня, такъ какъ онъ былъ въ порядкахъ. Отъ скуки въ станицѣ частенько собирались погулять въ компаніи, а я вѣдь всѣмъ имъ представился по чести, почему-жъ было и не пригласить меня?.. Вотъ-съ на утро лежу это себѣ на койкѣ, вальяжно тяну люльку, вдругъ драбантъ мой Фокинъ и говоритъ мнѣ:

— А что, ваше благородіе, васъ сегодня звали на вечеринку къ офицерамъ?

— Звали,—отвѣчаю ему.

— А вы, ваше благородіе, не ходите туда, ни, ни!

— Какъ не ходить, такой-сякой, почему не ходить?—удивился я.

— А потому, что тамъ будутъ очень многіе господа...

— Ну, такъ что-жъ? Чертъ тебя возьми, дурачина!—вспылилъ я, не умѣя приложить разума, куда драбантъ клонить глупую рѣчь свою.

— А то изъ этого выйдетъ, что ваше благородіе тамъ убить замыслили.

— Какъ убить?—заревѣлъ я, соскочивъ съ постели.

— Да такъ-таки убить ваше благородіе, это все я заподлинно провѣдалъ,—и тутъ же Фокинъ и скажи, черезъ кого и какъ онъ всю махинацію ту пронюхалъ...

— Ну, думаю себѣ, убить—это шалишь! Благо упредилъ меня драбантъ, теперъ я къ вамъ, ребята, пойду нарочито, но еще поглядимъ, чья возьметъ. По истинѣ сказать вамъ, господа, въ ту пору я не струсилъ,—крѣпко ужъ на свою силу надѣялся, а, все-таки, опасался какой измѣны. Подумалъ, подумалъ, все обсудилъ

въ мысляхъ, какъ слѣдуетъ; кровь молодая стучить, зло беретъ, вотъ, кажись, на рожонъ одинъ-одинёхонекъ полѣзть готовъ, жду вечера—не дождусь.

— Смерклось, зажгли огни, пошелъ я къ звавшимъ меня офицерамъ, они на одной квартирѣ стояли. Вхожу въ первую горницу, общество большое, не менѣе 15, 20 человекъ. Здравуются ничего, ласково. Окинулъ я всѣхъ взоромъ. Дай, молъ, думаю, примоститься половчѣе, и забрался это я въ самый что ни на есть уголъ въ хатѣ и занялъ позицію тамъ отличную—всѣхъ-то вижу, какъ на ладони, а тылъ мой, дескать, укрытъ стѣною. Ладно, ребята, теперь—что-то далѣе! Попойка пошла изрядная. Сначала въ ходу была матушка россійская, а тамъ налегли на родное, и на цимлянское, и на всякое прочее, вволю! Всѣ это пьютъ, всѣ хмелѣютъ, а я себѣ на умѣ, на видъ отъ другихъ не отстаю, а на дѣлѣ-то ихъ надуваю—вино лью не въ глотку, а за воротъ рубашки. Прошло времени не мало, иныхъ ужъ стало разбирать; шумъ, пѣсни и крики въ горницѣ, хоть бѣги вонъ. Смотрю, сходиться стали по кучкамъ, перешептываться, другъ другу знаки подавать. Эге, скоро, молъ, поведутъ атаку, а самъ виду не подаю и сижу себѣ въ уголку смиренхонько. Вдругъ, господа, шумъ смолкъ, все затихло, и ко мнѣ подходитъ хозяинъ. Глаза у него огнемъ горятъ, а рожа свирѣпѣющая. Подступилъ это онъ ко мнѣ близко, развернулся, да какъ треснетъ меня въ лѣвую щеку... ажъ искры изъ глазъ посыпались. Сильно ударилъ. А я не встаю, только промолвилъ: «Вася, не дури! Брось шалости». Онъ же, прохвость, какъ будто не слышалъ, да опять баць, пуще прежняго, и ударъ въ правое ухо... (Здѣсь нашъ полковникъ вскочилъ изъ-за стола и сталъ въ лицахъ представлять намъ дальнѣйшую драму). Боль—болью, господа, ну, да и афронтъ изрядный! Я осерчалъ, сжалъ кулакъ и ткнулъ его; ловко таки угораздилъ—навзничъ повалился онъ, какъ снопъ, съ переломленной челюстью. А тутъ, смотрю, двое уже пруть на меня, въ уголъ. Дремать некогда! Засучилъ рукава чекменя, захватилъ,—и сподручно же пришлось,—каждаго изъ нихъ за шиворотъ, покрутилъ обоихъ на воздухъ, развелъ по сторонамъ, да какъ стукнулъ рылами одного въ другаго, — за-мертво такъ и откинулъ ихъ въ уголъ. Не угомонились еще остальные, да и самъ я, покаюсь, пришелъ тогда въ азартъ. Какъ пятеро гурьбою стали насѣдать на меня, я схватилъ столъ, съ налета шарахнулъ имъ по головамъ, да какъ пустилъ въ ходъ кулаки свои подъ микитки, — черезъ минуту и этихъ угомонилъ разбойниковъ.

— Ну, господа (нѣсколько переведа духъ, продолжалъ разгорячившійся при одномъ воспоминаніи о славномъ боѣ богатырь-Бакланъ), вѣрьте мнѣ или лгуномъ прозовите, но Богомъ клянусь, что и десяти минутъ не прошло, какъ я всѣхъ ихъ уложилъ на

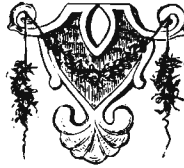
поль хаты съ перебитыми мордами, выбитыми зубами и измятыми боками, а ихъ до 20 человѣкъ было! Не сойди я сейчасъ съ мѣста и будь распроклятъ я со всѣмъ моимъ родомъ, если я что прихвастнулъ вамъ!

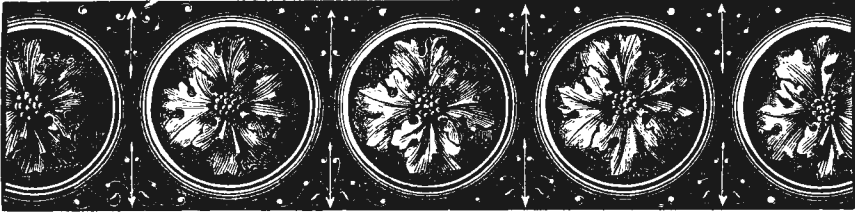
— Чѣмъ же разыгралось побоище это, Яковъ Петровичъ?—полюбопытствовали мы.

— А что-жъ? Очень всѣ уважать стали и друзьями жили, и посейчасъ еще живу съ иными,—самымъ естественнымъ тономъ покончилъ рассказъ Баклановъ, весело напомнивъ при этомъ хозяину, «что заря денежку даетъ, и пора давно метать Качаловскій».

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЫЯ ВСТРѢЧИ.

I.

Литературные дебюты.

ИШПЯЯСЪ напечатать воспоминанія о былыхъ моихъ встрѣчахъ, я поставленъ въ необходимость прежде всего сказать нѣсколько словъ о себѣ; дѣлаю это не потому, чтобы претендовать на какое либо значеніе въ общественной или литературной моей дѣятельности—значеніе это было мимолетно, непродолжительно и безслѣдно, но потому, что, ничего не сочиняя, а черпая матеріалъ изъ памяти и частью изъ сохранившихся, въ видѣ дневника, замѣтокъ, я не могу отдѣлить свою личность отъ описываемыхъ событій по стольку, по скольку эти событія къ ней соприкасались.

Первый разъ я пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 1861 года, изъ Кіева... Какъ это легко сказать теперь: пріѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ изъ Кіева въ Петербургъ нужно было ѣхать въ почтовомъ дилижансѣ по бѣлорусскому тракту, день и ночь, шесть сутокъ. Тридцать лѣтъ назадъ молодому кіевлянину жутко становилось при одной мысли поѣхать въ Петербургъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я прежде всего устремился туда, гдѣ былъ главный центръ моего тяготѣнія къ столицѣ, побѣдившій всѣ, казалось, неодолимыя препятствія къ покинутію роднаго гнѣзда съ его незамѣнимыми очарованіями. Началъ я т юмористическаго

журнала «Гудокъ». Стихотворенія мои были приняты, я получилъ и приличный гонораръ и приглашеніе сотрудничать; затѣмъ я сталъ писать въ «Русскомъ Мирѣ» А. С. Героглифова и въ «Сѣверной Пчелѣ» П. С. Усова. Такимъ образомъ, я попалъ въ завѣтную колею и приобщился къ литературному міру.

Въ самое короткое время я сошелся съ маленькимъ кружкомъ новыхъ знакомыхъ, преимущественно молодежи, которые очень заинтересовались оригинальностью юнаго провинціала. Во-первыхъ, я былъ очень религіозенъ, во-вторыхъ, непомѣрно застѣнчивъ, а главное—идеалистъ отъ головы до пятокъ и ко всему этому до наивности искрененъ. Благодаря этимъ качествамъ, я представлялъ своей особой немалый интересъ новизны для новыхъ моихъ пріятелей. Большинство ихъ находили всѣ исчисленныя качества большими во мнѣ недостатками. «Это такой хрупкій багажъ,—говорили они,—что надо удивляться, какъ тебя папенька и маменька рѣшились отпустить съ нимъ въ такой далекій путь, да еще въ Петербургъ».

Кромѣ юмористическихъ сочиненій и фельетонныхъ работъ, я задумалъ было писать фізіологическіе очерки подъ названіемъ «Петербургскіе полуночники». Прочитавъ своимъ пріятелямъ первую главу этихъ очерковъ, я былъ польщенъ ихъ похвальнымъ отзывомъ о моей работѣ. «Это очень замѣчательно и талантливо; это стихи въ прозѣ,—говорили мои критики, — а все же для теперешняго времени, кажется, вѣсколько идеально. Тебѣ непременно нужно заручиться совѣтами нашихъ корифеевъ, Добролюбова и Чернышевскаго; ты непременно долженъ явиться къ нимъ съ поклономъ и просить ихъ руководства».

Настоянія были такъ сильны, что я, поборовъ свою робость, отправился къ Добролюбову. У меня гора съ плечъ свалилась, когда прислуга Добролюбова объявила мнѣ, что Николай Александровичъ боленъ и никого не принимаетъ; когда я звонилъ къ нему, у меня руки дрожали отъ страха, что вотъ-вотъ я сейчасъ предстану предъ современнымъ свѣтиломъ. И что я стану говорить ему? какими глазами измѣритъ онъ мою фигуру, когда я буду говорить ему о своихъ полуночникахъ. Но давнее пріятелямъ слово нужно было сдержать. Отъ Добролюбова я отправился къ Чернышевскому; онъ жилъ на Владимірской улицѣ въ церковномъ домѣ. Не успѣлъ я переступить порогъ передней, какъ меня встрѣтила молодая, стройная особа.

— Что вамъ угодно?—спросила она, съ любопытствомъ оглядывая мою фигуру.

— Я хотѣлъ видѣть Николая Гавриловича,—робко отвѣчалъ я.

— Онъ теперь занятъ и принимаетъ только по средамъ. Что это у васъ?—спросила она, глядя на дрожавшую въ моихъ рукахъ тетрадку.

— Это... мое сочиненіе... Я хотѣлъ спросить совѣта... — отвѣчалъ я, окончательно сконфуженный.

— Вы, должно быть, изъ начинающихъ?

— Такъ точно, — произнесъ я совершенно упавшимъ голосомъ.

Нужно полагать, видъ мой былъ очень жалокъ и тронулъ разговаривавшую со мной особу.

— Пожалуйте сюда, — сказала она, направляясь изъ передней въ комнату направо; я поспѣшилъ снять шубу и пошелъ вслѣдъ за моей собесѣдницей.

— Какъ ваша фамилія?.. Присядьте.

Я назвалъ свою фамилію.

— А я жена Николая Гавриловича, Ольга Сократовна; очень рада познакомиться. Вы оставьте здѣсь ваши бумаги; я передамъ ихъ мужу; онъ очень занятъ; у него всѣ минуты рассчитаны; теперь его нельзя отрывать отъ работы, а вотъ заходите въ среду, послѣ двѣнадцати; онъ до того времени прочтетъ вашу рукопись, и вы тогда можете нѣсколько минутъ поговорить съ нимъ. А теперь не хотите ли чашку кофе?

Я поблагодарилъ за любезность милую хозяйку и, поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ на общія темы, откланялся, оставивъ у нея свою рукопись.

Съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я четыре дня этой среды. Мнѣ казалось, что въ этотъ день окончательно рѣшится судьба моя — быть мнѣ, или не быть литераторомъ, а пріятели не переставали потѣшаться надъ моею робостью, и въ знакомствѣ моемъ съ женой знаменитаго публициста и ея ласковымъ со мной обращеніемъ видѣли почему-то залогъ несомнѣннаго моего успѣха въ литературномъ дѣлѣ.

Но вотъ наступила и завѣтная среда. На этотъ разъ я позволилъ съ меньшей робостью; дверь открыла горничная, спросила мою фамилію и попросила пожаловать въ знакомую уже мнѣ комнату. Не успѣлъ я подойти къ зеркалу, чтобы увѣриться, достаточно ли мужественно выраженіе моей физиономіи, какъ ко мнѣ подошелъ средняго роста, худой, желтый мужчина, съ длинными прямыми волосами, въ сѣромъ суконномъ халатѣ, съ большимъ шерстянымъ платкомъ на шеѣ.

— Очень радъ познакомиться съ вами, — сказалъ онъ, протягивая костлявую, въ горячей испаринѣ, руку. — Я читалъ вашу рукопись; талантъ есть, пишете, только лимфы, лимфы поменьше... Затѣмъ у васъ сильная замашка живописатьъ; это не годится; приучайтесь больше къ лаконизму; возьмите себѣ за образецъ телеграфный языкъ; въ двухъ-трехъ словахъ должно быть сказано то, что вы говорите на цѣлой страницѣ... а талантъ несомнѣнный; держитесь новой школы; я здѣсь подѣлалъ на вашей рукописи свои замѣтки карандашомъ... Вотъ хоть бы здѣсь у васъ... — и Ни-

лай Гавриловичъ сталъ перелистывать мою тетрадь,—вотъ: «Люблю я полночь! люблю, при безстрастномъ сіяніи звѣздъ ея, носиться воображеніемъ въ необъятной сферѣ пріосѣненнаго ею міра; люблю ея могучіе законы, подъ силой которыхъ мириады дыханій, сливаясь въ одинъ надменно гордый ропотъ, бессильно враждуютъ съ чудной властью, опеленавшею всѣхъ ихъ однимъ безраздѣльнымъ покровомъ»... Все это, конечно, красиво, эффе́ктно, но къ чему вся эта лирика? Такъ теперь не пишутъ; это порча старой школы; это прежде всего избытокъ лимфы; ваше бойкое перо достойно лучшаго труда... а теперь извините: я долженъ вернуться къ работѣ; заходите; я всегда буду радъ пригодиться вамъ своимъ опытнымъ совѣтомъ.

И, давъ мнѣ мою тетрадь, Чернышевскій пожалъ мнѣ руку и скрылся прежде, чѣмъ я успѣлъ произнести хотя бы одно слово.

«Живописать, лирика, старая школа, лимфа» — вотъ слова, шевелившія моими губами, когда, сосредоточенный, возвращался я къ себѣ изъ Владимірской улицы, съ величайшимъ трудомъ разбираясь въ понятіяхъ, которыя заключали въ себѣ эти, поразившія меня своей неожиданной новизной, слова. Мнѣ помнится, что двумъ извозчикамъ, предлагавшимъ мнѣ свои услуги, я отвѣчалъ: лимфа! причемъ одинъ изъ нихъ, не задумавшись, запросилъ съ меня двугривенный, добавивъ при этомъ, что дорога плохая, а ѣхать-то далеченько.

Но вотъ я дома, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ждутъ трое моихъ добрыхъ пріятелей.

— Ну, что?—раздался общій вопросъ.

— Лирика, старая школа, лимфа!—отвѣчаю я, снимая шубу и швырнувъ на комодъ тетрадку, которою еще такъ недавно гордился. Пріятели мои раскрыли рты.

— Лимфа?!—произнесъ кто-то изъ нихъ.

— Лимфа, лимфа, проклятая лимфа! — отвѣчалъ я со слезами на глазахъ, опускаясь въ изнеможеніи на диванъ.

Дальше я ни разу не взялся за перо для Полуночниковъ; широкій планъ мой такъ и закончился на этой тетрадкѣ; она и теперь хранится у меня съ помѣтками Чернышевскаго.

Послѣ этого вскорѣ обстоятельства неожиданно сложились такъ, что я былъ вынужденъ порвать не только близкія отношенія, но и самое знакомство съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Объявить о такой рѣшимости напрямикъ у меня не хватало мужества, и я въ одинъ прекрасный вечеръ, собравъ наскоро свои пожитки, расплатившись съ хозяйкой меблированныхъ комнатъ и объявивъ ей, что я на другой день уѣзжаю въ Ораніенбаумъ на неопредѣленное время, переѣхалъ въ другую часть города, имѣя въ виду поменьше выходить изъ дому и побольше заняться срочной фельетонной работою.

На этой новой квартирѣ ждали меня новыя знакомства, новыя встрѣчи. Одна изъ этихъ встрѣчь стоитъ того, чтобы рассказать о ней.

II.

Князь Суворовъ въ роли свата.

Поселился я въ Малой Коломнѣ, у самой церкви Покрова, въ домѣ Мазараки. Весь третій этажъ этого дома, раздѣленный на двѣ половины, снималъ такелажмейстеръ морскаго вѣдомства капитанъ Марышевъ; половину этажа занималъ самъ капитанъ съ своимъ семействомъ, а другую, состоящую изъ трехъ отдѣльных маленькихъ квартиръ, сдавалъ отъ себя холостымъ квартирантамъ. Въ одной изъ такихъ квартиръ, въ двѣ комнатки съ общей передней, я и поселился.

Не измѣняя установившемуся образу моей жизни, я на другой день, послѣ обѣда, думалъ было освѣжить себя прогулкой передъ вечерними занятіями и уже собирался выдти изъ своего кабинета, какъ дверь отворилась и на порогѣ, глядя на меня какъ-то растерянно, остановился молодой человекъ, морякъ, въ чинѣ лейтенанта. Глядя другъ другу въ глаза, мы оба съ минуту молчали. Я молчалъ потому, что не могъ не залюбоваться моимъ посетителемъ: это былъ рѣдкій красавецъ. Высокій, стройный брюнетъ, съ цвѣтомъ лица, которому могла бы позавидовать любая барышня, онъ смотрѣлъ на меня большими черными бархатными глазами, и въ этомъ взглядѣ я сразу прочелъ и безъисходную, глубокую грусть, и какую-то отчаянную рѣшимость. Прежде чѣмъ произнести слово, я подошелъ къ чудному незнакомцу и инстинктивно взялъ его за руки.

— Что такое?..—спросилъ я.

По всей вѣроятности, въ моемъ голосѣ выдала себя какая нибудь сердечная нота, потому что мой гость въ свою очередь схватилъ мои руки, и на прекрасныхъ глазахъ его показались двѣ крупныя слезы.

— Простите меня...—началъ онъ прерывающимся отъ глубокаго волненія голосомъ.

— Пожалуйста, успокойтесь; сядемте... Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?—говорилъ я, усаживая гостя на диванъ.

Выпивъ стаканъ воды и нѣсколько оправившись, онъ повелъ прерывистую рѣчь.

— Позвольте мнѣ прежде всего имѣть честь представиться: лейтенантъ И. Я вашъ сосѣдъ; здѣсь, рядомъ съ вами, у меня временная квартира, гдѣ я останавливаюсь, приѣзжая въ Петербургъ; сегодня я приѣхалъ изъ Кронштадта и узналъ, что вы тутъ

поселились... Мое положеніе исключительное... Я не могу дать себѣ отчета въ этомъ положеніи; не могу въ немъ ориентироваться... Скажу болѣе: мнѣ кажется, что я или схожу съ ума, или сошелъ уже... И вотъ я бросился къ вамъ... Вы человѣкъ свѣжій, постронній... уясните мнѣ мое положеніе.

— Прежде всего не волнуйтесь, пожалуйста; расскажите ваше дѣло, и мы сообща обсудимъ его,—отвѣчалъ я, скрывая волненіе, которымъ самъ успѣлъ уже заразиться отъ моего посѣтителя.

— Легко сказать—не волнуйтесь!—отвѣчалъ тотъ съ глубокимъ вздохомъ. И въ этихъ словахъ прозвучало безысходное отчаяніе.

— Да въ чемъ же дѣло?—спросилъ я, сгорая не столько любопытствомъ, сколько искреннимъ участіемъ къ собесѣднику.

— Я буду по возможности кратокъ,—отвѣчалъ онъ:— я люблю безумно, всѣми силами моего сердца, чудную, какъ ангелъ Божій, дѣвушку, она любитъ меня не меньше; въ этой любви все наше счастье, вся наша жизнь, и между тѣмъ она въ будущую среду вѣнчается съ другимъ человѣкомъ, ей вполне ненавистнымъ.

— Но почему же?

— Воля ея матери; она отказала мнѣ отъ дому, не можетъ слышать моего имени и принуждаетъ дочь идти замужъ за человѣка, котораго сама выбрала себѣ въ зятя.

— А она? невѣста?..

— Вотъ записка, которую я получилъ отъ нея полчаса назадъ.

При этихъ словахъ лейтенантъ досталъ изъ кармана записку и прерывающимся отъ припадка новаго волненія голосомъ прочелъ приблизительно слѣдующе ¹⁾:

«Все погубло, все кончено. Не успѣвъ ни рыданіями, ни мольбой измѣнить рѣшимость матери, я вчера обратилась къ его великодушію и чести; я сказала ему, что никогда не полюблю его, что люблю и всю жизнь буду любить тебя одного; я заклинала его памятью его матери, клялась, что всю жизнь буду молиться о его счастьѣ, благословлять его имя, какъ великаго благодѣтеля, если онъ откажется отъ меня; я на колѣняхъ просила его сжалиться надо мной,—все напрасно. На всѣ мои мольбы онъ отвѣчалъ одно: каждый человѣкъ себѣ не врагъ и не пойдетъ противъ себя, а такъ какъ онъ меня страстно любитъ, то согласится скорѣе увидѣть меня въ гробу, чѣмъ женой другаго... Свадьба назначена въ будущую среду; онъ самъ поторопиль... это моя мольба-то такъ на него подѣйствовала!... Осталось всего пять дней. Что же ты бездѣйствуешь? Принимай мѣры, спасай и меня, и наше счастье. Я на все пойду и до послѣдней минуты не буду терять надежды. Милый! что намъ дѣлать, что намъ дѣлать? рѣшай этотъ

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, по свѣжей памяти записана она тогда же въ дневникѣ моемъ. С.

вопросъ и за себя, и за меня. Я до того подавлена горемъ, что не могу собраться съ мыслями. Завтра въ десять часовъ буду у Исаакія»...

Окончивъ чтеніе письма, лейтенантъ закрылъ лице руками и горько заплакалъ, произнося сквозь душившія его рыданія: «что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать!»...

— Прежде всего перестаньте плакать, — спѣшилъ я утѣшить гостя. — Тутъ не до слезъ; нужно дѣйствовать. Я даже не понимаю слезъ вашихъ; вамъ если и слѣдуетъ плакать, то развѣ только отъ избытка счастья.

— Вы смѣетесь надо мной, надъ моимъ горемъ!..—обратился ко мнѣ лейтенантъ, сдержавъ слезы и вставъ съ дивана.

— Вы это сказали, потому что опять-таки не горе, а безпредѣльное счастье мѣшаетъ вамъ смотрѣть правильно на вещи, — отвѣчалъ я.

— Счастье?..—съ недоумѣніемъ произнесъ лейтенантъ, оставивъ въ меня свои прекрасные глаза.

— А что же другое? Развѣ не счастье быть такъ любимымъ любимой женщиной, какъ любить васъ дѣвушка, написавшая это письмо? Да помилуйте, сотни тысячъ людей пожелали бы быть теперь на вашемъ мѣстѣ и въ вашемъ положеніи.

Лейтенантъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— И вы не отказались бы быть въ числѣ этихъ сотенъ тысячъ?—медленно произнесъ онъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ я.

— Но что же бы вы предприняли въ этомъ положеніи?—вскрикнулъ лейтенантъ.

— Чтобы отвѣчать на вашъ вопросъ, нужно знать дѣло въ нѣкоторыхъ его подробностяхъ, — отвѣчалъ я. — Прежде всего нужно знать, почему мать не на вашей сторонѣ, а на сторонѣ вашего соперника.

— Я объясню вамъ это въ нѣсколькихъ словахъ, — отвѣчалъ лейтенантъ, постепенно оправляясь. — Во-первыхъ, на несчастье мое, любимая мной дѣвушка принадлежитъ къ аристократической семьѣ; мать ея—вдова генерала Ч.; во-вторыхъ, я бѣдный, безвѣстный офицеръ, безъ всякаго состоянія, а, въ-третьихъ, и это самое главное, соперникъ мой тоже принадлежитъ къ высшему петербургскому обществу, занимаетъ видное положеніе, камергеръ и человѣкъ богатый. Понимаете!.. Теперь я жду вашего отвѣта на мой вопросъ: что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Я задумался, а лейтенантъ не сводилъ съ меня своихъ полныхъ лихорадочнаго ожиданія глазъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ и въ вашемъ положеніи, — отвѣчалъ я:— прежде всего испробовалъ бы всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы обвѣнчаться съ этой дѣвушкой, и только тогда, если бы эти мѣры

ни къ чему не привели, только тогда я нашель бы единственный выходъ въ гражданскомъ бракѣ.

— Но о какихъ мѣрахъ вы говорите? Вѣдь всего пять дней осталось...

— За пять дней можно много сдѣлать, особенно если вы не станете медлить ни одной минутой. Ищите прежде всего такого благодѣтеля священника, который бы согласился повѣнчать васъ безъ согласія матери невѣсты.

— Но развѣ это можно?—вскричалъ, засіявъ радостью, мой собесѣдникъ

— Попробуйте.

— Голубчикъ! дорогой!—схватилъ онъ меня за руку:—можетъ быть, самъ Богъ свелъ меня съ вами... Поѣдемъ вмѣстѣ къ здѣшнимъ священникамъ; мнѣ легче будетъ при вашемъ содѣйствіи объясняться съ ними.

— Извольте, ѣдемъ.

Лейтенантъ заключилъ меня въ объятія и горячо цѣловалъ; лице его вдругъ засіяло восторженной надеждой; оно стало еще прекраснѣе. Черезъ минуту мы спускались съ лѣстницы. Какъ назадъ четверть часа горе и отчаяніе, такъ теперь мгновенный приливъ радости лейтенанта сообщился и мнѣ. А все же лица наши прежде всего были очень серьезны, и неудивительно: обоимъ намъ вмѣстѣ было менѣе полвѣка, а между тѣмъ мы рѣшали одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ жизни.

Рѣшивъ побывать у всѣхъ петербургскихъ священниковъ, мы начали съ ближайшаго къ намъ священника Покровской церкви. Оказалось, что онъ боленъ и никого не принимаетъ; обстоятельство, повидимому, самое обыкновенное, но оно вдругъ понижающимъ образомъ подѣйствовало на то настроеніе, съ которымъ мы вышли изъ дому. Вторымъ, по попутному маршруту, слѣдовалъ священникъ Никольскаго морскаго собора; но ни его, ни его помощника не оказалось дома. Молча, уже въ состояніи близкомъ къ угнетенному, сѣли мы на извозчика и приказали ѣхать къ Вознесенской церкви. Батюшка оказался дома, и мы съ новымъ приливомъ радости трепетно переступили порогъ его гостиной. На встрѣчу намъ вышелъ почтенный, добрый старикъ.

— Что скажете, господа?—спросилъ онъ, окинувъ насъ ласковымъ взглядомъ. Лейтенантъ поблѣднѣлъ и молчалъ; я взялъ на себя роль парламентаря и, рассказавъ въ нѣсколькихъ словахъ суть дѣла, закончилъ просьбой придти въ помощь святому дѣлу свободной любви и повѣнчать молодыхъ людей безъ согласія со стороны матери невѣсты.

Священникъ со вниманіемъ и не покидавшей его ласковой улыбкой выслушалъ меня, поочередно посматривая на насъ обоихъ.

— А вѣдь это онъ—герой романа!—сказаль батюшка, указавъ рукой на лейтенанта.

— Да... это я...—процѣдилъ сквозь зубы лейтенантъ, мгновенно превратившись изъ блѣднаго въ пунцоваго.—Помогите, батюшка!—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Вотъ что, друзья мой, — сказалъ священникъ, подумавъ:— скажите откровенно, почему именно вы ко мнѣ обратились съ вашимъ дѣломъ.

Мы тотчасъ же сообщили нашъ планъ, сказавъ, что были уже у двухъ священниковъ, что онъ оказался третьимъ на очереди по нашему маршруту, и что мы рѣшили не возвращаться домой, пока не объѣдемъ всѣхъ петербургскихъ священниковъ, между которыми найдется же наконецъ хоть одинъ, который не побоится обойти формальность для истинно добраго дѣла.

— Такъ, такъ...—твердилъ батюшка, слушая насъ съ тою же добродушной улыбкой. — Хотите, молодые люди, послушать моего добраго совѣта?—обратился онъ къ намъ, когда мы окончили свои краснорѣчивые доводы, будучи оба вполне увѣрены, что мы убѣдили нашего слушателя, и что ему остается только назначить день и часъ вѣнчанья. Съ этой увѣренностью мы устремили на него глаза, полные радостнаго ожиданія.

— Бросьте вы ваши поиски; они ни къ чему не поведутъ. Увѣряю васъ, что ни я, и ни одинъ изъ здѣшнихъ священниковъ ни за какія деньги не согласится сдѣлать то, что вы желаете.

Можно судить, какъ эти слова подѣйствовали на насъ, особенно на блѣднаго лейтенанта. Онъ вздрогнулъ и схватилъ меня за руку, я взглянулъ ему въ лице: оно покрылось смертельной блѣдностью. Отъ пытливаго взора хозяина не ускользнуло впечатлѣнiе, произведенное его словами на лейтенанта. Онъ поспѣшилъ взять его за руку и полнымъ самаго сердечнаго участія голосомъ продолжалъ:

— Что дѣлать, господинъ офицеръ, видно, не судьба... Поѣзжайте лучше домой, да помолитесь хорошенько Богу; а я приду вамъ въ помощь и завтра за обѣдней тоже помолюсь о томъ, чтобы надъ вами и этой дѣвушкой совершилась воля Господня. Вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать.

И видя, что слова его не произвели никакого успокоительнаго дѣйствія, онъ продолжалъ:

— Вы, господа, слишкомъ заднимъ числомъ посмотрѣли на это дѣло; встарину, да еще, пожалуй, и лѣтъ двадцать назадъ, эти дѣла дѣйствительно обдѣлывались по желаемому вами способу, и часто все сходило съ рукъ и брачущимся, и священнику; и я объясняю это тѣмъ, что, вѣроятно, прежнiе родители были благодушнѣе, мирились съ совершившимся фактомъ и не жаловались въ подобномъ случаѣ на священника. Теперь же у насъ на этотъ счетъ очень строго; еще недавно было строжайшее подтвержденiе

отъ святѣйшаго синода, по поводу... да вотъ кстати: попробуйте вы еще завернуть къ священнику К. Ужь если онъ не возьмется за ваше дѣло, то никто другой не только здѣсь, въ Петербургѣ, но и во всей Россійской имперіи.

Мы сразу насторожились.

— Почему же вы думаете, что священникъ К. могъ бы взяться за это дѣло?—спросилъ одинъ изъ насъ.

— Во-первыхъ, для него это дѣло привычное, и подобныя дѣла большей частью ему съ рукъ сходятъ, благодаря высокому положенію его отца, а, во-вторыхъ, онъ человѣкъ безстрашный, да и терять ему нечего; сегодня протопопъ, завтра вольный гражданинъ съ изрядной мошной.

— Гдѣ онъ живетъ?—чуть не вскричали мы въ одинъ голосъ.

— Въ Подъяческой; только вы не попадите къ старику К., все дѣло испортите; они оба—и отецъ и сынъ, живутъ въ одномъ домѣ.

Мы начали благодарить почтеннаго нашего хозяина за совѣтъ и поспѣшили откланяться.

— Поѣзжайте, поѣзжайте; Богъ въ помощь!—отвѣчалъ онъ, провожая насъ.—Признаюсь, мнѣ, по іерейской моей совѣсти, и не слѣдовало бы давать вамъ такихъ указаній, особливо относительно своего же собрата, да ужъ мнѣ очень жаль васъ, — обратился онъ къ лейтенанту.

Поблагодаривъ отъ души добраго нашего совѣтника, мы помчались въ Подъяческую, волнуемые чередовавшимися въ насъ сомнѣніями и надеждами. У воротъ дома мы спросили дворника, гдѣ живетъ молодой священникъ К., и по указанію его поднялись во второй этажъ лѣваго корпуса дома.

— Дома батюшка?—обратился дрожащимъ голосомъ лейтенантъ къ отворившему дверь человѣку.

— Нѣтъ дома.

Отвѣтъ этотъ до того ошеломилъ насъ, что мы не нашли произнести ни слова и молча стояли, опустивъ головы.

— Да вамъ очень нужно видѣть о. протоіерея?—спросилъ насъ отворившій дверь человѣкъ, отъ котораго, какъ мнѣ показалось, несло виннымъ запахомъ.

— Очень, очень нужно,—отвѣчали мы въ ужасѣ.

— А если очень, то подождите; онъ черезъ полчаса вернется.

— А гдѣ же мы будемъ ожидать?

— Известно, гдѣ: пожалуйста въ гостинную, не на улицѣ же.

Мы вошли въ комнату, указанную намъ человѣкомъ, который вслѣдъ за тѣмъ скрылся. За наступившимъ вечеромъ мы очутились въ совершенной темнотѣ; сначала мы ждали, что намъ принесутъ огня, но прошло двѣ-три минуты, и вокругъ насъ всюду царилъ глубокая тишина. Я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ

шубы, по обыкновенію, находится коробка спичекъ; ошупью пробрался я въ переднюю, съ трудомъ нащупалъ свою шубу и принесъ спички. Когда я зажегъ огонь, и мы стали закуривать папирсы, дѣлаясь опасеніемъ, что это можетъ не понравиться хозяину дома, отъ котораго зависѣла вся судьба нашего дѣла, мы бѣгло замѣтили очень приличную обстановку комнаты и, между прочимъ, у правой стѣны рояль. Прошло еще нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, и лейтенантъ безсознательно, повинувшись неудержимому порыву, открылъ фортепяно и взялъ нѣсколько полныхъ звучныхъ аккордовъ. Одна минута, и эти аккорды вылились въ тихую, полную безысходной грусти мелодію. Я, какъ очарованный, заслушался музыки, въ которой каждая нота лучше всякихъ словъ говорила о состояніи души игравшаго. Это былъ вальсъ Шопена, кажется, opus № 64, одинъ изъ тѣхъ Шопеновскихъ вальсовъ, о которыхъ музыкальная критика сказала, что композиторъ писалъ ихъ не чернилами, а слезами. Облокотясь на фортепяно, я весь отдался чарующимъ звукамъ, и хотя за темнотою я не видѣлъ лица моего сосѣда, но мнѣ чудилось, что незримыя Шопеновскія мечты, бившія широкой волной изъ фортепянной клавиатуры, безраздѣльно сливались съ видимыми мечтами моего милаго лейтенанта. Не знаю, долго ли длилось это чудное упоеніе чудными звуками среди окружавшей насъ беспросвѣтной мглы, какъ вдругъ я почувствовалъ сильный ударъ по моему плечу и отъ испуга, и прежде всего отъ боли, съ крикомъ, инстинктивно, бросился въ сторону; въ тотъ же моментъ лейтенантъ вскочилъ съ своего мѣста и очутился возлѣ меня; мы оба дрожали отъ неожиданности, не будучи въ состояніи понять, въ чемъ дѣло. Герои романа, одинъ прямой, другой косвенный, мы съ лейтенантомъ неожиданно очутились въ мальчишескомъ положеніи. Я поспѣшилъ запустить руку въ карманъ и, зажегши спичку, приподнялъ ее кверху. Пораженнымъ глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина. Передъ нами стоялъ громаднѣйшаго роста мужчина въ рясѣ и камилавкѣ, которая чуть не упиралась въ потолокъ высокой комнаты, стоялъ онъ со сложенными на груди руками и смѣющимися глазами смотрѣлъ на насъ. Но вотъ спичка догорѣла, мы снова очутились въ темнотѣ и, плотнѣе прижавшись другъ къ другу, не произнесли ни одного звука.

— Семень! огня! — вдругъ гаркнулъ надъ нами громовый голосъ. Прошло еще съ полминуты, но ни Семена, ни огня не показывалось; въ комнатѣ и всюду царила та же тишина, что и въ началѣ нашего прибытія въ этотъ загадочный домъ.

— Короста...—пробурчалъ тотъ же голосъ на октавной нотѣ, и вслѣдъ затѣмъ раздались тяжелые шаги удалявшагося отъ насъ великана.

— Чего вы такъ вскрикнули?—шепотомъ спросилъ меня лейтенантъ.

— Помилуйте, — отвѣчалъ я, потирая плечо: — онъ такъ меня хватилъ, что мнѣ показалось, будто потолокъ на меня обрушился.

— Ради Бога, не сердитесь; сдѣлайте это для меня. Вѣроятно же всего, онъ это такъ, для шутки... Можетъ быть, это хорошій признакъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю за такія шутки и признаки; я не совѣтывалъ бы ему повторить ихъ.

— Пожалуйста, дорогой, для меня... — шепталъ взволнованный лейтенантъ, крѣпко пожимая мою руку. — Удивительно, какъ мы не слышали его прихода.

— Всему виной ваша прелестная музыка, — отвѣчалъ я.

Но вотъ гдѣ-то слышались тѣ же тяжелые шаги, и въ комнату вошелъ со свѣчкой въ рукахъ нашъ страшилищный хозяинъ. Онъ быстро направился прямо къ намъ и, освѣтивъ наши фигуры, сталъ пристально всматриваться въ наши лица.

— Котораго это изъ васъ я маленечко поласкалъ по спинкѣ?

— Покорнѣйше васъ благодарю за такую ласку, — отвѣчалъ я. — Эта медвѣжья ласка по меньшей мѣрѣ требуетъ, чтобы вы объяснили поводы къ ней.

— Объясненіе? Это сейчасъ воспослѣдуетъ... Семень! — раздалось надъ нашими ушами такъ, что окна и стѣны задрожали отъ этого крика. Тотчасъ явился и Семень.

— Портеру!

Семень исчезъ такъ же быстро, какъ и явился.

— Вотъ мы съ вами и объяснимся такъ, какъ слѣдуетъ истинно порядочнымъ русскимъ людямъ, за стаканчикомъ влаги... Голубчикъ мой, неужели вы разсердились на меня? — произнесъ батюшка сердечнымъ голосомъ, взявъ мою руку.

— Теперь не сержусь, — отвѣчалъ я, взглянувъ на просіявшее сразу лицо лейтенанта.

— Вотъ и добре!

Въ это время Семень подаль на подносѣ бутылку портеру и три стакана. Батюшка наполнилъ стаканы, чокнулся съ нами и, пригласивъ усѣсться, сказалъ:

— А теперь извольте объяснить, чему я обязанъ честью видѣть у себя такихъ милыхъ юнцевъ.

Мы въ нѣсколькихъ словахъ объяснили ему дѣло.

— Я такъ и зналъ, — сказалъ съ улыбкой батюшка, выслушавъ насъ. — Который же здѣсь изъ васъ дѣйствуетъ въ семь романѣ?

— Я, — отвѣчалъ упавшимъ голосомъ лейтенантъ, покраснѣвъ до ушей.

— Вы скажите мнѣ прежде всего, который это изъ моихъ доброжелателей направилъ васъ ко мнѣ.

Мы переглянулись съ лейтенантомъ и нашли лучшимъ, въ виду такъ поставленнаго вопроса, скрыть, кто насъ сюда направилъ, и

отвѣчали что-то въ родѣ того, что молва о его добромъ сердцѣ и готовность всегда придти на помощь людямъ, которыхъ преслѣдуетъ судьба, дошла до насъ, и вотъ мы прибѣгаемъ къ нему съ сердечной мольбой принять наше дѣло подъ свое теплое покровительство.

— Не могу,—отвѣчалъ онъ, доливая наши стаканы:— прежде могъ и охотно это дѣлалъ, а теперь не могу; далъ слово отцу, что больше не стану огорчать его. Жаль мнѣ и васъ, да и старика пожалѣть слѣдуетъ; я и такъ много досадилъ ему... Видите ли, въ чемъ дѣло,— продолжалъ батюшка, замѣтивъ, что слова его произвели на насъ, особенно на лейтенанта, удручающее впечатлѣніе,— вся суть въ томъ, станутъ ли послѣ такого вѣнчанья родители невѣсты жаловаться на священника; не станутъ—и концы въ воду; а какъ же вы поручитесь... Кстати, можно узнать, кто сія престокая маменька?—обратился онъ къ лейтенанту.

Тотъ назвалъ фамилію жестокой маменьки.

— Те, те, те!...—произнесъ батюшка, быстро поставивъ на столъ стаканъ, который подносилъ ко рту:—знаю, знаю... Ну, господинъ офицеръ, бросьте вы это дѣло; ничего изъ него не выйдетъ. Это чортъ, а не баба; не дай Богъ съ нею связываться.

— Неужели же и вы не придете мнѣ въ помощь?— съ отчаяніемъ произнесъ лейтенантъ, вставъ и берясь за фуражку.

— Придти-то приду, только не такимъ дѣломъ, какъ вы хотите, а словомъ и совѣтомъ опытнаго въ сихъ дѣлахъ человѣка могу придти.

Мы съ лейтенантомъ насторожились, и на его подвижномъ лицѣ снова вспыхнуло радостное ожиданіе.

— Вы сядьте, не спѣшите,—сказалъ батюшка, взявъ у лейтенанта фуражку:—это дѣло надо хорошенько обдумать. Вы думаете, что ваше дѣло не близко моему сердцу? Очень близко, хотя я и вижу васъ первый разъ. Вѣдь вся моя вина и предъ старикомъ-отцемъ, и предъ ними, судьями моими, въ томъ и заключается, что я не могу не принимать близко къ сердцу вотъ такихъ дѣлъ, какъ ваше. Помилуйте! любовь вотъ такихъ голубячь, какъ вы и избранная вашимъ сердцемъ, отдающая вамъ свое сердце молодая голубка,—вѣдь это величайшее и сокровеннѣйшее таинство чело-вѣческой природы; это тотъ всеильный и всепокоряющій, чистый законъ этой природы, на которомъ зиждется жизнь вселенной. И кто дерзаетъ идти противъ этого закона, тотъ идетъ противъ разума жизни... Давайте, господа, чокнемся!... А они меня чуть не еретикомъ считаютъ... За что? Они бьютъ на то, что тамъ сказано: благословеніе родителей утверждаетъ дома чадъ... Вѣрно! но какихъ родителей? какое благословеніе? Неужели же эти слова разумѣютъ такихъ родителей, какъ вотъ эта ваша генеральша? Теперь опять на счетъ благословенія родительскаго: развѣ тутъ

можетъ быть рѣчь о томъ благословеніи, которымъ эта же самая генеральша намѣревается освятить свою нечистую сдѣлку съ этимъ камергеромъ?... Что же вы, господа, такъ плохо пьете?... Вотъ поди тутъ и разговаривай съ ними... А я всегда дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ безкорыстно; это они и сами знаютъ. Для меня тутъ первѣе всего принципъ и нравственная сторона дѣла. Былъ случай, когда за вѣнчанье мнѣ предлагали десять тысячъ, и я умылъ руки, потому что дѣло выходило пакостнымъ... А они всего этого знать не хотятъ...

Послѣ этихъ словъ собесѣдникъ нашъ опустил голову на руки и задумался.

— Но мое же дѣло, и съ вашей точки зрѣнія, нравственное,— произнесъ лейтенантъ, умоляюще глядя на батюшку.

— Погодите,—отвѣчалъ тотъ, не мѣняя своего вдумчиваго выраженія лица. — Знаете что! — вскрикнулъ онъ, ударивъ ладонью по колѣну лейтенанта такъ, что тотъ привскочилъ на мѣстѣ. Мы притаили дыханіе, широко раскрывъ глаза... — Намъ нужно,—продолжалъ батюшка, приложивъ палецъ къ губамъ,—вотъ что: во-первыхъ, чтобы генеральша, на другой же день по совершеніи неблагословеннаго ею вѣнчанья ея дочурки съ вами, помирилась съ совершившимся фактомъ и не вздумала поднять жалобнаго гвалта; а такъ какъ она, въ силу знакомыхъ мнѣ доблестей своей души, сего учинить не можетъ по своей собственной волѣ, то нужно, чтобы къ тому ее принудила посторонняя сильная воля... Давайте, чокнемся за осуществленіе моей мысли!... вотъ такъ!... Теперь вотъ что: завтра же утромъ отправляйтесь вы,—обратился онъ къ лейтенанту,—къ нашему генераль-губернатору, свѣтлѣйшему князю Суворову...

Лейтенантъ привскочилъ съ мѣста, хотѣлъ было что-то сказать, но батюшка остановилъ его.

— Постоите, ваша рѣчь впереди; выслушайте меня; я вамъ худа не посовѣтую... Итакъ, завтра же отправляйтесь къ князю Суворову. Онъ всѣмъ доступенъ, во все вникаетъ; на министровъ жалобы принимаетъ... знаете ли, какую онъ штуку сыгралъ съ графомъ А.?... Но это послѣ я вамъ расскажу, если не знаете этого казуса... а теперь, повторяю: отправляйтесь къ нему и все, какъ есть, расскажите. Намъ нужна его заручка; нужно, чтобы онъ пообѣщаль, что въ случаѣ, если ваша будущая идеальная теща вздумаетъ стать на дыбы, онъ накинетъ на нее уздечку... Понимаете? При этихъ условіяхъ я васъ завтра же повѣнчаю.

Можно себѣ представить нашу радость. Лейтенантъ бросился цѣловать батюшку, называлъ его своимъ благодѣтелемъ, спасителемъ. Мы просидѣли еще съ полчаса, выслушавъ интересный рассказъ о томъ, какъ поступилъ князь Суворовъ съ графомъ А., который отказывался заплатить какому-то разорившемуся ювелиру

двѣнадцать тысячъ за взятые имъ у него очень давно брилліанты; выпили еще на прощаніе по стакану портеру и ушли, очарованные милымъ, добрымъ хозяиномъ, благословляя такую счастливую встрѣчу.

Возвратившись домой, долго мы еще съ лейтенантомъ говорили, обсуждая завтрашній визитъ его къ князю Суворову, причемъ онъ взялъ съ меня слово, что я поѣду съ нимъ.

— Вы хоть издали будете стоять; все же я буду чувствовать себя смѣлѣе,—сказалъ онъ, уходя отъ меня.

Я общалъ, и на другой день въ половинѣ десятаго мы выѣхали изъ дому. Намъ нужно было еще завернуть въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ его ждали.

— Она здѣсь уже, вонъ тамъ молится,—сказалъ мнѣ спутникъ дрожащимъ голосомъ, поблѣднѣвъ отъ сильнаго волненія и оставившись у одной изъ громаднѣхъ колоннъ. Я взглянулъ по указанію лейтенанта и былъ очарованъ дивнымъ зрѣлищемъ.

Передъ образомъ Тихвинской Божіей Матери стояла на колѣняхъ молодая дѣвушка и, устремивъ къ святому лику чудные голубые глаза съ нависшими на рѣсницахъ слезками, вся ушла въ горячую молитву. Вокругъ нея поминутно сновала толпа богомольцевъ; одни изъ нихъ зажигали и ставили свѣчи, другіе то поднимались по ступенькамъ, чтобы приложиться къ образу, то спускались внизъ оттуда, а она, глухая и слѣпая ко всему, что вокругъ нея происходило, не отрывала своего глубокаго взора отъ лика Богоматери. Въ этомъ чистомъ взорѣ свѣтилось столько глубокой вѣры, столько безпредѣльной надежды на ожидаемую помощь, столько покорности и всецѣлаго отданія себя въ тѣ святыя руки, на которыхъ покоился божественный младенецъ, что я невольно схватилъ за руку лейтенанта, шепнувъ ему: «подождите, не мѣшайте ей!».

Но вотъ она встала на ноги. Просвѣтленные чистой молитвой и горячей вѣрой глаза ея мгновенно застлала какая-то дума; она разсѣянно взглянула по сторонамъ, и глаза молодыхъ счастливецевъ встрѣтились. Они бросились другъ къ другу, и я поспѣшилъ скрыться за колонну. «Такія молитвы не пропадали даромъ,—думалось мнѣ,—онѣ сильнѣе, дѣйствительнѣе всякихъ княжескихъ протекцій, и мнѣ вѣрится почему-то, что съ этой минуты твое дѣло выиграно, мой милый лейтенантъ».

Среди такой думы я услышалъ окликъ моего имени, и предомной предстали молодые люди. Лице прелестной богомолки сіяло счастіемъ. Она быстро схватила мои руки и, заалѣвъ отъ волненія, стала говорить дрожащимъ голосомъ:

— Я съ вами знакома уже... Онъ мнѣ сейчасъ все сказалъ... Какой вы добрый!.. Чѣмъ мы отблагодаримъ васъ!..

— Успокойтесь, не теряйте надежды, — отвѣчалъ я: — у васъ сильная протекція тамъ, — указалъ я на образъ.

— О, я буду, буду молиться... и буду здѣсь ждать васъ...

Мы поѣхали къ князю Суворову.

Въ приемной его, такъ называемой красной залѣ, которую потомъ пришлось мнѣ хорошо узнать, было человѣкъ болѣе пятидесяти просителей. Тутъ же сновало множество адъютантовъ и чиновниковъ, которые спрашивали каждаго посѣтителя о его дѣлѣ и записывали у себя на памятныхъ листкахъ; одинъ изъ такихъ адъютантовъ тотчасъ подошелъ къ намъ.

— Вы по какому дѣлу? — обратился онъ къ лейтенанту.

— Я хотѣлъ бы лично изложить его свѣтлости мое дѣло, — отвѣчалъ смущенный лейтенантъ.

— Да, вы это сдѣлаете, а теперь потрудитесь сказать мнѣ, въ чемъ ваше дѣло; я долженъ записать и доложить князю въ то время, когда онъ подойдетъ къ вамъ, — настаивалъ адъютантъ.

— Вы меня очень обязали бы, освободивъ отъ этого, — произнесъ сердечнымъ голосомъ лейтенантъ. Адъютантъ пристально взглянулъ ему въ лице.

— Какъ хотите, — сказалъ онъ. — А вамъ что угодно? — обратился онъ ко мнѣ.

— У меня нѣтъ никакого дѣла; я пришелъ подождать здѣсь своего пріятели, — отвѣчалъ я, указывая на лейтенанта.

— Но когда выйдетъ князь, вамъ нужно будетъ удалиться отсюда.

— Я такъ и сдѣлаю, — отвѣчалъ я, отходя и ставъ у двери.

Но вотъ дверь изъ кабинета отворилась; оттуда вышелъ чиновникъ въ виць-мундирѣ съ двумя звѣздами ¹⁾; все въ комнатѣ зашумѣло, притихло, и на порогѣ кабинета показалась высокая фигура князя Александра Аркадьевича Суворова. Я первый разъ тогда его видѣлъ и прежде всего обратилъ вниманіе на его открытое лицо и добрые глаза. Окруженный громадной свитой адъютантовъ и чиновниковъ, онъ поочередно началъ подходить къ просителямъ и тутъ же, выслушавъ просьбу, отдавалъ словесныя приказанія своимъ подчиненнымъ. «Справьтесь», — обращался онъ къ директору канцеляріи. «Поѣзжайте и прямо отъ моего имени къ графу»... говорилъ онъ которому нибудь изъ адъютантовъ. «Скажите Ивану Васильевичу ²⁾», чтобы съ подробной справкой доложилъ мнѣ», — обращался онъ къ кому нибудь изъ свиты.

Что-то онъ скажетъ моему лейтенанту, подумалъ я, когда приближалась его очередь, и отъ князя его отдѣляли всего лишь двое просителей.

¹⁾ Директоръ канцеляріи, тайный совѣтникъ И. Я. Четыркинъ.

²⁾ Оберъ-полицеймейстеръ, генераль-лейтенантъ И. В. Анненковъ.

Но вотъ князь лицомъ къ лицу съ лейтенантомъ; онъ вопросительно глядѣлъ на него, ожидая, что ему скажетъ одинъ изъ докладчиковъ, но и докладчикъ и проситель молчатъ. Я не сводилъ глазъ съ поблѣднѣвшаго, какъ полотно, лейтенанта; я зналъ, что съ нимъ въ эту минуту лихорадочный пароксизмъ; я это по себѣ чувствовалъ.

— Въ чемъ дѣло?—громко спросилъ князь, устремивъ пытливый взглядъ на лейтенанта.—«Молись, молись, прелестная богомолка!»—прошептала я, перенесая мыслію въ Исаакіевскій соборъ.

— Ваша свѣтлость!—произнесъ лейтенантъ дрогнувшимъ голосомъ, и мнѣ показалось, что только въ эту секунду воцарилась въ залѣ глубочайшая тишина:—вспомните свою первую любовь!

Окружавшая князя свита мгновенно колыхнулась и замерла; князь пронизалъ лейтенанта острымъ взглядомъ.

— Что такое?.. растерянно произнесъ онъ.

— Да, ваша свѣтлость,—продолжалъ лейтенантъ все еще дрожавшимъ, но уже оправившимся голосомъ, и въ этомъ голосѣ звенѣли тѣ вчерашнія Шопеновскія ноты,—чтобы вы не нашли этого обращенія къ вамъ слишкомъ смѣлымъ, дерзкимъ, чтобы поступокъ мой не казался вамъ безумнымъ, и чтобы, когда вы станете судить меня, въ вашемъ приговорѣ нашло себѣ мѣсто и чувство состраданія, вспомните свою первую молодую любовь!

— Ну, ладно,—отвѣчалъ князь, улыбаясь и этой улыбкой замѣтно подавляя волненіе,—вы, лейтенантъ, обращаете мою память къ слишкомъ отдаленнымъ событіямъ; но я вспомнилъ... Что же дальше?

— Я люблю и любимъ; въ этой любви все счастье нашей жизни, и между тѣмъ въ будущую среду эта дѣвушка должна выдти замужъ за ненавистнаго ей человѣка. Спасите насъ, ваша свѣтлость, спасите разомъ двѣ молодыя жизни,—лейтенантъ мой хотѣлъ еще что-то сказать, но голосъ его оборвался, и онъ сталъ душить слезами. Князь Суворовъ задумался и, наклонивъ голову, разглаживалъ свои брови.

— Но что же я могу для васъ сдѣлать?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

«Молись, молись, прелестная богомолка»,—думалъ я, затаивъ дыханіе.

— Вы можете сдѣлать все, ваша свѣтлость, у васъ много власти и еще больше готовности помогать людямъ,—отвѣчалъ лейтенантъ, поднимавъ на князя свои влажные отъ слезъ и полные безпредѣльной надежды глаза.

Князь Суворовъ оставилъ лейтенанта и свиту и пошелъ въ противоположную сторону, къ окну. Тамъ онъ постоялъ съ полминуты, глядя на улицу, затѣмъ повернулся и молча, жестомъ руки, позвалъ

къ себѣ лейтенанта. Они говорили вполголоса не болѣе двухъ минутъ, и затѣмъ князь произнесъ громко:

— Иванъ Яковлевичъ! пошлите сейчасъ же телеграмму въ Кронштадтъ; запросите о служебныхъ и нравственныхъ качествахъ лейтенанта и просите немедленнаго отвѣта.

— Сейчасъ все будетъ исполнено, ваша свѣтлость,— отвѣчалъ чиновникъ съ двумя звѣздами, взявъ лейтенанта подъ руку и повелъ его въ другія комнаты. Я ушелъ домой, какъ потому, что меня ждала срочная, прерванная работа, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что съ этой минуты я уже былъ спокоенъ за судьбу моего лейтенанта.

Въ тотъ же день вечеромъ въ домѣ генеральши Ч. произошла слѣдующая сцена.

Въ столовой, за чайнымъ столомъ, сидѣли хозяйка дома, двѣ ея дочери и камергеръ-женихъ. Послѣдній велъ какой-то оживленный разговоръ; оживленію рассказчика много способствовало то обстоятельство, что невѣста его, за послѣдніе дни постоянно грустная, удрученная и сосредоточенная, въ этотъ день съ утра оказалась веселою, милою, даже внимательною къ нему и, очевидно, вполнѣ примирившееся съ своею судьбою; это же обстоятельство повліяло и на расположеніе духа самой генеральши, которая, видя такую неожиданно благодатную перемѣну въ поведеніи упорствующей дочки, была очень мила и ласкова съ ней, какъ бы въ возмездіе за суровость предъидущихъ дней. Вошелъ лакей и на серебряномъ подносѣ подаль генеральшѣ визитную карточку.

— Гдѣ онъ? Что ему нужно?—спросила генеральша, взглянувъ съ удивленіемъ на карточку.

— Тамъ, въ залѣ; говоритъ, что по очень важному дѣлу,— отвѣчалъ лакей.

— Странно... просите его сюда.

Не успѣла генеральша сообщить окружавшей ее семейной группѣ своего недоумѣнія, вызваннаго лежавшей передъ ней визитной карточкой, какъ въ комнату вошелъ высокій, стройный мужчина въ мундирѣ полковника; всѣ съ любопытствомъ взглянули на вошедшаго. Была тутъ только пара прелестныхъ глазокъ, которые мгновенно опустились, и лице, которое украшали эти глазки, сильно поблѣднѣло.

— Имѣю честь представиться,— началъ полковникъ твердымъ голосомъ, обратясь къ хозяйкѣ и назвавъ свою фамилію.—Я прибылъ къ вашему превосходительству по приказанію свѣтлѣйшаго князя Суворова.

— Что вамъ угодно?..—растерянно произнесла хозяйка.

— Мнѣ нужно прежде всего знать, которая изъ вашихъ дочерей Елена?

— Я! — отвѣчалъ глухой голосъ, и Елена впервые смѣло остановила свои глаза на полковникѣ.

— Потрудитесь отвѣтить мнѣ, mademoiselle, дѣйствительно ли вы любите лейтенанта И. и согласны выдти за него замужъ.

— Это что такое!.. — вскрикнула генеральша. — Какъ вы смѣете!..

— Я, ваше превосходительство, въ точности исполняю волю моего начальника, свѣтлѣйшаго князя, — съ достоинствомъ отвѣтилъ полковникъ. — Я жду вашего отвѣта на мой вопросъ, — обратился онъ къ Еленѣ.

Тутъ центръ тяжести общаго вниманія перенесся на ту, которая должна была отвѣчать на предложенный полковникомъ роковой вопросъ.

— Я люблю того, о комъ вы меня спрашиваете, — твердо отвѣтила она, — и согласна выдти замужъ только за него.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ полковникъ, обращаясь къ ошеломленной генеральшѣ, — его свѣтлость приказали мнѣ передать вашему превосходительству его покорнѣйшую просьбу немедленно изъяснить ваше согласіе на свадьбу вашей дочери Елены съ лейтенантомъ И.

— Но какое право имѣетъ князь вашъ вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла? — говорила, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, испуганная генеральша. Она, видимо, напрягала всѣ усилія остаться на высотѣ великосвѣтскаго такта, но, увы, тщетно: случай былъ ужъ слишкомъ исключителенъ. — Не угодно ли вамъ, полковникъ, немедленно оставить меня и мое семейство въ покоѣ.

— Я исполню ваше справедливое требованіе, — отвѣчалъ съ прежнимъ достоинствомъ полковникъ, — но я жду вашего категорическаго отвѣта, съ которымъ долженъ явиться къ свѣтлѣйшему князю въ Зимній дворецъ. Его свѣтлость въ настоящую минуту у государя.

Послѣднія слова полковника произвели магическое дѣйствіе.

— Доложите князю, что отвѣтъ я дамъ ему лично завтра же, — задыхаясь, произнесла генеральша.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ полковникъ. — Въ которомъ часу завтра князь можетъ разсчитывать на честь вашего посѣщенія?

— Я буду у князя между двѣнадцатю и часомъ.

— Слушаю-съ. Имѣю честь откланяться, — и, сдѣлавъ общій поклонъ, полковникъ удалился.

«Дальше нечего рассказывать», — говорила потомъ героиня романа. Это былъ тяжелый вечеръ; это былъ вечеръ слезъ, истерики, обмороковъ, заклинаній, проклятій, но вмѣстѣ это былъ для нея лично вечеръ высокаго подъема духа и окрыленной восторгомъ надежды на счастье. Этотъ же вечеръ былъ и послѣднимъ, когда она видѣла злополучнаго камергера.

Не было еще двѣнадцати часовъ, когда на другой день къ дому

генеральши Ч. подкатила коляска, и изъ нея вышелъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ въ мундирѣ и лентѣ.

— А я къ вамъ сватомъ, прелестная генеральша, — встрѣтилъ онъ вышедшую и растерянную хозяйку: — явился бить челомъ за достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ быть вашимъ зятемъ лейтенанта И.

Дальнѣйшій разговоръ князя съ генеральшей, длившійся добрые полчаса, остался неизвѣстенъ, потому что собесѣдники ушли въ кабинетъ, и оттуда слышны были лишь слезные вздохи хозяйки и добрый, ласковый, но звучавшій все время непреклонной рѣшимостью голосъ князя.

Въ среду была парадная свадьба лейтенанта И. съ Еленою Ч. И замѣчательно, что вѣнчаніе происходило въ церкви Николая Морскаго, настоятеля которой мы, къ счастью, быть можетъ, не застали дома во время нашихъ съ лейтенантомъ экскурсій. Почему знать, быть можетъ, если бы мы застали его дома, дѣло приняло бы другой оборотъ, такъ какъ домъ генеральши Ч. принадлежалъ къ приходу этого батюшки; послѣдній былъ старымъ знакомымъ генеральши и давнимъ духовникомъ ея.

На третій день послѣ свадьбы новобрачные сдѣлали мнѣ честь, были у меня съ визитомъ, а отъ меня отправились въ Подьяческую улицу къ протоіерею К. благодарить его отъ души за указаніе вѣрнаго пути къ счастью.

Гдѣ вы теперь, милые, симпатичные, такъ любовно ворковавшіе тогда голуби? Живы ли, здоровы? много ли у васъ внучать? Сердечный вамъ привѣтъ изъ-за тридцатилѣтняго пространства!

В. М. Сикевичъ.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ ¹⁾.

VI.

Постепенный исторический ростъ Москвы и ея заселеніе.—Происхожденіе Китай-города, Вѣлаго города и Землянаго города.—Подмосковныя села, проглоченныя Москвой.—Лефортово и его роль въ исторіи Москвы.—Новыя аристократическія мѣстности города.—Продолжающійся ростъ Москвы за предѣлами Камеръ-Коллежскаго вала.

В ТѢХЪ поръ, какъ въ Россіи завелся Петербургъ съ его великолѣпнымъ Невскимъ проспектомъ и множествомъ другихъ широкихъ и прямыхъ улицъ, Москву принято корить и за то, что въ ней не всѣ улицы широки и прямы, много тѣсныхъ и кривыхъ переулковъ, не мало даже и такихъ, гдѣ съ трудомъ могутъ развѣхаться два встрѣчныхъ ломовика и даже двѣ извозчичьи пролетки, и за самый типъ и характеръ ея построекъ, способствующій частымъ и доселѣ нерѣдко опустошительнымъ пожарамъ, и за патриархальную неопрятность ея площадей, и за неряшество ея улицъ и дворовъ. У нея отнимаютъ даже благородное имя столицы и называютъ ее «великороссійской деревней».

Не входя въ защиту первопрестольной отъ названныхъ обвиненій, которыя всѣ страдаютъ излишнимъ преувеличеніемъ, замѣ-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 451.

тимъ только, что лучшимъ ея оправданіемъ является то обстоятельство, что она строилась и располагалась не какъ Петербургъ или Чикаго, «по щучьему велѣнью», а собиралась исторіей и необходимостью, какъ и сама Русская земля, которой сердцемъ ей, повидимому, навсегда суждено оставаться.

Стоить только, вооружившись, такъ сказать, историческимъ биноклемъ, болѣе или менѣе внимательно взглянуть въ планъ современной Москвы, чтобы убѣдиться, что она представляетъ собою едва ли не единственный городъ, котораго постепенный, послѣдовательный ростъ втеченіе многихъ вѣковъ совершался бы съ такой правильностью и цѣлесообразностью: отъ легендарной хижины никому невѣдомаго пустынного Вукола, уступившей свое мѣсто первому на Кремлевскомъ холмѣ храму Божию, начали расползаться во всѣ стороны по этому же ограниченному пространству небольшого холма первыя зданія намѣченнаго исторіей великаго города; много времени понадобилось для того только, чтобы заселить одинъ этотъ холмъ, усвоившій себѣ имя Кремля; столько же времени для того, чтобы въ одномъ Кремлѣ сдѣлалось тѣсно. Тогда онъ растворилъ свои ворота, чтобы сбить излишекъ населенія по окрестностямъ, предоставивъ ихъ и новымъ постоянно стекавшимся пришельцамъ и заключивъ для нихъ свои границы: это послужило основаніемъ Китай-города. Когда же и въ послѣднемъ стало тѣсно, самъ собою началъ выростать Бѣлый городъ, включая въ себя постепенно тамъ и сямъ разбросанные, до поры до времени одиноко стоявшіе, отдѣльные поселки, пролагая отъ Кремля и Китай-города къ нимъ, равно какъ и между ними, по кратчайшимъ линіямъ и удобнѣйшимъ мѣстностямъ, дороги, сперва пустынные, потомъ обстроивавшіяся отдѣльными усадьбами, а впослѣдствіи превратившіяся въ сплошь застроенныя улицы. Тѣмъ же путемъ продолжалась историческая работа заселенія Москвы и въ позднѣйшія времена, когда постоянно увеличивавшемуся притоку сельниковъ начали становиться тѣсными даже и довольно просторныя границы Бѣлаго города: Москва перешагнула черезъ всѣ свои тогдашнія ворота, протянулась во всѣ стороны до круглой ленты нынѣшней Садовой, и до поры до времени остановилась передъ Землянымъ валомъ, воздвигнутымъ въ ту эпоху на всемъ протяженіи этой улицы, и стала ограничивать себя уже предѣлами Землянаго города.

Но это не значить, чтобы за его границу царствовала безлюдная пустыня: тогдашнія московскія окрестности изобиловали поселками и цѣлыми селами, которыя, особенно къ сторонѣ Покровки, отличались многолюдствомъ. Такъ, не болѣе полуверсты вправо отъ нея, тотчасъ за валомъ, ютились Сыромятники; еще ближе къ ней располагались Басманники, обитавшіе въ двухъ отдѣльных поселкахъ, Старомъ и Новомъ. Непосредственно къ нимъ при-

мыкало древнее подмосковное село Елохово, нѣкогда отстоявшее отъ юной Москвы въ трехъ слишкомъ верстахъ; что село это еще въ XVI столѣтїи пользовалось уже извѣстными удобствами какой Богъ послалъ культуры и прочнаго благосостоянїя, объ этомъ можно заключить хотя бы изъ того обстоятельства, что въ средѣ его поселянъ процвѣтали даже ремесла. Извѣстно, что великій подвижникъ, прозорливецъ и чудотворецъ эпохи Іоанна Грознаго, юродивый Василий (Блаженный), былъ родомъ изъ села Елохова и происходилъ изъ семьи мѣстнаго сапожника. Справка тѣмъ болѣе любопытная, что и доднесъ наши села и деревни рѣдко могутъ похвалиться собственными портными, сапожниками, цирюльниками и т. п. ремесленнымъ людомъ. Влѣво отъ Елохова стояли Ольховцы, а за ними большое село Красное, съ громаднымъ протечнымъ прудомъ и великокняжескимъ дворцомъ. За Елоховымъ вправо расположились Нѣмецкїй поселокъ съ своимъ особымъ, тоже Нѣмецкимъ рынкомъ, и наконецъ еще дальше начинались земли села Рубцова, которое болѣе извѣстно подъ именемъ Покровскаго, отъ храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, стоявшаго на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ находится и нынѣ, то-есть вблизи отъ Яузы, берегомъ которой и оканчивается теперешняя Покровка.

Долгое время села эти и поселки жили каждый своею отдѣльною жизнью, раздѣляемые одинъ отъ другаго болѣе или менѣе обширными незаселенными пространствами: рощами, перелѣсками, полями, лугами, болотами, сообщаясь между собою проѣзжими дорогами.

Но съ XVIII столѣтїя судьба всей этой стороны московскихъ окрестностей быстро и круто измѣнилась: юный Петръ, чуть не малымъ ребенкомъ, промѣнялъ скучный для него Кремль на веселое Измайлово, потомъ на Семеновское и Преображенское, а позже, избравъ для своихъ кораблестроительныхъ опытовъ рѣчку Яузу, въ сосѣдствѣ съ нею поселилъ своего сотрудника и друга Лефорта, у котораго всего чаще началъ приставать и самъ. Быстро вокругъ Лефорта и его резиденціи создался поселокъ, за которымъ и доселѣ сохранилось прозвище Лефортова, и съ тѣхъ поръ надъ этой отдаленной отъ города, дотолѣ безвѣстной, да, поправдѣ сказать, ничѣмъ и не замѣчательной пригородной мѣстностью взшла новая звѣзда. Къ облюбованному юнымъ царемъ мѣсту стали тяготѣть и царедворцы, и всякаго рода государственные савовники, и знатное боярство, близкое ко двору, не желавшее отъ него отдаляться, и менѣе значительное дворянство, мечтавшее къ нему приблизиться. Вслѣдствіе того вся мѣстность: обѣихъ Басманныхъ, Гороховаго поля, Нѣмецкой свободы и береговъ Яузы, почти отъ Андроньева монастыря до Введенской горы (что нынѣ за военнымъ госпиталемъ), стала приобрѣтать мало-по-малу то же значеніе,

какое во весь до-Петровский періодъ московской исторіи сохраняли за собой мѣстности, ближайшія къ Кремлю. И дѣйствительно, всѣ названныя мѣстности втеченіе прошлаго столѣтія почти сплошь были заняты болѣе или менѣе обширными и великолѣпными усадьбами придворной знати: князья Куракины, Голицыны, Рѣпнины, графы Бутурлины, Строгановы и Разумовскіе, Шереметьевы, Шуваловы, Мусины-Пушкины, Демидовы, Фонвизинъ, Урусовы, Чадаевы, и многое множество другихъ, менѣе громкихъ и извѣстныхъ исторіи, но столь же богатыхъ и родовитыхъ представителей стариннаго русскаго дворянства озаботились приобрѣтеніемъ здѣсь недвижной собственности, и еще на нашей памяти, то-есть въ началѣ истекающей второй половины IX столѣтія, многія изъ ихъ усадебъ, уже заброшенныя и безпризорныя, носили однако знатныя имена своихъ устроителей.

А такъ какъ мода на Лефортово и его окрестности не кончилась съ Петромъ, но поддерживалась и его преемниками, которые, во время не особенно частыхъ приѣздовъ въ Москву, въ большинствѣ случаевъ продолжали игнорировать Кремль, располагаясь резиденціей въ томъ же Лефортовѣ, то и не мудрено, что до XVIII вѣка весьма пустынная, мало населенная, заключавшая въ себѣ лишь нѣсколько отдѣльных селъ и поселковъ, громадная мѣстность нынѣшней Покровки съ ея окрестностями, протянувшаяся отъ Землянаго вала до Покровскаго моста версты на четыре въ длину, и отъ Красныхъ воротъ, Краснаго села и Сокольничьяго поля до Яузы, почти на столько же въ ширину, втеченіе прошлаго столѣтія не переставала постепенно заселяться и застраиваться, къ концу его, уничтоживъ пустопорожнія пространства, коими раздѣлены были прежнія поселки, дороги, пролегавшія между послѣдними, превративъ въ улицы и переулки и такимъ образомъ включивъ массу пригородныхъ поселеній въ общую сѣть городскихъ строеній. Все это совершалось и совершилось безъ всякихъ искусственныхъ или принудительныхъ воздѣйствій, путемъ вполне естественнаго роста, который для Москвы, не смотря на ея почтенный возрастъ, не прекратился и доселѣ: самыхъ поверхностныхъ наблюденій надъ ея окраинами совершенно достаточно, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Сорокъ лѣтъ назадъ, мѣстомъ для постройки вокзала Николаевской желѣзной дороги былъ выбранъ артиллерійскій полевой дворъ, стоявшій среди пустыннаго Каланчевскаго поля и славившійся тѣмъ, что въ окружавшій его кустарникъ по зимамъ нерѣдко забѣгали волки, теперь во всѣ стороны отъ вокзала всѣ пустыри тѣсно застроены и плотно заселены, пустынный проѣздъ отъ вокзала до Сокольничьей заставы превратился въ сплошь застроенное съ обѣихъ сторонъ шоссе, Красное село удесятерило свои строенія, Сокольничье поле исчезаетъ постепенно подъ сплошными рядами жилыхъ строеній, образующихъ между собою улицы, переулки, площади и даже цѣлыя рынки.

Село Черкизово, знаменитое помѣстье святителя Алексія, митрополита московскаго, — сельцо, купленное имъ, какъ онъ упоминаетъ о томъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, на свое серебрено, — не болѣе тридцати лѣтъ назадъ отстояло отъ Преображенской заставы и знаменитаго Преображенскаго кладбища почти въ верстѣ, отдѣляясь отъ нихъ частию пахатнымъ полемъ, частию оврагами и буграми прежняго мороваго кладбища. Лѣтъ двадцать назадъ, между заставою и старымъ Черкизовымъ протянулась сплошная лента жилыхъ строеній по лѣвую сторону дороги. Лѣтъ черезъ пять такая же лента протянулась и по правой ея сторонѣ. Втеченіе десяти лѣтъ позади этихъ строеній тамъ и сямъ выросли отдѣльныя усадебки среди голаго поля, а прошлымъ лѣтомъ, когда намъ случилось побывать въ Черкизовѣ, мы были изумлены, увидѣвъ, что на мѣстѣ изрытаго оврагами мороваго кладбища расположились ряды улицъ и переулковъ, сплошь застроенныхъ и населенныхъ, и что Черкизово, такимъ образомъ, совершенно вполнѣ придвинулось къ Москвѣ, отдѣляясь отъ нея лишь Камеръ-Коллежскимъ валомъ да зданіемъ прежней призаставной кордегардіи.

Подобное видимъ и у смежныхъ между собою заставъ Рогожской и Покровской: въ былое время эмигранты Андроньевской улицы перекочевали за черту города и основали за первую изъ этихъ заставъ деревню Новую Андроновку. Долгое время она влачила жалкое существованіе, состоя изъ двухъ рядовъ убогихъ избушекъ, протянувшихся слишкомъ на версту по обѣимъ сторонамъ Владимірскаго шоссе. Но какъ только основалась возлѣ нея товарная станція Курской желѣзной дороги, населеніе въ какой нибудь десятокъ лѣтъ возросло до 10—12 тыс. душъ, и громадный пустырь между шоссе и полотномъ Нижегородской желѣзной дороги превратился въ десятки улицъ и переулковъ, заключающихъ въ себѣ не одну сотню домовъ и многія тысячи жителей, и доселѣ все продолжаетъ вдоль по Владиміркѣ выбрасывать изъ себя излишки населенія, заставляя ихъ строить новыя жилища за его предѣлами.

До проведенія Нижегородской желѣзной дороги между Покровскою заставою и селомъ Карачаровымъ, на протяженіи слишкомъ трехъ верстъ, только и стояли что зданіе этапа, нынѣ упраздненное, да Калитниково кладбище. Теперь же не только до вокзала, то есть на версту отъ заставы, тянутся сплошныя постройки Александровской слободы, но и дальше вокзала, до кладбища, идетъ непрерывная цѣпь жилыхъ построекъ, да и за кладбищемъ почти вся дорога до Карачарова также застроена, такъ что черезъ какія нибудь нѣсколько лѣтъ и это село, на подобіе Черкизова, соединится съ городомъ непрерывною сплошь застроенною улицей, а слѣдовательно когда нибудь и сольется съ нимъ, войдя въ его черту, какъ это случилось въ свое время и съ Краснымъ, и съ Рубцовымъ, и со многими другими подмосковными селеніями. И

если это не естественный ростъ, то что же тогда назвать такимъ именовемъ? Тѣмъ болѣе, что въ различныхъ то болѣшихъ, то меньшихъ размѣрахъ это же самое явленіе наблюдается вокругъ всей Москвы, на каждой ея окраинѣ: за Дорогомиловской заставой, также какъ и за Тверской, въ Марьиной рошѣ, такъ же какъ и за Крестовской заставой. За послѣдней на нашей памяти было нѣсколько убогихъ лачугъ: теперь сплошныя постройки тянутся чуть не на полверсты, до самыхъ воротъ Пятницкаго кладбища. Стоило графамъ Шереметевымъ пожертвовать своимъ достояніемъ, предложивъ территорію Марьиной роши желающимъ подъ постройку домовъ на арендномъ правѣ, и роша превратилась въ прекрасный проспектъ, съ обѣихъ сторонъ окаймленный домами-дачами и составляющій продолженіе Марьиной слободки по направленію къ Марьиной деревнѣ и Останкину, вслѣдствіе чего послѣднее подвинулось къ московской городской чертѣ сразу почти на версту — протяженіе новаго проспекта.

Таковъ естественный ростъ первопрестольной столицы, которая, и лишившись непосредственнаго значенія и вліянія на политическую жизнь страны, продолжаетъ оставаться истиннымъ, историческимъ центромъ и умственной, и нравственной, и экономической жизни народа. Поучительна, въ этомъ смыслѣ, параллель Москвы хотя бы, напримѣръ, съ Новгородомъ: лишенный политическаго значенія, онъ превратился въ ничто; исчезло его многочисленное населеніе; сократились даже его территоріальныя границы.

Въ настоящее время существуютъ близъ Новгорода современнаго храма, которые стояли въ центрѣ Новгорода тогдашняго: уже по этому одному можно заключать и о его тогдашнихъ территоріальныхъ размѣрахъ, и о степени современнаго его оскудѣнія и умаленія. Въ Москвѣ наблюдается иное, совсѣмъ противоположное явленіе: оставшись, по картинному выраженію Пушкина, въ положеніи порфиросной вдовы, она не только не чахнетъ съ горя, не только продолжаетъ пользоваться прежнимъ благополучіемъ, но видимо увеличиваетъ свое благосостояніе, полнѣетъ, добрѣетъ, скидаетъ съ себя сдѣлавшійся узкимъ корсетъ Землянаго вала, и раскидывается въ просторныхъ границахъ Камеръ-Коллежскаго, да и тѣ, какъ мы видимъ теперь, менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе, оказываются для нея уже не достаточно помѣстительными.

VII.

Особенности Вѣлаго и Землянаго города: изобиліе и размѣры частновладѣльческихъ садовъ.—Неряшливость обывателей вообще и въ частности: домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ.—Кавалерственная дама Лонгинова, Катковъ и Леонтьевъ, Голицынская больница, почтъ-директоръ Загорѣцкій.—Отравленіе Неглинной.—Торговые обычаи.—Ремесленная оппозиція частотѣ и опрятности.—И. М. Филипповъ.—Конгрессъ будочниковъ и братья Севастьяновы.

Кучково поле, равно какъ и упоминаемыя въ преданіяхъ окружавшія его села: Симоново, Воробьево и др., стояло въ свое время среди глухаго, дремучаго лѣса. Даже много позже кроваваго эпизода съ его злочастнымъ владѣльцемъ, когда намѣчено было мѣсто для будущаго Кремля, первый храмъ во имя Спаса пришлось сооружать въ лѣсу, почему онъ и носить доселѣ историческое названіе Спаса на бору, хотя теперь и запертъ со всѣхъ сторонъ однѣми каменными громадами дворцовыхъ зданій.

Только по мѣрѣ заселенія Москва постепенно расчищала вкругъ себя лѣсныя чащи, замѣняя ихъ убогими поселками, и цѣлыя вѣка понадобились ей для того, чтобы наконецъ соединить эти безчисленныя подгородныя деревушки и слободки сначала открытыми дорогами, а потомъ и сплошными строеніями, частію истребивъ, частію превративъ въ обширные сады раскинувшіеся между ними перелѣски.

Даже и до сегодня Москва, не считая, конечно, Кремля и Китай-города, щеголяетъ изобиліемъ зелени, и между поясами бульваровъ и Садовой, на разстояніи, слѣдовательно, одной-двухъ верстъ отъ центра города, сады при частныхъ владѣніяхъ вовсе не составляютъ рѣдкости; что же касается Замоскворѣчья и мѣстностей между Землянымъ и Камеръ-Коллежскимъ валомъ, въ нихъ, напротивъ, до послѣдняго времени рѣдкостью считался домъ, при которомъ не было бы сада.

И какіе сады! На Спиридоновкѣ, напримѣръ, при домѣ С. Т. Аксакова (въ двухъ шагахъ отъ Никитскихъ воротъ) садъ былъ въ двѣ десятины (не знаемъ, цѣль ли онъ теперь). Обѣ Никитскія улицы, Большая и Малая, Поварская, окрестности Арбата, Пречистенка, Остоженка, все Замоскворѣчье, вся Таганка и Рогожская (здѣсь, на Алексѣевской улицѣ, при домѣ бывшемъ Перлова, а нынѣ, если не ошибаемся, Ананьева, садъ, какъ и Аксаковский, то же въ двѣ десятины), Сыромятники, Гороховое поле (не говоря уже о Разумовскомъ и Демидовскихъ садахъ, при домѣ Четвериковыхъ садъ тоже около двухъ десятинъ), обѣ Басманныя, Нѣмецкая улица, четыре Мѣщанскія, Новослободская (Долгоруковская), Грузины, Зубово и Хамовники—доселѣ, можно сказать безъ

преувеличенія, утопають въ садахъ, изъ которыхъ иные, какъ, на примѣръ садъ при домѣ графовъ Толстыхъ (на Божедомкѣ, близъ Самотеки), гг. Олсуфьевыхъ (въ Зубовѣ), Митьковыхъ (на Сокольничьемъ шоссе), Гучковыхъ (въ Преображенскомѣ), Алексѣевыхъ (у Покровскаго моста), Козновыхъ (у Семеновской заставы), при домѣ Таможни (близъ Андроньева монастыря), при многихъ казенныхъ заведеніяхъ и обывательскихъ домахъ, представляютъ собою цѣлыя роши.

Вообще, до строительной горячки послѣднихъ трехъ десятилѣтій, изъ 6.700 десятинъ земли, занятыхъ Москвою, въ границахъ Камеръ-Коллежскаго вала, подъ строеніями состояло не болѣе 2.000 десятинъ, т. е. менѣе $\frac{1}{3}$; нѣсколько менѣе 1.000 десятинъ, т. е. гораздо менѣе $\frac{1}{6}$, подъ церквами, площадями и улицами; осталая же половина съ большимъ лишкомъ считалась подъ рѣками, прудами, огородами и садами, такъ что, если даже выключить изъ нея на рѣки, пруды и огороды приблизительно $\frac{1}{6}$, т. е. болѣе 1.100 десятинъ, то, всетаки, $\frac{1}{3}$, или свѣше 2.200 десятинъ земли придется считать подъ казенными, общественными и преимущественно частновладѣльческими домами,—обстоятельство, едва ли встрѣчающееся въ какомъ либо другомъ подобныя же размѣровъ городѣ, и, конечно, весьма выгодное для обывателей Москвы въ санитарномъ и гигиеническомъ отношеніи, хотя выгоды эти и парализуются двумя тоже не менѣе историческими обстоятельствами: традиціонною неряшливостью Москвы и вопіющимъ недостаткомъ въ водѣ, какъ ея главнѣйшею причиною. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ петербуржецъ имѣетъ воды сколько ему угодно и можетъ чиститься и мыться въ ней, какъ только ему заблагоразсудится, москвичъ располагаетъ лишь ведромъ Мытищинской воды въ сутки да двумя отравленными и вонючими лужами въ видѣ Москвы-рѣки и Яузы; за симъ остаются нѣсколько ничтожныхъ и тоже загаженныхъ ручейковъ, нѣсколько такихъ же прудовъ, да примитивнаго устройства колодцы на обывательскихъ дворахъ, встрѣчающіеся не очень часто.

Условія въ смыслѣ соблюденія чистоты и опрятности весьма неблагоприятныя, и не мудрено, что окруженный ими москвичъ изъ поколѣнія въ поколѣніе такъ и вырастаетъ въ привычкахъ къ неопрятности и нечистоплотности.

А отсюда проистекаетъ и то прискорбное обстоятельство, что, не смотря ни на сравнительно благоприятныя условія климата и почвы, ни на просторное сравнительно расселеніе жителей, изъ коихъ на cadaго причитается свѣше 20 квадр. саж. территоріи, или на 120 человѣкъ цѣлая десятина, или, что тоже, на 12.500 душъ квадратная верста,—гигиеническое и санитарное состояніе города даже и теперь, при усилившейся строгости правительственнаго надзора за нимъ, не можетъ считаться образцовымъ. Что же

было въ этомъ отношеніи раньше, не только за нѣсколько вѣковъ, но даже за нѣсколько десятилѣтій,—о томъ нелѣтъ есть и глаголати: довольно сказать, что ни о какомъ удаленіи нечистотъ и очисткѣ ретирадъ и помойныхъ ямъ большинство и не думало, спуская ихъ содержимое или въ рѣку, если таковая была по близости, или, одновременно съ каждымъ дождемъ, прямо на улицы, по которымъ почти постоянно и журчали зловонные ручейки, заражая атмосферу и порождая міазмы; что при каждой мясной лавкѣ на любомъ рынкѣ устраивалась ежедневно импровизованная бойня для привозимаго живьемъ мелкаго скота и птицы, и слѣды этихъ боенъ, въ видѣ зловонныхъ кровавыхъ лужъ, никогда не уничтожались никѣмъ, кромѣ солнечныхъ лучей, и пока подъ ихъ вліяніемъ высушивались, гнили на вольномъ воздухѣ позади лавокъ и заражали атмосферу на далекое пространство, падалъ всякаго рода въ видѣ дохлыхъ кошекъ, собакъ и т. п. безпрепятственно выбрасывалась на улицы и площади, гдѣ, никѣмъ не прибираемая, и догнивала до полнѣйшаго разложенія; мѣста для свалки нечистотъ отводились даже городскимъ управленіемъ чуть не въ чертѣ города, тотчасъ за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, вслѣдствіе чего обывателямъ многихъ городскихъ окраинъ, по близости, на примѣръ, Проломной, Спасской, Серпуховской, Крестовской, Преображенской и Семеновской заставъ, съ ранней весны до поздней осени было буквально нечѣмъ дышать, кромѣ міазматическихъ испареній. Этому же способствовали и пригородныя бойни, содержашіяся въ неопишемомъ неяршествѣ и распространявшія зловонную атмосферу на свои окрестности. Не уступали имъ въ этомъ отношеніи и пригородныя землевладѣльцы, принадлежавшіе не только къ интеллигентному, но даже къ аристократическому классу общества. Такъ, на нашей памяти, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, инженеръ Куріановъ не стѣснился обратить свою землю близъ Владимірки подъ свалку нечистотъ, а свою дачу въ стоянку для отходниковъ.

Точно также распорядилась съ своимъ прекраснымъ помѣстьемъ и кавалерственная дама Лонгинова, мать покойнаго М. Н. Лонгинова, владѣлица такъ называемой Крюковой дачи, прелестные паркъ и усадьба которой плотно примыкаютъ къ Нѣмецкому кладбищу (въ Лефортовѣ), а нѣкогда пахатная земля тянется отъ Лефортова вплоть до Измайловскаго Звѣринца: сданная помѣщицей въ аренду отходникамъ подъ свалку нечистотъ, земля ея не только сама пропиталась насквозь нечистотами, но и почву сосѣднихъ съ нею огородовъ до такой степени пропитала ими, что на базарахъ Нѣмецкаго рынка, на нашей памяти, пользовался даже прискорбной извѣстностью «Крюковскій» картофель: хозяйки тщательно береглись отъ его покупки, такъ какъ въ сваренномъ видѣ онъ не подлежалъ употребленію въ пищу вслѣдствіе издаваемаго имъ зловоннаго запаха.

Если ужъ такіе обыватели держались подобной антисанитарной и антигигіеничной политики, то чего же можно было и требовать ихъ отъ массы, въ большинствѣ и невѣжественной, и недостаточно зажиточной, для осуществленія какихъ-то тамъ санитарныхъ мѣръ? Да, главное, и некому было требовать: не существовало ни торговой, ни тѣмъ паче санитарной полиціи, а общая, пополнявшаяся преимущественно изъ отставныхъ военныхъ офицеровъ низшихъ ранговъ, на службу свою смотрѣла скорѣе какъ на синекуру и, существуя главнымъ образомъ не на казенное жалованье, а на щедроты обывателей, ни отъ нихъ къ себѣ не требовала уваженія, а напротивъ въ нихъ заискивала, ни сама особенно не уважала своего служебнаго достоинства, да къ тому же ровно ничего и не смыслила ни въ санитарныхъ, ни въ гигиеническихъ вопросахъ, для которыхъ даже и терминологіи-то въ тѣ времена не существовало.

Все это завелось, всѣ эти вопросы возникли и терминологія создалась и начала тревожить обывательскія уши и сердца вслѣдъ за судебною реформой и учрежденіемъ судебно-мироваго института. Но и тутъ москвичь-обыватель быстро примѣнился къ новымъ обстоятельствамъ и создалъ себѣ такую выгодную обстановку, въ которой для него перестали быть страшными и всевозможныя полиціи, и даже судебные приговоры.

Домовладѣльцы, чтобы избавиться и отъ расходовъ на санитарное упорядоченіе своихъ домовъ и дворовъ, и отъ наказанія за неопрятное ихъ содержаніе, нашли возможность на законномъ основаніи прятаться за спины своихъ дворниковъ и управляющихъ, торговцы—приказчиковъ. Нравственный же стыдъ скандала, производимаго публичностью взысканій и наказаній,—на что возлагалось, при введеніи гласнаго судопроизводства, столько надеждъ,—надъ простодушнымъ москвичемъ очень скоро потерялъ всякое дѣйствіе и вліяніе: не говоря уже о заскорузомъ мѣщанствѣ и сѣромъ купечествѣ, которымъ, какъ извѣстно, стыдъ никогда глаза не ѣлъ, скоро сбнаружилось, что онъ не дѣйствуетъ и на людей изъ самаго интеллигентнаго классовъ. Катковъ и Леонтьевъ были привлечены полиціей къ отвѣтственности за намѣренное отравленіе Москвы-рѣки посредствомъ спуска въ нее нечистотъ изъ принадлежавшаго имъ зданія Лицея цесаревича Николая, и вмѣсто того, чтобы смириться передъ позоромъ постыднаго дѣянія, въ коемъ были уличены, и молча заплатить штрафъ, на нихъ наложенный, предпочли провести дѣло чрезъ горнило судебной и газетной гласности, въ надеждѣ какими либо увертками и софизмами выволить себя отъ его уплаты.

Нѣсколько позже знаменитыхъ публицистовъ, въ томъ же самомъ преступленіи было уличено управленіе Голицынской больницы, стоящей тоже на берегу многострадальной Москвы-рѣки.

И что же? Администрація общественнаго благотворительнаго заведенія, призваннаго исцѣлять недужныхъ, а не заражать недугами здоровыхъ, не остановилась передъ срамомъ судебного процесса и точно также краснорѣчиво, какъ и вышеназванные публицисты, защищала свою невинность, утверждая, что въ отравленіи Москвы рѣчки нечистотами, да еще больничными, съ ея стороны не было ничего преступнаго, потому что такой порядокъ существовалъ въ больницѣ испоконъ вѣка.

Еще позже, когда городское общественное управленіе убѣдилось, что судебныя кары неспособны помочь ему въ дѣлѣ оздоровленія столицы, принята была съ его стороны мѣра, можно сказать, героическая: не выжидая судебной волокиты, приговодить къ позорному столбу каждаго обывателя, уличеннаго въ болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ противъ общественнаго здравія, оглашать въ думѣ, а затѣмъ и предавать гласности его имя и свойство его преступленія. И что же? Между первыми же такими виновными оказался покойный почтъ-директоръ московскаго почтамта, тайный совѣтникъ С. С. Подгорѣцкій!

Вслѣдъ за симъ, когда обнаружилось, что подземная рѣчка Неглинная по всему своему теченію отъ Трубной площади до Александровскаго сада превратилась въ зловонную клоаку, заражающую воздухъ, и предпринято было, одновременно съ ея очисткой, разслѣдованіе причинъ этого явленія, оказалось, что владѣльцы домовъ, прилегающихъ къ этой рѣчкѣ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ на ассенизацію своихъ имуществъ, соединили ватерклозетныя трубы съ водосточными и посредствомъ этого фокуса устроили для своихъ нечистотъ и отбросовъ прямо сообщеніе съ русломъ Неглинки, а между тѣмъ почти всѣ эти домовладѣльцы люди или богатые, или интеллигентные, или и то и другое вмѣстѣ.

О торговцахъ нечего и говорить: при традиціонной привычкѣ къ неспрытности, при крайней затруднительности постояннаго и строгаго за ними санитарнаго надзора, при ихъ изворотливости, превосходящей таковую же домовладѣльцевъ, при ихъ панибратствѣ съ низшими полицейскими служителями и, наконецъ, при ничтожности наказаній за антисанитарныя проступки и преступленія, мудрено ли, что даже Охотный рядъ, центральный торговый пунктъ, оказался совершенно глухъ и неподатливъ на всякія санитарныя улучшенія и теперь глядитъ такимъ же нерыхой и смердитъ такимъ же зловоніемъ, какъ и во времена французскаго нашествія. А въ виду этого чего же и ожидать отъ второстепенныхъ рынковъ Бѣлаго и Землянаго города, каковы, напримѣръ, Смоленскій, Сухаревскій, Нѣмецкій, Рогожскій, Таганскій и всѣ замоскворѣцкіе? Въ ихъ лавкахъ лежитъ та же прадѣдовская грязь, какъ и въ началѣ столѣтія, и если мировые судьи взыскиваютъ съ нихъ за это изрѣдка по нѣскольку рублей, они ихъ без-

ропотно платять, потому что очистка лавки, ея наиболѣе санитарное устройство и постоянное содержаніе въ опрятности и чистотѣ, обошлось бы во много разъ дороже.

Но это еще не все: какъ только санитарныя требованія къ торговлѣ и промышленности сдѣлались постоянными, а по временамъ и настойчивыми, объявились цѣлыя группы торговцевъ-промышленниковъ, которые изъ пассивной покорности перешли въ оппозицію, а затѣмъ и въ оборонительную и наступательную войну противъ санитарныхъ требованій и взысканій. Такъ, на примѣръ, цехъ хлѣбопековъ и булочниковъ, оскорбленный надоедливыми требованіями санитарныхъ улучшеній во внутреннихъ подробностяхъ его промысла, вмѣсто покорнаго ихъ выполненія, началъ просто огрызаться на нихъ. Предводимые своимъ тогдашнимъ царькомъ, знаменитымъ калачникомъ, придворнымъ пекаремъ И. М. Филипповымъ, булочники организовали постоянную оппозицію всякимъ санитарнымъ требованіямъ, находя несправедливыми притѣсненіями ихъ промысла, когда имъ указывали на таракановъ и мышей, запекаемыхъ въ хлѣбахъ, или на то, что неприлично рабочимъ мужикамъ, въ грязномъ и вшивомъ бѣльѣ, спать на тѣхъ самыхъ столахъ, гдѣ мѣсится тѣсто, а грязныя онучи развѣшивать по квашнямъ и кулямъ съ мукой. Пользуясь извѣстнымъ престижемъ въ Москвѣ и даже благорасположеніемъ генераль-губернатора, покойнаго князя Вл. А. Долгорукова, имѣя сильныя связи и въ администраціи, и въ думѣ, поддерживаемый нѣкоторыми газетами, Иванъ Максимычъ всячески заступался за quasi притѣсняемую меньшую братію, небезуспѣшно подставляя ножку санитарнымъ дѣятелямъ и часто сводя къ нулю ихъ благія мѣропріятія. Задумывалъ онъ даже и открытую войну противъ санитарнаго непріятели, предполагая созвать сходку всѣхъ московскихъ булочниковъ, сочинить прошеніе объ избавленіи ихъ отъ санитарныхъ нашествій и подать въ думу, которой и самъ состоялъ гласнымъ, хотя и фиктивнымъ, да за скоростижной смертью не успѣлъ привести своей мысли въ исполненіе. И только черезъ годъ по его кончинѣ, въ 1879 году, состоялся подъ предсѣдательствомъ его сына этотъ конгрессъ хлѣбопековъ: было написано прошеніе, подано городскому головѣ, произошло нѣсколько совѣщаній членовъ городской управы съ депутатами отъ просителей, и хотя прошеніе было положено подъ сукно, тѣмъ не менѣе торговой полиціи было внушено конфиденціально, чтобъ она очень-то ужъ къ булочникамъ не придиралась. Съ тѣхъ поръ и тараканы, и мыши, и сами пекаря вздохнули свободнѣе, да и рабочіе ихъ остались безъ особыхъ спаленъ, попрежнему въ пекарняхъ предаваясь отдохновенію и просушивая бѣлье. Это благосклонное распоряженіе для пекарей пришлось тѣмъ болѣе кстати, что какъ разъ передъ тѣмъ временемъ обнаружались поразительные факты не только ихъ неопрятности и неряшества въ своемъ дѣлѣ,

но и принципиальнаго ихъ душевнаго нерасположенія къ чистотѣ и опрятности. Осматривали официальные городскіе санитары обширную пекарню братьевъ Севастьяновыхъ, находящуюся въ ихъ собственномъ огромномъ домѣ на Арбатской площади, и полюбопытствовали узнать, какая вода употребляется для пекарнаго дѣла. Отвѣтъ получился, что изъ колодца, расположеннаго на внутреннемъ дворѣ дома. Захотѣли посмотрѣть, что это за вода, и ужаснулись: это была не вода, а какая-то мутная жидкость, запахомъ своимъ располагавшая заключать, что она чрезъ мѣру насыщена какими-то посторонними водѣ предметами. Тогда санитарная коммиссія попросила этой водицы себѣ на память, и ея предсѣдатель, въ своемъ официальномъ отчетѣ о санитарныхъ походахъ коммиссіи по Москвѣ, удостовѣрилъ, что черезъ двое сутокъ въ этомъ пузырькѣ, хранившемся въ его лабораторіи, усмотрѣнъ былъ отстоявшійся весьма значительный осадокъ человѣческихъ экскрементовъ. Оказалось, что вся почва внутренняго двора, среди котораго стоялъ колодезь, насквозь пропитана нечистотами сосѣднихъ съ колодеземъ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ, и что, слѣдовательно, ими же насыщена въ изобиліи вода колодца, и ими же подздобливаются хлѣбопекарные продукты братьевъ Севастьяновыхъ. Не безъ грустной ироніи авторъ отчета, докторъ Бензенгръ, съ особымъ удареніемъ указывалъ на два обстоятельства: что Севастьяновы такъ же, какъ и Филипповъ, придворные пекари, поставщики булочныхъ товаровъ къ Высочайшему двору, и что онъ самъ, въ силу, между прочимъ, и этого обстоятельства, именно пекарню этихъ Севастьяновыхъ предпочиталъ десятку другихъ, въ увѣренности, что ихъ продукты изготовляются и изъ наилучшихъ матеріаловъ, и съ большимъ искусствомъ, и съ особенной рачительностью о ихъ достоинствѣ.

VIII.

Первая вольная аптека.—Домъ IV гимназіи.—Студентъ Даниловъ и его процессъ.—Антикварій Родіоновъ.—Боткинская картинная галлерей.

Чтобы продолжить нашу прогулку по Покровскѣ отъ границъ Бѣлаго города съ покойнымъ духомъ, намъ необходимо пополнить пробѣлъ, заключающійся въ V главѣ. Поторопившись миновать поскорѣе топкія Покровскія грязи и освѣжиться вольнымъ воздухомъ Чистыхъ прудовъ, мы упустили изъ вниманія домъ священника Троицкой церкви съ находящеюся въ его бельэтажѣ аптекой, а она, между тѣмъ, заслуживаетъ, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Во-первыхъ, это первая московская вольная аптека; во-вторыхъ, ей отъ роду значительно болѣе полутора ста лѣтъ, и, въ-третьихъ, за все время своего существованія она оставалась

собственностью семейства Миндеровъ, предокъ которыхъ и основатель ея въ прошломъ столѣтїи: три достоинства, заслуживающія упоминанія, особенно въ виду непрочности всего земнаго, шаткости нашихъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, рѣдко доживающихъ и до сотни лѣтъ, и удесятерившейся за послѣднее время конкуренціи между тружениками и антрепренерами аптечнаго дѣла.

Первое, что обращаетъ на себя взоръ наблюдателя, если пройти воображаемыя Покровскія ворота по дорогѣ къ Земляному валу, это — причудливый по архитектурѣ домъ IV гимназїи, который не безъ извѣстный былой писатель московской старины С. Любецкій называетъ «комодообразнымъ», очевидно не симпатизируя его наружности. О вкусахъ, конечно, не спорять, а тѣмъ болѣе въ архитектурѣ: во всякомъ случаѣ князьямъ Трубецкимъ, которымъ онъ еще не такъ давно принадлежалъ и которые выстроили его на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1812 году, нельзя отказать въ оригинальности архитектурнаго вкуса, да притомъ еще вопросъ, какая архитектура лучше, «комодообразная», или просто ящичная, какъ въ большей части московскихъ зданій. Изъ рукъ своихъ родовыхъ владѣльцевъ домъ этотъ ушелъ, какъ намъ довелось слышать, совершенно случайно и даже неожиданно. Продавать его обычнымъ путемъ они, по крайней мѣрѣ, и не думали. Въ началѣ 1860 годовъ, какъ извѣстно, состоялось учрежденіе Московской публичной бібліотеки, а такъ какъ въ ея собственность предоставлялся и Румянцевскій музей, то приходилось таки порядочно поломать голову надъ выборомъ помѣщенія, которое было бы вполне достойно такихъ учреждений. Изъ частныхъ владѣній подходящаго ни одного не находилось, казенныя тоже не пустовали. И по размѣрамъ, и по достоинству строго-изящнаго внѣшняго вида всего болѣе удобствъ представлялъ домъ Пашкова, на Знаменской горѣ, но онъ былъ уже занятъ IV-ю гимназїей, такъ, что если бы и можно было остановиться въ поискахъ именно на немъ, то не иначе, какъ подыскавши домъ, куда бы можно было перевести гимназію. Къ однимъ труднымъ и бесплоднымъ поискамъ прибавились другіе, долго тоже остававшіеся бесплодными, пока не узнали обо всей этой исторїи князя Трубецкіе. — Да вотъ, не хотите ли, берите нашъ домъ. — Въ самомъ дѣлѣ? — Безъ шутокъ. Но въ этомъ дѣлѣ была шутка, и довольно злая — надъ мальчиками-гимназистами. Къ учебному заведенію, стоявшему на Знаменкѣ, естественно тяготѣли обыватели Арбата и даже Смоленскаго рынка съ Дорогомиловымъ, Причистенки и Остоженки, и даже Хамовниковъ съ Дѣвичьимъ полемъ, равно какъ ближайшихъ къ Каменному мосту околотковъ Замоскворѣчья. Многие изъ нихъ и по прежнему адресу дѣлали до гимназїи по двѣ и по три версты: имъ пришлось бы прибавить еще чуть не столько же, если бы гимназія очутилась на Покровкѣ. Обратили вниманіе и на это, но ни дома другаго, подходящаго въ прежней мѣстности,

не нашли, ни домъ Трубецкихъ придвинуть къ ней никакихъ средствъ не измыслили; разстаться же съ нимъ не хотѣлось, и потому рѣшено было пожертвовать ногами и сапогами мальчиковъ. Такъ и состоялся переводъ гимназіи съ Знаменки на Покровку, въ домъ князей Трубецкихъ. Пороптали первое время этому неожиданному сюрпризу родители ребятъ, да и сами они, а потомъ и привыкли къ этимъ двумъ лишнимъ, и взадъ и впередъ четыремъ верстамъ ежедневнаго моціона.

Едва успѣла IV-я гимназія въ своихъ новыхъ княжескихъ палатахъ провести чрезъ семиклассные педагогическіе пороги новое поколѣніе воспитанниковъ, какъ одинъ изъ нихъ, только что перешедшій въ университетъ, успѣлъ доставить въ лицѣ своемъ богатый юридическій матеріалъ для уголовного правосудія, надъ которымъ тогдашнія новоявленные свѣтила прокуратуры и адвокатуры и устроили торжественные спрыски только что открывшихся судебныхъ учрежденій. Говоримъ о пресловутомъ студентѣ Даниловѣ, сынѣ надзирателя IV-й гимназіи, проживавшемъ рядомъ съ нею, въ Дегтярномъ переулкѣ, при родителяхъ, быстро заматавшемся въ деньгахъ и для быстрого поправленія своихъ финансовъ вышедшемъ изъ-подъ отчаго крова на убійство ростовщика Попова и на разграбленіе его кассы. Говорили и продолжаютъ говорить, что этотъ заболтавшійся юноша послужилъ для Достоевскаго прототипомъ, съ котораго, будто бы, онъ создалъ своего Раскольника въ «Преступленіи и наказаніи»: полагаемъ, что это далеко не такъ. Если вѣроятно, что романъ навѣянъ именно этимъ процессомъ, то такой преступникъ, какъ Даниловъ, могъ послужить не болѣе, какъ грубой моделью при созданіи такого глубокаго страдальца, какимъ изображенъ Раскольниковъ, и дѣйствительно потребна была вся мощь художественнаго таланта, чтобы грубаго злодѣя à la Даниловъ облечь въ идеальный плащъ Раскольника. Начать съ того, что Даниловъ отлично реализировалъ добытыя преступленіемъ цѣнности; замысловато устранялъ себя отъ всякихъ подозрѣній, такъ что вынудилъ поднять противъ себя самыхъ стрѣляныхъ ищеекъ сыскной полиціи; художественно заперался какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ и на судѣ. Намъ довелось присутствовать на этомъ процессѣ, и, признаюсь, не смотря на протекшую съ той поры четверть вѣка, мы не забыли того отталкивающаго, мало того, ужасающаго впечатлѣнія, которое производилъ Даниловъ своими утонченнѣйшими ухищреніями опровергнуть не опровержимыя улики, обезцѣнить вѣскія доказательства его виновности, подставить ножку опасному свидѣтелю, и т. п. Не вѣрилось, смотря на его изящную фигурку, что это двадцатилѣтній юноша — такимъ опытнымъ казался онъ въ криминальной казуистикѣ и юридической изворотливости.

Данилова, какъ извѣстно, обвинили; потолковала о немъ Мо-

сква съ недѣлку, а потомъ, какъ водится, и забыли всё. Но процессъ его остался навсегда въ памяти присутствовавшихъ на немъ и въ лѣтописяхъ московскаго уголовнаго правосудія, ибо на немъ происходила одна изъ первыхъ пробъ какъ прокурорскихъ, такъ и адвокатскихъ талантовъ, да и самъ онъ былъ одною изъ первыхъ causes célèbres московскаго судебного округа.

На противоположной гимназіи сторонѣ Покровки, лѣвой, если смотрѣть отъ Ильинскихъ воротъ, втеченіе многихъ десятилѣтій существовали рядомъ, бокъ-о-бокъ, два торговыхъ заведенія, совершенно противоположныхъ одно другому свойствъ: одно носило характеръ отталкивающей, другое — привлекательный; одно было обыкновенною гробовою лавкой; другое — магазиномъ рѣдкостей и художественныхъ древностей, съ обширною, по временамъ, картинною галлереей при немъ; но оба носили одну и ту же фамилію Родіоновыхъ, по той простой причинѣ, что и прискорбный гробовщикъ съ своимъ страшнымъ товаромъ, и элегантнѣйшій антикварій съ сотнями драгоценныхъ objets и tableaux, глядѣвшихъ въ живописномъ беспорядкѣ сквозь зеркальныя стекла вычурно-размалеваннаго магазина, были родные братья. Въ силу какихъ именно обстоятельствъ два сына одной семьи избрали себѣ столь противоположныя торговыя профессіи, не знаемъ; но знаемъ, что гробовщицескій промыселъ оказался много прочнѣе антикварнаго: гробовая лавочка и до сихъ поръ торгуетъ на славу, антикварнаго же магазина давно и слѣдъ простылъ. По смерти самого Родіонова на томъ же мѣстѣ, гдѣ и онъ сидѣлъ, за столикомъ у магазиннаго окна, среди самаго рѣдкостнаго хлама, появился было его наслѣдникъ, которому въ то время молва приписывала Кулибинскую славу искуснаго мастера по части изобрѣтенія автоматовъ. Но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ магазинъ закрылся, распродавъ свой драгоценный инвентаръ частью любителямъ, частью другимъ старьевщикамъ антикварнаго дѣла, и съ тѣхъ поръ ни о его молодомъ хозяинѣ, ни о его механическихъ талантахъ ни слуху ни духу.

Что касается старика Родіонова, то онъ слылъ въ свое время за опытнаго антикварія и, вращаясь среди своей богатой клиентелы, дѣлалъ большія дѣла и наживалъ барыши, не поддающіеся никакому даже приблизительному учету. Въ сущности это былъ старьевщикъ высшей пробы, безжалостный къ продавцамъ, особенно изъ нужды къ нему обращающимся, угодливый и работѣльный предъ покупателями, особенно оптовыми. Жилъ и работалъ онъ какъ разъ въ тотъ періодъ московской жизни, когда бесчисленныя дворянскія гнѣзда, которыми была усѣяна Москва въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, начали прискучивать и надѣдать своимъ владѣльцамъ, которыхъ шальнымъ европейскимъ вѣтромъ стало все больше и больше тянуть на вольный воздухъ парижскихъ бульваровъ.

Чтобы обезпечить себѣ привольное житье на время заграничныхъ шатавій, многіе изъ нихъ вынуждены были, не говоря уже о залогѣ имѣній въ опекуномъ совѣтѣ, и продавать ихъ, и свои московскіе дома закладывать, потому такъ же продавать, равно какъ и ихъ дорожную обстановку.

На сколько были разорительны для дворянства эти коммерческія операціи и выгодны для тѣхъ лицъ, къ помощи и содѣйствію коихъ они прибѣгали для ихъ осуществленія, можно судить по тѣмъ колоссальнымъ состояніямъ, которыя нажили отъ нихъ эти вотъ послѣднія лица. Знаменитый лѣсопромышленникъ Фирсановъ, на примѣръ, умершій лѣтъ десять назадъ, на операціяхъ ростовщичества подъ дворянскія имѣнія и скупки ихъ нажилъ до сорока милліоновъ. Дисконтеръ Спиридоновъ, изъ дворовыхъ людей какого-то знатнаго барина, на этихъ же операціяхъ составилъ такой громаднй капиталъ, что считался, даже въ компетентныхъ кружкахъ крупнаго купечества, богатѣйшимъ человѣкомъ въ Москвѣ и оставилъ послѣ себя гораздо больше, чѣмъ первый. Эти же операціи составили значительный плюсъ къ вексельному дисконтерству и для пресловутаго Карташева, оставившаго своему наслѣднику Обидину тоже до сорока милліоновъ, равно какъ и для самого этого наслѣдника, успѣвшаго много раньше Карташевскаго наслѣдства зашибить на этихъ операціяхъ тоже нѣсколько милліоновъ.

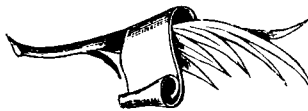
Но пока эти левіаѳаны легкой наживы глотали цѣликомъ барскіе имѣнія и дворцы, крупницы съ ихъ богатой денежной трапезы попадали и прочей мелюзгѣ, которая тоже на руку охулки не клала. Къ этой мелюзгѣ принадлежалъ и Родіоновъ, и стоялъ даже во главѣ ея. Нюхъ коммерческій развитъ у него былъ замѣчательно, такъ что онъ раньше всѣхъ поспѣвалъ туда, гдѣ только еще начинали помышлять о распродажѣ, и кончалъ сдѣлку въ то время, когда его собратья лишь узнавали о томъ, что можетъ наклониться дѣло. Сваливая въ свой магазинъ всевозможныя дорогія вещицки и рѣдкости цѣлыми грудами, обходившимися ему поразительно дешево, онъ разбирался въ нихъ опытною рукой, назначалъ имъ настоящую цѣну, и изъ нея уже не уступалъ ни гроша, хотя бы вещь валялась не проданною цѣлые годы, и въ концѣ концовъ, конечно, находилъ на нее покупателя. Но особенно наживался онъ на картинахъ, и вотъ по какимъ причинамъ: при распродажахъ движимости цѣлыми обстановками, этотъ сортъ цѣнностей обыкновенно не цѣнился ни во что, ибо продавцы въ большинствѣ случаевъ сами въ нихъ не смыслили ничего, а покупатели и подавно, и поневолѣ цѣнили однѣ рамки, и порядочная картинная галлерея сплошь и рядомъ за пустую прибавку къ общему счету шла на прикладъ къ мебели, коврамъ, пуховымъ перинамъ, кастрюлямъ и т. п. Антикварій же, конечно, сразу смекалъ, что она

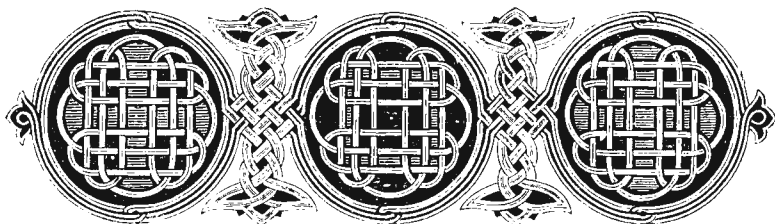
можетъ дать ему, и нерѣдко изъ-за нея-то только и покупалъ всю прочую обстановку, не подавая, конечно, вида на этотъ счетъ. Когда же какой нибудь иногородный обыватель, переѣхавъ въ Москву на жительство, заводилъ сразу всю обстановку для большой квартиры, то ничего не стоившія картины продавались ему на вѣсъ золота. Но Родіоновъ, дѣйствительно, былъ знатокъ въ картинахъ, и у него всегда, среди обыкновеннаго живописнаго хлама, можно было найти не мало замѣчательныхъ вещей: лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что не задолго до его смерти для залъ Аничкова дворца было приобрѣтено у него картинъ на сумму до 150 тысячъ рублей.

Рядомъ съ Родіоновскимъ размалеваннымъ домомъ степенно стоитъ домъ, и доселѣ бережно сохраняющій въ своихъ стѣнахъ множество образцовыхъ произведеній искусства: это домъ недавно умершаго Дмитрія Петровича Боткина, устроившаго въ себѣ, по обычаю московскаго богатаго купечества, отдѣльное отъ родоваго дома жилище со времени женитьбы на С. С. Мазуриной, объ руку съ которой покойный прожилъ всю свою женатую жизнь, переживъ ее лишь нѣсколькими годами вдовой одинокой жизни. Какъ мы уже раньше упоминали, Дм. П. былъ щедрый меценатъ и страстный любитель живописи; не мудрено, что съ перваго же года своей самостоятельной жизни онъ началъ мало-по-малу превращать свое обширное помѣщеніе въ картинную галерею, и что теперь послѣ его смерти не находится въ его домѣ комнаты, которая бы не представляла собою хранилища, по крайней мѣрѣ, десятка болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній художественной кисти. Вскорѣ послѣ его смерти разнеслись было слухи, будто сыновья его не такъ сердечно, какъ онъ, относятся къ дѣлу обогащенія своихъ художественныхъ коллекцій новыми произведеніями, но это оказалось неправдой: и въ Петрѣ Дмитріевичѣ, и въ Сергѣѣ Дмитріевичѣ тлѣетъ та же отцовская искра художественнаго чутья, и они идутъ по тому же пути, по которому неуклонно всю жизнь шель Дмитрій Петровичъ.

Д. Покровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДѢЛО ПОДЪ ИКАНОМЪ.

(Разсказъ очевидца).

ЕКАВРЯ 4-го, 1864 года, до города Туркестана дошли слухи, что партія коканцевъ показалаь около Чилика, который находится верстахъ въ 50-ти отсюда. Вслѣдствіе этого была приостановлена отправка снаряженнаго въ Чимкентъ транспорта, и, чтобы узнать вѣрнѣе о коканцахъ, была послана въ деревню Иканъ¹⁾ команда казаковъ въ числѣ 109 чел. подъ начальствомъ эсаула Уральскаго войска Сѣрова, три дня передъ тѣмъ прибывшаго изъ форта Перовскаго. При командѣ находился одинъ горный единорогъ, а всѣ казаки были вооружены нарѣзными ружьями²⁾. На пути отряду встрѣтились двое киргизовъ-волонтеровъ (у одного была ранена лошадь), сообщившихъ, что подъ самымъ Иканомъ восемь человекъ изъ нихъ, посланные съ бумагами въ Чимкентъ, попались въ руки коканцевъ.

Продолжая идти впередъ, Сѣровъ послалъ въ г. Туркестанъ спросить коменданта: что ему дѣлать? и получилъ приказаніе: идти на рысяхъ далѣе³⁾.

¹⁾ Иканъ, маленькая крѣпостца, въ которой жили мирные коканцы, находится въ 25-ти верстахъ отъ г. Туркестана.

²⁾ Это первые казаки, которымъ дали такія хорошія ружья; до того времени наше войсковое начальство не обращало вниманія на вооруженіе и смотрѣло только, не вникая въ качество оружія, чтобы казакъ былъ красиво одѣтъ, что, разумѣется, совершенно не нужно въ степи. Хорошая лошадь съ ружьемъ, сѣрый плащъ, пары двѣ рубахы и сапогъ — и больше казаку ничего не нужно.

³⁾ При чемъ было сказано: «чего онъ труситъ: у него дѣлая сотня».

Не доходя до Икана версты четыре, что было уже вечеромъ, наши замѣтили впереди огни. Догадываясь, что это былъ станъ непріятеля, Сѣровъ послалъ вожака-киргиза узнать положительнѣе; но киргизъ, только что отдѣлившись отъ отряда, былъ встрѣченъ коканскимъ развѣздомъ. До этого ни авангардъ, ни боковые патрули наши во всю дорогу не видѣли коканцевъ.

Отрядъ началъ отступать, чтобы выбрать получше позицію, и, не пройдя полуверсты, моментально былъ окруженъ огромнымъ скопищемъ непріятеля. Наши остановились, сѣпились и, подпустивъ враговъ на самое близкое разстояніе, такъ плюнули изъ ружей и картечью изъ единорога, что коканцы понялились назадъ; затѣмъ они не разъ пробовали дѣлать нападенія, но всегда были отбиваемы.

На первый разъ уронъ непріятеля былъ порядочный. Видя, что ничего не подблаетъ, коканцы отошли на благородную дистанцію, выставили три орудія и начали посылать въ отрядъ гранаты, осколками которыхъ не мало побито было лошадей и верблюдовъ; казаки же успѣли подблать кое-какіе завалы изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ. Такъ прошла ночь на 5-е число. Непріятельская конница, построенная въ боевомъ порядкѣ, насторожѣ стояла кругомъ.

Чтобы обмануть непріятеля, казаки передвигали единорогъ съ одного фаса на другой и дѣлали выстрѣлы, показывая этимъ, что орудіе у нихъ не одно, а утромъ 5-го не стрѣляли вовсе, чтобы не разочаровать противника и поберечь заряды, которыхъ всего было 42. Весь этотъ день Сѣровъ, ободря казачковъ, говорилъ имъ, чтобы не тратили зря патроновъ и держались стойко, что скоро выплютъ къ нимъ выручку. Коканцы между тѣмъ начали подвозить изъ-подъ Икана камышъ и мелкій лѣсъ для устройства мантелетовъ и какихъ-то щитовъ на арбахъ.

Часа въ четыре по полудни, въ сторонѣ Туркестана слышались выстрѣлы изъ ружей и пушекъ: это былъ, какъ послѣ оказалось, отрядъ, высланный изъ Туркестана на выручку сотни (150 человекъ пѣхоты, при 2-хъ орудіяхъ, при 1 офицерѣ, подъ командой поручика Сукорка).

Ожили наши, заслыша выстрѣлы, и хотѣли броситься въ штыки; но скоро выстрѣлы стали слышны тише и рѣже, потомъ смолкли совсѣмъ... Вскорѣ изъ стана непріятеля подбѣхалъ къ отряду коканецъ съ запиской въ рукахъ; спѣшившись, онъ передалъ ее высланному казаку. Записка была писана на татарскомъ языкѣ, съ печатью Алимкула¹⁾; содержаніе ея было слѣдующее: «Начальнику пришедшаго караула. Слова мои слѣдующія: куда теперь уйдешь

¹⁾ Алимкуль—регентъ ханства.

отъ меня? отрядъ, высланный изъ Азрета ¹⁾, разбить и прогнать назадъ; изъ тысячи твоего отряда ²⁾ не останется ни одного. Сдайся и прими магометанскую вѣру; никого не обижу изъ васъ. Слова мои истина. Переводилъ киргизъ Ахмать».

Какой былъ данъ отвѣтъ на это наивное предложеніе, показываетъ самое дѣло.

Стрѣльба непріятели усилилась; гранаты и ядра летали безпрестанно, и разрывало ихъ большею частію надъ самыми головами и въ срединѣ отряда, причиняя вредъ болѣе лошадямъ и верблюдамъ, которые стояли на небольшой возвышенности; не мало помято было и ружей. Изъ людей только четверо были контужены.

Теперь скажу нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось въ г. Туркестанѣ. Вскорѣ за высылкою сотни Сѣрова, чабары (гонцы) одинъ за другимъ давали знать, что коканцы близко и что уже подходятъ къ Икану. Послали было вернуть сотню, но уже поздно: вдали слышались выстрѣлы... Вечеромъ 4-го числа, когда уже стемнѣло совсѣмъ, часовой съ барбета цитадели замѣтилъ вдали чуть мелькавшій временами орудійный и ружейный огонь. Сердце сжималось отъ боли за своихъ; все засуетилось въ Туркестанѣ: высыпался по стѣнамъ народъ, задвигали орудія, зажгли фитили. Каждый офицеръ командовалъ фасомъ; явились въ строй даже смотритель магазина и ветеринаръ. Внутри города завалили ворота, и стояли на караулѣ толпы жителей. Аксакалы (старики изъ жителей) просили дать имъ пушку и хоть сколько нибудь солдатъ; но, разумѣется, получили отказъ, потому что въ гарнизонѣ не было и 500 человекъ. «Мы ваши, — говорили они, — вы насъ и защищайте». Такъ прошла первая ночь. Посланные для развѣдываній киргизы возвратились ни съ чѣмъ.

Утромъ 5-го числа всѣ офицеры, собравшись въ управленіе коменданта, рѣшили подпискою непремѣнно послать выручку. Были, впрочемъ, и такіе голоса, что лучше пожертвовать сотнею, чѣмъ отдать Туркестанъ, ослабивъ высылкою и безъ того малочисленный гарнизонъ.

Идти съ отрядомъ охотно вызвался подпоручикъ Сукорко, обѣщавшій, въ случаѣ нужды, штыками пробиться до сотни. Часовъ въ 11 утра Сукорко съ отрядомъ выступилъ по направленію къ Икану. Пальба вдали не умолкала. Вечеромъ Сукорко вернулся назадъ; послѣ мы узнали, что, выйдя за окрестные сады, онъ получилъ записку отъ коменданта такого содержанія: «П. Л.! Если встрѣтятся вамъ огромныя силы, то, не выручая сотни, вернуться

¹⁾ Азретомъ называютъ Туркестанъ.

²⁾ На тысячу шаговъ казаки отлично били орудійную присаугу и вообще держались молодецки, стараясь укрываться днемъ, чтобы не показать своей малочисленности, чѣмъ и успѣли обмануть коканцевъ, которымъ показалось, что тутъ не сотня, а тысяча.

назадъ, дабы дать возможность усилить здѣшній гарнизонъ». Записка эта испортила все дѣло. Болѣзненно стучало сердце каждаго. «Бѣдные казаченьки!» — думалъ я.

Получивъ записку и не видя препятствій, Сукорко слѣдовалъ далѣе. Непріятель замѣтилъ подходившій отрядъ и густыми колоннами началъ двигаться къ Туркестану, окруживъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, но не подходя близко. Наши открыли огонь изъ ружей, изрѣдка посылая картечь, но почти бесполезно. Такъ двигались наши впередъ, а коканцы къ Туркестану, что даже видно было съ Азрета.

Версты 4 не доходя до сотни, вспомнилъ Сукорко о запискѣ и, не смотря на желаніе и просьбы всей роты и бывшего съ нимъ подпоручика Степанова ¹⁾ подвинуться до одной возвышенности сажень 300 впередъ, вернулся назадъ, также отстрѣливаясь.

Эти-то выстрѣлы и слышали наши казаки и чуть не прыгали отъ радости, думая теперь одолѣть коканцевъ.

Вернувшись въ крѣпость, Сукорко сообщилъ, что сотня наша въ Иканѣ. Коканцы, проводивъ отрядъ Сукорка до города, расположились въ окрестныхъ садахъ. Дурацкія трубы ихъ слышались даже въ цитадели. Страшно досадно было на Сукорка, но больше того на коменданта и комиссіонерішку П—ва, посовѣтовавшаго послать записку.

Вечеромъ того дня, когда коканцы подходили къ городу, страшная суега поднялась въ крѣпости: ударили тревогу, снова разсыпались по стѣнамъ солдатики съ ружьями; многіе офицеры (въ числѣ ихъ и я) перевели свои семейства въ цитадель. Болѣло сердце за родныхъ казаковъ, и радостно щекотало самолюбіе, что вотъ де и мы, туркестанцы, будемъ имѣть дѣло. При наступленіи ночи четверо коканцевъ подѣзжали къ воротамъ укрѣпленія, но очень счастливо улепетнули изъ-подъ выстрѣловъ.

Вскорѣ послѣ этого являются, точно выходцы съ того свѣта, два казака и одинъ киргизъ изъ отряда Сѣрова. Смотримъ и не вѣримъ глазамъ: оказывается, что, не видя помощи и не зная, къ чему это отнести, Сѣровъ распорядился послать въ Туркестанъ дать знать о своемъ затруднительномъ положеніи. Трое, посланные въ правую сторону отъ отряда, встрѣтили коканскій разъѣздъ, сдѣлали выстрѣлъ изъ револьвера и вернулись къ своимъ. Немного спустя, они снова отправились лѣвой стороною и, удачно пробравшись недалеко отъ огней непріятели, цѣпи его и пикетовъ, дали знать о положеніи дѣлъ въ отрядѣ. Удальцы эти были казаки: Андрей Борисовъ, Акимъ Черновъ и киргизъ Ахметъ. Съ ними была прислана и записка Алимкула. Они передали, что коканцы, пытавшіеся не разъ дѣлать нападенія, были отбиваемы съ значительной для нихъ

¹⁾ Славная личность и герой Акъ-Булака.

потерей, отступили и начали устраивать огромные туры и щиты на арбахъ. «Хотятъ подкатомъ идти,—говорили казаки,—и наши если продержатся до утра—слава Богу! Просятъ помощи. Коканцевъ видимо-невидимо!».

— Не знаю, что дѣлать!—говорилъ комендантъ, пожимая плечами.

Въ числѣ прочихъ совѣтоваль и я послать снова выручку, доказывая, что коканцы ничего не подѣлаютъ: примѣръ—Акь-Булакъ и то, что двое сутокъ сотня держится, и проч.

— Это безуміе,—было отвѣтомъ:—городъ обложенъ!

Разсвѣтало. Въ ночь на 6-е число выстрѣловъ со стороны Икана не было слышно. Долго эту ночь разспрашивалъ я Борисова и гонялся вмѣстѣ съ нимъ.

— Батюшки! что дѣлаютъ,—говорилъ онъ, всплескивая руками:—не хотятъ и выручить!

Утромъ всталъ я и пошелъ въ цитадель къ г. А., у котораго была семья моя; говорю ему, что намѣренъ собрать офицеровъ и просить ихъ настаивать у коменданта общими силами послать опять выручку; но только что я вышелъ съ этимъ намѣреніемъ за ворота, какъ узналъ, что комендантъ собираетъ всѣхъ въ управленіе. Коканцевъ уже не было въ окрестностяхъ: всѣ они убрались къ Икану еще ночью.

Забылъ я сказать, что 5-го числа, часа въ 4 по полудни, жители здѣшніе привели одного коканца, взятаго въ садахъ. Какъ поймали, не знаю; это былъ флейтистъ изъ арміи Алимкула; при немъ была и дудка изъ бамбука, перевитая шелкомъ.

Иду къ коменданту; на дворѣ большая группа солдатъ. Спрашиваю: «что такое?» и узнаю, что дерутъ флейтиста, который послѣ нѣсколькихъ нагаекъ повторялъ: «стойте, сейчасъ скажу правду!» и говорилъ чистѣйшую ложь: сначала говорилъ, что подъ Иканомъ человѣкъ 300, потомъ—600 и съ ними Садыкъ¹⁾; наконецъ сказалъ—2 тысячи и съ ними Алимкуль; на самомъ же дѣлѣ, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, коканцевъ было подъ Иканомъ до 15 тысячъ.

6-го декабря, около полудня, изъ Туркестана вышло 200 человѣкъ пѣхоты, опять подъ командой Сукорка, на выручку нашихъ.

Возвращаясь къ отряду Сѣрова. Утромъ этого дня (6-го), замѣтивъ, что мантилеты были уже готовы, онъ, чтобы выиграть какъ нибудь время, пустился на хитрость: выйдя впередъ, махнулъ въ сторону непріятеля рукой, показывая, что хочетъ вступить въ переговоры. Къ нему явился коканецъ съ ружьемъ въ рукахъ, которое тутъ же положилъ на землю.

— Сегодня у насъ праздникъ, и намъ не хотѣлось бы начинать дѣла,—сказалъ Сѣровъ.

¹⁾ Бывшій сподвижникъ Мурзы-Давлета и одинъ изъ главныхъ предводителей въ войскѣ Алимкула.

Коканецъ отвѣчалъ, что онъ и самъ русскій, и совѣтуетъ лучше сдать: Алимкулъ де обѣщаетъ сдѣлать Сѣрова также начальникомъ и дать аргамака съ золотой збруей. Въ это время коканцы уже начали катить мантелеты. Сказавъ, что при переговорахъ наступленій не дѣлается ¹⁾, Сѣровъ вернулся на позицію, а между тѣмъ три чалмоносца крались къ нему, намѣреваясь убить или схватить живаго, но казаки, раньше замѣтившіе эту продѣлку, кричали: «уйдите, ваше благородіе, мы стрѣлять будемъ!»

Между тѣмъ у единорога послѣ 8-го выстрѣла сломалось колесо; артиллеристы, съ помощію казаковъ, живо сняли колесо изъ-подъ ящика съ зарядами и кое-какъ прикрѣпили веревками, но орудіе не могло вращаться и его приходилось не разъ передвигать на спинахъ и рукахъ съ одного мѣста на другое; когда же были ранены всѣ артиллеристы, казакъ Терентій Толкачевъ ²⁾ самъ поворачивалъ и заряжалъ единорогъ. Однимъ выстрѣломъ картечью онъ пробилъ щитъ, и видно было, какъ сарбазы понесли на рукахъ нѣсколько своихъ.

Все ближе и ближе двигались къ отряду съ разныхъ сторонъ мантелеты и щиты; за ними шла непріятельская пѣхота, пытавшаяся кинуться въ пашки, но, получая отпоръ, отходила назадъ. Съ двухъ сторонъ непріятель удачно подошелъ къ канавкѣ и сталъ сильно донимать перекрестнымъ огнемъ. Видя свое критическое положеніе, наши заклепали единорогъ и съ крикомъ «ура» кинулись на проломъ, выстрѣлами открывая путь. Первый шагъ стоилъ отряду 36-ти убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ. Коканцы бросились на оставленную позицію, хватая и забирая все, что попало подъ-руку. Нѣсколько человекъ, говорятъ, взяли за единорогъ: тащатъ, но не осилить, а сами оглядываются, какъ бы не вернулись русскіе... Съ гикомъ непріятельская конница начала наскакивать и стрѣлять со всѣхъ сторонъ, но недешево продавали себя казаки и невольно заставили непріятели держаться подальше. Коканская конница, заскакивая впередъ, спѣшивалась, ставила ружья на рожки и съ двухъ сторонъ стрѣляла въ отрядъ. Сильно раненые безпрестанно падали и оставались на дорогѣ; товарищи отбирали у нихъ ружья и патроны, тутъ же ломали и бросали по пути.

Въ виду отряда, коканцы, какъ звѣри, кидались на раненыхъ, кололи ихъ пиками и рубили пашками, снимая головы; нѣкоторые изъ казаковъ, будучи еще въ силахъ, защищаясь, бросали въ глаза непріятели горсти снѣга...

¹⁾ Переговорами, вѣстакъ, было выиграно времени часа два. Прежде не разъ высылали казакъ Толкачевъ.

²⁾ Онъ остался живъ и при соединеніи съ отрядомъ Сужорка, не смотря на раны, не пошелъ на перевязку.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1893 г., т. 11.

Долго шель бѣдный Абрамичевъ ¹⁾: первая пуля попала ему въ голову, вторая въ бокъ, но онъ шель, поддерживаемый подъ руки; наконецъ, разомъ двѣ пули хватили въ обѣ ноги; онъ упалъ и остался послѣднимъ, не дошедшимъ до мѣста соединенія съ отрядомъ Сукорка. «Рубите скорѣе голову, не могу идти!»—были послѣднія слова его. Былъ онъ въ темносѣромъ длинномъ плащѣ, въ огромной папахѣ, отчего очень выдѣлялся отъ остальныхъ и привлекалъ выстрѣлы непріятели; ему совѣтовали снять и бросить папаху, но онъ не послушалъ.

Подъ сильнымъ градомъ перекрестныхъ пуль шель отрядъ около восьми верстъ. Многие раненые падали, снова съ усиліемъ поднимались и шли отстрѣливаясь.

Солдаты отряда Сукорка, завидѣвъ своихъ, двѣ версты бѣжали на выручку съ крикомъ «ура». Встрѣча эта была праздникомъ, какихъ немного бываетъ въ жизни: всѣ обнимались, плакали и цѣловали другъ друга.

«Не нахожу словъ, чтобы вполне высказать всѣ подвиги своихъ лихихъ удалцевъ-товарищей и вѣрныхъ слугъ государя: не было ни одного, который чѣмъ либо не заявилъ себя. Эта храбрая горсть, пробиваясь между тысячъ непріятели, не смотря на сильный холодъ, побросала съ себя послѣднюю одежду и, вся измученная и израненная, шла въ однѣхъ рубашкахъ, съ ружьемъ въ рукахъ, кровью обливая путь свой».

Такъ заключилъ свое донесеніе эсаулъ Сѣровъ. Было уже темно, когда вочеромъ 6-го числа отрядъ съ пѣснями подходилъ къ городу. Всѣ офицеры и комендантъ вышли на встрѣчу къ воротамъ и, стоя на барбетѣ, кричали «ура», кричали и раненые, которыхъ везли на нѣсколькихъ телѣгахъ; проводили ихъ потомъ до госпиталя, куда нѣкоторые офицеры вносили ихъ на рукахъ своихъ, поили чаемъ, раздавали хлѣбъ (двое сутокъ не ѣли и не пили наши герои). Удивительно, что это за молодцы: рѣдкій не имѣлъ пяти, или шести ранъ, и ничего—смѣются и рассказываютъ, какъ они били коканцевъ... На одной телѣгѣ у крыльца госпиталя полулежалъ старый казакъ, причитывая будто про себя: «о, батюшки, что сдѣлали! о, батюшки, что надѣлали!». Слова эти были точно упрекомъ, что поздно выручили... Спрашиваю, куда раненъ.

— Въ голову, ваше благородіе, да вотъ въ ногу и руку, — отвѣчалъ спокойно старикъ, потомъ усмѣхнулся и продолжалъ:—ну, да и я оставилъ имъ память! вотъ у одного тамыра (пріятели) даже ножикъ взялъ.

Онъ показалъ небольшой ножъ. Слушая его, можно было подумать, что онъ совершенно здоровъ, но когда стали снимать его съ телѣги, онъ сильно кричалъ: «батюшки, ногу! родимые, ногу!».

¹⁾ Сотникъ изъ отряда Сѣрова, года три назадъ выпущенный изъ Московскаго кадетскаго корпуса.

Три дня спустя выслали отрядъ собрать тѣла убитыхъ: привезли 57 человѣкъ—голыхъ, изрубленныхъ, безголовыхъ и въ разныхъ положеніяхъ: у одного рука, сложенная крестомъ, замерла на плечѣ, другой какъ будто защищается, третій наноситъ ударъ... Абрамичева узнали только по носку на одной ногѣ; около него въ крови лежалъ карманъ, съ частью изорваннаго лампаса; лѣвой рукой онъ будто замахнулся, а пальцы были изрублены.

10-го декабря положили героевъ въ одну большую могилу, накрыли холстомъ и, отслуживъ панихиду, засыпали землею. Не одна слеза упала на свѣжую насыпь...

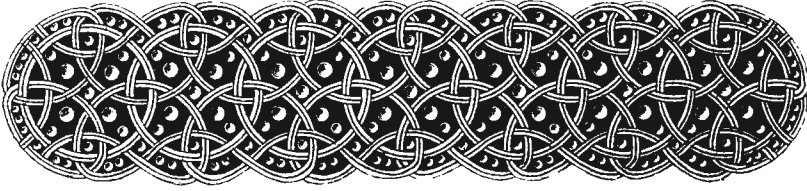
Много пройдетъ времени, много воды утечетъ, и все еще будутъ указывать на небольшой курганъ, гдѣ богатыри сложили свои кости. Миръ праху вашему, герои! Славную и небывалую страницу занесли вы въ исторію нашего войска.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, коканцевъ убито и ранено до 2-хъ тысячъ. Подъ Алимкуломъ ранена лошадь. Непрiятель убрался въ Ташкентъ и на 40 арбахъ повезъ своихъ раненыхъ, а шель было отнимать у насъ Туркестанъ.

Будутъ помнить коканцы Иканское дѣло. Единорогъ, говорятъ, повезли чуть ли не на пяти верблюдахъ: на одномъ колеса, на другомъ лафетъ, на третьемъ ящикъ. Головы нашихъ были сложены на особой арбѣ и отвезены подъ карауломъ. Жителей Икана и Чилика погнали босыми до Ташкента.

Л. Алексѣевъ.

ПО ПУТИ ИЗЪ «ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ».

(Путевыи впечатлѣнія).

I.

ВСТЬ НА РУСИ старинная примѣта, что дождь предвѣщаетъ благополучіе. Всѣ участники деревенскаго свадебнаго поѣзда обыкновенно бываютъ очень довольны, если молодыхъ на обратномъ пути отъ вѣнца смочить дождемъ. Это къ счастью, говорятъ они, къ обилію!

Если вѣрить этой примѣтѣ, то путешествіе мое началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: не успѣвъ еще подѣхать къ пристани Шлиссельбургскаго пароходства, у Лѣтняго сада, я уже очутился въ положеніи самаго счастливаго новобрачнаго. Дождь на этотъ разъ дѣйствовалъ, очевидно, не посматрѣвъ въ святцы, и въ началѣ іюня моросилъ съ чисто осеннимъ коварствомъ, тихо, незамѣтно, но въ то же время упорно и методично пронизывая насквозь свою жертву.

Пароходъ тронулся, но о наслажденіи видами окрестностей Петербурга, конечно, не могло быть и рѣчи. Небо было покрыто сплошною, беспросвѣтною массою, а берега Невы задернуты густымъ, сѣрымъ пологомъ. Ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ, въ надеждѣ на лучшее будущее, отправиться въ каюту.

Однако и въ каютѣ перваго класса мнѣ не сидѣлось. Чинно, въ глубокомъ молчаніи расположились тамъ въ рядъ пассажиры,

большую частію, дачники, неподвижно уставивъ глаза въ одну точку. Всѣ словно погружены въ какія-то важныя думы и соображенія; лица у всѣхъ серьезныя, съ какимъ-то однообразнымъ выраженіемъ не то важности, не то скуки.

Совершенно иная картина развертывается передъ зрителемъ въ каютѣ втораго класса. Тамъ гулъ стоитъ отъ разговоровъ, которые все идутъ crescendo, по мѣрѣ того, какъ собесѣдники начинаютъ навѣдываться къ благодѣтельному окошечку въ глубинѣ каюты, съ торчащей за нимъ усатою, невыспавшеюся фигурою. Здѣсь сразу сказывается жизнь, текущая вольно, безъ всякихъ стѣсненій, и жизнь своеобразная. Вы сразу чувствуете, что попали въ особое царство, въ царство мелкой промышленности, торговли, судоходства, что Петербургъ съ его интересами, которые только что занимали васъ, уже пропалъ куда-то, что вы теперь на Невѣ и дышите ея особою атмосферою.

— Зачалиль, и шабашъ: валяй до самыхъ пороговъ! — вырывается изъ общаго гула отдѣльная фраза.

— Слышу, что за стукъ на палубѣ,—раздается съ другой стороны:—проснулся, выхожу: я одинъ, а кругомъ никого ужъ нѣтъ, всѣ на лодку бросились...

— Мы, братъ, изъ Шлюшина да изъ Ладоги не выходимъ...

— А кирпичъ почему у васъ?..

— И сейчасъ это онъ тебѣ молебень, тамъ ужъ сколько твоего усердія будетъ...—Покажите, говорю, свидѣтельство, документъ...

Публика, по большей части, расположилась за отдѣльными столиками, стоящими въ два ряда вдоль стѣнъ каюты.

За однимъ изъ нихъ сидитъ компанія мелкихъ дровяниковъ, пьеть чай и бесѣдуетъ о какомъ-то Тимоѣѣ Филатовѣ, который взялъ 20 грузовъ.

— Двадцать грузовъ!—умиляется одинъ изъ собесѣдниковъ:—вѣдь надо почувствовать! Двадцать грузовъ!

— А ты знаешь, Тимоѣей Филатовъ 1.200 рублей выигралъ,—продолжаютъ между собою остальные.

— Во что?

— А въ стучолку.

— Это тебѣ кто сказалъ?

— Коли говорятъ, такъ ты слушай.

— А я тебѣ на это вотъ что скажу: Тимоѣей-то Филатовъ противъ матери молчитъ во какъ! Взять онъ двадцать грузовъ, а она, возьми, да и передай ихъ...

Но третій собесѣдникъ, очевидно, не можетъ хладнокровно слышать о такомъ количествѣ и опять начинаетъ умиляться:

— Вѣдь если теперь десять грузовъ, и то много...—но его не слушаютъ.

— У ней было оставлено 4 груза, это—пожалуй, это—я согла-

сень, и больше никакихъ! Если бы теперь потвоему Тимошей-то Филатовъ выигралъ, такъ...

— Да нѣтъ, ты слушай,— снова перебиваетъ третій:— вѣдь д-в-а-д-ц-а-ть грузовъ!

— Когда коровы красныя пойдутъ впередъ, такъ погода хорошая,— вдругъ неожиданно раздается на всю каюту чей-то громкій голосъ.

У другого столика помѣщаются трое молодыхъ людей, совершенно отличныхъ отъ остальнаго общества. Это, какъ видно, туристы, судя по ихъ ручнымъ чемоданчикамъ и плетеной корзинкѣ

Шлассельбургская крѣпость.

съ съѣстными припасами. Всѣ они, не смотря на тѣсноту, шумъ и разныя неудобства, находятся въ наилучшемъ настроеніи духа, шутятъ и смѣются. Одинъ изъ нихъ, подъ говоръ товарищей, наскоро набрасываетъ въ походный альбомъ фигуру дремлющей на противъ старухи торговки.

Въ углу у буфета расположилась компанія плюшинцевъ вокругъ своего батюшки, въ коричневой рясѣ, и внимательно слушаетъ его рассказъ.

— Я говорю: чудакъ ты этакой,— продолжаетъ батюшка:— вѣдь она—серебряная ложка; 84 пробы, значитъ. Ну, 25 рублей стоитъ, 2 фунта вѣсу, а ты съ ней такъ обращаешься...

Немного наискось отъ нихъ идетъ повѣствованіе о какомъ-то казусномъ дѣлѣ съ чинами рѣчной полиціи.

Я вышелъ на палубу. Дождь шель попрежнему. Красивые берега Невы были положительно неузнаваемы. На палубѣ ежились и кутались несчастные третъеклассники.

Мимо насъ, недалеко отъ пороговъ, гордо прошелъ Ладожскій пароходъ «Валамо», вѣроятно, еще не подозрѣвавшій своей печальной участи, которая постигла его почти на этомъ же мѣстѣ, недѣли двѣ спустя.

Хотя и говорится, что нагому нечего бояться разбойниковъ, а мокрому—дождя, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ снова, хотъ на время, ретироваться въ каюту. Въ дверяхъ я столкнулся съ однимъ изъ туристовъ, храбро взбиравшимся на верхъ съ альбомомъ въ рукѣ. Внизу оба его товарища также были вооружены карандашами. Одинъ изъ нихъ что-то набрасывалъ въ альбомъ, другой, съ веселою улыбкой, зачерчивалъ съ натуры сапоги и полы кафтановъ верхней публики, видимые сквозъ небольшія окна надъ потолкомъ каюты. Видъ дѣйствительно былъ интересенъ: у каждой пары ногъ своя поза, своя экспрессія.

Я помѣстился на свободномъ мѣстечкѣ, недалеко отъ плюшинцевъ. Бесѣда съ батюшкою у нихъ продолжалась.

— Папиросъ съ предсказаніями не будетъ, новый градоначальникъ запретилъ,—сообщаетъ одинъ изъ нихъ во всеобщее свѣдѣніе.

— Про Петербургъ что и говорить, — отзывается батюшка: — тамъ все хорошо; вездѣ порядокъ. Тамъ еще при прежнемъ градоначальникѣ и водкой до обѣдни не торговали. Опять же въ трактирахъ: кто въ общую залу входитъ, долженъ шляпу снять и помолиться.

— Да, и чтобы собакъ не водить.

— А у насъ нельзя порядочному человѣку и въ залъ войти.

Слушатели оживляются.

— Захотѣли отъ нашего города!—воскликаетъ одинъ.

— У насъ свои права! — съ ироніей подхватываетъ другой. — Торгуй хотъ всѣ сутки, запрету не будетъ.

Близость духовнаго лица настраиваетъ всѣхъ въ нравственно-обличительный тонъ.

— Василій Иванычъ,—обращается къ одному изъ нихъ слушатель, тоже шлиссельбуржецъ, изъ противоположнаго конца каюты:— Василій Иванычъ, у насъ не то что собакъ, а лошадей скоро въ трактиръ водить стануть.

— Хотъ сейчасъ!—воскликаетъ Василій Ивановичъ:—только бы водку пили, да буфетчику доходъ былъ.

— Только бы доходъ давали!—смѣются остальные.

Но одинъ изъ собесѣдниковъ, тоже разинувшій было ротъ для смѣха, вдругъ останавливается.

— Да какой же отъ лошади доходъ-то?—спрашиваетъ онъ.

— А отъ собаки?—отвѣчаетъ вопросомъ же Василій Ивановичъ...

— Собака сахару поѣсть...

— Господа! Красныя Сосны! — раздается сверху голосъ молодого туриста, и оба его товарища спѣшаютъ на палубу. Я давно уже не видѣлъ этихъ историческихъ сосенъ и тоже поднялся на верхъ.

II.

Впереди, на возвышенности лѣваго берега Невы, видна жиденькая группа почти засохшихъ сосенъ, окруженныхъ невысокою оградю. Подъ соснами темнѣетъ силуэтъ памятника.

Туристъ, вызвавшій товарищей на палубу, уже стоитъ у борта и вглядывается вдаль.

— Набросали что нибудь?—спросили его товарищи.

— Только альбомъ понапрасну вымочилъ,—засмѣялся онъ, махнувъ рукою.—Вотъ, господа, и Красныя Сосны. Станьте рядкомъ и внемлите благоговѣнно глаголу музы: когда Петръ послѣ взятія Шлиссельбурга направился въ слѣдующемъ году къ Нѣншанцу, онъ остановился здѣсь лагеремъ на ночлегъ; здѣсь, какъ краснорѣчиво выразился кто-то, была проведена послѣдняя ночь старой Руси. Все мѣсто было покрыто густымъ сосновымъ лѣсомъ. Говорятъ, что царская палатка была разбита подъ этими соснами; другіе же утверждаютъ, будто сосны эти посажены солдатами по приказанію самого Петра.

— Что-то не вѣрится, — замѣтилъ одинъ изъ слушателей: — чтобы Петръ, шедшій на такое дѣло, какъ взятіе крѣпости у шведовъ, могъ заниматься посадкою деревьевъ, въ лѣсу, на рѣкѣ, которая еще далеко не была упрочена за нимъ.

— Пожалуй, вы правы, и древность сосенъ подтверждается еще другимъ сказаніемъ, которое едва ли могло возникнуть въ прошломъ столѣтіи; оно у меня записано.

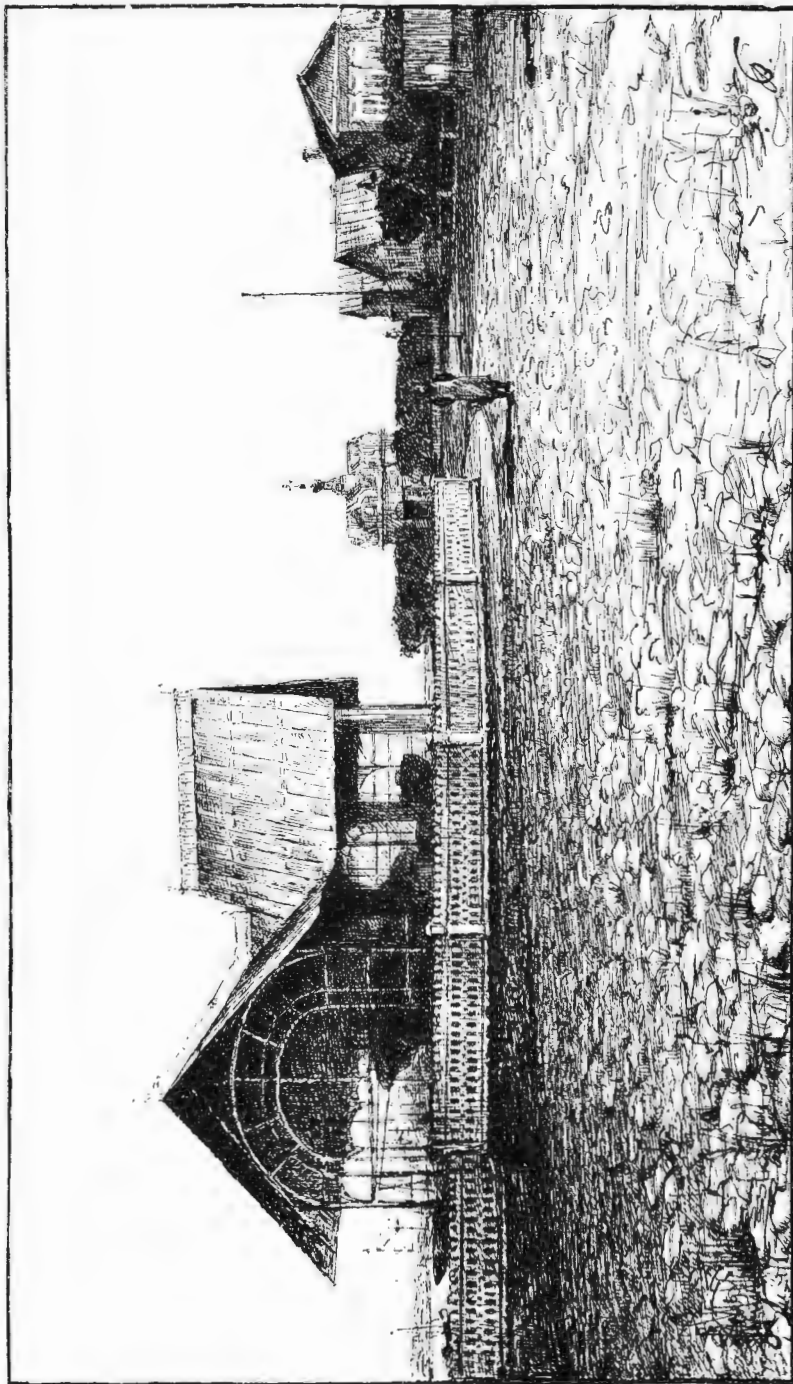
Онъ порылся въ карманѣ и вынулъ записную книжку.

— Сказаніе это относится къ концу XVI вѣка. Во время шведской войны, въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, шведскій полководецъ Делагарди явился съ войскомъ близъ береговъ Невы. Делагарди былъ колдунъ и съ помощью чаръ могъ дѣлать что ему угодно. Въ то время на этомъ мѣстѣ былъ непроходимый лѣсъ, но онъ безъ труда провелъ своихъ солдатъ черезъ трупобу и расположился на отдыхъ подъ Красными Соснами, не додвѣривая, что мѣстные колдуны давно уже слѣдятъ за нимъ. Не зналъ онъ также, что самая большая сосна, подъ которую онъ расположился

Катеръ Александра II и ботикъ Петра I.

Часовня Каванской Вожэй Матери.

Набережная въ Шлиссельбургѣ.

на ночлегъ, была испоконъ вѣковъ зачарована. Ночью онъ проснулся отъ страшной, давившей его тяжести. Оказалось, что на шеѣ у него за ночь выросла огромная сосна. Деллагарди призвалъ на помощь всю свою силу и кое-какъ съ помощью заклинаній успѣлъ освободиться отъ дерева, но эта выходка русскихъ колдуновъ такъ напугала его, что на другое же утро онъ спѣшно покинулъ Невскіе берега.

— Исполать русскимъ колдунамъ, — засмѣялись слушатели: — впрочемъ корелы издавна славились своимъ вѣдовствомъ. Не найдется ли у васъ еще какой легенды въ записной книжкѣ?

Разсказчикъ заглянулъ въ свою книжку.

— Говорятъ еще, — прочелъ онъ: — что въ языческія времена на этомъ мѣстѣ росла священная роща, и окрестная вода собиралась сюда приносить жертвы богамъ и рѣшать свои споры на судѣ старшинъ. Прибавляютъ, что впоследствии здѣсь будто бы существовала нѣкоторое время христіанская церковь. Вотъ и все, а другихъ легендъ не знаю.

— Есть и еще одна, — замѣтилъ я, подходя къ молодымъ людямъ: — и если вы, господа, какъ я вижу, интересуетесь легендами, то, быть можетъ, прослушаете и эту, хотя предупреждаю заранее, что она едва ли достовѣрнѣе преданія о Деллагарди. Я слышалъ ее еще въ дѣтствѣ. Во время осады Шлиссельбурга, Петръ пріѣхалъ на это мѣсто и, замѣтивъ высокія сосны, съ вершины которыхъ была видна крѣпость, устроилъ на нихъ небольшую палатку, куда поднимался ежедневно, съ цѣлью слѣдить издали за дѣйствіями непріятели. Но шведы скоро разсмотрѣли палатку на вершинѣ деревьевъ, а затѣмъ узнали и самого царя. Въ слѣдующую же ночь съ крѣпостной стѣны было направлено на эти сосны орудіе, и непріятель ожидалъ только момента, когда Петръ поднимется на свой обсервационный пунктъ. Между тѣмъ какой-то русскій солдатикъ замѣтилъ, что на стѣнѣ въ крѣпости творится что-то недоброе; разглядѣлъ онъ, въ какую сторону направлена пушка, и, зная неустранимость Петра, рѣшился дѣйствовать втихомолку. Ночью онъ устроилъ свой мундиръ на подобіе царскаго и рано поутру, когда государь еще почивалъ, смѣло появился на вершинѣ сосенъ. Грянула пушка, и солдатикъ былъ убитъ наповалъ. Проснувшись, Петръ съ удивленіемъ узналъ объ угрожавшей ему опасности. Такова легенда, но, какъ уже сказано, за достовѣрность ея поручиться трудно.

— Не извѣстно ли вамъ, кѣмъ поставленъ этотъ памятникъ подъ соснами? — обратился ко мнѣ туристъ съ записною книжкою.

— По этому поводу тоже могу кое-что вамъ сообщить. Я нашелъ эти свѣдѣнія, перелистывая «Иллюстрацію» сороковыхъ годовъ, гдѣ помѣщенъ и рисунокъ памятника, не задолго передъ тѣмъ открытаго.

— Значить, теперь отъ легендъ переходимъ къ такъ называемымъ, «истиннымъ происшествіямъ»?

— Совершенно справедливо. Здѣсь также приходится начинать съ Петра. Въ числѣ поселенцевъ, переведенныхъ имъ изъ Бѣлозерска въ Шлиссельбургскій уѣздъ, находилось семейство Спиридоновыхъ. Люди они были способные. Одинъ изъ нихъ служилъ даже въ качествѣ дворцоваго печника. Сынъ его, Кирилль, столляръ по ремеслу, былъ въ то же время каменотесомъ, печникомъ, штукатуромъ, маляромъ, позолотчикомъ, полотеромъ и, наконецъ, садовникомъ. Въ силу такихъ разнообразныхъ способностей, ему неоднократно приходилось исполнять всевозможныя работы при постройкѣ новыхъ дворцовъ. По, помимо своей даровитости, Спиридоновъ обладалъ и русскою широкою натурой. Будучи родомъ изъ села Путилова и хорошо знакомый съ мѣстностью Красныхъ Сосенъ и связаннымъ съ нею преданіемъ, этотъ мужичекъ задумалъ навсегда утвердить здѣсь память о Петрѣ и соорудить на свой счетъ приличный памятникъ. Ему не пришлось осуществить при жизни своего намѣренія, но старикъ принялъ мѣры, чтобъ оно, всетаки, исполнилось хотя и послѣ его смерти. Подозвавъ къ своей постели старшаго изъ четырехъ сыновей, умирающій завѣщалъ ему непременно поставить подъ Красными Соснами памятникъ государю Петру I, общая за это благословеніе Божіе. Онъ умеръ. Старшіе сыновья его, Николай и Михайло, сами ремесломъ каменотесы, долго думали, какъ приняться за дѣло, и наконецъ рѣшились обратиться къ правительству о разрѣшеніи на постановку памятника. На ихъ просьбу вскорѣ послѣдовало высочайшее соизволеніе, и братья немедленно приступили къ работамъ по утвержденному рисунку. Младшіе братья, Аванасій и Никита, въ свою очередь, обнесли всю площадку сосенъ каменною оградой, проложили тротуаръ черезъ проходящую мимо сосенъ Архангельскую дорогу и устроили спускъ къ Невѣ изъ 70 ступеней. Такимъ образомъ, мечта покойнаго Кирилла Спиридонова осуществилась. Судя по рисунку въ «Иллюстраціи», общій видъ памятника съ оградой и широкою каменною лѣстницей, окруженною густымъ сосновымъ лѣсомъ, былъ очень красивъ.

— А теперь,—подхватилъ одинъ изъ слушателей, указывая на удалявшіяся сосны:—грустно и глядѣть на все это. Вмѣсто сосноваго бора—жалкій кустарникъ; сосны высохли, лѣстница развалилась, ограда и самый памятникъ сильно обветшали и нуждаются въ ремонтѣ, а кто произведетъ его, кто поддержитъ эти разрушающіеся остатки?

— Вѣрно, придется подождать, не явится ли опять какойнибудь добрый мужичекъ,—замѣтилъ другой.

III.

Но вотъ справа показалась красивая, покрытая сосновымъ лѣсомъ Преображенская гора, а впереди выросли изъ воды стѣны крѣпости и раскинувшійся на лѣвомъ берегу городокъ. Пароходъ миновалъ зданіе ситцевой мануфактуры, находящееся между городкомъ и Преображенскою горою, на особомъ островѣ, и черезъ нѣсколько минутъ наши шлюпинцы, съ батюшкою во главѣ, дровяники, судовщики, торговки, нестройною толпою потянулись по брошенному трапу на пристань.

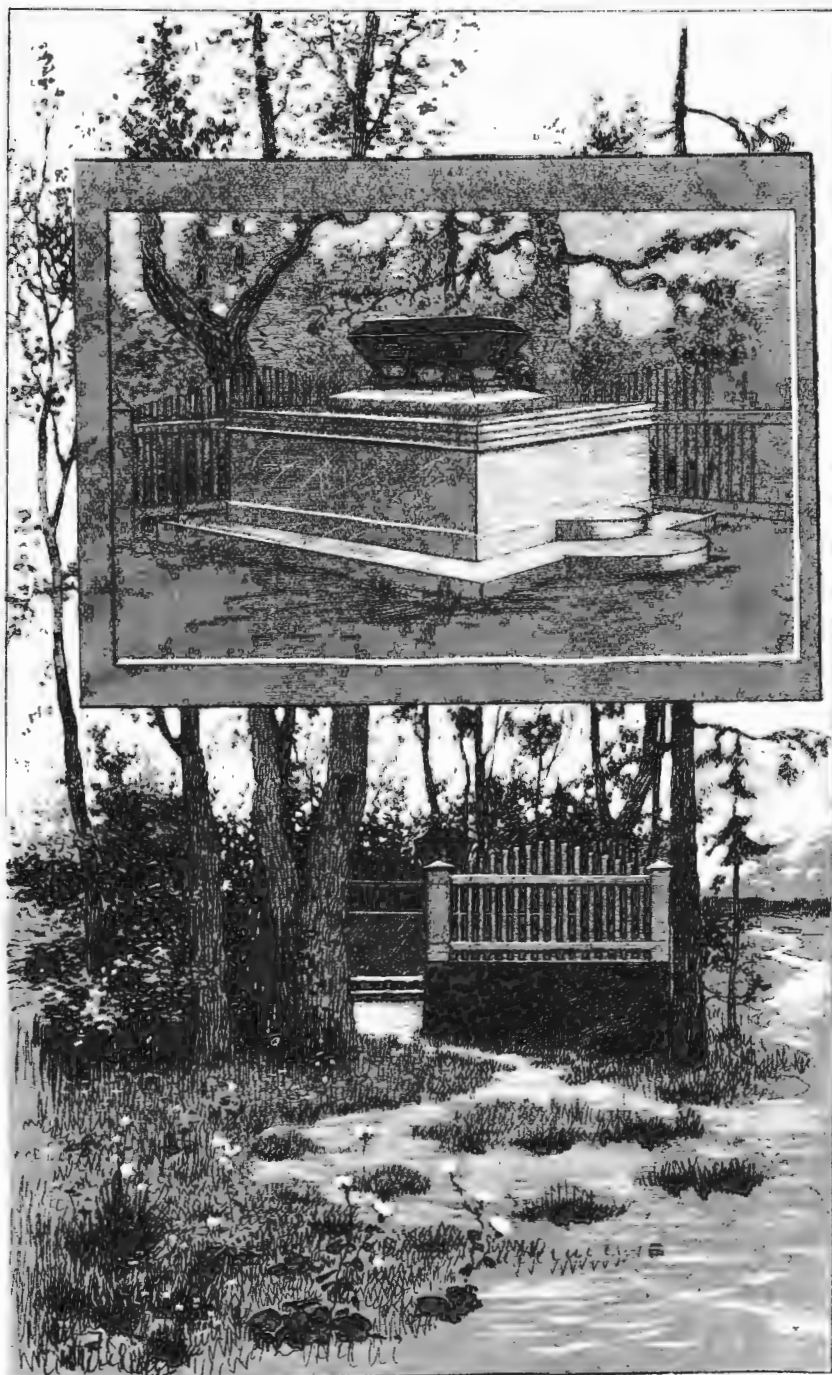
Дождь шелъ не переставая, и мы вмѣстѣ съ новыми знакомыми (которые оказались художниками, недавно окончившими академію) направились въ ближайшую гостинницу, противъ самой пароходной пристани, носящую историческое названіе «Орѣшекъ».

У входа толпилось нѣсколько мужиковъ и бабъ; стояли и избѣжные нищѣ. Мы поднялись во второй этажъ, гдѣ намъ отвели общую, большую комнату.

Я взглянулъ въ окно. Впереди во всю ширину раскидывалась многоводная красавица Нева; вдали берегъ, покрытый лѣсомъ; небольшая деревушка уныло смотрится въ воду. На первомъ плавлѣ набережная, пристань, у которой, кромѣ нашего парохода, стоятъ еще другіе, особаго типа. Эти пароходы, по справкамъ, оказались «канальскими», то-есть ходящими по новому каналу въ Ладогу. На Невѣ одиноко стоитъ на якорѣ небольшая сойма, движутся лодки, проходятъ суда. Нѣсколько буксирныхъ пароходовъ, въ ожиданіи работы, выстроились въ рядъ подлѣ набережной. Влѣво отъ пристани на самомъ берегу возвышается ажурный павильонъ подъ желѣзной крышей; стѣнки его забраны проволоочной сѣткою, сквозь которую темнѣютъ два какихъ-то неопредѣленныхъ силуэта. Направо, въ концѣ набережной, каменная часовня, окруженная молодыми деревцами. Она стоитъ на берегу канала Александра II, устье котораго приходится почти противъ нашего окна. На концѣ дамбы, отдѣляющей каналъ отъ Невы, возвышается небольшой гранитный памятникъ, а за дамбою, посреди рѣки, тянутся холодныя, непривѣтливныя стѣны крѣпости.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже отправились осматривать городъ и, прежде всего, направили путь къ часовнѣ на берегу канала, въ которой помѣщается мѣстный Палладіумъ, драгоценный остатокъ старины: икона Казанской Богоматери, глубоко чтимая во всей окрестности. Ея исторія отчасти связана съ исторіей самой крѣпости, уныло глядящей на насъ изъ-за дамбы и точно погруженной въ глубокую думу о минувшемъ.

Вдали, замыкаемая твердынею крѣпости, величественно раскидывается широкая гладь Ладожскаго озера, древняго Невы, съ сво-

Могила А. И. Шилова на Преображенской горѣ близъ Шлиссельбурга.

ими утопающими вдали берегами, съ дальнимъ маякомъ, съ гальботами и другими парусными судами, пересекающими линію горизонта стройными силуэтами своихъ мачтъ. Правъ былъ Петръ, назвавшій эту крѣпость ключемъ: она прочно замыкаетъ доступъ и къ Невѣ, и къ озеру.

Господинъ Великій Новгородъ еще давно понялъ всю важность этого островка-орѣшка, точно намѣренно помѣщенного здѣсь природою, для сооруженія крѣпкаго оборонительнаго пункта. Укрѣпивъ за собою истокъ Волхова возведеніемъ Старо-Ладожской крѣпости, которая долгое время служила передовымъ оплотомъ противъ шведовъ, новгородцы въ XIV вѣкѣ стали подумывать и о большой Невской дорогѣ, по которой жаловали къ нимъ непрошенные гости, и рѣшили запереть ворота въ озеро. «Въ лѣто 6831 (1323 г.),—читаемъ въ лѣтописи,—ходиша новгородци съ княземъ Юрьемъ і поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ; ту же приѣхавше послы великы отъ Свѣиского короля, докончаша миръ вѣчный съ княземъ и с Новымъ городомъ по староі пошлинѣ»¹⁾. Такимъ образомъ основаніе новаго боеваго пункта ознаменовалось заключеніемъ «вѣчнаго» мирнаго договора. Крѣпость была устроена вначалѣ деревянная и окружена землянымъ валомъ, но впоследствии новгородцы обвели ее каменной стѣной. Шведы неоднократно пытались овладѣть ею, но это удалось имъ лишь въ 1617 году. По Столбовскому договору Орѣшекъ былъ присоединенъ къ Швеціи, и только въ 1702 году Петръ Великій взялъ его обратно, послѣ кровопролитнаго штурма.

Вскорѣ послѣ взятія крѣпости, шведская кирка, передѣланная изъ прежней церкви, была снова обращена въ православный храмъ, освященіе котораго послѣдовало въ 1703 году. По словамъ преданія, одно мѣсто въ алтарной стѣнѣ храма постоянно было покрыто проступавшею изъ стѣны влагою. Ею подправляли, штукатурили вновь, но влага продолжала выступать попрежнему, и наконецъ въ стѣнѣ образовалась трещина, черезъ которую обнаружилась замурованная въ стѣнѣ икона. Это и была икона Казанской Богоматери, находящаяся теперь въ часовнѣ. Судя по письму, ее слѣдуетъ отнести къ концу XVI столѣтія. Она, вѣроятно, была храмовою иконою въ крѣпостной церкви и закладена въ стѣну во время передачи Орѣшка шведамъ по Столбовскому договору. Время обрѣтенія ея неизвѣстно, но съ 1710 года она уже значится въ описяхъ крѣпостнаго собора.

Мы вошли въ часовню; она довольно обширна. Икона, уже совершенно потемнѣвшая отъ времени, помѣщается въ иконостасѣ на главномъ мѣстѣ. Передъ нею устроены перила, для соблюденія большаго порядка въ движеніи прикладывающихся во время боль-

¹⁾ Новг. лѣтоп. по синод. харат. списку.

шаго стеченія народа, а стеченіе дѣйствительно бываетъ большое, особенно 8 іюля, когда на поклоненіе иконѣ собирается вся окрестность, и даже много богомольцевъ являются сюда пѣшкомъ изъ Петербурга.

Отъ часовни мы направились вдоль по берегу канала Александра II. Съ каждымъ шагомъ передъ нами все шире и грандіознѣе развѣтывалось хладное Невы; сѣрыя, мутныя волны бороздили его поверхность; вдали, на горизонтѣ, попрежнему чернѣла линія стоявшихъ на якорѣ судовъ, влѣво еле замѣтною полоскою мелькала башня Копкинскаго маяка. По берегу канала гянулись домики и лачужки городской окраины. Нѣсколько барокъ вдали медленно подвигались одна за другою, влекомыя каждая четверкою тощихъ лошадей.

На берегу одиноко стоялъ какой-то приказчикъ, вглядываясь въ проходившія суда.

— Что стоить провести судно отъ Ладоги досюда?—обратился къ нему одинъ изъ моихъ спутниковъ, доставая на всякій случай записную книжку.

— Если на четверку, —отвѣчалъ приказчикъ:—такъ полагается рублей 50—60, не болѣе.

— А сколько отсюда до Ладоги?

— Сто четыре версты. Теперь куда дешевле стало, —прибавилъ онъ.—Въ настоящее время всякій волень хоть своихъ коней впрячь, теперь свободно, а лѣтъ десятокъ тому назадъ тяга была откуплена: держало нѣсколько хозяевъ въ Новой Ладогѣ, и, кромѣ нихъ, никто судовъ водить не могъ. Тогда за этотъ же конецъ платили рублей 10 полтораста.

Мы повернули обратно къ городу, и передъ нами снова потянулись угрюмыя стѣны крѣпости. Точно обрывки какихъ-то тяжелыхъ воспоминаній, неслись надъ нею разорванныя облака. Небо было сумрачно; дождь опять начиналъ накрапывать. Тоскливое чувство производили при этой обстановкѣ унылыя стѣны.

— Воля ваша, —воскликнулъ одинъ изъ моихъ товарищей:—а дѣшняя крѣпость скорѣе похожа на какую-то тюрьму...

— Да вѣдь она же и была тюрьмой, —перебилъ его обладатель записной книжки:—съ основаніемъ Петербурга, новгородскій столожевой острогъ сталъ острогомъ столицы, но уже въ современномъ значеніи слова. У меня кое-что записано о содержавшихся здѣсь знатнѣйшихъ узникахъ. Во-первыхъ, сюда была послана Петромъ первая жена его, Евдокія Ѳеодоровна Лопухина; здѣсь содержалась царевна Марія Алексѣевна, которая и скончалась въ крѣпости. Затѣмъ при Аннѣ Іоанновнѣ сюда были заключены Биромъ князья Василій Владиміровичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, оба пленцы гнѣзда Петрова; Голицынъ и меръ здѣсь въ 1738 году. Здѣсь же содержался и самъ Биронъ,

недолго, впрочемъ, но самымъ знатнымъ узникомъ крѣпости былъ несчастный Іоаннъ Антоновичъ, заколотый въ своемъ казематѣ въ ночь дерзкой попытки Мировича съ 4 на 5 іюля 1764 года.

Мы шли молча: много говорила въ своемъ безмолвіи эта мрачная громада!

Между тѣмъ нашъ историкъ продолжалъ перелистывать свою книжку.

— А вотъ и еще кое-что о крѣпости,—сказалъ онъ:—на этотъ разъ о воротахъ и башняхъ. Первая башня—Государева, служитъ главнымъ входомъ; она прикрыта снаружи частоколомъ. Ворота деревянные, шведскія, съ вырѣзанною надписью 1649 года. На Неву выходитъ башня Головина, адмирала; за нею, къ городу, башня Головкина, графа и государственнаго канцлера. Оба они непосредственно участвовали вмѣстѣ съ Зотовымъ, Нарышкинымъ и Меншиковымъ въ укрѣпленіи Шлиссельбурга послѣ осады. Далѣе слѣдуетъ башня Флажная на углу озера къ новому каналу; на ней поднимался крѣпостной флагъ. Въ противоположномъ углу, на озеро—башня Королевская; здѣсь при шведахъ былъ маякъ. Между Королевской и Государевой башня Свѣтличная, или Княжеская. Тутъ же былъ бастионъ съ жилыми покоями. Вотъ и всѣ башни. Записано еще что-то о башнѣ Колокольной посреди крѣпости, но тутъ у меня зачеркнуто, такъ что о ней лучше говорить не буду.

Мы уже миновали часовню, гостинницу, и подходили теперь къ павильону, забранному проволочной сѣткою, о которомъ я упоминалъ выше. Въ немъ оказался большой катеръ, выкрашенный синею краскою, съ золотымъ ободкомъ по борту, и небольшой, старинный ботикъ. Мы обошли кругомъ весь павильонъ и ни съ которой стороны не встрѣтили хотя бы малѣйшаго признака какой нибудь надписи.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ проходившему мимо обывателю:—какія лодки хранятся въ этомъ зданіи?

— А это-съ ботикъ императора Петра Перваго и катеръ императора Александра Втораго. Въ нихъ государи плавали при открытіи каналовъ. Вѣдь у насъ два канала-съ: Александровскій, новый, и Петровскій—старый.

— Почему нѣтъ никакой подписи?

Обыватель улыбнулся.

— Помилуйте, да зачѣмъ же надпись, коли мы и такъ знаемъ-съ?

Черезъ нѣсколько шаговъ мы уже очутились у шлюзовъ Петровскаго канала. Эти гранитные шлюзы построены лѣтъ около 60 назадъ вмѣсто прежнихъ обветшавшихъ. По словамъ техниковъ, они представляютъ собою образецъ прочности; гранитныя глыбы, изъ которыхъ они сложены, по величинѣ своей и чистотѣ кладки, выдѣляются изъ ряда подобныхъ сооруженій въ Россіи.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЪЗНѢНІЕ», МАРТЪ, 1893 Г., Т. LI.

11

Крестъ и колодезь близъ Шлиссельбурга.

Мы взяли вѣвѣ и вскорѣ подошли къ мосту, соединяющему берега канала. На томъ берегу высилось бѣлое зданіе мѣстнаго собора съ довольно высокою колокольнею. Почти все пространство между мостомъ и Невѣю было занято шлюзами, расположенными въ два ряда, а по другую сторону моста прямой, широкой лентою тянулся вдаль и самый каналъ, возникшій по мысли того же государя Петра Алексѣевича, равно неутомимаго какъ въ дѣлахъ войны, такъ и въ дѣлахъ мира.

Основавъ для развитія внѣшней торговли Вышневолоцкую систему, служащую соединеніемъ Волги съ Невѣю, Петръ увидѣлъ, какъ гибеленъ для русскихъ плоскодонныхъ судовъ проходъ изъ Волхова въ Неву по бурному Ладожскому озеру, и рѣшилъ, не теряя времени, устроить каналъ въ обходъ этого опаснаго пространства. Сначала онъ думалъ созвать на работу народъ со всего государства, но потомъ, «милосердя о народѣ», сдѣлалъ работу на подрядъ петербуржцу Озерову и москвичу Попову съ платою по 1 рублю 16 алтынъ за кубическую сажень выемки и съ обязательствомъ со стороны подрядчиковъ окончить работу въ 2 года.

Весною 1719 года послѣдовало открытіе работъ въ Новой Ладогѣ. Послѣ молебствія государь первый собственноручно наполнилъ землю три тачки и отвезъ ихъ на мѣсто будущей дамбы. Смотрителемъ надъ работами былъ поставленъ любимецъ Меншикова, Скорняковъ-Писаревъ, оказавшійся очень плохимъ и недобросовѣстнымъ распорядителемъ. Два года прошли, а каналъ не только не былъ готовъ, но подрядчики еще просили прислать имъ солдатъ, такъ какъ рабочихъ у нихъ не хватало. На работы отправили 15 тысячъ казаковъ и 16 драгунскихъ полковъ, всего около 27 тысячъ человекъ. Петръ, находившійся въ это время въ Персіи, былъ вполне увѣренъ въ скоромъ открытіи канала и въ указѣ, посланномъ въ Петербургъ, приказалъ изготовить суда для навигаціи по каналу лѣтомъ 1722 года. Между тѣмъ, въ этомъ году на каналъ послано еще 19 полковъ драгунскихъ и 21 пѣхотный.

Лишь только Петръ вернулся въ Москву, онъ первымъ деломъ спросилъ о каналѣ, и тутъ передъ нимъ во всей наготѣ раскрылась неприглядная дѣйствительность: изъ всего пространства въ 104 версты каналъ былъ прокопанъ всего лишь на 12, а въ остальныхъ мѣстахъ едва только приступлено къ работамъ. Можно судить, какъ огорчило Петра это извѣстіе. Немедленно веденіе дѣлъ было отнято у Писарева и передано недавно принятому на русскую службу Миниху. Въ октябрѣ 1723 года Петръ лично осмотрѣлъ работы на каналѣ и велѣлъ нарядить надъ Писаревымъ слѣдствіе, а двухъ голландскихъ мастеровъ, бывшихъ при работахъ, взять подъ арестъ.

Минихъ вскорѣ привелъ дѣло въ порядокъ и далъ ему надлежащій ходъ; благодаря энергіи и благоразумнымъ мѣрамъ, ему

удалось привлечь массу вольнонаемныхъ работниковъ, такъ что въ 1724 году у него было до 7.000 вольныхъ землекоповъ, а солдатъ прислано только 5 полковъ.

Въ октябрѣ 1724 года Петръ снова явился на каналѣ. Минихъ ожидалъ его въ Новой Ладогѣ, гдѣ все уже было готово для открытія новаго участка канала, который за это время успѣли окончить. Государь лично пробилъ лопатою плотину и, спустившись затѣмъ въ каналъ на ботикѣ вмѣстѣ съ Минихомъ, онъ въ восторгѣ бросилъ вверхъ свою шляпу и прокричалъ: ура! Вернувшись въ Петербургъ, веселый и довольный, онъ заявилъ Екатеринѣ: «Работа Миниха сдѣлала меня здоровымъ. Надѣюсь современемъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать водою изъ Петербурга и стать въ Москвѣ у Головинскаго сада на Яузѣ».

Увы, надеждѣ этой не суждено было исполниться. Въ слѣдующемъ году Петръ умеръ, и для канала настали трудныя времена. Но Минихъ не унывалъ, ревностно продолжая дѣло, оставленное на его рукахъ покойнымъ государемъ, и въ 1728 г. довелъ каналъ до устья рѣки Кабоны (въ 60 верстахъ отъ Новой Ладogi). Чтобы дать судоходству возможность немедля же воспользоваться этой готовою частью канала, онъ устроилъ здѣсь шлюзъ для выпуска судовъ въ озеро. Черезъ два года каналъ былъ доведенъ до Шлиссельбурга и 19 марта 1731 г. открытъ для судоходства въ присутствіи императрицы Анны Иоанновны. Такимъ образомъ два года, назначенные первоначально на работы, растянулись на цѣлыхъ 12 лѣтъ. Минихъ и въ чинѣ генераль-фельдмаршала не переставалъ заботиться о каналѣ. При Екатеринѣ онъ былъ назначенъ генераль-директоромъ канала и тотчасъ же приступилъ къ возобновленію шлюзовъ и водоспусковъ, замѣнивъ многіе изъ нихъ каменными. Въ 1765 году Екатерина лично осматривала каналъ и повелѣла устроить въ Новой Ладогѣ второе устье для большаго удобства при проходѣ судовъ. Со смертію Миниха, оставившаго особый трудъ о каналѣ: «*Recueil des ecluses et des travaux du grand canal de Ladoga*», большинство работъ прекратилось, и каналъ началъ мало-по-малу приходить въ запустѣніе. А между тѣмъ польза его для торговли была очевидна. Въ 1734 году по нему прошло товаровъ на сумму 4 милліона рублей; въ 1765 году Минихъ уже доносилъ Екатеринѣ, что сумма удвоилась, впоследствии же, съ устройствомъ Маріинской системы (при Павлѣ I) и Тихвинской (при Александрѣ I), по водамъ его въ 1820 году переправлено грузовъ на 30 милліоновъ рублей, а къ 1860 году сумма эта возросла до ста милліоновъ.

IV.

Скажу теперь нѣсколько словъ о каналѣ Александра II и о причинахъ, вызвавшихъ его сооруженіе. Для этого необходимо предварительно вкратцѣ передать позднѣйшую исторію Петровскаго канала.

Я уже упомянулъ, что по смерти Миниха каналъ началъ приходить въ запустѣніе; по мѣрѣ того, какъ онъ напоминалъ о себѣ, о немъ вспоминали, но не надолго. Злоключенія начались еще съ 1774 года, когда онъ лѣтомъ обмелѣлъ на столько, что все судоходство пріостановилось, и торговля понесла значительные убытки. Усилили резервуары канала присоединеніемъ ближайшихъ, маленькихъ озеръ. Въ 1790 году судовъ накопилось много, а двигаться имъ пришлось такъ медленно, что многія изъ нихъ были захвачены зимою, и около четырехъ тысячъ лѣсныхъ гонокъ замерзло въ каналѣ. Тогда устроили второе устье канала въ Шлиссельбургѣ, прокопанное уже по повелѣнію Павла I. Въ 1817 году каналъ снова обмелѣлъ на столько, что нашли необходимымъ углубить на 4 фута его засорившееся дно, на всемъ протяженіи до Ладоги. Шлюзы, водоспуски и остальные сооруженія къ этому времени уже сильно обветшали, требовался общій ремонтъ. Въ виду этого ремонта было рѣшено, не углубляя дна, поднять уровень воды посредствомъ будущихъ, новыхъ шлюзовъ; но такъ какъ ремонтъ всѣхъ сооруженій требовалъ большихъ расходовъ, то дѣло и откладывалось съ года на годъ. А между тѣмъ, въ засуху 1826 года Петербургъ, благодаря каналу, чуть не остался на зиму безъ дровъ и другихъ предметовъ первой необходимости. Осенніе дожди поправили дѣло, но торговля, всетаки, понесла значительныя потери. Тогда императоръ Николай I повелѣлъ соорудить новые, гранитные шлюзы и возобновить всѣ прочія сооруженія (которыя существуютъ и до нашего времени). Но, запущенный сначала, каналъ продолжалъ засариваться попрежнему, и, не смотря на новые шлюзы, углубленіе его на 4 фута, всетаки, оказывалось необходимымъ. Эта операція по смѣтѣ обошлась бы не менѣе какъ въ два съ половиною милліона рублей. Надъ этой суммою пришлось призадуматься. Петербургское купечество въ 1857 году предложило устроить для этой цѣли особый $\frac{1}{4}\%$ сборъ съ грузовъ, проходящихъ каналомъ; такимъ образомъ расходы со временемъ могли бы покрыться, но изъ подрядчиковъ никто не хотѣлъ браться за работу, такъ какъ, по причинѣ движенія судовъ, копать можно было только поздней осенью и ранней весною, и при такихъ условіяхъ работа затянулась бы лѣтъ на семь. А между тѣмъ каналъ не ждалъ; засореніе дна прогрессивно подвигалось впередъ; приходилось уже ограничивать количество груза на судахъ, чтобы уменьшить глубину ихъ осадки, грузовъ же въ то время приходило уже на сумму до 100 милліоновъ. Обратились къ извѣстному тогда подрядчику Гладину,

прокопавшему незадолго передъ тѣмъ два канала: Бѣлозерскій и Онежскій; но и Гладинъ, въ виду предъявленныхъ условий, отказался отъ работы, утверждая, что производить ее во время осенней сырости и въ особенности раннею весною значило обречь большинство рабочихъ на вѣрную смерть. Но остановить движеніе судовъ было невозможно. Положеніе оказывалось безвыходнымъ.

Тутъ въ министерствѣ путей сообщенія, которымъ управлялъ тогда К. В. Чевкинъ, явилась мысль провести рядомъ со старымъ каналомъ другой, сооруженіе котораго могло производиться въ сторонѣ, безъ всякой помѣхи для судоходства. Главнымъ неудобствомъ приладожскихъ каналовъ служить то обстоятельство, что уровень озера периодически, въ продолженіе каждаго семи лѣтъ, то поднимается, то опускается, причемъ разница между высокимъ и низкимъ уровнемъ доходитъ до 7 футовъ,—обстоятельство, бывшее извѣстнымъ еще Миниху. Въ виду этого рѣшено было устроить новый каналъ открытымъ, безъ плузовъ, на одномъ уровнѣ съ озеромъ, и слѣдовательно обезпеченнымъ отъ засухи и тому подобныхъ превратностей. Купечество не замедлило откликнуться на эту благую мысль и для покрытія расходовъ по сооруженію канала превратило $\frac{1}{4}\%$ сборъ съ грузовъ въ полупроцентный.

28-го февраля 1861 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ открытіи работъ, которыя были поручены Гладину за 4.600,000 рублей оптомъ, съ обязательствомъ окончить каналъ въ пятилѣтній срокъ. Надзоръ за работами былъ вазложенъ на особый комитетъ. Производителемъ работъ назначенъ инженеръ-полковникъ Казнаковъ, составившій историческій очеркъ ладожскихъ каналовъ (изъ котораго и заимствовано большинство сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній).

Въ 1866 году каналъ былъ оконченъ уже сыновьями Гладина и обошелся со всѣми сверхсметными расходами около 5 милліоновъ рублей. Эта затрата съ лихвою окупается представляемыми имъ удобствами, такъ какъ даже при самомъ низкомъ уровнѣ озера глубина канала бываетъ, всетаки, не менѣе $2\frac{1}{2}$ аршинъ, и слѣдовательно всѣ убытки, происходившіе отъ засухи на старомъ каналѣ, теперь устранены; кромѣ того, на немъ нѣтъ плузовъ, а слѣдовательно нѣтъ и задержекъ, неизбѣжныхъ на каждомъ плузѣ. Тяжело нагруженныя суда проходятъ его на однѣхъ и тѣхъ же лошадахъ, слѣдовательно съ отдыхами въ трое сутокъ, на перемѣнныхъ же могутъ пройти въ 24 часа.

Каналъ былъ открытъ лично императоромъ Александромъ II 1-го сентября 1866 года. Купечество, принося государю императору глубокую признательность за это благодѣтельное сооруженіе, просило разрѣшенія наименовать новый каналъ именемъ его величества. Государь на это соизволилъ съ тѣмъ, чтобы старый каналъ именовался впредь каналомъ императора Петра Великаго.

По каналу Александра II проходятъ теперь тяжело грузныя суда, дровяныя барки и проч., по Петровскому же идутъ плоты, сѣнныя барки и пустыя суда, возвращающіяся изъ Невы въ Волховъ.

Два такихъ судна проходили теперь изъ шлюзовъ въ каналъ. За мостомъ къ нимъ припрягли по парѣ лошадей, и суда медленно тронулись въ путь къ Ладогѣ. Подъемная часть моста была опущена, и сообщеніе между двумя берегами восстановлено.

Мы перешли мостъ и поднялись на небольшую насыпь, тянущуюся по берегу вдоль канала, на которой расположенъ городской бульваръ. Тамъ мы присѣли отдохнуть послѣ долгаго стоянія у моста.

Спутники мои заинтересовались небольшимъ судномъ, стоявшимъ у противоположнаго берега.

— Странная форма! — замѣтилъ одинъ: — и конструкція какая-то особая.

— Это не грузовое, — отвѣчалъ другой; — смотрите, надъ бортами выведены стѣны, и внизу получилось крытое помѣщеніе, а на палубѣ перила: очевидно, перевозится что-то живое.

— Телятникъ, быть можетъ?

— Очень вѣроятно. Можетъ быть, и свиней, и барановъ перевозятъ. Скотъ покрупнѣе — внизъ, помельче — наверхъ, для того и перила. Вѣроятно, такъ рядами и ставятъ.

По бульвару, постукивая палкою, шелъ какой-то старичекъ.

— Скажите, пожалуйста, — обратились они къ нему: — это, вѣроятно, телятникъ?

— Гдѣ?

— Да вонъ тамъ, у моста.

Старичекъ слегка обидѣлся.

— Помилуйте, господа, какой же это телятникъ? Развѣ не видите, что это трешкотъ.

— Такъ вотъ онъ какой, трешкотъ-то! — засмѣялись мои спутники: — извините, мы его въ первый разъ видимъ, а еще хотѣли сами ѣхать на трешкотѣ въ Ладогу.

— А вы откуда изволите быть?

— Изъ Питера.

— По дѣламъ или такъ?

— Такъ; путешествуемъ: изъ Питера сюда, отсюда въ Ладогу, а тамъ по Волхову.

— Такъ-съ. Только въ Ладогу вамъ на трешкотѣ не доѣхать. Придется на пароходѣ по тому каналу, а трешкотъ ходитъ только до Лавы, верстъ за 40 отсюда.

— Почему же?

— Нѣтъ расчѣту. До Лавы-то еще кое-кто изъ окрестныхъ мужичковъ набираются, а кому дальше, тѣ ужъ всѣ на пароходѣ.

— Экая жалость!

— Вотъ вы говорите, жалость,—засмѣялся старичекъ:—а другой ни за что на трешкотъ-то и не сядеть.

— Что-жъ такъ?

— По причинѣ насѣкомыхъ; тамъ ихъ все равно, что въ Новомъ ковчегѣ.

Съ бульвара мы направились къ собору, находящемуся напротивъ, въ нѣсколькихъ шагахъ; старичекъ шелъ въ ту же сторону.

— Что это за обгорѣлыя развалины по ту сторону моста?—спросилъ я его.

— А это, сударь, Лондонъ, гостинница такая была, первая во всемъ городѣ. Держалъ ее купецъ Матросовъ; и пѣсельники тутъ пѣли, и арфянистки пріѣзжали, и разные. Ну, а потомъ дѣла хуже пошли: городъ-то теперь вѣдь совсѣмъ замеръ; гостинницу закрыли, а черезъ нѣсколько времени и домъ сгорѣлъ, да такъ вотъ и стоитъ.

— Отчего же теперь городъ замеръ?

— Помилуйте, а каналъ-то новый! Все черезъ него.

— Какъ такъ?

— Да какъ же! Прежде бывало по этому-то каналу суда идутъ, не идутъ, а судовъ много скопится здѣсь у плюзовъ-то—тѣснота, стоять, ждуть очереди. Ну, хозяева тамъ, приказчики, довѣренныя, ужъ всѣ на берегу, конечно, дѣлать-то имъ на судахъ нечего, ну, и гуляютъ. Многіе опять же и зимовали съ судами. Тутъ квартира, съѣстные припасы, наемъ сторожей на суда, все это понемножку, понемножку, да въ городѣ оставалось. А теперь, съ новымъ-то, всѣ мимо да мимо: плюзовъ нѣтъ, и задержки нѣтъ; катать себѣ прямо въ Неву и, шабашъ, только ихъ и видѣли!

На углу соборной ограды стояла довольно красивая часовня.

— Это для иконы, для Казанской-то Божіей Матери,—пояснилъ старичекъ. — Прежде какъ ее въ городъ приносили, такъ здѣсь и ставили, а потомъ крѣпостное духовенство свою часовню на берегу соорудило. А соборъ у насъ древній, больше ста лѣтъ ему; еще при Екатиринѣ II выстроень, во имя Благовѣщенія.

Но соборъ, загроможденный внутри массою колоннъ и пилястровъ, не представляетъ собою ничего достопримѣчательнаго. Болѣе интереснымъ показался мнѣ зимній соборъ во имя Николая Чудотворца, скорѣе похожій на частный домъ прошлаго столѣтія, приспособленный къ религіознымъ цѣлямъ.

За соборомъ, вдоль Невы—земляной валъ, покрытый деревьями. Съ оконечности его открывается красивый видъ на Екатерининскій островъ, гдѣ, на мѣстѣ бывшаго Петровскаго дворца, находятся зданія Шлиссельбургской ситцевой мануфактуры. Вдали, за островомъ, красивымъ силуэтомъ поднимается надъ водою Преображенская гора, куда мы рѣшили отправиться завтра утромъ, такъ какъ уже начинало смеркаться.

V.

Къ утру погода разгулялась, и мы направились къ Преображенской горѣ. Прошли по знакомому уже мосту къ собору, затѣмъ мимо вала по берегу, и передъ нами снова развернулся Екатерининскій островъ съ мануфактурою.

При Петрѣ на этомъ мѣстѣ былъ построенъ дворецъ на случай его прїѣздовъ. Говорятъ, что нѣкоторое время здѣсь жила и Екатерина I. Въ немъ же останавливалась и Екатерина II, когда прїѣзжала въ 1765 году въ Шлиссельбургъ для осмотра канала. Въ то время на островѣ уже существовала фабрика. За два года передъ тѣмъ иностранцы Сириціусъ и Лиманъ просили у императрицы это мѣсто для устройства ситцевой мануфактуры. Государыня отвела имъ островъ, съ условіемъ хранить находившійся на немъ Петровскій дворецъ; на устройство же мануфактуры имъ было пожаловано займообразно 30.000 рублей. Фирма владѣла фабрикою около 50 лѣтъ, но дѣла шли не важно, и въ 1814 году все заведеніе было продано купцу Веберу. Веберъ сначала повелъ дѣло на широкую ногу, но кончилъ тѣмъ, что разорился. Фабрика еще разъ перемѣнила владѣльца, и опять неудачно. Наконецъ уже въ 1830 году ее, по предложенію графа Канкринна, купилъ извѣстный въ то время Битепажъ за 200.000 рублей ассигнаціями; подъ его управленіемъ дѣла пошли хорошо, и ситцы Шлиссельбургской мануфактуры получили широкую извѣстность. Теперь фабрика находится въ рукахъ англичанъ. Въ домѣ главнаго управляющаго устроено нѣсколько парадныхъ комнатъ, на случай прїѣзда высочайшихъ особъ; Петровскій же дворецъ, за ветхостію, давно уже сломанъ съ дозволенія правительства.

Миновавъ второе устье Петровскаго канала, выходящее къ острову, мы обогнули фабрику по набережной Черной рѣчки, которая отдѣляетъ островъ отъ берега и у подножія Преображенской горы изливается въ Неву.

Пока мои спутники фотографировали устье Черной рѣчки, насъ окружили любопытные, слонявшіеся отъ нечего дѣлать по берегу; одинъ изъ нихъ вызвался проводить насъ на Преображенское кладбище и указать могилу «раскольника» Шилова.

Шиловъ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ скопческой секты. Въ 1775 году надъ скопцами было наряжено слѣдствіе. Пойманный въ Тулѣ, Шиловъ былъ доставленъ въ Тамбовъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими скопцами-совратителями былъ битъ батогами и сосланъ въ Ригу, въ Динамюндскую крѣпость. Но въ крѣпости ихъ содержали слабо, отпускали въ городъ, и въ нѣмецкой Ригѣ Шиловъ успѣлъ завести свои радѣнія и найти прозелитовъ среди солдатъ Нотенбургскаго полка и др.

Съ воцареніемъ императора Павла I у скопцовъ появились какія-то очень опредѣленные надежды; дѣло въ томъ, что Селивановъ, находившійся въ это время въ Сибири, почти съ самаго начала своей пропаганды выдавалъ себя за государя Петра III, будто бы спасагося отъ преслѣдовавшей его супруги, и большинство скопцовъ были твердо убѣждены въ его царственномъ происхожденіи. По вступленіи на престолъ новаго императора, петербургскіе скопцы такъ энергично повели дѣло, что обратили на себя вниманіе двора, и въ декабрѣ 1796 года Шиловъ съ другимъ скопцомъ Поповымъ были привезены изъ Риги въ Петербургъ и представлены государю, который долго говорилъ съ ними, а затѣмъ переданы петербургскому военному губернатору Архарову. 27-го января 1797 года и самъ Селивановъ былъ привезенъ во дворецъ, но послѣ разговора съ государемъ въ тотъ же день подъ именемъ «неизвѣстнаго» отправленъ въ домъ сумасшедшихъ при Обуховской больницѣ. Черезъ два дня и Шиловъ, вмѣстѣ съ поднявшими тревогу скопцами, былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Говорятъ, будто бы въ 1799 году императоромъ Павломъ былъ посланъ указъ объ его освобожденіи, но узникъ не дождался указа и умеръ въ то время, какъ посланный явился въ крѣпость. Утверждаютъ также, что Шиловъ былъ первымъ узникомъ, тѣло котораго разрѣшили похоронить внѣ крѣпостныхъ стѣнъ.

Сначала его схоронили внизу подъ горою, у Невы, но могилу размывало водою, вслѣдствіе чего было исходатайствовано позволеніе перенести гробъ на гору. Могила находится теперь на красивомъ пригоркѣ, посреди сосноваго лѣса, покрывающаго всю вершину Преображенской горы. Говорятъ, что на прежнемъ мѣстѣ подъ памятникомъ была порядочная яма, прокопанная руками являвшихся сюда на поклоненіе сектантовъ. Они будто бы опускали туда разную пищу для освященія и брали изъ могилы песочекъ, обладавшій, по ихъ вѣрованію, цѣлебною силой. Теперь этого уже ничего нѣтъ. Прежній маленькій памятникъ, въ видѣ гробницы, помѣщенъ на непропорціонально большемъ пьедесталѣ. Все окружено новой деревянною рѣшеткой и содержится въ большемъ порядкѣ.

Мы обошли памятникъ кругомъ. На гробницѣ вверху слѣдующія надписи: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Подъ симъ памятникомъ погребено тѣло раба Божія Александра Ивановича Шилова»; на другой сторонѣ: «предадѣ духъ свой въ рудѣ Божіи въ 1799 году, генваря 6-го дня по полуночи въ 2 часа. Житія его было 87 лѣтъ. Уроженецъ Тульской губерніи, села Малослова». Съ третьей, узкой, стороны изображенъ крестъ, а на противоположной, четвертой — Адамова голова и надъ нею надпись: «Памятникъ сей сооруженъ 1829 года. Возобновленъ 1889 года».

Отсюда мы направились къ откосу, выходящему на Неву, и долго любовались сверху панорамой города и крѣпости. Пока мои спутники дѣлали наброски, къ намъ подошелъ новый любопытный, чернобородый, въ сибиркѣ, оказавшійся приказчикомъ. Мы разговорились.

— Сколько у васъ жителей?—спросилъ я.

— Да по календарю-то 10 тысячъ считается, а на дѣлѣ развѣ тысячи 3 съ небольшимъ наберется коренныхъ-то. Только ужъ и народъ же здѣсь!

— А что?

Онъ покачалъ головою.

— Гольтепа народъ, да и шельмы здоровые, а ужъ насчетъ вина, такъ... Вообще городишка плохой, бѣдный. Лѣтомъ еще туда-сюда, а ужъ зимой и совсѣмъ гадко.

— Чѣмъ же занимаются?

— Да вотъ кто на фабрику ходитъ, у кого торговлишка маленькая есть, другіе коней держать по тройкѣ, по двѣ ямскихъ, здѣсь вѣдь трактъ проходить на Архангельскъ, а остальные, прочіе, просто изъ угла въ уголъ слоняются до весны.

— А весною?

— Ну, тамъ суда подойдутъ, все кое-какая работишка найдется. А вы, должно быть, не здѣшніе?

— Нѣтъ.

— Проѣздомъ?

— Проѣздомъ.

— По дѣламъ, или такъ?

— Такъ.

— Въ церкви здѣшной кладбищенской не были?

— Собираемся посмотреть.

— Угодно, такъ я провожу; мнѣ пока все равно дѣлать нечего. Пойдемте. Церковь здѣсь скопцами выстроена: купецъ Борисовъ такой былъ; подлѣ церкви и домъ для себя выстроилъ, вонъ между соснами-то видать, двухъэтажный, прежде священникито въ городѣ жили, а послѣ него здѣсь и поселились.

Мы вошли въ ограду; кругомъ все чисто, опрятно; церковь окружена довольно красивыми памятниками. Черезъ ограду смотритъ кругомъ вѣчно зеленый сосновый боръ и шумитъ надъ тихимъ кладбищемъ, разгоня мрачныя мысли о смерти и уничтоженіи; словомъ, впечатлѣніе получается далеко не грустное, а скорѣе пріятное, не холодящее, а согрѣвующее душу.

Въ церкви мы не нашли ничего особенно замѣчательнаго. Она построена на средства купцовъ Борисова и Солодовникова въ 1819 году. Колокольня пристроена Борисовымъ позднѣе, а именно въ 1833—1834 гг., въ память воиновъ, убитыхъ при взятіи Шлиссельбургской крѣпости и погребенныхъ на мѣстѣ построения храма.

На стѣнѣ справа находится мѣдная доска съ слѣдующей надписью: «Списокъ съ чугунной доски, находящейся противъ сего мѣста надъ гробомъ Г. Борисова. «На семь мѣстѣ погребено тѣло р. б. Григорія Филипова Борисова, родившагося 1776 г., ноября 13 дня, крестьяниномъ Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, села Истомина, полковницы Вѣры Борисовны Масловой, умершаго въ 1844 году, мѣсяца генваря 24 дня по полудни 5-го полчася, санктпетербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ и почетнымъ гражданиномъ и строителемъ Преображенскаго храма Господня на Шлиссбургской Преображенской горѣ и усерднымъ былъ отъ юности ко святымъ церквамъ. А житія его было 67 л. 2 мѣс. 11 дней. О гробѣ мой, гробѣ, о темной мой доме, тѣлу моему хранитель и костямъ раздробитель; во вѣки мнѣ въ тебѣ пребывати, суда Божья ожидать. 26 пудовъ 35 фунтовъ».

Подходя къ противоположнымъ воротамъ кладбища, мы замѣтили въ уголкѣ нѣсколько памятниковъ съ англійскими надписями: это оказались могилы лицъ администраціи ситцевой мануфактуры.

Выйдя въ лѣсъ, мы тронулись обратно къ городу. Налѣво, между деревьями, мелькали памятники кладбища, продолжающагося и за оградю. По лѣсу раздавалось жалобное причитаніе женскаго голоса на чьей-то, вѣроятно, еще свѣжей могилѣ.

— А у креста Петра Перваго не были? — освѣдомился приказчикъ.

— Нѣтъ. А гдѣ онъ?

— За городомъ: вонъ виднѣется подъ лѣсомъ. Угодно, такъ проведу.

— Будемъ очень благодарны.

Мы уже спустились съ горы и шли по Петербургскому шоссе, называемому здѣсь Архангельскимъ трактомъ. Впереди, въ полуверстѣ, начинался городъ. Влѣво, на холмѣ, покрытомъ крестами и памятниками, стояла толпа народа, больше женщины, изъ нихъ многія съ образами.

— Это женщину одну хоронятъ, раскольницу, — пояснилъ путешеводитель: — тутъ для нихъ, для старовѣровъ, кладбище новое отведено.

Мы свернули вправо на поле и напрямикъ по кочкамъ направились къ краснѣвшимъ подъ лѣсомъ двумъ крышамъ на каменныхъ столбахъ.

— Про нашъ городъ книжка была написана, старая, еще чуть ли не сороковыхъ годовъ изданіе, такъ въ той книжкѣ ничего про крестъ толкомъ не сказано. Сказано только: вѣроятно, молъ, новгородцами поставленъ, за то, что здѣшнихъ жителей въ нашу вѣру привели. А старики про него другое говорятъ: на этомъ мѣстѣ, сказываютъ, во время осады преображенцы наши стояли, и было

имъ изъ-за воды большое неудобство, потому къ Невѣ и подойти было опасно: шведы били по всѣмъ, кто только на берегу показывался. Вотъ Петръ Великій и велѣлъ выкопать колодець въ самомъ лагерѣ, а рядомъ съ колодцемъ и крестъ будто бы своими руками поставилъ. Крѣпость взяли, а крестъ съ колодцемъ такъ на память и остались. Въ Казанскую сюда крестный ходъ бываетъ...

— А по какому случаю установленъ крестный ходъ?

— Говорять, въ давнія времена надежь былъ на скотъ, такъ съ тѣхъ поръ и установили. Придутъ сюда, на колодець водосвятный молебень отслужать, а потомъ идутъ влѣво, вонъ по той дорогѣ, къ старому каналу, на ключи.

Вскорѣ мы дошли до креста. Онъ стоитъ на перекресткѣ между двумя дорогами; колодезь находится нѣсколько ниже влѣво. Оба покрыты деревянными крышами на выбѣленныхъ, каменныхъ столбахъ. Крестъ несомнѣнно подновленъ. Въ книжкѣ, о которой упоминалъ нашъ провожатый, сказано, что онъ замѣняетъ древній крестъ, разрушившійся отъ времени. На немъ изображена фигура распятаго Спасителя; подножіе креста изрѣзано и изгрызано богомольцами, бравшими частички его съ собою, какъ средство отъ зубной боли; теперь оно кругомъ обшито досками.

— Есть еще и другой крестъ Петра Великаго, — замѣтилъ провожатый: — только тотъ подальше будетъ. Если идти по озеру берегомъ, мимо крѣпости, то версты за три отъ города будетъ мѣстность Пссѣчена и около нея рѣчка Ганнибаловка ¹⁾, тамъ тоже находится Петровскій крестъ.

Въ городъ мы вернулись уже по широкой, но запущенной дорогѣ и простились съ своимъ чичероне.

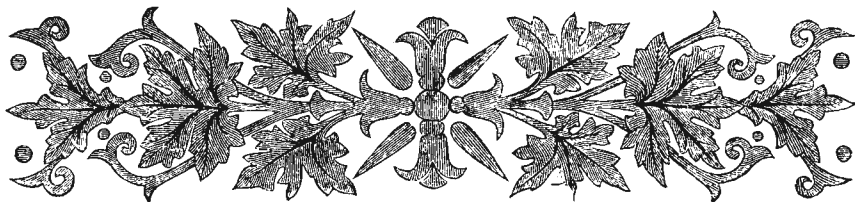
Осмотръ Шлиссельбурга былъ оконченъ. Въ этотъ же день мы отправились далѣе по Александровскому каналу.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Извѣстный крестьянскій Петра Великаго А. П. Ганнибалъ дѣйствительно былъ при работахъ на каналѣ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПЕЧАТИ.

ВЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ Обществѣ въ послѣднее время читались доклады о преступленіяхъ всякаго рода, разсматривались нарушенія законовъ женщинами, народными массама, наконецъ заговорили и о преступленіяхъ печати. Г. Сліозбергъ разбиралъ карательныя нормы для нарушенія постановленій о печати. Онъ нашель, что для этихъ нарушеній въ западно-европейскихъ государствахъ установленъ особый порядокъ отвѣтственности лицъ, основанный на случайныхъ признакахъ и потому не совсѣмъ вѣрный. Это происходитъ оттого, что законодатель, опасаясь свободы печати съ уничтоженіемъ официальной цензуры, старается особыми формами уголовной отвѣтственности создать въ скрытомъ видѣ новую цензуру неофициальнаго характера. «Наши постановленія уложенія о наказаніяхъ за преступленія печати,—говорить докладчикъ,—противорѣчивы и непослѣдовательны. Такъ, напримѣръ, по ст. 1041 къ отвѣтственности за нарушенія постановленій о печати примѣняются общія начала о соучастіи (ст. 11—15 ул. о нак.), но въ ст. 1042 говорится, что лица, указанные въ ст. 1041, призываются къ суду въ установленной въ сей статьѣ постепенности. Въ ст. 1043 уже говорится не о призывѣ къ суду, а о прямой отвѣтственности перечисленныхъ въ ст. 1041 лицъ, и установлена возможность привлеченія къ суду за участіе остальныхъ лицъ и при преслѣдованіи одного главнаго виновника. Ст. 1044 по отношенію къ поврежденнымъ изданіямъ устанавливаетъ отвѣтственность во всякомъ случаѣ редактора. Судебная практика оставила до сихъ поръ безъ разрѣшенія вопросъ о томъ, одинъ ли редакторъ подлежитъ от-

вѣтственности, или также и авторъ. По существу постановленіе ст. 1044 во всякомъ случаѣ вредно въ смыслѣ уголовно-политическомъ и является прямо несправедливымъ во многихъ случаяхъ». Для «улучшенія быта печати» г. Сліозбергъ предлагалъ учрежденіе дисциплинарно-товарищескаго суда чести. Ему возражалъ г. Таганцевъ. Вотъ его главные положенія. Что такое печать? Это механической способъ воспроизведенія нашей мысли. Преступленій печати не существуетъ. Законъ не можетъ преслѣдовать нашу мысль. То, что считается преступнымъ въ печати, вы можете говорить съ глазу на глазъ, а иногда въ тѣсномъ кружкѣ своихъ знакомыхъ, и за это не будете подвергаться отвѣтственности. Законъ преслѣдуетъ тѣ практическіе выводы, которые выдѣляются изъ известной мысли, она можетъ распространиться. Оскорбленіе съ глазу на глазъ еще не большая вина, но если это сдѣлано при публикѣ, тогда уже имѣются обстоятельства отягощающія, доброе имя можетъ быть публично опозорено.

Нашъ законъ о печати заимствованъ у Франціи, которая уже давно отказалась отъ него. Сочинилъ его Персиньи во время второй имперіи. По вопросу о соучастіи въ преступленіяхъ печати профессоръ тоже разошелся съ авторомъ доклада. Положеніе лицъ въ данномъ случаѣ онъ сравнилъ съ оркестромъ. «Вы слушаете музыку. Исполненіе оркестра произвело на васъ известное пріятное впечатлѣніе. Какой изъ инструментовъ болѣе вліялъ на васъ, вы не знаете. Волторна ли, скрипка, или флейта? Вамъ понравилось исполненіе въ цѣломъ. Въ васъ выстрѣлили. Нельзя обвинять оружейнаго мастера за то, что онъ продалъ ружье. Его можно обвинить, если онъ съ дурною цѣлью продавалъ ружье. Но чѣмъ виновата вся тульская фабрика?». Профессоръ Фойницікій возражалъ, что «защищаемое докладчикомъ распространеніе общаго уголовного права на преступленія печати неудобно и не должно быть. Правовой порядокъ признаетъ объектомъ отвѣтственности только дѣло, но не слово, выразительницей котораго является печать. Тѣмъ болѣе не можетъ быть примѣняемъ правовой порядокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о направленіи печатнаго произведенія. Это дѣло административнаго режима и крайне нежелательно, чтобы судъ замѣнилъ этотъ режимъ». А. Э. Кони высказалъ, что преступленія печати не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто обособленное, а составляютъ общія преступленія, лишь совершаемыя путемъ печатнаго станка. Отвѣтственность авторовъ, издателей и редакторовъ должна опредѣляться общими правилами о соучастіи по ст. 12—14 уложенія о наказаніяхъ, такъ что выраженіе закона о редакторѣ, какъ о «главномъ виновномъ во всякомъ случаѣ», лишено юридическаго значенія. Противъ литературной экспертизы и дисциплинарно-товарищескаго суда чести А. Э. Кони сдѣлалъ много возраженій. Общаго вывода изъ преній не было сдѣлано, но всѣ согласились

только съ тѣмъ, что нынѣ дѣйствующіе законы о печати неудовлетворительны, и необходимъ ихъ пересмотръ.

Все это, конечно, очень интересно и поучительно, но было бы желательно, чтобы на положеніе нашей печати обратили вниманіе не одни юристы и теоретики, но и законодатели. Въ послѣднее время наше общество и наша журналистика что-то рѣдко вспоминаютъ объ этомъ вопросѣ, хотя прошло болѣе 25-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ введены «временные законы о печати». Юбилея своего они не праздновали, но не смотря на то, что существующіе теперь взгляды на печать гораздо болѣе раціональны и снисходительны, кто же не предпочтетъ положительнаго закона административному режиму? Нынѣшнія пренія въ Юридическомъ Обществѣ напомнили намъ послѣднія мѣры по этому вопросу и толки о немъ въ журналистикѣ, происходившіе четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Мы слишкомъ скоро забываемъ то, что дѣлалось и говорилось за нѣсколько лѣтъ передъ настоящимъ временемъ, а помнить это далеко не лишнее, чтобы не смотрѣть на всякое дѣло, какъ на что-то новое, хотя о немъ все уже было высказано и переговорено. Въ 1880 году, при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена была особая комисія по дѣламъ печати, и общество наше слѣдило съ большимъ вниманіемъ за ея засѣданіями. Собирались передѣлывать на русскіе нравы систему Персиньи, рухнувшую во Франціи еще съ паденіемъ второй имперіи. Понятно, что для достиженія практическихъ результатовъ комисія прислушивалась къ сужденіямъ объ этомъ предметѣ представителей общественнаго мнѣнія—периодическихъ органовъ печати. Журналистика наша была наполнена статьями по этому вопросу, и нашимъ юристамъ слѣдовало бы обратить вниманіе на ея практическіе выводы, а не начинать дѣло съизнова, съ теоретическихъ измышленій. Любопытнѣе всего были мнѣнія «Голоса», но эта газета считалась либеральною, а потому мы приведемъ доводы въ пользу пересмотра законовъ о печати журнала всегда умѣреннаго, осторожнаго и охранительнаго. Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщено мнѣніе этого серьезнаго органа ежемѣсячной печати. Журналъ начинаетъ съ напominанія о мнѣніяхъ графа Лорисъ-Меликова, высказанныхъ въ бесѣдѣ его съ петербургскими редакторами, что «правительство готово прислушаться къ голосу общества и дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія и распоряженія власти, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы она не отрицала и не волновала напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями» (то-есть надеждой на привлеченіе общества къ участію въ законодательствѣ). Видя, и совершенно основательно, въ этихъ словахъ «объщаніе простора печати», журналъ обращается къ вопросу, при какихъ условіяхъ мыслимо плодотворное содѣйствіе изслѣдованію со стороны печати, столичной и провинціальной. «Возмож-

ность для печати обсуждать дѣйствія и положенія правительства,—говорить «Вѣстникъ Европы»,—основывается или на законѣ, или на способѣ примѣненія его административною властью. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ правомъ опредѣленнымъ и обезпеченнымъ, во второмъ—съ фактомъ шаткимъ и ненадежнымъ». Понятно, что прочная перемѣна въ положеніи нашей печати, требуемая современными условіями русской жизни, можетъ быть достигнута только путемъ закона. Самая незначительность административныхъ взысканій въ послѣднее время служитъ для журнала новымъ аргументомъ въ пользу коренного измѣненія дѣйствующихъ узаконеній о печати, такъ какъ «граница административныхъ мѣропріятій никакъ не можетъ быть установлена опредѣленно и точно», и пока въ рукахъ администраціи два способа дѣйствій противъ печати—одинъ вѣрный, скорый и не допускающій отпора, хотя и произвольный, а другой медленный и не всегда приводящій къ желанной цѣли, до тѣхъ поръ почти неизбѣжно предпочтеніе перваго способа послѣднему. Лицо или мѣсто, облеченное дискреціонною властью, можетъ отказаться отъ нихъ, когда дѣло идетъ о его собственныхъ интересахъ, но когда къ его защитѣ обращаются другія учрежденія и органы администраціи, ему гораздо труднѣе отклонить инициативу взысканія. «Единственный исходъ изъ этого положенія—полная отмѣна дискреціонной власти, тѣмъ болѣе опасной, что изъ рукъ, пользующихся ею сдержанно и мягко, она каждую минуту можетъ перейти въ другія руки, иначе настроенныя по отношенію къ печати». Это отсутствіе увѣренности въ завтрашнемъ днѣ не мѣшаетъ въ настоящее время столичнымъ газетамъ разрабатывать очередные вопросы, но провинціальныя газеты остаются въ прежней зависимости отъ произвола лицъ, иногда не сочувствующихъ «новой эрѣ» и не отрѣшившихся отъ взглядовъ недавняго прошлаго. А между тѣмъ провинціальная печать могла бы оказать существенное содѣйствіе хотя бы экстреннымъ ревизіямъ. Изъ той же программы министра внутреннихъ дѣлъ, заявленной редакторамъ, видно, что правительство «намѣрено дать земству и другимъ сословнымъ и общественнымъ учрежденіямъ возможность исполнѣ пользоваться тѣми правами, какія дарованы имъ закономъ». Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо узнать, что мѣшало на практикѣ полному пользованію законными правами, какія препятствія встрѣчалъ земскій починъ, какія задачи остались неисполненными, вслѣдствіе недостатка общественныхъ полномочій. Кое-что могутъ обнаружить и разъяснить бесѣды ревизующихъ сенаторовъ съ земскими и общественными дѣятелями. Но печать, дающая голосъ всякому нарушенному интересу, всякому придавленному мнѣнію, одна можетъ бросить полный свѣтъ на наши внутренніе недостатки. «Въ редакціяхъ провинціальныхъ газетъ хранится, на примѣръ, множество матеріаловъ для характе-

ристики полицейской дѣятельности, но матеріалы эти не могут явиться въ свѣтъ, пока начальникъ полиціи—вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ провинціальной печати». Но пока полемика газеты съ губернскимъ управленіемъ «можетъ окончиться высылкой редактора изъ мѣста жительства, какъ это недавно случилось съ г. Николадзе, редакторомъ тифлискаго обзора, до тѣхъ поръ трудно ожидать той прямоты указаній, безъ которой невысказана полезная дѣятельность провинціальной печати». Ея освобожденіе можетъ показаться страшнымъ только мѣстному управленію, а не центральной власти, которой слѣдовало бы предоставить, даже при нынѣшнихъ порядкахъ, систему административныхъ взысканій, такъ какъ даже главное управленіе по дѣламъ печати «склонно менѣе мѣстныхъ властей смѣшивать критику отдѣльныхъ распоряженій съ порицаніемъ или отрицаніемъ всего существующаго порядка».

Доказывая необходимость льготъ для печати, журналъ вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаетъ при рѣшеніи этого вопроса необходимость медленности, неразрывно, будто бы, связанной съ законодательной работою. «Если законъ, измѣнившій подсудность дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ, могъ быть изготвленъ, разсмотрѣнъ и утверждёнъ меньше чѣмъ въ полтора мѣсяца, то мы не видимъ причины сомнѣваться въ возможности столь же скорого разрѣшенія вопроса о печати», хотя, вообще говоря, «законодательная дѣятельность отличается у насъ крайнею медленностью». Въ примѣръ этого журналъ приводитъ—остзейскую судебную реформу, которая послѣ десятилѣтней предварительной работы была представлена въ государственный совѣтъ въ 1875 году и, подвергшись передѣлкѣ, окончателю утверждена только лѣтомъ 1880 года. «Еще болѣе типична исторія объ отмѣнѣ подушной подати, поднятая около двадцати лѣтъ тому назадъ. «Festina lente»—правило хорошее во многихъ отношеніяхъ, но ужь не черезчуръ ли медленно снѣшимъ мы по пути реформъ, не слишкомъ ли много толкуемъ о постепенности да о невозможности? Необходимо дать созрѣть плоду, но что же изъ него выйдетъ, если онъ слишкомъ долго останется на вѣткѣ? Хотя пословица и говоритъ, что «лучше поздно, чѣмъ никогда», но съ другой стороны исторія учитъ насъ, какія печальныя послѣдствія происходили иногда отъ того, что за дѣло брались слишкомъ поздно.

«Опытъ послѣднихъ лѣтъ указываетъ на три главныя причины медленности въ движеніи законодательныхъ проектовъ (мы говоримъ здѣсь только о причинахъ техническихъ, а не о той болѣе глубокой причинѣ, которая коренится въ общемъ характерѣ минувшей эпохи,—эпохи реакціи, или, по меньшей мѣрѣ, застою). Первая изъ нихъ—способъ дѣйствія комисій, которымъ обыкновенно ввѣряется приготовленіе проекта, вторая—сношенія министерства съ другими вѣдомствами, третья—возвращеніе проекта

изъ государственнаго совѣта для переработки въ подлежащее министерство или возложеніе этой переработки на комисію, учреждаемую при самомъ совѣтѣ. Сто одинъ томъ трудовъ комисіи не даромъ вошли въ поговорку».

Особенно нецѣлесообразнымъ является, по мнѣнію журнала, отсылка проектовъ на предварительное заключеніе второго отдѣленія собственной канцеляріи. Въ свое время учрежденіе это сослужило Россіи не малую пользу, давъ ей сводъ законовъ, «но теперь оно не имѣетъ прежняго *raison d'être*. Изданіе ежегодныхъ дополненій къ «Полному собранію» и продолженій—трудъ сравнительно весьма небольшой, мало оправдывающій существованіе даннаго вѣдомства». Новаго изданія «Свода законовъ» мы не дождались, а «въ какой степени удовлетворительно изданы вновь нѣкоторые томы «Свода»—это слишкомъ извѣстно. «Обезпечить единство законодательной дѣятельности—задача государственнаго совѣта, а не второго отдѣленія». Способъ устраненія медленности въ движеніи законодательства журналъ видитъ въ уничтоженіи системы предварительныхъ комисій, «окончательно осужденныхъ практикою».

«Еще важнѣе скорости законодательной работы такая обстановка ея, которая способствовала бы своевременному возбужденію вопросовъ, возможно полному освѣщенію и возможно правильному разрѣшенію. Лучшимъ указателемъ предметовъ, требующихъ постановки на очередь, служить общественное мнѣніе, выражающееся всего яснѣе въ земскихъ ходатайствахъ и въ заявленіяхъ печати. И на тѣ и на другія еще недавно не было обращено серьезнаго вниманія: голосъ печати заглушался административными взысканіями, голосъ земства былъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Есть основанія, что это время миновало, что новый законъ о печати, болѣе широкая организація земскихъ ходатайствъ, обезпечать за обществомъ возможность свободнаго и не бесплоднаго выраженія своихъ желаній и взглядовъ». Важнымъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи журналъ считаетъ своевременное оглашеніе законодательныхъ проектовъ. Печать могла бы выразить впечатлѣніе, производимое проектомъ на общество, собрать и обобщить данныя, не всегда доступныя для администраціи, и такимъ образомъ значительно облегчить задачу законодательной власти. Къ голосу печати могъ бы присоединиться и голосъ земскихъ собраній. Журналъ убѣжденъ даже, что скорую отмѣну закона 19-го августа 1879 года (которымъ было предоставлено губернаторамъ дискреціонное право не утверждать въ должности и увольнять отъ нея всѣхъ избираемыхъ земскими и городскими учрежденіями) слѣдуетъ приписать «тяжелому чувству, возбужденному этимъ закономъ въ массѣ населенія; если бы оно могло выразиться раньше, законъ остался бы, можетъ быть, вовсе неизданнымъ». Слѣдовало

бы также призывать экспертовъ для обсужденія проектовъ. Общественное изслѣдованіе, какъ дополненіе къ офиціальному, необходимо для правильнаго теченія государственной жизни. Но возможность общественнаго содѣйствія обусловливается увѣренностію каждаго члена общества, что за все, имъ сдѣланное и сказанное, онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности только передъ судомъ, на основаніи закона. А мыслима ли такая увѣренность, «пока не прекращаются случаи административной высылки, не всегда мотивируемой политической неблагонадежностью высылаемаго?» Журналъ приводитъ нѣсколько примѣровъ о высылкѣ губернаторами лицъ за корреспонденціи въ газеты и прибавляетъ: «какимъ же образомъ печать можетъ обсуждать распоряженія власти, если возможнымъ послѣдствіемъ такого обсужденія или даже простого сообщенія фактовъ является высылка въ мѣста болѣе отдаленныя?»

Во всякомъ случаѣ печать надѣялась, что комисія по дѣламъ печати взглянетъ на порученное ей дѣло не съ точки зрѣнія системы Персиньи и предоставитъ серьезныя гарантіи свободному слову какъ въ столицахъ, такъ и во всей Россіи. Надѣялись такъ же, что вмѣстѣ съ цензурою русскихъ произведеній исчезнетъ наконецъ и иностранная цензура, неизвѣстная въ Европѣ, гдѣ не существуетъ пачканье черной краской цѣльныхъ страницъ и отдѣльныхъ строчекъ въ произведеніяхъ великихъ умовъ Запада, ученыхъ, историковъ, беллетристовъ. Вспомнимъ, что одно время у насъ были запрещены: «Хижина дяди Тома», «Кромвель» Гизо, «Политическая экономія» Адама Смита, «Исторія жирондистовъ» Ламартина и множество книгъ по исторіи революціи, что русскій ученый не имѣлъ возможности прочитать вполнѣ въ подлинникѣ труды Дарвина, Молешота, Фохта, Геккеля, Лассала, энциклопедистовъ, Гервинуса, Шлоссера, Бокля, и другихъ писателей, которыми гордится вся Европа.

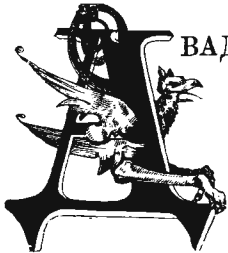
Вл. Зотовъ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

(По поводу выставки его произведеній въ академіи художествъ).

ВАДЦАТЬ пять лѣтъ тому назадъ, на экзаменѣ въ академіи художествъ появился эскизъ берельефа изъ гипса «Нападеніе инквизиціи на евреевъ во время Пасхи». Это было нѣчто новое и по содержанию, и выполнению. Сюжетъ тутъ взятъ изъ еврейско-испанской исторіи среднихъ вѣковъ, когда евреи и мавры были изгнаны. Многие евреи приняли тогда христіанство, но только для виду, а въ душѣ оставались тѣмъ, чѣмъ были прежде. Они назывались «наранами», и за ними особенно слѣдили. Вотъ они собрались гдѣ-то въ подвалѣ праздновать Пасху. Это празднество для нихъ напоминало объ исходѣ евреевъ изъ Египта. Началась трапеза. Но вдругъ слышится бряцаніе оружія. Всѣхъ охватываетъ ужасъ. Поднимается суматоха, паника... Столъ, скамейки, посуда все опрокинуто. Бѣгутъ прятаться, хотя бы спастись, но уже поздно: инквизиція уже здѣсь. Вся эта сцена, происходящая въ закрытомъ съ трехъ сторонъ помѣщеніи, куда спускается лѣстница, освѣщалась сбоку. Авторомъ этого эскиза оказался вольноприходящій ученикъ академіи Антокольскій. Онъ хотя и былъ отличаемъ за свои ученическія работы академическими наградами въ видѣ медалей, но благосклонностью класснаго начальства не пользовался, тѣмъ болѣе, что онъ съ первыхъ же шаговъ по вступленіи въ академію обнаружилъ влеченіе развивать свое художническое чутье самостоятельно не полагаясь на чужія указки.

Какъ отнеслись къ этой новизнѣ въ академіи и профессора, и товарищи Антокольскаго, объ этомъ можно судить по любопытнымъ показаніямъ самого художника: «Хохотали и острили по поводу выставленнаго мною эскиза. На меня смотрѣли кто съ сожалѣніемъ, кто съ досадою, кто злорадно; иные просто смѣялись, потому что было весело. Одни находили, что мой эскизъ—дерзости; другіе видѣли въ немъ упадокъ; третьи говорили, что

Портретъ М. М. Антокольскаго.

это фантазія, бредъ больного человѣка. Въ особенности потѣшались архитекторы...

— «Ну, вотъ,—началь одинъ скульпторъ, подходя къ нимъ,—вамъ бы сдѣлать тамъ дверь, а за нею еще комнату, а тамъ еще и еще, и въ послѣдней сѣсть и распивать чай.

— «А ваша голая вакханка, стоящая на морозѣ въ двадцать пять градусовъ, болѣе логична?—отвѣтилъ я ему съ сердцемъ:—вы рабы, жалкіе подражатели, завистники, ничтожество!»...¹⁾

¹⁾ См. «Изъ автобіографіи» М. М. Антокольскаго. (Вѣстн. Евр., 1887 года, сентябрь).

Иванъ Грозный.

Петръ Великій.

Этотъ эпизодъ ясно показалъ Антокольскому, что его оригинальность пришлась не ко двору академической рутинѣ. Правда, спустя три года, тогдашній президентъ академіи, великая княгиня Марія Николаевна, случайно увидавшая этотъ эскизъ, осмѣянный и отверженный, заказала художнику исполнить его для нея изъ терракоты. Но это было уже въ то время, когда знаменитая статуя Антокольскаго «Иванъ Грозный» положила начало его извѣстности. А раньше этой побѣды ему пришлось выдержать тягостную и мучительную борьбу за существованіе, о которой дають понятіе вышеупомянутыя воспоминанія Антокольскаго, знакомящія читателя не только съ душевной жизнью, помыслами и стремленіями художника, но и съ тѣмъ, что онъ пережилъ и вынесъ, какія испыталъ превратности и лишенія. Покойный С. П. Боткинъ, какъ-то осмотрѣвъ больного художника, сказалъ, что онъ остался живъ только по причинѣ расовой выносливости.

Но въ слабомъ тѣлѣ, очевидно, бодрствовалъ мощный духъ. Это доказала прежде всего его статуя «Иванъ Грозный». Мысль о выполненіи этого сюжета явилась у Антокольскаго, быть можетъ, подъ вліяніемъ того, что этотъ сюжетъ былъ излюбленнымъ и нашей исторической наукой 60-хъ годовъ, и литературой вкупѣ съ живописью и музыкой. Но «Иванъ Грозный» Антокольскаго совершенно оригинальное созданіе, оставившее позади всѣ прочія изображенія этой исторической личности. Тутъ Грозный и «мучитель и самъ страдаетъ» отъ угрызений совѣсти.

При какихъ тяжелыхъ условіяхъ работалъ Антокольскій это первое свое крупное произведеніе, о томъ подробно разсказано имъ въ его воспоминаніяхъ. Безъ всякихъ средствъ, не имѣя сколько нибудь сносной мастерской, при полномъ равнодушіи академическихъ наставниковъ, художникъ выпросилъ позволеніе помѣститься въ скульптурномъ классѣ на время каникулъ, обязавшись за это поправить носы и головы академическихъ барельефовъ на первыя золотыя медали. Работа закипѣла. Черезъ шесть недѣль статуя была уже готова на половину. И вдругъ пришлось прервать работу: докторъ предписалъ Антокольскому отдыхъ внѣ Петербурга. По возвращеніи въ Петербургъ положеніе художника стало еще болѣе безвыходнымъ. Надорванное здоровье и отсутствіе всякой поддержки приводили его въ отчаяніе. Тѣмъ не менѣе статуя, все-таки, была окончена. Тщетно авторъ ея просилъ гг. профессоровъ осмотрѣть ее. Они все только обѣщали, но не удостоивали посѣтить ученическую мастерскую. Наконецъ, Антокольскій рискнулъ обратиться съ этой же просьбой непосредственно къ тогдашнему вице-президенту, покойному князю Г. Г. Гагарину, и судьба его была рѣшена.

«Работа моя, повидимому,—пишетъ Антокольскій въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ,—поразила его, и онъ это высказалъ искренно тутъ же.

«Чего же вы желаете?»—спросилъ онъ послѣ осмотра «Ивана Грознаго». Я ему рассказалъ мое положеніе вообще и теперешнее въ особенности, и просилъ его сдѣлать для меня исключеніе: либо позволить мнѣ конкурировать (на золотую медаль), либо дать мнѣ званіе художника. «Хорошо,—сказалъ онъ,—я постараюсь, сдѣлаю, что можно. Это чудная вещь, замѣчательная. Непремѣнно постараюсь»... Спустя нѣсколько дней, мнѣ пришли сказать, что великая княгиня Марія Николаевна (тогдашній президентъ академіи) будетъ у меня сегодня же. Передали мнѣ это сухо, недовольнымъ тономъ, и даже прибавили: «увидимъ!»...

Голова Ермака.

Въ академіи, кажется, не было слыхано, чтобы великая княгиня когда либо посѣтила мастерскую ученика... Великая княгиня пришла. Моя работа сильно понравилась ей; она хвалила ее, три раза подала мнѣ руку, много разъ поздравляла и заказала для себя эскизъ «Нападеніе инквизиціи на евреевъ»... Послѣ посѣщенія великой княгини объявили мнѣ, что самъ государь императоръ желаетъ посмотрѣть «Ивана Грознаго». Можно себѣ представить, какой переполохъ извѣстіе это произвело въ академіи. Потребовали, чтобы статуя была снесена внизъ, куда нибудь въ парадную залу, но я заупрямился. Дѣлать было не-

чего, торопливо стали чистить и бѣлить корридоры, въ темныя мѣста провели газъ, выстлали коврами дорожку, и къ вечеру, въ четыре часа, объявили, что государь императоръ пріѣхалъ. Я стоялъ у раскрытыхъ дверей своей мастерской. Изъ глубины темнаго корридора, мѣстами освѣщеннаго газомъ, показался государь. Его величавая фигура съ гордою, благородною осанкою особенно выдавалась на темномъ фонѣ. Блѣдно мерцающій газъ освѣщаль его лицо и водото мундара, блестящее искрами при энергическихъ и стройныхъ движеніяхъ. Государь шель ровнымъ и увѣреннымъ шагомъ; онъ приблизился ко мнѣ; я поклонился и пошелъ за нимъ въ мастерскую, а весь академическій штатъ за нами. «Хорошо, очень хорошо!»—произнесъ государь, затѣмъ освѣдомился, откуда я родомъ, еще разъ осмотрѣлъ статую и оставилъ мастерскую»...

Невѣдомый художникъ вдругъ сталъ модной знаменитостью. Государь пріобрѣлъ его статую, а совѣтъ академіи присудилъ автору ея званіе академика, освободивъ его отъ всякихъ обязательствъ, сопряженныхъ съ полученіемъ этого отличія. Вскорѣ затѣмъ (въ 1872 г.) и Кенсинтонскій музей въ Лондонѣ, гдѣ собраны гипсовые снимки съ знаменитѣйшихъ образцовъ скульптуры всего міра, украсилъ свою скульптурную коллекцію гипсовымъ отливкомъ «Ивана Грознаго».

Это была первая побѣда, одержанная всецѣло талантомъ художника. Она же поправила и его матеріальное положеніе, и М. М. Антокольскій получилъ возможность подумать о возстановленіи своего здоровья. По совѣту С. П. Боткина, онъ уѣхалъ на югъ въ Италію.

Но характерно, что среди южной природы онъ мечталъ о прелестяхъ сѣвера. Заманчивость культурной жизни юга оказалась чуждою его душевному настроенію: «Я люблюсь ею,—читаемъ въ его воспоминаніяхъ,—какъ античною статуею, которая ласкаетъ мой глазъ, но не трогаетъ чувствъ. Поневолѣ переносусь я мысленно туда, на сѣверъ, въ родной пчельникъ, и сладокъ для меня его медъ, только иногда пчелы больно кусаются; но, всетаки, боль проходить, и я опять стремлюсь на сѣверъ... Какъ богатъ этотъ сѣверъ, какъ грандіозна и стройна его природа, какое въ ней разнообразіе, что за широта, что за типы, какіе костюмы, нарѣчія и понятія, и какою поэзіею все это окутано!».

Настроеніе художника, выразившееся въ этомъ признаніи, свидѣтельствуешь, что одна внѣшняя прелесть, ласкающая чувства, однѣ красивыя формы безъ содержанія и мысли не могли бы плѣнить его. Какъ первые шаги художественной дѣятельности М. М. Антокольскаго, такъ и всѣ дальнѣйшія ея проявленія, подтверждаютъ это какъ нельзя лучше. Глубина мысли, величіе, возвышенность, благородство стремленій и всегда желаніе пробудить чувство любви и добра—вотъ что вдохновляетъ этого художника.

Одновременно съ «Иваномъ Грознымъ» Антокольскій задумалъ статую «Петра Великаго». Уже черезъ годъ по отъѣздѣ его за границу, эта монументальная статуя была выставлена въ Петербургѣ

Христосъ передъ судомъ народа.

въ академіи художествъ. Ее встрѣтили отчасти равнодушіемъ, частью нападками. Напротивъ, въ парижскомъ Салонѣ, какъ вездѣ за границей, она имѣла большой успѣхъ, и это заграничное одобреніе передалось потомъ и русской публикѣ. Оно и понятно. Это— одна изъ самыхъ значительныхъ монументальныхъ фигуръ, созданныхъ новѣйшей скульптурой. «Петръ I» Антокольскаго есть образцовый типъ монумента. Движеніе гордо поднятой головы и положеніе правой руки съ грозной тростью, которая подъ давленіемъ властнаго кулака точно пронзаетъ землю, придаютъ всей фигурѣ страшную энергію. При монументальности соблюдена и живописность. Иностранные критики, видѣвшіе «Петра I» на разныхъ выставкахъ всемірныхъ, полагаютъ, что одной этой статуи было бы достаточно для увѣковѣченія имени скульптора.

Изъ другихъ типическихъ личностей русской исторіи Антокольскій проектировалъ конныя фигуры Ярослава Мудраго, Дмитрія Донскаго и Ивана III, но онѣ остались невыполненными.

Помимо этихъ работъ, выставленный теперь въ академіи художествъ, горельефъ изъ бронзы «Ярославъ Мудрый» (фономъ для этой благородной головы въ княжеской шапкѣ съ жемчужными привѣсками служить византійское знамя, а базисомъ фоліантъ «Русской Правды») пополняетъ новымъ типомъ эту историческую галерею, которая достойно завершается колоссальной бронзовой статуей «Ермака, покорителя Сибири», и мраморной статуей «Нестора». Первая изъ нихъ есть воплощеніе физической силы и

Послѣдній вздохъ.

стихійной русской удали, героическаго піонерства, прорубавшаго себѣ дорогу. По экспрессіи могучей энергіи «Ермакъ» нисколько не уступаетъ «Петру» Антокольскаго. И тутъ также движеніе фигуры является совершенно неразрывнымъ съ монументальностью. Кажется, какъ будто земля дрожитъ подъ поступью этого богатыря въ кольчугѣ, вооруженнаго сѣкирой. Лицо Ермака сдѣлано такимъ, какъ оно очерчено Карамзинымъ. Знаменитый историкъ нашъ говоритъ объ этомъ «атаманѣ-князѣ»: «онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ пле-

чами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательнаго». Такимъ онъ созданъ и знаменитымъ скульпторомъ.

Лѣтописецъ Несторъ въ фигурѣ Антокольскаго, необыкновенно живописной даже въ аксессуарахъ, есть воплощеніе мысли и трудолюбія. Этотъ сѣдовласый и смиренный постникъ необыкновенно добродушнаго вида представленъ въ рабочемъ монашескомъ костюмѣ сидящимъ за своимъ простымъ столикомъ и погруженнымъ въ фоліанты. Это — одинъ изъ тѣхъ типовъ «не отъ міра сего», которые, какъ увидимъ ниже, не разъ вдохновляли скульптора.

Голова Іоанна Крестителя.

На ряду съ историческими образами, Антокольскій въ первые же годы своей художественной дѣятельности принялся за передачу религиозныхъ сюжетовъ. Онъ и тутъ остался самимъ собою, чуждаясь традиціонной античной трактовки. Первое изъ его произведеній этого рода, пользующееся всемірною славой, — «Христосъ передъ судомъ народа» (1874 г.). Идея этого сюжета поясняется вторичнымъ названіемъ этой знаменитой статуи «Царство мое не отъ міра сего». Физически обезоруженный, со связанными руками, Христосъ въ этой фигурѣ сохраняетъ нѣчто царственное, дающее себя чувствовать даже при этой покорности силѣ.

Трудно изобразить проще противоположность между величіемъ души и земнымъ безсиліемъ. Серьезная критика не разъ отмѣчала въ этой статуѣ и высокую красоту лика Христа. Здѣсь чувствуется, что мысли, сокрытыя подъ этимъ челомъ, не имѣютъ ничего общаго съ временнымъ положеніемъ фигуры, и что взоръ ея устремленъ въ грядущее и вѣчное, подтверждая слова: «Царство

Смерть Сократа.

мое не отъ міра сего!» И въ «Христѣ передъ судомъ народа» опять таки видна склонность нашего скульптора къ живописности.

Не менѣ живописны и другіе сюжеты изъ жизни и страданій Христа. Болѣе поздняго происхожденія статуя, выставленная теперь въ академіи, подъ названіемъ «Спаситель», изображаетъ Христа, какъ благаго отца всѣхъ трудящихся и страждущихъ. Руки его простерты къ принятію вѣрующихъ. И здѣсь тонко выражены соотношеніе между спокойствіемъ и движеніемъ и живописность въ положеніи руки. Въ 1878 г., почти одновременно съ «головой Іоанна Крестителя», былъ исполненъ барельефъ, изображающій главу страждущаго Христа на крестѣ («Послѣдній вздохъ»). Не смотря на реальность всѣхъ признаковъ смерти (ротъ полуоткрытъ, болѣзненное вздрагиваніе закрытыхъ глазъ, волосы на лбу слипшіеся отъ страдальческаго пота, причемъ тонкая прядь ихъ сползла вдоль щекъ до самаго рта), и этотъ барельефъ сохраняетъ все благородство истинно художественнаго произведенія: въ измученномъ лицѣ вы-

Спиноза.

ражено величіе Искупителя, принявшаго земныя муки ради безсмертія своего ученія.

Мотивы смерти вообще очень занимаютъ художника. Это замѣтно отчасти въ творчествѣ его съ половины 70-хъ годовъ. Въ 1875 г. онъ исполняетъ надгробный памятникъ молодой княжны

М. А. Оболенской (поставленъ на Monte Testaccio въ Римѣ), ярко выражающій нѣмое отчаяніе дѣвушки, сидящей на камнѣ передъ склепомъ, въ виду неизбежности вѣчнаго покоя. Въ 1876 г. создается чудный барельефъ съ пейзажнымъ фономъ, на которомъ видны облака и звѣзды, «Безвозвратная потеря» (портретъ малютки-сына художника) и статуя «Смерть Сократа». Реальность экспрессіи въ этой статуѣ доведена почти до грубости. Въ противоположность барельефу «Послѣдній вздохъ» въ «Сократѣ» показано циническое значеніе разлученія тѣла съ душой въ моментъ смерти. Тѣло Сократа, точно опьяненнаго только что принятымъ ядомъ, сползаетъ съ сидѣнья, голова грузно склонилась на грудь, но и этотъ послѣдній вздохъ философа какъ бы свидѣтельствуетъ о предвкушеніи блаженнаго состоянія, не вѣдающаго ни заботъ житейскихъ, ни горя. Въ 1878 г. увѣковѣченъ въ мраморномъ барельефѣ портретъ молодаго талантливаго художника Марка Гинцбурга, и въ этомъ барельефѣ опять таки видна наклонность нашего скульптора къ живописной трактовкѣ: въ фонѣ деревца напоминаютъ о веснѣ, когда скончался Гинцбургъ. На выставкѣ въ академіи обратилъ на себя общее вниманіе и надгробный памятникъ ребенку, изображающій «Ангела», который полусидитъ на скамьѣ дѣтской могилы, гдѣ забыта постелька покойной малютки, черты которой увѣковѣчены въ ангельскомъ личикѣ.

Въ связи съ этими мотивами понимающая дѣло публика не разъ отмѣчала въ произведеніяхъ Антокольскаго яркое выраженіе чувствъ скорби, печали, укора въ неблагодарности людей къ ихъ благодѣтелямъ. Къ перечисленнымъ воплощеніямъ этой идеи (Христосъ осужденъ и распятъ, Іоаннъ Креститель обезглавленъ, Сократъ отравленъ) Антокольскій въ 1882 г. прибавилъ статую еврейскаго мыслителя и мученика «Спинозы», находящуюся теперь на выставкѣ въ академіи художествъ. Прогнанный изъ синагоги и проклятый Спиноза, въ современномъ костюмѣ XVII вѣка, погруженъ въ глубокія думы, можетъ быть, подъ вліяніемъ только прочтеннаго въ фоліантѣ, который лежитъ у него на колѣняхъ. Онъ видимо не безъ горечи уяснилъ себѣ, что люди дѣлаютъ зло по невѣдѣнію, и простилъ имъ.

Къ числу оригинальнѣйшихъ по силѣ характеристики работъ Антокольскаго принадлежатъ бюсты и статуя «Мефистофеля». Голова Мефистофеля болѣе ранняго происхожденія есть образцовое выраженіе хитрости и лукавства. Самая фигура этого демона-скептика, познавшаго добро и зло, вся соткана изъ нервовъ, стройная и жилистая, въ глазахъ его видно что-то выслѣживающее. Это «порожденіе навоза и огня», какъ именуется Мефистофель въ «Фаустѣ» Гете, самой позой своей, необыкновенно пластичной, все-таки, заставляетъ вспомнить о падшемъ богѣ, о богѣ зла.

Всѣми этими темами, однако, не исчерпывается творчество

Антокольскаго. Этотъ художникъ-реалистъ поддается и мечтательному настроенію, затрогивающему нѣжныя стороны души, воплощая въ мраморѣ и бронзѣ черты идеалистическаго лиризма, меланхолическія мечты и даже мистическія видѣнія, лиризма, родственнаго тому самому настроенію «не отъ міра сего», какое отмѣчалось въ вышеприведенныхъ его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны изящнѣйшая мраморная статуя «Христіанской мученицы» (въ катакомбахъ) и мраморный горельефъ «Офелія». Первая такъ и названа «Не отъ міра сего». Это нѣжное исхудалое созданіе съ дѣтскими чертами, олицетвореніе непорочности и душевной чистоты, сидитъ на каменной скамьѣ, совсѣмъ не замѣчая слетѣвшихъ около нея голубей. Голова ея нѣсколько приподнята. Точно въ экстазѣ она прислушивается къ какому-то неземнымъ звукамъ. Лѣвая рука опирается на дощечку съ монограммой Христа. Безъ этого внѣшняго указанія ее можно бы принять за какую нибудь сказочную дѣвушку. Мечтательная головка «Офелии» съ широко-раскрытыми глазами какъ будто вглядывается въ видѣніе, нашептанное камышемъ, которымъ позади ея оживляется горельефъ.

Таковы результаты плодотворной дѣятельности М. М. Антокольскаго за четверть вѣка его творчества, не считая его бюстовъ, портретовъ и разныхъ монументальныхъ проектовъ. И, безъ сомнѣнія, этотъ оригинальный талантъ, заслуженно пользующійся общеевропейскою славой, долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи русской скульптуры.

Ө. Булгаковъ.

Голова Мефистофеля.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНИИ ¹⁾.

VIII.

На японскомъ почтовомъ пароходѣ.

АЯ 8-го 1890 года, въ пять часовъ по полудни, на пароходѣ «Saikio Maru», принадлежащемъ японской пароходной компаніи «Nippon Yusen Kaischa», я выѣхала изъ Нагасаки въ Кобэ. Удивительную смѣсь представляетъ составъ служащихъ этихъ пароходовъ: капитаны ихъ и офицеры частью японцы, частью европейцы (англичане, нѣмцы, датчане); прислуга въ каютъ-компаніяхъ перваго класса и въ каютахъ—китайцы и китаянки; матросы и остальная судовая прислуга—японцы.

Классовъ—три. Европейцы ѣздятъ обыкновенно въ первомъ классѣ. Изъ японцевъ только очень богатые или знатные особы позволяютъ себѣ эту роскошь; огромная масса людей средняго сословія довольствуются вторымъ; третій классъ, какъ и вездѣ, служитъ для престолюдиновъ и вообще людей небогатыхъ. Пароходъ очень великъ, щеголяетъ своей изысканной чистотой и образцовымъ порядкомъ. Каюты 1-го класса просторны, обставлены вполне комфортабельно; большинство ихъ двухмѣстныхъ, есть и трехмѣстныхъ, но очень рѣдко бываетъ столько пассажировъ, чтобы всѣ мѣста были заняты: обыкновенно каждый пассажиръ имѣетъ отдѣльную каюту. Большая часть первоклассныхъ каютъ помѣщается на

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. II, стр. 540.

первой верхней палубѣ, такъ что можно, не выходя изъ каюты, наблюдать черезъ открытыя двери морской путь.

Столовая—свѣтла и просторна. Кромѣ столовой, есть еще гостинная, или, какъ она здѣсь называется Social Hall, гдѣ имѣется прекрасное пьянино и небольшая бібліотека, въ которой преобладаютъ англійскія книги религіознаго характера. Ни въ столовой, ни въ этой Social Hall, не позволяется курить, для куренья отведена наверху особая большая, хорошо обставленная зала. Освѣщается пароходъ Эдиссоновскими лампочками. Для первыхъ двухъ классовъ имѣются ванны, души и проч.

Какъ чудно хорошъ выходъ изъ Нагасаки, этотъ длинный извилистый заливъ, выющійся точно широкая рѣка между крутыми, высокими берегами! Какъ мягки линіи его многочисленныхъ бухточекъ! Какъ оригинально красива панорама этихъ горныхъ хребтовъ, покрытыхъ темными рощами и террасами обработанныхъ полей, то изумрудно-зеленыхъ, то желтѣющихъ колосьями созрѣвающаго хлѣба!

Стоитъ прелестная погода. Море совершенно спокойно. Теплый воздухъ пропитанъ ароматомъ лѣса окрестныхъ холмовъ. Косые лучи заходящаго солнца неровно освѣщаютъ долины, деревушки и горныя вершины. Вотъ миновали Паппенбергъ съ его густой, сосновой шапкой и обрывистыми склонами. Вотъ угрюмый островокъ-скала, въ которой природа продѣлала сквозное отверстіе, и вышло нѣчто въ родѣ арки. Показалась цѣлая масса островковъ различныхъ формъ и очертаній. Солнце низко-низко спустилось къ землѣ. Мы проходимъ мимо островной группы, окружающей западный берегъ Кіу-сіу и извѣстной подъ названіемъ «Архипелага девяносто-деяти». Стемнѣло. Берега рисуются неясными, мрачными силуэтами. Надъ моремъ загорѣлись огоньки: это рыбацьи джонки. Какая ихъ масса!..

Пассажировъ, по случаю открытія всеяпонской выставки въ Токио, много: преобладаютъ европейцы, но и японцевъ не мало. Послѣдніе держатся особнякомъ. Въ каютъ-компаніи во время обѣда японскіе пассажиры 1-го класса помѣщались тоже за отдѣльнымъ столомъ; японскія же пассажирки къ общему столу не вышли, предпочитая обѣдать и завтракать въ своихъ каютахъ, вѣроятно, по причинѣ недостаточнаго знакомства съ употребленіемъ ножей и вилокъ.

Послѣ обѣда въ Social Hall собралось большое общество: мужчины, дамы и дѣти, и всѣ подъ аккомпанементъ пьянино стали пѣть гимны. Оказалось, что это были нѣсколько семействъ американскихъ миссіонеровъ, живущихъ въ Китаѣ и ѣхавшихъ теперь отдохнуть отъ жаровъ его на сѣверъ Японіи.

9-е мая. Утро прекрасное. Мы стоимъ на Симоносекскомъ рейдѣ, который кажется огромнымъ круглымъ озеромъ. Со всѣхъ сторонъ его обступили высокіе холмы, покрытые густой растительностью.

Симоносекскій проливъ раздѣляетъ собою острова Хондо и Кіу-сіу; на лѣвомъ берегу его, то-есть на островѣ Хондо, амфитеатромъ расположился городъ Симоносеки, обыкновенный маленькій японскій городъ, ничѣмъ въ настоящее время не замѣчательный. Подлѣ берега множество мелкихъ парусныхъ судовъ. На рейдѣ, кромѣ нашего «Saikio Maru», стоятъ еще нѣсколько пароходовъ. На берегу, принадлежащемъ острову Кіу-сіу, лежитъ небольшой городокъ Кокура. Недалеко отъ суженія, ведущаго во внутреннее море, на самомъ высокомъ пунктѣ берега, видѣются батареи съ пушками, направленными къ проходу. У подножія батарей стелется полотно желѣзной дороги. Кромѣ двухъ городовъ, по берегамъ всего Симоносекскаго пролива разбросаны дома и селенія.

Узкій проливъ открываетъ выходъ изъ Симоносекской бухты во Внутреннее или Средиземное Японское море, расположенное между тремя главнѣйшими островами Японіи, составляющими сердце страны: Хондо, Кіу-сіу и Сикокамъ. Длина этого моря съ запада на сѣверо-востокъ около 400 верстъ, ширина отъ 12 до 50 верстъ.

Изъ Симоносеки мы вышли часовъ въ 8 утра, и до полудня виденъ былъ южный берегъ Хондо, окутанный полупрозрачной дымкой тумана, и отдѣльные островки Внутренняго моря, но такъ далеко, что разсмотрѣть какія либо подробности береговой жизни не было возможности; о присутствіи ея говорили только желтыя полосы нивъ по склонамъ холмовъ, да масса снующихъ по вѣтмъ направленіямъ джонокъ съ ихъ бѣлыми парусами, издали похожими на крылья гигантскихъ птицъ.

Море темно-синее, съ едва замѣтной рябью. Голубое небо покрыто легкими, бѣлыми, полупрозрачными барашками. И все это залито яркими лучами мягкаго майскаго солнца. Тишина нарушается только убаюкивающимъ шумомъ парохода. Пассажиры распозлились по разнымъ угламъ верхней палубы: кто читаетъ, кто съ биноклемъ въ рукахъ наблюдаетъ проходящія мимо него картины. Дѣти бѣгаютъ и устраиваютъ разныя игры. На верхнюю палубу поднялась одна изъ нашихъ пассажирокъ—японка; съ ней няня и ребенокъ. Къ нимъ подходитъ японскій джентльменъ въ европейскомъ костюмѣ, очевидно, мужъ этой японской леди. И барыня, и няня одѣты въ одинаковаго покроя національныя платья темныхъ цвѣтовъ (у послѣдней оно немного попроще), и причесаны обѣ также вычурно; но съ перваго же взгляда видна рѣзкая разница между этими двумя женщинами: у одной продолговатое, овальное лицо съ нѣжной матовой кожей, брови, изогнутыя крутой дугой, красивый, тонкій носъ съ чуть-чуть замѣтной горбинкой, маленькій ротъ и идеально-прекрасныя руки, маленькія, нѣжныя, бѣлыя, съ длинными, тонкими пальцами; у другой—широкое, четырехугольное лицо, низкій лобъ, почти прямыя линіи бровей, приплюснутый у основанія широкій носъ, большія, толстыя губы, ротъ

до ушей, румянецъ во всю щеку и руки рабочаго челоуѣка — съ короткими, толстыми пальцами. Первая—удивительно-женственна, съ своими мягкими манерами, полными прелести и граціи.

Отецъ и мать возятся съ своимъ, очевидно, первенцемъ и, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются обратить на себя его вниманіе.

Въ лицѣ этихъ двухъ женщинъ предъ нами два наиболѣе рѣзкіе типа японской національности, сказывающіеся съ особенной отчетливостью именно въ женской половинѣ даннаго населенія: первый встрѣчается чаще въ высшихъ классахъ страны и на югѣ ея, составляя, какъ говорятъ, господствующій типъ Ликейскихъ острововъ; онъ называется типомъ Ямато, или южнымъ; второй является преобладающимъ въ низшихъ классахъ, и чѣмъ дальше на сѣверъ Японіи, чѣмъ ближе къ острову Іезо, тѣмъ отчетливѣе дѣлаются отличительныя черты его: это — айскій, или сѣверный типъ. Между указанными двумя крайними типами помѣщается цѣлый рядъ всевозможныхъ сочетаній ихъ, частью какъ результатъ сліянія обоихъ элементовъ, частью, какъ слѣдствіе вмѣшательства постороннихъ факторовъ.

Пора, однако, вернуться къ нашему «Saikio Maru», его пассажирамъ и Внутреннему морю.

Вотъ сидитъ японецъ, держитъ передъ собой газету и поетъ: пѣніе тихое, довольно унылое, и мотивъ его пѣсни чрезвычайно однообразенъ. Ту же музыку я слышу съ другаго конца верхней палубы, только пѣвецъ здѣсь держитъ книгу въ рукахъ. Страницы перевертываются за страницами, одна газета смѣняетъ другую, а пѣсня все не прекращается; но это не пѣніе, а просто чтеніе вслухъ, обычный способъ японскаго чтенія. Впослѣдствіи мнѣ приходилось много разъ видѣть японцевъ, читающихъ про себя; но это были или люди, вкусившіе европейской цивилизаціи, или просто стѣснявшіеся присутствіемъ европейцевъ.

По всему судну и въ особенности по верхней палубѣ, гдѣ преимущественно сидятъ пассажиры, втеченіе цѣлаго дня ходятъ матросы и чистятъ, и моютъ непрерывно: стоитъ какому нибудь мѣсту запылиться или загрязниться отъ дымовой трубы, какъ оно немедленно подвергается тщательнѣйшей чисткѣ. Да, чистота на японскихъ почтовыхъ пароходахъ дѣйствительно идеальная. Мнѣ невольно вспомнились наши знаменитые пароходы Добровольнаго флота съ ихъ не менѣе идеальной грязью...

Часовъ около трехъ по полудни мы начали проходить цѣлый рядъ узкостей: острововъ такъ много, и они такъ сближаются здѣсь, что порою кажется, будто мы ѣдемъ по широкой рѣкѣ. Въ разнообразіи ихъ сочетаній и неожиданности развертывающихся картинъ столько оригинальной красоты, что никакое описаніе не можетъ дать даже приблизительнаго понятія о ней. Всѣ эти острова

представляют холмы различной высоты; склоны их изрѣзаны правильными террасами полей, которыя отдѣляются другъ отъ друга оградами изъ сѣраго камня. Поля покрыты золотистымъ хлѣбомъ и зелеными овощами; видѣются и чайныя поля, или чаще отдѣльные чайныя кусты, похожіе издали на гигантскіе грибы. Попадаются островки, обработанные сверху до низу, безъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья на нихъ. Берега другихъ острововъ опоясаны лентами деревень. Предъ нами проходятъ не просто картины природы, а цѣлая эпопея упорнѣйшаго человѣческаго труда, одухотворившаго эти холмы и скалы, оживившаго эту водную поверхность и внесшаго начало сознательной цѣлесообразности въ міръ борьбы безсознательныхъ элементовъ. Вы чувствуете, что власть земли надъ человѣкомъ и власть человѣка надъ землей слились здѣсь въ одинъ стройный аккордъ, наполняющій вашу душу чувствомъ какого-то своеобразнаго удовлетворенія и... въ то же время невольной, чисто русской зависти... Острова то сближаются, то расходятся и въ одномъ мѣстѣ образуютъ пять проходовъ. Кажется, что не мы идемъ, а будто предъ нами раздвигаются гигантскіе кулисы изъ цѣлыхъ холмовъ для того только, чтобы показать на минуту и сейчасъ же спрятать какой нибудь уголокъ чудной красоты.

Цѣлый день намъ попадались навстрѣчу, или мы обгоняли, японскіе коммерческіе пароходы.

Къ вечеру погода измѣнилась. Неожиданно откуда-то налетаетъ порывъ вѣтра. Небо темнѣетъ. Мы спускаемся внизъ, къ обѣду. Пароходный столъ носитъ чисто англійскій характеръ, то-есть кровавые ростбифы, бифштексы и жирныя пудинги царятъ надъ всѣмъ прочимъ. Компания «Ниппонъ Юссень Кайша» вообще очень заботится о тѣлесной пищѣ своихъ пассажировъ: утромъ до 8^{1/2} часовъ въ каюту подается чай или кофе; въ 8^{1/2} часовъ колоколь призываетъ всѣхъ къ завтраку, состоящему изъ множества блюдъ и фруктовъ; въ 12^{1/2} часовъ второй завтракъ, или, вѣрнѣе, обѣдъ, такъ какъ на немъ подаютъ и супъ, и пирожное, и опять массу мясныхъ блюдъ, холодныхъ и горячихъ, фрукты, десертъ и проч., и проч.; въ 4 часа по полудни чай, въ 6 часовъ обѣдъ, немногимъ отличающійся отъ втораго завтрака, и вечеромъ, между 8-ю и 9-ю часами, снова подается чай или кофе.

Исторія японскаго частнаго пароходства неразрывно связана съ именемъ одного японскаго купца, нѣкоего Ивазакі.

Обладая очень большими средствами, Ивазакі основалъ въ 1870 году, на свой собственный страхъ и рискъ, безъ всякой правительственной поддержки, пароходное общество, которое потомъ стало извѣстно подъ именемъ почтово-пароходной компаніи Митсубиши. Предпріятіе это имѣло блестящій успѣхъ, вызвавшій образованіе другой пароходной компаніи, которая начала конкурировать

съ первой; но въ 1885 году оба соперничающія общества соединились вмѣстѣ подъ именемъ «Nippon Yusen Kaisha» (Ниппонъ Юссенъ Кайша). Эта могущественная и богатая пароходная компанія владѣетъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ 50-ю прекрасными пароходами, совершающими рейсы не только по главнымъ портамъ Японіи, но и поддерживающими правильное почтовое сообщеніе съ Шанхаемъ и Чифу, корейскими портами: Гензаномъ, Фузаномъ и Чемульпо, нашимъ Владивостокомъ, Маниллой и Новой Гвинеей. Весь административный персоналъ этого общества состоитъ исключительно изъ японцевъ.

Рано утромъ 10-го мая въ туманѣ показался городъ Кобэ. Наше путешествіе моремъ кончилось.

IX.

К о б э.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза по пріѣздѣ въ Кобэ, это— масса судовъ, покрывающихъ обширный открытый рейдъ его. Самъ городъ съ рейда не представляетъ ничего интереснаго: онъ расположенъ на плоской равнинѣ, лежащей между берегомъ и цѣпью горъ, покрытыхъ теперь легкимъ утреннимъ туманомъ. Видна набережная и цѣлый рядъ домовъ, каменной лентой тянущихся вдоль берега залива.

Началась тоскливая сутолока, обычная на пароходѣ, приходящемъ въ портъ: пассажиры возятся со своимъ багажемъ, маменьки и няньки съ ребятами, которымъ нѣтъ никакого дѣла до новаго порта и которые, нисколько не стѣсняясь постороннихъ слушателей, выражаютъ громко свой протестъ противъ ранняго поднятія ихъ съ теплыхъ постелекъ.

Не смотря на ранній часъ, на пароходъ наѣхало множество новыхъ лицъ: агенты компаніи, почтовые чиновники, знакомые и родные пассажировъ и, наконецъ, просто комми отъ различныхъ отелей съ предложеніемъ своихъ услугъ. Беремъ комми «Hôtel des Colonies», даемъ ему билетъ отъ багажа, садимся въ первую фунѣ, пріѣзжаемъ на набережную и ждемъ здѣсь прибытія отельной шлюпки съ багажемъ. Дѣло въ томъ, что въ Японіи во всѣхъ приморскихъ городахъ существуютъ таможи, и вещи, прибывшія на судахъ (въ томъ числѣ и пассажирскій багажъ), подвергаются таможенному досмотру, даже тогда, когда онѣ прибыли изъ сосѣдняго японскаго города. То же самое продѣлывается и съ грузами, которые перевозятся съ берега на судно. Таможенные пошлины составляютъ порядочную статью доходовъ японскаго правительства: въ 1889 году, напримѣръ, онѣ дали ему 4.720.575 долларовъ.

Досмотръ вещей моихъ оказался самый поверхностный, и меня очень скоро отпустили съ поклонами и добродушными улыбками.

Позавтракавъ и переодѣвшись, мы выбрали двухъ дженерикчей, изъ которыхъ одинъ довольно сносно говорилъ поанглійски, и отправились осматривать городъ.

Кобэ въ общемъ производитъ впечатлѣніе очень чистенькаго, опрятно-содержимаго мѣстечка. Улицы европейской части широкиа, ровныя, прямыя, какъ стрѣла, усажены высокими, развѣсистыми деревьями. Вдоль набережной тянется широкой бульваръ; неподалеку отъ него лежитъ городской садъ, гдѣ помѣщается поле для тенниса и крокета, безъ которыхъ не обходится ни одна англійская колонія, даже самая незначительная, и гдѣ строится теперь прекрасное зданіе клуба. Дома большею частью двухъ-трехъ-этажные, обыкновенной колоніальной архитектуры.

Иностранцевъ въ Кобэ немного: по даннымъ 1889 года въ немъ проживали 249 англичанъ, 77 нѣмцевъ, 60 американцевъ, 767 китайцевъ и 83 представителя разныхъ другихъ національностей (русскихъ ни одного).

Здѣсь имѣются двѣ протестантскія церкви и одна римско-католическая, и издаются на англійскомъ языкѣ двѣ ежедневныя газеты: «*Yuogo News*» и «*Kobe Herald*».

Европейско-американская колонія управляется муниципальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ мѣстнаго японскаго губернатора, иностранныхъ консуловъ и трехъ членовъ, выбираемыхъ обывателями колоніи.

Европейская часть смотритъ тихимъ провинціальнымъ уголкомъ. Экипажей, повозокъ, лошадей, что обыкновенно нарушаетъ тишину западнаго города, здѣсь нѣтъ; единственными экипажами служатъ дженерикчи, на которыхъ общая опрятность города оказала свое вліяніе: они гораздо изящнѣе, красивѣе и чище, чѣмъ въ Нагасаки. Не всѣ европейцы живутъ въ самомъ Кобэ: многіе изъ нихъ построили себѣ виллы у подножія и по склонамъ холмовъ, что дѣлаетъ его похожимъ немного на Ментону.

Улицы японской части города очень оживлены. Кобэ въ настоящее время очень важный портъ, единственный, по своему значенію на Внутреннемъ морѣ. Во времена отчужденности Японіи отъ остальнаго міра главнымъ торговымъ пунктомъ и портомъ этого моря была Осака, лежащая немного глубже внутри страны, на судоходной рѣкѣ, соединенная множествомъ каналовъ съ морскимъ заливомъ. Но съ паденіемъ вѣковой замкнутости страны, съ введеніемъ пароваго флота и глубоко-сидящихъ морскихъ пароходовъ, значеніе Осака, какъ порта, должно было неминуемо пасть и перейти къ другому пункту, положеніе котораго удовлетворяло бы вновь возникшимъ потребностямъ. Такимъ пунктомъ и оказалось Кобэ. Черезъ него идетъ почти вся вывозная торговля Внутренняго моря; черезъ него же Кіото и Осака, эта японская Москва по своей промышленности, сбываютъ свои произведенія. Же-

лѣзная дорога соединяетъ теперь Кобэ со всеѣмъ югомъ главнаго острова, а также съ Осако, Кіото, Токио и Йокохамой. Въ 1889 г. было вывезено отсюда товаровъ на 3.171,925 фунт. стерл., а ввезено на 4.354,646 фунт. стерл. Экспортъ состоялъ главнымъ образомъ изъ чая, риса, камфоры, мѣди и растительнаго воска. Специальность Кобэ составляютъ прелестныя издѣлія изъ бамбука, соломы и цвѣтнаго бисера. Многочисленные богатые магазины города наполнены массою всевозможныхъ произведеній туземной промышленности, которыя стоятъ здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ страны.

Рѣка Минато-гава отдѣляетъ Кобэ отъ лежащаго рядомъ съ нимъ другаго города—Хіого. Она очень широка, эта Минато-гава, но безъ капли воды: дно ея совершенно сухо, и по нему свободно ходятъ пѣшеходы. Не правда ли оригинальная рѣка? Она наполняется водою только въ періодъ сильныхъ ливней и несетъ тогда, какъ и всѣ рѣки этой части Японіи, массы песку и гольшей, которыя и откладываетъ на всеѣмъ своемъ теченіи. Благодаря этому обстоятельству, ея ложе постепенно возвышается надъ окружающею ея мѣстностью. Берега Минато-гавы усажены красивыми, старыми, развѣсистыми деревьями и служатъ мѣстомъ общественныхъ гуляній. Тотчасъ за рѣкой начинается городъ Хіого, именемъ котораго зовется вся окрестная провинція.

Населеніе Кобэ-Хіого въ 1889 году равнялось 115.954 человѣкамъ, изъ которыхъ на долю Хіого приходилось около 25 тысячъ.

Я провела въ Кобэ нѣсколько дней, осмотрѣла его храмы, памятники, ближайшія окрестности, оба водопада, составляющіе предметъ гордости мѣстныхъ обывателей; но я не буду останавливаться здѣсь на всеѣхъ этихъ достопримѣчательностяхъ. Скажу только нѣсколько словъ о храмѣ Нофукуджи, такъ какъ то, что я видѣла въ немъ, наглядно показываетъ, какъ невѣрны толки о полномъ упадкѣ буддизма въ Японіи. Меня удивила прежде всего въ этомъ храмѣ огромная стѣна, сажени 4 длины и сажени 2 высоты, состоящая сплошь изъ массы тоненькихъ продлинноватыхъ досчечекъ съ черными японскими надписями. Оказывается, что при этомъ храмѣ собираются поставить большую статую Будды, и что на досчечкахъ написаны имена жертвователей на статую и цифра каждаго пожертвованія. Но еще больше поразила меня бронзовая голова Будды, которая лежала всеѣмъ уже готовой на обширномъ храмовомъ дворѣ, окруженномъ со всеѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Вотъ размѣры различныхъ частей этой головы: длина лица 8¹/₂ фута, каждаго глаза 3 фута, уха 6 фута, носа 3¹/₂ фута, рта 2¹/₂ фута. Въ ноябрѣ 1890 года мнѣ пришлось быть, проѣздомъ на сѣверъ Японіи, опять въ Кобэ; я отправилась посмотреть ходъ работъ по постановкѣ интересной статуи: весь дворъ храма былъ обращенъ въ кузницу, и огромные куски металла, то-есть куски статуй, па-

лялись повсюду въ безпорядкѣ. Затѣмъ, когда въ декабрѣ того же года я возвращалась съ сѣвера Японіи, я снова зашла взглянуть на статую. Туловище ея было все уже сложено и только требовало окончательной отдѣлки и установки. Высота ея равнялась 48 футамъ, окружность поясницы — 85 фут., а cadaго большаго пальца руки—2 фут.

Все это колоссальное сооруженіе воздвигнуто на гроши, собранные съ вѣрующіхъ. Такимъ образомъ въ Японіи рука дающаго, какъ видно, далеко еще не оскудѣла, если возможно не только поддержаніе многочисленнаго туземнаго духовнаго сословія, десятковъ тысячъ буддійскихъ храмовъ, разсѣянныхъ въ странѣ, но и сооруженіе новыхъ статуй, подобныхъ только что описанной.

Х.

Въ древней столицѣ Японіи.

13-го мая я отправилась по желѣзной дорогѣ изъ Кобэ въ Кіото, древнюю столицу Японской имперіи; шестьдесятъ верстѣ, отдѣляющихъ Кобэ отъ Кіото, мы ѣхали около 2¹/₂ часовъ. Промежуточныхъ станцій здѣсь десять. Такое обиліе станцій представляетъ огромное удобство для окрестнаго деревенскаго люда, который, благодаря чрезвычайно низкимъ цѣнамъ 3-го класса, широко пользуется желѣзной дорогой, да и послѣдняя не въ убытокъ, такъ какъ густота населенія данной мѣстности весьма значительна.

Станціи низенькіе, одноэтажные, деревянные домики самой незатѣйливой архитектуры. Поѣздъ останавливается на 2—3 минуты, но нѣтъ ни криковъ, ни толкотни: слышенъ только своеобразный стукъ деревянныхъ сандалій о каменный полъ дебаркадера. Раздается свистокъ, и мы несемся дальше. И такъ повсюду. Не смотря на быстроту движенія, густоту населенія вдоль линій, очень короткія остановки на станціяхъ, несчастья на японскихъ желѣзныхъ дорогахъ представляютъ необыкновенно рѣдкое явленіе: здѣсь слышится, съ одной стороны, вліяніе замѣчательной аккуратности японцевъ въ исполненіи всякаго порученнаго имъ дѣла, съ другой—тотъ духъ воспитанности, умѣнья держать себя, который такъ глубоко проникаетъ въ слои туземнаго населенія.

Приблизительно на поль-пути между Кобэ и Кіото лежитъ большой промышленный городъ Осака, но я на этотъ разъ не останавливалась въ немъ.

Ровная близъ Осаки мѣстность становится къ Кіото болѣе холмистой. Мы ѣдемъ по провинціи Сетзу. Предъ нами та классическая почва, на которой разыгрывались нѣкогда интереснѣйшія драмы странной исторіи этого страннаго народа. Центральнымъ

фокусомъ ихъ втеченіе послѣднихъ тысячи слишкомъ лѣтъ служило именно Кіото, гдѣ за высокими стѣнами своего дворца жило таинственное существо, полубогъ, получеловѣкъ, оставшіяся, не смотря на всѣ превратности своей личной судьбы, единственнымъ законнымъ источникомъ власти въ странѣ и являвшійся, поэтому, цѣлью всѣхъ партійныхъ честолюбій. Вся внутренняя исторія Японіи послѣднихъ одиннадцати столѣтій есть въ сущности исторія борьбы изъ-за обладанія особой императора и самымъ тѣснымъ образомъ связана съ Кіото. Съ этимъ же городомъ сплела свои судьбы другая великая сила японской исторіи—буддизмъ. Здѣсь же достигли высшей степени совершенства тѣ оригинальныя отрасли производства мѣстной промышленности, которыя составляютъ предметъ удивленія и зависти иностранцевъ: шелковое, металлическое, фарфоровое. Литература, поэзія, драматическое искусство, всѣ стороны духовной жизни націи получили именно въ Кіото свое высшее развитіе.

Я ожидала поэтому чего-то особеннаго отъ этого города и, конечно, ошиблась, потому что тогда все еще мѣрля Японію на европейскій аршинъ: предо мной рисовались роскошные дворцы, огромныя зданія, грандіозныя храмы; я напрасно, однако, всматривалась въ голубоватый сумракъ дали: тучи низко нависли надъ землей, и дымка тумана завлаживала окрестности. Но вотъ въ окна вагона показались сѣрыя кучи низкихъ зданій, мелькнулъ шпиль пагоды, высокая крыша какого-то храма; потянулись сады городского предмѣстья, потомъ опять пошли однообразныя сѣрые дома, и поѣздъ остановился у Кіотскаго вокзала. Мы рѣшили остановиться въ отелѣ Ями (Jaami Hotel), о прелестяхъ котораго пришлось столько слышать на пароходѣ, возьмемъ насъ изъ Нагасаки въ Кобэ. Отъ вокзала до отеля добрыхъ $\frac{3}{4}$ часа быстрой ѣзды на дженерикчахъ. Улицы Кіото не очень широки, но прямы, какъ стрѣла, и пересѣкаются другъ съ другомъ болѣею частью подъ прямыми углами. Онѣ прекрасно вымощены и содержатся въ замѣчательной чистотѣ.

Проѣхавъ большой кусокъ города, мы въѣзжаемъ въ паркъ, гдѣ разбросаны группы домиковъ и маленькія часовни. Начинается очень пологій подъемъ въ гору, и вдругъ надъ зеленою лѣса показывается какъ бы висящее въ воздухѣ зданіе отеля Ями, какой-то смѣшанной, европейско-японской архитектуры. Отель, находящійся въ исключительномъ завѣдываніи японцевъ, состоитъ изъ трехъ флигелей или павильоновъ (каждый въ 2 этажа), расположенныхъ покоемъ и соединенныхъ между собою легкими деревянными галлереями.

Каждый такой павильонъ имѣетъ до 40 комнатъ, высокихъ, свѣтлыхъ, хорошо мебелированныхъ, которыя всѣ выходятъ на наружныя галлерей. Куда ни кинешь взглядъ, все зелено, и среди

зелени щедрой рукой разбросаны цвѣты. Воздухъ пропитанъ ароматомъ лѣса, и дышится здѣсь такъ легко послѣ уличной духоты.

Выбравъ помѣщеніе и сговорившись съ дженерикчами, которыхъ удобнѣе нанимать здѣсь поденно (дженерикча на цѣлый день стоитъ 75 центовъ, то-есть около 95 копеекъ золотомъ), мы отправились знакомиться съ городомъ.

Киото лежитъ въ долину, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Среди города, съ сѣвера на югъ, протекаетъ рѣка Камо-гава; она дѣлается, впрочемъ, рѣкою только весной послѣ обильныхъ дождей; большую же часть года она представляетъ ничтожный ручей, извивающійся среди широкаго, кремнистаго ложа. Киото имѣетъ очень много сходства съ нашей Москвой. Какъ Москва была резиденціей русскихъ царей до появленія великаго преобразователя Россіи, такъ и Киото, втеченіе длиннаго ряда вѣковъ, оставалось столицей Японіи, пока преобразователь этой страны, нынѣ царствующій микадо, не перенесъ своей резиденціи на сѣверъ въ Токио. Киото сдѣлалось императорскою резиденціей въ 794 году христіанской эры и оставалось таковою до 1868 года. Ранѣе же 794 года столица микадо, согласно древнему обычаю, не позволявшему сыну оставаться жить тамъ, гдѣ умеръ его отецъ, мѣнялась съ каждымъ новымъ царствованіемъ, переходя изъ одного мѣста въ другое, но оставаясь при этомъ всегда въ предѣлахъ трехъ центральныхъ провинцій: Ямато, Ямасиро и Сетзу. Столица стала называться Міако, или Кію, что значитъ «резиденція государя» (Міако есть китайское, а Кію японское слово); въ обыкновенной же рѣчи ее звали Кію-то, то-есть столичный городъ; послѣ переноса столицы въ Іеддо (въ 1868 году) Киото получило имя Сайкію, то-есть западной столицы, а Іеддо—Токио, или восточной столицы.

Подобно Москвѣ, Киото является хранительницей древнихъ преданій и гнѣздомъ старинной, родовой знати страны.

Безчисленное множество разъ выгорала Москва втеченіе своей исторической жизни; также беспощадны были пожары и въ Киото; но тогда какъ прежняя русская столица теперь почти сплошь каменная, — древняя японская осталась по старому деревянной, такою же деревянной, какъ и вся остальная Японія. И свой царь-колоколь есть въ Киото, да не одинъ, а цѣлыхъ два.

Какъ и въ Москвѣ, въ Киото можно насчитать сорокъ-сороковъ храмовъ и монастырей, изъ которыхъ многіе гораздо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ московскіе. Только монастырскія богатства здѣсь не въ жемчугахъ, серебрѣ, золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, а въ произведеніяхъ лучшихъ художниковъ и скульпторовъ страны. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о такихъ храмахъ-монастыряхъ, опишу одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними: Ниши-хон-гванжи, который мы успѣли осмотрѣть въ первый же день нашего приѣзда въ Киото.

Ниши-хон-гванжи помѣщается въ южной части города, въ тихомъ, чистомъ кварталѣ, гдѣ мало домовъ и много широкихъ площадей. Монастырь обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокими деревянными стѣнами. Широкія, настежь открытыя ворота привели насъ на небольшой квадратный дворъ. Въ глубинѣ двора виднѣется обыкновенный, одноэтажный деревянный японскій домъ; на деревянной галереѣ его сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько бонзъ; предъ ними крошечный столикъ, съ книгой для записи посѣтителей, кисточками и тушью для письма. Насъ просятъ снять обувь, что мы исполняемъ съ большимъ удовольствіемъ: на дворѣ такъ жарко, да и мы уже порядочно устали. Вносимъ затѣмъ входную плату (по 15 центовъ съ человѣка), получаемъ входные билеты и одного проводника бонзу. Насъ ведутъ не въ самый храмъ, а въ то монастырское зданіе, гдѣ находятся апартаменты одного изъ величайшихъ правителей Японіи, погуна Хидейёши Тайкосама (жилъ во второй половинѣ XVI столѣтія). Хидейёши покровительствовалъ сектѣ хон-гванжи и завѣщалъ главному монастырю ея въ Киото обстановку изъ своего любимаго дворца. Длинный невысокій корридоръ, выстланный циновками, окружаетъ съ трехъ сторонъ все зданіе. Одна стѣна корридора состоитъ изъ рѣшетокъ, заклеенныхъ бумагой; другая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣна апартаментовъ. Обѣ онѣ раздвижныя, и свѣтъ внутрь комнатъ падаетъ только изъ корридора. Въ нихъ всегда полумракъ и прохлада.

Намъ показываютъ прежде всего огромную приемную залу. Драгоцѣнный черный лаковый полъ ея покрытъ циновками; потолокъ раздѣленъ на правильные квадраты бронзовыми золочеными перекладинами; на черномъ лаковомъ фонѣ квадратовъ—картины, рисованныя золотымъ лакомъ. Стѣны украшены роскошной живописью, изображающею птицъ и цвѣты. Особенно хороши фигуры аистовъ, сдѣланныхъ въ натуральную величину: жизнью вѣетъ отъ этихъ прекрасныхъ картинокъ. Въ этой же залѣ, напротивъ входной стѣны, на полу, сдѣлано небольшое возвышеніе, на которомъ за занавѣсью сидѣлъ правитель страны и принималъ депутаціи: было устроено такъ, что онъ могъ видѣть всѣхъ, тогда какъ его никто не видѣлъ. Отсюда мы входимъ въ небольшую комнату, съ такимъ же поломъ и потолокомъ: стѣны ея расписаны зелеными бамбуками на золотомъ фонѣ. Въ третьей комнатѣ на золотомъ фонѣ стѣнъ изображены сѣрые и бѣлые гуси въ натуральную ихъ величину. Въ четвертой—стѣны расписаны астрами различныхъ цвѣтовъ. Отсюда попадаемъ въ апартаменты со стѣнами, разрисованными павлинами и цвѣтущими вишнями. Карнизы павлиньей комнаты украшены золоченой рѣзбой, представляющей дикія камеліи, среди которыхъ расположились фениксы (фениксъ мифическая птица, являющаяся въ Японіи символомъ государственной власти, какъ у насъ двуглавый орелъ). Затѣмъ идетъ большая

комната, золотистыя стѣны которой росписаны китайскими пейзажами; еще комната съ различными китайскими видами и сценой для домашняго театра; проходимъ далѣе комнату съ изображеніями китайской придворной охоты и попадаемъ въ большую залу, называемую залой Тайко. Стѣны ея украшены золочеными рѣзными фигурами бѣлокъ, рѣзвящихся среди гроздьевъ винограда. Въ одной изъ нишъ этой комнаты есть деревянная лакированная полка, на которую нѣкогда клались головы личныхъ враговъ Хидейёши, убитыхъ въ сраженіяхъ или казненныхъ по его приказанію. Здѣсь онъ самъ производилъ имъ страшный смотръ. Эта комната цѣликомъ перенесена сюда изъ замка Хидейёши въ Фусими.

Апартаменты эти даютъ, между прочимъ, прекрасное представленіе о томъ, какая была до самаго послѣдняго времени внутренняя обстановка дворцовъ властителей страны (шогуновъ и императоровъ): во всѣхъ комнатахъ нѣтъ никакой мебели, да ея не было и тогда, когда онѣ были обитаемы; здѣсь, какъ и въ хижинѣ бѣдняка, циновки, стѣнные шкафы и ширмы замѣняли собою все то, что мы называемъ «обстановкой»; роскошь состояла въ драгоцѣнномъ деревѣ, шедшемъ на постройку, безукоризненной лакировкѣ, позолотѣ, рѣзбѣ и живописи, покрывавшихъ стѣны и потолки.

Изъ комнатъ Хидейёши мы прошли въ садъ. Онъ кажется очень большимъ, а между тѣмъ вовсе не великъ. Эффектъ достигается здѣсь тѣмъ, что широкихъ аллей нѣтъ, а узкія тропы выются самымъ причудливымъ образомъ среди кустовъ, открывая все новые и новые виды. Есть тутъ и искусственный холмъ, и гротъ, и водопадъ, и ручей, черезъ который перекинута два мостика; но все это такое миниатюрное, особенно подъ стѣнью вѣковыхъ деревьевъ, дающихъ чудную прохладу въ этотъ знойный день. Водопадъ и ручей вливаются въ прудъ, вокругъ котораго разсажены группы пальмъ, латаній, банановъ, толстые карлики-кедры и сосны, искусственно искривленныя самымъ причудливымъ образомъ, и проч. Прудъ полонъ рыбы. Золотыя рыбки кишмя-кишатъ здѣсь, причемъ отдѣльные экземпляры достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Очень красивое зрѣлище представляетъ эта блестящая толпа, если бросить въ прудъ немного рису или хлѣбныхъ крошекъ: всѣ переходы отъ блѣдно-золотистаго до ярко-краснаго золотаго отлива сверкаютъ тогда на поверхности воды въ видѣ проворныхъ рыбъ, жадно бросающихся на добычу; есть здѣсь и совершенно серебряныя рыбы, есть нѣжно-голубыя, есть серебряныя съ темно-синими спинками. Все это красивое населеніе пруда пользуется священнымъ правомъ убѣжища, не зная ни сѣтей, ни удочекъ.

Бросать въ воду приманку и смотрѣть на веселую толпу рыбъ, кишащихъ вокругъ нея, составляетъ одно изъ любимѣйшихъ удовольствій японскаго населенія, отъ мала до велика.

Изъ сада мы вышли на большой дворъ, главный дворъ храма. Самый храмъ окруженъ снаружи со всѣхъ сторонъ открытой галереей. Внутри полусвѣтъ, прохлада и тишина. Предъ нами обширная, высокая зала. Полъ покрытъ свѣжими, мягкими циновками, нѣсколько рядовъ деревянныхъ круглыхъ колоннъ поддерживаютъ массивную крышу. По срединѣ тянется низкая деревянная рѣшетчатая ограда, раздѣляющая внутренность храма на двѣ половины: одна для молящихся, другая, гдѣ помѣщается алтарь для священнослужителей.

Деревянный алтарь, весь покрытый рѣзными цвѣтами и листьями, вызолоченъ. За алтаремъ, на высокомъ престолѣ, золоченая статуя Будды. Въ двухъ обширныхъ боковыхъ придѣлахъ съ золочеными стѣнами и колоннами, украшенными рѣзными цвѣтами и листьями лотоса, висятъ длинныя темно-синія полосы, исписанныя крупными золотыми изреченіями, представляющія главные догматы секты. По стѣнамъ висятъ портреты главъ секты. Здѣсь же, въ одномъ изъ этихъ придѣловъ, стоятъ ширмы, на которыхъ мастерская кисть художника изобразила сливовыя деревья, сосны и бамбуки, густо покрытые снѣгомъ.

Крытая галерея соединяетъ главный монастырскій храмъ со вторымъ, прибавочнымъ храмомъ. Въ послѣднемъ очень красивъ алтарь, съ тонкими, стройными, золочеными колоннами. Неподалеку отъ входа въ алтарь стоитъ золоченая ширма, на которой нарисована пара павлиновъ, сидящихъ на персиковомъ деревѣ, покрытомъ бѣлыми цвѣтами. Рисунокъ принадлежитъ кисти одного знаменитаго туземнаго художника, и провожавшій насъ бонза обращалъ на нее наше особенное вниманіе: картина дѣйствительно прекрасна.

Второй храмъ, который мы видѣли въ тотъ же день, интересенъ въ другомъ отношеніи; это былъ новый, тогда только что еще строившійся храмъ—Хигаши хон-гванжи. Въ 1864 году онъ сгорѣлъ до основанія во время одной изъ тѣхъ схватокъ между враждебными партіями, которыя были такъ часты въ то смутное время. Въ 1880 году монахи буддѣйской секты хон-гванжи рѣшили возобновить его. Для этой цѣли былъ открытъ сборъ пожертвованій. Послѣдній оказался очень удачнымъ и наглядно обнаружилъ еще разъ, что, не смотря на всѣ пронесшіяся надъ японскимъ буддизмомъ бури времени, эта религія еще очень крѣпка въ народныхъ массахъ: населеніе многихъ провинцій страны жертвовало не только деньги и строительные матеріалы, но и собственные волосы. Я скажу дальше, для чего нужны были здѣсь эти волосы. Въ то время, когда я видѣла этотъ храмъ, онъ былъ почти совсѣмъ готовъ вчернѣ, т. е. возведены были стѣны, наслана черепичная крыша, устроены наружныя галереи и лѣстницы; работа кипѣла; но, всетаки, зданіе должно быть готово не ранѣе 1892 года, какъ

мнѣ сказали тамъ. Храмъ даже въ его тогдашнемъ видѣ производилъ очень величественное впечатлѣніе, а когда его окончательно отдѣлаютъ, это будетъ не только самый богатый ¹⁾, но, вѣроятно, и одинъ изъ красивѣйшихъ храмовъ въ странѣ, пока, конечно, не потемнѣетъ отъ времени его блестящее дерево (все зданіе деревянное) и изящная новая рѣзьба, придающія ему такой свѣжій, свѣтлый, празднично-радостный видъ.

Но что поразило меня здѣсь, это лежащія на открытой галлерей храма толстые круги канатовъ, сдѣланныхъ изъ черныхъ, жесткихъ человѣческихъ волосъ. Канаты нужны, конечно, при всякой постройкѣ: для подъемовъ тяжестей на верхъ, для работъ подъ крышей, и т. д. Такъ вотъ, вмѣсто обыкновенныхъ веревочныхъ канатовъ, благочестивые міряне и мірянки окрестныхъ провинцій пожертвовали въ храмъ канаты, сдѣланные изъ собственныхъ волосъ.

У входныхъ воротъ, ведущихъ внутрь огромнаго храмоваго двора, находится небольшой домъ, гдѣ живутъ монахи секты хигаши-хон-гванжи и надзиратели за работами. Здѣсь записали нашу фамилію и имена въ книгу для посѣтителей, а затѣмъ вручили печатный рисунокъ строящагося храма и небольшой листокъ, гдѣ на японскомъ и англійскомъ языкахъ было отпечатано слѣдующее любопытное объясненіе.

«Въ 13-й годъ Мейджи (1880 года), когда начались работы по возобновленію храма Восточнаго Хонгванжи въ Кіото, многіе благочестивые міряне страны (мужчины и женщины) рѣшили пожертвовать въ главный храмъ толстые канаты, сдѣланные изъ ихъ собственныхъ волосъ, для того, чтобы они могли быть употреблены при храмовыхъ работахъ. Число всѣхъ такихъ канатовъ равнялось 53. Двадцать девять изъ нихъ, хотя они были также крѣпки, какъ и прочіе, пришли уже въ негодность отъ частаго употребленія. Ихъ длина, вѣсъ и проч. не извѣстны теперь. Но относительно 24-хъ другихъ цѣлыхъ еще канатовъ мы имѣемъ точныя цифры ихъ измѣреній. На память потомству мы представляемъ нижеслѣдующій списокъ мѣстностей, пожертвовавшихъ 53 каната, а также таблицу длины, вѣса и окружности 24-хъ существующихъ еще канатовъ.

«7-й мѣсяць 22-го года Мейджи (1889 года).

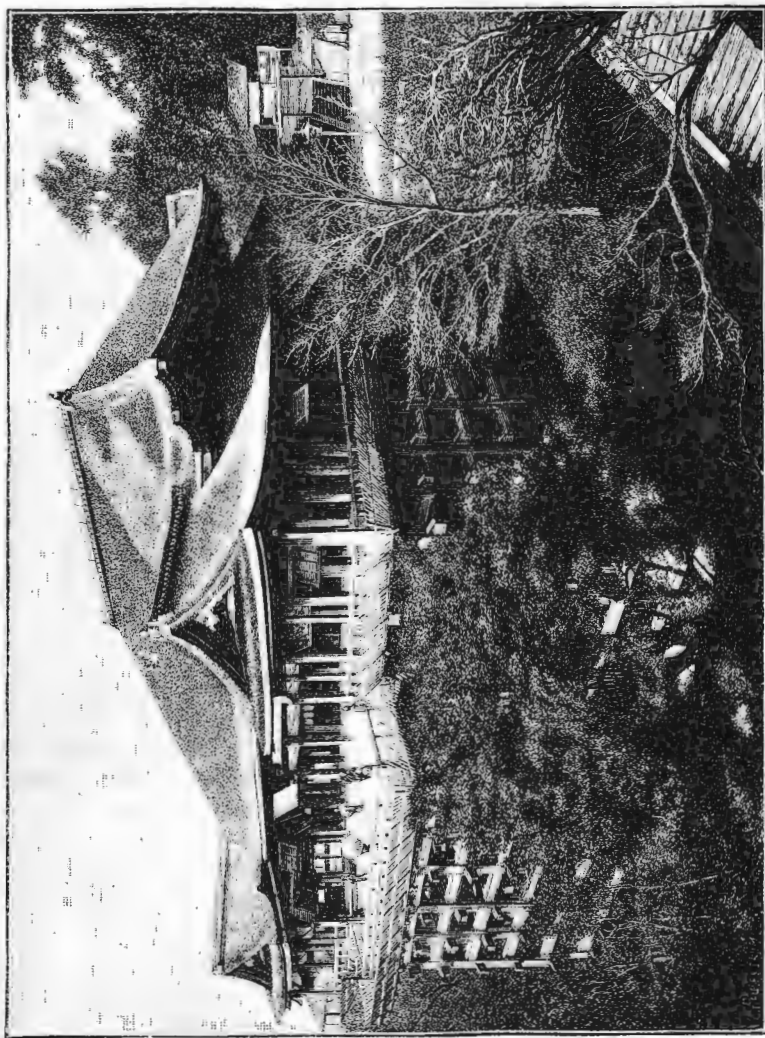
«Правленіе работъ по возобновленію храма Восточнаго Хонгванжи».

Я не стану приводить здѣсь этихъ таблицъ. Скажу только, что длина вышеупомянутыхъ 24-хъ канатовъ, вмѣстѣ взятыхъ, равнялась 650 саженьямъ, а вѣсъ почти 300 пуд.

¹⁾ Длина главной залы—30 сажень, ширина—24 саж. п высота—17 саж.

Въ восточной части Кіото находится храмъ, замѣчательный не своей архитектурой, не изображеніями боговъ, не богатствомъ украшеній, а своей глубокой древностью. Это—Кіомидзу-дера. О его постройкѣ мѣстная исторія сохранила только слѣдующія преданія: нѣкто, по имени Енчинъ, увидѣлъ однажды во снѣ золотой ручей, вли-

Храмъ Кіомидзу-дера.

вающійся въ Иодогаву; проснувшись, онъ отправился на розыски этого ручья и, найдя, наконецъ, такой, который подходилъ по примѣтамъ къ ручью его пророческаго сна, углубился въ горы, желая добраться до его истоковъ; здѣсь онъ набрелъ на старика, сидящаго подъ большимъ деревомъ; старикъ сказалъ ему: «вотъ ужъ 200 лѣтъ,

какъ я сижу здѣсь, молясь Кваннонъ ¹⁾) и ожидая тебя; это—очень подходящее мѣсто для постройки жилья отшельнику, а изъ бревна, что лежитъ тамъ, можно сдѣлать хорошее изображеніе «Всемило-сердой»; посиди здѣсь немного, вмѣсто меня, я хочу пройтись». Съ этими словами старикъ исчезъ. Спустя нѣкоторое время, видя, что странный чудакъ не возвращается, Енчинъ взобрался на со-сѣдній холмъ и увидѣлъ на его вершинѣ пару сандалій; тутъ онъ понялъ, что таинственный старикъ былъ не кто иной, какъ сама Кваннонъ, принявшая человѣческій образъ и оставившая свою обувь на землѣ передъ возвращеніемъ на небо; тогда Енчинъ рѣшился сдѣлать изображеніе этого божества; двадцать лѣтъ про-велъ онъ въ созерцаніи указаннаго старикомъ бревна, не будучи въ состояніи что либо сдѣлать съ нимъ. Наконецъ, счастливая случайность привела на это мѣсто одного охотника. Енчинъ раз-сказалъ ему свою исторію, все то, что онъ испыталъ за послѣднія 20 лѣтъ. Охотникъ пришелъ въ умиленіе отъ такого благочести-ваго подвига, разобралъ свой собственный домъ, притащилъ его на гору, къ Енчину, приспособилъ въ часовню для божества и помогъ сдѣлать статую Кваннонъ.

Такова легенда. Храмъ Кіюмидзу-дера помѣщается высоко на склонѣ холмовъ, окружающихъ Кіото съ востока; къ нему ведетъ великолѣпная, широкая, каменная лѣстница. Съ верхней площадки ея открывается роскошный видъ на городъ. Къ храму прилегаеть обширная деревянная платформа, служащая для священныхъ тан-цевъ. Она буквально виситъ надъ пропастью, и опорю ей соста-вляетъ масса деревянныхъ перекладинъ и столбовъ, поднимающихся отъ боковыхъ выступовъ скалы.

Храмъ посвященъ одиннадцатилетней и тысячерукой богинѣ Кваннонъ. Общее впечатлѣніе, производимое имъ, не смотря на массу зелени повсюду, чрезвычайно угрюмое. Это было послѣднее изъ великихъ буддійскихъ святилищъ, осмотрѣнныхъ нами въ первый день. Солнце садилось, когда мы оставили кварталъ Кію-мидзу-дера, чтобы ѣхать домой.

Жара спала. Въ воздухѣ разливалась та особенная, нѣжная свѣжесть японскаго весенняго вечера, которая такъ мягко обни-маетъ тѣло и неудержимо тянетъ на улицу. Сравнительно мало-людныя утромъ Кіотскія улицы и площади теперь кипѣли наро-домъ: всѣ точно спѣшатъ насладиться наступившей прохладой. Недаромъ Кіото славится своими хорошенькими женщинами: дѣй-ствительно типичныхъ японскихъ красавицъ не мало встрѣчается здѣсь, даже въ простой уличной толпѣ.

Съ какимъ наслажденіемъ бросилась я въ лонгшезъ, разби-тая усталостью отъ дороги и всѣхъ впечатлѣній этого длиннаго,

¹⁾ Кваннонъ—богиня милосердія.

длиннаго дня. Съ балкона отеля открывался чудный видъ на разстилавшійся далеко внизу городъ, съ его сѣрой громадой крышъ, съ его садами и парками, рисовавшимися какими-то темными пятнами въ надвигавшемся сумракѣ вечера, на обступившіе его со всѣхъ сторонъ высокіе холмы, покрытые густой зеленью лѣсовъ, освѣщенныхъ косыми лучами заходящаго солнца, на выдающіяся крыши храмовъ и пагодъ. Глубокая тишина окрестностей нарушалась только мѣрнымъ, тягучимъ гудѣніемъ колоколовъ, призывавшихъ вѣрующихъ къ вечерней молитвѣ, да шумомъ водопада, устроеннаго въ сосѣднемъ саду. Усталость медленно разливалась по членамъ, а въ головѣ смутными обрывками проносились образы и картины изъ послѣднихъ дней лихорадочной жизни.

Не буду останавливаться на описаніи множества другихъ буддійскихъ храмовъ, видѣнныхъ мной въ бытность мою въ Кіото. Самые знаменитые изъ нихъ: Чіонинъ и храмъ Дайбутсу, каждый со своимъ царь-колоколомъ, Сан-джіу-сан-ген-до, заключающій въ себѣ 1.000 статуй богини Кваннонъ, и Куродани, съ его поэтическимъ кладбищемъ, наполненнымъ массой каменныхъ памятниковъ и множествомъ большихъ бронзовыхъ и каменныхъ статуй Будды. Перейду теперь къ тѣмъ производствамъ, которыя донинѣ составляютъ гордость древней столицы Японіи. Кіото славится производствомъ великолѣпнаго фарфора и фаянса, простой и эмальированной бронзы, своими шелками и вышивками. Нѣкоторыя изъ фабрикъ, производящихъ этого рода товары, работаютъ главнымъ образомъ, для вывозной торговли; другія—только на заказъ. Названіе «фабрики» не идетъ, собственно говоря, къ этимъ учрежденіямъ: Японія—страна кустарнаго производства *par excellence*; фабрики въ европейскомъ смыслѣ въ ней очень рѣдки и составляютъ явленіе новѣйшаго времени. Даже такія производства, какъ шелковое и фарфоровое, спросъ на продукты которыхъ чрезвычайно возросъ со времени открытія Японіи иностранцамъ, все еще остаются въ условіяхъ, носящихъ всѣ черты кустарной промышленности.

Производству фарфора и фаянса японцы научились отъ корейцевъ. Вторженіе Хидейёши въ Корею, имѣвшее мѣсто въ концѣ XVI столѣтія, послужило началомъ развитія въ Японіи этой важной отрасли туземной промышленности. Все то, что японцы выдѣлывали по этой части до 1600 года, представляетъ, такъ сказать, первые грубые опыты. Высшаго своего процвѣтанія старое японское фарфоровое производство достигаетъ въ періодъ отъ 1750 по 1830 годъ. Эпохой расцвѣта знаменитой Сатсумской фарфоровой промышленности были первыя 50 лѣтъ текущаго столѣтія. Кромѣ Кіото и Сатсумы, въ Японіи есть еще много другихъ мѣстностей, славящихся своимъ фарфоромъ.

Эмальированное мозаичное производство (*cloisonné*) Кіото стоитъ того, чтобы на немъ остановиться немного. Работа въ общихъ чер-

тахъ состоитъ въ слѣдующемъ: на металлической (чаще всего бронзовой) вещи (блюды, вазы и т. п.) проводится кистью сѣтъ тончайшихъ линій, сочетаніе которыхъ даетъ тотъ или другой рисунокъ; затѣмъ, по этимъ линіямъ припаиваются тонкія мѣдныя или бронзовыя пластиночки; пустые промежутки этой сѣти, или, какъ ихъ технически называютъ,—cloisons заполняются разноцвѣтнымъ эмалевымъ тѣстомъ, и процессъ заканчивается повторнымъ обжиганіемъ, обмываніемъ, тревіемъ и полировкой, пока вся поверхность не сдѣлается одинаково гладкой и блестящей.

Цѣнность этихъ изящныхъ вещицъ зависитъ исключительно отъ чистоты работы. Вы зачастую увидите здѣсь двѣ пары предметовъ, совершенно одинаковой величины и рисунка, на первый, поверхностный взглядъ ничѣмъ не отличающихся другъ отъ друга; а, между тѣмъ, разница въ цѣнѣ между ними огромная. Вы недоумѣваете, обращаетесь къ хозяину за разъясненіемъ: оказывается, что и матеріалъ тотъ же, и работали ихъ одинъ мастеръ; но въ болѣе дешевой вещи есть какой нибудь изъянъ, котораго вы сначала, по неопытности, не видите; привычный же глазъ сейчасъ замѣтитъ, въ чемъ дѣло: это—какой нибудь неудавшійся лепестокъ цвѣтка, или часть листка, иногда просто ничтожная неправильность линіи, или чуть замѣтное пятнышко на основномъ фонѣ, и отъ этихъ, повидимому, едва ощутимыхъ изъяновъ цѣна предмета страшно падаетъ. Достаточно просмотрѣть внимательно нѣсколько первоклассныхъ произведеній этого рода искусства, чтобы набить себѣ, такъ сказать, глазъ и умѣть ориентироваться въ этой сначала столь чуждой вамъ области туземнаго производства: необходимый опытъ пріобрѣтается здѣсь довольно быстро. Выдѣлка cloisonnés вообще очень кропотлива, поглощаетъ массу времени, требуетъ постоянно-напряженнаго вниманія со стороны рабочаго, и выдѣливаемая вещь по своей дороговизнѣ совершенно недоступна для массы; поэтому фабрикація эмальированныхъ предметовъ занимаетъ гораздо меньшее количество рабочихъ рукъ, чѣмъ фарфоровое, да и всякое другое производство. И мастерскія cloisonnés представляютъ скорѣе своего рода atelier художника, чѣмъ простыя ремесленныя заведенія. Мы побывали въ нѣсколькихъ такихъ мастерскихъ, и послѣ этого объѣзда я получила достаточно полное представленіе о мѣстныхъ cloisonnés. Лучшимъ мастеромъ въ Киото считается Намикава; у него мы видѣли чудныя, дѣйствительно, музейныя вещицы, изящнѣйшія художественныя произведенія своего рода; но зато и цѣны здѣсь были колоссальныя: пара крошечныхъ вазъ, высота которыхъ равнялась всего 3—4 дюймамъ, стоили 30 долларовъ (40 р. зол.), пара другихъ вазъ, по выше—200 долларовъ, и т. п.

Искусство, о которомъ идетъ теперь рѣчь, проникло въ Японию изъ Китая черезъ Корею около 300 лѣтъ тому назадъ; но до

начала семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія оно представляло довольно грубую отрасль мѣстнаго производства; только втеченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ оно развернулось до нынѣшней степени своего высокаго совершенства.

Три города въ Японіи славятся своими cloisonnés: Кіото, Токио и Нагойя, причемъ Кіото и Токио далеко опередили теперь въ этомъ дѣлѣ Нагойю, хотя въ послѣдней начали выдѣлывать cloisonnés раньше, чѣмъ въ обѣихъ столицахъ. Въ Нагойѣ, между прочимъ, основнымъ матеріаломъ, на который накладывается металлическая сѣть рисунка, заполняемая потомъ эмалевой массой, служатъ не только металлическія вещи, но и фарфоровыя. Стили Кіото и Токио рѣзко разнятся между собою; въ кіотскомъ cloisonné преобладаютъ темные, оливковые, сѣрые оттѣнки цвѣтовъ; въ токійскомъ—голубые, красные и вообще свѣтлые тоны. Но, что самое главное: въ работѣ кіотскихъ мастеровъ, даже первокласныхъ, всегда можно разсмотрѣть отдѣльныя линіи металлической сѣти, покрывающей предметъ, тогда какъ лучшіе токійскіе художники стремятся сдѣлать эти линіи невидимыми, такъ чтобы работа походила на живопись.

Кіотскіе магазины шелковъ поражаютъ красотою, богатствомъ и разнообразіемъ своихъ товаровъ. Магазинъ Нишимура считается здѣсь въ ряду первокласныхъ учрежденій этого рода. Въ приемной его на стѣнахъ виситъ цѣлый рядъ почетныхъ отзывовъ, дипломовъ съ оттисками золотыхъ медалей и другихъ знаковъ отличій, полученныхъ заведеніемъ на европейскихъ, американскихъ и туземныхъ выставкахъ. Здѣсь мы видѣли настоящіе шедевры въ своемъ родѣ: парча, бархатъ, очень эффектныя креповыя матеріи, шелковыя вышивки для платьевъ, вышитыя платки, скатерти, одѣяла,—не перечтешь, впрочемъ, всѣхъ прелестей этого роскошнаго магазина. Чудно хороши вышитыя ширмы; есть между ними чисто музейныя вещи; да и вообще онѣ по цѣнѣ своей (300, 500, 1.000, 2.000 и т. д. долларовъ) и по красотѣ доступны, конечно, только очень богатымъ людямъ, могущимъ соотвѣтственной обстановкой дать надлежащую рамку для такихъ художественныхъ картинокъ.

Замѣчательно, что лучшіе вышитые предметы и здѣсь, какъ вездѣ въ Японіи, сдѣланы не женщинами, а мужчинами.

Среди историческихъ достопримѣчательностей Кіото есть два интересныхъ зданія, носящихъ громкія названія: золотой и серебряный павильоны (Кин-каку-джи и Гин-каку-джи). Чтобы добраться до золотаго павильона, надо прорѣзать значительную часть города и затѣмъ ѣхать еще часъ, полтора, полями и деревнями. День, выбранный нами для этой прогулки, выдался прекрасный, не очень жаркій. Вотъ мы миновали, наконецъ, послѣдніе дома предмѣстья и выѣхали въ поле. Показались чайныя плантаціи,

которыхъ вокругъ Кіото очень много: низкіе, густые кусты, подстриженные въ формѣ гриба и разсаженные правильными рядами, красиво отбѣняются своей темно-зеленой листвою на фонѣ свѣтлой зелени полей и склоновъ холмовъ. Между чайными плантаціями, полями и огородами разбросаны сельскіе домики. Въѣзжаемъ въ густой бамбуковый лѣсъ: гибкія, стройныя деревья обступили широкую дорогу, образуя надъ нею свѣтло-зеленныя стѣны и сводъ, сквозь который просвѣчиваетъ ярко-голубая полоса неба; солнечные лучи, пронизывая листву деревьевъ, ложатся свѣтлыми пятнами на мелкій песокъ дороги, и вся роца кажется одѣтою какимъ-то золотистымъ свѣтомъ. На встрѣчу намъ часто попадаются и дженерикчи, и носильщики тяжестей, и простые крестьяне. Лѣсъ скоро кончился. Опять пошли поля. Мы въѣжаемъ, наконецъ, въ прекрасный паркъ, наполненный гигантскими вѣковыми соснами и криптомеріями; останавливаемся у воротъ, продѣланныхъ въ длинной каменной стѣнѣ, беремъ входные билеты и, въ сопровожденіи бонзы, идемъ внутрь.

Золотый павильонъ находится во владѣніяхъ одного буддійскаго монастыря. Въ концѣ XIV столѣтія, правитель Япоіи Іошимитсу, отрекшись отъ власти въ пользу своего малолѣтняго сына, построилъ себѣ дворецъ рядомъ съ этимъ монастыремъ. Здѣсь онъ постригся въ монахи, но и изъ своего отшельническаго уединенія продолжалъ управлять дѣлами государства. Весь дворецъ съ садомъ и золотымъ павильономъ онъ завѣщалъ сосѣднему монастырю; но дворецъ сгорѣлъ и уцѣлѣлъ одинъ только золотой павильонъ, служившій лѣтней дачей монаху-правителю. Насъ ввели прежде всего въ довольно обширный садъ, лежащій въ долинѣ между двумя холмами; посреди сада—прудъ, на которомъ построены два искусственныхъ острова, имѣющіе форму черепахи, вытѣзающей на берегъ. Прудъ наполненъ священной рыбой, которая собирается толпами къ галлерей павильона, въ ожиданіи подачи. Въ саду—множество цвѣтовъ, деревьевъ-карликовъ, а окрестные холмики покрыты вѣковымъ лѣсомъ. Павильонъ однимъ своимъ фасадомъ смотрится прямо въ воды пруда. Онъ не великъ, состоитъ изъ трехъ этажей; въ каждомъ этажѣ всего по одной комнаткѣ; вообще онъ смотритъ стройной, легкой, ажурной постройкой. Павильонъ получилъ свое названіе отъ верхняго этажа, который нѣкогда былъ сплошь вызолоченъ внутри, причемъ позолота была наложена толстымъ слоемъ на лаковый составъ. По сохранившимся еще кое-гдѣ остаткамъ позолоты видно, что она покрывала стѣны, потолокъ, рамы, рѣшетки и перила балкона и даже выступающія стропила крыши. Позолоту и лакъ съѣло время; но зданіе осталось такимъ, какимъ оно было 500 лѣтъ тому назадъ. Провожавшій насъ бонза обращаетъ наше вниманіе на широкія доски пола, сдѣланныя изъ драгоцѣннаго лѣса: ни

одного сучка на нихъ. Какъ мягокъ, однако, долженъ быть этотъ кіотскій климатъ, какъ прочно дерево, чтобы деревянное зданіе, открытое всѣмъ перемѣнамъ погоды, могло простоять, не сгнивши, пять вѣковъ.

Высокій холмъ, видимый изъ сада золотого павильона, зовется «Горой съ шелковой шляпой». Исторія этого страннаго названія такова: въ одинъ томительно-знойный іюльскій день микадо Уда, проживавшій здѣсь когда-то на покоѣ, приказалъ покрыть всю вершину горы бѣлымъ шелкомъ, чтобы хоть этимъ напомнить о холодѣ. Скажутъ: надо имѣть очень пылкое воображеніе, чтобы почувствовать прохладу отъ такого вида. Да, но кто бывалъ лѣтомъ въ Японіи, или хотя проходилъ тропиками, помнить, конечно, съ какимъ удовольствіемъ глазъ отдыхалъ на всемъ, что только напоминало о холодѣ, о свѣжести: была ли это голубая поверхность моря, вершина горы, покрытой снѣгомъ, или просто кусокъ льда, лежавшій на столѣ въ каютъ-компаніи.

Монастырскія зданія расположены въ густомъ паркѣ, окруженномъ холмами. Глубокая тишина, царящая здѣсь, нарушается только шорохомъ вѣтра, пробѣгающаго по вершинамъ деревь.

Серебряный павильонъ находится на окраинѣ города въ сторонѣ, совсѣмъ противоположной золотому.

Правитель Іошимаза, жившій въ концѣ XV столѣтія, отрекшись отъ власти, выстроилъ себѣ дачу близъ Кіото, приказалъ разбить вокругъ нея садъ и въ саду воздвигъ павильонъ, въ подражаніе своему предку. Здѣсь, на этой дачѣ, онъ проводилъ время въ созерцаніи красотъ природы, въ покровительствѣ артистамъ и художникамъ и въ чаепитіи съ двумя своими друзьями-монахами.

Садъ, гдѣ находится серебряный павильонъ, довольно великъ, устроенъ по всѣмъ условнымъ правиламъ такого рода садовъ и дѣйствительно очень красивъ. Онъ лежитъ въ прелестной мѣстности у подножія лѣсистыхъ холмовъ. Особенно краситъ его высокій холмъ, покрытый сплошнымъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Каждый большой камень, каждый мостикъ, каждое значительное дерево имѣютъ свои особыя названія. Такъ, ручей зовется «источникомъ, омывающимъ лице луны»; камень въ пруду—«камнемъ восторженнаго созерцанія», и т. д., и т. д. Какъ все это напоминаетъ «храмы любящихъ сердецъ», «храмы дружбы» и т. п. приторныя названія изъ эпохи европейскаго сентиментализма!

Серебряный павильонъ, стоящій на пруду, представляетъ двухъэтажное небольшое зданіе съ круговыми галлереями. Оно сильно обветшало и, собственно говоря, не представляетъ ничего особенно интереснаго. Отставной правитель затѣялъ было высеребрить весь верхній этажъ павильона, но умеръ, прежде чѣмъ привелъ эту идею въ исполненіе; тѣмъ не менѣе за павильономъ осталось названіе серебрянаго.

Тутъ же, въ саду, стоитъ другое зданіе, представляющее собственно часть апартаментовъ бывшаго правителя. Остальная часть его дворца была обращена въ монастырь.

Въ комнатахъ этого зданія собранъ цѣлый музей драгоцѣнной старинной японской живописи.

Въ той же части города, гдѣ лежитъ серебряный павильонъ, находится храмъ Китано Тен-джинъ, основанный въ 947 году нашей эры въ честь Сугавара Мимизана, котораго японцы считаютъ величайшимъ знатокомъ китайской философіи и литературы, знаменитымъ поэтомъ и стилистомъ и богомъ каллиграфическаго искусства. Онъ обоготворенъ послѣ смерти подъ именемъ Тен-джина.

Передъ входомъ въ огромный храмовой дворъ стоитъ высокое, массивное каменное тори. Самый дворъ этотъ очень оживленъ: и въ чайныхъ домахъ его, и среди аллей его прекраснаго парка, и близъ храма толпится много народу, главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей. Повсюду—большіе каменные фонари, дары вѣрующихъ. Далѣе видѣются: бронзовое изображеніе лежащаго на землѣ быка (въ натуральную величину) и два такихъ же изображенія, сдѣланныя изъ чернаго и краснаго мрамора. По преданію, Тен-джинъ обыкновенно ѣздилъ верхомъ на быкѣ. Передъ самымъ храмомъ стоятъ небольшія двухъэтажныя ворота, пестро раскрашенныя и покрытыя рѣзбой. Храмъ, небольшое, низкое, деревянное зданіе, представляетъ необыкновенно-пестрое зрѣлище: его стѣны и полъ покрыты чернымъ и краснымъ лакомъ; повсюду, куда ни глянешь, блеститъ множество металлическихъ круглыхъ зеркалъ; богатая рѣзьба и позолота украшаютъ его алтарь; тутъ же висятъ 36 шитыхъ шелками портретовъ знаменитѣйшихъ древнихъ поэтовъ Японіи. (И портреты, и зеркала суть приношенія вѣрующихъ). Изъ зеркалъ особенно интересны два большіе экземпляра, имѣющіе каждый около трехъ футовъ въ діаметрѣ: одно изъ нихъ пожертвовалъ въ 1599 году знаменитый японскій военначальникъ Като-Кіомеза, сдѣлавшійся подъ конецъ своей жизни страстнымъ гонителемъ японскихъ христіанъ; на задней сторонѣ этого зеркала изображена горельефомъ карта Японіи, но безъ острова Іезо. Чтобы пополнить такой пробѣлъ, другой полководецъ пожертвовалъ второе такой же величины зеркало, съ картой Іезо на обратной сторонѣ.

Алтарь здѣсь отдѣленъ отъ остальной части храма небольшимъ промежуточнымъ помещеніемъ, полъ котораго выложенъ каменными плитами. Я въ первый разъ видѣла такое устройство въ храмѣ.

Китано Тен-джинъ служитъ, между прочимъ, великолѣпнымъ образчикомъ святилищъ той разновидности японскаго синтоизма, которая зовется Ріобу-Синто и которая представляетъ пеструю и органически-тѣсную смѣсь древнихъ синтосскихъ вѣрованій съ буддизмомъ и различными народными суевѣріями.

Кіотскій императорскій дворець и бывшій погунскій замокъ въ настоящее время недоступны публикѣ; разрѣшеніе на осмотръ ихъ является особой милостью микадональнаго правительства.

Снаружи бывшій замокъ погуновъ (Ниджо-носиро) представляется обширной крѣпостью, съ валами, поросшими вѣковыми деревьями, съ каменными массивными стѣнами и съ бѣлыми башнями по угламъ. Іезу, основатель послѣдней династіи погуновъ, правившихъ Японіей, выстроилъ этотъ замокъ для того, чтобы онъ могъ служить ему, при посѣщеніяхъ Кіото, надежнымъ опорнымъ пунктомъ на всякій случай. Въ новѣйшей исторіи Японіи замокъ Ниджо-но-Сиро замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь въ 1868 году нынѣ царствующій микадо торжественно обѣщаль даровать своей странѣ представительныя учрежденія.

Дворецъ микадо (Го-шо) занимаетъ чуть не 20 десятинъ земли; онъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокой стѣной, сдѣланной изъ глины и оштукатуренной; сверху стѣна эта крыта черепицей, а снаружи окружена узкимъ, неглубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою. Шесть деревянныхъ, обитыхъ желѣзомъ воротъ, съ своеобразно-изогнутыми крышами, ведутъ внутрь дворцовой ограды.

Одинъ взглядъ на эти два зданія: Го-шо и Ни-джо, лучше всякихъ словъ показываетъ, чѣмъ были микадо при погунахъ: крѣпость была выстроена для реального властителя, желѣзной рукой правившаго страной; во дворцѣ жило существо, бывшее въ сущности единственнымъ законнымъ источникомъ всякой власти въ странѣ, но окутанное мистическимъ туманомъ, какъ живое воплощеніе божества, которому не подобаешь нести на плечахъ тяготы и непріятности земной власти; стѣны замка были въ состояніи выдержать какую угодно осаду; стѣны же дворца, вполне достаточныя, чтобы держать божество взаперти, какъ въ храмѣ, не могли противостоять никакой серьезной атакѣ.

На одномъ изъ холмовъ, находящихся въ сосѣдствѣ съ дворцомъ микадо, виднѣется большое бѣлое зданіе европейской архитектуры: это такъ называемый «христіанскій университетъ» для туземцевъ, основанный въ 1875 году американскими миссіонерами. Учрежденіе заключаетъ въ себѣ: теологическій факультетъ, двѣ школы и госпиталь.

Не подальку отъ дворца находится постоянная кіотская выставка, расположенная въ прекрасномъ паркѣ. Выставка эта представляетъ рядъ высокыхъ, длинныхъ деревянныхъ зданій, соединенныхъ между собою галереями. Вдоль одной стѣны ихъ идутъ окна, вдоль другой помѣщаются отдѣленія съ продуктами промышленности какъ самой страны, такъ и окрестныхъ провинцій. Изъ выставленныхъ предметовъ особенно хороши вышивки. Я видѣла здѣсь расшитую шелками ширму (она стояла подъ стекляннымъ колпакомъ), которая получила золотыя медали на трехъ

иностранных выставкахъ (вѣнской и двухъ парижскихъ): какая роскошная, художественная работа! Очень недурны также cloisonnés и бронзовыя вазы съ выгравированными на нихъ рисунками (спеціальность Киото). Цѣлый рядъ галлерей наполненъ исключительно картинами изъ жизни животныхъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, японскими ландшафтами и жанровыми картинками. Картины рисованы большею частью сепией: все это — произведенія современныхъ туземныхъ художниковъ. Есть много вещей, мастерски исполненныхъ. Затѣмъ идутъ шелка, лакированныя вещи, издѣлія изъ бамбука, соломы, металлическихъ сплавовъ, камня и проч. Подобныя постоянныя выставки устроены въ настоящее время, по распоряженію правительства, во всѣхъ большихъ городахъ страны. Цѣль ихъ—ознакомленіе народа съ лучшими произведеніями туземной промышленности и искусства и поднятіе такимъ путемъ уровня художественнаго вкуса въ массахъ. Тутъ же рядомъ съ постоянной выставкой находится такъ называемая Канкоба, то-есть постоянный базаръ, очень оригинальное японское учрежденіе. Такіе базары имѣются теперь почти во всѣхъ, сколько нибудь значительныхъ городахъ страны; предметы, выставленные въ нихъ, оказываются, въ большинствѣ случаевъ продуктами мѣстной промышленности и продаются по опредѣленной правительствомъ, очень умѣренной таксѣ. Публика, покупающая вещи на такихъ базарахъ, гарантирована, во-первыхъ, отъ всякаго надувательства, а, во-вторыхъ, за очень недорогую плату получаетъ предметы сравнительно весьма хорошаго качества.

Женщина-врачъ А. А. Черевкова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АМЕРИКАНСКІЕ КОНТРАСТЫ.

СМЕРТЬ въ концѣ прошедшаго года одного изъ богатѣйшихъ американскихъ миллионеровъ, Джея Гульда, и прїѣздъ въ Англію въ началѣ нынѣшняго года миссъ Франсессы Виллардъ, предсѣдательницы «женскаго христіанскаго союза трезвости», рельефно выставляютъ на видъ знаменательный контрастъ, существующій между противоположными теченіями современной американской жизни. Умираетъ въ странѣ, поклоняющейся золотому тельцу, и среди націи, которая довела до крайнихъ предѣловъ безумную погоню за наживой, золотой король, или желѣзно-дорожный король, или телеграфный король, какъ называли Гульда соотвѣтственно тремъ главнымъ отраслямъ его чудовищно-спекулятивной дѣятельности, и всѣ газеты единогласно привѣтствуютъ его смерть, какъ освобожденіе страны отъ тяжелаго, гнетущаго кошмара, а биржа, на которой онъ такъ долго игралъ первенствующую роль, краснорѣчиво вторитъ этому привѣтствію общимъ повышеніемъ курса; всюду раздаются крики ненависти, и общій хоръ гнѣвнаго осужденія обнаруживаетъ, повидимому, странную, непонятную на первый взглядъ истину, что человѣкъ, нажившій колоссальное богатство на родинѣ янки, былъ предметомъ народнаго ostracism. «Джей Гульдъ,—говоритъ одна изъ самыхъ авторитетныхъ нью-іоркскихъ газетъ,—умеръ не отъ руки убійцы, какъ онъ постоянно боялся, а тихо заснулъ среди своихъ дѣтей, въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ скончалась его жена. Какъ частный человѣкъ, какъ мужъ и отецъ, онъ

былъ безупреченъ, но, какъ общественный дѣятель, онъ представлялъ свѣту самый ужасный примѣръ. Никто не можетъ завидовать его успѣху, такъ какъ онъ слишкомъ дорого за него заплатилъ. Геніальный финансистъ и несравненный спекуляторъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ полное равнодушіе къ послѣдствіямъ своихъ поступковъ. Онъ оставилъ безконечное число милліоновъ, которые перейдутъ къ его наслѣдникамъ, но тѣмъ, которые вздумали бы слѣдовать его примѣру, онъ говоритъ изъ гроба: «Не дѣлайте того, что я дѣлалъ». Что бы ни толковали, но свѣтъ справедливъ, и въ его глазахъ честь—первая, наибольшая цѣнность; свѣтъ постановилъ приговоръ о Гульдѣ и осудилъ его». Такъ проводила въ могилу Америка своего самаго непопулярнаго человѣка, который при жизни наживалъ по полумилліону фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или по 1.500 фунтовъ стерлинговъ въ день, то-есть по одному фунту стерлинговъ въ минуту (около десяти рублей) и оставилъ послѣ смерти своимъ дѣтямъ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 150 милліоновъ рублей), не завѣщавъ ни одного гроша на какое либо общественное, или доброе дѣло. Спустя мѣсяцъ послѣ этого, Америка провожала, но не на тотъ свѣтъ, а изъ Новаго въ Старый, скромную, бѣдную, старую дѣву, и проводы эти были самые сочувственные, задушевные; вся американская печать единогласно прославляла прежніе подвиги миссъ Виллардъ и сердечно желала ей новыхъ успѣховъ въ предпринятомъ ею великомъ дѣлѣ распространенія трезвости и женскихъ правъ. Пятнадцать лѣтъ стоитъ эта женщина во главѣ созданнаго ею движенія, и въ это время она посѣщаетъ съ цѣлью пропаганды всѣ американскіе города, имѣющіе болѣе 10.000 жителей и почти всѣ достигающіе до 5.000 обитателей, заводитъ 10.000 отдѣленій «женскаго христіанскаго союза трезвости» во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ, строитъ въ Чикаго центральное помѣщеніе для союза, имѣющее видъ колоссальнаго замка въ тринадцать этажей, завербовываетъ въ члены союза болѣе 30.000 американокъ, собираетъ 10 милліоновъ подписей на петиціи въ пользу права каждой мѣстности запретить продажу спиртныхъ напитковъ, издаетъ журналъ и газету, расходящіяся въ 75.000 экземпляровъ, выпускаетъ ежегодно до 130 милліоновъ страницъ брошюръ, добивается введенія въ школахъ 38 штатовъ уроковъ трезвости съ фізіологической точки зрѣнія и всѣми возможными средствами содѣйствуетъ торжеству своей двойной идеи—отрезвить американскій народъ и доставить равноправность американской женщинѣ. Не довольствуясь пропагандой на своей родинѣ, миссъ Виллардъ стала въ послѣднее время распространять свою дѣятельность черезъ многочисленныхъ агентовъ по всѣмъ странамъ, говорящимъ на англійскомъ языкѣ, и теперь сама предприняла съ той же цѣлью поѣздку въ Англію. Если Америка съ горячимъ сочувствіемъ проводила свою самую

популярную женщину на новые подвиги, то и англичане устроили ей восторженный приемъ въ громадной Эксетерской залѣ въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ лэди Сомерсетъ, стоящей во главѣ женскаго движенія въ пользу трезвости въ Англии.

Эти два выдающіеся факта современной общественной жизни Новаго Свѣта краснорѣчиво доказываютъ, что американцы, казавшіеся бездушными поклонниками доллара, въ сущности не поклоняются исключительно ему, а сохраняютъ въ своихъ будто бы черствыхъ сердцахъ культъ идеаловъ. Деньги для нихъ не все, а если они мирятся съ людьми, наживающими деньги предосудительными способами, то лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ часть этой наживы шла на пользу общества, которое спекуляторы стригутъ, какъ барановъ. При этомъ и въ способахъ наживы они различаютъ степени возможнаго и невозможнаго эксплуатированія чужой собственности въ свою личную пользу; созданіе колоссальнаго богатства цѣною тысячъ человѣческихъ жертвъ, погибелью десятковъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій, общимъ биржевымъ кризисомъ и трагической смертью преданныхъ друзей, какъ въ катастрофѣ 1869 года, доставившей Гульду безконечные милліоны и прозвище золотого короля, заставляетъ ихъ содрогаться съ отвращеніемъ. Такимъ образомъ, пламенно стремящіеся къ наживѣ, янки ставятъ, всетаки, условія и предѣлы этой наживѣ, а когда тѣ и другіе нарушены, то нарушитель, если не подвергается судебному преслѣдованію, то становится самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ странѣ, которая клеймитъ его общественнымъ презрѣніемъ и подвергаетъ общественному ostracismu. Подобному своеобразному нравственному Линчеву суду подвергся Джей Гульдъ, и нельзя не признать, что онъ вполне его заслужилъ, такъ какъ съ одной стороны онъ не признавалъ никакихъ границъ въ дѣлѣ наживы, а съ другой—не предоставлялъ ни одного доллара на общественныя или добрыя дѣла. Онъ довелъ до крайнихъ предѣловъ практическое примѣненіе теоріи, что деньги все, и что для пріобрѣтенія ихъ дозволены всѣ средства; при этомъ онъ являлся какимъ-то принципиальнымъ апостоломъ наживы, пріобрѣтавшимъ деньги для денегъ, не отличаясь въ то же время скупостью и не пользуясь своими богатствами для удовлетворенія какихъ либо порочныхъ склонностей. Поэтому онъ самъ не понималъ, почему его такъ ненавидѣли и презирали, тѣмъ болѣе, что въ частной жизни онъ былъ образцовымъ семьяниномъ, велъ самую нравственную жизнь и никогда не отказывалъ въ денежной помощи обращающимся къ нему отдѣльнымъ лицамъ. Именно эта, повидимому, непонятная двойственность натуры Гульда усиливаетъ значеніе того нравственнаго урока, которымъ служитъ судьба золотого короля. Для полнѣйшаго же олицетворенія въ его жизни древняго рока судьбѣ было угодно, чтобъ онъ умеръ не отъ физическаго недуга, а отъ

новаго рода пытки — постояннаго нервнаго напряженія, бывшаго естественнымъ результатомъ угнетавшей его заботы сохранить и увеличить свое колоссальное богатство; съ этимъ мнѣніемъ согласны всѣ доктора, лечившіе Гульда, и его немногіе друзья. Трудно себѣ представить что нибудь поучительнѣе въ наше время безумной погони за наживой не только въ Новомъ, но и въ Старомъ Свѣтѣ, какъ жизнь этого человѣка, который изъ бѣдняка сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, и умеръ жертвою богатства, созданнаго цѣною безконечныхъ жертвъ. Но прежде, чѣмъ представить въ бѣгломъ очеркѣ главные эпизоды этой глубоко интересной жизни, укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на ту почву, на которой развился золотой король, и постараемся охарактеризовать ту среду американскихъ миллионеровъ, которая нашла въ немъ самаго яркаго представителя своихъ худшихъ элементовъ.

Упрекая американцевъ въ ихъ культѣ доллара, европейцы забываютъ, что въ основѣ этого культа лежитъ простой, естественный фактъ: для американца не было до сихъ поръ другаго способа добиться успѣха и другой цѣли для его самолюбія, какъ наживать богатство. При демократическомъ строѣ общества, въ которомъ уничтожены всѣ касты, привилегіи и социальныя различія, при господствѣ матеріальныхъ стремленій въ странѣ, образованной поддонками всѣхъ націй, наконецъ при отсутствіи высшей интеллектуальной культуры, составлявшей удѣлъ лишь небольшого меньшинства, и при недостаточномъ количествѣ плохо оплачиваемыхъ общественныхъ должностей, граждане Американской республики могли въ первое столѣтіе ея существованія доказать свое превосходство, выдѣлиться изъ толпы и занять передовое мѣсто только путемъ обогащенія. Основныя качества этой новой, сильной націи — энергія и трудолюбіе, имѣли единственнымъ выходомъ приобрѣтеніе денегъ. Но, благодаря тому же демократическому строю, который съ одной стороны побуждалъ американцевъ къ обогащенію, а съ другой широко открывалъ путь къ этому обогащенію, не допуская никакихъ преградъ къ частной дѣятельности, долго это стремленіе къ матеріальному благосостоянію удерживалось въ благоразумныхъ границахъ. Наболѣе энергичные и талантливые люди наживали значительныя состоянія, причемъ часто эти новые богачи имѣли цѣлью примѣнить полезное изобрѣтеніе, создать неизвѣстную дотолѣ отрасль экономической дѣятельности и вообще тѣмъ или другимъ путемъ увеличить общее достояніе всего человѣчества, а, достигнувъ своей цѣли, они щедро дѣлились приобрѣтеннымъ богатствомъ со всей страной путемъ громаднхъ пожертвованій на общественную пользу. Такимъ образомъ болѣе полувѣка развитіе Американской республики шло по тому направленію, которое ей было дано ея основателями, съ Вашингтономъ во главѣ; къ удивленію Стараго Свѣта, то, что считалось имъ невозможной уто-

пией, было достигнуто въ Новомъ, гдѣ мирно процвѣтала нація, обогащенная трудомъ, практически пользовавшаяся свободой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и представлявшая идеаль чело-вѣческой общины въ политическомъ, общественномъ и нравствен-номъ отношеніяхъ. Въ этомъ новомъ Эль-Дорадо неизвѣстна была нищета и невѣдомы рѣзущіе глаза контрасты между наслѣдствен-

Джей Гульдъ.

нымъ богатствомъ меньшинства и бѣдностью большинства; всѣ пользовались сравнительнымъ довольствомъ, и всякій могъ добы-вать себѣ кусокъ хлѣба на громадномъ пространствѣ дѣйстви-тельной, плодородной почвы, а немногія лица, достигшія крупнаго бо-гатства, не возбуждали къ себѣ ненависти и на нихъ смотрѣли, какъ на поучительный примѣръ самопомощи, закрывая глаза на

сомнительные способы ихъ обогащенія въ виду благотворнаго, щедрого расходованія ими своихъ богатствъ на общую пользу. Блестящимъ представителемъ этого стараго типа американскихъ миллионеровъ былъ Стивенъ Жираръ, или Джерардъ. Французскаго происхожденія и едва зная грамотѣ, онъ десяти лѣтъ поступилъ матросомъ на коммерческій корабль, мало-по-малу прошелъ всѣ ступени морской службы, сдѣлался шкиперомъ, нажилъ себѣ состояніе, купилъ большой корабль и продолжалъ вести на немъ торговлю въ различныхъ американскихъ портахъ. Находясь случайно у острова Санъ-Доминго во время возстанія негровъ, онъ принялъ на свой корабль значительное число спасшихся бѣгствомъ плантаторовъ съ ихъ сокровищами, а когда большая ихъ часть, вернувшись на островъ за остальнымъ своимъ имуществомъ, была перерѣзана неграми, то Жираръ ушелъ въ море и, достигнувъ Новаго Орлеана, возвратилъ, конечно, за большое вознагражденіе все, что принадлежало уцѣлѣвшимъ плантаторамъ, но присвоилъ себѣ деньги и имущество погибшихъ ихъ товарищей. Наживъ подобнымъ поступкомъ, достойнымъ пирата, крупное богатство, онъ поселился въ Филадельфіи, основалъ тамъ банкирскую контору и сдѣлался благодѣтелемъ не только этого города, но и всей страны, такъ какъ во время эпидеміи желтой лихорадки въ Филадельфіи, при общемъ бѣгствѣ всѣхъ состоятельныхъ жителей, онъ два мѣсяца управлялъ городомъ, жертвуя деньгами и своимъ здоровьемъ на спасеніе согражданъ отъ опустошительнаго бича, а въ эпоху войны съ Англіей онъ отдалъ все свое богатство на поддержаніе пошатнутаго національнаго кредита, заключая займы подъ своей личной ответственностью, уплачивая изъ своихъ средствъ государственные расходы и всячески поддерживая средства своей родины для счастливаго окончанія борьбы съ могущественнымъ соперникомъ. Конечно, благодарная республика возвратила ему съ лихвой всѣ его затраты, и онъ умеръ первымъ богачемъ въ Соединенныхъ Штатахъ и самымъ популярнымъ человекомъ въ ея предѣлахъ, оставивъ громадную для того времени сумму въ 10 миллионъ франковъ основанному имъ при жизни въ Филадельфіи институту для бѣдныхъ сиротъ въ память своего безотраднаго дѣтства. На сколько пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ миллионеры составляли въ Америкѣ исключеніе, доказывается тѣмъ, что въ 1847 году только одинъ человекъ имѣлъ 25 миллионъ франковъ, а въ настоящее время такихъ богачей болѣе двухъ тысячъ.

Появленіе среди американцевъ цѣлаго сословія миллионеровъ и сосредоточеніе въ немногихъ рукахъ громадныхъ капиталовъ, создавая, естественно, массы бѣдняковъ, въ замѣнъ средняго, но общераспространеннаго довольства, составляло плодъ войны между Сѣверомъ и Югомъ. Разоренные безчисленными жертвами, какъ денежными, такъ и человѣческими, Соединенные Штаты искали спа-

сенія въ усиленной энергичной дѣятельности своихъ согражданъ и для поощренія этой дѣятельности прибѣгли къ искусственному покровительству чрезмѣрныхъ таможенныхъ пошлинъ. Оградивъ себя китайской стѣной высокаго тарифа отъ иностранной конкуренціи, американцы принялись за лихорадочную работу, эксплуатируя производительныя силы страны и развивая безчисленныя отрасли промышленности. Быстро Американская республика оправилась отъ своего бѣдственнаго положенія, уплатила свой государственный долгъ, удвоила свое населеніе и обогатилась сторицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она обратилась изъ земледѣльческой страны въ промышленную. Логическимъ результатомъ такой перемѣны явилось съ одной стороны сосредоточеніе денегъ въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, приводившихъ въ движеніе громадное число постоянно увеличивавшихся промышленныхъ и финансовыхъ предприятий, желѣзныхъ дорогъ, паровыхъ сообщеній, телеграфовъ и т. д., а съ другой — привлеченіе въ промышленныя центры и обращеніе въ строго дисциплинированную армію рабочихъ гражданъ республики, жившихъ дотолѣ свободнымъ земледѣльческимъ трудомъ на многочисленныхъ, раскинутыхъ по всей странѣ фермахъ, на сырые продукты которыхъ они прежде вымѣнивали промышленныя произведенія Европы. Такимъ образомъ народился и мало-по-малу созрѣлъ въ образцовой республикѣ Вашингтона современный грозный вопросъ о миллионерахъ, обусловливаемый борьбой между капиталомъ и трудомъ, между богатствомъ и бѣдностью, которая принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе чудовищныя размѣры, невѣдомые въ Старомъ Свѣтѣ. Въ этомъ случаѣ всего краснорѣчивѣе говорятъ цифры, и извѣстный французскій публицистъ Вариньи въ своихъ очеркахъ американской жизни, помѣщенныхъ въ «Revue des deux Mondes» ¹⁾, представляетъ любопытныя статистическія данныя. Въ прошедшемъ 1892 году въ Соединенныхъ Штатахъ согласно цифрамъ подоходнаго налога, очевидно, находящимся ниже дѣйствительности, было слѣдующее число миллионеровъ:

200	челов., имѣющихъ	свыше 100	милл. франк.; всѣ вмѣстѣ	25	милліард.
500	»	отъ 50 до 100	»	»	»
1.000	»	» 25 » 50	»	»	»
2.500	»	» 12 ¹ / ₂ » 25	»	»	»
7.000	»	» 5 » 12 ¹ / ₂	»	»	»
20.000	»	» 2 ¹ / ₂ » 5	»	»	»

Въ итогѣ получается 31.250 человекъ, имѣющихъ 191 милліардъ, или, иначе сказать, три пятыхъ всего народнаго богатства страны,

¹⁾ «Revue des deux Mondes» 1 mai 1888 — «Les grandes fortunes aux Etats-Unis»; 15 decembre 1892 — «Les coulisses de la vie politique aux Etats-Unis»; 15 janvier 1893 — «La femme aux Etats-Unis».

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1893 г., т. II.

равняющагося 300 миллиардамъ. Уже въ 1890 году тридцать семействъ имѣли у себя 5.554.000.000, то-есть среднимъ числомъ по 180 милліоновъ на семью. Какъ быстро развивается это новое сословіе американскихъ милліонеровъ, можно ясно видѣть изъ любопытной брошюры, изданной въ Англіи безъ имени автора въ 1884 году подъ заглавіемъ «Милліонеры и какъ они достигаютъ своихъ милліоновъ»¹⁾: тогда по цифровымъ даннымъ было на всемъ свѣтѣ двѣнадцать богачей, имѣвшихъ болѣе 4 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или 100 милліоновъ франковъ, и изъ нихъ семеро было американцевъ, въ томъ числѣ Гульдъ занималъ первое мѣсто, а Маккей второе; вообще же обладателей состояніемъ свыше милліона фунтовъ стерлинговъ или 25 милліоновъ франковъ считалось тогда въ Англіи 200, въ Соединенныхъ Штатахъ 100, въ Германіи и Австро-Венгріи 100, во Франціи 75, въ Россіи 50, въ Индіи 50 и въ остальныхъ странахъ 125. Эти цифры также ясно обнаруживаютъ, какую значительную и важную роль играютъ милліонеры въ Америкѣ сравнительно съ другими странами. Что касается до относительнаго положенія американскихъ милліонеровъ въ золотой книгѣ ихъ страны, то оно постоянно измѣняется сообразно съ обстоятельствами. Напримѣръ, Вариньи въ своей статьѣ въ 1888 году называетъ первымъ милліонеромъ въ Америкѣ и во всемъ свѣтѣ Гульда, оцѣнивая его въ 1.375.000.000 франковъ, и указываетъ послѣ него, какъ на самыхъ богатѣйшихъ американцевъ, соразмѣрно ихъ милліонамъ, на Маккея, Вандербильта, Джонса, Астора, Стюарта и Бенета, а четыре года спустя онъ ставитъ выше Астора новыхъ двухъ милліонеровъ Рокфеллера и Блэра, имѣющихъ по 350 милліоновъ, рядомъ съ Асторомъ трехъ: Стандфорда, Гунтингтона и Карнеджи, имѣющихъ по 250 милліоновъ, а рядомъ съ Бенетомъ девять: Кокса, Дрекселя, Фэра, Синтона, Слона, Диллона, Армора, Спрекельса и Венемекера. Хотя въ своей второй и третьей статьяхъ Вариньи ничего не говоритъ о Гульдѣ, но, по свѣдѣніямъ англійскихъ и американскихъ газетъ, онъ въ послѣднее время вовсе не былъ первымъ богачемъ въ Соединенныхъ Штатахъ и оставилъ своимъ сыновьямъ только 15.000.000 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ состояніе наслѣдниковъ Астора достигаетъ 40.000.000 фунтовъ стерлинговъ.

Всѣ эти милліонеры, уже преждевременно называемые въ Америкѣ билліонерами, за очень немногими исключеніями имѣютъ четыре общія черты: они происходятъ изъ средняго и часто нисшаго класса, они сами наживаютъ свои богатства сравнительно въ короткое время, они не брезгаютъ никакими средствами для своего обогащенія; наконецъ, они роскошно живутъ, расходуя громадныя суммы, и дѣлятся съ обществомъ своими богатствами, оказывая

¹⁾ Millioners and how they became to. London. Tit-Biss offices.

помощь всякаго рода полезнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Послѣднія два условія дѣятельности американскихъ милліонеровъ, т. е. умѣнье проживать то, что они наживаютъ, составляетъ отличительное ихъ свойство въ сравненіи съ богачами всего свѣта. Конечно, въ чрезмѣрной роскоши, которой окружаютъ себя большинство ихъ, много смѣшнаго хвастовства: такъ Вандербильтъ гордился тѣмъ, что у него въ домѣ ковры по полторы тысячи франковъ за метръ, Асторъ—что его дочь играетъ на фортепіано, стоящемъ 50.000 долларовъ, а Рокфеллеръ, что онъ купается въ золотой ваннѣ, но всѣ ихъ дворцы, великолѣпныя дачи, грандіозныя яхты и т. д. увеличивали обращеніе денегъ въ торговой и промышленной средѣ, доставляя въ конечномъ результатѣ лишній заработокъ рабочему классу. Что же касается до колоссальныхъ суммъ, жертвуемыхъ ими на общую пользу какъ при жизни, такъ и по завѣщанію, то ничего подобнаго никогда не представлялъ Старый Свѣтъ. Вандербильтъ оставилъ послѣ своей смерти 500 милліоновъ франковъ на различныя полезныя общественныя учрежденія; Корнель и Асторъ построили на свой счетъ цѣлыя университеты; то же сдѣлалъ не давно Станфордъ, назначивъ 20 милліоновъ долларовъ на созданіе университета на берегу Тихаго океана; Певоди далъ 2¹/₂ милліона франковъ на сиротскій институтъ въ Балтиморѣ, 15 милліоновъ на первоначальныя школы въ южныхъ штатахъ и 10 милліоновъ на устройство образцовыхъ жилищъ для рабочихъ въ Лондонѣ. Это только краснорѣчивые примѣры, и невозможно пересчитать всѣхъ полезныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ Америкѣ, которыми она обязана своимъ богачамъ. Поэтому неудивительно, что до послѣдняго времени рабочіе, даже члены знаменитой ассоціаціи «Рыцарей Труда», не возставали противъ подобныхъ богачей, которые на забирали въ сундуки своего золота, но съ одной стороны распространяли экономическую дѣятельность страны своими предпріятіями, съ другой полезно расходовали нажитые ими громадныя капиталы, причемъ, конечно, они выставляли на видъ, что послѣдній фактъ не зависитъ отъ доброй воли милліонеровъ и не составляетъ благодѣянія съ ихъ стороны, а напротивъ обязанность, которую они должны исполнять. Сами милліонеры вполне соглашались съ этимъ принципомъ, и громадное ихъ большинство признаютъ, что богатство также обязываетъ, какъ въ старину обязывало дворянство; одинъ изъ нихъ Карнеджи, извѣстный своей упорной борьбой со стачками рабочихъ, но щедро расходующій пріобрѣтенныя имъ эксплуатаціей труда деньги на общую пользу, даже напечаталъ цѣлый рядъ статей для доказательства того, что богачъ, умирая богатымъ, налагаетъ на себя вѣчное пятно позора. Утверждая, что сосредоточеніе въ рукахъ немногихъ лицъ крупныхъ капиталовъ приноситъ болѣе пользы всѣмъ людямъ; такъ какъ одинъ человѣкъ можетъ больше сдѣлать добра на 1.000

фунтовъ стерлинговъ, чѣмъ тысяча человѣкъ на 1 фунтъ, онъ подробно указываетъ, на что долженъ расходовать непременно при своей жизни миллионеръ нажитыя имъ деньги; въ этотъ списокъ полезныхъ учреждений, созданіе и поддержка которыхъ является долгомъ миллионера, Карнеджи вноситъ университеты, школы, даровыя библіотеки, больницы, лабораторіи, парки, оранжереи, концертныя залы, купальни и т. д. Обязанность миллионера дѣлиться съ обществомъ своими миллионами сдѣлалась такой аксіомой въ Америкѣ, что главной причиной непопулярности Гульда именно было нарушеніе имъ столь основнаго правила, а если прибавить, что онъ, кромѣ того, не признавалъ никакихъ границъ въ средствахъ наживы, то легко понять, что его смерть безъ завѣщанія одного гроша въ пользу общества, которое онъ такъ безжалостно грабилъ, не только возбудила крики ненависти противъ него, но и обострила вопросъ о миллионерахъ. Теперь этотъ вопросъ поставленъ рѣзко, и какъ на публичныхъ митингахъ, такъ и въ печати прямо высказываются мнѣнія, что пора положить конецъ царству миллионеровъ. Уже довольно пагубны въ экономическомъ отношеніи послѣдствія ненормальной монополизациі народнаго богатства и искусственнаго созданія богатаго меньшинства рядомъ съ бѣднымъ большинствомъ, но если первое еще не хочетъ дѣлиться съ послѣднимъ плодами въ сущности не его труда, а труда бѣдняковъ, то демократія, господствующая въ Соединенныхъ Штатахъ, должна принять мѣры къ подобному, но уже насильственному дѣлежу. Если университетскіе профессора на недавнемъ диспутѣ въ Бостонскомъ Унионистскомъ клубѣ и въ статьѣ профессора Гадлея въ январской книжкѣ «Forum» довольствуются теоретическими разсужденіями о длинномъ рядѣ обязанностей богачей и угрозами, въ случаѣ неисполненія ими этихъ обязанностей, уничтоженія не только миллионеровъ, но и всего современнаго общества социалистическимъ натискомъ, то радикалы категорически предлагаютъ экспроприацию въ общественномъ интересѣ нажитыхъ миллионерами богатствъ съ предоставленіемъ имъ значительнаго пенсіона. Какъ полководцамъ даются за ихъ побѣды богатые пенсіоны и помѣстья, но никто не думаетъ предоставлять имъ въ собственность завоеванныя ими для всей страны земли, такъ совѣтуютъ передовыя американскія газеты поступать и съ миллионерами. При этомъ однѣ полагаютъ, что для такой экспроприациі слѣдуетъ ожидать смерти миллионера, а другія составили проектъ о раздѣленіи труда миллионера, которому будетъ предоставлено обществомъ наживать миллионы, а выборные представители общества примутъ на себя исполненіе нарушаемыхъ имъ обязанностей на счетъ правильнаго расходованія этихъ миллионовъ. «Нѣкоторые полагаютъ, что демократическій социальный прогрессъ положитъ конецъ накопленію громаднхъ богатствъ,—остроумно замѣчаетъ.

Стэдъ въ своемъ журналѣ «Review of Reviews»,—но вѣроятно, что демократія будетъ смотрѣть на своихъ милліонеровъ, какъ фермеръ смотритъ на своихъ пчелъ. Эти полезныя насѣкомыя все лѣто собираютъ и накаплиютъ въ сотахъ золотую наживу отъ тысячи цвѣтовъ. Когда наступаетъ осень, то пчелы думаютъ, что ихъ удѣломъ будутъ отдыхъ и наслажденіе плодами лѣтняго труда, но ихъ ожидаетъ полное разочарованіе. Еще нѣсколько Гульдовъ, и осень американскихъ милліонеровъ неожиданно наступитъ».

Такимъ образомъ самый непопулярный человекъ въ Америкѣ, доведя до крайнихъ предѣловъ практическое примѣненіе теоріи о наживѣ для наживы, поставилъ ребромъ вопросъ о милліонерахъ и тѣмъ оказалъ первую, единственную услугу ненавидѣвшей, презиравшей его націи, если не считать услугою того назидательнаго урока, которымъ представляется вся его жизнь, полная драматическихъ перипетій. Хотя нѣкоторые увѣряли, что Джей Гульдъ былъ еврейскаго происхожденія, и что его фамилія первоначально писалась не Gould, а Gold, т. е. поанглійски золото, но достовѣрно, что его предки находились въ числѣ пуританскихъ пилигримовъ, основавшихъ Соединенные Штаты, а его дѣдъ капитанъ Гульдъ принималъ участіе въ борьбѣ съ Англіей, окончившейся основаніемъ республики. Онъ родился въ 1836 году на маленькой фермѣ своего отца въ Делаварѣ, гдѣ и провелъ свое дѣтство среди обычныхъ явленій земледѣльческой жизни. Онъ пасъ коровъ на окрестныхъ лугахъ, бѣгая босоногимъ по травѣ, а такъ какъ онъ былъ единственнымъ мальчикомъ въ семьѣ, то помогалъ сестрамъ доить коровъ. Не довольствуясь этой первобытной жизнью и тѣми скудными обрывками грамоты, которые онъ могъ пріобрѣсти въ ближайшей школѣ, Гульдъ четырнадцати лѣтъ объяснилъ отцу свое желаніе поступить въ училище, находившееся въ одиннадцати миляхъ отъ фермы. По словамъ самого Гульда, отецъ отвѣчалъ, что онъ слишкомъ молодъ, но если хочетъ попытаться счастья, то можетъ идти на всѣ четыре стороны, такъ какъ онъ не приноситъ никакой пользы дома. На слѣдующій день будущій золотой король началъ свою самостоятельную жизнь съ двумя шиллингами въ карманѣ. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ нашелъ кузнеца, который взялъ его безъ жалованія, но за харчи, и такимъ образомъ онъ провелъ цѣлый годъ, утромъ учась въ школѣ, а вечеромъ ведя книги въ кузницѣ. Ровно черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, онъ нашелъ, что его воспитаніе кончилось, и поступилъ прикащикомъ въ лавку, продолжая, однако, въ свободное время, по-естъ по утрамъ отъ трехъ до шести часовъ, развивать свой умъ чтеніемъ книгъ, но не изъ любви къ литературѣ, а съ цѣлью пріобрѣсти практическія свѣдѣнія. Семнадцати лѣтъ, онъ впервые посѣтилъ Нью-Йоркъ, и въ Америкѣ исторія о прибытіи Гульда въ коммерческую столицу Новаго Свѣта также популярна, какъ исторія

вступленія въ Лондонъ Дика Витингтона, трижды бывшаго лордъ-мэромъ. По странной случайности герой англійской исторіи былъ обязанъ своимъ успѣхомъ кошке, а американскій милліонеръ впервые прославилъ себя мышеловкой. Онъ явился въ Нью-Йоркъ съ маленькой, изобрѣтенной имъ мышеловкой, но какой-то воръ укралъ у него эту мышеловку при въѣздѣ въ городъ на конно-желѣзной дорогѣ, но Гульдъ, схвативъ его за горло, отнялъ свое сокровище. На другой день его имя впервые появилось въ газетахъ въ статьѣ, озаглавленной «Какъ мышеловка поймала вора». Вѣроятно, это неожиданное появленіе его имени въ газетахъ доставило ему больше удовольствія, чѣмъ еслибъ онъ узналъ, что послѣ его смерти всѣми газетными статьями о немъ можно было бы составить колоссальный столбецъ въ шесть миль длины. Однако всѣ его расчеты на быстрое обогащеніе мышеловкой не увѣнчались успѣхомъ, и ему суждено было нажить богатство другаго рода мышеловками, которыми онъ искусно ловилъ не мышей, а людей. Первой жертвой этого человѣколовства сдѣлался хозяинъ той лавки, въ которой служилъ Гульдъ. По его порученію, онъ велъ переписку о покупкѣ имъ участка земли, за которую просили 2.500 долларовъ, тогда какъ хозяинъ давалъ 2.000; достовѣрно узнавъ, что эта земля стоила гораздо дороже, Гульдъ выпросилъ у отца въ долгъ 2.500 долларовъ и купилъ на его имя землю за два часа передъ тѣмъ, какъ хозяинъ явился для окончанія сдѣлки. Спустя двѣ недѣли, Гульдъ продалъ эту землю за 4.000 и получилъ на свою долю 300 долларовъ барыша. Эта ловкая сдѣлка была прототипомъ всей будущей его финансовой дѣятельности, основанной всегда на томъ, что онъ искусно проводилъ доврившихся ему людей, ловко разувывалъ предстоявшее повышеніе въ цѣнности того или другаго предмета, прибрѣталъ его на занятія, чужія деньги и, дорого продавъ, пользовался барышемъ въ сущности безъ всякаго труда. Эта первая изъ его аферъ навлекла на него ненависть его жертвы, и онъ потерялъ мѣсто приказчика. Но на вырученные деньги онъ открылъ свою маленькую лавку въ Роксбери, а въ свободное время сталъ писать статьи въ мѣстной газетѣ даромъ, ради одной практики. Замѣчательно, что въ это время онъ напечаталъ цѣлую книгу, единственное его крупное литературное произведеніе, подъ заглавіемъ «Исторія Делаварскаго графства»; впоследствии онъ скупилъ всѣ экземпляры этой книги и уничтожилъ ихъ, не желая, чтобъ извѣстны были его юношескія пламенные филиппики противъ тираніи капитала. Дѣйствительно, странное впечатлѣніе производитъ эта объемистая книга самаго непопулярнаго человѣка въ Америкѣ, который за нѣсколько лѣтъ до начала длиннаго ряда чудовищныхъ и безсовѣстныхъ спекуляцій искренно говорилъ на четырехъ стахъ страницахъ, что человѣческому сердцу естественно стремиться къ добру и отворачиваться отъ зла, что каждый америка-

нецъ долженъ имѣть одно самолюбіе—сдѣлаться вторымъ Вашингтономъ, что всѣ граждане величайшей въ свѣтѣ республики обязаны заботиться о распространеніи школъ, такъ какъ образованіе лучшая гарантія свободы, и что поселяне, или мелкіе фермеры, угнетаемые чрезмѣрной несправедливой рентой, имѣютъ право силой отстаивать свои права, нарушенныя землевладѣльцами-капиталистами.

Видя, что провинціальная лавка и литература не приносятъ большаго барыша, Гульдъ попыталъ счастья на новой аренѣ дѣятельности и сдѣлался землемѣромъ. Онъ поступилъ помощникомъ къ топографу, взявшемуся за составленіе карты Ульстерскаго графства, но этотъ предприниматель оказался несостоятельнымъ, и Гульдъ для прокормленія себя сталъ проводить для фермеровъ «полуденную линію», то-есть чертить съ помощью компаса на окнѣ линію, на которую падали лучи солнца ровно въ полдень, и благодаря которой фермеры могли повѣрять часы. За эту работу онъ получалъ по доллару и кое-какъ существовалъ, пока топографъ совершенно не прогорѣлъ; тогда онъ предложилъ своимъ двумъ товарищамъ по межеванію продолжать работу на свой счетъ, причѣмъ отказался отъ выставленія своего имени на общей картѣ за 500 долларовъ. Съ этой суммой онъ началъ самостоятельно снимать карты различныхъ мѣстностей въ Делаварѣ и скоро нажилъ 2.000 долларовъ. Но хотя его топографическія работы отличались точностью и акуратностью въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, подобный тяжелый, медленный трудъ вовсе не соответствовалъ его стремленіямъ къ наживѣ, а потому онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ расширить свою дѣятельность и заняться совершенно инымъ дѣломъ, имѣвшимъ въ виду только быстрое обогащеніе. Во время своихъ топографическихъ съемокъ онъ познакомился съ богатымъ кожевникомъ мистеромъ Пратомъ, который его очень полюбилъ и сдѣлалъ своимъ приказчикомъ. Гульдъ быстро развилъ предпріятіе хозяина, завелъ новый кожевенный заводъ и лѣсопильню, но его не останавливающаяся ни передъ какими средствами лихорадочная дѣятельность стала пугать осторожнаго старика Прата, и онъ началъ сдерживать юношу. Тогда Гульдъ пустилъ въ ходъ подпольную игру, взялъ въ аренду другіе кожевенные заводы, скупилъ всѣ кожи въ окрестной странѣ, разорилъ Прата, взялъ себѣ новаго компаніона Лейпа, довелъ его до самоубійства и забралъ всѣ дѣла въ свои руки; однако его торжество было не долговременное, и послѣ открытой кулачной борьбы съ наслѣдниками Лейпа онъ принужденъ былъ цѣлымъ рядомъ судебныхъ процессовъ бросить дѣло, которое стоило ему столько труда и сдѣлокъ съ своей совѣстью. Безъ гроша и купивъ на заятыя деньги билетъ на желѣзную дорогу, онъ отправился въ Нью-Йоркъ и началъ съизнова наживать деньги. Счастье ему повезло, онъ

тайно женился на дочери богатаго комерсанта Миллера и съ помощью своего тестя, который вскорѣ помирился съ нимъ, получилъ мѣсто управляющаго Саратогской желѣзной дороги. Это былъ его первый шагъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ: онъ въ короткое время ловкими комбинаціями поднялъ цѣнность акцій своей линіи и, дорого продавъ купленныя имъ же акціи по дешевой цѣнѣ, вернулся въ Нью-Йоркъ съ барышемъ въ 750.000 фунтовъ стерлинговъ. При этомъ онъ, по привычкѣ, принесъ въ жертву одного изъ своихъ друзей и воспользовался его несостоятельностью для своего успѣха. Съ этой минуты финансовая карьера Гульда до самой его смерти представляетъ безконечный рядъ чудовищныхъ спекуляцій какъ въ желѣзнодорожномъ и телеграфномъ дѣлѣ, такъ и въ биржевой игрѣ. Милліоны стали быстро рождаться милліоны, и онъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался прежде желѣзнодорожнымъ, а потомъ золотымъ королемъ. Вся его желѣзнодорожная политика заключалась въ томъ, чтобъ устроить искусственное пониженіе акцій какойнибудь дороги, скупить ихъ по дешевой цѣнѣ, взять все дѣло въ свои руки, привести его въ порядокъ, такъ какъ даже враги никогда не отрицали его удивительныхъ организаторскихъ способностей, а потомъ, поднимая цѣну акцій всевозможными способами муссирования достигнутаго успѣха, сбыть ихъ какъ можно дороже и умыть руки въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. При этомъ его излюбленный методъ дѣйствія заключался въ ловкой манипуляціи противоположныхъ враждебныхъ предпріятій, такъ что съ помощью подставныхъ лицъ онъ искусно велъ въ одно и то же время дѣла соперничающихъ линій и часто, разоривъ акціонеровъ обѣихъ дорогъ, онъ самъ наживалъ милліоны съ той и другой стороны. Главные его желѣзнодорожные подвиги совершены были на линіяхъ Вабашской, Миссурійской и въ особенности Эрійской. Его управленіе послѣдней дорогой ознаменовалось знаменитымъ соперничествомъ съ другимъ желѣзнодорожнымъ королемъ Вандербильтомъ и самыми драматическими эпизодами. Вся Америка лихорадочно слѣдила за этой борьбой, которая велась не только финансовыми манипуляціями, биржевой игрой, чрезмѣрнымъ выпускомъ облигацій, то покупкой, то продажей акцій, желѣзнодорожнаго матеріала и т. д., то пониженіемъ тарифа съ цѣлью подорвать соперника, то усиленнымъ его повышеніемъ, когда соперникъ былъ временно побѣжденъ, и другими безчисленными продѣлками, но и путемъ чудовищныхъ насилій и самоуправствъ. Когда Гульдъ обманнымъ образомъ приобрѣлъ Сускеханскую дорогу, но не могъ вступить въ пользованіе ею, благодаря возбужденнымъ противъ него судебнымъ дѣламъ, онъ самовольно занялъ линію своими агентами и рабочими. Тутъ впервые свѣтъ увидалъ гигантскій поединокъ между локомотивами, такъ какъ Гульдъ овладѣлъ только однимъ концемъ дороги, а сопер-

ники его держали въ своихъ рукахъ противоположный край. Обѣ стороны пустили въ ходъ паровозы, подвозившіе сотни бойцевъ, и побѣда осталась за той машиной, которая была прочнѣе, и на которой машинистъ былъ смѣлѣе, причеиъ, конечно, жертвъ никто не считалъ. Въ концѣ концовъ восторжествовалъ Гульдъ, но не акціонеры Эрійской дороги, которую онъ принялъ въ свое завѣдываніе, когда акціи стоили 125 долларовъ, а сдалъ при курсѣ въ 25 долларовъ. Его прямо обвиняли въ похищеніи 12 милліоновъ долларовъ, и хотя онъ былъ вынужденъ возратить часть присвоенныхъ себѣ денегъ, но, конечно, на акціонеровъ легла вся тяжесть милліонныхъ затратъ на подкупъ судей и членовъ законодательныхъ собраній, которымъ Гульдъ платилъ положенное жалованье для покрытія своихъ неправильныхъ, преступныхъ дѣйствій. Конечно, не вся его желѣзнодорожная дѣятельность была преступная и хищническая, напротивъ въ ней были эпизоды геніальные по своему остроумію и не имѣвшіе противозаконнаго характера, хотя въ основѣ ихъ, всетаки, лежало стремленіе къ личной наживѣ на счетъ другихъ. Такъ, конкурируя съ Вандербильтомъ, онъ понижалъ до такой степени цѣну на провозъ скота на своей линіи сравнительно съ тарифомъ дороги саперника, что дошелъ отъ 125 долларовъ за вагонъ до 25; тогда Вандербильтъ рѣшился разомъ убить врага и сталъ возить на своей дорогѣ за 1 долларъ. Повидимому, онъ торжествовалъ; на линіи Гульда совершенно перестали возить скотъ, а онъ долженъ былъ отказывать въ пріемѣ грузовъ. Но вскорѣ оказалось, что Гульдъ его перехитрилъ: онъ скупилъ весь скотъ, шедшій въ Нью-Йоркъ по этому пути, и, провозя его по нелѣпо дешевой цѣнѣ Вандербильта, продавалъ въ Нью-Йоркѣ съ громаднѣмъ барышемъ.

Въ своей телеграфной дѣятельности великій американскій спекуляторъ пользовался чудовищной монополіей, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ болѣе четверти телеграфовъ всего свѣта и придерживался своихъ обычныхъ методовъ, но до крайнихъ предѣловъ онъ ихъ довелъ въ биржевой игрѣ, сдѣлавшей его золотымъ королемъ. Онъ постоянно спекулировалъ на Нью-Йоркской биржѣ и былъ ея полновластнымъ распорядителемъ, но самый его блестящій подвигъ, который доставилъ ему наибольшую славу и возбудилъ къ нему наибольшую ненависть, заключался въ финансовой паникѣ 1869 года, извѣстной подъ названіемъ Черной Пятницы. Онъ велъ тогда смѣлую кампанію, имѣвшую цѣлью повышеніе золота, и безумно возвышалъ его цѣну, скупая отовсюду на сотни милліоновъ. Нью-Йоркская биржа наконецъ не выдержала этого искусственнаго давленія, и въ Черную Пятницу прекратили платежи двадцать семь первостепенныхъ банкирскихъ конторъ. Всюду распространились отчаяніе и скрежетъ зубовый тысячъ и тысячъ разоренныхъ жертвъ. На главнаго виновника этой паники посыпались угрозы

народной расправы, но онъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, спокойно продолжалъ дѣло общаго разоренія и личнаго обогащенія, а когда правительство нашло нужнымъ наконецъ вмѣшаться и для уравновѣшенія денежнаго рынка стало продавать запасы своего золота, то онъ, во время узнавъ объ этомъ, мгновенно измѣнилъ свою политику, очень выгодно продалъ все свое золото и купилъ желѣзно-дорожныя акціи, имѣ же пониженныя въ цѣнѣ. Естественно, число несчастныхъ жертвъ еще болѣе увеличилось, и въ числѣ ихъ находился его ближайшій сотрудникъ и товарищъ по самымъ крупнымъ спекуляціямъ, извѣстный

Миссъ Франсесса Виллардъ.

мошенникъ, негодяй и развратникъ Фискъ. Самымъ хладнокровнымъ образомъ Гульдъ столкнулъ его въ бездну и предалъ въ руки враговъ, такъ что Фискъ не попалъ подъ судъ, только благодаря тому, что онъ былъ убитъ однимъ ревнивцемъ, у котораго онъ отбилъ красивую актрису. Гарфильдъ, бывший впослѣдствіи президентомъ, представилъ въ конгрессъ подробный докладъ о позорной исторіи Черной Пятницы, и относительно Гульда онъ характеристично говоритъ въ этомъ замѣчательномъ трудѣ: «Всѣ эти преступныя дѣйствія были задуманы Гульдомъ, онъ все совершилъ, онъ всѣмъ

руководилъ, молча, холодно, незамѣтно, предательски измѣняя своимъ собственнымъ помощникамъ». Но прямымъ результатомъ этого кризиса для Гульда было только увеличеніе и безъ того громаднаго числа принадлежавшихъ ему милліоновъ. Неустанно продолжая свою погоню за наживой, онъ только дѣлался все смѣлѣе въ своихъ спекуляціяхъ; конечно, бывали у него черныя минуты, когда онъ едва не терялъ всѣхъ своихъ богатствъ, но онъ умѣлъ выходить сухимъ изъ воды, и каждый финансовый кризисъ оканчивался для него новымъ обогащеніемъ. Если же онъ постоянно находился въ опасности отъ общей ненависти, то видѣлъ гарантію своей неприкосновенности въ вооруженныхъ тѣлохранителяхъ, которые постоянно его окружали, и въ яхтѣ, на которой онъ укрывался отъ разъяренной толпы среди Нью-Йоркскаго рейда.

Въ политическіе и общественные вопросы Гульдъ вовсе не вмѣшивался, а если его могучая рука и касалась иногда этихъ вопросовъ, то лишь съ точки зрѣнія его личнаго денежнаго интереса. Ему было рѣшительно все равно, какая партія управляетъ страной, лишь бы онъ могъ покупать для защиты своихъ интересовъ судей, депутатовъ, сенаторовъ и представителей правительства. Поэтому онъ поддерживалъ республиканцевъ въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ они имѣли большинство, и демократовъ тамъ, гдѣ перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ. Въ скандальной исторіи выбора въ президенты Гейза, когда на выборахъ президентскихъ избирателей большинство оказалось противъ него, главную роль по увѣренію многихъ игралъ Гульдъ, и, благодаря его деньгамъ, избиратели въ двухъ штатахъ перемѣнили свои голоса на окончательной баллотировкѣ. На общественные вопросы вліяніе золотого короля было такое же гибельное, какъ и на политическіе. Онъ упорно поддерживалъ систему финансовыхъ синдикатовъ, которые вмѣстѣ съ миллионерами составляютъ главную злобу современнаго экономическаго положенія въ Соединенныхъ Штатахъ, и не только всегда высказывался противъ рабочихъ стачекъ, но первый научилъ американскихъ капиталистовъ побѣдоносно противождать ихъ новому могущественному врагу. О частной жизни Гульда мы уже упоминали, и стоитъ только прибавить, что онъ хотя жилъ богато, но не имѣлъ никакихъ пристрастій ни интеллектуальныхъ, ни художественныхъ, кромѣ страсти къ цвѣтамъ, благодаря которой онъ проводилъ минуты досуга въ роскошнѣйшей во всемъ свѣтѣ оранжереѣ, гдѣ одна коллекція пальмъ стоила миллионъ. Онъ такъ мало цѣнилъ искусство, что, заказавъ свой портретъ англійскому художнику Геркоммеру, постоянно торопилъ его, назначалъ ему срокъ на окончаніе работы, угрожая въ противномъ случаѣ не взять картины, и когда художникъ дѣйствительно окончилъ свою работу въ срокъ, то Гульдъ воскликнулъ: «Вотъ великій артистъ, онъ не просрочилъ ни минуты». Посвятить всю свою жизнь наживѣ и заботясь только объ одномъ—объ увеличеніи своихъ миллионъ, Гульдъ умеръ на пятьдесятъ шестомъ году среди тѣхъ же заботъ. Предвидя, что биржа привѣтствуетъ его кончину повышеніемъ курса, онъ за минуту до смерти продиктовалъ сыну телеграмму о покупкѣ однѣхъ акцій на 20 миллионъ, а другихъ на 10 миллионъ. Такимъ образомъ великій спекуляторъ продолжалъ спекулировать и на томъ свѣтѣ, такъ какъ въ ту минуту, когда его послѣдній приказъ исполнялся на биржѣ, онъ уже лежалъ въ гробу. Его похоронили въ роскошномъ, выстроенномъ по его собственному распоряженію, мавзолеѣ, и по расчету американскихъ газетъ двѣнадцать пріятелей, проводившихъ его до могилы, представляли все вмѣстѣ капиталъ 100 миллионъ фунтовъ стерлинговъ. До послѣдней минуты своей жизни онъ жилъ для денегъ, и деньги окружали его мертваго.

Непопулярность Наполеона биржевой игры, какъ величали Гульда уstraшенные его финансовымъ величіемъ мелкіе аферисты, еще рельефнѣе выставляется популярностью современной Іоанны д'Аркъ, какъ принято называть миссъ Виллардъ среди ея многочисленныхъ сторонницъ и сторонниковъ. «Деньги, деньги и деньги» было девизомъ перваго, а въ результатѣ получился для него народный остракизмъ; послѣдняя же съ полнымъ правомъ и естественной гордостью говоритъ: «У меня нѣтъ ни гроша, но я владѣю всей націей». Этотъ разительный контрастъ между ними вполне объясняется тѣмъ, что они служатъ яркими представителями противоположныхъ теченій американской жизни. Согласно условіямъ, при которыхъ образовалась американская нація, главная основа ея характера—энергія и сила воли, нашла себѣ различный исходъ въ мужскихъ и женскихъ элементахъ. Американцы поставили себѣ цѣлью наживу, какъ единственное средство для достиженія успѣха въ демократической республикѣ, а американки—интеллектуальную культуру, какъ лучший способъ пріобрѣсть вліяніе. Та и другая цѣль вполне достигнута. Естественно, что, имѣя первенство надъ мужчинами въ интеллектуальномъ развитіи, американки стали добиваться полной равноправности. Отъ этого впервые возникъ и такъ широко распространился на американской почвѣ женскій вопросъ. Нечего удивляться, что американки, представляя собою олицетвореніе интеллектуальной культуры, мало-помалу добились виднаго положенія во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, имѣющихъ отношеніе къ этой культурѣ. Такъ почти все дѣло народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ находится въ рукахъ женщинъ: въ элементарныхъ школахъ Новаго Свѣта учительницъ почти вдвое, чѣмъ учителей, а въ штатѣ Колумбіи ихъ въ шесть разъ болѣе. Женщинъ-чиновницъ на федеральной службѣ 14.692, то-есть около 8% всего числа служащихъ; на государственныхъ экзаменахъ, безъ которыхъ нельзя поступить на службу, женщины одерживаютъ успѣхъ надъ мужчинами въ размѣрѣ 20%. Что касается до рода службы, то женщины занимаютъ всякія должности, между прочимъ, въ настоящую минуту женщина—одинъ изъ секретарей президента республики, двѣ женщины—мировые судьи и три—помощники секретарей въ апелляціонномъ судѣ. Кроме того, женщины во многихъ штатахъ адвокаты, нотариусы, присяжные засѣдатели, члены муниципальных совѣтовъ и т. д., а во всей странѣ безчисленное количество женщинъ-докторовъ, женщинъ-профессоровъ, женщинъ-журналистовъ и т. д. Но онѣ не довольствуются достигнутыми успѣхами и энергично продолжаютъ борьбу за полную равноправность, доказывая свою способность пользоваться этой равноправностью тѣмъ, что по всѣмъ официальнымъ отзывамъ женщины-чиновники исполняютъ свои обязанности въ высшей степени удовлетворительно, что всюду

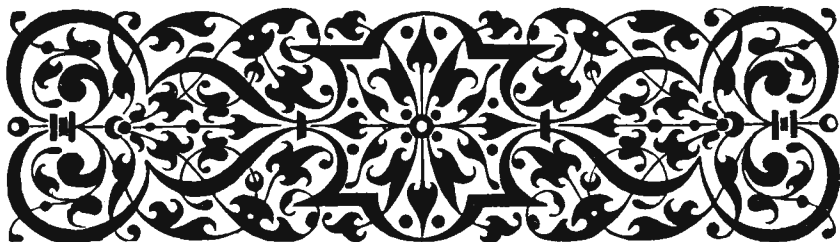
Храмъ Трезвости въ Чикаго.

женскій трудъ отличается добросовѣстностью и аккуратностью, и что даже въ исключительной области мужчинъ, въ финансовой, онѣ дѣйствуютъ съ успѣхомъ, что подтверждается недавно умершей миссъ Лорилларъ Вольфъ, которая, завѣдуя крупной банкирской конторой, нажила милліоны и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла полезно прожить ихъ, пожертвовавъ болѣе 35 милліоновъ на общественныя учрежденія, школы и художественные музеи. Во всѣхъ общественныхъ вопросахъ американки остаются вѣрными своей интеллектуальной культурѣ и всегда стоятъ за прогрессъ, не забывая, конечно, и защиты своихъ женскихъ правъ. Поэтому, въ широко распространенномъ и имѣющемъ громадное значеніе для рабочихъ классовъ, въ настоящую минуту преобладанія милліонеровъ-капиталистовъ, движеніи въ пользу трезвости первенство принадлежитъ женщинамъ, и въ основѣ этой агитаціи положено параллельное отстаиванье женскихъ правъ. Во главѣ этого благороднаго и полезнаго дѣла, принесшаго уже громадныя услуги странѣ въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, стоитъ миссъ Виллардъ, и потому неудивительно, что она въ настоящую минуту самая популярная женщина въ Америкѣ.

Происходя также, какъ Гульдъ, отъ старой пуританской семьи и родившись въ 1839 году, она также, какъ онъ, провела свое дѣтство среди сельской природы и въ первобытныхъ условіяхъ существованія переселенцевъ. Ея отецъ, мелкій фермеръ, переехалъ въ уединенный, никѣмъ еще не обработанный уголокъ Висконсина и тамъ личнымъ трудомъ всѣхъ членовъ семьи мало-по-малу устроилъ образцовое фермерское хозяйство. Сначала вокругъ ихъ жилища не было сосѣдей на нѣсколько миль, но потомъ и другіе колонисты послѣдовали примѣру Вилларда, а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ всегда въ Америкѣ, возникла школа, въ которой юная Франсеса получила первоначальное воспитаніе. Затѣмъ она прошла курсъ женской коллегіи въ Мильвоки и, наконецъ, съ блестящимъ успѣхомъ слушала лекціи въ женской коллегіи въ Чикаго, куда ея родители переехали на житье. Двадцати лѣтъ, она сочла свое образованіе оконченнымъ и, получивъ перворазрядный дипломъ, рѣшилась жить самостоятельно, принося пользу себѣ и другимъ. По ея собственному разсказу въ написанной ею любопытной автобіографіи, подъ заглавіемъ «Проблески пятидесяти лѣтъ» (*Glimpses of fifty years*), она въ дѣтствѣ мечтала быть и фрейлиной королевы Викторіи, и художницей, и траперомъ въ американскихъ пустыняхъ, но, начиная практическую дѣятельность, она имѣла цѣлью уже быть только такой «личностью, которую любили бы и благословляли народныя массы». Этой цѣли она считала тогда возможнымъ добиться только педагогической дѣятельностью и сдѣлалась школьной учительницей. Десять лѣтъ она преподавала различные предметы, между прочимъ, естественныя науки, въ тринадцати школахъ, на-

ходившихся въ шести американскихъ городахъ, причѣмъ число ея учениковъ и ученицъ достигало двухъ тысячъ. Слишкомъ усидчивая работа разстроила ея здоровье, и она съ благодарностью приняла предложеніе своей богатой пріятельницы, миссъ Джаксонъ, посѣтить Старый Свѣтъ. Два года она путешествовала по Египту, Святой Землѣ, Россіи, и другимъ европейскимъ странамъ, причѣмъ вела совершенно свѣтскую жизнь, пользовалась всѣми общественными удовольствіями, посѣщала театры, пила шампанское и т. д.; отъ всего этого она въ послѣдствіи отказалась не безъ внутренняго сожалѣнія въ виду своего апостольскаго призванія. Это призваніе посѣтило ее только послѣ ея возвращенія въ Америку и выхода въ отставку изъ женской коллегіи въ Чикаго, гдѣ она была директрисой и старалась ввести оригинальную систему самоуправленія, которая шла въ разрѣзъ съ мнѣніями мужскаго начальства училища. Миссъ Виллардъ было тридцать пять лѣтъ, когда она вступила на столь новый путь, прославившій ее. Уже кратко указано на ея громадныя услуги въ этомъ отношеніи и для полной характеристики ея дѣятельности въ качествѣ предсѣдательницы «женскаго христіанскаго союза трезвости» слѣдуетъ только прибавить, что руководимое ею движеніе, хотя основанное на религіозной почвѣ, не имѣетъ ничего узкаго, а заключаетъ въ себѣ широкую, живую пропаганду всего, что можетъ очеловѣчить рабочій классъ и поднять его уровень въ нравственномъ, политическомъ, экономическомъ и даже художественномъ отношеніи. Если же въ корнѣ этой агитаціи лежитъ достиженіе женской равноправности, то миссъ Виллардъ въ своемъ докладѣ на послѣднемъ конгрессѣ всѣхъ отдѣленій «женскаго христіанскаго союза трезвости» въ Денверѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, краснорѣчиво выяснила, что она добивается признанія политическихъ правъ женщинъ не только принципиально, какъ акта справедливости, но и практически, какъ необходимаго условія конечной побѣды прогресса во всѣхъ стоящихъ на очереди общественныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ воздвигнутый этой женщиной-апостоломъ движенія, сравниваемого ею самою съ походомъ Іоанны д'Аркъ для освобожденія своей родины отъ враждебнаго ига, великолѣпный «храмъ трезвости» въ Чикаго служить не центромъ спеціальной пропаганды воздержанія отъ пьянства и достиженія женщинами политическихъ правъ, а настоящимъ средоточіемъ могучей демократической силы, которая рано или поздно уничтожитъ въ республикѣ Вашингтона все худшее, представителемъ чего былъ золотой король, и доставитъ побѣду всѣмъ лучшимъ элементамъ, нашедшимъ себѣ достойную представительницу въ миссъ Виллардъ.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ III. Спб. 1892.

ТОГЪ томъ «Словаря» редакторъ начинаетъ съ извѣщенія, что въ печати появились утвержденія, будто словарь скончался, и въ виду этого редакторъ «считаетъ себя вынужденнымъ разъ навсегда сказать, что если энергія наша будетъ поколеблена, и мы рѣшимъ прекратить свое изданіе, то мы объ этомъ заявимъ сами и не представимъ кому бы то ни было догадываться». Но вѣдь никому нельзя запретить дѣлать догадки и изъ того, что уже появилось, выводить заключеніе, какое представляется болѣе правдоподобнымъ. Принадлежа къ числу такихъ скептиковъ, мы еще при разборѣ первыхъ выпусковъ словаря сказали прямо, что въ такомъ видѣ онъ продолжаться не можетъ, и для окончанія его потребуется много десятковъ лѣтъ и томовъ, такъ что нынѣшнимъ подписчикамъ на словарь не дождаться его окончанія. Мы говорили также, что составитель книги напрасно мѣшаетъ біографическія и бібліографическія свѣдѣнія съ исторіей литературы и даетъ намъ критическія и даже полемическія подробности, умѣстныя въ обширныхъ изслѣдованіяхъ, а не въ словарь. И вотъ теперь г. Венгеровъ объявляетъ, что съ буквы В каждый томъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: матеріаловъ для словаря и монографій, то-есть исторіи литературы въ характеристикахъ отдѣльныхъ лицъ. И до этой мысли, которую надо было имѣть въ виду при составленіи первоначальнаго тома изданія, редакторъ дошелъ въ семь лѣтъ, успѣвъ въ это время обработать только полторы буквы, и то съ большими пропусками, отлагая оцѣнку многихъ писателей и цѣлыя біографіи до счастливейшихъ временъ. (Припомнимъ, что имъ еще не составлена характеристика Ив. Аксакова). Онъ утверждаетъ, однако, что его «энергія еще

не сломлена», и онъ больше чѣмъ когда либо надѣется, что словарь будетъ конченъ въ его фактической части лѣтъ въ шесть. Можемъ увѣрить его, что и это немислимо. Хотя редакторъ теперь и не одинъ пишетъ всѣ статьи, но оцѣнка всѣхъ чѣмъ нибудь выдающихся лицъ принадлежитъ исключительно ему самому, а при этомъ условіи, да еще при завѣдованіи литературнымъ отдѣломъ въ большомъ словарѣ г. Ефрона, дѣло не можетъ быстро идти впередъ, хотя бы для этого и были всѣ матеріальныя средства. Мы говорили, что, принявшись за словарную работу, надо посвящать ей всего себя, а г. Венгеровъ, при своей несомнѣнной добросовѣстности, отдавая часть труда чужому изданію, поневолѣ долженъ оставлять свое на второмъ планѣ. У него очень много надеждъ, но съ 1886 года онъ имѣлъ бы возможность убѣдиться, что не всѣ надежды сбываются. Такъ III-й томъ онъ надѣялся выпустить еще въ 1891 году, а издаетъ его въ концѣ 1892 г. Почти въ два года можно бы издать и больше 30-ти листовъ. И между тѣмъ въ этомъ томѣ много дѣльныхъ и хорошо составленныхъ статей. Начинается онъ журналистомъ-гарибальдійцемъ Бенни, біографія котораго, однако, отлагается (*ad calendas graecas?*), какъ и многихъ другихъ писателей: Берви, Бестужева и даже профессора И. Н. Березина (что же въ немъ гарибальдійскаго?) и кончается г-жею Боборыкиной, которая почему-то разлучена со своимъ супругомъ, только въ словарь, конечно. Самому редактору принадлежатъ лучшія характеристики писателей, начиная съ Бенитцкаго, этого забытаго и рано погибшаго беллетриста, котораго Батюшковъ сравниваетъ съ Жильбертомъ. Въ примѣчаніи сказано, что это извѣстный сатирикъ, французскій Ювеналь. Надѣмся, что это примѣчаніе не редакция, а Батюшкова, которому еще простибельно было увлекаться плохимъ поэтомъ. Очень мѣткія характеристики Берговъ—Николая, плохо понимающаго описываемыя событія, и Федора, въ молодости друга нигилистовъ, а въ 50 лѣтъ ультра-благонамѣреннаго редактора «Русскаго Вѣстника». Собраны въ словарь и литературные курьезы: приведено письмо кіевскаго поэта Бердяева, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» грубыя выходки противъ А. Н. Плещеева, а потомъ приносящаго покаянную и называющаго себя печатно «пошлымъ субъектомъ, дѣйствовавшимъ въ состояніи помраченія здраваго смысла»; рассказанъ анекдотъ, какъ книжникъ Березинъ-Шаряевъ продалъ за 5.000 рублей любителю рѣдкостей портретъ жены Барона, купленный за полтинникъ на толкучкѣ и считающійся единственнымъ экземпляромъ. Въ этой же біографіи двѣ страницы посвящены разсужденію о страсти къ коллекционерству и о книжныхъ барышникахъ, что не имѣетъ никакого отношенія къ словарю. Слишкомъ ужъ много отведено въ немъ мѣста врачамъ и ученымъ: перечисленіе разныхъ медицинскихъ, химическихъ и математическихъ сочиненій занимаетъ цѣлыя страницы, но вѣдь это все не литература, и если уже необходимо перечислять всѣ эти «вылуценія заушной желѣзы» и «*de morbo siphilitico*», то достаточно цитировать самыя главныя диссертации. Словари докторовъ и ученыхъ по разнымъ специальностямъ у насъ имѣются, а намъ нуженъ словарь писателей, имѣющихъ вліяніе на культурное развитіе общества. Въ первыхъ томахъ мы указывали на избытіе разныхъ игуменовъ и іереевъ, присавшихъ о разныхъ душевнеспасительныхъ предметахъ, и говорили, что произведенія этого рода нельзя назвать литературными, а слѣдуетъ отнести въ особія духовныя изданія. Теперь іереевъ въ словарь нѣтъ, но зато онъ переполненъ евреями: три Берлина, Берманъ, два Берн-

штейна, Бертепсона, Берхинъ, Бинштокъ, и всѣ они вмѣстѣ съ православнымъ Бершадскимъ писали только о евреяхъ и о еврейскомъ вопросѣ. Одинъ Блюхъ умалчалъ о своемъ происхожденіи и, названный просто сыномъ варшавскаго фабриканта, прославленъ, какъ необыкновенный финансистъ, за то, что строилъ плохія желѣзныя дороги. Но всѣ остальные причислены къ «русско-еврейскимъ публицистамъ». Въ словарь перевозится все еврейское и утверждается не только то, что «еврейское земледѣліе фактъ, а не фикція», но что и еврейскій вопросъ у насъ—собственно русскій вопросъ. Вотъ отъ этого-то избытка іудефильства и желалось бы очистить словарь, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ заслуживающій вниманія. И такъ уже наша литература въ послѣднее время сильно пострадала отъ вторженія въ нее пришлаго, растлѣвающаго еврейскаго элемента. Ни въ какихъ русско-еврейскихъ публицистахъ мы не нуждаемся; они могутъ серьезно считать вождѣлнія своего кагала русскимъ вопросомъ, но для Россіи эти вождѣлнія никогда не будутъ ни государственнымъ, ни общественнымъ вопросомъ, а только мѣстнымъ вопросомъ нашихъ западныхъ окраинъ, присоединенныхъ Екатериною II вмѣстѣ съ 5—6 миліонами паразитнаго племени, зловредное вліяніе котораго скоро отравилось и на коренныхъ жителяхъ страны. А къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести усилившіяся въ послѣднее время попытки евреевъ къ равноправности и распространенію на всю Россію черты отведенной имъ осѣдлости, можно видѣть изъ экономическаго положенія государствъ, гдѣ іудейское племя стало твердою ногою, какъ въ Австріи, Галиціи, Венгріи, Пруссіи, или изъ такихъ общественныхъ явленій, какъ панамскій скандалъ, или альвардтскій процессъ, гдѣ поворное вліяніе еврейства является уже не фикціей, а фактомъ.

Замѣчательныхъ біографій съ вѣрною оцѣнкою писателей въ словарѣ не мало: такова статья о Бестужевѣ-Марлинскомъ, еще не оконченная, но въ которой даровитаго романиста защищаютъ отъ упрековъ въ фразерствѣ и ходульности слишкомъ строго отнесшагося къ нему Вѣлинскаго; о Блудовѣ, Блюментростѣ, Блюмерѣ, Блиновѣ, Благосвѣтловѣ, Бецкомъ, Бестужевѣ-Рюминѣ, Бильбасовѣ, историческая дѣятельность котораго признается только разработкою придворно-дипломатическихъ интригъ и пренебреженіемъ къ внутреннему положенію страны, даже въ исторіи Екатерины II, а въ публицистической дѣятельности автора, выразившейся въ «Голосѣ», г. Венгеровъ видитъ только «легкое фрондерство». Но съ легкимъ фрондерствомъ «Голосъ» могъ бы и теперь благополучно продолжать свое существованіе. Замѣчательна статья о Блаватской, принадлежащая дамѣ, пораженной универсальностью своихъ знаній и въ словарѣ Ефрона, гдѣ она оцѣнивала и соціальныя идеи Барбеса, и философскія тенденціи Вовенарга, и мировое значеніе Виргилія. Но въ біографіи Блаватской, гдѣ не требовалось знаніе ни латинской филологіи, ни французской философіи, ни социологіи, авторъ рельефно обрисовалъ эту даровитую личность, прибѣгавшую къ жалкимъ мошенничествамъ, чтобы пріобрѣсти извѣстность и достигнуть своихъ личныхъ корыстныхъ цѣлей. Напрасно только къ статьѣ, и безъ того обширной, г. Соловьевъ, не тотъ, который отдѣлалъ Блаватскую и какъ женщину, и какъ авантюристку, въ статьяхъ «Современная жрица Ивиды», а другой, неудавшійся философъ, присоединилъ туманное расужденіе о теософіи, въ которомъ утверждаетъ, что «глубокая идея буддизма еще не пережита чело-вѣчествомъ». Но, называя это ученіе несостоятельнымъ и ложнымъ, а дѣя-

тельность Блаватской шарлатанскою и крайне неравнорачивою на средства, философъ говоритъ, что «нельзя отказать ей въ нѣкоторой относительной правдѣ». Любопытно бы узнать, въ чемъ же состоитъ эта относительная правда ложнаго ученія? Пропусковъ въ словарѣ нѣтъ; не упомянуть только Ив. Иван. Билибинъ, переводчикъ дѣльныхъ научныхъ сочиненій и авторъ водевиля «Спириты», да биографія Анны Ивановны Бибиковой, матери талантливаго публициста Петра Алексѣевича, умершей въ концѣ шестидесятихъ годовъ, могла бы быть обширнѣе, такъ какъ въ словарѣ привнается ея дарованіе. Кромѣ перечисленныхъ тамъ статей, она много работала въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Зотова. Къ биографическимъ курьезамъ, которые также помѣщаетъ словарь, можно было бы прибавить нѣкоторыя черты ея жизни: жена крымскаго помѣщика, владѣвшаго имѣніемъ на Альмѣ, она задолго до Крымской кампаніи играла въ Севастополѣ первенствующую роль и блистала въ обществѣ моряковъ красотою и образованіемъ. Но однажды, оскорбленная на балу словами лица, занимавшаго важный постъ въ іерархіи города, она въ свою очередь нанесла ему публично оскорбленіе дѣйствіемъ, съ помощью атласнаго башмака, снятаго ею со своей ноги. Этотъ инцидентъ былъ причиною ея разрыва съ мужемъ и переселенія въ Петербургъ съ двумя дочерьми, въ то время, когда ея сынъ, будущій публицистъ, остался съ отцомъ. Здѣсь Бибикова сама занялась, какъ женщина умная, воспитаніемъ дочерей: одна изъ нихъ, появившаяся на сценѣ подъ именемъ Споровой, вышла замужъ за Самойлова, уже схоронившаго одну жену, да схоронившаго затѣмъ и другую, принужденную вскорѣ же разойтись съ нимъ. Другая дочь также появилась на клубныхъ сценахъ и вышла замужъ, но сама Анна Ивановна принуждена была оставить Петербургъ вслѣдствіе исторіи, происшедшей въ одномъ изъ клубовъ, послѣдствіемъ которой было запрещеніе во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ повидимому самой невинной игры въ лото. Она любила литературу и литераторовъ. Никогда не выдавъ Апполона Григорьева и узнавъ, что оный посаженъ въ долговую тюрьму, она заплатила его долги. Бибикова уѣхала за границу и тамъ умерла.

В. З.

Исторія Казанской духовной академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія (1842—1870 годы). П. Знаменскаго. Томы I, III и II. Казань. 1892.

Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія. 1870—1892. С. Терновскаго. Казань. 1892.

Каванская духовная академія праздновала въ минувшемъ году свой пятидесятилѣтній юбилей и ко дню празднованія издала свою полную исторію въ четырехъ томахъ. Первые три тома написаны проф. Знаменскимъ и обнимаютъ собой первый, дореформенный періодъ ея существованія (1842—1870 гг.), четвертый же посвященъ времени съ 1870 по 1892 г. и принадлежитъ проф. Терновскому. Оба автора отнеслись къ своему дѣлу чрезвычайно добросовѣстно, воспользовались какъ печатнымъ, такъ и архивнымъ матеріаломъ, и потому дали исторію учрежденія очень обстоятельную, заключающую въ себѣ немало интересныхъ, новыхъ фактовъ.

Прежде всего любопытенъ самый фактъ возникновенія академіи—изъ ничего, въ букввальномъ смыслѣ этого слова. Давно уже, еще съ конца XVIII в., пытались учредить академію въ Казани, но попытки такъ и оставались попытками до 1842 года. Въ этомъ году оберъ-прокуроръ св. синода Протасовъ сообщилъ сначала, какъ слухъ, казанскому преосвященному, что въ Казани предполагается открыть академію, а черезъ нѣкоторое время писалъ ужъ ему объ этомъ, какъ о дѣйствительномъ фактѣ. Предположеніе получило высочайшее утвержденіе, назначены ректоръ, инспекторъ новой академіи, вызваны студенты, ассигнованы деньги на содержаніе... Оставалось найти въ Казани подходящее помѣщеніе. Поручили сдѣлать это мѣстному преосвященному Владиміру. Большихъ домовъ въ Казани тогда почти не было, и преосвященному стоило большихъ трудовъ подыскать если не удобное, то наиболѣе подходящее зданіе. Скоро изъ Петербурга получилось согласіе на наемъ найденаго дома, оставалось только подписать контрактъ съ домовладѣльцемъ. Сдѣлать этого, однако, не пришлось. Утромъ 24-го августа страшный пожаръ истребилъ лучшую часть города, а въ томъ числѣ и намѣченный домъ. «Всѣ уцѣлѣвшіе отъ сей гибели дома и домики,— доносили преосвященный Владиміръ святѣйшему синоду,—наполнены народомъ, оставшимся безъ всякаго пріюта на обгорѣлыхъ улицахъ; для академіи нужно воздвигать новое зданіе, а открытіе отложить года на 4 не мѣше, ибо новое зданіе и высохнуть въ 3 года не можетъ». Не смотря, однако, на всѣ доводы преосвященнаго Владиміра, изъ Петербурга настоятельно требовали открытія академіи. «Поелику,—писалъ графъ Протасовъ,—на учрежденіе духовной академіи въ Казани послѣдовала высочайшая воля, которая и должна быть немедленно приведена въ дѣйствіе, то для безотложнаго исполненія оной остается лишь примѣнить къ настоящему случаю уже сдѣланныя вслѣдствіе сей высочайшей воли распоряженія святѣйшаго синода». Дѣлать было нечего, и такъ какъ въ приснопамятное царствованіе Николая Павловича о трудности или невозможности говорить не полагалось, то преосвященный Владиміръ и принялся опять за поиски помѣщенія. Ищите и, конечно, обряцете. Обрѣлъ, понятно, и архіепископъ помѣщеніе, но, докладывая объ этомъ оберъ-прокурору, писалъ, что не ручается не только за здоровье, но даже за жизнь будущихъ студентовъ, которымъ придется тамъ жить. Студенты черезъ нѣкоторое время дѣйствительно начали хворать. Преосвященный Владиміръ воспользовался этимъ случаемъ и попытался еще разъ отложить какъ нибудь открытіе академіи до болѣе благопріятнаго времени, написавъ о заболѣваніяхъ студентовъ, но напрасно. Оберъ-прокуроръ отвѣтилъ, что «за послѣдовавшею высочайшею волей объ учрежденіи академіи» онъ не осмѣливается уже «входить ни въ какія сужденія по этому предмету». Volens-nolens пришлось открыть академію, что и было сдѣлано въ октябрѣ 1842 года, не смотря на самыя неблагопріятныя условія. Не говоря уже о помѣщеніи, которое было не приспособлено для занятій, какъ студенты, такъ и профессора были въ самомъ неудобномъ положеніи: первые для своихъ учебныхъ занятій, а вторые для преподаванія и научныхъ работъ, благодаря чрезвычайной бѣдности академической бібліотеки. Бібліотека эта къ январю 1843 года состояла всего изъ 74 №№ книгъ самыхъ разнообразныхъ, въ томъ числѣ и учебниковъ. Этимъ вполне объясняется, почему профессора строго придерживались учебника, иногда даже просто читали по нему, а студенты заучивали тѣ же учеб-

ники. Занятія значительно оживились, когда сюда перевезены были рукописи Соловецкаго монастыря, давшія богатый и новый матеріалъ для самостоятельныхъ работъ. Къ этому времени нужно отнести изданіе академическаго журнала «Православный Собесѣдникъ», въ которомъ печатались работы какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Особенно же занятія студентовъ оживились въ 60-е годы, не смотря на то, что академическое начальство, старавшееся слѣдить даже за мыслями своихъ питомцевъ, слѣдило очень тщательно за ихъ занятіями. «Множество книгъ,—говоритъ проф. Знаменскій,—считалось для студентовъ опасными.. попеченіе о сохраненіи дѣтской чистоты студенческихъ годовъ доходило тогда до крайностей: «Исторія цивилизаціи» Гизо считалась ужасной книжкой, а извѣстное сочиненіе Гиббона держали въ ужасной тайнѣ». Тѣмъ не менѣе студенты, у которыхъ были связи и съ университетомъ, и съ другими лицами, не подлежащими вѣдѣнію академіи, находили возможнымъ быть au cagant всего, сами устраивали кружки, выписывали «Отечественныя Записки», «Современникъ», пользовались книгами изъ библиотекъ частныхъ лицъ. Студенты не только читали, но и обсуждали прочитанное. «Споры между студентами,—говоритъ проф. Аристовъ въ біографіи Щапова,—велись очень часто и въ большинствѣ случаевъ не одинъ на одинъ: въ нихъ принимали участіе цѣлыя партіи. Вопросы, о которыхъ возбуждались горячія состязанія, большею частью касались современной жизни, науки и литературы». Эти занятія, споры, этотъ живой обмѣнъ мыслей являются, пожалуй, единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ во всей жизни академическихъ студентовъ, которая въ общемъ была далеко непривлекательна. Мы, конечно, не говоримъ здѣсь о вѣшной, матеріальной обстановкѣ. Всѣ неудобства этого рода ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ гнетомъ, который испытывалъ каждый студентъ. Каждую минуту вездѣ онъ чувствовалъ зоркій глазъ инспектора, слѣдящій за каждымъ его шагомъ, всегда долженъ былъ быть готовымъ подвергнуться самому грубому произволу со стороны ректора. Студентъ обезличивался, терялъ всякую самостоятельность. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, однако, академія въ Казани имѣла большое значеніе, хотя бы благодаря своей просвѣтительной миссіонерской дѣятельности среди мѣстныхъ инородцевъ. Кромѣ того, она давала возможность и средства массѣ людей получить образованіе гораздо большее, чѣмъ дають духовныя семинаріи, хотя бы уже по одному тому, что въ распоряженіе студентовъ представлялась какъ академическая, вполнѣ довольно обширная библиотека, такъ и библиотеки частныя. Обмѣнъ мыслей съ товарищами и профессорами, всегда относившимися очень дружелюбно къ студентамъ, несомнѣнно также оказывалъ большое вліяніе на ихъ развитіе, особенно съ 1870-хъ годовъ, когда академія была совершенно преобразована. Книга проф. Терновскаго даетъ полный отчетъ о дѣятельности какъ профессоровъ, такъ и студентовъ академіи за послѣднее время. Само собой понятно, что дѣятельность эта и сама жизнь совершенно не имѣютъ ничего общаго съ жизнью академіи дореформенной, о которой въ общихъ чертахъ мы говорили выше. Отчеты о занятіяхъ профессоровъ и студентовъ, біографіи тѣхъ и другихъ, съ перечисленіемъ ихъ трудовъ, служатъ прекраснымъ тому доказательствомъ. Профессора читали вполнѣ научные курсы, руководили занятіями студентовъ, а послѣдніе, предоставленные самимъ себѣ, занимались работами въ области разныхъ специальныхъ предметовъ. Въ коро-

тенькой библиографической замѣткѣ, мы, конечно, не имѣемъ возможности характеризовать жизнь и дѣятельность какъ профессоровъ, такъ и студентовъ академіи за пятидесятилѣтній періодъ ея существованія вполне точно и подробно, какъ это сдѣлали профессора П. Знаменскій и С. Терновскій. Интересующійся этимъ вопросомъ найдетъ въ ихъ трудахъ вполне удовлетворительный и обстоятельный отвѣтъ на него. Передъ читателемъ развертывается картина академической жизни во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ: жизнь ректора, профессоровъ, студентовъ, ихъ взаимныя отношенія, преподаваніе, занятія, работы, приходъ и расходъ—все это нашло себѣ мѣсто въ обстоятельной, четырехтомной исторіи Казанской духовной академіи.

В. Б.

Стратегическіе уроки морской исторіи. Р. Зотова. Спб. 1892.

Вслѣдъ за своимъ изслѣдованіемъ о черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодику, редакторъ «Морского Сборника» издалъ книгу о морской исторіи и стратегіи, но касающуюся въ то же время международныхъ отношеній морскихъ державъ. Книга составилась изъ статей, помѣщенныхъ авторомъ въ спеціальномъ морскомъ журналѣ, по новѣйшимъ, преимущественно англійскимъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ. Взявъ эпиграфомъ своего труда стихъ забытаго французскаго поэта Лемьера: «трезубецъ Нептуна—скипетръ всего міра», авторъ ставитъ главною цѣлью своего изслѣдованія—важное, рѣшающее значеніе морской силы въ историческихъ событіяхъ и упрекаетъ историковъ статскихъ и даже военныхъ въ томъ, что они, не знакомые съ моремъ и его условіями, упускаютъ изъ виду это значеніе. Морскія сраженія играли въ исторіи значительную роль, но далеко не всегда; это доказываетъ даже послѣдняя большая европейская война 1870—71 г., когда и французскій, и нѣмецкій флоты положительно бездѣйствовали, да и въ нашу войну съ Турціей 1877 года не было ни одного серьезнаго столкновенія на морѣ. Авторъ, однако, говоритъ въ заключеніе, что «въ разрѣшеніи столкновеній будущаго морская сила будетъ играть важную роль». Это едва ли справедливо, да и во всякомъ случаѣ—не желательно. При новѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ орудіяхъ истребленія достаточное количество жертвъ падаетъ и на сухомъ пути, гдѣ все еще имѣется хоть какая нибудь возможность остаткамъ армій спастись отъ конечнаго уничтоженія, тогда какъ на морѣ броненосецъ, взорванный торпедою, гибнетъ со всѣми его стратегами, будь они хоть семи пядей во лбу. Изъ одной гуманности вельзя желать повторенія абукирскихъ и трафальгарскихъ сраженій. Морская сила, конечно, важный факторъ въ международныхъ столкновеніяхъ, но далеко не единственный и не рѣшающій въ этихъ столкновеніяхъ. Трезубецъ Нептуна, находящійся въ рукахъ Англій, не управляетъ, однако, всѣмъ міромъ и въ случаѣ ея войны съ сухопутною державою врядъ ли окажетъ существенную пользу. Это, конечно, статское мнѣніе, съ которымъ, какъ морякъ, не согласится авторъ книги, какъ не согласится и вообще военные люди съ тѣмъ, что безъ преобладанія ихъ сословія человѣчеству жилось бы гораздо лучше.

Но съ военной точки зрѣнія и особенно съ морской аргументы автора становятся неопровержимыми, и въ подкрѣпленіе ихъ онъ приводитъ много любопытныхъ фактовъ и данныхъ. Трудъ его раздѣляется на шесть главъ.

Сначала онъ говоритъ о значеніи уроковъ морской исторіи прошлаго времени. Здѣсь онъ доказываетъ необходимость изученія морской войны даже въ эпоху парусныхъ судовъ и находитъ аналогію между галернымъ и паровымъ флотомъ. Представивъ уже слишкомъ сжатый очеркъ битвъ при Акціумѣ, Лепантѣ, Абукирѣ, Трафальгарѣ, при осадѣ Гибралтара, авторъ находитъ, что мѣсто будущаго столкновенія морскихъ силъ — на Западѣ, «если къ обладанію басейномъ Чернаго моря Россія не прибавитъ обладанія выходомъ въ Средиземное море». Въ такомъ случаѣ Англія и Франція, которымъ принадлежитъ средоточіе морского могущества, дойдутъ до Леванта. Разсмотрѣвъ элементы морской силы и доказавъ необходимость имѣть колоніи и колониальныя посты, авторъ говоритъ объ ихъ значеніи и о значеніи морской торговли для морской силы. Здѣсь особенно важны выводы изъ исторіи крейсерской войны и доказательства вредныхъ послѣдствій для націи, полагающейся на эту войну; рассмотрѣны также условія о значеніи блокады для морской торговли. Въ двухъ послѣднихъ главахъ изслѣдуется вліяніе морской политики на морскую силу и принципы морской стратегіи и ея примѣненія. Здѣсь, на основаніи изысканій нашего стратега г. Леера, изслѣдуется примѣнимость сухопутной стратегіи къ морской войнѣ; приведены также особенности стратегіи англичанъ, французовъ и голландцевъ, даже ихъ отдѣльныхъ флотоводцевъ. Особенно подробно рассказана, въ заключеніе, морская война 1778 года. Главныя общія заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ слѣдующія: единичныя морскія побѣды не могутъ доставить власти надъ моремъ на какое бы то ни было время, если разбитая морская сила не уничтожена совсѣмъ; десантъ бесполезенъ, когда не справились еще съ непріятельскимъ флотомъ; страна, которая не въ состояніи защитить свои собственныя, морскія границы, не можетъ надѣяться успѣшно атаковать морскія границы другой страны. Съ этими положеніями можно согласиться, но слѣдующія двѣ главныя мысли сѣверо-американскаго капитана Магена и англійскаго адмирала Коломба, мнѣніямъ которыхъ неуклонно слѣдуетъ русскій авторъ, кажутся намъ весьма сомнительными. Магенъ говоритъ, что значеніе уроковъ прошлаго для морской стратегіи не уменьшается; Коломба — прежніе законы веденія морской войны неизмѣнны и для настоящаго времени. Но нынѣшнія изобрѣтенія разнаго рода торпедъ, бляндажа, вращающихся пушекъ, башенъ на верху мачтъ и т. п., повидимому, совершенно измѣняютъ условія столкновеній новѣйшихъ броненосцевъ, и даже послѣднія сраженія американскихъ мониторовъ въ междоусобную войну или австрійцевъ съ итальянцами при Лиссеѣ не могутъ служить урокомъ, какъ будутъ дѣйствовать чудовищныя морскіе гиганты послѣдней формаціи. Къ чему же тутъ могутъ послужить примѣры прошлаго, когда новыя изобрѣтенія еще не испытаны на дѣлѣ? Значеніе ихъ можетъ выяснитъ только будущая война, а до тѣхъ поръ будемъ надѣяться на изобрѣтеніе какого нибудь снаряда, разрывающаго моментально всякую корабельную броню, чтó сдѣлаетъ невозможнымъ битвы броненосцевъ на морѣ, если уже нельзя положить конецъ столкновеніямъ на сухомъ пути.

В—ъ.

О драмѣ. Критическое разсужденіе Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи: Три письма о Пушкинѣ. Спб. 1893.

Многіе ли у насъ имѣютъ правильное понятіе о драмѣ, ея возникновеніи, основныхъ принципахъ и внутреннемъ, логическомъ значеніи? Смѣемъ думать, что очень и очень немногіе. Мы охотно ходимъ въ театръ смотрѣть тенденціозныя пьесы дешеваго достоинства, скроенныя на скорую руку ихъ бездарными кропателями, или плохіе переводы плохихъ оригиналовъ, по большей части, французскаго продукта, но мы, надо признаться, весьма и весьма слабы въ ясномъ пониманіи красотъ драматическаго произведенія и въ умѣннн сдѣлать добросовѣстную оцѣнку того или другаго театральнаго произведенія. Это ясно доказывается успѣхами на нашей сценѣ слабыхъ и пустыхъ пьесъ самаго банальнаго пошиба, пьесъ, написанныхъ безталанными, но зато плодовитыми поставщиками для сцены, приуроченныхъ къ какому либо событію или же прямо предназначенныхъ для извѣстнаго актера или выдающейся актрисы. Да и можетъ ли, по правдѣ сказать, развиваться вкусъ русской театральной публики, когда по какимъ то особымъ соображеніямъ нашего театрального начальства, должно быть, высшаго порядка, за послѣднее время на русской сценѣ царить репертуаръ самаго сомнительнаго свойства, а классическія произведенія безсмертныхъ драматурговъ почти не даются, какъ, вѣроятно, устарѣвшія и вышедшія изъ моды.

Поэтому съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы появленіе только что вышедшей въ свѣтъ книги нашего почтеннаго драматурга Д. В. Аверкіева: «О драмѣ»,—книги, не только полезной для писателей, актеровъ и зрителей, но и безусловно необходимой при изученіи русской словесности, не имѣвшей до сихъ поръ учебника о сценѣ и ея произведеніяхъ.

Основаніемъ критическаго разсужденія Д. В. Аверкіева о драмѣ послужили его статьи по тому же предмету, печатавшіяся въ 1877—1878 гг. въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Къ нимъ прибавлены въ настоящей книгѣ еще двѣ новыхъ статьи, а именно V—о второстепенныхъ стихіяхъ трагедіи, и VI—о комедіи.

Книга читается съ большимъ интересомъ и легко и, имѣя все, что требуется отъ серьезнаго научнаго изслѣдованія, отличается простотой и доступностью сужденія, что не часто встрѣчается въ сочиненіяхъ подобнаго рода, блещущихъ зачастую точно преднамѣренной сухостью языка и монотонностью формы, дѣлающими ихъ неудобочитаемыми.

Всякое положеніе, высказываемое авторомъ разсматриваемой книги, наглядно выясняется на яркихъ примѣрахъ классическаго репертуара нашего и иноземнаго. Такъ, говоря объ единствѣ дѣйствія, основномъ условіи драмы, авторъ воочію, такъ сказать, показываетъ намъ его сущность, приводя примѣры кажущагося, внѣшняго, формальнаго единства дѣйствія въ Сидѣ Корнели и дѣйствительнаго, логическаго единства—Ромео и Джуліи Шекспира. Развивая далѣе мысль о необходимости въ истинной драмѣ причинности развязки, не зависящей отъ неизбѣжнаго въ старину *deus ex machina*, которымъ въ испанскихъ драмахъ, на примѣръ, является всегда король, Г. Аверкіевъ указываетъ гениальныя достоинства Пушкинскаго Каменнаго Гостя, гдѣ избитая средневѣковая легенда о Довъ-Жуанѣ является въ обработкѣ великаго мастера, сдѣлавшаго трагическій конецъ похожденій

всесвѣтнаго волокиты неизбѣжно вытекающимъ изъ кощунства героя, позволившаго себѣ посягать на честь жены убитаго имъ человѣка, тѣмъ котораго онъ зоветъ присутствовать при позорѣ вдовы..

Такой приемъ иллюстрировать научныя положенія обстоятельными, подробными ссылками на классиковъ,—приемъ въ высшей степени пригодный въ данномъ случаѣ, дѣлающій книгу доступной большинству читающей публикѣ и понятной и интересной для учащагося юношества.

Къ изслѣдованію о драмѣ приложены еще Три письма о Пушкинѣ, посвященныя Н. Н. Страхову, написанныя по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1880 году и напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ маѣ того же года. Письма эти являются дополненіемъ къ книгѣ г. Аверкіева, такъ какъ въ нихъ читатели найдутъ развитіе взглядовъ Аристотеля на поэзію и творчество въ связи съ возрѣніями новѣйшихъ ученыхъ и въ ней же указано сродство Бориса Годунова Пушкина съ строемъ античной трагедіи.

С. У—ць.

Гюставъ Гюббаръ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1892.

Г. Гюббаръ (Nicolas Gustave Hubbard), братъ извѣстнаго публициста Артура Гюббара, родившійся въ 1828 г., получилъ юридическое образованіе и занимался такъ называемыми камеральными науками. Испанія привлекаетъ его особое вниманіе съ конца 60-хъ годовъ: въ 1869 г. онъ издалъ книгу о современной исторіи Испаніи, черезъ два года—«Les lettres, les arts et les sciences en Espagne», а въ 1875 г.—«Histoire de la litterature contemporaine en Espagne», которую мы теперь имѣемъ въ прекрасномъ переводѣ г-жи Доппельмайеръ.

Съ первыхъ же строкъ введенія читатель видитъ, что книга представляетъ историко-литературную монографію, составленную талантливымъ публицистомъ и экономистомъ, а не филологомъ. Авторъ спрашиваетъ, что такое исторія литературы, и самъ себѣ отвѣчаетъ, что, «помимо систематическаго анализа памятниковъ по эпохамъ», она должна представлять смѣлый синтезъ, обнимающій всѣ данныя «единымъ общимъ взглядомъ». Помимо систематическаго анализа,—но въ томъ-то и бѣда, что если историко-литературные труды филологовъ страдаютъ излишкомъ анализа и мелочей, юристъ или публицистъ такъ увлечется синтезомъ, что пренебрежетъ систематическимъ анализомъ и фактами, и лишитъ читателя возможности дѣлать свои собственные выводы, а навязетъ ему личныя соображенія и обобщенія, часто, впрочемъ, очень остроумныя.

Что лучше, что хуже, сказать трудно; для того, кто хочетъ, между прочимъ, и безъ труда получить нѣкоторое представленіе о современной испанской литературѣ, книга Гюббара во всякомъ случаѣ пріятная находка. Онъ узнаетъ изъ нея и о началѣ испанскаго языка, прочтетъ въ ней бойкій очеркъ и о средневѣковой испанской поэзіи, получитъ понятіе и о раннемъ испанскомъ возрожденіи и о духовной литературѣ эпохи Фердинанда и Изабеллы, взглянетъ съ оригинальной точки зрѣнія на значеніе Сервантеса, на развитіе испанской драмы въ XVI—XVII столѣтіи и на такъ называемый «мошенническій» испанскій романъ, имѣвшій черезъ Жильблаза такое огромное вліяніе на всѣ литературы Европы до русской включительно.

Обзоръ исторіи испанской литературы XIX вѣка въ книгѣ Гюббара начинается съ 65 страницы и раздѣляется на три книги; первая (65—98 стр.) нѣсколькими штрихами обрисовываетъ состояніе умственной жизни Испаніи въ печальный періодъ отъ 1808 до 1833 гг.; вторая (до стр. 139) говорить о главныхъ литературныхъ явленіяхъ отъ 1833 до 1843 гг., а третья, раздѣляющаяся на одиннадцать главъ, по родамъ и видамъ литературы (поэзія, сцена, краснорѣчіе, романъ, исторія, философія, право, критика, пресса), обзорѣваетъ новѣйшую литературу Испаніи, причемъ, кромѣ общихъ аргументовъ и критическихъ отзывовъ, часто даетъ и изложенія содержанія произведеній, приводитъ изъ нихъ характерныя отрывки, представляетъ интересныя картинки изъ общественной жизни Испаніи; послѣднія взяты не изъ книгъ и соданы не въ кабинетѣ, а являются результатомъ личнаго наблюденія автора, много разъ бывавшаго въ Испаніи и имѣющаго въ ней массу друзей и знакомыхъ.

Книга Гюббара во всякомъ случаѣ способна заинтересовать всякаго, даже не подготовленнаго читателя и, помимо общаго представленія объ испанской литературѣ, дастъ ему нѣсколько умныхъ мыслей и мѣткихъ наблюденій. Въ русской переводной литературѣ она вполне умѣстна послѣ окончанія перевода сочиненія Тикнора, послѣдній томъ котораго вышелъ года два назадъ.

Переводъ г-жи Доппельмайеръ мы назвали прекраснымъ; переводчица даетъ даже больше, нежели мы въ правѣ отъ нея требовать, больше, чѣмъ даетъ самъ авторъ, такъ какъ у Гюббара, если мы не ошибаемся (оригинала его книги у насъ теперь нѣтъ подъ руками), испанскіе стихотворные тексты переведены большею частью прозой, а г-жа Доппельмайеръ даетъ переводъ стихотворный и почти всегда очень хорошей (къ сожалѣнію, не вездѣ размѣромъ подлинника: см., напр., стр. 38). Тѣмъ не менѣе мы всеже позволимъ себѣ указать на нѣкоторые пробѣлы, которые переводчица могла бы легко пополнить: во-первыхъ, русскіе читатели книги Гюббара были бы, безъ сомнѣнія, очень благодарны ей, еслибъ она дала въ видѣ примѣчаній историческіе факты (изложенія революцій и прононсиамента), на которые Гюббаръ только намекаетъ; во-вторыхъ, отъ 1875 г., когда вышла книга Гюббара, прошло 17 лѣтъ, во время которыхъ испанская литература двигалась и двигалась сильно; было бы полезно, еслибъ переводчица хоть на 2—3 страничкахъ указала главные фазисы этого движенія.

Корректурa перевода не такъ исправна, какъ въ другихъ изданіяхъ К. Т. Солдатенкова; но, повидимому, это произошло по обстоятельствамъ «независящимъ»: нѣкоторые листы были, очевидно, перепечатаны, и въ нихъ-то главнымъ образомъ и встрѣчаются опечатки. А. К.—въ.

Павелъ Пирлингъ. Россія и востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софья Палеологъ. Спб. 1892.

О. Пирлингъ, давно уже занимающійся русской исторіей, не перестаетъ разрабатывать итальянскіе архивы, мало доступные русскимъ ученымъ, извлекать изъ нихъ очень цѣнные документы, проливающие свѣтъ на многія событія русской исторіи. Настоящее изслѣдованіе представляетъ собой разработку одного очень любопытнаго вопроса, именно брака Ивана III съ византійской принцессой, считавшейся католичкой, Зоей Палеологъ. Не смотря

на громадное значеніе этого брака, внесшаго въ жизнь русскаго двора и всей древней Руси очень много новаго, онъ остается далеко не выясненнымъ. Почти всё историка о немъ говорили, но никто почти не пошелъ дальше Карамзина. О. Пирлингъ удивляется странной судьбѣ этого вопроса, удивляется, какъ это историка, видя все его значеніе, не попытались отнестись къ нему болѣе критически, разъяснить его. Объясняется же это дѣло тѣмъ, что подъ руками у историковъ не было никакихъ новыхъ источниковъ, кромѣ Никоновской лѣтописи и другихъ матеріаловъ въ такомъ же родѣ, которымъ и самъ о. Пирлингъ не придаетъ большаго значенія. Автору настоящаго изслѣдованія посчастливилось найти новый матеріалъ, и онъ получилъ возможность болѣе тщательно разобрать этотъ на первый взглядъ не понятный фактъ, дать изслѣдованіе, разрѣшающее очень многія сомнѣнія. Благодаря венеціанскимъ архивамъ, о. Пирлингъ могъ отождествить знаменитаго Ивана Фрявина съ Жакомъ Бористой делла-Вольпе, а его племянника Анрона съ Анрономъ Джисларди. Государственные архивы Рима дали возможность опредѣлить легата, посланнаго съ принцессой въ Москву: это былъ епископъ Аччіа Анронъ Бонумбре. Опредѣливъ все это, авторъ имѣлъ возможность раскрыть фактъ за фактомъ послѣдовательно всю исторію этого брака. Онъ начинаетъ съ характеристики Ивана III, думавшаго только «объ утвержденіи своей власти, о созданіи государства единаго и грознаго». Предложеніе Ватикана вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, принцессой царской крови, представительницей Палеологовъ, было ему какъ нельзя болѣе по душѣ. Дальнѣйшее устроила хитрая политика Ивана Фрявина (Вольпе), нѣсколько разъ, смотря по обстоятельствамъ, принимавшаго то православіе, то католичество. Авторъ очень подробно останавливается на первыхъ дипломатическихъ сношеніяхъ древней Руси съ Западомъ и очень подробно описываетъ путешествіе Зои въ Москву, всё празднество, данное въ честь ея въ Италіи и Германіи, передаетъ также впечатлѣнія современниковъ. Все это изложено авторомъ на столько живо и популярно, что книжка, помимо своего научнаго значенія, можетъ имѣть интересъ и для обыкновеннаго читателя, не-спеціалиста. Въ приложеніи напечатаны документы, положенные авторомъ въ основу изслѣдованія. В. Б.

Русскія древности и памятники православія Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Сѣдлецкой губ.). Съ 57 рисунками. Сочиненіе и изданіе любителя русской старины священн. Θεодора Гербачевскаго. Варшава. 1892.

Сборникъ этотъ служить дополненіемъ къ историческимъ изданіямъ, относящимся къ древне-русскому Холмскому краю. Монументальное изданіе Батюшкова—«Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», VII и VIII выпуски котораго посвящены Холмщинѣ и Подляшью, а также изданная имъ отдѣльная книга «Холмская Русь, историческое описаніе Русскаго Забужья», не могли вмѣстить въ себя описанія всѣхъ мѣстныхъ древностей и памятниковъ православія, и многіе изъ нихъ оставались не изслѣдованными. Трудъ пополненія этого пробѣла принялъ на себя священникъ Холмско-Варшавской епархіи о. Θεодоръ Гербачевскій. Занимаясь свѣтописью, почтенный любитель старины посѣтилъ многіе изъ приходовъ, возсоединенныхъ изъ уни съ православною церковью въ 1875 году, изслѣдо-

валъ выдающіеся памятники древности, снялъ съ нихъ фотографіи (составившія особый фотографическій альбомъ древностей) и по всѣмъ этимъ матеріаламъ составилъ разсматриваемый нынѣ сборникъ, въ который вошло 51 отдѣльная статья: двѣ общаго характера («О Хомской Руси и Подляшѣ и ихъ границахъ по отношенію къ Польшѣ» и «О народности, населяющей Холмско-Подляшскую Русь»), а остальные—какъ краткія монографіи, относящіяся къ тому или другому памятнику древности. Эти монографіи, отличаясь полнотою и обиліемъ фактовъ, не только служатъ пояснительнымъ текстомъ къ изображенному предмету, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ въ себѣ обильные матеріалы, разъясняющіе минувшія судьбы края, находившагося цѣлыхъ три вѣка подъ давленіемъ польско-католическихъ элементовъ. Совершить обзоръ и изслѣдованіе цѣлаго ряда памятниковъ старины, разбросанныхъ по разнымъ городамъ и весямъ, составить имъ описаніе и издать все это для одного лица, безъ всякой при томъ сторонней помощи, трудъ не легкій; а потому нельзя не привѣтствовать сборникъ о. Гербачевскаго, изданный и по внѣшности вполне удовлетворительно. Къ сожалѣнію, и это почтенное изданіе не исчерпываетъ имѣвшейся въ виду составителя задачи во всей ея полнотѣ, такъ какъ остается еще много мѣстностей въ Холмско-Подляшскомъ краѣ, ожидающихъ подробнаго изслѣдованія находящихся въ нихъ памятниковъ русской народности и православія.

М. Г—цкій.

Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старшихъ классовъ гимназій. Составилъ В. Алексѣевъ. Выпускъ первый. Спб. 1892.

Важность историческихъ хрестоматій, какъ пособія при гимназическомъ изученіи исторіи, давно уже всѣми признана. И въ нашей литературѣ существуютъ уже давно хорошія хрестоматіи по русской (Гуревича) и всеобщей (Гуревича, Стасюлевича) исторіямъ. Только по древней исторіи до сихъ поръ мы не имѣли подобнаго труда. Г. Алексѣевъ, извѣстный переводчикъ съ древнихъ языковъ, рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ. Въ настоящее время мы имѣемъ только первый выпускъ задуманнаго г. Алексѣевымъ изданія. Здѣсь въ отрывкахъ изъ Геродота, Фукидида, Плутарха и Павсанія представлена исторія Греціи отъ Ликурга до греко-персидскихъ войнъ включительно. Всѣ отрывки приведены въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ почти исключительно самимъ г. Алексѣевымъ. Переводъ въ общемъ совершенно удовлетворителенъ какъ со стороны стиля, такъ и со стороны вѣрности. Будемъ ожидать дальнѣйшихъ выпусковъ «Хрестоматіи».

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Статуя папы Юлія. Эпизодъ изъ жизни Микель-Анджело.—Хіосская бойня
1822 г.—Сожгли ли пруссаки Сень-Клу.

СТАТУЯ папы Юлія. Въ серіи разнообразныхъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «Cinque cents», Жюль Клячко рассказываетъ интересный эпизодъ изъ жизни знаменитаго скульптора Микель-Анджело, касающійся одного изъ произведеній его. по странному стеченію обстоятельствъ не дошедшаго до нашего времени.

26 августа 1506 г., четыре мѣсяца спустя послѣ закладки базилики въ Ватиканѣ, папа Юлій II выступилъ изъ стѣнъ вѣчнаго города во главѣ своихъ войскъ и началъ свою карьеру завоевателя. «Онъ оставилъ,—какъ говоритъ современный французскій хроникеръ,—кресло святаго Петра, чтобы принять титулъ Марса, бога войны, чтобы показать на поляхъ битвъ свои три короны и стать на военныхъ бивуакахъ; одинъ Богъ вѣдаетъ, какую красивую картину среди солдатскаго оружія представляли всѣ эти митры, кресты и первосвященническіе посохи»...

Успѣхъ этого перваго похода, который самъ папа въ разговорѣ съ Макіавелемъ называлъ «крестовымъ», былъ блестящій и быстрый. Джамполо Бальоне, кровожадный тиранъ Перуджіа, не останавливавшійся ни передъ опасностью, ни передъ преступленіемъ, вдругъ былъ охваченъ страхомъ, поскакалъ на встрѣчу папѣ, передалъ ему свой укрѣпленный городъ и просилъ лишь позволенія сопровождать его въ походѣ. Та же паника охватила въ Болонѣ старика Джованни Бендивольо, его фамилію, его многочисленныхъ вассаловъ и солдатъ. Онъ бѣжалъ въ лагерь французскаго маршала Шомона, и городъ съ радостнымъ восторгомъ привѣтствовалъ, какъ Бога, «папу освободителя». Юлій II вступилъ въ Болонью, «какъ Юлій Цезарь», на гигантской колесницѣ и подъ пурпурнымъ балдахиномъ. Еще торжественнѣе была встрѣча, устроенная ему по возвращеніи, римлянами. Арка

Домиціана на Корсо (онъ существовалъ уже тогда) была роскошно украшена статуями и картинами; можно было бы думать,—замѣчаетъ полуофициальный историкъ того времени,—что возвращается въ свою столицу съ триумфомъ самъ императоръ Домиціанъ. Крылатые геніи съ высоты колесницы, запряженной четверкою бѣлыхъ лошадей, простирали побѣдоносному папѣ на встрѣчу пальмовыя вѣтви—символъ славы... Величайшій гуманистъ этого вѣка, путешествовавшій тогда по Италіи, былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ; не смотря на всю свою горячую любовь къ древности, Эразмъ Роттердамскій не могъ воздержаться отъ горестнаго изумленія, когда увидаль, какой языческой роскошью окружаетъ себя преемникъ апостоловъ.

Между тѣмъ, какъ Юлій II такимъ образомъ давалъ свѣту довольно странное зрѣлище папы, берущаго города на подобіе Цезаря и справляющаго триумфы въ родѣ язычника Домиціана, Микель-Анджело переживалъ одну изъ тѣхъ минутъ, которыя, надо сказать, были не рѣдки въ характерѣ этого генія, въ одно и то же время и скульптора, и художника, и поэта. Его въ Римѣ стали мучить какія-то существовавшія болѣе въ его собственномъ воображеніи козни сотоварищей по искусству, интриги, какія-то злоумышленія противъ его особы, и онъ въ концѣ концовъ отъ страха бѣжалъ въ Тоскану, помышляя теперь о томъ, какъ бы оставить вообще Италію и поступить на службу къ «великому турку».

Какъ сказано, это не первый разъ, что этотъ великій человѣкъ принимаетъ странныя и непонятныя рѣшенія подъ вліяніемъ страха передъ какими-то химерами. То же было съ нимъ въ 1494 году, при приближеніи Карла VIII, когда какой-то игрокъ на лютнѣ, по имени Кардьеръ, рассказалъ ему таинственный сонъ. Бѣжалъ онъ затѣмъ и въ 1529 году, когда руководилъ укрѣпленіями осажденной Флоренціи; онъ оставилъ свой постъ передъ непріателемъ, по совѣту «неизвѣстнаго человѣка, пришедшаго съ моста св. Николая: «я не знаю, кто его послалъ, Богъ или дьяволъ»,—наивно объяснялъ онъ потомъ своему другу Баттистѣ делла Палла. Римскій эпизодъ 1506 года, очевидно, относится къ той же категоріи.

Папа и его приближенные всячески старались убѣдить художника вернуться въ Римъ. Кардиналъ Пави, Алидози, величайшій цѣнитель флорентійскаго генія, ревностно велъ съ нимъ переговоры, но тщетно. Микель-Анджело попрежнему оставался разстроеннымъ, запуганнымъ, и вотъ однажды гонфалоньеръ флорентійскій Содерини узнаеть, что скульпторъ черезъ францисканскихъ монаховъ ведетъ переговоры съ султаномъ Баязетомъ: онъ хочетъ построить большой мостъ въ Перѣ!

Идея искать службы у турецкаго султана не была слишкомъ фантастична. Ее искали и находили многіе изъ современниковъ Микель-Анджело. Джентиле Челлини былъ придворнымъ художникомъ у завоевателя Константинополя и воротился изъ Турціи съ «великолѣпными подарками и званіемъ рыцаря». Витторе Карпачіо былъ тамъ же и вывезъ массу интересныхъ типовъ, и теперь еще увеселяющихъ взоры зрителей его картинъ. Энциклопедичный геній Леонардо-да-Винчи такъ же часто мечталъ предложить «великому турку» свои новѣйшія изобрѣтенія по баллистикѣ и механикѣ. Наконецъ, между рѣдкими произведеніями Бертольдо, учителя Микель-Анджело, находимъ мы медаль въ честь султана Магомета II. Вполнѣ понятно, что и у нашего скульптора могла явиться та же самая мысль. Онъ даже написалъ сонетъ, въ которомъ окончательно прощался съ грѣховнымъ Римомъ

и съ папою, и подписалъ его словами: *Finis. Vostro Miccelagniolo (sic) in Turchis.* (Конецъ. Вашъ Микель-Анджело въ Турціи)...

Доброму другу его, старому гонфалоньеру Флоренціи, удалось, однако, убѣдить упрямаго художника. «Лучше для тебя будетъ вернуться и умереть вблизи папы, чѣмъ пойти жить съ великимъ туркомъ»,—сказалъ ему Содерини, и вотъ Микель-Анджело, съ «петлей вокругъ шеи», какъ онъ самъ выражался, пришелъ въ Болонью къ Юлію II.

Онъ прибылъ въ городъ въ первыхъ числахъ декабря 1507 года и слушалъ здѣсь обѣдню въ церкви св. Петронія. Его узналъ одинъ изъ служителей папы и тотчасъ повелъ его къ святѣйшему отцу, желавшему его видѣть безъ всякаго замедленія. Юлію II сидѣлъ за столомъ въ дворцѣ Бентиволи, одномъ изъ лучшихъ дворцовъ тогдашней Италіи. Весь дворъ присутствовалъ при обѣдѣ папы. «Ты довольно таки долго медлилъ, и мы сами должны были пойти тебѣ на встрѣчу!»—вскричалъ сильно разсерженный старикъ при видѣ бѣглеца. Послѣдній сталъ на колѣни и началъ оправдываться. Одинъ изъ придворныхъ, прелать церкви, вздумалъ придти на помощь виновному, сказавъ, что надо быть снисходительнымъ съ этимъ народомъ, художниками, которые ничего помимо своего ремесла не смыслятъ и часто нарушаютъ обычай.. «Какъ смѣешь ты,—вскрипѣлъ Юлію II:—отъвѣтаться объ этомъ человѣкѣ такъ, какъ я самъ себѣ не могу позволить? Самъ ты неучъ; убирайся къ дьяволу!» Подъ грозой этой рѣчи несчастный прелать зашатался, чуть не упалъ въ обморокъ и служителями былъ выведенъ изъ зала. Тогда папа, въ знакъ прощенія, воздалъ скульптору апостольское благословеніе.

Папа и художникъ примирились, и первый, какъ зачастую прежде, сталъ посѣщать мастерскую художника, находившуюся какъ разъ за Болонскимъ соборомъ. Дѣло шло о новомъ заказѣ. Юлію II желалъ, чтобы ему была поставлена статуя передъ фасадомъ св. Петронія въ память возобновленія власти апостольской надъ Болоньей; чтобы статуя была достойна и художника и изображеннаго на ней, она должна была быть увеличена втрое противъ естественнаго роста. Микель-Анджело съ жаромъ принялся за работу. Черезъ нѣсколько недѣль онъ уже приготовилъ модель изъ глины. Папа изображенъ сидящимъ, съ тройной короной на головѣ, съ поднятой правой рукой... Жестъ былъ изображенъ превосходно, и папа спросилъ, что же эта рука простираетъ народу—проклятіе или благословеніе. Микель-Анджело отвѣчалъ удачнымъ вопросомъ съ своей стороны: «Эта рука подаетъ народу болонскому совѣтъ быть разумнымъ; а что же вложить въ лѣвую руку? книгу?» «Нѣтъ, мечъ, непременно мечъ; какой я ученый?»—было весьма характеристичнымъ отвѣтомъ папы Юлія. Осторожный художникъ, однако, въ концѣ концовъ въ лѣвую руку статуи вложилъ ключи св. Петра.

Въ февралѣ слѣдующаго года папа уѣхалъ изъ Болоньи, и Микель-Анджело остался одинъ съ своимъ трудомъ. Онъ работалъ безъ устали, но частыя мелкія неудачи сильно его затруднили при работѣ, разстроивали этого и такъ очень нервнаго человѣка и дѣлали его невозможнымъ для окружающихъ. Большое разстройство причинила ему и эпидемія, какъ нарочно разразившаяся теперь надъ Болоньей и отнявшая у него лучшихъ учениковъ; граждане уже начали тяготиться папской властью и т. д. Однако, черезъ пятнадцать мѣсяцевъ дѣло было окончено.

21-го февраля 1508 года «въ часъ, по астрологическимъ даннымъ удобнѣй», статуя Юлія II помѣщена была въ нишѣ храма святаго Петронія, при звукѣ барабановъ, трубъ и звонѣ колоколовъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ окончательной судьбѣ этого произведенія.

Астрологи, очевидно, плохо рассчитали время, а народъ болонскій по-чему-то не захотѣлъ оставаться разумнымъ. Черезъ три года (21-го мая 1511 года) онъ возсталъ, заключилъ договоръ съ французами, тогда враждебными папѣ, и призвалъ назадъ старинныхъ своихъ властителей Бентивольи. Только одна вновь построенная Юліемъ II цитадель нѣсколько времени съ успѣхомъ защищалась. О томъ, какъ она была ваята, одинъ современникъ рассказываетъ слѣдующее.

«Былъ тогда въ городѣ Болоньѣ, при порталѣ большой церкви, на высотѣ, папа изъ мѣди, совсѣмъ массивный, котораго папа Юлій велѣлъ сдѣлать, и который былъ великъ на подобіе гиганта и виденъ съ городской площади. Бентивольи онъ не понравился и онъ привязалъ ему веревки къ шеѣ, и съ помощью людей стащили его внизъ и сломали ему шею. И началъ Бентивольи влаться передъ г. Немуромъ и сиромъ Жакомъ (воначальники французскіе), что заставить папу заговорить передъ крѣпостью имъ же построенною въ Болоньѣ; онъ велѣлъ его расплавить и черезъ 6 дней началъ стрѣлять изъ него въ замокъ».

Такъ погибло одно изъ грандіознѣйшихъ скульптурныхъ произведеній шестнадцатаго вѣка, и погибло тѣмъ болѣе безвозвратно, что отъ него не сохранилось ни одной гравюры, ни одного эскиза, ни даже подробнаго описанія. «Мѣдный папа» весь цѣликомъ ушелъ въ пушку...

— Хиосскіе ужасы. Гастонъ Дешанъ (Deschamps), посѣтившій недавно Турцію, въ одной изъ первыхъ книжекъ «Revue des deux mondes» описываетъ свои впечатлѣнія на островѣ Хиосѣ, причѣмъ даетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно массоваго избіенія христіанъ на этомъ островѣ въ 1822 году.

Замѣтные слѣды и живыя воспоминанія сохранились на прелестномъ, щедро надѣленномъ природою, островѣ отъ горестнаго 1822 года. Въ монастырѣ св. Минны старикъ монахъ показывалъ Дешану коллекцію реликвій, ужаснѣе которыхъ трудно себѣ представить. Часовня монастыря въ злополучный годъ была сожжена, и въ ней уже нельзя справлять богослуженія: зато рѣшено было убѣжище это удѣлить тѣмъ, которые невинно погибли и ждутъ еще до сихъ поръ обѣщаннаго имъ отмщенія. Кости избитыхъ, тщательнo и благоговѣнно поднятыя съ окрестныхъ полей, сложены въ груды на алтарѣ и вокругъ него. Эти свидѣтели лучше всякихъ описаній повѣствуютъ объ ошверѣлой жестокости бойни. Попадаютъ черепа, буквально изрубленные сабельными ударами на мелкіе куски...

Есть знаменитая картина Евгенія Делакруа, посвященная хиосскимъ ужасамъ. Здѣсь передъ нами одинокій всадникъ въ пустынѣ, который тащитъ за собою, привязанную къ крупу лошади дѣвушку, съ распущенными волосами и обнаженную, закинувшую въ смертельномъ испугѣ назадъ свои прекрасныя руки... Романтизмъ оказалъ слишкомъ много чести палачамъ острова Хиоса: они вовсе не были постачны, и не было у нихъ ни свирѣпаго величія, ни импонирующей, величественной жестокости. Хиосское избіеніе было не чѣмъ инымъ, какъ простымъ, жалкимъ и подлымъ преступле-

ніемъ, совокупностью массы убійствъ, холодно разсчитанныхъ, безъ всякаго риска. Этотъ «ударъ» былъ задуманъ уже въблаговременно. У султана Махмуда вообще было обыкновеніе на всѣ успѣхи возставшихъ грековъ отвѣчать приказаніями произвести избіенія, насилія, грабежи, въ беззащитныхъ мѣстахъ, гдѣ находились лишь женщины, дѣти и смиренные купцы. Послѣ перваго подвига великаго Канари, сейчасъ же, по приказанію султана, сожгли спокойный, занимавшійся лишь торговлею, городъ Кидонію. Турецкій адмиралъ былъ побѣжденъ при Самосѣ; за это цѣлыхъ тридцать дней на Кипрѣ рубили головы. Городъ Триполізе въ Морей былъ взятъ паликарами, и за это жители Кассандры въ Македоніи были отданы на произволь арнаутскихъ шаекъ. Султанъ замышлялъ теперь новые ужасы, чтобы устрашить свою райю и дать о чемъ поразмыслить Европѣ. Хіосъ всегда былъ легкой добычей и не былъ подготовленъ къ нападенію: жители его всегда жили въ ладахъ съ Портою и отказались даже принять участіе въ возмущеніи Эллады и острововъ. Хіоты яво всей райи были самые смиренные, самые послушные и самые робкіе. Тайныя общества, имѣвшія въ виду пробудить греческій народъ, не рѣшались даже ихъ посвящать въ свои планы и проекты. 8-го мая 1821 года безстрашный Томваси, съ пятнадцатью гидрїотскими бригами и десятью шхунами изъ Псары, показався передъ островомъ; патріотическія воззванія его были плохо приняты, и онъ долженъ былъ удалиться. Чтобы засвидѣтельствовать свою полнѣйшую покорность, хіоты выгали туркамъ все свое оружіе, дали заложниковъ и значительную сумму денегъ; у нихъ распорядились отнять даже и маленькіе ножи, которыми они рѣзали хлѣбъ.

Въ этотъ именно моментъ, въ день Пасхи 1822 года, капуданъ-паша съ семью линейными кораблями и восьмью фрегатами показався на рейдѣ. При видѣ этого флота, масса народа бросилась бѣжать въ горы, но ихъ воротили, обѣщавъ полную неприкосновенность и пославъ для этого къ нимъ нѣсколько консуловъ, которые были на столько наивны, чтобы принять участіе въ этой недостойной комедіи. Турецкій адмиралъ привезъ съ собою румелийскихъ баши-бузуковъ, азіатскихъ айбекювъ и юруковъ, однимъ словомъ, все, что въ Турецкой имперіи было наиболѣе подлаго, свирѣпаго, безчеловѣчнаго. Прибыла масса авантюристовъ, жадныхъ до добычи, привлеченныхъ этой странною, богатою хлѣбомъ, золотомъ и женщинами. Когда насталъ назначенный день, вся эта орава была посажена на барки, снабжена пистолетами и саблями, и бойня началась. Цѣлые полки храбро осаждали деревушки, въ которыхъ было не болѣе трехсотъ душъ населенія. Для турокъ этотъ злополучный день оказался весьма прибыльнымъ, своего рода бакшишемъ гигантскихъ размѣровъ. Рѣзали, душили, жгли и грабили цѣлый день; вечеромъ сводили счетъ награбленнымъ золотымъ монетамъ, спорили и препирались относительно цѣны невольницъ, барановъ и козъ, въ пестрой массѣ собранныхъ въ поруганныхъ храмахъ. Дѣти и женщины избѣгли смерти; ихъ молодость и красота спасли ихъ отъ избіенія, чтобы отдать ихъ насилію и произволу, или сохранить для позора гаремовъ. Ихъ выставляли и продавали на базарахъ Смиры, Константинополя и Бруссы. Все же, что сопротивлялось, безпощадно предано было смерти. Въ Местѣ молодая дѣвушка кричала и защищалась отъ похитившаго ее арнаута; послѣдній, взбѣшенный этимъ, схватилъ ее за волосы, нагнувъ шею и однимъ ударомъ сабли отсѣкъ прелестную головку. Разсказавшій эту сцену Дешану старикъ видѣлъ ее своими глазами...

Черезъ много лѣтъ послѣ этой бойни нѣкоторымъ изъ проданныхъ удалось воротиться на обезлюдѣвшій островъ. Почти всѣ женщины погибли навсегда, не смотря на старанія родителей найти ихъ слѣды. Изъ дѣтей, однако, многихъ удалось выкупить обратно, и они въ родныхъ своихъ деревняхъ доживаютъ свой вѣкъ подъ бременемъ горькихъ воспоминаній. Дешану удалось познакомиться съ двумя, тремя изъ этихъ несчастныхъ, но трудно было заставить ихъ разговариваться о несчастномъ годѣ: и теперь, когда уже десятки лѣтъ прошли со временъ хіосской бойни, тяжело и больно имъ было даже подумать о ней. Одному въ это время было двѣнадцать лѣтъ. Какой-то бей повезъ его съ собою къ своей баркѣ въ Каръ-Бурну въ Анатоли и помѣстилъ его невольникомъ у своей жены. Его не долго держали здѣсь, такъ какъ онъ плакалъ безпрестанно и все боялся громаднаго негра, который служилъ вмѣстѣ съ нимъ. Его повели продавать въ Смирну. Овъ припоминалъ, какъ покупатели осматривали его руки, плечи, спину, и какъ онъ все время плакалъ. Новый владѣлецъ доставилъ его въ Кутахію. Оттуда, переходя отъ одного владѣльца къ другому, онъ дошелъ до Алеппо, гдѣ его выкупила на волю жена англійскаго консула.

Другой, жившій въ Элатѣ, былъ лѣтъ около пятнадцати въ 1822 году и видѣлъ слѣдующія сцены. Турки явились въ первый разъ посѣтить жителей Хоры, которыхъ они получили разрѣшеніе избить. Молодой человекъ, недавно женившійся, и жена котораго ожидала родовъ, былъ вытащенъ изъ дому, гдѣ онъ скрывался, и приведенъ на улицу съ завязанными за спину руками. Его поставили на колѣни передъ глазами жены и отрубили ему голову. Бѣдный крестьянинъ былъ выведенъ за деревню; его подгонялъ юрокъ ударами тупой сабли. Такъ какъ зазубренный клинокъ не дѣйствовалъ, то онъ рѣшилъ остріемъ пробить шею, и для этого началъ вколачивать саблю ударами камня по рукояткѣ. Когда, однако, и тутъ несчастная жертва не умерла, онъ прострѣлилъ ей въ упоръ голову изъ пистолета. Свидѣтелю удалось спастись и найти убѣжище въ Андросѣ.

Безполезно было бы приводить еще примѣры... Въ концѣ концовъ наказаніе не замедлило появиться вслѣдъ за преступленіемъ. Смерть капуданпаши была ужасная и достойна его. По окончаніи бойни, онъ пригласилъ къ себѣ на корабль всѣхъ командировъ подчиненныхъ ему судовъ. Были сдѣланы грандіозныя подготовленія, чтобы отпраздновать послѣднюю ночь мѣсяца Рамазанъ. Реи были изукрашены флагами, разноцвѣтными фонарями. Обильное угощеніе ожидало пирующихъ. Но вдругъ, какъ събѣгъ на голову, явился герой Канарисъ на своемъ брандерѣ, и корабль капуданпаши превратился въ груды обгорѣлыхъ обломковъ.

— Сожгли ли пруссаки Сен-Клу? Предметомъ долговременной полемики между французами и нѣмцами, писавшими исторію франко-прусской войны, служили пожаръ и разрушеніе стариннаго дворца въ Сенъ-Клу. Кто совершилъ этотъ актъ вандализма? Пруссакъ—по своей мстительности и страсти къ разрушенію,—говорятъ французскіе писатели.—Вовсе нѣтъ,—отвѣчаютъ нѣмцы,—дворецъ разрушенъ и сожженъ французскими же гвардіями съ Mont-Valerien'a.

Съ этимъ частнымъ вопросомъ, до сихъ поръ еще не рѣшеннымъ, связанъ другой, гораздо болѣе важный и интересный для будущаго безпристрастнаго историка «страшнаго года». Какимъ образомъ случилось, что городъ Сенъ-Клу, почти невредимый наканунѣ перемирія 28-го (16-го) января 1871 года, втеченіе немногихъ дней, отъ 29-го января по 6-е февраля, превратился въ груды дымящихся развалинъ.

Разъ будетъ доказано, что этотъ подвигъ разрушенія былъ совершенъ пруссаками по окончаніи военныхъ дѣйствій и безъ всякаго стратегическаго предлога, то пожаръ дворца, какъ эпизодъ войны, самъ собою будетъ понятенъ и сдѣлается вопросомъ второстепенной важности.

Извѣстно, что въ эпоху блокады Парижа жители окрестностей и близъ находившихся городовъ укрылись въ столицу, гдѣ имъ были отведены особыя кварталы и устроены временныя мѣри. Начиная съ 15-го (3-го) сентября 1870 года, большинство жителей Сень-Клу были приняты въ Пасси, имъ отведена мѣря на улицѣ Spontini. Здѣсь дѣлами ихъ завѣдывали два помощника мэра, между тѣмъ какъ самъ мэръ, досточтимый докторъ Таэръ, еще теперь памятный многимъ своей добротою и самоотверженнымъ рвеніемъ къ дѣлу, остался въ общинѣ приблизительно съ тремя сотнями обывателей, которыхъ различныя обстоятельства задерживали въ Сень-Клу.

5-го октября стали сыпаться на городокъ прусскія бомбы. Тогда докторъ Таэръ, считая невозможнымъ держаться на мѣстѣ, собралъ оставшихся обывателей, помѣстилъ въ центрѣ больныхъ и раненыхъ, и повелъ ихъ черезъ Валерьенскій холмъ и Нельи въ Парижъ, гдѣ они помѣстились съ прочими согражданами. Только двадцать пять жителей отказались принять участіе въ этомъ послѣднемъ «исходѣ». На слѣдующій день, 12-го октября, эти упрямые храбрцы были взяты въ плѣнъ нѣмцами, и въ качествѣ военноплѣнныхъ доставлены въ Версаль, вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, аббатомъ Романомъ.

Начиная съ этого числа, 12-го октября 1870 года, до 29-го января 1871 года, то-есть до заключенія перемирія, нѣмцы оставались единственными господами въ Сень-Клу, и нельзя было бы относительно ихъ дѣйствій сослаться ни на какое французское свидѣтельство, не случись одного обстоятельства, которое мы сейчасъ расскажемъ.

Жиль въ Montretout въ это время съ своей женою старикъ кровельщикъ, по имени Барбá. Жили оба супруга въ тѣсной дружбѣ съ нѣкимъ г. Севеномъ, которому принадлежалъ домъ въ Сень-Клу, на церковной площади, подъ № 3. Когда начались военныя дѣйствія въ окрестностяхъ, Севень сказалъ своимъ друзьямъ: «Вамъ нельзя дольше оставаться въ вашемъ домикѣ въ Montretout: онъ ничѣмъ не защищенъ отъ огня непріятелей. Переселяйтесь поэтому ко мнѣ, а самъ я постараюсь уйти, пока еще обложеніе города не закончено. Вы тѣмъ временемъ присмотрите за домомъ и за тѣмъ, что въ немъ есть. Живя здѣсь, вы будете сравнительно въ безопасности: холмъ, въ который мой домъ упирается, защититъ васъ отъ прусской канонады, а изъ-за церкви до дома не могутъ долетать парижскія бомбы».

Супруги Барбá были убѣждены этими доводами, тѣмъ болѣе, что въ провинціи родныхъ и знакомыхъ у нихъ не было, и переѣхали на житье въ домъ Севена. Когда д-ръ Таэръ увелъ послѣднихъ обывателей, они не шелохнулись и были забыты. Когда нѣмцы забрали въ плѣнъ аббата Романа и двадцать четыре его сотоварища, они скрывались въ подвалѣ, и никто ихъ не замѣтилъ.

Такимъ образомъ, противъ всякаго ожиданія, французскіе взоры видѣли все, что происходило въ Сень-Клу во время прусской оккупациі.

Барбá умеръ 5-го февраля 1877 года. На его свидѣтельство разсчитывать слѣдовательно нельзя; но втеченіе дней его добровольнаго заключенія, а также и слѣдовавшихъ за нимъ, у него была привычка ежедневно тщательно отмѣчать все, что вокругъ него происходило.

Этотъ драгоценный документъ, въ правдивости котораго нельзя сомнѣваться, случайно попалъ въ руки нѣкаго Гюи Томеля, сотрудника журнала «Illustration», изъ статьи котораго въ упомянутомъ журналѣ мы и извлекаемъ сообщаемые ниже интересные факты.

Г. Томелю удалось также отыскать и живаго еще свидѣтеля времени «l'année terrible», мадамъ Барба, благополучно здравствующую еще до настоящаго времени. Теперь она живетъ въ богадѣльнѣ въ Сенъ-Клу: это здоровая на видъ маленькая шестидесяти-шести-лѣтняя старушка, не смотря на преклонный возрастъ, прекрасно владеющая еще всеми умственными способностями и съ удивительною точностью припоминающая подробности событій, свидѣтельницами которыхъ ей пришлось быть. Г. Томель не одинъ часъ съ ней бесѣдовалъ, и вотъ въ короткихъ чертахъ то, что она ему разсказала.

Я съ мужемъ своимъ оставалась заключенною съ 15-го октября 1870 года до 31-го января 1871 года въ домѣ Севена, № 3, на церковной площади. Когда всѣ выбрались изъ Сенъ-Клу, и мы услышали, какъ пруссаки бродятъ вокругъ насъ, мы рѣшили больше не показывать и носа на улицѣ, не разводить огня, однимъ словомъ, ничѣмъ не заявлять о своемъ присутствіи. Барба спрятался на чердакѣ, и я одна по хозяйству иногда заходила въ комнаты. Можно было бы вообще предположить, что домъ оставленъ жителями, такъ какъ ставни были заколочены, двери на запорѣ, и никто не входилъ въ него съ улицы. Но за домомъ находился маленькій садикъ, отдѣленный отъ другихъ садовъ очень невысокою оградой. Часто солдаты съ этой стороны забѣгали къ намъ, въ надеждѣ ли найти тамъ овощи, или поискать дровъ, не зная. Набѣги эти повторялись часто, и въ концѣ концовъ какъ-то разъ меня замѣтили. На первый разъ они при видѣ меня остолбенѣли, какъ передъ привидѣніемъ, и потомъ удалились, не говоря ни слова.

Однажды меня настигъ какой-то капитанъ, перебравшійся со своимъ патрулемъ черезъ невысокую ограду.

— Чего вы тутъ торчите?—сказалъ онъ мнѣ пофранцузски.

Всѣ нѣмецкіе офицеры, съ которыми я имѣла дѣло, говорили пофранцузски. Какъ вы увидите сейчасъ, лишь благодаря этому обстоятельству мнѣ и мужу моему удалось въ критическій моментъ избѣжать смерти. Я, насколько не задумываясь, отвѣтила спросившему меня:

— Какъ—чего?—мы здѣсь въ своемъ домѣ и ожидаемъ конца войны.

— Вы должны уйти отсюда!

— Уйти? Я не знаю куда. И для чего это? Чтобы вы сожгли и этотъ домъ, какъ тѣ дома тамъ наверху?

Я указала при этихъ словахъ на Montretout, гдѣ мой бѣдный домикъ уже былъ превращенъ въ груды золы.

Офицеръ отвѣчалъ:

— Если мы жжемъ, то лишь по приказанію изъ Версаля.

— Тѣмъ хуже! мы останемся, и вы насъ сожжете вмѣстѣ съ домомъ, потому что мы такъ не выйдемъ отсюда.

Онъ нѣсколько мгновеній молчалъ, какъ будто въ смущеніи.

Это былъ высокій блондинъ съ розовыми щеками. Онъ мнѣ показался не злымъ, и дѣйствительно его слова это доказали:

— Хорошо, только спрячьтесь, и чтобы никто не зналъ, гдѣ вы находитесь. Главное, чтобы не было ни огня, ни дыму! А то парижане подумаютъ, что мы здѣсь, и будутъ цѣлить въ васъ.

Совѣтъ былъ излишній. Никогда мы не зажигали огня и варили только ночью: въ маленькой глиняной печкѣ въ столовой готовили мы себѣ мучныя лепешки, замѣнявшія намъ хлѣбъ.

Скоро настало время, когда мы начали страшно мучиться. Провизіи г. Севеномъ намъ оставлено было всего: большой кулъ картофелю и немножко муки; были у насъ еще и сухари въ резервѣ: мы ихъ мололи въ ручной кофейной мельницѣ и готовили себѣ супъ, конечно, безъ масла. Что было хуже всего, такъ это—отсутствіе воды. Колодець нашего дома давалъ лишь какую-то, доводившую до тошноты, жидкость, и мы жили лишь снѣгомъ изъ сада, который превращали въ воду. Не будь снѣгу, намъ пришлось бы умереть отъ жажды.

Такимъ образомъ мы прожили три мѣсяца. Каждый четыре дня пруссаки смѣняли караулы; это было единственнымъ зрѣлищемъ, которое мы могли наблюдать, помимо пожаровъ, которые мой мужъ аккуратно записывалъ на бумажкѣ.

13-го января 1871 года, я помню прекрасно, новый патруль забрался въ нашъ домъ, чтобы поискать вина. Онъ состоялъ изъ четырехъ человекъ, которые, хотя и были простые рядовые, но говорили пофранцузски, притомъ почти безъ акцента.

Они не только не нашли того, чего они искали, но видъ нашего бѣдственнаго положенія даже внушилъ имъ состраданіе.

Одинъ изъ нихъ спросилъ меня:

— Знаете вы мадамъ Буланъ, въ Виль-д'Аврэ?

— Какъ же,—отвѣчала я:—до осады я ее часто видѣла.

— Ну, такъ вотъ: мы у нея на постой, и у нея складъ провизіи, которую она продаетъ кому угодно. Мы попросимъ у нея для насъ и принесемъ вамъ черезъ четыре дня, когда снова будемъ дѣлать обходъ.

Дѣйствительно, 17-го числа они пришли, принесли мнѣ въ подарокъ большой хлѣбъ, и затѣмъ еще отъ г-жи Буланъ фунтъ сала, луку и сыру, за что я потомъ ей заплатила десять франковъ. Часто мнѣ приходилось хорошо обѣдать послѣ 17-го января, но ни одинъ обѣдъ не доставилъ мнѣ такого удовольствія, какъ тотъ souper à l'oiseau, который мы съ Барбѣ приготавливали въ этотъ вечеръ. Наши благодѣтели обѣщали черезъ четыре дня снова насъ снабдить жизненными припасами, но тутъ случилась какъ разъ 19-го числа атака на Montretout, и я ихъ уже не видала. Можетъ быть, они были убиты при защитѣ парка.

Кстати, по этому поводу мнѣ припоминаются два случая, когда мы сами были на волосокъ отъ смерти. 31-го декабря, граната, направленная на церковь, пробилла нашъ домъ, прошла внутреннія стѣны и остановилась лишь въ нашей кровати, остовъ которой она разбила пополамъ. Граната не сопровождалась огнемъ, и странно поэтому, какъ на нихъ можно сваливать вину въ пожарахъ. Въ другой разъ опасность грозила намъ отъ дома Доальи, который находился возлѣ нашего. Когда мы узнали, что пруссаки пришли, чтобы поджечь его, мы постарались убрать мебель, но въ это время начальникъ пруссаковъ сдѣлалъ знакъ своимъ людямъ, который, кажется, означалъ: «За дѣло!» Они ворвались въ домъ, и въ одно мгновеніе огненные языки показались во всѣхъ окнахъ.

Я перехожу теперь къ рѣшительнымъ днямъ.

Послѣ дѣла при Montretout, гдѣ пруссаки были застигнуты врасплохъ, они стали насъ подозрѣвать въ шпионствѣ. Начиная съ 24-го января, они

сторожили насъ, а 28-го числа рѣшили разстрѣлять Барба. Я бросилась передъ солдатами, которые уволили его, крича, чтобы меня разстрѣляли первую; солдатъ мнѣ удалось растрогать, и они остановились. Ихъ начальникъ сказалъ имъ:

— Хорошо! поставьте ихъ около стѣны, въ четыре часа ихъ разстрѣляютъ обонхъ.

Всевожможныя бѣдствія до того насъ обезкуражили, что это рѣшеніе на насъ не произвело никакого впечатлѣнія. Мы усѣлись на тротуарѣ, и я свавала Барба.

— Кажется, это будетъ въ четыре часа!

Онъ отвѣчалъ:

— Да, это будетъ въ четыре часа!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Посмотри-ка на этихъ негодненьхъ тамъ; вотъ они теперь на колокольнѣ бьютъ и ломаютъ все, чтобы поджечь потомъ.—На самомъ дѣлѣ въ церковь ворвалась орава солдатъ въ остроконечныхъ каскахъ, они пѣли, кричали, курили громадныя глиняныя трубки, ломали все, сдѣланное изъ дерева, и готовили фашиинникъ. Я поднялась, чтобы слѣдить за приходящими и уходящими, какъ вдругъ увидѣла небольшого человѣка въ мундирѣ съ галунами, который быстро проходилъ по площади. Передъ порогомъ церкви онъ остановился и бросилъ зажженную сигару, которую держалъ въ зубахъ.

Я сказала себѣ: «Очень вѣроятно, что это не пруссакъ, такъ какъ онъ боится курить въ церкви».

Я подстерегла выходъ его, и когда онъ черезъ мгновеніе появился вновь, я бросилась къ нему, хотя солдаты меня и удерживали, упала на колѣни и вскричала:

— Господинъ! господинъ! насъ хотять разстрѣлять, а мы ничего не сдѣлали. Спасите насъ!

Онъ ничего мнѣ не отвѣчалъ, и я не знаю, понялъ ли онъ меня. Я прибавила:

— Хотять сжечь этотъ домъ, въ которомъ мы находимся. Вы можете помѣшнать, если захотите...

Онъ подумалъ еще не много, затѣмъ поднялъ уголь съ земли и написалъ нѣмецкую фразу на ставняхъ дома г. Севена. Внизу онъ написалъ число и помѣстилъ свою подпись. «28-го января, Якоби, маіоръ». Я не ошиблась въ первомъ своемъ предположеніи. Я узнала потомъ, что офицеръ этотъ полякъ и католическаго вѣроисповѣданія.

Когда надпись появилась на ставняхъ, солдаты поняли, что жизнь наша спасена, и отпустили насъ на свободу.

Ободренная неожиданнымъ успѣхомъ, я сказала маіору:

— Двери церкви начинаютъ разгораться; не позволите ли вы моему мужу пойти затушить огонь?

На этотъ разъ онъ мнѣ отвѣтилъ чисто пофранцузски:

— Oui, madame.

Барба бросился поливать водою двери, но скоро воротился запыхавшись и сказалъ:

— Ваши пруссаки разрушаютъ все въ колокольнѣ и подожгутъ ее, если вы имъ не прикажете уйти.

Маіоръ еще разъ перешелъ черезъ площадь, вошелъ въ церковь и выгналъ изъ нея солдатъ, которые уже снова не покушались на поджогъ.

Что касается насъ, надпись продолжала охранять насъ втеченіе этого дня и слѣдовавшихъ за амнистіей, хотя поджоги все это время не прекращались.

Послѣ 5-го февраля намъ пришлось защищать надпись, приколотивъ поверхъ нея кусокъ картона, такъ какъ нѣмцы хотѣли стереть ее, и надпись Якоби уже была попорчена.

На этомъ кончается разсказъ г-жи Барба. Онъ, какъ и ежедневныя записи ея мужа, свидѣтельствуетъ о двухъ десяткахъ нарочныхъ поджоговъ втеченіе этого періода; ясно, что нѣмцы сожгли еще до перемирія извѣстное количество домовъ, хотя въ общемъ довольно ограниченное.

Что касается ставней съ надписью, начертанною непріятельскою рукою, то по возвращеніи г. Севена домой, они осторожно были сняты и подарены мэриі города Сень-Клу, гдѣ они посейчасъ и находятся у стѣны, направо отъ лѣстницы, въ антресоляхъ. Надпись защищена стекломъ, а составляющія ее буквы закрѣплены особымъ химическимъ составомъ. Можно прочесть вполне свободно:

Dieses Haus ist bis auf Weiteres zu schonen.

28 Januar 1871.

Jacobi,

Maior in Generalstab.

(т. е. «этотъ домъ щадить до дальнѣйшаго приказанія. 28 января 1871 года. Майоръ генеральнаго штаба Якоби»).

Остается лишь сказать, какъ съ 28-го января по 5-е февраля, втеченіе перемирія, нѣмцы превратили въ груды золы и пепла все, что оставалось въ городѣ.

Здѣсь свидѣтельство имѣется вполне достаточно.

Прежде всего можно сослаться на г. Душэна, главнаго инспектора водопроводовъ въ Сень-Клу. Во время прусскаго нашествія онъ занималъ тотъ же постъ и своимъ знаніемъ мѣстности приносилъ большую пользу при вылазкахъ, которыя осажденные предпринимали въ этомъ пунктѣ. Особенно большія услуги оказалъ онъ въ дѣлѣ при Montretout, за что и получилъ тогда орденъ. Когда перемиріе было подписано, 29-го января, онъ воротился въ Сень-Клу. Первое, что онъ увидѣлъ, были вереницы нѣмецкихъ саперовъ, въ сѣрыхъ блузахъ, которые на тачкахъ везли боченки съ керосиномъ. Содержимое бочекъ они выливали въ особыя лейки, входили въ сохранившіеся еще дома и поливали керосиномъ гнѣзда лѣстницъ, начиная съ верхнихъ этажей, потомъ поджигали при помощи фашинника домъ снизу. Эти отряды «работали» подъ присмотромъ офицеровъ.

На слѣдующій день г. Душэнъ попробовалъ вмѣстѣ съ скульпторомъ Дантаномъ и швейцарцемъ Таппа организовать пожарную службу, центръ которой находился во дворѣ госпиталя. Пруссаки, однако, ворвались во дворъ и сабельными ударами разрубили помпы, которыя предполагалось привести въ дѣйствіе. Въ тотъ же день на улицѣ Оде загорѣлся домъ подъ № 1. Г. Душэнъ хотѣлъ потушить этотъ пожаръ въ началѣ и поэтому взобрался на него по лѣстницѣ, но прибѣжавшіе солдаты ударами прикладовъ заставили его слѣзть. Лишь 5-го февраля, на усиленные просьбы, капитанъ втораго пѣхотнаго нижнесилезскаго полка согласился выдать ему письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ можетъ «противодѣйствовать распространенію пожаровъ». Эта бумага и теперь еще находится въ рукахъ Душэна.

Д-ръ Дефоссе, тогда какъ и теперь, помощникъ мэра въ Сень-Клу, свидѣтельствуесть о тѣхъ же фактахъ.

1-го февраля г. Дефоссе писалъ въ редакцію «Opinion publique» письмо, опроверженій на которое не послѣдовало:

«Я вчера побѣдилъ Сень-Клу и прошелъ его отъ набережной до Желтыхъ воротъ. Пять или шесть домовъ еще сохранилось вдоль берега Сены; они заняты офицерами и нѣмецкими солдатами, и это и все. Въ другихъ мѣстахъ — ни одного сарая, ни одной стѣны, которые бы не были подожжеными. Нельзя найти мѣста иныхъ улицъ, развалины домовъ съ противоположныхъ боковъ улицы составляютъ одну сплошную груду. Съ пятницы пруссаки жгутъ все, что пощажено гранатами; заранѣе они, однако, старательно очищаютъ помѣщеніе. Съ моимъ домомъ поступили въ этомъ родѣ. Домъ скульптора Дантана еще дымится».

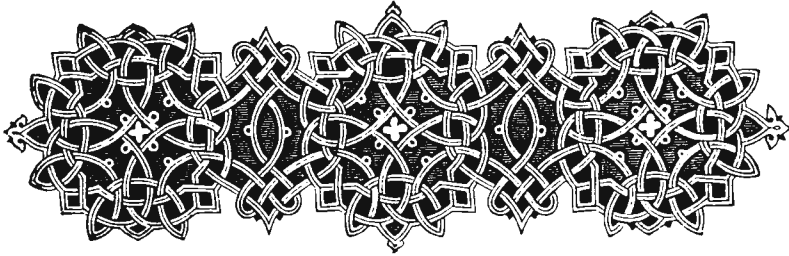
Г. Траппа, швейцарскій подданный, теперь антрепренеръ въ Булонѣ, а въ то время брендъ-маіоръ (lieutenant de rompiers) въ Сень-Клу, воротился также въ городъ, въ которомъ до 29 го января онъ не могъ показаться. Въ этотъ день онъ видѣлъ, какъ поджигали отель Черной Головы, востлѣ моста въ Сень-Клу.

О подобныхъ же фактахъ свидѣтельствуесть еще десятокъ другихъ лицъ, особенно г. Карратъ, секретарь мэріи въ Сень-Клу, г. Дантанъ и др.

Разрушеніе Сень-Клу пруссаками фактъ совершенно неопровержимый. Что же касается причинъ этого дикаго поступка, то онѣ до сихъ поръ не ясны и необъяснены. Нѣмецкіе военные историки ни однимъ словомъ не обмолвились по поводу деталей этого событія и даже вообще не говорятъ о немъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Проектъ соединенія церквей въ XIV вѣкѣ. — Англійскій археологъ и Каппадокійскія таблицы г. Голенищева. — Англиканскій пасторъ въ русскихъ монастыряхъ. — Романы изъ русской жизни. — Критическій этюдъ о Вольтерѣ. — Письма нѣмецкаго композитора о Франціи 1792 года. — Воспоминанія англичанина о Парижѣ отъ Луи-Филиппа до комуны. — Гёте и Шарлота Штейнъ.

НАЛЕОГРАФЪ и хранитель рукописей въ Парижской національной библиотекѣ Генрихъ Омонъ отыскалъ и издалъ любопытный документъ, относящійся къ соединенію греческой и латинской церкви, о которомъ нѣсколько разъ возобновлялись въ теченіе среднихъ вѣковъ переговоры съ Византією. О документѣ, напечатанномъ Омономъ, было краткое свѣдѣніе въ анналахъ Ровальви 1326 года. Андроникъ II Палеологъ выразилъ желаніе французскому королю Карлу IV Красивому, послѣднему прямому потомку капетинговъ, соединить обѣ церкви. Карль, по согласію съ папою Іоанномъ XXII, послалъ въ Византію доминиканца Бенедикта изъ Комо, совершившаго двѣ поѣздки въ сентябрѣ 1326 года и маѣ 1327 г. Омонъ обнаружилъ письма Андроника къ Карлу IV, къ доминиканцу и письмо къ королю великаго логовѣта Федора Метохита. Этими документами, съ первыхъ строкъ обнаруживающими невозможность соединенія, и ограничилась неудачная попытка XIV столѣтія, изданная подъ названіемъ *Projet de réunion des églises grecque et latine sous Charles le Bel*.

— Извѣстный англійскій археологъ Сайсъ даетъ въ журналѣ *Academy* отчетъ объ изданіи г. Голенищева «Двадцать четыре Каппадокійскія таблицы изъ коллекціи В. Голенищева» (*Vingt quatre tablettes Cappadociennes de la collection W. Golenischeff*). Какъ трудно разбираться во всѣхъ этихъ цивилизаціяхъ, погибшихъ вмѣстѣ съ языкомъ, которымъ говорили народы этихъ странъ, доказываетъ откровенное признаніе самого Сайса,

переводившаго одинъ гвоздеобразный знакъ каппадокійской надписи словомъ «женщина», тогда какъ г. Голенищевъ нашель, что этотъ знакъ соотвѣтствуетъ ассирійскому идеографическому выраженію «въ присутствіи». И Сайсъ согласился съ нашимъ ассиріологомъ, не смотря на то, что на сторонѣ англичанина былъ другой знатокъ гвоздеобразныхъ письменъ — Пинчесь. Г. Голенищевъ предпослалъ изданнымъ имъ таблицамъ введение, гдѣ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій каппадокійскаго языка. Онъ разобралъ названія нѣсколькихъ каппадокійскихъ мѣсяцевъ, какъ «мѣсяць сѣянія» (*zaratim*) и Кузаллу, встрѣчающіеся уже на цилиндрѣ Теглаф-Шиласара I. Англійскій археологъ расходится съ русскимъ только въ томъ, что послѣдній видитъ въ таблицахъ особый языкъ, смѣшанный съ ассирійскимъ, а первый — только ассирійское нарѣчіе, къ которому примѣшалось нѣсколько чужихъ словъ и формъ. Фонетическіе законы языка тѣ же, что въ надписяхъ сѣверной Сиріи и въ коллекціи Тель-Амарна. Каппадокія, какъ самая восточная страна Малой Азіи, была колоніей Ассиріи, и таблицы, разобранныя г. Голенищевымъ, найдены недалеко отъ Кейсаріи. Смѣшеніе въ надписяхъ идеографическихъ знаковъ съ фонетическими и раздѣленіе словъ знакомъ клина напоминаетъ арамейскія письмена. Сайсъ въ своемъ разборѣ переводитъ одну изъ таблицъ г. Голенищева, чтобы показать содержаніе надписей, переносящихъ насъ не въ эпоху Аріаратовъ и Аріобарзановъ, а во времена отдаленной древности, когда каппадокійцы поклонялись огню и горѣ Арчекъ, отличались вѣроломствомъ и грубостью нравовъ.

— Пасторъ одного изъ сѣверныхъ графствъ Англіи Бодди издалъ описаніе своего путешествія къ Бѣлому морю и оттуда въ Москву подъ названіемъ «Съ русскими паломниками» (*With russian pilgrims*). Большая часть книги отведена разсказамъ о нашихъ сѣверныхъ монастыряхъ, уже описанныхъ подробно Гепвортомъ Диксономъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько иллюстрацій; между ними есть и снимки съ лубочныхъ картинъ, издававшихся для народа во время войны съ союзниками и изображающихъ отбитіе англійскихъ кораблей отъ Соловецкихъ стѣнъ, причемъ корабли эти представлены лопнувшими по срединѣ отъ неизвѣстной причины и тонущими. Приложенъ также портретъ какого-то поляка, политическаго узника въ Соловкахъ, пораженнаго этимъ чудомъ и перешедшаго по этому случаю изъ католичества въ православіе. Почтенный англиканскій пасторъ напрасно только позволяетъ себѣ отзываться иронически о подобныхъ фактахъ. Въ его званіи слѣдовало бы сдержаннѣе относиться къ явленію, которое онъ нашель бы естественнымъ, если-бъ поляку вздумалось обратиться въ англиканство.

— Романовъ изъ русской жизни выходятъ немало. Какой-то Франкъ Барретъ издалъ трехтомную исторію «Изъ челюстей смерти» (*Out of the jaws of death*) съ убійствами, похищеніями, ссылкой въ Сибирь, заговорами и злодѣйствами всякаго рода. Это совершенно невозможная сценка, героя которой, князя Тараса, революціонера изъ высшаго общества, въ первыхъ же главахъ спасаетъ героя изъ природнымъ русскимъ именемъ Адра, выведя его изъ тюрьмы подземнымъ ходомъ. Потомъ они, всетаки, попадаютъ въ Сибирь, гдѣ интеллигентный Тарасъ развиваетъ свою Адру. Контрастомъ ему является грубый дикарь, бѣглый каторжникъ Иванъ Дон-тремемберъ (даже ужъ по фамиліи чисто русской типъ!), мстящій за честь своей сестры. И вѣдь утверждаютъ почему-то, что только французы могутъ со-

чинять такіе бульварные романы! Сибирь до того интересуется англичанъ, что они читаютъ все, къ ней относящееся. Вышли «Сахалинскій каторжникъ и другія исторіи В. Короленко и другихъ». (The Saghalien convict and other stories, by V. Korolenko and others). Автора этого разсказа о бѣгствѣ съ Сахалина одного ссыльнаго и его жизни въ якутской деревнѣ англичане цѣнятъ высоко, какъ писателя. Напрасно только критикъ Атенеума находить неестественнымъ въкоторыя подробности сибирскаго быта и не вѣрять, что зимою якуты вставляють въ окна своихъ избъ вмѣсто стеколъ пластинки льда.

— Нельзя сказать, чтобы и французскіе романы изъ русской жизни были лучше английскихъ. Жанна Луазо, пишущая подъ мужскимъ псевдонимомъ Данила Лессюера, сочинила «Славянскую страсть» (Une passion slave). Въ предисловіи она считаетъ за особенную честь, что ея произведенія подвергаются запрещенію въ Россіи, и высказываетъ свой взглядъ на значеніе романа: «Въ каждомъ самомъ скромномъ романѣ,—говоритъ авторъ,—долженъ быть принципъ жизненности, изслѣдующій какую либо изъ великихъ идей, волнующихъ человѣчество». Соглашаясь съ этимъ, нельзя же признать, какъ г-жа Луазо, что основателями романа были Будда, Магометъ и другіе представители религіозныхъ вѣрованій. Но романъ нисколько не отвѣчаетъ намѣреніямъ романистки: въ немъ слишкомъ много вздору и слишкомъ мало серьезныхъ идей, да и тѣ ограничиваются социалистическими декламациями и гуманитарными теоріями. А между тѣмъ самъ же авторъ говоритъ, что роль романиста заключается въ томъ, чтобы переносить открытія и выводы ума и наукъ въ область чувства. Это справедливо, но у г-жи Луазо разсказъ очень сентименталенъ, а ея умные люди—избитыя типы радикальнаго пошиба. Содержаніе романа вертится все на томъ же адюльтерѣ и могло бы точно также происходить на итальянскомъ бульварѣ, какъ и въ Россіи. Графа Миронова нигилисты приговариваютъ къ смерти и убиваютъ, а вдова его, Надежда, выходитъ за своего любовника, тоже дѣлающагося социалистомъ. Но люди этой партіи, являющіеся вводными типами, очерчены слабо и шаблонно. Только сцена смерти Миронова—патетична и драматична. Но любопытно, что гдѣ бы ни явился русскій романъ, онъ никакъ не можетъ обойтись безъ убійствъ, каторжниковъ, нигилистовъ, какъ будто все это типы настоящаго, а не прошедшаго времени. Г-жа Луазо пишетъ бойко, но этого недостаточно, чтобы составить себѣ славу въ области даже простаго романа, а не только произведенія съ идеями.

— Эдмъ Шампюнь — писатель молодой, имени его нѣтъ въ словаряхъ Ваперо и Губертатиса, его мало знаютъ не только въ Россіи, но и во Франціи, однако онъ написалъ два замѣчательныхъ сочиненія: «Философія исторіи Франціи» и «Духъ революціи», гдѣ помѣщена мастерская оцѣнка переворота 89 года. Теперь онъ издалъ «Критическій этюдъ о Вольтерѣ» (Voltaire, études critiques) и, не смотря на то, что объ этомъ предметѣ много было изслѣдованій, Шампюнь обращаетъ на себя вниманіе публики и критики. Авторъ уже въ своемъ «Духѣ революціи» коснулся значенія Вольтера, разбирая вліяніе XVIII вѣка на революцію. Въ философіи Руссо и Вольтера авторъ видитъ аристократическіе взгляды и только у Монтескье находитъ демократическія стремленія. Шампюнь соглашается съ Вольтеромъ въ томъ, что, начиная съ IV вѣка, развитіе человѣчества приняло ретроградное направленіе, вслѣдствіе вторженія по-

выхъ религіозныхъ идей. (Правильнѣе было бы признать вторженіе въ Европу племенъ варваровъ). Это была основная мысль Вольтера, приведенная въ «Опытѣ о нравахъ» и въ «Философскомъ словарѣ», и единственная, которой онъ самъ не противорѣчилъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Шампіонъ, конечно, поклонникъ Вольтера, но это не мѣшаетъ ему видѣть ошибки и увлеченія философа, находить недостаточною мораль его, основанную на принципѣ: не дѣлай другому того, чего бы ты не хотѣлъ, чтобы тебѣ сдѣлали. Шампіонъ соглашается, впрочемъ, съ тѣмъ, что было бы хорошо, если бы все человѣчество слѣдовало и этой неполной морали, не ожидая, чтобы другая высшая мораль милосердія и самоотверженія пріобрѣла многочисленныхъ приверженцевъ. Эту мысль проповѣдовалъ и Спенсеръ. Авторъ представляетъ прекрасную оцѣнку «Кандида» и самого философа въ главѣ «Донъ-Кихотъ бѣдняковъ», но хвалитъ даже «Дѣвственницу», грязную, но еще болѣе скучную поэмѣ. Слаба также глава «Противорѣчія», хотя въ ней ихъ приведено не мало. Вольтеръ писалъ много и нерѣдко опровергалъ то, съ чѣмъ соглашался прежде, но это не мѣшало ему обличать предразсудки и содѣйствовать развитію здраваго смысла въ человѣчествѣ. Есть люди, видящіе въ Вольтерѣ только врага патеровъ, есть и другіе, которые видятъ въ немъ человѣка, жертвующаго собою для общаго блага, для своей родины; оба эти мнѣнія—крайнія; достаточно признать въ немъ апостола братства, добра, терпимости, свободы, гуманности, правосудія. Книга Шампіона, не смотря на ея категорическій тонъ, рисуетъ философа съ этой симпатичной точки зрѣнія.

— Изъ книгъ, относящихся къ французской революціи, любопытны письма пруссака о Франціи 1792 года. Изданы они подъ названіемъ *Un prussien en France en 1792*. Это переводъ писемъ нѣмецкаго композитора Рейхардта изъ Страсбурга, Ліона и Парижа къ другу въ Берлинъ. Сорокалѣтній музыкантъ, когда писалъ свои письма, былъ знаменитъ въ Германіи, а въ Берлинѣ былъ капельмейстеромъ прусскаго короля. До 92 года онъ былъ два раза въ Парижѣ, съ рекомендаціею Глюка, и давалъ концерты, имѣвшіе большой успѣхъ, но при началѣ революціи онъ до того увлекся ею, что забылъ о своемъ композиторствѣ и только и бредилъ, что обновленіемъ человѣчества, прославляя новыя учрежденія Франціи и пропагандируя ихъ въ Германіи, для чего даже основалъ журналъ *Frankreich*. Это, конечно, не могло понравиться нѣмецкимъ властямъ, и онъ скорѣй потерялъ мѣсто при дворѣ и всѣ свои артистическія должности. Онъ бросилъ музыку и погрузился въ политику и философію, но, чтобы существовать, взялъ мѣсто инспектора солеваренъ въ Галле. Вестфальскій король далъ ему званіе капельмейстера въ Касселѣ, но Рейхардтъ не пережилъ паденія эфемернаго королевства и умеръ въ 1814 году. Письма его были изданы въ двухъ томахъ еще въ 1793 году, а на французскомъ языкѣ являются только черезъ столѣтіе, но любопытны, какъ свидѣтельство современника, описывавшаго день за днемъ событія 1792 года. Энтузіастъ и другъ конституціи онъ, однако, обо всемъ говоритъ правду и не скрываетъ, что на пути отъ Страсбурга до Ліона, говоря со всѣми, не встрѣтилъ, ни одного «друга конституціи». Онъ осуждаетъ скандалы въ законодательномъ собраніи, анархію въ провинціяхъ, бѣгство эмигрантовъ. Хороша у него характеристика Верньо, Кондорсе, Робеспьера. Чтобы узнать послѣдняго, Рейхардтъ отправился въ клубъ якобинцевъ, но Робеспьеръ не говорилъ тамъ ни

слова, пришелъ поздно, усѣлся отдѣльно расфранченный, отлично причесанный, и началъ зорко наблюдать за клубистами. Его плоское, какъ будто придавленное лицо, блѣдныя щеки, взглядъ исподлобья, дѣлали его вызывающую позу еще болѣе дерзкою. Анекдотовъ въ книгѣ множество: въ Страсбургѣ было вывѣшено объявленіе, что таможенныя не смѣютъ просить на водку, и одинъ изъ нихъ горячо рассыпался передъ Рейхардтомъ въ увѣреніяхъ, что въ таможи и не слышно о подобной просьбѣ. Уходя, путешественникъ показавъ оратору талеръ, и тотъ, снявъ фуражку, быстро отвернулся, сказавъ: положите въ шляпу. Въ Лионѣ пруссаку рассказали, что жители, выстроивъ прекрасный театр, послали просить Вольтера придумать для фасада приличную надпись. «Поставьте театр!— отвѣчалъ фернейскій отшельникъ:— сограждане ваши поймутъ, по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло». Въ Лионѣ же Рейхардтъ познакомился съ патриотомъ Паллуа, подрядчикомъ по разрушенію Бастиліи и очисткѣ площади, и цитируетъ надутыя фразы изъ рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи. «Одна рука моя,—говоритъ патриотъ,—всегда поднята для присяги конституціи, другая — всегда готова поразить тирановъ».—«Ну, тогда всетаки удобнѣе поднимать къ небу лѣвую руку»,—замѣтили патриоту. Въ Лионѣ же, въ лучшемъ трактирѣ публика потребовала однажды удаленія одного посѣтителя, оказавшагося лионскимъ палачомъ. «Кто же выдалъ меня?»—спросилъ палачъ, удаляясь.—«Да, вотъ тутъ былъ одинъ кавалеръ съ орденомъ св. Людовика».—«Ну, этотъ не могъ ошибиться: я дѣйствительно въ прошломъ году привязывалъ его къ позорному столбу, какъ мошенника». Г-жа Сталь въ своемъ «разсужденіи о французской революціи» говорить, что въ числѣ причинъ, произведшихъ эту революцію, одна изъ главныхъ—тщеславіе французовъ, желаніе ихъ создать то, чего еще никогда не было, составить конституцію, которая не походила бы ни на одну изъ существовавшихъ. Рейхардтъ, раньше г-жи Сталь, по поводу стиховъ въ трагедіи «Брутъ»: «мы никому не подражали, а сами служили всѣмъ примѣромъ», говорить слѣдующее: «этотъ впечатлительный и полный энтузіазма народъ страдаетъ уже два года и, можетъ быть, будетъ еще долго страдать отъ ложной мысли: республика въ 26 миліоновъ жителей никогда не существовала, и потому ее надо создать». Вообще въ письмахъ пруссака много мѣткихъ сужденій и вѣрныхъ мыслей, высказанныхъ открыто и безъ желанія рисоваться.

— Почти въ одно время съ письмами пруссака о Парижѣ 1792 года вышли въ Лондонѣ замѣтки англичанина объ этомъ же городѣ, только относящіяся къ нашему времени. «Англичанинъ въ Парижѣ» (*An englishman in Paris. Notes and recollections*) возбудилъ прежде всего толки въ публикѣ своимъ анонимомъ. Неизвѣстному автору трудно было повѣрить, что онъ былъ свидѣтелемъ главнѣйшихъ событій въ Парижѣ отъ царствованія Луи-Филиппа до конца войны 1871 года. Онъ пишетъ, что поселился въ Парижѣ, когда ему было 27 лѣтъ, и начинаетъ свои воспоминанія съ дуэли Жирардена съ Дюжарье въ 1845 году. Онъ занимался живописью и скульптурою болше, чѣмъ литературой и, послѣ утреннихъ вязанокъ государственнымъ дѣтелямъ, проводилъ вечера съ студентами латискаго квартала. Обладая независимымъ состояніемъ, онъ дѣлалъ много добра и помогалъ бѣднымъ, особенно во время осады и комуны. Однажды его, какъ шпиона, привели къ капитану муниципальной гвардіи, но тотъ, взглянувъ на карточку англичанина, извинился передъ нимъ и сказалъ, что это — лучший

другъ Франціи. Это обстоятельство сдѣлало вскорѣ извѣстнымъ, что авторъ воспоминаній—богатый филантропъ Ричардъ Валласъ, умершій въ прошломъ году. Онъ былъ близокъ къ послѣднему французскому королю и его сыновьямъ, и Луи-Филиппъ говорилъ ему однажды о непрочности своего положенія: «Корона Франціи слишкомъ тепла лѣтомъ и слишкомъ холодна зимою, а скипетръ слишкомъ тупъ, чтобы служить орудіемъ защиты или нападенія, и слишкомъ коротокъ, чтобы на него можно было опереться; мягкая шляпа и зонтикъ гораздо полезнѣе». Буржуазія, которая возвела короля на тронъ, презирала его, потому что она сдѣлала это для собственныхъ выгодъ. Скупость его происходила оттого, что онъ боялся умереть нищимъ. Гуляя съ королевою Викторіею въ садахъ Э, онъ сорвалъ персикъ и, чтобы очистить его, вынулъ изъ кармана складной ножъ, сказавъ гостьѣ: «я привыкъ носить ножъ въ карманѣ съ того времени, какъ могъ прожить только сорокъ су въ день. Въ настоящее время я могъ бы, правда, обойтись и безъ него, но зачѣмъ мѣнять свои привычки? и кто знаетъ, что можетъ случиться?» Получивъ извѣстіе о смерти Талейрана, онъ спросилъ, вѣрно ли оно, и когда ему подтверждали, что новость эта извѣстна со вчерашняго дня, онъ замѣтилъ: «я и самъ цѣлыя сутки думалъ о томъ, какая выгода ему была умереть именно теперь». Въ 1848 году Валласъ присутствовалъ при вторженіи черни въ Парижъ и отзывается о ней весьма несимпатично. Съ Луи-Наполеономъ онъ познакомился, когда тотъ былъ кандидатомъ въ президенты республики, и этотъ авантюристъ показался англичанину безприсыпнымъ пьяницей или потребителемъ опиума, находящимся вѣчно въ полусознательномъ положеніи. Онъ даже плохо выговаривалъ французскія слова и съ трудомъ составлялъ не всегда правильныя фразы. Однажды, уже въ концѣ своего поприща, онъ замѣтилъ Бисмарку: «я никогда не слыхалъ, чтобы вѣмецъ говорилъ пофранцузски такъ, какъ вы». — «Позвольте мнѣ обратить къ вамъ комплиментъ, — отвѣчалъ канцлеръ, — я также не слыхалъ ни одного француза, который говорилъ бы пофранцузски, какъ вы, государь». Авторъ хвалитъ доброту Луи-Наполеона, но о Евгеніи отзывается, какъ о надутой, бессердечной, пустой женщицѣ, не переносившей возраженій, и мстительной. Въ портретахъ политическихъ дѣятелей немного новыхъ чертъ: Гиво — сухой, черствый педантъ, Тьеръ — живой, умный, но скупой и хитрый. При началѣ его карьеры сестра его держала табль-д'отъ, и опозиція считала своимъ долгомъ столоваться у нея. Кавеньякъ и на высококомъ посту былъ тѣмъ же унтеръ-офицеромъ, не заслуживавшимъ повышения. Ламартинъ былъ вѣчно въ долгахъ отъ неумѣнья вести свои дѣла и отъ непомѣрнаго мотовства. Персины, Морни, Валевскій — были заурядными авантюристами, умнѣе ихъ былъ Руэръ, но и тотъ не смѣлъ выступить изъ воли Евгеніи. Авторъ былъ близокъ и къ представителямъ литературы и искусствъ. Дюма-отецъ съ большимъ удовольствіемъ занимался приготовленіемъ разныхъ соусовъ, чѣмъ своихъ романовъ. На обѣдѣ у Верова онъ состряпалъ вкусное рыбное блюдо, но кухарка журналиста замѣтила: «съ его кушаньями та же исторія, что и съ его романами: стряпаютъ ихъ другіе, а онъ только выдаетъ ихъ за свою работу». Романистъ, узнавшій объ этомъ отзывѣ, потребовалъ экспертизы, приготовивъ самъ блюдо при свидѣтеляхъ и доказалъ свое кулинарное искусство. Евгенийъ Сю былъ порядочнымъ фатомъ и денди, Бальзакъ постоянно бѣгалъ отъ кредиторовъ, Альфредъ Мюссе былъ «миссъ Байронъ». Вечера у Виктора Гюго

были посвящены постоянному поклоненію гостей хозяину, и за это поклонников угощали жидкимъ и тепленькимъ чаемъ. Композиторъ Оберъ никогда не носилъ другой шляпы, кромѣ цилиндра. Когда въ 1855 году Жераръ-де-Нерваль повѣсился на фонарѣ пустыннаго переулка, на головѣ писателя была шляпа, и это подало поводъ къ толкамъ, что онъ былъ убитъ, а не кончилъ жизнь самоубійствомъ. «Отчего же это?—сказалъ Оберъ:—если бы я пошелъ повѣситься, то точно также не снялъ бы шляпу». Жадность Рашели доходила до крайнихъ предѣловъ, свойственныхъ ея племени. На обѣдѣ у министра Дюшателя она выпросила, чтобы онъ подарилъ ей серебряную вазу, служившую украшеніемъ стола. «Я пришлю вамъ вазу завтра»,—сказалъ министр, находившійся въ такихъ отношеніяхъ къ актрисѣ, что не могъ ни въ чемъ ей отказать.—«Зачѣмъ же завтра?—возразила Рашель, испугавшись, что графъ одумается на другой день,—вы прикажите вашей каретѣ отвезти меня на мою квартиру, и я увезу вашъ подарокъ».—«Надѣюсь, вы возвратите мою карету»,—отвѣчалъ министр проницательнымъ тономъ, который даровитая, но весьма ограниченная еврейка приняла за любезность. У Тальони въ ея частной жизни не было и слѣда граціи, сопровождавшей ея позы на сценѣ: одно плечо у нея было выше другого, ходила она, какъ утка, ковыляя и слегка прихрамывая; съ вѣчно сжатыми губами съ трудомъ поддерживала обыкновенный разговоръ односложными фразами. «Удивительно,—говоритъ Валласъ,—было не то, что графъ Жальберъ-де-Вуаренъ такъ скоро бросилъ ее послѣ свадьбы, но то, что онъ женился на ней. Мнѣ передавали, что онъ считалъ своею обязанностью сдѣлать это, чтобы загладить свой проступокъ по отношенію къ ней, но что заставило его совершить такой проступокъ, это уже совершенно непонятно». Объ отношеніяхъ знаменитаго живописца Делакруа къ Жоржъ-Зандъ онъ рассказываетъ слѣдующее: «Однажды, когда онъ по обыкновенію работалъ въ своей мастерской, въ старой курткѣ, застегнутой подъ подбородкомъ, въ суконной шляпѣ и войлочныхъ туфляхъ—костюмъ, не снимаемый имъ и лѣтомъ—великая писательница, часто мѣнявшая своихъ поклонниковъ, войдя къ нему, сказала: «мой бѣдный Евгений, какъ мнѣ ни тяжело, но я должна сообщить тебѣ печальное извѣстіе: я долго совѣтовалась со своимъ сердцемъ и пришла къ убѣжденію, что не могу больше любить тебя».—«И это окончательно?»—спросилъ Делакруа, продолжая работать. «Окончательно, и ты долженъ простить меня за мою откровенность. Вѣдь ты не будешь сердиться на меня, мстить мнѣ?» — «Конечно, нѣтъ»,—отвѣчалъ живописецъ, не отрываясь отъ работы:—только вотъ что, нельзя ли тебѣ не мѣшать мнѣ минутъ десять; мнѣ надо кончить этотъ клочокъ неба; посиди молча или погуляй минутъ десять,—мы тогда поговоримъ». Жоржъ Зандъ ушла и, конечно, больше не возвращалась. Живописецъ Горасъ Верне рассказывалъ, что онъ потерялъ кредитъ при русскомъ дворѣ, отказавшись написать картину «Взятіе Варшавы». Валласъ зналъ Лолу Монтесъ, поражающую своимъ царственнымъ видомъ, пока она не раскрывала рта, и Альфонсину Плесси, изъ которой Дюма-сынъ создалъ свою Маргариту Готье, даму съ камеліями. Значительная часть второго тома «воспоминаній» отведена войнѣ 1870 года, осадѣ и комуаѣ. Маршалъ Вальянъ говорилъ автору, что каждый прусскій капитанъ зналъ военное дѣло лучше любого французскаго генерала и былъ гораздо образованнѣе. О войнѣ не сообщается ничего новаго. Въ день выступленія арміи, ей роздали французско-нѣмецкіе словари «для употребленія въ

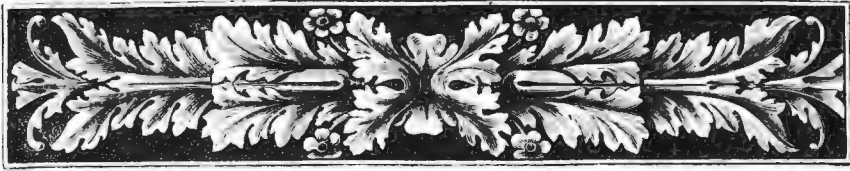
Берлинѣ». По отъѣздѣ Луи-Наполеона изъ Парижа, Евгенія просто не позволяла ему вернуться, не смотря на то, что онъ все время страдалъ каменной болѣзью и не могъ сдѣлать десяти шаговъ. Не разъ, въ присутствіи императрицы, придворные толковали о томъ, что смерть большого императора, въ главѣ его войска, передъ какимъ нибудь сраженіемъ, подняла бы престижъ имперіи и утвердила бы тронъ его сына. Во время осады Валастьѣль, какъ и всѣ, лошадей, собакъ, кошекъ, крысъ, полевыхъ мышей и только разъ въ лучшемъ ресторанѣ заплатилъ 24 франка за кусокъ бифстекса. Книга оканчивается бѣглымъ очеркомъ комуны.

— Въ журналѣ *Revue des revues*, издающемся уже четвертый годъ и помѣщающемъ на своихъ страницахъ любопытныя выдержки изъ періодическихъ изданій всего свѣта, сообщаются подробности объ отношеніяхъ Гете къ Шарлотѣ Штейнъ. Статья проводитъ такую мысль: «ничто не приноситъ столько непріятностей и огорченій мыслящему человѣку, какъ интимная связь съ женщиной-писательницей». Каролина Ламбъ даже сдѣлалась писательницей изъ мести къ Байрону, котораго она представила въ своемъ романѣ «Гленарванъ» лицомъромъ и развращеннымъ чудовищемъ. Когда Мюссе умеръ, Жоржъ-Зандъ вывела его въ романѣ «Она и онъ» въ самомъ отвратительномъ видѣ. Шопенъ былъ еще живъ, а она уже изображала его слабымъ, безрассуднымъ ребенкомъ, раздражительнымъ до крайности. Старая подруга Листа, герцогиня д'Агу, нарисовала карикатуру его въ романѣ «Нелида». Изъ писемъ Густава Флобера къ Луизѣ Колле видно, какъ онъ тяготился связью съ этой поэтессой, представившей его въ романѣ «Онъ» холоднымъ, скучнымъ, эгоистомъ и вдобавокъ бездарнымъ. Гете былъ 14 лѣтъ въ связи съ Шарлотой Штейнъ и первые 10 лѣтъ (1776—86) находился совершенно подъ ея вліяніемъ. Онъ воспѣвалъ ее и гонорилъ, что обязанъ ей своимъ развитіемъ, своими успѣхами. А она не только ни понимала его генія, но требовала, чтобы онъ учился развязнымъ манерамъ и французской тонкости въ обращеніи. Когда онъ вернулся изъ Италіи, проникнутый любовью къ ея великимъ созданіямъ, друзья приняли его холодно. Гердеръ назвалъ его «римскія элегіи» чудовищными, герцогъ Веймарскій нашель, что «Эгмонтъ» слабая французская трагедія, Шарлота назвала Клару, героиню драмы, потаскушкой. А между тѣмъ Гете въ письмахъ называлъ свою возлюбленную идеаломъ, своею вѣрою, единственною любовью. «Душа моя тѣсно соединена съ твоею,—пишетъ онъ ей въ 1781 году:—я не разлучусь съ тобою. Какъ бы высоко ты ни вознеслась, какъ бы низко ни пала,—ты увлечешь меня съ собою». Какъ отвѣчала Шарлота на такую любовь, осталось неизвѣстнымъ, потому что она потребовала отъ него свои письма и сожгла ихъ. Между тѣмъ она не была хороша собою, хоть и принадлежала къ высшему обществу, какъ жена обер-штальмейстера; ей было 40 лѣтъ, и у нея было шестеро дѣтей. Въ 1788 году Гете было 39 лѣтъ, а ей 46. Въ это время онъ сошелся съ Христіаною Вульпіусъ, дѣвушкою изъ простаго званія. Черезъ годъ она поселилась у него; женился онъ на ней только въ 1806 году. Узнавъ объ ихъ связи, Шарлота потребовала разрыва Гете съ Христіаною, онъ отказался въ спокойномъ, но твердомъ письмѣ. Шарлота не отвѣчала ни на это, ни на другія письма, но въ продолженіе десяти лѣтъ отыгрывалась всѣмъ о Гете, какъ о дурномъ и безнравственномъ человѣкѣ и писателѣ. Она смѣется надъ тѣмъ, что онъ толстѣетъ, и что у него двойной подбородокъ, сходится съ Коцебу и другими врагами писателя,

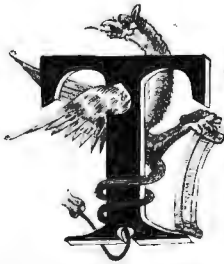

называетъ себя женщиною, обманутою ложнымъ другомъ. Когда вышелъ «Вильгельмъ Мейстеръ», она пишетъ: «если Гете и зналъ когда нибудь истинное чувство, онъ всегда примѣшивалъ къ нему грязненькія побужденія, чтобы не признавать ничего небеснаго въ человѣческой природѣ». Наконецъ, чтобы заклеить измѣнника, она написала трагедію «Дидона», въ которой вывела себя, а Гете въ лицѣ поэта Огона, тщеславнаго фата, циника, лицемеръ, увѣряющаго, что возвышенныя чувства въ человѣкѣ зависятъ отъ хорошаго пищеваженія. Она смѣется также надъ толщиною Огона и приводитъ въ его монологахъ цитаты изъ писемъ Гете, что уже переходитъ границы деликатности и порядочности. И такую пьесу расхваливалъ Шиллеръ и хлопоталъ, чтобы ее поставили на Бреславльскомъ театрѣ. Въ послѣдній разъ они видѣлись въ 1809 году. Свиданіе было холодно и бесплодно...

СМѢСЬ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе археологическаго института. По случаю исполнившагося 15-тилѣтія дѣятельности археологическаго института. 15-го января, состоялось торжественное засѣданіе. Директоръ института—А. Н. Труворовъ сдѣлалъ обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комисій въ 1891 году, учрежденныхъ по почину покойнаго Н. В. Калачова съ цѣлью обследовать и разработать памятники русской старины. Къ дѣйствовавшимъ въ 1890 г. костромской, нижегородской, оренбургской, орловской, пермской, рязанской, саратовской, таврической, тамбовской, тверской и ярославской комисіямъ прибавилась въ 1891 г. калужская. При вновь открытой комисіи, благодаря дѣятельности гг. Самсона и Четыркина, организованы музей, собрана библиотека изъ 300 названій и положено начало издательской дѣятельности. Въ настоящее время ученые архивныя комисіи находятся въ крайне печальномъ положеніи по скудости матеріальныхъ средствъ. Не смотря на это, большинство ихъ стремится осуществить свое назначеніе, отыскивая и описывая древности, разбирая архивы казенные и семейные, составляя изъ найденныхъ документовъ рефераты и извлеченія, и печатая замѣчательные акты. Между прочимъ, предсѣдатель костромской комисіи, сенаторъ К. Н. Селифонтовъ, составилъ систематическую опись 440 рукописей перваго отдѣленія Линевакаго архива. Его указатель именъ препровожденъ директоромъ археологическаго института, какъ образецъ для руководства при изданіяхъ актовъ, во всѣ ученые комисіи. Профессоръ института, Н. И. Веселовскій сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ прошлаго года близъ Симферополя. Сообщеніе демонстрировалось предметами, найденными въ могильникахъ. Г. Веселовскимъ были раскопаны два кургана, принадлежащіе скиамамъ. Въ одномъ изъ нихъ найденъ костякъ мужчины въ лежащемъ положеніи, пять амфоръ съ надписями, черепъ лошади, кожаная уздечка съ наборомъ, кости быка и ножъ. Въ средній гробницы находились желѣзныя копья, мечъ и колчанъ со стрѣлами. Интересны изображенія на колчанѣ орла, держащаго въ клювъ какого-то звѣря съ пушистымъ хвостомъ, и грифоновъ, пользовавшихся у

скиновъ большимъ уваженіемъ, такъ какъ грифоны, по вѣрованію скиновъ, защищали и предохраняли человѣка отъ несчастій. Платье покойника было, видимо, изъ черной матеріи, украшенной небольшими золотыми треугольниками и ромбами. На головѣ найдена кожаная шапка съ золотыми бляхами. Въ другомъ курганѣ обнаруженъ женскій скелетъ въ сидячемъ положеніи. Кругомъ находились женскія украшенія: серьги, представляющія изображеніе грифона съ ушами и раскрытымъ клювомъ и др. Найденные при раскопкахъ предметы поступать на храненіе въ Эрмитажъ.

Годовое собраніе географическаго общества. 20-го января состоялось торжественное годовое собраніе членовъ императорскаго географическаго общества. Предсѣдательствовалъ П. П. Семеновъ. Секретарь прочелъ отчетъ о дѣятельности совѣта и отдѣленій за минувшій 1892 годъ, предпославъ отчету воспоминаніе объ умершихъ въ теченіе года дѣятеляхъ общества. Скончалось двадцать лицъ, въ томъ числѣ учредители: великій князь Константинъ Николаевичъ и адмиралъ П. А. Чихачовъ, и почетные члены С. И. Зеленый, В. В. Юнкеръ и митрополитъ Исидоръ. Въ настоящее время географическое общество имѣетъ въ средѣ своихъ 985 членовъ шестнадцать августѣйшихъ особъ и 24 почетныхъ члена. Въ 1892 г. главная дѣятельность общества заключалась въ подготовкѣ и снаряженіи двухъ большихъ и важныхъ экспедицій для изслѣдованія нагорной окраины Средней Азіи. Одна экспедиція (восточная), въ составѣ Г. Н. Потанина, гг. Березовскаго и Обручева, уже начала свои дѣйствія. Другая, западная, отправится въ путь весною. Прекрасно снаряженная, руководимая опытными лицами экспедиціи, безъ сомнѣнія, дадутъ богатые результаты. Изъ другихъ предполагаемыхъ экспедицій заслуживаетъ вниманія экспедиція г. Истомина въ Вологодскую, Вятскую и др. губерніи для собиранія русскихъ пѣсней съ напѣвами. Помимо научныхъ экскурсій, наблюденій и изслѣдованій въ теченіе отчетнаго года, общество устроило географическую выставку въ Москвѣ и принимало участіе въ географическомъ конгрессѣ въ Генуѣ. Капиталъ общества достигаетъ 122.100 рублей. За болѣе выдающіеся научные труды въ минувшемъ году членамъ общества присуждены медали. По отдѣленію географіи математической и физической: Константиновская медаль — А. П. Карпинскому; графа Ф. И. Литке — А. В. Клоссовскому; Н. М. Пржевальскаго — Н. А. Андрусову; малая золотая медаль — М. М. Поморцеву и А. П. Соколову серебряныя медали — гг. Михайлову, Спирову, Богуславскому, Лепетъ, Бѣлявскому, Свенъ-Гедину, Каллистратову, Попруженко, Адамову, Вѣльскому Дмитріеву и Любославскому. По отдѣленію статистики: золотая медаль — г. Бородину. По отдѣленію этнографіи: большая золотая медаль — А. И. Соболевскому; малая золотая — Э. А. Вальтеру; большая серебряная имени Н. М. Пржевальскаго — Н. М. Андрусову; малая серебряныя медали — гг. Валтрамайтису, Еліазарову, Шустикову, Евсееву, Свѣтлову, Альхимовичу, Рудинскому, Поплавскому, Верещагину, Дягилеву и Щорбову.

Тридцатипятилѣтняя дѣятельность В. И. Сергѣевича. 5-го января исполнилось 35 лѣтъ учено-педагогической и литературной дѣятельности ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи русскаго права въ Петербургскомъ университетѣ, доктора государственнаго права Василія Ивановича Сергѣевича, состоящаго съ 1888 г. и деканомъ юридическаго факультета. Родился В. И. въ началѣ 40-хъ годовъ и высшее образованіе получалъ въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, который окончилъ въ 1858 г. Учено-педагогическую дѣятельность В. И. Сергѣевичъ началъ въ Москвѣ же учителемъ законовѣдѣнія въ первой гимназій, куда былъ назначенъ 5-го января 1858 г. Въ 1862 г. молодой юристъ, какъ одинъ изъ способнѣйшихъ, былъ командированъ на два года за границу для усовершенствованія въ наукахъ. По возвращеніи изъ-за границы въ 1865 г. В. И. Сергѣевичъ блестяще защитилъ диссертацию на степень магистра государственнаго права — «Вѣче

и князь». Въ 1868 г. мы видимъ уже талантливаго юриста доцентомъ кафедры государственнаго права въ Московскомъ университетѣ. Въ 1871 г. онъ защитилъ диссертацию «Задачи и методъ государственныхъ наукъ» на степені доктора государственнаго права, и въ томъ же году былъ приглашенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ въ Московскій университетъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ ординарнымъ. Въ Петербургѣ В. И. Сергѣевичъ перемѣщенъ въ августѣ 1872 г. ординарнымъ же профессоромъ на кафедру государственнаго права. Симпатичная и плодотворная дѣятельность профессора не ограничивается только однимъ университетомъ. Среди ученыхъ трудовъ, почтенный В. И. Сергѣевичъ находитъ еще время и для благотворительной дѣятельности. Онъ состоитъ председателемъ петербургскаго общества для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, пожизненнымъ членомъ общества для пособія студентамъ Петербургскаго университета и членомъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, членомъ юридическаго общества и др.

Историческое общество. Въ годовомъ засѣданіи, какъ видно изъ отчета прочитаннаго секретаремъ, общество, существующее только три года, въ настоящее время имѣетъ до 260 членовъ. Дѣятельность его выражается въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ во время публичныхъ засѣданій, въ образованіи особой историко-педагогической секціи для разработки вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, въ изданіи сборника «Историческое Обзорніе». Пятый томъ этого сборника выходитъ въ свѣтъ. Главные денежные ресурсы, которыми пользуется общество, состояются изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ по пяти рублей въ годъ; но, къ сожалѣнію, въ отчетномъ году эти взносы дѣлались далеко не аккуратно, что значительно подрываетъ средства общества. Въ заключеніе председатель общества, профессоръ Н. И. Карѣвъ, прочелъ рефератъ о новомъ трудѣ по исторіи гуманизма, о книгѣ приватъ-доцента Московскаго университета М. С. Карелина: «Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія». Это капитальное сочиненіе представлено было, какъ диссертация на степень магистра; но совѣтъ Московскаго университета, въ виду его выдающихся достоинствъ, нашелъ возможнымъ присудить его автору, минуя магистерскую степень, степень доктора исторіи. Сочиненіе М. С. Карелина весьма важно для оцѣнки того умственнаго движенія европейской мысли, которое принято называть гуманизмомъ, сущность котораго и до сихъ поръ считается еще довольно загадочной. Этимъ именемъ обыкновенно называютъ то обращеніе мысли къ классической древности, которое началось въ Италіи въ срединѣ вѣка и особенно ярко выразилось въ умственной жизни Европы въ эпоху Возрожденія. Но этимъ еще далеко не все сказано. Гуманизмъ имѣлъ болѣе широкое и важное значеніе. Въ немъ выразились новыя умственные потребности, народившіяся въ то время въ европейской жизни, стремленіе создать новое міровоззрѣніе. По мнѣнію автора разбираемаго труда, это было проявленіе индивидуализма новаго времени, желаніе сбросить съ себя разныя оковы, которыя до тѣхъ поръ сковывали мысль,—оковы схоластики, аскетизма и прочія. Въ срединѣ вѣка на первомъ планѣ были богословскіе вопросы, теперь на сцену выступаетъ человекъ съ запросами своей жизни (откуда и названіе этого направленія гуманистическимъ). Гуманисты перевели мысль въ религіозной области въ область свѣтской жизни, создали идеаль свѣтскаго образованія, поставили на совершенно новую почву вопросы нравственности. Гуманизмъ не былъ только мѣстнымъ явленіемъ, хотъ онъ и приурочивается къ нѣкоторымъ странамъ: онъ имѣетъ такое же обще-европейское значеніе, какъ реформація въ XVI вѣкѣ и революція въ XVIII вѣкѣ. Философія прошлаго вѣка имѣетъ прямую связь съ нимъ. Сочиненіе г. Карелина вмѣстѣ съ исторіей гуманизма въ Италіи представляетъ самый подробный и обстоятельный разборъ всѣхъ

миѣній объ этомъ умственномъ движеніи. Этотъ весьма солидный трудъ, результатъ долгихъ изслѣдованій автора, по замѣчанію профессора Карѣева, можетъ служить прекраснымъ пособіемъ при изученіи исторіи умственнаго развитія Европы.—1. Пташинскій сообщилъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ по исторіи западной Россіи конца XVI вѣка. Эти матеріалы собраны Прохаской, извѣстнымъ своими изслѣдованіями по исторіи западной Россіи, и заключаютъ 625 писемъ, найденныхъ въ архивѣ Льва Сапѣги. Въ нихъ обсуждаются вопросы государственные и политическіе; событія, происходившія въ Россіи въ XVI вѣкѣ, освѣщаются нѣсколько иначе, чѣмъ освѣщены они въ извѣстныхъ трудахъ по исторіи Соловьева и другихъ историковъ. Въ 1587 г. въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ находился русскій царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Это подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ письмомъ Льва Сапѣги, бывшаго въ то время литовскимъ вице-канцлеромъ. «Господь мнѣ свидѣтель,—пишетъ Сапѣга къ Хр. Радавиллу,—что желалъ я имѣть государемъ московскаго князя, хотя и видѣлъ много препятствій къ этому». Событія, происходившія въ Москвѣ послѣ смерти Ѳеодора Ивановича, сильно интересовали Литву и ея канцлера Сапѣгу. Староста Оршанскій Андрей Сапѣга по поводу этихъ событій писалъ: «Шпіоны, которыхъ я послалъ за границу, сообщили мнѣ, что четыре кандидата желаютъ быть избранными: Годуновъ, Мстиславскій, Ѳеодоръ Романовичъ Никитичъ, и Бѣльскій. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ больше всего можетъ рассчитывать Ѳеодоръ Романовичъ Никитичъ. Въ Москвѣ большая тревога. Годуновъ, когда увидѣлъ, что великій князь московскій недолго будетъ жить, пришелъ къ нему, когда тамъ была княгиня и Ѳеодоръ Романовичъ и сталъ съ плачемъ спрашивать и просить князя сказать, кого считаетъ достойнымъ послѣ себя избранію въ великіе князья въ надеждѣ, что укажетъ на него. На это князь сказалъ ему: ты не можешь быть великимъ княземъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если тебя единогласно выберутъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, такъ какъ ты подлаго рода. При этомъ указалъ на Ѳеодора Романовича и сказалъ, что его скорѣе выберутъ. Уговорилъ Ѳеодора Романовича, на случай его избранія, не оставлять Годунова и безъ его совѣта ничего не дѣлать, такъ какъ Годуновъ умнѣе всѣхъ». Въ этихъ же письмахъ отъ 1598 года находится любопытное извѣстіе о возможности появленія самозванца. «Послѣ смерти великаго князя,—писалъ Сапѣга,—Годуновъ имѣлъ при себѣ своего друга, очень похожаго во всѣхъ отношеніяхъ на покойнаго князя Дмитрія. Написано было отъ имени этого князя Дмитрія письмо въ Смоленскъ, что онъ уже сдѣлался великимъ княземъ. Москва стала удивляться, откуда онъ появился. Когда этотъ слухъ дошелъ до бояръ, стали другъ друга спрашивать. Воевода Нагойъ сказалъ: князя Дмитрія на свѣтѣ нѣтъ, а сосѣдъ мой астраханскій живунъ Бимяловскій обо всемъ этомъ знаетъ. Тотчасъ за нимъ послали и по приѣздѣ стали его пытать, допрашивая о князѣ Дмитрѣ. Онъ на пыткѣ сказалъ, что онъ самъ его убилъ по приказанію Годунова, и что Годуновъ хотѣлъ свсего друга, похожаго на Дмитрія, выдать за князя Дмитрія, чтобъ его избрали княземъ, если не хотятъ его самого. Этого живуна астраханскаго четвертовали, а Годунова стали упрекать, что онъ измѣнникъ своимъ государямъ, измѣною убиъ Дмитрія, который теперь очень нуженъ, а великаго князя отравилъ, желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Изъ этой ссорѣ князь Ѳеодоръ Романовичъ бросился на Годунова съ пожемы и намѣревался его убить, но бояре не допустили этого». Всѣ приведенныя письма если и не достовѣрны, то во всякомъ случаѣ характеризуютъ народную молву, что является, конечно, цѣннымъ матеріаломъ для правильного освѣщенія событій конца XVI вѣка.

Общество любителей древней письменности. И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о житіи св. Питирима, епископа пермскаго. Доселѣ было извѣстно довольно длинное житіе его, написанное въ XVIII вѣкѣ и изданное г. Михайловымъ;

но теперь референтъ отыскалъ проложную память Питирима въ рукописи XVI вѣка. Разсматривая оба текста, г. Шляпкинъ пришелъ къ выводу, что редакція XVIII вѣка стоитъ въ зависимости отъ «Памяти» и интерполирована вставками изъ другихъ житій. Секретарь общества, доложивъ собранію о выходѣ въ свѣтъ 92-го выпуска Памятниковъ: «Изреченія Исихія и Варнавы Неподобнаго» (трудъ В. А. Семенова) и 102-го нумера изданій общества: «Можайскіе акты» (собраніе архим. Діонисія), сдѣлалъ сообщеніе о новомъ апокрифѣ, имѣющемъ связь съ повѣстью о Синагрипѣ. Разскажъ этотъ, озаглавленный «Словомъ о патріархѣ Θεостириктѣ», носитъ всѣ признаки византійскаго происхожденія и въ основѣ содержитъ разъясненіе вопроса, почему святой 29-го февраля, Θεостириктъ, подобно Кассіану, чествуется церковью всего разъ въ четыре года, тогда какъ, напр., память св. Николая празднуется два и даже три раза въ году. М. А. Гамазовъ принесъ въ даръ музею общества дубовую вѣтку съ могилы Вашингтона и придворную скатерть 1783 г. съ инициалами великой княгини Екатерины Павловны. П. А. Сырку сдѣлалъ докладъ объ одномъ неизвѣстномъ доселѣ сербскомъ сочиненіи, написанномъ въ Россіи въ концѣ XVII вѣка и посвященномъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, по порученію которой, какъ полагаетъ референтъ, и написана самая книга. Авторъ ея, діаконъ Аеанасій, находился сначала въ турецкомъ плѣну и по прибытіи въ Россію написалъ книгу о запустѣніи Сербской земли въ XVII вѣкѣ: Сербія испытала въ это время тройное бѣдствіе—отъ мора, голода и нѣмцевъ. Плачь его о гибели отечества, напоминающій плачь Іереміи, задушевенъ и трогателенъ. Вслѣдъ за тѣмъ Хр. М. Лопаревъ сдѣлалъ докладъ о неизданномъ доселѣ памятникѣ русской литературы XII вѣка, отрывки изъ котораго были напечатаны Погоднымъ: это похвальное слово на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба, любопытное своимъ историческимъ анекдотомъ о черняговскомъ князѣ Давидѣ Святославичѣ, неизвѣстномъ по лѣтописямъ. Наконецъ секретарь общества доложилъ о принесеніи А. Д. Способинымъ, чрезъ посредство П. Д. Ахлестышева, въ даръ музею нѣсколькихъ рукописей, изъ которыхъ одна XVIII вѣка, на нѣмецкомъ языкѣ, содержитъ въ себѣ подлинный дневникъ одного члена посольства Шувалова, а также 50 экземпляровъ шестой книги «Рода Шереметевыхъ» А. П. Барсукова. Кромѣ того, профессоръ Римскаго университета графъ Анжело-ди-Губернатисъ прислалъ составленный по его инициативѣ роскошный *Albo di opozanze internazionali a Cristoforo Colombo*, въ которомъ собраны автографы всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ геуэвскомъ юбилей Колумба.

Отчетъ Карамзинской бібліотени за 1891—1892 бібліотечный годъ. Къ 26-му ноября 1891 года состояло бібліотечныхъ суммъ на лицо: 17.122 рубля 72 коп. Залоговъ осталось: 2.696 рублей 59 коп. Съ 26-го ноября 1891 г. до 20-го ноября 1892 г. поступило пособій, пожертвованій, процентовъ и проч. 1.504 рубля 30 коп., залоговыхъ 1.332 рубля, а съ остаткомъ на приходѣ 22.655 рублей, 61 коп. Употреблено въ расходъ: на жалованье и награды служащимъ 784 рубля, на выписку книгъ, журналовъ и переплетъ книгъ 579 рублей 75 коп.; на канцелярскіе расходы, ремонтъ и проч. 1.600 рублей, возвращено залоговъ 1.435 рублей; всего 3.035 рублей. Къ 20-му ноября состояло бібліотечныхъ суммъ на лицо: 17.026 рублей 49 коп., залоговъ 2.593 рубля 59 коп. Журналовъ и газетъ въ 1892 г. получалось 48. Книгъ въ бібліотекѣ 13.407 въ 23.272 томахъ. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Посѣтившихъ въ теченіе года бібліотеку опредѣлить трудно; приходило отъ 30 до 70 человекъ ежедневно. Бравшихъ подъ залого книги и ноты на домъ было 210 человекъ. Этимъ абонентамъ было выдано 17.794 тома, въ томъ числѣ: журналовъ 7.876, французскихъ книгъ 241, нѣмецкихъ 41, англійскихъ 1. Въ числѣ русскихъ книгъ было выдано изъ отдѣла литературы и изящной словесности 7.296, изъ исторіи 311, дѣтскихъ книгъ 450, исторіи литературы и критики 378 и проч.

† 21-го января въ сельцѣ Батищевѣ (Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи) нашъ извѣстный ученый и сельскій хозяинъ Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ, на 65-мъ году. Это не былъ сухой ученый, хотя до семидесятыхъ годовъ онъ читалъ лекціи земледѣльской химіи и перевелъ «Земледѣльческую химію» Гофмана, въ которой больше цѣнны самыя замѣчанія переводчика, чѣмъ текстъ, но и на кафедрѣ въ Лѣсномъ институтѣ онъ являлся живымъ чело-вѣкомъ и изъ сухой, переполненной сложными химическими формулами науки сумѣлъ сдѣлать увлекательный предметъ преподаванія. А. Н. происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и получилъ образованіе въ артилерійской военной академіи, гдѣ окончилъ полный курсъ. Служа въ артилерійскомъ управленіи, А. Н. специально занялся изученіемъ химіи и успѣлъ въ ней на столько, что, при преобразованіи Лѣснаго института, былъ приглашенъ туда профессоромъ химіи, гдѣ и оставался съ 1864 года по 1875 годъ. Въ бытность въ Лѣсномъ институтѣ, онъ основалъ тамъ образцовую химическую лабораторію, которою и до сихъ поръ Лѣсной институтъ гордится. Принужденный покинуть кафедру и Петербургъ, онъ поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ специально занялся примѣненіемъ химіи къ земледѣлію. Его труды въ этой области обратили на себя вниманіе не только у насъ въ Россіи, но и заграничей. Онъ обратился въ замѣчательнаго агронома-практика, сдѣлавшаго переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Къ Энгельгардту ѣздили учиться этому хозяйству многіе, особенно молодежь. И это ученіе было серьезное, потому что А. Н. заставлялъ учениковъ работать наравнѣ съ своими рабочими, исходя изъ того принципа, что только изъ того выйдетъ хорошій хозяинъ, кто самъ узнаетъ всѣ подробности хозяйства и будетъ въ состояніи самъ встать на мѣсто рабочаго и показать ему, какъ надо работать. Въ скоромъ времени сельцо Батищево обратилось въ сельско-хозяйственную опытную станцію, снабжавшую совѣтами, указаніями и опытными агрономами всю Россію. Заботясь о томъ, какъ лучше удобрить пашню, Энгельгардтъ не забывалъ и литературы, въ которую онъ сдѣлалъ цѣнные вклады. Тотчасъ же по водвореніи въ Батищевѣ, онъ началъ рядъ популярно написанныхъ статей о сельскомъ хозяйствѣ, которыя помѣщались преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ», а нѣкоторыя изъ нихъ выходили затѣмъ отдѣльными изданіями, какъ: «Вопросы русскаго сельскаго хозяйства», «Химическія основы земледѣлія», «Исторія моего хозяйства», рядъ статей о фосфоритахъ и проч. Но главнымъ его литературнымъ трудомъ являются «Письма изъ деревни», въ которыхъ онъ нарисовалъ яркую и рельефную картину русской деревни такъ, какъ она проходила у него передъ глазами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Книга эта имѣла большой успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій. Блестящимъ, рѣдкимъ и если не единственнымъ, то однимъ изъ единичныхъ исключеній въ ряду дѣятелей русскаго земледѣлія являлся Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ. Но и въ его судьбѣ, и въ обстановкѣ его плодотворной дѣятельности много было ненормальнаго. Даровитый ученый, выбитый обстоятельствами изъ колеи обычнаго, научнаго академическаго пути, очутившійся въ деревнѣ не потому, чтобы у него была охота жить и работать въ Батищевѣ, онъ дѣйствительно обладалъ въ научномъ отношеніи достаточными знаніями и развитіемъ для того, чтобы въ союзѣ съ природными дарованіями, оказать тѣ услуги русскому земледѣлію, которыя извѣстны всей земледѣльческой и образованной Россіи. Но при своихъ способностяхъ и познаніяхъ онъ принесъ бы русскому земледѣлію больше пользы, если бы ему пришлось работать не въ тѣхъ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, въ которыя было поставлено Батищевское хозяйство. Энгельгардтъ былъ воплощеннымъ типомъ экспериментальнаго земледѣльца, но не дожилъ до созданія въ Россіи министерства земледѣлія, которое, можетъ быть, дало бы и Энгельгардту возможность вести агрономическіе опыты, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и даже о на-

сущномъ хлѣбѣ. Батищевскій землеиспытатель вель дѣло на свой страхъ, на свои средства и постоянно долженъ былъ соразмѣрять свои опыты съ положеніемъ своего кошелька. Правда, послѣ цѣлаго ряда годовъ тяжелыхъ опытовъ, польза ихъ была признана официально, и до извѣстной степени Энгельгардтъ былъ вознагражденъ и матеріально. Но это произошло лишь недавно, а передъ тѣмъ Энгельгардту пришлось одолѣть не мало матеріальныхъ препятствій и испытаній на пути своихъ земледѣльческихъ опытовъ: тѣмъ больше чести и славы честному труженику, одному изъ немногихъ ученыхъ, посвятившихъ свое дарованіе и силы русскому земледѣлію!

† Въ Одессѣ бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа Адамъ Антоновичъ Арцимовичъ, на 65-мъ году. Сынъ профессора астрономіи и воспитанникъ училища правовѣдѣнія, онъ принадлежалъ къ виднымъ общественнымъ дѣятелямъ, память о которыхъ связана съ эпохой освобожденія крестьянъ. Вскорѣ по окончаніи курса Арцимовичъ производилъ ревизію гражданской части въ западной Сибири и, благодаря энергичному отношенію къ отвѣстному дѣлу, обратилъ на себя вниманіе администраторовъ. На 32-мъ году, въ 1860 году, покойный былъ назначенъ самарскимъ губернаторомъ и на него возложено освобожденіе мѣстныхъ крестьянъ. Молодой губернаторъ отнесся къ интересамъ крестьянъ съ большой заботливостію и смѣлъ при помощи убѣжденія и власти отстоять ихъ интересы отъ противниковъ освободительной реформы. Въ концѣ 1861 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятій въ комисіи по введенію уставныхъ грамотъ, образованной изъ представителей разныхъ министерствъ. Живя въ Петербургѣ, Арцимовичъ былъ введенъ въ кружокъ лицъ, образовавшихся около великой княгини Елены Павловны и постоянными участниками котораго были великій князь Константинъ Николаевичъ и министръ народнаго просвѣщенія—Головнинъ. Въ этомъ кружкѣ впервые возникла мысль объ основаніи Новороссійскаго университета съ политической цѣлью—противодѣйствовать Загребскому университету. Предполагавшійся Новороссійскій университетъ предназначался для уроженцевъ славянскихъ и вообще христіанскихъ земель Балканскаго полуострова. Осуществленіе мысли было поручено покойному, который, въ качествѣ попечителя Одесскаго учебнаго округа, отправился въ 1862 г. въ Одесу. Арцимовичу пришлось побороть много препятствій, употребить массу усилій, пока учрежденіе университета стало фактомъ. Онъ былъ попечителемъ до 1866 г. и за четыре года своей дѣятельности, на югѣ Россіи принялъ живое участіе въ основаніи Николаевской гимназіи и Одесскаго коммерческаго училища.

† Въ Новгородской губерніи одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстныхъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей—Ведоръ Дмитріевичъ Студитскій, на 79-мъ году. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ по филологическому факультету, онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ Порховское уѣздное училище, но скорѣе переведенъ преподавателемъ въ Псковскую гимназію. За настойчивое искорененіе педагогическихъ несообразностей, въ родѣ безсознательной долбни на урокахъ, Студитскій подвергся преслѣдованію и изъ Пскова былъ отправленъ учителемъ въ Вытегру, въ мѣстное уѣздное училище. Глухая провинціальная жизнь не удовлетворяла педагога, и онъ перевелся въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался преподавателемъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, женскихъ институтахъ: Смольномъ, Екатерининскомъ и Павловскомъ, въ Коломенской и Вознесенской гимназіяхъ. Съ 1837 г. и до конца жизни одушевляемый желаніемъ пользы, Студитскій неутомимо боролся, писалъ и говорилъ за самостоятельное и сознательное участіе воспитывающихся въ трудѣ по изученію учебныхъ предметовъ, неоднократно высказывался за реальное и профессиональное направленіе образованія въ Россіи, за введеніе занятій въ учеб-

ныхъ заведеніяхъ: въ городскихъ—ручнымъ трудомъ, сельскихъ—подходящею отраслю изъ сельскаго хозяйства. Въ борьбѣ за идею онъ не щадилъ ни матеріальныхъ, ни служебныхъ интересовъ, а вложилъ въ нее всю свою душу, увлекаясь правдой и общей полнотой. По выходѣ въ отставку, послѣ 32-хъ лѣтъ службы, онъ принялъ дѣятельное участіе въ газетахъ «Содѣйствіе Русской Торговли и Промышленности» и «Дѣятельность» и редактировалъ народную газету «Мірское Слово». Кромѣ того, онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ и участникомъ общества для содѣйствія торговому мореходству, Вольнаго экономическаго общества (съ 1848 г.), комитета грамотности (съ 1861 г.). Гола четыре тому назадъ онъ поселился въ деревнѣ Новгородской губ. и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Изъ его трудовъ по учебной литературѣ имѣли въ свое время большое значеніе «Географія для дѣтей» (1840 г.), «Географія Россіи» (1844 г.) и «Русская азбука для дѣтей съ подвижными буквами», 1846 г. Этою азбукою Студитскій первый въ Россіи ввелъ болѣе легкій способъ обученія грамотѣ съ помощью подвижныхъ буквъ.

† 14-го декабря, въ Александровской евангелическо-лютеранской больницѣ на 29 году, членъ-сотрудникъ археологическаго института Михаилъ Ивановичъ Безсребренниковъ. Съ поступленіемъ въ 1885 г. въ археологическій институтъ, М. И. съ особенной любовью занимался изученіемъ русскихъ историческихъ памятниковъ, русской генеалогіи и геральдики. За послѣднія пять лѣтъ, его излюбленнымъ предметомъ сдѣлалась русская генеалогія. Результатомъ работъ его въ этой области, явился почти готовый къ выходу изъ печати объемистый трудъ, подъ заглавіемъ «Родъ Челищевыхъ», приготовленные къ изданію матеріалы о родѣ Асташевыхъ и, наконецъ, рядъ генеалогическихъ статей, помѣщенныхъ въ энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ г. Ефрономъ.

† 31-го января, заслуженный профессоръ Юлій Эдуардовичъ Янсонъ, отличавшійся высокими нравственными качествами, опытный знатокъ статистики и общественный дѣятель. Умеръ онъ совершенно неожиданно. Еще 30-го января, чувствуя себя вполне бодрымъ, Ю. Э. Янсонъ отправился въ гости; возвратившись домой въ третьемъ часу ночи, онъ почувствовалъ себя дурно. Медицинская помощь оказалась излишней. Врачъ констатировалъ смерть отъ разрыва сердца. Янсонъ родился 5-го ноября 1835 г. въ Кіевѣ; образованіе получилъ многостороннее, поступилъ на медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, перешелъ на историко-филологическій, на которомъ кончилъ курсъ съ золотой медалью и со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Выступивъ на поприще практической дѣятельности въ качествѣ преподавателя кіевской 1-й гимназіи, Янсонъ все свободное время посвящалъ изученію политической экономіи и сельскаго хозяйства. Въ 1860 г. онъ былъ приглашенъ въ Горыгорцкій земледѣльческій институтъ адъюнктомъ по кафедрѣ сельско-хозяйственной статистики и политической экономіи и, когда земледѣльческій институтъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ 1864 г., Ю. Э. поселился въ Петербургѣ и съ того времени не разставался съ нимъ. Молодой адъюнктъ быстро приобрѣлъ извѣстность. Въ 1865 г. онъ блестяще защитилъ диссертацию: «Теорія ренты Риккардо», на степень магистра политической экономіи и статистики, а въ слѣдующемъ году сталъ читать лекціи по этимъ предметамъ въ Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ статистику въ Александровскомъ лицей, политическую экономію въ Лѣсномъ институтѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Географическое общество поручило профессору Янсону изслѣдованіе хозяйственной промышленности и хлѣбной торговли на юго-западѣ Россіи. Онъ собралъ обстоятельный и богатый матеріалъ, особенно о хлѣбопашествѣ и торговлѣ въ Новороссіи, на Волынѣ, въ Крыму и Пинскомъ районѣ. Напечатанныя въ это время двѣ статьи его: «О значеніи путей

сообщенія въ народномъ хозяйствѣ» и «О вліяніи реформы 1861 г. на помѣщичье и крестьянское хозяйство и на хлѣбную торговлю юго-запада Россіи»—вызвали оживленную полемику. Цифровыя данныя, собранныя Янсономъ, и выводы, сдѣланные А. Н. Энгельгартомъ въ статьяхъ «Изъ деревни», ярко характеризовали положеніе крестьянскаго землевладѣнія и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ. Въ 1870 г. покойный защитилъ диссертацию въ Петербургскомъ университетѣ на степень доктора политической экономіи. Въ послѣднее время онъ завѣдовалъ статистическимъ отдѣленіемъ, устроеннымъ имъ же при петербургской городской управѣ, и былъ членомъ статистическаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Перу покойнаго принадлежитъ много статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ» («Экономическое обозрѣніе») и «Русской Рѣчи» («Обзоръ мѣръ правительства по переселенію крестьянъ послѣ 1861 г.» и др.). Изъ его крупныхъ трудовъ—важнѣйшіе: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» (1877 г. и 1881 г.) и два тома «Сравнительной статистики Россіи и западно-европейскихъ государствъ» (1873—1880 гг.).

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ДУБЕНСКІЙ.

3-го ноября прошлаго 1892 г. въ земской больницѣ уѣзнаго г. Судогды, одного изъ самыхъ маленькихъ и незначительныхъ городовъ Владимірской губерніи, умеръ 70-ти лѣтъ отъ роду коллежскій совѣтникъ Николай Яковлевичъ Дубенскій. Не великъ насчитывается кругъ тѣхъ, кто зналъ этого чело-вѣка при его жизни, и не для многихъ, конечно, смерть его принесла печаль и горесть. Для громаднаго большинства Н. Я. Дубенскій былъ полной неизвѣстностью во время его жизни и остается ею послѣ смерти. А между тѣмъ жизнь, трудъ и дѣятельность этого недавно скончавшагося 70-ти-лѣтняго старца на пользу Россіи вообще и въ особенности на пользу Владимірской губерніи на столько были значительны и почтенны, что пройти ихъ полнымъ молчаніемъ, хотя бы послѣ смерти Н. Я. Дубенскаго, было бы по меньшей мѣрѣ непростительно; скажемъ даже больше, что это было бы нравственной неблагодарностью.

Н. Я. Дубенскій былъ сынъ причетника въ с. Пятицѣ-Дубенкахъ, Судогодскаго уѣзда, Якова Ивановича Соколова, и родился 30-го ноября 1822 года. Образование свое онъ началъ во Владимірскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ продолжалъ его во Владимірской духовной семинаріи. По окончаніи здѣсь полнаго курса наукъ, Н. Я. Дубенскій поступилъ въ Горьгорѣцкую земледѣльческую школу, гдѣ въ 1846 г. и закончилъ свое образованіе. Хотя въ духовныхъ семинаріяхъ того времени большинство главныхъ предметовъ и преподавалось на средне-вѣковомъ латинскомъ языкѣ, но не было еще того всепожарающаго классицизма, какъ нынѣ, и не страдали онѣ боязнію естественныхъ наукъ. А потому, въ числѣ многихъ другихъ предметовъ, въ тогдашнихъ духовныхъ семинаріяхъ, между прочимъ, преподавались медицина и сельское хозяйство: первая въ видахъ тѣхъ, чтобы черезъ духовенство этимъ путемъ подавать начальную помощь простому народу въ его болѣзняхъ, а второе—чтобы знакомить лишь само духовенство съ тѣмъ, какъ обходиться съ землею, которую въ тѣ времена ему самому

еще суждено было обработывать и воздѣлывать для добыванія главныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. Благодаря этому, и Н. Я., по окончаніи имъ курса въ Горыгорѣцкой школѣ, удалось занять мѣсто преподавателя сельскаго хозяйства на своей родинѣ въ той же Владимірской духовной семинаріи, гдѣ онъ когда-то и самъ получалъ образованіе. И теперь еще среди владимірскаго духовенства есть лица, которыя у Н. Я. учились сельскому хозяйству, помнятъ его, какъ преподавателя этого предмета, и знаютъ, съ помощію какихъ своеобразныхъ приѣмовъ по тогдашнему времени этотъ юный и энергичный учитель старался сообщать своимъ молодымъ слушателямъ свѣдѣнія по любимому имъ и интересному на его взглядъ предмету. Но для молодыхъ силъ юнаго преподавателя мало было только учить сельскому хозяйству въ семинаріи. Предавшись горячо своему дѣлу, Н. Я. Дубенскій нашелъ еще необходимымъ и нужнымъ посвятить себя и изученію Владимірской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Не по проточной дорогѣ на этотъ разъ избралъ себѣ путь Н. Я. Въ литературѣ тогдашняго времени не существовало никакихъ свѣдѣній относительно Владимірской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Н. Я. приходилось все начинать и создавать. И, не смотря на новизну дѣла, онъ смѣло и энергично пошелъ къ намѣченной имъ цѣли и съ замѣчательнымъ по тому времени успѣхомъ сталъ выполнять назначенную имъ себѣ задачу. Занимая въ 50-хъ годахъ должности секретаря Владимірскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета, а съ 1854 г.—секретаря Юрьевскаго общества сельскаго хозяйства, помощника секретаря статистическаго комитета, и д. секретаря мануфактуръ-совѣта Владимірской губерніи, секретаря Владимірскаго общества рысакскихъ бѣговъ и, наконецъ, чиновника особыхъ порученій при владимірскомъ губернаторѣ — должности по тогдашнему времени и видныя и отвѣтственныя, — Н. Я., пользуясь такими благоприятными обстоятельствами для успѣшнаго выполненія того, чему онъ посвятилъ себя, немедленно же сталъ собирать всѣ возможные свѣдѣнія о Владимірской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и оглашать ихъ путемъ мѣстной печати и въ другихъ повременныхъ издаціяхъ. Такимъ образомъ, появились его статьи: «Почвы Владимірской губерніи» («Влад. Губ. Вѣд.», 1851 г., №№ 29, 31); «Владимірская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи» («Журн. Мин. Госуд. Имущ.», 1851 г., май и іюнь, и отд.: Спб., 1851 г.) — за это описаніе авторъ былъ удостоенъ малой золотой медали въ 30 имперіаловъ; «Садоводство Владимірской губерніи» («Труды имп. вольно-эконом. общ.», 1853 г., май—октябрь; «Журн. Мин. Гос. Им.», 1854 г., № 1-й; «Влад. Губ. Вѣд.», 1853 г., №№ 24—30, 33—37; 1856 г., №№ 39—49; 1857 г., №№ 1—4 и 20—25) — за это сочиненіе авторъ удостоенъ былъ большой золотой медали въ 50 имперіаловъ; «Писчебумажная фабрика гг. Солениковыхъ во Владимірской губерніи» («Влад. Губ. Вѣд.», 1854 г., № 36); «Открытіе высочайше утвержденнаго Юрьевскаго общества сельскаго хозяйства и дѣйствія его въ первыя собранія» (тамъ же, №№ 43—46); «Замѣтки о торговлѣ желѣзными издѣліями во Владимірской губерніи» («Коммерч. Газ.», 1854 г., № 144; «Вѣстникъ имп. Русск. геогр. общ.», 1854 г., ч. 11; «Влад. Губ. Вѣд.», 1855 г., № 12—14) — за это сочиненіе объявлена автору благодарность географическаго общества; «Сельскія постройки во Владимірской губерніи» («Журн. Мин. Гос. Имущ.», 1855 г., № 7, и «Журн. Мин. Внутр. Дѣль», 1855, № 7); «Воды Владимірской губерніи» («Журн. Мин. Внутр. Дѣль»), 1855, № 12, стр. 75—105; «Влад.

Губ. Вѣд., 1856 г., №№ 15—17); «Нѣкоторыя соображенія комитета Юрьевскаго общества сельскаго хозяйства по застрахованію строеній и скота во Владимірской губерніи» («Влад. Губ. Вѣд.», 1856 г., № 32); «Открытие Владимірскаго общества рысистыхъ бѣговъ» (тамъ же, №№ 42 и 43); «Лѣса Владимірскаго губерніи» («Записки комитета лѣсоводства», т. 1, 1857 г., стр. 151—212)—за это описаніе автору выдана большая серебряная медаль. Въ 1858 г. Н. Я. помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ и рецензій въ «Земледѣльч. Газетѣ» объ общинномъ владѣніи и по вопросу объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ (см. №№ 28, 74, 83); «О промыслахъ Владимірскаго губерніи» («Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ»), 1858, кн. 9, стр. 1—80; то же во «Влад. Губ. Вѣд.», 1858 г., №№ 47—52; 1859 г., №№ 15—21); обзоръ этой статьи см. въ «Экономич. указат.», 1858 г., № 95; изъ этой же статьи былъ напечатано въ «Горн. Журн.», 1856, ч. IV (№ 11), стр. 387—396: «Желѣзная промышленность, желѣзныя руды и огнепостоянная глина во Владимірскаго губерніи» (см. «Журн. общепол. свѣд.», 1859, № 3; «Коммерч. Газета», 1859, № 2, и «Прозв. и промышл.», 1859 г., № 17); «Вліяніе поземельнаго владѣнія общиннаго и собственниковъ на промышленность народную. Статья I. Вліяніе на заводскую промышленность. Статья II. Вліяніе способовъ землевладѣнія на земледѣльческую промышленность» («Эконом. указат.», 1858, вып. 5 и 8, №№ 57 и 60); «Полезно ли преподаваніе естественной исторіи и сельскаго хозяйства въ духовныхъ семинаріяхъ?» («Земл. Газ.», 1858, № 33); «О производительности, доходности и цѣнности земель Владимірскаго губерніи», 2 статьи («Сельское Благоустр.», 1859, № 1, стр. 91—128, и № 2, стр. 199—214, съ таблицей); «О торговыхъ селахъ Владимірскаго губ.» («Труды имп. вольно-экон. общ.», 1859, т. IV, № 11, стр. 202—214); «Исторія одной почтовой конторы» (въ с. Ивановѣ) («Моск. Вѣд.», 1860, № 174); «Учрежденіе женскихъ училищъ во Владимірскаго губерніи» («Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ», 1860, кн. 5, стр. 49—76; то же во «Влад. Губ. Вѣд.», 1860, №№ 36—39, и въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1860, ч. 107).

Уже самыя заглавія и темы только что перечисленныхъ статей Н. Я. сами собой говорятъ, на сколько интересно ихъ содержаніе, и на сколько важенъ положенный въ нихъ трудъ. Но этимъ не ограничивается литературная и научная дѣятельность Н. Я. Дубенскаго въ пятидесятыхъ годахъ. За тѣ же годы во «Влад. Губ. Вѣд.» напечатано и еще много разныхъ статей и замѣтокъ Н. Я., безъ его подписи. Плодомъ этого же времени были его статьи объ «Юрьевскомъ обществѣ сельскаго хозяйства» и объ «Обществѣ рысистыхъ бѣговъ».

Къ концу 50-хъ годовъ Н. Я. Дубенскій оставилъ службу во Владимірѣ и переселился въ Петербургъ. Какъ извѣстно, тамъ въ это время дѣятельно разрабатывался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Обладая обширными свѣдѣніями и по этой части, Н. Я. пришлось и тутъ внести свою лепту труда. И въ этомъ великомъ дѣлѣ нашлась ему роль и работа, которой онъ и предался отъ всей души до самозабвенія. Объ этой порѣ жизни и дѣятельности въ Петербургѣ Н. Я. всегда съ удовольствіемъ любилъ вспоминать въ послѣднее время на склопѣ своихъ дней. И, конечно, немало интересныхъ воспоминаній изъ этого важнаго для Россіи времени онъ унесъ съ собой въ могилу. Но, и работая въ Петербургѣ, Н. Я., всетаки, не забывалъ своей родины и попрежнему продолжалъ посвящать и удѣлять ей свои литературныя и научныя труды. Такъ въ это время онъ

написалъ: «Владимірская сторона и владимірцы» («Сельск. Хозяйство», 1862, т. IV, № 12, стр. 213—249); «Устройство крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости» («Экономистъ», 1862, кн. 7—8); «Изъ поѣздки по губерніямъ для устройства крестьянскихъ дѣлъ» («Сельск. Хоз.», 1862, т. IV, № 10, стр. 61—110, и № 11, стр. 137—191); «Нищенство во Владимирской губерніи, какъ промыселъ» (ежемѣс. прил. къ газ. «Народн. Богатство», 1863, № 6; то же въ «Грамотѣ», 1864 г., кн. 2); на эту статью г. Трохимовскій сдѣлалъ замѣчаніе въ № 204 «Народн. Богатства», а Дубенскій отвѣтилъ: «Куда пропадаютъ тысячи душъ при очередныхъ народныхъ переписяхъ?» (отвѣтъ г. управляющему Владимирскою удѣльною конторою Николаю Трохимовскому), въ «Народн. Богатствѣ», 1863, № 23; «Значеніе земли, какъ производительной силы и какъ предмета приложенія труда въ разныхъ полосахъ Россіи» (ежем. прил. къ газетѣ «Народн. Богатство», 1863 г., № 1).

Трудясь и работая въ Петербургѣ, Н. Я., кромѣ составленія статей о своей родинѣ, не забывалъ отзываться такъ же и на разные другіе жгучіе по тому времени вопросы въ печати. Такъ, напримѣръ, въ «Трудахъ имп. вольно экон. общ.», 1861 г., № 6, онъ помѣстилъ довольно большую статью по поводу статьи г. Татаринова—«Торговля С.-Петербургскаго порта въ 1860 году».

И не одной только Владимирской губерніи и С.-Петербургу посвящалъ Н. Я. Дубенскій свою дѣятельность и долготѣніе труды. Въ 1864 г. онъ былъ командированъ для устройства крестьянскаго дѣла въ Западный край, гдѣ ему и пришлось служить въ Минской и Могилевской губерніяхъ. Въ послѣдней губерніи вскорѣ онъ былъ сдѣланъ редакторомъ мѣстныхъ «Губернск. Вѣдомостей» съ № 20 1864 г., гдѣ, конечно, тотчасъ же и началъ помѣщать свои статьи. Указывая и перечисляя все, о чемъ писалъ Н. Я. въ «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», мы не будемъ, укажемъ только нѣкоторыя статьи: «Оцѣнка земель въ сѣверо и юго-западномъ краѣ и въ Могилевской губерніи» («Мог. Губ. Вѣд.», 1864, №№ 47—50, 52); «Волга и Днѣпръ, физическія и экономическія параллели» (тамъ же) и др. Помимо сотрудничества въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, Н. Я. Дубенскій продолжалъ энергично работать и въ другихъ изданіяхъ на избранную имъ однажды тему. Такъ онъ, напримѣръ, помѣстилъ за это время статью «Низка ли оцѣнка земель Минской губерніи» въ «Народн. Богатствѣ», 1864 г., №№ 82 и 83; «Поземельный вопросъ въ Западномъ краѣ» въ «Русск. Инвал.», 1867 г., №№ 170, 171, 197 и 198; «Оцѣнка земель Западнаго края. Климатъ и растительность нечерноземной западной полосы»—въ «Виленск. Вѣстникѣ», 1868 г., №№ 1, 2, 4, 5, 7, 9, 12, и много другихъ статей.

Въ концѣ 60-хъ годовъ Н. Я. вышелъ въ отставку. Казалось бы, съ этого времени для полезнаго и энергичнаго дѣятеля должна была начаться спокойная и тихая жизнь; но не многимъ труженикамъ у насъ на Руси выпадаетъ это на долю. Именно съ этого-то времени для Н. Я. и началась жизнь скитальца, тянувшаяся до самой смерти. Съ этого времени Н. Я. пришлось пережить много разныхъ неудачъ, лишеній и разочарованій. Со дня своей отставки Н. Я. попеременно проживалъ или у своихъ родственниковъ въ Смоленскѣ, или во Владимирской губерніи, или пользовался по старой памяти радушнымъ гостепримствомъ у отцовъ-настойтелей разныхъ монастырей или у людей изъ крупнаго торговаго сословія; временами Н. Я. проживалъ и въ Москвѣ среди своихъ старыхъ знакомыхъ изъ литературной братіи.

При отставкѣ Н. Я. Дубенскій получилъ всего 19-ти-рублевую пенсію. Конечно, на эти средства нельзя было существовать, и потому для пополненія своихъ недостатковъ онъ нерѣдко прибѣгалъ опять къ литературному труду. Такъ за это время появлялись его статьи въ «Русск. Міръ», «Современн. Лѣтописи», «Московск. Вѣдом.», «Современн. Извѣст.», «Русск. Вѣдом.», «Русск. Курьеръ» и другихъ изданіяхъ. Въ 1871 г. въ «Совр. Лѣтоп.» (№№ 3—5) онъ помѣстилъ статью — «Крестьянское и господское хозяйство въ Ополецкѣ Владимірской губерніи», писалъ о пожарахъ во Владимірской губ., о движеніи населенія и т. п. Въ 1872 г. въ «Московск. Вѣд.» помѣстилъ отчетъ о сельскохозяйственномъ отдѣлѣ бывшей въ Москвѣ политехнической выставки; въ «Совр. Извѣст.» много писалъ объ устройствѣ хороваго пѣнія въ сельскихъ церквахъ (см., напримѣръ, 1882 г., № 251); изъ послѣднихъ его статей отмѣтимъ — «Страничка изъ жизни нашей деревни» («Русск. Вѣд.», 1886 г., № 174) и «Цѣлебныя подмосковныя озера» («Соврем. Изв.», 1887 г., №№ 68 и 69).

Въ началѣ 1892 года Н. Я. Дубенскій неизлечимо больнымъ и дряхлымъ возвратился опять во Владиміръ и здѣсь вскорѣ поступилъ на излеченіе въ губернскую земскую больницу. Во время скучной, монотонной больничной жизни Н. Я., по старой привычкѣ работать, со свойственною ему всегда наблюдательностью въ послѣдній разъ отмѣтилъ время зацвѣтанія, расцвѣта, отцвѣтанія и появленія плодовъ на окружающихъ деревьяхъ. Въ это время его навѣщали нѣкоторые изъ старыхъ знакомыхъ — Ф. Д. Нефедовъ, Н. С. Стромилловъ, и другіе. Поправившись немного, Н. Я. выписался изъ больницы и въ началѣ іюля отправился на родину, въ село Дубенки, но оттуда вскорѣ, 15-го іюля, опять попалъ въ Судогодскую земскую больницу. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ выписался и изъ этой больницы, но не надолго. Въ октябрѣ, въ послѣднихъ числахъ, Н. Я. былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и за два дня до смерти былъ опять отправленъ въ Судогодскую земскую больницу. Здѣсь, на земской койкѣ, и пришлось закончить свою жизнь энергичному труженнику и работнику. Не мало поработалъ на своемъ вѣку этотъ 70-лѣтній старецъ. Но кто оцѣнитъ его труды? Въ награду за всю свою трудовую жизнь Н. Я. получилъ немного — 19 рублей пенсіи при отставкѣ и земскую койку въ послѣдніе дни своей жизни. Но зато среди знавшихъ его онъ оставилъ по себѣ память добраго и безкорыстно преданнаго своему любимому дѣлу человѣка.

N. N.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Портретъ Лефорта.

Къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы прилагаемъ (въ уменьшенной копіи) весьма рѣдкій портретъ знаменитаго любимца Петра Великаго, Франца Яковлевича Лефорта, гравированный извѣстнымъ граверомъ Шенкомъ въ Амстердамѣ въ 1698 году, когда Лефортъ находился

въ Голландіи, въ главѣ великаго посольства, посланнаго Петромъ къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Портретъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что на немъ Лефортъ изображенъ въ парадномъ платьѣ генераль-адмирала только еще нарождавшагося тогда русскаго флота. За сообщеніе портрета мы обязаны благодарностью П. Я. Дашкову.

II.

Письмо въ редакцію.

Въ № 270 «Правительственнаго Вѣстника» за 1892 г. помѣщено возраженіе златоустовскаго горнаго начальника на статью мою «Русская Швейцарія» по поводу «топорности нѣмецкаго вкуса, утвердившагося въ издѣліяхъ оружейной фабрики чуть ли не навсегда».

Отдавая должное возраженію, которое очень точно и обстоятельно очерчиваетъ весь процессъ улучшеній, введенныхъ на фабрику въ послѣднее десятилѣтіе, указывая на награды и отзывы частныхъ лицъ, полученные благодаря этимъ улучшеніямъ, я тѣмъ не менѣе нахожу необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе своей статьи.

Возраженіе совершенно справедливо говорить, что послѣдній разъ я посѣтилъ заводъ въ 1877 г. Но пять лѣтъ спустя, именно въ 1882 г. на московской художественной выставкѣ я осматривалъ издѣлія оружейной фабрики съ однимъ художникомъ, знатокомъ инструментально-ружейнаго дѣла. Сличая издѣлія витрины Златоустовскаго завода съ издѣліями кустарей Павлова и Воремы, особенно же Тульскаго оружейнаго завода, мы пришли къ заключенію не въ пользу оружейной фабрики. Точно такое же впечатлѣніе вынесъ обозрѣватель этой витрины, помѣстившій о ней замѣтку во «Всероссійской Выставкѣ». Къ сожалѣнію, не имѣя подъ рукою экземпляра газеты, издававшейся московскимъ отдѣленіемъ императорскаго русскаго технического общества, я не могу привести ее дословно.

Десять лѣтъ спустя, именно въ 1891 г., посѣтилъ Златоустъ извѣстный русскій писатель г. Дѣдловъ, который, рассказывая о своемъ пребываніи въ заводѣ и о вліяніи нѣмецкаго искусства на работы оружейной фабрики, говоритъ слѣдующее (книжка «Недѣли», октябрь 1891 г., статья «по Русскому востоку», стр. 148): «Нѣмцы оставили по себѣ слѣдъ въ прочности златоустовскихъ ремесленныхъ работъ и въ безвкусицѣ художественныхъ произведеній. На сколько прочно златоустовское оружіе, на столько безобразна нѣмецкая орнаментация ножей, вилокъ, тростей и кинжаловъ. Самое, вѣдь извѣстное, клеймо Златоустовскаго оружейнаго завода вытравляется на его произведеніяхъ неуклюжимъ готическимъ шрифтомъ»...

Такимъ образомъ, втеченіе 15-ти лѣтъ, протекшихъ со дня моей поѣздки въ «Русскую Швейцарію», я имѣлъ возможность два раза убѣдиться въ томъ, чтобы воздать должное искусству и художественному творчеству нѣмецкихъ мастеровъ Златоустовскаго завода. Если въ настоящее время все холодное оружіе изготовляется по нарядамъ отъ правительства и чертежамъ главнаго артиллерійскаго управления, что, разумѣется, спасаетъ фабрику отъ нѣмецкой топорности, то нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ ничего подобнаго не было, и нѣмецкій вкусъ на фабрику былъ пре-

доставленъ самому себѣ. Дѣйствуя въ продолженіе полвѣка и болѣе, онъ невольно отразился на всѣхъ фабричныхъ издѣліяхъ. Подъ его вліяніемъ разцвѣла безобразная орнаментовка златоустовскихъ кустарей-оружейниковъ; его же слѣды легко видѣть на оружіи въ арсеналѣ завода.

Словомъ, историческаго значенія этого факта отрицать нельзя, а я въ своей статьѣ только и касался исторической стороны затронутого предмета. Освободившись изъ-подъ нѣмецкой опеки, которая одно время давала и намъ чувствовать се во всемъ, оружейная фабрика быстро пошла по пути успѣха, которому я первый радъ отъ всей души.

П. Падучевъ.

люди съ большими палками въ рукахъ, на которыхъ были вырѣзаны тѣ же инициалы. Въ Порто-Рико войска выставляли свои требованія и протестовали противъ присутствія въ Испаніи Бурбоновъ. Въ окрестностяхъ Барцелоны крестьяне бросились съ кольями и дубинами на алькальда и избили его.

Въ то время, какъ представителемъ власти былъ регентъ Серрано, которому воздавались чуть ли не королевскія почести, генералъ Примъ, какъ опытный морякъ, предчувствующій ураганъ, предвидѣлъ смутныя времена регентства и думалъ только о томъ, чтобы для спасенія страны призвать на престолъ короля. Испанія была наканунѣ борьбы традицій съ либерализмомъ, деревень съ городами.

Каждое утро, когда папиросницы, идя на фабрику, встрѣчались съ торопившимися поселянками, онѣ относились къ нимъ такъ недружелюбно, точно это была враждебная партія. Маринедянки особенно издѣвались надъ тѣмъ, что деревенскія женщины, которымъ надо было пройти цѣлыхъ три лье, приходили раньше ихъ.

— А, вотъ онѣ, полуночницы!—кричали маринедянки.

— Да ужъ вы не верхомъ ли на солнцѣ ѣздите?

— Вы даже и причесаться-то не успѣли! Такъ пригладили себяъ рукой волосы, да и дѣло съ концомъ.

— А ты, вѣрно, спала на дорогѣ, иначе ты не могла бы поспѣть такъ рано. Вы не спите ночи и приходите на работу сонныя, потому и дѣлаете въ день по полсигарѣ. Вашими грубыми руками только поросятъ кормить, а не вертѣтъ гильзы!

Обиженные поселянки ворчали сквозь зубы:

— Что-жъ! Каждый дѣлаетъ, что можетъ. А вы, вѣрно, какимъ нибудь другимъ подозрительнымъ трудомъ зарабатываете себяъ хлѣбъ...

— Не смѣйте насъ оскорблять: мы честныя женщины и матери! Это вы за какой нибудь кварто готовы бросить и продать семью! Карлистки подлыя!

И дѣло нерѣдко доходило до потасовки. Слышался визгъ, крики, брань. Но входили на фабричный дворъ, и ссоры стихали. Всѣ расходились по своимъ мастерскимъ и принимались за свое дѣло.

ХІІІ.

Жозефина Гарчіа въ этотъ вечеръ была очень довольна собой. Она гуляла по бульвару въ первый разъ въ длинномъ платьѣ, и рядомъ съ ней шель Бальтазаръ Собрадо.

Жозефина была одѣта по послѣдней модѣ. Она была изъ числа женщинъ, не имѣющихъ опредѣленнаго, характеристичнаго типа. Ея продолговатое лице, съ небольшими глазами, не было ни кра-

сиво, ни некрасиво, а сдержанная улыбка дѣлала ее старше своихъ лѣтъ. Менѣ изящно причесанная и плохо одѣтая, она была бы совсѣмъ не хороша. Въ тринадцать лѣтъ она съ кокетствомъ молодой дѣвушки разыгрывала Мандолинаты, а теперь, возмужавъ, казалась опытной женщиной.

Въ ней не было и намека на простоту Лолы Собрадо. Она во всемъ старалась быть вѣрной хорошему тону. Она выработала въ себѣ извѣстную манеру улыбаться, извѣстныя темы для разговоровъ, походку, выраженія, даже привычку обмахиваться вѣтромъ.

Когда говорили о чемъ нибудь веселомъ, шаблонномъ, она ожиwлялась и даже остряла, но чуть только разговоръ переходилъ на серьезную почву, она или умолкала, или переводила его на другую тему.

Въ одеждѣ она придерживалась моды радикаловъ и носила что-то въ родѣ длинной черной шелковой туники, изъ-подъ которой виднѣлась голубая юбка. Мантилья, небрежно накинутая на голову, придавала ей что-то таинственное, а кудрявая чолка достигала почти до самаго носа. Руки по локоть были открыты, и на нихъ спускались прозрачныя кружева. Младшая изъ Собрадо, Клара, во всемъ подражала ей, между тѣмъ какъ Лола была сама простота.

Луна, освѣщая бульваръ, отражалась въ серебристомъ блескѣ моря; сентябрьскій вечеръ былъ похожъ на весенній и располагалъ къ интимной бесѣдѣ. Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, Бальтазаръ, шедшій рядомъ съ Жозефиной. Волны шептали о какой-то идиліи, не понятной человѣческому слуху. Но разговоръ гуляющихъ не имѣлъ въ себѣ поэтическаго характера.

— Какъ сегодня здѣсь не оживлено, не правда ли, Собрадо? — спросила Жозефина.

— Помоему, наоборотъ, необыкновенно оживлено. Почему вы это находите?

И краснорѣчивые глаза Бальтазара встрѣтились съ невыразительнымъ взглядомъ Жозефины.

— Потому что совсѣмъ мало народу. Вы не хотите въ этомъ признаться, но, конечно, никого нѣтъ.

— Я устала ходить взадъ и впередъ, — сказала Лола, шедшая рядомъ съ Кларой. — Хотѣ бы пойти куда нибудь въ другое мѣсто. Пойдемте на Главную улицу? Впрочемъ, сегодня и тамъ почти никого нѣтъ, и знаете почему?

— Нѣтъ, — машинально отвѣтила Жозефина.

— А я знаю, — сказалъ Бальтазаръ. — Потому что всѣ встрѣчаютъ депутатовъ изъ Кантабріи.

— Депутатовъ откуда?.. — спросила Жозефина, играя вѣромъ.

— Изъ Кантабріи... Они пріѣдутъ скрѣпить сѣверную унію, —

объяснила Лола.—А мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть, какъ ихъ будутъ встрѣчать! Еслибъ было съ кѣмъ пойти...

— Я былъ тамъ, жаль, что ты не пошла со мною,—сказалъ Бальтазаръ.

— Что за мысль, милая!—воскликнула со смѣхомъ Жозефина.—Я стараюсь избѣгать толпы. Вовсе не интересно, когда эти простые, грязные люди толкаютъ васъ. Да въ сущности тамъ нечего и смотрѣть. Скажите, Собрадо, развѣ было весело?

— Весело, нѣтъ... Что-жъ можетъ быть въ этомъ веселаго? Но во всякомъ случаѣ интересно... Кричали «viva», «браво», страшно свистали, жали другъ другу руки, обнимались.

— Вотъ это хорошо, что свистали!—сказала Лола, захлопавъ въ ладоши.—Я ужъ пошла бы изъ одного того, чтобъ изъ всей силы свистать имъ въ ключъ.

— Дядя Исидоро говоритъ,—замѣтила Клара,—что если такъ будетъ продолжаться, то торговые дома закроются, и коммерція упадетъ.

— И церкви также закроются!—горячо воскликнула Лола.—Проклятые революціонеры! Весь свѣтъ долженъ былъ бы осветить ихъ.

— Ради Бога, тише!—умоляла Жозефина.—На насъ всѣ обращаютъ вниманіе... Подумаютъ, что мы интересуемся политикой.

— Да я и интересуюсь. Теперь всѣ интересуются ею,—подтвердила Лола.

— А я—нѣтъ! Это смѣшно, не правда ли, Собрадо? Я въ этомъ ничего не понимаю.

— Вы не имѣете вашихъ мнѣній?

— Нѣтъ... то-есть мнѣ не нравятся всѣ эти смуты.

— Но должны же быть у васъ личныя симпатіи. Быть можетъ, вы карлистка?

— Ай, нѣтъ! Инквизиціи я боюсь больше всего на свѣтѣ!—отвѣтила она, смѣясь.

— Такъ республиканка?

— Что за ужасъ! Вотъ выдумали!..

— Такъ вы изъ умѣренныхъ! Теперь я понимаю.

— Да ужъ скорѣй изъ умѣренныхъ. Мнѣ ужасно жаль бѣдную королеву.

— Прекрасно, теперь я всѣмъ это расскажу, и всѣ васъ будутъ считать за заговорщицу.

— Нѣтъ, ради Бога, не распространяйте обо мнѣ такихъ слуховъ! Всѣ подымутъ меня на смѣхъ. Не знаете ли вы чего нибудь новенькаго? Что вы скажете о фокусникѣ, показывавшемъ вчера свое искусство въ театрѣ?

— Объ этомъ венгерцѣ? Онъ ни хуже, ни лучше другихъ. Прятался въ шкафъ, стрѣлялъ въ цѣль...

— Ахъ, эти пистолеты! Я ненавижу ихъ и боюсь. Когда я вижу, что заряжаютъ пистолетъ, я сейчасъ же затыкаю себѣ уши. Мама и сестры всегда мнѣ говорятъ: «Полно, на тебя всё смотреть!» но я не могу...

— Если на васъ всё смотрятъ, то чего же больше нужно зрителямъ?—сказалъ Бальтазаръ, сводя разговоръ на личную почву.

Во время этого разговора, старуха Собрадо и вдова Гарчія сѣли на одну изъ скамеекъ, чтобы не мѣшать молодежи. Въ ту минуту, какъ Лола подошла къ нимъ съ какимъ-то вопросомъ, Жозефина слегка толкнула Бальтазара подъ локоть, ихъ руки соединились, и онъ передалъ ей маленькую, бѣленькую записочку. Это не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ вдовы и недремлющаго ока доньи Долоресъ, которая, сдѣлавъ недовольный жестъ, встала и заявила, что пора домой.

Когда они вышли съ бульвара и пошли по Главной улицѣ, сеньоръ Собрадо пришла въ голову маленькая хитрость, которой она думала воспользоваться, чтобы избавиться отъ общества Гарчіи и ея дочерей. Они какъ разъ проходили въ это время мимо кафе Авроры, освѣщеннаго газомъ, и донья Долоресъ любезно обратилась къ вдовѣ:

— Мы думаемъ войти и закусить что нибудь. Не войдете ли вы съ нами? Спросимъ мороженаго или лимонаду...

— Господи, этого еще не доставало! — отвѣтила Гарчія, какъ человѣкъ, которому предлагаютъ нѣчто не по средствамъ. — Мы идемъ домой.

— Бальтазаръ, — позвала донья Долоресъ сына, шедшаго впереди съ сеньоритами. — Бальтазарито, пойдѣмъ въ кафе прохладиться мороженымъ.

— Пойдемте, сеньориты, — сказалъ Бальтазаръ, думая, что надо пригласить семью Гарчіи.

— Нѣтъ, эти сеньориты ничего не хотятъ, — рѣзко отвѣтила за нихъ мать, краснорѣчиво взглянувъ на старшую дочь.

Жозефина вся вспыхнула, почувствовавъ себя оскорбленной, и даже слезы выступили у нея на глазахъ. Она сухо сказала «прощайте» Кларѣ и Лолѣ, а съ Бальтазаромъ и доньей Долоресъ все не простилась. Она взяла подъ руку мать и, повернувшись спиною къ Собрадо, скрылась съ ней въ темнотѣ, какъ оскорбленная королева.

Бальтазаръ подошелъ къ доньѣ Долоресъ.

— Но, мама...—произнесъ онъ.

— Тихе! — прошептала она почти надъ самымъ его ухомъ. — Ты совсѣмъ компрометируешь себя, гуляя съ ними. Онѣ скоро останутся безъ куска хлѣба. Несчастливая вдова сегодня сама призвалась мнѣ въ этомъ. Кромѣ того, я знаю это отъ нашего адвоката. Ихъ дѣла очень плохи. Дѣти, садитесь, — обратилась она къ

Лолѣ и Кларѣ. — Человѣкъ, четыре стакана кипяченаго молока и вафель!

— Я не буду пить...—сказалъ Бальтазаръ.

— Человѣкъ, только три стакана! Ты такъ глупо себя держишь, Бальтазаръ, что она непременно поймаетъ тебя. Тебѣ придется содержать и ея сестеръ, и вдову.

— Но я вовсе и не думаю объ этомъ. Вы все преувеличиваете. Но если мы будемъ держать себя такъ, какъ теперь, то это ужъ совсѣмъ неприлично. О насъ Богъ знаетъ что скажутъ... Вѣдь вы же сами желали, чтобъ я гулялъ съ ними?

Въ эту минуту слуга подаль стаканы молока, покрытаго желтыми пѣнками, и блюдо вафель. Клара и Лола торопливо принялись за ѣду, понимая, что имъ не слѣдуетъ слушать.

— Да, я хотѣла, чтобъ ты съ ними гулялъ, но я не знала, что ихъ дѣла такъ плохи. Если онѣ проиграютъ процессъ, то имъ нечѣмъ будетъ заплатить за веденіе дѣла... Имъ придется къ постороннимъ обращаться за помощью, имѣй это въ виду; не у всѣхъ есть свободныя деньги, чтобы ссужать имъ...

— Но это надо было раньше предвидѣть, — возразилъ Бальтазаръ. — Если сегодня мы будемъ съ ними хороши, а завтра повернемся къ нимъ спиной, то это только смѣшно и всѣмъ бросится въ глаза. Всѣ скажутъ, что мы охотимся на богатыхъ невѣсть, да!

— О, нѣтъ, эта дичь не по насъ!—отвѣтила донья Долоресъ и чуть не подавилась вафлей.

XIV.

Бальтазаръ былъ сыномъ второй половины нашего практическаго вѣка. Родные выбирали ему товарищей изъ лучшаго круга, а дядя старался пріохотить его къ коммерческимъ дѣламъ. Въ немъ самомъ не было и слѣдовъ возвышеннаго энтузіазма, такъ свойственнаго молодости. Ни игра, ни кутежъ, ни женщины не занимали его. Въ политикѣ онъ былъ доктринеромъ.

Мать пророчила ему блестящую будущность, такъ какъ онъ, возвращаясь даже съ самыхъ веселыхъ пирушекъ, всегда имѣлъ въ карманѣ нѣсколько дурро. Онъ выбралъ военную карьеру скорѣе по желанію родныхъ, чѣмъ по личному призванію; простое повышеніе по службѣ онъ предпочиталъ славѣ, а повышеніе предпочиталъ спокойной жизни дома на проценты съ капитала. Онъ больше всего любилъ удовольствія, не нарушающія его бюджета. Онъ былъ тщеславенъ, но умѣлъ скрывать это. Мнѣнія его были неустойчивы, и онъ боялся ихъ высказывать, какъ человѣкъ, у котораго шатается зубъ, боится ѣсть на немъ, чтобы не сломать его.

Бальтазаръ былъ недурень собою: средняго роста, съ блѣднымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ и бѣлокурыми волосами, но въ

его наружности не было энергіи и благородства. Крупный, выдающийся впередъ, какъ у матери, ротъ портилъ выраженіе лица.

Оставивъ въ кафе мать и сестеръ, онъ вышелъ на улицу и почувствовалъ, что кто-то положилъ руку ему на плечо. Это былъ Борренъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ Мадрида. Товарищи взялись подъ руки, и Бальтазаръ разсказалъ своему другу о своихъ дѣлахъ. Конечно, онъ не ослѣпленъ Жозефиной и понимаетъ ея недостатки, но нельзя же такъ сразу порвать всѣ отношенія.

— Такъ имѣйте ее въ виду, — далъ ему Борренъ совѣтъ Маккіавели, — и развлекайтесь на сторонѣ. Развѣ можно въ ваши годы жить такъ, какъ вы живете! На что это похоже, другъ мой!

— Ну, это плохой совѣтъ! Въ этомъ городишкѣ все узнается, и потомъ эта связь, исторія, всякія непріятности... Я думаю, что лучше буду просить переводъ въ Андалузію или въ Каталунью... Если я останусь здѣсь, то есть дѣвушка, которая заставляетъ меня призадуматься... Съ какой стати буду я затѣвать что нибудь такое, чего потомъ не распутаешь?

— Есть дѣвушка... Это не Гарчіа? Нѣтъ?

— Нѣтъ... Эти воспитаны въ высшей школѣ и даже во свѣ бредятъ хорошимъ тономъ... Это папиросница...

— Ого! Вотъ оно что!

— Вы же сами мнѣ ее показали и говорили мнѣ о ней. Это дочь вафельщика.

Борренъ даже прищелкнулъ языкомъ отъ удивленія.

— Ага, вотъ видите, видите! — вскричалъ онъ. — Вѣдь я вамъ говорилъ, что она много общается!

— Подождите радоваться, между нами еще ничего нѣтъ...

— Ужъ если есть начало, и то хорошо!

Разговаривая такимъ образомъ, они шли по Главной улицѣ, гдѣ ихъ вниманіе было привлечено толпою, собравшеюся около одного изъ домовъ. Сквозь освѣщенные окна виднѣлись силуэты людей, большой сервированный столъ, съ массой бутылокъ и закусокъ. По временамъ поднималась рука съ полнымъ бокаломъ, и слышался звукъ хрусталя.

— Это клубъ красныхъ, — сказалъ Борренъ. — Они чествуютъ депутатовъ Кантабріи.

— Стоило пріѣзжать для этого, — отвѣтилъ Бальтазаръ.

— А что вы думаете объ этомъ дѣлѣ, Собрадо?

— Что я думаю?... я думаю, что мѣсяца черезъ два насъ потянутъ въ Наварру, а затѣмъ...

— О, нѣтъ! Этого никогда не будетъ!

— Вы гораздо больше понимаете въ хорошенькихъ дѣвушкахъ, чѣмъ въ политикѣ, Борренъ. Положеніе серьезное. Вотъ вы увидите, что, какъ грибы послѣ дождя, изъ-подъ земли выростутъ

войска. Возстаніе охватить и Барселону, словомъ загорится всюду, гдѣ есть блузки и фабрики.

Толпа, появившаяся изъ сосѣдней улицы, помѣшала Боррену отвѣтить. При свѣтѣ луны заблестѣли музыкальные инструменты. Подойдя къ клубу красныхъ, толпа остановилась, и раздались первые звуки шумнаго гимна, извѣстнаго всей Испаніи, такъ любимаго и такъ ненавидимаго многими. Въ толпѣ раздались крики:

— Гимнъ Гарибальди!

— Марсельезу! Марсельезу!— прокричало большинство голосовъ.

Инструменты смолкли, и затѣмъ въ тишинѣ теплаго вечера полились звуки трагической Марсельезы. Въ ту же минуту отворились окна клуба; яркій свѣтъ прорвался на улицу.

Какъ только въ окнахъ показались головы пріѣхавшихъ гостей, музыка снова смолкла, и воздухъ огласился привѣтствіемъ депутатамъ и Кантабріи. Какой-то охрипшій голосъ безъ умолку кричалъ: «Да здравствуетъ честность! Да здравствуетъ честность!»

Одна изъ женщинъ выдвинулась впередъ, въ кругъ свѣта, и крикнула молодымъ, свѣжимъ голосомъ:

— Пусть пьютъ за здоровье народа!... За здоровье народа!

Одинъ изъ депутатовъ обернулся, взялъ бокалъ съ шампанскимъ и, высоко поднявъ его въ воздухъ, громко произнесъ просимый тостъ. Свѣтъ падалъ на его бѣлоснѣжную бороду и старое румяное лицо. Балтазаръ подтолкнулъ Боррена и проговорилъ:

— Вы ее видѣли?

— Да, какъ же! Она съ каждымъ днемъ все хорошѣетъ.

— Только напрасно она берется не за свое дѣло. У женщинъ только одно назначеніе.

— Да, я съ вами согласенъ.

— Это какая-то эпидемія. Всѣ помѣшались на политикѣ. Если-бъ меня не зналъ здѣсь всякій встрѣчный, то я посмѣялся бы надъ энтузіазмомъ этой дѣвушки. Посмотрите, какъ она аплодируетъ тосту! Кто этотъ старикъ? Онъ похожъ на Оровезо въ «Нормѣ».

— Завтра узнаемъ.

XV.

Въ улицѣ Кастро, кружевница Кармела слушала рассказы Ампаро о вчерашнемъ торжествѣ. Она выпрямила свою усталую спину, оставила работу, но не сводила глазъ съ клубка бѣлыхъ нитокъ. Не смотря на свою трудовую жизнь, кружевница обладала спокойнымъ мягкимъ характеромъ, имѣвшимъ въ себѣ что-то монашеское.

Ампаро оживленно рассказывала. Депутаты Кантабріи вышли на берегъ среди огромной массы народа. Когда она узнала о ихъ

пріѣздѣ, она протолкалась сквозь толпу и встрѣтила ихъ. Депутаты—это настоящіе сеньоры, а всѣмъ кланяются и со всѣми любезны. Она шла за ними вплоть до клуба красныхъ, слушала серенаду и рѣчь, которую говорилъ одинъ изъ нихъ, такой старый сеньоръ, съ лицомъ святаго.

— И что же они хорошо говорили?

— О, такъ говорили, что я слушала, разиня ротъ! Хотѣла бы я, чтобъ ихъ послушали тѣ, которые ждутъ отъ республики всякихъ несчастій! Старикъ все больше говорилъ о тираніи, о томъ, что всѣ мы должны съ радостью ждать республики, потому что тогда всѣ люди будутъ равны...

— Какая у тебя память хорошая... Я давно бы все перезабыла. О чемъ же говорили другіе?

— Другой, высокій, серьезный сеньоръ говорилъ немного и все употреблялъ такія ученые слова, что, ей-Богу, даже трудно запомнить... Онъ проповѣдовалъ о нашихъ правахъ, о работѣ, объяснялъ, что такое сѣверный союзъ, или унія... Потомъ говорилъ, что если рабочіе классы соединятся между собою, то они побѣдятъ всѣ остальные. Надо было бы за уши притащить туда всѣхъ думающихъ, что депутаты говорятъ не хорошо.

— Скажи мнѣ одну вещь, милая.

— Изволь, хоть двѣ.

— Что это значитъ федеративная республика?

— Это значитъ... это значитъ именно то, что они проповѣдуютъ.

— Но я, всетаки, плохо понимаю... Чѣмъ же она лучше теперешняго правленія?

— А тѣмъ... тѣмъ, что Мадридъ во всемъ будетъ зависѣть отъ насъ. У насъ будетъ свобода, спокойствіе, насъ будутъ уважать.

— Да, но вѣдь ты помнишь, когда въ прошломъ году у насъ было смутное время, то депутаты также обѣщали дать намъ все это. Если тѣ не дали, такъ очень можетъ быть, что и эти не дадутъ.

— Этого не можетъ быть! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Это совсѣмъ другіе люди, они желаютъ добра народу. Не говори глупостей.

Кружевница засмѣялась своимъ сдержаннымъ смѣхомъ.

— Если они хотятъ дать народу работу, то здѣсь ея и безъ того довольно... А вотъ я тебя спрошу еще разъ: если это правда, что закроютъ фабрики, то что будетъ тогда съ вами, папиросниками? Вамъ придется просить милостыню.

— Это все бабы сплетни! — воскликнула Ампаро, нѣсколько сбитаая съ толку. — Слушай, я тебѣ все объясню ясно, какъ солнышко. Теперь правительство насъ считаетъ рабами, вѣдь такъ? Мы получаемъ за работу столько, сколько оно пожелаетъ намъ дать. Дастъ оно намъ прибавку — хорошо, а нѣтъ, такъ и оста-

немся ни съ чѣмъ. Оно богатѣетъ золотомъ, добытымъ нашимъ потомъ. А въ сущности-то вѣдь мы королевы, мы, которыя своими руками поддерживаемъ правительство. Поняла?

Кружевница быстро перекалывала на валикѣ булавки, натягивала нитки и постукивала коклюшками.

— Ты рассказываешь мнѣ о работѣ, а скажи мнѣ...

— Вотъ наказаніе съ тобой! Ты ничего не понимаешь!— возмущалась Ампаро.

— Скажи мнѣ правду... Развѣ новыя работницы не стремятся поступить на фабрику?

— Еще бы! Масса желающихъ.

— Такъ вотъ видишь... Если закроютъ другія фабрики, то всѣ бросятся въ табачную и, такъ какъ будетъ слишкомъ много рабочихъ рукъ, то плату еще понизятъ. Мнѣ лично все равно. Я теперь плету кружевные платки, которые вошли въ большую моду. Вотъ посмотри.

И Кармела развернула передъ подругой тонкій кружевной платочекъ. Нитки тонкія, какъ паутина, были переплетены крошечными изящными звѣздочками, сдѣланными съ большимъ вкусомъ.

— Это очень красиво,—одобрила Ампаро.

— Мы работаемъ вмѣстѣ съ тетей по цѣлымъ днямъ и, все-таки, зарабатываемъ очень немного... Я,—прошептала она со вздохомъ,— дѣлаю сколько могу. Иной разъ работаю и съ огнемъ, но глаза очень болятъ, и можно напутать. Тетя почти ослѣпла отъ плетенья, она можетъ плести только толстое кружево и разносить нашу работу по домамъ.

Но Ампаро снова перевела разговоръ на излюбленную тему; она просто не могла сидѣть спокойно, пока не выскажетъ всего.

— А вотъ когда придутъ депутаты Кантабриальты, тогда ужъ мы ихъ встрѣтимъ какъ слѣдуетъ! Ты не знаешь?

— Что же, будетъ большой праздникъ?

— Ихъ выйдутъ встрѣчать въ каретѣ и...— Ампаро остановилась и, понизивъ голосъ, произнесла:—мы выйдемъ освѣщать имъ путь факелами.

— Ave Maria! Что ты говоришь, милая! Будете свѣтить, какъ святымъ?

— Мы пойдемъ впередъ.

— И кто же? Фабричныя?

— Да. Нѣсколько выбранныхъ. Мы ужъ сговорились.

— А эти твои подруги, обѣ идутъ?

— Да, надѣйся на нихъ! Нѣтъ, Анна любитъ морскаго капитана и боится идти; она думаетъ, что, когда ея морякъ вернется, то онъ разсердится на нее. А эта дура Гвардіана объявила мнѣ,

что она возьметъ факель въ руки только для того, чтобы идти за образомъ *Virgen de la Guardia*.

— Хотя ты и сердисься, а и я скажу то же самое... Вѣдь вы будете похожи на идолопоклонницъ! Нашли себѣ святыхъ! Только передъ образами можно...

— Замолчи, потому что ты изъ дурь дура!

— Свѣтить факелами этимъ сеньорамъ, которые проповѣдуютъ какую-то свободу! Всѣ говорятъ, что они хотятъ выгнать монахинь на улицу и закрыть монастыри. Да я готова ихъ самихъ выгнать за это!

Ампаро отступила нѣсколько шаговъ назадъ и, перекрестившись въ изумленіи, горячо воскликнула:

— Господи, помилуй!.. И ты это говоришь серьезно? Ты рѣшилась запереться въ эту тюрьму на всю, на всю, на всю жизнь? Опомнись!

— Да, я рѣшилась... Еще когда я была совсѣмъ маленькая, вотъ такая, я ужъ думала о монастырѣ... Но я не могу. Куда меня примутъ безъ вклада? Кто возьметъ такую нищую монахиню, какъ я? А гдѣ же мнѣ достать вкладъ? Попросить, такъ вѣдь никто не дастъ... Развѣ только Богъ пошлетъ.

— Милая, ты знаешь, я не богата, но два дурро меня не разорять, я тебѣ дамъ.

Слабая улыбка озарила грустное лицо кружевницы.

— Спасибо за доброе обѣщаніе... Мнѣ надо очень много денегъ, и я знаю, что мнѣ никогда не скопить ихъ. Но я надѣюсь на Бога.

— И ты уживешься въ четырехъ стѣнахъ?

— Да вѣдь живу же я теперь?.. А въ монастыряхъ есть сады, огороды, я буду видѣть хоть зеленые деревья.

XVI.

Въ полдень улицы Маринеды были запружены экипажами, выѣхавшими на встрѣчу депутатовъ Кантабріальты. На всемъ протяженіи дороги, тянувшейся на два лье, виденъ былъ народъ. Сюртуковъ было мало; все больше блузы и безрукавки. Бѣдно одѣтыя женщины превышали количествомъ мужчинъ. Въ рукахъ вмѣсто знаменъ виднѣлись пестрые одѣяла, платки, занавѣски отъ кроватей, даже простыни. Мѣстами возвышались триумфальныя арки, украшенныя цвѣтами.

Солнце уже заходило и бросало фіолетовую тѣнь на окрестныя горы, когда экипажи съ гостями возвращались въ городъ. Сафировое море слегка волновалось и обдавало бѣлой, тонкой пѣной берегъ. Облака, медленно плывшія по вечернему небу, казались золотистыми. Природа готовилась ко сну въ то время, какъ огром-

ная толпа народа волновалась, галдѣла, бѣжала за экипажами. Столбы дорожной пыли, подымаясь вверхъ, осаждались на зелень триумфальныхъ арокъ.

Время отъ времени раздавались рѣдкіе выстрѣлы, но они не смущали толпу, какъ гиганта не можетъ потревожить маленькая мушка. Слышался несмолкаемый гулъ патріотическихъ гимновъ. Съ балконовъ свѣшивались цвѣтные ковры и матеріи.

Для того, чтобы процессія была болѣе торжественна, ее направили по бѣднѣйшимъ улицамъ города. Депутаты, высовываясь изъ своихъ экипажей, поминутно раскланивались направо и налево. Стали зажигать фонари и факелы. Группа женщинъ съ факелами въ рукахъ вытянулась двумя правильными линіями; онѣ торжественно выступали впередъ, скромно опутивъ глаза.

Любопытные, которымъ лѣнь было выходить за городъ, стояли на тротуарахъ и разсматривали прибывшихъ гостей и женщинъ. Если несшая факель была молодая и красивая дѣвушка, то на нее сыпались комплименты, если же старая и уродливая, то насмѣшки.

Когда проходила Ампаро (она шла одною изъ первыхъ рядомъ съ краснымъ знаменемъ), то со всѣхъ сторонъ раздались комплименты. Она была вполне достойна ихъ. Свѣтъ факела освѣщалъ ея оживленное, разгорѣвшееся лице, съ ярко блестящими глазами; кудрявые волосы распустились отъ ходьбы и разсыпались волнами по лбу и плечамъ. Бальтазаръ и Борренъ пошли за нею и шептали ей вслѣдъ много любезныхъ фразъ. Но Ампаро было теперь не до того, она была вся охвачена огнемъ патріотизма.

Въ эти памятные дни она была, какъ въ лихорадкѣ. Ей казалось, что отовсюду грозитъ скрытая опасность свободѣ. Конечно, теперь Мадридъ уже знаетъ объ этой героинѣ Маринеды, объ этой горячей сторонницѣ федерализма, объ этой дочери народа. Когда она думала объ этомъ, ея сердце сильно, сильно билось. Въ образіи ея жизни, въ этой монотонности ежедневной, скучной работы, революціонерныя стремленія были поэзіей, оазисомъ. Ея фантазія неустанно работала. Зажигательныя рѣчи, газетныя статьи звучали въ ея ушахъ, какъ звуки вальса для завязанной танцорки. Этотъ пріѣздъ депутатовъ, проповѣдовавшихъ Сѣверную унію, казался ей проповѣдью апостоловъ въ бѣдной деревушкѣ, словомъ Евангелія, которое она потомъ будетъ повторять.

Ампаро чувствовала, что ей пора выдвинуться, пора обратить на себя вниманіе какимъ нибудь особеннымъ поступкомъ. Ахъ, еслибъ ей удалось оказать какую нибудь услугу, хоть самому послѣднему изъ этихъ апостоловъ! Напримѣръ, постучаться къ нему въ домъ поздно ночью, предупредить, что за нимъ слѣдитъ полиція, вывести его потайнымъ ходомъ, глухими переулками, спрятать въ надежное мѣсто; взять отъ него прокламаціи и распространять

ихъ подѣ страхомъ смерти, и за всѣ эти жертвы получить теплое пожатіе руки, выразительный, благодарный взглядъ...

Если героизмъ есть степень нравственной температуры, то у Ампаро она дошла до ста градусовъ. Молодая дѣвушка готова была идти на висѣлицу за свои идеи, и, кто знаетъ, быть можетъ, со временемъ ея портретъ висѣлъ бы рядомъ съ портретомъ Маріаны Пинеды, мученицы за свободу. Но... къ счастью или къ несчастью, времена были скорѣе комическія, чѣмъ трагическія, и похвальнымъ стремленіямъ дочери народа грозилъ не мученическій вѣнецъ, а отказъ на фабрикѣ отъ работы.

XVII.

Клубъ красныхъ вошелъ въ моду; въ Маринедѣ только и говорилось что о банкетѣ, данномъ въ немъ депутатамъ Кантабріи и Кантабріальты. Этотъ клубъ считался хуже клуба приказчиковъ и клуба дружбы, но и онъ имѣлъ хорошій столъ и массу посѣтителей.

Въ торжественныхъ случаяхъ приглашался опытный распорядитель, готовилось тонкое кушанье, и столы уставлялись серебряными вазами и изящнымъ хрусталемъ. Старшина съ удовольствіемъ, потирая себѣ руки, сказалъ распорядителю, что столы сервированы покоролевски.

— Не покоролевски, сеньоръ, — отвѣчалъ тотъ нѣсколько обиженнымъ тономъ, — а пореспубликански!

Обѣдъ начался поздно. Когда всѣ сѣли за столъ, накрытый на шестьдесятъ кувертовъ, слуги затворили ставни и зажгли свѣчи въ канделябрахъ. Яркій свѣтъ заигралъ на серебрѣ, хрусталѣ и цвѣтахъ.

Старшина клуба съ гордостью посматривалъ кругомъ. И дѣйствительно обстановка была торжественна. Въ первыя минуты, за супомъ, гости сидѣли почти молча, слуги ходили на цыпочкахъ, и ложки едва стучали о тарелки. Но за вторымъ блюдомъ разговоръ сдѣлался оживленнѣе, и слуги уже не ступали съ такой осторожностью.

Во главѣ стола сидѣлъ высокій старикъ съ длинной бѣлой бородой и патриархальнымъ видомъ. По правую сторону отъ него помѣщался старшина клуба, а по лѣвую ораторъ, о которомъ Ампаро выразилась, что онъ «употребляетъ такія ученія слова, которыя, ей-Богу, трудно запомнить». Затѣмъ слѣдовали въ порядкѣ остальные депутаты, между которыми сидѣли представители прессы и народнаго собранія.

Мало-по-малу вино развязало языки, и отъ избытка сердца начали говорить уста. Сѣдой старикъ только улыбался и соглашался

со всѣми, между тѣмъ какъ ораторъ ежеминутно спорилъ. За третьимъ блюдомъ онъ разразился рѣчью противъ собственниковъ, капиталовъ и высшаго класса населенія, и старшина клуба, хозяинъ заведенія, долженъ былъ прикусить язычекъ; немного погодя, и «патріархъ» возвысилъ съ негодованіемъ свой голосъ по поводу чьей-то фразы о возстаніи. По его мнѣнію, только любовью, миромъ, братствомъ, можно было составить федеративную унію не только Кантабріи съ Испаніей, но и съ цѣлымъ свѣтомъ.

Многіе соглашались съ его взглядами. Разговоръ становился оживленнымъ и общимъ. Съ одного конца стола кричали на другой. Многихъ не слушали. Раздавались умоляющія восклицанія:

— Но выслушайте же, сеньоры!.. Выслушайте одно слово!

Но все напрасно. Въ срединѣ стола такъ горячо толковали, что можно было слышать только отдѣльныя фразы.

— Это утопіи, страшныя утопіи!.. Страницы исторіи ясно говорятъ сами за себя... Возьмемъ хоть французскую революцію! Тогда было другое правленіе! Не смѣшивайте время, сеньоры!.. Фактъ не есть общій законъ!.. Это сказалъ Пи!.. Кантъ реакціонеръ!..

Во время этихъ споровъ слуги безъ устали обходили гостей и наполняли ихъ бокалы шампанскимъ. Одинъ изъ нихъ наклонился къ старшинѣ и прошепталъ ему что-то на ухо. Старшина тотчасъ же всталъ, вышелъ изъ залы и вернулся съ группой женщинъ.

Ампаро предводительствовала. Она вошла веселая, побѣдоносная, въ простомъ, ситцевомъ свѣтломъ платьѣ и въ красномъ, цвѣта знамени, платкѣ на головѣ. Поверхъ платья была накинута красная же мантилья. Она держала въ рукахъ большой вѣнокъ изъ пунцовыхъ розъ, перевязанный лентой, на которой золотыми буквами было написано посвященіе. Яркій цвѣтъ одежды и молодое, оживленное лице дѣлали ее похожей на какую-то фею.

Она подвигалась впередъ, высоко держа въ правой рукѣ свой вѣнокъ. Ораторъ всталъ, желая принять отъ нея ex-voto, который она подносила богинѣ Свободы, но молодая дѣвушка отклонилась отъ него и направилась къ «патріарху». Всѣ разступились, чтобы дать ей дорогу.

Не выпуская вѣнка изъ рукъ, она смотрѣла на старика. Онъ стоялъ предъ ней, высокій, слегка уже сгорбленный, съ волнистой сѣдой бородою, напоминающей монаховъ трагедіи, и казался ей олицетвореніемъ классической старости. А патріарху казалось, что онъ видитъ въ этой дѣвушкѣ олицетвореніе молодого народа. Они оба сразу почувствовали симпатію другъ къ другу.

— Этотъ сеньоръ вызываетъ такое же уваженіе, какъ епископъ,—подумала Ампаро.

— Эта дѣвушка похожа на статую Свободы,—прошепталъ старикъ.

Между тѣмъ Ампаро начала свою рѣчь. Сначала голосъ ея дрожалъ; два или три раза она подносила руку ко лбу, чтобы вытереть потъ, и не знала, куда ей дѣть вѣнокъ. Но мало-по-малу оживленіе, царившее въ комнатѣ, звонъ бокаловъ и любезный пріемъ оживили ее, и съ устъ ея полились слова плавно, горячо, увлекательно. Она уже не смущалась и не путалась.

Гости съ улыбкою подталкивали другъ друга и кричали: «Браво, браво», «очень хорошо», когда услышали, что этотъ вѣнокъ подноситъ имъ депутація отъ табачной фабрики, въ знакъ одобренія ихъ революціонерныхъ идей и сѣверной уніи, какъ доказательство того, что сердца работницъ бьются однимъ съ ними желаньемъ, и т. д., и т. д.

«Патріархъ» слушалъ ее, приложивъ руки къ груди, и на лицѣ его, видимо, выражалось удовольствіе. Ораторъ время отъ времени одобрительно наклонялъ голову. Наконецъ Ампаро окончила свою рѣчь и, подавая вѣнокъ «патріарху», воскликнула:

— Граждане, депутаты! Да здравствуетъ равенство и братство!

Старикъ принялъ отъ нея вѣнокъ и передалъ его старшинѣ клуба, который не зналъ, что ему съ нимъ дѣлать. Сконфуженные спутницы Ампаро, въ минуту наступившаго молчанія, застѣнчиво смотрѣли по сторонамъ. Онѣ были въ восхищеніи отъ богато убраннаго стола, но нѣсколько удивлены тѣмъ, что депутаты сидятъ и пируютъ здѣсь, вмѣсто того, чтобъ спасать отечество. «Патріархъ» подошелъ къ Ампаро.

— Благодарю васъ... — произнесъ онъ, слегка покачиваясь. — Благодарю васъ, гражданки... Подойди сюда, трибуна—заступница народа, соединимся въ святомъ братскомъ объятіи. Да здравствуетъ заступница народа! Да здравствуетъ сѣверный союзъ!

— Да здравствуетъ!.. — прокричала вся растроганная Ампаро. — Да здравствуете и вы... многіе годы!

И старикъ и молодая дѣвушка готовы были разрыдаться отъ восторга. А гости съ улыбкой смотрѣли на это отеческое объятіе.

XVIII.

Въ знойный полдень на бульварѣ собралась масса народа. Тамъ и сямъ возвышались убранныя цвѣтами триумфальныя арки. На огромной балюстрадѣ были устроены ложи для делегатовъ сѣвернаго союза; ниже, въ видѣ амфитеатра, расположены были ложи депутатовъ и частныхъ лицъ.

Молодежь, стоявшая за республиканскій образъ правленія, толпилась у балюстрады, среди группъ простаго народа и уличныхъ ребятишекъ. Музыканты, не переставая, играли патріотическіе гимны. Отъ наплыва толпы триумфальныя арки покачивались изъ

стороны въ сторону. Окна и балконы домовъ, тянувшихся вдоль бульвара, были настежь открыты; цѣлый дождь цвѣтовъ и вѣнковъ сыпался на улицу. Нѣкоторые дома, однако, были наглухо заперты и безмолвно и мрачно возвышались среди этихъ волнъ революціоннаго моря.

Когда члены конституціоннаго сѣвернаго союза, извѣстнаго подъ этимъ названіемъ въ оффиціальныхъ документахъ, появились на бульварѣ, народъ сталъ карабкаться на ступеньки амфитеатра, на лѣстницы, на тротуарные столбы, чтобы все видѣть и слышать.

Депутаты и члены союза величественно поднялись по лѣстницѣ и размѣстились въ своихъ ложахъ. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, гулъ толпы мгновенно утихъ, звуки музыки смолкли, и около двадцати тысячъ народа хранило гробовое молчаніе. Только съ разныхъ концовъ бульвара доносились отрывистые крики:

— Свѣжій лимонадъ! Лимонадъ!

— Вафффъ!.. Вафффъ!.. Печенье!..

Два фотографа, расположившись на противоположной сторонѣ отъ амфитеатра, прикрывъ головы темнозеленымъ сукномъ, навели на сцену свои аппараты, казавшіеся глазами исторіи. Воцарилась такая тишина, что можно было разслышать, какъ жужжали мухи.

Началось съ чтенія договора сѣвернаго союза. Издалека видны были головы депутатовъ, сидѣвшихъ въ верхней ложѣ. Между ними выдѣлялось блѣдное лице «оратора» въ очкахъ и серебряная, блестящая на солнцѣ борода «патріарха».

Бальтазаръ и Боррентъ взобрались на кучу камня и смотрѣли оттуда на собранье. Оба они были серьезны, какъ лица, принимающія участіе въ интересной политической драмѣ.

— Здѣсь что-то готовится!—воскликнулъ Боррентъ, наклоняясь къ своему другу.

— Ясно, что готовится! Смутное время.. Эти сеньоры хотятъ залить кровью всю Испанію.

— Полноте, ничего этого не будетъ... Они говорятъ, что стремятся только сравнять всѣ классы. Потому-то это и называется союзъ.

— Да, да! Отрѣжьте-ка палець, а потомъ попробуйте, чтобы онъ сросся съ рукою!

— Ну, вотъ! Знаете, что рассказываютъ объ этомъ сѣдовласомъ старикѣ? Онъ былъ вторымъ сыномъ богатой семьи, маюратъ достался старшему брату, и онъ остался ни съ чѣмъ. Другой на его мѣстѣ сдѣлался бы мизантропомъ, а онъ наоборотъ сталъ филантропомъ и завзятымъ федераломъ. Онъ любитъ весь міръ, очень религіозенъ и неспособенъ никому сдѣлать никакого вреда. Между нами говоря, я нахожу его недалекимъ.

— А этотъ смуглый, въ очкахъ?

— О, про этого говорятъ, что онъ готовъ на все ради принциповъ. Это человѣкъ прямой геометрической линіи, не даромъ онъ инженеръ. Ради исполненія своихъ идей онъ готовъ погубить народъ.

— Даже если бы пришлось погибнуть самому?

— Ну, конечно! А вонъ взгляните на того сеньора, который сидитъ налѣво отъ «патріарха», брюнетъ съ черными бакенбардами. Тотъ ужъ заплатился за свои политическія стремленія, онъ эмигрировалъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, и ужъ не знаю, какими судьбами очутился здѣсь. Одинъ мой товарищъ знаетъ его лично. Нынче даже женщины интересуются политикой!

Произнеся эти слова, Борренъ указалъ на Ампаро, выдѣляющуюся изъ толпы женщинъ.

— Эта дѣвушка политикуетъ энергичнѣе, чѣмъ мужчины. Вы слышали?

И Борренъ разсказалъ Бальтазару подробности приѣма депутатовъ въ клубъ красныхъ. Молодые люди много смѣялись по этому поводу.

Между тѣмъ началось чтеніе договора. Жара все усиливалась. Съ равныхъ сторонъ начинали раздаваться восклицанія:

— Можно задохнуться отъ жары! Когда это наконецъ станетъ посвѣжѣе! Да не толкайтесь такъ! И безъ того силъ нѣтъ стоять на мѣстѣ! Нельзя даже руку опустить въ карманъ, чтобы вынуть носовой платокъ! Береги свои часы, а не то какъ-разъ ихъ вытаскать!

А голосъ лектора все разносился надъ головами слушающихъ. Фразы: «священная гарантія», «знамя свсбоды», «права собственности», «благословенные идеалы», «благородный, свободный народъ», потрясали окружающую тишину. Вдругъ цѣлый дождь цвѣтовъ полился на головы депутатовъ. Раздались аплодисменты, крики, звуки музыки. Среди этого всеобщаго шума никто и не замѣтилъ, какъ изъ толпы на рукахъ вынесли полумертваго вафельщика.

XIX.

Бѣдный старикъ умеръ въ эту же ночь, безъ исповѣди, не прійдя въ себя. Не солнечный ли ударъ былъ причиною его смерти? Но вѣдь солнце не разъ палило лысую голову Розендо, особенно когда онъ былъ въ военной службѣ. Не слишкомъ ли утомился онъ, приготовляя для этого торжественнаго дня двойную порцію вафель? Кумушки увѣряли, что онъ умеръ отъ радости, видя, что дочь его стала такой горячей заступницей народа, и что ея такъ хорошо приняли депутаты Кантабріальты.

Причина его смерти осталась неизвѣстной; но во всякомъ случаѣ послѣднее предположеніе не выдерживало критики, такъ какъ

сеньоръ Розендо относился далеко не дружелюбно къ энтузиазму своей дочери. Для него, какъ для стараго солдата, неповиновеніе субординаціи было худшимъ порокомъ. Онъ все время былъ страшно недоволенъ Ампаро и обѣщалъ даже хорошенько поколотить ее, если она посмѣетъ читать газеты на фабрикѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ не ограничился бы обѣщаніемъ, а привелъ бы его въ исполненіе, но папиросница считается почти независимымъ человѣкомъ, внѣ родительскихъ экзекуціонныхъ правъ.

Если принять во вниманіе, какъ дурно дѣйствуетъ волненіе и гнѣвъ на натуры, склонныя къ апоплексіи, то скорѣе всего можно допустить, что старикъ умеръ отъ нервнаго удара.

Его похоронили, и обѣ женщины въ первые дни не чувствовали особенной печали; ихъ удивило, что человѣкъ такъ внезапно можетъ умереть.

Со смертію Розендо хозяйство не пошатнулось, такъ какъ Ампаро попрежнему ходила на фабрику, а Чинто, работая, какъ воль, каждый вечеръ приносилъ домой полную выручку, съ тою только разницей, что не бралъ теперь своего скуднаго жалованья. Это очень нравилось больной, у которой такимъ образомъ стало какъ бы двое дѣтей, приносившихъ ей свои заработки.

Но Ампаро была крайне недовольна отношеніемъ къ ней Чинто. Онъ смотрѣлъ на этотъ домъ, какъ на свой собственный, позволялъ себѣ иногда провожать молодую дѣвушку на фабрику и встрѣчать ее; говорилъ ей разныя любезности и, въ общемъ, со смерти старика сдѣлался какъ бы защитникомъ и главою дома. Ампаро всегда напоминала ему, что онъ не болѣе какъ слуга; ее оскорбляло каждое вниманіе къ ней этого мужика. Она обращалась съ нимъ хуже, чѣмъ когда либо, и возмущалась, что Чинто платитъ ей за это откровенностью и любовью. Разъ онъ подарилъ ей образокъ, а потомъ когда она выразила желаніе имѣть серьги, то онъ въ тотъ же вечеръ подарилъ ей ихъ.

Она не стала ихъ носить.

Разъ утромъ, когда Ампаро одѣвалась, чтобы идти на фабрику, она замѣтила, что дверь ея комнаты тихонько отворяется, и, къ великому своему удивленію, увидала передъ собой Чинто въ шляпѣ на бекрень и съ папироской во рту. Бѣдный малый думалъ, что именно въ такомъ видѣ онъ долженъ объясниться съ ней. Молодая дѣвушка торопливо набросила на себя блузу и смѣрила его олимпійскимъ взглядомъ, но въ данную минуту Чинто не испугался бы и взгляда василиска.

— Зачѣмъ ты сюдаходишь? — крикнула папиросница. — Что тебѣ здѣсь надо?

— Мнѣ надо... сказать тебѣ пару словъ.

— Пару словъ? У меня есть дѣло посерьезнѣе, чѣмъ выслушивать твои глупости.

— Нѣтъ, потому что я хотѣлъ тебѣ сказать, что... такъ какъ я теперь ужъ умѣю какъ слѣдуетъ работать... то-есть, видишь, если я возьму себѣ вафельныя доски въ уплату жалованья, котораго не додалъ мнѣ твой отецъ... и я не взялъ за прошлый мѣсяць, то... и такъ какъ мы, видишь ли ты...

— Когда же это ты кончишь, сегодня или завтра? Ты такъ говоришь, точно набралъ въ ротъ каши.

— Нѣтъ, я хотѣлъ сказать, что если ты захочешь, то можешь... то-есть мы можемъ... жениться.

Гомерическій хохотъ, которымъ разразилась сначала защитница народа, смѣнился гнѣвомъ, когда Чинто сталъ настаивать.

— А я тебя очень люблю... почти съ тѣхъ поръ, какъ тебя увидѣлъ, и я не знаю... я только и думаю о тебѣ. Я не могу ничего ѣсть, и сонъ нейдетъ на умъ. Работать.. ты знаешь, что я не полѣнюсь работать, а чтобъ содержать тебя...

— Слушай, если ты сейчасъ же не уйдешь отсюда... то... тебѣ будетъ плохо!—закричала внѣ себя Ампаро и подскочила къ нему, чтобы вытолкать его за дверь.

Но страсть затуманила глаза Чинто, и онъ, открывъ руки, уже готовъ былъ заключить ее въ объятія. Тогда Ампаро почувствовала въ себѣ прежнюю уличную дѣвчонку, схватила съ полу башмакъ и каблукомъ ударила изо всей силы по щекѣ Чинто. Удары посыпались одинъ за другимъ, и когда она съ размаху попала ему между глазъ, то онъ востоналъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Не увѣренная въ томъ, что онъ не вернется, она заставила дверь стуломъ. Но эта баррикада была напрасна. Чинто повалился на кровать и заревѣлъ, какъ теленокъ. Съ губъ его сорвался крикъ перваго беззащитнаго дѣтства, крикъ неутѣшнаго горя:

— Мама моя! Мама!

Ампаро пожала плечами и отправилась на фабрику; нельзя было терять времени, такъ какъ похороны отца поглотили всѣ ея сбереженія.

Вернувшись домой, она съ негодованіемъ рассказала матери о случившемся и была очень удивлена тѣмъ, что большая недовольна ея отказомъ. Мать выставляла свои неопровержимые аргументы.

— Ты кто такая, милая?—говорила она.—Такая же папиросница, какъ и я. А онъ кто такой? Такой же вафельщикъ, какъ твой покойный отецъ. Если тебѣ толкуютъ, что ты красива, что ты умна, то это только разговоры, и больше ничего. Вѣдь онъ работаетъ, такъ? Такъ значить онъ лучше, чѣмъ всѣ эти болтуны..

Не желая больше слушать, дѣвушка объявила, что она не только никогда въ жизни не выйдетъ за такого осла, но и уйдетъ изъ дому, потому что вовсе не желаетъ, чтобы влямывались къ ней въ комнату каждый разъ, какъ она будетъ одѣваться. Нѣтъ и нѣтъ! Она скорѣе согласится быть заживо погребенной, чѣмъ

терпѣть дома подобныя неприятности. Иначе пусть онъ убирается изъ дому. Больная напомнила ей, что ежедневный заработокъ Чинто служить имъ средствомъ къ жизни, но рѣшеніе Ампаро было непоколебимо.

Когда вечеромъ Чинто вернулся домой съ пустымъ ящикомъ и смущенный, съ низко опущенной головой, принесъ выручку, Ампаро объявила ему, чтобъ эту ночь онъ не смѣлъ спать дома. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ это приказаніе и, когда понялъ, что его выгоняютъ, вышелъ изъ комнаты послѣдними шагами. Больная наклонилась къ дочери и прошептала ей, чтобы онъ не услышалъ:

— Мы должны ему нѣсколько кварто.

— Я брошу ихъ ему въ лицо, — съ презрѣніемъ отвѣтила Ампаро.

Минуты черезъ двѣ Чинто снова появился, нагруженный вафельными досками, горшкомъ для тѣста, сковородами и даже охабкою дровъ. Ампаро вскочила, готовая защищаться, когда увидѣла въ его рукахъ желѣзные инструменты, но онъ съ пренебреженіемъ бросилъ все въ уголь. Сосчитавъ всю домашнюю утварь, онъ, даже не обернувшись назадъ и не сказавъ ни слова, вышелъ изъ дому.

XX.

Черезъ нѣсколько дней Ампаро узнала (на фабрикѣ все узнается необыкновенно быстро), что Чинто поступаетъ къ нимъ въ одну изъ мастерскихъ. На фабрикѣ передавалась изъ устъ въ уста съ различными комментаріями легенда о молодомъ челоѣкѣ, который ради того только, чтобъ быть поближе къ предмету своей любви, рѣшился поступить въ самую трудную мастерскую.

Какимъ образомъ Чинто добился мѣста, этимъ никто не интересовался. Онъ его получилъ, и Ампаро, приходя на фабрику и уходя домой, часто встрѣчалась съ нимъ. Онъ былъ очень грустенъ, и она не слыхала отъ него ничего, кромѣ:

— До свиданья, Ампаро! Будь счастлива!

Но Ампаро изъ чувства великодушія сама первая заговорила съ нимъ; они говорили о разныхъ незначительныхъ вещахъ, о его работѣ, и она даже обѣщала навѣстить его въ мастерской, которой до сихъ поръ никогда не видала.

Анна сопровождала ей въ этомъ визитѣ. Онѣ вмѣстѣ спустились въ нижній этажъ, подъ предлогомъ осмотрѣть рабочія комнаты.

Если верхній этажъ въ сравненіи съ среднимъ былъ раемъ, то нижній въ сравненіи даже съ среднимъ былъ уже не чистилицемъ, а настоящимъ адомъ. Правда, что тамъ находились об-

ширныя, прохладныя залы, квартира директора, огромный гербъ Испаніи, сдѣланный изъ сигаръ, составлявшій гордость всей фабрики, столовая и проч., но тутъ также помѣщалась и рѣзальная мастерская.

То отдѣленіе, гдѣ почти исключительно старыя женщины, по поясъ въ табачномъ листѣ, отдѣляли отъ него ядъ, просто тяжело было видѣть. Эта обширная цилиндрическая комната казалась какой-то могилой. Здѣсь было душно и въ то же время холодно. Женщины таскали корзины, полныя табачнаго листа, и вываливали его у стѣнъ, гдѣ онъ и находился, пока до него не доходила очередь.

Кумушка Анна прыгала скачками, чтобы не наступить на табакъ, и находила своихъ знакомыхъ.

— А, сеньора Поркона!—воскликнула она, обращаясь къ старухѣ съ лицомъ мертвеца. — Какъ поживаете? Что подѣлываютъ ваши родственники? Ты знаешь, — обернулась она къ Ампаро, — что она приходится родственницей этому богачу, который имѣетъ двухъ дочерей и ѣздитъ по торговымъ дѣламъ въ Малековъ? Онъ не признаетъ этого родства и не даетъ ей ни одного охаво ¹⁾, но она, встрѣчая его дочекъ на прогулкахъ, дѣлаетъ имъ сцены. Правда, сеньора Поркона?

— Истинная правда...—отвѣтила старуха охрипшимъ отъ перепоя голосомъ.

— Объясните намъ, какъ же вы имъ приходитесь? — поддержала Ампаро шутку своей подруги.

Старуха своими корявыми пальцами протерла свои красные глаза. Ея губы дрожали, когда она начала:

— Если-бъ самъ Господь присутствовалъ здѣсь, то Онъ слышалъ бы, что я говорю святую правду. Видите ли, дѣвушки: отецъ отца моей матери, или, лучше сказать, мой прадѣдъ, дѣдъ моихъ родителей, былъ двоюроднымъ братомъ бабушки матери сеньора Гвиндерасъ... такъ что я ему прихожусь близкой родственницей по крови...

— И онъ дѣлаетъ большую ошибку, что не даетъ вамъ ежедневно хотя бы реалъ на водку,—добавила «кумушка».

— На водку!... — воскликнула, еще сильнѣе задрожавъ, Поркона.—Хоть бы на хлѣбъ-то!...

— А ужъ вы сегодня немножко хватили!

— Ну, вотъ! ни капельки! Даже и не понюхала! А если-бъ я и хотѣла въ мои годы согрѣть себѣ желудокъ, то мнѣ это, дѣвушки, простительно...

— А сколько вамъ лѣтъ, сеньора Поркона, скажите откровенно?

¹⁾ Мелкая испанская монета.

— Сказать по правдѣ, я и забыла, въ которомъ году родилась. Но... когда фабрику построили и началась работа, мнѣ было лѣтъ восемнадцать, и вотъ...

— Ну, она никогда не кончить! — прошептала «кумушка» и, дернувъ Ампаро за руку, пошла впередъ.

Онѣ прошли нѣсколько залъ, гдѣ на столахъ разложены были пачки уже готовыхъ сигаръ и коробки душистаго табаку, прошли длинный корридоръ и, наконецъ, очутились въ рѣзальной мастерской.

Въ темной большой комнатѣ, освѣщенной высокими запыленными окнами, молодыя дѣвушки увидѣли человѣкъ двадцать мужчинъ, одѣтыхъ въ легкія рубашки съ открытой грудью. Ихъ плечи, шея, руки и головы были покрыты мелкой табачной пылью. Они опирались ступнею ноги на машинныя подножки и приводили всѣмъ тѣломъ въ движеніе машину. На двухъ человѣкъ полагался столъ, и въ то время, какъ одинъ изъ нихъ, съ необыкновенной быстротою, подымалъ и опускалъ ножъ, рѣзавшій табачные листья, другою, по локоть въ табакъ, перевортывалъ его для того, чтобы на столѣ оставался только готовый табакъ. Эта работа требуетъ особенной быстроты и ловкости, потому что ежесекундно поднимающійся и опускающійся ножъ можетъ отрубить пальцы.

Такъ какъ плата зависитъ отъ количества работы, то рѣзальщики не имѣютъ ни минуты покоя. Потъ катится съ ихъ усталыхъ, темныхъ лицъ и съ полуобнаженнаго тѣла, находящагося въ непрерывномъ движеніи. На первый взглядъ эта мастерская представляетъ собою странную картину: эти люди табачнаго цвѣта похожи на индійскихъ дервишей, продѣлывающихъ свои религіозныя манипуляціи.

Когда Ампаро взглянула на нихъ, она воскликнула:

— Господи!... Да они точно монахи!

Чинто, увидавъ обѣихъ дѣвушекъ, оставилъ ручку ножа и, стряхнувъ съ себя табакъ, какъ собака стряхиваетъ съ себя воду, выскочивъ изъ рѣвки, весь потный, подошелъ къ нимъ.

— Да, здѣсь знатно работается...—сказалъ онъ мрачно. — Работается потомъ и кровью...

— Какъ ты хорошъ! Тебя точно дегтемъ вымазали!—воскликнула «кумушка».

А Ампаро между тѣмъ съ сожалѣніемъ замѣчала, какую перемѣну въ такое короткое время произвела въ Чинто эта тяжелая работа. Его носъ обострился, лице было желто, какъ воскъ, глаза стали свѣтлѣе и казались большими на похудѣвшемъ лицѣ.

— Ахъ, дуракъ! — воскликнула она съ добротою въ голосѣ:— ты потѣешь, какъ быкъ, а сталъ тутъ на сквозномъ вѣтру. Вѣдь такъ можно умереть.

— О, если на это обращать вниманье!...—отвѣтилъ онъ, пожавъ

плечами.—Мы цѣлый Божій день входимъ и выходимъ въ открытыя двери, каковъ бы ни былъ холодъ... Посмотри, гдѣ мы точимъ наши ножи.

И онъ указаль ей на точильню, стоявшую на дворѣ у дверей.

— Внутри жарко, а на дворѣ холодно... И еслибъ мы не согрѣвались чаркой водки, то...

— А, такъ ты уже втянулся въ это проклятое вино!—воскликнула Анна.

— Прежде ты выпиваль только въ праздничный день и то не много,—сентенціозно замѣтила Ампаро.—Слава Богу, что вы, пьяницы, далеко отъ насъ...

— Вы, верхнія, мастерицы разговаривать, мастерицы... А вотъ еслибъ посадить васъ сюда... При вашей легкой работѣ довольно съ васъ и воды... А тутъ нѣтъ и минуты покоя... Хочешь посмотрѣть, какъ я танцую?

И онъ, быстро двигаясь всѣмъ тѣломъ, сталъ крошить ножемъ табакъ и приводить въ движеніе ногами машину.

Послѣ этого свиданья между папиросницей и рѣзальщикомъ возстановился миръ. Онъ иногда провожалъ ее до дома, но ни разу не возобновлялъ своихъ любовныхъ притязаній.

XXI.

Наступили дни карнавала и съ ними веселое время для фабрики. Если какая нибудь папиросница выходила на минуту изъ мастерской, то, вернувшись, она не находила своего стула. Подика, отъищи его въ этомъ морѣ стульевъ! Нерѣдко разсѣянные дѣвочки становились предметомъ всеобщаго хохота. Съ изумленіемъ оглядывали онѣ себя и замѣчали, что у нихъ на спинѣ припята бумажка или къ плечу приколото ослиная картонная голова. Каждый годъ игры и шутки были однѣ и тѣ же, но, тѣмъ не менѣе, всѣмъ онѣ доставляли большое удовольствіе.

Съ четверга карнавала никто не хотѣлъ работать. Съ утра на фабрику приносились корзинки съ закусками, испрашивалось позволеніе танцовать, и мрачныя мастерскія преобразались.

Этой весной, слѣдовавшей за сѣверной уніей, карнавалъ былъ особенно веселый. Было цѣлыхъ пять группъ ряженыхъ. Первыя двѣ изображали поселянъ и поселянокъ, вторая—лакеевъ, третья—сеньорито, четвертая—сеньорить и послѣдняя—студентовъ.

Всѣ группы были пестро, но со вкусомъ одѣты. Въ числѣ лакеевъ и служанокъ находились и базарныя торговки въ большихъ шерстяныхъ платкахъ на головѣ и торговцы съ длинными бородами, мѣдными часовыми цѣпочками и въ соломенныхъ шляпахъ.

Студенты были въ картонныхъ треуголкахъ и темныхъ мундирахъ, что же касается до сеньоръ, то на на нихъ было всего

понемножку: старыя перчатки, помятыя шляпы, поношенныя бальныя платья и вѣра, сдѣланные изъ ситца.

Всеобщее вниманіе было привлечено Метлою, маленькой, кругленькой женщиной, которая безъ устали танцевала съ лопатой въ рукахъ. На спинѣ у нея было изображено колесо, на головѣ метла въ видѣ короны, а на боку висѣла доска съ крупными буквами. «Да здравствуетъ шутка!». Но скоро вниманіе было отвлечено студенткой, которая танцевала окруженная столомъ, заваленнымъ книгами.

Трудно объяснить, какъ танцевали всѣ эти дѣвушки въ своихъ затѣйливыхъ костюмахъ, но танцевали онѣ съ увлеченьемъ, щелкая кастаньетами и звеня бубнами. Мандолинаты и польки такъ и шли она за другою.

Веселѣе всѣхъ была Гвардіана. Забывъ ежедневную трудную работу, она съ разгорѣвшимися глазами и щеками такъ и летала по мастерскимъ.

Анна и Ампаро были одѣты лакеями, съ тою только разницею, что первая изображала циничнаго нахала, а вторая, наоборотъ, приличнаго лакея. Все, что было въ Ампаро плебейскаго исчезло въ этомъ мужскомъ костюмѣ. Одѣтая въ бѣломъ съ голубымъ она съ пѣснями и пляской бѣгала по заламъ, выслушивая шутки сенбюръ.

Костюмы поселянокъ были лучше всѣхъ. Одна изъ папиросницъ, высокая полная женщина, одѣтая базарнымъ торговцемъ, тянула медленную, заунывную деревенскую пѣсню. Въ то же время съ другой стороны залы раздавалась быстрая и веселая городская пѣснь, представлявшая рѣзкій диссонансъ съ деревенской.

Кому могла прійти охота работать въ такіе дни? Однако кое-кто изъ пожилыхъ женщинъ съ утра присаживался къ рабочему столу, низко опустивъ голову, чтобы не видѣть ряженыхъ; но часамъ къ тремъ, когда шумъ и хохотъ раздавались со всѣхъ сторонъ, руки работницъ невольно опускались, и глаза слѣдили за танцующими.

Вечеромъ случился комическій инцидентъ. Всѣ работницы мастерской, гдѣ отдѣлялся ядъ отъ табачныхъ листьевъ, пожелали принять участіе въ маскарадѣ. Онѣ укутались съ головы до ногъ въ длинныя, темныя мантильи, лица замаскировали страшными бумажными масками и гуськомъ, держась одна за другую, вбѣжали въ освѣщенную залу. Старая Поркона, и безъ маски похожая на мертвеца, шла впереди. Медленно и молча прошли онѣ по всѣмъ мастерскимъ и произвели вездѣ необыкновенный эффектъ, такъ какъ ихъ мрачность производила большой контрастъ съ всеобщимъ весельемъ.

Казалось, волшебникъ-карнаваль преобразилъ всѣ лица. Самыя некрасивыя дѣвушки казались теперь интересными въ своихъ пестрыхъ платьяхъ и съ цвѣтами въ волосахъ. Тутъ не было кокет-

ства; брови и усы наводились просто углемъ; всякая старалась какъ можно вѣрнѣе изобразить собою выбранный ею типъ. Не стѣсненные присутствіемъ мужчинъ эти четыре тысячи женщинъ, старыхъ и молодыхъ, веселились такъ отъ души, что можно было имъ позавидовать.

Послѣ четырехъ часовъ въ залахъ стало нестерпимо жарко. Поселянки принуждены были скинуть свои шерстяные платки и, утомленные танцами и непрерывнымъ смѣхомъ, опирались о рабочіе столы, обмахиваясь своими передниками. Анна просто задыхалась отъ жары; наконецъ, ей въ голову пришла счастливая мысль.

— А что, если мы пробѣжимся по двору, дѣвушки? — предложила она.

Эта идея всѣмъ понравилась, отворили настежь двери, и толпа высыпала на фабричный дворъ. День былъ тихій и теплый, одинъ изъ тѣхъ дней, какихъ много выпадаетъ на долю Маринеды въ февралѣ и мартѣ.

Веселыя ряженныя спугнули нѣсколькихъ уснувшихъ куръ и овецъ, щипавшихъ мелкую весеннюю травку. Вскорѣ составилось два хоровода, и ряженныя стали танцовать.

О, еслибъ онѣ знали, что на нихъ смотрятъ двѣ пары любопытныхъ глазъ! Съ холма, за заборомъ, два человѣка любовались этой интересной картиной.

Одинъ изъ нихъ давно уже ходилъ вокругъ фабрики, какъ бы поджидая кого-то. Балътазаръ не зналъ обычая справлять карнавалъ въ мастерскихъ. Борренъ объяснилъ ему его.

— Обыкновенно эти маскарады происходятъ въ залахъ, но сегодня такой чудный день, что они вышли на воздухъ. Какая счастливая случайность!

— Да, вы правы. Мнѣ суждено всюду встрѣчаться съ этой папирсницей.

И, сказавъ это, онъ указалъ своему другу на группу лакеевъ. Поселянки били въ бубны, а лакеи танцовали. Уставивъ руки въ бока, слегка закинувъ голову назадъ и поправляя время отъ времени сдвигающуюся на лобъ шапочку, Ампаро танцевала спокойно, плавно, граціозно. Она была увѣрена, что ничей посторонній взглядъ не слѣдитъ за ней, и храбро выступала въ срединѣ хоровода. Сквозь ея полуоткрытыя, пунцовыя губы виднѣлся рядъ жемчужно-бѣлыхъ зубовъ, стянутая мужской жакеткой молодая, высокая грудь неровно подымалась, непослушные, кудрявые волосы выбились изъ-подъ цвѣтной шапочки. Плавно пройдя кругъ мелкими шагами, какъ бы не двигаясь съ мѣста, она вдругъ, словно птичка въ клѣткѣ, вся встрепенулась, вздрогнула и закружилась, съ необыкновенной быстротой, щелкая кастаньетами.

XXII.

Только съ наступленіемъ ночи, когда папиросницы пошли въ мастерскія переодѣваться, молодые люди спустились съ своей обсерваторіи. Бальтазаръ былъ молчаливъ и задумчивъ, Борренъ, наоборотъ, такъ весель, какъ будто Ампаро танцовала для него одного.

Вкусы у каждаго различны; одни бредятъ старинными монетами, другіе лошадьми, третьи чуть ли не помѣшаны на пустыхъ коробкахъ отъ шведскихъ спичекъ... Борренъ всю жизнь увлекался женскою красотою. Онъ развилъ въ себѣ до тонкости способность оцѣнивать эту красоту съ перваго взгляда, какъ опытный экспертъ, которому стоитъ только взглянуть, чтобъ оцѣнить картину, опредѣлить стиль мебели, эпоху монумента. Никто не умѣлъ такъ хорошо предвидѣть, какъ онъ, будущую грацію, шикъ, элегантность любой молодой дѣвушки.

Удивительнѣе всего то, что, при такихъ качествахъ Боррена, онъ лично не былъ замѣшанъ ни въ одной любовной исторіи. Если онъ не могъ говорить дѣвушкамъ, что тотъ-то отъ нихъ безъ ума, другой умираетъ отъ любви къ нимъ, то онъ не упускалъ случая расхваливать молодымъ людямъ цвѣтъ лица, ножку, локоны, походку какой нибудь красавицы. Онъ зналъ всѣхъ хорошихъ служанокъ, продавщицъ, дамъ полусвѣта, но лично не имѣлъ съ ними никакого дѣла. Онъ не былъ сватомъ, такъ какъ въ бракѣ предполагаются нравственныя основы, чуждыя ему по своему существу. Если любовь кончалась бракомъ—прекрасно, а нѣтъ—такъ и того лучше. Любовь онъ понималъ только по отношенію къ самому себѣ, то-есть въ самомъ эгоистическомъ смыслѣ, а занимался любовными дѣлами просто «изъ любви къ искусству».

Каждый влюбленный въ полку говорилъ себѣ: «Надо рассказать объ этомъ Боррену». И Борренъ, выслушавъ товарища, тотчасъ же принимался развивать предъ нимъ картину счастья, правда, не всегда вѣрную, но зато обольстительную, многообѣщающую.

— Пойдемъ, пройдемся мимо ея дома,—говорилъ ему товарищъ, взявъ его подъ руку.

И Борренъ, въ темнотѣ ночи, ходилъ взадъ и впередъ мимо ея дома въ ожиданіи, что она появится въ окнѣ или на балконѣ. Нерѣдко случалось, что, принявъ служанку за нее, онъ разсыпался въ горячихъ похвалахъ ей. Онъ никогда не тяготился своей ролью цѣнителя и судьи женской красоты. Женщины поняли его и относились къ нему, какъ къ человѣку безобидному, и никогда не принимали серьезно его ухаживаній.

Бальтазаръ не выбиралъ его своимъ повѣреннымъ; Борренъ самъ предложилъ свои услуги, самъ старался раздуть занимавшійся пожаръ. Въ этотъ вечеръ, когда они шли по направленію къ городу, Мефистофель былъ необыкновенно оживленъ и не жалѣлъ красокъ для похвалъ Маргариты. Фаустъ молчалъ, размышляя о томъ, что опасно компрометировать себя въ такомъ маленькомъ городкѣ, особенно когда имѣешь мать и сестеръ. А Мефистофель безъ устали расхваливалъ Ампаро, и при свѣтѣ фонарей видно было, какъ глаза его блестятъ огнемъ вдохновенія.

— Повторяю вамъ, Борренъ,—воскликнулъ наконецъ Бальтазаръ, рѣшившись высказать свои мысли вслухъ,—что вы не знаете, что такое Маринеда... и что такое моя мать. Меня ждетъ масса неприятностей, масса осложнений... Я ненавижу скандалы.

— Ну, какой же вы молодой человекъ послѣ этого! Неужели вы можете оставаться равнодушнымъ?..

— Вы меня не убѣдите... Я буду просить перевода отсюда. Если я останусь вдѣсь, то легко можетъ случиться... И потомъ, вы не знаете, что такое эта фабрика. Это какая-то массонская ложа, гдѣ работницы хоть и ссорятся, но при случаѣ готовы горой встать одна за другую. Онѣ составляютъ цѣлый заговоръ противъ меня.

— Да развѣ это такъ страшно?

— Сказать по правдѣ, я больше боюсь всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ. Можетъ быть, это глупо, но меня страшитъ мысль быть героемъ какого нибудь скандала.

— Полноте, будемъ откровенны. Вѣдь, надѣюсь, вы не имѣете въ виду жениться на этой дѣвушкѣ...

Бальтазаръ спокойно улынулся, а Борренъ, пожавъ плечами, продолжалъ:

— Ну, понятно, нѣтъ; а теперь лучшіе ваши годы пропадаютъ даромъ,—состаритесь, и нечѣмъ даже будетъ вспомнить молодость.

Мефистофель не унимался и такъ краснорѣчиво убѣждалъ Фауста, что тотъ подъ конецъ сдался. Они сговорились завтра же вечеромъ приступить къ атакѣ республиканской ораторши и по дорогѣ зашли въ кафе.

Но, назначивъ это свиданье, Бальтазаръ сообщилъ товарищу новость.

— Напрасно мы строимъ эти планы,—произнесъ онъ съ натянутой улыбкой.—Развѣ я не говорилъ вамъ? Меня назначаютъ въ Наварру... Дѣла идутъ плохо...

— Ва! Мы привыкли къ этимъ заговорамъ. Какія нибудь мелкія партіи...

— Мелкія партіи... Вотъ вы увидите, что произойдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ! Дѣла съ каждымъ днемъ усложняются. Вотъ увидите, какую штуку преподнесутъ намъ эти варвары, желающіе

сжечь монастыри, стрѣлять въ образа и перерѣзать телеграфную проволоку. Здѣсь никто и не помышляетъ объ опасности. Съ другой стороны, Монпансье желаетъ быть королемъ, но достигнетъ короны не иначе, какъ со смертью своего двоюроднаго брата, а намъ придется расхлебывать всю эту кашу... Нѣтъ ли у васъ сигары?

Боррень подалъ ему портсигаръ, и Бальтазаръ, нервно закуривъ, продолжалъ:

— Какъ вы думаете, сколько у насъ претендентовъ на престолъ? Сочтемъ по пальцамъ. Эспартеро—разъ. Вы скажете, что онъ ничтожество, но у него есть своя партія, готовая его провозгласить королемъ. Развѣ вы не видали въ магазинахъ портретъ Бальдомеро I въ королевской мантии? Сынъ Изабеллы II—два; его мать отреклась или отречется. Донъ-Карлосъ—три; и имѣйте въ виду, это — самый опасный, его уже и теперь всѣ называютъ Карлосомъ VII. Онъ одинъ собралъ вокругъ себя столько партизановъ, сколько всѣ остальные вмѣстѣ. Итальянецъ, герцогъ Аостскій—четыре. А этотъ нѣмецъ, какъ его? такое трудное имя?—пять. А тройное регентство—шесть или, вѣрнѣе сказать, восемь. Анжель I—девять. Ахъ, я еще забылъ Монпансье—десять.

— Но вѣдь надо считать только главныхъ, серьезныхъ претендентовъ на престолъ.

— Понятно, и ихъ двое: донъ-Карлосъ и республика. Во всякомъ случаѣ не обойдется безъ кровопролитія. Я скоро долженъ буду уѣхать отсюда.

— Ахъ, какъ жаль!—воскликнулъ Боррень.—Именно теперь, когда мы только что собрались взять въ плѣнъ хорошенькую папиросницу!

— Если пуля не прострѣлитъ мнѣ голову, то это можно будетъ сдѣлать и по возвращеніи.

XXIII.

Съ тѣхъ поръ, какъ конституціонное собраніе вотировало за монархію, Ампаро и ея единомышленницы были въ страшномъ негодованіи. Время шло, а обѣщанія депутатовъ сѣвернаго союза не исполнялись. Вмѣсто ожидаемой федеративной республики имъ преподносятъ короля, навѣрное—деспота, да къ тому же еще иностранца. Фабричныя были въ крайне пессимистическомъ настроеніи и желали, чтобъ этотъ образъ правленія «провалился ко всѣмъ чертямъ».

Больше всего ихъ возмущали два обстоятельства: увеличивающаяся съ каждымъ днемъ карлистская партія и упраздненіе монастырей. Всѣ папиросницы сразу стали необыкновенно религіозны. Надъ вѣшалкой, на которую мастерицы вѣшали обыкновенно свои мантильи и зонты и клали свой холодный обѣдъ, былъ

поставленъ большой образъ Богоматери, мимо котораго никто не проходилъ, не перекрестившись. И по мѣрѣ того, какъ обострялись ихъ республиканскія идеи, набожность становилась все замѣтнѣе.

Передъ образомъ висѣла кружка, въ которую мастерицы иногда, въ дни расплаты, опускали мелкія монеты; теперь она была переполнена мѣдными деньгами. Большой подсвѣчникъ весь былъ уставленъ восковыми свѣчами; въ праздничный день болѣе семидесяти лампадокъ горѣло передъ иконой. Папиросницы скорѣе рѣшились бы остаться безъ воды, чѣмъ оставить лампы безъ масла.

Virgen del Amrago, заступница фабрики, была вся увѣшана приношеніями и лампадами, также какъ и ея соперница Virgen de la Guardia, покровительница моря и всѣхъ плавающихъ.

На фабрикѣ нашлось и десять-пятнадцать женщинъ, подсмѣивающихся надъ этой горячей набожностью, но онѣ терялись въ массѣ, какъ капля въ морѣ, и не дерзали вслухъ высказывать свои мысли. Онѣ позволяли себѣ только бранить патеровъ, обвинять ихъ въ корыстолюбіи и склонности къ инквизиціи.

— Наступаетъ конецъ міра!—говорила Ампаро надзирательница мастерской, высокая худая женщина, въ неизмѣнномъ черномъ платьѣ съ тѣхъ поръ, какъ у нея въ одинъ день умерло двое дѣтей отъ оспы.

— Свѣтъ перевернулся, дѣвушки! Вы слышали, что дѣлается въ столицѣ?

— Нѣтъ. А что такое?

— Какой-то безбожникъ изъ Каталуньи увѣряетъ, что Бога нѣтъ, и говоритъ всякіе ужасы о Богоматери... Прости, Господи, мое согрѣшеніе!

— И его не убьютъ тутъ же на мѣстѣ?

— Нѣтъ. А другой говоритъ такія варварства, что я даже и не упомяну.

— Господи! Имъ бы надо прижечь языки раскаленными щипцами!

— Есть одна вещь, которая пугаетъ меня еще больше, — продолжала надзирательница.—Говорятъ, что въ Мадридѣ и другихъ большихъ городахъ образовалась шайка, которая воруетъ дѣтей.

— Ave Maria! Зачѣмъ же это? Неужели для того, чтобы души ихъ?

— Нѣтъ, милая, это протестанты ихъ воруютъ, чтобы обращать въ свою вѣру.

— Господи! Чего намъ еще ждать послѣ этого!

Послѣдній слухъ окончательно смутилъ всю фабрику.

— А знаешь, Гвардіана,—сказала молодой дѣвушкѣ одна изъ ея сосѣдокъ по столу:—Пинтига приняла протестантство.

— Что это такое?

- Это такая вѣра, которую исповѣдуютъ англичане.
- Ахъ, чтобъ имъ пусто было! А эта негодяйка Пинтига... скажите, пожалуйста! Она никогда мнѣ не нравилась...
- Такъ вѣдь ей денегъ дали за это, милая. И много денегъ.
- А я... еслибъ мнѣ дали тысячу золотыхъ дурро, то и тогда бы я на это не согласилась. Я лучше потомъ и кровью буду кормить и одѣвать моихъ ребятишекъ, чѣмъ измѣню моей вѣрѣ!
- Погубить свою душу за тысячу дурро! Нѣтъ, я бы и на это не согласилась,—сказала надзирательница.
- А скажите, что же дѣлаетъ эта Пинтига у протестантовъ?
- Они посылаютъ ее въ церкви, и она тамъ совращаетъ другихъ съ пути истиннаго.
- А сами-то они кто такіе?
- Священники, которые женятся...
- Во имя Отца и Сына! Такъ они женятся... какъ мы?
- Да, также вотъ, какъ я выходила замужъ, въ церкви при народѣ... а потомъ ведутъ туда же и своихъ дѣтей, на посрамленіе католиковъ.
- И архіепископъ не посадить ихъ въ тюрьму?
- Да что съ ними сдѣлаешь, если они противъ епископа и противъ канониковъ и противъ самого папы римскаго! Они не признаютъ ни Бога, ни святыхъ, ни *Virgen de la Guardia*!
- Ахъ, эта проклятая Пинтига, заѣшь ее собаки! Ужъ если я съ ней встрѣчусь, я ей напою!
- И я!
- И я!

А несчастная Пинтига была еще не старая, блѣдная папиросница. Жила она въ крайней бѣдности, и если и получила кое-что за свой переходъ въ протестантство, то горько поплатилась за это на фабрикѣ. Когда она подходила къ своей сосѣдкѣ, та поворачивала ей спину; никто не хотѣлъ сидѣть около нея. Она повѣсила свою мантилью на общую вѣшалку, ее тотчасъ же сняли и бросили на полъ; она положила свою корзинку съ обѣдомъ на общій столъ и увидала, что десять рукъ сразу сбросили ее; надзирательница, осматривая ея папиросы, перемяла ихъ.

Разъ, въ жаркій день, когда она обратилась къ подругѣ, державшей кувшинъ съ водой съ просьбой дать ей напитокъ, то та отвѣтила ей: «у меня нѣтъ для тебя воды!»—и вылила всю воду на полъ. Протестантка, вся поблѣднѣвъ, судорожно схватилась за ножъ, но въ эту минуту ее обступила чуть не вся мастерская, грозя ей кулаками. Она нѣсколько недѣль не смѣла показаться на фабрику.

XXIV.

На окраинѣ Маринеды ежегодно справлялся праздникъ папиросницъ. Всѣ онѣ высыпали за городъ съ своими корзинками, переполненными закусками, и въ праздничныхъ нарядахъ. День былъ пасмурный, въ воздухѣ пахло дождемъ, но изъ-за этого нельзя же было откладывать празднества.

Тамъ и сямъ звучали гитары и бандуры. Слѣпой старикъ безъ умолку игралъ на арфѣ. Толпа нищихъ всѣхъ возрастовъ протягивала руки за милостыней. Въ воздухѣ стоялъ запахъ вина и жаренаго мяса, слышался плачъ дѣтей, на которыхъ никто не обращалъ никакого вниманія.

На холмикѣ, на травѣ Ампаро сидѣла въ веселомъ кружкѣ. Тутъ же была и «кумушка», радостная и сіяющая, потому что ея капитанъ вернулся въ Маринеду. Если онъ не пришелъ на этотъ пиръ, то только потому, что ему «неприлично быть въ такомъ обществѣ», но онъ обѣщалъ прійти за ней по окончаніи праздника.

Гвардіана также была очень довольна, но по другой причинѣ: она привела съ собой своего братишку, страдавшаго англійской болѣзью, и глухонѣмую сестренку. Дѣвочка большими, задумчивыми глазами смотрѣла на эту пеструю картину, доступную только ея зрѣнію, а мальчикъ, которому уже исполнилось тринадцать лѣтъ, очень веселился и своимъ граціознымъ, хоть и блѣднымъ лицомъ напоминалъ собою типы Веласкеза.

Гвардіана почти ничего не ѣла, она отдавала свою порцію дѣтямъ.

— Что съ тобой, Гвардіана?—спросила ее вся сіяющая «кумушка».

— Мнѣ что-то не здоровится,—отвѣтила та.

— Пустяки! Давай пѣть пѣсни, и все пройдетъ!

Ампаро съ подругами вышла на зеленый лужокъ, гдѣ всѣ и размѣстились въ живописномъ беспорядкѣ. Кто лежалъ на травѣ, подперевъ голову руками, кто сидѣлъ потурецки, кто просто лежалъ, вытянувшись во всю длину. На примятой травѣ валялись пустыя бутылки, оберточная бумага, остатки закусокъ и чей-то шелковый платокъ.

Послѣ сытнаго обѣда и дешеваго вина всѣ прищли въ прекрасное расположеніе духа, всѣмъ хотѣлось пѣть, кричать, шумѣть. Только одна глухонѣмая спокойно смотрѣла вокругъ своими дѣтскими невинными глазами.

Вдругъ кто-то указалъ на двѣ комичныя фигуры, появившіяся на дорогѣ. Высокій, худощавый мужчина въ длинной черной ман-

ти шелъ рядомъ съ маленькимъ, крутленькимъ человѣчкомъ съ моноклемъ на глазу. Эта парочка всѣмъ показалась до крайности смѣшною.

— Этотъ длинный похожъ на патера,—сказала Гвардіана.

— Что ты, полно!—возразила Анна.—Развѣ ты не видишь, что онъ съ бородой?

— А толстый, должно быть, англичанинъ.

— Ай Jesus! Ему бороду-то точно шафраномъ намазали!

— Посмотрите-ка, дѣвушки! У него очки на одномъ глазу и висятъ въ воздухѣ!

— Замолчите, они идутъ сюда.

— Нѣтъ, мимо.

— Прямехонько сюда! Развѣ ты не видишь?

— Это онъ на тебя залюбовался.

— Ну, ужъ нѣтъ! Скорѣй на тебя.

Между тѣмъ мужчины подошли къ нимъ и произнесли въ одинъ голосъ:

— Къ вашимъ услугамъ, сеньоры!

Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ на это привѣтствіе, сказанное на ломанномъ испанскомъ языкѣ. Но непрошенные гости не смутились, и высокій сказалъ:

— Позвольте мнѣ предложить вамъ чтеніе, освѣжающее умъ и душу. Надѣюсь, что вы со вниманіемъ отнесетесь къ прочитанному.

И говоря это, онъ вынулъ изъ кармана своей сутаны нѣсколько брошюръ. Но никто не протянулъ руки, чтобы взять ихъ. А англичанинъ не сводилъ своего монокля съ веселыхъ, оживленныхъ лицъ.

— А вѣдь я знаю этихъ птицъ!—проговорила, наконецъ, Анна.—Послушай, Барбара,—обратилась она къ сидѣвшей рядомъ съ ней папиросницѣ,—помнишь, мы съ тобой встрѣтили ихъ у церкви?

— Да, какъ же—помню... они самые и есть.

— Этотъ толстый далъ денегъ Пинтигѣ?

— Да, да.

— А этотъ говорилъ, что онъ патерь?

— Да, тамъ, въ своей странѣ... И онъ женатъ.

— Женатъ!!

— Не только женатъ, но и дѣти есть...

Въ то время, какъ онѣ переговаривались такъ вполголоса, Ампаро прочла заглавіе нѣкоторыхъ брошюръ: «Истинная церковь Иисуса», «Спасеніе души», «Христосъ и Вавилонъ», «Вѣра христіянина, очищенная отъ заблужденій». Она сразу поняла всю суть дѣла по долетѣвшимъ до нея отрывочнымъ фразамъ Анны. Она поднялась съ травы, серьезная, рѣшительная, какъ въ день банкета въ клубѣ красныхъ.

— Послушайте, — сказала она громко и повелительно, — намъ вовсе не нужно вашихъ книгъ, можете взять ихъ обратно. Ступайте обманывать какихъ нибудь дурь, а насъ оставьте въ покоѣ.

— Сеньора, но я вовсе не имѣлъ въ виду...

— Вы думаете, что вы можете подкупить насъ какими нибудь жалкими песетами, такъ вы очень ошиблись... Ни за какіе золотые рудники мы не согласимся сдѣлаться Іудами!

— Сеньора, вы насъ не такъ поняли... Наше намѣреніе было только ознакомить васъ съ истиннымъ ученіемъ Христа Спасителя...

Но не успѣлъ говорившій окончить своей фразы, какъ Ампаро быстрымъ движеніемъ разорвала библію и бросила ему въ лицо. Положеніе апостоловъ было критическое; имъ, двоимъ, трудно было сладить съ этой толпой, оставалось только уйти. Но они, очевидно, привыкли къ такимъ любезнымъ приемамъ и медлили. А Ампаро съ разгорѣвшимися глазами приготовилась возобновить свою атаку и подстрекала подругъ:

— Это протестанты. Выгонимъ ихъ.

— Выгонимъ! Выгонимъ!

— Пусть они не смѣютъ впередъ показывать сюда своего носа и шафранныхъ бакенбардъ!

Видя, что дѣло плохо, проповѣдники хотѣли незамѣтно скрыться, но было уже поздно. Папиросницы развирѣпѣли, и когда увидѣли, что они удаляются поспѣшнымъ шагомъ, онѣ бросились за ними вдогонку и стали бросать въ нихъ корками хлѣба, сыра, палками. Анна не нашла ничего лучшаго, какъ кидать въ нихъ горстями земли.

Этотъ градъ посыпался на убѣгавшихъ, когда они всего менѣе ожидали его. Кусокъ кости разбилъ моноклю у англичанина, а острый камень, пущенный братомъ Гвардіаны, попалъ прямо въ носъ патеру.

— Вотъ вамъ, чтобъ вы не смѣли подкупать нищихъ вашими подлыми деньгами!—кричала Ампаро, пуская въ нихъ большую палку.

— Вотъ вамъ отъ нашей Virgen de la Guardia!—кричала Гвардіана, бросая въ нихъ жестянкой.

Они остановились на минуту, ошеломленные и желая что-то сказать.

— Подойдите-ка! Подойдите-ка!—крикнула имъ Ампаро, захватывая пустой бутылкой и наступая на нихъ, какъ разъяренная львица.

Анна, блѣдная отъ гнѣва, искала на землѣ, нѣтъ ли чего нибудь, чѣмъ можно въ нихъ бросить.

Тогда патерь, видя, что обстоятельства усложняются, весь по-зеленѣлъ отъ злобы и дрожащимъ голосомъ сказалъ своему спутнику:

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТДЕЛЕНІЕ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"